XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

1890.

2.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги, общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

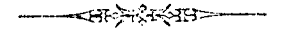
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

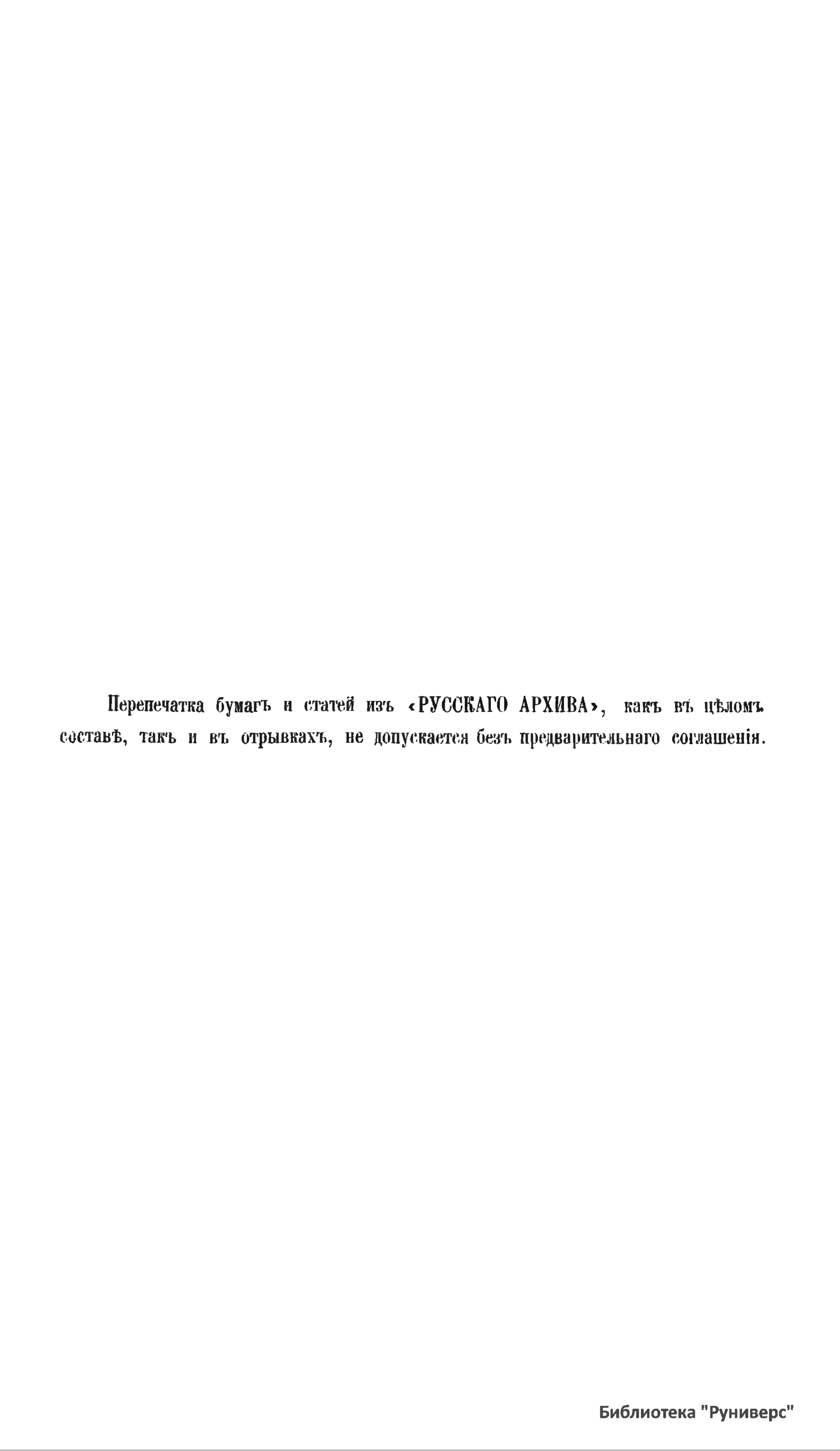
Сердце въ будущемъ живетъ.
Настоящее уныло.
Чтò уныло, то пройдетъ;
Чтò пройдетъ, то будетъ мило.
Пушкинъ.

1890.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

ПИСЬМО ТАЙНАГО КАБИНЕТЪ-СЕКРЕТАРЯ А. В. МАКАРОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ М. А. МАТЮШКИНУ *).

(1725).

Государь мой Михайло Аѳанасьевичъ.

Никогда бъ я думалъ такой великой премѣнѣ быть, какая нынѣ чрезвычайно учинилась, а именно, что Его Императорское Величество всемилостивѣйшій нашъ Государь, чрезъ двѣнадцати-дневную жестокую болѣзнь, по волѣ Всемогущаго Бога, отъ сего времяннаго въ вѣчное блаженство Генваря 28-го дня отъиде, что̀ намъ зѣло всѣмъ чувственно, о чемъ болѣе отъ горести распространять не могу.

При семъ прилагается письмо отъ Ея Величества Государыни Императрицы, подписанное Ея Величества собственною рукою [1]), и о полученіи онаго извольте приказать меня увѣдомить. А таково же съ подписаніемъ Ея Величества письмо послано въ Гилянь къ брегадиру господину Левашову: ибо здѣсь признаваемъ, что вы либо въ Мизандронѣ, а онъ въ Гилянѣ. Того для прикажите оное послать. «И остаюся слуга вашъ моего государя Алексѣй Макаровъ».

«P. S. Упоминалъ я Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ о деньгахъ, оставшихъ государыни моей Софіи Дмитріевны [2]) послѣ перваго ея мужа Петра Ивановича, которыя взяты съ протчими пожитками

---

*) Означенное кавычками собственноручно.

[1]) Обыкновенно думаютъ, что Екатерина Первая не знала грамотѣ и что за нее писали другіе, а впослѣдствіи ея дочери. Это письмо можетъ служить опроверженіемъ такого укоренившагося преданія. П. Б.

[2]) Это (1700—1767), супруга М. А. Матюшкина, бывшая за нимъ во второмъ бракѣ. Кто Петръ Ивановичъ, первый ея супругъ, намъ неизвѣстно. П. Б.

въ канцелярію, о которыхъ милостиво изволила упоминать, дабы о томъ имѣющее дѣло разсмотрѣть по времени, о чемъ я буду стараться».

„Въ 20 д. Февраля 1725 году.
Изъ Питербурха".

Получено морскаго флота чрезъ гардемарина Ивана Шишкова Маія 12-го дня 1725 году въ Рящѣ.

*

Вологжанинъ родомъ, не по титулу только, но настоящій тайный секретарь Петра Великаго за послѣднія девять лѣтъ его жизни, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ (1674—1750) содѣйствовалъ князю Менщикову въ возведеніи Екатерины I-й на престолъ. Надо полагать, что это былъ дѣлецъ необыкновенный: онъ сопровождалъ Государя въ безпрестанныхъ его переѣздахъ и выносилъ всѣ преимущества и всю тяготу постоянной съ нимъ близости. Къ сожалѣнію, біографіи его не имѣется, такъ какъ Петровское время до сихъ поръ недостаточно у насъ разслѣдовано. Поэтому письмо Макарова, писанное вскорѣ по кончинѣ Преобразователя, имѣетъ исторіографическое значеніе. Онъ написалъ его въ Закавказье къ Михаилу Аѳанасьевичу Матюшкину (1676—1737), остававшемуся въ тѣхъ краяхъ съ нашими полками послѣ Персидскаго похода.

Михаилъ Аѳанасьевичъ Матюшкинъ, сынъ того ловчаго Аѳанасія Ивановича, съ которымъ переписывался царь Алексѣй Михайловичъ *) приходился троюроднымъ братомъ Петру Великому: сей послѣдній былъ внукомъ Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой, тогда какъ родная бабка Матюшкина Ѳедосья Лукьяновна.

Подлинное письмо Макарова сохранилось у Петра Кондратьевича Зандгагена, мать котораго Анна Дмитріевна (по отцу своему, капитану Дмитрію Михаиловичу Ласенъ-Гефнерову) происходила отъ послѣдняго изъ мужскаго колѣна Матюшкиныхъ, бригадира Михаила Михаиловича. Письмо сообщено въ „Русскій Архивъ" священникомъ подмосковнаго села Усова, отцемъ Константиномъ Махаевымъ. П. Б.

---

*) См. Собраніе писемъ царя Алексѣя Михаиловича. М. 1856 (первая по времени изданная нами книга). П. Б.

ПЕРЕПИСКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ СЪ БРАТЬЯМИ ЛЮДОВИКА XVI-ГО.

Послѣ неудавшагося бѣгства своего изъ Франціи, злополучный Людовикъ XVI-й очутился въ полной власти Народнаго Собранія. Братья его (впослѣдствіи короли Людовикъ XVIII-й и Карлъ X-й) обратились къ Екатеринѣ Великой съ нижеслѣдующимъ письмомъ. Письмо это, какъ и отвѣты на него, сообщены въ „Русскій Архивъ“ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Они извлечены изъ переплетенной тетради бумагъ того времени, писанной рукою Фердинанда Кристина, того самаго, который позднѣе поселился въ Москвѣ и котораго переписка съ княжною Туркестановой извѣстна нашимъ читателямъ. Тутъ находятся бумаги важныя для Французской исторіи и, кажется, неизвѣстныя во Франціи. Оказывается, что Кристинъ былъ тайно посылаемъ Людовикомъ XVI-мъ за границу Франціи для принятія мѣръ къ спасенію короля.

За два года до нижеслѣдующей переписки, Екатерина, по первому впечатлѣнію, отнеслась неблагопріятно къ Людовику XVI-му, и Храповицкій записалъ въ дневникѣ своемъ подъ 29 Іюля 1789 года: „Разговоръ о происшествіи въ Парижѣ. Le pourquoi est le Roi? [1]) Онъ всякой вечеръ пьянъ, и имъ управляетъ кто хочетъ; сперва Бретёль, партіи королевиной, потомъ принцъ Конде и графъ д'Артуа и наконецъ Лафайетъ, уговорили его идти въ собраніе депутатовъ“. – Въ томъ же дневникѣ сохранились отмѣтки, относящіяся къ печатаемой здѣсь перепискѣ. Подъ 13-мъ Августа 1791: „Баронъ Бомбель привезъ письмо отъ братьевъ короля Французскаго и отъ принца Нассау. По словамъ Бомбеля, Ея Величество сказывала мнѣ, что въ Пруссіи всѣ готовы къ возмущенію и хотятъ подражать Франціи“ (Въ это время Пруссія уже измѣнила политикѣ коронованныхъ главъ и начала заигрывать съ революціонерами). 16 Августа: „Взято секретно на 500 т. р. векселей à l'ordre du porteur [2]), для употребленія по дѣламъ Французскимъ“. 20 Августа Государыня приняла Бомбеля и передала ему свои письма и деньги для доставленія принцамъ Французскимъ. Бомбель пріѣзжалъ къ намъ еще прежде и потомъ въ Октябрѣ того же 1791 г.; но Екатерина не поддалась на льстивыя рѣчи. Гримму

---

[1]) Зачѣмъ король?

[2]) На предъявителя.

отзывается она о Бомбелѣ съ полупрезрѣніемъ и, осуждая непослѣдовательность трехъ царственныхъ братьевъ и разноголосицу ихъ, вполнѣ сходится въ мнѣніи о нихъ съ Кристиномъ, у котораго въ упомянутой выше рукописной книжкѣ, принадлежащей графу С. Д. Шереметеву, находимъ изложеніе тогдашнихъ Французскихъ дѣлъ и отношеній между королемъ и погубившими его братьями. П. Б.

1.

Lettre des princes-frères de Louis XVI à l'Impératrice de Russie.

De Shönburnslust, près Coblentz, le 29 juillet 1791.

Madame notre soeur et cousine.

Le roi de Suède a bien voulu se charger de mettre aux pieds de V. M. l'hommage de notre respect, de nos sentimens et de nos voeux, mais ce dont elle a chargé m-r de Bombelles pour nous, en exige aussi davantage de nous, et ce n'est que par une confiance égale à notre reconnaissance que nous pouvons payer tant de bontés. Il n'est donc, madame, aucun genre de gloire auquel V. M. n'aspire. Elle partage avec Pierre-le-Grand d'avoir créé son vaste Empire: car s'il l'a le premier fait sortir du cahos, Votre Majesté a, comme Promethée, dérobé les rayons du soleil pour l'animer. Elle en a reculé les frontières, elle a dompté l'orgueil du Croissant, elle a, tantôt par sa puissante médiation, tantôt par une neutralité armée, plus respectable qu'une déclaration de guerre, assuré le repos de l'Allemagne et celui du commerce de toutes les nations. Tant de beaux traits suffiraient pour honorer à jamais le règne de V. M. Mais tendre une main protectrice à la vertu mahleureuse, au bon droit opprimé, secourir le monarque le plus malheureux et le moins digne de l'être qui fut jamais—c'est mettre le comble à sa gloire. Nous recourons avec confiance à V. M. et nous la supplions de lire avec bonté le mémoire ci-joint, de consulter sa grande âme et de nous faire passer ses ordres par m-r de Bombelles, qui déjà assez heureux pour avoir rendu quelques services à V. M., brûle du désir de lui en rendre encore d'autres plus analogues peut-être à ses généreux sentimens en servant le roi dont il est né sujet.

L'hommage que nous offrons à Votre Majesté en ce moment est encore peu digne d'elle. Lorsque Henry IV s'honorait du titre de chevalier de la reine Élisabeth, il etait déjà un héros, et nous n'avons encore rien fait qui puisse attirer sur nous les regards de Catherine Seconde; mais, madame, le désir de mériter l'estime de V. M. est un véhicule bien puissant pour nous en rendre dignes.

Nous avons auprès de nous en ce moment monsieur le prince de Condé, monsieur le duc de Bourbon et monsieur le duc d'Enghien, qui, unis avec nous par les liens du sang, par les mêmes principes et le même zèle pour notre roi et notre patrie s'y réunissent encore pour porter leur hommage aux pieds de Votre Majesté.

Permettez nous, madame, de profiter de cette occasion pour assurer Votre Majesté des sentimens avec lesquels nous sommes, madame notre soeur et cousine, de Votre Majesté les très affectionnés serviteurs, frères et cousins

Louis Stanislas Xavier.—Charles Philippe.

Переводъ.

Письмо принцевъ братьевъ Людовика XVI-го къ Россійской императрицѣ.

Изъ Шенбурнслюста, близъ Кобленца, 29 Іюля 1791 года.

Государыня наша сестра и кузина. Шведскій король [1]) благосклонно взялъ на себя положить къ стопамъ Вашего Величества почтительную дань нашего уваженія, нашихъ чувствъ и нашихъ желаній. Эта дань умножается съ нашей стороны вслѣдствіе того, что̀ поручено вами господину Бомбелю передать намъ. Отплатить за столько милостей мы не можемъ иначе какъ откровенностью, которая равняется нашей признательности. Итакъ, Государыня, нѣтъ такой славы, къ которой бы вы не стремились. Вы раздѣляете съ Петромъ Великимъ честь созиданія вашей обширной имперіи: ибо, если онъ первый вывелъ ее изъ хаоса, то Ваше Величество, какъ Прометей, добыли лучей солнечныхъ для оживленія ея. Вы раздвинули ея предѣлы, вы смирили гордыню Полумѣсяца. То сильнымъ посредничествомъ, то вооруженнымъ нейтралитетомъ, болѣе вѣскимъ, нежели объявленіе войны, вы обезпечили спокойствіе Германіи и безпрепятственную торговлю всѣхъ народовъ. Этихъ прекрасныхъ подвиговъ конечно

[1]) Шведскій король находился тогда на водахъ въ Спа. П. Б.

достаточно, чтобы увѣковѣчить царствованіе Вашего Величества; но протянуть покровительственную руку злополучной добродѣтели и угнетенной правотѣ, помочь монарху, находящемуся въ величайшемъ злополучіи и всѣхъ менѣе того заслужившему—это значить увѣнчать свою славу. Съ откровенностью прибѣгаемъ къ Вашему Величеству и умоляемъ благосклонно прочитать прилагаемую записку [1]), внять внушеніямъ великой души вашей и передать намъ ваши приказанія черезъ господина Бомбеля. Онъ уже довольно счастливъ тѣмъ, что оказалъ Вашему Величеству нѣкоторыя услуги и, служа королю, своему природному государю, стараетъ желаніемъ оказать вамъ новыя услуги, можетъ быть еще соотвѣтственнѣе вашимъ благороднымъ чувствамъ.

Почтительная дань, нынѣ приносимая нами Вашему Величеству, еще мало васъ достойна. Когда Генрихъ IV величалъ себя именемъ кавалера королевы Елисаветы, онъ уже былъ героемъ; а мы еще ничего не сдѣлали, что̀ могло бы привлечь на насъ взоры Екатерины Второй; но, Государыня, желаніе заслужить ваше уваженіе есть очень сильное побужденіе для того, чтобы содѣлать насъ достойными онаго.

При насъ теперь принцъ Конде, герцогъ Бурбонскій и герцогъ Энгіенскій. Связанные съ нами узами крови, одинакими правилами и одинакимъ усердіемъ къ нашему королю и къ нашему отечеству, они присоединяются къ намъ и въ томъ, чтобы принести дань почтенія къ стопамъ Вашего Величества.

Дозвольте намъ, Государыня, пользуясь этимъ случаемъ, увѣрить Ваше Величество въ чувствахъ, съ коими мы пребываемъ, Государыня, наша сестра и кузина, Вашего Величества приверженнѣйшіе слуги, братья и кузены.

Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій.—Карлъ-Филиппъ.

2.

Réponse de Catherine Seconde à la lettre précédente.

Czarskoe Selo, le 19 aoust 1971. Vieux style.

Messieurs mes frères et cousins.

Depuis longtems mon esprit, occupé des malheurs d'un roi mon ami, suivait, j'ose le dire, en silence, tous vos pas. Malgré l'éloignement dans lequel la Providence m'a placée et les embarras de deux guerres, je m'affligeais aves vv. aa. rr. des malheurs de la France, je considérais la cause du roi Louis XVI comme devant devenir celle de toutes les têtes couronnées.

---

[1]) Этой записки у насъ не имѣется. П. Б.

Effectivement la paix étant rétablie entre le roi de Suède et moi, ce prince fut le premier des souverains qui me fit part de la conformité de sa façon de penser avec la mienne au sujet des troubles de la France; c'est une justice que je lui rends. Il m'a fait ensuite parvenir de Spa l'expression bien agréable pour moi des sentiments de v.v. aa. rr. à mon égard; la lettre, que m-r de Bombelles m'a apportée de leur part, me les confirme de la manière du monde pour moi la plus flatteuse. Je prie vos altesses royales d'être persuadées que l'affection qu'elles me témoignent m'est infiniment chère et que je tâcherai de mon mieux à répondre et à remplir la confiance qu'elles veulent bien avoir en moi. Le Ciel a réservé a vos altesses royales le soin et la gloire de débrouiller un cahos plus effectif que celui dans lequel on suppose que Pierre-le-Grand trouva son empire. Informée de vos desseins justes, nobles et glorieux, non seulement j'y applaudis, mais j'espère que tous les esprits s'animeront à vous seconder, que votre voeu réunira les différents états dispérsés, que votre exemple donnera une nouvelle force au zèle, au courage de cette noblesse qu'il est impossible d'abattre et de détruire, mais à laquelle, comme à tous combattans et à toute entreprise, il faut sans doute des chefs. Et où en trouveraient-ils de plus illustres que les descendans de tant de rois, qui pendant 800 ans et plus ont règné sur la France et ont donné à ce royaume la splendeur dont il a joui dans l'opinion de l'Europe jusqu'à cette malheureuse époque, où quelques hommes préoccupés de chymères, croyant faire merveille, d'autres abusés par des passions, tous abusants de la bonté d'un souverain respectable par sa bienfaisance, travaillent à faire du gouvernement une anarchie. Mais qu'ils seront loins de leurs vues, si Dieu accorde Sa bénédiction aux desseins de vos altesses royales.

Je joins à cette lettre ma réponse au mémoire par lequel elles ont bien voulu me confier leurs voeux et leurs espérances; je le leur envoye selon leurs désirs par m-r de Bombelles qu'elles m'ont désigné à cet effet. La lettre ci-incluse mettra vos altesses royales plus intimement encore au fait de mes intentions présentes. La noble modestie de vos altesses royales m'enchante; c'est avec elle que vous entrez dans la carrière de

votre grand aïeul Henry IV. C'est cette carrière, difficile sans doute qui développera à l'univers le germe des qualités de ce prince lequel avec son sang coule dans vos veines.

Il n'y a qu'une seule qualité sur laquelle je prétends l'emporter sur la reine Élisabeth, dont vous me dites que Henry IV fut le chevalier: c'est celle de la sincérité et du désintéressement de mon amitié vis-à-vis de vos altesses royales.

Je suis bien remplie d'estime aussi pour monsieur le prince de Condé; c'est avec un grand plaisir que je le vois, ainsi que monsieur le duc de Bourbon et monsieur le duc d'Enghien, uni par principe comme par le sang à vos altesses royales et faisant tous cause commune pour votre roi et votre commune patrie. Madame la comtesse de Provence, que l'on m'assure être arrivée heureusement à Coblentz, partage aussi les sentiments très affectueux, avec lesquels je suis, messieurs mes frères et cousins, de vos altesses royales la bonne soeur et cousine

Catherine.

Переводъ.

Отвѣтъ Екатерины Второй на предыдущее письмо.

Царское село, 19 Августа 1791, стараго стиля.

Государи, мои братья и кузены. Съ давнихъ поръ озабоченная несчастіями короля, моего друга, смѣю сказать, я мысленно слѣдила за всѣми вашими движеніями. Хотя Провидѣніе опредѣлило мнѣ жить вдалекѣ отъ васъ, хотя тревожили меня двѣ войны, но я за одно съ вами огорчалась несчастіями Франціи и почитала дѣло короля Людовика XVI долженствующимъ быть дѣломъ всѣхъ вѣнчанныхъ главъ.

Дѣйствительно, король Шведскій, какъ только между нами возстановился миръ, первый изъ государей заявилъ мнѣ, что держится одного со мною образа мыслей касательно смутъ во Франціи; въ этомъ отдаю ему справедливость. Затѣмъ изъ Спа онъ довелъ до меня весьма мнѣ пріятное изъявленіе чувствъ вашихъ королевскихъ высочествъ относительно меня, самымъ лестнымъ образомъ подтверждаемое для меня въ письмѣ, которое привезъ мнѣ отъ васъ господинъ Бомбель. Прошу ваши королевскія высочества быть увѣренными, что расположеніе, вами мнѣ выражаемое, безконечно мнѣ дорого и что я постараюсь наилучшимъ образомъ отвѣчать и оправдать ту довѣренность, которую вы благоволите имѣть ко мнѣ. Небо предоставило вашимъ королевскимъ высочествамъ заботу и славу разсѣять хаосъ, болѣе существенный, нежели въ какомъ, полагаютъ[1]), Петръ

---

[1]) Это *полагають* (on suppose) характерно въ устахъ Государыни, которая тогда (1791) уже много занималась допетровскою Русскою исторіей. П. Б.

Великій засталъ свою имперію. Освѣдомившись о вашихъ справедливыхъ, благородныхъ и славныхъ намѣреніяхъ, я не только рукоплещу имъ, но надѣюсь, что всѣ умы одушевятся помогать вамъ, что обѣтъ вашъ послужитъ къ соединенію людей разбредшихся и находящихся въ разнообразныхъ условіяхъ, что примѣромъ вашимъ сообщится новая сила ревности и мужеству благороднаго сословія, котораго невозможно сокрушить и уничтожить, но которому, какъ во всякой борьбѣ и во всякомъ начинаніи, безъ сомнѣнія нужны вожди. И гдѣ ему найти вождей болѣе знаменитыхъ, какъ не между потомками столькихъ королей, слишкомъ 800 лѣтъ царствовавшихъ во Франціи и возвеличившихъ это королевство во мнѣніи Европы до сего злополучнаго времени, когда нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ одни занявшись химерами и вообразивъ, что произведутъ чудеса, другіе, предаваясь страстямъ, а всѣ злоупотребляя добротою государя, достопочтеннаго въ своей благотворительности, стараются обратить правленіе въ безначаліе. Но да не будетъ имъ удачи, коль скоро Господь пошлетъ Свое благословеніе намѣреніямъ вашихъ королевскихъ высочествъ.

Присоединяю къ этому письму отвѣтъ мой на записку, которою вамъ угодно было довѣрить мнѣ ваши желанія и надежды [2]). По желанію вашему отсылаю его черезъ господина Бомбеля, какъ вы мнѣ назначили его къ тому. Вложенное здѣсь письмо познакомитъ васъ еще ближе съ моими настоящими намѣреніями. Меня восхищаетъ благородная скромность вашихъ королевскихъ высочествъ. Держась оной, вступаете вы на поприще великаго вашего предка Генриха IV-го. Поприще это, безъ сомнѣнія, трудно; но на немъ развернутся передъ вселенною зародыши качествъ этого государя, кровь котораго течетъ въ вашихъ жилахъ.

Однимъ только думаю я превысить королеву Елисавету, про которую вы мнѣ говорите, что Генрихъ IV-й былъ ея кавалеромъ: это безкорыстною искренностью дружбы моей къ вашимъ королевскимъ высочествамъ.

Я также исполнена уваженія къ принцу Конде. Мнѣ крайне пріятно знать, что онъ, какъ и герцогъ Бурбонскій и герцогъ Энгіенскій, соединены правилами, какъ и кровью, съ вашими королевскими высочествами и неразлучно съ вами дѣйствуютъ на пользу вашего короля и общей вашей родины. Графиня Прованская, про которую меня увѣряютъ, что она благополучно прибыла въ Кобленцъ, раздѣляетъ также горячія чувства, съ которыми я остаюсь, государи мои братья и кузены, вашихъ королевскихъ высочествъ добрая сестра и кузина Екатерина.

3.

Lettre incluse dans la précédénte.

Messieurs mes frères et cousins.

L'éloignement et l'embarras de mes propres affaires m'empèchent pour le présent d'envoyer à vv. aa. rr. un secours

---

[2]) Этого отвѣта мы тоже не имѣемъ.

aussi effectif et aussi prompt que l'exigeance de vos affaires le demande peut-être; j'ai jugé que le seul et unique que je pouvais vous donner aves célérité était celui que j'enferme dans cette lettre. Acceptez le à titre de prêt; vous me le rendrez quand l'état du royaume de France et vos propres affaires vous le permettront. En attendant je me contenterai de votre reçu, qui servira de décharge à m-r de Bombelles, lequel cependant ignore totalement ce dont il est porteur. Il vous plaira faire de cet envoi l'emploi le plus utile que vous pourrez pour le bien des affaires du roi votre frère et des vôtres.

C'est avec les sentiments les plus vrais et les plus sincères que je suis, messieurs mes frères et cousins, de vos altesses royales la bonne soeur et cousine Catherine.

De Czarskoe Selo, le 19 aoust 1790.
Vieux style.

Переводъ.

Письмо вложенное въ предыдущее.

Государи мои братья и кузены. Даль, насъ раздѣляющая, и затрудненія въ моихъ собственныхъ дѣлахъ препятствуютъ мнѣ въ настоящее время помочь вашимъ королевскимъ высочествамъ въ такомъ размѣрѣ и скорости, каковыхъ можетъ быть настоятельно требуютъ ваши дѣла. Пособіе, которое сочла я возможнымъ на скоро доставить вамъ, содержится въ этомъ письмѣ. Примите его заимообразно; вы возвратите его мнѣ, когда позволятъ то состояніе Французскаго королевства и ваши собственныя дѣла *). Покамѣстъ удовольствуюсь вашею распискою, чѣмъ и кончится порученіе господина Бомбеля, который однако вовсе не знаетъ о томъ что̀ онъ везетъ. Изъ посылаемаго благоволите сдѣлать употребленіе по возможности наиболѣе полезное на пользу дѣлъ короля вашего брата и вашихъ.

Съ самыми прямыми и искренними чувствами остаюсь, государи мои братья и кузены, вашихъ королевскихъ высочествъ добрая сестра и кузина Екатерина.

Царское Село, 19 Августа 1791.
Стараго стиля.

---

*) Любопытно знать, Людовикъ XVIII-й или Карлъ X-й уплатили ли наслѣдникамъ Екатерины эти полмилліона? П. Б.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ *).

1.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица!

Се приближаются два знаменитые праздника: одинъ съ небеси, другой на земли. Съ небеси Богъ является въ плоти нашей, на земли открывается новый вѣкъ. Съ сими благости Господней посѣщеніями Ваше Императорское Величество всеусерднѣйше поздравляю. Благодать Посѣтителя Небеснаго да пребываетъ всегда въ душѣ Вашей спасительнымъ дѣйствіемъ своимъ; а новый вѣкъ да будетъ Вашему Величеству продолженіемъ дражайшей жизни, благоденствія и радости, вкупѣ съ Августѣйшимъ Супругомъ и съ чадами благословенными. Пріими, Всемилостивѣйшая Государыня, таковое искреннее желаніе отъ того, который всегда былъ и пребудетъ съ душевною преданностію и благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій богомолецъ Платонъ, митрополитъ Московскій.

1800 года, 20 Октомбрія.

2.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица,
Марія Ѳеодоровна!

Благоволительное Вашего Императорскаго Величества писаніе я удостоился получить. Но что̀ въ немъ обрѣлъ я? Завѣщаніе въ Бозѣ опочивающаго Государя, Его Императорскаго Величества Павла Петровича, Вашего Величества вселюбезнѣйшаго супруга, моего величайшаго отца и благодѣтеля. Въ немъ и я не забытъ, и назначены трость (кою я получилъ) и карета, въ коей самъ Его Величество ѣздить изволилъ. Сіе меня тронуло до глубины сердца и пролитія слезъ. Ужели Всемилостивѣйшій Государь Павелъ долженъ былъ помышлять о кончинѣ своей? Ужели и я при такомъ печальномъ размышленіи долженъ не забытъ быть! Сколько я ни благоговѣю къ таковому Его Им-

*) Письма Маріи Ѳеодоровны къ Платону см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887, II, 279.

ператорскаго Величества о мнѣ благоволенію; сколько ни будетъ всегда сей знакъ безцѣненъ въ очахъ моихъ: однако со всѣмъ тѣмъ несравненно бы болѣе желалъ, дабы вседражайшая его жизнь продолжалась. Но когда по неиспытаннымъ судьбамъ Божьимъ онъ прешелъ отъ насъ, то всегдашній и священный долгъ мой будетъ любезное его имя препоручить всегда благости Господней предъ алтаремъ Его, и чтобъ Богъ сподобилъ меня скорѣе узрѣть его въ горнихъ селеніяхъ царствующа на небеси. Вашего же Императорскаго Величества, вмѣсто того, да сохранимъ и продолжимъ вседражайшую жизнь для утѣшенія нашего. Съ таковымъ благоговѣйнымъ моимъ къ покойному блаженныя памяти Государю и къ Вашему Императорскому Величеству чувствованіемъ и расположеніемъ по конецъ жизни моей пребуду, препоручая себя всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества благоволенію, всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всеусерднѣйшій богомолецъ Платонъ митрополитъ Московскій.

1801 Августа 22 дня.
Москва.

3.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица

Марія Θеодоровна!

Наступаетъ праздникъ явленія въ мірѣ общаго Благодѣтеля и Спасителя человѣческаго рода, и тотчасъ, благотворивъ рукою, закрывъ завѣсою прошедшій годъ, открываетъ новый во всей его красотѣ. Сіето спасительное Провидѣніе устроило и для меня благодѣтельнымъ орудіемъ твою пресвѣтлѣйшую и святую особу. Былъ то прежде для меня блаженный Павелъ. Благодарю за сіе милосердому Промыслу; благодарю и твоей благодѣтельной душѣ; а вкупѣ и поздравляю Ваше Императорское Величество съ сими милостивыми посѣщеніями великаго Божія о насъ благоволенія; и всеусердно желаю и молю, да Ваше Императорское Величество и со вседражайшимъ сыномъ, нашимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ и со всею Августѣйшею фамиліей наградитъ всѣми благоволеніями и земными, и небесными, а меня милостей вашихъ да сотворитъ достойнымъ. Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и всеусерднѣйшій богомолецъ Платонъ митрополитъ Московскій.

1801 года, 19 дня Декабря мѣс.
въ Москвѣ.

(*Сообщено Е. С. Шумигорскимъ*).

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

VI *).

Путешествіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны за границу.

1781 — 1782.

Причины, вызвавшія путешествіе, и обстоятельства, ему благопріятствовавшія. — Роль графа Панина.—Отъѣздъ ихъ высочествъ.—Путешествіе по Россіи и Польшѣ.—Прибытіе въ Вѣну и пребываніе въ ней.—Путешествіе по Италіи.—Жизнь въ Парижѣ.—Изъ Парижа въ Монбельяръ.—Родина.—Швейцарія, южная Германія и Вѣна.—Возвратный путь.—Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ.—Что̀ дало путешествіе.

Со времени пребыванія въ Петербургѣ Іосифа II обстоятельства сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для исполненія давняго желанія Маріи Ѳеодоровны увидѣться съ своею Германской семьею. Екатерина, изъ политическихъ разсчетовъ, могла только сочувствовать заграничной поѣздкѣ великокняжеской четы, а Павелъ Петровичъ, вообще склонный дѣлать угодное своей супругѣ, могъ видѣть въ предполагаемой поѣздкѣ удобное средство хотя на время выйти изъ колеи однообразной, бездѣятельной жизни и путемъ личнаго знакомства съ образованными Европейскими странами расширить умственный кругозоръ свой. Молодой мужъ и отецъ, наслѣдникъ огромнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, при своей нервности и впечатлительности, изнывалъ отъ скуки бездѣйствія и отсутствія соотвѣтствующихъ его положенію занятій. По образу своихъ мыслей, лишившись возможности принимать участіе въ управленіи государствомъ, Павелъ пріучился отрицательно относиться къ положенію государственныхъ дѣлъ и занялся изложеніемъ собственныхъ взглядовъ по разнымъ частямъ управленія и вступилъ по этому поводу въ переписку съ своими приверженцами: княземъ Н. В. Репнинымъ и графомъ П. И. Панинымъ. Заботы Маріи Ѳеодоровны о хозяйствѣ, о своихъ родныхъ, о созиданіи Павловска, равно какъ и частныя литературныя чтенія въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ, занимали цесаревича только съ внѣшней стороны. Живя лѣтомъ 1781 г. въ Павловскѣ, Павелъ помогалъ своей супругѣ въ хлопотахъ по устройству ея лю-

*) См. первыя главы этой біографіи въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889 года.

бимаго мѣстопребыванія (Марія Ѳеодоровна готовилась въ это время къ постройкѣ большаго Павловскаго дворца); но какъ мало удовлетворяла его эта мирная дѣятельность и каково было его душевное состояніе, видно изъ переписки его съ бывшимъ его наставникомъ, въ то время архіепископомъ Московскимъ, Платономъ. «Вы», писалъ онъ ему 19 Іюня 1781 г. изъ Павловска, «много мнѣ чести дѣлаете, сравнивая мои упражненія съ Кировыми. Они ни славою, ни важностію не могутъ быть съ оными сравнены, но со стороны добрыхъ намѣреній могутъ на Кировы походить когда-нибудь; а теперь стараюсь успокоивать духъ свой и занимаю себя невиннымъ здѣшняго мѣста иногда упражненіемъ. Вотъ цѣна здѣшняго мѣста и пребыванія моего въ немъ. Потъ же мой не упражненія, ни трудовъ, а потъ развѣ скуки. Итакъ, изъ сего видите, что и тутъ на Кира не похожъ: ибо онъ проливалъ его въ трудахъ, въ которыхъ отдыхалъ отъ важнѣйшихъ; а я, не имѣя таковаго рода, есть ли отъ чего могу отдыхать, такъ развѣ со стороны духа, и тѣмъ самымъ сіе сельское житіе мое оправдывать или извинять, естьли извиненіе надобно, предъ вами же никогда, думаю; ибо, зная меня, отдадите справедливость намѣреніямъ моимъ и дружбѣ къ вамъ». Платонъ, встревоженный скорбной нотой, звучавшей въ устахъ его царственнаго ученика, совѣтовалъ ему беречься унынія и ободриться. Павелъ отвѣчалъ ему 16 Іюля, когда Екатерина дала уже согласіе на его путешествіе: «Все, что̀ ваше преосвященство пишете въ послѣднемъ письмѣ своемъ о скукѣ, столь справедливо, что остается мнѣ только напрягать силы свои къ исполненію подаваемыхъ мнѣ вами совѣтовъ. Всеконечно ослабляетъ она духъ, отымая силы, и нѣтъ лучшаго средства оборониться отъ нея, какъ занимая себя предметами, сходными съ состояніемъ каждаго. Тогда, хотя бы и оставалось праздное время, будетъ то утѣшеніе, что употреблено хотя протчее въ пользу, и отъ сего самаго должно и спокойствіе духа проистекать. Но властны ли мы всегда такимъ образомъ располагать временемъ своимъ? Сей вопросъ сто̀итъ нѣкотораго вниманія. Конечно властны, поелику другихъ препятствій не настоитъ; но когда съ самою лутчею волею къ тому отымаются средства не отъ насъ зависящими способами, то что̀ тутъ дѣлать? Я не выхожу изъ того слѣдствія, чтобы отъ того должно было унывать; но нельзя не чувствовать, что принужденно занятъ не тѣмъ и не съ такою пользою, чѣмъ и съ какою бы надлежало. Вы конечно, не ошиблись въ томъ, чтобы все вами писанное не было взято въ прямой своей цѣнѣ и вѣрьте, что можетъ быть одинъ изъ предметовъ намѣренной нашей ѣзды (т.-е. путешествія за границу) тотъ, чтобъ время свое втунѣ и въ уныніи не проводить вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ большей способности, бо̀льшимъ знаніемъ людей и вещей.

Дайте свое благословеніе и испросите у Бога ангела мирна, вѣрна наставника и хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ» [1]).

При такомъ настроеніи Павла Петровича, легко было Маріи Θеодоровнѣ склонить его просить Екатерину о дозволеніи предпринять путешествіе въ Австрію и Италію. [2]) Кромѣ естественнаго желанія вновь увидѣть своихъ родныхъ, которыхъ она оставила едва выйдя изъ отроческихъ лѣтъ, Марія Θеодоровна руководилась и другими чрезвычайно важными для нея соображеніями, вытекавшими изъ положенія ея Германской семьи въ это время. Послѣ извѣстнаго уже намъ дѣла съ Горси, улаженнаго только благодаря горячему участію въ немъ Маріи Θеодоровны, отецъ ея Фридрихъ-Евгеній сталъ холоднѣе относиться къ своей старшей дочери, принявшей сторону матери и тѣмъ оскорбившей его самолюбіе; мало того, Маріи Θеодоровнѣ казалось, что отецъ сталъ даже пренебрегать ею съ тѣхъ поръ, какъ младшей его дочери, принцессѣ Елисаветѣ, открылась въ будущемъ возможность сдѣлаться Германской императрицей [3]). Страдая отъ такого невниманія отца, Марія Θеодоровна подвергалась столь же неосновательнымъ упрекамъ со стороны своихъ младшихъ братьевъ, Людвига и Евгенія, которые завидовали старшему брату, принцу Фридриху, возведенному въ званіе Прусскаго генерала и получившему во время пребыванія своего въ Петербургѣ Андреевскій орденъ. Увѣдомляя Марію Θеодоровну о служебныхъ непріятностяхъ, которымъ подвергался на Прусской службѣ принцъ Евгеній, принцесса Доротея писала ей: «Вы должны чувствовать, дорогое дитя мое, что не можетъ быть предпочтенія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы быть полезнымъ своимъ братьямъ, и что ихъ благосостояніе должно быть одинаково близко вашему сердцу. Я говорю вамъ это, такъ какъ только что получила письмо, въ которомъ говорится слѣдующее: «Старшему брату открыта широкая дорога, потому что знаютъ, что онъ фаворитъ великой княгини. Отъ нея зависитъ,

---

[1]) Р. Арх., 1887, II, 22—24.—„Надо, писалъ тогда же Павелъ Сакену, употребить всѣ усилія, чтобы принести больше пользы своему отечеству, а для этого надо пріобрѣтать познанія, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ сложа руки". С. Р. И. О., XX, 429.

[2]) „Нѣсколько времени тому назадъ, писала Екатерина Іосифу 4 Іюля, сынъ мой заявилъ мнѣ о своемъ желаніи побывать за границей и особливо въ Италіи. Arnet: Ioseph II und Katharina von Russland. Ссылаемся на превосходный переводъ этихъ писемъ въ Р. Архивѣ 1880, I, 258.

[3]) „Il me néglige déjà depuis que la fille cadette de la maison donne des espérances, qui sont cependant encore très-éloignées": письмо Маріи Θеодоровны къ Моклеру 26 Сентября 1780 года. Stark, 104. Въ этомъ же письмѣ Марія Θеодоровна просила Моклера убѣдить ея родителей не высказывать принцессѣ Елисаветѣ предпочтенія, оскорбительнаго для принцессы Фредерики, которая въ то время была еще невѣстою принца Петра Голштинскаго.

чтобы всѣ ея братья пользовались такимъ же вниманіемъ; стоитъ ей только показывать такую же заботливость и по отношенію къ нимъ». Признаюсь вамъ, дорогое дитя, подозрѣніе это глубоко взволновало меня» [4]). Безспорно, что нареканія эти тѣмъ болѣе должны были поразить нѣжное сердце Маріи Ѳеодоровны, что ея заботливость по отношенію къ Германскимъ роднымъ проявлялась, при каждомъ удобномъ случаѣ. Мы не имѣли возможности воспользоваться полною перепиской Маріи Ѳеодоровны съ Берлиномъ; но даже изъ небольшаго количества напечатанныхъ ея писемъ къ Фридриху II-му видно, что судьбу всѣхъ братьевъ своихъ она одинаково поручала его попеченіямъ [5]). Во время пребыванія принца Прусскаго въ Петербургѣ она также ходатайствовала за братьевъ [6]). Съ конца 1780 г. она начала хлопотать и о четвертомъ братѣ своемъ, Вильгельмѣ, поступившемъ въ Датскую службу: въ перепискѣ, завязавшейся по этому поводу между Маріей Ѳеодоровной и Русскимъ посланникомъ при Датскомъ дворѣ Сакеномъ, она обнаруживала самую нѣжную, предупредительную заботливость къ нуждамъ начинавшаго свою карьеру брата [7]). Между тѣмъ отъ братьевъ Марія Ѳеодоровна не видѣла ничего кромѣ горя: не говоря уже о принцѣ Фридрихѣ, поведеніе котораго было причиною постоянныхъ семейныхъ тревогъ, гнѣвъ отца возбудилъ противъ себя легкомысленнымъ поведеніемъ и принцъ Людвигъ. Кажется, можно сказать безошибочно, что старшіе братья Маріи Ѳеодоровны, находясь въ качествѣ служилыхъ принцевъ въ рядахъ Прусской арміи и домогаясь богатства и почестей, смотрѣли на Русскую сестру свою главнымъ образомъ какъ на средство къ своему возвышенію и обвиняли ее въ равнодушіи каждый разъ, когда надежды ихъ не осуществлялись съ желаемой скоростью, предполагая, конечно, что для Русской великой княгини нѣтъ ничего невозможнаго [8]). Эти прискорбныя недоразумѣнія съ отцомъ и братьями Марія Ѳеодоровна могла надѣяться уничтожить лишь при личномъ свиданіи съ ними: неблагодарность близкихъ къ ней людей не отталкивала отъ нихъ Маріи Ѳеодоровны, а только побуждала представить имъ новыя доказательства своей горячей любви къ нимъ. Не-

---

[4]) Письмо принцессы Доротеи изъ Этюпа, 18 Октября 1780 г.

[5]) Stark, 51—53.

[6]) Черновое письмо Маріи Ѳеодоровны къ матери 1780 г., безъ числа.

[7]) С. Р. И. О., XX, 397 и далѣе.

[8]) Принцесса Доротея, передавая дочери жалобы братьевъ, тѣмъ не менѣе не раздѣляла ихъ пылкихъ надеждъ и понимала щекотливость положенія великой княгини. „Il est sûr, mon cher enfant, que dans le grand rang, où vous vous trouvez vous devez user d'autant plus de circonspection, tous les yeux étant fixés sur vous pour observer et pour deviner, pour ainsi dire, vos pensées. Tout ceci me chipotte beaucoup, ne désirant rien tant que la tranquillité d'esprit". Письмо 18 Октября 1780 г.

достатка въ поводахъ къ этому не могло быть: положеніе дѣлъ Монбельярской семьи, всегда довольно шаткое, именно въ это время требовало особенной поддержки Русской великой княгини и ея супруга и даже ихъ личнаго пребыванія за границей.

6-го Апрѣля 1780 г. скончалась первая супруга Карла, владѣтельнаго герцога Виртембергскаго, не оставивъ дѣтей послѣ себя, и для Монбельярской семьи возникъ грозный призракъ втораго брака Карла. Этимъ въ самомъ корнѣ уничтожались надежды отца Маріи Ѳеодоровны рано или поздно вступить во владѣніе герцогствомъ (ибо дѣти втораго брата Карла, принца Людвига, женатаго, какъ намъ извѣстно, морганатическимъ бракомъ, по семейному договору, не имѣли права наслѣдованія). Надеждой же когда-либо владѣть Виртембергомъ по смерти братьевъ принцъ Фридрихъ-Евгеній очень дорожилъ, разсчитывая этимъ обезпечить будущность своихъ дѣтей. Изъ писемъ принцессы Доротеи видно, что въ 1779 г. онъ долго не рѣшался дать согласіе на присвоеніе дочерямъ принца Людвига титула принцессъ и сдѣлалъ это лишь по совѣту Маріи Ѳеодоровны и графа Панина: принцъ Фридрихъ-Евгеній боялся, что у брата можетъ родиться сынъ, котораго тоже пришлось бы признать принцемъ, съ правами наслѣдованія. Теперь, со смертію супруги герцога Карла, мечтамъ Монбельярской семьи грозила серьезная опасность: Прусскіе вѣстовщики разглашали, что герцогъ, по наущенію Іосифа II, хочетъ вступить во второй бракъ въ надеждѣ имѣть наслѣдника сына. Всегда чуткая къ интересамъ своихъ родныхъ, Марія Ѳеодоровна еще лѣтомъ 1780 г., по пріѣздѣ въ Петербургъ Іосифа II, заговорила съ нимъ по этому поводу, и Іосифъ тогда же увѣрилъ ее своею честью, что онъ никогда не думалъ объ этомъ, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ и понимаетъ весь вредъ, который нанесенъ бы былъ ея семьѣ бракомъ герцога Карла, и что, по совѣсти, онъ не вѣритъ тому, чтобы Карлъ могъ жениться вновь [9]). Это заявленіе Императора было тѣмъ пріятнѣе для Маріи Ѳеодоровны, что ходили слухи о намѣреніи Карла вступить въ бракъ съ давней его фавориткой, графиней Гогенгеймъ, и отъ воли Императора зависѣло признать этотъ бракъ законнымъ. Но расположеніе Іосифа содѣйствовать видамъ Монбельярской семьи вынуждало и ее, съ своей стороны, выполнять его желанія. Между тѣмъ, точное опредѣленіе условій предположеннаго брака племянника

---

[9]) Госуд. Арх., IV, 205. Schlossberger, 103. См. также Arnet: Joseph II, I, 325. Передавая брату своему Леопольду подробности этого разговора съ Маріей Ѳеодоровной, Іосифъ не ошибался въ источникѣ неблагопріятныхъ для него свѣдѣній, безпокоившихъ Марію Ѳеодоровну, „Le roi de Prusse remue ciel et terre pour la captiver et pour me faire perdre dans son esprit“.

Іосифа, эрцгерцога Франца Тосканскаго съ принцессой Елисаветой вызвало немало затрудненій. Принцесса Елисавета, какъ и всѣ дѣти Фридриха-Евгенія, воспитана была въ протестантствѣ, а бракъ ея съ будущимъ Австрійскимъ государемъ былъ возможенъ лишь подъ условіемъ перехода ея въ католичество. Въ этомъ всѣ были согласны; но дѣло значительно осложнялось тѣмъ, что бракъ этотъ могъ быть совершенъ не ранѣе пяти-шести лѣтъ, по достиженіи женихомъ совершеннолѣтія; а это ставило невѣсту въ неопредѣленное положеніе, тѣмъ болѣе, что Іосифъ имѣлъ право требовать, чтобы принцесса немедленно переселилась въ Вѣну и тамъ готовилась къ перемѣнѣ вѣры. Кромѣ того, до великой княгини доходили слухи (оказавшіеся впослѣдствіи ложными), что родители жениха, Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій и его супруга, вовсе не сочувствовали этому браку [10]).

Все это побуждало Марію Ѳеодоровну желать заграничной поѣздки, чтобы собственными глазами убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ и оказать своимъ роднымъ существенную поддержку.

Какъ ни больно было великокняжеской четѣ разставаться съ дѣтьми, но рѣшимость ея при такихъ условіяхъ ѣхать за границу была совершенно естественна, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ въ согласіи Императрицы сомнѣваться было нельзя. Даже приверженецъ Великаго Князя, князь Н. В. Репнинъ, находившійся въ то время при дворѣ, совѣтовалъ ему ознакомиться съ Европейскими странами для пріобрѣтенія познаній и опытности. Такова, однако, была общая увѣренность въ противоположности взглядовъ и интересовъ Екатерины и Павла, что многіе современники не могли допустить мысли, чтобы какое-либо событіе совершилось съ общаго согласія матери и сына, и поэтому видѣли въ путешествіи Павла Петровича слѣдствіе затаенныхъ намѣреній Екатерины. Такъ Гаррисъ разсказываетъ, будто Екатерина, желая побудить сына къ путешествію въ Австрію, обратилась къ князю Репнину съ просьбой навести какъ-нибудь Павла Петровича на мысль о путешествіи, внушая какъ ему, такъ и великой княгинѣ, что для лицъ столь высокопоставленныхъ не только хорошо, но даже необходимо посмотрѣть на характеры разныхъ странъ и познакомиться съ разными способами правленія. Въ заключеніе Императрица будто бы обѣщала князю Репнину, въ случаѣ удачи его въ этомъ дѣлѣ, наградить его какимъ-нибудь особымъ знакомъ своей милости [11]). Это

---

[10]) Arnet: Joseph II und Leopold von Toscana, 1, 115.
[11]) Донесеніе Гарриса 21 Октября 1781 г. Р. Арх., 1874, II, 804—805.

подозрѣніе современниковъ по поводу неожиданнаго согласія, обнаружившагося между большимъ и малымъ дворами, не оправдывается ни характеромъ князя Репнина, ни содержаніемъ писемъ Екатерины къ своимъ дѣтямъ послѣ ихъ отъѣзда. Уже въ первомъ письмѣ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, когда они еще не успѣли далеко отъѣхать отъ Петербурга, Екатерина писала: «Любовь матери говоритъ вамъ и повторяетъ опять—возвратиться, какъ только будетъ возможно, будь это изъ Пскова, Полоцка, Могилева, Кіева или изъ Вѣны; ибо мы безъ всякой, наконецъ, уважительной причины переносимъ печаль такой разлуки. Итакъ, спросивши свое сердце и умъ, я прихожу къ заключенію, что вамъ, если не находите никакого удовольствія продолжать путь, сію же минуту слѣдуетъ рѣшиться пріѣхать назадъ, подъ предлогомъ, что я вызвала васъ» [12]). Самъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, ничего не могъ, по словамъ того же Гарриса, возражать противъ этого путешествія, съ затаенной, конечно, надеждой, что Великому Князю придется побывать и въ Берлинѣ; притомъ графъ Панинъ лучше чѣмъ кто-либо при Русскомъ дворѣ зналъ сокровенные помыслы Маріи Ѳеодоровны, и не ему было возможно противодѣйствовать ея давнимъ желаніямъ. Онъ все время старался только подъ рукою дѣйствовать противъ Австріи и укрѣплять въ великокняжеской четѣ Прусскія симпатіи. «До тѣхъ поръ», пишетъ Гаррисъ, «пока графъ Панинъ оставался здѣсь, настроеніе и расположеніе ихъ императорскихъ высочествъ были подвержены постояннымъ перемѣнамъ. Всякій разъ, какъ курьеръ изъ Вѣны привозилъ имъ письма отъ императора, они были на сторонѣ Австріи и восхищались мыслью о своемъ путешествіи; но послѣ свиданія съ графомъ Панинымъ, который преподавалъ имъ правила, предписанныя ему изъ Потсдама, чувства ихъ измѣнялись: они едва говорили съ графомъ Кобенцелемъ (Австрійскимъ посланникомъ) и, казалось, чрезвычайно сожалѣли, что имъ предстояло уѣхать изъ Петербурга. По отъѣздѣ графа Панина зрѣлище перемѣнилось: Великій Князь и Великая Княгиня стали расположены очевидно и постоянно въ пользу Австріи, не разговаривали ни съ кѣмъ кромѣ графа Кобенцеля и его жены, были вполнѣ заняты мыслью объ императорѣ и о Вѣнѣ. Еще никогда до тѣхъ поръ не находились они въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Императрицей, какъ въ это время; они были вѣжливы даже по отношенію къ князю Потемкину... Это послѣдовательное и пріятное для Императрицы обращеніе дѣйствительно приблизило ихъ къ ней и было при-

---

[12]) С. Р. И. О., IX, 65.

чиной того, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ они съ ней были въ отношеніяхъ дружбы и искренности, не извѣстныхъ до того времени» [13]).

Пѣсенка опруссаченнаго Русскаго дипломата была, впрочемъ, уже спѣта. Графъ Н. И. Панинъ не могъ не видѣть, что самая основа его политическихъ разсчетовъ оказалась непрочною: Марія Ѳедоровна, изъ любви къ роднымъ, готовилась вступить въ дружественныя связи со врагомъ Гогенцолернскаго дома—Габсбургами [14]). Въ тоже время сближеніе Россіи съ Австріей и охлажденіе къ Пруссіи, вмѣстѣ съ возвышеніемъ Потемкина, дѣлало неизбѣжнымъ удаленіе отъ дѣлъ самого графа Панина, творца «сѣвернаго аккорда». Наконецъ, Екатерина должна была испытывать личное неудовольствіе противъ человѣка, который шелъ противъ ея воли, противодѣйствуя браку принцессы Елисаветы съ эрцгерцогомъ Францомъ: отъ нея не укрылись происки графа Па-

---

[13]) Р. А., 1874, 806—807. „Этимъ отчасти объясняется вполнѣ ласковый тонъ писемъ Екатерины къ сыну и невѣсткѣ во время ихъ путешествія“.

[14]) По отъѣздѣ изъ Петербурга Іосифа II графъ Панинъ дѣлалъ, однако, все возможное, чтобы подорвать въ Маріи Ѳеодоровнѣ вѣру въ его обѣщанія, хотя, безъ сомнѣнія, не могъ не сознавать, что Іосифъ, добивавшійся союза съ Россіею, былъ вполнѣ искрененъ. „Je sçai de licence certaine“, писала Марія Ѳеодоровна къ матери: „qu'il (Іосифъ) a voulu engager le duc à se remarier; même on a envoyé une personne à Stoudtgardt pour la proposition que les engagements du duc et de la comtesse étaient de nature à ne point être rompus. Le procedé de l'Empereur n'est nullement beau et est d'une fausseté de la politique autrichienne. Ni le g.-d., ni le c-te Panin, ni moi ne croyons, mon adorable maman, que jamais le cas n'existera d'une proposition de mariage pour ma soeur Elisabeth pour le fils aîné de g.-d. de Toscane. C'était un propos fixé en l'air, mais j'espère toujours que ma soeur sera un jour reine de Dannemarck. Il n'y a qu'encore la moindre proposition de faite, mais le c-te Panin croit que la Dannemarck sera charmé de s'allier avec nous; c'est un beau parti. Je ne vois pas, ma chère maman, que l'Empereur demande aucun de mes frères à son service, et au cas même qu'il en demande un, des grands ne lui en accorderont pas; ce qui peut facilement se faire si vous placez Ferdinand vite, alors on peut protester l'extrême jeunesse“. Черновое письмо 1780 г., безъ числа.— Гаррисъ приводитъ рѣзкій отказъ Екатерины Датской королевѣ на просьбу о рукѣ принцессы Елисаветы для ея сына. Р. А. 1874, II, 774.—Въ другомъ письмѣ того же времени Марія Ѳеодоровна убѣждаетъ родителей, слѣдуя совѣтамъ Панина, продать Гохбергъ Виртембергскому герцогу или земству: „Mais, продолжаетъ она, le g.-d. et moi nous vous conjurons au nom de Dieu d'engager le cher papà de ne point offrir ces terres à l'Empereur: ce serait brouiller le cher papà pour toujours avec le roi et faire une *peine affreuse aux Russes* (!) J'ai fait de sonder le c-te Panin sur la possibilité de cette chose. Il a rejetté la chose en me suppliant de n'y jamais penser que cela donnerait un mécontentement général. Je vous écris toutes ces choses, chère et bonne maman, avec la plus grande confiance“. Изъ писемъ этихъ ясно видно, какъ, дѣйствуя въ Прусскихъ интересахъ, графъ Панинъ запугивалъ Павла и Марію Ѳеодоровну.

нина въ пользу брака принцессы съ принцемъ Датскимъ или принцемъ Прусскимъ. Объ этой опалѣ графа Панина, какъ видно изъ писемъ принцессы Доротеи, ходили слухи еще въ началѣ 1781 года [15]), а 13 Мая онъ долженъ былъ уже взять отпускъ и уѣхалъ въ пожалованное ему Дугино [16]). Старый дѣлецъ не хотѣлъ, однако, сдаться безъ бою, и когда путешествіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны было окончательно рѣшено, графъ Панинъ въ началѣ Сентября возвратился въ Петербургъ, чтобы хотя на время отсрочить его.

Сохранился первоначальный набросокъ плана поѣздки, собственноручно начертанный Екатериной [17]). Екатерина желала, чтобы Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, совершая путешествіе инкогнито, «колико можно избѣгали пиршествъ и кромѣ государей или кому покажется прилично нигдѣ не кушали» и «писали по почтѣ единожды или два раза въ недѣлю одинъ или оба, какъ хотятъ»; на издержки Екатерина предположила сумму въ 300,000 р. Сопровождать великаго князя и его супругу назначены были: ихъ гофмейстеръ Н. И. Салтыковъ съ женою, извѣстный знатокъ искусства, князь Н. Б. Юсуповъ, и подполковникъ Х. А. Бенкендорфъ съ женой; путь въ Русскихъ предѣлахъ былъ опредѣленъ тотъ же, которому годъ тому назадъ слѣдовала сама Екатерина при свиданіи съ Іосифомъ въ Могилевѣ. Но въ наброскѣ этомъ статьи: «Le tems du départ» и «Marcheroute» оставлены безъ отмѣтки: Екатерина, очевидно, желала предварительно уговориться по этимъ вопросамъ съ сыномъ и невѣсткою. И дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ кругъ путешествія былъ расширенъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ, кромѣ

---

[15]) Письмо 1781 г. безъ числа, писанное, какъ и многія другія, лимоннымъ сокомъ. Но къ этому ли времени относится слѣдующая записка Екатерины къ Панину, напечатанная въ С. Р. И. О. (XXVII, 237) безъ означенія года и числа. „Графъ Никита Ивановичъ, какъ почти весь городъ подъ нашимъ именемъ сбирается сдѣлать контрбандъ, хотя вы о томъ совершенно и не знаете, и во всѣхъ компаніяхъ другъ друга потчиваютъ, не изволитъ ли кто пользоваться дозволеніемъ, даннымъ Никитѣ Ивановичу, безпошлинно привозить или выписывать мебели и проч.: то для избѣжанія злоупотребленій и непріятныхъ послѣдствій, пожалуй велите сказать въ таможнѣ, что вы, услыша такія враки, объявляете, что вы будете платить пошлину всю, на что я вамъ приказала отпустить отъ Елагина десять тысячъ рублевъ; ибо вы мнѣ сказали, что вамъ на столько франшизу надобно. Я совершенно знаю, что вы, входя въ сіи обстоятельства, конечно, не захотите, чтобы ваше имя служило покрышкой преступленія законовъ, и для того сіе къ вамъ пишу. Екатерина“.

[16]) Обширное помѣстье Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее правнучкѣ его брата, княгинѣ М. А. Мещерской. Кажется, что только въ это время (лѣтомъ 1781 г.) графъ Панинъ и былъ въ Дугинѣ. П. Б.

[17]) Госуд. Арх., IV, 106. Записка эта, очевидно, писана была Екатериной для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, ибо IX пунктъ записки изложенъ въ формѣ обращенія къ нимъ: „буде пополь хотите, то Самбурскаго“.

Австріи и Италіи, пожелалъ посѣтить и Францію. 12 Іюля 1781 года онъ писалъ Сакену: «Рѣшено, что я отправляюсь путешествовать, какъ только моимъ дѣтямъ привьютъ оспу. Сначала я ѣду въ Вѣну, проѣду по всей Италіи и на возвратномъ пути увижу Швейцарію и Нидерланды. Чтò касается Франціи, то я еще ничего не могу сказать; но, мнѣ кажется, было бы стыдно, проѣзжая мимо нея, оставить ее безъ вниманія. На возвратномъ пути я проѣду чрезъ самое сердце Германіи» [18]). Дозволивъ сыну побывать во Франціи, Императрица, однако, рѣшительно и гнѣвно отказала Маріи Өеодоровнѣ, когда она выразила желаніе посѣтить Берлинъ [19]). Надо думать, что Екатерина не позволила ѣхать великокняжеской четѣ черезъ Москву, лишивъ такимъ образомъ Марію Өеодоровну возможности познакомиться съ первопрестольной столицей [20]): безъ сомнѣнія, Императрица хорошо помнила пребываніе въ Москвѣ Павла и его первой супруги въ 1775 г., когда онъ вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе Москвичей. За то другія просьбы Павла Петровича и его супруги были исполнены. Дозволено ѣхать съ ними лицамъ, которыя составляли ихъ домашній кружокъ: князю А. Б. Куракину, камеръ-юнкеру Ө. Ө. Вадковскому, капитанъ-лейтенанту С. И. Плещееву, чтецамъ: Николаи, Лафермьеру и Клингеру, а также фрейлинамъ: Е. И. Нелидовой и Н. С. Борщовой. Разумѣется, съ этимъ измѣненіемъ прибавлено было и денегъ на расходы путешествія. Наконецъ, Екатерина не препятствовала желанію Павла Петровича ускорить отъѣздъ: рѣшено было, что великій князь и великая княгиня выѣдутъ въ Сентябрѣ. «Какое вы время года выбрали для путешествія», писала имъ въ Октябрѣ Екатерина, «объ этомъ я никогда не думаю безъ ужаса» [21]). 1-го Сентября 1781 г., прививъ дѣтямъ оспу, Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна написали «послѣднее письмо свое» предъ отъѣздомъ Платону. «Симъ письмомъ прощаюсь съ вами», писалъ Павелъ, «прося, чтобы вы обратили молитвы свои не только на путешествующихъ, но и на драгоцѣнные залоги, которые здѣсь оставляю: отечество—первой, а дѣти—другой». Говоря о второмъ драгоцѣнномъ залогѣ, Марія Өеодоровна прибавляла: «Дѣти, слава Богу, еще здоровы; дай Богъ, чтобы это всегда было и чтобы это страшное время прошло

---

[18]) С. Р. И. О., XX, 429. 10-го Іюля, сообщая Гримму о путешествіи великокняжеской четы, Екатерина ни словомъ не упоминала о Франціи и Нидерландахъ, называя лишь Вѣну, Италію, Монбельяръ и Дрезденъ. С. Р. И. О., XXIII, 214.

[19]) Гаррисъ, донесеніе 21 Октября 1781 г. Р. А. 1874, II, 806.

[20]) Павелъ писалъ 5 Августа Платону: „Проѣздъ мой чрезъ Москву пріятенъ бы былъ, но не отъ меня зависитъ, и такъ творю волю пославшаго мя“. Р. А., 1887, II, 24.

[21]) С. Р. И. О., IX, 69.

поскорѣе. Безпокойствіе души моей я не могу вамъ описать» [22]). Желаніе «видѣть дѣтей перешедшими опасность и ѣхать съ покойнымъ духомъ» [23]) вынудило, однако, Цесаревича отложить отъѣздъ, и 10-го Сентября онъ вновь писалъ Платону, извѣщая его о ходѣ болѣзни дѣтей: «Прививаніе оспы, слава Богу, идетъ благополучно. Оспа налилась и хотя на большомъ и отмѣнно велика, но ничего дурнаго нѣтъ, и надѣюсь, что отпою предъ отъѣздомъ молебенъ о ихъ выздоровленіи совершенномъ». Путешествіе началось, наконецъ, 19-го Сентября 1781 года (наканунѣ дня рожденія Великаго Князя: Павлу исполнилось 27 лѣтъ).

Мелочныя обстоятельства, сопровождавшія отъѣздъ высокихъ путешественниковъ, пріобрѣтаютъ большое значеніе, если сопоставить ихъ съ разсказомъ очевидца событій Гарриса. 1-го Сентября Павелъ пишетъ Платону «послѣднее» свое письмо; но въ первыхъ же числахъ Сентября возвращается въ столицу графъ Панинъ, хорошо понимавшій, что предположенное путешествіе будетъ и новымъ доказательствомъ силы Австрійскаго вліянія и Потемкина, и новымъ оскорбленіемъ Фридриху II и ему, графу Панину. Если вѣрить Гаррису, то король Прусскій, видя безуспѣшными свои попытки измѣнить путешествіе, уговаривалъ графа Панина «почти умоляющимъ образомъ» вернуться изъ деревни въ столицу и называлъ его единственнымъ человѣкомъ, способнымъ поднять его утраченное значеніе [24]). Но, прибывъ въ Петербургъ, графъ Панинъ долженъ былъ убѣдиться, что настроеніе духа Павла Петровича и въ особенности Маріи Ѳеодоровны, жаждавшей свиданія съ родными, не благопріятствуетъ его намѣреніямъ. Однако онъ рѣшился сдѣлать что̀ можно, хотя бы и навлекая на себя гнѣвъ Екатерины. «Votre maître veut que je me sacrifie», сказалъ онъ, по словамъ Гарриса, Прусскому посланнику графу Герцу черезъ нѣсколько дней по своемъ пріѣздѣ: «eh bien, je le ferai» [25]). И онъ сдѣлалъ все что̀ могъ. «Графъ Панинъ, разсказываетъ Гаррисъ, началъ возбуждать въ умѣ великой княгини сильнѣйшія опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ иногда прививку оспы [26]). А такъ

---

[22]) Р. А., 1887, II. 25—26.

[23]) Письмо Павла Платону 29 Августа. Тамъ же.

[24]) Устарѣлый графъ Н. И. Панинъ не могъ уже постигнуть великаго политическаго значенія, которое имѣло это путешествіе, тогда какъ Екатерина и Потемкинъ обезпечивали тѣмъ невмѣшательство Австріи въ наши дѣла по пріобрѣтенію Крыма. Вообще Нѣмецкія связи Панинской семьи были для нея, тогда и позже, роковыми. П. Б.

[25]) Вашъ Государь хочетъ, чтобы я пожертвовалъ собою; хорошо, я это сдѣлаю.

[26]) Графъ Панинъ помнилъ про оспу своей невѣсты графини А. П. Шереметевой. П. Б.

какъ она отличается особенной материнской нѣжностью и вообще полнѣйшею преданностью семейнымъ обязанностямъ, то мысль о томъ, что ея дѣти находятся въ опасности, подняла въ ея умѣ самую трудную борьбу. Это отравило всякое удовольствіе ожидаемаго путешествія, и возможность нездоровья дѣтей возбудила въ ней сильнѣйшее желаніе отсрочить поѣздку. Ихъ докторъ Крузе, преданный графу Панину, своими неопредѣленными выраженіями только усиливалъ ея безпокойство, и торжественныя увѣренія со стороны барона Димсдаля и доктора Рожерсона не могли ее успокоить. Великій Князь вполнѣ раздѣлялъ эти чувства... Опасенія были такъ сильны, что великій князь и великая княгиня объявили твердое намѣреніе не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти не выздоровѣютъ совершенно. Они твердо стояли на этомъ рѣшеніи; ихъ даже невозможно было уговорить назначить день, до котораго они желали отложить свой отъѣздъ, и Государыня не могла никоимъ образомъ добиться отъ нихъ дальнѣйшихъ объясненій» [27]). Марія Ѳеодоровна, безъ сомнѣнія, припоминала себѣ въ это время печальные мѣсяцы, которые она сама маленькой дѣвочкой въ отсутствіе родителей проводила въ 1768 году въ Трептовѣ среди братьевъ своихъ, заболѣвшихъ оспою; но теперь ей не было основательныхъ поводовъ безпокоиться за исходъ болѣзни своихъ дѣтей: прививка, предохранявшая ихъ отъ этой страшной болѣзни, введена была въ Россіи еще съ 1768 г. и, будучи испытана прежде всего на самой Екатеринѣ и Павлѣ Петровичѣ, постоянно съ того времени удавалась [28]). Кромѣ того, графъ Панинъ внушалъ Великому Князю опасенія за положеніе дѣлъ въ Россіи во время его отсутствія и побудилъ Марію Ѳеодоровну еще разъ, хотя и безуспѣшно, просить Государыню о дозволеніи заѣхать въ Берлинъ на обратномъ пути. Возбуждая въ Маріи Ѳеодоровнѣ и ранѣе недовѣріе къ Австріи, Панинъ и теперь продолжалъ увѣрять, что Іосифъ никогда не имѣлъ искренняго намѣренія женить своего племянника на сестрѣ Великой Княгини и что, какъ скоро она прибудетъ въ Вѣну, онъ можетъ распорядиться ею какъ захочетъ; при этомъ графъ Панинъ говорилъ такія вещи, что Гаррисъ считалъ невозможнымъ передать ихъ даже шифромъ. Но усилія графа Панина не могли достигнуть своей цѣли: Императрица говорила съ великимъ княземъ и великой княгиней такъ ласково и искренно, что слова ея значительно ихъ успокоили. Однако, не зная точно причинъ, вызвавшихъ

---

[27]) Донесеніе 21 Октября 1781 г. Екатерина 31 Августа писала Гримму, что великій князь и великая княгиня выѣдутъ 16 или 17 Сентября (С. Р. И. О., XXIII, 219); на самомъ же дѣлѣ они выѣхали 19-го. Задержка противъ предположеннаго измѣряется, значитъ, всего двумя или тремя днями.

[28]) Баронъ Бюлеръ: „Два Эпизода“ и проч. Р. Вѣстникъ 1870 г.

путешествіе Цесаревича и его супруги за границу, Гаррисъ впалъ въ ошибку, донося своему правительству, будто августѣйшая чета уѣхала лишь по приказанію Императрицы: сообщая чрезъ Потемкина Императрицѣ о проискахъ Панина, Гаррисъ увлекся своею ролью и могъ думать, что послѣдовавшій затѣмъ отъѣздъ былъ слѣдствіемъ именно его внушеній. Разоблаченіе Гарриса повело лишь къ тому, что побудило Екатерину по отъѣздѣ сына окончательно устранить отъ дѣлъ графа Панина.

Успокоенная правильнымъ теченіемъ болѣзни дѣтей, Марія Θеодоровна, тѣмъ не менѣе, не могла не тревожиться за нихъ во время путешествія, которое должно было, по приблизительному разсчету, продолжаться около года: разлука съ горячо-любимыми дѣтьми такъ тяжела была для нѣжной матери, что, прощаясь съ ними 19 Сентября, она лишилась чувствъ. «Если бы я могла предвидѣть», писала Екатерина два дня спустя сыну и невѣсткѣ, «что при отъѣздѣ моя дорогая дочь три раза упадетъ въ обморокъ и что ее подъ руки отведутъ въ карету, то уже одна мысль о томъ, что ея здоровье придется подвергнуть такимъ жестокимъ испытаніямъ, помѣшала бы мнѣ согласиться на это путешествіе» [29]). Спустя пять лѣтъ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна писали Екатеринѣ: «Картина страданій нашихъ легко представится глазамъ Вашего Величества, если вы вспомните состояніе, въ которомъ мы находились въ минуту нашего отъѣзда за границу. Минута была такова, что воспоминаніе о прощаніи съ вами и дѣтьми нашими, тогда еще младенцами, и теперь еще вызываетъ въ насъ сильнѣйшее волненіе и что, по истинѣ, мы чувствуемъ себя не въ силахъ перенести подобную минуту» [30]).

«Въ Воскресенье вечеромъ, 19 Сентября, около половины шестаго» (съ своей стороны разсказываетъ Гаррисъ) «ихъ императорскія высочества, великій князь и великая княгиня, выѣхали изъ Царскаго Села... Я поручилъ одному преданному мнѣ человѣку наблюдать за всѣмъ происходившимъ до минуты отъѣзда. Невозможно описать волненія Великой Княгини. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету въ безчувственномъ состояніи. Она хотѣла сказать что-то; но голосъ у ней оборвался, и вообще ея видъ и движенія больше напоминали положеніе особы, осужденной на изгнаніе, чѣмъ готовящейся къ пріятному и поучительному путешествію. Великій Князь находился почти въ такомъ же состояніи. Войдя въ карету, онъ опустилъ шторы и велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе. Князь

---

[29]) С. Р. И. О., IX, 65.
[30]) С. Р. И. О., XV, 38.

Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большая часть главныхъ и придворныхъ чиновъ провожали ихъ до кареты. Послѣдній изъ нихъ стоялъ ближе всѣхъ къ Великому Князю, когда онъ входилъ въ карету, и въ эту минуту прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица, проводившая ихъ до прихожей своихъ покоевъ, была сильно разстроена и, простившись съ ними, тотчасъ же отправилась къ своимъ внукамъ». Вѣрный, однако, своей подозрительности и, очевидно, не понимая глубины родительскихъ чувствъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, Англійскій дипломатъ объяснялъ ихъ волненіе и политическими причинами. «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что необыкновенная чувствительность ихъ императорскихъ высочествъ вызвана не одной только разлукой съ дѣтьми. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умы опасеніями, и они уѣхали подъ сильнымъ впечатлѣніемъ ужаса» [31]). Но Цесаревича и его супругу должно было утѣшить отчасти то проявленіе любви къ нимъ народа, которое выразилось на пути изъ Царскаго Села въ Красное. По словамъ Французскаго посланника Верака, народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу августѣйшимъ путешественникамъ, привѣтствовалъ ихъ и едва не бросался подъ колеса ихъ экипажа [32]). Глубоко взволнованная только что происходившимъ прощаніемъ и тронутая изъявленіемъ народной любви, Марія Ѳеодоровна, по пріѣздѣ въ Красное Село, такъ выразила свои чувства въ своей записной книжкѣ: «Душа моя была сильно потрясена въ это Воскресенье, 19 Сентября. Скорбь при разлукѣ съ дѣтьми, отечествомъ, друзьями, угнетаетъ и убиваетъ меня; но зато какъ утѣшительно для меня, при видѣ всеобщей скорби, думать, что насъ любятъ и что къ нашему отъѣзду неравнодушны. Сможемъ ли мы своимъ образомъ дѣйствій сдѣлаться достойными тѣхъ чувствъ, которыя выражены по отношенію къ намъ? Моя скорбь прекратится лишь съ моимъ возвращеніемъ [33]). Дѣйствительно, такія тяжелыя минуты, какія она переживала въ это время, не забываются, и именно въ такія минуты крѣпнетъ нравственная связь между народомъ и его государями; немудрено, что въ отвѣтѣ на выраженіе народной любви

[31]) Донесеніе 21 Сентября 1781 г.

[32]) La Cour de Russie il y a cent ans, 362. Веракъ выражаетъ при этомъ свое мнѣніе, что Императрица была очень недовольна этимъ выраженіемъ народной привязанности къ ихъ высочествамъ.

[33]) Route de différents pays de l'Europe pour le voyage de madame la comtesse du Nord 1781, рукопись принадлежавшая академику А. А. Кунику и переданная имъ въ Эрмитажъ. Маршруты писаны посторонней рукою, но между ними находится нѣсколько собственноручныхъ отмѣтокъ Маріи Ѳеодоровны.

еще не заслуженной по мнѣнію Маріи Θеодоровны, первымъ движеніемъ ея чуткой души было стремленіе, рано или поздно, отплатить народу заботами о его благѣ и счастіи. Сама не зная того, Марія Θеодоровна сошлась въ этомъ чувствѣ съ своей великой свекровью.

Уѣзжая изъ Россіи, высокіе путешественники не лишились однако, возможности получать изъ отечества достовѣрныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ при дворѣ и въ обществѣ. Обязавъ дѣтей писать ей каждую недѣлю, Екатерина сама аккуратно отвѣчала на ихъ письма; кромѣ того, съ Павломъ Петровичемъ находились въ постоянной перепискѣ графъ Панинъ и князь Репнинъ [34]), а съ княземъ А. Б. Куракинымъ, сопровождавшимъ цесаревича, флигель-адъютантъ Бибиковъ и Французъ Пикаръ [35]).

Чтобы избѣжать пышности и мелочнаго соблюденія требованій этикета, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна по желанію Екатерины, приняли титулъ графа и графини Сѣверныхъ. Число ихъ спутниковъ увеличилось присоединеніемъ доктора Крузе и священника Самбурскаго. Обыкновенно Плещеевъ ѣхалъ впереди, выбирая помѣщенія и остановки, а позади ѣхалъ Салтыковъ съ женою. Путь ихъ высочествъ лежалъ чрезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ въ Кіевъ, а оттуда чрезъ южную часть Польши въ Австрію; одинъ только Лафермьеръ, вѣроятно задержанный чѣмъ либо въ Петербургѣ, направился въ Вѣну кратчайшимъ путемъ, чрезъ Ригу и Краковъ [36]).

Путешествіе Русскаго Великаго Князя произвело сильное впечатлѣніе на иностранные дворы. Россія уже пользовалась въ Европѣ такимъ значеніемъ, что каждый изъ нихъ считалъ нужнымъ выразить наслѣднику Екатерины какъ можно болѣе вниманія, въ особенности Австрія, Пруссія и Польша. Мы уже знаемъ о стараніяхъ Фридриха II, вызванныхъ желаніемъ его видѣть Павла Петровича и Марію Θеодоровну въ Берлинѣ; но его усилія остались безуспѣшны въ виду союза, заключеннаго Россіей съ Австріей, и явной холодности, которую Екатерина стала обнаруживать по отношенію къ старому, но коварному другу. Тѣмъ бо́льшую радость выказалъ Іосифъ II. Его восторгъ былъ такъ великъ, что онъ имѣлъ даже намѣреніе оказать неслыханную почесть высокимъ гостямъ своимъ выѣхать къ нимъ на встрѣчу и принять ихъ на самой границѣ своихъ владѣній; для пріема же ихъ и

---

[34]) Arnet, Ioseph II, I, 118.
[35]) С. Р. И. О., XV, 145.—Письма Пикара напечатаны въ Р. Ст., т. I и XXII.
[36]) Архивъ Князя Воронцова, XXIX, 212.

Монбельярскихъ родныхъ Великой Княгини онъ дѣлалъ пышныя приготовленія [37]). Не менѣе озабоченъ былъ путешествіемъ Великаго Князя и Станиславъ-Августъ. Узнавъ, что Великій Князь не будетъ въ Варшавѣ, Станиславъ, чрезъ Русскаго посланника, Штакельберга ходатайствовалъ по крайней мѣрѣ объ измѣненіи пути, предлагая направиться чрезъ Бѣлостокъ и Люблинъ; просьбу свою Станиславъ объяснялъ желаніемъ выѣхать на встрѣчу Павлу Петровичу, указывая, что Бѣлостокъ находится гораздо ближе къ Варшавѣ. Но Штакельбергу велѣно было отвѣчать, что маршрутъ Великаго Князя составленъ съ цѣлью дать ему возможность познакомиться съ значительною частью имперіи и что въ виду сдѣланныхъ уже распоряженій измѣненіе пути представляется невозможнымъ; взамѣнъ того, Императрица предлагала королю увидѣться съ ея сыномъ и невѣсткой на возвратномъ пути ихъ, когда они, согласно желанію короля, будутъ проѣзжать чрезъ Бѣлостокъ. Получивъ такой отвѣтъ, король, здоровье котораго, по словамъ Штакельберга, было въ то время чрезвычайно разстроено и внушало даже опасенія за его жизнь, не отказался отъ своего намѣренія лично привѣтствовать высокихъ гостей въ предѣлахъ своего государства и, несмотря на дурныя въ осеннее время дороги, отправился съ этою цѣлью въ замокъ Вишневецъ за 400 верстъ отъ Варшавы [38]).

Мы не будемъ подробно излагать внѣшнюю сторону путешествія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны и описывать тѣ обычныя празднества, которыми чествовали высокихъ путешественниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей: удовлетворяя простому любопытству, описаніе это въ сущности ничего не прибавитъ къ раскрытію тѣхъ впечатлѣній, которыя производило на Цесаревича и его супругу знакомство съ новыми странами, и тѣхъ личныхъ свойствъ великокняжеской четы, къ проявленію которыхъ это знакомство подавало поводъ,—словомъ того, что̀ мы назвали бы внутренней исторіей путешествія. Къ сожалѣнію, она не можетъ быть возстановлена съ надлежащей ясностью по скудости матеріаловъ, тогда какъ внѣшняя, казовая сторона можетъ быть описана чрезвычайно подробно почти день за днемъ [39]). Правда и Павелъ Петровичъ, и Марія Ѳеодоровна вели дневники, занося въ нихъ все, показавшееся для нихъ важнымъ и занимательнымъ; но, къ сожалѣнію, одинъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ дневниковъ погибъ

---

[37]) Письмо Іосифа къ Екатеринѣ 9 Октября 1781 г.—Р. А. 1880, 1, 202.

[38]) Московскій Главный Архивъ М. И. Дѣлъ. Донесеніе Штакельберга Остерману отъ 1 Августа.—Депеша Остермана Штакельбергу 13 Августа. Донесеніе Штакельберга 27 Сентября.

[39]) Кромѣ данныхъ, сообщенныхъ по этому предмету въ извѣстной книгѣ г. Кобеко, богатый матеріалъ для этого находится въ современныхъ донесеніяхъ Русскихъ дипломатовъ. Донесенія эти хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Дѣлъ.

безвозвратно, а судьба другаго неизвѣстна [40]). Пробѣлъ этотъ, конечно, не можетъ быть пополненъ письмами Маріи Ѳеодоровны къ Екатеринѣ, въ которыхъ сентиментальная и скромная невѣстка не считала возможнымъ разъяснять свекрови особенности личной своей жизни: міросозерцаніе и интересы обѣихъ царственныхъ женщинъ во многомъ были совершенно противоположны [41]). Между тѣмъ одно существованіе этихъ дневниковъ доказываетъ, съ какимъ вниманіемъ относилась молодая чета ко всему тому, что̀ она видѣла и слышала; ясно, что, отдавая себѣ ежедневно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна высоко ставили образовательное значеніе своего путешествія. Конечно, царственныя лица, стѣсняемыя условіями внѣшнихъ пріемовъ и жизнью на показъ, находятся въ этомъ отношеніи не въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ частныя; тѣмъ болѣе важны для насъ даже отрывочныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и впечатлѣніяхъ высокихъ путешественниковъ.

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна мало знали Россію и ея бытъ. Откуда было имъ узнать ихъ? Этому не благопріятствовало ихъ постоянное пребываніе въ Петербургѣ, населеніе котораго состояло частью изъ иностранцевъ, частью изъ объевропеенныхъ Русскихъ, уже подвергшихся вліянію всего легче воспринятыхъ дурныхъ сторонъ Европейскаго быта. Къ тому же Петербургъ былъ городомъ правительственнымъ, гдѣ о народѣ Русскомъ можно было составить себѣ понятіе либо по представителямъ Русскаго барства, жившимъ въ сферѣ придворныхъ отношеній, либо по чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ. Въ XVIII вѣкѣ, при неудобныхъ и медлительныхъ путяхъ сообщенія, Петербургъ былъ гораздо дальше отъ коренной Россіи, чѣмъ въ настоящее время *), и оттого жизнь Русскаго народа, при ничтожествѣ

---

[40]) Участь, постигшая дневникъ Маріи Ѳеодоровны, разсказана нами въ главѣ IV нашего труда (Р. А., 1889, № 10). Существованіе дневника Павла Петровича подтверждается реестромъ его бумагъ, составленнымъ уже въ царствованіе Александра Павловича (Маріинск. Арх., св. 103, № 5); въ числѣ бумагъ, хранившихся въ кабинетѣ Павла Петровича въ дубовомъ ящикѣ, значится подъ № 1: „Собственноручный журналъ путешествія по Европѣ въ 1781 и 1782 годахъ". Дневники велись чрезвычайно подробно и представляли по словамъ Леопольда, брата Іосифа II, слышавшаго извлеченія изъ нихъ, множество точныхъ и чрезвычайно интересныхъ свѣдѣній. Arnet: Joseph II, I, 119—120. Тоже сообщаетъ и графиня Хотекъ, которой также удалось слышать отрывки изъ этого дневника изъ устъ Павла Петровича. Русскій Архивъ 1873, II, 1969.

[41]) Письма эти хранятся въ Госуд. Арх., IV, 118. Къ сожалѣнію, и они сохранились далеко не всѣ; писемъ, относящихся къ первой половинѣ путешествія, нѣтъ вовсе, и о содержаніи ихъ можно судить лишь по отвѣтамъ Екатерины, напечатаннымъ въ Сборникѣ Р. И. О., IX.

*) Мы позволяемъ себѣ въ этомъ усумниться. Намъ кажется, напротивъ, что тогда и въ Петербургѣ только начиналось гибельное наше „своей землѣ несвоеземство". П. Б.

общественной литературы, отражалась въ Русской столицѣ главнымъ образомъ или въ одностороннихъ устныхъ сообщеніяхъ, или въ разнаго рода меморіяхъ и доношеніяхъ. Далеко не всѣмъ дано было такъ геніально угадывать ее, какъ Екатеринѣ. Даже въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ преимущественно проводила лѣтнее свое время великокняжеская чета, Русское населеніе большею частію перемѣшивалось съ не вполнѣ еще обрусѣвшими Финнами. Путешествіе въ Русскихъ предѣлахъ должно было бы послужить къ лучшему знакомству съ Россіей Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, какъ ни мало удачно было въ этомъ отношеніи избранное Екатериной направленіе пути на Полоцкъ, Могилевъ и Кіевъ. И дѣйствительно, впечатлѣнія путешествія не соотвѣтствовали Петербургскимъ. Уже изъ Полоцка искренній, правдивый Цесаревичъ извѣщалъ мать свою, что новое устройство губерній показалось ему гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде; но положеніе церковныхъ дѣлъ онъ нашелъ неудовлетворительнымъ, что̀ вызвало отвѣтъ Екатерины: «посѣщеніе эпархій (diocestères) показало вамъ дѣтство вещей; но кто идетъ медленно, идетъ безопасно» [42]. Въ мѣстечкѣ Черчерскѣ, гдѣ Бѣлорусскій губернаторъ графъ З. Г. Чернышевъ великолѣпно угощалъ Великаго Князя и его супругу, Павелъ Петровичъ неожиданно выразилъ свое мнѣніе о развращенности нравовъ Петербургскаго общества того времени. Въ Чечерскѣ «былъ благородный театръ, разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ; была дана опера: «Новое Семейство» (сюжетъ которой взятъ изъ Русской простонародной жизни), потомъ Французская комедія: «Anglomanie». Я (Л. Н. Энгельгардту было въ то время 15 лѣтъ) и старшая сестра моя играли въ оперѣ. По окончаніи театра актеры были представлены ихъ высочествамъ. Великій князь спросилъ отца моего, записанъ ли я въ службу. Какъ онъ отвѣчалъ, что записанъ въ Преображенскомъ полку сержантомъ, великій князь сказалъ: «Пожалуйста, не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился» [43]. Отдыхая отъ стѣснительныхъ условій Петербургской придворной жизни, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна восхищались благодатной природой Малороссіи, мягкій климатъ которой невольно вызывалъ у нихъ сожалѣніе о дурномъ климатѣ Петербурга. Красоты Кіева особенно поразили путешественниковъ. «Что̀ вы говорите мнѣ о мѣстоположеніи Кіева, писала имъ Екатерина, напомнило мнѣ о томъ, что̀ я видѣла тамъ *), и я охотно соглашаюсь съ вами, что въ древности не дурно выбирали мѣста для своего жилища.

---

[42]) С. Р. И. О., IX, 69—70.

[43]) Записки Л. Н. Энгельгардта". Изданіе „Русскаго Архива". М. 1868, 25—26.

*) Въ 1744 году, будучи еще невѣстой. П. Б.

Это напоминаетъ мнѣ слова Ивана Михайловича Головина, сказавшаго Петру: «Ты человѣкъ умный, только усадьбу заложить не умѣешь...». Жалко, любезный сынъ, что одной доброй воли недостаточно для пересылки и перенесенія хорошаго климата и мѣстоположенія; иначе Царское Село почувствовало бы ваше расположеніе» [44]).

Кіевъ, сохранившій еще въ то время свой казацкій отпечатокъ, принялъ Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну особенно торжественно. Ихъ высочества прибыли въ Кіевъ 11 Октября и встрѣчены были у городской черты Малорусскимъ генералъ-губернаторомъ, фельдмаршаломъ Румянцовымъ, давнимъ приверженцемъ Великаго Князя. Поклонившись св. мощамъ въ Лаврской церкви, ихъ высочества отправились во дворецъ, гдѣ графъ Румянцовъ представлялъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ, а вечеромъ Маріи Ѳеодоровнѣ представлялись знатныя дамы города. Слѣдующій день былъ посвященъ поклоненію Кіевской святынѣ, а вечеромъ ихъ высочества приняли ужинъ въ магистратѣ, предъ которымъ устроена была илюминація. 13 Октября Цесаревичъ и его супруга посѣтили Братскій монастырь съ его академіею, причемъ академисты говорили рѣчи на разныхъ языкахъ; а 14 Октября, въ день рожденія Маріи Ѳеодоровны и наканунѣ своего отъѣзда изъ Кіева, ихъ высочества слушали обѣдню въ Софійскомъ монастырѣ; вечеромъ городъ былъ илюминованъ, и сожженъ фейерверкъ.

Кіевъ въ то время расположенъ былъ недалеко отъ Польской границы; поэтому туда явился, для привѣтствованія Великаго Князя отъ имени короля Станислава Августа, генералъ Комаржевскій, которому поручено было сопровождать въ Польскихъ предѣлахъ высокихъ путешественниковъ и заботиться о ихъ удобствахъ. Комаржевскій съ такою точностію исполнялъ это порученіе короля, что, зная любовь Маріи Ѳеодоровны къ музыкѣ, на каждой продолжительной остановкѣ приготовилъ для нея фортепьяно. Іосифъ II также прислалъ въ Кіевъ съ тою же цѣлью генерала Ганнаха. Въ сопровожденіи этихъ лицъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна 15 Октября покинули Кіевъ и затѣмъ въ Васильковѣ надолго простились съ Россіей.

Въ Вишневцѣ Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну ожидалъ самъ Станиславъ-Августъ и знатнѣйшіе Польскіе магнаты. Здѣсь король, посаженный на престолъ Екатериной, чествовалъ ея дѣтей цѣлымъ рядомъ торжествъ. Съ своей стороны, Цесаревичъ и его супруга обходились съ королемъ и Поляками съ такою любезностію, что вскружили имъ голову; въ особенности король и его окружающіе остались довольны тѣмъ, что августѣйшіе путешественники отложили отъѣздъ изъ Виш-

---

[44]) С. Р. И. О., IX, 75—77.

невца, назначенный на 23 Октября, выразивъ желаніе праздновать вмѣстѣ съ королемъ день 24 Октября, годовщину извѣстнаго избавленія Станислава-Августа изъ рукъ похищавшихъ его конфедератовъ. Король Польскій возвратился въ Варшаву, по словамъ Штакельберга, въ такомъ радостномъ настроеніи, въ какомъ онъ не былъ еще до тѣхъ поръ со временъ перваго раздѣла Польши. «Онъ совершенно убѣжденъ, прибавлялъ Штакельбергъ, что, для того чтобы быть добрымъ патріотомъ, нужно быть добрымъ Русскимъ» [45]).

Въ Бродахъ графъ и графиня Сѣверные вступили въ Австрійскія владѣнія, гдѣ встрѣтила ихъ Австрійская свита, и на пути въ Вѣну они посѣтили извѣстныя соляныя копи Велички; при этомъ Марія Ѳеодоровна вмѣстѣ съ супругомъ спускались въ самую глубь копей и затѣмъ подробно описали ихъ въ письмѣ къ Екатеринѣ [46]). Въ Тропау, за 200 верстъ отъ Вѣны, ожидали путешественниковъ самъ Іосифъ II и Русскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, князь Д. М. Голицынъ. «Съ какою чувствительною радостію и съ какимъ ея изъявленіемъ принялъ императоръ ихъ высочества, тому», доносилъ князь Голицынъ Екатеринѣ, «я самъ, Всемилостивѣйшая Государыня, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, имѣя счастіе тамъ же отдать ихъ высочествамъ первые поклоны. А по всеподданнѣйшей моей должности не могу я предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ умолчать и о томъ: его величество императоръ изъяснялся со мною въ помянутомъ городѣ о томъ величайшемъ удовольствіи, съ которымъ онъ, въ предѣлахъ земель своихъ, видитъ толь отличныхъ, толь знаменитыхъ гостей и толикаго почтенія и любви достойныхъ дѣтей такой Монархини, къ которой никто изъ Европейскихъ государей (таковы были слова его величества) не можетъ имѣть подобнаго тому высокопочитанія, какимъ онъ къ ней преисполненъ, какъ въ разсужденіи наивысочайшихъ и несравненныхъ душевныхъ ея качествъ и достоинствъ, такъ и въ разсужденіи великихъ извѣстныхъ ея дѣлъ, и которой онъ, посвятя совершеннѣйшую свою преданность, ненарушимо сохранитъ оную до конца своей жизни» [47]). Въ день прибытія въ Тропау, послѣ вечерняго стола, для ихъ высочествъ былъ данъ спектакль и балъ, а на другой день графъ и графиня Сѣ-

---

[45]) Донесеніе Штакельберга (Московскій Главный Архивъ М. И. Д.) отъ 27 Окт. (7 Ноября) и 28 Окт. (8 Ноября). „Il est bien persuadé actuellement que pour être bon patriote, il faut être bon Russe“.—Бумаги о празднествахъ въ Вишневцѣ хранятся въ архивѣ Павловскаго дворца.

[46]) С. Р. И. О. IX, 95—96. Проѣзжая Галиціей, Павелъ Петровичъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что эта страна, доставшаяся Австріи по первому раздѣлу Польши, гораздо богаче Бѣлоруссіи, присоединенной по тому же раздѣлу къ Россіи. Arnet: Ioseph II, I, 117.

[47]) Донесеніе князя Голицына отъ 10 Ноября.

верные, въ одной каретѣ съ императоромъ, отправились въ дальнѣйшій путь, при чемъ на главныхъ остановкахъ въ честь путешественниковъ давались спектакли и балы.

10-го Ноября 1781 года, въ полдень, графъ и графиня Сѣверные прибыли, наконецъ, въ Вѣну, гдѣ Марію Θеодоровну уже ждали ея родители, явившіеся туда подъ именемъ графа и графини Грeнингенскихъ, въ сопровожденіи дочери, принцессы Елисаветы, и сына Фердинанда. Еще не въѣзжая въ Вѣну, Марія Θеодоровна увидѣлась съ дорогими ея сердцу особами въ загородномъ императорскомъ дворцѣ, близъ дворцоваго сада, извѣстнаго подъ именемъ Аугартенъ (гдѣ собравшимся царственнымъ гостямъ предложенъ былъ завтракъ). Затѣмъ графъ и графиня Сѣверные совершили въѣздъ свой въ Вѣну и остановились въ императорскомъ дворцѣ Амаліенгофѣ. Послѣ семейнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ и главный виновникъ состоявшагося свиданія, Іосифъ II, августѣйшіе путешественники въ сопровожденіи императора отправились въ національный театръ. «Коль скоро показалась великая княгиня въ ложѣ», доносилъ Голицынъ, «то вся многочисленная публика, которая, весьма благовременно тамъ собравшися, съ нетерпѣніемъ ожидала толь знаменитыхъ гостей, проявила совершенное свое о благополучномъ ихъ пребываніи въ здѣшнюю столицу удовольствіе радостными восклицаніями и плесканіями ручными, кои по окончаніи спектакля троекратно повторены были» [48]). 11 Ноября Вѣнская знать и иностранные министры явились съ визитами къ графу и графинѣ Сѣвернымъ, и въ тотъ же день вечеромъ при дворѣ данъ былъ большой балъ, на которомъ императоръ и князь Голицынъ представили Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ знатнѣйшихъ особъ и дипломатическихъ агентовъ разныхъ державъ. Вслѣдъ затѣмъ потянулся цѣлый рядъ торжествъ въ въ честь августѣйшей четы, въ теченіе которыхъ великій князь и его супруга знакомились съ Вѣною, ея обществомъ и учрежденіями. Въ тоже время Марія Θеодоровна вела съ Іосифомъ II переговоры по вопросу объ устроеніи судьбы сестры своей, принцессы Елисаветы. Самъ императоръ тщательно изучалъ гостей своихъ и, извѣщая брата своего, Леопольда Тосканскаго, объ отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны изъ Вѣны, охарактеризовалъ ихъ слѣдующимъ отзывомъ:

---

[48]) Донесеніе князя Голицына отъ 13 Ноября. У барона Θ. А. Бюлера мы имѣли случай видѣть фотографическій снимокъ съ большой современной картины, изображающей Іосифа II-го, графа и графиню Сѣверныхъ съ ихъ свитою, Монбельярское семейство и кн. Кауница на одномъ изъ дворцовыхъ пріемовъ. Картина эта, находящаяся въ Вѣнѣ, съ величайшей точностью воспроизводитъ какъ наружность всѣхъ перечисленныхъ лицъ, такъ и окружавшую ихъ обстановку.

«Великій князь и великая княгиня съ несовсѣмъ обычными дарованіями соединяютъ довольно обширныя познанія, а также большое желаніе обозрѣвать и поучаться и въ тоже время имѣть успѣхъ и нравиться всей Европѣ. На ихъ честность и скромность можно положиться, и поэтому ничѣмъ нельзя болѣе обязать ихъ какъ доставляя имъ возможность осматривать все безъ подготовки и прикрасъ, говорить съ ними съ полною откровенностію, не скрывать отъ нихъ недостатковъ, которые и безъ того не ускользнули бы отъ ихъ проницательности, и обращать ихъ вниманіе на добрыя намѣренія, которыми вы одушевлены, хотя бы они еще и не выразились на дѣлѣ. Въ виду ихъ недовѣрчивости, зависящей, впрочемъ, не столько отъ ихъ характера, сколько отъ обстоятельствъ, въ которыя они поставлены, нужно избѣгать всего, что̀ могло бы имѣть видъ уловки или притворства» (de comédie).

«Непродолжительное время, которое они проведутъ съ вами, не слѣдуетъ тратить на представленія и обычные комплименты; но должно тотчасъ же предварить ихъ, что, получивъ отъ меня свѣдѣнія о ихъ образѣ мыслей, вы желаете съ первой же минуты говорить и обходиться съ ними съ полнымъ довѣріемъ и дружбой, какъ съ давними знакомыми, чтобы употребить съ пользою тѣ немногія минуты, которыя вы проведете съ ними, ознакомивъ ихъ съ собою и доставивъ себѣ полное удовольствіе ихъ знакомствомъ и ихъ любезнымъ обществомъ».

«Вы можете говорить съ ними о чемъ хотите; но, будучи очень нѣжными и заботливыми родителями, они, безъ сомнѣнія, пожелаютъ вникнуть во всѣ подробности вопроса о воспитаніи вашихъ дѣтей, къ которому, сколько я знаю, вы сами относились съ нѣжною заботливостію».

«Они ведутъ правильный образъ жизни, и такъ какъ, притомъ, здоровье великаго князя не отличается, къ сожалѣнію, особенною крѣпостію, то должно заботливо избѣгать продолжительныхъ вечеровъ и слишкомъ частаго утомленія. Желательно было бы устроить все такъ, чтобы они не были поставлены въ необходимость выѣзжать ранѣе 9 или 10 часовъ утра, а въ особенности, чтобы они могли къ 10 или 11 часамъ вечера удаляться къ себѣ, такъ какъ значительную часть утра и даже вечера они удѣляютъ на занятія и переписку».

«Всѣ предметы, дѣйствительно замѣчательные по своей древности, рѣдкости, размѣру или великолѣпію сооруженія, чрезвычайно ихъ занимаютъ; поэтому не слѣдуетъ утомлять ихъ вниманіе обозрѣніемъ нѣсколькихъ предметовъ въ одинъ день, а напротивъ, нужно дать имъ возможность осмотрѣть въ подробности все любопытное и замѣчательное».

«Общественныя учрежденія, какъ благотворительныя, такъ учебныя, осмотрѣны были ими съ особеннымъ вниманіемъ, и такъ какъ они желаютъ, чтобы это обозрѣніе послужило къ ихъ пользѣ, то не

только не слѣдуетъ отказывать имъ въ сообщеніи письменныхъ свѣдѣній, со всею подробностію, которой они могутъ потребовать, но, напротивъ, предлагать имъ эти свѣдѣнія, потому что и безъ того всѣ эти учрежденія устроены не для того, чтобы оставаться въ тайнѣ; а такіе знаки довѣрія и предупредительности будутъ имъ очень пріятны, доказывая ваше желаніе содѣйствовать пользѣ и удовольствію, которыя они надѣются получить въ своемъ путешествіи».

«Знакомство съ людьми наиболѣе просвѣщенными и извѣстными составляетъ главный предметъ ихъ любознательности, и такъ какъ они желаютъ видѣть избранное, исключительное общество и пользоваться имъ, то необходимо устраивать обѣды и бесѣды, во время которыхъ ихъ высочества будутъ имѣть удовольствіе перезнакомиться со всѣми, кто, будутъ ли то мужчины или женщины, выдвигается изъ ряду не только по рожденію, но и по уму своему или знаніямъ. При этомъ ихъ высочества будутъ также имѣть удовольствіе выказать себя своими бесѣдами, любезностію и образованіемъ предъ лицами, которыя наиболѣе способны судить объ этомъ и которыя, отдавъ имъ справедливость, привлекутъ на ихъ сторону общественное мнѣніе» [49]).

Эта лестная характеристика великокняжеской четы, сдѣланная такимъ тонкимъ наблюдателемъ, какъ Іосифъ II, живо знакомитъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили въ Европѣ царственные супруги на людей самыхъ безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ, и въ тоже время лучше всякихъ подробныхъ офиціальныхъ донесеній свидѣтельствуетъ, чѣмъ интересовались и чего стремились достигнуть Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна во время своего путешествія. Донесенія нашихъ посланниковъ при тѣхъ дворахъ, которые посѣщены были великокняжескою четою, представляютъ собою по большей части самый утомительный перечень ея времепрепровожденія, сопровождаемый иногда извлеченіями изъ газетъ, посвящавшихъ свои столбцы описанію поѣздки царственныхъ путешественниковъ. Тѣмъ болѣе любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя Іосифомъ, замѣчавшимъ даже привычки и наклонности Цесаревича и его супруги.

«Великій князь, писалъ онъ, не танцуетъ; великая княгиня принимаетъ участіе въ танцахъ, но безъ увлеченія.... Хорошая музыка и хорошій спектакль, въ особенности, если они не продолжительны и не затягиваются до поздняго вечера, доставляютъ имъ, какъ кажется, удовольствіе. Военное и морское дѣло, конечно, составляютъ одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ ихъ занятій, равно какъ и торговля, промыш-

---

[49]) Arnet, Joseph II, I, 332—335.

ленность и мануфактуры.... По отношенію къ столу они вовсе не прихотливы; они предпочитаютъ простыя, но хорошія блюда и компоты изъ фруктовъ; пьютъ только воду, а великая княгиня въ особенности любитъ пить зельтерскую воду... Ужинаютъ они чѣмъ Богъ пошлетъ (quelque chose) и не любятъ обѣдать позже двухъ часовъ. Ни къ какимъ играмъ они не чувствуютъ влеченія. Великая княгиня прекрасно играетъ на фортепьяно; нужно позаботиться, чтобъ у нея въ комнатѣ былъ хорошій инструментъ... Великая княгиня очень любитъ цвѣты; постарайтесь, чтобъ у нея каждое утро былъ свѣжій букетъ» [50]).

Изображая Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну, эти свѣдѣнія о нихъ, сообщенныя Іосифомъ Леопольду, доказываютъ, какимъ внимательнымъ, предупредительнымъ и радушнымъ хозяиномъ явился самъ Іосифъ по отношенію къ своимъ гостямъ. Издержки, сдѣланныя имъ для ихъ пріема, были громадны [51]); парады, балы, маскарады, спектакли, маленькія собранія, слѣдовали одинъ за другимъ всякій разъ, когда заботливый императоръ, представляя гостямъ своимъ полную свободу, надѣялся доставить имъ удовольствіе. «Ихъ высочества», доносилъ въ тоже время князь Голицынъ Екатеринѣ, «не пропускаютъ ни одного дня, который бы не употребили на нѣкоторое любопытству своему удовлетвореніе осматриваніемъ различныхъ здѣшнихъ заведеній и примѣчанія достойныхъ мѣстъ и заведеній, между коими изволили уже ихъ высочества видѣть собраніе придворныхъ картинъ, находящихся въ загородномъ императорскомъ домѣ, именуемомъ Бельведеръ, императорскій Терезіанскій корпусъ, въ которомъ благородные молодые люди разнымъ наукамъ обучаются за нѣкоторую денежную плату; сиротскій домъ, въ коемъ немалое число бѣдныхъ и приносныхъ дѣтей воспитывается подъ управленіемъ одного изъ бывшихъ езуитовъ, абата Пергамера; больницу, учрежденную при одномъ монастырѣ для лѣченія бѣдныхъ и состоящую подъ надзираніемъ и попеченіемъ принадлежащихъ до того монастыря монаховъ Бармхерцигскаго ордена; состоящую въ городѣ главную нормальную школу и находящуюся въ церкви Капуцинскаго монастыря императорскую гробницу. Между тѣмъ Государь Цесаревичъ почтилъ посѣщеніемъ своимъ славнаго сочинителя музыки Глука, который съ нѣкотораго времени, за болѣзненнымъ его состояніемъ, не выходитъ изъ дому; также и престарѣлаго аббата Метастазіо, который государынѣ великой княгинѣ, по желанію ея императорскаго высочества, представленъ былъ». Изъ числа другихъ, осмотрѣнныхъ Маріею

---

[50]) Тамъ же, 335—388.
[51]) С. Р. И. О., IX, 95

Ѳеодоровною учрежденій, особенное ея вниманіе обратило на себя училище глухонѣмыхъ [52]).

Немало времени, конечно, посвящено было Маріей Ѳеодоровной задушевной бесѣдѣ съ родителями, сестрой и братомъ послѣ продолжительной разлуки; но радость свиданія омрачалась опасеніями за будущее любимой сестры и братьевъ, зависѣвшее отъ случайностей политическаго положенія. Оставался еще нерѣшеннымъ важный вопросъ, волновавшій родителей Маріи Ѳеодоровны, какъ относятся эрцгерцогъ Леопольдъ и его супруга къ предположенному браку ихъ сына Франца съ принцессой Елисаветой и каково будетъ ея положеніе до совершеннолѣтія ея жениха. Даже во время пребыванія въ Вѣнѣ великокняжеской четы Фридрихъ дѣлалъ послѣднія усилія помѣшать браку и, посредствомъ принца Генриха, принца Фердинанда и двухъ ея Берлинскихъ тетокъ, увѣрялъ Марію Ѳеодоровну, будто бы Леопольдъ и жена его были совершенно противъ брака ихъ сына съ сестрой великой княгини и уступили, повинуясь только силѣ [53]). Изъ Берлина, конечно, шли также увѣренія и въ томъ, что императоръ намѣревался заключить принцессу въ монастырь на шесть лѣтъ съ тѣмъ, чтобы держать ее тамъ такой долгій промежутокъ времени [54]). На самомъ же дѣлѣ Берлинскія извѣстія были совершенно лживы. Леопольдъ, извѣстный по трезвому своему уму и рѣдкимъ для того времени строгимъ нравственнымъ правиламъ, сочувственно относился къ выбору принцессы Елисаветы въ невѣсты его сыну. Судя по личности Маріи Ѳеодоровны, онъ былъ высокаго мнѣніи о воспитаніи, данномъ своимъ дочерямъ принцессой Доротеей; вполнѣ доволенъ онъ былъ и внѣшними качествами принцессы Елисаветы, хотя она по описанію Іосифа не обладала привлекательною наружностію. Въ желаніи устранить всѣ препятствія къ совершенію задуманнаго брака эрцгерцогъ шелъ даже далѣе своего брата императора. Іосифъ, очевидно, имѣлъ первоначально въ виду какъ можно скорѣе уединить будущую Австрійскую императрицу отъ протестантскихъ и Прусскихъ вліяній, и поэтому выражалъ желаніе, чтобы принцесса немедленно переселилась въ Вѣну и, окруженная здѣсь исключительно Австрійцами, занялась бы изученіемъ католической вѣры. Живя въ кругу Австрійцевъ, 14-лѣтняя принцесса ма-

---

[52]) С. Р. И. О., IX, 105. „Судя по тому, что говоритъ мнѣ милая дочь, писала ей Екатерина, объ обученіи глухонѣмыхъ сего города, я должна думать, что это учрежденіе удивительно усовершенствовалось, такъ какъ о томъ, которое было заводили лѣтъ 15 тому назадъ во Франціи, я слышала, говорили, что въ немъ гораздо болѣе мучили несчастныхъ, чѣмъ дѣйствительно давали познаній“.

[53]) Arnet: Joseph II, I, 115.

[54]) С. Р. И. О., IX, 100.

ло-по-малу привыкла бы считать своими Австрійскій домъ и государство. Леопольдъ горячо возражалъ брату, указывая на возможность сопротивленія его желанію родителей принцессы, привыкшихъ видѣть дочь свою возлѣ себя и прилагавшихъ всѣ старанія къ ея воспитанію, еще не вполнѣ законченному [55]). Іосифъ, однако, по пріѣздѣ принцессы въ Вѣну, еще сильнѣе настаивалъ на своемъ намѣреніи, изъявляя въ то-же время готовность сдѣлать все возможное для того, чтобы положеніе принцессы въ Вѣнѣ было для нея почетнымъ и пріятнымъ. И дѣйствительно, переговоры, которые онъ велъ для достиженія своей цѣли съ Маріей Өеодоровной и ея родителями во время пребыванія ихъ въ Вѣнѣ, скоро увѣнчались успѣхомъ. «Отъ родителей ея императорскаго высочества, а особливо отъ ея высочества», доносилъ кн. Голицынъ 23 Декабря, узналъ я, «всемилостивѣйшая Государыня, что дѣло бракосочетанія принцессы съ Тосканскимъ принцемъ, по прибытіи сюда родителей ея свѣтлости, расположено уже къ общему участвующихъ въ немъ удовольствію и что государыня великая княгиня Ноября 27 числа по старому стилю подала Вашему Императорскому Величеству обстоятельное о томъ увѣдомленіе, на которое ссылаясь изволила ея императорское высочество объявить мнѣ, что принцесса Елисавета, по отъѣздѣ ихъ императорскихъ высочествъ, обратно съ родителями своими, отправится отсюда въ Монбельяръ, что туда же послана будетъ отъ здѣшняго двора духовная особа для наставленія ея свѣтлости въ Римскомъ законѣ, что она останется тамъ до прибытія туда государя великаго князя и государыни великой княгини; что оттуда возвратится она сюда купно съ ихъ высочествами и съ находящеюся при родителяхъ ея баронессой Боркъ (бывшей гувернанткой и Маріи Өеодоровны), которая здѣсь при ней нѣсколько времени останется; что она будетъ имѣть свое пребываніе въ находящемся въ близости отъ женскаго Салезіанскаго монастыря императорскомъ домѣ, въ коемъ императрица Елисавета, бабка нынѣ владѣющаго императора, во время вдовства своего имѣла жительство и который какъ ихъ императорскія высочества, такъ и родители государыни великой княгини нашли пристойнымъ и по положенію его совершенно выгоднымъ; и что государыня великая княгиня и ея родители, будучи довольны такимъ расположеніемъ императора, совершенно полагаются на материнское Вашего Императорскаго Величества попеченіе о принцессѣ Елисаветѣ и при томъ ласкаютъ себя надеждою, что все въ пользу ея поставленное на мѣстѣ удостоится высочайшей Вашего Императорскаго Величества апробаціи, безъ которой

[55]) Arneth: Joseph II, I, 14, 52 — 53. О наружности ея см. отзывъ Іосифа тамъ же 39, 40.

все дѣло (таковы суть точныя слова государыни великой княгини и ея родителей) ни утверждено, ни совершено быть не можетъ». Но вслѣдъ затѣмъ князь Голицынъ получилъ отъ Маріи Ѳеодоровны порученіе объясниться по этому поводу съ княземъ Кауницемъ. Кауницъ объяснилъ князю Голицыну дальнѣйшіе виды императора относительно принцессы Елисаветы: по возвращеніи въ Вѣну она должна была быть объявлена эрцгерцогиней Австрійской и вслѣдствіе этого получить особый штатъ, и императоръ намѣревался утвердить все дѣло такимъ же брачнымъ договоромъ, на какомъ основанъ былъ первый бракъ его съ принцессой Пармской.

Быстрымъ рѣшеніемъ вопроса о пребываніи принцессы Елисаветы до свадьбы въ Вѣнѣ, не смотря на первоначальный отказъ отца и матери невѣсты и горячія убѣжденія брата своего Леопольда, Іосифъ обязанъ былъ, какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда—Маріи Ѳеодоровнѣ: она не могла не сочувствовать его намѣреніямъ, клонившимся въ сущности лишь ко благу принцессы Елисаветы. Руководствуясь сначала въ своемъ желаніи почти исключительно политическими побужденіями, Іосифъ, видѣвшій принцессу въ Монбельярѣ лишь мелькомъ, по пріѣздѣ ея въ Вѣну, познакомившись съ нею ближе, нашелъ характеръ ея воспитанія не вполнѣ соотвѣтствующимъ достоинству будущей Австрійской императрицы. Не пригожая съ лица принцесса Елисавета, живя до сихъ поръ въ Монбельярскомъ уединеніи, не отличалась и знаніемъ свѣта. Іосифъ находилъ, что она по своимъ привычкамъ и манерамъ предназначена скорѣе къ частной жизни, чѣмъ къ придворной [56]). Даже на внѣшность принцессы, по мнѣнію Іосифа, не было обращено въ Монбельярѣ должнаго вниманія, и вотъ императоръ, для устраненія замѣченныхъ имъ въ этомъ отношеніи недостатковъ, самъ входитъ въ такія подробности, которыя дѣйствительно вызываютъ удивленіе [57]). Марія Ѳеодоровна такимъ образомъ сдѣлалась личной свидѣтельницей этой, такъ сказать, женской заботливости императора и не могла не оцѣнить ея высоко. Въ тоже время Марія

---

[56]) Arnet: Ioseph II, I, 339—343. „Überhaupt scheint es, заключаетъ свое описаніе принцессы Іосифъ, dass sie eine gute bürgerliche Frau zu machen alle Anlage habe, zur Annehmlichkeit des Umganges aber und zur Representation in ihrer Lage noch Vieles, ja fast Alles abgehe“. Но Лаферьеръ даетъ о ней другой отзывъ: M-me la grande d-sse m'a présenté à la princesse sa soeur que je n'ai vue qu'un moment, assez cependant pour la trouver charmante, et pour lui accorder volontiers, sur sa figure, ses manières et le peu de mots qu'elle m'a dit, tout l'esprit que j'entends dire partout qu'elle a“. Арх. Кн. Воронцова, XXIX, 214, письмо отъ 17 Декабря.

[57]) Тамъ же, 63. „J'ai eu soin, пишетъ Іосифъ чрезъ недѣлю по пріѣздѣ Маріи Ѳеодоровны о принцессѣ Елисаветѣ: „de lui faire nettoyer et arranger les dents, dont elle avait besoin, et par là ils seront plus que passables“.

Ѳеодоровна, извѣдавшая по собственному опыту недостатки Монбельярскаго воспитанія для высокаго положенія, въ которое поставила ее судьба, лучше чѣмъ ея родители сознавала важность для счастія своей сестры плана Іосифа о довершеніи ея воспитанія въ Вѣнѣ, при императорскомъ дворѣ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что только подъ вліяніемъ ея убѣжденій принцъ Фридрихъ-Евгеній и принцесса Доротея, мало знакомые съ жизнью большихъ дворовъ, не только не упорствовали въ своемъ первоначальномъ отказѣ, но даже сами вмѣстѣ съ великокняжескою четою поспѣшили выразить свое согласіе, оцѣнивъ по достоинству нѣжную заботливость Іосифа о ихъ дочери [58]). Гувернантка принцессы г-жа Боркъ, также ставшая въ этомъ дѣлѣ на сторону Іосифа, должна была остаться при принцессѣ на нѣкоторое время для того только, чтобы сдѣлать для нея менѣе чувствительнымъ переходъ въ новую жизнь при совершенно чуждой обстановкѣ.

Когда дѣло было устроено, молодая невѣста получила великолѣпные подарки отъ Іосифа и Екатерины, а ея братъ, принцъ Фердинандъ мѣстѣ съ нею пріѣхавшій въ Вѣну, принятъ въ Австрійскую службу подполковникомъ.

Но, сближаясь съ Австріей, Монбельярское семейство создавало себѣ тѣмъ самымъ врага въ Пруссіи. Мстительный Фридрихъ II, узнавъ о полномъ неуспѣхѣ своихъ интригъ и желая дать почувствовать свое негодованіе, уволилъ изъ Прусской службы старшаго брата Маріи Ѳеодоровны, супруга Зельмиры, принца Фридриха. Моментъ это гоувольненія, грубость формы, съ которою оно приведено было въ исполненіе, не позволяютъ сомнѣваться, что служебные нелады принца и дурное обращеніе съ женой были скорѣе поводомъ, чѣмъ дѣйствительною причиною обрушившагося на него удара, хотя нѣтъ сомнѣнія, что при тяжеломъ, неуживчивомъ характерѣ принца, Фридрихъ II радъ былъ отъ него избавиться. Вынужденный уѣзжать изъ Любена (въ Силезіи), гдѣ онъ командовалъ полкомъ, принцъ Фридрихъ обратился къ сестрѣ и зятю съ жалобой на короля, выставляя себя невинной жертвой политическихъ разсчетовъ своего семейства и прося защиты. Положеніе его было тѣмъ плачевнѣе, что онъ не зналъ даже, куда ему ѣхать: въ Вѣну онъ не рѣшался направиться изъ боязни дурнаго пріема отца, продолжавшаго на него гнѣваться, въ Виртембергъ—вслѣдствіе дурныхъ отношеній съ герцогомъ Карломъ. Наконецъ, онъ получилъ приглашеніе великокняжеской четы сопровождать ее въ путешествіи по Италіи и встрѣтить ее въ Венеціи. Въ этомъ городѣ и ждалъ принцъ Фридрихъ своихъ Рус-

---

[58]) Тамъ же, 341.

своихъ сестру и зятя, мучимый въ ожиданіи ихъ «de l'humeur noire», въ сознаніи унизительной безвыходности своего положенія [59]).

Оскорбленіе, нанесенное Прусскимъ королемъ ихъ ближайшему родственнику, отравило послѣдніе дни пребыванія въ Вѣнѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Великій князь принялъ это дѣло, какъ позже писалъ о томъ Леопольдъ брату, близко къ сердцу и очень свысока (très haut). Онъ далъ совѣтъ и другимъ двумъ братьямъ Маріи Ѳеодоровны, бывшимъ на службѣ у Фридриха, Людвигу и Евгенію, также оставить Прусскую службу; когда же принцы не послушались его, то онъ объявилъ, что болѣе не намѣренъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Слѣдствіемъ этого была, уже по выѣздѣ его изъ Вѣны, непріятная переписка Павла съ братьями Фридриха II, принцами Генрихомъ и Фердинандомъ и женою послѣдняго, теткою Маріи Ѳеодоровны; переписка эта закончилась тѣмъ, что Павелъ Петровичъ рѣшительно объявилъ, что болѣе не будетъ писать старому своему свату, принцу Генриху [60]). Не менѣе огорчена была, конечно, и Марія Ѳеодоровна; но когда она, послѣ свиданія съ изгнаннымъ отовсюду братомъ, обратилась къ Екатеринѣ съ просьбою принять его на Русскую службу, къ ней, на встрѣчу ея просьбѣ, уже шло письмо Императрицы, также разгнѣванной поступкомъ Фридриха и предлагавшей жертвѣ стараго Ирода мѣсто генералъ-губернатора Финляндіи. Этимъ новымъ знакомъ вниманія Екатерины Монбельярское семейство обязано было также Маріи Ѳеодоровнѣ, заслужившей ея одобреніе своимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ; притомъ честь Императрицы обязывала ее помочь человѣку, въ лицѣ котораго, по ея мнѣнію, Фридрихъ недостойнымъ образомъ мстилъ ей, ея дѣтямъ и Россіи [61]). Подобно сыну, и Екатерина неодобрительно отнеслась къ желанію его шурьевъ остаться на Прусской службѣ, хотя старый король, увидѣвшій, что своимъ опрометчивымъ поступкомъ онъ окончательно разрушаетъ связь свою съ когда-то преданнымъ ему молодымъ Русскимъ дворомъ, сталъ теперь осыпать ласками младшихъ братьевъ Маріи Ѳеодоровны [62]).

---

[59]) См. переписку съ нимъ Голланда, бывшаго въ это время въ Вѣнѣ. Stark, 88.

[60]) *Arnet.* Joseph II, I, 115—116. По этому же поводу писалъ великому князю и его супругѣ и самъ Фридрихъ, о чемъ они тотчасъ же сообщили Екатеринѣ. С. Р. И. О., IX, 122. Не къ Фридриху ли относится замѣчаніе Императрицы: „мнѣ пріятно видѣть васъ огорченными поведеніемъ человѣка въ нравственномъ и физическомъ отношеніи..... Если люди эти уже не то, чѣмъ были, то вслѣдствіе происшествій, заставившихъ ихъ пасть, немало, навѣрно, содѣйствовало тому и умственное изнеможеніе“. Тамъ же, 121.

[61]) С. Р. И. О., IX, 105—108, 111—112.

[62]) Тамъ же, 107, 125. Еще Лаферьеръ замѣтилъ въ то время: La façon dont le roi de Prusse en a agi avec le frère aîné de la grande-d-sse, ce qui ne peut manquer de tourner au profit de l'empereur, qui finira par être adoré de toute la famille“. Архивъ Кн. Воронцова XXIX, 215, письмо отъ 17 Декабря 1781 г.

Іосифъ спѣшилъ воспользоваться неудовольствіемъ Павла противъ Пруссіи и показалъ ему письмо Екатерины, свидѣтельствовавшее о тайномъ союзѣ, заключенномъ между Австріей и Россіей въ Маѣ 1781 г. Этимъ выраженіемъ своего безграничнаго довѣрія къ рыцарскому Цесаревичу императоръ думалъ окончательно заполонить его сердце. Сомнительно, однако, чтобы неожиданное, повидимому, сообщеніе Іосифа было новостію для великаго князя: въ заключеніи этого союза принималъ участіе графъ Панинъ [63]), и было бы неестественно, если бы онъ умолчалъ о томъ предъ своимъ воспитанникомъ и давнимъ политическимъ единомышленникомъ. Узнавъ отъ Павла о довѣріи, оказанномъ ему Іосифомъ, Екатерина попробовала выяснить ему свой взглядъ на значеніе этого союза для Россіи. «Письмо отъ Мая мѣсяца, которое мой сынъ имѣлъ случай читать въ Вѣнѣ, сдѣлало ваши зимнія квартиры болѣе пріятными. Это утренняя заря прекраснаго дня. Когда мракъ ночи исчезаетъ, тогда является утренняя звѣзда» [64]). Это не помѣшало ей, однако, недовѣрчиво отнестись къ Павлу и писать Іосифу 3 Января 1782 г.: «Смѣю думать, что сынъ мой, въ силу даннаго имъ обѣщанія, сохранить все это въ самой строгой тайнѣ, сдержитъ свое слово, согласно съ желаніями вашего величества, какъ ни мало, впрочемъ, его юные годы обезпечиваютъ его со стороны людей, дѣлающихъ своимъ промысломъ вывѣдываніе подобныхъ тайнъ» [65]). И Екатерина была права, не довѣряя сочувствію сына своимъ планамъ. Даже независимо отъ своихъ Прусскихъ симпатій, Павелъ, какъ мы имѣли случай видѣть, вовсе не одобрялъ завоевательной политики своей матери, считая Россію и безъ того слишкомъ обширною. Очевидно, онъ не имѣлъ понятія объ историческихъ задачахъ своего народа, отрицаніе которыхъ равнялось бы умерщвленію народной жизни. Находя нужнымъ сосредоточиться на внутреннихъ дѣлахъ, Павелъ упускалъ изъ виду связь ихъ съ внѣшней политикой государства. И это думалъ онъ, когда Екатерина готовилась присоединить къ Россіи Крымъ и весь сѣверный берегъ Чернаго моря! Свои мысли по этому поводу онъ высказалъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, брату Іосифа, Леопольду, а тотъ, не понимая того, что онѣ вытекаютъ изъ самаго міросозерцанія Павла, приписалъ ихъ исключительно вліянію принца Генриха и наслѣднаго принца Прусскаго, къ которымъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна были искренно привязаны [66]).

---

[63]) Трачевскій, Союзъ князей, 505.
[64]) С. Р. И. О., IX, 109.
[65]) Р. Арх., 1880, I, 268.
[66]) *Arneth*: Joseph II, I, 117.

Не сочувствуя цѣлямъ союза съ Іосифомъ и не видя пользы для себя въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Вѣнѣ, великій князь порывался уѣхать изъ Вѣны, въ то время, какъ его нѣжная супруга еще не могла довольно нарадоваться, видя себя въ кругу родныхъ. Цѣль пребыванія въ Вѣнѣ могла считаться достигнутою даже независимо отъ устройства семейныхъ дѣлъ. «Могу тебя увѣрить», писалъ Леопольдъ Іосифу 5 Іюня 1782 г., «что великій князь и его супруга поразили и удивили меня своими свѣдѣніями о Вѣнѣ, о всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чинахъ, о семейныхъ отношеніяхъ, объ отдѣльныхъ личностяхъ и проч.; о дѣлахъ они имѣютъ также очень хорошія свѣдѣнія [67]). Удерживаемый долгое время въ Вѣнѣ то матерью, то своею супругою, Павелъ Петровичъ съ удовольствіемъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Австрійской столицы 24-го Декабря, въ сопровожденіи Іосифа, его брата Максимиліана и принцевъ Фридриха-Евгенія и Фердинанда Виртембергскихъ, которые провожали его до перваго ночлега въ Винеришъ-Нейштадтѣ. Но отъѣздъ изъ Вѣны совершился при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ Вѣнѣ, какъ и по всей Европѣ, распространена была тогда эпидемія, по всѣмъ признакамъ, инфлуэнца, свирѣпствовавшая тогда и въ Россіи [68]). Ею заболѣла предъ самымъ отъѣздомъ дочери принцесса Доротея, а въ Нейштадтѣ, на ночлегѣ, и сама Марія Ѳеодоровна [69]). Болѣзнь великой княгини продолжалась два дня, мѣшая дальнѣйшему путешествію. Императоръ оставался все время съ своими высокими гостями, стараясь сдѣлать для нихъ эту остановку по возможности пріятной. Сопровождавшая Марію Ѳеодоровну отъ Вѣны до Венеціи Австрійская графиня Хотекъ, говоря, вѣроятно, о пребываніи въ Нейштадтѣ, сообщаетъ, что однажды послѣ обѣда, когда заговорили о музыкѣ, императоръ и великій князь пропѣли въ качествѣ диллетан-

---

[67]) Тамъ же, 118.

[68]) Подробности см. въ письмахъ Екатерины, которая сама со своими внуками подверглась этой болѣзни. С. Р. И. О., IX, и 113 и слѣд „Это простудныя лихорадки съ кашлемъ и насморкомъ; не будетъ преувеличено, если сказать, что треть города этимъ страдаетъ, такъ какъ есть домá, въ которыхъ половина лицъ, ихъ населяющихъ, больна“ и т. д. (144). „У всѣхъ, страдавшихъ этимъ кашлемъ, насморкомъ и эпидемической простудной лихорадкой“, писала Екатерина 29 Января 1782 г., „оставалась большая слабость; но никто отъ нея не умеръ. Въ продолженіе 10 дней, думаю, было отъ десяти до пятнадцати тысячъ больныхъ тою же болѣзнію. Въ Москвѣ, по Московской дорогѣ, слѣдовательно въ Твери, Новгородѣ, повсюду слышишь тѣже новости. Подобныя же извѣстія изъ Тулы, Калуги и Пскова. Вообразите, какую прелестную гармонію составляетъ имперія, вся кашляющая и чихающая..... Прошедшій годъ въ Парижѣ, говорятъ, называли это гриппомъ“ 117. Отъ этой болѣзни умерла въ 1782 г. королева Шведская.

[69]) Донесеніе кн. Голицына отъ 27 Декабря. Объ эпидеміи въ Вѣнѣ см. письма Голланда, Stark, 88.

товъ арію изъ оперы: «Орфей и Альцеста» [70]). Изъ Нейштадта же Марія Өеодоровна написала прощальное письмо родителямъ, выражая надежду на новое скорое свиданіе [71]). 26 Декабря Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна съ своею свитою двинулись въ дальнѣйшій путь, слѣдуя маршруту, составленному Іосифомъ, на Тріестъ и Венецію.

9 Января 1782 г. покинули Вѣну и родители Маріи Өеодоровны, отправившіеся, въ сопровожденіи принцессы Елисаветы и принца Фердинанда, обратно въ Монбельяръ приготовлять все для встрѣчи дорогихъ гостей.

Сопровождавшая великокняжескую чету на пути изъ Вѣны въ Венецію графиня Хотекъ въ своихъ запискахъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ говоритъ о Павлѣ Петровичѣ и особенно Маріи Өеодоровнѣ. «Не помню названія того мѣстечка, гдѣ мы обѣдали, говоритъ между прочимъ графиня, но очень помню замѣчательный разговоръ нашъ съ Великой Княгиней. Я была удивлена довѣренностію, съ которой она обращалась ко мнѣ послѣ осьмидневнаго знакомства. Довѣренность эта никогда не будетъ обманута: слышанное мною въ этотъ день никогда не выйдетъ изъ моей памяти и никому другому извѣстно не будетъ». На остановкахъ и ночлегахъ время посвящено было живой бесѣдѣ и чтенію. «Великій князь, говоритъ графиня, благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника своего, замѣчательно хорошо написаннаго. Великая княгиня прервала однажды по счастію чтеніе газетъ и разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что десяти лѣтъ она знала геометрію. Передъ ужиномъ великая княгиня читала намъ вслухъ нѣкоторыя мѣста Похвальнаго слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ея ума и сердца» [72]). Наблюдательная графиня замѣтила также, что Маріи Өеодоровнѣ всегда былъ непріятенъ пріѣздъ части ея свиты, отправлявшейся днемъ позже и состоявшей изъ Салтыкова, Куракина, Юсупова и Вадковскаго, потому, безъ сомнѣнія, что въ обществѣ Салтыкова она не могла не чувствовать себя стѣсненною въ противоположность обычной своей откровенности; иногда даже она предпочитала не садиться за ужинъ вмѣстѣ съ ними, а удалялась въ свою комнату, приказывая подать себѣ что-нибудь туда. Фрейлины: Нелидова и Бар-

---

[70]) Р. А., 1873. II, 1970.

[71]) Госуд. Арх. IV, 205. Письмо это, хранящееся въ копіи доставленной изъ Штутгартскаго архива, помѣчено неправильно 1776-мъ годомъ, вѣроятно по ошибкѣ переписчика.

[72]) „Русск. Арх., 1873, II, 1969—1970.

щова также не пользовались благосклонностью Великой Княгини, которая всегда хотѣла быть только съ одной г-жей Бенкендорфъ, подругой ея дѣтства, считавшейся какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства [73]).

Простившись въ Тріестѣ съ владѣніями свободомыслящаго императора, бывшаго однимъ изъ представителей такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма» въ XVIII в., графъ и графиня Сѣверные прибыли наконецъ 7 Января 1782 г. въ Венецію, эту столицу аристократической республики, доживавшей въ то время послѣдніе свои дни, но сохранявшей въ мертвенной неподвижности, при всеобщемъ тогда въ Европѣ стремленіи къ обновленію, всѣ особенности мрачнаго, средневѣковаго своего быта. Въ Венеціи Марія Өеодоровна встрѣчена была братомъ своимъ Фридрихомъ. Недѣля, которую провела великокняжеская чета въ этомъ городѣ, вся протекла въ блестящихъ празднествахъ, которыми республика угощала высокихъ путешественниковъ, и въ осмотрѣ знаменитаго, поэтическаго города. Съ Венеціи началось для Павла Петровича и Маріи Өеодоровны знакомство съ прославленной Италіей, въ которой, среди дивныхъ красотъ южной природы, путешественники, подавляемые воспоминаніями славнаго историческаго прошлаго, на каждомъ шагу знакомятся съ чудными произведеніями искусства и остатками былой могучей жизни, былаго величія. Чувство истинно-прекраснаго и высокаго, свойственное душѣ Маріи Өеодоровны и развивавшееся въ ней въ постоянныхъ занятіяхъ изящными искусствами, должно было найти себѣ здѣсь полное удовлетвореніе, чему, конечно, способствовало и знаніе ею Итальянскаго языка, хотя она и затруднялась объясняться на немъ. Впрочемъ, впослѣдствіи Марія Өеодоровна выражала мнѣніе, что поѣздка по Италіи не принесла ей той пользы, какую она могла бы ожидать отъ нея, и причину этого она справедливо видѣла въ условіяхъ показной жизни, которую по необходимости вела она [74]). Вотъ почему высокіе путешественники иногда были не властны въ выборѣ предметовъ для наблюденія, а иногда составляли себѣ о нихъ ошибочныя представленія. Такъ, Венеція, этотъ декораціонный городъ по преимуществу, блисталъ предъ ве-

---

[73]) Изъ скудныхъ матеріаловъ, дошедшихъ до насъ о личности этой подруги Маріи Өеодоровны, особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ письмо г-жи Бенкендорфъ къ отцу Маріи Өеодоровны отъ 11 Октября 1791 г.; въ письмѣ этомъ г-жа Бенкендорфъ, послѣ обычнаго „Monseigneur", рѣшается даже обратиться къ принцу Фридриху-Евгенію со словами: „mon adorable papa". *Schlossberger*, 230—232. Е. Ш. — Прекрасный портретъ ея находится въ замкѣ Фаллѣ подъ Ревелемъ. По тамошнимъ бумагамъ видно, что Тилли (такъ звала ее Марія Өеодоровна) переписывалась съ принцессой Сардинской Клотильдой. П. Б.

[74]) Письмо Маріи Өеодоровны къ Лагарпу 26 Февраля 1819 г. С. Р. И. О., V, 103.

ликокняжеской четой своими театральными представленіями, на которыя республика не щадила издержекъ, не только въ зданіи театра, но и на городскихъ каналахъ и знаменитой площади Св. Марка; и Павла Петровича, за внѣшней красотой государственнаго зданія не видѣвшаго гніенія его внутренности, пріятно поразилъ наружный порядокъ, царствовавшій въ мелочахъ администраціи, но въ тоже время мѣшавшій проявленію народной самодѣятельности [75]). Тѣмъ не менѣе, при дальнѣйшемъ слѣдованіи по Италіи истина не могла укрыться отъ путешественниковъ, искавшихъ въ своей поѣздкѣ лишь пользы и поученія. «Путешествуя по Италіи», писала позже Марія Өеодоровна, «испытываешь чувство крайняго сожалѣнія, когда видишь такъ мало гармоніи между большею частію жителей и красотами природы. Природа величественна, живительна, производительна вездѣ, гдѣ хотѣли ее сдѣлать таковою, въ Ломбардіи, въ Тосканѣ; но она унижена, зловредна въ папскихъ владѣніяхъ и частію въ Неаполитанскомъ королевствѣ, вслѣдствіе недостатка попеченій и надзора правительства. Отсутствіе личной безопасности страшно для жителей и постыдно для вѣка, который, будучи во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ, долженъ бы бороться со всѣмъ, что̀ порождаетъ разстройство и тьму» [76]). Положеніе самихъ памятниковъ древности было плачевное: во многихъ мѣстахъ они завалены были мусоромъ, а часто подвергались разрушенію, вслѣдствіе равнодушія и недостатка надзора со стороны правительства или алчности населенія. «Я совсѣмъ не узнаю Рима», писала Марія Өеодоровна въ 1819 г. Лагарпу, сопровождавшему ея сына Михаила въ его Итальянской поѣздкѣ; «все, что́ я видѣла въ немъ прекраснаго и великаго, должно было измѣнить свой характеръ, сдѣлавшійся еще болѣе величественнымъ послѣ предпринятыхъ Французами очистокъ. Жаль, что настоящее правительство не имѣетъ средствъ продолжать ихъ; желательно бы, чтобы національные порывы пришли ему на помощь; но, чтобы возбудить порывы, нужно счастіе и... я не договариваю, потому что въ размышленіяхъ этихъ нельзя распространяться и нельзя ихъ ввѣрять почтѣ» [77]). Съ своей стороны Павелъ Петровичъ писалъ Платону, путешествуя по Италіи: «Мы протекаемъ разныя земли и правленія, но въ сихъ странахъ кромѣ картинъ и тому подобнаго нечего смотрѣть, развѣ плакать надъ развалинами древнихъ, показывающими, что̀ человѣкъ можетъ, когда хорошо управляемъ и сколь онъ

---

[75]) Письмо Екатерины Павлу Петровичу и Маріи Өеодоровнѣ 14 Февраля 1782 г., С. Р. И. О., IX, 121.

[76]) С. Р. И. О., IX, 111.

[77]) Тамъ же, 107.

отъ того удаляется, когда управляемъ, какъ теперь, не взирая на безгрѣшность папы» [78]).

Римъ, куда Павелъ Петровичъ и его супруга проѣхали отчасти по каналамъ и рѣкамъ на пути въ Неаполь, до такой степени интересовалъ высокихъ путешественниковъ своими древностями и чудными произведеніями искусства, что они тотчасъ по пріѣздѣ, 25 Января, не останавливаясь въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи, отправились въ дорожныхъ каретахъ прямо къ храму Св. Петра, который произвелъ на обоихъ супруговъ неизгладимое впечатлѣніе [79]). Но Пантеонъ глубже подѣйствовалъ на душуВеликой Княгини. «Признаюсь,» писала она, «ежедневно любуясь съ восторгомъ храмомъ Св. Петра, я всякій разъ, какъ бывала въ Пантеонѣ, испытывала еще болѣе особенное чувство; этотъ открытый сводъ, это прекрасное голубое небо придавало душѣ моей порывы, которые, при видѣ закрытаго свода храма Св. Петра, казались менѣе ощутительными» [80]). Остановившись послѣ осмотра въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи въ гостинницѣ, путешественники вечеромъ были въ театрѣ, въ сопровожденіи Римскаго губернатора, а на другой день 26 Января, снова посѣтили храмъ Св. Петра, а затѣмъ осматривали Капитолій, Колизей и другіе памятники древности. Отобѣдавъ у себя въ гостинницѣ и отклонивъ отъ себя всѣ оффиціальные пріемы великій князь и великая княгиня въ третій разъ отправились въ храмъ Св. Петра, гдѣ въ то время совершалъ молитву самъ папа Пій VII. «Дождавшись», говоритъ современное извѣстіе, «пока онъ окончилъ, въ мимохожденіе его на моленіе предъ мѣстомъ исповѣди, подошли они къ его святѣйшеству и благодарили на Французскомъ языкѣ за всѣ благопріятія, которыя имъ оказаны были въ Церковной области и особенно за извѣстныя лошади, кои нашли повсюду. Недовольны будучи симъ, соизволили дождаться, пока онъ совершилъ моленіе и, когда его святѣйшество сбирался ѣхать изъ церкви, предстали ему паки съ великимъ униженіемъ и почтительностію и потомъ во всякомъ удовольствіи осма-

---

[78]) Р. Арх., 1887, II, 28.

[79]) С. Р. И. О., IX, 122—123. Павелъ писалъ Платону изъ Рима: „Остатки трудовъ великихъ людей видѣли съ восхищеніемъ и съ чувствомъ поощренія къ уподобленію себя происходящими отъ этого заключеніями, что и мы такіе же люди, то для чего же и другимъ таковымъ не быть? Церковь Св. Петра такова, что желательно бы было, чтобы другъ мой архіепископъ Московскій въ таковой въ Москвѣ служилъ“. Плодомъ этого желанія Павла была постройка Казанскаго собора по плану храма Св. Петра, хотя не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ.

[80]) С Р. И. О., V, 107—108. Замѣчательно, однако, что въ письмѣ своемъ изъ Рима Марія Ѳеодоровна отозвалась о Пантеонѣ лишь словами: „и онъ очень хорошъ“, что̀ вызвало возраженіе Екатерины: „этотъ Пантеонъ предметъ болѣе величественный, чѣмъ самый соборъ Св. Петра“. Очевидно Марія Ѳеодоровна уже скрывала предъ свекровью, избѣгая ея насмѣшекъ, свои порывы къ чувствительности. С. Р. И. О., IX, 123.

тривали ложи, расписанныя Рафаэлемъ, библіотеку и Піо-Климентинскую кунсткамеру, откуда, наконецъ, изволили идти на площадь передъ домомъ Спада, гдѣ публичное гульбище, и смотрѣли тамъ маскарадъ и гулянье» [81]). Удовольствіями Итальянской масляницы (карнавала) графъ и графиня Сѣверные воспользовались, однако, не въ Римѣ, а въ Неаполѣ, куда они прибыли вечеромъ, 27 Января, отказавшись остановиться на ночлегѣ вблизи города, чтобъ на другой день торжественно вступить въ столицу. Король Фердинандъ III и королева Марія Каролина, въ то время бывшая въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, едва успѣли встрѣтить августѣйшихъ гостей, въ трехъ миляхъ отъ Неаполя, и провезли ихъ въ своей каретѣ прямо въ придворный театръ, который былъ по этому случаю илюминованъ. Прослушавъ оперу и поужинавъ въ театрѣ же, частнымъ образомъ, съ королемъ и королевой, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отправились затѣмъ въ помѣщеніе, приготовленное для нихъ Русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ, бывшимъ другомъ Павла Петровича и Наталіи Алексѣевны, графомъ А. К. Разумовскимъ, отказавшись отъ помѣщенія, предложеннаго имъ королевскимъ дворомъ.

Болѣе двухъ недѣль Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна пробыли въ Неаполѣ, радушно угощаемые королемъ и королевою и принимая участіе въ увеселеніяхъ карнавала. Но, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Италіи, и въ Неаполѣ великокняжескую чету интересовали не столько люди, сколько природа, памятники древности и произведенія искусствъ. Личныя качества правителей Неаполя не внушали сочувствія великому князю и его супругѣ: король Фердинандъ III-й занимался болѣе охотой, чѣмъ дѣлами правленія, а королева Марія-Каролина должна была возбуждать въ добродѣтельной Маріи Ѳеодоровнѣ чувство презрѣнія вслѣдствіе легкомысленнаго своего поведенія и всѣмъ извѣстной въ то время связи своей съ графомъ Разумовскимъ. И этотъ старый другъ Павла Петровича, жестоко обманувшій его довѣріе, не могъ, конечно, пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ великокняжеской четы. Въ теченіе пребыванія своего въ Неаполѣ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна осматривали Помпею и Геркуланумъ, древности въ Баи и Пуццолѣ, всходили на Везувій и посѣтили Ко-

---

[81]) М. Г. А. М. И. Д. Газетныя извѣстія изъ Римскихъ газетъ въ Русскомъ переводѣ. Екатерина писала по этому поводу великокняжеской четѣ: „Поздравляю любезнаго сына съ двумя папскими поцѣлуями въ обѣ щеки; онъ можетъ похвастаться, что владѣетъ рѣдкостью, которую рѣдкій католикъ похитилъ у Рима. Когда вернетесь, вы увидите значительную часть Рафаэлевыхъ ложъ и нѣсколько изъ видѣнныхъ вами въ Римѣ статуй, отлитыхъ послѣ вашего отъѣзда“. С. Р. И. О., IX, 123. Уже въ это время Екатерина заботилась о нынѣшнемъ драгоцѣнномъ Эрмитажномъ собраніи.

зерту. Какъ высоко цѣнили они эти образовательныя свои прогулки и какъ мало въ тоже время общество самого короля Фердинанда III-го, видно изъ слѣдующаго донесенія графа Разумовскаго Екатеринѣ отъ 6-го Февраля: «Въ прошедшую Среду его величество король нарочно отбылъ въ Персану, разстояніемъ отсюда въ 70 миляхъ, для учрежденія тамъ кабаньей охоты для ихъ высочествъ. Разстояніе мѣста, дурная погода, особливо краткость времени воспрепятствовали ихъ высочествамъ удовлетворить сему королевскому желанію не возмогши согласить въ одно короткое время двѣ разнообразныя вещи, а потому и изволили предпочесть охотѣ любопытныя древности. Извѣстясь же о семъ, его величество король, по изготовленіи уже всего потребнаго къ охотѣ, не могъ воспротивиться страсти своей, чтобы не воспользоваться симъ случаемъ, откуда возвратился въ Среду же для препровожденія ихъ высочествъ въ Козерту. Въ отсутствіе же его, ея величество королева оказываетъ съ своей стороны всевозможную аттенцію ихъ высочествамъ, поелику дозволяетъ ей настоящее ея беременное состояніе. Впрочемъ, приказано оберъ-гофмаршалу князю Бельмонте повсюду слѣдовать за ихъ высочествами и всячески стараться угощать, предупреждая ихъ волю» [82]). Получивъ это донесеніе графа Разумовскаго о дѣйствіяхъ Цесаревича и его супруги въ Неаполѣ, Екатерина писала имъ: «Я знаю, что вы предпочли мѣстности достопримѣчательныя и поучительныя охотѣ на дикаго кабана, которою хотѣлъ угостить васъ Сицилійскій король, и хорошо сдѣлали». Въ другомъ письмѣ она такъ характеризовала ихъ образъ жизни: «Мнѣ кажется, что вижу, какъ вы бѣгаете съ утра до ночи и возвращаетесь домой усталые и измученные, какъ говорятъ, безъ рукъ и безъ ногъ. Не думаю, чтобы при возвращеніи мы нашли васъ пополнѣвшими отъ утомляющаго образа жизни, который вы ведете» [83]). Изъ праздниковъ, предложенныхъ частными лицами, великокняжеская чета посѣтила лишь балъ, данный Французскимъ посланникомъ по случаю рожденія дофина. Удивляя Неаполитанцевъ скромностію своихъ привычекъ и серьезностію своихъ стремленій, Великій Князь и его супруга поражали ихъ и рѣдкой въ то время въ высшемъ обществѣ супружескою привязанностію. Самъ Павелъ Петровичъ со смѣхомъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ онъ приводилъ въ смущеніе Англійскаго посланника въ Неаполѣ Гамильтона, цѣлуя при немъ Марію Ѳеодоровну [84]).

12-го Февраля августѣйшіе путешественники оставили Неаполь и вновь посѣтили Римъ, гдѣ на этотъ разъ они пробыли цѣлыхъ

[82]) Московскій Главный Архивъ М. И. Д.
[83]) С. Р. И. О., IX, 126, 128.
[84]) Oberkirch, I, 325—326.

три недѣли (съ 12 Февраля по 3 Марта), которыя они посвятили почти исключительно на подробное обозрѣніе памятниковъ древности и художественныхъ сокровищъ. «Образъ жизни, который вы ведете и который вы мнѣ описываете», писала имъ по этому поводу Екатерина, «очень свойственъ удовлетворить цѣли вашего путешествія; но онъ долженъ быть утомителенъ для всякаго, кто не любитель прогулокъ». Сами Итальянцы не внушали великокняжеской четѣ выгоднаго о себѣ мнѣнія, и она избѣгала ихъ общества. «Не въ одномъ только Римѣ», отвѣчала на это дѣтямъ Екатерина, «обращеніе съ умершими выгоднѣе, чѣмъ съ живыми. Быстрый умъ Итальянцевъ обратился къ интригамъ и болѣе всего блеститъ въ самыхъ мелкихъ. Въ Итальянскихъ головахъ зараждаются и развиваются преданія, которыя, между тѣмъ, въ сущности, ни что иное, какъ перелетныя птицы, худыя и безвкусныя. Эти головы и остатки Римскихъ древностей должны представлять странную противоположность для всякаго мыслящаго человѣка»[85]). При духовномъ характерѣ властителя Рима, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна могли свободно удовлетворить своему желанію обращаться болѣе съ умершими, нежели съ живыми, тѣмъ болѣе, что папа чрезъ нѣсколько дней по ихъ пріѣздѣ уѣхалъ въ Вѣну на свиданіе съ Іосифомъ II. Въ Римѣ великокняжеская чета сдѣлала для себя большія закупки разныхъ художественныхъ вещей, которыя были отправлены въ Петербургъ, гдѣ о сбереженіи ихъ въ Эрмитажѣ до возвращенія путешественниковъ приняла на себя заботу сама Императрица; въ числѣ купленныхъ вещей были мраморные камины и колонны для строившагося тогда дворца въ Павловскѣ [86]).

На пути изъ Рима во Флоренцію Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна встрѣчены были въ Сіенѣ братомъ Іосифа II-го, Леопольдомъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ, и его супругой Маріей-Луизой и вмѣстѣ съ ними 7-го Марта прибыли во Флоренцію. Леопольдъ, этотъ умный и осторожный правитель, произвелъ очень выгодное впечатлѣніе на великокняжескую чету, готовившуюся вступить въ родство съ нимъ въ силу только что заключенныхъ въ Вѣнѣ переговоровъ о заключеніи брака между сыномъ его Францомъ съ сестрой Маріи Ѳеодоровны, принцессой Елисаветой. Для Павла Петровича и Маріи Ѳе-

---

[85]) С. Р. И. О., IX, 131, 134.

[86]) Тамъ же, 132. „Павловскъ", 31. Изъ донесеній Салтыкова Екатеринѣ (Госуд. Арх., IV, 160) видно, что съ пріѣзда въ Неаполь до выѣзда изъ Рима имъ было выдано на издержки 148,834 Голландскихъ гульдена. Казна Великаго Князя была въ рукахъ Салтыкова, котораго падкіе до денегъ Итальянцы не даромъ называли „директоромъ надъ путешествіями ихъ высочествъ". Салтыковъ, пріѣзжая всегда на остановки днемъ позже великокняжеской четы, сводилъ счетъ издержкамъ и оплачивалъ всѣ расходы.

одоровны въ особенности пріятно было видѣть, что какъ самъ Леопольдъ, такъ и все его семейство выгодно выдѣлялись изъ ряда другихъ Итальянскихъ владѣтелей строгою нравственностію и скромнымъ, чуждымъ излишествъ образомъ жизни. «Наше пребываніе здѣсь», писала Марія Ѳеодоровна Екатеринѣ 16 Марта, «какъ нельзя болѣе пріятно, а знакомство съ моимъ новымъ шуриномъ (13-лѣтнимъ эрцгерцогомъ Францомъ) доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Онъ—дитя только по внѣшности, потому что его разсужденія, его образъ мыслей и способъ выражаться выше его возраста. Не щадятъ заботъ для его воспитанія, и по истинѣ отрадно видѣть, какъ великій герцогъ и великая герцогиня относятся къ своимъ дѣтямъ. Вообще мнѣ кажется, что желаніе быть пріятными (aménité) одно изъ главныхъ ихъ достоинствъ. Великій герцогъ чрезвычайно доступенъ и стремится сдѣлать своихъ подданныхъ возможно болѣе счастливыми. Мы видѣли различныя учрежденія, находящіяся во Флоренціи; вездѣ царствуетъ порядокъ, котораго совсѣмъ не видишь въ сосѣднихъ владѣніяхъ». Даже населеніе Тосканы показалось болѣе трудолюбивымъ и болѣе счастливымъ, чѣмъ населеніе въ Венеціанской республикѣ, въ Неаполитанскихъ и Папскихъ владѣніяхъ [87]). Неудивительно поэтому, что Леопольдъ, какъ писалъ онъ Іосифу, могъ только похвалиться откровенностію, дружбою и довѣріемъ, которое оказывали ему графъ и графиня Сѣверные. «Сначала графиня», писалъ онъ, «чувствовала какую-то неловкость относительно меня и въ особенности относительно моей жены; но потомъ она намъ призналась, что въ Россіи и въ особенности во время пребыванія ея въ Вѣнѣ, ей писали и хотѣли увѣрить ее въ томъ, что мы, и особенно моя жена, противились предполагаемому браку моего сына съ ея сестрой, на который мы согласились, будто бы только уступая силѣ. У нея было много и другихъ предубѣжденій противъ насъ, въ ошибочности которыхъ она теперь, по собственному признанію, убѣдилась и которыя, на сколько могу я судить, были посѣяны въ ней письмами родныхъ ея изъ Берлина, такъ какъ она находится въ правильной перепискѣ съ принцемъ Генрихомъ, къ которому сильно привязанъ графъ Сѣверный, также какъ къ другому его дядѣ (Фердинанду) и двумъ теткамъ (сестрамъ матери Маріи Ѳеодоровны: Аннѣ, бывшей замужемъ за принцемъ Фердинандомъ, и Филиппиной, супругой курфирста Гессенъ-Касельскаго), хотя она и поссорилась съ ними по случаю выхода въ отставку изъ Прусской службы старшаго брата графини» [88]).

---

87) Госуд. Арх., IV, 118.

88) *Arneth*, Joseph II, I, 115—116.

Пользуясь близостію отношеній, установившихся между нимъ и великокняжеской четой, Леопольдъ имѣлъ возможность нарисовать довольно вѣрные портреты великаго князя и великой княгини. «Графъ Сѣверный», говоритъ онъ, «кромѣ большаго ума, дарованій и разсудительности, обладаетъ еще способностію вѣрно постигать идеи и предметы, быстро схватывая всѣ ихъ стороны и подробности. Изъ всѣхъ его разсужденій видно, что онъ одушевленъ желаніемъ дѣлать добро. Я думаю, что по отношенію къ нему слѣдуетъ поступать откровенно, прямо и честно, чтобы не сдѣлать его недовѣрчивымъ и подозрительнымъ; мнѣ кажется, что онъ будетъ очень дѣятеленъ, но особенно много энергіи (beaucoup de nerf) замѣтно въ его образѣ мыслей. Принявъ разъ рѣшеніе, онъ, мнѣ кажется, будетъ дѣйствовать твердо и рѣшительно, не подчиняясь чужимъ внушеніямъ. Вообще, онъ по всѣмъ признакамъ не любитъ иностранцевъ и будетъ строгъ, склоненъ къ порядку, безусловной дисциплинѣ, правильному ходу дѣлъ и точности. Въ разговорахъ своихъ со мною онъ ни разу, ни единымъ словомъ не проговорился о своемъ положеніи и объ Императрицѣ, но онъ не скрылъ отъ меня, что онъ не одобряетъ всѣхъ ея обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи, которыя въ сущности дѣлаютъ больше шуму, чѣмъ пользы. Говоря о планахъ Императрицы относительно увеличенія Русскихъ владѣній на счетъ Турціи и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрылъ своего неодобренія этому проекту и вообще всякому увеличенію монархіи и безъ того очень обширной и нуждающейся въ попеченіи о ея внутреннихъ дѣлахъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ безполезныя мечты о завоеваніяхъ, которыя служатъ только къ пріобрѣтенію славы, не доставляютъ истинныхъ выгодъ, а только ослабляютъ государство. Я убѣжденъ, что онъ говорилъ со мною искренно. Изъ многихъ другихъ его разговоровъ я вывелъ заключеніе, что, не смотря на его пребываніе въ Вѣнѣ, ни онъ, ни графиня не свободны еще отъ идей и впечатлѣній, навѣянныхъ имъ по всей вѣроятности Берлинскимъ дворомъ и принцами этого дома и противныхъ нашему дому, Вѣнскому двору и въ особенности его кабинету и планамъ расширенія предѣловъ, приписываемыхъ Вѣнскому двору на счетъ Италіи, Германской Имперіи и Турокъ»...

«Характеръ графини», говорится въ томъ же письмѣ къ Іосифу, «вы знаете лучше меня. Безъ сомнѣнія вы очарованы ея кротостію, умомъ, дарованіями и прилежаніемъ, желаніемъ дѣлать добро, привязанностію къ мужу и той сердечностью, которая выражается въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Во время своего здѣсь пребыванія, она приложила все свое стараніе и заботы, чтобы постъ и обряды Страстной недѣли соблюдались строго и правильно, выражая величайшую

ревность и усердіе къ Греческой вѣрѣ. Графиня нашла моего сына меньше ростомъ, чѣмъ ожидала; это причинило ей большое огорченіе, потому что она увѣряетъ, что, напротивъ, сестра ея очень развита для своихъ лѣтъ. Замѣтно, что она желаетъ, чтобы бракъ заключенъ былъ какъ можно скорѣе, хотя бы то формально, по уполномочію. Она чрезвычайно привязана къ своему семейству, принимаетъ этотъ бракъ близко къ сердцу, потому что очень любитъ сестру, и опасается, что отъѣздъ принцессы Елисаветы въ Вѣну будетъ очень тяжелъ какъ для ея матери, такъ и для самой принцессы; потому что, будучи дома на положеніи взрослой, она должна будетъ подвергнуться въ Вѣнѣ какъ бы новому воспитанію, не имѣя даже при себѣ никого изъ знакомыхъ лицъ. Она нѣсколько разъ съ особенною силою указывала на любезность своихъ родителей, которые согласились на это, думая, что мы требуемъ этого въ особенности въ виду перехода принцессы въ католичество. Великая княгиня желала, чтобы г-жа Боркъ или какая-либо другая дама изъ Монбельяра могла остаться въ Вѣнѣ при принцессѣ, чтобы возлѣ нея были лица, къ которымъ она уже привыкла относиться съ довѣріемъ... Все это она говорила съ необыкновенною добротою».

Замѣчательно, что во время этихъ семейныхъ переговоровъ Павелъ Петровичъ, вообще столъ чуткій къ родственнымъ отношеніямъ, старался держать себя въ сторонѣ. «Чтò касается графа Сѣвернаго», говоритъ Леопольдъ, «то онъ никогда не вмѣшивался въ разговоры о будущемъ бракѣ, выходя изъ комнаты всякій разъ, когда заходила о томъ рѣчь, и говоря, что хотя онъ очень доволенъ этимъ бракомъ, но что онъ не желаетъ ни самъ въ него вмѣшиваться, ни быть вмѣшаннымъ и что онъ совершенно умываетъ себѣ руки въ этомъ отношеніи, потому что это вовсе не его дѣло» [89]).

Разумѣется, что и во Флоренціи, какъ и въ другихъ столицахъ Италіи, чествуемые разными празднествами, Цесаревичъ и его супруга продолжали бесѣдовать и знакомиться съ мертвыми, осматривая ихъ произведенія. Нѣкоторыя изъ художественныхъ сокровищъ Флорентійскихъ Марія Ѳеодоровна посѣтила по нѣскольку разъ; особенно восхищалась она знаменитой картинной галлереей, которую она описывала Екатеринѣ съ чувствомъ истиннаго художника [90]).

Выѣхавъ изъ Флоренціи, Великій Князь и его супруга прибыли въ Ливорно, гдѣ осмотрѣли Русскую эскадру, готовившуюся къ отплытію въ Россію, а затѣмъ чрезъ Парму, Миланъ и Туринъ направились во Французскіе предѣлы, останавливаясь въ этихъ городахъ для посѣще-

---

[89]) Тамъ же, 117—121.

[90]) Въ письмѣ 16 Марта. Госуд. Арх., IV, 118.

нія Итальянскихъ владѣтелей и обычнаго осмотра замѣчательныхъ предметовъ. Для Павла Петровича и Маріи Өеодоровны имѣло особенное значеніе посѣщеніе ими Турина, гдѣ они познакомились и, какъ видно, подружились съ наслѣдникомъ Сардинскаго короля Виктора-Амедея III, принцемъ Піемонтскимъ, Карломъ-Эммануиломъ и его супругой принцессой Маріей-Клотильдой, сестрой Людовика XVI. Марія Өеодоровна и Марія-Клотильда, несмотря на кратковременное знакомство, заключили между собою тѣсную дружбу и затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ, въ счастіи и несчастіи, поддерживали между собою нѣжную, дружественную переписку, къ сожалѣнію, кажется, утраченную почти вполнѣ. Марія - Клотильда многими чертами своего характера близко подходила къ царственной своей подругѣ и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, пользовалась на нее нѣкоторымъ вліяніемъ [91]). Тѣмъ болѣе грустнымъ для біографа Маріи Өеодоровны является отсутствіе въ рукописныхъ и печатныхъ источникахъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о пребываніи великокняжеской четы въ Туринѣ.

Въ Туринѣ Марія Өеодоровна простилась на время съ братомъ своимъ принцемъ Фридрихомъ, который отправился въ Монбельяръ готовиться къ переѣзду въ Россію.

Желаніе графа и графини Сѣверныхъ проѣхать во Францію чрезъ Женеву не могло, однако, осуществиться: въ этомъ городѣ начались народныя волненія. Уже въ это время Екатерина видѣла связь между этимъ волненіемъ и дѣятельностію энциклопедистовъ и писала Павлу: «Городъ Женева хорошо будетъ управляемъ, такъ какъ ноги взяли верхъ надъ головами! Люди эти ужъ нѣсколько лѣтъ дѣлаютъ все возможное въ мірѣ, чтобы погубить себя. Руссо, говорятъ, подлилъ масла въ огонь, и Вольтеръ немало тому содѣйствовалъ» [92]). Признаки глухаго недовольства существовавшимъ порядкимъ вещей замѣтны были въ это время и во Франціи; но они не обнаружились еще съ достаточною ясностію и поэтому не могли быть замѣчены высокими путешественниками, поставленными въ неблагопріятныя для того условія, какъ не были замѣчены они и Карамзинымъ, бывшимъ во Франціи при самомъ началѣ революціоннаго движенія; мало того, именно теперь Французское правительство и общество, казалось, соединены были од-

---

[91]) Во время пребыванія своего въ Парижѣ Марія Өеодоровна посѣтила даже г-жу Марсанъ, которая была прежде гувернанткой Маріи-Клотильды. „Madame la comtesse du Nord“, объясняетъ этотъ визитъ г-жа Оберкирхъ, „s'était intimement liée, pendant son voyage d'Italie, avec madame la princesse de Piémont; elle voulut donc accorder cette distinction à celle qui avait formé le coeur et l'esprit si distingué de son amie“. Oberkirch, I, 315. См. также письмо Маріи-Клотильды къ Павлу Петровичу 9 Іюня 1782 г.— Госуд. Арх., IV, 200.

[92]) С. Р. И. О., IX, 148.

нимъ духомъ и шли рука объ руку, такъ какъ Франція принимала горячее участіе въ войнѣ противъ Англіи за освобожденіе ея отъ ига Американскихъ колоній. Дѣти Русской императрицы, косвенно содѣйствовавшей успѣху этого освобожденія провозглашеніемъ знаменитой деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ, были поэтому восторженно приняты Французами. Но, поддаваясь обаянію этого пріема со стороны народа, считавшаго себя носителемъ Европейскаго просвѣщенія, высокіе путешественники убѣждались въ тоже время въ чрезвычайной развращенности нравовъ и отсутствіи серьезныхъ интересовъ въ жизни Французскаго общества. Примѣры роскошной и легкомысленной жизни еще со времени Людовика XV подавалъ королевскій дворъ, а во главѣ его сама королева Марія-Антуанетта, сестра Іосифа II, которая не возбуждала упрековъ въ безнравственности, отличалась добрыми свойствами души, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно любила роскошный образъ жизни и своимъ легкомысліемъ часто вредила достоинству королевскаго сана. «Да благословитъ Господь», писала Екатерина Великому Князю и его супругѣ, «христіаннѣйшую королеву, ея уборы, балы, спектакли, ея румяны и хорошо или дурно прилаженныя украшенія!» [93])

Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая чему судьбой обречена,
Рѣзвилась вѣтренымъ дворомъ окружена.

Высшее Французское дворянство въ своемъ образѣ жизни слѣдовало за королевой и, не чувствуя пропасти, разверзавшейся подъ его ногами, политическую свою дѣятельность ограничивало упорнымъ отстаиваніемъ своихъ средневѣковыхъ привилегій. Добрый, но слабый король Людовикъ XVI-й, подчинявшійся своей супругѣ, не способенъ былъ противиться общему теченію при истощенности государственной казны и печальномъ положеніи низшихъ классовъ населенія, грозившемъ гибелью старой Французской монархіи.

Узнавъ о приближеніи къ предѣламъ Франціи графа и графини Сѣверныхъ, король и Марія-Антуанета выразили Русскому посланнику въ Парижѣ князю Барятинскому чрезвычайное свое удовольствіе видѣть ихъ у себя въ Парижѣ. «Ея Величество королева», доносилъ Екатеринѣ Барятинскій, «какъ я заподлинно знаю, весьма ласкательнымъ себѣ ставить изволитъ, что сведетъ знакомство съ ихъ императорскими высочествами и потому располагаетъ сдѣлать такой ихъ высочествамъ пріемъ, которымъ бы они удостовѣрились о истинности таковыхъ ея

---

[93]) С. Р. И. О., IX, 156.

сантиментовъ, и изволитъ изъясняться сими словами: «Je me mettrai jusqu'aux oreilles pour leur rendre le séjour d'ici agréable» *). Врачи находили, однако, что королевѣ, недавно разрѣшившейся отъ бремени дофиномъ, невозможно еще было до 9 Мая, безъ вреда для здоровья, предаться всѣмъ заботамъ по пріему царственныхъ гостей; поэтому она просила князя Барятинскаго устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы Великій Князь и его супруга прибыли въ Парижъ лишь не ранѣе назначеннаго ей врачами срока, чтобы имѣть возможность достойнымъ образомъ принять ихъ. Это желаніе королевы Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ было тѣмъ легче исполнить, что сами обстоятельства ихъ путешествія во Французскихъ предѣлахъ задерживали ихъ движеніе къ Парижу. Дороги во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, были тогда очень плохи, такъ что въ Ліонъ высокіе путешественники прибыли лишь 26 Апрѣля. Въ Ліонѣ Марія Ѳеодоровна утѣшена была свиданіемъ (бывшимъ для нея, кажется, пріятной неожиданностію) съ отцомъ и матерью, пріѣхавшими нарочно изъ Монбельяра съ младшими дѣтьми своими, чтобы провести здѣсь нѣсколько лишнихъ дней въ обществѣ горячо любимой дочери. Жители Ліона встрѣтили Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну очень радушно; съ своей стороны великокняжеская чета умѣла возбудить къ себѣ уваженіе Французовъ, оцѣнившихъ благородные порывы и чувства царственныхъ своихъ гостей. Современники, напр., разсказываютъ, что, посѣщая различныя городскія учрежденія, Павелъ Петровичъ и его супруга пожелали быть, не смотря на дѣлаемыя имъ возраженія, и въ городскомъ госпиталѣ. Госпиталь этотъ, наполненный больными, производилъ ужасное впечатлѣніе; и, когда купеческій старшина, сопровождавшій Великаго Князя и великую княгиню, выразилъ свое сожалѣніе, что они подвергаютъ себя ужасному зрѣлищу человѣческихъ бѣдствій, Павелъ Петровичъ и его супруга отвѣчали ему: «чѣмъ болѣе царственныя лица удалены, по своему положенію, отъ созерцанія бѣдствій человѣческихъ, тѣмъ болѣе они должны наблюдать ихъ, чтобы имѣть возможность понимать ихъ и облегчать» [94]). Какъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ Ліонѣ сдѣланы были высокими посѣтителями пожертвованія благотворительнымъ учрежденіямъ. Не ускользнулъ отъ вниманія Павла Петровича и оружейный заводъ въ С.-Этьенѣ, гдѣ въ то время было въ готовности для надобностей Французской арміи до 80 тысячъ ружей. Великій Князь былъ очень удивленъ этимъ богатствомъ оружія, а Великая Кня-

---

*) Я буду по-уши въ заботахъ, чтобы сдѣлать имъ здѣшнее пребываніе пріятнымъ.

[94]) *Coudray*: „Le Comte et la Comtesse du Nord". Anecdotes Russes. A Paris, 1782, 31, 114.—Oberkirch, 1, 323.

гиня поспѣшила прибавить: «Что̀ касается меня, то я искренно надѣюсь, что эти храбрые и любезные Французы никогда не направятъ этого оружія противъ моихъ дорогихъ Русскихъ; для тѣхъ и другихъ лучше быть друзьями» [95]). Марія Ѳеодоровна, безъ сомнѣнія не могла предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ ея супругу и сыну придется вести борьбу почти исключительно съ Франціей. Въ Ліонѣ же Павелъ Петровичъ былъ чрезвычайно обрадованъ, узнавъ, что среди солдатъ Французскаго караула находился одинъ Русскій, бѣжавшій по стеченію неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ изъ Россіи и изъ-за куска хлѣба поступившій въ ряды Французскихъ войскъ. Позаботившись объ увольненіи его изъ Французской службы, Павелъ Петровичъ доставилъ ему средства возвратиться въ Россію и обѣщалъ позаботиться о его будущемъ.

Пробывъ въ Ліонѣ почти цѣлую недѣлю и простившись въ Дижонѣ съ родными, возвращавшимися въ Монбельяръ, графъ и графиня Сѣверные прибыли въ Парижъ 7 Мая и остановились въ домѣ Русскаго посланника князя Барятинскаго, соблюдая строгое инкогнито и отклонивъ торжественныя приготовленія, сдѣланныя для ихъ встрѣчи Французскимъ дворомъ. Въ Фонтенбло, послѣдней станціи предъ Парижемъ, Марію Ѳеодоровну встрѣтила подруга ея дѣтства г-жа Оберкирхъ. Радость обѣихъ была неописанна; и съ этого времени до возвращенія великокняжеской четы въ Россію г-жа Оберкирхъ сопровождала ее во всѣхъ ея путешествіяхъ, оставивъ намъ въ своихъ запискахъ очень подробное внѣшнее ихъ описаніе. «Когда мы прибыли въ Парижъ», разсказываетъ г-жа Оберкирхъ, «я сопровождала ихъ высочества въ ихъ отель. Тамъ я нашла свою возлюбленную принцессу Доротею такою же, какою она была въ Монбельярѣ: она была такою же, какъ и тамъ, простою, доброю и довѣрчивой». Обращаясь къ Павлу Петровичу, Марія Ѳеодоровна просила его, ради его любви къ ней, полюбить и ея подругу и, тронутый ея нѣжностью, супругъ поцѣловалъ руку г-жи Оберкирхъ. Вслѣдъ затѣмъ Марія Ѳеодоровна выразила дорогой своей Ланель скорбь свою о разлукѣ съ дѣтьми. «Хотя я получаю о нихъ», говорила она, «подробныя свѣдѣнія, но разлука съ ними кажется мнѣ очень продолжительной. Вдали отъ нихъ мое сердце разрывается на части; это обычная участь тѣхъ, кто предназначенъ къ трону. Намъ никогда нельзя соединить разомъ вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кого мы любимъ». Предаваясь затѣмъ вмѣстѣ съ подругой воспоминаніямъ о времени счастливаго дѣтства, Марія Ѳеодоровна

[95]) Oberkirch, I, 323.
[96]) Тамъ же, 192.

сообщила ей много подробностей и объ Екатеринѣ, которыя, впрочемъ, г-жа Оберкирхъ не сочла нужнымъ передать въ своихъ запискахъ.

Первые дни своего пребыванія въ Парижѣ графъ и графиня Сѣверные посвятили отдохновенію; тѣмъ не менѣе, огромныя толпы народа стояли предъ домомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ оглашая воздухъ криками въ честь высокихъ путешественниковъ. 8 Мая, однако, Павелъ Петровичъ не удержался отправиться, какъ частное лицо, въ Версаль, чтобъ присутствовать тамъ при процессіи кавалеровъ ордена Св. Духа. Великолѣпіе Версальскаго двора поразило даже Павла Петровича, привыкшаго къ пышности двора своей матери.

9 Мая графъ и графиня Сѣверные были представлены королю и королевѣ, и съ этого времени снова втянуты были въ кругъ уже прискучившихъ имъ празднествъ, которыми королева исполнила свое обѣщаніе, придумывая развлеченія для своихъ гостей; а за придворными праздниками, блиставшими великолѣпіемъ и вычурнымъ изяществомъ, свойственнымъ той эпохѣ, послѣдовали не менѣе блестящіе пріемы, которые дѣлали великокняжеской четѣ братья короля: графъ Прованскій и графъ д'Артуа, принцъ Конде и герцогъ Орлеанскій. Но въ теченіе этихъ офиціальныхъ торжествъ завязались и укрѣпились связи Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны съ членами Бурбонскаго дома. При застѣнчивости короля, не обладавшаго показною любезностію, и смущеніи Маріи-Антуанеты, которая не знала какъ держать себя съ высокими путешественниками, первая встрѣча не могла не быть натянутою; разсказываютъ, что Марія-Антуанета, прежде чѣмъ войти въ комнату, гдѣ она должна была обѣдать съ своими гостями, попросила стаканъ воды, признаваясь, что гораздо труднѣе исполнять роль королевы въ присутствіи другихъ государей, чѣмъ простыхъ придворныхъ [97]). Но затѣмъ натянутость исчезла и, благодаря личнымъ свойствамъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, смѣнилась непринужденными, дружескими отношеніями. Павелъ Петровичъ съ самаго начала выразилъ свои теплыя чувства къ Франціи и ея королевскому дому. Представившись королю, онъ прошелъ затѣмъ въ комнаты дофина, которому было тогда всего три мѣсяца, и сказалъ его гувернанткѣ: «Напоминайте почаще дофину о посѣщеніи, которое я ему сдѣлалъ; напоминайте о привязанности, которую я чувствую къ нему съ его младенчества; пусть она послужитъ къ союзу и вѣчной связи между нашими государствами». Эти слова Цесаревича повторялись всѣми, а король и королева были очень тронуты ими [98]). Съ своей стороны королева осыпала Марію

[97]) Кобеко, 228—229.—[98]) Oberkirch, I, 197.—„Ils sont“, говорилъ про Цесаревича и его супругу Людовикъ XVI князю Барятинскому, „très aimables. Je suis charmé d'avoir fait leur connaissance et je les aime beaucoup“. Донесеніе 29 Мая.

Өеодоровну любезностями; желая сдѣлать угодное ей, она приказала, нарушая условія этикета, пригласить на семейныя дворцовыя собранія всѣхъ Русскихъ дамъ, находившихся въ Парижѣ и даже г-жу Оберкирхъ, сказавъ ея царственной подругѣ: «Мнѣ было бы неловко лишить васъ вашего друга; напротивъ того, мнѣ хотѣлось бы собрать вокругъ васъ все, что̀ можетъ вамъ понравиться [99]). Марія Өеодоровна также не могла не оцѣнить вниманія къ себѣ королевы и добрыхъ свойствъ ея души, не заглушенныхъ окружавшей ее обстановкой, хотя Марія-Антуанетта и не совсѣмъ довольна была отношеніемъ къ ней Великой Княгини, видя въ ней нѣкоторую холодную сдержанность и желаніе выказывать при удобномъ случаѣ свои познанія [100]); но понятно, что Марія Өеодоровна и не могла по своему образу мыслей сочувствовать многимъ легкомысленнымъ поступкамъ королевы, а въ живой бесѣдѣ, не дорожа салоннымъ остроуміемъ, искала прежде всего пищи для ума и сердца. Въ этомъ отношеніи ее гораздо болѣе удовлетворяли сестра короля, принцесса Елисавета, отличавшаяся высокими нравственными качествами, и дочь принца Конде, которая столь же нравилась Великой Княгинѣ, сколько самъ принцъ Конде, образованный и честный воинъ, Павлу Петровичу. Марія Өеодоровна признавалась даже, что именно принцессу Конде она желала бы имѣть своей подругой. Двухдневное пребываніе Павла Петровича и Маріи Өеодоровны въ замкѣ Шантильи, принадлежавшемъ принцу Конде, сопровождаемое рядомъ празднествъ, оставило въ нихъ самыя пріятныя впечатлѣнія. Принцъ и принцесса съ своей стороны привязались къ высокимъ гостямъ, такъ что, при разставаніи, принцъ Конде, къ удовольствію Павла Петровича, выразилъ желаніе рано или поздно отдать ихъ высочествамъ визитъ въ Петербургѣ. Маріи Өеодоровнѣ, при отъѣздѣ ея изъ Шантильи, малолѣтній внукъ принца Конде, герцогъ Ангіенскій, поднесъ прекрасный букетъ [101]). Дѣйствительно, принцъ Конде съ этимъ своимъ внукомъ явился въ царствованіе Павла въ Петербургъ, но изгнанниками, ища пріюта. Личное знакомство Павла Петровича и Маріи Өеодоровны съ членами дома Конде послужило потомъ поводомъ къ особенному участію, которое Русскій Императорскій Домъ проявлялъ къ судьбѣ ихъ въ революціонную эпоху. За то герцогъ Орлеанскій и герцогъ Шартрскій, знаменитый впослѣдствіи Филиппъ

---

[99]) Тамъ же, 201. [100]) Кобеко, 236–237.

[101]) Oberkirch, I, 283—294. Донесенія князя Барятинскаго. „Словомъ заключить“, писалъ онъ 2 Іюня, „всѣ сіи празднества въ Шантильи были сдѣланы съ совершеннымъ вкусомъ и равнымъ великолѣпіемъ, и сей принцъ (Конде) оказалъ ихъ высочествамъ столько учтивости и ласки, что не токмо они, взаимно прощаясь, но и многіе предстоящіе были тронуты до чувствительности“. „Ce fut avec un véritable chagrin“, говоритъ Оберкирхъ (293).

Эгалитѐ, содѣйствовавшій казни несчастнаго короля и самъ потомъ казненный революціонерами, — своимъ неуваженіемъ къ слабому королю и грубыми мѣщанскими манерами и привычками уже въ это время возбуждали крайнее неудовольствіе Павла Петровича; узнавъ объ одной оскорбительной выходкѣ герцога Шартрскаго по отношенію къ королю, великій князь, воспитавшій въ себѣ чувство строгой законности, пророчески воскликнулъ: «Король Франціи очень терпѣливъ. Еслибы моя мать имѣла подобнаго двоюроднаго брата, онъ недолго бы пожилъ въ Россіи. Послѣдствія подобныхъ низкихъ интригъ въ царственномъ семействѣ всегда болѣе важны, чѣмъ думаютъ» [102]). Но Марія Ѳеодоровна не могла не отдать справедливости прекраснымъ душевнымъ свойствамъ герцогини Шартрской, матери будущаго короля Лудовика-Филиппа, относясь къ ней съ полнымъ вниманіемъ.

Знакомясь съ членами Бурбонскаго дома, Цесаревичъ и его супруга не забывали и образовательной цѣли своего путешествія. Парижъ въ то время былъ умственнымъ центромъ всей Европы. Не сочувствуя общему направленію ученія энциклопедистовъ, подрывавшаго основы религіи и способствовавшаго развращенности нравовъ въ обществѣ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна еще въ Петербургѣ съ живымъ интересомъ слѣдили за умственною и общественною жизнью Парижа по обстоятельнымъ періодическимъ отчетамъ двухъ Парижскихъ своихъ корреспондентовъ: Жана-Франсуа-Лагарпа и Бленъ-де-Сенъ-Мора [103]), такъ что весьма много они уже знали, къ многому были уже достаточно подготовлены, и въ тоже время многое вызвало въ нихъ чувство разочарованія. Это послѣднее проявилось особенно при знакомствѣ съ произведеніями Французскаго искусства, которыми Марія Ѳеодоровна вездѣ особенно интересовалась. «Очень замѣтно, что вы ѣдете изъ Италіи,» писала Екатерина, «такъ какъ вы не удивляетесь ни картинамъ, ни колоколамъ Парижскаго собора. Смѣхъ, который Французская музыка чуть не вызвала въ моей милой дочери, также есть Итальянская ересь, которую Италія подкрѣпила... Какимъ же однако образомъ весь Парижъ, до безумія любящій театральныя представленія, не имѣетъ лучше сыгранныхъ пьесъ, чѣмъ наши? Я хорошо знаю почему: это потому, что всякій оставляетъ хорошее представленіе для дурнаго, что вмѣсто трагедіи даютъ имъ только безсмы-

---

[102]) Oberkirch, I, 254.

[103]) Бюллетени ихъ (перваго, съ 1774 по 1791 годъ въ пяти томахъ, а втораго, съ 1778 по 1801-й въ тридцати двухъ томахъ) сохраняются въ рукописи въ библіотекѣ Павловскаго дворца. Изъ нихъ напечатаны только бюллетени Лагарпа, и то лишь частію, о чемъ нельзя не пожалѣть: ибо они рисуютъ живую картину литературной и общественной жизни Парижа въ революціонную эпоху. „Павловскъ“, 437—438.

сленное, что комедія вмѣсто смѣха вызываетъ только слезы, что ни одна вещь уже не на своемъ мѣстѣ, что даже цвѣта имѣютъ лишь названія презрительныя и недостойныя»[104]). Высокіе путешественники посѣщали также мастерскія художниковъ, музеи, библіотеки и ученыя учрежденія. Французская Академія Наукъ устроила въ честь ихъ торжественное засѣданіе, на которомъ ихъ литературный корреспондентъ Лагарпъ читалъ свое стихотворное посланіе къ Великому Князю. Часы досуга, остававшіеся у великняжеской четы отъ праздниковъ и посѣщеній разнаго рода, посвящались бесѣдѣ съ учеными писателями и художниками. Бомарше самъ прочелъ имъ въ это время свою извѣстную «Свадьбу Фигаро», бывшую еще въ рукописи. Вниманіе это, оказанное выдающимся представителемъ умственнаго движенія вѣка дѣтьми вѣнценосной Покровительницы энциклопедистовъ, высоко подняло Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну въ глазахъ Французскаго общества, вызывая единодушное одобреніе всѣхъ образованныхъ людей. Между прочимъ, Павелъ Петровичъ посѣтилъ знаменитаго тогда Неккера, бывшаго въ немилости у двора, и д'Аламбера, котораго когда-то Екатерина приглашала въ наставники къ нему. Парижане удивлялись разностороннимъ знаніямъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, въ особенности въ области искусствъ и ремеслъ, не предполагая, конечно, что супруга наслѣдника Русскаго престола всегда съ любовію занималась ими[105]).

Парижскія благотворительныя учрежденія и тюрьмы также видѣли въ стѣнахъ своихъ Великаго Князя и его супругу, каждый разъ оставлявшихъ на память о своемъ посѣщеніи значительныя пожертвованія. Современники сохранили намъ много свидѣтельствъ, что въ этихъ случаяхъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна проявили необыкновенную чувствительность и желаніе помочь страждущимъ[106]). Такъ, 2 Іюня они, осматривая судебныя учрежденія, пожелали посѣтить и находившіяся при нихъ тюрьмы, которыя во Франціи, какъ и во всей Европѣ, находились въ ужасномъ состояніи. Тутъ ихъ высочества потрясены были до глубины души, и тронуты были такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ и всѣ арестованные. Нѣсколькими днями ранѣе Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна подобнымъ же образомъ

[104]) С. Р. И. О., IX, 156. Замѣчательно, что Марія Ѳеодоровна, посѣтивъ Notre Dame de Paris, признавалась г-жѣ Оберкирхъ, что хотя храмъ Св. Петра въ Римѣ и Парижскій соборъ глубоко дѣйствуютъ на религіозное чувство, но что въ этомъ отношеніи она отдаетъ предпочтеніе православнымъ церквамъ. Оберкирхъ отличалась приверженностью къ лютеранству. „Къ счастію для себя", прибавляетъ она, „Великая Княгиня ревностная православная христіанка и вовсе не скорбитъ, что покинула религію своего дѣтства". Oberkirch, I, 217.—[105]) См. напр. Coudray, 34. Кобеко, 233--234. —[106]) Oberkirch, Coudray, донесенія князя Барятинскаго.

посѣтили Консьержери и тюрьму Аббатства, гдѣ они оставили въ пользу заключенныхъ болѣе 12,000 франковъ. Были они и въ тюрьмѣ, гдѣ содержались неисправные должники, причемъ за многихъ изъ нихъ заплатили болѣе 10,000 франковъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ великій князь и великая княгиня входили во всѣ мелочи управленія и содержанія заключенныхъ, ужасаясь, вѣроятно, всему видѣнному. Также подробно осмотрѣны были больницы, воспитательный домъ и разные пріюты для сиротъ и другихъ несчастныхъ. Эти учрежденія поставлены были, кажется, въ лучшія условія, чѣмъ тюрьмы. «Радуюсь за человѣчество», отвѣчала Екатерина невѣсткѣ въ отвѣтъ на ея описаніе состоянія Парижскихъ больницъ, «что больницы, которыя вы посѣтили, не такъ скверны, какъ были тому назадъ нѣсколько лѣтъ, когда ихъ считали настоящими помойными ямами» [107]). При обзорѣ благотворительныхъ учрежденій обхожденіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны внушало всѣмъ восторженныя чувства, такъ какъ и здѣсь наши путешественники входили во всѣ подробности состоянія учрежденій, ласкали страждущихъ и не затруднялись даже обходить въ больницахъ палаты страдавшихъ заразительными болѣзнями. Какъ и въ Ліонѣ, Павелъ Петровичъ отвѣчалъ на представленія объ опасности такого обхода, что эти посѣщенія онъ считаетъ обязанностію, налагаемою на него и супругу ихъ высокимъ саномъ. «Существуетъ большая разница, говорилъ онъ, между частными лицами и тѣми, кто предназначенъ къ трону Провидѣніемъ: для послѣднихъ необходимо знать всѣ виды человѣческихъ бѣдствій, чтобы умѣть облегчать ихъ» [108]). Посѣтивъ одну изъ лучшихъ Парижскихъ больницъ Hôtel-de-Dieu, они бросили въ кружку банковый билетъ въ 600 ливровъ [109]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробностей о посѣщеніи великокняжеской четою другихъ благотворительныхъ учрежденій, къ обзору которыхъ еще въ Вѣнѣ Марія Ѳеодоровна показала особую склонность. Между тѣмъ, одно изъ самыхъ крупныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной въ Парижѣ, было пожертвованіе на воспитательный домъ [110]); безъ сомнѣнія участь обреченныхъ на гибель младенцевъ глубоко тронула нѣжное сердце Великой Княгини. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ съ людьми на Парижскихъ улицахъ на глазахъ Маріи Ѳеодоровны также послужили поводомъ къ тому, чтобы немедленно помочь пострадавшимъ и позаботиться объ ихъ участи [111]). По словамъ г-жи Оберкирхъ, Павелъ Петровичъ очень любилъ видѣть въ своей супругѣ заботливость о несчастныхъ и тѣмъ еще болѣе возбуждалъ ея благотворительную дѣятельность [112]).

[107] С. Р. И. О., IX, 160.—[108]) Coudray, 29.—[109]) Тамъ же, 28.—[110]) Денежная вѣдомость Салтыкова отъ 10 Іюля 1782 г.—[111]) Coudray, 20—21, 95.—Oberkirch., I, 204—[112]) Oberkirch, I, 204. Г-жа Оберкирхъ сопровождала свою царственную подругу повсюду

Но онъ же, можетъ быть, побудилъ Марію Ѳеодоровну на необыкновеный по правиламъ этикета поступокъ, вызванный, очевидно, воинскими наклонностями Великаго Князя. Послѣ смотра полка Французской гвардіи, которою командовалъ маршалъ Биронъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, чрезвычайно довольные произведеннымъ ученіемъ, посѣтивъ лазаретъ полка, роздали при этомъ больнымъ солдатамъ денежное пособіе, а затѣмъ приняли отъ маршала завтракъ, на которомъ присутствовали и офицеры полка. Но этимъ дѣло не кончилось. По возвращеніи домой, доносилъ Екатеринѣ» кн. Барятинскій, ея высочество отъ своего имени прислать изволийла при письмѣ къ маршалу Бирону пятьсотъ луидоровъ «pour boire aux soldats des gardes françaises» [113]). Маршалъ эти деньги, съ позволенія его величества, принялъ; но, «прибавляетъ князь Барятинскій, сіе сдѣлано изъ единаго угожденія ея высочеству, яко къ дамѣ: ибо до сего времени полкъ Французской гвардіи ни отъ кого ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ» [114]).Обиды никто не почувствовалъ, такъ какъ гвардейцы сумѣли оцѣнить чувства, вызвавшія этотъ странный подарокъ, и были въ восторгѣ отъ вниманія Великой Княгини. Маршалъ Биронъ съ своей стороны прислалъ Павлу Петровичу лошадь, на которой онъ дѣлалъ смотръ полку, на память объ этомъ смотрѣ. Павелъ Петровичъ, принявъ лошадь, велѣлъ вручить приведшему ее солдату сумму денегъ, равную стоимости лошади.

Французы лучше, чѣмъ хладнокровно-разсчетливые Нѣмцы и вѣчно-интриговавшіе Итальянцы, оцѣнили рыцарскій характеръ Павла Петровича и женственный умъ, доброту и грацію Маріи Ѳеодоровны. Парижъ и Версаль были въ восторгѣ отъ своихъ гостей: каждый шагъ ихъ, каждое мѣткое слово, сказанное публично, дѣлались извѣстны всему городу, возбуждая всюду самыя сочувственныя толкованія всѣхъ классовъ общества, начиная отъ королевскаго двора до массы простаго народа. Особенное впечатлѣніе на Парижанъ произвело хорошо характеризующее самого Павла Петровича сочувствіе его къ памяти добраго короля, Генриха IV. Присутствуя однажды въ театрѣ на представленіи пьесы: «Chasse de Henri Quatre», Павелъ Петровичъ былъ до того растроганъ, что плакалъ о Генрихѣ IV, а затѣмъ просилъ повторить для него эту пьесу.

По обычаю того времени, чувства, возбужденныя пребываніемъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Парижѣ, выразились во множествѣ современныхъ, часто весьма удачныхъ по мысли и формѣ стихотвореній; въ одномъ изъ нихъ поклоненіе Павла памяти Генри-

---

и въ Парижѣ, и во время дальнѣйшаго путешествія по Европѣ, замѣняя собою г-жу Бенкендорфъ, которая, находясь въ состояніи беременности, уѣхала изъ Парижа въ Монбельяръ.—[113]) Тамъ же, 283. Т.-е. на водку солдатамъ Французской гвардіи.—[114]) Донесеніе 9 Іюня.

ха IV подало поводъ къ пророчеству, что самъ Павелъ уподобился Генриху. Почести, воздаваемыя великокняжеской четѣ, были тѣмъ искреннѣе и цѣннѣе, что къ нимъ не примѣшивалось своекорыстныхъ политическихъ разсчетовъ, какъ это было въ Пруссіи и потомъ въ Австріи. Съ каждымъ днемъ графъ и графиня Сѣверные пользовались все бо́льшимъ и бо́льшимъ расположеніемъ Французовъ, которое проявлялось при всякомъ удобномъ случаѣ. 15 Мая, напр., въ «Comédie Française» публика устроила Цесаревичу и его супругѣ оваціи, продолжавшіяся въ теченіе всего спектакля. По окончаніи его Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна провожаемы были толпою зрителей, восторженно ихъ привѣтствовавшихъ. Каждая любезность двора по отношенію къ великокняжеской четѣ встрѣчаема была обществомъ съ удовольствіемъ. «3 Іюня», доносилъ князь Барятинскій, «ихъ высочества ѣздили въ оперу въ Версали, куда уже королева прибыла раньше ихъ высочествъ. Какъ только они подъѣхали къ тому дому, то шталмейстеръ королевы встрѣтилъ ихъ и просилъ ихъ идти къ ней въ ложу. Только-что ихъ высочества показались, публика не могла утерпѣть изъявить свое удовольствіе плесканіемъ въ ладоши, и всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ. По нѣкоторомъ времени королева встала съ своего мѣста, дабы оное уступить ея высочеству. Государыня великая княгиня всячески отъ онаго изволила уклоняться; но королева, почти можно сказать силою, ее къ тому принудила. Какъ скоро мѣстами перемѣнились, публика съ великимъ же восхищеніемъ паки плескала въ ладоши». Въ донесеніи отъ 8 Іюня, говоря объ отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, кн. Барятинскій прибавлялъ: «Ихъ высочества всѣми принимаемы были съ великою радостью съ восхищеніемъ и съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ. И всѣ генерально говорятъ сими словами: «Ils emportent de notre amour et nos regrets» *). Узнавъ 1 Іюня о желаніи великокняжеской четы отправиться въ дальнѣйшій путь, король и королева выразили по этому поводу искреннее сожалѣніе и убѣдили Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну направить путь изъ Парижа чрезъ Шоази, куда они хотѣли пріѣхать изъ Версаля, своей обычной резиденціи, чтобы еще разъ проститься съ своими гостями. Говоря по этому поводу съ Барятинскимъ, Людовикъ XVI сказалъ между прочимъ: «Je ne puis m'empêcher de ne pas me procurer le plaisir de les voir avant leur départ. Je vous avoue franchement que je suis fort enchanté d'avoir fait leur connaissance. Je vous prie de faire savoir mes sentiments à S. M. l'Impératrice, de l'assurer de mon attachement et de lui dire, que je regarde comme une véritable preuve de son amitié pour moi qu'elle ait bien voulu donner la permission au Grand-Duc de venir en France. Je me rappelerai avec une vraie satisfaction

*) Они увозятъ съ собою нашу любовь и наши сожалѣнія.

de tous les moments que j'ai passé avec leurs altesses impériales» [115]). «Весь этотъ день», продолжаетъ князь Барятинскій, «ихъ высочества пробыли съ королемъ, королевою и королевскою фамиліей и, можно сказать, какъ бы однофамильные, въ обхожденіи самомъ простомъ и дружескомъ». 5 Іюня Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна возвратились изъ Версаля въ Парижъ и здѣсь привели въ порядокъ свои дѣла, готовясь къ отъѣзду. Между прочимъ окончены были покупки разнаго рода вещей и распоряженія по отсылкѣ ихъ въ Петербургъ [116]). 7 Іюня Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна выѣхали изъ Парижа и, увидившись еще разъ съ королевской фамиліей въ Шоази, отправились въ дальнѣйшій путь, въ Нидерланды чрезъ Бретань.

Всѣ современники, описывавшіе пребываніе великокняжеской четы въ Парижѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что извѣстіе о предположенномъ отъѣздѣ ея встрѣчено было всеобщимъ сожалѣніемъ, которое кавалеръ Дю-Кудре выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Par votre agréable présence
Vous avez comblé nos souhaits;
Par votre départ, votre absence,
Princes, vous excitez nos sensibles regrets.
Tels sont en ce moment les adieux de la France.
Il fallait y rester, ou n'y venir jamais [117]).

---

[115]) „Я не могу отказать себѣ въ желаніи имѣть удовольствіе увидѣться съ ними предъ ихъ отъѣздомъ. Признаюсь вамъ откровенно, что я въ восхищеніи отъ знакомства съ ними. Я прошу васъ выразить мои чувства предъ Е. В. Императрицей, увѣрить ее въ моей привязанности къ ней и сказать ей, что я считаю истиннымъ доказательствомъ ея дружбы ко мнѣ данное ею Великому Князю позволеніе посѣтить Францію. Я вспоминаю съ истиннымъ удовлетвореніемъ всѣ часы, которые я провелъ въ обществѣ ихъ императорскихъ высочествъ". „Признаюсь", писала 9 Іюня Екатерина Гримму, „что извѣстія объ успѣхахъ графа и графини Сѣверныхъ превзошли мои ожиданія. Благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете и которыя доставляютъ мнѣ великое удовольствіе". С. Р. И. О., XXIII, 241.

[116]) Иностранцы вообще сильно преувеличивали количество денегъ, издержанныхъ великокняжеской четой во Франціи. Такъ, г-жа Оберкирхъ говоритъ, что сумма, розданная во Франціи на дѣла благотворенія и награды разнымъ лицамъ, превосходила два милліона (328); а Кудре (34) цѣнность покупокъ, сдѣланныхъ во Франціи, опредѣляетъ въ три милліона. Допуская даже, что милліоны эти считаются на ливры, мы все-таки видимъ, что суммы эти не соотвѣтствуютъ истиннымъ цифрамъ расходовъ, приведеннымъ въ подлинныхъ денежныхъ отчетахъ Салтыкова. По его счету, со времени выѣзда изъ Италіи до отъѣзда изъ Парижа, вышло въ расходъ всего 516,801 Голл. гульденъ (изъ нихъ на надобности ихъ высочествъ и покупку мебели 194,350, а остальное на пожертвованія и разныя выдачи). Получивъ этотъ отчетъ Салтыкова, Екатерина послала его къ Безбородко при слѣдующей запискѣ (Госуд. Арх., IV, 160): „Прочтите сіи письма генерала Салтыкова съ кн. Вяземскимъ и посмотрите, не будетъ ли нужда въ деньгахъ тамо. Наипаче подъ конецъ. Измотались, кажется". Изъ этой записки видно, что Екатерина не стѣсняла Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну въ расходахъ по путешествію.

[117]) Coudray, 101. Марія-Клотильда писала изъ Турина Павлу Петровичу 28 Іюня: „Je suis enchantée de voir que vous avez été content de votre séjour en France. Je puis

Графъ и графиня Сѣверные оставляли Парижъ довольные сдѣланнымъ имъ пріемомъ, но подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отдаленныхъ пока раскатовъ грозы изъ Россіи. Въ половинѣ Мая они получили письмо Екатерины, въ которомъ она извѣщала дѣтей, что въ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ сопровождавщему ихъ князю А. Б. Куракину оказались дерзкія выраженія, какъ оказалось потомъ, относительно князя Потемкина и самой Императрицы [118]). Можно представить себѣ, какъ Павелъ Петровичъ былъ встревоженъ не только за кн. Куракина, являвшагося единомышленникомъ Бибикова, но и за себя лично: ибо дружескія отношенія Павла къ Куракину были всѣмъ извѣстны. Замѣчательно, что, находясь въ Парижѣ, царственные супруги, если вѣрить современникамъ, дали объ Екатеринѣ совершенно различные отзывы при обстоятельствахъ, исключающихъ возможность неискренности. Однажды, на вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого бы онъ могъ положиться, Павелъ Петровичъ, безъ сомнѣнія съ часу на часъ ожидавшій отзыва князя Куракина изъ Парижа, раздраженный этимъ отвѣчалъ: «Ахъ, я былъ бы очень недоволенъ, еслибы возлѣ меня въ моей свитѣ находился самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный; моя мать велѣла бы бросить его въ воду, прежде чѣмъ мы оставили бы Парижъ» [119]). О Маріи Өеодоровнѣ существуетъ иное свидѣтельство. Въ отвѣтъ на слова священника церкви Св. Сульпиція, цѣлью которыхъ было восхваленіе Екатерины, Марія Өеодоровна серьезно сказала: «Да, вы правы. Императрица есть мать своихъ подданныхъ; она въ одно и тоже время и лучшая голова, и лучшее сердце во всей Европѣ». «Я», прибавляетъ при этомъ г-жа Оберкирхъ, «никогда не слышала, чтобы графиня Сѣверная говорила инымъ языкомъ; тѣ, которые приписывали ей другое мнѣніе, ошибаются» [120]). Нѣтъ основаній не довѣрять въ этомъ случаѣ задушевной подругѣ Маріи Өеодоровны, и такимъ образомъ становится ясно, что невѣстка стала относиться къ Императрицѣ, послѣ пятилѣтняго пребыванія своего въ Россіи, гораздо безпристрастнѣе и справедливѣе, чѣмъ Павелъ Петровичъ. Очевидно, Марія Өеодоровна успѣла уже приглядѣться ко многому, чего ранѣе не видѣла, и многое получило въ ея глазахъ иной оттѣнокъ Екатерина - женщина въ глазахъ Маріи Өеодоровны потеряла свое значеніе сравнительно съ Екатериной-государыней и Екатериной - бабушкой, замѣнявшей дѣтямъ Маріи Өеодоровны мать во время всего путешествія. Письма Екатерины за это время дышатъ нѣжною заботливостью о своихъ внукахъ, съ которыми она проводила свои досуги и о развитіи ко-

vous assurer que vous avez bien captivé les coeurs, surtout par les argens immenses que vous avez répandu sur tous les malheureux, et votre départ a causé bien de regrets".— [118]) С. Р. И. О., IX, 145. Письмо 25 Апрѣля.—[119]) Кобеко, 237. —[120]) Oberkirch, I, 262—263

торыхъ она приложила всѣ старанія, сама составляя для ихъ первоначальнаго чтенія небольшія статьи. Не менѣе благодарна была Марія Ѳеодоровна державной своей свекрови и за участіе ея къ судьбѣ ея родныхъ: сестра Маріи Ѳеодоровны, благодаря вліянію Екатерины, готовилась быть Австрійской императрицей, принцъ Фридрихъ ѣхалъ въ Россію Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а ея родителямъ Екатерина изъявляла готовность помочь въ ихъ финансовыхъ затрудненіяхъ [121]). Марія Ѳеодоровна имѣла въ сущности менѣе причинъ быть предубѣжденной противъ Императрицы, чѣмъ Павелъ Петровичъ, воспитанный Панинымъ. Послѣ видимаго сближенія молодого двора съ Австріей Екатерина надѣялась на перемѣну взглядовъ своего сына и писала ему и Маріи Ѳеодоровнѣ искреннія, ласковыя, истинно материнскія письма. Самый эпизодъ съ письмомъ Бибикова къ князю Куракину, глубоко оскорбившій Екатерину, не нарушилъ дружественныхъ отношеній ея къ сыну, которому она подробно объясняла въ письмахъ эту исторію, какъ бы оправдываясь въ принятыхъ ею по этому поводу мѣрахъ [122]). Мы склонны даже думать (хотя и не имѣемъ на то прямыхъ указаній), что первое недоразумѣніе, возникшее въ супружеской жизни Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, развивалось изъ различія взглядовъ царственныхъ супруговъ на Екатерину послѣ 1781 г.

Чрезъ Брестъ и Лилль Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна проѣхали въ Австрійскіе Нидерланды. Здѣсь, по приказанію Іосифа II, его сестра Марія-Христина и ея супругъ, штатгальтеръ, принцъ Альбрехтъ Саксенъ-Тешенскій, приняли высокихъ гостей у самой почти границы страны и вмѣстѣ сопровождали ихъ по всей странѣ. Въ Брюсселѣ въ честь ихъ происходило торжественное засѣданіе Академіи Наукъ. По желанію Маріи Ѳеодоровны изъ представленныхъ мемуаровъ прочитанъ былъ мемуаръ: «О новѣйшихъ успѣхахъ наукъ и того, что́ еще остается сдѣлать для ихъ полнаго совершенства» [123]). Въ Голландіи Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна посѣтили между прочимъ Сардамъ, гдѣ осмотрѣли домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій, работая въ качествѣ простаго плотника, а въ Лейденѣ — университетъ, гдѣ Павелъ Петровичъ сказалъ профессорамъ, что онъ имъ обязанъ тѣмъ, что, благодаря ихъ трудамъ, многіе изъ его соотечественниковъ сдѣлались способными служить съ пользою своей родинѣ. Уже Марковъ, Русскій посланникъ въ Гагѣ, дурно принятый Цесаревичемъ, обратилъ вниманіе на то, что слова эти относились къ князю Куракину, находившемуся въ свитѣ Павла и замѣшанному въ дѣло Бибикова [124]). Понятно по-

---

[121]) С. И. Р. О., IX, 170.—[122]) Тамъ же, 157—159.—[123]) Р. Арх., 1876, II, 50. Статья Гашара, сообщенная Л. Н. Майковымъ.—[124]) Архивъ Князя Воронцова, IV, 214. Князь Куракинъ нѣкогда учился въ Лейденѣ. П. Б.

этому, что отзывъ этотъ былъ неумѣстенъ въ устахъ Павла Петровича и могъ навлечь на него неудовольствіе Екатерины [125]).

Путешествуя въ Бельгіи и Голандіи по рѣкамъ и каналамъ, мало стѣсняемые условіями этикета, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отдохнули нѣсколько отъ суеты Парижской жизни; но, приближаясь къ предѣламъ Германіи, они уже въ Спа встрѣчены были множествомъ Германскихъ фюрстовъ, которые, въ сопровожденіи женъ и дочерей, спѣшили на встрѣчу Русской великокняжеской четѣ. Вслѣдствіе этого Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна должны были провести два дня въ этомъ городѣ, посѣщая празднества, даваемыя эрцгерцогиней Маріей - Христиной и принцемъ Альбрехтомъ. Но всѣмъ стѣснительнымъ оказательствамъ и разнымъ церемоніямъ высокіе путешественники должны были подвергнуться во Франкфуртѣ, гдѣ въ огромномъ количествѣ собрались фюрсты, всѣ почти считавшіе себя близкими или дальними родственниками великокняжеской четы и крайне ревнивые къ соблюденію мелочей этикета, которыми думали блюсти свое достоинство. Среди нихъ находился и бывшій женихъ Маріи Ѳеодоровны, принцъ Людвигъ Дармштадтскій. «Сейчасъ», писала Екатерина Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, «мнѣ принесли ваши письма, содержащія подробности о знаменитыхъ и пріятныхъ знакомствахъ, сдѣланныхъ вами во Франкфуртѣ. Сдержанность обоихъ васъ въ выраженіяхъ и классификація, дѣлаемая имъ вами, не оставляютъ въ мысляхъ моихъ никакого сомнѣнія. Не правда ли, что если бы заслуга не пришла на помощь именамъ, то было бы вещью трудною для памяти помнить ихъ? Мнѣ кажется, что отсюда вижу досаду и смущеніе любезной дочери оттого, что она упустила своего бывшаго нареченнаго». Франкфуртскіе церемоніальные пріемы тѣмъ болѣе тяжелы были Маріи Ѳеодоровнѣ, что она мыслію жила уже въ Этюпѣ, куда вмѣстѣ съ супругомъ своимъ прибыла только 21 Іюля.

Въ Монбельярѣ собралась для встрѣчи путешественниковъ вся многочисленная Германская семья Маріи Ѳеодоровны. 2 Августа для привѣтствованія Великаго Князя и его супруги прибылъ и герцогъ Карлъ Виртембергскій. Въ этомъ тѣсномъ семейномъ кругу, котораго она была добрымъ геніемъ, среди приходившихъ въ восторгъ Монбельярцевъ, Марія Ѳеодоровна провела, вѣроятно, самыя счастливыя минуты за все время своего путешествія, переживая сладкія впечатлѣнія дѣтства. И здѣсь были неизбѣжныя празднества, но они носили уже

[125]) Подробности пребыванія Павла Петровича въ Голандіи Екатерина прочла въ „Голландскомъ Публицистѣ“ уже 28 Іюля. Замѣчательно, что письмо ея отъ этого числа къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ состоитъ почти исключительно изъ сообщенія имъ этого факта и является самымъ сухимъ и короткимъ изъ писемъ Екатерины за все время путешествія. С. Р. И. О., IX, 172. Быть можетъ, именно этимъ способомъ Екатерина выразила Цесаревичу свое неудовольствіе.

чисто-семейный или народный характеръ. Чрезъ г-жу Гендель, старую экономку Монбельярскаго семейства, Марія Ѳеодоровна узнавала о нуждавшихся своихъ соотечественникахъ и широкою рукою помогала имъ.

Не забыла она и благотворительныхъ учрежденій маленькой своей родины [126]). Даже Павелъ Петровичъ подчинился идиллическому настроенію своей супруги и забылъ на время о политическихъ своихъ невзгодахъ. «Мы уже восемь дней какъ живемъ въ семейномъ своемъ кругу», писалъ онъ графу Н. П. Румянцову; «это совсѣмъ новое для меня чувство, чувство тѣмъ болѣе для меня сладкое, что имѣетъ своимъ источникомъ сердце, а не умъ» [127]). По собственному признанію, Павелъ Петровичъ «наслаждался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла» [128]). Но въ Монбельярѣ Павелъ Петровичъ не забывалъ, что онъ, прежде всего, наслѣдникъ Русскаго престола и ревниво относился ко всему тому, чтò, при скромной сравнительно обстановкѣ родителей Маріи Ѳеодоровны, казалось ему ниже его сана: такъ онъ грубо обошелся съ однимъ офицеромъ Виртембергскимъ, заподозривъ его въ фамиліарности [129]). Можно, впрочемъ, предположить, что въ кругу членовъ Монбельярскаго семейства предметомъ бесѣдъ не разъ бывали и политическія дѣла, съ которыми связаны были всѣ ихъ интересы, тѣмъ болѣе, что братья Маріи Ѳеодоровны находились на службѣ враждовавшихъ между собою Австріи и Пруссіи. Есть извѣстіе, что принцесса Доротея, подобно дочери своей, склонялась на сторону Австріи и убѣждала Павла Петровича освободиться отъ внушеній графа Н. И. Панина и такимъ образомъ сблизиться съ Екатериной [130]).

Въ концѣ Августа Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна оставили Этюпъ и отправились въ Швейцарію [131]); вслѣдъ за ними вы-

[126]) Oberkirch, I, 402, 404.—Ephémérides de Montbeliard, 312.—[127]) Госуд. Арх., IV, 183.—[128]) Письмо къ Платону изъ Этюпа 1 Августа. Русскій Архивъ, 1887, II, 28.—[129]) Masson, I, 241. Любопытно съ другой стороны свидѣтельство перваго Русскаго санскритолога Герасима Лебедева гр. С. Р. Воронцову изъ Калькутты: „Я съ неизъяснимою благодарностію свѣту свидѣтельствую собою за милость и отеческое благопріятство, какое я имѣлъ счастіе получить отъ Е. И. В. Государя Павла Петровича, отъ его супруга и отъ путешествующихъ съ ними господъ въ Парижѣ и Монбильярѣ. Славить соразмѣрно милостямъ желаю занять витійства. Но кто устроитъ мой языкъ въ чужой дальной восточной сторонѣ?“ А. К. В., XXIV, 176—177.—[130]) Р. Арх., 1874, I, 1284.—[131]) Принцесса Доротея по отъѣздѣ дорогихъ гостей, удовлетворяя сантиментальной своей потребности, поспѣшила на память о ихъ пребываніи поставить въ Этюпскомъ саду монументъ съ слѣдующей надписью, составленной кавалеромъ Флоріаномъ:

Ici la plus heureuse et la plus tendre mère
Réunit seize enfants, idoles de son coeur,
Et voulut consacrer cette époque si chère
De son amour, de son bonheur.
Passant, repose-toi sous cet épais ombrage,
Et si tu chéris les enfants,
Respire ici quelques instants,—
Tu les aimera davantage.

ѣхалъ прямо въ Петербургъ и принцъ Фридрихъ съ супругою своей, принцессой Августой. Впечатлѣнія дикой Швейцарской природы соединились у Павла Петровича съ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія Европейскихъ дворовъ. «И страшныхъ горъ видъ», писалъ онъ изъ Берна Платону, «становится пріятнымъ здѣсь зрѣлищемъ, ибо они какъ будто защита отъ порчи нравовъ»[132]). Въ Швейцаріи Марія Өеодоровна познакомилась съ Лафатеромъ, съ которымъ впослѣдствіи вступила въ переписку. Соединившись затѣмъ въ Страсбургѣ съ родителями своими, съ принцемъ Фердинандомъ и принцессой Елисаветой, Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна отправились въ обратный путь въ Россію чрезъ Баденъ, гдѣ познакомились съ семействомъ маркграфа, и черезъ Штутгартъ, гдѣ герцогъ Карлъ съ свойственной ему страстью къ роскошнымъ праздникамъ роскошно принималъ какъ родныхъ своихъ, такъ и съѣхавшихся въ Штутгартъ по случаю ихъ пріѣзда Нѣмецкихъ фюрстовъ (во время этихъ праздниковъ успѣлъ бѣжать отъ своенравнаго и жестокаго герцога Шиллеръ). Въ Штутгартѣ въ это время находились Русскіе молодые люди, бывшіе ученики духовныхъ семинарій, слушавшіе курсъ въ Штутгартскомъ университетѣ, въ силу состоявшагося еще въ 1765 г. повелѣнія Екатерины о посылкѣ за границу лучшихъ учениковъ семинарій. Великій князь и его супруга обласкали своихъ соотечественниковъ заброшенныхъ на чужбину, присутствовали на экзаменахъ, имъ произведенныхъ, и нѣкоторымъ, если не всѣмъ, помогли и деньгами. При этомъ случаѣ сказалось и благочестіе великокняжеской четы, о которомъ съ восторгомъ узнали родители Русскихъ студентовъ, находившихся въ Штутгартѣ. Узнавъ, что студенты эти, вслѣдствіе отсутствія въ Штутгартѣ, православной церкви, долгое время не исполняли своихъ религіозныхъ обязанностей, Павелъ Петровичъ приказалъ имъ говѣть въ своей походной церкви. Вслѣдъ затѣмъ самъ Павелъ и Марія Өеодоровна присутствовали при принятіи студентами св. таинъ и потомъ лично ихъ поздравляли *). Вообще великокняжеская чета, наскучивъ долговременнымъ путешествіемъ, съ удовольствіемъ думала о возвращеніи на родину и притомъ, какъ ни старался герцогъ Карлъ блеснуть предъ высокими гостями *великолѣпіемъ своихъ* празднествъ, Марія Өеодоровна, однако, грустно проводила время, готовясь къ разлукѣ съ родителями. «Въ вихрѣ празднествъ», писала она Екатеринѣ 7 Сентября, «я и сестра моя остаемся печальны: ожиданіе скорой разлуки съ дорогой моей семьей отравляетъ всѣ удовольствія. Но въ тоже время надежда въ скоромъ времени увидѣть себя у вашихъ ногъ, смѣю даже сказать въ вашихъ объятіяхъ, заставляетъ мое сердце забывать свои скорби и думать лишь

[132]) Русскій Архивъ, 1887, II, 29.—*) Р. Арх., 1882, II, 71—72. Письмо цесаревичу Павлу протоіерея Алексѣева.

о счастіи, возможномъ для него только въ Россіи, этой счастливой для меня странѣ, въ которой вы удостоили меня избрать своею дочерью и гдѣ я вкусила блаженство быть матерью. Я считаю дни и часы; каждый изъ нихъ только усиливаетъ мое нетерпѣніе. Ахъ, еслибы тѣ минуты, которыя отдѣляютъ насъ отъ васъ, дорогая матушка, могли протечь съ быстротою вѣтра! Я не говорю ни о чемъ болѣе, какъ о счастіи увидѣть Ваше Императорское Величество; въ этотъ радостный день вы увидите привязанность и нѣжность, которыя мы питаемъ къ вамъ, и скажете себѣ, что никогда не было дѣтей болѣе нѣжныхъ чѣмъ мы» [133]).

Екатерина въ свою очередь часто выражала желаніе скорѣйшаго возвращенія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Россію. О томъ же еще 10 Августа, по порученію Императрицы, писалъ Салтыкову Безбородко. «Что̀ принадлежитъ», отвѣчалъ тотъ 4 Сентября изъ Страсбурга, «до сокращенія дороги, то конечно ничего для ихъ высочествъ пріятнѣе быть не можетъ, какъ сократить оную сколько можно; потому что нетерпѣніе ихъ высочествъ свидѣться съ Государынею, также и дѣтей своихъ увидѣть, безмѣрно уже велико» [134]). Поэтому Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отказались послѣдовать приглашенію курфирстовъ Баварскаго и Саксонскаго посѣтить ихъ столицы и, простившись въ Штутгартѣ съ принцемъ Фридрихомъ - Евгеніемъ и принцессой Доротеей, спѣшили съ принцессой Елисаветой и принцемъ Фердинандомъ въ Вѣну, гдѣ Маріи Ѳеодоровнѣ предстояло устроить окончательно судьбу сестры и брата. То и другое вполнѣ удалось Маріи Ѳеодоровнѣ въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія въ Австрійской столицѣ. Іосифъ исполнилъ и давнее желаніе Маріи Ѳеодоровны, чтобы при принцессѣ Елисаветѣ осталась временно гувернантка ея г-жа Боркъ. Вообще дѣйствія Іосифа, во время вторичнаго пребыванія въ Вѣнѣ великокняжеской четы, по прежнему отличались крайнею предупредительностію, а при отъѣздѣ онъ вызвался даже провожать ее до сѣверной границы своего государства. Екатерина, всегда поддерживавшая предъ Іосифомъ II хлопоты Маріи Ѳеодоровны о принцессѣ Елисаветѣ, которую она называла «своей принцессой», писала Маріи Ѳеодоровнѣ 14 Октября: «Пріемъ, сдѣланный Императоромъ принцессѣ, кажется, такой, какого слѣдовало ожидать, и я не сомнѣваюсь, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе содѣйствовать счастію принцессы, насколько оно можетъ зависѣть отъ него. Я только могу одобрить, что вы во время пребыванія своего въ Вѣнѣ пристроили принцессу въ ея жилищѣ, и смотрю какъ на хорошее предзнаменованіе на увѣренность моей дочери о будущемъ счастіи ея сестры. Признаюсь, для меня будетъ большимъ удовольствіемъ мысль, что я тому содѣйствовала, о чемъ

---

[133]) Госуд. Арх., IV, 118.—[134]) Тамъ же, 106.

прошу передать моей принцессѣ, письма которой мнѣ всегда будутъ пріятны, ибо судьба ея крайне меня занимаетъ» [135]).

Выѣхавъ изъ Вѣны 7 Октября, въ сопровожденіи Іосифа, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна остановились въ Брюнѣ на два дня вслѣдствіе нездоровья Великой Княгини. Затѣмъ они направились въ Россію, постоянно задерживаемые дурными дорогами въ осеннее время, чрезъ Пруссію, Силезію, Краковъ, Бѣлостокъ и Ригу. 20 Ноября высокіе путешественники увидѣли, наконецъ, мать и дѣтей своихъ послѣ разлуки, продолжавшейся годъ и два мѣсяца. Велика была радость свиданія съ ними нѣжной матери. «Я нашла дѣтей моихъ», писала она Платону, «что они очень выросли, такъ что я бы почти ихъ не узнала, если бы сердце мое мнѣ не сказало, что то они. Вы можете себѣ представить мое удовольствіе, которое умножается ежедневно, видя, что дѣти столь успѣли, благодаря Государынѣ, которая ихъ берегла, какъ прелюбезная мать» [136])

Марія Ѳеодоровна была совершенно счастлива, и надо думать, что никогда еще не относилась она къ своей свекрови съ такимъ искреннимъ и теплымъ чувствомъ, какъ въ первое время по возвращеніи въ Петербургъ. Быть можетъ, подчиняясь желанію своей супруги, и Павелъ Петровичъ повидимому измѣнилъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ Екатеринѣ: по крайней мѣрѣ, онъ, посѣтивъ вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной на другой день послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ графа Н. И. Панина, не заглядывалъ къ нему потомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Казалось, что исполнилось предсказаніе Іосифа II-го, писавшаго Екатеринѣ при отъѣздѣ великаго князя и великой княгини изъ Вѣны: «Думаю, что не ошибусь, если возьму смѣлость увѣрить В. И. В., что они возвратятся къ вамъ въ гораздо болѣе благопріятномъ настроеніи, и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ у нихъ, насколько то допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя, вѣроятно, одни только и вселяли эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно-необходимыми

---

[135]) С. Р. И. О., IX, 186. Записка Екатерины безъ обозначенія года и числа о дѣлѣ принцессы Елисаветы, помѣщенная въ XXVII т. С. Р. И. О. (стр. 228), отнесена къ концу 1782 г., очевидно, по ошибкѣ: изъ содержанія записки ясно видно, что она относится ко времени перваго пребыванія Маріи Ѳеодоровны въ Вѣнѣ.—[136]) Р. Арх., 1887, II, 281. Екатерина, боясь вреднаго вліянія на дѣтей излишней чувствительности со стороны Маріи Ѳеодоровны въ первыя минуты свиданія, заранѣе предостерегала свою невѣстку. „Не испугайте мнѣ ихъ слишкомъ большимъ восторгомъ“, писала она. „Пусть любезная дочь обниметъ ихъ съ умѣренностью, а главное, пусть не падаетъ въ обморокъ, ибо въ этомъ мы ничего не понимаемъ и это внушитъ намъ страхъ и боязнь, которые, особенно послѣ такой долгой разлуки, лишатъ насъ той непринужденности, которою вы будете рады наслаждаться съ первой же минуты... Что я говорю со знаніемъ причинъ и личностей... Если бы вы сомнѣвались, милая дочь, въ этихъ моихъ доводахъ, то я сошлюсь на

для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность»[137]). И дѣйствительно, не прошло и недѣли послѣ возвращенія Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, какъ главный виновникъ разлада между матерью и сыномъ, графъ Н. И. Панинъ, впалъ въ немилость у молодаго двора и лежалъ въ предсмертной болѣзни. Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, а князь А. Б. Куракинъ удаленъ на жительство въ деревню. Казалось, что въ отношеніяхъ императорской семьи наступитъ періодъ успокоенія, и сбывались на дѣлѣ надежды Екатерины, которыя она высказывала Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ въ своихъ письмахъ къ нимъ за границу: «Путешествуйте, путешествуйте! А затѣмъ воротитесь въ Россію. Вы посмотрите на нее съ освѣженной головою. Молю Бога, чтобы Онъ благословилъ здоровье моего сына, подкрѣплялъ все болѣе его душу и тѣло и чтобы возвратилъ намъ васъ здоровыми и невредимыми къ радости моей и другихъ, чтобы я, какъ и мои подданные, могли радоваться тому, что доставленъ вамъ случай поучиться, видя людей и вещи собственными глазами,—выгода, которою пользуются не всѣ вамъ равные и изъ которой, надѣюсь, вы сдѣлаете такое приложеніе, что она послужитъ въ пользу всѣхъ и каждаго и что ни люди, ни вещи не будутъ имѣть повода пожаловаться на это»[138]).

Дѣйствительно, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна во время своего путешествія могли во многомъ измѣнить свой взглядъ на вещи и прежде всего касательно чрезвычайнаго превосходства Европейской жизни сравнительно съ Русской. «Славны бубны за горами», писала имъ Екатерина; «хотя я никогда не была въ странахъ, которыя вы посѣтили, однако всегда была того мнѣнія, что съ маленькимъ стараніемъ мы пошли бы наравнѣ со многими другими; а то, что̀ вы говорите мнѣ въ сравненіяхъ и скобкахъ, показываетъ мнѣ, что и вы недалеки отъ этого мнѣнія»[139]). Самъ Павелъ признавалъ для себя пользу путешествія въ этомъ отношеніи. «Если чему обучило меня путешествіе», объяснялъ онъ Платону, «то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ; ибо соединяетъ оно три удостовѣренія, безъ которыхъ и быть не можетъ: удостовѣреніе о милости Божіей, поелику ея стоимъ, о истинномъ и единомъ добрѣ въ отправленіи должностей и за тѣмъ въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющія свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, разнствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Послѣ сего можемъ мы имѣть

судъ вашей матери, съ которою можете посовѣтываться и которая касательно дѣтей должна имѣть самую большую опытность". С. Р. И. О., IX, 149—150.—[137]) Р. Арх., 1880, I, 293—294.—[138]) С. Р. И. О., IX, 155, 162.—[139]) Тамъ же, 149.

совѣсть спокойную, а сія на всякомъ мѣстѣ и владычествѣ»[140]). Павелъ Петровичъ такимъ образомъ смотрѣлъ на вещи главнымъ образомъ съ нравственной точки зрѣнія, тогда какъ его державная мать оцѣнивала ихъ и въ общественно-политическомъ отношеніи. Наклонность Цесаревича создавать себѣ теоріи на основаніи единичныхъ фактовъ и вѣра въ необходимость строгаго и мелочнаго контроля надъ теченіемъ народной жизни также получили себѣ новую пищу, какъ прежде путешествіе его въ Берлинъ повело къ оправданію его страсти къ мелочамъ военнаго дѣла. «Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ», говоритъ близко знавшій Цесаревича Саблуковъ, «Павелъ Петровичъ пропитался тѣми высоко-аристократическими идеями и чувствами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которыя довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго порядка, въ то время, какъ Французская революція стирала все съ лица Европы»[141]). Это замѣчаніе Саблукова о Павлѣ Петровичѣ, вполнѣ справедливое и по отношенію къ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ значительной степени оправдывается послѣдующими отношеніями царственныхъ супруговъ къ Французскимъ эмигрантамъ, а также тѣсною ихъ связью съ представителями домовъ Габсбурговъ и Бурбоновъ.

Каковы бы, впрочемъ, ни были измѣненія въ міросозерцаніи Павла Петровича, Екатерина согласилась на его путешествіе не изъ однихъ только отдаленныхъ надеждъ на перемѣну его къ лучшему. Въ то время, какъ новый союзникъ Екатерины, Іосифъ II-й, занятъ былъ брачнымъ проектомъ и чествованіемъ великокняжеской четы въ Австрійскихъ предѣлахъ, постепенно совершалось, при его косвенномъ содѣйствіи, руководимое твердой рукой великой Государыни, счастливое для Россіи событіе: въ Августѣ 1782 г. Русскія войска вступили въ Крымъ, а въ началѣ 1783 г. онъ безъ войны присоединенъ къ Русскимъ владѣніямъ[142]).

Вотъ чѣмъ кончился прекрасный день, утренней зарей котораго, по выраженію Екатерины, былъ союзъ 1781 года[143]).

Евгеній Шумигорскій.

---

[140]) Р. Арх., 1887, II, 30.

[141]) Р. Арх., 1869, 1868.

[142]) Ходъ переговоровъ по этому дѣлу, искусно веденныхъ Екатериною, изложенъ у Трачевскаго: „Союзъ Князей“, 94—109.

[143]) С. Р. И. О., IX, 109.

ЯКОВЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ ШУШЕРИНЪ.

(Очеркъ изъ исторіи Русскаго театра).

Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, имя котораго извѣстно Русскимъ читателямъ по воспоминаніямъ о немъ С. Т. Аксакова, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ Русскихъ сценическихъ дѣятелей. Это—глава цѣлаго направленія въ сценическомъ искусствѣ, именно сентиментализма XVIII вѣка, который ни въ комъ другомъ, если не считать знаменитой Московской актрисы Матрены Савишны Воробьевой, не проявился такъ полно и хорошо, какъ въ немъ.

Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ родился въ 1753 г. [1]) и былъ сыномъ бѣднаго приказнаго. Матери онъ лишился очень рано и почти не помнилъ ея. Отецъ же умеръ въ самомъ началѣ чумы 1771 года, значитъ, когда сыну было около двадцати лѣтъ; но Шушеринъ уже не жилъ тогда съ отцомъ.

Разгульна была ранняя молодость Шушерина. Онъ готовился отцомъ въ приказные и въ виду этого былъ обученъ кое-чему, умѣлъ читать и писалъ чётко и красиво, что̀ доставило ему перевѣсъ надъ его товарищами-писцами, когда онъ поступилъ на службу въ какое-то присутственное мѣсто. Но отсутствіе-ли съ раннихъ лѣтъ материнскаго призора, плохія-ли вліянія или слишкомъ кипучая натура,—только Шушеринъ началъ плохо. «Стыдно вспомнить, разсказывалъ онъ Аксакову, какая я былъ скотина и какую жизнь велъ» [2]). Самымъ благороднымъ изъ его развлеченій были кулачные бои, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Все-же остальное время досуга уходило на безшабашное пьянство съ тремя товарищами-сожителями по квартирѣ, о

---

[1]) Принимаемъ этотъ годъ на основаніи словъ Дмитревскаго, записанныхъ Жихаревымъ (см. Дн. Чин. От. Зап., 1855 г. Іюль, стр 182). Они подтверждены и самимъ Шушеринымъ, который говорилъ Жихареву, что онъ на 20 лѣтъ старше Яковлева, а Яковлевъ родился въ 1773 г. (см. тамъ-же). По Аксакову однако выходитъ, что Шушеринъ родился въ 1748 или 1749 году. (См. Сем. Хр. изд. 1879 г., стр. 425 и 469). Но свидѣтельство Жихарева заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ слова Шушерина были имъ записаны тогда-же, а Аксаковъ писалъ много лѣтъ спустя.

[2]) Сем. Хр., изд. 1879 г., стр. 448.

которыхъ довольно сказать, что они обкрадывали своего пріятеля и пропивали его платье. Смерть отца, не оставившаго сыну ничего, кромѣ зачумленной одежды, не перемѣнила Шушерина; и Богъ знаетъ чѣмъ-бы онъ кончилъ, еслибъ не пришлось ему какъ-то попасть на одно изъ представленій тогдашняго Московскаго театра [3]). Театръ былъ первымъ толчкомъ къ нравственному возрожденію молодаго человѣка и мало-по-малу совершенно отвлекъ его отъ разгула и пьянства.

Это сдѣлалось какъ-то само собой. На посѣщеніе театра нужны были деньги, а Шушеринъ получалъ ничтожное жалованье, котораго едва хватало на кутежи. Надо было по неволѣ урѣзать расходы, и Шушеринъ сталъ пить меньше. Скоро, не довольствуясь ролью зрителя, онъ захотѣлъ самъ быть дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ и, познакомившись съ какими-то маленькими актерами, дѣйствительно успѣлъ добиться того, что его выпустили въ роли лакея, а потомъ стали давать и другія подобныя-же роли. Сказалось-ли въ юношѣ, прошедшемъ сквозь огонь и воду, какое-то инстинктивное уваженіе къ искусству; но въ дни, когда ему приходилось появляться передъ публикой, чтобы произнести свои два-три слова, онъ также воздерживался отъ крѣпкихъ напитковъ. Въ короткое время онъ такъ привязался къ сценѣ, что бросилъ службу и пристроился окончательно при театрѣ, то переписывая роли за 3 коп. мѣдью съ листа, то замѣняя суфлера, когда тотъ былъ боленъ, то играя лакейскія роли. Но еще долго и долго суждено ему было прозябать въ этомъ незавидномъ положеніи. Вначалѣ, несмотря на добросовѣстное заучиваніе ролей, онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго проблеска дарованія, пока, наконецъ, мелькомъ услышанный рѣзкій отзывъ какого-то зрителя не возбудилъ въ немъ желанія во что бы ни стало показать, что онъ способенъ на бо́льшее, чѣмъ думаетъ публика. И вотъ, воспользовавшись болѣзнью одного изъ товарищей, онъ выпросилъ себѣ его роль, спросилъ совѣтовъ у опытныхъ актеровъ и сыгралъ такъ, что удостоился даже рукоплесканій. Съ тѣхъ поръ его положеніе измѣнилось къ лучшему, ему прибавили жалованья; но игралъ онъ все также посредственно, не выходя изъ ряда театральныхъ «полезностей» и, какъ самъ разсказывалъ, вѣроятно соскучился-бы такой жизнью и бросилъ-бы все, еслибы любовь не довершила того, что́ началъ театръ.

Въ то время въ маленькой труппѣ Московскаго театра особенно выдѣлялись изъ среды прочихъ актрисъ три сестры Синявскія. Старшая, Александра, играла старыхъ барынь въ комедіяхъ, меньшая Уль-

---

[3]) Аксаковъ говоритъ, что это было при Медоксѣ; но, какъ будетъ видно ниже, Шушеринъ поступилъ на театръ еще до управленія имъ Медокса.

яна пользовалась успѣхомъ въ роляхъ молодыхъ любовницъ въ трагедіи и комедіи и украшала своимъ талантомъ Медоксовъ театръ до самаго конца прошлаго вѣка; но талантливѣйшей и красивѣйшей была средняя сестра, Марія Степановна,—одна изъ самыхъ яркихъ театральныхъ звѣздъ прошлаго столѣтія. «Марья Степановна Синявская—пишетъ о ней лѣтописецъ нашего театра—имѣла звучный, мягкій и пріятный голосъ; на лицѣ ея, выразительномъ и характеристическомъ, рисовались вѣрно всѣ порывы страсти; декламація и игра всегда были оживлены глубокимъ чувствомъ; ея станъ и фигура были величественны. Всякую драматическую даже слабую роль М. С. умѣла скрасить и придать ей значеніе; торжествомъ ея почиталась роль Дидоны и многія другія, гдѣ особенно господствовали страсти сильныя и возвышенныя» [1]). Въ эту-то прелестную и даровитую дѣвушку влюбился Шушеринъ. Но нечего было думать, чтобы она, первая знаменитость сцены, обратила свой взоръ на какого-то выходнаго артиста, да еще кутилы и пьяницы. Оставалось добиться хотя-бы простаго знакомства съ нею, переродиться окончательно и, завоевавъ себѣ мѣсто перваго любовника въ труппѣ, играть вмѣстѣ съ Синявской. И вотъ Шушеринъ круто измѣнилъ жизнь свою. Послѣднія привычки разнузданной молодости заброшены навсегда. Онъ сталъ отказывать себѣ въ всемъ, «пилъ воду, ѣлъ щи да кашу» и «работалъ, какъ лошадь» на сторонѣ, чтобы добывать себѣ денегъ на пріобрѣтеніе книгъ. Со всѣми старыми знакомыми онъ порвалъ связи и постарался завязать новыя среди лучшихъ и образованнѣйшихъ актеровъ и любителей театра; въ это время познакомился онъ съ начитаннымъ и страстнымъ театраломъ купцомъ Кокуевымъ, сошелся съ молодымъ, тогда еще не начавшимъ своего сценическаго поприща, Силою

---

[1]) Др. альб. Арапова, стр. XLVI. Синявская была первой актрисой Медоксова театра и получала 1,000 р. въ годъ жалованья. Къ сожалѣнію о ней сохранилось мало извѣстій, но талантъ ея засвидѣтельствованъ Карамзинымъ. (См. Моск. Журн. 1791 г., ч. I, стр. 83; ч. 3, стр. 97 и др.). Впослѣдствіи она перешла въ Петербургъ, гдѣ „съ совершеннымъ успѣхомъ“ дебютировала 27 Сент. 1801 г., въ роли Эльфриды въ тр. тогоже названія. Въ 1803 г. она еще стояла во главѣ труппы, получая наибольшій окладъ, въ 2,500 р. и 300 р. на экипажъ, въ 1804 г. играла еще Алкмену, Дидону и др. большія роли. (См. Сѣв. В. 1804 г., ч. I, кн. 2, стр. 243 и 1805 г. ч. VIII, стр. 260); но уже въ 1807 мы видимъ ее въ роляхъ наперсницъ. Въ послѣдній разъ ея имя встрѣчается въ лѣтописи Арапова подъ 8 Апр. 1809 г. Въ спискѣ актрисъ 1810—1811 гг. она уже не значится. (См. Л. Р. Т., стр. 144, 156, 158, 163, 166, 177 и 192). Синявская была замужемъ за актеромъ Н. Д. Сахаровымъ и на Петербургской сценѣ играла уже подъ фамиліей Сахаровой.

[2]) О вліяніи Шушерина на Сандунова, см. въ статьѣ нашей о Сандуновыхъ. Ист. Вѣстн. 1889 г., № 9, стр. 551.

Николаевичемъ Сандуновымъ [5]) и пріобрѣлъ расположеніе Померанцева, перваго актера Московскаго театра, нашего Мочалова XVIII вѣка. «Я всегда любилъ знакомство съ умными, просвѣщенными людьми, говорилъ онъ впослѣдствіи Аксакову, и оно лучше книгъ замѣнило мнѣ недостатокъ воспитанія» [6]). Сперва Померанцевъ помогъ Шушерину своими совѣтами, насколько могъ давать совѣты этотъ геніальный самородокъ, подкупавшій увлекательнымъ огнемъ своего исполненія. Затѣмъ съ 1779 года, когда на театръ прямо почти съ университетской скамьи поступилъ образованный Плавильщиковъ, Шушеринъ многимъ позаимствовался отъ него, а съ начала 80-хъ годовъ его совѣтчикомъ и доброжелателемъ сталъ извѣстный ученикъ Дмитревскаго, умный и опытный Лапинъ [7]). При такихъ руководителяхъ Шушеринъ, который самъ былъ не промахъ, черезъ три года неусыпныхъ стараній, занялъ въ труппѣ Медокса довольно видное мѣсто и, хотя не игралъ еще въ трагедіяхъ, но уже выпускался въ роляхъ вторыхъ и даже первыхъ любовниковъ въ драмѣ и комедіи. Дорóга была теперь расчищена, и онъ твердой ногой ступилъ на нее, мало-по-малу поднимаясь выше и выше.

Когда-же совершился такой окончательный поворотъ? Какъ это ни будетъ скучно для читателя, но здѣсь необходимо остановиться, чтобы свести разсказанное въ хронологическія рамки. Приходится, собственно говоря, опровергать сдѣланныя Лонгиновымъ построенія. Считая на основаніи разсказа Аксакова годомъ рожденія Шушерина 1749 г., онъ предполагалъ, что Шушеринъ впервыя вышелъ на сцену въ 1776 г., влюбился въ Синявскую въ 1782 г. и получилъ извѣстность въ 1785 г. [8]). Но всѣ эти цифры должны быть измѣнены уже потому, что невѣрна послѣдняя. Извѣстность Шушерина достаточно опредѣляется приглашеніемъ его вмѣстѣ съ Плавильщиковымъ на Петербургскую придворную сцену, хотя онъ и не воспользовался этимъ приглашеніемъ, и Плавильщиковъ поѣхалъ одинъ [9]). Лонгиновъ относитъ это приглашеніе къ 1793 г., считая эту поѣздку Плавильщикова въ Петербургъ третьей по счету; но Плавильщиковъ переходилъ въ Петербургъ на службу не

---

[6]) Сем. Хр. изд. 1879 г., стр. 426.

[7]) У Аксакова выходитъ, что Шушеринъ будто-бы пользовался одновременно совѣтами всѣхъ этихъ трехъ артистовъ; но этого не могло быть уже потому, что Лапинъ перешелъ на Московскую сцену, когда Плавильщиковъ былъ въ Петербургѣ. Совѣтами Лапина Шушеринъ пользовался, уже получивъ извѣстность.

[8]) Рус. Арх. 1870 г., стр. 1365.

[9]) Объ этомъ см. Сем. Хр. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 452.

ри, какъ думаетъ Лонгиновъ, а только два раза [10]), и во второй разъ въ 1786 г. онъ перешелъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ или даже позднѣе его; значитъ, Аксаковъ вполнѣ правъ, говоря, что сказанное приглашеніе совпадало съ первой поѣздкой Плавильщикова, т. е. состоялось въ 1782 году. Но тогда всѣ построенія Лонгинова рушатся сами собою. Выходитъ, что уже въ 1782 г. Шушеринъ пользовался извѣстностью, а влюбился въ Синявскую, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, тремя годами ранѣе [11]); если-же мы вспомнимъ, что уже въ 1779 г., когда впервыя шелъ на Московской сценѣ «Мельникъ» Аблесимова, онъ игралъ въ немъ такую важную роль, какъ Филимона [12]): то должны будемъ отнести его любовь къ Синявской еще далѣе назадъ, приблизительно къ 1776 – 1777 гг. Сообразно съ этимъ и его первое появленіе на театральныхъ подмосткахъ отодвинется къ самому началу 70-хъ годовъ, т. е. къ тому времени, когда Московскій театръ содержался еще не Медоксомъ, а Гроти, или еще ранѣе [13]).

Такова хронологія первыхъ лѣтъ жизни Шушерина. Безъ сомнѣнія эти цифры только приблизительны; но точно едвали ли когда-нибудь они будутъ установлены, такъ что дѣло можетъ идти пока только о наибольшей степени приближенія.

Съ 1782 года, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе растетъ извѣстность Шушерина, и событія его жизни выступаютъ опредѣленнѣе. Первымъ и самымъ важнымъ изъ нихъ въ этотъ періодъ было, конечно, вышеупомянутое приглашеніе въ Петербургъ. Оно не состоялось бла-

---

[10]) Это подробно доказано нами въ біографіи Плавильщикова, уже написанной и готовой къ печати.

[11]) На трехлѣтній промежутокъ указываетъ Аксаковъ.

[12]) Др. Альбомъ, стр. XLIX.

[13]) Необходимо сказать, что въ хроникѣ Носова встрѣчаемъ еще новое и совершенно неожиданное извѣстіе о первомъ дебютѣ Шушерина. Оказывается, что онъ состоялся еще 10 Іюля 1761 г. въ пьесѣ „Безбожникъ“ Хераскова, въ роли Руфина, на театрѣ у Краснаго пруда, причемъ Носовъ называетъ Шушерина „иногороднимъ мѣщаниномъ“ (Хрон. стр. 197), и у него Шушеринъ сразу выступаетъ въ отвѣтственныхъ роляхъ. Но это извѣстіе до того противорѣчитъ во всемъ съ автобіографическимъ разсказомъ Шушерина у Аксакова, что приходится выбирать одно изъ двухъ. Но какъ ни спутаны свѣдѣнія Аксакова, они все-же отголосокъ разсказовъ самого Шушерина, и едва-ли можно предпочесть имъ Носова. Замѣтимъ кстати, что Носову вообще присуще относить театральныя явленія ко времени болѣе раннему, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ совершались. Примѣры этого были указаны г. Морозовымъ въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ См. также въ нашей статьѣ о Троепольской въ „Русск. Арх.“ 1887 г., кн. II, стр. 430. По нашему мнѣнію, всѣ афиши 60-хъ годовъ съ именемъ Шушерина или должны быть отнесены ко времени позднѣйшему или вовсе заподозрѣны.

годаря Плявильщикову, который сбилъ цѣну, и Шушеринъ вслѣдствіе этого не сошелся съ Дмитревскимъ въ условіяхъ; но будущее показало, что переходъ Шушерина въ Петербургъ былъ только вопросомъ времени. Прошло четыре года, за которые Плавильщиковъ успѣлъ уже снова воротиться въ Москву, и въ 1786 г. Шушеринъ получилъ изъ Петербурга новое приглашеніе, на этотъ разъ покинулъ родную ему Москву и Медоксовъ театръ и сдѣлался придворнымъ Петербургскимъ артистомъ. Вмѣстѣ съ нимъ на Петербургскую-же сцену, если вѣрить Аксакову [14]), перешли и его Московскіе товарищи: Сахаровъ [15]), впослѣдствіи мужъ М. С. Синявской, и Надежда Ѳедоровна Калиграфова [16]), которой суждено было стать вѣрной подругой Шушерина и до гробовой доски дѣлить съ нимъ горе и радость. Любовь его къ Синявской къ тому времени уже «выдохлась», и едва-ли не тогда уже сложились отношенія къ Калиграфовой. По крайней мѣрѣ переведена она была въ Петербургъ *по просьбѣ* Шушерина. Вмѣстѣ съ Шушеринымъ, Сахаровымъ и Калиграфовой или немного позднѣе ихъ вернулся въ Петербургъ и Плавильщиковъ.

Первые дебюты Московскихъ артистовъ были удачны. Калиграфова, которая обладала большимъ, хотя одностороннимъ, дарованіемъ, особенно славясь въ роляхъ мстительныхъ и злобныхъ, понравилась въ Леди Марвудъ въ тр. Лессинга «Миссъ Сара Сампсонъ» и въ «Титовомъ Милосердіи»; Сахаровъ, превосходный «злодѣй», имѣлъ успѣхъ въ Княжнинскомъ Христіернѣ (Рославъ); но ихъ всѣхъ превзошелъ, конечно, своимъ успѣхомъ Шушеринъ, выступившій въ одной изъ лучшихъ своихъ ролей графа Аппіани въ «Эмиліи Галотти» и въ «Ярбѣ» [17]). О дальнѣйшихъ его выходахъ намъ извѣстно только, что 29 Дек. 1787 г. за удачную игру въ комедіи Императрицы «Разстроенная семья» Шушеринъ удостоился вниманія и похвалы самой Екатерины [18]). Въ 1789 г.

---

[14]) Другіе источники ничего не сохранили намъ о службѣ Сахарова и Калиграфовой за это время.

[15]) Сахаровъ (Николай Даниловичъ) умеръ въ Мартѣ 1810 г.; „актеръ хорошій, истинный товарищъ и добрый человѣкъ“, такъ характеризуетъ его А. В. Каратыгинъ въ своемъ дневникѣ. (Рус. Ст. 1880 г., № 10, стр. 263). Онъ особенно славился въ роляхъ злодѣевъ.

[16]) Она перешла въ Петербургъ на тоже жалованье, что̀ получала у Медокса—600 р. Калиграфова была женою знаменитаго Московскаго трагика, И. И. Калиграфа (Ивановъ). Товарищъ Плавильщикова по Московскому университету, онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ актеровъ и игрою въ „Дм. Самозванцѣ“ превосходилъ Дмитревскаго; извѣстенъ, какъ образователь актеровъ Книперова театра и особенно Крутицкаго; умеръ рано, въ 1780 г.

[17]) Сем. Хр. и Восп., стр. 454

[18]) Дн. Храповицкаго, стр. 59—60.

ему предназначалась заглавная роль въ тр. Княжнина «Вадимъ» [19]), а въ началѣ 90-хъ годовъ онъ участвовалъ въ подготовкѣ пьесы Императрицы «Начальное управленіе Олега», поставленной въ Сентябрѣ 1794 г. съ небывалой роскошью [20]). Но общій характеръ его дѣятельности за это время выступаетъ достаточно опредѣлительно. Въ отличіе отъ предъидущаго періода до 1782 года, періода броженія, теперь настала пора трезвой работы, театръ сталъ уже не средствомъ для достиженія посторонних цѣлей, но самъ сдѣлался цѣлью для Шушерина, его единственной дорогой; и въ Петербургскій періодъ Шушеринъ все далѣе поднимается въ гору, постепенно идя отъ извѣстности къ славѣ.

Исторія этого возвышенія полна назидательности. Шушеринъ, можно сказать, самъ себѣ создалъ дарованіе терпѣливой и безустанной работой. Хотя Аксаковъ и говоритъ съ увлеченіемъ объ «огнѣ» его исполненія, но вся автобіографическая повѣсть Шушерина, имъ же переданная, заставляетъ невольно предполагать, что это не болѣе, какъ отзвукъ того юношескаго благоговѣнія, которое питалъ нѣкогда Аксаковъ къ своему учителю. Искра непосредственнаго творчества не можетъ такъ долго таиться, она должна была-бы хоть въ чемъ-нибудь блеснуть; а между тѣмъ какими долгими, упорными усиліями досталась Шушерину простая извѣстность, не говоримъ уже слава! Онъ взялъ ее буквально съ бою, съ продолжительнаго, упорнаго бою, и также бралъ и впослѣдствіи каждый свой успѣхъ. «Онъ разсчитывалъ заранѣе—пишетъ со словъ С. Н. Глинки Кони—не только каждый шагъ, каждое движеніе, но, кажется, и каждую паузу между словами. Всѣ свои роли твердилъ онъ передъ зеркаломъ и до тѣхъ поръ повторялъ ихъ такимъ образомъ, пока извѣстный жестъ или выраженіе лица, при извѣстномъ словѣ, обращались ему въ машинальную привычку. Онъ, такъ сказать, не игралъ, но *повелѣвалъ надъ собою* на сценѣ (il se gouvernait)» [21]). Работой преодолѣвалъ онъ все, и плодомъ этой работы по-

---

[19]) Сынъ Отеч. 1852 г., № 12. Смѣсь, стр. 1.

[20]) Л. Р. Т. Арапова, стр. 115.

[21]) Пантеонъ 1840 г. ч. I, стр. 95. Кромѣ Аксакова и всѣ прочіе источники, характеризуя игру Шушерина, говорятъ не объ огнѣ и увлеченіи, но о глубокомъ пониманіи имъ характеровъ, о тщательной отдѣлкѣ ролей. См. въ „Восп. Ст. театр." О. З. 1854 г. № 10, стр. 122; Восп. Булгарина и Вѣст. Евр. 1813 г. ч. 71. Вообще, Шушеринъ, какъ актеръ, могъ-бы служить прекраснымъ примѣромъ для подтвержденія парадоксовъ Дидро. Никогда не увлекаясь на сценѣ, онъ никогда и не терялся, всегда вполнѣ владѣя собою. Вотъ примѣръ. Однажды, играя въ какой-то пьесѣ, онъ долженъ былъ въ концѣ взять у актрисы кинжалъ и зарѣзаться; между тѣмъ актриса была съ нимъ не въ ладахъ и, желая отомстить ему, падая въ обморокъ, спрятала кинжалъ подъ себя. Напрасно Шушеринъ хотѣлъ подъ предлогомъ поданія ей помощи достать кинжалъ, она не давала. То-

лучилась у него глубокая, скрѣпленная опытомъ вѣра въ могущество и необходимость для актеровъ труда. Вотъ что напримѣръ говорилъ онъ Аксакову. «Репетиція душа піесы; только тогда пьеса получаетъ полное достоинство, когда хорошо срепитирована. Постороннихъ людей на репетиціи никогда пускать не должно: они мѣшаютъ и развлекаютъ, и притомъ при нихъ совѣстно будетъ замѣтить что-нибудь другому и самому получить замѣчаніе. Генеральная репитиція должна происходить точно съ такою-же отчетливостью, какъ и настоящее представленіе. Какъ бы пьеса ни была тверда, сколько-бы разъ ее ни играли — непремѣнно надобно сдѣлать репитицію въ полъ-голоса, но со всѣми интонаціями, поутру, въ день представленія. Во всю жизнь мою я убѣждался въ необходимости этого правила. Нерѣдко случалось играть мнѣ будучи не совсѣмъ здоровымъ или нѣсколько разсѣяннымъ, или просто не въ духѣ,—утренняя репетиція оставалась свѣжею въ памяти и помогала мнѣ тамъ, гдѣ я могъ-бы сбиться и сыграть невѣрно» [22]).

Примѣры высокой добросовѣстности и трудолюбія нерѣдки въ исторіи Русской сцены; но примѣръ Шушерина особенно убѣдителенъ, потому что всѣмъ почти исключительно былъ онъ обязанъ самому себѣ, настойчивой своей работѣ.

Какъ ни туго однако подвигалась впередъ слава Шушерина, къ началу 90-хъ годовъ она уже, повидимому, возрасла на столько, что онъ счелъ несоотвѣтствующимъ съ своимъ положеніемъ получаемое имъ жалованье и вмѣстѣ съ Плавильщиковымъ потребовалъ прибавки. Но просьба пришлась не ко времени. Назначенный въ 1791 году директоромъ князь Юсуповъ былъ озабоченъ запущенной его предшественниками финансовой частью театра и не могъ удовлетворить артистовъ. Они обидѣлись и, надѣясь, что въ Москвѣ имъ будетъ не хуже, подали въ отставку. Въ 1793 году или можетъ быть даже въ 1794-мъ Шушеринъ покинулъ Петербургъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ Москву и неизмѣнная спутница его, Калиграфова.

Артисты не ошиблись въ разсчетѣ на пріемъ Москвичей: ихъ встрѣтили съ радостью, и здѣсь, на родинѣ, впервыя можно сказать, въ полномъ цвѣтѣ развернулись дарованія Шушерина, принося ему тріуфъ за тріумфомъ. Особенно памятно осталось появленіе артиста въ небольшой и довольно незначущей роли арапа Ксури въ к. Коце-

---

гда, не смущаясь, онъ оканчиваетъ послѣдній монологъ и, вынувъ изъ подъ плаща свою роль, свернутую трубкой, закалывается ею и кончаетъ пьесу. (Русск. Талія на 1825 г., стр. 427—428).

[22]) Сем. Хр. и Восп., изд. 1879, стр. 471.

бу—30 Апрѣля 1796 года [23]). Мы можемъ судить объ игрѣ здѣсь Шушерина по впечатлѣніямъ Аксакова, который видѣлъ его уже много лѣтъ позднѣе, но и тогда былъ пораженъ и восхищенъ его исполненіемъ. «Шушерина, вспоминаетъ онъ, нельзя было узнать. Голосъ, движенія, произношеніе, фигура—все это принадлежало совершенно другому человѣку; разумѣется, чернота лица и костюмъ помогали этому очарованію. Передъ зрителями бѣгалъ не старикъ, а проворный молодой человѣкъ; его звучный, но еще какъ будто не установившійся молодой голосъ, которымъ свободно выражались удивленіе, досада и радость дикаря, перенесеннаго въ Европу, раздавался по всему театру, и его робкій шопотъ, къ которому онъ такъ естественно переходилъ отъ громкихъ восклицаній, былъ слышенъ вездѣ. Какая-то ребяческая невинность, искренность была видна во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ и ухваткахъ! Какъ онъ умѣлъ одѣться и стянуться! Ни малѣйшей полноты его лѣтъ не было замѣтно; словомъ, это было какое-то чудо, какое-то волшебство, и публика вполнѣ предалась очарованію» [24]). А когда Ксури, говоритъ другой лѣтописецъ,—повторяя слова Попугая, сказалъ: «Молись, Георгъ, молись за отца своего», многіе плакали. По окончаніи пьесы Шушеринъ былъ въ первый разъ въ жизни вызванъ. Князь Юсуповъ, первый Московскій знатокъ театра, прислалъ ему въ подарокъ 100 р. отъ неизвѣстнаго и удостоилъ самаго высшаго знака похвалы, который только изъявлялъ—троекратнаго прикосновенія пальцами правой руки къ ладони лѣвой. Переводчикъ «Попугая», А. Ѳ. Малиновскій посвятилъ ему свой переводъ. Не обошлось и безъ поэзіи, и какой-то поэтъ, впрочемъ въ одно изъ позднѣйшихъ уже представленій, приподнесъ слѣдующіе стихи:

Взирая на тебя, совсѣмъ я позабылъ,
Что ты не черный Негръ, а Шушеринъ нашъ былъ;
И самъ-бы Коцебу твоей игрой плѣнился,
Увидя, какъ партеръ отъ Ксури прослезился;
Въ восторгѣ-бы своемъ, онъ самъ себѣ сказалъ:
Вотъ мнѣ за трудъ вѣнокъ, котораго я ждалъ [25]).

Шушеринъ не помнилъ себя отъ радости и самъ не понималъ, чѣмъ онъ заслужилъ такой необыкновенный успѣхъ. Аксаковъ объяснялъ себѣ это тѣмъ, что, «играя дикаго Негра, Шушеринъ позволилъ себѣ сбросить всѣ условныя сценическія кандалы и заговорилъ просто, по человѣчески» [26]). У него Шушеринъ выходитъ такимъ образомъ ка-

---

[23]) Годъ и день указаны Лонгиновымъ. Рус. Арх. 1870 г. стр. 1361.

[24]) Сем. Хр. и восп. изд. 1879 г. стр. 450 и 469.

[25]) Др. Альбомъ 1850 г., стр. XLV—XLVI.

[26]) Сем. Хр. и Восп., стр. 470.

кимъ-то геніальнымъ новаторомъ, на цѣлую голову переросшимъ своихъ современниковъ; но съ этимъ слишкомъ ужъ восторженнымъ отзывомъ совершенно невозможно согласить настойчивыя обвиненія Шушерина въ декламаторствѣ и эфектничаньи, засвидѣтельствованныя такими знатоками какъ кн. Шаховской и С. Н. Глинка; трудно согласить и указанія на приторную иногда сентиментальность его игры, сдѣланныя Жихаревымъ [27]). Почему, убѣдившись въ успѣхѣ своего опыта, Шушеринъ не продолжалъ примѣнять тѣже пріемы игры къ другимъ ролямъ? Вѣрнѣе всего будетъ, кажется, не возводя артиста въ геніи, приписать небывалый успѣхъ его въ Ксури отчасти оригинальности самой роли, отчасти-же тому, что Шушеринъ дѣйствительно угадалъ современныя потребности публики и явился реалистомъ, но только для своего времени, лишь относительно, настолько, насколько напримѣръ казалась необыкновенно естественной и правдивой въ свое время мѣщанская драма въ сравненіи съ ложно-классической трагедіей. Шушеринъ, какъ мы уже говорили, и сыгралъ на Русской сценѣ туже самую роль, какую собственно въ драматическомъ репертуарѣ играли драмы Коцебу, а въ исторіи Русской повѣсти Карамзинъ съ своею «Бѣдною Лизой».

Значеніе сентиментализма, какъ реакціи ложно-классицизму и какъ перваго поворота на путь естественности, хорошо извѣстно, и намъ не нужно о немъ распространяться. Но любопытно, что расцвѣтъ сценической славы Шушерина совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда мѣщанская драма получила право гражданства на нашей сценѣ, т.-е. въ половинѣ 90-хъ годовъ. Это невольно наводитъ на мысль, что при господствѣ прежняго ложно-классическаго направленія Шушеринъ и не достигъ бы, можетъ быть, того значенія, которое получилъ онъ при новомъ литературномъ теченіи. Обратимъ вниманіе на его природныя средства. Онъ былъ толстъ и мѣшковатъ; лицо за отсутствіемъ рѣзкихъ чертъ для сцены было крайне невыгодно; носъ небольшой, вздернутый къ верху, скулы широкія, сѣрые глаза, хотя и выразительные и умные, даже хитрые, но маленькіе; лицевые мускулы неподвижные. Что касается до голоса, то онъ не отличался ни звучностью, ни силой, и въ мѣстахъ патетическихъ Шушеринъ часто даже захлебывался [28]). При такихъ недостаткахъ въ ложно-классическомъ репертуарѣ,

---

[27]) Реперт. 1840 г., ч. 2-я, Пантеонъ 1840 г., ч. I, стр. 94—95, Восп. Ст. Театрала. От. З. 1854, № 10. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что кн. Шаховской, Глинка и Жихаревъ имѣли возможность узнать Шушерина ближе, такъ какъ много разъ видали его на сценѣ. Аксаковъ же видѣлъ всего два раза и при этомъ въ очень плохомъ окруженіи что сильнѣе, конечно, оттѣняло достоинства Шушерина. Вообще свои отзывы объ естественности его игры Аксаковъ, кажется, основалъ на толкахъ самого Шушерина объ естественности; но слово часто въ разладѣ съ дѣломъ.

[28]) Восп. Ст. Т. От. З. 1854 г. стр. 124 и Сем. Х р. стр. 425—426.

гдѣ внѣшность играла очень важную роль, выдвинуться было вовсе нелегко, да еще имѣя рядомъ Дмитревскаго. Мѣщанская же драма отличалась на этотъ счетъ гораздо большей снисходительностью: недаромъ она стремилась къ реализму. Зычные возгласы и богатырское сложенiе, какъ непремѣнное почти условiе успѣха, при ней мало-по-малу стали отходить въ область преданiй. Вмѣсто «неистовствъ» потребовались обилiе слезъ и чувствительности, меланхолiя, и Шушеринъ, ловко подмѣтивъ эту перемѣну во вкусахъ, съумѣлъ ей угодить. Въ моду вошли слезы. Недаромъ-же новая комедiя называлась слезной (comédie larmoyante), и роли Шушерина кстати и не кстати переполнились цѣлымъ потокомъ слезъ; понадобились мечтательныя вздыханiя и меланхолическая грусть,—и онъ придалъ своей игрѣ легкiй элегическiй оттѣнокъ, такъ что даже всѣмъ извѣстные герои псевдо-классическихъ трагедiй въ его воспроизведенiи получили новый, нѣсколько романтическiй видъ. У него мало-по-малу выработалось то, безъ чего немыслимъ самостоятельный художникъ, своя особая актерская физiономiя. Но этого не довольно. Благодаря особенностямъ этой физiономiи, пришедшимся ко времени, онъ сталъ во главѣ цѣлаго сценическаго направленiя, одно время передоваго, и продолжалъ стоять, пока не переѣхалъ опять въ Петербургъ и не столкнулся тамъ съ новымъ и молодымъ дарованiемъ—Яковлева [29]).

Въ бiографiи Яковлева [30]) нами уже была разсказана въ общихъ чертахъ исторiя этого соперничества. Остается дополнить ее подробностями. Возвращаясь въ Петербургъ, Шушеринъ, очевидно, имѣлъ въ виду денежныя выгоды. Ему предложили 2,000 рубл. жалованья, ежегодный бенефисъ и обѣщали зачесть годы Московской службы для полученiя пенсiи [31]), а онъ ужъ давно подумывалъ о небольшомъ капитальцѣ подъ старость и, вполнѣ увѣренный въ своихъ силахъ и дарованiи, не придалъ большаго значенiя слухамъ о Яковлевѣ и... ошибся. Съ перваго же выхода, 11 Дек. 1800 г., въ роли Фрица [32]) въ «Сынѣ

---

[29]) Вмѣстѣ съ Шушеринымъ или развѣ немногимъ позднѣе его перешла въ Петербургъ опять и Калиграфова (ея дебютъ 30 Сентября 1801 г. въ „Миссъ Сара Сампсонъ"), а также и старинная его любовь, М. Синявская, тогда уже Сахарова. Л. Р. Театра Арапова, стр. 156.

[30]) Русск. Арх. 1889 г., № 7, стр. 407.

[31]) Сем. Хр., 1879 г., стр. 454. Что эти условiя относятся не къ первому переходу Шушерина, показываетъ извѣстiе о бенефисахъ, которые въ прошломъ столѣтiи давались, какъ награды. Въ 1803 г. Шушеринъ получалъ уже 2,500 р. жалованья и на экипажъ 300 р. и занималъ должность инспектора труппы. Л. Р. Т., стр. 163.

[32]) Л. Р. Т., стр. 144.

Любви», гдѣ такъ хорошо принимали его Москвичи, почувствовалось что-то неладное. Послѣдующіе еще яснѣе обнаружили холодность и — даже хуже—равнодушіе публики. Ореолъ всеобщаго любимца, которымъ такъ еще недавно въ Москвѣ былъ окруженъ Шушеринъ, вдругъ рушился въ одинъ вечеръ. Такая перемѣна была бы тяжела для каждаго, а для завистливаго и самолюбиваго человѣка, какъ Шушеринъ, была чувствительнѣе вдвое. Онъ понималъ, что причина его неуспѣха въ увлеченіи публики Яковлевымъ и рѣшилъ бороться; но это была по истинѣ Сизифова работа. Одинъ вдохновенный порывъ геніальнаго любимца публики разрушалъ всѣ хитрые разсчеты Шушерина. Его бенефисы продолжали пустовать [33]), и такъ длилось, конечно, съ небольшими колебаніями до 1804 г., когда для Шушерина какъ будто снова выглянуло солнце.

Замѣтнымъ поворотомъ было первое представленіе возобновленной послѣ многихъ лѣтъ забвенія Княжнинской «Дидоны», гдѣ Шушеринъ еще въ первое свое пребываніе въ Петербургѣ отличался въ роли свирѣпаго и мстительнаго Ярба. Тутъ впервыя прорвалось равнодушіе зрительной залы, и Шушеринъ снова почувствовалъ себя въ бывалой атмосферѣ шумныхъ вызововъ, рукоплесканій и привѣтственнаго гула. Журналы посвятили ему длинныя статьи, восхваляя его искусство и особенно удивляясь 4-му дѣйствію, когда Ярбъ выходитъ въ цѣпяхъ. «Это былъ тигръ прикованный!» восклицаетъ критикъ «Сѣвернаго Вѣстника». «Надобно видѣть здѣсь Шушерина, чтобы видѣть между ниспадающихъ гробовъ, между разверзающагося ада смертнаго, презирающаго всѣ ужасы и величество, съ которымъ онъ готовъ попрать власть безсмертную» [34]). Немного спустя, въ томъ же Ярбѣ выступилъ Яковлевъ. Онъ игралъ его, говорятъ, удивительно; но былъ ли въ этотъ разъ не въ ударѣ или не примѣнился еще къ роли, только его приняли хуже Шушерина, - и тотъ торжествовалъ. Но напослѣдокъ судьба хотѣла порадовать его еще бо́льшимъ. Въ концѣ того же 1804 года

---

[33]) Вотъ напр., что̀ читаемъ въ дневн. А. В. Каратыгина по поводу бенефиса Шушерина 26 Іюля 1803 г. („Сынъ Любви“): „Сборъ былъ очень малъ, но Шушеринъ ѣздилъ благодарить Нарышкина къ нему на дачу. Нарышкинъ сказалъ по поводу плохаго сбора: „Жалко очень! Я васъ невидимо награжу“... И точно, Шушеринъ отъ него ничего не видалъ“ (Р. Стар. 1880 г., № 10, стр. 261).

[34]) Сѣверн. Вѣстн. 1804 г., ч. I, стр. 239—242. Аксаковъ ошибочно пишетъ, что Шушеринъ явился въ Ярбѣ послѣ Яковлева. Здѣсь у мѣста отмѣтить, что въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1804 г., ч. I, кн. 3, стр. 391—392, встрѣчаемъ извѣстіе, что Шушеринъ недавно оставилъ театръ. Это остается для насъ загадкой. Во всякомъ случаѣ, если Шушеринъ и покидалъ сцену, то ненадолго, потому что въ Ноябрѣ 1804 г. уже игралъ въ Эдипѣ.

появился на Русской сценѣ «Эдипъ въ Аѳинахъ», знаменитая трагедія Озерова, и роль Эдипа поручили Шушерину. Яковлевъ, играя Тезея, уже по самому свойству роли долженъ былъ выступить на второй планъ; вниманіе зрителей и лавры дѣлили поровну молодая, но уже несравненная Семенова, для которой роль Антигоны была зарею ея славы, и Шушеринъ. Эдипъ и позднѣйшая роль Лира явились послѣдними его созданіями, и прекрасенъ, и великолѣпенъ былъ этотъ закатъ его многотрудной и долговременной дѣятельности.

Никакія картины знаменитыхъ художниковъ, изображающія слѣпцовъ древности, Эдипа, Велизарія и др., не могли равняться – говорятъ современники—съ тою, которую представляла первая сцена трагедіи, когда Шушеринъ, едва передвигая истомленныя слабыя ноги и опираясь трепещущей рукой на руку молодой и цвѣтущей красотою Семеновой, вышелъ на сцену. Какъ и подобаетъ главѣ сентиментальной школы, онъ изображалъ Эдипа безпомощнымъ и изможденнымъ старцемъ, сокрушающимся о роковыхъ своихъ бѣдствіяхъ и постоянно проливающимъ обильныя слезы надъ своимъ убожествомъ, вынуждающимъ состраданіе; но, хотя подобное представленіе отступало отъ истины, мастерская и строго-выдержанная игра Шушерина была такъ трогательна, что даже немногіе знатоки классицизма, забывъ несовмѣстность слезливости и меланхоліи съ характеромъ древняго Грека, невольно поддались общему чувству, когда Шушеринъ, погруженный въ грустную думу, говорилъ:

Видала-ль ты, о дочь, когда извергнутъ волны
Обломки корабля?....
Вотъ жизнь теперь моя!

Сентиментализмъ въ началѣ новаго столѣтія далеко не отжилъ своего вѣка, и немудрено, что Шушеринъ понравился въ Эдипѣ даже больше, чѣмъ его Московскій товарищъ Плавильщиковъ, игравшій Эдипа въ духѣ классическихъ преданій. Мы не можемъ здѣсь приводить подробное сравненіе обоихъ артистовъ въ этой роли, сохранившееся у Жихарева; но кто хочетъ ближе ознакомиться съ творчествомъ Шушерина, пусть прочтетъ это описаніе, поистинѣ безцѣнное какъ для біографа, такъ и для историка театра [35]). Здѣсь, въ этомъ почти протокольномъ отчетѣ, возстаютъ передъ нами, какъ живые, два наилучшихъ представителя сценическаго искуства XVIII вѣка, и тѣмъ поучительнѣе и цѣннѣе отчетъ, что роль Эдипа была у нихъ обоихъ, такъ сказать,

---

[35]) См. Восп. Стар. Театрала. О З. 1854 г., № 10, стр. 119—126. На основаніи главнымъ образомъ этого описанія сдѣлана нами выше характеристика Шушерина, какъ актера.

вершительнымъ словомъ, высшимъ и совершеннѣйшимъ проявленіемъ всей ихъ творческой дѣятельности.

Успѣхъ Шушерина былъ громадный. Отъ Государя онъ удостоился получить высочайшій подарокъ. Журналы съ своей стороны привѣтствовали его громкими похвалами, а «Сѣверный Вѣстникъ», не довольствуясь прозой, напечаталъ и двустишіе:

Слезящійся партеръ забылся и мечталъ.
Онъ мнилъ, о Шушеринъ! что самъ Эдипъ возсталъ [36]).

Шушеринъ уже праздновалъ побѣду, но на этотъ разъ разсчетъ обманулъ его. Трагедіи въ родѣ Эдипа, гдѣ главная роль старика, очень рѣдки; обыкновенно весь интересъ сосредоточивается или на «любовникахъ», или на «герояхъ». Но для любовниковъ Шушеринъ устарѣлъ, въ герояхъ же Яковлевъ бралъ надъ нимъ верхъ уже одной внѣшностью, богатырскимъ сложеніемъ, величавой красотой, и въ тѣхъ же Озеровскихъ трагедіяхъ, которую сулили Шушерину побѣду, онъ въ концѣ концовъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Еще въ Фингалѣ (въ роли Старна) онъ могъ соперничать съ Яковлевымъ; но когда появился въ 1807 г. «Дмитрій Донской», когда раздались по театру вдохновенныя, увлекательныя слова заключительной молитвы Донскаго (Яковлева) и Шушеринъ увидѣлъ небывалый, неподдающійся описанію восторгъ театральной залы, онъ понялъ, что его дѣло проиграно, и проиграно безвозвратно Въ томъ же 1807 году онъ создалъ еще двѣ роли: Заруцкаго въ «Пожарскомъ» и короля Лира въ переведенной изъ Дюси Гнѣдичемъ тр. «Лиръ» (передѣлка Шекспира), причемъ послѣдняя могла стать наравнѣ съ Эдипомъ, и Шушеринъ имѣлъ въ ней успѣхъ очень большой [37]); но о борьбѣ съ Яковлевымъ не могло уже быть рѣчи, и онъ сталъ подумывать, какъ бы поскорѣе добиться давно желанной пенсіи и перебраться подальше отъ опротивѣвшаго ему Петербурга, въ Москву, которая видѣла его дѣтство и юность, гдѣ расцвѣла его сценическая слава. Въ это-то время, въ Іюлѣ 1808 г., съ нимъ и познакомился пріѣхавшій въ Петербургъ на службу Аксаковъ и, сойдясь близко, успѣлъ узнать его очень коротко.

---

[36]) Сѣв. Вѣстн. 1804 г., ч. 4, стр. 219.

[37]) Сем. Хр. и восп. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 458—459. Любопытно, что здѣсь Аксаковъ со словъ Шушерина разсказываетъ, будто кн. Шаховской былъ недоволенъ простотой и естественностью игры Шушерина, считая ее за тривіальность, и совѣтовалъ поднять тонъ. Между тѣмъ кн. Шаховской на самомъ дѣлѣ упрекалъ Шушерина за всегдашнюю приподнятость и эффектность его игры. См. Восп. князя Шаховскаго въ Реперт. 1840 г., ч. 2-я.

Характеръ Шушерина имѣлъ много непривлекательныхъ сторонъ. Яковлевъ называлъ своего соперника «такимъ крючкомъ, что Боже упаси»[38]). Скажетъ ли кто что-нибудь не такъ, ошибется ли товарищъ въ тонѣ: у него на губахъ сейчасъ уже появляется саркастическая улыбка, и онъ не преминетъ мигнуть кому-нибудь глазомъ; смотрите, молъ, каковъ! Поднять на-смѣхъ и поглумиться было его любимѣйшимъ удовольствіемъ, и едва ли это говоритъ въ пользу его сердечной доброты. Ко всему этому онъ былъ самолюбивъ и завистливъ, соперниковъ не щадилъ и, чтобъ досадить имъ, не брезгалъ никакими средствами. Въ біографіи Яковлева мы видѣли тому примѣры [39]).

Но со всѣмъ тѣмъ этотъ хитрый, казалось бы, холодный человѣкъ былъ способенъ искренно и глубоко привязываться къ людямъ. Вспомнимъ его любовь къ Калиграфовой, съ которой болѣе 30 лѣтъ до гробовой доски прожилъ онъ неразлучно, душа въ душу; вспомнимъ и привязанность его къ Аксакову, котораго полюбилъ онъ за горячность и пылкую откровенность его молодости. Аксаковъ передаетъ, что «однажды, въ его отсутствіе изъ Петербурга, за обѣдомъ у Шушерина кто-то разсказалъ, что онъ застрѣлилъ себя на охотѣ. Шушеринъ былъ такъ пораженъ, что всѣхъ перепугалъ. Онъ былъ крѣпкаго духа человѣкъ, котораго ничто не могло смутить; а тутъ выпали у него изъ рукъ ножикъ и вилка, которые онъ держалъ въ то время, и ручьи слезъ хлынули у него изъ глазъ; онъ долженъ былъ выйти изъ-за стола и оставить гостей съ Надеждой Ѳедоровной»[40]). Шушеринъ такъ не взлюбилъ невѣрнаго вѣстовщика, что пересталъ его принимать. Трогательна эта дружба старика, доживавшаго вѣкъ, съ только-что еще начинавшимъ жизнь юношей. Можетъ быть, никому съ такой полной откровенностью не разсказывалъ Шушеринъ своего прошлаго, какъ Аксакову, и тотъ отплатилъ ему за это вполнѣ: не будь воспоминаній Аксакова, гдѣ такъ живо, такъ полно встаетъ передъ нашими глазами Шушеринъ, мы бы не знали о немъ почти ничего, какъ о человѣкѣ. Аксакову Шушеринъ, не боясь его нескромности, разсказалъ даже и о настоящемъ своемъ положеніи при театрѣ, о чемъ таился почти ото всѣхъ.

Увидавъ, что всѣ попытки его отвоевать себѣ первое мѣсто въ труппѣ тщетны и по своему самолюбію не желая оставаться позади Яковлева, Шушеринъ рѣшилъ бросить сцену; но полученіе пенсіи, для которой онъ промѣнялъ Москву на Петербургъ, было уже такъ близко: онъ отслужилъ къ тому времени нужное число лѣтъ и дослуживалъ

---

[38]) Дневникъ Чиновника. От. 3, 1855 г., № 7, стр. 155.

[39]) Русскій Арх. 1889 г., кн. 7, стр. 416—418.

[40]) Сем. Хр., изд. 1879 г., стр. 462.

уже два года благодарности [41]), и вотъ, чтобы добиться сразу и пенсіи и отставки, разсказываетъ Аксаковъ, онъ, предварительно условившись съ однимъ изъ своихъ милостивцевъ (Сп....мъ), которыхъ находить онъ былъ большой мастеръ, притворился больнымъ, охалъ и стоналъ при тѣхъ посѣтителяхъ, къ которымъ не имѣлъ довѣренности, соблюдалъ при нихъ строгую діэту и даже принималъ лекарства [42]). На сцену въ это время, онъ, само собой разумѣется, уже не выступалъ, за три года сыгравъ всего только одну роль Витозара въ Княжнинскомъ «Владисанѣ» 15 Янв. 1809 года [43]); даже на улицу не показывался и цѣлые дни проводилъ у себя дома на Сѣнной площади вмѣстѣ съ неразлучной подругой своей Надеждой Ѳедоровной. Калиграфова тогда уже покинула театръ и вышла на пенсію въ 600 р., которую Шушеринъ выхлопоталъ ей ранѣе. Единственнымъ развлеченіемъ стариковъ были посѣщенія немногихъ близкихъ друзей и въ особенности Аксакова, въ которомъ пріобрѣлъ себѣ Шушеринъ внимательнаго и постояннаго слушателя. Онъ занимался съ Аксаковымъ и драматическимъ искусствомъ, выслушивалъ изучаемыя имъ роли, и вечера коротались за тихой бесѣдой. Но не скоро еще насталъ вожделѣнный для Шушерина день переселенія въ Москву. Только въ 1810 году онъ получилъ, наконецъ, рѣшительную отставку и, какъ только было возможно, отправивъ весь свой багажъ впередъ съ испытаннымъ слугой Степаномъ, вслѣдъ за нимъ уѣхалъ въ Москву и самъ съ Надеждой Ѳедоровной [44]).

Будущее улыбалось Шушерину. Уже много лѣтъ, какъ сталъ онъ откладывать деньги, мечтая зажить подъ старость своимъ домкомъ, и скопилъ около 20-ти тысячъ. На эти-то деньги его старинный Московскій пріятель Кокуевъ купилъ для него домикъ недалеко отъ церкви Смоленской Божіей Матери, и исполнились желанія артиста. Шушеринъ, какъ разсказываетъ навѣстившій его въ Январѣ 1812 года Аксаковъ, былъ радъ своему дому буквально, какъ ребенокъ, который радъ

---

[41]) Лонгиновъ въ „Русск. Арх." 1870 г. стр. 1362—1363, ошибается, говоря, что пенсія дается за 25 лѣтъ. Она дается теперь и тогда давалась за 20 лѣтъ (См. Др. альб., стр. XLIX), срокъ, послѣ котораго надо отслужить еще два года „благодарности". Шушеринъ, значитъ, долженъ былъ получить пенсію въ 1808 году (считая 20 лѣтъ отъ 1786 г. до 1806 г., да два года благодарности). Если же онъ получилъ ее позднѣе, это объясняется тѣмъ, что ему нужно было зачесть въ пенсію годы службы у Медокса, о чемъ и тянулось дѣло.

[42]) Сем. Хр., стр. 429.

[43]) Лѣт. Рус. Т., стр. 190.

[44]) Аксаковъ говоритъ, что Шушеринъ получилъ пенсію и отставку въ 1811 г.; но въ спискѣ актеровъ 1810—1811 г. онъ уже не значится (Л. Р. Т. стр. 199–203). Вѣроятно показаніе Аксакова относится лишь ко времени отъѣзда Шушерина въ Москву.

игрушкѣ у него небывалой. «Онъ затаскалъ, замучилъ меня, показывая свой домъ со всѣми его надворными строеніями и хозяйственными принадлежностями, растолковывая мнѣ и заставляя вникать во всѣ малѣйшія подробности. Да понимаешь-ли ты это счастье имѣть на старости свой уголъ, свой *собственный* домъ, купленный на деньги, нажитыя собственными трудами? Да нѣтъ, ты этого никогда не поймешь!!» [45]). И долго еще счастливый старикъ разсказывалъ своему молодому пріятелю о планахъ на будущее, какъ устроитъ онъ садикъ, какъ отдѣлаетъ пристройки и какъ заживетъ на покоѣ. За дирекціей у него оставался еще бенефисъ, который онъ выпросилъ позволеніе взять въ Москвѣ, и онъ поручилъ Аксакову перевесть для него трагедію «Филоктетъ», что̀ и было тѣмъ впослѣдствіи исполнено; а пока они вмѣстѣ гадали о будущемъ, Аксакову удалось, наконецъ, увидать Шушерина и на сценѣ въ роляхъ Ксури и Ярба.

Покинувъ службу при театрѣ, Шушеринъ не могъ распроститься навсегда со сценой. Онъ надѣялся хотя изрѣдка появляться на Московской сценѣ, и дѣйствительно уже 22 Сент. 1811 г. онъ выходилъ передъ Московской публикой въ роли Эдипа [46]); а 12 Октября сыгралъ Беверлея [47]). Но Аксакова не было тогда въ Москвѣ [48]), и онъ увидѣлъ его уже въ слѣдующемъ году, когда, желая оказать товарищескую услугу Московскимъ актерамъ Мочалову и Злову, Шушеринъ вызвался сыграть въ ихъ бенефисъ Ксури. Мы читали выше, какое впечатлѣніе произвелъ 60-лѣтній Шушеринъ въ роли восемнадцатилѣтняго Ксури. «Спина устала у бѣднаго Шушерина отъ поклоновъ на всѣ стороны», говорятъ очевидцы. Зала Арбатскаго театра была такъ полна, что бенефиціанты за всѣми расходами получили по 2.500 р. асс. каждый. Немного времени спустя, уже по просьбѣ Кокошкина, для дебюта его ученицы Борисовой и ученика Дубровскаго, Шушеринъ вышелъ въ Ярбѣ. Аксаковъ замѣтилъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ сдерживался и, приберегая свои силы, игралъ слабѣе, чѣмъ должно, онъ только декламировалъ, подкрѣпляя декламацію мимикою, доводимой до излишества. Трепета въ лицѣ и дрожанія во всѣхъ членахъ было слишкомъ много; нижніе грудные тоны, когда они проникнуты страстью, этотъ сдерживаемый, подавляемый ревъ тигра измѣнили ему; но за то всѣ тѣ мѣста ярости, гдѣ Шушеринъ давалъ себѣ полную свободу, были превосходны, страшны и увлекательны, и только великій артистъ могъ производить въ Ярбѣ такое впечатлѣніе, какое производилъ Шу-

[45]) Сем. Хр. и Восп., изд. 1879 г. стр. 467.

[46]) „Вѣстн. Европы“ 1811 г., ч. 59, стр. 238. Здѣсь говорится, что Шушеринъ явился на сценѣ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Намъ неизвѣстны эти причины.

[47]) „Вѣстн. Европы“ 1811 г. ч. 60., стр. 63.

[48]) Этимъ и объясняется, что онъ ничего не зналъ о первыхъ двухъ спектакляхъ и считаетъ первымъ появленіе Шушерина въ Ксури.

шеринъ [49]). Самъ онъ остался недоволенъ собою, но зрители привѣтствовали его шумно и восторженно. Если не ошибаемся, это былъ уже послѣднiй выходъ Шушерина предъ публикой. Его счастье унесли тѣже бѣды, которыя свели въ могилу его товарища, Плавильщикова—бѣды 1812 года.

Занятiе Москвы Французами, какъ и всѣхъ почти, застало Шушерина врасплохъ. До конца не вѣря, что дѣло приметъ такой оборотъ, онъ не вывозилъ своего имущества, а когда собрался, было уже поздно: онъ едва успѣлъ уѣхать самъ, какъ говорятъ, въ Рязань. Когда гроза улеглась и распуганные во всѣ стороны Москвичи стали собираться на родное пепелище, вернулся и Шушеринъ; но на мѣстѣ его домика стояли однѣ обгорѣлыя печи. Исполнились слова С. Н. Глинки, который на новосельи у него, поднимая заздравный кубокъ, воскликнулъ: «Хозяину дай Богъ пожить еще сто двадцать лѣтъ, а дому не устоять!» [50]). Шушеринъ однако не палъ духомъ, не роптал, не жаловался на судьбу, а благодарилъ Творца и радовался, что подобно прочимъ жителямъ Москвы принесъ собственность свою въ жертву отечеству [51]). Онъ началъ уже думать, какъ устроиться съизнова; но тифозная горячка, ходившая тогда по Москвѣ, унесла его въ могилу послѣ шестидневной болѣзни. Онъ скончался 8-го Августа 1813 года [52]). Его вѣрная подруга Надежда Ѳедоровна не перенесла горя: въ тотъ же день съ ней сдѣлалась нервная горячка; она потеряла употребленiе языка и, проболѣвъ пять недѣль, сошла въ могилу вслѣдъ за своимъ старымъ, испытаннымъ другомъ [53]).

Со смертью Шушерина угасъ лучшiй представитель Русскаго сентиментализма. Самое это направленiе къ тому времени уже совершило вполнѣ свой кругъ и близилось къ концу. Нарождался имъ подготовленный романтизмъ, какъ послѣдняя ступень отъ стараго ложноклассическаго направленiя къ новому реальному—направленiю Щепкина.

А. Н. Сиротининъ.

---

[49]) Сем. Хр., стр. 472—473 и „Разныя Сочиненiя“ изд. 1858 г., стр. 31—32. Приведенный отзывъ Аксакова любопытенъ тѣмъ, что здѣсь и Аксаковъ даже подтверждаетъ отчасти мнѣнiе князя Шаховскаго и др. о натянутости игры Шушерина.

[50]) Пантеонъ 1840 г., ч. I, стр. 96.

[51]) „Вѣстн. Евр. 1813 г. ч. 71, стр. 72—73. Некрологъ Шушерина подписанъ буквой И. Подъ ней скрывается, по всей вѣроятности, Н. И. Ильинъ, сообщившiй и Аксакову подробности о послѣднихъ дняхъ Шушерина.

[52]) Тамъ же. Это—современное свидѣтельство некролога. Оно окончательно устраняетъ показанiя Кони и Аксакова.

[53]) Сем. Хр., стр. 474. Кони со словъ С. Н. Глинки передаетъ впрочемъ болѣе эфектный разсказъ, что Калиграфова, увидавъ, что Шушеринъ мертвъ, вскрикнула. „Его ужъ нѣтъ!“ и тутъ же умерла отъ паралича, такъ что хоронили ихъ вмѣстѣ (Пант. 1840 г. ч. I, стр. 101).

ТРИ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ ГРАФУ Е. Ф. КАНКРИНУ *).

1.

Милостивый государь

графъ Егоръ Францовичъ.

Обращаясь къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбою, осмѣливаюсь утрудить вниманіе ваше предварительнымъ объясненіемъ моего дѣла.

Вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ принужденъ я былъ проситься въ отставку, дабы ѣхать въ деревню на нѣсколько лѣтъ.

Государь Императоръ весьма милостиво изволилъ сказать, что онъ не хочетъ отрывать меня отъ моихъ историческихъ трудовъ и приказалъ выдать мнѣ 10,000 р., какъ вспоможеніе. Этой суммы недостаточно было для поправленія моего состоянія. Оставшись въ Петербургѣ, я долженъ былъ или часъ отъ часу болѣе запутывать мои дѣла, или прибѣгать къ вспоможеніямъ и къ милостямъ, средству, къ которому я не привыкъ: ибо до сихъ поръ былъ я, слава Богу, независимъ и жилъ своими трудами.

И такъ, осмѣлился я просить Его Величество о двухъ милостяхъ: 1) о выдачѣ мнѣ, вмѣсто вспоможенія, взаймы 30,000 р., нужныхъ мнѣ въ обрѣзъ, для уплаты необходимой; 2) о удержаніи моего жалованья до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и на другое.

Но изъ Государственнаго Казначейства выдано мнѣ, вмѣсто 30,000 р., только 18,000 р., за вычетомъ разныхъ процентовъ и десяти тысячъ руб. (10,000 р.), выданныхъ мнѣ заимообразно на напечатаніе одной книги. Такимъ образомъ, я болѣе чѣмъ когда нибудь нахожусь въ стѣсненномъ положеніи, ибо принужденъ оставаться въ Петербургѣ, съ долгами недоплаченными и лишенный 5,000 р. жалованья.

---

*) Подлинники этихъ писемъ, какъ и приложеній къ нимъ, хранятся въ Архивѣ Министерства Финансовъ и съ дозволенія Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго сообщены въ точныхъ спискахъ для напечатанія въ „Русскомъ Архивѣ“, при любезномъ посредствѣ Ивана Дмитріевича лободчикова. П. Б.

Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о разрѣшеніи получить мнѣ сполна сумму, о которой принужденъ я былъ просить Государя и о позволеніи платить проценты съ суммы, въ 1834 г. выданной мнѣ, пока обстоятельства дозволятъ мнѣ внести оную сполна.

Препоручая себя благорасположенію вашего сіятельства, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

6-го Сентября 1835 г.

2.

Милостивый государь

графъ Егоръ Францовичъ.

Возвратясь изъ деревни, узналъ я, что ваше сіятельство изволили извѣщать меня о Высочайшемъ соизволеніи Государя на покорнѣйшую просьбу, вамъ принесенную мною. Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубокую мою благодарность за снисходительное вниманіе, коимъ удостоили вы меня посреди вашихъ трудовъ, и за благосклонное ходатайство, коему обязанъ я успѣхомъ моего дѣла.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

13-го Октября
С.-Петербургъ (1835).

3.

Милостивый государь

графъ Егоръ Францовичъ.

Ободренный снисходительнымъ вниманіемъ, коимъ ваше сіятельство уже изволили меня удостоить, осмѣливаюсь вновь безпокоить васъ покорнѣйшею моею просьбою.

По распоряженіямъ, извѣстнымъ въ министерствѣ вашего сіятельства, я состою долженъ казнѣ (безъ залога) 45,000 руб., изъ коихъ 25,000 должны мною быть уплачены въ теченіе пяти лѣтъ.

Нынѣ, желая уплатить мой долгъ сполна и немедленно, нахожу въ томъ одно препятствіе, которое легко быть можетъ отстранено, но только вами.

Я имѣю 220 душъ въ Нижегородской губерніи, изъ коихъ 200 заложены въ 40,000. По распоряженію отца моего, пожаловавшаго мнѣ сіе имѣніе, я не имѣю права продавать ихъ при его жизни, хотя и могу ихъ закладывать какъ въ казну, такъ и въ частныя руки

Но казна имѣетъ право взыскивать, что ей слѣдуетъ, не смотря ни на какія частныя распоряженія, если только оныя Высочайше не утверждены.

Въ уплату означенныхъ 45,000 осмѣливаюсь предоставить сіе имѣніе, которое вѣрно того стоитъ, а вѣроятно и болѣе.

Осмѣливаюсь утрудить ваше сіятельство еще одною, важною для меня, просьбою. Такъ какъ это дѣло весьма малозначуще и можетъ войти въ кругъ обыкновеннаго дѣйствія, то убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство не доводить онаго до свѣдѣнія Государя Императора, который, вѣроятно, по своему великодушію, не захочетъ таковой уплаты (хотя оная мнѣ вовсе не тягостна), а можетъ быть и прикажетъ простить мнѣ мой долгъ, что̀ поставило бы меня въ весьма тяжелое и затруднительное положеніе: ибо я въ такомъ случаѣ былъ бы принужденъ отказаться отъ царской милости, что и можетъ показаться неприличіемъ, напрасной хвастливостію и даже неблагодарностію.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

6-го Ноября 1836 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Ѳ. П. Вронченко графу Канкрину (1834).

Имѣю честь представить вашему сіятельству вновь переписанный проектъ о г. Пушкинѣ указа, на случай если ваше сіятельство признаете за благо послать оный къ Государю Императору прежде будущей Пятницы. При семъ имѣю честь приложить и проектъ, исправленный Его Величествомъ; но обязанностію почитаю присовокупить что слова: „Исторія Пугачева“ потому внесены были въ сей проектъ, что оныя именно находятся въ отношеніи г. генерала графа Бенкендорфа.

Государь Императоръ перемѣнилъ слова указа не потому, что тутъ полагалась ошибка, а разсуждая, что преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣетъ исторіи.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Канкрина (1834).

Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ отъ 4 сего Марта сообщилъ министру финансовъ, что камеръ-юнкеръ Пушкинъ, не имѣя способа, независимо отъ книгопродавцевъ, приступить къ напечатанію написаннаго имъ сочиненія, подъ заглавіемъ „Исторія Пугачева", утруждалъ Ваше Императорское Величество всеподданнѣйшею просьбою о выдачѣ ему изъ казны заимообразно 20 т. р. ассигнаціями, съ тѣмъ, что онъ пріемлетъ на себя обязанности выплатить сумму сію въ теченіе двухъ лѣтъ, по срокамъ, которые угодно будетъ назначить, и что Ваше Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволили выдать Пушкину 20 т. р. на упомянутомъ основаніи.

Какъ Пушкинъ обязывается сумму сію уплатить въ два года, то министръ финансовъ по уваженію краткости срока, равно и того, что ссуда предназначена для напечатанія книги, полагалъ бы произвести ссуду сію безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ съ возвратомъ въ теченіе двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ по прошествіи каждаго года, и на семъ основаніи имѣетъ счастіе представить къ Высочайшему подписанію проектъ указа.

генералъ отъ инфантеріи графъ Канкринъ.

Обязательство А. С. Пушкина (1834).

Я нижеподписавшійся камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, на основаніи Высочайшаго указа на имя г. министра финансовъ въ 9 день Марта 1834 г. послѣдовавшаго, о выдачѣ мнѣ изъ Государственнаго Казначейства на напечатаніе написаннаго мною сочиненія подъ заглавіемъ „Исторія Пугачевскаго бунта" двадцати тысячъ рублей ассигнаціями въ ссуду на два года безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ, съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ сію сумму въ теченіе двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, даю сіе обязательство Государственному Казначейству въ томъ, что оные выданные мнѣ въ ссуду двадцать тысячъ рублей долженъ я, а по мнѣ наслѣдники мои, возвратить Государственному Казначейству въ теченіе двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, считая срокъ отъ дня выдачи означенныхъ 20 т. рублей, т. е. отъ двадцать втораго Марта 1834 г., и платежи произвести въ С.-Петербургскую Казенную Палату. Въ непремѣнномъ исполненіи сего обязательства, подписуюсь своеручно. 22 Марта 1834 г. Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Справка о жалованьи А. С. Пушкина.

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ.

6 Августа 1835 № 3665.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго г. генералъ-адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ г. министру финансовъ о пожалованіи служащему въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ г. камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Пушкину въ ссуду 30 т. р. ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы въ уплату сей суммы удерживаемо было производящееся ему жалованье, Особенная Канцелярія по кредитной части покорнѣйше проситъ Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ доставить въ непродолжительномъ времени свѣдѣніе обо всѣхъ окладахъ получаемыхъ камеръ-юнкеромъ Пушкинымъ.

Начальникъ стола графъ А. Бобринскій.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Канкрина (1835)

Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендоръ сообщилъ министру финансовъ, что Ваше Императорское Величество соизволили пожаловать служащему въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Александру Пушкину въ ссуду тридцать тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы въ уплату сей суммы удерживаемо было производящееся ему жалованье.

Изъ дѣла видно:

1.) На основаніи Высочайшаго указа, послѣдовавшаго въ 16 день Марта 1834 года, произведено въ ссуду камеръ-юнкеру Александру Пушкину, на напечатаніе сочиненія его, подъ названіемъ: „Исторія Пугачевскаго бунта“, 20 т. р., съ возвратомъ въ теченіе двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ, безъ процентовъ. По сей суммѣ слѣдовало поступить въ С.-Петербургскую Казенную Палату, за первый годъ, на срокъ 22 Марта сего года 10 т. р., но платежа сей суммы не произведено.

2.) Камеръ-Юнкеръ Пушкинъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ никакого жалованья не получаетъ, но выдается ему по Высочайшему повелѣнію, въ 1832 году послѣдовавшему, на извѣстное Вашему Величеству употребленіе по 5.000 р. въ годъ.

Какъ въ отношеніи генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа не изъяснено, съ процентами или безъ оныхъ должна быть произведена помянутая ссуда камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Пушкину, то министръ финансовъ имѣетъ счастіе представить при семъ къ Высочайшему Вашего

Императорскаго Величества подписанію два проекта указа, одинъ съ платежемъ указныхъ процентовъ по сей ссудѣ, а другой безъ платежа оныхъ, присовокупляя къ тому, что изъ пожалованныхъ нынѣ въ ссуду 30 т. р. онъ предполагаетъ удержать слѣдовавшіе отъ Пушкина на срокъ 22 Марта сего года 10 т. р. съ причитающимися за просрочку процентами.

Высочайшій указъ.

Господину министру финансовъ.

Служащему въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Пушкину всемилостивѣйше повелѣваю выдать въ ссуду изъ Государственнаго Казначейства тридцать тысячъ рублей съ обращеніемъ въ уплату сей суммы, выдаваемыхъ Пушкину изъ Казначейства на извѣстное мнѣ употребленіе пяти тысячъ рублей въ годъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою: Николай.

Калишъ
16 (28) Августа 1835 г.

Графъ Канкринъ графу Бенкендорфу.

Милостивый государь

графъ Александръ Христофоровичъ.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ въ отношеніи вашего сіятельства отъ 1 сего Августа, имѣлъ я счастіе докладывать Государю Императору и удостоился въ 16 (28) день сего Августа получить Высочайшій указъ о выдачѣ камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Пушкину въ ссуду безъ процентовъ изъ Государственнаго Казначейства 30 т. р. съ обращеніемъ въ уплату сей суммы выдаваемыхъ Пушкину изъ Казначейства на извѣстное Государю Императору употребленіе 5000 р.

Во исполненіе сего предложилъ я Департаменту Государственнаго Казначейства учинить распоряженіе о выдачѣ изъ Главнаго Казначейства г. камеръ-юнкеру Пушкину въ ссуду означенныхъ 30 т. р. съ удержаніемъ изъ оныхъ слѣдовавшихъ отъ него на срокъ 22 Марта сего года 10 т. р. съ причитающимися за просрочку процентами по ссудѣ 20 т. р., въ 1834 г. ему произведенной, о каковомъ вычетѣ имѣлъ я счастіе довести до Высочайшаго свѣдѣнія.

Увѣдомляя о семъ ваше сіятельство имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ Канкринъ.

Графъ Канкринъ К. К. Родофиникину

24 Августа 1835 № 3932.

Милостивый государь

Константинъ Константиновичъ.

Г. генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ отъ 4 сего Августа сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать служащему въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Александру Пушкину въ ссуду 30 т. р. ассигн. съ тѣмъ, чтобъ въ уплату сей суммы удерживаемо было производящееся ему жалованье.

По докладу о семъ Государю Императору имѣлъ я счастіе въ 16 (28) день сего Августа получить Высочайшій указъ о выдачѣ камеръ-юнкеру коллежскому ассессору Пушкину въ ссуду безъ процентовъ изъ Г-го К-ва 30 т. т. р. съ обращеніемъ въ уплату сей суммы выдаваемыхъ Пушкину изъ Казначейства на извѣстное Государю Императору употребленіе 5 т. р.

Во исполненіе сего предложилъ я Д-ту Г-го К-ва учининить распоряженіе о выдачѣ изъ Главнаго К-ва г. камеръ-юнкеру Пушкину въ ссуду означенныхъ 30 т. р., съ удержаніемъ изъ оныхъ слѣдовавшихъ отъ него на срокъ 22 Марта сего года 10 т. р. съ причитающимися за просрочку процентами, по ссудѣ 20 т. р., въ 1834 году ему произведенной, о каковомъ вычетѣ имѣлъ я счастіе довести до Высочайшаго свѣдѣнія.

Увѣдомляя о семъ ваше превосходительство, покорнѣйше прошу васъ, м. г., приказать объявить о семъ г. Пушкину.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ Канкринъ.

Обязательство А. С. Пушкина (1835).

Я нижеподписавшійся коллежскій ассессоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія на имя господина министра финансовъ, въ 30 Сентября (12 Октября) послѣдовавшаго, о разсрочкѣ выданныхъ мнѣ изъ Государственнаго Казначейства въ ссуду въ 1834 г. двадцати тысячъ рублей, начиная съ 1836 г. на четыре года безъ процентовъ съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ сію сумму въ теченіе четырехъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, даю сіе обязательство Государственному Казначейству въ томъ, что оные выданные мнѣ въ ссуду двадцать тысячъ р. долженъ я, а по мнѣ наслѣдники мои, возвратить Государственному Казначейству на изъясненномъ основаніи и платежи произво-

дить въ С.-Петербургскую Казенную Палату. Въ непремѣнномъ исполненіи сего обязательства подписуюсь своеручно. Ноября двадцать втораго дня тысяча восемьсотъ тридцать пятаго года. Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

Письмо вдовы Пушкина графу Канкрину.

Милостивый государь

Графъ Егоръ Францовичъ.

Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ по докладу вашего сіятельства соизволилъ вновь излить щедроты свои на семейство мое, Высочайше повелѣвъ сложить со счетовъ Государственнаго Казначейства выданныя покойному мужу моему особыя суммы съ избавленіемъ взысканія оныхъ съ имѣнія покойнаго или пенсіона его наслѣдниковъ.

Таковая новая Монаршая милость ко мнѣ и моему семейству исполняетъ мое сердце глубочайшею всеподданнѣйшею благодарностію къ августѣйшей особѣ Его Императорскаго Величества.

Вмѣняю себѣ также въ пріятную обязанность засвидѣтельствовать вашему сіятельству искреннюю признательность за столь постоянное участіе, которое вы изволите оказывать къ покойному моему мужу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорная къ услугамъ

Наталія Пушкина.

Полотняный Заводъ
Марта 30-го 1837.

Муравьевъ.

22-го Ноября. Михайла Никитичъ, попечитель Московскаго Университета. Я съ нимъ мало былъ знакомъ, но упомянуть о немъ обязанъ, потому что въ его время удостоился получить дипломъ на званіе почетнаго члена Московскаго Университета, съ которымъ вмѣстѣ пріобрѣлъ право носить его мундиръ; и такъ всегда, когда я его надѣваю, я вспомню г-на Муравьева, которому угодно было почтить меня симъ преимуществомъ.

Мухановъ.

30-го Сентября. Алексѣй Ильичъ, сенаторъ. Я съ нимъ мало былъ знако́мъ. Но часто на пути жизни люди, кои далѣе всѣхъ отъ насъ стоятъ, оказываютъ намъ такіе поступки, кои заставляютъ невольно ихъ замѣтить, отличить и всегда помнить. Такъ точно удалось поступить со мной въ одномъ случаѣ и г-ну Муханову. Когда по опредѣленію Совѣта призванъ я былъ въ общее собраніе Московскихъ Департаментовъ выслушать по имянному указу выговоръ, то Мухановъ, не будучи со мной связанъ ни узами родства, ни союзомъ особенной дружбы, а убѣжденъ только будучи въ неправосудіи сего приговора, одинъ изъ числа всѣхъ сенаторовъ мнѣ стороннихъ не поѣхалъ въ тотъ день присутствовать и записался больнымъ, дабы не быть свидѣтелемъ такого уничижительнаго для меня позорища. Какъ остаться равнодушнымъ къ такому благородному подвигу сердца? И простительно ли мнѣ позабыть о немъ? Пусть сія статья послужитъ залогомъ моей признательности, которой я во вѣкъ не измѣню.

Мясоѣдовъ.

11-го Сентября. Николай Ефимовичъ, сенаторъ. Отношенія мои съ симъ человѣкомъ были непродолжительны, но наполнены разными непріятными случаями, которымъ поводъ давалъ всегда лукавой его характеръ и особенной навыкъ къ интригамъ. Впрочемъ, онъ былъ ума неширокаго и совсѣмъ недѣловой человѣкъ, но пролазъ самой хитрой и удачной.

Бываютъ люди очень простые, которые такъ хитро сведутъ интригу, что и самъ геній въ сѣти ихъ попадется; но лукавство не дѣлаетъ еще ума. Таковъ былъ Мясоѣдовъ: вездѣ все вышнырить, ко всѣмъ подъѣдетъ, всего въ пользу свою добьется; а дойдетъ ли до настоящаго государственнаго дѣла, онъ строчки не умѣетъ написать, не смыслитъ резолюцію дать. Меня Богъ привелъ, по несчастію, съ нимъ служить: онъ былъ послѣ Нелидова главнымъ директоромъ Соляной Конторы, а я старшимъ по немъ членомъ. Мы очень часто разбивались въ нашихъ сужденіяхъ, и по многимъ дѣламъ я входилъ противъ него въ голосъ. Натурально, что онъ не могъ на меня смотрѣть пріятными глазами. Вся Контора предъ нимъ раболѣпствовала, я одинъ стоялъ прямо и не соглашался ни на что̀ противное моимъ понятіямъ и правиламъ. Главныя досады, которыя онъ успѣлъ мнѣ сдѣлать и изъ коихъ открылся его злобной и мстительной характеръ, состояли въ слѣдующихъ поступкахъ. Нужно ему было, по дѣламъ службы, откомандировать чиновника счесть соляные заводы въ Перми. Они такъ были запутаны, что комиссія сія могла продолжиться безъ успѣха до нѣсколькихъ лѣтъ. Самое непріятное порученіе! Это было во время Павла I-го. Насъ, членовъ, въ разныхъ классахъ считалось 7 человѣкъ, я старшій и дѣйствительный статскій совѣтникъ. Всѣ мы были на лицо. Ему вздумалось меня туда послать, именно съ тѣмъ, чтобъ удалить меня на долго отъ Конторы, и дѣлать въ оной все, что̀ ему вздумается, лишась послѣдняго соперника; естьли же отговорюсь я отъ сей поѣздки, то справедливое получалъ право выставить меня правительству, какъ ослушника, дабы, силой извѣстнаго ему худаго расположенія ко мнѣ императора Павла, выгнать меня изъ Конторы и лишиться тяжкой противъ себя оппозиціи въ оной. Замыселъ былъ не худъ, мое положеніе очень тѣсно: бросить жену хворую, кучу дѣтей, мать престарѣлую, для которой я не согласился ѣхать служить въ Петербургъ, и удалиться въ Сибирь на нѣсколько лѣтъ по пустякамъ (что̀ самое время доказало), изъ одного каприза директора, непріятно. Я всѣ настроилъ противъ него свои пружины, такъ что онъ, наконецъ, согласился послать надворнаго совѣтника, которой прожилъ тамъ

три года, запутался было самъ и кое-какъ воротился назадъ. Съ этого времени мы стали съ Мясоѣдовымъ, какъ говорятъ Французы, à couteaux tirés, т.-е, на ножахъ. Я ему не уступалъ ни по булату. Довелась необходимость отправить члена въ Саратовъ распутать тамошнія соляныя операціи, которыя самъ Мясоѣдовъ испортилъ глупыми своими распоряженіями. Тутъ я самъ попросился туда ѣхать. Мясоѣдовъ смекнулъ, что мой взоръ для него тамъ будетъ невыгоденъ и, самъ споря противъ себя, тѣми же резонами отклонялъ мое отправленіе въ Саратовъ, которымъ не хотѣлъ дать вѣсу, когда я оные противоставилъ опредѣленію, составленному имъ не за долго предъ тѣмъ, нарядить меня въ Пермь. Въ такомъ враждебномъ состояніи служилъ я года три и всякое утро принужденъ былъ съ нимъ видѣться; рѣдкое свиданіе проходило безъ размолвки. Однажды, желая меня чувствительно огорчить, онъ отрѣшилъ шурина моего, Смирнова, который служилъ членомъ въ Нижегородской Соляной Конторѣ и, чтобъ показать во всей красѣ его злобу, скажу, что онъ протоколъ объ отрѣшеніи его велѣлъ въ слухъ при мнѣ прочесть, тогда какъ онъ могъ бы сдѣлать свое дѣло, но, щадя своего товарища, не раздражать его такимъ публичнымъ и наглымъ образомъ. Совсѣмъ съ этимъ, будучи иногда до крайности высокомѣренъ, бывалъ и подлъ до низости, пресмыкающимся животнымъ, когда дѣло шло о его пользѣ собственной. Обыкновенное свойство подобныхъ людей. Ему раза два нужно было мое перо для отдѣлки такихъ бумагъ, которыхъ онъ не умѣлъ самъ сладить, и тогда онъ вился около меня ужомъ и жабой. Во все время моей съ нимъ службы онъ не доставилъ мнѣ никакой награды; но, не смѣя обойти меня представленіемъ, не рекомендовалъ, пока я былъ въ Соляной Конторѣ, никого изъ членовъ. Никто ничего не получилъ; напротивъ, меня и Волконскаго, въ общемъ производствѣ, обошли чиномъ тайнаго совѣтника, и онъ, мнимо соболѣзнуя о томъ, коварно взялся вступиться за насъ, писалъ холодныя письма для виду и, разумѣется, ничего не произвелъ въ нашу пользу. Наконецъ, сама судьба какъ-то разлучила меня съ нимъ: я попалъ въ губернаторы въ Володимеръ. Тотчасъ послѣ меня онъ всѣхъ членовъ рекомендо-

валъ, и всѣ получили знаки отличія, кромѣ меня, и въ тоже время онъ въ самомъ ласковомъ письмѣ привѣтствовалъ меня съ губернаторскимъ мѣстомъ; но я благодарилъ Бога ежедневно, что вырвался изъ проклятой Соляной Конторы. Потомъ по всѣмъ моимъ дѣламъ въ Сенатѣ Мясоѣдовъ явился сильнымъ мнѣ недоброжелателемъ, и сіи послѣдніе опыты злобы сдѣлали его мнѣ столько ненавистнымъ, что я безъ отвращеніи ни встрѣчаться съ нимъ, ни помышлять о немъ не могу. Онъ много во мнѣ крови испортилъ. Я радъ, когда могу забыть всѣ мои съ нимъ отношенія, и кажется, поелику онъ также теперь въ отставкѣ, брошенъ и забытъ всѣми, намъ не доведется другъ съ другомъ имѣть никакого дѣла; да и дай Богъ!

Мятлева.

29-го Марта. Прасковья Ивановна, дочь фельдмаршала графа Салтыкова, жена тонкаго и просвѣщеннаго царедворца, которой долго былъ на самомъ лучшемъ счетѣ при дворѣ Екатерины, но скоро свихнулся и нынѣ, въ отставкѣ живучи въ Питерѣ, ничего не значитъ. Сама она дама свѣтская, умная и любезная; я съ ними очень пріятно былъ знакомъ. Рѣдко живали мы въ однихъ мѣстахъ, но всегда, когда случалось встрѣчаться съ ними въ обществѣ, обласканъ былъ ими и находился съ удовольствіемъ въ ихъ компаніи. Самое пріятнѣйшее для меня время въ нашемъ взаимномъ отношеніи было то, въ которое мы съ ней играли комедію: „Le Barbier de Séville“. Зрѣлище происходило на театрѣ Волконскаго; я игралъ роль „Бартоло“, а она „Розины“; славной Французъ „Rivière“ игралъ „Фигаро“. Спектакль былъ очень хорошъ и забавенъ. Потомъ мы съ Мятлевыми съѣхались нечаянно и совсѣмъ въ другомъ положеніи, въ Кіевѣ: они въѣзжали чрезъ него въ Россію, послѣ долгаго путешествія въ чужихъ краяхъ, а мы шатались по Россіи, были въ Одессѣ и завернули въ Кіевъ. Я пользовался отпускомъ изъ Владимира на все лѣто. Въ Кіевѣ мы нѣсколько дней провели самымъ веселымъ образомъ, видаясь каждодневно и составя изъ заѣзжихъ туда вояжировъ особой свой кругъ. Тогда насъ туда налетѣло много извѣстныхъ людей съ разныхъ сторонъ.

Пріятное то время долго не выйдетъ изъ памяти моей; тамъ Мятлевъ и жена его написали въ моемъ альбомѣ всякой коечто отъ себя, въ память сему нашему свиданію, а я сочинилъ въ честь г-жи Мятлевой стихи, кои сперва были въ моемъ рукописномъ путешествіи, а потомъ я ихъ напечаталъ въ моихъ общихъ сочиненіяхъ. Теперь сыновья мои въ Петербургѣ пользуются ихъ благосклонностію и часто ихъ посѣщаютъ; а я давно уже съ ними не видался, но тѣмъ не меньше помню ихъ и увѣренъ, что вездѣ, гдѣ ни сойдусь съ ними, мы увидимся съ взаимнымъ, непринужденнымъ удовольствіемъ. Здѣсь не надобно искать ни дружбы чрезвычайной, ни связи, основанной на какихъ-нибудь уважительныхъ началахъ: одно только общежитіе пріятное и самое простое, слѣдовательно веселое; а что́ весело, то не забывается.

Нарышкина.

18-го Генваря. Авдотья Ивановна, дѣвушка весьма достойная и любезная. Было время въ молодости моей, гдѣ я почти ежедневно бывалъ въ ея домѣ и чрезвычайно интересовался въ ней, безъ особеннаго, однако, пристрастія. Она долго была больна и насилу выздоровѣла. Въ то-то время я ѣзжалъ къ родителямъ ея бесѣдовать съ ней, пока мать ея, старушка, занималась картами съ своими гостями: они въ нихъ недостатка не имѣли. Долгая разлука подѣйствовала на сіе отношеніе. Оно было коротко, но пріятно, и я вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ. Въ сочиненіяхъ моихъ найдутся надгробные стихи, сложенные мной на памятникъ отца ея, которые наономъ и вырѣзаны въ деревнѣ, гдѣ онъ похороненъ.

Нарышкина.

23-го Августа. Марья Павловна, знатная дама, пожилая, у которой всѣ молодые люди обучались бонъ-тону въ Петербургѣ. Домъ ея былъ первая моя школа, когда я туда появился. Старики ѣзжали къ ней для того, что у нея былъ лучшій поваръ тогда въ городѣ, а молодые пріобрѣтали благопристойные навыки. Она была очень строга насчетъ общежитія и не пропускала ни одной мелочи, касательной до того,

безъ насмѣшки или порицанія, смотря по человѣку и по свойству проступка. Домъ ея былъ для меня очень полезенъ въ этомъ смыслѣ. Она принимала меня милостиво, иногда шпетила, иногда поправляла, и все это усовершенствовало меня въ наукѣ жить въ свѣтѣ. Я никогда не забуду смѣшной и невольной моей проказы съ ней: она стóитъ пространнаго разсказа. Марья Павловна, вдова оберъ-егермейстерская, слѣдовательно дама 2-го класса, щеголяла чрезвычайно своими нарядами, была всегда отлично одѣта, красно нарумянена и всѣхъ щеголихъ, какъ говорится, любила за поясъ заткнуть. Она боялась по ночамъ ѣздить одна въ каретѣ и, запоздавши гдѣ нибудь на дачѣ, всегда приглашала попутчика проводить ее до дому. Палъ сей жребій одинъ разъ на меня. Мы вмѣстѣ отужинали на дачѣ у такой же старушки, фельдмаршальши княгини Голицыной. Послѣ стола Марья Павловна пригласила меня сѣсть съ ней въ карету и доѣхать до города, 17 верстъ пути. Отказаться неучтиво, принужденъ согласиться. Я сѣлъ напротивъ, чтó совершенно мнѣ не по натурѣ; но учтивость того требовала. Петергофская дорога всегда освѣщалась яркими фонарями: при всякомъ сіяніи ихъ я вздрагивалъ, потому что лицо г-жи Нарышкиной представляло мнѣ ужаснѣйшую харю. Мудрено ли? Всѣ ея краски пропадали и стирались; оставалась одна престарѣлая голова, безъ волосъ и зубовъ, съ тьмочисленными на всемъ лицѣ морщинами. Я думалъ, что со мной вѣдьма сидитъ въ каретѣ и невольно приходилъ въ содроганіе. Марья Павловна, удивляясь моимъ конвульсіямъ, спрашивала, отъ чего они происходятъ? Не было средства вывернуться хорошимъ комплиментомъ, а правду сказать невѣжливо. Какъ отдѣлаться? Отвѣтъ мой бывалъ: „такъ!!!“ Марья Павловна стала бояться и меня не меньше дороги, подозрѣвая, что я подверженъ эпилепсіи; только мы взаимно очень неловко путешествовали. Натура, наконецъ, послѣднюю свою проказу приготовила. Я плотно поужиналъ и, сидя долго напротивъ, сталъ чувствовать тошноту. Некуда дѣваться, нечего дѣлать. Часъ отъ часу хуже, часъ отъ часу я блѣднѣе; взволновался желудокъ, и еще мы далеко не доѣхали до города, какъ меня приняло рвать. Чтó я ни съѣлъ у Голицыной, все выложилъ на платье г-жи Нарышкиной,

которая въ страшномъ замѣшательствѣ металась изъ стороны въ сторону въ каретѣ, балансируя всячески и бранила меня съ яростью; но мнѣ уже было не до нея и не до извиненія, а самому до себя. И такъ повторивъ, доколѣ мѣшокъ желудочной истощился, раза три тужъ забаву, я осквернилъ всѣ богатыя и щеголеватыя ея утвари съ ногъ до головы, совсѣмъ иначе, нежели она, садясь со мной въ карету, могла, можетъ быть, ожидать того отъ мальчика въ 20 лѣтъ. Коекакъ дотащились мы до ея дома, и слуги ея не безъ ужаса осмотрѣли свою барыню, выходящую изъ колымаги съ полнымъ грузомъ во всѣхъ складкахъ ея платья моего неумѣреннаго аппетита. Всякое извиненіе было бы не къ стати. Я выскочилъ изъ ея экипажа, бросился въ мой и съ большой головной болью легъ въ постель. Долго послѣ того я не смѣлъ нигдѣ встрѣтиться съ ней; послѣ все это обошлось. Она извинила мою физику, но была осторожнѣе и уже не предлагала мнѣ провожать ее домой, о чемъ я, съ моей стороны, признаюсь, и не сожалѣлъ. До сихъ поръ мнѣ этотъ случай смѣшонъ, и я неизлишнимъ счелъ сообщить его моимъ читателямъ. Пусть похохочуть и за улыбку свою скажутъ мнѣ спасибо!

Нарышкинъ.

27-го Генваря. Петръ Петровичъ, братъ княгини Куракиной, съ которой я донынѣ въ дружескомъ отношеніи (см. л. К.), и съ нимъ я также давно знакóмъ и друженъ. Первое наше свиданіе было въ манежѣ, въ которомъ мы учились ѣздить верхомъ. Учители наши были знакомы и насъ между собою познакомили; съ тѣхъ поръ, мы навсегда остались пріятелями. Всѣ случаи нашей жизни взаимно къ тому способствовали. Онъ служилъ въ гвардіи и попалъ ко двору; я также служилъ въ гвардіи и вертѣлся у двора. Это укоренило пріязнь между нами; оба мы по времени разными путями попали въ гражданскую службу; онъ жилъ всегда въ Москвѣ, и я по большей части также. Въ одно и тоже почти время мы съ нимъ женились, я на Смирной, онъ на второй женѣ своей, Опочининой, овдовѣвши очень скоро отъ Салтыковой, которая за нимъ была въ первомъ бракѣ. Род-

ство его и мое было между собою въ сватовствѣ, и мы почти тѣ же дома посѣщали. Онъ родился въ томъ же годѣ, какъ и я, въ 64-мъ, мѣсяцомъ только позже меня; слѣдовательно, все насъ дѣлало ровесниками и товарищами, и къ тому сколько разныхъ происшествій укрѣпляли нашу связь! Опочинина, на которой онъ женился, была долго предметомъ моей склонности, и я имѣлъ намѣреніе самъ на ней свататься, но судьба иначе распорядилась. Совмѣстничество не разстроило нашей пріязни; напротивъ, я сдѣлался другомъ и мужа и жены. Здѣсь ограничу себя разсказомъ собственныхъ моихъ къ нему отношеній. Я долго жилъ въ Пензѣ, но это не остудило Нарышкина ко мнѣ. Онъ въ то время, предавшись несчастной слабости, былъ выведенъ изъ обыкновеннаго своего положенія и ни съ кѣмъ не знался, кромѣ ханжей да пьяныхъ поповъ, которые совсѣмъ было его погубили. Въ такой развратной жизни онъ все свое имѣніе разстроилъ, лишился важнаго состоянія и, обратясь, такъ сказать, въ тягость всему своему семейству, опамятовался, но поздно; ибо никогда не могъ воротить своего имѣнія и остался бѣденъ на вѣки. Живучи въ домѣ тещи своей, онъ содержался ею, при помощи малаго своего жалованья, получаемаго отъ Сената, гдѣ онъ числился, имѣя чинъ камергера, за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Несчастія сдѣлали его благоразумнымъ. Онъ престалъ пить, обратился къ трезвой жизни, но уже въ общество попасть и стать на первую ногу не могъ. Всѣ отъ него удалились, и ему самому дико было съ первыми знакомствами большаго свѣта сблизиться. Я одинъ остался у него изъ старыхъ его пріятелей и, постоянно его любя, никогда не разрывалъ съ нимъ связи. Будучи въ Володимерѣ, велъ съ нимъ дружескую переписку. Онъ уже тогда былъ сенаторъ. Знакомство мое короткое съ сестрой его усилило нашу взаимную пріязнь, и онъ оказывалъ мнѣ всевозможныя услуги, въ то время, какъ я въ мою очередь гонимъ былъ Фортуной. Изъ всѣхъ доказательствъ его дружескаго расположенія ко мнѣ, какія я въ памяти моей собрать могу, нѣтъ важнѣе испытаннаго мною во время моего вдовства. Я тогда тотчасъ, по кончинѣ жены моей, привезенъ въ нашу подмосковную, Никольское, и онъ, какъ

скоро свѣдалъ, что я тутъ, одинъ изъ всѣхъ моихъ родственниковъ и знакомыхъ прискакалъ меня навѣстить. Этой жертвы, этого посѣщенія, я вѣчно не забуду, и какъ бы, по превратности времени, Нарышкинъ со мной ни перемѣнился, ежели это должно быть (чего я, однакоже, не ожидаю, потому что мы оба состарѣлись), я вѣчно останусь ему другомъ и никогда не откажусь ни отъ какой услуги, еслибъ встрѣтился мнѣ когда счастливой случай оказать ему оную. Мы до сихъ поръ дружны ненарушимо, ничто не мѣняетъ нашего расположенія, и онъ во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ участвуетъ также искренно, какъ я въ его. Признаться должно, однакожъ, что, по нѣкоторымъ кореннымъ недостаткамъ нашихъ общихъ характеровъ, много содѣйствуетъ къ сохраненію нашей связи въ одинакой силѣ чрезвычайное о томъ стараніе сестры его, которая, любя брата по естеству, а меня по склонности свободной, крѣпитъ нашъ союзъ всѣми, зависящими отъ нея, средствами, пользуясь къ тому неограниченнымъ ея вліяніемъ на поступки брата своего противъ меня и на мои въ отношеніи къ нему. Но какъ бы то ни было, Нарышкинъ и я, мы можемъ назваться друзьями и будемъ, кажется, ими во всю нашу жизнь.

Великая княгиня Наталья Алексѣевна.

25-го Декабря. Въ сей день нѣкогда родилась первая жена моя, Евгенія. Родясь по естеству отъ родителей, странствующихъ съ мѣста на мѣсто (ибо отецъ ея служилъ въ нижнихъ чинахъ офицерскихъ и былъ тогда въ Стардубѣ), воскормлена вдовствующей матерью своей въ пустынной деревнишкѣ подъ Тверью, предназначена она была судьбою возродиться снова изящнымъ воспитаніемъ, и сему-то возрожденію нравственному Богъ велѣлъ быть орудіемъ воспоминаемой мной благодѣтельнѣйшей отрасли Царскаго Дома.

Великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга наслѣдника Россійскаго престола, Павла Петровича, принцесса Дарміштадтская. По благодѣяніямъ, оказаннымъ ею женѣ моей, она, конечно, первое мѣсто занимаетъ сегодня въ мо-

ихъ воспоминаніяхъ. Бывъ 17 лѣтъ счастливѣйшимъ супругомъ безподобной женщины, могу ли я не благоговѣть до послѣдняго дня въ моей жизни къ имени той, которая открыла ей пути къ воспитанію, образовала ее и первое основаніе положила моральному ея бытію? Жена моя, дѣвица Смирная, росла при матери, въ глубокой тишинѣ въ то время, какъ дворъ, и съ нимъ Великая Княгиня, путешествовали въ Москву. Случай велѣлъ этой дѣвочкѣ, которой едва исполнилось четыре года, попасть на глаза Великой Княгинѣ: ребенокъ ей понравился, она изволила приказать привезти ее къ себѣ во дворецъ. Занявшись ея воспитаніемъ, какъ мать, учредила за ней присмотръ, снабдила учителями и, казалось, эта малютка, Евгенья, превзойдетъ въ счастіи всѣхъ своихъ сверстницъ подъ такимъ высокимъ и благотворнымъ покровительствомъ. Промыслъ Вышняго расположилъ сіе иначе: Великая Княгиня скоро скончалась, и Смирная осталась сиротой. Необходимость тогда заставила ее отдать въ Смольной монастырь, въ которой она принята была и содержалась до выпуска на счетъ Великаго Князя. Покойная жена моя до послѣдняго издыханія воспоминала о великой княгинѣ Натальѣ съ уваженіемъ и безпредѣльной благодарностію. По ней привыкъ и я относить къ памяти ея тѣ же чувствованія и, сохраня донынѣ у себя портретъ покойной Великой Княгини, не могу взглянуть на него, не вспомнивъ давно протекшихъ событій и не вздохнувъ о ней изъ глубины сердца, искренно ей преданнаго, какъ нѣжной матери, какъ необыкновенной благодѣтельницѣ женщины, любезнѣйшей для меня на свѣтѣ и съ которой я наслаждался счастіемъ примѣрнымъ.

Неклюдовъ.

30-го Мая. Сергѣй Васильевичъ, генералъ-маіоръ лѣтъ 50-ти, прикомандированный къ отряду Хрущова, во время Шведской войны, гдѣ онъ ничего не дѣлалъ, кромѣ какъ игралъ въ вистъ, и тамъ прожилъ съ нами все лѣто въ Саватайполѣ. Не могу вспомнить безъ смѣха ночной нашей экспедиціи, въ которой онъ отличился. Скоро по приходѣ нашихъ двухъ ротъ въ Саватайполь и послѣ сраженія съ Арм-

фельдомъ, вздумалось Хрущову выманить Шведа на новое дѣло, и для того приказалъ Горчакову съ его ротой, а мнѣ съ моей, выйти въ полночь въ засѣку, прочистить лѣсъ, т.-е., вырубить его и на зарѣ, подойдя къ Шведскимъ форпостамъ, выслать казаковъ на перестрѣлку, дабы непріятеля вызвать подъ наши батареи. Генералу Неклюдову поручено было все сіе исполнить. Мы выступили, лѣсъ къ утру повалили, казаковъ послали и всю ночь въ этомъ подвигѣ упражнялись. Поутру пріѣхалъ самъ Хрущовъ навѣдаться, чтó у насъ дѣлается; при немъ воротились наши передовые лазутчики съ извѣстіемъ, что въ Шведскомъ лагерѣ тревога; скоро потомъ узнали, что идетъ на насъ колонна. Хрущовъ приказалъ нашимъ ротамъ ретироваться, въ намѣреніи заманивать на насъ Шведа далѣе и далѣе, и когда онъ подойдетъ къ нашимъ батареямъ, тогда приказалъ нашимъ двумъ ротамъ, подъ прикрытіемъ ихъ, вступить въ бой. Я командовалъ младшей ротой, слѣдовательно мнѣ надлежало и начинать ретираду. Стали мы отступать, но шагомъ обыкновеннымъ и безъ малѣйшаго замѣшательства, какъ вдругъ увидѣлъ я Неклюдова, которой изъ-за меня бѣжалъ въ курткѣ своей и, стараясь опередить людей моихъ, кричалъ: „Шведы! Шведы! Что жъ вы, г-нъ капитанъ? Ступайте, ступайте, скорѣй!“ Я ему отвѣтствовалъ: „Мнѣ приказано, ваше превосходительство, ретироваться, а не бѣжать.“ Онъ, между тѣмъ, обгоняя меня во всѣ лопатки, наткнулся на камень, полетѣлъ черезъ него кубаремъ, и въ ротѣ моей солдаты почти всѣ съ хохотомъ закричали: „Экъ Русакъ-то нашъ какъ устилаетъ!“ Хрущовъ ѣхалъ за колонной верхомъ и ничего этого не видалъ. Такимъ образомъ мы безъ пользы и успѣха воротились въ лагерь, не спавши всю ночь; ибо Шведы, видя нашу ретираду, не разсудили даться въ обманъ и сами также изволили воротиться въ свои постели. Изъ всей этой ночной экспедиціи не остается вспомнить ничего, кромѣ бѣгства забавнаго г-на Неклюдова, на котораго я, какъ теперь, гляжу; а онъ, нимало не безпокоясь насмѣшками офицеровъ и солдатъ, также сыгралъ благополучно свои восемь роберовъ въ тотъ вечеръ, какъ и во всѣ прочіе дни.

Некрасова.

17-го Іюня. Варвара Алексѣевна, дѣвушка среднихъ лѣтъ, прекрасная собой. Ихъ было нѣсколько сестеръ; Варвара всѣхъ пригожѣе и пѣвала, какъ ангелъ. Въ то время, какъ голосъ ея плѣнялъ, еще не знали вкуса въ Итальянскихъ напѣвахъ, кои часто на взвизги похожи, а плѣнялись голосомъ чистымъ, свободнымъ и выражающимъ чувства души. Такъ пѣвала старинныя пѣсни старинная красота, по имени Некрасова. Я былъ сущій еще ребенокъ, мальчикъ, когда онѣ къ намъ ѣзжали, наслушался ея пѣсенъ, самъ написалъ ей одну и двѣ. Долго ли потомъ до любви? Сердце мое было на просторѣ, я поставилъ ея образъ въ немъ; она нѣсколько времени, но недолго, была первымъ кумиромъ, а потомъ отвыкъ отъ нея и чуть-чуть совсѣмъ не забылъ. Однако я до сихъ поръ, когда слышу пѣвицъ нашихъ превознесенныхъ, часто вспоминаю пріятной голосъ Некрасовой Варвары.

Нектарія.

28-го Сентября. Схимонахиня, дочь фельдмаршала графа Шереметева, бабка моя родная. Она была за дѣдомъ моимъ, отцемъ моего отца, князя Ивана Алексѣевича, и по кончинѣ его вступила сего числа въ монашеской орденъ, въ которомъ наконецъ посхимилась и похоронена въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ. Кто не знаетъ исторіи сей достопамятной женщины въ лѣтописяхъ нашихъ? Кому не извѣстны подвиги мужественнаго ея духа, героическая жизнь и кончина ея? Кто не прослезится, читая собственныя ея записки о себѣ, ссылкѣ мужа ея и общемъ пребываніи ея съ нимъ въ Сибири? О ней говорить здѣсь много нѣтъ нужды; мало говорить о ней невозможно. Оставимъ собственную ея біографію. Въ семъ сочиненіи рисуются одни только мои личныя отношенія къ тѣмъ особамъ, коихъ имена приводятся на память; и такъ молвимъ только объ нихъ. Я родился еще при жизни ея, но засталъ ее уже въ облаченіи монашескомъ. Отецъ мой, путешествуя всякіе три года въ Кіевъ, для свиданія съ ней,

возилъ и меня ей показывать. Такъ видѣла она меня полугодовымъ ребенкомъ, и потомъ 4-хъ лѣтъ. Я худо ее помню, но знаю, что она меня очень жаловала и забавлялась моими рѣзвостями въ ея кельѣ. Я сохранилъ донынѣ самыя важнѣйшія ея письма къ отцу моему, изъ которыхъ видны смиреніе въ духѣ благочестія того времени и горячая любовь ея ко мнѣ, напоминающему ей драгоцѣнное имя любимѣйшаго супруга. Рукописныя ея записки, о которыхъ выше сказано, дошли до меня изъ рукъ отца моего. Онѣ были напечатаны; подлинникъ ихъ у меня, какъ рѣдкость священная, хранится, изъ особеннаго благоговѣнья къ добродѣтелемъ ея. Я два раза былъ въ Кіевѣ и падалъ съ умиленіемъ на гробъ ея, которой сравненъ съ землею и ничѣмъ по волѣ ея не украшенъ. Описавши мое путешествіе тогдашнее въ Украйнѣ, я и объ ней не пропустилъ съ восторгомъ сообщить читателю; ибо имя ея и подвиги заслуживаютъ по справедливости вѣковѣчной памяти, по изрѣченію Соломона: Память праведнаго съ похвалами. Такова пребудетъ и ея, доколѣ не потеряется вовсе почтеніе къ высокимъ добродѣтелямъ, къ изящнымъ подвигамъ души и сердца, и доколѣ лучи истиннаго христіанскаго свѣта будутъ озарять умъ и сердце Россіянъ, прилѣпленныхъ къ древнему своему отечеству и умѣющихъ цѣнить дѣянія предковъ своихъ.

Нелидова.

12-го Іюля. Катерина Ивановна, старшая фрейлина меньшаго двора, когда я началъ къ оному ѣздить. Дѣвушка умная, но лицомъ отмѣнно дурна, благородной осанки, но короткаго роста, черна какъ жукъ и уже лѣтъ за 30 была тогда. Она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; до того умна и любезна, что всякой, говоря съ ней, забывалъ, что она дурна. Павелъ нѣсколько лѣтъ былъ въ нее чрезвычайно влюбленъ, и она многое изъ него умѣла дѣлать. Я игрывалъ съ ней комедіи и былъ какъ-то всегда отъ нея далекъ; ибо она мнѣ не нравилась. Покойная жена моя, до нѣкотораго времени живучи съ ней въ одной комнатѣ, была очень дружна; но какъ разсталась послѣ замужества за меня, она замѣтила

многіе опыты холодности ея къ ней. Нелидова, приревновавши жену мою къ Великому Князю, вздумала оказывать ей презрѣніе, которымъ жена моя любила со всѣми квитаться; она, не посмотря на старшинство той и ходъ у двора, сама съ ней обходилась очень ярко. Потомъ, какъ Нелидова увидѣла, что ревность ея не имѣетъ никакихъ основательныхъ причинъ, онѣ обѣ опять сошлись очень хорошо и, по крайней мѣрѣ, по наружности обходились пріятельски. Во время моей отставки изъ Пензы, когда жена моя одна странствовала въ Петербургѣ, при восшествіи Павла на престолъ, а Нелидова была уже въ большомъ случаѣ, она безъ надменности обошлась съ ней, какъ старая пріятельница, и старалась о пользахъ ея очень усердно, но, къ несчастію, безъ выгодныхъ успѣховъ, въ чемъ не ее винить должно, а несчастную мою планету. Я, съ моей стороны, не былъ, съ начала моего знакомства съ Нелидовой, ни жарокъ, ни холоденъ; таковъ остался и донынѣ и, при случаяхъ нашего свиданья, кои бываютъ очень рѣдки, всегда доволенъ ея обращеніемъ со мной. Изъ всѣхъ приключеній, кои съ именемъ ея приходятъ мнѣ на память, я тверже всѣхъ удержалъ въ мысляхъ театральной нашъ анекдотъ. У двора года два сряду благородныя играли комедіи: это была мода и вкусъ того вѣка. На театрахъ ихъ высочествъ разыгрывались всѣ драматическія творенія, комедіи, оперы и балеты, въ Павловскомъ, въ Гатчинѣ, на Каменномъ острову; вездѣ я былъ актеромъ, и во всякой піесѣ въ связи театральной съ Нелидовой. Довелось мнѣ играть роль любовника ея въ оперѣ Французской: „Rose et Colas“. Тутъ есть арія всѣмъ извѣстная: „C'est ici que Rose respire“. Я ее пѣвалъ изрядно. Въ одномъ куплетѣ, когда Colas въ восторгѣ цѣлуетъ вертено и пряслo своей возлюбленной, есть восклицаніе слѣдующее: Que je la baise (т.-е. la quenouille) et cette chaise; ici tout est, tout est charmant“. Государь Павелъ хаживалъ на наши пробы и ими наполнялъ скучные свои вечера въ богатыхъ дворцовыхъ замкахъ. Въ одинъ вечеръ, послѣ пробы, всходитъ онъ на сцену, встрѣчаетъ меня и говоритъ: „Мнѣ кажется, ты, въ одномъ куплетѣ своей аріи, не такъ слова произносишь“.—„Совершенно такъ, Государь! Я всю арію знаю отъ слова до сло-

ва“. — „Прочти мнѣ ее; я припомню и укажу тебѣ, въ чемъ ты ошибаешься“. Тотчасъ я сказалъ говоркомъ всю арію, и онъ, остановя меня на вышеприведенныхъ восклицаніяхъ: „Вотъ гдѣ ошибка; ce n' est pas comme cela qu'il faut chanter; il faut dire: que je la baise sur cette chaise“, относя слова принадлежащія вертену самой той, которая садится за оное, изъ чего выходилъ обинякъ очень забавной. Павелъ, сказавши, расхохотался, я также, и мы пошутили надъ Нелидовой, которая, однако, уже слыла тогда его любовницей. Этотъ анекдотъ можетъ служить дополненіемъ ко множеству тѣхъ странностей, кои принадлежали свойству Павла и даютъ понятіе о его характерѣ: онъ былъ временемъ самой любезной, а иногда самой блажной человѣкъ. Нелидова умѣла править и умомъ его, и темпераментомъ. Мнѣ она знакома только по театральному искусству, въ которомъ, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, была, однако, ниже моей жены покойной. Она напоминаетъ мнѣ лучшіе годы моей жизни и, оглядываясь назадъ, я всегда воображаю ее съ удовольствіемъ, по отношенію къ тому именно вѣку.

Нелидовъ.

2-го Августа. Василій Ивановичъ, сенаторъ. При восшествіи Павла учреждена главная Соляная Контора въ Москвѣ, въ которую онъ опредѣленъ главнымъ директоромъ, а я — старшимъ членомъ. Это начало нашего знакомства. Нелидовъ былъ человѣкъ умный, дѣловой и до нѣкоторой степени прямо государственный, что́ называютъ Французы „homme d'état“; но онъ нестерпимой былъ надменности, заносился высоко, много о себѣ думалъ и мало о всѣхъ прочихъ. И такъ мы не могли долго быть между собой въ добромъ согласіи; однако же я, уважая его умъ и познанія въ камеральныхъ дѣлахъ (finances), всячески принаравливался къ его характеру и старался быть съ нимъ въ хорошемъ отношеніи, что̀ и удавалось мнѣ, доколѣ господствующая страсть его не приводилась ничѣмъ въ волненіе; но тогда исчезала всякая пристойность, и мы принуждены были ссориться. Такъ напримѣръ, приведу здѣсь опытъ его властолюбія надо мной въ

слѣдующемъ происшествіи. Приходилъ срокъ откупу Крымскихъ солей, вызваны желающіе. Являются двое: Калугинъ, старый откупщикъ, и новый охотникъ, Жидъ Перетцъ; больше никого. Калугинъ бывалъ близокъ къ князю Зубову нѣкогда и сохранилъ покровительство Безбородки, а Перетцъ дѣйствовалъ силой и капиталомъ Кутайсова, новоявленнаго дворцоваго чудотворца. Безбородко писалъ къ Нелидову и просилъ за Калугина, а Кутайсовъ за Жида, который представлялъ его лицо; а ко мнѣ писалъ одинъ Безбородко, совсѣмъ меня не знавшій. Я снесся съ Нелидовымъ, отобралъ его мысли. Онъ коварно объявилъ мнѣ, что пусть торгуются оба, и Калугинъ, и Перетцъ. Такъ и надлежало, но ни слова мнѣ не сказалъ о Кутайсова перепискѣ, и между тѣмъ началъ дѣйствовать такъ, чтобъ Калугина отъ торга оттереть. Я, понявъ его замыслы, остерегся: требовалъ, чтобъ къ торгу допущены были оба, и подалъ голосъ, которымъ, вопреки опредѣленію, на большинствѣ голосовъ основанному, доказывалъ пра́ва Калугина на соревнованіе съ Перетцомъ, и растроивалъ планъ Нелидова, не знавъ еще, что онъ поступаетъ такимъ образомъ отъ того, что прошенъ Кутайсовымъ, который тогда уже былъ сильнѣе Безбородки у двора. Да и пуще всего оскорблялся Нелидовъ тѣмъ, что Безбородко не удовлетворился письмомъ однимъ къ нему, а удостоилъ онаго и меня, слѣдовательно полагалъ, что я пользуюсь нѣкоторой противоборствующей силой въ Конторѣ. Это соображеніе укололо Нелидова прямо въ сердце; онъ не умѣлъ прощать обидъ самолюбія и рѣшился сдѣлать мнѣ зло въ месть за вниманіе ко мнѣ Безбородки. Подлинно бы и удалось ему погубить меня, если бъ я не взялъ моихъ мѣръ и не предостерегся перепискою со многими покровителями моими, сильными у двора: ибо въ опредѣленіи Соляной Конторы, подписанномъ, кромѣ меня, всѣми семью членами, послѣ рѣшительной отдачи Крымскихъ озеръ исключительно Перетцу, вопреки всѣмъ выгодамъ казеннымъ, страха ради Кутайсова, разсуждаемо было о голосѣ моемъ и, съ отступленіемъ отъ юридическаго порядка, опредѣлено представить высшему начальству, т.-е., Сенату, что я подалъ голосъ отъ гордости и не покоряюсь законной власти. Словомъ, вошли въ такой разборъ моральный всего

меня, который нимало не принадлежалъ къ дѣлу. Вотъ поступокъ противъ меня Нелидова. Могъ ли я послѣ онаго быть съ нимъ въ согласіи? Однако, всегда отдамъ ему справедливость, что онъ умѣлъ дѣло дѣлать, умѣлъ соображать, учреждать и приводить ввѣренную ему часть финансовъ въ порядокъ. Кромѣ означеннаго случая, мы съ нимъ были очень хорошо знакомы: тутъ заиграло оскорбленное самолюбіе, и онъ на минуту сдѣлался моимъ злодѣемъ самымъ низкимъ образомъ. По счастію, это мнѣ не повредило, и я откровенно скажу, что, впрочемъ, пріятнѣе было имѣть дѣло съ нимъ, нежели съ Мясоѣдовымъ. Сей смѣнилъ его по какой-то придворной намуткѣ, а послѣ, когда Нелидовъ опять поправился и попалъ въ сенаторы, то Павлу разсудилось посадить его членомъ въ ту же Соляную Контору, которой онъ былъ недавно директоромъ. Странное опредѣленіе! Но кто смѣлъ противиться Павлову указу? И такъ Нелидовъ, будучи сенаторъ, поравнялся правами со мной въ Конторѣ, и мы оба имѣли одинъ ровный голосъ. Тутъ открылась несносная оппозиція противъ Мясоѣдова, я и Нелидовъ во всемъ ему противорѣчили, партія наша была сильнѣе, тому приходило отъ насъ тяжело. Онъ поскакалъ въ Питеръ это передѣлывать. Дождавшись тамъ восшествія Александра, на другой же день вы́ходилъ указъ, по которому Нелидовъ высаженъ изъ Конторы и остался только сенаторъ. Окончивъ мою съ нимъ службу, я остался хорошимъ его знакомымъ и умѣлъ простить ему зло, которое онъ готовъ былъ мнѣ сдѣлать; потому что я видѣлъ, что оно происходило не отъ злобнаго характера, а отъ излишняго самолюбія, которымъ онъ не могъ овладѣть и предался его недостойному побужденію. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ оказывалъ мнѣ особенное уваженіе и заслужилъ совершенное мое почтеніе, какъ человѣкъ умной и прямо опытный гражданскій чиновникъ.

Нелюбова.

17-го Августа. Наталья Алексѣевна, бѣдная дѣвушка, жившая въ нашемъ домѣ до самой кончины матери моей. Намѣреніе ея было эту дѣвушку пристроить въ какой нибудь институтъ, дабы оттуда удобнѣе было совершить судьбу ея

въ будущемъ; но сего не удалось. Нѣкоторые родственники наши дѣлали ей временныя денежныя пособія, кои способствовали ей только поучиться кое-чему въ приватныхъ пансіонахъ, и по нѣкоторомъ времени матушка изволила взять ее къ себѣ, и при ней она проживала скромно въ нашемъ семействѣ. Она была дѣвушка умная, пріятная въ обществѣ, игрывала съ успѣхомъ нѣкоторыя роли въ нашихъ домашнихъ зрѣлищахъ и привыкла къ нашему дому такъ, что съ трудомъ вышла изъ него, о чемъ и я крайне сожалѣю; потому что она, разставшись съ нами, надѣялась быть счастлива, вмѣсто того теперь терпитъ самую бѣдственную участь. Послѣ матушки она еще оставалась съ нами и ѣздила вмѣстѣ въ Нижній на Макарьевскую ярмонку, сопровождая насъ всюду въ нашихъ путешествіяхъ, нигдѣ не была намъ въ тягость, напротивъ, услугами своими и разговоромъ часто приносила пользу и помогала разсѣянію нашему своей природной веселостью. По странному стеченію случаевъ, мы съ ней разстались безъ всякаго ея желанія и безъ рѣшительнаго нашего на то произвола. Сестра моя, пріѣхавши съ нами повидаться изъ Малороссіи, гдѣ жили родители Нелюбовой, изъ сожалѣнія ко мнѣ (потому что, при недостаткахъ моихъ, тяжело было содержать эту барышню по прежнему, при моемъ большомъ и безъ того семействѣ), предложила Нелюбовой ѣхать съ ней къ своимъ роднымъ въ Кіевъ. Мы ее отпустили, и она, хотя со слезами, но по разсудку рѣшилась оставить насъ, чувствуя, что нѣтъ причины отречься ѣхать къ своимъ роднымъ, когда способъ на то готовъ. И такъ мы ее нехотя изъ дома нашего выпроводили. По несчастью, отецъ ея и мать жили розно и въ разныхъ городахъ; сестра ея старшая, будучи за достаточнымъ человѣкомъ замужемъ, овдовѣла и не могла ей сдѣлать никакого вспоможенія, не имѣя сама по себѣ состоянія; другая сестра вышла замужъ за хвораго человѣка, котораго разбилъ параличъ; словомъ, бѣдная Нелюбова попала въ самую несчастную тарелку, изъ которой и я уже вытащить ее не могу. Все это произошло отъ прекраснаго побужденія сестры моей въ отношеніи къ моимъ пользамъ, но слишкомъ опромечтиво ею поступлено, а мы слишкомъ безразсудно на это склонились. Дѣло сдѣ-

лано, поправить его трудно, и мнѣ очень этого жаль; потому что я не могу освободить себя отъ обязанности, по изволенію матери моей, дѣлиться съ ней, по крайней мѣрѣ, моимъ благосостояніемъ, когда лучшаго доставить не въ силахъ; а теперь она бѣдствуетъ, и я помочь ей не могу. Когда мы ѣздили въ Кіевъ, она насъ встрѣтила въ Нѣжинѣ и оттуда пріѣзжала съ нами вмѣстѣ къ сестрѣ. Тамъ осень мы прожили вмѣстѣ, и она новыя слезы пролила фонтаномъ, когда ей пришлось снова разставаться съ нами; она, къ несчастью, привыкла въ нашемъ домѣ къ жизни совсѣмъ не той, какую нашла между своими семейными. Въ молодомъ возрастѣ такой переломъ приводитъ въ уныніе, и не всегда самой крѣпкой разсудокъ съ чувствительнымъ сердцемъ сладить можетъ. Она ведетъ съ нами переписку, но это слабая отрада. Мать ея спилась, отецъ держитъ сераль, сестры безнадежныя ей опоры; и такъ она въ полномъ смыслѣ слова несчастлива; а естьли бы мы ее съ сестрой не отпустили, то бы, конечно, она терпѣла меньше горя и всякаго недостатка. Есть люди, которые бываютъ жертвой обстоятельствъ самымъ нечаяннымъ и непридуманнымъ образомъ. Такъ точно пострадала Нелюбова. Я не имѣю никакого къ ней пристрастія (ибо она и не пригожа), но часто, очень часто тужу, что, испортивши участь ея, потерялъ возможность ее поправить, и естьли бъ мнѣ встрѣтился легкой способъ возвратить ее въ домъ свой, то, конечно бы, отъ онаго не отрекся, по крайней мѣрѣ доставилъ бы ей тогда естьли не выгодную партію, то самое пріятное общежитіе, которымъ она прежде пользовалась.

Неплюевъ.

17-го Декабря. Иванъ Николаевичъ, сынъ сенатора Неплюева отъ первой жены, котораго я началъ знать тогда уже, какъ онъ былъ самъ сенаторъ и приближался къ старости. Человѣкъ ограниченнаго ума, но богатой, чинной, степенной и ни къ чему не пригодной: объ немъ точно можно сказать:

„Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки“.

Я, однакоже, имѣлъ одинъ разъ случай испытать его характеръ, и хотя негдѣ было ему развернуться въ худомъ смыслѣ

противъ меня (дѣло того не стоило); однако въ такое время, когда всякой могъ вредить кому и какъ хотѣлъ, для чего жъ бы и ему мнѣ не навлечь хлопотъ? Мы съ нимъ порядочно разошлись, и онъ послѣ того случая остался донынѣ хорошимъ мнѣ знакомымъ, помнитъ меня и сыновей моихъ въ Петербургѣ ласково принимаетъ. Случай, которой насъ свелъ, слѣдующаго рода. Я былъ въ Владимирѣ губернаторъ, а Неплюевъ сенаторъ и откомандированъ въ Астрахань предохранить тамошній край отъ чумы. Въ это время у меня полицеймейстеръ ударилъ въ щеку маіора губернской роты. Началось дѣло и ничѣмъ не кончилось: обидчикъ просилъ прощенья, обиженной простилъ; послѣ его настроили искать безчестья, и я не могъ никакъ съ этой мерзкой сплетней сладить. По родству съ полицеймейстеромъ, вмѣшался въ эту ссору князь Лопухинъ. У двора тогда любили изъ мухи дѣлать слона, и исторія эта такъ заняла правительство, что разсудили нарядить особаго чиновника разсмотрѣть, какъ производится въ Владимирѣ столь важное дѣло. Палъ жребій на Неплюева. По именному указу велѣно ему отправиться изъ Астрахани въ Владимиръ, разобрать дѣло о знаменитой пощечинѣ. По сему-то случаю я съ нимъ и ознакомился. Онъ съ недѣлю жилъ у насъ въ городѣ, встрѣтилъ съ нами Новой Годъ и со всей церемоніей возможной 1-го Генваря передъ обѣдней, при мнѣ и губернскомъ предводителѣ, ѣздилъ съ маіоромъ губернской роты, которой уже тогда былъ въ отставкѣ, къ полицеймейстеру, притворившемуся больнымъ, и тамъ совершилъ торжественную мировую. Все это вздорное и пресмѣшное дѣло онъ производилъ какъ бы самое важнѣйшее. Мнѣ бы очень скучно было съ нимъ съ однимъ возиться и разсуждать съ утра до вечера о такомъ обстоятельствѣ, которое не заслуживало вниманія не только сенатора, ниже хорошаго совѣтника палаты; но, по счастью, съ нимъ была его жена, дама умная и пріятная. Пока мужъ ея занимался слѣдствіемъ о пощечинѣ, мы съ ней бесѣдовали объ Астрахани, тамошней жизни и ихъ туда и оттуда путешествіи. Иванъ Николаевичъ меня очень полюбилъ, чему особеннымъ доказательствомъ служитъ то, что онъ, будучи очень скупъ, подарилъ меня, какъ старшій кавалеръ, медальономъ ордена

Св. Анны, какія нашивали въ старину при фракахъ и которыхъ нынѣ никто уже не употребляетъ. Этотъ медальонъ былъ серебряной, позолота давно съ него слиняла, по оцѣнкѣ онъ стоитъ 8 рублей. Неплюевъ почиталъ такой подарокъ весьма важнымъ и думалъ, что онъ отмѣнно пріятельски со мной поступилъ. Я рѣдко видалъ человѣка скучнѣе, тягостнѣе и бѣднѣе въ обращеніи съ стороны навыковъ и познаній этого напудреннаго и смазаннаго сенатора. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ знакомы, но, живучи въ разныхъ городахъ, никакой связи у насъ нѣтъ; а пребываніе его въ Владимирѣ при мнѣ и тамошніе его подвиги незабвенны пребудутъ въ памяти моей.

Неплюевъ.

9-го Іюня. Николай Ивановичъ, сенаторъ Екатеринина времени. Онъ былъ очень уважаемъ генералъ-прокуроромъ тогдашнимъ, княземъ Вяземскимъ, и считался его другомъ; человѣкъ умной, разсудительной и дѣловой. Отецъ мой, при которомъ я жилъ, доколѣ онъ служилъ въ Петербургѣ, желая меня ознакомить со всѣми лучшими людьми въ городѣ, представилъ и къ нему. Домъ его былъ не изъ веселыхъ; онъ велъ родъ жизни уединенной, тихой и почти всегда сиживалъ одинъ; жена его была барыня глупая, скаредная собой, съ бѣльмомъ, но родная сестра богачей Нарышкиныхъ, и знаменитость ихъ у двора отливалась нѣсколько на нее; но и она все сиживала дома. Сынъ ихъ и баловень, Дмитрій Николаевичъ, былъ мальчикъ моихъ лѣтъ, служилъ въ гвардіи, но напитанъ смаленьку Вольтеровыхъ правилъ, т.-е., не чтилъ ни Бога, ни родителей, кощунствовалъ надъ всѣмъ священнымъ, часто смѣивался ни счетъ отца и матери. По этой свободѣ племянникъ Нарышкиныхъ былъ вездѣ принятъ, какъ любезной человѣкъ, и я, новъ будучи въ большомъ свѣтѣ, искалъ въ немъ подпоры и привязался къ Неплюеву, которой сошелся со мной въ знакомствѣ очень хорошо. Отецъ его принималъ меня ласково и, кажется, хотѣлъ, чтобы сынъ его выучился думать о морали по моему; но сынъ, пользуясь моей застѣнчивостію, заманивалъ меня къ себѣ для того, чтобъ занять своихъ родителей и менѣе быть съ ними. У всякаго

въ этой троицѣ были свои виды. Мать, дура набитая, сажала меня съ собой играть въ пикетъ, и я былъ очень доволенъ тѣмъ, что вхожъ въ такой почетной домъ и пользуюсь въ мои лѣта особеннымъ вниманіемъ сенатора, уважаемаго правительствомъ. Такъ я нѣсколько лѣтъ, пока не отросли у меня крылья, на которыхъ я помчался во всѣ высокія компаніи города, былъ почти домашнимъ у Неплюева, чаще всѣхъ посѣщалъ его, и это знакомство принесло мнѣ много пользы, потому что я наслушался отъ старика самыхъ здравыхъ наставленій. Онъ умеръ, и съ нимъ миновались почти мои посѣщенія. Сынъ ихъ, фаворитъ Митюша, принужденъ будучи по трауру нѣкоторое время сидѣть дома, всячески еще меня ласкалъ, чтобъ имѣть сотоварища въ скукѣ. Я, вмѣняя въ обязанность чести и совѣсти не покидать его въ мрачномъ уединеніи и облегчать тоску его одиночества, до того довелъ свое усердіе, что нѣсколько ночей спалъ у него въ комнатѣ; но когда этикетъ сидячей жизни прошелъ, онъ меня бросилъ, не соблюлъ даже со мной никакихъ приличій свѣта, а о чувствахъ уже и говорить нечего: онъ никого не любилъ кромѣ себя. И такъ мы скоро совсѣмъ раззнакомились. Послѣ ему какъ-то повезло у двора. Онъ понравился Павлу. Этотъ сдѣлалъ его генералъ-адъютантомъ, потомъ секретаремъ, и наконецъ этотъ Неплюевъ, развращенной умомъ и сердцемъ, умеръ, когда я уже былъ губернаторомъ въ Володимерѣ. Между нами, съ кончины его отца, никакого уже отношенія не было; но отца его я донынѣ помню съ признательностію, какъ человѣка, которой меня любилъ, отличалъ отъ прочихъ молодыхъ людей, удостоивалъ своей бесѣды, отмѣнно полезной, и знакомство мое съ нимъ было, конечно, непотерянное, хотя скучное время въ моей молодости.

Княгиня Несвицкая.

7-го Іюля. День рожденія сына моего, Михаила, которой только 40 дней жилъ на свѣтѣ: онъ напоминаетъ мнѣ съ собою время пріятнаго заблужденія моего на родинѣ.

Княгиня Марья Ильинишна, женщина молодая, пригожая и пріятная въ короткомъ знакомствѣ: я онаго былъ удосто-

енъ въ самой лучшей порѣ лѣтъ моихъ. Она по страсти вышла замужъ за близкаго своего родственника; оба были молоды, любили жить съ людьми, и въ домѣ ихъ безпрестанныя происходили забавы. Никогда я не забуду тѣхъ удовольствій, коими наслаждался въ сообществѣ сего юнаго семейства, будучи самъ не старѣе 30 лѣтъ, особенно той недѣли, которую прогостилъ я у нихъ въ подмосковной, гдѣ всякой день начинался и кончался праздничнымъ увеселеніемъ: тамъ были фейерверки, роговая музыка, пляски крестьянскія, танцы между нами, разноцвѣтныя освѣщенія по ночамъ, прогулки въ шлюпкахъ, фанты, хороводы, сельскія игры и, словомъ, каждой часъ въ суткахъ посвящался какой нибудь забавѣ; едва успѣвали мы высыпаться по ночамъ. Насъ было человѣкъ до сорока вмѣстѣ обоего пола, и никого старѣе 30 лѣтъ. Я рѣдко видалъ такое игривое и согласное во вкусахъ общество. Нѣтъ, никогда безъ восхищенья не вспомню этой счастливой и веселой недѣли. Все тогда, все казалось очарованнымъ удовольствіемъ; но скоро за сими восторгами послѣдовали самые ненастные дни для страстныхъ супруговъ. Я не успѣлъ воротиться отъ нихъ въ Москву, какъ узналъ о пріѣздѣ княгини въ городъ. Она прислала за мной и объявила мнѣ, что развелась съ своимъ мужемъ. Состояніе ея было жалко. Я не входилъ въ побудительныя причины такого скоропостижнаго развода: онѣ до меня не принадлежали; но, полюбя еще болѣе княгиню, видя, въ какое несчастное она впадаетъ положеніе, я рѣшился продолжать съ ней знакомство, пристать къ ея сторонѣ и, естьли могу, быть ей полезенъ. На семъ основаніи продолжалась самая невинная пріятельская связь между нами нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ мужъ ея, имѣя своихъ протекторовъ, выхлопоталъ при Екатеринѣ имянной указъ, по которому отобрали у матери двухъ малолѣтнихъ дочерей и отдали въ Смольной монастырь на воспитаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ взяли и все имѣніе ея въ опеку. За ней было до двухъ тысячъ душъ, а за мужемъ ея ни одной, да и своя собственная не очень благородная. Одна краска лица и свѣжесть молодого возраста плѣнили бѣдную княгиню; впрочемъ, онъ по уму и качествамъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко не выдер-

живалъ съ ней сравненія. Въ такомъ утѣсненіи княгиня жила очень уединенно, никого не принимала, и одинъ я почти посѣщалъ ее постояннымъ образомъ, считая обязанностью скучать вмѣстѣ съ той, которая умѣла прежде доставлять многимъ около себя толико удовольствій. Въ самое то время послѣдовало со мной происшествіе пасквиля, поддѣланнаго на счетъ одной знакомой мнѣ дамы, и я у княгини Несвицкой напуганъ былъ потаенными его послѣдствіями, о которыхъ говорено въ другомъ мѣстѣ, и здѣсь сей эпизодической анекдотъ не требуетъ уже повторенія. Я не входилъ ни въ какія скрытыя дѣла княгини Несвицкой и, довольствуясь ласковымъ ея пріемомъ, видался съ ней нерѣдко. По вступленіи Павла на престолъ, она поѣхала въ Петербургъ, нашла доступъ до министровъ, подала просьбу Государю, которой приказалъ ей разобраться съ мужемъ чрезъ посредниковъ. Ей велѣно было избрать двухъ и мужу ея столько же. Тутъ она показала мнѣ сильной знакъ дружбы и довѣренности, поручивъ мнѣ свое защищеніе; она не могла полагаться на мое пристрастіе, ибо знала, что его нѣтъ, и между нами не было никакой интриги. Другимъ посредникомъ ея былъ со мной Нелидовъ, Соляной Конторы директоръ, съ которымъ я вмѣстѣ служилъ; а мужъ ея назначилъ князя Голицына, человѣка придворнаго, и Курбатова. Всѣ мы четверо съѣзжались нѣсколько разъ, разбирали мужа съ женой; я крѣпко стоялъ за княгиню и, получивъ всѣ ея бумаги, разсмотрѣвъ ихъ, зналъ, что она по чистой совѣсти пра́ва предъ своимъ мужемъ. Мы, посредники, не могли, однакожъ, ни на что согласиться, и наши пренія представлены были Государю. Тамъ приняты они холодно и брошены; но, по восшествіи Александра, счастіе повернулось лицомъ къ княгинѣ. Имѣніе ея ей отдано, а дѣти выпущены изъ монастыря къ ней, а не къ отцу. Такимъ образомъ княгиня вошла по прежнему во всѣ свои права̀, но горести и удрученія разнаго рода лишили ея здоровья, бодрости въ духѣ и той непринужденной веселости, которая все вокругъ ея нѣкогда оживотворяла. И такъ она осталась теперь забытой въ свѣтѣ женщиной, о которой никто уже не говоритъ и не вспомнитъ; одинъ я до сихъ поръ одинаково ей преданъ. Довѣренность ея, оказан-

ная мнѣ въ ту чувствительную минуту, о которой я упомянулъ выше, наложила на меня обязанность быть ей приверженнымъ до гроба. Этотъ случай сопровождаемъ былъ еще другимъ гораздо прежде, который оказалъ великодушную ея привязанность и участіе во мнѣ. Когда я былъ вице-губернаторомъ въ Пензѣ и скучалъ тамошнимъ пребываніемъ, она, будучи очень хорошо знакома съ Кречетниковымъ, тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ въ Тулѣ, гдѣ ея имѣнье, не сказавъ мнѣ ни слова, просила его о переводѣ меня въ Тулу. Кречетниковъ не умѣлъ ни въ чемъ ей отказывать; онъ уже готовъ былъ представить о перемѣщеніи моемъ Екатеринѣ, какъ вдругъ скончался, не успѣвъ совершить своего намѣренія, и я имъ не воспользовался. Тѣмъ меньше ли я долженъ быть благодаренъ княгинѣ Несвицкой? Столь многіе опыты искренней ея пріязни привязали меня къ ней навсегда. Во время нашихъ разлукъ мы вели переписку; теперь она по большей части живетъ въ своей деревнѣ, и мы очень рѣдко видимся, но я всегда готовъ принять участіе во всемъ, чтó до нея касается. И такъ знакомство наше началось игрушками, катаньями въ саняхъ и забавами незрѣлаго возраста, а потомъ, укоренясь подвигами характера чувствительнаго, сдѣлалось неразрывнымъ содружествомъ, котораго я не нарушу во всю жизнь мою, будучи опытами удостовѣренъ, что изъ всѣхъ женщинъ, съ коими я былъ въ союзѣ пріязни въ молодости, нѣтъ ни одной, которая бы такъ сильно заставила меня помнить о себѣ съ благодарностью и уваженіемъ, какъ княгиня Марья Ильинишна Несвицкая.

Нестеровъ.

8-го Генваря. Василій Петровичъ, Владимирской помѣщикъ, человѣкъ характера самаго безпокойнаго и при томъ всегда почти пьяной. Онъ заставилъ меня испытать, что человѣкъ самой порядочной можетъ иногда безъ вины и нечаянно попасть въ непріятную исторію. Вотъ какой повстрѣчался между нами случай. Онъ женатъ былъ на родной сестрѣ моей нынѣшней жены, но я тогда женатъ былъ еще на первой. Объѣзжая, по званію губернатора, уѣздные города,

увидѣлъ вдругъ его у себя на поклонѣ. Онъ меня пригласилъ въ свою деревню. Я считалъ неприличнымъ отказать въ этомъ своему брату-дворянину и пріѣхалъ къ нему на ночлегъ; такъ расположенъ былъ мой путь. Гостей никого не было. Жена его я и мой секретарь составляли всю компанію. Между тѣмъ онъ, по часту отлучаясь въ кабинетъ съ какимъ-то приказнымъ, у него жившимъ, такъ напился пьянъ, что уже за ужиномъ всякому изъ насъ трезвыхъ было очень неловко. Послѣ стола онъ, къ чему-то вздорному придравшись, зачалъ мнѣ грубить и до того забылся въ выраженіяхъ, что я принужденъ былъ ночью отъ него уйти въ ближайшую деревню, гдѣ, по счастью, оставались мой статъ-экипажъ и люди, и, уже тамъ переночевавши, уѣхалъ. Сколько ни досадно мнѣ было, что я попался въ такую западню, однако я, изъ уваженія къ женѣ его, не хотѣлъ огласить этой исторіи, и скоро потомъ судьба сдѣлала насъ свояками. Это меня, однако, не сблизило съ нимъ нимало. Онъ не захотѣлъ извиниться передо мной въ своемъ безчинствѣ; я не почелъ себя обязаннымъ примириться съ нимъ, не видя отъ него никакого собственнаго къ тому расположенія. И такъ, хотя мы изъ пристойности видимся, но всегда обходимся какъ посторонніе люди, и я иначе къ нему не ѣзжу, какъ удостовѣренъ будучи, что его дома нѣтъ и что я найду одну свояченицу. Вотъ какъ нерѣдко, безъ малѣйшаго намѣренія худаго, навлечешь на себя большія непріятности.

Николаи.

12-го Февраля. Лишась первой жены моей, въ 12-е число Мая, и посвятя въ каждомъ мѣсяцѣ тоже число печальнымъ о ней воспоминаніямъ, съ молитвословіемъ о душѣ ея, я и въ этомъ собраніи лицъ привожу себѣ на память тѣхъ изъ нихъ, кои въ ближайшемъ были ко мнѣ по ней отношеніи, кромѣ тѣхъ же чиселъ въ иныхъ мѣсяцахъ, въ которые произошли событія, собственно имъ принадлежащія, и обращаютъ мысль мою на людей, съ ними въ непосредственной связи находившихся. Сегодня поговоримъ о г-нѣ Николаѣ.

M-r Nicolay былъ казначей государя Павла, во время его великокняжества, и современникъ моихъ веселыхъ дней

при дворѣ. Игравши комедію у Наслѣдника, я былъ знакóмъ со всѣмъ его штатомъ и искалъ въ каждой особѣ, его окружающей, благосклоннаго къ себѣ расположенія. Этотъ иностранецъ, титулованный тогда званіемъ барона, обходился со мной пріятельски и безъ чиновъ; знакомство мое съ нимъ продолжалось столько, сколько и театръ придворной: другой не было побудительной причины. Влюбясь въ дѣвицу Смирную, находившуюся при Ихъ Высочествахъ, которая потомъ сдѣлалась моей женою, я искалъ всякаго случая видѣться съ ней, и часто по вечерамъ ходилъ, послѣ ужина Великаго Князя, которой кончался очень рано, посидѣть еще къ господину Николаю. Евгенія моя прихаживала туда же къ женѣ его, и въ ихъ маленькомъ сообществѣ мы связывали потихоньку тотъ узелъ, которой потомъ соединилъ насъ въ одно тѣло и душу. По симъ-то свиданіямъ г. Николаи пребудетъ мнѣ памятенъ навсегда; впрочемъ, женясь, я скоро отсталъ отъ его знакомства, и съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ, вступя на престолъ, наградилъ кассира своего чинами и деревнями, нигдѣ уже съ нимъ не видался. Мнѣ довелось однажды какъ-то, во время Шведскаго похода, быть въ его Финляндскомъ помѣстьи, безъ него, и тамъ я съ часъ любовался на прекраснѣйшій утесъ надъ пространной водою, которой возобновилъ въ памяти моей баснословныя преданія о романическихъ событіяхъ, прославившихъ скалу Тарпеянскую (le rocher Tarpeyen) и скачекъ Левкада (le saut de Leucade). Это мѣсто, прекраснѣйшее во всей той области, принадлежитъ тому, кто никогда не имѣлъ никакой собственности и провелъ почти всю жизнь свою пересчитывая чужой капиталъ, да и то доколѣ Павелъ былъ Наслѣдникомъ, не очень широкой. Но чего не дѣлаетъ Фортуна, когда она кому-нибудь улыбнется!

Николай Павловичъ.

10-го Сентября. Великій Князь. Какъ еще онъ воспитывался подъ надзоромъ Ламсдорфа, я, будучи губернаторомъ, имѣлъ счастіе нѣсколько разъ представляться Его Высочеству и былъ удостоенъ благосклоннаго его пріема; но потомъ я уже не имѣлъ случая ни видѣть его, ни слышать

его бесѣды, и прежнія краткія минуты свиданія моего съ нимъ остались въ памяти, какъ лестныя эпохи въ жизни, которыя должны навсегда сохранить мѣсто въ воспоминаніяхъ моихъ: ибо я принадлежу еще къ тому вѣку, въ которой новомодная философія не научила людей почитать пустымъ преимуществомъ честь приближаться къ порфиророднымъ отраслямъ своихъ государей; да и племя Екатерины могло ли быть для Россіянина ея времени равнодушно?

Николева.

28-го Генваря. Не знаю ни имени, ни отечества, не видывалъ ея съ роду въ глаза. Знаю только то, что она Орловская помѣщица, и гдѣ теперь жива, или умерла, не вѣдаю. Какъ же она сюда попала? По самому странному случаю. Я одолженъ этимъ знакомствомъ, письменнымъ только, а не инымъ, моей поэзіи. Госпожа Николева полюбила мои стихи послѣ 1-го изданія оныхъ, что́ было довольно давно, слѣдовательно, во время и ея и моей молодости, изволила написать ко мнѣ посланіе въ стихахъ, въ которомъ чрезвычайно меня расхвалила. Оно было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“. Къ удивленію моему, прочелъ я нечаянно этотъ панегирикъ, выпущенной подъ знаменіемъ анонима. Долго не зналъ, какъ мнѣ поступить съ такимъ подаркомъ, рѣшился наконецъ на стихи отвѣчать стихами, не зная ни кому, ни куда ихъ адресовать. Видя, однако, что стихи писаны женщиной, сочинилъ ей свое привѣтствіе, поблагодарилъ за похвалу моей книги и, стараясь вывѣдать, съ кѣмъ я вхожу въ переписку, какъ поэтъ, изъявилъ горячее желаніе лично ее видѣть, ознакомиться съ ней, изустно возблагодарить, словомъ повергнуться къ стопамъ новой этой Сафо. Разумѣется, что восторгъ не пощадилъ выраженій и что все льстивое для самолюбія женщины-автора тутъ обильно было пролито изъ разгоряченнаго моего воображенія. Намѣреніе мое увѣнчалось успѣхомъ. Я свои стихи также напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“. По нѣкоторомъ и очень скоромъ времени, госпожа Николева написала ко мнѣ отвѣтъ въ прозѣ, прямо по почтѣ и, возблагодаря въ немъ за

мою взаимность, именовала себя настоящимъ своимъ именемъ, а потомъ принимая, какъ говорится, на чистыя деньги всѣ мои привѣтливости, приглашала меня въ Орловскую деревню, для начала между нами знакомства. Я тогда служилъ въ Соляной Конторѣ и не имѣлъ никакой надобности отлучаться и проситься въ отпускъ только для свиданія съ дамой, которую вовсе не зналъ. Путешествовать взадъ и впередъ до 800 верстъ показалось мнѣ дѣломъ слишкомъ страннымъ и необыкновеннымъ. Я долго колебался что̀ предпринять и рѣшился остаться дома, оставя сіе новое письмо безъ отвѣта. Съ тѣхъ поръ я объ ней ничего не слыхалъ и ни слова не получалъ. Такъ началось и кончилось наше знакомство. Оно въ одномъ родѣ съ такимъ же, которое я гораздо позже завелъ, и все таки въ Орлѣ, съ г-жею Болотниковой (см. литеру Б.), и донынѣ вотъ уже два года поддерживается постоянная переписка. Посланіе мое къ г-жѣ Николевой напечатано въ моихъ сочиненіяхъ 2-го и 3-го изданія подъ названіемъ: „Незнакомой въ уѣздѣ“. Такъ какъ я писалъ стихи не по иному какому побужденію какъ чтобъ нравиться женскому полу, ибо я во вселенной ничѣмъ кромѣ его не плѣнялся, то подобныя пріобрѣтенія были для меня очень лестны, и я съ признательностью вспоминаю всегда имя г-жи Николевой.

Новосильцова.

19-го Ноября. Варвара Филиповна. Знакомство пріятное моего юношества, о которомъ и донынѣ, уже состарѣвшись, мнѣ весело вспомнить; она была намъ нѣсколько родня. Отецъ ея, гипохондрикъ, посѣщалъ насъ довольно часто и всегда привозилъ ее съ собою. Въ старину люди жили простѣе и дружелюбнѣе, между родствомъ было болѣе связи и короткости. Въ то время сошелся и я нравомъ и свойствами съ сей милой дѣвушкой, которая одарена была отъ природы характеромъ любезнымъ и простодушнымъ. Видаясь часто въ круговенькахъ у родственниковъ, я свыкся съ ней, отличалъ ее отъ другихъ и любилъ проводить съ ней время. Тутъ не было ни страсти, ни огня геенскаго, ни безумныхъ восхищеній; одна чистая и непорочная пріязнь насъ сблизила. Вѣкъ

и нравы скоро перемѣнились, всякой изъ насъ, вышедши въ большой свѣтъ, проложилъ себѣ свою дорогу, и мы съ ней рѣдко уже стали видѣться. Обстоятельства удалили насъ другъ отъ друга еще болѣе, и теперь мы почти вовсе не видимся; но когда я вспоминаю первые дни молодости моей, я всегда встрѣчаю въ мысляхъ своихъ образъ наружной и любезность Варвары Филиповны, и не переставалъ ее любить донынѣ столько же, сколько я ее любилъ прежде. Таково свойство настоящаго чувства сердечнаго. Она вышла замужъ, имѣла дѣтей и теперь уже и бабушкой сдѣлалась. По болѣзненному своему состоянію и нервическимъ припадкамъ, живетъ, по большой части, далеко отъ Москвы, у разныхъ теплыхъ водъ, и я не надѣюсь уже гдѣ-либо съ ней встрѣтиться, но всегда съ удовольствіемъ объ ней вспомню.

Обольяниновъ.

4-го Ноября. Петръ Хрисанѳовичъ, генералъ-прокуроръ при Павлѣ. Онъ, не знавши меня въ лицо, но по внушеніямъ, какъ думать надобно, Мясоѣдова, съ которымъ былъ въ союзѣ дружбы, расположился ко мнѣ очень худо. При немъ, въ большое производство въ тайные совѣтники, я былъ обойденъ; я писалъ къ нему, онъ не отвѣчалъ, и во все время его барства я не удостоился никакого его вниманія. Прошли тѣ времена, Александръ вступилъ на престолъ. Обольяниновъ сталъ жить въ Москвѣ, въ отставкѣ, и сдѣлался, послѣ многихъ предварительныхъ оскорбленій, губернскимъ предводителемъ Московской губерніи. По прежнимъ отношеніямъ перваго мужа жены моей, она обязана была ему нѣкоторой благодарностью за покровительство и ласки, оказанныя имъ Пожарскому, когда онъ, по провіянтскому штату, зависѣлъ отъ него. Я долго не хотѣлъ съ нимъ знакомиться, помня худые его поступки со мной; но дабы жена не обвинялась неблагодарностью, для нея единственно рѣшился къ нему ѣздить и нечаянно сдѣлался съ нимъ знакомъ. Онъ меня принималъ вѣжливо, ласково, посѣщалъ и самъ, не вспоминая ничего прежняго, записалъ меня въ дворянскую книгу, далъ мнѣ чу-

гунную медаль, при письменномъ видѣ, и оказался противъ меня совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Такъ-то несчастіе собственное исправляетъ человѣческіе нравы! Но сколько бы я ни былъ имъ обласканъ и знакóмъ съ нимъ, я никогда не забуду, что, будучи силенъ у двора, онъ допустилъ Государя, имѣвшаго къ нему полную довѣренность, обойти меня чиномъ и тѣмъ публично обидѣть, не имѣя на то никакой причины.

Обрѣзкова.

26-го Іюля. Жена сенатора и совершеннѣйшая красавица. Служба въ Володимерѣ доставила мнѣ случай узнать ее съ выгодной стороны, и я не забуду хорошихъ поступковъ ея съ нами. Мужъ ея наряженъ былъ нѣкогда ревизовать нѣсколько низовыхъ губерній, между прочими поручено было ему осмотрѣть и Владимирскую по пути. Онъ къ намъ пріѣхалъ на Масляницѣ и всю эту бѣшеную недѣлю провелъ въ Володимерѣ. Будучи добръ, но горячъ, скоръ, брюзгливъ и немножко спѣсивъ, онъ, въ часы гнѣва и досады, готовъ былъ погубить человѣка ни за чтó: трудно было съ нимъ ладить. Я съ молоду съ нимъ былъ знакóмъ, но время перемѣнило наши отношенія: онъ меня ревизовалъ, а я давалъ ему отчетъ. Самъ по себѣ я не могъ бояться его опрометчивости, но жаль было нисшихъ чиновниковъ, на которыхъ онъ кидался, какъ разъяренный тигръ. Жена его смягчала всѣ сіи порывы, выработывая нравъ его дома, и много удержала неблагопріязненныя его намѣренія, о которыхъ самъ бы онъ послѣ сталъ сожалѣть. Въ этомъ смыслѣ я долженъ г-жѣ Обрѣзковой отдать большую и полную справедливость. Всю масляницу она провела съ нами и, по милости ея, она была очень пріятна. Мужъ и жена принимали насъ къ себѣ, ѣзжали къ намъ. Я могу припомнить такіе милые вечера, какими не всегда пользуется Московской обыватель въ большомъ свѣтѣ. Штатъ Обрѣзкова наполненъ былъ людьми молодыми, благовоспитанными и лучшаго поведенія. Утро посвящалось ревизіи и всѣмъ ея сраженіямъ, а въ вечернія круговеньки мы игрывали въ курочку, читывали стихи и сочиняли на скорую руку; словомъ, во всю мою десятилѣтнюю

жизнь въ Володимерѣ я не могу вспомнить времени, которое бы я провелъ веселѣе ихъ пребыванія. Наконецъ, имъ жаль было разставаться съ нами, а намъ съ ними. Съ этого времени я преисполненъ уваженія къ г-жѣ Обрѣзковой, какъ къ женщинѣ добродушной, благонравной и очень пріятной въ короткомъ обществѣ. Послѣ сей ревизіи мы получили повальное благоволеніе отъ двора, но никто не былъ отличенъ никакой наградой; полно и того, что никто не сдѣланъ несчастливъ, и все миновалось крутыми выговорами, шумомъ и досадой. Что́ до меня лично принадлежитъ, то мнѣ остается хвалиться вниманіемъ и разборчивой ихъ лаской. Кто читаетъ отъ скуки или безсонницы мои стихи, тотъ въ нихъ найдетъ два привѣтствія, сочиненныя въ честь г-жѣ Обрѣзковой, въ самое то время, о которомъ я здѣсь пишу и которое съ удовольствіемъ воспоминаю.

Обухова.

8-го Апрѣля. Катерина Ивановна. Смѣшной случай сдѣлалъ ее для меня навсегда памятной; не знаю, такъ ли помнитъ она меня. Мы были оба еще въ ребячествѣ; при ней жила мадамъ, при мнѣ учитель. На Лубянкѣ, у Введенія, вѣнчали Полуехтова на Аргамаковой. Невѣста была нашему дому знакома; меня отпустили смотрѣть свадьбу. Въ церкви мы повстрѣчались съ Обуховой. Долго ли ребятамъ подружиться? Мы тотчасъ сдѣлались такъ коротки, что разсудили вѣнчаться сами. Иноземцы наши между собой заговорились, а мы между тѣмъ стали за новобрачными и также, какъ они, помѣнялись кольцами. Во время шествія вѣнечнаго кругъ аналоя пошли и мы двое за ними. Тутъ наши мусье и мадамъ насъ схватили и развели; дома нашли у меня на рукѣ перстенекъ. На вопросъ, гдѣ я его взялъ, я сказалъ откровенно, что мнѣ подарила его моя невѣста, и что я обмѣнялся своимъ. За такую дѣтскую шалость меня высѣкли; думаю, что и невѣстѣ не сошло съ рукъ. Вотъ все наше знакомство. Страннѣе всего то, что я уже состарѣлся и нигдѣ во всю жизнь мою болѣе сего одного раза не встрѣчался съ нею. Это чуднѣе

самаго происшествія, которое до нынѣ такъ мнѣ памятно, какъ будто бы оно произошло только вчера. Чего не сдѣлаютъ дѣти, подстрекаемыя натурой и примѣромъ!

Одоевскія.

29-го Апрѣля. Двѣ княжны, дочери князя Александра Ивановича и внучки родныя по матери нашего командира, старика Вадковскаго. Будучи офицеромъ гвардіи, я къ нимъ былъ въѣзжъ въ домъ и принятъ на пріятельской ногѣ. Княжны были молоды, умны и пригожи: сколько причинъ привязаться къ ихъ обществу! Я и не урѣжалъ въ ономъ. Послѣ осиротѣвши, когда мать ихъ скончалась, Государь Павелъ, изъ особеннаго благоволенія къ ихъ дядѣ и своему любимцу, пригласилъ ихъ на житье въ Павловское. Тамъ и въ Гатчинѣ я пользовался ихъ знакомствомъ, но никогда не былъ влюбленъ ни въ ту, ни въ другую, хотя старшая была прекрасна собой, меньшая гораздо острѣе. То время есть благополучнѣйшая эпоха въ моей жизни: всѣ, съ кѣмъ я былъ тогда знакóмъ, живутъ и будутъ вѣчно жить въ памяти моей. Одоевскія имѣли на то сугубое право, потому что дѣдъ ихъ былъ нашего полка начальникъ, они жили въ ономъ, и я также: слѣдовательно, все способствовало пріятному между нами отношенію. Соскучусь ли я, бывало, одинъ дóма: куда дѣваться? Бѣгу къ Одоевскимъ. Грустно ли станетъ о чемъ: гдѣ разсѣять мрачныя мысли? Опять къ Одоевскимъ. Женясь на Смирной, я и ее съ ними ознакомилъ. Онѣ часто къ намъ ѣзжали проводить вечера: игры, рѣзвости и пляски оживотворяли сіи невинныя круговеньки, и онѣ часто мнѣ на память приходятъ.

Остерманъ.

5-го Марта. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ, почтенный старикъ, которымъ я въ молодости былъ обласканъ болѣе, нежели того стоилъ. Онъ, при первомъ моемъ появленіи въ свѣтѣ изъ школъ университета, ободрилъ меня своимъ вниманіемъ и похвалами, будучи сенаторомъ и во второмъ классѣ, принялъ меня въ домѣ своемъ, какъ родственника, оказывалъ,

въ нужныхъ случаяхъ, свое покровительство, снабжалъ рекомендаціями къ уважительнымъ лицамъ въ Петербургѣ, а иногда удостоивалъ меня и самъ своими письмами. Я нѣкоторыя сохранилъ до нынѣ. Въ первой разъ, когда я къ нему пріѣхалъ съ почтительнымъ визитомъ, онъ меня принялъ въ своемъ кабинетѣ и, будучи одинъ, съ благородной откровенностію сказалъ мнѣ слѣдующее: „Наши предки всегда ссорились, и междуусобія ихъ у двора были причиной ссылокъ и ужаснѣйшихъ бѣдствій для вашего и нашего рода; намъ, потомкамъ, надлежитъ это забыть, и прежнія раны уврачевать дружелюбнымъ между собою обращеніемъ“.

Онъ оправдалъ сіе признаніе опытами доброжелательства. Я никогда этихъ словъ его не забуду. Онъ умеръ, но я съ почтеніемъ всегда воздамъ честь и похвалу его имени и добродѣтельному подвигу благороднаго сердца. Чтó можетъ быть лестнѣе для юноши вниманія преклоннаго старца, заслужившаго полезными трудами уваженіе своего времени и соотчичей? Нынѣ это уже ничего не значитъ, но я воспитанъ по старинному и привыкъ дорого цѣнить подобные поступки.

Остолоповъ.

26-го Сентября. Стихотворецъ, котораго я совсѣмъ не знаю. Онъ любитъ словесность и выдалъ книжку своихъ сочиненій; его имя и труды извѣстны въ нашей литературѣ. О немъ особенно упомянуть я здѣсь обязанъ потому, что онъ адресовалъ мнѣ посланіе въ стихахъ по случаю оды моей на „Невинность“, въ которомъ далеко за предѣлы заслугъ моихъ меня выхвалилъ. Я поставилъ долгомъ вѣжливости отблагодарить его и написалъ посланіе къ нему въ стихахъ, которое напечатано сперва въ журналѣ, потомъ и въ собраніи моихъ сочиненій. Въ этомъ состоятъ всѣ мои съ нимъ отношенія.

Офренъ.

30-го Іюня. Актеръ Французскаго императорскаго театра при Екатеринѣ. Игравши самъ комедію, я былъ подъ руководствомъ его въ труппѣ принцессы Барятинской и, тамъ съ нимъ познакомясь, ходилъ брать уроки мимическаго искусства. Онъ меня полюбилъ, нашелъ во мнѣ способность

подражательную и, примѣрно обучая представлять разныя роли, довелъ до того, что я мастерски перенималъ его голосъ, ухватки, игру и вообще всю его дикцію или произношеніе. Сходство съ нимъ произвело ту славу, которую я стяжалъ въ молодости на всѣхъ благородныхъ театрахъ. Офренъ самъ иногда, запершись со мной въ одной горницѣ, заставлялъ въ другой жену свою отгадывать, кто изъ насъ какую роль читаетъ, и та нерѣдко ошибалась. Сенаторъ Стрекаловъ, управлявшій придворными увеселеніями, увидя меня однажды на сценѣ, сказалъ мнѣ: „Жаль мнѣ, что вы князь Долгорукой; а то бы я вамъ далъ тотчасъ четыре тысячи жалованья и принялъ ко двору“. Имѣя дѣйствительно натуральную склонность къ театру и охоту, я много обязанъ Офрену за тѣ успѣхи, коими пользовался и кои наполнили многіе дни жизни моей живѣйшими удовольствіями.

Офросимовъ.

6-го Сент. Павелъ Аѳанасьевичъ. Не имѣя съ нимъ никакого особеннаго знакомства или связи, я нашелся, по милости его, нѣкогда въ затруднительнѣйшемъ положеніи, изъ котораго Богъ меня вывелъ самымъ пріятнымъ образомъ для меня и выгоднымъ для него. Я былъ губернаторомъ въ Володимерѣ. Вдругъ, однажды, является онъ ко мнѣ, прискакавши безъ памяти изъ Москвы, просить, чтобъ я избавилъ его отъ бѣды. Въ чемъ она состояла? Онъ, не имѣя никакого понятія о своихъ дѣлахъ, хотя былъ уже пожилыхъ лѣтъ человѣкъ и въ отставкѣ генералъ-маіоромъ, при продажѣ какого-то имѣнія своего въ Володимерской губерніи, продалъ чужія пустоши и попалъ въ самой жестокой процессъ съ номѣщикомъ тамошнимъ, Лифляндскаго происхожденія, которой, не любя шутить ни деньгами, ни собственностью, принялся за него очень круто. Надобно было старику помочь и вывести изъ этого лабиринта. Я принужденъ былъ номѣщика къ себѣ выписать, вошелъ съ нимъ въ переговоры, упросилъ помириться, бросить дѣло и кое-какъ, не безъ тягости и труда, успѣлъ кончить ихъ споръ такъ, что Офросимовъ,

заплатя нѣкоторую сумму за свою неосторожность, возвратился покойно въ Москву. Кромѣ сего случая мнѣ не доводилось нигдѣ имѣть съ Офросимовымъ ни встрѣчи, ни знакомства; да и послѣ отставки моей онъ довольно холодно со мной обошелся. Дѣло не новое между людьми въ большомъ свѣтѣ! За то сыновья его сугубо вознаградили меня, вмѣсто отца, поступками своими. Будучи мало знакомы со мной, они всѣ пріѣхали навѣстить насъ, когда дочь моя меньшая скончалась, и гробъ ея вынесли изъ дома на рукахъ своихъ. Я никогда этого не забуду и во всю жизнь мою сохраню къ нимъ живѣйшую благодарностью за сей опытъ благороднаго чувства и сострадания ко мнѣ.

Павелъ.

23-го Октября. Архимандритъ Данилова монастыря въ Переславлѣ и ректоръ Владимирской семинаріи. По несогласію съ архіереемъ и болѣзненнымъ припадкамъ, онъ уже мало обучалъ, а жилъ уединенно въ своей обители и занимался науками, до которыхъ онъ былъ охотникъ и во многихъ свѣдущъ. Я его любилъ съ уваженіемъ къ блистательнымъ его дарованіямъ, кои хотя потемнены были слабостію, столь многимъ духовнымъ лицамъ, къ несчастію, свойственною, однакожъ должно и по смерти отдать ему справедливость, что онъ былъ краснорѣчивѣйшій проповѣдникъ своего времени. Многія проповѣди его заслуживаютъ особенное вниманіе. Во время службы моей въ той сторонѣ, бывая иногда въ Переславлѣ, я всегда его навѣщалъ и люблю вспоминать даже теперь наши бесѣды, въ хорошій лѣтній вечеръ подъ липами, гдѣ, на простыхъ скамейкахъ, оба, сидя рядомъ и бросая взоръ на озеро и всѣ окрестности Переславскія, мы съ нимъ вдавались въ глубокія размышленія. Онъ говорить умѣлъ не объ одной Богословіи; мы часто вступали въ философскіе диспуты и въ поляхъ словесности пожинали пріятные цвѣты. Онъ выученъ былъ иностраннымъ языкамъ и читывалъ лучшихъ авторовъ Французскихъ; разговоръ его плѣнялъ меня совершенно. Я съ нимъ велъ переписку, и когда онъ скончался, то я, изъ особеннаго усердія къ его

талантамъ, велѣлъ поставить на гробъ его памятникъ съ надписью: „Мертвому Смертной“. Сей камень еще и нынѣ надъ нимъ существуетъ, и я, бывая тамъ случайно, всегда захожу пропѣть надъ нимъ духовные наши гимны и помолиться Творцу Неба о дарованіи душѣ его вѣчнаго блаженства.

Павелъ.

12-го Марта. Императоръ Всероссійской. При имени семъ такъ много мнѣ приходитъ на мысль разныхъ воспоминаній, и горестныхъ, и сладкихъ, что я, въ огромной смѣси ихъ, не знаю, чѣмъ начать и за что́ особенно приняться. Прежде всего скажемъ, какъ я сдѣлался ему извѣстенъ.

Будучи Великимъ Княземъ, онъ жилъ довольно скучно въ своихъ загородныхъ дворцахъ, разумѣется, лѣтомъ; осень преимущественно проводилъ онъ въ Гатчинѣ. Любезенъ, уменъ, насмѣшливъ, онъ не чуждался общества, охотникъ былъ до театра и всякой забавы. Разсудилось нѣкогда супругѣ его дать ему сюрпризъ, для котораго назначено было сыграть въ Павловскѣ драму Французскую: „L' honnête Criminel“. Никто изъ придворныхъ душистыхъ кавалеровъ не хотѣлъ играть роли старика отца въ 90 лѣтъ. Всякой изъ нихъ боялся, чтобъ съ одѣяніемъ вмѣстѣ не пристала къ нему и старость персонажа. Надобно было прибѣгнуть къ городскимъ артистамъ; въ ихъ сословіи я болѣе всѣхъ тогда отличался театральнымъ искусствомъ, и меня завербовали. Я привезенъ въ Гатчину (это было въ Сентябрѣ) и недѣлю прожилъ подъ спудомъ, въ покояхъ тамошняго управителя Бенкердорфа (см. лит. Б); въ день представленія меня выпустили. Я сыгралъ удачно свою ролю, пропѣлъ потомъ куплетъ въ оперѣ и протанцовалъ въ балетѣ. Это привлекло мнѣ вниманіе публики и Ихъ Высочествъ. Послѣ театра я призванъ во дворецъ и съ того числа сдѣлался обывателемъ онаго. Великій Князь пригласилъ меня ѣздить къ нему, когда хочу; по времени эта милость распространилась далѣе и далѣе, и я въ самомъ городѣ удостоенъ былъ чести ѣздить на вечера къ Его Высочеству въ маленькой его кругъ, а, сверхъ того, единожды навсегда приглашенъ на всѣ его балы, городскіе

и загородные на Каменномъ острову. Во всѣхъ катаньяхъ придворныхъ имѣлъ участіе; не было зрѣлища между благородными на сценѣ, въ которомъ бы я не имѣлъ употребленія. Такимъ образомъ я съ годъ посѣщалъ Великаго Князя и всегда отмѣнно былъ взысканъ его милостію. Иногда онъ серживался на меня за то, что я лѣнился выѣзжать верхомъ на его парады и манёвры, которые происходили часа въ три утра. Я тогда, утомясь отъ репетиціи или рѣзвости вечерней, любилъ спать и не разбиралъ, кстати ли оставлять слабости сна для того, чтобъ, въ угодность будущему Монарху, смотрѣть, не понимая ничего въ военномъ искусствѣ, какъ солдаты мѣрятъ ногами обширныя равнины и машинально движутся нѣсколько часовъ сряду. Я худой былъ всегда политикъ. Но такія минутныя досады Государя скоро проходили: хорошая сцена на театрѣ меня съ нимъ мирила, и онъ опять становился ко мнѣ милостивъ. При всемъ томъ, однакожъ, убѣдясь приличьемъ, я принудилъ себя раза два быть на манёврѣ, и замѣтилъ, что это очень понравилось Государю. Смотря по духу, въ какомъ онъ находился отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, я имѣлъ при немъ и восхитительныя и черствыя минуты; но первыя, встрѣчаясь чаще, вознаграждали за послѣднія, когда ихъ миновать было невозможно. Такъ проходило мое время, пока я былъ еще холостъ. Скоро я влюбился въ дѣвицу Смирную; дошло дѣло до сватанья. Я открылся Великому Князю. Онъ милостиво вошелъ въ посредство, соизволилъ дать свое согласіе на мою женидьбу и, получа такое же отъ родителей моихъ, я помолвилъ. Тутъ я еще сдѣлался короче въ покояхъ Великаго Князя и могъ входить къ нему, когда хотѣлъ. Первой мой приватной визитъ въ его кабинетъ не забвенъ остался въ памяти моей. Когда я объявилъ, что получилъ благословеніе родителей моихъ на бракъ, Государь съ удовольствіемъ пожаловалъ меня къ рукѣ, потомъ обнялъ меня и съ полчаса бесѣдовалъ о важности супружества, давалъ мнѣ полезнѣйшія наставленія, и послѣ, отпустя нѣсколько шутокъ на счетъ новой моей участи, простился со мной, повторя свои объятія. Все это меня обольстило до крайности: я думалъ, что нѣкогда буду первой ею любимецъ. Во время моего женихова

состоянія, я получилъ подарокъ, состоящій въ брилліантовомъ перстнѣ съ вензелемъ Государя. Ихъ роздано было девять всѣмъ тѣмъ обоего пола актерамъ, кои забавляли Ихъ Высочества; дамамъ даны были вензеля Государыни, а намъ его; перстни были всѣ безъ различія одной формы и цѣны. Мы получили ихъ самымъ пріятнымъ образомъ. Тогда появился въ Питерѣ фокусъ-покусникъ отличнаго проворства. Государь потребовалъ его къ себѣ; онъ при насъ разыгрывалъ свои штуки и выпустилъ девять щегленковъ, изъ коихъ каждой сѣлъ прямо на плечо къ тому, къ кому онъ несъ во рту подарокъ. Я такъ крѣпко отъ радости сжалъ бѣдную птичку въ рукахъ, что она въ нихъ лишилась жизни и, надѣвъ перстень, бросился, вмѣстѣ съ прочими, благодарить Ихъ Высочества: не трудно было отгадать, что эта ласка происходила отъ нихъ. Наконецъ я женился. Это случилось во время путешествія Екатерины въ Крымъ, зимой, 31-го Генваря. Свадьба самымъ торжественнымъ образомъ совершена на Каменномъ острову, гдѣ данъ парадной балъ для всего города и великолѣпный ужинъ. Послѣ того милости государевы продолжались къ намъ обоимъ въ одинаковой и той же силѣ. Пріѣздъ къ нимъ остался для насъ свободенъ во всякое время; также игрывали комедіи и живали въ Павловскомъ. Однажды, разговорясь о недостаткахъ нашихъ со стороны Фортуны, Великій Князь изволилъ мнѣ сказать Нѣмецкую пословицу: „Kommt Zeit, kommt Rath,“ т.-е. „Придетъ пора, придетъ и совѣтъ.“ Можно ли было изъ сихъ обиняковъ отгадывать все то, что́ происходило со мною послѣ? Недостатокъ понудилъ меня оставить Петербургъ, и я вышелъ въ отставку бригадиромъ, а тамъ скоро опредѣленъ въ вице-губернаторы въ Пензу. Съ той поры перемѣнилось съ нами обращеніе Великаго Князя. Когда я откланивался ему, уже замѣтилъ въ немъ холодную сухость; разлука исполнила мои догадки. Между тѣмъ узналъ онъ о моихъ Пензенскихъ дурачествахъ, кои ему совсѣмъ были иначе перетолкованы: надули ему въ уши, что я приверженъ къ Французской революціи и такъ взволновали его воображеніе на мой счетъ, что онъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ, выгналъ меня изъ службы; скоро потомъ хотя произвелъ и

опредѣлилъ опять къ должности, но не туда, куда я хотѣлъ. При первомъ производствѣ меня обошелъ. Во все его царство я не имѣлъ никакого знака его къ себѣ вниманія, ни я, ни жена моя, которая за меня и мои погрѣшности весьма невинно страдала; но разсудокъ Павла былъ уже потемненъ, сердце наполнено жолчи и душа гнѣва. И такъ я считалъ себя еще очень счастливымъ, что онъ меня совсѣмъ забылъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сѣлъ на престолъ, я уже не имѣлъ чести ни говорить съ нимъ, ни быть у него иначе, какъ по церемоніальному обряду, на ряду со всѣми и безъ малѣйшаго отличія; за то пока онъ былъ Наслѣдникомъ, иговаривалъ съ нимъ, и шутилъ, и рѣзвился невозбранно. Однажды, при Потемкинѣ, металъ съ нимъ въ воланъ, и разъ до 500 ударили оба въ ракетки; а сколько игрывалъ въ свайку, въ жмурки и во все! Можно нѣкоторыя черты привольнаго моего тогдашняго житья замѣтить въ напечатанныхъ моихъ стихахъ подъ названіемъ: „Везётъ“. Самому ему я никогда не подносилъ стиховъ и не сочинялъ ни для него, ни объ немъ, вынося съ терпѣніемъ, молча, оборотъ моихъ обстоятельствъ у его Двора. Таковы были мои отношенія къ этой самодержавной особѣ, доколѣ она не носила этого названія, и хотя много сдѣлалъ мнѣ зла Павелъ, однако я никогда не забуду прежнихъ милостей его къ себѣ, благосклоннаго обращенія, щедротъ, оказанныхъ женѣ моей при составленіи ей приданаго, на которое, сколь оно было, впрочемъ, ни бѣдно, онъ принужденъ былъ занимать деньги, не имѣя оныхъ въ достаточномъ количествѣ самъ для себя; а паче не забуду, доколѣ живъ, той послѣдней милости, которой онъ облагодѣтельствовалъ насъ, согласясь быть отцомъ крестнымъ нашего первенца и давъ ему свое имя. Онъ самъ принималъ его отъ купели и дарами своими ущедрилъ родителей младенца. Все сіе останется въ памяти моей и переживетъ праведное негодованіе, которое онъ возбудилъ во мнѣ послѣ худыми его съ нами поступками. Простимъ ихъ слабости человѣка омраченнаго и потерявшаго почти разсудокъ; но воспоминаніе тѣхъ счастливыхъ дней, коими очарованъ я былъ при дворѣ его, наведетъ на чело мое пріятнѣйшую улыбку даже и тогда, какъ всѣ чувства мои оставлять меня будутъ.

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный 90 к.; иногородняго на городской 50 к. (по цѣнамъ Почтамта).

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**

XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

О ПОДПИСКѢ НА 1890 ГОДЪ

НА

литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ выходитъ безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библіографія. 6) **Корреспонденціи.**

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, Радда-Бай, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)** и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ. Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, И. П. Минаевъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ** и др.

ИНОСТРАННЫЕ СОТРУДНИКИ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), М. де-Вогюэ (Melchior de-Vogüé), Г. Вельшингеръ (Henri Welschinger), Г. Аликсъ (Gabriel Alix), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Г. Джемсъ (Henry James), Ж. Симонъ (Jules Simon), В. Стэдъ (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

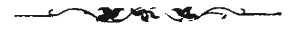
	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 „ — „	8 „ 50 „
Съ пересылкой иногороднымъ ..	17 „ — „	9 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Тверской бульваръ, домъ Зыкова, № 46,** въ книжныхъ магазинахъ: *Новаго Времени*, Вольфа, Оглоблина (въ Кіевѣ), въ конторѣ Н. Печковской и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

При перемѣнѣ адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.

Издатель **Н. Боборыкинъ.** Редакторъ **князь Д. Цертелевъ.**

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Біографическій очеркъ.

Трагическая судьба Рылѣева давно сдѣлала извѣстнымъ его имя. Теперь, когда отъ времени его жизни и дѣятельности насъ отдѣляютъ три четверти столѣтія, для него наступила, кажется, пора нелицепріятнаго и безстрастнаго суда исторіи. Рылѣевъ, по вѣрному выраженію поэта, былъ «жертвой мысли безразсудной», мысли незрѣлой, которая, при отсутствіи опыта и знаній, увлеченная готовыми теоретическими умствованіями, дошла до необузданнаго своеволія и привела поэта къ позорной казни. Но о Рылѣевѣ, какъ преступникѣ, можно сказать словами Шекспира:

Преступленья
Не запятналъ онъ низостью души.

Самъ императоръ Николай Павловичъ, карая Рылѣева за его преступленія, отдавалъ справедливость его высокимъ душевнымъ качествамъ. Показать, какъ изъ пылкаго къ добру и горячаго юноши, уже успѣвшаго заслужить Высочайшее вниманіе своей службой отечеству, Рылѣевъ дошелъ до незавидной роли политическаго агитатора, возмущающаго безсмысленную толпу, какъ потомъ онъ глубоко и горько покаялся въ своихъ заблужденіяхъ—вотъ задача для его біографа. Какъ умѣли, мы старались ее выполнить въ предлагаемомъ очеркѣ.

I.

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ родился въ 1795 году [1]). У его отца, Ѳедора Андреевича было и раньше нѣсколько дѣтей, но всѣ они умирали маленькими. Поэтому, когда родился Рылѣевъ, рѣшено было послѣдовать старинному Русскому повѣрью: взять въ воспріемники новорожденному перваго встрѣчнаго. Такимъ образомъ Рылѣева крестилъ какой-то отставной солдатъ съ нищей. Отъ своего крестнаго отца и унаслѣдовалъ поэтъ имя Кондратія [2]).

Отецъ Рылѣева, бригадиръ Екатерининскихъ временъ, былъ человѣкъ чрезвычайно - строгій, суровый, до крайности властолюби-

[1]) О годѣ рожденія Рылѣева долго велись споры между гг. Ефремовымъ и Кропотовымъ; но теперь на основаніи свидѣтельствъ отца и матери достовѣрно стало извѣстно, что онъ родился 18 Сентября 1795 г. См. Рус. Ст. т. XIV, стр. 70—74.

[2]) Русск. Ст. 1872 г. т. VI, стр. 603.

вый, крутой съ крестьянами и дворовыми. Онъ былъ крутъ и со своей семьей и, говорятъ, доходилъ до того, что жену свою Анастасію Матвѣевну, ур. Эссенъ, сажалъ въ погребъ въ родовой Рылѣевской деревнѣ Батовой. Что̀ касается до сына, то за малѣйшія шалости, вполнѣ извинительныя для ребенка, его ожидали жестокія наказанія розгами. Можетъ-быть, такова была система воспитанія у Ѳедора Андреевича; но, кажется, что онъ и вообще не питалъ особенной нѣжности къ своему сыну. Напримѣръ, впослѣдствіи, уже будучи въ корпусѣ, молодой Рылѣевъ обращался къ нему съ откровенными признаніями, ища въ немъ себѣ опоры: отецъ съумѣлъ отвѣчать ему только черствымъ выговоромъ, что онъ «для того и повторяетъ о сердечныхъ чувствованіяхъ, что сердце его занято одними деньгами» [3]). Помѣстивъ сына въ корпусъ, Ѳедоръ Андреевичъ отложилъ о немъ всякія попеченія. «Вотъ уже почти три года», пишетъ ему Рылѣевъ 17-го Декабря 1812 года, «какъ не имѣю я о васъ никакихъ извѣстій. Много писалъ писемъ, но не получалъ на оныя ни одного отвѣта. Конечно, болѣзнь или какое-нибудь другое злосчастное обстоятельство, думалъ я, вамъ то воспрещаетъ; старался освѣдомиться о васъ, былъ у генерала Сергѣева, который принялъ меня, какъ роднаго, и успокоилъ въ разсужденіи васъ. Послѣ его отбытія спѣшу писать къ вамъ; но тщетно, отвѣта нѣтъ! Я рѣшился не писать до тѣхъ поръ, пока точно не узнаю, гдѣ вы находитесь; не писалъ болѣе года, но нужда снова принудила меня взяться за перо» [4]). При такомъ холодномъ невниманіи Ѳедора Андреевича, если Рылѣевъ и сохранилъ къ нему навсегда должную почтительность и уваженіе, то этимъ онъ былъ обязанъ своей матери, Анастасіи Матвѣевнѣ, женщины кроткой, мягкой и обладавшей, повидимому, большимъ тактомъ, который и помогалъ ей ослабить хоть нѣсколько дурное вліяніе на ребенка семейныхъ неурядицъ.

Какъ-бы то ни было, дѣтство Рылѣева протекало при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, подъ двумя различными вліяніями: нерѣдко незаслуженною строгостью отца и ласкою матери. Рылѣевъ отъ природы былъ мальчикомъ чрезвычайно живымъ, бойкимъ, веселымъ, любившимъ пошалить и побаловаться, смѣлымъ и очень отважнымъ. И эта живость нисколько не убавилась отъ крутаго обращенія съ нимъ. Строго наказываемый отцомъ и тотчасъ-же ласкаемый матерью, онъ продолжалъ свои шалости, и наказанія, вмѣсто того, чтобы смирить его, выработать изъ него вялаго, нерѣшительнаго и робкаго ребенка, развивали въ немъ еще болѣе природную настойчивость,

---

[3]) Русск. Ст. т. XIV, стр. 71—72.

[4]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 224—225.

переходившую нерѣдко въ упорство. Эта настойчивость вмѣстѣ съ унаслѣдованной отъ матерью впечатлительностью, способностью сильно чувствовать и отзывчивостью, были отличительными свойствами Рылѣева и впослѣдствіи.

Такъ, подъ двумя различными вліяніями, мало-по малу складывался характеръ Кондратія Ѳедоровича. А между тѣмъ годы шли, и близилось то время, когда надо было подумать объ его образованіи. Для Анастасіи Матвѣевны это былъ удобный случай, чтобы избавить его отъ жестокостей отца. Что́ касается до выбора, то онъ не могъ затруднять Рылѣевыхъ. Въ дворянскихъ семьяхъ того времени твердо вкоренилось убѣжденіе, что никоимъ образомъ нельзя обойти государственной службы. Только она одна доставляла молодому человѣку нѣкоторое положеніе въ обществѣ, а несостоятельному помимо того и извѣстное обезпеченіе. Дипломатическое поприще было доступно не всѣмъ, и потому большинство дворянъ служило въ военной службѣ. Выборъ родителей палъ на первый кадетскій корпусъ, имѣвшій за собой блестящее прошедшее. Туда и былъ принятъ Рылѣевъ 23 Января 1807 г. [5]).

II.

Сухопутный шляхетный корпусъ, переименованный впослѣдствіи въ первый кадетскій, былъ основанъ еще въ правленіе императрицы Анны, въ 1731 году, и долженъ былъ въ первые годы своего существованія доставлять «исправныхъ офицеровъ», годныхъ для военной службы. Тогда дворяне только что достигли своего давнишняго желанія и избавились отъ обязательной службы въ нижнихъ чинахъ. Для полученія офицерскаго званія требовалось однако извѣстное подготовительное образованіе. Это образованіе и можно было получать въ корпусѣ. Съ теченіемъ времени значеніе заведенія нѣсколько расширилось. Въ уставѣ императрицы Екатерины 1766 года оно уже называется «училищемъ знатныхъ гражданъ». Сдѣлать человѣка здоровымъ и способнымъ сносить воинскіе труды и украсить сердце и разумъ дѣлами и науками, потребными гражданскому судьѣ и воину, возрастить младенца здороваго, гибкаго и крѣпкаго и вкоренить въ душѣ его спокойствіе, твердость и неустрашимость—вотъ тѣ задачи, которыя ставила Импера-

---

[5]) По справкамъ, наведеннымъ г. Кропотовымъ въ архивахъ корпуса, значится, что Рылѣевъ былъ принятъ туда 23 Января 1801 г. (см. Русск Ст. т. VI, стр. 603—601). Но такъ какъ теперь доказано, что годъ его рожденія 1795-й, то мы приняли за вѣрное догадку г. Ефремова, что, вѣроятно, въ спискахъ корпуса ошибочно поставленъ 1801 г. вмѣсто 1807-го (см. Рус. Ст. т. XIV стр. 70). А. С.—А малолѣтное отдѣленіе? П. Б.

трица корпусу въ новомъ уставѣ. Къ сожалѣнію, уставъ остался только уставомъ; ибо «безъ хорошихъ воспитателей, какъ гласитъ уставъ, тщетны всѣ предписанія», а воспитателей-то у насъ и было мало. Ко времени поступленія въ корпусъ Рылѣева, учрежденіе это значительно ухудшилось благодаря новому начальнику, генералъ-маіору Клингеру.

Клингеръ [6]) вступилъ въ свою должность еще въ 1801 году и занималъ ее до 1820 года. Какимъ педагогомъ онъ былъ, можно судить уже потому, что кадеты называли его «бѣлымъ медвѣдемъ» и считали за наказаніе являться къ нему съ рапортомъ: такъ угрюмо и сурово принималъ онъ ихъ. Заключившись въ своемъ кабинетѣ, онъ все время посвящалъ ученымъ занятіямъ, а въ часы отдыха обучалъ своихъ любимыхъ собакъ скакать черезъ палку. Кромѣ утра, когда одинъ изъ нихъ являлся къ нему съ рапортомъ, Клингеръ не видалъ кадетъ. Очень рѣдко по какому нибудь особому случаю посѣщалъ онъ классы. «Послѣ кроткаго и отеческаго управленія графа Ангальта время Клингеровскаго управленія корпусомъ—пишетъ одинъ изъ воспитанниковъ корпуса—можно безъ преувеличеній назвать временемъ террора. Обиліе и жестокость введенныхъ имъ тѣлесныхъ наказаній въ настоящее время могутъ показаться невѣроятными. Неразборчивость его и немилосердіе выходили изъ всѣхъ границъ справедливости и благоразумія: довольно сказать, что за самыя невинныя дѣтскія шалости онъ опредѣлялъ отъ 30 до 50 ударовъ, но при болѣе важныхъ число это утроивалось. Другихъ наказаній, кромѣ розогъ, повидимому, онъ и не зналъ. Утромъ почти ежедневно въ каждой ротѣ раздавались вопли и крики дѣтей» [7]). Подъ вліяніемъ Клингера и весь строй кадетской жизни получилъ новую окраску: на кадетъ стали смотрѣть, какъ на самыхъ испорченныхъ и способныхъ на все дурное дѣтей, и они съ своей стороны не питали никакого довѣрія къ своимъ воспитателямъ. Всего только три лица изъ того далекаго времени на долго оставили по себѣ свѣтлыя воспоминанія въ корпусѣ. То были: инспекторъ классовъ М. С. Перскій, докторъ Зеленскій и экономъ Андрей Петровичъ Бобровъ [8]). Они заботились о воспитанникахъ точно о своихъ родныхъ дѣтяхъ, а Бобровъ не ограничивался даже уходомъ за кадетами въ стѣнахъ корпуса и, когда они уже

---

[6]) Фридрихъ Максимил. фонъ-Клингеръ, ученикъ Гессенскаго университета, перешелъ въ Русскую службу въ 1780 году. Уволенный отъ службы въ чинѣ генер.-лейтенанта въ 1820 г., онъ умеръ въ 1831 г. Былъ однимъ изъ видныхъ представителей того періода Нѣмецкой литературы, который извѣстенъ подъ именемъ Sturm und Drangperiode. Стихотворство и безсердечіе какъ-то уживались въ этомъ Нѣмцѣ.

[7]) Русск. Вѣстн. 1868 г. кн. 3, стр. 231—232.

[8]) См. о нихъ статью Н. С. Лѣскова въ Истор. Вѣстн. 1880 г. кн. 1.

кончали, давалъ недостаточнымъ «приданое» (бѣлье, ложки и пр.), на что употреблялъ свое небольшое жалованье. Утѣшая наказанныхъ кадетъ, онъ заставлялъ легко забывать наказаніе, и всѣ «мошенники», какъ онъ называлъ кадетъ, любили его искренно. Рылѣевъ воспѣлъ его въ одѣ своей: «О, ты, почтенный экономъ Бобровъ!» и т. д.

Прежде, дóма, надъ мальчикомъ Рылѣевымъ тяготѣла не въ мѣру строгая воля отца; въ корпусѣ его преслѣдовали тѣже крутыя мѣры, таже неразборчивость въ наказаніяхъ, только еще въ большей степени. Прежде у матери находилъ онъ ласку и участіе; въ корпусѣ были также лица, цѣлью всей жизни которыхъ было попеченіе о дѣтяхъ имъ ввѣренныхъ. Эта большая или меньшая одинаковость условій повела и къ одинаковости слѣдствій: характеръ мальчика продолжалъ вырабатываться въ прежнемъ направленіи. Рядомъ съ умѣньемъ цѣнить привѣтъ и участіе, съ отзывчивостью на ласку, получали все большее и большее развитіе прежняя настойчивость и упорство.

Строгости отца не передѣлали шаловливой, предпріимчивой и живой природы Рылѣева: и въ корпусъ онъ вошелъ все тѣмъ же бойкимъ и веселымъ «сорванцомъ». Естественно, что на его долю болѣе, чѣмъ на долю другихъ кадетъ, доставалось наказаній и розогъ. Но они были ему ни почемъ. «Его сѣкли нещадно—разсказываетъ Гречъ—но онъ старался выдержать характеръ, не произносилъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго стона и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру» *). Въ стоическомъ перенесеніи разнообразныхъ наказаній, онъ дошелъ до такой степени, что охотно принималъ на себя даже вину другихъ и за нихъ ложился подъ розги. Дѣлалъ ли онъ это по товариществу или изъ желанія показать себя, похвалиться своимъ мужествомъ, своей выносливостью: во всякомъ случаѣ эти поступки высоко поставили его во мнѣніи товарищей. Чуть не каждый кадетъ былъ ему чѣмъ нибудь обязанъ, и онъ, окруженный всеобщей любовью, скоро сдѣлался «коноводомъ», «атаманомъ» кадетской семьи. Первый зачинщикъ всякихъ шалостей и проказъ, онъ тѣмъ охотнѣе становился во главѣ какого бы то ни было предпріятія; чѣмъ опаснѣе оно было, чѣмъ бóльшимъ считалось удальствомъ и молодечествомъ. Кадетская жизнь такимъ образомъ развивала въ немъ мало-по-малу самолюбіе, стремленіе отличиться, выдѣлиться, перешедшее потомъ въ жажду какого-нибудь славнаго дѣла, какого-нибудь подвига.

Къ этому корпусному времени относятся и первые поэтическіе опыты Рылѣева, изъ которыхъ до насъ дошла рукописная поэма «Кулакіада», написанная по случаю смерти кадетскаго повара Кула-

*) Записки Н. И. Греча. Русск. Вѣст. 1868 г. № 6, стр. 377.

кова. Какъ и все тогда въ жизни Рылѣева, и эта поэма была связана съ одной шуткой надъ экономомъ Бобровымъ. «По долгу службы своей — разсказываетъ Кропотовъ — Бобровъ ежедневно, въ извѣстный часъ утра, представлялъ директору корпуса рапортъ о количествѣ и цѣнности припасовъ, употребленныхъ для продовольствія воспитанниковъ. Рапортъ этотъ, подписанный Бобровымъ въ канцеляріи, вкладывался обыкновенно въ его трехугольную шляпу, которая вмѣстѣ со шпагой всегда лежала въ кухнѣ на особой тумбѣ, подъ образами. Рылѣевъ переписалъ свою Кулакіаду на такомъ же листѣ бумаги, какъ и рапортъ, и положилъ ее въ шляпу Боброва вмѣсто рапорта. Можно себѣ представить изумленіе старика Боброва, когда оказалось, что онъ своими руками подалъ начальнику сатиру на собственное же управленіе въ формѣ кулинарнаго документа!» [10]). Эта шалость, конечно, не была проявленіемъ злобы или неудовольствія. Она только показываетъ въ настоящемъ свѣтѣ неудержимо-веселую, подвижную и изобрѣтательную природу Рылѣева. Мальчикъ рѣшительно не могъ оставаться въ покоѣ, хоть и зналъ, что за его проказы ожидались иной разъ немалыя непріятности. Какъ-то даже его хотѣли выгнать изъ заведенія за вину, впрочемъ, которую онъ и не думалъ совершать, а лишь принялъ на себя по своему обыкновенію. Только случай помогъ раскрыть истиннаго виновника, и это спасло Рылѣева; его оставили въ корпусѣ. Съ тѣхъ поръ онъ какъ будто нѣсколько перемѣнился и присмирѣлъ, можетъ быть потому, что увидалъ чѣмъ онъ рискуетъ и не хотѣлъ огорчать мать, а можетъ быть и потому, что уже выросъ, и дѣтскія шалости стали замѣняться юношескими мечтаніями объ истинныхъ подвигахъ, о высокихъ дѣяніяхъ на пользу родинѣ. Эта перемѣна не измѣнила однако отношеній къ нему его товарищей. Если сперва, чтобы завоевать ихъ любовь, нужно было молодечество: то потомъ, поближе узнавъ Рылѣева, они полюбили его за умъ, за теплое, отзывчивое сердце, за дарованія, которыя онъ и тогда проявлялъ. Вообще надо сказать, что кадеты того времени жили дружно и составляли какъ бы одну семью. Это было единственнымъ и очень важнымъ преимуществомъ корпусной жизни Рылѣева передъ домашней. Дома онъ былъ одинъ, здѣсь съ нимъ общую участь терпѣли сотни другихъ, связанныхъ общностью. Постоянное общеніе другъ съ другомъ много значило; оно сильно дѣйствовало на развитіе въ мальчикѣ общественныхъ инстинктовъ. И, не смотря на «терроръ» Клингеровскаго управленія, Рылѣевъ не вынесъ изъ корпуса никакого озло-

---

[10]) Русск. Вѣст. 1869 г. кн. 8, стр. 232—233.

бленія. Напротивъ, онъ вступилъ въ жизнь, полный самыхъ радужныхъ и свѣтлыхъ мечтаній, полный вѣры въ жизнь и людей.

Корпусъ, какъ и всякое другое закрытое заведеніе, не могъ ознакомить Рылѣева съ дѣйствительной жизнью и, готовя его на борьбу съ врагами отечества, не приготовилъ къ жизненной борьбѣ. Рылѣевъ, правда, много читалъ. Онъ просилъ у отца денегъ на покупку книгъ и писалъ, что онъ «весьма великой до нихъ охотникъ» [11]). Въ корпусѣ была и своя хорошая библіотека. Но это чтеніе уже по самому свойству тогдашней литературы не могло восполнить для него незнанія жизненныхъ условій. Лучшимъ произведеніемъ все еще считалась Карамзинская «Бѣдная Лиза», способная лишь развить излишнюю чувствительность; изъ Европейскихъ писателей всего болѣе читались Французскіе, и во главѣ ихъ все еще завлекательный, особенно для молодежи, Вольтеръ. Подъ грязью его романовъ для мальчика затемнялась самая нравственная сторона ихъ, и неудивительно, если онъ пишетъ отцу, что «чтеніе философовъ» представило ему міръ «страшнымъ чудовищемъ, въ которомъ кишатъ несчастія, обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ». Но съ другой стороны юношеское «его сердце видѣло въ мірѣ тысячи питательныхъ для себя надеждъ». «Тамъ (въ свѣтѣ)— пишетъ онъ — разсудку моему представляется бѣдность во всей ея наготѣ, во всей ея обширности и горестномъ состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность *въ златыхъ цѣпяхъ вольности и дружбы*, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи» [12]). Въ этихъ идиллическихъ мечтаніяхъ, въ ихъ лживо - сентиментальномъ выраженіи ясно чувствуется вліяніе того нѣсколько приторнаго изображенія дѣйствительности, которое такъ часто можно было тогда встрѣтить во множествѣ разнообразныхъ книгъ. Эти книги, идя совершенно въ разрѣзъ съ скептицизмомъ «философовъ», тѣмъ самымъ ставили передъ Рылѣевымъ два противуположныя воззрѣнія. Выходъ изъ этихъ противорѣчій подсказывался, согласно съ характеромъ мальчика, его небольшимъ жизненнымъ опытомъ. Въ корпусѣ и дома онъ видѣлъ много дурнаго, вытерпѣлъ немало горя; но рядомъ съ тѣмъ онъ всегда находилъ и ласку, и привѣтъ. Они представляли для него хорошія, свѣтлыя стороны жизни и глубоко запечатлѣлись въ душѣ его. Онъ твердо увѣровалъ, что всегда и всюду горе и бѣдность скрашиваются участіемъ и привѣтомъ и съ чисто - дѣтской наивностью обра-

---

[11]) Сочин. Рылѣева изд 1875 г., стр. 224.
[12]) Тамъ же, стр. 225.

щается съ вопросомъ: «не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжною дружбою, не раздражать его самолюбія, не хулить чужихъ поступковъ, и злоба ихъ никогда не коснется тебя; ты будешь также счастливъ: хотя счастіе будетъ и зыблемо, хоть ты падёшь въ бѣдствіи, но другъ утѣшитъ тебя въ твоей горести, ты найдешь отраду въ его состраданіи, и возвращеніе твое къ счастью будетъ неизъяснимо пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей» [13]). Самъ вступая такимъ образомъ въ жизнь съ горячей, искренней любовью къ ближнему, онъ ожидалъ такой же любви и отъ другихъ, и вотъ, разбирая въ письмѣ къ отцу, кому должно повиноваться, уму ли «важному, разбирательному, строгому, для котораго свѣтъ есть обиталище разврата и пустыня необозримая, гдѣ не находитъ онъ ни единаго человѣка, между тѣмъ какъ онъ съ избыткомъ наполненъ ими», или сердцу, для котораго «свѣтъ—прелесть, въ коемъ вездѣ видна добродѣтель и порокъ изрѣдка показывается въ немъ, какъ туманное облако въ ясный день» —онъ съ увлеченіемъ восклицаетъ: «о, я повинуюсь сердцу!» «Слѣдовать уму значитъ быть человѣко-ненавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ при свѣтѣ яснаго дня съ фонаремъ». Сердце-же нашептывало ему: «иди смѣло, презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія и, если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинной твердостью, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣчества» [14]). «Быть героемъ, вознестись превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты!» восклицаетъ онъ и отдается имъ вполнѣ.

Какъ хорошо, какъ полно, въ этихъ наивныхъ разсужденіяхъ, возстаетъ образъ пылкаго, горячаго и жаждущаго подвиговъ юноши! Но необходимо сказать, что корпусъ нисколько не содѣйствовалъ правильному воспитанію этой воспріимчивой и увлекающейся натуры. Очень мало далъ онъ Рылѣеву и въ образовательномъ отношеніи. Программа обученія была достаточно широка: рядомъ съ военными и математическими науками преподавались и общеобразовательныя—исторія, географія, стилистика и др.; но преподавались онѣ кое-какъ, спустя рукава. Достаточно сказать, что корпусъ имѣлъ учителей, получавшихъ не болѣе 150 р. ассигнаціями въ годъ. Рылѣевъ учился прилежно. «Я послѣ вашего отъѣзда, пишетъ онъ отцу, былъ переведенъ въ 3-й средній классъ изъ 5-го средняго черезъ два класса выше» [15]). Особенную склонность выказывалъ онъ къ исторіи и словеснымъ наукамъ, менѣе всего любилъ математику, но занимался и ею, причемъ не только дѣ-

---

[13]) Тамъ же, стр. 227.
[14]) Тамъ же, стр. 226.
[15]) Тамъ же, стр. 224.

лалъ общеобязательныя работы, но даже бралъ частные уроки. «Меня — увѣдомляетъ онъ отца — одинъ кадетъ учитъ геометріи; мнѣ ему надобно подарить; того кадета зовутъ Бурковъ» [16]). Эти занятія особенно, усилились послѣ того какъ его хотѣли исключить. Его и оставили тогда съ тѣмъ, чтобы онъ обратилъ свое вниманіе на математику.

Восполнивъ этотъ единственный пробѣлъ, онъ былъ выпущенъ въ первомъ разрядѣ [17]). Но этотъ успѣхъ не былъ ручательствомъ знанія. Если въ корпусѣ плохо учили, то слѣдовательно и мало чему могли научить, хотя не слѣдуетъ этого преувеличивать. Необходимо помнить, что образованіе вообще стояло тогда на очень низкомъ уровнѣ. Жуковскій, напримѣръ, вышедшій съ золотою медалью изъ Университетскаго Пансіона, откровенно сознавался впослѣдствіи, что ему недостаетъ самыхъ элементарныхъ знаній по исторіи. Значитъ, Рылѣевъ, хорошо учившійся всему, чему учили въ корпусѣ, узнавшій тамъ же, по свидѣтельству г. Кропотова, отъ кадета Зигмунтовича Польскій языкъ [18]), вышелъ изъ корпуса едва ли менѣе знающимъ, чѣмъ выходило большинство. Разница могла быть только въ начитанности; по Рылѣевъ былъ не только большой любитель книгъ, но и самъ, какъ мы видѣли, подстрекаемый похвалами товарищей и возникшимъ отсюда славолюбіемъ, занимался литературными опытами и писалъ стихи. Слѣдовательно, какъ бы мы ни старались уменьшить степень его образованія и развитія, нельзя не признать, что и при томъ, съ чѣмъ онъ вышелъ изъ корпуса, онъ все же не былъ такимъ «неучемъ», какимъ называетъ его Н. И. Гречъ.

Но главная бѣда Рылѣева заключалась въ томъ, что, благодаря корпусному воспитанію, онъ вступалъ въ жизнь, совершенно съ нею незнакомый, исполненный мечтаній, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣйствительностью. При его пылкости и воспріимчивости, это неминуемо должно было отдать его на жертву первымъ-же впечатлѣніямъ, первымъ стороннимъ вліяніямъ, что̀ дѣйствительно и случилось.

III.

Послѣднее время пребыванія Рылѣева въ корпусѣ совпало съ великой эпохой въ Русской исторіи. То былъ славный годъ отечественной войны. Никогда еще всѣ Русскіе безъ различія званій и состояній не соединялись между собою столь тѣсно для общаго дѣла; никогда еще народъ такъ сильно не сознавалъ своего единства. Точно одинъ

[16]) Тамъ же.

[17]) Русск. Вѣстн. 1869 г. кн. 3, стр. 235.

[18]) Тамъ же, стр. 235—236.

человѣкъ поднимался онъ на врага. Одна мысль наполняла грудь всѣхъ, мысль о спасеніи родины; одно чувство переполняло сердца—чувство ненависти къ иноземцамъ. Однѣ и тѣ же вѣсти и съ одинаковымъ интересомъ разсказывались и въ аристократическихъ гостиныхъ, и въ курной избѣ мужика. Стариковъ нельзя было узнать: война, казалось, возвратила имъ учасшія силы, они точно помолодѣли. О молодыхъ и говорить нечего. Въ непріютныхъ стѣнахъ корпуса все было полно тревоги, волненія и трепетнаго ожиданія. Только и слышались, что толки о совершавшихся событіяхъ. Вмѣсто воспѣванія смѣшныхъ сторонъ кадетской жизни уже раздаются торжественные звуки патріотической оды. Младенческая лира Рылѣева настраивается на новый ладъ и съ восторгомъ восхваляетъ подвиги Кутузова:

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сынъ!
Злодѣйскихъ замысловъ рушитель,
Россіи вѣрный гражданинъ,
И бичъ и ужасъ всѣхъ Французовъ!
Скончался тѣломъ ты, Кутузовъ,
Но будешь вѣчно живъ, герой! и т. д.

«Отечество наше—пишетъ онъ 17-го Декабря 1812 года отцу—претерпѣло отъ врага вселенной, нуждалось въ воинахъ, кои и были избраны.... Слышно, что будетъ выпускъ въ Маѣ будущаго 1813 года. Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артилеріи, чинъ, плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастье пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить Монарха кроткаго, любезнаго, человѣколюбиваго за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во все время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ.... Обожаю я Монарха нашего, потому что печется объ подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ, и какъ царя, надъ нами Богомъ поставленнаго! Хочу возблагодарить его; но чѣмъ же и гдѣ мнѣ его возблагодарить? Чѣмъ, какъ не мужествомъ и храбростью на полѣ славы»? [19]) Но кромѣ этого желанія расплатиться за оказанныя благодѣянія, юношу возбуждало и нѣчто другое: это пламенныя мечты о славѣ. Не даромъ же приведенный отрывокъ слѣдуетъ прямо за разсужденіями о героизмѣ и мученическомъ вѣнцѣ. Рылѣеву такъ легко казалось достичь этого вѣнца, какъ будто для этого стоило только выйти изъ корпуса въ армію.

---

[19]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 227—228.

Чѣмъ досаднѣе и тягостнѣе было ожиданіе этого счастливаго времени, тѣмъ сильнѣе и прямѣе высказывались жалобы на медленность выпуска. Прошелъ Май 1813 года, прошли и годовые Сентябрскіе выпуски, а стѣны корпуса все еще сдерживали пылъ и отвагу Рылѣева.

Наконецъ, настала давно желанная минута, и 10-го Февраля 1814 года Рылѣевъ навсегда покинулъ корпусъ, въ которомъ провелъ семь лѣтъ и оставилъ по себѣ память [20]). Онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю резервную артилерійскую бригаду, въ конную № 1-й роту [21]).

Жизнь раскрывалась теперь передъ нимъ шумная, пестрая, обильная впечатлѣніями Ея бурное, волнующееся море сразу вовлекло юношу въ свой круговоротъ. Ему некогда было ни опомниться отъ первыхъ впечатлѣній, ни ознакомиться съ родною дѣйствительностью. Прямо изъ тѣсныхъ стѣнъ закрытаго заведенія, онъ вырвался на вольный просторъ, за предѣлы своего обширнаго отечества, а 25-го Марта того же года былъ уже за границей, въ Шафгаузенѣ (какъ свидѣтельствуетъ помѣта подъ его статьей: «Историческое описаніе Шафгаузена»). Не прошло и полгода, какъ онъ совершилъ походы въ Швейцарію и Францію [22]). Это былъ какой-то вихрь жизни. Вмѣстѣ съ постоянной смѣной великихъ историческихъ событій безпрестанно мѣнялись и ощущенія. Недаромъ впослѣдствіи Рылѣевъ говорилъ, что «молодость его была бурная» [23]). Быстро проносились впечатлѣнія; одно за другимъ овладѣвали они молодою душою, на время покоряли ее себѣ и, оставивъ слѣдъ, уступали мѣсто новымъ чувствамъ, новымъ впечатлѣніямъ. Силы кипѣли, рвались наружу и, когда не было ничего достойнаго, избытокъ ихъ тратился на первое, что́ попадало. Какъ ни скудны наши данныя объ этомъ времени жизни поэта, но и онѣ даютъ тому подтвержденіе.

Въ Сентябрѣ 1814 года мы встрѣчаемъ Рылѣева въ Дрезденѣ, гдѣ тогда находился дядя поэта, Михаилъ Николаевичъ Рылѣевъ [24]), одинъ изъ героевъ отечественной войны. Передъ тѣмъ въ продолженіе полутора года лишенный возможности служить вслѣдствіе тяжелой раны, полученной въ 1812 году, онъ былъ назначенъ теперь Дрезденскимъ комендантомъ. Воспользовавшись расположеніемъ къ себѣ Саксонскаго

---

[20]) Н. С. Лѣсковъ съ статьѣ „Кадетскій монастырь“ разсказываетъ даже, что послѣ 14-го Декабря въ корпусѣ всѣхъ кадетъ, писавшихъ стихи, подвергали строгому наказанію на томъ основаніи, что Рылѣевъ, главный участникъ Декабрьской смуты, воспитывался въ корпусѣ и тогда же писалъ стихи (Истор. Вѣст. 1880 г. кн. 1).

[21]) Русск. Старина, т. XIV, стр. 74.

[22]) Тамъ же.

[23]) Зап. кн. Е. П. Оболенскаго, XIX вѣкъ, кн. I, стр. 313.

[24]) М. Н. Рылѣевъ род. въ 1771 г., ум. въ 1833, ген.-лейтенантомъ. См. о немъ „Военная галлерея Зимняго дворца“, изд. 1845 г. Межевича и Песоцкаго.

вице-короля, князя Репнина, Михаилъ Николаевичъ выхлопоталъ племяннику мѣсто при артилерійскомъ магазинѣ и поселилъ его у себя. Все шло отлично. Въ домѣ дяди Рылѣеву было какъ нельзя лучше. И дядя и тетка [25]) заботились о немъ, какъ о родномъ сынѣ, и онъ самъ пишетъ 21 Сентября 1814 г. матери: «Слава Богу и благодареніе! Такого дяди больше другимъ не найти! Добръ, обходителенъ, помогаетъ, когда въ силахъ; ну словомъ, онъ замѣнилъ мнѣ покойнаго родителя... Въ день моего рожденія подарилъ онъ мнѣ на мундиръ лучшаго сукна. Вы, читая письмо сіе, благодарите и благословляйте мысленно благодѣтельнаго дядю. Такъ, онъ достоинъ того. Почтеннѣйшая его супруга, замѣняющая у меня здѣсь ваше мѣсто, своею материнскою нѣжностью, своею заботливостью и попеченіемъ превосходитъ всякое описаніе! И мы, не могущіе заплатить имъ въ сей жизни ничѣмъ, какъ только благодареніями, предоставимъ то Всевышнему....» [26]). Но, не смотря на тѣ удобства, которыми обставился Рылѣевъ въ Дрезденѣ, ему не сидѣлось на мѣстѣ. Мѣсяца не прошло, а уже весь Дрезденъ узналъ молодаго офицера. Остроумный, зло-насмѣшливый, онъ своими сатирами, эпиграммами (а онѣ умѣли быть колкими, чтò видно изъ дошедшихъ до насъ, напр. хоть бы изъ эпиграммы на императора Франца), остротами и проказами, насолилъ всѣмъ, и скоро дѣло дошло до того, что всѣ Русскіе жители Дрездена обратились къ князю Репнину съ просьбой объ удаленіи юнаго прапорщика изъ города. Ему пришлось отказаться отъ своего мѣста и выѣхать изъ Дрездена. Съ этимъ удаленіемъ въ семейныхъ преданіяхъ Рылѣевыхъ связывалось воспоминаніе о томъ, что уже тогда поэтъ какъ бы предчувствовалъ свою роковую судьбу. Когда князь Репнинъ передалъ просьбу Дрезденскаго общества дядѣ Рылѣева, «Михаилъ Николаевичъ (разсказываетъ со словъ Маріи Ивановны Рылѣевой Фелькнеръ), возвратясь домой и увидѣвъ Кондратія, сталъ строго выговаривать ему его легкомысліе и, объявивъ, что увольняетъ его отъ занятій по комендантскому управленію, приказалъ ему въ двадцать четыре часа уѣхать изъ Дрездена; при этомъ съ сердцемъ сказалъ: «Если же ты осмѣлишься ослушаться, то предамъ военному суду и разстрѣляю!»—«Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ!» отвѣчалъ пылкій повѣса, выходя отъ разсерженнаго родственника, и тотчасъ же, ни съ кѣмъ не простясь, уѣхалъ изъ Дрездена [27]).

---

[25]) Марія Ивановна Рылѣева, дочь ген.-маіора Говорова.

[26]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр 231.

[27]) „Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ", разсказъ Фелькнера, Русск. Старина 1873, т. 10, стр. 441. Этотъ разсказъ ошибочно отнесенъ къ 1811 г., но тогда М. Н. Рылѣевъ не былъ еще комендантомъ Дрездена, а находился на излѣченіи. Чтó касается до опредѣленія времени отъѣзда К—ія Ө—ча, то, вѣроятно, онъ имѣлъ мѣсто во второй

И опять началась таже бурная, безпокойная жизнь. Рылѣеву пришлось возвратиться въ Россію. Его бригаду расположили въ Минской губерніи. Обстановка теперь измѣнилась совсѣмъ и далеко не къ лучшему. Все, что̀ до сихъ поръ состовляло поэзію жизни—міровыя событія войны съ Наполеономъ—разсѣялось, и передъ глазами молодаго Рылѣева осталась одна проза ежедневности со всей ея монотонностью и скукой. Не было ничего, что̀ хотя извнѣ, развлекало бы; быстрая смѣна впечатлѣній, блескъ и пестрота жизни сразу исчезли, и Рылѣевъ очутился одинъ на одинъ, самъ съ собой. Ему оставалось только черпать себѣ утѣшеніе въ своемъ внутреннемъ мірѣ, въ своихъ надеждахъ и золотыхъ корпусныхъ грёзахъ; но тутъ-то впервыя наглядно сказалась вся несостоятельность этихъ грёзъ, вся ихъ призрачность и несоотвѣтствіе съ дѣйствительной жизнью. Уже ранѣе подмѣчаемое, это несоотвѣтствіе порождало разочарованіе и нѣкоторое недовольство. Сатирическія Дрезденскія выходки, несомнѣнно, имѣли въ своемъ основаніи нѣчто большее, чѣмъ простой избытокъ кипучихъ силъ молодости. Теперь эти зародыши недовольства стали еще осязательнѣе благодаря условіямъ обстановки и подъ вліяніемъ семейныхъ заботъ. Не забудемъ, что, зная по-польски, будущій декабристъ могъ часто бывать въ Польскомъ обществѣ.

Еще въ 1814 году, когда онъ былъ за-границей, умеръ его отецъ, и теперь ему приходилось заботиться не только о себѣ, но и о своей матери; а эти заботы были нелегки. Дѣла Ѳедора Андреевича были чрезвычайно запутаны. Въ послѣднее время онъ управлялъ имѣніями княгини В. В. Голицыной, и управленіе это велось такъ оплошно, что послѣ его смерти противъ наслѣдниковъ былъ возбужденъ искъ въ 80.000 рублей. Все имущество за исключеніемъ дома въ Кіевѣ было секвестровано, и возникла тяжба [28]). Трудно было 19-лѣтнему юношѣ, не имѣвшему почти ничего, тягаться съ богатою княгинею. Оставалась надежда на снисходительность княгини, и Рылѣевъ такъ, повидимому, и хотѣлъ кончить дѣло. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ матери отъ 5-го Марта 1815 г. онъ ясно говоритъ, что хочетъ просить княгиню взять обратно искъ. Вѣроятно однако, что эта просьба ни къ чему не повела; ибо уже гораздо позднѣе Рылѣеву приходилось обращаться съ тѣмъ же къ сыновьямъ умершей въ 1815 году княгини Голицыной, что̀ также окончилось несовсѣмъ успѣшно. Но тогда Рылѣевъ пріобрѣлъ уже болѣе жизненнаго опыта, и ему легче было справляться съ житей-

половинѣ Октября 1814 года; ибо М. Н. Рылѣевъ оставался въ комендантской должности лишь до исхода Октября, а 15 Октября Кондратій Ѳедоровичъ еще былъ въ Дрезденѣ, что̀ видно изъ помѣты подъ стихотвореніемъ „Путешествіе на Парнассъ". См. соч. Рылѣева, стр. 169 и „Воен. Гал. Зимн. Дворца 1845 г., т. I, стр. 3 въ біогр. М. Н. Рылѣева.

[28]) Соч. Рылѣева, изд. 1874 г., стр. 303—305.

скими трудностями; теперь же они ложились на него особенно тяжелымъ бременемъ, умѣряли его оптимистическія мечтанія и невольно приводили къ мрачному образу мыслей, такъ что вмѣсто того, чтобы мечтать о «бѣдности, скрашиваемой златыми цѣпями вольности и дружбы», онъ уже начиналъ жаловаться на «безчеловѣчіе богачей», даже на «безчувственность всего человѣчества». «О вельможи! о богачи!—пишетъ онъ матери—неужели сердца ваши не человѣческія? Неужели они ничего не чувствуютъ, отнимая послѣднее у страждающаго? Но, удивляясь безчувственности человѣчества къ страданіямъ себѣ подобныхъ, я утѣшаю себя сладостною надеждой на Спасителя, Который, въ противность варварству людей, для гонимыхъ ими всегда бываетъ послѣднимъ и лучшимъ прибѣжищемъ и защитой»[29]).

Скоро разнеслась вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Борьба разгорѣлась съ новой силой, и 12 Апрѣля 1815 г. Рылѣевъ уже выступилъ въ новый заграничный походъ. Вмѣстѣ съ этимъ вновь возникшее обиліе общихъ интересовъ, отклоня вниманіе отъ личныхъ вопросовъ, по необходимости замедлило начавшійся процессъ внутренней борьбы и разлада съ самимъ собой. Но не болѣе, какъ замедлило. Преждее теченіе мысли, хотя и не такъ замѣтно, какъ раньше, но тѣмъ не менѣе неуклонно продолжалось, выразившись напр. въ отношеніи къ военной службѣ, которая далеко не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Уже не о великихъ подвигахъ и «мученическомъ вѣнцѣ» пришлось думать, а о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, о мелочномъ исполненіи офицерскихъ обязанностей. Рылѣевъ, увлекаясь фантастическими мечтаніями, никогда впрочемъ, не забывалъ о томъ дѣлѣ, которое у него было подъ руками; но онъ съ какой-то затаенной горечью отзывается о своей военной службѣ. «Радуюсь—пишетъ онъ матери—что Бреклинъ вышелъ; *дай ему Богъ службу начать счастливѣе меня*». Пока однако разочарованіе не простиралось дальше этихъ слабыхъ намековъ. Мысль объ отставкѣ, видимо, не приходила еще Рылѣеву въ голову. Стремленія, которымъ предстояло развиться впослѣдствіи, въ ту пору еще не представляли ничего серьезнаго. Рылѣевъ не переставалъ, правда, заниматься поэзіей и даже завелъ въ Дрезденѣ особую тетрадку для стиховъ, но, какъ видно изъ эпиграфа къ этой тетрадкѣ, смотрѣлъ на свои опыты не болѣе, какъ на «пріятную забаву».

Личныя заботы въ то время совершенно терялись за общими дѣлами, участіе къ которымъ особенно сильно развилось почти-двухлѣтнимъ пребываніемъ внѣ отечества. Въ заграничныхъ бумагахъ Рылѣева то и дѣло попадаются разсужденія о совершавшихся вокругъ него

---

[29]) Тамъ же, стр. 233.

историческихъ событіяхъ. Рылѣевъ съ жаромъ хватался за всякое новое извѣстіе, слѣдилъ за каждымъ шагомъ союзниковъ, за каждымъ движеніемъ Наполеона. Съ глубокимъ удивленіемъ онъ смотрѣлъ, какъ этотъ человѣкъ, еще такъ недавно бывшій властителемъ чуть не всей Европы, теперь сверженъ и, какъ «разбойникъ», по выраженію Рылѣева, вторгнулся во Францію. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ окончанія войны, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тревожившей Европу. Его любопытство возрастало до крайней степени, и при переходѣ черезъ Рейнъ онъ пишетъ матери: «Время, время! Лѣта, скорѣе удвойте полетъ свой; любопытство знать будущее снѣдаетъ меня»[30]). И время летѣло быстро. Скоро кончилась великая борьба, и Рылѣевъ вступилъ въ Парижъ. Онъ восклицаетъ въ своемъ дневникѣ, что «происшествія нашихъ временъ болѣе достойны удивленія, болѣе невѣроятны, нежели всѣ дотолѣ въ мірѣ случившіяся».

Поражаясь грандіозностью событій, Рылѣевъ присматривался и къ тому, что̀ такъ рѣзко не бросалось въ глаза, къ внутренней жизни Европы. Въ вихрѣ бурныхъ удовольствій онъ не забывалъ повидимому учиться, всѣмъ интересовался, что̀ только ни попадалась ему на глаза. Проѣзжая по мѣстностямъ такъ или иначе отмѣченнымъ исторіей, онъ не упускалъ случая пополнить свои знанія, припоминалъ историческое прошлое тѣхъ государствъ, въ которыхъ приходилось ему жить, зорко въ тоже время наблюдая ихъ настоящее. Наблюденія надъ бытовой и общественной жизнью Европы, можетъ быть, и были самымъ плодотворнымъ результатомъ заграничной жизни Рылѣева, и въ этомъ отношеніи всего болѣе обязанъ онъ былъ своему пребыванію въ Парижѣ.

Парижъ въ 1815 году далеко не былъ такимъ, какимъ видѣли его Русскіе годъ тому назадъ. Онъ поражалъ своей мрачностью и печальнымъ видомъ. Союзники надменностью, по словамъ Рылѣева, рѣшительно выводили изъ терпѣнія Французовъ и возбуждали противъ себя непримиримую ненависть. Благодаря этому какъ-то особенно рельефно оттѣнялась мягкость обращенія съ побѣжденными и деликатность Русскихъ. И Французы высоко цѣнили то участіе, которое принимали въ нихъ наши офицеры и солдаты. Въ дневникѣ Рылѣева, приводится между прочимъ разговоръ его съ какимъ-то Французскимъ офицеромъ. «Мы покойны сколько можемъ, сказалъ Французъ; но союзники наши скоро насъ выведутъ изъ терпѣнія. Мы Французы, мы съ чувствами!» Я Русскій, и вы напрасно говорите мнѣ.—«Затѣмъ-то я и говорю, что вы Русскій. Я говорю другу.... Вашъ Александръ покровитель намъ, но союзники его кровопійцы!»....—Полно, полно, прошу васъ, мы не ви-

---

[30]) Соч. Рылѣева, изд. 2-е, стр. 192.

новаты; мы Русскіе—друзья ваши!... Я поцѣловался съ нимъ» [35]). Благодаря этому дружескому обращенію съ побѣжденными, Русскіе и были приняты въ лучшемъ обществѣ, встрѣчая къ себѣ всеобщее уваженіе. Добросердечный и благородный Рылѣевъ не былъ, конечно, въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Сталкиваясь такимъ образомъ постоянно съ образованными Французскими офицерами, онъ нашелъ въ Парижѣ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь богатый матеріалъ для своихъ наблюденій. Здѣсь, среди народа, «привыкшаго къ независимости и славѣ», онъ всего болѣе развилъ въ себѣ свободолюбивыя стремленія; здѣсь путемъ постояннаго и внимательнаго наблюденія надъ окружающимъ онъ закрѣпилъ въ себѣ и извѣстные общественные идеалы. Воодушевленный этими идеалами, съ цѣлымъ запасомъ впечатлѣній, дававшихъ обширное поле для сравненія съ родной дѣйствительностью, онъ выступилъ 23 Сентября 1815 года изъ Парижа, въ обратный походъ на родину.

Этимъ возвращеніемъ заканчивается первая половина его молодости. Это время было для него эпохой внутренняго распаденія. Молодая мысль его тогда впервыя стала освобождаться отъ фантастическихъ мечтаній, и въ этомъ процессѣ заграничныя впечатлѣнія играли чрезвычайно важную роль. Уже сами по себѣ они вызывали особенно усиленную работу мысли; сопоставляемыя-же по возвращеніи въ Россію съ родною дѣйствительностью они дѣйствовали еще сильнѣе. Каковы были выводы, увидимъ ниже. Теперь же достаточно сказать, что они открыли для Рылѣева возможность новой дѣятельности и отвлекли его въ сторону отъ того пути, по которому онъ доселѣ шелъ.

IV.

Россія начала нынѣшняго вѣка во многихъ отношеніяхъ нуждалась въ коренныхъ преобразованіяхъ. Военная дисциплина, девизомъ которой была палка, бѣдственное положеніе народа, изнывавшаго подъ гнетомъ крѣпостнаго права, страшный безпорядокъ въ судахъ, стѣснительныя мѣры цензуры, казнокрадство, повсемѣстный произволъ чиновниковъ—все это давно уже и въ литературѣ, и въ обществѣ вызывало отдѣльные голоса недовольства. Съ воцареніемъ Александра Павловича эти одинокія заявленія разрослись въ широкое общественно - политическое движеніе. Молодой Государь одушевлялся самыми благими начинаніями, будучи полонъ высокихъ идеаловъ и искренняго желанія устроить свою страну сообразно съ этими идеалами. Но возбудивъ об-

---

[35]) Тамъ же, стр. 192—193.

щія надежды, онъ не успѣлъ направить куда слѣдовало поднявшееся броженіе. Начавшіяся войны съ Наполеономъ отвлекли его отъ задуманныхъ внутреннихъ преобразованій; затѣмъ подъ вліяніемъ Меттерниха онъ окончательно обратился къ противоположной началу своего царствованія политикѣ. Но поднятая работа общественной мысли не могла остановиться. Тѣ самыя войны, которыя заставили Александра Павловича исключительно заняться внѣшними дѣлами, на общество подѣйствовали иначе. Присмотрѣвшись за границей къ Европейскимъ порядкамъ, по возвращеніи на родину, Русскіе съ горестью увидѣли, что по своему внутреннему положенію ихъ отечество во многомъ отстало отъ государствъ, которыя оно только что превзошло блескомъ военной славы. «Душно было тогда въ Петербургѣ—говоритъ одинъ изъ современниковъ—людямъ, только что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ, и прошедшимъ на возвратномъ пути черезъ сто тріумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: «*Храброму Россійскому воинству*», а на обратной: «*Награда въ отечествѣ!*» И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную рамку обиходности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную, въ дисциплину Шварца и пр.» [36]).

Но этотъ застой не подчинилъ ихъ себѣ. Напротивъ, онъ находилъ себѣ полное поощреніе въ заявленіяхъ самого правительства. Они хотѣли по мѣрѣ силъ содѣйствовать внутреннему преуспѣянію родины. Перемѣна, происшедшая въ офицерскихъ кружкахъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, была разительна. Забылись карты и кутежи, прежде бывшіе любимымъ времепрепровожденіемъ офицеровъ. Ихъ замѣнили толки объ общественныхъ и политическихъ событіяхъ, о внутреннемъ положеніи Россіи, о неустройствахъ ея и т. п. «Каждый изъ насъ, разсказываетъ о Тульчинскихъ офицерахъ Н. В. Басаргинъ, не избѣгая развлеченій, столь естественныхъ въ лѣтахъ юности, старался употреблять свободное отъ службы время на умственное и нравственное свое образованіе. Лучшимъ развлеченіемъ для насъ были вечера́, когда мы собирались вмѣстѣ и отдавали другъ другу отчетъ въ томъ, что̀ дѣлали, читали, думали. Тутъ обыкновенно толковали о современныхъ событіяхъ и вопросахъ, часто разсуждали объ отвлеченныхъ предметахъ и вообще дѣлили между собою свои свѣдѣнія и свои мысли» [37]). Тоже, что́ происходило въ Тульчинѣ, средоточіи второй арміи, замѣчалось и повсемѣстно, характеризуя между прочимъ и общество офицеровъ въ Воро-

---

[36]) Замѣтки Ѳ. Н. Глинки. Рус. Ст. 1871 г. т. III, стр. 245.
[37]) Зап. Н. В. Басаргина, въ сборникѣ „XIX Вѣкъ" 1872 г., стр. 2.

нежской губерніи, гдѣ по возвращеніи въ Россію стоялъ со своей ротой Рылѣевъ. Вотъ какъ описываетъ онъ въ письмѣ къ матери свою жизнь на лѣтнихъ квартирахъ въ слободѣ Бѣлогорьѣ: «Время проводимъ весьма пріятно; въ будни свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противуположномъ берегу растущаго, погружаемся мы въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни и черезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ—и наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія» [38]).

Было-бы однако ошибочно думать, что эти споры и умствованія сопровождались тогда какими-нибудь тайными умыслами противъ правительства. Они велись совершенно открыто; офицеры не думали еще составлять замкнутыхъ кружковъ. Въ Тульчинѣ напр. въ подобныхъ бесѣдахъ участвовалъ такой человѣкъ, какъ будущій графъ П. Д. Киселевъ. Въ Воронежской губерніи офицеры нерѣдко собирались «поумствовать» въ домѣ генеральши А. И. Бедряги, у которой тогда лечился сынъ ея, М. И. Бедряга, храбрый воинъ, изувѣченный при Бородинѣ, большой пріятель Рылѣева. Это были простыя, дружескія бесѣды, но онѣ несомнѣнно съиграли большую роль въ жизни Рылѣева. Подъ ихъ вліяніемъ разрѣшился тотъ внутренній процессъ разочарованія, котораго признаки мы наблюдали въ предъидущей главѣ.

До сихъ поръ это разочарованіе носило исключительно личный характеръ. Недовольство жизнью вызывалось ея несоотвѣтствіемъ съ фантастическими юношескими мечтаніями. Теперь это личное недовольство мало-по-малу затерялось въ недовольствѣ общемъ, имѣвшемъ въ своей подкладкѣ уже не призрачныя мечтанія, а дѣйствительные факты и потому способномъ сдѣлаться побудительнымъ рычагомъ новой дѣятельности. Первымъ важнымъ послѣдствіемъ новаго настроенія Рылѣева явилось его намѣреніе выйти въ отставку.

Къ началу двадцатыхъ годовъ прежніе взгляды на военную службу стали вообще замѣтно измѣняться. Въ извѣстной современной статьѣ о возмущеніи въ Семеновскомъ полку рѣшительно заявляется, что, если всѣ идутъ въ военную службу, то этому причиною только «недостатокъ просвѣщенія, покоряющій молодыхъ людей привычкамъ, а не разсудку, молодость начинающихъ службу, презрѣніе ко всякому другому

---

[38]) Соч. Рылѣева, изд. 1875 г., стр. 235—236.

сословію и большія выгоды, предоставленныя тѣмъ, которые выбьются» [39]). Статья эта, приписываемая Рылѣеву, во всякомъ случаѣ характеризуетъ взгляды того либеральнаго кружка, къ которому и онъ принадлежалъ. Юношескія мечтанія его о геройскихъ подвигахъ успѣли уже разлетѣться давно; но все хотѣлось чего-то бо̀льшаго, думалось о дѣлѣ, въ которое можно было-бы вложить свою душу, убѣжденія. Ничего подобнаго не давала военная служба, въ мирное время почти всецѣло сводившаяся къ маневрамъ и ученію. И вотъ, если прежде еще она перестала удовлетворять молодаго офицера, то теперь она начинала его тяготить. «Съ моимъ характеромъ, пишетъ онъ матери, я вовсе не способенъ къ военной службѣ... Знаю, что четырехлѣтнія безпокойства недостаточная еще жертва съ моей стороны Отечеству и Государю за тѣ благодѣянія, коими я отъ нихъ осыпанъ. Но развѣ не могу и *не въ военной службѣ* доплатить имъ то, чего не додалъ въ военной?» [40]). Единственно, что̀ еще привязывало его къ службѣ, было, какъ онъ самъ говоритъ, офицерское общество; но эта причина, конечно, не могла его удержать, тѣмъ болѣе, что къ отставкѣ побуждали и обстоятельства семейныя. Разстроенное и годъ отъ году уменьшающееся благодаря большому долгу имѣніе Рылѣевыхъ въ Петербургской губерніи требовало немедленнаго о себѣ попеченія. Но пока Рылѣевъ служилъ въ полку, онъ не только не могъ помогать матери, но и самъ часто принужденъ бывалъ прибѣгать къ ея помощи. При такихъ обстоятельствахъ, чтобы подать въ отставку, нуженъ былъ еще одинъ послѣдній толчокъ, и онъ не заставилъ себя ждать. Рылѣевъ задумалъ жениться.

Посѣщая часто сосѣднихъ помѣщиковъ, онъ познакомился между прочимъ съ семействомъ Михаила Андреевича Тевяшова, которому принадлежала часть села Подгорнаго, Острогожскаго уѣзда, гдѣ стоялъ на зимнихъ квартирахъ и Рылѣевъ. Совмѣстное коротаніе длинныхъ зимнихъ вечеровъ сдѣлало это знакомство особенно близкимъ, такъ что, когда лѣтомъ 1817 года Кондратія Ѳедоровича перевели верстъ за 30 отъ Подгорнаго въ слободу Бѣлогорье, ему уже было скучно безъ общества Тевяшовыхъ, и онъ особенно часто навѣдывался въ Подгорное, гдѣ, пишетъ онъ къ матери, «былъ принятъ какъ свой» [41]). Здѣсь-то ему пришлось поближе узнать и присмотрѣться къ младшей дочери хозяина, Натальѣ Михайловнѣ. Не получивъ особеннаго образованія, она имѣла природный умъ и плѣняла милой простотой своего обхожденія. Рылѣевъ незамѣтно, но скоро поддался ея обаянію и въ письмѣ

---

[39]) Сборникъ „XIX Вѣкъ", кн. I, стр. 359.
[40]) Соч. Рылѣева, изд. 1875 г., 439, 222.
[41]) Тамъ-же, стр. 236.

отъ 17 Сентября 1817 г. уже обратился къ матери съ просьбой о согласіи на его бракъ, въ такихъ выраженіяхъ описывая свою избранницу: «Милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ и не видѣвшая никогда большаго свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по-французски. Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи содѣлать счастіе каждаго, въ комъ хоть только искра добродѣтели осталась. Я люблю ее, любезнѣйшая матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно; ибо я предался оной не вдругъ, какъ сродно пылкому юношѣ: нѣтъ, я напротивъ въ первый разъ видѣлъ ее весьма равнодушно, но уже по прошествіи нѣсколькихъ посѣщеній, узнавъ нѣкоторыя достоинства милой Наталіи, а особенно доброту души ея, я полюбилъ ее, и теперь время отъ времени любовь моя все болѣе и болѣе увеличивается» [42]). Въ этомъ же письмѣ Рылѣевъ сообщалъ матери и о своемъ желаніи выйти въ отставку съ тѣмъ, «чтобы заняться единственно вашимъ и милой Наталіи счастьемъ».

Намѣренія сына поразили Анастасію Матвѣевну, а желаніе оставить военную службу до такой степени ее обезпокоило, что цѣлыя три ночи подъ-рядъ она не смыкала глазъ. И примѣръ родныхъ, и обычай все убѣждало ее, что отставка была-бы большой ошибкой. Что-же касается до женитьбы, то она не хотѣла сыну мѣшать, но совѣтовала подумать и, въ отвѣтъ на его увѣренія въ вѣчной любви къ будущей женѣ своей, писала: «Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь, какая это птица любовь! Какъ прилетитъ, такъ и улетитъ; покойный отецъ твой говорилъ мнѣ: вѣчно любить тебя стану — и его любовь улетѣла» [43]). Но письмо это не дошло до Рылѣева, и долго еще пришлось ему оставаться въ томительномъ ожиданіи. Не зная, что письма пропадаютъ, онъ приписывалъ молчаніе матери ея несогласію и шлетъ ей письмо за письмомъ, все горячѣе убѣждая дать ему свое благословеніе. «Скажу вамъ откровенно: вашъ отказъ погубитъ меня». Велика же была его радость, когда наконецъ получилось давно желанное письмо, гдѣ мать соглашалась, повторяя только тѣже совѣты, что̀ и прежде. Но ему было не до совѣтовъ; онъ давно все рѣшилъ и теперь, видя, что препятствій нѣтъ (во взаимности Натальи Михайловны онъ былъ увѣренъ) нимало не медля показалъ письмо матери родителямъ невѣсты и просилъ у нихъ руки ихъ дочери. На другой же день ему объявили ея согласіе и требовали только выхода въ отставку. Теперь Рылѣевъ

---

[42]) Тамъ-же, стр. 238.

[43]) Рус. Ст. т. XIV, стр. 73.

уже не задумался и, зная, что мать не захочетъ его несчастья, согласился.

Начались хлопоты объ отставкѣ и послѣдніе разсчеты со службой, причемъ Рылѣеву приходилось уѣзжать и въ Воронежъ. Съ 6 часовъ утра до 3 часовъ вечера мерзъ онъ въ комиссаріатскихъ лабазахъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возможности уѣхать въ Подгорное, но только 14 Января 1819 г. получилъ возможность въ письмѣ къ свояченицѣ сообщить «новость, которая вѣрно будетъ весьма пріятна Михайлу Андреевичу и Матренѣ Михайловнѣ. [44]) При 306-мъ нумерѣ Инвалида увидѣлъ я, что приказомъ Государя, отданнымъ отъ 26-го Декабря, въ С.-Петербургѣ, конно-артиллерійской № 12 роты прапорщикъ Рылѣевъ увольняется отъ службы подпоручикомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. (Михайло Андреевичъ, за это можно выпить рюмку водки). И такъ теперь я свободенъ, или по крайней мѣрѣ очень скоро буду такимъ. Признаться, когда я прочелъ этотъ приказъ въ комиссіи, то такъ обрадовался, что даже на минуту позабылъ, что я не въ Подгорномъ!.. Я въ Воронежѣ; но сердце мое, но душа моя у васъ. А здѣсь...

Ахъ, нѣтъ ея со мной! Безцѣнная далеко!
И я въ разлукѣ съ ней сталъ точно сиротой!
Брожу въ унынiи, въ печали одинокой,
И все мнѣ говоритъ: ахъ, нѣтъ ея со мной!

Но пройдетъ двѣ съ половиною недѣли и, можетъ быть, я въ силахъ буду сказать:

Какъ сладко вмѣстѣ быть!.. Какъ тѣ часы отрадны,
Когда прелестной я могу сто разъ твердить:
Люблю, люблю тебя, мой ангелъ ненаглядный!
Какъ мило близъ тебя! Какъ сладко вмѣстѣ быть!“ [45]).

Скоро окончились послѣднія служебныя хлопоты, но разныя дѣла и приготовленія къ свадьбѣ оттянули однако на цѣлый годъ бракосочетаніе, и только 22 Января 1820 г. Рылѣевъ сдѣлалъ этотъ рѣшительный шагъ.

V.

Тотчасъ послѣ свадьбы Рылѣевъ повезъ жену въ Петербургъ, на свиданье со своей матерью; а потомъ молодые уѣхали въ Украйну, въ деревню Натальи Михайловны и прожили тамъ весну и лѣто 1820 года.

Это время было однимъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни Кондратія Ѳедоровича, когда онъ вполнѣ предался еще неизвѣданнымъ наслажденіямъ тихаго семейнаго благополучія. Любовь его къ женѣ не была той бурной, порывистой любовью, которая, какъ скоро рождается, такъ

---

[44]) Мать Натальи Михайловны.

[45]) Соч. Рылѣева, изд. 1875 г., стр. 247—250.

же скоро и проходитъ. Не менѣе сильная, но болѣе глубокая она навсегда сохранилась въ немъ неизмѣнно [46]). Въ отрывочныхъ замѣткахъ Пушкина есть разсказъ о томъ, какъ отвѣчалъ Кондратій Ѳедоровичъ на предложеніе Дельвига предаться той-же жизни, которую вели и самъ Дельвигъ, и Пушкинъ. «Я женился» [47]), отвѣчалъ Рылѣевъ, и въ этомъ отвѣтѣ прекрасно сказалось его уваженіе къ женѣ. Что̀ касается до Натальи Михайловны, то и она «всегда любила мужа съ увлеченіемъ» [48]). Но въ первое время супружеской жизни эта любовь проявлялась съ особою силой и, описывая свою жизнь въ эту пору среди далеко разостлавшихся полей и цвѣтущихъ садовъ, близъ тихаго Дона, Рылѣевъ самъ говоритъ, что здѣсь

...... дни его текли
Подъ сѣнью безмятежной,
Въ объятьяхъ дружбы нѣжной
И родственной любви...

Отдаваясь однако радостямъ тихой деревенской жизни, Рылѣевъ не былъ способенъ навсегда ограничиться узкими рамками семейныхъ отношеній. Эта жизнь была только временнымъ отдыхомъ, передышкой; но, когда одинъ изъ его близкихъ знакомыхъ, Каховской посовѣтовалъ ему навсегда поселиться въ Украйнѣ, онъ отвѣчалъ ему энергическими стихами:

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ! Тому во вѣкъ
Со мною не случиться.
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится.
Кумиръ младой души —
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы [49]).

---

[46]) Только одинъ разъ былъ увлеченъ онъ другой женщиной, намѣренно старавшейся подчинить его себѣ; но и въ это время онъ не переставалъ любить свою жену. „Мнѣ больно — говорилъ онъ со слезами Н. А. Бестужеву — если жена моя увидитъ мое положеніе и сдѣлаю ее свидѣтельницею своихъ страданій, своей борьбы съ совѣстью. Это ее убьетъ. Ты не повѣришь, какіе мучительные часы провожу я иногда; не знаешь, до какой степени мучитъ меня безсонница; какъ часто говорю вслухъ съ самимъ собою, вскакивая съ постели, какъ безумный, плачу и страдаю... Я уважаю свою жену и не понимаю, какъ другое чувство могло закрасться въ мое сердце“. Зап. Н. А. Бестужева, XIX Вѣкъ, кн. I, стр. 344. Здѣсь подробно изложенъ этотъ любопытный эпизодъ жизни Рылѣева.

[47]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г., т. V, стр. 324.

[48]) Зап. кн. Е. П. Оболенскаго XIX Вѣкъ, кн. I, стр. 313.

[49]) Соч. Рылѣева, изд. 1875 г., стр. 163.

Въ деревнѣ, въ глуши Рылѣевъ не переставалъ чутко слѣдить за всѣмъ, что̀ выходило изъ ряда повседневности, и его отзывчивость на происходившее вокругъ сказалась лучше всего въ томъ, что въ это именно время, въ 1820 году, онъ присоединился къ числу членовъ того общества, которымъ подготовлялось общественное движеніе двадцатыхъ годовъ.

Мы уже указывали въ предъидущей главѣ на нѣкоторыя изъ причинъ этого движенія, на либеральное направленіе, принятое императоромъ Александромъ въ первые годы его царствованія, на заграничные походы, на внутреннія неустройства Россіи; но всѣ эти причины не столько вызвали, сколько усилили броженіе общественной мысли, замѣчавшееся и ранѣе, еще во второй половинѣ XVIII вѣка, въ увлеченіи франкъ-масонскимъ ученіемъ. Простое сопоставленіе цѣлей и стремленій масонства съ цѣлями первыхъ Русскихъ тайныхъ обществъ указываетъ на ихъ тѣсную связь и преемственность. Ставя своею высшею цѣлью богопознаніе, масоны считали необходимымъ условіемъ для достиженія этой цѣли собственное нравственное очищеніе, внутреннюю работу надъ самимъ собою, приводящую къ освобожденію отъ всѣхъ путъ эгоизма, чувственности и косности; они требовали, чтобы какъ этой внутренней переработкой самихъ себя, воздѣйствіемъ личнаго примѣра, такъ и дѣлами на пользу ближняго, распространеніемъ въ народѣ просвѣщенія и другими путями поднять уровень общей нравственности и мечтали, доставивъ побѣду первичному побужденію ко всему доброму надъ злымъ началомъ въ человѣкѣ, соединить всѣхъ людей въ одинъ всеобщій союзъ, основанный на взаимной любви. Совершенно чуждые всякаго мистическаго элемента, первыя тайныя общества не задавались столь широкими планами и ограничивали кругъ своихъ дѣйствій предѣлами своего отечества; но подобно масонамъ и они также ратовали за народное просвѣщеніе, и они требовали отъ своихъ членовъ собственнаго нравственнаго усовершенствованія, чтобы привлекать примѣромъ и дѣлами возможно бо̀льшее число людей къ обществу и возбудить повсюду сочувствіе тѣмъ идеямъ, которымъ оно служило. Даже съ чисто-внѣшней стороны, обряды и формы перваго Русскаго тайнаго общества—Союза Спасенія—носили на себѣ сильный отпечатокъ масонскихъ уставовъ и обрядности. Этимъ сходствомъ, точно также, какъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ масоновъ сдѣлались членами первыхъ тайныхъ обществъ, въ свое время доказывали преступность и противузаконность масонства; но исторія показала, что наоборотъ это свидѣтельствуетъ лишь о законности и чистотѣ намѣреній первыхъ тайныхъ обществъ, которыя только впослѣдствіи уклонились въ сторону, на преступный путь политической пропаганды.

Къ началу двадцатыхъ годовъ, когда вступилъ въ масонскій союзъ Рылѣевъ, сущность масонскаго ученія совершенно вывѣтрилась, затерявшись за обрядовой стороной. Масонство стало чѣмъ-то въ родѣ моднаго учрежденія, въ которое вступали свѣтскіе люди единственно потому что такъ было принято. Но Рылѣевъ ничего этого не зналъ. Масонское же ученіе, соединяясь съ такими свѣтлыми идеями, какъ распространеніе въ народѣ нравственныхъ понятій, работа на пользу народнаго просвѣщенія и др., не могло не дѣйствовать на него притягательно, и понятно, что при первомъ же представившемся случаѣ вѣроятно, въ бытность свою въ Петербургѣ онъ сдѣлался членомъ франкъ-масонскаго союза и сталъ работать въ ложѣ № 9 «Пламенѣющей Звѣзды», гдѣ и значится дѣйствительнымъ 1-й степени членомъ въ теченіе 1820 и 1821 годовъ.

О масонской дѣятельности Кондратія Ѳедоровича сохранилось такъ мало свѣдѣній, что приходится ограничиваться одними предположеніями. Г. Кропотовъ полагаетъ, что Рылѣевъ былъ однимъ изъ выдающихся масоновъ. По крайней мѣрѣ послѣ закрытія ложъ у него хранилось много масонскихъ бумагъ и притомъ важныхъ, потому что послѣ 14-го Декабря онъ тотчасъ же поспѣшилъ ихъ сжечь [50]). Но масонская дѣятельность его во всякомъ случаѣ была очень непродолжительна, такъ какъ уже въ 1822 году распоряженіемъ правительства всѣ ложи были закрыты, да и самъ Рылѣевъ еще ранѣе того увлекся своей службой въ Палатѣ (о ней скажемъ въ слѣдующей главѣ) и литературными занятіями.

Въ томъ же 1820-мъ г., когда вступилъ онъ въ масонскій союзъ, онъ напечаталъ первое произведеніе—посланіе «Къ Временщику», написанное въ подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубеллію. Оно появилось въ Октябрской книжкѣ журнала «Невскій Зритель» [51]).

Неизвѣстно точно, когда и какъ измѣнился взглядъ Рылѣева на свой поэтическій даръ, но уже посланіе къ Временщику ясно показываетъ, что поэзія стала теперь для него не только «пріятной забавой», какъ въ заграничные походы, но своего рода общественнымъ служеніемъ. Въ посланіи характерно обнаружились тѣ пути, которымъ всегда и впослѣдствіи слѣдовалъ Рылѣевъ въ своей литературной дѣятельности, подчиняя цѣли художественныя нравственнымъ и общественнымъ задачамъ. Не обладая особенными поэтическими достоинствами, посланіе отли-

---

[50]) Рус. Вѣст. 1869 г., кн. 3, стр. 236.

[51]) Невскій Зритель издавался съ Января 1820 г. по Іюль 1821 г. Сниткинымъ, Кругликовымъ, Яковлевымъ и Рожновымъ, при постоянномъ участіи В. К. Кюхельбекера и Рылѣева.

чается однако необыкновенной силой чувства и глубокимъ, негодованіемъ, которое сказывается въ первыхъ же энергическихъ строчкахъ:

Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ, не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ.
Могу ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу [12])?

Замѣчательно, что эта же сатира Персія, лѣтъ 10—15 передъ тѣмъ была переведена извѣстнымъ поэтомъ Милоновымъ, но прошла незамѣченной; стихотвореніе же Рылѣева тотчасъ сдѣлало его извѣстнымъ. Новое подражаніе пришлось ко времени: въ немъ увидѣли безпощадную и смѣлую сатиру на Аракчеева. Особенное впечатлѣніе произвело оно среди молодежи, которая простое подражательное стихотвореніе возвела на степень гражданскаго подвига. Вотъ въ какихъ безспорно преувеличенныхъ чертахъ описываетъ первый дебютъ Рылѣева его другъ, Н. А. Бестужевъ: «Въ томъ положеніи, говоритъ онъ, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ. Этотъ вельможа подъ личиною скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею массою дѣлъ государственныхъ, и подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый надсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Малые угнетались средними, средніе большими, сіи высшими; но надъ тѣми и другими притѣснителями, равно какъ и надъ притѣсненными, была одна гроза: временщикъ. Одни карались за угнетенія, другія за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства

[12]) Соч. Рылѣева, изд. 1875, стр. 58.1

слѣпую или умышленную покорность вельможи для управленія отечествомъ. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно. Туча пронеслась мимо, оковы оцѣпенѣнія мало-по-малу расторглись, и глухой шопотъ ободренія былъ наградою юнаго правдиваго поэта».

Безъ сомнѣнія, Бестужевъ сильно сгустилъ краски, и никакого «оцѣпенѣнія» среди жителей столицы стихотвореніе Рылѣева не произвело; но успѣхъ оно имѣло несомнѣнный и, конечно, имѣло большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности молодаго поэта. Толпой зароились въ его головѣ славолюбивыя надежды, и когда выбранный 24 Января 1821 года дворянами засѣдателемъ въ уголовный судъ по Петербургской губерніи, Рылѣевъ переѣхалъ со своимъ семействомъ въ столицу — его будущая Петербургская жизнь представлялась ему въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Пусть то мѣсто, которое онъ занималъ въ Уголовной Палатѣ, было не особенно значительно; но онъ былъ увѣренъ, что и здѣсь, при честномъ и неуклонномъ исполненіи своихъ обязанностей, онъ сумѣетъ достаточно послужить Государю и Отечеству и принести немалую пользу для общества. Переселеніе въ Петербургъ давало кромѣ того возможность сблизиться съ литературными кругами, и его уже манила къ себѣ блестяще начатое словесное поприще. Разнообразные планы носились передъ нимъ, и онъ, полный надеждъ, славолюбивый и самоотверженный, со всѣмъ пыломъ и задоромъ молодости, со всей энергіей и силой свѣжей и ненадломленой натуры, вступилъ на тотъ новый путь, который открывался передъ нимъ и сулилъ ему, казалось, столько радостей и счастья.

VI.

Надежды, съ которыми начиналъ Рылѣевъ новый періодъ своей жизни, должны были найти себѣ полный и сочувственный отголосокъ среди тогдашняго общества, по крайней мѣрѣ лучшей его части. Возбужденіе молодежи замѣчалось небывалое. Преисполненная самыхъ лучшихъ стремленій, она порывалась къ дѣлу. Но, по несчастью, этимъ порывамъ не находилось приложенія. Уже вырождавшееся въ то время масонство съ его слишкомъ туманнымъ и расплывчатымъ содержаніемъ не удовлетворяло новымъ потребностямъ общаго дѣла, и вотъ какъ-бы

на смѣну масонскихъ ложъ появились тогда первыя тайныя общества, которыя и поставили себѣ цѣлью оформить стремленія Русской молодежи, не позволить имъ угаснуть безслѣдно, но, придавъ имъ извѣстное направленіе, помочь въ достиженіи практической цѣли. Эти общества образовались въ средѣ тѣхъ офицерскихъ кружковъ, о которыхъ мы уже говорили ранѣе, и какъ въ кружкахъ, такъ и въ программѣ первыхъ тайныхъ обществъ главное вниманіе обращалось не столько на задачи политическія, сколько на вопросы общественной нравственности и народнаго образованія. Такую окраску имѣлъ и «Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» и еще ярче проявилась она въ программѣ «Союза Общественнаго Благоденствія», возникшаго въ 1818 г. на развалинахъ неудавшагося «Союза Спасенія». Основатели этого новаго общества прямо объявляли, что «одно благо Отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ *только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти, будетъ трудиться въ тайнѣ*»[53]. Въ дальнѣйшемъ развитіи программы еще яснѣе выдѣляется вся безобидность намѣреній членовъ «Союза Общ. Благоденствія». Всѣ члены союза дѣлились на четыре отрасли, обнимавшія различные круги дѣятельности. Одни должны были заботиться объ успѣхахъ частной и общественной благотворительности, извѣщать правительство о разныхъ злоупотребленіяхъ въ этомъ отношеніи и стараться по мѣрѣ возможности самимъ ихъ исправлять; другимъ предоставлялась забота о просвѣщеніи народныхъ массъ, о распространеніи образованія, о воспитаніи юношества, при чемъ надо было дѣйствовать какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и сочиненіями, въ которыхъ бы развивалась въ юношествѣ любовь къ своему, отечественному и уничтожались вредныя слѣдствія чужеземныхъ вліяній. На третьихъ налагалась обязанность не уклоняться отъ разныхъ судебныхъ и выборныхъ должностей, какъ бы незначительны онѣ ни были и исполнять ихъ съ добросовѣстностію и тщаніемъ, защищая правыхъ и обличая безсовѣстныхъ. Наконецъ послѣдніе должны были обратить свое вниманіе на развитіе промышленности и, при помощи изученія политической экономіи, стремиться изыскать непреложныя правила общественнаго богатства[54]).

---

[53]) Донес. слѣд. коммиссіи Рус. Арх. 1881, II, 2, стр. 283. Такой характеръ перваго тайнаго общества подтвердился на слѣдствіи. Верховный Судъ 1826 г. не осудилъ тѣхъ кто участвовалъ только въ этомъ союзѣ. Вспомнимъ для примѣра П. Х. Граббе.

[54]) Тамъ же, стр. 283—284.

Таковы были широкіе планы Союза. Здѣсь не мѣсто пока говорить, насколько явились они практически-осуществимыми и къ какимъ результатамъ повелъ «Союзъ Общественнаго Благоденствія», довольно указать лишь на громадную важность, самаго факта его существованія. Общество впервыя въ нашей исторіи сознало, казалось, свою роль въ государственной жизни и само готово было предложить правительству свою помощь, впервыя проявило оно самодѣятельность. Съ бурнымъ порывомъ впередъ, съ полной идеалистическихъ мечтаній головой лучшіе люди того времени только ждали призыва правительства. Увеличиваясь качественно, это возбужденіе далеко не ограничивалось узкими рамками одного тайнаго общества. Союзъ Благоденствія былъ лишь выразителемъ тѣхъ идей, которыя носились въ воздухѣ и сами по себѣ оказывали непосредственное вліяніе на умы. Поднявшіяся волны общественнаго движенія разливались широко во всѣ стороны.

Въ такое-то время идеалистическихъ порывовъ и стремленій къ дѣлу началъ свое общественное поприще Рылѣевъ. И примѣчательно, не принадлежа ни къ какому тайному обществу, даже не вѣдая объ его существованіи, онъ уже съ самаго начала показалъ, что весь проникнутъ его идеалами. Уже въ выходѣ въ отставку можно было замѣтить вліяніе новыхъ вѣяній, поступленіе же въ Петербургскій уголовный судъ было явной уступкой духу времени, когда дворяне, какъ мы видѣли, призывались занятіемъ низшихъ судебныхъ должностей внести въ удушливую атмосферу судебныхъ учрежденій новыя понятія и честный образъ мыслей. Рылѣевъ однимъ изъ первыхъ пошелъ по этому пути и своимъ трудомъ и рвеніемъ на дѣлѣ выполнилъ то, что у большинства дѣйствительныхъ членовъ «Союза Благоденствія» осталось только на словахъ.

Съ разныхъ сторонъ идутъ намъ отзывы о его службѣ въ судѣ, и восторженныя похвалы его друзей пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ бо̀льшую цѣну истины, что имъ вторятъ свидѣтельства даже такихъ недруговъ Рылѣева, какъ Гречъ. И тотъ не могъ не признать, что «Рылѣевъ служилъ усердно и честно, всячески стараясь о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей [55]). Справедливость, говорилъ Рылѣевъ Пушкину, должна быть основаніемъ и дѣйствій, и самыхъ желаній нашихъ [56]),—и съ самаго начала его судебная дѣятельность неизмѣнно сообразовалась съ этими словами, несмотря на то, что это было вовсе не легко въ то время. Какъ бы узаконенное многолѣтнимъ существованіемъ зло взяточничества, крѣпко засѣло въ

[55]) Зап. Н. И. Греча. Рус. Вѣстн. 1868, № 6, стр. 377.

[56]) Соч. Рылѣева, 2-е изд. стр. 213.

судахъ, и образъ мыслей Рылѣева былъ въ этой средѣ рѣзкимъ диссонансомъ, который старались заглушить. Трудно приходилось молодому поэту, особенно на первыхъ порахъ, и уже въ первый годъ (1821), уѣхавъ на лѣто въ отпускъ въ свою любимую Украйну, онъ писалъ оттуда Ѳ. В. Булгарину: «Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ меня ожидаютъ въ столицѣ мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ.... Это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя разоренія орды, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродье» [57]). Не привыкши кривить душой, всегда прямой и откровенный, и притомъ пылкій, онъ иногда не умѣлъ дѣйствовать, особенно тамъ, гдѣ нужна была осторожность и выдержанность, нерѣдко отъ этого начиналъ сомнѣваться въ успѣхѣ своего дѣла, и ему казалось, что напрасно сидитъ онъ, какъ труженикъ, въ Палатѣ, забывъ и нѣгу, и покой:

Укоренившееся зло
Свое презрѣнное чело,
Какъ кедръ Ливана горделивый,
Превыше правды вознесло [58]).

Но жаръ одушевлявшаго его чувства, его непреклонная вѣра въ правоту свою дѣлали однако свое дѣло, и не разъ убѣжденностью и горячностью рѣчи увлекалъ онъ судей. Никакія постороннія соображенія на него не дѣйствовали. Н. А. Бестужевъ указываетъ на дѣло Разумовскихъ крестьянъ, гдѣ Рылѣевъ выступилъ одинъ противъ всѣхъ и съ необыкновенной силой доказывалъ правоту своего мнѣнія. Тотъ же Бестужевъ передаетъ и другой разсказъ, котораго одного довольно, чтобы показать значеніе судебной дѣятельности Рылѣева.

«Однажды», говоритъ онъ, «по важному дѣлу схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ; но какъ степень виновности могла объясниться только собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдаетъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно Русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ отъ страха суда скажетъ ему истину; но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ его за милость».

---

[57]) Тамъ же, стр. 216.
[58]) Тамъ же, стр. 165.

— Какую-же милость оказалъ я тебѣ, спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ мѣщанинъ,—и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ, знаю, что буду оправданъ. Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ» [59]).

Такою извѣстностью пользовалось въ столицѣ имя Рылѣева, и конечно, эта извѣстность составилась недаромъ. Можно только пожалѣть что позднѣе, увлекшись политическими утопіями, онъ свернулъ съ столь плодотворно начатаго поприща. Но въ описываемое нами время политическія фантазіи еще не занимали его головы, онъ стоялъ на прямой дорогѣ и, говоря его же словами, старался «додать Государю и Отечеству въ гражданской службѣ то, чего не додалъ въ военной». Тутъ-то особенно ясно обнаружилось, какъ много полезнаго могъ-бы сдѣлать этотъ даровитый человѣкъ, еслибъ не его позднѣйшія заблужденія.

Прежде всего привлекательна въ немъ была его пытливая любознательность, его постоянное стремленіе къ самоусовершенствованію. Съ перваго-же времени послѣ переселенія своего въ Петербургъ онъ обратилъ вниманіе на недостатки своего образованія, которые никогда не были для него тайной, но теперь при встрѣчахъ съ людьми болѣе образованными стали какъ-то виднѣе; онъ рѣшилъ ихъ восполнить. Съ этой цѣлью онъ сближается съ П. М. Строевымъ и извѣстнымъ професоромъ Петербургскаго университета, Плисовымъ. По вечерамъ въ квартирѣ Рылѣева устраиваются цѣлыя лекціи о политической экономіи въ присутствіи человѣкъ десяти слушателей. Но не ограничиваясь этимъ, Рылѣевъ постоянно занимался самостоятельно и, придя домой послѣ трудныхъ занятій въ Палатѣ, садился за книги. Г. Кропотовъ видѣлъ экземплялъ сочиненій Бентама, весь испещренный помѣтами и примѣчаніями Рылѣева [60])—это очень характеристическая черта, гдѣ Рылѣевъ опять является передъ нами истиннымъ сыномъ своего вѣка. Бентамъ съ его теоріей величайшаго возможнаго счастья для величайшаго возможнаго числа людей былъ однимъ изъ любимѣйшихъ писателей людей двадцатыхъ годовъ. Мечтая о преобразованіяхъ, эти люди, надо отдать имъ справедливость, на первыхъ порахъ съ жаромъ принялись за изученіе наукъ общественныхъ и политическихъ; на свою бѣду только они подступали къ этому изученію съ предвзятыми идеями и, конечно, оно не могло удержать ихъ впослѣдствіи отъ ошибокъ. Къ несчастью, Рылѣевъ не отсталъ отъ своего поколѣнія и въ этомъ его занятія исторіей напр. были несомнѣнно односторонни. Вспомнимъ, въ чемъ заключаются сюжеты всѣхъ трехъ его историческихъ поэмъ. Осо-

---

[59]) Зап. Н. А. Бестужева. XIX Вѣкъ, кн. 1, стр. 339—340.

[60]) Рус. Вѣст. 1868 г. кн. 3, стр. 237.

бенное вниманіе обращалъ онъ и на исторію Новгорода и Пскова, воспѣвалъ Вадима и Марѳу Посадницу, совѣтовалъ и Пушкину, когда тотъ жилъ около Пскова, не оставить безъ вниманія эту страну, гдѣ «задушены послѣднія вспышки Русской свободы» [61]). Обращаясь къ прошлому Русскаго народа, онъ повидимому, искалъ въ немъ, какъ и его современники, только подтвержденія своихъ излюбленныхъ идей. Но эти занятія не остались однако безъ плодотворныхъ результатовъ: они сближали его съ людьми, одно знакомство съ которыми было уже полезно для Рылѣева. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, особенно хорошую службу сослужили Рылѣеву его литературныя занятія.

По переѣздѣ въ Петербургъ, онъ очень скоро нашелъ доступъ въ самые разнообразные литературые кружки того времени. Кромѣ «Невскаго Зрителя», его произведенія стали появляться и въ журналѣ Измайлова «Благонамѣренный», и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Инвалиду» Воейкова, и въ «Сынѣ Отечества» Греча и наконецъ въ «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія», издававшемся съ 1878 года Вольнымъ Обществомъ любителей Россійской словесности. Въ это послѣднее общество Рылѣевъ былъ принятъ 25 Апрѣля 1821 года членомъ-корреспондентомъ, а 5-го Апрѣля 1823 года и дѣйствительнымъ членомъ. Здѣсь на собраніяхъ, гдѣ рядомъ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Бестужевымъ засѣдали и Крыловъ, и Гнѣдичъ, и Воейковъ, Рылѣевъ сошелся и перезнакомился почти со всѣми современными писателями; здѣсь-же впервыя выступилъ онъ публично съ чтеніемъ своихъ стихотвореній и впервыя получилъ за нихъ публичное одобреніе. Радостный и веселый, говорятъ, возвращался онъ всегда съ засѣданій этого общества, унося оттуда новую вѣру въ свои силы [62])

Нѣсколько иной характеръ носилъ другой кружокъ, постояннымъ посѣтителемъ котораго также былъ Рылѣевъ,—кружокъ собиравшійся въ домѣ Н. И. Греча Тутъ сосредоточивались уже исключительно молодыя силы, бесѣды были шире, разнообразнѣе, не о литературѣ только, но и о вопросахъ общественныхъ, политическихъ. Это былъ кружокъ либераловъ, изъ которыхъ многіе потомъ попали въ печальный списокъ участниковъ 14-го Декабря. Самъ хозяинъ, послѣ находившійся подъ опалой правительства за возмущенія въ Семеновскомъ полку [63]), тогда также выдавалъ себя за либерала; но кажется, что и тогда уже многіе собирались къ нему въ домъ только потому, что здѣсь, по выраженію Михаила Бестужева, былъ фокусъ литературныхъ

[61]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 204.

[62]) Русск. Вѣст. 1869 г. № 3.

[63]) Гречъ былъ директоромъ солдатскихъ школъ, а эти школы впервыя ввелись въ Семеновскомъ полку.

талантовъ, но, «переступивъ порогъ дома, никто, по словамъ того-же Бестужева, не оставлялъ въ немъ ничего завѣтнаго» [64]). Какъ бы то ни было, и здѣсь Рылѣевъ находилъ непрестанный, живой обмѣнъ мыслей, и здѣсь завязывались у него все новыя и новыя знакомства, изъ которыхъ многія перешли со временемъ въ тѣсныя дружескія связи.

Едва-ли можно было найти человѣка болѣе способнаго на дружбу чѣмъ Рылѣевъ. Отъ природы живой и общительной, онъ переживалъ къ тому-же еще ту пору молодости, когда рано уходить въ себя, когда сердце ищетъ сочувственнаго отклика. На всѣхъ и на все, по удачному выраженію одного изъ своихъ пріятелей, смотрѣлъ онъ «въ радужные очки своей прекрасной души», и эта свѣжесть молодости, живость его взгляда и рѣчи, откровенность и порывистость чувства, соединяясь вмѣстѣ, невольно къ себѣ привлекали. Разъ подружившись, Рылѣевъ, по свидѣтельству Николая Бестужева, «готовъ былъ на всякую жертву для друга. Честь друга была для него выше всякихъ соображеній» [65]). Однажды нѣкто фонъ-Дезинъ оскорбилъ мать Бестужева и уклонялся отъ удовлетворенія. Рылѣевъ, чтобы заставить его принять вызовъ, при первой-же встрѣчѣ, наплевалъ ему въ лицо, а въ другой разъ, выдернувъ у него изъ рукъ хлыстъ, публично прибилъ его. Безъ границъ пылкій и несдержанный въ защитѣ друга, онъ умѣлъ однако говорить своимъ друзьямъ и правду столь-же горячо и прямо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно прочесть его письмо къ Булгарину въ 1823 г., когда онъ навсегда порвалъ прежнюю дружбу съ этимъ, кажется, первымъ изъ своихъ Петербургскихъ пріятелей [66]).

Неудивительно, что при такихъ свойствахъ своего характера, Рылѣевъ скоро собралъ вокругъ себя тѣсный дружескій кружокъ. Сюда вошли очень многіе изъ обычныхъ посѣтителей Греча, но разница между тѣмъ и другимъ обществомъ была значительна. У Греча господствовала умная, всегда переполненная солью и остроуміемъ, всегда ѣдкая, но сухая и холодная бесѣда хозяина; главную жъ прелесть Рылѣевскихъ собраній составляла милая задушевность и тотъ теплый, радуш-

---

[64]) Русск. Старина, 1881, № 11, стр. 610.

[65]) XIX Вѣкъ, кн. 1, стр. 346.

[66]) Соч. Рылѣева, изд. 2-е. стр. 217—220. Рылѣевъ разошелся съ Булгаринымъ изъ-за Воейкова. Поссорившись съ Гречемъ, Воейковъ сталъ издавать „Русскій Инвалидъ“, и однажды, чтобы уколоть своего врага, напечаталъ, что на его изданіе втрое больше подписчиковъ, чѣмъ на „Сынъ Отечества“. Тогда, по наущенію Греча, Булгаринъ подалъ прошеніе о передачѣ ему „Рус. Инвалида“, соглашаясь платить вдвое болѣе, чѣмъ Воейковъ. Эта выходка, возбуждавшая живѣйшее негодованіе всѣхъ литераторовъ и была поводомъ къ разрыву его съ Рылѣевымъ. См. подробности въ дневникѣ, Воейкова, напечатанномъ въ книгѣ Колбасина. „Литер. дѣятели прошлаго времени“.

ный пріемъ, съ которымъ встрѣчалъ своихъ гостей и самъ Рылѣевъ, и его привѣтливая жена. Князь Одоевскій, Кюхельбекеръ, Никита Муравьевъ, Оболенскій, Трубецкій, Сомовъ, Корниловичъ, Өедоръ Глинка – все это были обычные посѣтители и вмѣстѣ съ тѣмъ близкіе друзья Рылѣева; но всѣхъ ближе и тѣснѣе сошелся онъ съ блестящимъ адъютантомъ герцога Виртембергскаго, Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ, впослѣдствіи столь извѣстнымъ подъ именемъ Марлинскаго. Какое значеніе имѣлъ Бестужевъ въ жизни Рылѣева, видно изъ посвященія ему «Войнаровскаго».

Какъ странникъ грустный, одинокій,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ —
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла [67]).

Идя съ Бестужевымъ рука объ руку въ жизни частной, дѣля съ нимъ горе и радость, Рылѣевъ связалъ съ его именемъ свое и въ исторіи Русской журналистики изданіемъ ежегоднаго альманаха «Полярная Звѣзда». Мысль объ этомъ изданіи родилась у Рылѣева въ половинѣ 1822 года среди кружка писателей, который собирался въ его домѣ и котораго выраженіемъ предназначался быть новый литературный ежегодникъ. «Карманная книжка для любительницъ и любителей Русской Словесности, Полярная Звѣзда», съ перваго-же года явилась средоточіемъ молодыхъ и яркихъ талантовъ. Въ ней участвовали Баратынскій, Бестужевы Николай и Александръ, князь Вяземскій, Ө. Глинка, Грибоѣдовъ, Гнѣдичъ, Дельвигъ, Давыдовъ, Жуковскій, Измайловъ, Козловъ, Крыловъ, Корниловичъ, Пушкинъ, Кюхельбекеръ, Сенковскій, Туманскій, Хомяковъ, Языковъ, князь Шаховской; словомъ, блестящее собраніе талантовъ, благодаря которымъ альманахъ и теперь еще не утратилъ своей занимательности, а въ то время его появленіе было литературнымъ событіемъ. Самъ Пушкинъ отзывался о «Звѣздѣ, какъ о книгѣ, «достойной всякаго вниманія». Особенное впечатлѣніе произвели критическіе

[67]) Соч. Рылѣева, стр. 90. А. А. Бестужеву посвящены и многія другія стихотворенія Рылѣева, между прочимъ его „Стансы“.

обзоры старой и новой Русской словесности А. Бестужева, игравшіе въ альманахѣ роль передовыхъ статей. Довольно впрочемъ поверхностные, эти обзоры выдѣлялись необыкновенной образностью языка и смѣлостью сужденій, независимыхъ отъ всякихъ вліяній. Авторъ напр. одинаково признавалъ заслуги и за Шишковымъ, и за Карамзинымъ, причемъ, хваля послѣдняго, какъ литератора, намекалъ однако на его недостатки, какъ историка. Все это вызвало противъ «Полярной Звѣзды» журнальную бурю; но нападки только усилили его успѣхъ, и Сленинъ, которому было продано изданіе, получилъ большія выгоды. Книжку стали раскупать еще до ея отпечатанія, и въ короткое время она разошлась до послѣдняго экземпляра, не смотря на дорогую цѣну (10 р. за экз. на веленевой бумагѣ и 8 р. на простой, и это при сравнительно маломъ ея объемѣ, въ 16-ю долу листа, 390 страницъ).

Такой успѣхъ побудилъ издателей продолжать предпріятіе, и съ 1824 г. вышелъ новый томикъ «Полярной Звѣзды». Онъ произвелъ еще большее впечатлѣніе. Въ три недѣли, какъ свидѣтельствуютъ «Литературные Листки» раскуплено все изданіе въ количествѣ полторы тысячи экземпляровъ—успѣхъ небывалый послѣ «Исторіи Государства Россійскаго» *). Съ легкой руки Рылѣева и Бестужева на слѣдующій годъ появилось сразу нѣсколько альманаховъ или съ такимъ спеціальнымъ содержаніемъ, какъ «Русская Талія» Булгарина и «Русская Старина» Корниловича, или-же совершенно однородные съ «Звѣздою, какъ «Сѣверные Цвѣты» Дельвига. Появленіе послѣднихъ вызвано немаловажной перемѣною въ изданіи «Полярной Звѣзды» на 1825 г. Рылѣеву пришло въ голову ввести вознагражденіе авторамъ за ихъ произведенія. Это была мысль безспорно очень плодотворная для дальнѣйшаго развитія литературнаго труда; но чтобы привести ее въ исполненіе, Рылѣеву и Бестужеву пришлось отказаться отъ участія въ изданіи Сленина. Тогда, чтобы вознаградить себя въ утраченныхъ выгодахъ, Сленинъ уговорилъ Дельвига издать особый сборникъ, который подъ именемъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» и вступилъ такимъ образомъ въ прямое соперничество со «Звѣздой». Не смотря на то, что новый сборникъ вышелъ въ самое удобное время года, къ 1-му Января, а «Звѣзда» опоздала и появилась около Святой недѣли, побѣда оказалась на ея сторонѣ. Старую знакомую встрѣтили съ бо̀льшимъ еще противу прежняго радушіемъ, и «Сынъ Отечества» въ лицѣ Катенина привѣтствовалъ ее даже особымъ стихотвореніемъ.

---

*) Покойный П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что издатели „Полярной Звѣзды" возмущали его и его друга барона Дельвига своими въ то время совсѣмъ новыми пріемами въ обходѣ цензурныхъ стѣсненій: они просто подкупали цензора. П. Б.

Третью книжку «Звѣзды» издатели посвятили Государынямъ Императрицамъ, и оба при милостивыхъ рескриптахъ удостоились высочайшихъ подарковъ: Бестужевъ получилъ золотую табакерку, а Рылѣевъ два брилліантовыхъ перстня. Эти знаки монаршаго благоволенія очень важны. Они—лучшій противовѣсъ мнѣніямъ людей, которые, помня лишь позднѣйшія политическія заблужденія Рылѣева, готовы осуждать на основаніи этого и всю его дѣятельность вообще. Между тѣмъ мы видѣли, съ какой пользой служилъ онъ Государю и отечеству въ должности засѣдателя суда и сейчасъ увидимъ, какъ полезны и важны были его литературные труды, все чаще и чаще появлявшіяся въ печати.

Рылѣевъ чрезвычайно высоко ставилъ дѣло поэта, считалъ санъ его «великимъ и святымъ» и говорилъ, что

Святая правда—долгъ его,
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.

Въ думѣ «Державинъ» вотъ какими словами рисуетъ онъ идеалъ поэта:

Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой;
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный Славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ;
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
На перекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ покойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ.
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ [68]).

Знаменательно, что, опредѣляя такъ поэта, Рылѣевъ опять-таки сходился въ своихъ воззрѣніяхъ съ программой Союза Общественнаго Благоденствія Ограничивая область поэзіи «непритворнымъ изложеніемъ чувствъ высокихъ и къ добру увлекающихъ», члены Союза также стремились «придать изящнымъ искусствамъ надлежащее направленіе, состоящее въ укрѣпленіи, благородствованіи и возвышеніи нравственнаго существа нашего» [69]). Оттого и поэзія Рылѣева пришлась особенно

---

[68]) Соч. Рылѣева, изд. 4-е, стр. 74.

[69]) См. приложенія къ книгѣ г. Пыпина „Общ. движ. при Александрѣ I". Законоп. Союза Общ. Благоденствія.

подъ стать молодому поколѣнію 20-хъ годовъ, и по мыслямъ и высотѣ чувствованій» они ставили ее выше Пушкинской [70]). Очевидно, и поэтъ, и его поклонники смотрѣли на поэзію съ совершенно особой точки зрѣнія, цѣнили въ поэтѣ не художника, а «глашатая правды и добра». Вышеприведенные стихи должны характеризовать поэта, но на самомъ дѣлѣ они характеризуютъ скорѣе идеальнаго гражданина. Сама поэзія Рылѣева была такъ называемой гражданской поэзіей. Ее нельзя поэтому и судить съ исключительно-художественной точки зрѣнія. Ея значеніе двояко: историческое, поскольку она является отраженіемъ идеаловъ современнаго молодаго поколѣнія, и воспитательное.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи наиболѣе важны знаменитыя «Думы», прославившія Рылѣева. Они были не болѣе, какъ подражаніемъ Польскимъ историческимъ пѣснямъ Юліана Нѣмцевича, чего не скрывалъ и самъ авторъ, приведя въ предисловіи слова Нѣмцевича: «Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его съ свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ. Ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта». Съ этою же цѣлью писалъ свои думы и Рылѣевъ. Въ «Волынскомъ» онъ прямо перелагаетъ въ стихи мысли Нѣмцевича, говоря, что выводитъ передъ юношей образы національныхъ героевъ.

Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина;
Любовью къ родинѣ дыша
Да все для ней онъ переноситъ—
И благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью...

Думы Рылѣева—это прописныя нравоученія въ стихахъ. Всѣ они писаны или на тему о торжествѣ нравственнаго закона, о томъ, что рано или поздно, но

Злодѣйство приметъ воздаянье,

или учатъ, что надо быть вѣрнымъ своему долгу и что

[70]) „XIX Вѣкъ“, кн. I, стр. 348.

Ужасно быть рабомъ страстей:
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью.

Такой характеръ «Думъ» дѣлаетъ изъ нихъ прекрасную дѣтскую книжку и, конечно, никто не станетъ оспаривать ихъ воспитательнаго значенія. Оно тѣмъ бо̀льше и глубже, что правила отвлеченной нравственности освѣщаются у Рылѣева не примѣрами и случаями изъ частной жизни, но на широкомъ полѣ общественныхъ отношеній. «Думы» не только воспитываютъ понятіе о долгѣ, но и вкореняютъ въ дѣтяхъ любовь къ отечеству, убѣжденіе, что они сыны одной великой народной семьи и что обязаны всецѣло посвящать себя благу отчизны. Эта гражданская окраска и была главной причиной ихъ успѣха. Рылѣевъ не напрасно писалъ Пушкину: «Убѣжденъ душевно, что нѣкоторыя думы хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей». Думы дѣйствительно читались и производили впечатлѣніе всюду; о нихъ говорили и писали, ими восхищались, и многіе даже подражали имъ. Было, значитъ, что-то, что̀ дѣлало ихъ равно любезными и для юноши, и для взрослаго; это было чувство народной гордости, оживляющей нитью проходившее черезъ всѣ думы. Недаромъ-же одна изъ нихъ дала мысль геніальному творцу Русской музыки написать первую истинно-народную оперу. И теперь, спустя много лѣтъ, невольно возвышаешся духомъ и чувствуешь что-то родное и близкое сердцу Русскаго, читая эти полныя благородства и спокойной гордости слова Сусанина къ Полякамъ:

Предателя мнили, во̀ мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ....
. . . . Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто Русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за царя и за Русь!

Пусть въ этихъ словахъ нѣтъ, можетъ-быть, историческаго колорита, но за то въ нихъ много той народной правды, которая и по сейчасъ еще трогаетъ. Особенно сильно должна была она дѣйствовать на сердца въ свое время, когда, послѣ общенароднаго возбужденія 1812 года, еще продолжалось то чуткое, воспріимчивое состояніе общества, при которомъ сто̀итъ только коснуться больныхъ струнъ, чтобы они заговорили. И поэзія Рылѣева задѣвала эти струны. Въ этомъ ея большая общественная заслуга.

Озаренная блескомъ военной славы, Россія переживала періодъ внутренняго недомоганія. Необходимость нѣкоторыхъ преобразованій была очевидна; но для ихъ выполненія требовался, можетъ быть, еще бóльшій подъемъ чувства, чѣмъ въ 1812 году. Возбуждая любовь къ отечеству, Муза Рылѣева умѣла его и направить, куда слѣдовало. Рылѣевъ прямо говорилъ:

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ....
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—
Ничто предъ доблестью гражданской.

Горячая и возвышенная проповѣдь этой доблести составляетъ главную силу Рылѣевской поэзіи. Его неизмѣнно занимали два образа: идеальнаго гражданина и идеальнаго правителя, и въ ихъ обрисовкѣ онъ явился вѣрнымъ выразителемъ идеаловъ своего поколѣнія.

Требованія, предъявляемыя поэтомъ къ гражданину, строги и высоки. Онъ судитъ его не по дѣламъ, но по его внутреннимъ побужденіямъ. Точное и добросовѣстное, но сухое исполненіе обязанностей передъ родиной его не удовлетворяетъ. Онъ прежде всего требуетъ жара душевнаго, объ отсутствіи котораго такъ говоритъ въ «Войнаровскомъ»:

Я не люблю сердецъ холодныхъ.
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ;
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ.
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.

«Прямой гражданинъ родины», преисполненный этой высокой душевной силы, не знаетъ ни тщеславія, ни корысти; служа отчизнѣ, онъ позабываетъ о себѣ.

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Повсюду честный человѣкъ,

Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
И пусть падетъ! Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы герою въ воздаянье
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

Законченный возстаетъ передъ нами въ этихъ строкахъ образъ гражданина-энтузіаста своей родины. Рылѣевъ съ особенной любовью отдѣлывалъ этотъ типъ и повторилъ во всѣхъ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. И «Державинъ», и «Войнаровскій», и «Наливайко»—все это варіаціи на одну и туже тему.

Не менѣе удался Рылѣеву и другой образъ—царя. Въ выработкѣ его опять сказалось вліяніе времени, когда общественная мысль отъ внѣшнихъ событій обратилась къ внутреннимъ дѣламъ, когда всѣ сознали, что

. . . . . для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ незабвенныхъ лѣтъ.

Не храбрый воинъ и не искусный полководецъ, но правитель кроткій, миролюбивый, водворяющій въ странѣ миръ и спокойствіе—вотъ какой идеалъ царя былъ у всѣхъ. Этотъ идеалъ у Рылѣева нашелъ себѣ выраженіе въ думѣ «Годуновъ». Здѣсь Борисъ выводится «истиннымъ покровомъ подданныхъ, проливающимъ съ высотъ трона рѣки благъ народу». Онъ всѣмъ даетъ «законную свободу», открываетъ всѣ пути полезному и достигаетъ наконецъ того, что все государство благоденствуетъ, и «торговлею цвѣтутъ и города, и села». Но еще лучше и яснѣе вырисовывается передъ нами образецъ царя въ одѣ «Видѣніе», написанной на день рожденія великаго князя Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II-го. Какъ бы провидя взоромъ царственную судьбу будущаго Государя, Рылѣевъ заставляетъ обращаться къ нему тѣнь Екатерины, въ такихъ мудрыхъ словахъ научающую внука править:

Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу

А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей,
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность Русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ народы и цари.

Поэтическое произведеніе не передовая статья, отъ него нельзя требовать точности протокольной; но, на сколько позволяютъ форма и короткій размѣръ стихотворенія, на столько выразились въ «Видѣніи» идеалы и завѣтныя чаянія современнаго поколѣнія. Тутъ возстаетъ передъ читателями уже не одинъ только образъ идеальнаго царя, тутъ цѣлая программа преобразованій, мысль о которыхъ все болѣе и болѣе созрѣвала въ Русскомъ обществѣ. Тутъ и отмѣна крѣпостнаго права, тутъ и преобразованіе судовъ («рабства духъ, неправосудье истреби») и распространеніе просвѣщенія, и свобода слова—все нашло себѣ выраженіе. Все это—реформы, которыя четыре десятка лѣтъ спустя съ такимъ блескомъ и славою были осуществлены по волѣ Царя-Освободителя, и въ томъ, что Рылѣевъ явился ихъ пѣвцомъ въ свое время, лучше всего выясняется общественно-историческое значеніе его поэзіи. Рылѣева-поэта не слѣдуетъ смѣшивать съ Рылѣевымъ политическимъ дѣятелемъ. Въ стихотвореніяхъ своихъ Рылѣевъ выступаетъ передъ нами лучшими сторонами своего характера и, конечно, наиболѣе удавшійся, наиболѣе законченный изъ всѣхъ образовъ, возстающихъ передъ читателемъ его стихотвореній—это образъ его самого, пылкаго и восторженнаго юноши.

Но время шло впередъ и впередъ. Новыя идеи, новыя вѣянія носились въ обществѣ. «Союзъ Общественнаго Благоденствія» давно распался и уничтожился. Общественно-нравственные идеалы уступали мѣсто другимъ—политическаго свойства. Обстоятельства измѣнялись, и скоро подъ ихъ вліяніемъ измѣнился и Рылѣевъ, измѣнилось и самое

направленіе его дѣятельности. Оставаясь по прежнему восторженнымъ энтузіастомъ, онъ сдѣлался въ тоже время слѣпымъ фанатикомъ одной любимой идеи.

VII.

Чтобы уяснить себѣ ту перемѣну въ настроеніи умовъ, которая къ 1823 году стала уже вполнѣ явной и осязаемой, необходимо обратиться нѣсколько назадъ и остановить свое вниманіе на участи Союза Общественнаго Благоденствія.

Союзъ этотъ съ самой первой минуты своего существованія носилъ въ себѣ зачатки разложенія уже по тому одному, что его программа далеко не удовлетворяла требованіямъ практики. Указывая въ общихъ чертахъ, что̀ нужно дѣлать, призывая къ дѣятельности, она не показывала, какъ надо къ ней приступать; а между тѣмъ это именно и было дѣломъ первой важности. Люди, составлявшіе Союзъ, принадлежа по большей части къ высшей аристократіи или во всякомъ случаѣ къ обезпеченному классу, не зная нужды и привыкши идти по проторенной служебной дорогѣ, при своей молодости, совсѣмъ не могли ни развить въ себѣ житейской опытности, ни пріобрѣсти достаточныхъ теоретическихъ знаній. Въ нихъ слишкомъ мало было практическаго смысла, слишкомъ мало знаній Русской дѣйствительности; но за то слишкомъ много горячаго искренняго чувства и идеалистическихъ мечтаній, чего, однако, было безусловно недостаточно для дѣятельности въ духѣ Союза, которая требовала труда упорнаго, мелкаго, замѣтнаго. И дѣйствительно, за все время существованія Союза дѣло его, можно сказать, оставалось на мѣстѣ, и все ограничивалось одними предположеніями и планами, обсуждавшимися на болѣе или менѣе частыхъ собраніяхъ, что̀ усиливало и безъ того болѣзненно-тревожное настроеніе Русскихъ людей, не давая ихъ напряженнымъ силамъ никакого выхода: эти силы перегарали по-пустому. Напрасно болѣе молодые члены общества обращались къ основателямъ «Союза», требуя отъ нихъ инструкцій. Тѣ сами нуждались въ инструкціяхъ. Наконецъ, спустя слишкомъ два года послѣ основанія «Союза», необходимость выяснить себѣ положеніе дѣлъ и вывести общество изъ бездѣйствія стала настолько очевидной и настоятельной, что рѣшено было собраться, въ Февралѣ 1821 года, въ Москвѣ, чтобы сообща изыскать средства къ дальнѣйшей дѣятельности. Но вмѣсто этихъ изысканій присутствовавшіе члены, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, пришли къ тому убѣжденію, что при тѣхъ условіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ Россіи, если и возможно что-либо сдѣлать, то только индивидуальными усиліями, отнюдь

не совокупнымъ трудомъ массы отдѣльныхъ лицъ [71]). Послѣдствіемъ этого признанія было закрытіе «Союза Общественнаго Благоденствія».

Но это закрытіе мало поправило дѣло. Легко было уничтожить тайное общество; но трудно, можно даже сказать невозможно было какимъ-нибудь десяти человѣкамъ искоренить тотъ духъ, выраженіемъ котораго оно было. Этотъ духъ, проникшій далеко за предѣлы «Союза», имѣлъ свое органическое развитіе: съ неудержимою силою шло оно впередъ. Уже на самомъ съѣздѣ 1821 года сказалось разногласіе между членами, и нѣкоторые не желали уничтоженія «Союза». На Югѣ извѣстіе о его закрытіи было принято совсѣмъ недоброжелательно, и рѣшено было не прикрывать общества. На Сѣверѣ общество нѣкоторое время было совершенно дезорганизовано; но въ 1822 году и здѣсь оно стало возобновляться. Такимъ образомъ духъ, оживлявшій «Союзъ», сохранился; только подъ вліяніемъ различныхъ условій онъ принялъ новую форму, настроеніе измѣнялось, и далеко не къ лучшему. Прямое слѣдствіе неудовлетворенности стремленій къ дѣлу, недовольство, все росло и росло.

Видя, что правительство не думаетъ поощрять общественную самодѣятельность, желая дѣла и не получая его, люди двадцатыхъ годовъ не замѣчали въ тоже время, что въ нихъ самихъ лежала причина ихъ бездѣйствія и, сваливая всю вину на правительство, стали подумывать о замѣнѣ существующаго государственнаго порядка такимъ, въ которомъ общество играло бы болѣе самостоятельную роль. Уже на съѣздѣ 1821 года сказалось это новое теченіе общественной мысли, и нѣкоторые открыто заявляли, что они выходятъ изъ «Союза», потому, что замѣчаютъ въ немъ «явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ» [72]). Обстоятельство весьма характерное: «Союзъ Общественнаго Благоденствія», можетъ быть, именно потому и долженъ былъ прекратить свое существованіе, что его общественно-нравственные идеалы не соотвѣтствовали болѣе настроенію его членовъ. То было время, которое смѣло можно назвать временемъ политической горячки. Всѣ эти молодыя головы работали надъ политическими теоріями и, примѣняя ихъ къ Россіи, приходили къ самымъ безумнымъ рѣшеніямъ, обличавшимъ ихъ полное незнаніе Русской дѣйствительности и слишкомъ неосновательное знакомство съ политическими науками. Каждый однако считалъ себя обязаннымъ имѣть свое собственное мнѣніе о будущемъ преобразованіи, и теорій самыхъ разнообразныхъ было множество. Это-то полное преобладаніе полити-

---

[71]) Tourguéneff. La Russie et les Russes, t. I, p. 91.

[72]) Донесеніе Слѣдственной Ком. 1826 г. стр. 23.

ческаго элемента и составляло отличительную черту новыхъ тайныхъ обществъ въ сравненіи съ прежними.

Новыя общества возникли независимо другъ отъ друга на разныхъ окраинахъ Россіи и различались даже по своему устройству. Въ то время какъ члены Южнаго общества дѣлились на братій, мужей и бояръ, члены Сѣвернаго раздѣлялись на *согласныхъ* и *убѣжденныхъ*, причемъ изъ этихъ послѣднихъ составлялась *Верховная Дума*. Между двумя обществами не было даже постоянныхъ и точно опредѣленныхъ сношеній, никакой общій уставъ не связывалъ ихъ, хотя и каждое изъ нихъ само по себѣ не имѣло опредѣленнаго устава. Однако между ними было и нѣчто общее. Этимъ общимъ являлось то, что они выросли на одной почвѣ, возникли изъ однихъ побужденій, были выраженіемъ одного недовольства. Въ своей дѣятельности они проявляли только различныя степени этого недовольства, и это всего ярче выразилось въ томъ различіи направленій, которое представляютъ собой два проекта преобразованій—одинъ, возникшій въ средѣ Южнаго Общества и написанный Пестелемъ, другой, сочиненный основателемъ Сѣвернаго Общества, Никитой Муравьевымъ. «Русская Правда» Пестеля написана въ чисто-республиканскомъ духѣ; конституція Муравьева имѣла монархическій характеръ съ оставленіемъ государю власти подобной той, какую имѣлъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. И въ томъ и другомъ проектѣ выражалось общее обоимъ обществамъ желаніе перемѣны существующаго государственнаго устройства, и только въ вопросѣ, какъ подойти къ этой реформѣ, заключалась вся разница. Эта разница характеризовала собою и различіе Южнаго и Сѣвернаго обществъ. Насколько первое было радикально и, подчиняясь авторитету Пестеля, смѣло шло за своимъ вождемъ, настолько второе являлось сравнительно охранительнымъ: въ немъ не было энергическихъ вождей, не было оживленія, умѣренность брала верхъ надъ радикализмомъ и такъ продолжалось почти вплоть до 1824 года, когда во главѣ Общества сталъ принятый въ 1823 году Рылѣевъ, и вмѣстѣ съ этимъ вся дѣятельность его товарищей получила болѣе оживленное теченіе.

На примѣрѣ Рылѣева всего яснѣе обрисовывается передъ нами, какъ незамѣтно и скоро совершалась въ Обществѣ перемѣна настроенія. Пріѣхавъ въ Петербургъ совсѣмъ провинціаломъ, онъ все еще былъ настолько наивенъ и мечтателенъ, что могъ увлечься ученіемъ масонскаго союза. Это было запоздалое увлеченіе. Въ Обществѣ далеко двинулись впередъ, и стала замѣчаться неудовлетворенность даже «Союзомъ Общественнаго Благоденствія». Рылѣевъ отсталъ, но не на долго. Быстро перейдя отъ мистическихъ плановъ масоновъ къ болѣе яснымъ и положительнымъ задачамъ «Союза Благоденствія», онъ весь

отдался дѣятельности въ Палатѣ. Разочарованія однако давали себя знать, и пусть Рылѣевъ крѣпился, но «заря счастливаго будущаго», еще такъ недавно казавшаяся столь близкой, стала все отдаляться и отдаляться. Невольно обращались его взоры на Государя, того Александра, котораго онъ «обожалъ» въ корпусѣ и которому еще въ 1821 году пѣлъ хвалебные гимны, говоря, что «ему не чужды священныя права народовъ и земель и ихъ существенныя нужды». Въ 1823 г. онъ уже надѣется только на будущее, отъ него ожидая выполненія своихъ завѣтныхъ идеаловъ, къ нему обращаясь въ своемъ знаменитомъ «Видѣніи». Молодыя силы между тѣмъ, ничѣмъ не обуздываемыя, предоставленныя самимъ себѣ, бродили и волновались; захотѣлось ускорить будущее, приблизить его; забывались мудрыя слова Бентама, что «ходъ мысли, чтобы быть вѣрнымъ, долженъ быть медленнымъ»; оставался еще одинъ шагъ, и Рылѣевъ въ началѣ 1823 года былъ принятъ Пущинымъ въ тайное общество, прямо въ кругъ «убѣжденныхъ». Онъ скоро оправдалъ это избраніе. Сблизившись съ новыми товарищами, онъ уже въ 1824 году, какъ мы увидимъ, рѣзко измѣнилъ свои убѣжденія и изъ человѣка приверженнаго своему монарху сталъ республиканцемъ и наиболѣе демократичнымъ изъ всѣхъ членовъ Сѣвернаго и, пожалуй и Южнаго, Обществъ.

Вмѣстѣ съ этой перемѣной политическихъ убѣжденій измѣнилась и его общественная дѣятельность. Въ часы досуга уже не о нравственной пропагандѣ начинаетъ онъ задумываться, а о разныхъ политическихъ утопіяхъ и, что̀ особенно замѣчательно, Рылѣевъ оставляетъ свою плодотворную дѣятельность въ Палатѣ и поступаетъ секретаремъ въ Правленіе Россійско-Американской Компаніи [73]). Случайно ли было это совпаденіе или нѣтъ, намъ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ оно характерно.

Новая служба Рылѣева носила совершенно иной характеръ, чѣмъ прежняя въ Палатѣ, и это различіе обусловливалось самымъ различіемъ учрежденій. Россійско-Американская Компанія имѣла своею задачей наблюденіе за тѣми колоніями, которыя были основаны Русскими въ Америкѣ. Еще въ царствованіе Екатерины II Русскіе охотники за пушными звѣрями и торговцы переправлялись съ восточнаго берега Сибири въ Америку и тамъ занимались своимъ промысломъ. Постепенно дѣло это получило правильное устройство и приняло настолько широкіе размѣры, что правительство рѣшилось взять его подъ свое покровительство. Такимъ образомъ и возникла Россійско-Амери-

---

[73]) Рылѣевъ вышелъ изъ Палаты между 29 Ноября 1823 и 1 Января 1824 г. См. Вѣстн. Евр. 1888, № 11, стр. 207.

канская Компанія, имѣвшая въ царствованіе Александра уже довольно обширный кругъ дѣйствій и множество дѣлъ. Но дѣла эти, по самому характеру учрежденія, не представляли мѣста для служенія общественнымъ идеаламъ. Приходилось ограничиваться добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ нѣсколько канцелярскихъ обязанностей, не вдаваясь въ болѣе широкія сферы. Есть свидѣтельства [74])—и они очень распространены—что особенную услугу оказалъ Рылѣевъ Компаніи по поводу колоніи Россъ въ Калифорніи, которую будто бы должны были передать по трактату Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Говорятъ, что противъ этого особенно вооружился Кондратій Ѳедоровичъ, такъ какъ видѣлъ въ этой колоніи твердую опору для разработки золотыхъ пріисковъ въ Америкѣ. Но эти свидѣтельства не заслуживаютъ никакого довѣрія, потому что о передачѣ колоніи и не думали. До 1846 года она оставалась въ Русскомъ владѣніи и лишь тогда была продана Швейцарцу Суттеру. Нѣтъ сомнѣнія все-таки, что Рылѣевъ былъ трудолюбивымъ и полезнымъ для Компаніи человѣкомъ. Гречъ со словъ самогo директора Компаніи Ив. Вас. Прокофьева, разсказываетъ, что «онъ трудился ревностно и съ большой пользой». Правда, со словъ того же Прокофьева, Гречъ упоминаетъ, что это было лишь въ началѣ и что «потомъ Рылѣевъ, одурѣвъ отъ либеральныхъ мечтаній, охладѣлъ къ службѣ и валилъ черезъ пень колоду» [75]), но это еще не даетъ права, какъ дѣлаютъ нѣкоторые [76]), набрасывать тѣнь на всю его службу. Дѣйствительно, передъ возстаніемъ, когда всѣ члены общества были какъ бы въ безпамятствѣ и въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, Рылѣевъ могъ упускать изъ виду свою службу, оставляя все на разсмотрѣніе помощнику дѣлопроизводителя, О. М. Сомову; но свидѣтельство директора, подарокъ енотовой шубы въ 700 рублей, постоянная любовь и расположеніе къ нему начальниковъ, ихъ заботливость о его семействѣ, когда онъ былъ въ крѣпости, наконецъ та готовность, съ которой они простили ему долгъ Компаніи въ 3000 рублей—все это свидѣтельствуетъ, что, по крайней мѣрѣ въ первую половину своей службы, Рылѣевъ приносилъ Компаніи немалую пользу.

Въ свою очередь и Компанія не осталась передъ нимъ въ долгу. Прежде всего компанейскія дѣла доставили ему возможность войти въ непосредственныя сношенія съ такими людьми, какъ Сперанскій и Мордвиновъ. Офиціальный покровитель Компаніи, Мордвиновъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей царствова-

---

[74]) XIX Вѣкъ, кн. I, стр. 315. См. также „Русск. Вѣстн". 1869 г. кн. 8, стр. 237.
[75]) Записки Н. И. Греча. Русск. Вѣстн. 1868, № 6, стр. 377.
[76]) Древн. и Нов. Россія 1876 № 10, стр. 212 и 1872 г. № 4 стр. 312.

нія Александра. Рылѣевъ еще въ 1823 году посвятилъ ему оду «Гражданское Мужество», гдѣ, удивляясь твердому уму и непоколебимой честности адмирала, въ самыхъ восторженныхъ словахъ восхвалялъ его за то, что онъ

Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Эта ода подала впослѣдствіи поводъ къ клеветѣ. Говорили, что Рылѣевъ намѣренно льститъ адмиралу, надѣясь получить отъ него покровительство, чего будто бы и достигъ, такъ какъ лишь благодаря вліянію Мордвинова его не уволили отъ службы. Но самыя обстоятельства опровергаютъ эту ложь: ода была написана задолго до знакомства поэта съ адмираломъ. Вообще поэтъ могъ смѣло сказать о своихъ отношеніяхъ къ высшимъ сановникамъ:

Свободой, правдой вдохновенный,
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь,
И не вымѣнивалъ на лесть
Ихъ благосклонности надменной.

Если впослѣдствіи онъ посвятилъ Думы тому же Мордвинову, то опять таки руководясь исключительно чувствомъ уваженія, которое внушалъ всѣмъ адмиралъ. Съ своей стороны Мордвиновъ также цѣнилъ въ Рылѣевѣ его достоинства и, хотя тотъ бывалъ у него рѣдко—всего только два раза по свидѣтельству графини Н. Н. Мордвиновой—[77]), отношенія ихъ были таковы, что послѣ 14-го Декабря многіе не обинуясь, говорили, что адмиралъ, а также и Сперанскій, знали черезъ Рылѣева о тайномъ обществѣ [78]). Во всякомъ случаѣ, эти отношенія придавали Рылѣеву еще бо́льшій авторитетъ среди его сотоварищей; они же приносили ему и другую, истинную пользу,—ту, какую вообще способно доставить знакомство съ такими просвѣщенными людьми, какими были Мордвиновъ и Сперанскій.

Другія выгоды, полученныя Рылѣевымъ отъ службы въ Компаніи были уже инаго, чисто-матеріяльнаго свойства. Со смертью въ 1824 году матери, денежныя дѣла его еще болѣе разстроились. Для уплаты долговъ, оставшихся послѣ Анастасіи Матвѣевны, пришлось заложить въ Ломбардъ деревню. При прежнемъ жалованьи Рылѣеву едва-ли бы

---

[77]) Зап. графини Н. Н. Мордвиновой, стр. 85.
[78]) См. книгу Иконникова: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, стр. 440—448.

удалось окончить всѣ эти операціи и ежегодно платить въ Ломбардъ 700 рублей; теперь-же, благодаря своей службѣ въ Компаніи, онъ получалъ довольно большое жалованье и могъ очень недурно жить со своимъ семействомъ, которое къ тому времени увеличилось.

Уже гораздо раньше у него родился сынъ Александръ; 23-го Мая 1823 года родилась еще дочь Анастасія. Сынъ, впрочемъ, въ 1824 году умеръ, горько оплаканный родителями, поставившими ему памятникъ, на которомъ были вырѣзаны стихи Кондратія Өедоровича: «На смерть сына»; но въ утѣшеніе отцу осталась дочь, маленькая, смugленькая и бойкая, оживлявшая семейную жизнь поэта. На ея воспитаніе и на удобства жены были направлены всѣ заботы Рылѣева, не забывавшаго впрочемъ даже такихъ своихъ родственниковъ, какъ напр. его побочная сестра, Анна Өедоровна. Эта дѣвушка, уже пожилая, но чрезвычайно легкомысленная и взбалмошная, своей грубостью едва-ли могла привлечь къ себѣ кого-нибудь. Рылѣевъ-же, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, принялъ ее къ себѣ, далъ отдѣльную комнату и заботился о ней, какъ о родной сестрѣ. И впослѣдствіи, переѣхавъ въ домъ Компаніи (у Синяго моста), онъ не переставалъ помогать ей и даже имѣлъ изъ-за нея очень непріятную исторію, въ которой могъ-бы поплатиться жизнью. Дѣло въ томъ, что, благодаря своей вѣтренности, Анна Өедоровна позволила одному молодому офицеру, подпоручику лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, князю Шаховскому настолько далеко зайти въ своихъ отношеніяхъ къ ней, что его стали считать за жениха; но онъ, повидимому, отказался, и дѣло должно было окончиться дуэлью. Князь Шаховской не хотѣлъ было драться, но Рылѣевъ дѣйствовалъ такъ настойчиво, что по неволѣ надо было согласиться [79]). Дуэль была самая ожесточенная, на близкомъ разстояніи, и только случай спасъ противниковъ отъ смерти. Пуля Рылѣева попала въ дуло пистолета Шаховскаго и отклонила такимъ образомъ направленный въ лобъ выстрѣлъ, такъ что Рылѣевъ отдѣлался долгимъ лежаньемъ въ постели. Дуэль эта происходила въ началѣ 1824 года, т. е. въ то именно время, когда Рылѣевъ мало-по-малу освоивался съ положеніемъ члена тайнаго общества и незамѣтно сталъ оказывать вліяніе на своихъ новыхъ товарищей.

Уже въ 1823 г. члены тайнаго общества, пріѣзжавшіе съ Юга въ Петербургъ съ цѣлью узнать ближе своихъ сѣверныхъ товарищей, обратили на него особенное вниманіе и доносили о немъ Пестелю, какъ объ «исполненномъ отваги». Пріѣздъ Пестеля въ Петербургъ и его знакомство съ Рылѣевымъ были послѣднимъ толчкомъ; укрѣпивъ въ Кондратіи Өедоровичѣ тѣ мысли, которыя издавна созрѣвали въ его

---

[79]) Русск. Архивъ 1871 г., № 7, стр. 983—984.

головѣ, бесѣды Пестеля несомнѣнно подѣйствовали на все дальнѣйшее направленіе его политической дѣятельности.

Полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка, Павелъ Ивановичъ Пестель принадлежалъ къ числу тѣхъ сильныхъ и изъ ряда выдающихся людей, которымъ какъ-бы самою судьбою назначено властвовать и подчинять себѣ другихъ. Сила его рѣчи и опредѣленность сужденій вмѣстѣ съ удивительнымъ даромъ слова заставляли каждаго видѣть въ немъ человѣка ума необыкновеннаго. Не только люди болѣе слабые, не имѣвшіе своихъ собственныхъ воззрѣній или отличавшіеся шаткостью убѣжденій, но и дѣйствительно умные члены Общества слѣпо шли за нимъ, какъ за наилучшимъ вождемъ, не замѣчая другихъ, отрицательныхъ его свойствъ: непомѣрнаго честолюбія и непреодолимаго, рѣшительно не имѣвшаго предѣловъ желанія властвовать. Завладѣвъ почти неограниченною властью надъ умами всѣхъ членовъ Южнаго Общества, онъ скоро захотѣлъ распространить свое вліяніе и на Сѣверъ. Чуть не съ самаго возникновенія общества онъ уже старается и устно черезъ Швейковскаго, Давыдова и Матвѣя Муравьева-Апостола, и письменно черезъ князя Барятинскаго достигнуть этой цѣли и уговариваетъ членовъ Сѣверной Думы принять его воззрѣнія, прибавляя при этомъ: «Les demi-mesures ne valent rien; içi nous voulons avoir maison nette» *). Но во всемъ этомъ недоставало именно того, чѣмъ такъ силенъ былъ Пестель: и въ устныхъ порученіяхъ, и въ короткомъ письмѣ негдѣ было развернуться его краснорѣчію, и всѣ эти попытки соединенія двухъ обществъ остались безуспѣшными. Тогда въ началѣ 1824 года Пестель прибылъ въ Петербургъ самъ, надѣясь уже лично устроить все по-своему, и этотъ пріѣздъ является однимъ изъ важныхъ событій въ исторіи Сѣвернаго Общества, а въ біографіи Рылѣева онъ получаетъ, какъ мы сказали, особенно большое значеніе.

Тотчасъ-же по пріѣздѣ Пестель приступилъ къ своему дѣлу, при чемъ прежде всего постарался оказать воздѣйствіе на болѣе молодыхъ членовъ Общества, какъ на такихъ, убѣдить которыхъ было легче всего. Среди этихъ новыхъ членовъ особенно бросался въ глаза Рылѣевъ, и проницательный Пестель, угадавъ въ немъ будущаго вождя, обратилъ всѣ старанія, чтобы привлечь его на свою сторону. Онъ началъ съ того, что потихоньку поддакивалъ ему и заставлялъ его высказываться съ цѣлью узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и какъ надо поступать. Дѣйствуя то ласкательствами, то хитростью, онъ, какъ показывалъ на слѣдствіи самъ Рылѣевъ **), заявлялъ попеременно разныя полити-

*) Полумѣры ни на что негодны; намъ надо здѣсь дѣйствовать на чистоту.

**) Донесеніе Слѣдств. Ком., стр. 42.

ческія мнѣнія: онъ былъ то гражданиномъ Сѣверо-Американскимъ, то защитникомъ государственнаго устава Англіи, то конституціи Испанской, и террористомъ, и Наполеонистомъ. Между прочимъ, сказавъ, что богатствомъ, силой и славой Англія обязана своимъ законамъ, онъ черезъ минуту согласился съ Рылѣевымъ, что сіи законы устарѣли, не годятся для нашего вѣка, наполнены недостатками и могутъ плѣнять только слѣпую чернь, купцовъ, лордовъ и близорукихъ Англомановъ. Хваля Бонапарте, на слова Рылѣева, что даже честолюбцу должно, для собственной выгоды, подражать скорѣе Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: «правда; но если-бъ и вышелъ Наполеонъ, то мы все не будемъ въ проигрышѣ». Такимъ образомъ вывѣдывая, хитря и узнавъ образъ мыслей Рылѣева, Пестель раскрылъ передъ нимъ всѣ выгоды республиканскаго правленія. Онъ долго и много говорилъ и ему, и другимъ членамъ тайнаго общества о ихъ бездѣятельности, о розни, существующей между Сѣверомъ и Югомъ, о дезорганизаціи Сѣвернаго Общества. Онъ убѣждалъ соединиться всѣмъ, стать подъ одно знамя и, направивъ усилія къ достиженію одной цѣли, прямо и дружно идти ей на встрѣчу. Рѣчи его нашли себѣ доступъ къ умамъ членовъ Сѣвернаго Общества, а на чуткаго, воспріимчиваго Рылѣева произвели особенное дѣйствіе. Новый свѣтъ, казалось ему, озарилъ его до сихъ поръ туманныя представленія; все, что̀ познавалось чувствомъ, теперь получило наглядную, опредѣленную форму. Этой формы одной ему недоставало, и никто не былъ такъ способенъ восполнить этотъ недостатокъ, какъ Пестель.

Все, чего не было у Рылѣева, было у Пестеля, и наоборотъ. Одинъ горячій и смѣлый энтузіастъ, почти фанатикъ своихъ идей, но уже въ силу этого энтузіазма привыкшій все подчинять чувству и потому не умѣющій безпристрастно, послѣдовательно разрабатывать свои теоріи; другой—блестящій теоретикъ, энергичный и волей, и умомъ, слишкомъ мало энтузіастъ, но за то расчетливый, честолюбивый, съ обдуманными, смѣлыми планами. Логическій умъ одного пополнялъ горячее чувство другаго, давая ему ту поддержку, ту крѣпость и устойчивость, какой у него не было.

Укрѣпляя чувство, умъ Пестеля не съумѣлъ однако подчинить себѣ горячую и живую натуру Рылѣева. Порывистая и пламенная, она не знала подчиненія и развивалась сама по себѣ. Найдя въ словахъ Пестеля ясное и опредѣленное выраженіе своихъ завѣтныхъ мыслей, Рылѣевъ съ той-же чуткостью угадалъ въ этихъ словахъ и ту жажду власти и честолюбія, которыя заставляли Пестеля мечтать, какъ онъ, въ качествѣ главы будущаго «Временнаго Правленія», будетъ само-

властно править Россіей; онъ угадалъ въ этихъ словахъ его грубыя поползновенія и замашки, которыя заставляли Пестеля, представителя въ данномъ случаѣ всего Южнаго и даже отчасти Сѣвернаго Обществъ, смотрѣть на народъ, какъ на «орудіе для достиженія цѣли», видѣть въ немъ тѣхъ-же рабовъ, только въ иномъ видѣ. Пестель мечталъ о какой-то революціи для собственнаго блага, не для блага народа; онъ не считалъ даже нужнымъ справиться, желательна-ли она народу, нужна ли ему. Его товарищи по Южному Обществу прямо говорили, что «народъ Русскій глупъ», что онъ ничего не понимаетъ, что и спрашивать его не нужно, а если онъ не пойдетъ, то гнать его палками [81]). И Пестель не отставалъ отъ своихъ пособниковъ, жестоко мучая солдатъ въ надеждѣ возбудить въ нихъ ненависть къ начальству; но тѣ, видя, что въ другихъ полкахъ такъ не наказываютъ, возненавидѣли самого Пестеля. Какъ ни увлекательны были для Рылѣева рѣчи Пестеля и его республиканскіе идеалы, онъ съумѣлъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами отличить убѣжденія отъ личности и, видя въ Пестелѣ, по его собственнымъ словамъ, «хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте» [82]), отвергъ его предложеніе присоединиться къ Южному Обществу и съ негодованіемъ порицалъ его по-истинѣ варварскую программу дѣйствій.

Съ досадой уѣхалъ Пестель изъ Петербурга и потомъ, видя свой неуспѣхъ, сталъ съ замѣтнымъ охлажденіемъ относиться къ Сѣверному Обществу. Но неуспѣхъ этотъ былъ личнымъ неуспѣхомъ честолюбивыхъ замысловъ Павла Ивановича; на самомъ же дѣлѣ, пріѣздъ его глубоко взволновалъ все Общество, возбудивъ въ немъ работу мысли и то оживленіе, которое скоро сказалось уже въ принятомъ рѣшеніи дѣйствовать при перемѣнѣ царствованія или при первомъ другомъ удобномъ политическомъ событіи. Республиканскія идеи сильнѣе съ тѣхъ поръ стали завладѣвать Обществомъ; а что̀ касается до Рылѣева въ частности, то онѣ настолько твердо укрѣпились въ немъ, что теперь онъ не только не нуждался въ какомъ-нибудь возбужденіи или уясненіи, но самъ готовъ былъ ихъ предлагать каждому и съ упорствомъ защищать свои теоріи.

Это упорство въ разъ принятомъ мнѣніи было характернымъ слѣдствіемъ самой природы Рылѣева. Болѣе всего цѣня чувство, Рылѣевъ и вѣрилъ въ него слѣпо. Мало того: выработавъ для него тѣмъ или

---

[81]) Слова Янтальцева. См. зап. И. И. Горбачевскаго. Русск. Архивъ 1882, кн. 2, стр. 447—468.

[82]) Донесеніе, стр. 27.

инымъ путемъ извѣстную форму, облекши его въ мысль, онъ начиналъ уже вѣрить и въ эту мысль, позабывая, что форма можетъ не отвѣчать сущности, что чувство можетъ быть будетъ и вѣрно, но мысль или поступокъ, въ который оно выльется, не только можетъ оказаться безразсуднымъ, но даже прямо противуположнымъ этому чувству. Такъ и въ данномъ случаѣ: увѣровавъ въ республиканскія теоріи Пестеля, онъ не подумалъ даже, примѣнимы-ли онѣ къ духу Русскаго народа, отвѣчаютъ ли Русскимъ требованіямъ. Въ этомъ ослѣпленіи онъ такъ твердо стоялъ на своемъ, что только неудача его теорій на дѣлѣ могла его образумить. Возраженія помогали мало; они могли его смутить, но не колебали его убѣжденій, и это лучше всего сказалось на одномъ обстоятельствѣ.

Однажды, въ Ноябрѣ 1824 года, у Рылѣева зашелъ разговоръ о законности насильственнаго переворота. Бывшій тутъ проѣздомъ въ чужіе края молодой А. С. Хомяковъ сталъ доказывать, что никто изъ частныхъ людей не имѣетъ права принимать на себя роль печальника за народъ, навязывать ему свои воззрѣнія, не спросясь его желаній и вообще вооруженной силою измѣнять исконное государственное устройство. Рылѣевъ до такой степени былъ смущенъ его доводами, такъ взволнованъ и растерянъ, что безъ шапки въ холодную Петербургскую ночь убѣжалъ изъ своей квартиры, оставивъ своихъ гостей [83]). Доводы Хомякова нарушили его внутренній міръ, уничтожили имъ сильно перечувствованные и уже принятые идеалы; онъ былъ какъ бы выбитъ изъ теченія, но не надолго. Стоило ему только остаться одному, освѣжиться, и онъ уже опровергнулъ всѣ доводы, всѣ возраженія и когда осенью 1825 года его товарищъ и другъ, князь Е. П. Оболенскій сталъ мучиться тѣми же сомнѣніями о правотѣ предпринимаемаго дѣла и обратился къ нему за ихъ разрѣшеніемъ, онъ уже убѣжденно и горячо защищалъ передъ нимъ законность ихъ предпріятія, утверждая, что меньшинство въ правѣ совершить государственный переворотъ при тѣхъ условіяхъ, которыя были тогда въ Россіи. «Онъ говорилъ, разсказываетъ князь Оболенскій, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства, что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и, если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго или своекорыстнаго, то суть только выраженія нѣсколькими лицами того, что́ большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и

---

[83]) XIX Вѣкъ, кн. 1, стр. 321.

дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженія идеи общей, не выраженной еще большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ своимъ одобреніемъ. Въ доказательство сочувствія большинства онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости и частныя, и проистекавшія отъ высшей власти; наконецъ, приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ которыми онъ былъ въ личныхъ сношеніяхъ» [84]).

Таковы были доказательства, которыми подкрѣплялъ Рылѣевъ свои воззрѣнія, и воззрѣнія эти казались справедливыми и ему, и князю Оболенскому. Такъ легко и повидимому стройно создавались теоріи, такъ незамѣтно и безъ труда ускользали всѣ возраженія. Мы дѣйствуемъ не изъ себялюбивыхъ или своекорыстныхъ побужденій—говорили они—значитъ мы выражаемъ волю народа. Какъ будто-бы не было массы иныхъ людей, столь-же самоотверженныхъ, но съ иными, даже противоположными воззрѣніями на народное благо. И тамъ и здѣсь не было эгоизма; но гдѣ-же критерій справедливости воззрѣній? Они утверждали, что всюду слышится недовольство, но не хотѣли вдуматься, каково это недовольство. Народъ могъ быть недоволенъ частностями правленія, но крѣпко и незыблемо жила въ немъ вѣра въ царя, и не частному недовольству было разрушить эту исконную вѣру. Люди двадцатыхъ годовъ не хотѣли безпристрастно считаться съ историческимъ развитіемъ; они все подводили подъ воззрѣнія, ломали исторію, какъ имъ того хотѣлось, думая, что выражаютъ этимъ волю народа. Такъ ужасно заблуждаясь они и погибли, по мѣткому выраженію поэта, какъ «жертвы мысли безразсудной».

Но, порицая совершенное ими дѣло, нельзя не сожалѣть о томъ, что такъ противозаконно выразилось и погибло глубокое, оживлявшее ихъ чувство любви. Нельзя не признать, что только выраженіе ихъ чувства въ поступкѣ было и безнравственно, и преступно, а самое чувство оставалось чистымъ. Напрасно впослѣдствіи многіе хотѣли заподозрить эту любовь къ отчизнѣ во всѣхъ людяхъ 20-хъ годовъ вообще и въ Рылѣевѣ въ частности. Исторія наглядно опровергаетъ эти подозрѣнія, предъявляя намъ весь ходъ мысли, приведшій къ 14-му Декабря. Она же опровергнетъ и ту напраслину, которую возвелъ на Рылѣева одинъ изъ его недруговъ (хотя и товарищъ по несчастію ,

---

[84]) Записки князя Е. П. Оболенскаго. XIX Вѣкъ, стр. 321—322.

утверждавшій, будто онъ все подчинялъ своему властолюбію и ради этого властолюбія окружалъ себя разными бездарностями, чтобы сильнѣе среди нихъ выдѣляться [85]). Но какъ же объяснить тогда его постоянное желаніе сблизиться съ людьми выдающимися, исканіе дружбы Строева и Плисова, знакомство съ Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ, близкую дружбу съ Александромъ и Николаемъ Бестужевыми? Какъ объяснить это стремленіе склонить на сторону Общества такихъ людей, какъ Батенковъ? Какъ объяснить себѣ, наконецъ, тѣ широкія начала, которыя высказывались у него всюду, гдѣ только можно, и окрасили самую программу его дѣйствій особымъ, своеобразнымъ цвѣтомъ?

Это была въ общихъ чертахъ таже самая программа, что̀ и у другихъ членовъ Общества; онъ также желалъ учрежденія постояннаго правленія съ выборными отъ народа, уравненія воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстнаго самоуправленія, гласности суда, введенія присяжныхъ, свободы печати, уничтоженія монополій, отмѣны крѣпостнаго права, свободы въ выборѣ занятій, равенства всѣхъ гражданъ передъ судомъ; но онъ подходилъ къ этимъ вопросамъ съ своей особенной, демократической точки зрѣнія, и эта демократичность его убѣжденій всего рѣзче и яснѣе выступала въ сравненіи съ мнѣніями его сотоварищей. Въ этомъ отношеніи любопытны его замѣчанія на преобразовательный проектъ Никиты Муравьева, гораздо болѣе склоннаго къ аристократическимъ началамъ. Оба, напримѣръ, одинаково желали, чтобы народъ самъ избиралъ себѣ представителей; но Муравьевъ думалъ ограничить какъ самое право быть избираемымъ, такъ и право избирать установленіемъ особаго имущественнаго ценза: избираемые должны были имѣть или недвижимое имѣніе въ 1500 фунтовъ чистаго серебра, или движимое въ 3000 фунтовъ, а избиратели недвижимое въ 250 фунтовъ, а движимое въ 500 фунтовъ. Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергаетъ это предложеніе, заявляя, что «это не согласно съ законами нравственными». Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ опять проглядываетъ его демократическая жилка, и въ то время, какъ иные стояли лишь за личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, а Муравьевъ за оставленіе имъ въ собственность только домовъ и огородовъ, Рылѣевъ желалъ полнаго освобожденія съ землей не только огородной, но и полевой [86]). Даже самыя мелкія обстоятельства политической его дѣятельности носятъ на себѣ эту своеобразную печать. Такъ, поступивъ въ члены тайнаго общества, онъ уже предлагаетъ принимать въ него и купцовъ,

---

[85]) Древняя и Новая Россія 1879 г. № 4, стр. 319.

[86]) XIX Вѣкъ, кн. 1, стр. 360—361.

и мѣщанъ. Правда, это предложеніе не удалось, такъ какъ рѣшили, что «это невозможно, что наши купцы—невѣжды»; но для насъ важно уже то обстоятельство, что вездѣ и всюду Рылѣевъ являлся истиннымъ демократомъ, вполнѣ свободнымъ отъ аристократическихъ замашекъ своихъ товарищей. Черта эта получаетъ особенное значеніе, когда въ Декабрѣ 1824 года Рылѣевъ становится однимъ изъ директоровъ Сѣверной Думы на мѣсто выбывшаго во вторую армію князя С. П. Трубецкаго. Недаромъ Пестель обратилъ на него особенное вниманіе: Рылѣевъ давно уже выдѣлялся среди членовъ Общества своей энергіей и усердіемъ, и теперь невольно всѣ обратились къ нему. Онъ былъ избранъ и скоро оправдалъ это избраніе своей дѣятельностью.

«Донесеніе» не напрасно обозвало эту дѣятельность «безпокойной». Ставъ во главѣ Общества, Рылѣевъ обратилъ къ нему всѣ свои помыслы. Не въ его силахъ было дать ему устройство, опредѣленнѣе уяснить его цѣль, водворить въ немъ большій порядокъ: у него не было для этого таланта администратора; но за то онъ всячески старался завлечь на свою сторону какъ можно болѣе приверженцевъ и усиливать такимъ образомъ то недовольное настроеніе, то желаніе перемѣны, которое было тогда характерной чертой общества. Онъ дѣйствуетъ и въ образованныхъ слояхъ своимъ личнымъ вліяніемъ и примѣромъ, и въ простомъ народѣ посредствомъ своихъ политическихъ пѣсенъ.

Первая мысль такой пропаганды путемъ разныхъ сочиненій зародилась у него еще въ концѣ 1823-го года. По крайней мѣрѣ тогда уже онъ думалъ докончить начатый Никитой Муравьевымъ «Катихизисъ свободнаго человѣка». Ему не удалось исполнить это послѣднее намѣреніе; за то пѣсни и стихотворенія, имъ сочиненныя съ 1824-го года, стали распространяться въ значительномъ количествѣ. При этомъ особенный успѣхъ выпалъ на долю пѣсенъ, написанныхъ въ сотрудничествѣ съ Александромъ Бестужевымъ, гдѣ оба поэта старались поддѣлаться подъ тонъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ. Пѣсни эти, совершенно ничтожныя въ литературномъ и тѣмъ болѣе художественномъ отношеніи, имѣли исключительно политическій смыслъ. Въ нихъ будто-бы (по словамъ одного изъ товарищей Рылѣева) «простолюдины видѣли вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ». Чтобы приблизиться къ народному пониманію, Рылѣевъ старался и языкъ свой принаровить къ языку простонародному, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, прибѣгалъ къ смѣшнымъ искаженіямъ словъ, на самомъ дѣлѣ далекимъ отъ всего на-

роднаго. Теперь смѣшно и жалко читать эти пѣсни, въ которыхъ нѣтъ и признака истиннаго таланта, какимъ блещутъ другія произведенія Рылѣева. Поэтъ какъ бы опошлился въ этихъ стихотвореніяхъ. Для примѣра достаточно указать на одно изъ нихъ, утерявшее теперь даже свой первоначальный заговорческій смыслъ. Вотъ оно:

Ай и скучно мнѣ
Во своей сторонѣ!
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,
Видно вѣкъ вѣковать
Долго-ль Русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?
Баринъ съ земскимъ судомъ,
Да съ приходскимъ попомъ
Насъ морочатъ,
Да волочатъ
По дорогамъ да судамъ....
Ай такъ худо на Руси,
Что и Боже упаси:
Аракчеевъ всѣхъ затѣевъ
И всѣхъ бѣдъ тому виной....

Таково было это поддѣлыванье подъ народный тонъ, эти средства къ возбужденію недовольства! Описывая тяжелое житье, авторъ сваливалъ всю вину на Аракчеева, какъ на человѣка, противъ котораго особенно было возбуждено большинство. Говорятъ впрочемъ, будто пѣсни эти произвели свое дѣйствіе, будто онѣ были въ ходу долгое время спустя послѣ возмущенія. «Трудно повѣрить—восклицаетъ по этому поводу Бестужевъ—что этотъ *катихизисъ* простаго народа (sic!) не распространялся все болѣе. Въ самый тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ: бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизустъ всѣ запрещенные стихи и пѣсни Рылѣева, прибавивъ, что у нихъ нѣтъ канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева» [87]). Вѣрнѣе всего однако, что этому распространенію главнымъ образомъ помогало не то, что пѣсни отвѣчали данному настроенію и были близки народу (какъ это старается показать Бестужевъ),

---

[87]) Записки Н. А. Бестужева. XIX-й Вѣкъ, кн. I, стр. 350.

но то, что онѣ были запрещены. Самыя событія показали, насколько далекъ былъ народъ отъ того, что̀ ему хотѣли навязать. Не сознательное убѣжденіе, не недовольство даже привело горсть солдатъ на Сенатскую площадь, а лишь обманъ и, не будь его, не было бы, вѣроятно, и возстанія. Но, не затронувъ глубоко народную массу, пѣсни эти несомнѣнно подѣйствовали на людей грамотныхъ. Впрочемъ здѣсь неизмѣримо бо́льшее вліяніе оказалъ личный примѣръ Рылѣева, его непосредственная дѣятельность по принятію въ Общество новыхъ членовъ и распространенію своихъ идей.

Трудно представить себѣ человѣка болѣе способнаго на подобное дѣло, чѣмъ Рылѣевъ. Чтобы увлечь молодежь, чтобы заставить ея сердца биться сильнѣе, нужно прежде всего не знаніе, не логическая ясность ума, не краснорѣчіе даже, нужно только чувство. Одно оно задѣнетъ за слабыя струны молодости, одно оно неотразимою властью покоритъ себѣ молодежь, всегда болѣе чувствующую, чѣмъ разсуждающую. И Рылѣевъ въ высочайшей степени обладалъ этой способностью увлекаться и увлекать. Самая наружность его привлекала къ себѣ. «Росту онъ былъ средняго», говоритъ князь Е. П. Оболенскій, «черты его лица составляли довольно правильный оvалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась передъ другой; волоса у него были черные, слегка завитые; глаза темные съ выраженіемъ думы и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклонная впередъ, при мѣрной поступи, показывала, что мысль его всегда была занята тою внутренней жизнью, которая, въ минуту вдохновенія, выражалась во вдохновенной пѣснѣ, въ другое время искала той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности»[88]). Вотъ эта-то внутренняя жизнь, просвѣчивавшая въ самомъ выраженіи его умнаго лица, и придавала ему какое-то особое обаяніе. Но наибольшее впечатлѣніе производилъ Рылѣевъ въ тѣ минуты, когда онъ съ жаромъ и воодушевленіемъ развивалъ свои любимыя мысли. Тогда онъ весь жилъ, въ немъ какъ бы все двигалось, все обнаруживало его пылкую природу. Но «всего краснорѣчивѣе», говоритъ Н. А. Бестужевъ, «было его лицо, на которомъ прежде словъ являлось все то, что̀ онъ хотѣлъ выразить, точно какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собой»[89]). Воодушевившійся, страст-

---

[88]) Записки князя Е. П. Оболенскаго, тамъ же, стр. 313.

[89]) Донесеніе, стр. 62. См. также соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 262.

ный Рылѣевъ былъ дѣйствительно прекрасенъ въ эти минуты, и можно только жалѣть, что его дарованія и увлекательность рѣчи потратились на такое дѣло, какъ возмущеніе неопытныхъ юношей. Не подумавъ даже о преступности своихъ дѣйствій, единственно подъ обаяніемъ его рѣчей, они шли за нимъ. Такъ одинъ за другимъ были приняты имъ вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ, въ теченіе одного 1825 года: Сутгофъ, Кожевниковъ, князь Одоевскій, три брата Бестужевыхъ (Николай, Петръ и Михаилъ) Торсонъ, Батенковъ, Пановъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Завалишинъ, Каховскій, Арбузовъ и немало другихъ. Въ большинствѣ все это были люди, едва достигшіе двадцати лѣтъ. Рылѣевъ былъ правъ, говоря впослѣдствіи: «Я виновнѣе всѣхъ, я упрекалъ ихъ въ недѣятельности, я преступною ревностью своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ, я могъ все остановить и не сдѣлалъ этого». Онъ старался распространить идеи Общества за самыя рамки его, требовалъ, чтобы вновь принятые подготовляли другихъ своихъ товарищей, не сообщая имъ про Общество, но возбуждая въ нихъ противузаконныя мысли, готовя изъ нихъ будущихъ возмутителей. Такъ черезъ Арбузова онъ старался дѣйствовать въ средѣ офицеровъ гвардейскаго морскаго экипажа, въ которомъ тотъ служилъ; черезъ того же Арбузова сошелся съ Завалишинымъ, мечтавшимъ о какомъ-то таинственномъ Орденѣ Возстановленія и привлекъ и его на свою сторону. Словомъ, онъ являлся истинной душой тайнаго общества, устраивалъ собранія, завелъ у себя «Русскіе завтраки»[90]), возбуждалъ вялыхъ и нерѣшительныхъ, бѣждалъ сомнѣвающихся и всюду вносилъ оживленіе.

Но было бы большой ошибкой думать, что эта возбужденность проявлялась въ какомъ-нибудь осязательномъ дѣяніи, что слова переходили въ дѣло, въ поступокъ. Все заключалось только въ словахъ, въ тѣхъ возбуждающихъ рѣчахъ, которыя произносились на періодическихъ собраніяхъ и мало-по-малу привлекали къ Обществу большее и большее число членовъ. Разъ только, но безмолвно и тихо, Общество высказалось и выразило свое недовольство въ поступкѣ, на дѣлѣ. Это было на похоронахъ Чернова, убитаго въ 1825 году на дуэли съ Новосильцовымъ.

Дуэль эта въ свое время надѣлала немало шума, и въ біографіи Рылѣева нельзя обойти ее молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что поэтъ принималъ въ ней живое участіе, какъ двоюродный братъ Чернова (ихъ

---

[90]) Они назывались такъ потому, что на нихъ не подавалось ничего, кромѣ капусты и квасу.

матери были родныя сестры). Все дѣло завязалось изъ-за того, что Новосильцовъ, влюбившись въ сестру Чернова *), задумалъ на ней жениться и уже былъ объявленъ женихомъ, какъ вдругъ, сперва по настоянію матери (урожденной графини Орловой) затѣмъ, вѣроятно, по собственному желанію, совсѣмъ отказался отъ женитьбы и тѣмъ нанесъ явное оскорбленіе семейству Черновыхъ. Потомъ, правда, онъ опять согласился, но дѣлалъ разныя проволочки, порождавшія неблагопріятные для невѣсты слухи и сплетни. Постоянно возникавшія недоразумѣнія вывели, наконецъ, изъ терпѣнія молодаго Константина Чернова, и онъ, по совѣту Рылѣева, обратился къ Новосильцову съ требованіемъ разъяснить свое поведеніе. Новосильцовъ отказалъ, и Черновъ сдѣлалъ вызовъ. Дуэль была ожесточенная, дрались на разстояніи пяти шаговъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова. По его знаку противники выстрѣлили и оба пали смертельно раненые. На квартиру умирающаго Чернова приходило множество народа; всѣ старались выказать больному свое сочувствіе, и знакомые, и незнакомые. Въ дѣлѣ Чернова видѣли нѣчто общее, выраженное въ словахъ Чернова о Новосильцовѣ: «Пусть паду я; но пусть падетъ и онъ, въ примѣръ жалкимъ гордецамъ и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души»[91]).

Всѣ бывшіе въ Петербургѣ члены тайнаго общества, мало того, всѣ близкіе къ нимъ по своимъ убѣжденіямъ, сочли своимъ долгомъ проводить тѣло покойнаго до могилы. Длинная вереница потянулась за гробомъ, и въ этомъ безмолвномъ шествіи выразилось переполнявшее всѣхъ чувство. Это былъ первый открытый протестъ, первое проявленіе недовольства, уже грозившее чѣмъ-то инымъ. Дѣйствительно, не прошло и двухъ-трехъ мѣсяцевъ послѣ похоронъ Чернова, бывшихъ въ Августѣ, какъ уже въ настроеніи Общества стала замѣчаться новая струя. Пренія сдѣлались еще оживленнѣе; отъ вопросовъ общихъ переходили къ болѣе частнымъ; отъ разсужденій вообще о перемѣнѣ правительства къ практическому осуществленію этой перемѣны въ недалекомъ будущемъ. Искра, которая, по выраженію Александра Бестужева, до сихъ поръ только тлѣлась, теперь была воспламенена однимъ человѣкомъ, не принадлежавшимъ къ Обществу. Это былъ Якубовичъ.

Отчаянный храбрецъ, человѣкъ нисколько не дорожившій жизнью, жаждавшій смѣлыхъ и дерзкихъ предпріятій, Якубовичъ, пріѣхавъ осенью 1825 года въ Петербургъ и вступивъ въ сношенія съ Рылѣе-

---

*) Она вышла потомъ за нѣкоего Лемана. П. Б.

[91]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 310—315.

вымъ и А. Бестужевымъ, сразу поднялъ тонъ рѣчей. Онъ первый ясно возбудилъ мысль о цареубійствѣ и своей отвагой и неудержимой смѣлостью поразилъ всѣхъ. Рылѣевъ, которому обыкновенно приходилось возбуждать другихъ, долженъ былъ умирять и обуздывать его. Онъ на колѣняхъ просилъ Якубовича не приводить въ исполненіе своего намѣренія убить Императора или по крайней мѣрѣ отложить это намѣреніе, угрожая въ противномъ случаѣ убійствомъ или доносомъ правительству [92]). Къ счастью, Якубовичъ согласился, и дѣло это было замято; но огонь, раздутый имъ въ Обществѣ, нельзя было потушить. Еще со времени пребыванія въ Петербургѣ Пестеля существовало, какъ мы знаемъ, намѣреніе дѣйствовать при перемѣнѣ царствованія. Теперь рѣшено было начать раньше. «Вотъ увидишь», говорилъ Рылѣевъ Штейнгелю, когда возвратится Государь изъ Таганрога, мы что-нибудь предпримемъ» [93]).

Но, спѣша начать, заговорщики по-неволѣ лицомъ къ лицу столкнулись съ вопросомъ, какъ приступить, что̀ сдѣлать, что̀ возвести и построить, если удастся разрушить существующее. Теперь уже нельзя было отдалять этихъ вопросовъ: они стояли на очереди. И вотъ тутъ-то выразилось все легкомысліе, все безразсудство мечтаній этихъ пылкихъ головъ; въ полномъ и яркомъ свѣтѣ выяснилась ихъ неприготовленность, ихъ разноголосица въ самомъ главномъ, существенномъ. Одни твердили объ установленіи конституціонной монархіи, другіе о республикѣ, третіи предлагали посадить на тронъ которую-нибудь изъ великихъ княгинь. Даже вожди не умѣли примирить этихъ противорѣчій, потому что сами не имѣли ничего опредѣленнаго, колебались между тѣмъ и другимъ. «Мы желаемъ монархіи ограниченной, говорилъ Рылѣевъ тому-же Штейнгелю, только съ тѣмъ, чтобы раздѣлить Россію на области, подобныя Сѣверо-Американскимъ Штатамъ»,—и въ тоже время увлекался своимъ любимымъ идеаломъ народнаго правленія и съ жаромъ восклицалъ, что «въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія» [94]). Такъ легкомысленно игралъ онъ судьбой отечества! И эта неурядица въ мнѣніяхъ, этотъ хаосъ воззрѣній былъ всеобщій. Всѣ стремились возстать, не думая, не желая даже думать, что̀ изъ того выйдетъ. «Для пріобрѣтенія свободы, восклицали они, не нужно ника-

---

[92]) Донесеніе 1826 г., стр. 55.

[93]) Тамъ же.

[94]) Донесеніе 1826 г., стр. 59—60.

кихъ правилъ, никакого принужденія, нуженъ одинъ энтузіазмъ. Энтузіазмъ пигмея дѣлаетъ гигантомъ; онъ разрушаетъ все, и онъ создаетъ новое!...» [95]). Народъ жаждетъ конституціи, онъ самъ все устроитъ, самъ введетъ новый порядокъ, избравъ депутатовъ; наша задача только показать ему дорогу—говорилъ Рылѣевъ товарищамъ, и самъ весь проникся этой задачей, весь ушелъ въ нее. Позабыто все, позабыта служба въ Компаніи, позабыто изданіе альманаха, и безъ того уже затянувшееся [96]), позабыта даже семья. Въ какомъ-то горячечномъ восторгѣ поэтъ въ стихотвореніи «Гражданинъ» упрекаетъ юношей «въ праздности влачащихъ свой вѣкъ».

И не желая попасть въ число этихъ юношей, онъ становился въ ряды заговорщиковъ, какъ будто не было середины, какъ будто любовь къ родинѣ могла проявиться только въ кровавомъ насиліи, только въ преступномъ возстаніи! Онъ какъ-бы не хотѣлъ видѣть, что, увлекая къ возстанію, увлекаетъ къ убійствамъ. Ему видѣлось только собственное самопожертвованіе; ему казалось, что онъ одинъ погибнетъ, и онъ безъ боязни шелъ на встрѣчу этой гибели. Подчасъ ему приходила въ голову мысль о неудачѣ, о томъ, что успѣхъ не вѣренъ,

От҄ъ случая всему рѣшенье;

но онъ тотчасъ-же утѣшалъ себя мыслью о томъ, что онъ все-же исполнитъ свой «долгъ передъ отечествомъ» (sic), и мысль о жертвѣ снова брала верхъ надъ сомнѣніями. Въ «Исповѣди Наливайко» всего лучше отразилось его тогдашнее настроеніе.

Изъ ложно понимаемой любви къ отечеству онъ сознательно отдавался гибели и призывалъ другихъ, угрожая тѣмъ, что въ противномъ случаѣ они раскаятся, когда будетъ поздно. Но исторія показала, кому пришлось раскаяваться, тѣмъ-ли, кто, оставаясь на законной почвѣ, медленно работалъ на преуспѣяніе отечества, или тѣмъ, кто, завлекшись безумными идеями, очертя голову, бросился самъ въ пропасть и увлекъ за собою другихъ. Въ томъ, что пришлось прибѣгнуть къ обману солдатъ, сказалась безпощадная иронія надъ безумными разсужденіями. Рылѣеву первому пришлось искренно сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и понести за нихъ справедливую кару; но тогда, передъ

---

[95]) Русск. Архивъ 1882 г., кн. 2, стр. 452.

[96]) Альманахъ этотъ на 1825 г. по недостатку времени рѣшили издать въ уменьшенномъ видѣ и потому перемѣнили самое названіе его: изъ „Полярной Звѣзды“ вышла „Звѣздочка“; но и ей не суждено было появиться на горизонтѣ. На половину только отпечатанная, она послѣ 14-го Декабря была запрещена, и вся сгнила въ подвалахъ.

возстаніемъ, когда всѣхъ охватывала какая-то безумная горячка, когда всѣ были точно въ бреду, имъ не видѣлась преступность ихъ поступка: всѣ вѣрили въ свою правоту, мѣряя ее искренностью своего чувства. И декабристы лучше всего показали, на сколько надежна эта мѣрка. Начавъ съ мечтаній о благѣ отечества, они кончили теперь предположеніями убить императора Александра, того «Благословеннаго» монарха, который на ихъ глазахъ, при ихъ сочувствіи, оказалъ Россіи столько добра!

Но Богъ судилъ иначе.

Въ то время, какъ заговорщики предавались преступнымъ мечтаніямъ и готовились дѣйствовать, по столицѣ стали разноситься тревожные слухи о болѣзни Государя, и вдругъ 27-го Ноября съ ужасомъ узнали, что онъ скончался. Ошеломляющимъ образомъ подѣйствовало это роковое извѣстіе на Рылѣева и его сотоварищей. Они вдругъ присмирѣли. Сразу все затихло, все улеглось. Обществу внезапно стало очевиднымъ его безсиліе, его неподготовленность. Въ волненіи собрались главные члены на совѣщаніе, и всѣ единогласно рѣшили, что дѣйствовать нельзя, что надо не только отложить свои намѣренія, но и прикрыть на время Общество. Такъ при первомъ-же важномъ событіи всѣ попятились назадъ, и исчезла прежняя задорность. Осталось только одно чувство неудовлетворенности, досады на самихъ себя, на свое безсиліе. Чѣмъ восторженнѣе, чѣмъ впечатлительнѣе кто былъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвало имъ это тяжелое чувство. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда всѣ люди показались Рылѣеву глупыми и злыми, когда самые друзья становились для него чужими, и онъ съ горечью восклицалъ:

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А находишь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Но, какъ истинный энтузіастъ, онъ не умѣлъ долго отчаяваться; не умѣли и его сотоварищи. Достаточно было малѣйшаго обстоятельства, чтобы отъ отчаянія и досады они снова перешли къ безумнымъ мечтамъ о легкости предпріятія, въ которомъ только что сомнѣвались. Такимъ роковымъ для нихъ толчкомъ было возникшее междуцарствіе.

Не прошло и нѣсколько дней со времени присяги Цесаревичу Константину, какъ по городу разнеслась новая вѣсть о томъ, что Цесаревичъ отказывается отъ престола и что по завѣщанію императора

Александра наслѣдовать Русскій престолъ долженъ Великій Князь Николай Павловичъ. Эта вѣсть сразу оживила всѣхъ членовъ Общества. Куда дѣвались недавнія печаль и уныніе, недавнія сомнѣнія! Мысль о возстаніи мгновенно овладѣла всѣми. Имъ казалось, что передъ ними стоитъ неизбѣжная дилемма. Великаго Князя они не любили; они знали, что это не покойный Императоръ, что онъ не станетъ смотрѣть на тайное общество сквозь пальцы, что онъ справедливо - строгъ и что, если начнетъ царствовать, имъ не избѣгнуть кары; съ другой стороны возможность успѣха казалась имъ почти несомнительной .. И они склонились на сторону возстанія, рѣшено было дѣйствовать. Обмануть солдатъ, сказавъ, что новая присяга незаконна, что Цесаревича хотятъ лишить престола, привести ихъ на площадь, силою достигнуть исполненія своихъ желаній, въ случаѣ удачи учредить временное правленіе, созвать депутатовъ, поручить имъ выбрать новое правительство, а въ случаѣ неудачи въ Петербургѣ идти на Новгородъ и поднять военныя поселенія—вотъ былъ планъ возстанія. Чтобы уничтожить всякое разногласіе, положили избрать кого-нибудь главнымъ начальникомъ, «диктаторомъ». Рылѣевъ не годился: у него не было эполетъ, солдаты его не знали и потому не могли слушаться. Оставался князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, находившійся тогда въ Петербургѣ, и на него палъ выборъ.

Но въ то время, какъ князь Трубецкой занимался составленіемъ подробнаго плана и обдумываньемъ возстанія, власть невольно, силою самихъ обстоятельствъ переходила къ Рылѣеву. Больной жабою, онъ сидѣлъ дома; но какая-то неотразимая притягательная сила жила въ этомъ человѣкѣ, и къ нему, какъ къ вождю, собирались всѣ, приходя за указаніями, спрашивая совѣтовъ, и, если уходили, не узнавъ ничего опредѣленнаго, то за то уносили съ собой новый запасъ возбужденія *). Самопожертвованіе, на которое готовился Рылѣевъ, какъ-то особенно его воодушевляло. «Въ его взглядѣ—говоритъ Розенъ, бывшій у него 10 Декабря—въ чертахъ его лица виднѣлась одушевленная готовность на великія дѣла; его рѣчь была ясна и убѣжденна» [97]) и глубоко проникала въ сердца.

---

*) Князь Трубецкой жилъ у своей тещи графини Лаваль (нынѣ домъ Полякова, рядомъ съ Сенатомъ, первый по Англійской набережной; домъ почти выходитъ окнами на Сенатскую площадь). Тесть его служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а сестра его супруги была замужемъ за Австрійскимъ посланникомъ (Еврейскаго происхожденія) Лебцельтерномъ. Происки Австріи въ дѣлѣ 14 Декабря должны будутъ со временемъ разъясниться. П. Б.

[97]) Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen, стр. 41.

12-го, въ 4 часа пополудни, было собраніе у Оболенскаго. Почти всѣ молодые члены Общества съѣхались къ нему на квартиру, и здѣсь имъ былъ объявленъ планъ возстанія. Стали совѣщаться, сколько кто можетъ увлечь войска. Сперва казалось достаточнымъ одного полка; потомъ Обществомъ стало овладѣвать сомнѣніе. Многіе говорили о неуспѣхѣ, о томъ, что лучше подождать. Но Рылѣевъ думалъ и мечталъ лишь объ одномъ, что пора начать, пора дѣйствовать, а тамъ будетъ, что̀ будетъ; обстоятельства покажутъ, что̀ надо дѣлать. «Да, надежды на успѣхъ мало—говорилъ онъ сомнѣвающимся—но надо-же начать, надо-же что-нибудь дѣлать; начало и примѣръ не замедлятъ принести результаты» [98]). И эти рѣчи, вмѣсто того, чтобы охладить молодежь, еще болѣе ее увлекали. Имъ какъ-бы стыдно становилось отстать въ пылкости отъ своего вождя. Вечеромъ того-же дня одинъ за другимъ приходили они къ Рылѣеву, и здѣсь только и слышались, что увѣренія въ своемъ усердіи. Одни мечтали о смерти и въ безуміи восклицали: «Умремъ, ахъ, какъ мы славно умремъ!» Другіе въ изступленіи требовали злодѣйствъ и крови, кричали, что нечего смотрѣть, надо прямо рубить и рѣзать. Каховскій предлагалъ цареубійство. Это предложеніе онъ дѣлалъ и раньше, намѣреваясь убить Императора Александра. Рылѣевъ упрашивалъ тогда не дѣлать этого, даже ссорился съ нимъ, какъ самъ показываетъ; онъ думалъ, что достаточно будетъ только захватить Императорскую фамилію и держать ее подъ стражей до тѣхъ поръ, пока не съѣдутся депутаты и не рѣшатъ, что̀ съ нею дѣлать. Но и тогда уже смутно мелькала у него въ головѣ мысль о цареубійствѣ. Онъ таилъ ее ото всѣхъ и рѣдко высказывалъ, потомъ отказался отъ нея; иногда однако она невольно прорывалась въ бесѣдахъ. «Заключимъ Императорскую фамилію въ Шлиссельбургъ—говорилъ онъ еще при жизни Александра Торсону—а на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ того, что̀ сдѣлано въ бунтъ Мировича» [99]). Теперь эта страшная мысль стала все настойчивѣе и настойчивѣе шевелиться въ головѣ Рылѣева. Ночью съ 12-го на 13-е, ужаснувшись, какъ онъ самъ говоритъ, возможности междоусобной войны, и я вздумалъ, что для избѣжанія оной надо Государя принесть на жертву»; и дѣйствительно на утро, вставъ, онъ уговаривалъ Каховскаго исполнить принятое намѣреніе, обнималъ его и говорилъ: «Любезный другъ, ты сиръ на сей землѣ; ты долженъ пожертвовать собою для общества. Убей Императора!» [100]). Такъ, увлекаемый страстью, Рылѣевъ прихо-

---

[98]) Тамъ же, 44.

[99]) Донесеніе 1826 г., стр. 60.

[100]) Тамъ же, стр. 66.

дилъ все къ болѣе и болѣе ужаснымъ рѣшеніямъ. Уча дѣтей въ своихъ думахъ подчинять страсти разсудку, онъ самъ не умѣлъ этого дѣлать и оправдывалъ на себѣ свои-же слова:

Ужасно быть рабомъ страстей!

Это было смутное, тяжелое для него время. То все улыбалось ему; то одолѣвали мрачныя сомнѣнія, видѣлись будущія бѣды отечества; точно какое-то предчувствіе томительно стѣсняло грудь. Мысли одна за другой тѣснились въ головѣ и не давали покоя. Онъ чувствовалъ только, какъ клокочетъ въ груди какое-то сильное, неудержное чувство, какъ стремится оно вылиться въ поступокъ, найти проявленіе. Чаша горечи и недовольства, давно наполнявшаяся, уже переполнилась. Нервное возбужденіе требовало дѣятельности; потребность удовлетворенія была необходима. Тоже совершалось и со всѣми. Чувствуя сомнѣнія, они въ тоже время ощущали и желаніе дѣйствовать, и одно боролось съ другимъ. Но борьба была неровная, и сомнѣнія въ успѣхѣ побѣждались, возбуждая, какъ мы видѣли на примѣрѣ Рылѣева, къ еще болѣе безумнымъ предпріятіямъ. Сомнѣваясь, хватались за крайнія средства. Якубовичъ предлагалъ даже разбить кабаки, дозволить солдатамъ грабежъ, взять изъ какой-нибудь церкви хоругви и, прикрываясь ими, идти во дворецъ. Рылѣевъ съ жаромъ протестовалъ противъ этого. Начинать свои дѣйствія грабежомъ, возвести новый порядокъ при помощи пьяныхъ солдатъ казалось слишкомъ грязнымъ и недостойнымъ, какъ будто-бы болѣе достоинъ былъ тотъ обманъ, которымъ увлекли солдатъ на площадь! Но безъ этого обмана нельзя было надѣяться на успѣхъ, нельзя было и начинать; а начать побуждало все. Сами обстоятельства, казалось, толкали заговорщиковъ въ пропасть. 12-го, другъ князя Оболенскаго и знакомый Рылѣева, подпоручикъ Ростовцовъ, подозрѣвавшій ихъ намѣренія, открылъ въ письмѣ къ Великому Князю Николаю Павловичу существованіе заговора, не называя именъ заговорщиковъ; 13-го онъ показалъ копію съ своего письма Рылѣеву и князю Оболенскому, убѣждая ихъ оставить начатое. Тѣ притворно согласились, но, вмѣсто того, чтобы раскаяться, окончательно рѣшили, что теперь, когда самый путь отступленія отрѣзанъ, отступать невозможно. «Умирать—сказалъ Рылѣевъ 13-го начинавшему бояться возстанія князю Трубецкому—все равно; мы обречены на гибель»; и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцова: «Видите-ль, намъ измѣнили. Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и мы еще довольно сильны».—«Ножны изломаны, промолвилъ другой, и саблей спрятать

нельзя»[101]). До сихъ поръ они, боясь отступить, боялись и дѣйствовать; теперь не было мѣста колебаніямъ. Возстаніе становилось по ихъ мнѣнію, неизбѣжнымъ. Назавтра была назначена присяга новому Императору, назавтра было рѣшено дѣйствовать.

Насталъ день 14-го Декабря 1825 года.

Рано утромъ проснулся Рылѣевъ. Ему не спалось. Важность задуманнаго предпріятія охватывала его. Онъ былъ бодръ и спѣшилъ дѣйствовать. Условившись съ заѣхавшимъ къ нему княземъ Оболенскимъ, онъ вышелъ изъ дому, чтобы узнать положеніе дѣла. Побывавъ въ казармахъ Московскаго полка, онъ заѣхалъ къ поручику Финляндскаго полка, барону Розену и, прося его въ оставленной запискѣ, присоединиться къ Московскому полку, бросился на Сенатскую площадь. Здѣсь приведенная княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и Михаиломъ Бестужевымъ часть Московскаго полка уже строилась въ каре. Какъ-бы выполняя свои прежнія слова: «если придетъ хоть 50 человѣкъ, я становлюсь въ ряды съ ними», Кондратій Ѳедоровичъ сталъ уже надѣвать солдатскую суму; но ему не суждено было стоять въ каре. Къ Московскому полку не присоединялся никто. Не было ни Морскаго экипажа, привести который на площадь Рылѣевъ еще наканунѣ поручилъ Арбузову, ни лейбъ-гренадерскаго полка, ни другихъ. Приведенные обманомъ солдаты стояли безъ дѣйствія, восклицая по временамъ «да здравствуетъ Конституція!» и подразумѣвая подъ нею супругу Цесаревича. Оказалась полная безурядица.. Никто не зналъ, что̀ дѣлать. Назначенный «диктаторомъ», князь Трубецкой, скрылся. Пока передали командованіе князю Оболенскому; Рылѣеву же поручили поторопить запоздавшихъ, увлечь тѣхъ, кто еще раздумывалъ. Онъ тотчасъ же отправился въ казармы лейбъ-гренадерскаго полка, сдѣлалъ все, что̀ было нужно и сталъ искать Трубецкаго, но не нашелъ. «Диктаторъ» потерялъ голову, испугался и одиноко бродилъ по улицамъ Петербурга; а въ это время Рылѣевъ, какъ говоритъ Гречъ, «метался, словно угорѣлая кошка». Онъ воодушевлялъ офицеровъ, призывалъ къ возстанію, бѣгалъ, суетился, но скоро долженъ былъ сознаться, что всѣ усилія безплодны, что дѣло ихъ не выгорѣло, что они обманулись. То, что̀ казалось удобоисполнимымъ въ мечтаніяхъ, на дѣлѣ оказывалось невозможнымъ. «Напрасно—разсказываетъ Гречъ—Рылѣевъ поджигалъ толпу; напрасно кричалъ онъ ей, указы-

[101]) Донесеніе 1826 г., стр. 67. См. также книгу барона М. Корфа. Восшествіе на престолъ Императора Николая. 1857 г., стр. 102—103.

вая на гвардейскіе отряды генерала Воинова: «Чтò вы стоите, братцы! Бейте ихъ, они ваши злодѣи!» — «Да чѣмъ прикажете?» — «Хоть вотъ этими полѣньями», сказалъ онъ, указывая на дрова, складенныя у забора. — «Помилуйте, ваше благородіе, отвѣчали ему, какъ можно? Дрова-то казенныя!» [102]) Можетъ-быть послѣднія слова были выдумкой Греча, пожелавшаго сострить, но что Рылѣевъ обращался къ народу— это болѣе чѣмъ правдоподобно; а что онъ встрѣтилъ подобный пріемъ— это тоже несомнѣнно. Глубокая горечь овладѣла имъ. Онъ видѣлъ свою ошибку, видѣлъ плоды ея и уже раскаявался. Вѣроятно въ эту минуту горькой разочарованности встрѣтилъ его Ѳ. Н. Глинка [103]); можетъ быть, тогда онъ и стоялъ внѣ каре и сказалъ: «Посмотрите, чтò затѣяли!» Если и были сказаны эти слова, то именно въ смыслѣ не только ироніи надъ другими, но и надъ самимъ собою, надъ тѣмъ дѣломъ, душою котораго былъ онъ самъ *).

Мрачный пришелъ Рылѣевъ уже вечеромъ домой. Вскорѣ къ нему собралось нѣсколько человѣкъ, Пущинъ, Штейнгель и другіе. Они пили чай и говорили о возстаніи. Для всѣхъ было очевидно то, о чемъ раньше никто не думалъ: очевидна была ихъ вина передъ отечествомъ. Сознаніе своихъ заблужденій невольно тяготило всѣхъ. Было не до бесѣдъ, и скоро они разошлись. На озабоченные разспросы жены Рылѣевъ отвѣчалъ, что всѣхъ берутъ подъ стражу, что, вѣроятно, возмутъ и его. Затѣмъ онъ ушелъ въ кабинетъ, поспѣшилъ сжечь важныя бумаги и легъ спать. Послѣ полуночи (разсказываетъ г. Кропотовъ) пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и объявилъ повелѣніе объ его арестованіи. Рылѣевъ одѣлся на-скоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко обнялъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести и, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился къ двери [104]).

На другой день онъ былъ уже въ Петропавловской крѣпости.

---

[102]) Записки Н. И. Греча. Русск. Вѣст. 1868 № 6, стр. 383.

[103]) Русск. Старина 1871 г. т. III стр. 245.

*) Покойный генералъ-адъютантъ Шиповъ, въ то время командиръ Семеновскаго полка, впослѣдствіи живучи въ Москвѣ, неоднократно передавалъ намъ и многимъ изъ своихъ знакомыхъ, что въ день 14-го Декабря Рылѣевъ на Сенатской площади подошелъ къ нему и сказалъ: „Видите, Сергѣй Павловичъ, я отъ нихъ отсталъ". С. П. Шипову были памятны слова Рылѣева, потому что родной братъ его, Иванъ Павловичъ Шиповъ, принадлежалъ къ числу заговорщиковъ. П. Б.

[104]) Русск. Вѣст. 1869 г. № 3, стр. 242.

VIII.

Тотчасъ послѣ арестованія, Рылѣева отвезли во дворецъ. Не смотря на всѣ тревоги истекшаго дня, Государь до поздней ночи принималъ арестованныхъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ видѣть и со всѣми говорить. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, въ чемъ заключалась бесѣда его съ Рылѣевымъ. Можно только предполагать, что отвѣты Кондратія Өедоровича не отличались ни задорной дерзостью, какъ отвѣты Н. Бестужева, ни робостью или малодушіемъ. Они были, повидимому, прямы и чистосердечны, и эта откровенность понравилась Николаю Павловичу, чтò не замедлило обнаружиться съ первыхъ же дней заключенія Рылѣева въ крѣпости.

Ему отвели 17 № Алексѣевскаго равелина. Послѣ столь и обильнаго тревогами и многообразными впечатлѣніями дня, Рылѣевъ остался, наконецъ, одинъ. Небольшая комната съ тусклымъ окошкомъ, кровать, столъ и стулъ,—вотъ все, чтò составляло его скудную обстановку. Нѣмая прислуга, часовой, ходившій взадъ и впередъ близъ дверей, еще болѣе усиливали впечатлѣніе одиночества и грусти, и воспоминанія послѣднихъ дней нахлынули толпой... Образы возставали за образами, и чувство сожалѣнія за прошлое, раскаянія и горечи невольно овладѣвало Кондратіемъ Өедоровичемъ. Ему вспомнились и шумныя и нестройныя сходки, и безалаберное неудавшееся возстаніе, разрушенныя мечты, надежды, оказавшіяся ложными... Воспоминанія угнетали, но и въ настоящемъ ничто не могло утѣшить. Сознаніе своей вины передъ отечествомъ, передъ товарищами, которыхъ онъ вовлекъ въ преступный заговоръ, образы жены и дочери, оставшихся безъ подпоры, въ томительномъ невѣдѣніи о его судьбѣ, смущали Рылѣева. Фантазія разыгрывалась: можетъ-быть, отъ огорченія жена заболѣла, дочь безъ нужнаго присмотра. Чтó съ ними будетъ безъ него? А Богъ знаетъ, когда еще ему придется вернуться. И чѣмъ далѣе, все сильнѣе и сильнѣе загоралось въ немъ желаніе подать о себѣ вѣсть, узнать о томъ, чтò дѣлается дома.

Оставшись одна, Наталія Михайловна не знала, чтò и думать. Прошло пять дней, а о мужѣ ни вѣсти. Наконецъ, она рѣшилась обратиться къ Государю съ просьбой указать, гдѣ ея мужъ и позволить ей съ нимъ видѣться. Между тѣмъ еще наканунѣ, 18-го, Государь разрѣшилъ Рылѣеву переписку съ женой. Недаромъ произвелъ на него Кондратій Өедоровичъ при первомъ допросѣ пріятное впечатлѣніе: оно

начинало сказываться съ самыхъ первыхъ поръ. Оффиціально 23-го было объявлено Рылѣевой, что на прошеніе ея соизволенія не послѣдовало; но ранѣе того она уже получила коротенькую записку отъ мужа. «Увѣдомляю тебя, другъ мой, писалъ онъ, что я здоровъ. Ради Бога, будь покойна. Государь милостивъ. Положись на Бога и молись. Настиньку благословляю. Увѣдомь меня о своемъ и ея здоровьѣ. Твой другъ К. Рылѣевъ» [105]). Эти немногія строки показались Натальѣ Михайловнѣ лучше и содержительнѣе многорѣчиваго посланія. Она спѣшила отвѣчать, и между мужемъ и женою завязалась переписка драгоцѣнная для біографа: благодаря ей, мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить тѣ разнообразныя душевныя движенія, которыя смѣнялись у Рылѣева въ крѣпости.

Въ первыхъ-же письмахъ Наталья Михайловна писала ему о своемъ положеніи. «Ты знаешь душу мою—говорила она—мои чувства; представь себѣ мое положеніе; одна въ мірѣ съ невинною сиротой! Тебя одного имѣли и все счастье полагали въ тебѣ» [106]). Горькимъ упрекомъ отозвались эти слова въ сердцѣ Кондратія Ѳедоровича, и онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы утѣшить жену, загладить хоть чѣмъ-нибудь свой проступокъ. Его письма переполнены разспросами о здоровьѣ, совѣтами, наставленіями. Видно, что Рылѣевъ хочетъ хоть письменнымъ руководствомъ помочь оставшейся безъ защиты женѣ и въ этомъ руководствованіи, въ этой доходящей до мелочей, всеобнимающей заботливости просвѣчиваетъ та искренняя, теплая, взаимная любовь, которая составляла супружеское счастье Рылѣева. «Безпокоюсь о тебѣ, писалъ онъ во второмъ письмѣ отъ 23 Декабря. Ради самого Создателя береги себя..... Успокой матушку свою и сестрицу.... Тебя-же, мой другъ, прошу простить меня; чувствую, какъ ужасно я огорчилъ тебя».— «Ради Бога (пишетъ онъ 4-го Января 1826 г., думая, что жена скрываетъ отъ него болѣзнь), увѣдомь меня откровенно о своемъ здоровьѣ; не обманывай меня, я не могу повѣрить, чтобъ ты была здорова.... Вижу, мой милый другъ, какъ ты страдаешь. Прошу тебя, ради Создателя, не изнуряй себя горестью. Вспомни, что у тебя дочь. Покорись волѣ Всемогущаго и уповай на благость Его святую» [107]). Но Наталья Михаиловна не могла успокоиться. Она даже не сознавала своего положенія и все ожидала, что Богъ утѣшитъ ее извѣстіемъ

---

105) Сочин. Рылѣева, 2-е изд. стр. 260—261.

106) Тамъ же, 266.

107) Тамъ же, стр. 263, 266—267.

о невинности мужа. «Страданіе мое, отвѣчала она Рылѣеву, не прекратится до тѣхъ поръ, какъ я увижу тебя свободнымъ и достойнымъ вѣрноподданнымъ Отцу отечества... Между страхомъ и надеждою жду рѣшительной минуты... Ты говоришь, что Богъ видитъ сердце твое: если оно чисто, то и дѣла также. Богъ милосердъ, Государь справедливъ» [108]). Можно себѣ представить, какъ тревожили эти строки Рылѣева. Онъ не могъ уже утѣшаться такими надеждами, не могъ утѣшать ими и другихъ. Нѣтъ, онъ опытомъ узналъ, что и чистыя въ своемъ основаніи мысли ведутъ иногда къ пагубнымъ дѣяніямъ и, чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ прошлое, тѣмъ яснѣе выступала передъ нимъ его вина и тѣмъ менѣе находилъ онъ себѣ оправданій.

Прежде онъ могъ еще ссылаться на то, что предстоящее царствованіе побуждало его къ возстанію. Великій Князь Николай Павловичъ конечно не пользовался сочувствіемъ Декабристовъ. Но Рылѣевъ долженъ былъ сознаться, что подъ внѣшнею строгостью Государя кроется доброе сердце, что «карая, какъ государь явно, онъ умѣлъ втайнѣ милости творить». Вникая въ положеніе каждаго арестованнаго, Николай Павловичъ видѣлъ то состояніе, въ которомъ осталась безъ мужа Наталія Михайловна, и щедрою рукой посыпались на семейство Рылѣева милости. Отсылая женѣ Рылѣева записку ея мужа, Государь приложилъ къ ней 2000 рублей, а черезъ день или два, въ день имянинъ дочери ихъ, прислала Рылѣевой 1000 р. и Государыня Александра Ѳеодоровна. Сообщая объ этомъ мужу, Наталья Михайловна не знала, какъ и выразить свое умиленіе и благодарность Государю; но еще сильнѣйшее впечатлѣніе произвело это на Кондратія Ѳедоровича. Съ обычнымъ жаромъ, весь подчиняясь впечатлѣнію благодарности, онъ пишетъ женѣ на ея сообщеніе о первомъ подаркѣ Императора: «Милосердіе Государя и поступокъ его съ тобою потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ онъ Россію своимъ царствованіемъ». Сильно было первое впечатлѣніе, полученное отъ царской милости; но въ еще болѣе горячихъ выраженіяхъ изъясняетъ свои чувства Рылѣевъ, узнавъ о новомъ знакѣ царскаго вниманія къ его семьѣ. «Молись за Императорскій домъ, пишетъ онъ 28-го Декабря Натальѣ Михайловнѣ; я могъ заблуждаться, могу и впредъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицею, глубоко врѣзались въ сердце мое. Чтó бы со мной ни было, буду жить и умру

[108]) Тамъ же 267, 269.

для нихъ» [109]). Новое, уже отрадное чувство проникало такимъ образомъ въ его душу. Онъ видѣлъ, что Государь печется объ его бѣдной семьѣ, и кромѣ благодарности у него возникали и надежды. Хотѣлось думать о будущемъ, чувство признательности побуждало заплатить за оказанныя милости вѣрной службой царю и отечеству, а это могло быть только впереди—и всѣ мысли Рылѣева направились на это будущее. Это было ему первымъ утѣшеніемъ въ его одиночномъ заключеніи. Оно давало силу для терпѣливаго перенесенія настоящаго, являлось надежнымъ противовѣсомъ противъ воспоминаній о прошломъ. Отъ этихъ воспоминаній нельзя было отдѣлаться; если Рылѣевъ и позабывалъ о нихъ на время, постоянные допросы Комиссіи, уже начавшіеся къ тому времени, снова приводили на память недавнія впечатлѣнія и событія.

Декабристовъ судили особымъ судомъ. Ихъ выходящее изъ ряду преступленіе требовало и мѣръ чрезвычайныхъ. Вскорѣ послѣ дня возстанія была установлена Слѣдственная Комиссія подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Татищева. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Кутузовъ, Дибичъ, князь А. Н. Голицынъ, Адлербергъ, Чернышевъ, Потаповъ, Левашовъ были ея членами. Дѣлопроизводителемъ назначенъ извѣстный впослѣдствіи Блудовъ. Комиссія имѣла ежедневныя совѣщанія въ домѣ коменданта Петропавловской крѣпости, Сукина. Узниковъ съ завязанными глазами приводили на допросы. Членовъ Сѣвернаго Общества допрашивалъ Левашовъ, Южнаго—Чернышовъ. Послѣ устныхъ показаній давались и письменныя. Незначительнымъ преступникамъ пришлось отвѣчать не болѣе двухъ-трехъ разъ; но болѣе важныхъ спрашивали чуть не ежедневно, требуя то разъясненій, то новыхъ показаній. Въ числѣ ихъ былъ и Рылѣевъ.

Мы не можемъ въ точности охарактеризовать отвѣты его. Это будетъ сдѣлано только на основаніи непосредственнаго ихъ изученія; но общій характеръ ихъ ясенъ. Рылѣевъ отвѣчалъ съ той умѣренностью, откровенностью и тѣмъ личнымъ самоотверженіемъ, которое такъ подходило къ его тогдашнему настроенію. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что, затѣвая возстаніе, покушались не на лицо Государя, но на власть его; сознавая свои заблужденія, онъ и не скрывалъ ихъ, но въ своихъ показаніяхъ, будучи откровеннымъ, старался, какъ могъ, не впутать въ дѣло другихъ, открыто порицая впрочемъ тѣхъ, которые

---

[109]) Соч. Рылѣева, 2-е изд. стр. 262, 265.

подъ видомъ патріотическихъ чувствъ таили мелкіе честолюбивые разсчеты. Говорятъ, будто это послѣднее навлекло на него упреки въ малодушіи и слабости. Но эти упреки неосновательны уже по тому одному, что Рылѣевъ и не думалъ своей откровенностью достигнуть уменьшенія наказанія. Наоборотъ, онъ просилъ себѣ казни и, если говорилъ на допросахъ правду, такъ только потому, что это повелѣвала ему совѣсть.

Тяжело доставались ему всѣ эти очныя ставки, перекрестные допросы, письменныя показанія. Продолжаясь долго, иногда часа по два, они сильно утомляли и физически, особенно если принять во вниманіе ихъ частое повтореніе. По нимъ Рылѣевъ уже могъ заключить, что дѣло его не кончится легко. Съ самаго начала открылось его дѣятельное участіе въ Обществѣ; съ раскрытіемъ дѣла преступность его обнаруживалась все болѣе. Вмѣстѣ съ этимъ одушевлявшія его надежды стали рушиться. Онѣ были скоротечнымъ, быстропреходящимъ движеніемъ его порывистой природы и, какъ возникли подъ вліяніемъ минуты, такъ и пропали. «Мать нужнѣе дочери, нежели отецъ», пишетъ онъ 5-го Февраля, какъ бы предчувствуя свою будущую судьбу. Въ письмѣ отъ 13-го Марта онъ выражается еще яснѣе и окончательно ставитъ крестъ надъ своей дѣятельностью. «Жалѣю объ одномъ только, что не могу уже быть полезнымъ моему отечеству и Государю» [110]). Такъ постепенно гасли надежды на будущую самоотверженную, плодотворную жизнь; но, утрачивая это утѣшеніе, Рылѣевъ пріобрѣталъ другое: съ угасаніемъ временныхъ, непрочныхъ мечтаній, въ душу его проливался новый утѣшительный, неизсякающій и неизмѣнный свѣтъ, свѣтъ высокаго христіанскаго ученія, всепримиряющей, всепрощающей проповѣди Евангелія.

Съ дѣтства еще имѣя глубокое чувство вѣры, Рылѣевъ въ крѣпости, оставшись одинъ, самъ съ собой, удаленный отъ свѣта, друзей и жены, естественно долженъ былъ прибѣгнуть къ тому неисчерпаемому источнику утѣшенія, который даетъ глубокая, искренняя, свободная отъ сомнѣній вѣра. И только теперь онъ вполнѣ извѣдалъ всю крѣпительную силу молитвы; только теперь, молясь со слезами на глазахъ, съ сокрушеннымъ отъ страданій сердцемъ, онъ узналъ, какое утѣшеніе даетъ она. И чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и чаще сталъ онъ прибѣгать къ этому утѣшенію, находя въ немъ новыя силы для перенесенія душевныхъ страданій. 21-го Января онъ проситъ жену прислать ему кни-

---

[110]) Соч. Рылѣева 2-е изд. стр. 271, 274.

гу «О подражаніи Христу» и, получивъ ее, со всѣмъ жаромъ погружается въ ея чтеніе. «Благодарю тебя», пишетъ онъ женѣ 5 Февраля, «за присланную книгу: она питаетъ меня теперь. Совѣтую тебѣ снова прочесть ее: въ часъ скорби она научаетъ внятнѣе, и высокія истины ея тогда доступнѣе» [111]). Находя себѣ такимъ образомъ отраду въ чтеніи, онъ съ другой стороны слышитъ туже примирительную проповѣдь Христова ученія отъ приставленнаго къ Декабристамъ священника, протоіерея Казанскаго собора, Петра Николаевича Мысловскаго. Нѣкоторые изъ товарищей Рылѣева сомнѣвались въ искренности этого человѣка, подозрѣвали въ немъ лицемѣріе и двуличность. Но намъ нѣтъ надобности доискиваться, что̀ было въ глубинѣ его сердца; достаточно знать, что Рылѣевъ вѣрилъ ему, называлъ его въ своемъ предсмертномъ письмѣ «другомъ и благодѣтелемъ» и съ удовольствіемъ внималъ высокимъ словамъ евангельской проповѣди, которыя выходили изъ его устъ.

Свѣтъ христіанскаго ученія, по мѣткому сравненію князя Е. П. Оболенскаго, подобно восходящему солнцу, озаряющему сначала верхи горъ, а потомъ проникающему все далѣе и далѣе въ самыя недоступныя ущелья, озарялъ душу Рылѣева въ самыхъ темныхъ ея изгибахъ, мало-по-малу освѣщалъ всѣ событія прошедшей жизни, и на все проливалось новое, истинное освѣщеніе. «Повѣрь, мой другъ», пишетъ онъ 13 Марта женѣ, «что самое несчастіе мое принесло мнѣ уже важныя пользы. Пробывъ три мѣсяца одинъ съ самимъ собой, я узналъ себя лучше; я разсмотрѣлъ всю жизнь свою и ясно увидѣлъ, что я во многомъ заблуждался. *Что̀ бы со мной ни было, я столько не утрачу, сколько пріобрѣлъ отъ моего злополучія*» [112]). Этимъ пріобрѣтеніемъ и была возможность безпристрастно взглянуть на прошлое, уяснить себѣ его значеніе и смыслъ всей жизни. Теперь уже не узкимъ и одностороннимъ взглядомъ политическаго дѣятеля смотрѣлъ Рылѣевъ на жизнь и не всеосуждающимъ взоромъ человѣка, только-что раскаявшагося въ своихъ заблужденіяхъ; нѣтъ, теперь, сознавая свои ошибки, онъ умѣлъ уже по достоинству, безъ преувеличеній, оцѣнить ихъ. Кроткое слово евангельской истины своими тихими, благотворными лучами проникало въ его душу, согрѣвало ее живительнымъ тепломъ, незамѣтно просвѣтляло и успокоивало. «Надобно имѣть болѣе твердости и надежды на Создателя», пишетъ онъ женѣ 15 Февраля. «Если сердце твое съ надеждою обращается къ Нему, какъ пишешь ты, то не унывай и будь увѣрена,

---

[111]) Тамъ же стр. 271.

[112]) Соч. Рылѣева 1874 г. стр. 274.

что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ и все устроитъ къ лучшему. Я совершенно предался Его святой волѣ и съ тѣхъ поръ совершенно успокоился, какъ въ разсужденіи тебя съ Настинькой, такъ и на счетъ участи, какую предназначаетъ мнѣ милосердіе Государя» [113]). Черезъ мѣсяцъ, 13-го Марта, не писавъ съ 15 Февраля, онъ снова повторяетъ: «Я здоровъ и со дня на день болѣе и болѣе успокоиваюсь, возлагая всю мою надежду на Создателя» [114]).

Это постепенное успокоеніе, такъ настойчиво заявляемое Рылѣевымъ въ его письмахъ, даже обидѣло Наталью Михаиловну, и съ какимъ-то укоромъ пишетъ она мужу въ отвѣтъ на его письмо, что не можетъ «имѣть такого духу», что, оставшись одна, съ ребенкомъ, отягощенная заботами, она не перестаетъ тревожиться. Она не могла понять, что спокойствіе Рылѣева не устраняло заботы о семьѣ и о своей участи. Онъ только смирился душей, «склонился передъ неисповѣдимыми путями Непостижимаго», но тѣмъ не менѣе не переставалъ прилагать всѣ свои силы и старанія, чтобы устроить семью. Напротивъ, именно съ того самаго времени, какъ онъ сталъ примиряться съ своимъ положеніемъ, и начинаются письма его, наполненныя разными хозяйственными совѣтами и соображеніями. Онъ старается привести въ порядокъ свои разстроенныя дѣла, рѣшается для ихъ поправки продать свое имѣніе въ Петербургской губерніи, руководитъ самыми малыми подробностями этой продажи, словомъ неустанно заботится о семьѣ и полонъ самыхъ разнообразныхъ тревогъ объ ея устройствѣ. «Прости меня великодушно, мой милый другъ», оправдывается онъ въ отвѣтъ на укоры жены; «я иногда Богъ знаетъ что̀ пишу къ тебѣ, чтобы только тебя успокоить. Могу ли быть покоенъ, когда ты и несчастная наша малютка безпрестанно предъ моими глазами? Мой милый другъ, я жестоко виноватъ предъ тобой и ею. Прости меня ради Спасителя, Которому я каждый день васъ поручаю: признаюсь тебѣ откровенно, только во время молитвы и бываю я покоенъ за васъ» [115]). И слова эти были искренни, но только отчасти. Въ душѣ Рылѣева совершалась тяжелая борьба; но она близилась къ окончанію, и не одно желаніе утѣшить жену побуждало его писать ей о своемъ успокоеніи, но дѣйствительное спокойствіе, мало-по-малу нисходившее въ его измученную, изстрадавшуюся душу. Оно ясно выражалось въ

[113]) Тамъ же, 272.

[114]) Тамъ же, 274.

[115]) Тамъ же, стр. 276.

укрѣплявшемся сознаніи того, «что безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается», что «все, чтó ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему». Въ концѣ концовъ въ Рылѣевѣ твердо воспиталось убѣжденіе, что если онъ получитъ наказаніе за свои заблужденія, то не останутся безъ плода и тѣ честныя искреннія намѣренія, которыя лежали въ основаніи этихъ заблужденій,—и уже однѣ эти мысли принесли ему отраду. Но скоро его ожидало и новое утѣшеніе благодатное для всякаго истиннаго христіанина. Насталъ великій постъ, и на одной изъ послѣднихъ недѣль онъ говѣлъ. Искреннее исповѣданіе предъ Богомъ своихъ грѣховъ живительно подѣйствовало на него, и съ радостью и вѣрою принялъ онъ изъ устъ священнослужителя прощеніе. Теперь, закрѣпивъ прежнее сознаніе своихъ заблужденій и искупивъ ихъ передъ судомъ Бога, онъ еще болѣе приготовился къ безтрепетной встрѣчѣ того приговора, который долженъ былъ произнести надъ нимъ судъ человѣческій.

Эта рѣшительная минута уже приближалась. Послѣ Святой допросы въ Комиссіи стали все рѣже, а скоро и совсѣмъ прекратились. Дѣло подходило къ концу: оставалось только скрѣпить допросы подписью преступниковъ и предложить желающимъ сдѣлать свои дополненія. 17-го Мая Рылѣева повели въ послѣдній разъ въ Комитетъ. Подтвердивъ снова искренность прежнихъ показаній, онъ счелъ своимъ долгомъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ и прямо и откровенно изложить свой взглядъ на современное состояніе Россіи, на ея управленіе, показать всѣ его недостатки и тѣ злоупотребленія, въ которыхъ онъ былъ глубоко убѣжденъ [116]). Онъ не стѣснялся своимъ положеніемъ подсудимаго и открыто критиковалъ то, чтó ему казалось достойнымъ осужденія, считая это за свой долгъ. Съ этихъ поръ его болѣе не призывали въ Комитетъ. Отдѣльныя показанія соединялись теперь въ особое, цѣльное, всеподданнѣйшее донесеніе, которое содержало въ себѣ всѣ данныя, добытыя слѣдствіемъ; они были представлены Государю, а имъ переданы въ учрежденный 1-го Іюня по дѣлу о тайныхъ обществахъ Верховный Уголовный Судъ.

Какъ необычайны были мѣры, принятыя для слѣдствія, такъ необычаенъ былъ и самый составъ наряженнаго суда. Члены Государственнаго Совѣта, Святѣйшаго Синода, всѣ сенаторы и нѣсколько особо прикомандированныхъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ князя Лопухина, находились въ этомъ судѣ. Всѣхъ членовъ было около 70

---

[116]) Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen.

человѣкъ. 3-го Іюня въ залѣ Сената судъ началъ свои засѣданія съ изученія показаній, сдѣланныхъ преступниками. Когда это изученіе было окончено, составленъ Комитетъ изъ 9 членовъ для опредѣленія степени вины каждаго преступника и назначенія имъ соотвѣтствующаго наказанія. И. В. Васильчиковъ, М. М. Сперанскій, графъ Комаровскій, графъ Строгановъ, Кушниковъ, сенаторы Энгель, Барановъ, Кутайсовъ и оберъ-прокуроръ Журавлевъ, подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Толстаго, были выбраны въ члены этого Комитета. По закону всѣ преступники подлежали смертной казни, такъ какъ и умышлявшіе, и только знавшіе объ умыслѣ подводились подъ одну категорію; но Государь пожелалъ болѣе ясно разграничить степень виновности каждаго и сообразно съ этимъ ослабить наказаніе. Это было не легкое, а главное, тягостное, удручающее дѣло. М. М. Сперанскій, напримѣръ, говорятъ, находился въ постоянномъ терзаніи и даже думалъ оставить службу, чтобы избѣгнуть продоставленной ему обязанности судьи. Пока Комитетъ разрѣшалъ свою задачу, протекло двѣ недѣли.

Еще тише и безмолвнѣе сдѣлалось за это время въ смрадныхъ и мрачныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости. Казалось, все было полно ожиданія. Теперь Рылѣевъ постоянно уже оставался одинъ на одинъ самъ съ собой, и только письма жены доносили ему вѣсти изъ внѣшняго міра. Но въ этомъ одиночествѣ новое, желанное обстоятельство неожиданно нарушило обычное теченіе темничной жизни. Давно уже Кондратій Ѳедоровичъ писалъ женѣ, что Государь обѣщалъ ему разрѣшить съ ней свиданіе; но время проходило, а обѣщаніе все не исполнялось. Наконецъ, на поданную Натальей Михайловной просьбу послѣдовало Высочайшее соизволеніе. 9-го Іюня получила она отъ генерала Потапова о томъ увѣдомленіе и тотчасъ же поспѣшила увидѣться съ мужемъ. Въ сопровожденіи не оставлявшей ея въ несчастіи подруги матери Рылѣева, Прасковьи Васильевны Устиновой и ея внука Кропотова, отправилась она съ дочерью въ коляскѣ въ Петропавловскую крѣпость. «Проѣхавъ Іоанновскія ворота», разсказываетъ г. Кропотовъ, «мы сейчасъ же остановились, не доѣзжая палисадника. Наталья Михайловна съ Настенькой отправилась въ казематъ, а мы съ бабушкой остались въ экипажѣ. Спустя $^3/_4$ часа Наталья Михайловна и Настенька возвратились въ слезахъ, безпрестанно оглядываясь на одно окно. На окнѣ, за желѣзной рѣшеткой стоялъ Рылѣевъ, въ бѣлой одеждѣ, слегка потрясая воздѣтыми къ небу руками. Сидя въ коляскѣ, мы смотрѣли на окно каземата и заливались слезами. Кучеръ Петръ, снявъ свою шляпу, громко рыдалъ и причитывалъ, какъ это водится въ де-

ревняхъ, по умершемъ. Наконецъ, мы тронулись» [117]). Можно себѣ представить, что̀ почувствовалъ Рылѣевъ, когда ему сказали, что жена и дочь ожидаютъ его. Онъ бросился въ пріемную. Слезы, поцѣлуи, объятія, прерывистыя рѣчи, намеки, угадываемые сердцемъ, лились одинъ за другимъ. Какимъ-то наплывомъ чувствъ проносились и радость свиданія, и накопившееся на душѣ горе. Хотѣлось сказать такъ много, а время не ждало. Еще нѣсколько минутъ, и насталъ часъ разставанья. Въ послѣдній разъ обнялъ Рылѣевъ любимую дочку и дорогую жену. «Я по сію пору не вѣрю», писала послѣ свиданія Наталья Михайловна, «что я тебя видѣла. Точно сонъ или мечта—такъ кратко время! Я не нашлась ничего поговорить съ тобою; теперь не имѣю мысли писать къ тебѣ».—«Я не могъ тебѣ писать скоро», пишетъ Рылѣевъ женѣ, «я былъ сильно разстроенъ и свиданіемъ, и милосердіемъ великодушнаго Государя [118]).

Радостно было свиданіе, но глубокое горе овладѣвало сердцемъ при мысли о томъ, что придется разлучиться на долго, можетъ быть, навсегда. Рылѣевъ, хотя еще и не подозрѣвалъ тогда, что̀ его ожидаетъ, но давно уже зналъ, что ему грозитъ большое наказаніе и въ думахъ своихъ отдѣлялъ свою участь отъ участи семьи. «Что́ со мной ни будетъ, писалъ онъ въ одномъ черновомъ, не посланномъ женѣ наброскѣ, «мнѣ ничего не нужно. Я заслужилъ во всякомъ случаѣ нищету и всякое страданіе. Притомъ-же я одинъ, а ты съ малюткой» [119]). Но Наталья Михайловна и слышать не хотѣла объ этой разлукѣ. «Неужели ты можешь думать, что я могу существовать безъ тебя?» писала она задолго до свиданія, когда еще Рылѣевъ утѣшалъ ее тѣмъ, что съ нимъ обходятся скорѣе какъ съ несчастнымъ, чѣмъ какъ съ преступникомъ. «Гдѣ-бы судьба ни привела тебѣ быть, я всюду слѣдую за тобой. Нѣтъ, одна смерть можетъ разорвать священную связь супружества. У насъ есть дочь; мы должны вмѣстѣ раздѣлять участь постигшую насъ и общимъ попеченіемъ стараться о будущей ея судьбѣ—вотъ все, чѣмъ могу себя утѣшать въ несчастіи; иначе я не переживу; ты знаешь мои чувствованія» [120]). На свиданіи Рылѣевъ не скрылъ отъ нея своихъ предчувствій. Онъ говорилъ о необходимости разлуки, сказалъ, что нѣтъ надежды не только на прощеніе, но даже на болѣе

---

[117]) „Русск. Вѣстникъ“ 1869 г. № 3, стр. 243.

[118]) Соч. Рылѣева 2-е изд. стр. 296—298.

[119]) Тамъ же, 278.

[120]) Тамъ же, 286.

или менѣе мягкое наказаніе. Слова эти, огорчивъ ее, не поколебали однако ея самоотверженной рѣшимости. «Для меня», пишетъ она послѣ свиданія, «не страшно какое-бы ни было несчастіе; но съ тобою вмѣстѣ раздѣлить... Неужели ты отчаеваешься въ милосердіи Государя, что онъ этого не позволитъ. Нѣтъ, онъ самъ супругъ и отецъ, и правосуденъ. Проси сего единаго блага и надѣйся, а я буду стараться устроить всѣ дѣла» [111]). Но если Наталья Михайловна, любя мужа,не хотѣла думать о разлукѣ съ нимъ, то и Рылѣевъ въ силу той-же любви не соглашался на ея желаніе. Онъ убѣждалъ ее, что она мать, что, раздѣляя съ нимъ его участь, ей нельзя будетъ хорошо воспитать своего ребенка и просилъ ее ѣхать въ Украйну, уговаривая отказаться отъ раньше принятаго намѣренія.

Невыразимо-тяжелы были для Рылѣева эти совѣты и уговариванія. Постепенно, долгимъ трудомъ пріучалъ онъ себя къ мысли о разлукѣ, мало-по-малу онъ уже свыкся съ ней; но теперь, когда прежняя жизнь, отъ которой онъ былъ оторванъ, снова повѣяла на него чѣмъто роднымъ, близкимъ и теплымъ, вдругъ рушилось все, что̀ упорно созидалось крайними нравственными усиліями, и борьба возобновилась съ новой силой. Труденъ для обыкновеннаго человѣка высокій подвигъ христіанскаго смиренія. Лишь долгими испытаніями и тягостными думами можно достигнуть того, что безропотно будешь встрѣчать самыя ужасныя несчастія, только такимъ путемъ закалится душа и, какъ изъ горнила, чистая выйдетъ изъ испытаній. Для Рылѣева насталъ теперь самый страшный кризисъ этой внутренней борьбы, когда подъ наплывомъ горькихъ думъ онъ изнемогалъ отъ подвига, имъ на себя принятаго. Измученная, наболѣвшая душа жаждала хоть какого-нибудь исхода, и онъ уже сталъ просить себѣ смерти. Въ этомъ мучительномъ страданіи, желая излить свое горе, онъ вспомнилъ о той утѣшительницѣ, которая доставляла ему столько радостныхъ минутъ и вылилъ свою тоску въ гармоничныхъ поэтическихъ звукахъ. Но этого было мало. Поэтъ искалъ сочувственнаго отклика на свои страданія, а такого отклика не было. Отъ жены онъ старался скрыть свое настроеніе; священникъ не въ состояніи былъ ему помочь: тутъ нуженъ былъ другъ, который-бы переиспыталъ тоже, что̀ самъ Рылѣевъ, и Кондратій Ѳедоровичъ вспомнилъ о томъ, съ кѣмъ онъ привыкъ бесѣдовать за послѣднее время про вѣру, философію, нравственность, съ кѣмъ дѣлилъ свои размышленія. Князь Оболенскій былъ заключенъ въ томъ-же Алек-

---

[111]) Тамъ-же, 299.

сѣевскомъ равелинѣ; но какъ ни мало было разстояніе, ихъ отдѣлявшее, перейти его было трудно. Счастливый случай помогъ Рылѣеву.

Когда настало лѣто, Декабристамъ позволили прогуливаться по небольшой площадкѣ около Алексѣевскаго равелина, гдѣ росло нѣсколько кленовыхъ деревьевъ. Узниковъ было много, и нечасто приходилось на долю каждаго подышать сколько-нибудь свѣжимъ воздухомъ. Недолго продолжалось время прогулки, всего какихъ-нибудь четверть часа но Рылѣевъ успѣлъ имъ воспользоваться. На двухъ кленовыхъ листахъ иголкою накололъ онъ свое стихотвореніе и при содѣйствіи сторожа, Никиты Нефедьева, тайно отъ часовыхъ, переслалъ эти строфы князю Оболенскому. Это былъ отчаянный вопль изстрадавшейся души:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію.
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Глубокая скорбь и уныніе, проникающее все стихотвореніе, сильно тронули князя Оболенскаго, сообщивъ и ему тоже настроеніе. Онъ бросился молиться, и не напрасно. Крѣпительная сила молитвы возвратила ему бодрость, снова вдохнула въ него вѣру въ жизнь, и подъ вліяніемъ только что полученнаго свыше утѣшенія онъ сталъ иголкою же накалывать отвѣтъ Рылѣеву. Не знаемъ точно, что́ было въ этомъ отвѣтѣ; но, вѣроятно, въ немъ говорилось о всепрощеніи любви, о вѣчной жизни, о страданіяхъ Христа, передъ которыми ничтожны страданія человѣка. Это было слово утѣшенія, и живительнымъ бальзамомъ пролилось оно въ душу Рылѣева. «Любезный другъ—пишетъ онъ снова на кленовыхъ листьяхъ князю Оболенскому—какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ черезъ тебя, какъ черезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, Котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я Ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какія это были слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній—за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за Государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ, за

весь міръ! Давно-ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое-ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое-ли оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества» [122]).

Этимъ письмомъ для Рылѣева открылась новая стадія его душевнаго настроенія. Тяжелый кризисъ внутренней борьбы окончился и окончился счастливо. Наступила пора того духовнаго просвѣтленія, которое такимъ привлекательнымъ свѣтомъ озарило послѣдніе дни Кондратія Ѳедоровича. Это просвѣтленіе было непосредственнымъ плодомъ его проникновенія вѣрою. До насъ дошли на оборотахъ писемъ къ женѣ его размышленія о Богѣ, о предназначеніи человѣка, о вѣчной любви, написанныя именно въ это время. Оставивъ въ сторонѣ ихъ нѣсколько туманную форму, легко видѣть изъ нихъ, въ чемъ заключалось завершеніе того внутренняго процесса, который мы старались прослѣдить. Выражаясь словами самого Рылѣева, «духовный міръ побѣдилъ въ немъ физическій», и онъ доститъ, наконецъ, извѣстнаго внутренняго спокойствія. Это спокойствіе отнюдь не было однако той равнодушной покорностью волѣ Провидѣнія, которая обыкновенно овладѣваетъ людьми съ притупившимся отъ страданій сердцемъ. На оборотъ, у Рылѣева оно явилось высшимъ проявленіемъ беззавѣтнаго самоотверженія, достойно завершившимъ всю его духовную жизнь. Проповѣдью самоотверженнаго идеализма закончилась и его поэтическая дѣятельность. Въ послѣднемъ, предсмертномъ стихотвореніи къ князю Оболенскому лучше всего, можетъ-быть, выразилось тогдашнее настроеніе его мысли. Вотъ это стихотвореніе:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ Спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И, какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

*

[122]) XIX Вѣкъ, кн. I, стр. 327—328.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовной.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ истина святая:
„И плоть и кровь преграды вамъ поставятъ,
„Васъ будутъ гнать и предавать,
„Осмѣивать и дерзостно безславить,
„Торжественно васъ будутъ убивать;
„Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить.
„И страшны-ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
„Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
„Счастливъ, кого Отецъ Мой изберетъ,
„Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
„Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
„Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ“.
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

*

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

Всепрощающей любовью, кротостью и спокойной, свѣтлой вѣрой въ жизнь дышатъ эти строфы. Здѣсь нѣтъ ни воплей отчаянія, ни рѣзкихъ диссонансовъ, ни сомнѣній. Все ясно и живо представлялось духовнымъ очамъ поэта, и какой-то новый смыслъ озарилъ его жизнь. Онъ желалъ смерти, какъ и прежде, но теперь желалъ потому, что увидѣлъ въ ней возможность искупленія.

Давно уже тяжкимъ упрекомъ носилась въ умѣ Рылѣева мысль о томъ, что, думая принести въ жертву лишь одного себя, онъ нечувствительно погубилъ и другихъ, еще молодыхъ и неопытныхъ, вовлекъ ихъ въ заговоръ силою своего примѣра и слова. Желаніе снять съ души этотъ тягостный укоръ, при тогдашнемъ его настроеніи, невольно приводило къ мысли о собственной казни для спасенія другихъ, и вотъ подъ вліяніемъ этого стремленія онъ написалъ свое извѣстное письмо къ Государю, гдѣ, отрекаясь отъ своихъ политическихъ убѣжденій, молилъ позволить ему достойнымъ образомъ запечатлѣть искренность этого отреченія, своею казнію искупить вины товарищей.

«Святымъ даромъ Спасителя міра—писалъ онъ – я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ-же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, Государь, отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно; но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, Государь: будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я съ самаго вступленія моего въ Думу Сѣвернаго Общества упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностью своею былъ для нихъ самымъ губительнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего; но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую и твое милосердіе, и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной» [123]).

Этимъ письмомъ, этою предсмертною заповѣдью Рылѣева потомкамъ закончилась его политическая дѣятельность. И тѣмъ болѣе драгоцѣнна для насъ эта заповѣдь, что она есть выводъ изъ размышленій и тяжелаго личнаго опыта самаго искренняго человѣка двадцатыхъ годовъ. Напрасно старались впослѣдствіи заподозрить чистоту его намѣреній и трусостью называли то, что̀ было жаждой самопожертвованія. Всѣ предъидущія и сопровождавшія письмо обстоятельства громко говорятъ противъ этого предположенія, ясно показывая, что Рылѣевъ не лицемѣрилъ, желая искупительной казни. Неизвѣстно, дошло-ли до Государя отреченіе поэта.

Во второй половинѣ Іюня дѣло Комитета было окончено и внесено снова въ судъ. Преступники раздѣлены на 14 разрядовъ. Оставалось произнести приговоръ. Большинствомъ голосовъ члены суда опредѣляли степень вины и мѣру наказанія. Скоро всѣ разряды были переполнены, но пять осужденныхъ не вошли въ нихъ. «Превосходя

---

[123]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 261—262.

другихъ, гласилъ докладъ суда, во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія». То были: Рылѣевъ, Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій. Судъ рѣшилъ подвергнуть ихъ особенно тяжкому наказанію: ихъ приговорили къ четвертованію. Тотчасъ же была составлена особая Коммиссія для составленія доклада Государю. Написанный докладъ былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями и переданъ на высочайшее разсмотрѣніе. Государю угодно было значительно смягчить степень наказанія почти всѣхъ преступниковъ. Пять, не вошедшихъ въ разряды, высочайшимъ указомъ 10-го Іюля были переданы рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, которое въ немъ состоится. Это постановленіе по протоколу 11-го Іюля было: замѣна четвертованія повѣшеніемъ.

На завтра, 12-го Іюля, всѣ члены суда, въ полныхъ мундирахъ и регаліяхъ, собрались въ крѣпости, въ одной изъ залъ комендантскаго дома. Большой столъ, устланный краснымъ сукномъ, занималъ всю залу. Передъ нимъ стояли зерцало и налой. Преступниковъ вводили по категоріямъ. Оберъ-прокуроръ сената, Журавлевъ, стоя у налоя, читалъ каждому преступленія, въ которыхъ тотъ обвинялся, и мѣру заслуженнаго наказанія.

Рылѣева обвиняли въ томъ, что онъ «умышлялъ на цареубійство, назначалъ къ совершенію онаго лица, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и истребленіе Императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства, усилилъ дѣятельность Сѣвернаго Общества, управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства, самъ сочинялъ и распространялъ возмутительные пѣсни и стихи и принималъ членовъ, пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ, возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ черезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній, а во время мятежа самъ приходилъ на площадь» [124]).

По выслушаніи приговора Рылѣева и его товарищей отвели снова въ крѣпость, но уже не въ прежній Алексѣевскій равелинъ, а въ

[124]) Верховн. Уголовн. Судъ 1826 г.

Кронверкскую куртину. Рылѣеву достался № 14. На всѣхъ пятерыхъ надѣли кандалы.

На другой день рано утромъ должна была совершиться казнь. Еще одну только ночь осталось жить Рылѣеву. Въ молитвѣ и постоянныхъ размышленіяхъ провелъ онъ ее. «Хотя мы и преступники—думалъ онъ— и умираемъ позорною смертью, но еще мучительнѣе и страшнѣе умиралъ за всѣхъ насъ Спаситель міра». Эта мысль давала ему бодрость и укрѣпляла для перенесенія предстоявшей казни. Въ ней находилъ онъ и то спокойствіе, которымъ проникнуто его прощальное письмо женѣ. Сперва онъ хотѣлъ было видѣться съ ней, но чтобы не разстроить и себя и ее, отказался отъ этого свиданія и предпочелъ сказать свою послѣднюю волю на письмѣ. Приводимъ вполнѣ это предсмертное письмо.

«Богъ и Государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ безразсудно и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроталъ во все время моего заключенія, и за то Духъ Святый дивно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ: и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ! Благодарю моего Создателя, что Онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память; потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня; равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Кат. Ив. и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, чтобъ они не роптали на меня за М. П. не я его вовлекъ въ общую бѣду. Онъ самъ это засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою; но раздумалъ, чтобы не разстроить тебя. Молю за

тебя и Настеньку и за бѣдную сестру Бога и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настеньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, несмотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу-ли, мой другъ, благодарить тебя словами? Они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ моя душевная искренняя предсмертная благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его святая воля! Твой истинный другъ К. Рылѣевъ».

«У меня осталось здѣсь 530 рублей. Можетъ быть, отдадутъ тебѣ» [125]).

Эта приписка дала поводъ Гречу укорять Рылѣева за его мелочность, но иная мелочь служитъ выраженіемъ высокихъ человѣческихъ чувствъ. Такъ и въ этой припискѣ выказалась вся заботливая, любящая натура Рылѣева. На краю гроба не переставалъ онъ думать о женѣ, заботиться о ея счастьи, о судьбѣ своей малютки.

Долго писалъ онъ имъ свой предсмертный завѣтъ, часто отрывался отъ бумаги и начиналъ снова молиться. Письмо не было еще готово, когда въ комнату вошелъ плацъ-маіоръ въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ ружьями. Онъ сказалъ, что ему остается жить всего полчаса и велѣлъ приготовиться къ казни. Рылѣевъ попросилъ позволенія дописать письмо и, когда окончилъ, съѣлъ кусочекъ хлѣба, выпилъ нѣсколько глотковъ воды и спокойно сказалъ: «я готовъ». Сторожъ удивлялся послѣ твердости его духа и внутреннему спокойствію. На разсвѣтѣ пришелъ отецъ Мысловскій, чтобы напутствовать осужденнаго въ жизнь вѣчную. Во второмъ часу свѣтлой Петербургской ночи Кондратія Ѳедоровича вывели изъ каземата. Громко зазвенѣли цѣпи, дверь отворилась, и Рылѣевъ встрѣтился съ четырьмя приговоренными къ той же казни.

[125]) Соч. Рылѣева, 2-е изд., стр. 301—302.

«Простите, простите, братья», раздался его голосъ, обращенный къ другимъ, еще остававшимся въ крѣпости, и онъ удалился. Взводъ Павловскихъ гренадеръ съ сомкнутыми штыками сопровождалъ преступниковъ въ крѣпостную церковь. Здѣсь имъ была отслужена предсмертная обѣдня, и затѣмъ ихъ повели на мѣсто казни.

Государь приказалъ, чтобы къ четыремъ часамъ все было кончено; но одна изъ телѣгъ, на которыхъ везлись висѣличные столбы, почему-то сбилась съ дороги и замедлила. Самая висѣлица не была еще готова. Пока ее додѣлывали, осужденныхъ отвели въ сосѣднее зданіе, гдѣ уже было приготовлено пять гробовъ. Въ это время надъ прочими преступниками производилась экзекуція и поправляли висѣлицу. Столбы отъ поспѣшности не были достаточно глубоко вкопаны въ землю, такъ что петли слишкомъ высились. Тогда на доски, закрывавшія собой выкопанную яму, поставили скамейки. На эти скамейки должны были стать осужденные. Въ четыре часа оказалось возможнымъ приступить къ исполненію приговора.

Все въ сопровожденіи тѣхъ же солдатъ пошли всѣ пять преступниковъ къ висѣлицѣ. Впереди шелъ Каховскій, за нимъ Бестужевъ-Рюминъ съ Муравьевымъ-Апостоломъ, позади Рылѣевъ подъ руку съ больнымъ, едва переступавшимъ Пестелемъ. Когда они приблизились къ висѣлицѣ, и полицеймейстеръ Чихачевъ еще разъ прочелъ приговоръ, Рылѣевъ сказалъ: «Господа, надо отдать послѣдній долгъ». Всѣ стали на колѣни и начали молиться, затѣмъ обнялись и взошли на подмостки. Въ это время протоіерей Мысловскій подошелъ къ Рылѣеву и хотѣлъ его ободрить; но Рылѣевъ, взявъ его руку, приложилъ ее къ своему сердцу и сказалъ: «Слышишь, отецъ? Оно не бьется сильнѣе прежняго» и взошелъ на скамейку. Еще минута, и ему на лице надвинули длинный колпакъ, фартукъ связалъ руки и ноги; на голову надѣли петлю, выдернули изъ-подъ ногъ скамейку... Веревка взвилась, но повисли только двое, Пестель и Каховскій. Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ-Апостолъ съ шумомъ упали внизъ, пробили тяжестью своихъ тѣлъ и оковъ доски и провалились въ яму. Колпакъ Рылѣева свалился; у него виднѣлась окровавленная бровь, и кровь текла за правымъ ухомъ; скорчившись, онъ сидѣлъ въ ямѣ. Оказалось, что веревки новыя и тугія, не хорошо затянулись. Пока искали другихъ, такъ какъ запасныхъ не было и поправляли подмостки, Рылѣева и другихъ вынули изъ ямы. Кондратій Өедоровичъ еще

не потерялъ бодрости, и только одна фраза сорвалась съ его устъ: «Итакъ скажутъ, что мнѣ ничто не удавалось, даже и умереть». Говорятъ, будто Мысловскій настаивалъ на отмѣнѣ казни, но А. И. Чернышовъ не уважилъ его доводовъ. Помостъ былъ готовъ; Бестужева - Рюмина внесли на рукахъ. Рылѣевъ и Муравьевъ-Апостолъ взошли сами. Снова надѣли на нихъ веревки, и на этотъ разъ онѣ исполнили свое назначеніе [126]).

Въ исходѣ пятаго часа казнь совершилась. Пять труповъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ качались передъ небольшой кучкой собравшихся зрителей и войсками. Черезъ часъ ихъ сняли, покрыли холстомъ и отнесли въ то зданіе, гдѣ стояли приготовленные гробы. На слѣдующую ночь ихъ свезли на островъ Голодай, на кладбище для животныхъ, и тамъ они были зарыты неизвѣстно гдѣ.

По смерти Рылѣева, его семейство осиротѣло; но надъ нимъ была заботливая рука Государя. Карая Рылѣева, какъ преступника, Николай Павловичъ сумѣлъ его оцѣнить, какъ человѣка. До 6000 р. вспомоществованія было передано отъ него Натальѣ Михайловнѣ, и послѣ, когда она, спустя семь лѣтъ, вышла вторично замужъ за Гр. Ив. Куколевскаго, великодушный Государь не забылъ о Рылѣевѣ. Не только его дочь, но и внука были приняты одна въ Патріотическій, другая въ Елисаветинскій институты на собственное иждивеніе Императора [127]).

*

Рылѣевъ безвременно погибъ позорною казнью преступника; но, совершивъ преступленіе, онъ не утратилъ вмѣстѣ съ этимъ чистоты своей души. Онъ заблуждался, но искренно; въ основаніи его заблужденій, лежала самоотверженная любовь къ родинѣ—любовь, къ сожалѣнію, только невѣрно понимаемая. Императоръ Николай Павловичъ

---

[126]) О казни см. Aus den Memoiren, 124—125 и Лейпцигск. изд. записокъ бар. Розена, „Русск. Архивъ“ 1881, II, 2. 340—346. XIX Вѣкъ, I, 331—332, Записки Басаргина и др. L'histoire de la Russie par Schnitzler 1847, p. 305—307. Послѣдній источникъ приводитъ еще слѣдующія слова Рылѣева передъ казнью: „Проклятая земля, гдѣ не умѣютъ ни составить заговора, ни судить, ни вѣшать“. Можно навѣрно сказать, что Рылѣевъ не произносилъ этихъ словъ: такъ не подходятъ они къ его тогдашнему настроенію.

[127]) „Русск. Вѣст. 1869, № 3, стр. 245.

это зналъ. Въ Петербургѣ долго послѣ возстанія носился слухъ, будто по прочтеніи доклада Верховнаго Уголовнаго Суда онъ сказалъ: «Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣевѣ же всѣхъ добродѣтелей» [128]). Быть можетъ, скажутъ, что это только слухъ; но въ основаніи всякаго слуха лежитъ истина.

Въ этой оцѣнкѣ Государя, прозорливой и мѣткой, лежитъ все оправданіе Рылѣева. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Намъ можно безпристрастно оглянуться назадъ и по справедливости оцѣнить происшедшее, но и теперь мы не можемъ ничего прибавить къ отзыву Государя: Рылѣевъ былъ преступникомъ, заслужившимъ наказаніе; но онъ никогда не переставалъ быть истинно-хорошимъ человѣкомъ.

IX.

Мы разсмотрѣли послѣдовательно жизнь Рылѣева, стараясь выяснить его характеръ и значеніе его политической и общественной дѣятельности, причемъ коснулись и его стихотвореній, указавъ, насколько вѣрно выражали они идеалы современнаго молодаго поколѣнія.

Намъ остается представить оцѣнку его поэтическихъ произведеній съ художественной точки зрѣнія и сдѣлать заключеніе о томъ мѣстѣ, которое по праву принадлежитъ ему въ исторіи Русской поэзіи.

Поэтическій даръ Рылѣева началъ выработываться въ то время, когда еще Русская поэзія была, можно сказать, въ зачаточномъ положеніи. Еще не раздавались гармоничные звуки Пушкинскихъ пѣсенъ, и образцами для Рылѣева могли быть только Державинъ, Батюшковъ, да Жуковскій. Но Жуковскій съ своей туманной мечтательностью не нравился Рылѣеву: отдавая должное его заслугамъ относительно формы стиха, Рылѣевъ называлъ его вліяніе на духъ нашей словесности «слишкомъ пагубнымъ». Болѣе замѣтно подѣйствовалъ на него Батюшковъ, но не надолго: интимный характеръ лирики Батюшкова мало отвѣчалъ общественнымъ стремленіямъ Рылѣева, и потому, кромѣ немногихъ юношескихъ стихотвореній въ антологическомъ родѣ, его вліяніе не проявилось ни въ чемъ другомъ. За то торжественная, величавая лира

---

[128]) „Русск. Вѣст. 1874, № 1, стр. 64.

Державина, впервыя затронувшая родныя струны и съ воодушевленіемъ воспѣвавшая Русскіе побѣды и подвиги, оставила на творчествѣ Рылѣева неизгладимые слѣды. Не говоримъ уже о внѣшнемъ вліяніи, выразившемся въ этихъ частыхъ повтореніяхъ словъ «рекъ», «зрю», въ тяжеломъ подъемѣ высокопарнаго начала «Видѣнія», подъемѣ, замѣнявшемъ собой величавый, высоко-парящій полетъ Державина. Гораздо важнѣе вліяніе Державина на духъ Рылѣевской поэзіи. «Пѣвцу Фелицы» посвящена Рылѣевымъ одна изъ лучшихъ думъ, гдѣ изображается идеалъ поэта, какъ воплотившійся въ Державинѣ; изъ этой думы ясно видно, что̀ особенно въ немъ цѣнилъ Рылѣевъ: это были не художественныя красоты, но гражданскія чувства. Рылѣевъ любилъ Державина за то, что онъ «истину царямъ съ улыбкой говорилъ», за то, что, воспѣвая Русь святую,

Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

Словомъ, Рылѣевъ уважалъ Державина преимущественно, какъ общественнаго дѣятеля, и въ связи съ этимъ находится самый взглядъ его на поэзію вообще, выработавшійся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Державинскаго творчества. Мы уже отчасти знакомы съ этимъ взглядомъ; но въ виду особенной важности вопроса, считаемъ нужнымъ еще остановиться на немъ.

Рылѣевъ очень хорошо понималъ, въ чемъ заключается его сила, какъ поэта, и не разъ мѣтко выражалъ главное достоинство своихъ стихотвореній, говоря, что его поэзія сильна не столько искусствомъ и блескомъ художественныхъ пріемовъ, сколько непосредственностью заключавшагося въ нихъ гражданскаго чувства. «Я славою не избалованъ», писалъ онъ Ѳ. Н. Глинкѣ;

Но къ благу общему дыша,
Къ нему отъ дѣтства я прикованъ,
Къ нему летитъ моя душа,
Его пою на звучной лирѣ.

Еще яснѣе выражается онъ въ посвященіи А. А. Бестужеву «Войнаровскаго», такъ характеризуя свои стихи:

Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства,
За то найдешь живыя чувства—
Я не поэтъ, а гражданинъ.

«Любовь къ общественному благу» была дѣйствительно пафосомъ Рылѣевской поэзіи. Она яркою нитью проходитъ по всѣмъ произведеніямъ поэта и оживляетъ ихъ. Но любопытно, что гражданскую окраску своей поэзіи Рылѣевъ стремится возвести въ какой-то догматъ и, какъ это ясно видно изъ думы «Державинъ», предписываетъ поэзіи прежде всего быть проповѣдницей разныхъ нравственныхъ истинъ и гражданскихъ стремленій. Въ этомъ отношеніи не безъинтересна и его небольшая теоретическая статья «Нѣсколько мыслей о поэзіи». Разбирая споръ между классиками и романтиками, Рылѣевъ очень вѣрно утверждаетъ, что этотъ споръ въ сущности только о словахъ и что истинная поэзія всегда была, есть и будетъ одна и таже; но тутъ же онъ предлагаетъ свое дѣленіе поэзіи на древнюю и новую, причемъ такъ характеризуетъ ихъ различіе: «Наша поэзія болѣе содержательная, нежели вещественная; вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей...» [129]). Въ то далекое время, когда писались эти строки, еще не существовало споровъ о чистомъ искусствѣ, о тенденціозной поэзіи; но уже по приведенному отрывку можно видѣть, на чьей сторонѣ былъ бы Рылѣевъ. Онъ былъ поэтомъ ярко и крайне тенденціознымъ.

Мы говоримъ «крайне», потому что Рылѣевъ, мало того что явился сторонникомъ «идейности» въ искусствѣ, какъ любятъ теперь выражаться наши критики, но даже искренно думалъ, будто одно гражданское чувство и возвышенный строй мыслей уже дѣлаютъ изъ человѣка поэта, и не въ душѣ только. Вотъ что̀ отвѣчалъ Рылѣевъ въ посланіи къ А. А. Бестужеву на строгую критику, которой подвергъ его музу Пушкинъ:

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ;
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
  Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

---

[129]) Соч. Рылѣева, стр. 200—203.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, недаромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ;
Тотъ славы *требуетъ*, не проситъ!

Мысль этого стихотворенія — явное преувеличеніе; но Рылѣевъ былъ до того увлеченъ своими общественными идеалами, что даже не понималъ, повидимому, какъ можетъ существовать иной критерій поэзіи, иная точка зрѣнія. Когда Пушкинъ, сообщая ему свои замѣчанія о «Смерти Чигиринскаго Старосты», ничего не упомянулъ объ «Исповѣди Наливайко», Рылѣевъ чрезвычайно удивился этому умолчанію и писалъ въ отвѣтъ: «Ты ни слова не говоришь о «Исповѣди Наливайко», а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели «Смерью Чигиринскаго Старосты», которая тебѣ такъ понравилась. Въ «Исповѣди» мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайки, хотя на оборотъ въ удальствѣ болѣе дѣла» [130]).

Какъ хорошо въ этихъ словахъ обозначилась разница между поэтомъ-художникомъ и поэтомъ-гражданиномъ! «Смерть Чигиринскаго Старосты» двйствительно очень образна и картинна; въ ней много движенія, дѣйствія, дѣла, какъ выразился Рылѣевъ. Въ «Исповѣди Наливайки», наоборотъ, все ограничивается описаніемъ чувствъ, хотя и сильнымъ, но довольно растянутымъ. Понятно, что поэту-художнику должна болѣе нравиться первая пьеса; вторая скорѣе затронетъ пылкую и воспріимчивую къ гражданскимъ чувствамъ душу поэта-гражданина. Первымъ былъ Пушкинъ, вторымъ—Рылѣевъ.

Нѣкоторые изъ писавшихъ о Рылѣевѣ, какъ поэтѣ, высказывали мнѣніе, что его нельзя упрекать въ тенденціозности, потому что имъ руководило искреннее, глубоко прочувствованное убѣжденіе. Безспорно убѣжденность характеризуетъ Рылѣева и придаетъ особую силу и привлекательность его стихотвореніямъ; но тенденціозность, если она ис-

---

[130]) Соч. Рылѣева, стр. 210—211.

кренія, развѣ не будетъ тенденціозностью? И развѣ не тенденціозна та поэзія, которая ставитъ себѣ предвзятыя, дидактическія цѣли и подгоняетъ событія Русской исторіи для проповѣди своихъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ? Мы достаточно говорили выше о достоинствахъ стихотвореній Рылѣева, объ ихъ искренности, прочувствованности, силѣ. Покажемъ теперь, какъ пагубно отразился на его творчествѣ узкій, односторонній взглядъ на свое призваніе. Благодаря тенденціозности во всемъ, что̀ ни писалъ Рылѣевъ, лежитъ отпечатокъ однообразія и монотонности. Поэтъ будто намѣренно избѣгаетъ описаній, образовъ, картинъ, всего того, что́ могло бы оживить, и разнообразить его разсказъ. Лирикъ по преимуществу, Рылѣевъ писалъ все больше въ эпическомъ родѣ, и тѣмъ рѣзче выдѣляются его недостатки. Никто такъ вѣрно не оцѣнилъ его, какъ Пушкинъ. Со свойственной ему тонкостью критическаго чутья, онъ понималъ, что Рылѣевъ поэтъ въ душѣ, что онъ «идетъ особой дорогой», имѣетъ свою отличную физіономію, но это не помѣшало ему произнести строгій и безпощадный приговоръ надъ его поэзіей съ художественной точки зрѣнія. «Что̀ сказать тебѣ о Думахъ, пишетъ онъ Рылѣеву. Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы «Петра въ Острогожскѣ» чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста, дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго Русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ, исключая Ивана Сусанина, первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ» [131]). Какъ видите, судъ довольно рѣзкій; но легко признать его справедливость.

Прежде всего произведенія Рылѣева, хотя и проникнуты тѣмъ чувствомъ народной гордости, о которомъ мы имѣли случай говорить, дѣйствительно поражаютъ отсутствіемъ своеобразнаго Русскаго

---

[131]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г., стр. 173—175. За глаза Пушкинъ еще рѣзче выражался о Рылѣевѣ и очень язвительно надъ нимъ подсмѣивался, иронически называя его „знаменитымъ Рылѣевымъ". Въ письмѣ къ князю Вяземскому онъ говоритъ напримѣръ: „Думы дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ Нѣмецкаго dumm, а не отъ Польскаго, какъ казалось-бы съ перваго взгляда" (Соч. VII, стр. 23). „Цѣль поэзіи, пишетъ онъ Жуковскому—поэзія; думы Рылѣева и цѣлятъ, а все невпопадъ" (стр. 99). Чѣмъ далѣе однако, тѣмъ сочувственнѣе онъ сталъ къ нему относиться. Послѣ „Войнаровскаго", онъ пишетъ брату: „Съ Рылѣевымъ мирюсь: Войнаровскій полонъ жизни" (стр. 96). А. С.—Покойный П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что Пушкинъ и Дельвигъ хохотали надъ тѣмъ, что Рылѣевъ ходитъ въ книжную лавку Сленина изучать Европейскую политику по Русскимъ газетамъ. П. Б.

отпечатка. Замѣните имена всѣхъ этихъ Долгоруковыхъ, Матвѣевыхъ, Волынскихъ чужеземными, и вы увидите, что всѣ ихъ мысли, чувства, убѣжденія столь же могутъ быть присущи Нѣмцамъ, Французамъ или какому-нибудь другому народу, сколько Русскимъ. Такое безличіе въ національномъ отношеніи, помимо прочихъ причинъ, объясняется несомнѣнно и тенденціозностью Рылѣевской поэзіи. Онъ искренно старался проникнуть въ духъ Русскаго народа, какъ этотъ духъ выразился въ исторіи, но обращался къ старинѣ не столько за поученіемъ и руководствомъ, сколько изъ желанія найти въ ней оправданіе своимъ любимымъ идеямъ. Вотъ почему, можетъ быть, онъ взялъ предметы своихъ трехъ поэмъ изъ исторіи Малороссіи, а не Велико-русскаго племени. Его привлекало свободное, но утѣсненное казачество, богатое примѣрами столь любезной ему «борьбы за независимость». Но заботясь только о воспѣваніи своихъ политическихъ идеаловъ, онъ конечно, не могъ воспроизвести нашу старину.

Недостатокъ объективнаго творчества особенно проявляется въ описаніяхъ природы и въ изображеніи характеровъ. Не только думы Рылѣева всѣ на одинъ покрой, но и все въ нихъ на одинъ ладъ. Рылѣевъ взялъ двѣ-три картины природы и неизмѣнно и докучливо ихъ повторяетъ. Въ природѣ для него не существуетъ оттѣнковъ: онъ рисуетъ ее штрихами грубыми, прямолинейными. Возьмемъ примѣры, хотя бы описаніе ночи. Имъ начинается дума Святослава:

И одинока и блѣдна,
Въ туманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурогая луна
Надъ брегомъ быстраго Дуная.
Ея перловые лучи
Станъ усыпленный озаряли и т. д.

Тоже самое описаніе почти безъ измѣненія находимъ и въ «Войнаровскомъ»:

Погасло дневное свѣтило,
Настала ночь.... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
И одинокій и унылый
Дремучій лѣсъ осеребрилъ
И юрту путникамъ открылъ.

Спустя пять страничекъ въ томъ же «Войнаровскомъ» опять тоже описаніе:

Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила,
И одинока и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.

Но этого мало: начало повѣсти «Рогнѣда» и думы «Ольга на могилѣ Игоря» представляютъ подобныя же описанія. Картина осени въ думѣ «Державинъ» повторяетъ туже картину въ думѣ «Наталья Долгорукова». Изображеніе темницы въ думѣ «Глинскій» вполнѣ тождественно съ описаніемъ темницы въ думѣ «Хмѣльницкій». Мертвенная блѣдность и однообразіе описаній предполагаетъ естественно и однообразіе эпитетовъ. Они тусклы и шаблонны. Луна, какъ мы видѣли, всюду является «и одинокой и блѣдной». Осень Рылѣевъ иначе себѣ не представляетъ, какъ «угрюмою и мрачною», темницу неизбѣжно освѣщаетъ у него «слабый лучъ свѣта, страшащійся проникнуть въ подземные своды». Точно также и всѣ герои Рылѣевскихъ думъ всегда «угрюмы», видъ ихъ «мраченъ и унылъ», и «на челѣ судьбы враждующей рука рисуетъ тревожныя думы», надъ которыми такъ смѣялся Пушкинъ. Очевидно, Рылѣевъ не умѣлъ или—и это вѣрнѣе—не старался рисовать природу и вообще тѣ или другіе образы и картины, думая, что центръ тяжести не въ нихъ, а въ изображеніи высокихъ идей и чувствъ.

Какъ однообразны у него описанія, такъ одинаковы и характеры; но здѣсь это однообразіе еще болѣе осязаемо. У Рылѣева нѣтъ другаго сколько-нибудь удачнаго типа, кромѣ гражданина-патріота. И этотъ одинъ типъ даже и не на разные лады повторяется всюду: и въ Думахъ, и въ «Войнаровскомъ», и въ «Наливайко». Но такъ мала была въ Рылѣевѣ способность объективнаго творчества, что даже и это излюбленное имъ лицо не столько типъ, сколько схема типа. Лирическія изліянія Волынскаго, Матвѣева, Долгорукова ничѣмъ не отличаются одно отъ другаго. И Волынскій, и Матвѣевъ, и Долгоруковъ—всѣ на одно лицо: передъ нами не разные образы великихъ гражданъ и патріотовъ съ своеобразной окраской каждый, но одинъ какой-то отвлеченный образъ гражданина, изъ-за котораго постоянно выступаетъ самъ поэтъ съ своей горячею любовью къ родинѣ, съ своей убѣжденной проповѣдью долга и гражданской доблести. Такимъ образомъ въ итогѣ получается не типъ, а скорѣе извѣстный разрядъ мыслей и чувствъ, изображеніе чисто-схематическое. Понятно, что, если Рылѣеву не удалось художественно воспроизвести тотъ образъ, на обрисовку котораго были направлены всѣ его усилія, то еще болѣе несостоятель-

нымъ оказался онъ въ изображеніи лицъ отрицательныхъ или вообще такихъ, съ которыми у него лично было мало сходства. Такія лица выходятъ у него или истуканами, какъ Миллеръ въ «Войнаровскомъ», или до неосязаемости блѣдными и неясными, какъ царевичъ Алексѣй въ думѣ, «царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ», или съ какой-нибудь одной выпуклой чертой, обрисованной чрезвычайно грубо и противухудожественно, какъ Дмитрій Самозванецъ въ думѣ того же названія. Повторяемъ еще разъ: нельзя не видѣть, что это неумѣніе, кромѣ особенныхъ коренныхъ свойствъ Рылѣевской поэзіи, обусловливается несомнѣнно и его тенденціознымъ взглядомъ на поэзію, которымъ обезкрыливался полетъ творческой фантазіи поэта.

Было-бы однако несправедливымъ не сдѣлать при этомъ оговорки. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе и болѣе совершенствовался и мужалъ талантъ Рылѣева. Это выражалось и въ бо́льшей мѣткости языка, и въ бо́льшемъ приспособленіи къ эпическому складу, бо́льшей объективности творчества. Уже въ Думахъ встрѣчаемъ, хотя и рѣдко, проблески описательнаго таланта: таково, напримѣръ, превосходное окончаніе думы «Петръ въ Острогожскѣ», можетъ-быть единственное мѣсто, гдѣ поэтъ вѣрно и очень поэтически нарисовалъ картину любимой имъ Украйны. Еще болѣе обнаруживается ростъ поэтическаго творчества въ послѣднихъ трудахъ поэта, въ отрывкахъ изъ неоконченныхъ поэмъ «Наливайко» и «Хмѣльницкій». Когда вышелъ «Палѣй», Пушкинъ писалъ брату: «По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнасѣ... Если «Палѣй» пойдетъ, какъ началъ, Рылѣевъ будетъ министромъ» [132]). И дѣйствительно, это стихотвореніе и по мѣткости выраженій, и по яркости красокъ и по картинности описаній долго еще будетъ однимъ изъ лучшихъ Русскихъ стихотвореній. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Вяземскій сильно ошибался, утверждая, что Рылѣевъ сдѣлалъ все, что̀ могъ, и что далѣе онъ не пошелъ-бы. Довольно вспомнить, что Рылѣевъ умеръ слишкомъ рано, всего только пять лѣтъ серьезно занимаясь поэзіей. И мы поймемъ, что онъ унесъ съ собой въ могилу много недопѣтыхъ пѣсенъ, унесъ какъ разъ въ то время, когда, послѣ совершившагося въ немъ въ заточеніи переворота, передъ нимъ открылся новый, неизсякаемый источникъ вдохновенія. Вспомнимъ также, что Рылѣевъ никогда не удовольствовался сдѣланнымъ и желалъ бо́льшаго. «Я хочу прочной славы, не даромъ, а за дѣло», писалъ онъ въ 1825 году Булгарину.

---

[132]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г., т. VII, стр. 111.

Великимъ счастьемъ для Рылѣева было то обстоятельство, что онъ могъ развиваться подъ непосредственнымъ вліяніемъ Пушкинской поэзіи. Рылѣевъ чуть не преклонялся передъ Пушкинымъ, въ своихъ письмахъ называя его «чудотворцемъ», «чародѣемъ» и открыто сознавался, что онъ его ученикъ. «Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ», писалъ онъ ему 20 Марта 1825 г. [133]).

Поэзія Пушкина блистала такими яркими картинами, такими ослѣпительно-роскошными и въ тоже время вѣрными красками, что невольно подчиняла себѣ другихъ современныхъ поэтовъ и не въ отношеніи одного только поэтическаго языка. Подъ вліяніемъ Пушкина постепенно начали совершенствоваться художественные пріемы Рылѣева. Самое содержаніе Рылѣевской поэзіи, какъ это ни покажется страннымъ, въ сущности вовсе не было оригинальнымъ. Поэзія Пушкина охватила собой всю быстро-несущуюся, необъятно-широкую Русскую жизнь. Другимъ, не столь многообъемлющимъ дарованіямъ оставалось только разрабатывать то, что уже было затронуто Пушкинымъ. Рылѣевъ своими стихотвореніями выражалъ общественные и гражданскіе идеалы своего поколѣнія; но тѣже идеалы, тѣже чувства нашли себѣ выраженіе и у Пушкина. Вспомнимъ для примѣра хотя-бы конецъ извѣстнаго стихотворенія «Деревня». Разница была только въ ихъ обработкѣ, въ отношеніи къ нимъ обоихъ поэтовъ. Пушкинъ облекалъ ихъ въ высокохудожественную форму, живописалъ образами, для пониманія которыхъ требовалось извѣстное эстетическое развитіе; у Рылѣева они оставались, если можно такъ выразиться, нагими, являлись въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ можно встрѣтить въ нравоучительныхъ книжкахъ. Мы возвращаемся этимъ снова къ вопросу о тенденціозности Рылѣева. Несомнѣнно, что именно она придала всему творчеству Рылѣева тотъ особенный, своеобразный отпечатокъ, который рѣзко отдѣляетъ его отъ всѣхъ поэтовъ Пушкинскаго періода и опредѣляетъ его мѣсто въ исторіи Русской поэзіи: *Рылѣевъ былъ предшественникомъ и провозвѣстникомъ Некрасовской музы.*

Отмѣчая сходство между этими двумя поэтами, не надо забывать однако, что оно ограничивалось почти исключительно одинаковымъ взглядомъ на задачи поэзіи. Но въ томъ, какъ оба поэта служили этимъ задачамъ, очень ярко проявляется ихъ различіе. Муза Некрасова была

---

[133]) Соч. Рылѣева, стр. 208.

музой печали и гнѣва; ея скорбные, ноющіе звуки доходили до приторности и часто поражали натянутостью; проповѣдуя неестественно-аскетическія чувства, она была явно-болѣзненна. Не такова муза Рылѣева. Она вся—сила и молодость. Полная чистаго, свѣжаго, незапятнаннаго чувства и пламенной энергіи, она дѣйствовала на сердца живительно, бодрила духъ. Въ ней было много свѣтлаго, юношескаго, и пусть много было также незрѣлаго и несовершеннаго, но за ея убѣжденность, за ея пламенные порывы къ правдѣ, добру, свѣту, за ея пылъ и искренность ей многое проститься.

Какъ-бы строго ни судили потомки поэзію Рылѣева съ художественной точки зрѣнія, они всегда признаютъ за ней эти выдающіяся достоинства, всегда будутъ въ состояніи исполнить завѣтное желаніе поэта и, воздавая ему должное, сказать:

Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
Сѣдую вызывая древность,
И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность!

А. Н. Сиротининъ.

БОЯРСКОЕ КОРМЛЕНІЕ.

Посвящается князю Александру Михайловичу Голицыну.

Въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» 1889 г. напечатана статья г. Иловайскаго «Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго»; въ томъ же году, въ четвертой книжкѣ, замѣтка Д. Д. Голохвастова «Историческое значеніе слова *кормленіе*», по поводу этого слова у г. Иловайскаго, въ его толкованіи лѣтописной выписки; въ пятой книжкѣ отвѣтъ г. Иловайскаго «Моимъ возражателямъ» и письмо г. Ключевскаго къ издателю «Русскаго Архива»: «По поводу замѣтки Д. Голохвастова».

Мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ статьяхъ, читается у лѣтописца, все сполна, такъ: «А боярамъ приказалъ государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти. Они же отъ великаго такого подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша богатества, и начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша» [1]).

По г. Иловайскому, о кормленіяхъ сидѣти, тутъ значитъ «о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани».

«Въ этомъ случаѣ слову кормленіе», возражаетъ Д. Д. Голохвастовъ, «очевидно приданъ современный намъ смыслъ питанія, эксплуатаціи въ свою личную, частную пользу. Я знаю, что г. Иловайскій далеко не первый впалъ въ эту ошибку; такъ, напримѣръ, покойный профессоръ С. М. Соловьевъ также понималъ это слово; но это не вѣрно. *Кормленіе* на старинномъ языкѣ значитъ правленіе. Слова: *кормá, кòрмило, кòрмчій, кормчáя* книга несомнѣнно одного корня со словомъ кормленіе; но въ нихъ очевидно нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ о питаніи, объ эксплуатаціи въ свою личную, частную пользу, и всѣ они прямо указываютъ на понятіе объ управленіи. Дать кому-либо городъ или область въ кормленіе—значитъ поручить ему управленіе этой мѣстностью, или, какъ сказали бы теперь, сдѣлать его губернаторомъ. Бояре начаша о кормленіяхъ сидѣти, значитъ: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ».

---

[1]) Царственная Книга, Спб. 769, стр. 337.

«Чтò сказать», восклицаетъ г. Иловайскій, «о людяхъ, которые хотятъ поучать спеціалистовъ и даже дѣлать открытія въ Русской исторіи, обладая въ ней только элементарными свѣдѣніями? Еслибы возражатель былъ нѣсколько знакòмъ съ литературою предмета, то онъ убѣдился бы, что вопросъ о кормленіяхъ *достаточно выясненъ* въ Русской исторіи, и что никакія открытія, въ родѣ предложенныхъ имъ, тутъ *невозможны.* Выступая съ возраженіемъ противъ меня, онъ не потрудился справиться съ тѣмъ, чтò у меня сказано о семъ предметѣ во II-мъ томѣ моей «Исторіи Россіи».

Чтò же тамъ сказано о семъ предметѣ такого особеннаго?

«А тамъ», продолжаетъ г. Иловайскій, «на стр. 363 и 364 сказано (между прочимъ) слѣдующее: такъ какъ бояръ было гораздо больше чѣмъ намѣстничествъ, то вошло въ обычай давать сіи послѣднія на небольшое *количество времени* (красиво сказано), напримѣръ на три года, чтобы почти всѣ бояре могли *покормиться и нажить себѣ разное имущество*».

Ново и глубокомысленно!

Сославшись прежде всего на собственныя изреченія во II-мъ томѣ, какъ бы на каноническія о семъ предметѣ, г. Иловайскій заявляетъ, что «*съ особенной ясностью* говорится о системѣ кормленій въ обширномъ введеніи къ книгѣ Б. Н. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Между прочимъ тутъ сказано: Они (князья Рюриковичи), волею и неволею (?) покоривши Славянскія племена, пріобрѣли въ подчиненныхъ имъ областяхъ право *суда* и право на полученіе дани; но на эти права они смотрѣли *единственно* какъ на источникъ дохода (Мономахъ, напримѣръ?), какъ на средство обогатить свою дружину. Въ послѣдствіи времени князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ, но характеръ управленія остался тотъ же: *вся цѣль* состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами. Со времени Татарскаго владычества къ этому присоединились выходъ или дань и тамга, которыя сначала взимались въ пользу Татаръ, впослѣдствіи же перешли въ казну княжескую. Такимъ образомъ *единственными* предметами управленія (Невскаго, Донскаго, напримѣръ?) были доходы и повинности, составлявшіе собственность князя-вотчиника. Доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ. Судъ отдавался въ кормленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Душегубство вмѣстѣ съ остальнымъ судомъ бывало въ кормленіи за волостелями. Все это опредѣлялось не правительственными соображеніями, а расположеніемъ князя къ тому или другому кормленщику. Штрафованіе было произвольное; судья извлекалъ изъ преступника все чтò могъ. Имѣлось въ виду не столько

преступленіе, сколько доходное дѣйствіе. Преступленіе составляло какъ бы собственность судьи» [2]).

«Часто», говоритъ К. С. Аксаковъ, «повторялось съ ужасомъ это слово *кормиться*, понимаемое въ современномъ разговорномъ значеніи, безъ изслѣдованія историческаго; и публика думала, что бояринъ, отправляющійся кормиться, беретъ что хочетъ, что все имущество ввѣреннаго народонаселенія предоставляется ему по праву въ полное распоряженіе. Но то ли значило прежде слово кормиться, что такъ наивно и легко подразумѣваютъ теперь подъ этимъ словомъ? Знакомство съ памятниками показываетъ намъ совсѣмъ другое. Поэтому мы не можемъ не удивляться, какъ ученый авторъ (С. М. Соловьевъ), столь близко знакомый съ источниками, употребляетъ слово кормиться, кажется, почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно людьми, знакомыми съ Русской исторіей по слухамъ или поверхностно. Авторъ (Соловьевъ) говоритъ о боярахъ: народъ увидѣлъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и *кормиться какъ можно сытнѣе*».

Должно быть, усерднѣе Д. Д. Голохвастова изучавшій банальные парадоксы о кормленіи гг. Чичерина и Иловайскаго, столь рекомендуемые г. Иловайскимъ, авторъ (не помню его имени и точнаго заглавія) статьи о старинномъ управленіи въ Россіи, въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ журнала «Наблюдатель», обзываетъ бояръ-кормленщиковъ Щедринскимъ прозвищемъ куроцапы, перекрикивая, но въ томъ-же тонѣ: «кормиться какъ можно сытнѣе», фразы старшихъ [3]).

---

[2]) Б. Н. Чичеринъ, Областн. учрежденія, М. 1856, стр. 2 и слѣд. Курсивъ и скобки мои. Тутъ (какъ и выше, гдѣ г. Иловайскій выписываетъ собственныя изреченія о кормленіи), я замѣнилъ его выписки пропусками его, какъ болѣе къ дѣлу подходящими; ибо онъ, прикидываясь будто видитъ въ Д. Д. Голохвастовѣ человѣка ничего не читавшаго и едва элементарно что-нибудь знающаго, списываетъ ему (особенно изъ своей книги) самыя школьныя, азбучныя выраженія о кормленіи, и выводитъ изъ нихъ заключенія, напримѣръ изъ словъ г. Чичерина: кормленщику давалась ввозная грамота, въ которой такъ же какъ при раздачѣ помѣстій, жителямъ предписывалось *чтить его и слушать* „*отсюда* г. Голохвастовъ увидитъ, что приводимыя имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній приравнивать кормленья къ Кормчей книгѣ или Номокапону". Должно быть, Номокапонъ велитъ не чтить никого и не слушать. Quandoque bonus dormitat Homerus, вотъ что отсюда г. Голохвастовъ увидитъ.

[3]) Сочин. К. С. Аксакова, I, 139. Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 63, изд. 1856. „Наблюдатель", помнится, въ Іюньской или въ Іюльской кн.1887, „Институтъ выборныхъ людей въ Московскомъ государствѣ"; статья, если не ошибаюсь, г. Гребенщикова. Сами ль

Но если, какъ утверждаетъ, а затѣмъ и доказываетъ К. С. Аксаковъ, даже С. М. Соловьевъ понималъ кормленіе почти такъ-же какъ люди знакомые съ Русской исторіей по слухамъ: явно стало-быть, что даже по существу вопросъ о кормленіи вовсе не такъ «достаточно выясненъ», какъ полагаетъ г. Иловайскій, увлекаясь, кажется, «особенной ясностью» воззрѣній г. Чичерина. Подавно этимологически, едва-ли «никакія открытія въ родѣ предложенныхъ (Д. Д. Голохвастовымъ) тутъ невозможны», когда съ этой стороны вопросъ никѣмъ досель и затронутъ не былъ. Самъ К. С. Аксаковъ употребляетъ глаголъ кормиться, не замѣчая, что фразы: «кормиться какъ можно сытнѣе», только цвѣточки; самое-же зерно наивности въ позднѣйшемъ подборѣ къ *кормленью* глагола *кормиться*, и въ пренебреженіи стариннымъ *кормилъствовати*.

Но объ этомъ далѣе. Мы еще не сказали, въ чемъ суть письма г. Ключевскаго.

«Ошибка», говоритъ Д. Д. Голохвастовъ, «всегда и вездѣ возможна, даже для *самыхъ ученыхъ* людей (намекъ очевидно искренній на ученость Иловайскаго), и еслибы невѣрно истолковывалось другое слово (не сказано: *всякое* другое слово), это могло-бы не имѣть значенія; но тутъ искажается весь смыслъ нашей исторіи. Еслибы лучшіе слуги дѣйствительно заботились прежде всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а государственныя дѣла откладывали; еслибы наши Московскіе великіе князья и цари, послѣ столькихъ усилій и такихъ жертвъ народной кровью, не умѣли сдѣлать ничего лучшаго изъ вновь завоеваннаго царства, какъ отдать его на растерзаніе этимъ алчнымъ боярамъ, то не доросло-бы Московское княжество до размѣровъ Россіи».

«Г. Иловайскій (трунитъ г. Ключевскій) получилъ должное возмездіе въ торжественномъ урокѣ, заканчивающемъ замѣтку г. Голохвастова: «ошибка всегда и вездѣ возможна, даже для самыхъ ученыхъ людей, и еслибы невѣрно истолковывалось *всякое* (курсивъ и прибавка г. Ключевскаго) другое слово, это могло-бы не имѣть значенія, но тутъ искажается весь смыслъ нашей исторіи».

«Какъ!--восклицаетъ г. Ключевскій,—толкованьемъ одного слова можно исказить весь смыслъ нашей исторіи? Замѣчательно лаконичекъ смыслъ нашей исторіи: онъ весь въ одномъ словѣ *кормленіе*. Хотя мнѣ все-таки непонятно, чѣмъ слово кормленіе значительнѣе или страшнѣе «*всякаго* другаго» (вносные знаки у г. Ключевскаго) слова, и

кормленщики тутъ „куроцапы", или они достойные предки „куроцаповъ" и еще кого-то, Разуваевыхъ, Колупаевыхъ, не помню, и справиться не могу: пишу вдали отъ библіотеки своей, имѣя подъ руками только небольшое vademecum.

какъ толкованіе его въ смыслѣ вознагражденія за государственную службу можетъ искажать весь смыслъ нашей исторіи, когда *такое* (?) вознагражденіе допускается (praesens) закономъ у насъ и вездѣ (?), гдѣ служатъ государству; но думаю, что слѣдуетъ основательно доказать ошибочность такого толкованія, прежде чѣмъ взваливать на ученаго такое тяжеловѣсное обвиненіе. Не подумайте, что я вызываюсь защищать г. Иловайскаго. Во-первыхъ, онъ не нуждается въ защитѣ; во-вторыхъ, я не имѣю на то надлежащихъ полномочій (?). А настоящее письмо писано съ единственной (??) цѣлью закончить его слѣдующимъ печальнымъ (!) размышеніемъ: жутко (!!) работать Русскому ученому, когда всякій почтенный гражданинъ можетъ печатно (!) обвинить его за всякое слово во всемъ (?) что́ ему вздумается, и только обвинить, а не опровергнуть».

Да чѣмъ-же такъ *распечалилъ* Д. Д. Голохвастовъ, чѣмъ довелъ до пароксизма *жуткости* Русскаго ученаго? Въ чемъ это *во всемъ*, что̀ вздумается, обвинялъ, и кого? Г. Иловайскаго, надо полагать. Но прочтите, безъ предвзятой мысли, замѣтку Д. Д. Голохвастова. Не только не взваливаетъ онъ *такихъ*, неизвѣстно какихъ, *тяжеловѣсныхъ обвиненій* на кого либо; въ ней нѣтъ ничего, что̀ могло-бы задѣть иныхъ обидчивыхъ; того, что́ когда-то было такъ свойственно его ораторскому таланту: ни той сангвинической проніи, ни той благородной рѣзкости, ни того увлекательнаго задора; вообще, ничего обличающаго ex ungue leonem, чѣмъ когда-то, въ живые годы реформъ, такъ искренно и смѣло волновалъ и воодушевлялъ *лучшихъ людей* онъ, въ лучшихъ primus inter pares; *почтенный гражданинъ*, да, именно! И, наконецъ, какъ достичь того, чтобы не *всякій* почтенный гражданинъ *могъ печатно* печалить Русскихъ ученыхъ: учредить на сей предметъ выдачу *надлежащихъ полномочій?*

Опровергаютъ Д. Д. Голохвастова гг. Иловайскій и Ключевскій вопервыхъ безсмыслицей, будто-бы истекающей изъ примѣненія его толкованья къ обѣимъ частямъ задачи государевой боярамъ: 1) о Казанскомъ *дѣлѣ* промышляти, 2) да и о кормленіяхъ сидѣти; они же начаша (о второмъ) о кормленіяхъ сидѣти, а (первое) Казанское *строенье* (Казанское *дѣло*) поотложиша.

«Лѣтописецъ, говоритъ г. Иловайскій, тутъ сидѣніе о кормленіяхъ съ ироніей противополагаетъ заботамъ о Казанскомъ строеніи. Если же принять толкованіе г. Голохвастова и буквально (?) приложить его къ словамъ лѣтописца, то получимъ слѣдующее: бояре стали совѣщаться *объ устройствѣ управленія* вновь завоеваннымъ краемъ Казанскимъ, а *устройство* (г. Иловайскій не договариваетъ: какое, стратегическое напримѣръ?) сего края отложили въ сторону».

«Теперь смотрите, говоритъ г. Ключевскій, что̀ выходитъ у автора (Д. Д. Голохвастова): вопреки волѣ царя (?) бояре стали совѣщаться *объ устройствѣ управленія* Казанскимъ царствомъ, а Казанское строеніе, т.-е. дѣло *объ устройствѣ* (стратегическомъ? не договариваетъ и г. Ключевскій) того-же Казанскаго царства отсрочили».

«Получается», торжествуетъ г. Иловайскій, «безсмыслица очевидная».

Только не у Д. Д. Голохвастова.

«Теперь придется доказывать», печалится г. Ключевскій, «что Казанское *строенье* на старинномъ языкѣ не значило *устройство* Казанскаго царства».

Значило. Но какое устройство? Конечно не устройство управленья должно понимать тутъ подъ Казанскимъ *дѣломъ*, Казанскимъ *строеньемъ*, а устройство фортификаціонное, окупаціонное и вообще стратегическое, какъ самой Казани и ея форпостовъ, Свіяжска, Чебоксаръ, Лаишева, такъ и всего новозавоеваннаго края. Правда, что этого толкованія нѣтъ у Д. Д. Голохвастова; но вѣдь онъ вопросъ поднялъ не собственно объ этомъ мѣстѣ у лѣтописца, или даже у г. Иловайскаго, а только по поводу слова *кормленіе* и толкованія этого слова г. Иловайскимъ, случайно встрѣтившагося тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ; и вовсе не заводя вопроса о *строеніи*, кратко и почти бездоказательно отмѣтилъ, къ свѣдѣнію читателямъ (а, пожалуй, и ученымъ), что *кормленіе* значитъ управленье. Вольно же было гг. Иловайскому и Ключевскому оба слова: и *кормленіе*, въ толкованіи Д. Д. Голохвастова, и *строеніе* или *дѣло*, въ собственномъ недотолкованіи, замѣнить оба раза (въ обѣихъ частяхъ боярской задачи) словомъ *устройство*, въ первый разъ досказавъ: *устройство управленья*, а во второй не досказавъ: *устройство*, но какое? Будто только одно и бываетъ, административное; или будто все, къ чему съ грѣхомъ пополамъ можно слово устройство пріурочить, въ томъ числѣ и *строеніе* или *дѣло* Казанское, непремѣнно уже значитъ административное устройство. Но вѣдь и *строеніе* и *дѣло* было во время о̀но терминами военнаго искусства и преимущественно фортификаціоннаго: *городовое дѣло* значило построеніе стѣны городской или, что̀ тоже по тогдашнему, *го́рода*. (Я только читателямъ это напоминаю, простымъ смертнымъ, а не Русскимъ ученымъ). Городовое, или опредѣлительно *Казанское дѣло*, строки двѣ-три дальше, повторено у лѣтописца подъ синонимомъ *Казанское строеніе*. Оба термина имѣютъ въ настоящемъ случаѣ значеніе, очевидно, не исключительно-фортификаціонное; не оттого ли и колеблется лѣтописецъ межъ *строеніемъ* и *дѣломъ*, ища: которымъ изъ двухъ терминовъ мысль его менѣе спеціализируется? Радѣть о Казанскомъ дѣлѣ приходилось конечно изъ

Москвы, ибо не могло оно совершаться внѣ центральнаго, общегосударственнаго содѣйствія.

Исполать ученымъ, умудрившимся изъ такихъ простыхъ данныхъ и такимъ простымъ способомъ устроить, въ подарокъ Д. Д. Голохвастову, такую, по откровенному признанію г. Иловайскаго, «безсмыслицу» [1])!

Второе и, касательно сути вопроса, послѣднее возраженіе г. Иловайскаго Д. Д. Голохвастову, повторенное и г. Ключевскимъ, заключается въ сопоставленіи *кормленія* съ терминомъ *кормъ*, созвучнымъ и будто бы сосмысленнымъ глаголу, будто бы документальному, *кормиться*. «Служилые люди» говоритъ г. Ключевскій, «просившіе кормленій, писали въ челобитныхъ»: *„прошу отпустить покормиться"*. Слова

---

[1]) Столь согласные на счетъ *строенія*, гг. Иловайскій и Ключевскій на счетъ *сидѣнія о кормленьяхъ* не согласны, не только межъ собой, но, кажется, и каждый самъ съ собой. По г. Иловайскому, о кормленіяхъ сидѣти, значитъ „о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани". Но какихъ кормленій, прежнихъ? Они были, какъ обыкновенно, всѣ или почти всѣ заранѣе позаняты, надо полагать. Новыхъ въ Казанскомъ царствѣ? Но „въ новозавоеванныхъ городахъ", говоритъ г. Чичеринъ „всегда назначались воеводы (а не кормленщики); въ Казани, послѣ покоренія, учреждены были воеводы" (Областн. Учрежд. 52—53). Да и возможно ли, чтобы только что сломленное и только въ самой Казани сломленное царство стало послушно носить кормъ боярамъ: не сытно бы кормились несчастные въ награду за покореніе. Обычное же испомѣщеніе нѣкоторыхъ служилыхъ людей по вакантнымъ старомосковскимъ кормленіямъ не было бы чрезвычайной, ни подавно общей наградою за покореніе царства и не требовало бы особыхъ сидѣній, памятныхъ лѣтописцу. По г. Ключевскому, „дѣло шло не о раздачѣ кормленій за покореніе Казани, а объ отмѣнѣ кормленій и замѣнѣ ихъ земскими учрежденіями, общій законъ о которыхъ выработанъ былъ нѣсколько позднѣе". Выраженье *общій* законъ заставляетъ думать, что *общая* повсемѣстная замѣна кормленій земскимъ управленіемъ была, по мнѣнію г. Ключевскаго, предметомъ позднѣйшихъ сидѣній, совѣщаній боярскихъ; предметомъ же тогдашнихъ сидѣній была замѣна кормленій земскимъ управленіемъ предварительная, экстреная, только во вновь покоренномъ царствѣ. Но было ли тамъ что́ замѣнять, и было ли чѣмъ: когда же успѣли завестись и кормленья и, взамѣнъ ихъ, готовая земщина въ только что завоеванной Татарвѣ? „Я имѣю", говоритъ г. Ключевскій, „нѣсколько маленькихъ соображеній (большой галицизмъ) въ оправданіе этого несогласія (съ г. Иловайскимъ); но для изложенія ихъ потребовалось бы другое письмо, скучнѣе и пространнѣе настоящаго". Какъ интересъ вопроса о древнеземскихъ учрежденіяхъ, такъ и безспорный талантъ и обширная ученость г. Ключевскаго, достаточныя поруки въ томъ, что и то письмо будетъ нескучно и, слѣдовательно, чѣмъ пространнѣе, тѣмъ лучше. Жаль только, что приходится подождать. Съ такимъ же нетерпѣніемъ будемъ ждать и продолженія фундаментальнаго труда г. Иловайскаго, III тома его „Исторіи Россіи", интересный образчикъ котораго имѣемъ въ первой книжкѣ „Русскаго Архива" 1889 года.

просителя отмѣчены у г. Ключевскаго вносными знаками, какъ бы выписанныя изъ подлинной челобитной; въ самомъ же дѣлѣ это просто слова историка Татищева: «губернаторства и воеводства именуетъ (составитель втораго Судебника) жалованьемъ и кормленьемъ, ибо тогда оныя жаловались изъ милости, для нажитка, и въ челобитныхъ о воеводствахъ (?) писали: *прошу отпустить покормиться*». Тѣже слова, но съ указаніемъ на источникъ, приводитъ и г. Иловайскій, причемъ, чтобы придать имъ нѣкоторой, хоть косвенной авторитетности, замѣчаетъ, что Татищевъ родился «въ эпоху, когда система кормленій была еще въ ходу». Татищевъ родился въ правленіе царевны Софіи, года за три предъ тѣмъ, что Петръ женился. По г. Чичерину, «въ смутное время, когда войны и мятежи распространились по всей землѣ, и всюду необходимо было присутствіе военной силы, воеводы являются почти во всѣхъ городахъ; со времени Михаила Ѳедоровича они составляютъ *общее учрежденіе* для всей Россіи. Воевода не собиралъ кормовъ съ подсудныхъ ему жителей, не извлекалъ дохода изъ суда и преступныхъ дѣйствій, не управлялъ посредствомъ своихъ слугъ и холоповъ, подлежалъ отчетности и отвѣтственности. Намѣстникъ былъ *кормленщикъ*, воевода *правитель*. Намѣстники и волостели (кормленщики) со временъ Михаила Ѳеодоровича *больше не встрѣчаются*. Намѣстники были однакоже и во времена Романовыхъ, но съ совершенно другимъ значеніемъ: *знатнымъ лицамъ* давалось имя намѣстника какого-нибудь города, какъ *почетный титулъ*. Такъ напримѣръ въ 1629 году велѣно было Новгородскому воеводѣ князю Пожарскому въ сношеніяхъ съ правителями Шведскихъ городовъ *писаться намѣстникомъ* Суздальскимъ» [5]).

Странно, вопервыхъ, откуда такая высокая слава привилась въ чужихъ краяхъ къ нашему титулу намѣстника, когда у насъ воевода былъ *правитель*, а намѣстникъ (infamia notatus) *кормленщикъ*». Вовторыхъ, такъ ли особенно ясны, какъ утверждаетъ г. Иловайскій, свѣдѣнія г. Чичерина о кормленіи, или же свѣдѣнія самого г. Иловайскаго, когда эпоха столь яркой реформы (вмѣсто вѣковой кормежки,—устройство впервыя правленія) имъ, или кому-то изъ нихъ такъ не ясна: не то Петръ I, не то Михаилъ Ѳеодоровичъ! Втретьихъ, наконецъ, если и родился Татищевъ, когда, положимъ, «система кормленій была еще въ ходу», что́ же изъ этого? А когда выросъ, то даже не зналъ, что́ знаетъ г. Чичеринъ, родившійся не при Петрѣ: разницу между воеводствъ, повсемѣстно введенныхъ, и кормленій, систематически искорененныхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Карамзину нерѣдко приходилось осуждать ошибки, противорѣчія и вымыслы Татищева выраженіями: баснословитъ, путаетъ, пишетъ

---

[5]) Областн. Учрежд., 53—54, 57. Курсивъ мой.

единственно изъ головы, и т. п. [6]). Конечно не изъ челобитной подъ глазами, и даже не изъ памяти о ней, а единственно изъ головы напуталъ Татищевъ и тутъ про *воеводства*, и тутъ же сбаснословилъ глаголъ *кормиться*, изъ созвучія возмнивъ о сосмысліи *кормленія* съ *кормежкой*; точно такъ же какъ за нѣсколько страницъ предъ этимъ, въ примѣчаніяхъ къ «Русской Правдѣ», сбаснословилъ онъ, единственно изъ головы, про *огнищанъ*, что это *огневщики*, офицеры пожарной команды. Да и мало ли про что [7])!

По г. Чичерину, съ Варяжскихъ пришельцевъ будто бы, и будто бы до Петра, по г. Иловайскому длилась система кормленій; и что же? Положимъ, это только argumentum a silentio, но вѣдь уже слишкомъ знаменательное: въ семь - восемь вѣковъ, ни въ какихъ челобитныхъ, ни въ уставныхъ грамотахъ, ни въ судебникахъ, ни во всей громадѣ доселѣ извѣстныхъ, историческихъ, юридическихъ и пр. актовъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ глагола *кормиться* въ примѣненіи къ кормленію. Есть терминъ *держать кормленіе*, который, явно роднитъ съ державствомъ, а не съ кормежкой дѣло кормленщика; и есть глаголъ кормильствовати: «тя, корабль Россійскія Церкве правѣ *кормильствовавша*, молимъ, къ покаянія тишинѣ *кормильствуй* душы наша». Правда, глаголъ этотъ встрѣчается обыкновенно про кормильство кораблемъ или церковью подобно кораблю, но очень просто почему: кормильство областью имѣетъ свой, *державный* терминъ. Въ капитальномъ словарѣ Миклошича тотъ же глаголъ въ первоначальной, краткой формѣ *кръмити*, съ переводомъ *gubernare*, и съ производными: 1) кръмьникъ, кръмчьникъ, кръмчій, кръмчія, кръмитель *gubernator*, 2) кръмованіе, кръмьчствованіе, кръмьчствіе, кръмильство, кръмительство, кръмля црьковная, КРЪМЛЕНИЕ—*gubernatio* [8]).

Итакъ, столь апетитный нашимъ историкамъ глаголъ *кормиться* пріуроченъ къ системѣ стариннаго управленія единственно изъ головы. Просто, въ числѣ обычныхъ филологическихъ наивностей Татищева,

---

[6]) У Строева въ Ключѣ къ Исторіи Государства Россійскаго, М. 1836, при имени *Татищевъ* рубрика первая: *его ошибки, противорѣчія, вымыслы*, занимаетъ 55 столбцовыхъ строкъ сплошнаго перечня страницъ и примѣчаній, въ которыхъ Карамзинъ обличаетъ эти погрѣшности, особливо же вымыслы Татищева.

[7]) Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики, Спб. 1786, ч. I, Законы древніе Россійскіе, для пользы всѣхъ любомудрыхъ собранные и нѣколико истолкованные тайнымъ совѣтникомъ Васильемъ Татищевымъ, 1738 года; примѣч. къ ст. 18 Русск. Правды (объ огнищанахъ), къ ст. 24 Судебника (о кормленіи).

[8]) Минея Мѣсячная, Февр. 12, служба Св. Алексѣя митроп., пѣснь 3. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindobonae, 1862.

слетѣлъ онъ у него съ размашистаго пера кляксомъ на нашу исторію. Карамзинъ, знатокъ въ языкѣ церковной и гражданской письменности древней Россіи и самъ художникъ языка, не могъ обмануться наружнымъ сходствомъ глагола *кормиться* съ терминомъ *кормленіе* (крѫмленіе-gubernatio). Историкъ не по названію ремесла или по заглавію труда, историкъ по призванію, знанію и пониманію, не могъ онъ провозгласить доходъ единственной цѣлью суда и управленія князей и царей нашихъ; не могъ увлечься пластической внушительностью глагола *кормиться* и сфантазировать себѣ изъ него вѣковую систему питанія бояръ преступленіями народонаселенія, составлявшими (съ душегубствомъ въ томъ числѣ) собственность, жалованную въ поочередное пользованіе каждому на небольшое «количество времени», этимъ паразитамъ уголовщины. У Карамзина даже термины *кормленщикъ, кормленье* встрѣчаются, кажется, только въ примѣчаніяхъ, въ документальныхъ сноскахъ, въ его же изложеніи постоянно замѣняются общепонятными синонимами своими: правитель, правленіе.

А стоило бы дознаться: кто филологъ, кто историкъ, кто Русскій человѣкъ, или же досужій Русскій Нѣмецъ, кто Колумбъ поставившій биткомъ Татищевское яичко и высидѣвшій изъ него *систему кормленія?*

Положимъ, можно не домекнуться, что источникъ всей этой системы ребяческій кляксъ; но какъ же не видать, какую лужу развели изъ клякса взрослые шалуны, вѣдь уже на нашихъ глазахъ? Понятно, что писаки «Наблюдателя» продолжаютъ разработывать пресловутую систему, уснащая ее гаерскими колѣнцами автора «Исторіи одного города» (пошлой пародіи Щедрина на Русскую исторію); но какъ же историки-то, Иловайскіе, Ключевскіе, могутъ засчитывать въ капиталъ науки результаты этого дряннаго школьничества; какъ же могутъ они, изучившіе книгу бытія Руси изначала даже и доднесь, не спохватиться, въ чемъ вся raison d'être, вся причинная суть этой, будто бы «достаточно выясненной», такъ называемой системы кормленія? Вѣдь очевидно же вся она единственно въ модности, еще Пушкину столь претившей, но тогда еще только буржуазной, теперь уже уличной, безстыже-оголтѣлой модности ляганья

. . Геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ.

И вотъ по какимъ пріемамъ и физическимъ признакамъ, и вотъ въ какихъ годахъ журнала политическихъ модъ надо искать нашихъ Колумбовъ!

По справедливому замѣчанію г. Ключевскаго, «какъ ни остроумны и ни вѣроятны соображенія (Д. Д. Голохвастова), они не даютъ того, что̀ нужно; а нужны *древніе документальные* тексты, которые достаточно явственно вскрыли бы *древній* смыслъ слова кормленіе».

Мы видѣли, что для глагола *кормиться* подъискалъ г. Ключевскій не тексты, а всего одинъ текстъ, вовсе не древній, весьма не документальный. Тотъ же *текстъ* подъискалъ, разумѣется, и г. Иловайскій. Какъ быть, въ полѣ и жукъ мясо. Совсѣмъ иное дѣло терминъ *кормъ*: о немъ текстовъ въ волю, такихъ, что во вносныхъ знакахъ не нуждаются. Вопросъ только, что̀ значитъ *кормъ*, какъ сосмысливается *кормъ* глаголу *кормить*: въ значеніи ли, нынѣ единственномъ *nutrire*, или же, изъ древнихъ двухъ его значеній, въ нынѣ забытомъ *gubernare*?

Въ 1875—1876 г. въ Казани изданъ г. Загоскинымъ паралельный сводъ пятнадцати уставныхъ грамотъ намѣстничьяго управленія, сохранившихся вѣка за два, съ великаго князя Василья Дмитріевича (Двинская грамота 1398 г.) до царя Михаила Θеодоровича (грамота Устюжны-Желѣзнопольской 1614 г.). Параллель раздѣлена на 10 рубрикъ и 97 параграфовъ. О кормахъ и поборахъ говорится между прочимъ въ параграфахъ 4, 8 и 10, и спеціально въ рубрикѣ Д, парагр. 15—26. Прочитавъ эти 15 грамотъ и, съ особымъ вниманіемъ, эти 15 параграфовъ, мы увидимъ, что областью управлялъ, по назначенью (жалованію) государеву, *намѣстникъ* или *волостель*. Намѣстникъ, всегда лично знатнѣйшій волостеля саномъ и заслугами, назначался и въ знатнѣйшую область; но правительныя права обоихъ бывали, кажется, одинаковы; такъ что о волостелѣ, и подавно о *посельскомъ* (еще незначительнѣйшей степени кормленщика) можемъ и не упоминать болѣе. Правленіе заключалось существенно, иногда единственно, въ правѣ суда. Намѣстникъ имѣлъ при себѣ, вопервыхъ, *тіуна*, который замѣщалъ его въ управленіи и въ судѣ, но не съ тѣми же правами и не съ тою же подсудностью; вовторыхъ, *праветчиковъ* и *доводчиковъ*, которые, ни тѣ ни другіе, не имѣли правъ правительныхъ ни судебныхъ, а были чины исполнительные, правстчики въ родѣ нынѣшнихъ среднихъ чиновъ уѣздной и городской полиціи, доводчики въ родѣ судебныхъ приставовъ мироваго и окружнаго суда; гдѣ праветчиковъ не было, должность ихъ исполняли доводчики. Какъ праветчиковъ и доводчиковъ, такъ и тіуна назначалъ и смѣнялъ намѣстникъ. Служебный гонораръ, какъ самого намѣстника, такъ и *его людей* (тіуна, праветчиковъ и доводчиковъ, получался ими не отъ казны, а прямо отъ земщины, въ видѣ установленной подати, натурой или, по установленной же таксѣ, деньгами), обык-

новенно въ три срока, по календарю донынѣ самому народному, праздничному: на Рождество Христово, на Пасху и на Петровъ день. Натурой ли получать, или же деньгами, могъ каждый какъ пожелаетъ. Чтó такимъ образомъ получали, хотя бы исключительно деньгами, намѣстникъ и тіунъ, то называлось *кормомъ*; а чтò точно такимъ же образомъ, и хотя бы натурой, продовольственными и даже именно съѣстными припасами, получали праветчики и доводчики, то никогда не называлось кормомъ, всегда *поборомъ*. Въ вышеуказанныхъ 15 параграфахъ термины «намѣстничь и тіунь *кормъ* и праветчиковъ и доводчиковъ *поборъ*» встрѣчаются до ста разъ, и только раза два-три не въ совершенно ясномъ различіи въ Пермской грамотѣ, да и то по очевидной недопискѣ [9]).

---

[9]) Кормъ 54, поборъ 47 разъ, итого 101. Если обсчитываюсь, то, вѣроятно, въ ущербъ, а не въ прибыль аргументу множественности.

Дабы видѣли читатели, какъ явственно различались кормъ съ поборомъ, выпишу нѣсколько примѣровъ изъ разныхъ параграфовъ и грамотъ, означая грамоты Арабскими цифрами нумеровъ г. Загоскина, а параграфы (какъ и у него) Латинскими; и затѣмъ, дабы могли они сами судить, важны ли неясности, выпишу ихъ всѣ, или точнѣе обѣ, какія есть.

Въ грамотѣ 1506 г. Переяславскаго уѣзда, Артемоновскаго стана крестьянамъ: А съ починковъ письменныхъ съ непашенныхъ и съ новыхъ починковъ, которые сѣли послѣ письма, *волостелю и его тіуну кормовъ, и праветчику и доводчику поборовъ* не имати до урочныхъ лѣтъ; а отсидятъ свои урочныя лѣта, и они *волостелю и его тіуну кормовъ, и праветчику и доводчику поборовъ* платятъ по тому же, какъ и съ старыхъ деревень съ черныхъ (XXVI, 4).

Въ Бѣлозерской 1488: А *кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы поборы* берутъ въ станѣхъ сотскіе да платятъ намѣстникамъ и тіунамъ и доводчикамъ въ городѣ: о Рождествѣ Христовѣ рождественскій *кормъ* платятъ *намѣстникамъ и тіунамъ, и доводчиковы поборы*; а о Петровѣ днѣ петровскій *кормъ* платятъ въ городѣ и *намѣстникамъ и тіунамъ, и доводчиковы поборы* (XXV, 2).

Въ грамотѣ 1544 г. Звенигородскаго уѣзда, села Андреевскаго крестьянамъ: *намѣстницы* наши Звенигородскіе и *волостели и ихъ тіуны* тѣхъ моихъ крестьянъ села Андреевскаго, сельчанъ и деревенщиковъ пашенныхъ и оброчныхъ, не судятъ ни въ чемъ опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ, и *кормовъ* своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что; а *праветчики и доводчики* на поруки ихъ не даютъ, и *поборовъ* своихъ не берутъ, и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что (IV, 10).

Въ слѣдующихъ выпискахъ подчеркиваю и дополняю въ скобкахъ всѣ неясности, о кормахъ и поборахъ, Пермской грамоты 1553:

А берутъ кормъ (sic) намѣстничь и тіуновъ, и доводчиковъ поборъ (sic) старосты и люди добрые Пермяки сами, да отдаютъ *кормъ* (и поборъ?) *намѣстнику и съ тіуны и съ доводчики* въ городѣ; а сами *намѣстники и тіуны и доводчики* по погостамъ луковъ писати и *кормъ* (и поборъ?) брати не ѣздятъ XXV, 11.

А на Петровъ день *намѣстнику корму и его тіуну и* (поборъ?) *доводчикамъ* за 700 бѣлокъ семь рублевъ, по двѣ же деньги за бѣлку (XVII и слово въ слово тоже XVIII: а на Великъ день....).

Итакъ, тіунъ, по способу назначенія и смѣны, приравнивается къ праветчику и доводчику, почему и пишется въ числѣ людей намѣстничьихъ; но гонораръ тіуна называется не какъ людской, а какъ намѣстничій, не поборомъ, а кормомъ. Способъ полученія гонорара,—прямо съ земщины, натурой или, по желанью, деньгами,—одинъ про всѣхъ, про самого намѣстника, какъ и про людей его (тіуна, праветчиковъ и доводчиковъ); разница только въ количествѣ. Кормятся гонораромъ всѣ они, какъ и всѣ на свѣтѣ служащіе. Почему же не всѣхъ на свѣтѣ гонораръ называется кормомъ, и даже не всѣхъ служащихъ при областномъ кормленіи; почему только намѣстничій да изъ людей его только тіуній? Единовозможный отвѣтъ: потому, что терминъ *кормъ* вовсе не имѣлъ значенія нынѣшняго да и тогдашняго обиходнаго слова *кормъ* (nutrimentum), и происходилъ не отъ *кормиться* или *кръмить*—nutrire, а отъ *кормильствовати*, *кръмить*—gubernare, и означалъ пóдать за кормильство, самому государеву намѣстнику въ кормленіи и его, кормленщика, замѣстителю въ нѣкоторыхъ дѣлахъ правленья и суда, слѣдовательно тоже (хотя бы и не по имени) кормленщику, тіуну его [10]).

У народа есть слово *корóмъ*. На вопросъ: зачѣмъ у барки два *правúла* (кормила), кормовóе и носовое?—Двумя *корóмъ* легче (т. е. управленіе судномъ): отвѣтъ барочника, записанный въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Дѣло кормленщика было именно управленіе—корóмъ. На древней Руси пошлины и подати сплошь да рядомъ, за чтó платились, того названіемъ прямо, а не производно, и назывались. За управленіе, за корóмъ и пошлина *корóмъ, коръмъ*. Объѣздный судъ владыки Новогородскаго и посыльныхъ его назывался не по самой цѣли, а по труду исполненія—*подъѣздъ*; такъ же называлась и судная пошлина: иде владыка Василій въ Псковъ на *подъѣздъ* (судъ), и Псковичи суда не даша (не дали ему судить). Архіепископа Новогородскаго подъѣзщики въ монастырь (Корѣльскій Николаевскій) не въѣзжаютъ, и *подъѣзда* (судной пошлины) у нихъ не емлютъ, и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь духовнаго дѣла. — Но гдѣ рѣчь о томъ же

---

[10]) Разумѣется, *терминъ кормъ* не отнималъ у языка возможность употреблять и *обиходное слово кормъ*. Въ тѣхъ же грамот. (пар. 11, LII) предписывается государемъ, чтобы, когда князи его и бояре и дѣти боярскія и воеводы ратные и гонцы его государевы и посланники всякіе и той области намѣстникъ или иные намѣстники и волостели и ихъ люди чрезъ ту область поѣдутъ, и они, всякіе сильные ѣздоки, у нихъ у горожанъ и у становыхъ людей и у волостныхъ по подворьямъ сильно (т.-е. насильно) не ставятся, опричь ратныхъ вѣстей; ни подводъ, ни проводниковъ, ни сторожовъ, ни *кормовъ себѣ и конямъ* даромъ не емлютъ; а кому у христіанъ прилучится стати, и онъ себѣ у нихъ *кормъ свой и конскій* купитъ по цѣнѣ, какъ ему продадутъ.

судѣ не единственно объѣздномъ, тамъ какъ судъ, такъ и пошлина, уже не *подъѣздъ*, а *судъ*: пріѣха въ Псковъ митрополитъ Исидоръ Кіевскій и всея Руссіи, и отнятъ *судъ* и вся пошлины владычня (владыки Новогородскаго), и дастъ ту владычню пошлину своему намѣстнику [1]). Еслибы не условно по ѣздѣ и не спеціально по суду, а обще по кормильству, по корму епархіей, то и владычня пошлина называлась бы не *подъѣздъ*, не *судъ*, а *кóрмъ*. Въ приведенной Д. Д. Голохвастовымъ грамотѣ Игнатій Борисовичъ Голохвастовъ пожалованъ кормленіемъ съ *правдою*, т. е. съ правомъ на судъ и на пошлину, называвшуюся названіемъ самаго дѣла, *правды*, суда. Исключительно ли уголовнаго, именно ли *боярскаго суда*, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что Игнатій Борисовичъ получалъ *правду* (пошлину) за *правду* (судъ) и *кóрмъ* (пóдать) за *кóрмъ* (управленіе).

«Если бы, говоритъ г. Иловайскій, возражатель (Д. Д. Голохвастовъ) поближе ознакомился съ древне-русскими уставными грамотами, то онъ тамъ нашелъ бы частое упоминаніе о *кормахъ, то-есть поборахъ* съ жителей въ пользу намѣстниковъ, тіуновъ и доводчиковъ».

То-то что не *то-есть* поборахъ, если поближе ознакомиться, слѣдуя совѣту, но не примѣру г. Иловайскаго.

«По уставнымъ грамотамъ XV и XVI вѣковъ», говоритъ г. Ключевскій, намѣстники и ихъ тіуны, прикащики получали *кормы, извѣстные поборы* съ управляемыхъ округовъ. Доходъ носилъ *общее* названіе корма, соотвѣтствующее нынѣшнему канцелярскому *содержаніе* (вотъ уже до чего общее); отсюда и доходная должность (всякая, стало быть) получила названіе *кормленія*».

Съ какою рѣшительностью все это говорится и съ какимъ пренебреженіемъ къ документальной дѣйствительности сочиняется!

«Ясно, заключаетъ г. Иловайскій, что слово кормленіе находилось въ связи съ этими кормами, а *никакъ* не съ кормиломъ и кормчимъ».

Анъ вотъ же именно съ кормиломъ и кормчимъ! Въ томъ же смыслѣ, что голова мочало, гдѣ хвостъ начало, говорится: оттого у рыбы башка, что ей хвостъ *кóрмъ*. Технически у рыбы не голова, а *башка*. Дѣйствительно, какъ ладья рулемъ, такъ рыба хвостомъ, вильнувъ имъ въ противоположную сторону, направляетъ бѣгъ свой: ей—буквально правúло, а иносказательно—правитель, глупой башкѣ, хвостъ, по-рыбацки *плáвикъ*. Итакъ, въ этомъ примѣрѣ, кóрмъ – вмѣстѣ и то посредствомъ чего кормильствуютъ, кормило, и тотъ кто кормильствуетъ,

---

[1]) Новогор. л. перв. и четв. 1337.—Акты Ист. I, 141. Псков. л. перв. и втор. 1438.

кормчій; въ первомъ же примѣрѣ («кордмъ легче») кордмъ—само кормильство. А что баркой *коромъ*, что намѣстничествомъ, что лошадью *правитъ*, что государствомъ, суть не въ этомъ, связь ясна; и ясно, почему сто разъ сряду, систематически, во всѣхъ грамотахъ параллельно - сведеннаго, превосходнаго сборника г. Загоскина, гонораръ державца кормленія, и только его да его замѣстителя, гонораръ кордмъ, корьмъ, а прочихъ не кормъ.

Г. Ключевскій весьма резонно замѣчаетъ, что тавтофонія словъ «вовсе не рѣдкость въ любомъ языкѣ: кръма—пища и кръма—корма; а по латынѣ fides — струна и fides — вѣра. Поэтому fides carbonaria въ цеховой догматъ непогрѣшимости Русскихъ ученыхъ нельзя переводить: струна угольщика въ цеховой догматъ, и т. д.: выйдетъ чепуха. Но Русскому ученому можно, въ силу того догмата, статью 66 Судебника: «а намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ *кормленіе* безъ боярскаго суда» переводить: которые держатъ *питаніе* безъ боярскаго суда.

«Надобно», говоритъ г. Ключевскій, «присмотрѣться по стариннымъ актамъ, въ какихъ сочетаніяхъ понятій является тамъ это слово (кормленіе), и отыскать мѣста, контекстъ которыхъ *явственно* указалъ бы, что оно значило на старинномъ языкѣ именно *правленіе*, а не *питаніе*, *содержаніе*, *жалованіе* за службу, или что-нибудь подобное». Чтобы окончательно присмотрѣться, переведите 66 ст. Судебника такъ: «а намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ *правленье* безъ боярскаго суда»; и сравните это съ переводами: держатъ *питанье*, держатъ *содержаніе* безъ боярскаго суда. — Явственно? Но разумѣется, почтенные граждане (profanum vulgus) да безмолвствуютъ, по крайней мѣрѣ печатно да не разсуждаютъ о явственномъ, но реченномъ ex cathedra!

По Татищеву, «кормленье троякое есть: 1) помѣстья и вотчины, 2) жалованье, какое давано было безпомѣстнымъ и болѣе иноземцамъ, 3) воеводства и всякія приказныя или гражданскія правленія и дьяковъ, яко и судей, повытья». Все это нанизано единственно изъ головы, кромѣ дьячья повытья; оно взято изъ плохо-понятыхъ словъ 47 статьи Судебника: «недѣльщику своихъ ѣздоковъ приводити къ дьякамъ, которые *дьяки у кормленія* будутъ, и ѣздоковъ недѣльщикамъ у дьяковъ записывати въ книги. А котораго ѣздока изъимаютъ, а тотъ ѣздокъ въ книгахъ у *кормленыхъ дьяковъ* (варіантъ: *у кормленія*, другой варіантъ: *въ книгахъ кормленыхъ* у дьяковъ) ни у котораго недѣльщика будетъ не написанъ, и того ѣздока казнити торговою казнію» [12]).

[12]) Продолж. Древ. Рос. Вивліоѳ. I, 67, 95—97. Ак. Ист. I, 153.

Если кормленіе—правленіе, тогда все ясно. Отъ слова *правленіе* говорится *правлѐнскій*; отъ слова *кормленіе* было бы кормленскій, по старинному твердо и сокращенно—кормлен(ск)ый, *кормленый дьякъ* или *дьякъ у кормленія:* служащій при областномъ правленіи. Книги, которыя онъ ведетъ — правленскія, кормлен(ск)ыя, *кормленыя книги* или *книги у кормленія.* Но если кормленіе—питаніе, тогда что̀ такое *кормленая книга?* О томъ какъ въ столъ ѣствы подавать? *Кормленый дьякъ:* какой ему возможенъ эпитетъ отъ питанія? Или, зачѣмъ эпитетъ: просто *кормленщикъ,* въ ученомъ смыслѣ слова?

Татищевъ по крайней мѣрѣ послѣдовательнѣе нынѣшнихъ Русскихъ ученыхъ; онъ отправляется отъ глагола *кормиться,* поэтому у него *кормленье* все, у чего живучи, можно *хлѣбъ ѣсть:* и помѣстье, и вотчина, и царская милостыня иноземцамъ, и воеводская должность, и дьячья. Правда, почему жъ бы и не должность городскаго палача или помѣщичьяго шута; и у этихъ дѣлъ можно *сыту быть.* У нынѣшнихъ, по выводамъ изъ того же глагола, бояринъ *кормится* на счетъ народонаселенья такъ сытно, что должность его, какъ бы вся въ томъ и заключаясь, прозывается кормленіемъ—питаніемъ, гонораръ—кормомъ, пищею, самъ онъ кормленщикомъ въ противоположность правителю, «воевода былъ *правитель,* а намѣстникъ *кормленщикъ*». Кормленщики ли, на томъ же основаніи, и другіе вмѣстѣ съ бояриномъ кормившіеся, тіунъ, праветчики, доводчики? Почему рѣшительно не кормленщикъ воевода? Вѣдь и ему «не *еѳъ* быть нельзя», какъ написалъ гдѣ-то Петръ Великій? Почему, въ самомъ дѣлѣ, не кормленіе вотчина, помѣстье и все, у чего можно *сыту быть;* гдѣ же наконецъ definitio genetica того, что̀ есть и что̀ не есть *кормленіе?* За неимѣніемъ таковой, вотъ по крайней мѣрѣ definitiva sententia г. Ключевскаго: «кормленьями назывались должности, соединенныя съ доходомъ въ пользу должностныхъ лицъ, который получался ими прямо съ управляемыхъ, подобно тому, какъ теперь профессора въ университетахъ получаютъ гонораръ со студентовъ, а не изъ государственнаго казначейства». Существенный признакъ кормленія и кормленщика вотъ, слѣдовательно, гдѣ воскресъ: профессура теперь кормленіе, а Ихъ Непогрѣшимость гг. Русскіе ученые—кормленщики. Яснѣе этого во всей литературѣ предмета ничего нѣтъ; да и быть не можетъ, при объясненіи отъ питанія.

Это *питаніе,* какъ ни кинь, все клинъ. Кинуть бы его лучше совсѣмъ, и посмотрѣть нѣтъ-ли древнѣйшихъ формъ *кормленщика*-правителя; нѣтъ-ли того же корня и женской формы; а можетъ быть, и общей.

«Неужели», говоритъ г. Ключевскій, «наши древніе акты такъ безмолвны насчетъ значенія, какое они придавали этому слову? Нѣтъ, они кое-что говорятъ объ этомъ, да г. Голохвастовъ почему-то не желаетъ ихъ слушать. Этотъ административный терминъ встрѣчается въ актахъ довольно рано; г. Голохвастовъ не знаетъ его раньше XVI вѣка, а онъ является уже въ памятникахъ XIV вѣка».

Г. Ключевскій не знаетъ его раньше XIV вѣка. Неужели наши еще древнѣйшіе акты такъ безмолвны? Нѣтъ, они кое-что говорятъ, да г. Ключевскій почему-то не желаетъ ихъ слушать.

Въ «Русской Правдѣ», въ статьяхъ о вирѣ за убійство, положено: «за смердій холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ, а за *искормилича* (варіанты: за *кормилця*, аще *кормиличицъ*) 12 гривенъ, тако же и за *кормилицю* (варіантъ: за *кормицу*), хотя си будетъ роба или холопъ».

Погодинъ переводитъ это: «за дядьку и кормилицу, хотя бы они были и рабскаго состоянія, 12 гривенъ». По *дядькѣ* такъ и видно, что историку вообразилась тутъ кормилица въ кокошникѣ, наемная или взятая во дворъ грудь, во время Святой Ингигерды Олафовны, многочадной матери Ярославичей. Но кто и за что̀ убивалъ этихъ дядекъ и кормилицъ столь не рѣдко, что понадобился особый законъ о нихъ? И какъ же, при такой сверхчаянной предусмотрительности законодателя, не предусмотрѣнъ у него случай, въ самомъ дѣлѣ (особенно во времена рабства) не рѣдкій—убійства всякихъ начальственныхъ лицъ вотчиннаго и домашняго управленія? Погодинъ, и не онъ одинъ, понимаетъ *кормильцевъ* отъ *кръмить*—питать и воспитать; такъ-ли, или же отъ *кръмить*—управлять, понималъ ихъ законодатель? Очевидно, вотъ тутъ въ чемъ вопросъ.

«Русская Правда», въ этой, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, называетъ смердами мірскихъ людей всякаго чина, противополагая ихъ *княжьимъ людямъ*, т.-е. принадлежавшимъ къ дружинѣ княжьей, а не къ какому-либо городскому или сельскому міру. Такъ напримѣръ, коней на Руси, по «Рус. Правдѣ», два разряда: княжьи да смерды; за кражу коня княжаго тавра вира три гривны, а за *смердья* (варіантъ: за *инѣхъ*, въ смыслѣ всѣхъ иныхъ, не княжьихъ) двѣ гривны. Такъ же и борти (первобытные пчельники), что̀ не княжьи, то смердьи. Такъ же и о наслѣдствѣ—княжихъ мужей да смердовъ, больше ни о чьемъ. Статьѣ о смердьи холопѣ непосредственно предшествуетъ статья о княжѣ отроцѣ. Какъ тамъ за смердья холопа, такъ тутъ за княжья отрока, если онъ рядовичъ (рядовой, простой?) 5 гривенъ; «тако же и за боярескъ», т.-е. за отрока дружины княжаго боярина, дружины не

непосредственно, но тоже княжьей; если же конюхъ или поваръ—40 гривенъ. Какъ тамъ за *кормильцевъ,* такъ и тутъ за тіуновъ или старостъ княжьихъ: за сельскаго (*село,* отъ глагола *сѣсть,* что нынѣ, отъ того же глагола, *усадьба,* итакъ за усадебнаго) *тіуна* (варіантъ *старосту*) и за ратайнаго (надъ полевымъ хозяйствомъ) 12 гривенъ; а за конюшаго тіуна (варіантъ: конюхъ *старый* у стада, т.-е. старшій, тотъ же *староста* надъ конюшней и табунами) и за огнищнаго (надъ огнищемъ, очагомъ, дворцомъ княжьимъ) 80 гривенъ. Между статей о княжьихъ отрокахъ и о смердьихъ холопахъ, въ Троицкомъ спискѣ подъ одной рубрикой со смердьими: за ремесленника и за ремесленницу 12 гривенъ. Въ древнѣйшей редакціи нѣтъ о ремесленникахъ, ни объ этихъ смердьихъ, ни о княжьихъ поварѣ и конюхѣ.

При Погодинскихъ *дядькѣ* и *кормилицѣ* (nutrix) параллель статей о княжьихъ и смердьихъ людяхъ нарушается двояко: законодатель вспомнилъ о смердьихъ дѣто-кормильцахъ и забылъ о княжьихъ, вспомнилъ о княжьихъ домоправителяхъ и забылъ о смердьихъ. Если же, отъ глагола *кръмитъ*—управлять, *кормилецъ* и *кормилица* могутъ быть объединены въ одно слово *кръмьчія* (по Ѳ. И. Буслаеву—домоправитель, но конечно—и домоправительница, ибо слово общаго рода), тогда параллель выдержана вполнѣ: 1) во всѣхъ редакціяхъ княжьи отроки-рядовичи и смердьи холопы, 2) въ позднѣйшихъ редакціяхъ княжьи поваръ да конюхъ и смердьи ремесленники, 3) во всѣхъ редакціяхъ княжьи тіуны и смердьи *кромчіи* или *кормильцы* [12]). Явно, по моему, что законода-

---

[12]) Калачевъ, Текстъ Русской Правды, М. 1846, четыре списка, I Академическій XV вѣка, древнѣйшая редакція Русск. Правды; II Троицкій XIV вѣка; III Карамзинскій XV вѣка; IV кн. Оболенскаго XVII вѣка, изъ Кормчей. Въ Софійской лѣтописи (Собр. лѣтоп. т. VI) текстъ Рус. Правды и варіанты шести списковъ XV—XVI вѣка. Синодальный, древнѣйшій, не какъ редакція, но какъ списокъ, XIII вѣка, изъ Кормчей; перепечатанъ съ переводомъ, у Погодина, Русск. Исторія до Монг. ига, М. 1872. *О тіунахъ и кормильцахъ,* Калач. I, 21—24, II и III 9—14; Соф. стр. 58; Погод. стр. 726. *О коняхъ,* Кал. I, 25, II 40, III, 41; Соф. 60; Пог. 734. *О пчельникахъ,* Кал. I 30, съ дополненіемъ изъ Ростовск. списка. *О наслѣдствѣ,* Кал. II 85, 86, III 103, 104, IV 36; Соф. 66; Пог. 740. Сельскій тіунъ вездѣ съ нарочитой прибавкой: сельскій *княжій,* т.-е. вѣроятно, вѣдавшій собственно княжью усадьбу, а не боярскія княжой дружины. Огнищный въ древнѣйшей редакціи, Кал. I 21, просто *княжь* тіунъ, вѣроятно, какъ изо всѣхъ четверыхъ ближайшій къ князю, домашній, дворцовый, дворецкій. *Конюхъ,* въ которомъ виры 40 гривенъ, явно не простой: это искусникъ наѣздничества, вѣроятно, стремянной княжій (не онъ ли въ походахъ вѣдалъ княжью конюшню; *старый* же, т.-е. старшій конюхъ, тіунъ, конюшій оставался при домашнихъ конюшняхъ и табунахъ). Стоя во главѣ части столь же собенной князю-витязю, какъ и хоромина его княжья, конюшій тіунъ стоитъ въ одной вирѣ

тель понималъ тутъ *кормильцевъ* такъ же, въ сущности, какъ и понынѣ понимаетъ ихъ народъ, когда говоритъ господствующимъ, правящимъ: вы наши *кормильцы*; а не такъ, какъ понялъ *кормильцевъ* историкъ, забывъ, что глаголъ *кръмитъ* имѣетъ два значенья: 1) nutrire, откуда

съ огнищнымъ, 80 гривенъ: вира двойпая, полная 40, ибо *полувирье* 20 гривенъ. Сельскій же и ратайный тіуны равняются по вирѣ (12 грив.) смердьимъ кромчіямъ, про коихъ сказано: хотя си будеть холопъ; не даромъ же и пишутся эти два тіуна въ одномъ отдѣлѣ съ княжьимъ отрокомъ-рядовичемъ, Кал. I 22, II и III 11; они явно *отроки*, только не рядовые, не простые. Тіунъ же огнищный и конюшій-*мужи* княжьи или, что тоже, *бояре* княжьи. Отроки значило слуги, въ томъ числѣ и рабы. Рубрика о княжѣ отроцѣ (Кал. III 9, Соф. Пог.) имѣетъ варіантъ, Кал. II, 9 „о княжѣ мужѣ"; но и такъ, и иначе, не полна; полная должна быть объ отрокѣ и мужѣ. Впрочемъ дѣленіе на рубрики не законодательское; по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей редакціи нѣтъ его. О поварѣ вспомнимъ изъ Германской эпопеи Der Nibelunge nôt: старый (какъ въ Рус. Правдѣ *старый* конюхъ), т.-е. старшій; но тутъ поваръ, вѣрный слуга Румольдъ: то на королевской кухнѣ распоряжается своими подданными (sic), горшками да котелками, кострюльками да сковородами; то сидитъ въ королевскомъ совѣтѣ; король, уѣзжая со всею дружиной, ему поручаетъ сынка и землю (строфы 720, 1405—1409, 1457—1459 Лáхманова текста). При важномъ значеніи пира въ жизни князя-витязя, понятно значеніе повара, какъ и конюха; въ дворовыхъ искусникахъ того быта имъ ровни не было. Можетъ быть и въ смердьихъ ремесленникѣ и ремесленницѣ не понимаются ли только они же: конюхъ да *сокочія* (древнее слово общаго рода, поваръ и повариха). Напомню впрочемъ, что статья о ремесленникахъ, всегда безъ опредѣленья чьихъ и какихъ именно, находится только въ позднѣйшихъ редакціяхъ и пишется промежду статей о княжьихъ отрокахъ и смердьихъ холопахъ, и изо всѣхъ вышеозначенныхъ десяти списковъ позднѣйшихъ редакцій въ одномъ Троицкомъ подведена подъ рубрику о смердьихъ холопахъ. Не потому ли и пишется она промежду, что понимаетъ и смердьихъ и княжьихъ всякаго ремесла искусниковъ, кромѣ двоихъ княжьихъ полновирныхъ, повара и конюха? *Кръмьчія* (Ѳ. И. Буслаевъ Историч. грамматика, М. 1868, параг. 59) съ восполненіемъ первой полугласной и съ опускомъ второй: кромчія. Мѣсто ударенія чувствуется на послѣднемъ слогѣ, подобно всѣмъ словамъ этой, чуть ли не древнѣйшей, въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ почти пропавшей формы словъ общаго рода, какъ напримѣръ: *сокочія* (поваръ и повариха), *самчія* (домохозяинъ и домохозяйка), *ищей* (истецъ и истица), *печей* (пéкарь и пекарка хлѣба или просвиръ), *плачей* (профессіонально женщина, но въ моей записной книжкѣ нахожу, со словъ крестьянки: по мнѣ одинъ плачея—сынокъ), *судія* (чѣмъ же не судья Любуша напримѣръ, да и всякая го-*суд*-арыня, безъ префикса *суд*-арыня, такъ какъ *суд*-арь тематически тотъ же *суд*-ія). Я возражаю именно Погодину потому, что онъ не только призналъ кормильцевъ Рус. Правды за дядьку и кормилицу (nutrix), но и закрѣпилъ за ними переводомъ своимъ такое пониманіе. Признавали ихъ за тѣхъ же дядекъ и кормилицъ Карамзинъ II, 47, Соловьевъ I, 256, М. 1857, и др. Татищевъ, въ примѣч. къ 22 ст. Р. Правды, не объясняя, что такое кормилецъ, видитъ въ кормилицѣ „всякую жену, имѣющую младенца у грудей": опредѣленіе въ данномъ случаѣ необъяснимое; но, видно, и во времена Татищева еще не легко взбродила на разумъ кормилица, грудь съ бусами на

nutrix—кормилица, библейская доилица; 2) gubernare, откуда нашъ лѣтописный «*кормилецъ* и воевода Будый», въ словарѣ Миклошича «*кръмитель* и воевода—gubernator»; тамъ же *кръмильница*—gubernans, и тамъ же общ. рода *кръмьчія*, въ «Русской Правдѣ» *кормиличь* и *кормиличя*, которые, по моему, всѣ, не исключая даже и Будыя, имѣютъ значеніе одни ключниковъ, другія ключницъ, а кромчій—неопредѣленно тѣхъ и другихъ. Но конечно ключника Будыя, напримѣръ, должно представлять себѣ не слишкомъ въ родѣ нынѣшняго, съ амбарными ключами у пояса и съ биркой, арсеналомъ отечественной бухгалтеріи, въ рукѣ; а скорѣе въ родѣ Анбала, ключника князя Андрея Боголюбскаго. Анбалъ *ключникъ*, Ясинъ родомъ, тотъ *бо ключь держашеть у всего дома* княжа, и *надо всѣми* (варіантъ *надо всѣмъ*) волю ему далъ (князь). Такую же, вѣроятно, имѣла волю надъ женской дворней княгини Ольги Малуша

дебелой шеѣ; видно, еще не была эта должность, такъ сказать, штатной въ барскомъ домѣ, какою, по мнѣнію послѣдующихъ историковъ, была она у смердовъ во времена былинной Настасьи Микуличны и исторической Ингигерды Олафовны. Не ясно кто такіе „рабъ-кормилецъ и раба-кормилица, княжьи люди, а не земскіе“ у Бѣляева (Лекціи по Исторіи Рус. законодательства, М. 1879, стр. 238; тамъ же стр. 216). Онъ признаетъ чисто-Русское происхожденіе за статьей (Византійскаго) суднаго закона: аще дадятъ дитя выкормити доильницѣ, а само разумѣетъ лжицу взяти, прокорма три гривны взяти. Къ доильницѣ этой отдавали будто бы „на воспитаніе, по старинному Русскому и Скандинавскому обычаю, трехлѣтнихъ и четырехлѣтнихъ дѣтей“. Почему же называлась она доильницей? *Доилица* библейское названіе кормящей грудью, *доящей* своего или чужаго младенца; а по Бѣляеву выходитъ, что ребенка до трехъ и четырехъ лѣтъ кормила грудью мать, и потомъ наемная доилица, пока ребенокъ (въ какія же лѣта) не уразумѣетъ ложку взять. Варіанта *доильницы* или *доилицы* не знаетъ Археографическая Коммиссія (Собр. лѣтоп. VI, 81) къ своему тексту: аще дадять дитя вскормити *должницы*, а само вразумѣетъ лжицю взяти. Конечно *доилица* (варіантъ ли, поправка ли Бѣляева) тутъ умѣстнѣе *должницы*; но безваріантное повтореніе, въ стольких ъ спискахъ Археогр. Коммиссіи, неумѣстной *должницы* ясно, по моему, доказываетъ, какъ чуждо было понятіе о неродной доилицѣ Русскимъ перепищикамъ Византійскаго суднаго закона: гдѣ рѣчь о таксѣ, о трехъ гривнахъ ($2^1/_4$ фунт.) серебра, тамъ ужъ пиши *должницу*; все-таки складнѣе, чѣмъ *доилицу*. Итакъ, въ самомъ ли дѣлѣ статья эта Русскаго происхожденія? Были ль у насъ наемныя доилицы до временъ теремной изнѣженности боярынь, или даже будуарной барынь? И съ какихъ поръ, забывъ пластически-опредѣлительное названье *доилица*, замѣнили мы его неопредѣлительнымъ (чѣмъ кормящая) *кормилица*? Въ Новомъ Завѣтѣ, по словарю г. Гильдебранта, нѣтъ даже глагола *кормить* грудью или пищей; есть *питати*, *насыщати* (пищей) и *доити* (грудью), и есть *доилица*, мать новорожденнаго. Г. Забѣлинъ (Домашній Бытъ Рус. царицъ, М. 1869, стр. 495 и 506) говоритъ о царскихъ *кормилицахъ*, но документально, (стр. 498—500) ни термина этого, ни даже факта не подтверждаетъ. Котошихинъ, впрочемъ, (I, 28) свидѣтельствуетъ о фактѣ, но тоже не о терминѣ.

ключница, мать *робичича*, слѣдовательно рабыня, милостьница (любимица) княгини [13]).

Въ старинныхъ актахъ часто встрѣчается, съ прошлаго вѣка почти безслѣдно исчезнувшій изъ употребленія, терминъ *исправа*, въ сущности тоже что *расправа*, и въ томъ же обычномъ сочетаніи: *судъ и расправа*, *судъ и исправа*, гдѣ *исправа*, какъ *и расправа*, является развязкой, послѣдствіемъ суда. Но очень часто *исправа*, какъ и *расправа*,

---

[13]) Ипат. 1175, Ипат. и др. 970. Въ „Р. Правдѣ“ одна изъ трехъ причинъ холопства—принятіе тіунства или ключничества безъ ряды, безъ уговора о свободѣ: а се третье холопство—тіунство безъ ряду, или привяжеть ключь къ себѣ безъ ряду (Кал. II 102—104, III 119—121, IV 43—45). Смердъ (отъ смрада, дыма, эмблемы дома, домоіерархъ), давая тіунство или *ключъ* (т.-е. власть) кормильства въ дому, въ селѣ своемъ, кормильцу или кормилицѣ, искалъ возможности строжайшаго, именно рабьяго взысканія съ нихъ, въ случаѣ злоупотребленія властью. Законодатель признавалъ и практичность господской цѣли и святость желанія слуги: нанялся—продался, холопъ; уговоръ лучше денегъ, свободенъ. *Власть*, въ другомъ произношеніи (*о* вмѣсто *а* въ корнѣ) и съ полногласнымъ префиксомъ *волость*, съ другимъ префиксомъ *область*, и *ключъ* синонимичны въ смыслѣ авторитета (auctoritas, potestas) и въ смыслѣ округи. Луки XXII, 63: се есть ваша година, и *область* темная; въ Синод. переводѣ: теперь ваше время, и власть тьмы, Марка XI, 33: ни азъ глаголю вамъ коею *областью* (властью) сія творю. Про область въ смыслѣ округи нечего и напоминать, но вотъ *ключъ* въ этомъ смыслѣ: „Се язъ староста Спасскаго Прилуцкаго монастыря вотчины Околомонастырскаго *ключа* Путяня Никитинъ сынъ, деревни Шишкина, да язъ староста Запудюжскаго *ключа* Первуня Ивановъ, деревни Копьсва, да язъ Михайла (и т. д. 11 имянъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Околомонастырскаго *ключа* и Запудюжскаго, дали есмя на себя запись старому своему охотнику Вылогодской ямской слободы Кириловской дороги Насону Ильину: намъ старостамъ и всѣмъ крестьянамъ тѣхъ монастырскихъ *ключей* въ тѣ его подводы и въ убытки намъ обѣма *ключи* (обоими ключами) подмогати“ (Ак. Юрид. 192). Отъ ключа въ смыслѣ волости, округи и власти, авторитета въ ней, еще недавно, по Далю, волостной голова (по нынѣшнему старшина) назывался въ Рязанской и Тульской губ. *ключевымъ*. По-западнорусски *ключъ* дѣлится на фольварки и управляется *ключвоитомъ*. Я думаю, что въ выраженіяхъ: *ключъ* держащеть у всего дома, и держать *кормило* правленья, ключъ и кормило одинаково являются сперва орудіями, потомъ эмблемами и наконецъ синонимами власти. И какъ власть или область и ключъ сугубо синонимичны (въ смыслѣ авторитета и въ смыслѣ округи), такъ же сугубо синонимично съ ними, съ ключемъ какъ и съ властью или областью, наше *кормленіе*. Оно, нынѣшнимъ языкомъ говоря, вмѣстѣ и власть волостеля—волостельство, и область волостеля—волость. Документально доказать этого не могу, но отмѣчаю къ соображенію при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, которыхъ очень стоитъ вопросъ о пресловутой системѣ и, предварительно, о спорной отнынѣ этимологіи кормленія. По Ипатск. списк. Нестора, въ 942 году „родися Святославъ сынъ у Игоря“; въ 945 „Древляне убиша Игоря; Ольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ дѣтскомъ (трехлѣтнимъ)

означаетъ не только развязку, но и всецѣло судъ. Измышленный составителями Положенія 19 Февраля волостной судъ не названъ по старинному сельскою или волостною расправою оттого, вѣроятно, что на либеральномъ жаргонѣ *расправа* понималась исключительно какъ наказаніе, или даже какъ истязаніе. Въ самомъ же дѣлѣ сельская расправа была судъ во всей его полности: разбирательство гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, и рѣшеніе, могущее состояться граждански постановленіемъ о взысканіи или скрѣпою мировой сдѣлки, и уголовно наказаніемъ или оправданіемъ обвиняемаго, прощеніемъ отъ потерпѣвшаго, и даже властнымъ помилованіемъ отъ міра. Все это, въ цѣломъ, какъ и по частямъ (и съ помилованіемъ въ томъ числѣ) выражалось въ старину терминомъ *исправи.* Сколь ни эластично такимъ образомъ понятіе *расправы* или *исправы*, оно все таки же понятіе довольно спеціальное сравнительно съ понятіемъ *суда*, которое издревле, во всѣхъ языкахъ (въ Русскомъ же особенно) растяжимо до крайности и можетъ означать не только всякаго рода judicium, civile et criminale, ordinarium et duellicum (поle), seculare et ecclesiasticum, и т. д., но и всякое обсужденіе, всякое совѣтное рѣшеніе. На вопросъ: о чемъ была сходка? крестьянинъ отвѣчаетъ: *судили* передѣлить землю, *судили* открыть приходскую школу. Вотъ почему, рядомъ съ терминомъ *судить*, понадобились Мономаху термины: сѣдше думати съ дружиною или люди *оправливати*; *поправимъ* сего зла (ослѣпленіе Василька), да аще сего не *правимъ*, то начнетъ братъ брата закалати. Или въ княжьихъ договорныхъ грамотахъ: «а что ся учинитъ (случится) межь насъ наше дѣло великихъ князей, и намъ отослати на то своихъ бояръ, и они съѣхався учинятъ *исправу*; а чего не могутъ *управити*, о чемъ ся сопрутъ (т.-е. чего не смогутъ межъ насъ разсудить, въ чемъ у нихъ дѣло станетъ за споромъ: отъ глагола *переть*—преніе, съпоръ, соперники, сопрутся, поспорятъ), и они ѣдутъ на третéй (въ другой грамотѣ: ино третéй имъ митрополитъ); и на кого помолвитъ третéй (кого обвинитъ третейскій судья), и виноватый предъ правымъ поклонится».

Святославомъ, и *кормилецъ* бѣ его Асмудъ". Въ 1054 умеръ Ярославъ 76-лѣтній; а въ 1018, когда ему слѣдовательно было 40 лѣтъ, „бѣ у Ярослава *кормилецъ* и воевода Будый". У трехлѣтняго „кормилецъ его", понятно, воспитатель, наставникъ, и если не *дядька*, какъ переводитъ кормильца Погодинъ, то только потому, что выраженіе это возбуждаетъ представленіе о старичкѣ съ ферулой въ рукѣ. Но у 40-лѣтняго „бѣ кормилецъ", полагаю, уже никакъ не дядька, а конечно *правитель* и воевода; при томъ, очевидно, какой-то единственный правитель, не одинъ изъ многихъ, областныхъ; какой же, стало-быть? Очевидно, домоправитель, такой же *кормилецъ*, какъ у смерда въ „Русской Правдѣ", что̀ тамъ у князя *огнищный* или *княжь тіунъ*.

Въ глаголѣ *исправити* глубоко залегла мысль объ исправленіи кривизны, о выпрямленіи. Іоанна I, 23: *исправите* путь Господень, буквально: выпрямите, Εὐθύνατε τὴν ὁδὸν Κυρίου. Святая Θеоктиста, постясь, до того исхудала, что, когда ловецъ, слѣдя добычу, попалъ въ пустынную, покинутую церковь, гдѣ молилась не имѣвшая одеждъ святая постница, онъ принялъ ее за паутину или за пыль, вѣтромъ взвѣваемую, и когда эта сѣнь (тѣнь) заговорила, у него отъ ужаса дыбомъ стали, выпрямились, *исправишася* власы главы его. По-нижегородски *исправить* значитъ исповѣдывать и, по отпущеніи грѣховъ или по епитиміи, причастить Св. Тайнъ. Какъ судебное испрямленіе кривды, встрѣчается *исправа* и въ юридическомъ языкѣ древней Руси, напримѣръ въ княжьихъ договорныхъ грамотахъ: «а что мои намѣстници и волостели и посельскіе и ихъ тивуни вѣдали твою отчину и села боярскія въ твоей отчинѣ, и о томъ намъ отослати по боярину, и они о томъ учинять *исправу*, что̀ будетъ (пошлинъ и кормовъ?) взято право, то остало, а что́ будетъ взято *криво*, то отдати *по исправѣ*». Съ Екатерины, и еще на нашей памяти, не даромъ носилъ свое названіе служившій по выборамъ отъ дворянства предсѣдатель земскаго суда (земской исправы) *исправникъ*, нынѣ по назначенію отъ губернатора, начальникъ уѣздной полиціи: названіе слѣдовательно уже не соотвѣтствующее должности, послѣдній, затертый слѣдъ *исправы* въ современномъ юридическомъ языкѣ. Въ древнемъ, напротивъ, недолго искать *исправу* во всѣхъ оттѣнкахъ ея значенія. Ограничимся хоть тѣми же уставными грамотами сборника г. Загоскина и договорными Румянцовскаго собранія, такъ какъ именно на одну изъ этихъ (договорную Дмитрія Донскаго) сослался г. Ключевскій для моднаго истолкованія кормленія посредствомъ оригинальнаго перетолкованія обычнаго въ нихъ выраженія *по исправѣ*, означающаго будто бы нѣчто вовсе непричастное суду; при чемъ о постоянномъ значеніи *исправы* и о безпрестанной встрѣчѣ этого термина въ тѣхъ же договорныхъ, и неоднократно въ той же Дмитрія Донскаго грамотѣ, г. Ключевскій умолчалъ. Приходится поэтому мнѣ ознакомить читателей, примѣрами изъ этой и изъ другихъ грамотъ, съ истиннымъ значеніемъ термина *исправа* и выраженія *по исправѣ*.

Оно уже встрѣтилось намъ: а что́ будетъ взято криво (неправо), то отдати *по исправѣ* (по судебному опредѣленію). Но *по исправѣ*, т. е. по суду, послѣдствіемъ суда можетъ быть и *казнь*, т. е. всякое уголовное наказаніе; а кто иметь насъ (князей) сваживати (или свадити, ссорить), *исправа* ны учинити, а нелюбья (другъ на друга) не держати, а виноватаго (свадчика) *казнити по исправѣ*. Вотъ исправа какъ судъ вообще, въ одномъ случаѣ judicium aulicum caesareum, въ другомъ judicium ordinarium: «А гостю (торговцу) Двинскому гостити (торговать)

въ лодьяхъ и на возѣхъ; а въ лодьяхъ или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстници Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не унимаютъ (не задерживаютъ), а на Устюзѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ. А учинится татьба отъ Двинскихъ людей съ поличнымъ, и нѣ (нехай, пусть) поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною передъ великимъ княземъ, и язъ самъ тому учиню *исправу*; а чего кто и́меть искати на нихъ, и нѣ (пусть) учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ Двинскихъ, и нѣ (пусть намѣстники) учинятъ *исправу* имъ на Двинѣ». Тамъ же, въ уставныхъ сборника г. Загоскина, *исправа* въ смыслѣ помилованія:—«а кто къ нимъ (Переяславскимъ рыболовамъ) на пиръ или на братчину придетъ пити незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно (безнаказанно имъ), а не пойдетъ вонъ, и учнетъ у нихъ пити сильно (насильно, нахально), и учинится у нихъ тутъ какова гибель (какой нибудь изъянъ), и тому та гибель платити вдвое безъ суда и *безъ исправы* (безъ суда и помилованія), а отъ меня великаго князя быти ему въ казни» (подъ наказаньемъ). Варіантъ къ этому въ несудимой Чухломскому Покровскому монастырю: «и тому та гибель платити, безъ суда и *безъ правды*, вдвое, а отъ меня великаго князя быти ему въ казни». Отождествлять *правду* съ помилованіемъ, видѣть *правду* не въ казни, а въ милости— взглядъ глубоко-христіанскій, неискоренимо-присный Русскому народу. Терминъ *правда*, одинъ изъ самыхъ богатыхъ значеніемъ въ нашемъ древнеюридическомъ языкѣ, настоятельно требуетъ самыхъ пристальныхъ, безпредразсудочныхъ изученій. Въ данномъ случаѣ выраженія, очевидно однозначащія: безъ суда и *безъ исправы*, безъ суда *и безъ правды* не могутъ, мнѣ кажется, быть истолкованы иначе какъ: безъ суда и помилованія—тому, кто, незванный, нахально нарушилъ благочиніе приходской трапезы, братскаго пира, *братчины*.

Тавтологія—поговорочное сочетаніе словъ, непремѣнно сродныхъ, пополняющихъ другъ друга: сбираться въ *путь-дорогу*, поднести *хлѣбъ-соль*, посадить *на́ хлѣбъ - на́ воду*, творить *судъ и правду*, *судъ и расправу*. Тавтологія *судъ и исправа* встрѣчается въ договорныхъ грамотахъ по нѣскольку разъ сряду: «а что будутъ твои бояре и твои люди имали и грабили моихъ бояръ и слугъ, въ первое наше размирье, и имъ то отдати; а не отдадутъ, а на то *судъ и исправа*; а что князь Василій Ярославичъ ималъ мою вотчину, или люди его грабили мою вотчину, а на то *судъ и исправа*; а обидному всему межи насъ *судъ и исправа*».

Но довольно. Приводить примѣры *исправы* во всѣхъ оттѣнкахъ ея значенія нѣтъ надобности; читатели, полагаю, уже и такъ убѣдились,

что все это только оттѣнки. Пора перейдти къ примѣру, избранному г. Ключевскимъ, одному изъ трехъ (*учинятъ исправу, межи насъ исправа, по исправѣ*), встрѣчающихся въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ двоюроднымъ его братомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, озаглавленной, какъ и всѣ подобныя грамоты въ Румянцовскомъ изданіи, на которое и ссылается г. Ключевскій: договорная... о судахъ и *расправахъ*. «А которой бояринъ поѣдетъ *изъ коръмленія*, отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а *службы не отслуживъ*, тому *дати коръмленье по исправѣ*; а любо *служба отслужити* ему». Въ концѣ: «на семъ на всемъ цѣловали есмы межи собе крестъ».

Я это понимаю такъ: если бояринъ къ тебѣ отъ меня съ управленія (*изъ коръмленія*) уѣдетъ, цѣлуй крестъ не давать ему у себя управленія (*коръмленія*) иначе какъ *по исправѣ*, по суду надъ нимъ (суду, вѣроятно, депутатскому и третейскому, столь обычному въ договорныхъ грамотахъ); и либо судъ подвергнетъ его взысканію, либо (*а любо*) обяжется онъ вернуться и *отслужити* у меня свой срокъ управленія, послѣ чего и воленъ уѣхать; ибо, по постоянному выраженію договорныхъ грамотъ, «боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля»; только нѣтъ этой воли уѣзжать съ управленія (*изъ коръмленья*), *службы не отслуживъ* [14]).

Кстати, вотъ, стало-быть, какъ смотрѣли на боярское кормленіе современники: не какъ на «прирожденное право кормиться, и кормиться какъ можно сытнѣе»; нѣтъ, а какъ на прирожденную обязанность служить, кормильствуя; такъ, что за невыполненіе этой обязанности вольный бояринъ подвергался, по договору между князей, *исправѣ*, суду.

По г. Ключевскому, въ актахъ XIV вѣка, говорящихъ о кормленіи «кое-что» нежелательное будто-бы Д. Д. Голохвастову, а именно въ этомъ мѣстѣ договорной Донскаго, выраженіе: *дати коръмленье по исправѣ* (да должно быть и вообще терминъ *исправа*), не имѣетъ ничего общаго съ судомъ, а просто есть таже нынѣшняя, только еще не усовершенствованная канцелярски форма: «по мѣрѣ *исправленія* службы». Доказывается это г. Ключевскимъ съ подстановками, стоющими

---

[14]) Лаврент. Спб. 1872, стр. 238—252. Прологъ 9 Ноября. Румянц. собр. I, нумера въ порядкѣ моихъ цитатъ, 36, 48, 43, 23, 49, 27. Договорныхъ этихъ тутъ, съ 1341 по 1531 годъ, нѣсколько десятковъ, и почти въ каждой *исправа, по исправѣ*, по нѣскольку разъ. П. Загоскинъ, LXXIV 1 (изъ Акт. Экспед. I 13); LI 3, и въ другихъ семи уставныхъ.—Акт. Ист. I 125 (исправа—правда).

Казанскаго строенія. Выписавъ слова грамоты: «который бояринъ поѣдетъ изъ коръмленья, отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати коръмленье по исправѣ», «попытайтесь», говоритъ г. Ключевскій, «истолковать этотъ текстъ, понимая кормленіе въ смыслѣ управленія? Какъ могъ князь давать управленіе боярину, который пересталъ служить ему и перешелъ на службу къ другому князю?»

Чтó такое? Перечтемъ еще разъ. Какъ могъ князь (тотъ конечно, къ которому бояринъ уѣхалъ), давать управленіе боярину, который пересталъ служить ему (не ему, а тому, отъ котораго уѣхалъ) и перешелъ на службу къ другому князю (съ которымъ первый князь и договаривался: дай ему кормленіе, но по исправѣ)? Логомахическая ловушка тутъ въ томъ, что въ главномъ предложеніи и въ первомъ придаточномъ другой князь стушованъ съ первымъ княземъ въ одно лицо, закутанная, впрочемъ довольно прозрачно, въ вопросъ: какъ могъ князь давать управленіе тому, чей и слѣдъ простылъ? Ловушка должна зашибить отвѣтъ: никакъ не могъ.

«Потомъ, чтó значитъ», продолжаетъ г. Ключевскій, «дать не отслужившему службы боярину кормленье по *исправѣ?* Очевидно, это значитъ дать не все кормленье, а только часть его, соотвѣтствующую мѣрѣ *исправленія* службы, пропорціональную отслуженной долѣ службы. Попытайтесь подставить подъ терминъ кормленья значеніе управленія (предварительно «подставивъ» подъ терминъ *исправы* значеніе *исправленія* службы), и слова великаго князя утратятъ всякій смыслъ (еще бы!): ибо чтó значитъ покинувшему правленіе боярину дать за недослуженную службу управленіе по исправѣ, т.-е. *въ мѣру исправленія службы?*»

Ничего не значитъ.

Дальнѣйшія разъясненія исправы, какъ *семестральнаго* будто бы исправленія службы, опять всецѣло основаны на подстановкѣ нужнаго вмѣсто вѣрнаго. «По уставнымъ грамотамъ XV и XVI вѣковъ, опредѣлявшимъ права и границы власти кормленщиковъ», говоритъ г. Ключевскій, «намѣстники и ихъ тіуны, прикащики получали кормы, извѣстные поборы съ управляемыхъ округовъ, *обыкновенно* два раза въ годъ (всегда три раза, кромѣ Бѣлозерской уставной, единственно въ ней— два раза въ годъ), на Рождество Христово (за тѣмъ всегда, кромѣ Бѣлозерской, на Пасху), и на Петровъ день. Кормленія обыкновенно давались на годъ, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ; нуженъ былъ особый актъ, чтобы продолжить кормленіе еще на годъ или меньше. Если

годовой кормленщикъ покидалъ кормленье черезъ полгода, онъ имѣлъ право только на одинъ изъ двухъ полугодовыхъ кормовъ (а ихъ было три неполугодовыхъ); если кормленщику продолжалось кормленье на часть другаго года, на грамотѣ иногда прописывалось, какую часть того или другаго семестральнаго корма (а ихъ было три несеместральныхъ) могъ онъ получить за продолженіе службы; это и значило: *дати коръмленіе по исправѣ*».

А что́ же значило: виноватаго (въ свадѣ, въ ссорѣ князей) *казнити по исправѣ*, если *по исправѣ* значило *по мѣрѣ исправленія службы?* Какъ могъ князь, какъ ухитрялся онъ свадчика, ссорщика *казнити по мѣрѣ исправленія службы;* какой службы, свадной, ссорной? Это вопервыхъ. А вовторыхъ: дати коръмленіе по исправѣ, если, по словамъ г. Ключевскаго, «это значитъ не все кормленіе, а только часть его, соотвѣтствующую мѣрѣ исправленія службы», то который же изъ князей долженъ дать боярину эту часть? Конечно тотъ, у котораго бояринъ исправлялъ службу? Съ кѣмъ же князь объ этой части договаривается? Стало-быть самъ съ собой.

Нѣтъ, *Казанское строеніе* подставлено всетаки солиднѣе этого *семестральнаго исправленія:* то хоть на курьихъ ножкахъ, а это на комарьихъ.

«Я не лингвистъ», говоритъ г. Ключевскій, «и не отваживаюсь углубляться въ невѣдомыя мнѣ тайны языковѣдѣнія. Но что̀ мудренаго, *если окажется*, что здѣсь мы имѣемъ дѣло *съ двумя* различными по значенію, но созвучными корнями, которые дали отъ себя два ряда производныхъ формъ, такъ же сходныхъ въ звуковомъ отношеніи, но различныхъ по значенію, изъ коихъ однѣ выражаютъ понятіе о питаніи, а другія понятіе объ управленіи. Въ церковно-славянскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ этихъ производныхъ словообразованій *того и другаго корня* (ужъ не *если окажется*, а готово, оказалось два корня?) даже совершенно сходны въ звуковомъ отношеніи: крънма—корма́ и крънма—пища, крънмити—править и крънмити—кормить. *Такія* разнозначащія, но созвучныя словообразованія *разныхъ корней* не рѣдкость въ любомъ языкѣ».

Кормить въ смыслѣ питать и *кормить* въ смыслѣ управлять не суть два глагола разнокоренные и случайно-однозвучные, какъ напримѣръ случайно-однозвучны совершенно-разнокоренные глаголы *крестить* крещеніемъ и *крестить* крестомъ.

Полная тема глагола кормить двугласная *кором*. Она явственна въ словѣ *скоромный*, отъ кормить—nutrire [15]), и въ народномъ: оттого

---

[15]) Скоромный противоположность по-сытнаго, по-сътнаго, гдѣ *по* имѣетъ отрицательное значеніе, болѣе знакомое намъ въ обогласкѣ того же префикса чрезъ *а*: *па*. На-

у рыбы башка, что ей хвостъ *коро́мъ*, отъ кормить—gubernare. Въ старинной письменности, напримѣръ въ договорной Донскаго, встрѣчаемъ полуторогласную тему: *коръм*-леніе; это тотъ же *кором*-ъ, только еще не въ совершенно-махровой обогласкѣ краткозвучнаго ъ въ древнѣйшемъ *крьм*-ити, питать и править.

Переходъ идеи *питанія* въ *воспитаніе*, въ руководительство, въ покровительство, въ попечительство, въ опеку, въ управленіе, логически весьма ясенъ. *Воспитаніе*, начинаясь съ *питанія* молокомъ матери, съ *кормленія* грудью, продолжается гораздо долѣе, чѣмъ *воскормленіе*, но единственно по капризу нынѣшней лексикологіи. Въ четвертой (у Лютера второй) книгѣ Царствъ, X, 1—6, *кормитель* Vormund, котораго дѣло *вскормити* до возмужалости, въ синод. переводѣ *воспитатель*. И написа писаніе Іиуй, и посла въ Самарію ко княземъ Самарійскимъ, и къ старѣйшинамъ, и ко *кормителемъ* (въ синод. *воспитателямъ*) сыновъ Ахаавлихъ (zu den Vormündern Ahabs), глаголя: ѹзрите благаго и праваго въ сынѣхъ господина вашего, и поставите его на престолъ отца его. И бѣ сыновъ царевыхъ седьмдесятъ мужей (siebenzig Mann), сіи начальницы града *вскормиша* ихъ (zogen sie auf).

Что̀ у насъ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи *опекунъ*, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія *попечитель*, то у Нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ еще въ прошломъ столѣтіи, Nutritor, Fürsorger von Schulen und Universitäten.

Древнѣйшая редакція обычной статьи княжьихъ договорныхъ въ грамотѣ Донскаго такова: «а тобѣ, брату моему молодшему, мнѣ служити безъ ослушанія, по згадцѣ, какъ будетъ мнѣ и тобѣ слично; а мнѣ тобе *кормити* по твоей службѣ». Въ позднѣйшихъ договорныхъ, напримѣръ въ грамотѣ 1531 г. 24 Августа, вел. князя Василья Ивановича съ братомъ княземъ Юрьемъ Ивановичемъ, это краткое «тобе кормити» редактируется уже такъ: «а намъ (вел. князю съ 364-дневнымъ сыномъ, будущимъ Грознымъ царемъ) тобя (князя Юрья) жаловати и держати въ братствѣ и въ любви и во чти, безъ обиды, и печаловатися тобою и твоею отчиною». Что́ значитъ *печаловаться?* Въ древнѣйшихъ спискахъ «Рус. Правды», въ статьѣ объ опекѣ надъ малолѣтними

примѣръ, сынъ одного изъ супруговъ другому *па́-сынокъ*, дочь *па́-дчерица*. Кленъ (acer) дерево отрицается въ кустовомъ своемъ видѣ предлогомъ *па* и уменьшительной формой, какъ и пасынокъ: *па́-кленокъ* (acer campestre), или же и просто *па́-кленъ*; другое его отрицаніе *не́-кленъ* (acer tataricum). Этимъ путемъ *па́*-клена и *не́*-клена, *по́*-стно выходитъ *не*-сытно, *без*-кормно, *не со*-кормно, *не съ*-коромно.

сиротами читаемъ: «аже будутъ въ дому дѣти малы, а не дюжи ся будутъ сами собою *печаловати*, а мати имъ поидетъ за мужъ, то кто имъ ближній будетъ, тому дати на руцѣ». И, по окончаніи опеки, о вознагражденіи опекуна: «зане кормилъ и *печаловался* ими». У Даля, по народному *печальникъ* и *печальница*, они же *печаль*: ты печаль моя, застоюшка моя (заступникъ или заступница); *печальничать* о сиротахъ, *печаловать* (призрѣвать) сиротъ; *печальливый*, *пе́чный* человѣкъ (заботливый, не безпечный); *пекунъ* (опекунъ). Этимологически корень словъ *печалиться*, *пещися*, *попечитель* и *опекунъ* тамъ же, гдѣ практически начало пищи, ко́рма: въ *печеньѣ*, въ *печкѣ*. Итакъ въ договорныхъ князей старѣйшаго съ младшимъ мнѣ тебя *кормить* значитъ вотъ что̀: любить и жаловать, держать въ братствѣ и чести (во чти), и печаловаться старѣйшему молодшимъ и его отчиною; значитъ быть ему въ отца мѣсто, по Ярослава Мудраго завѣщанію: «Сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь. Се поручаю столъ мой Кіевъ старѣйшему брату вашему Изяславу; сего послушайте, яко же послушасте мене; да будетъ онъ вамъ въ мене мѣсто. И рекъ Изяславу: аще кто хощетъ обидити своего брата, но ты помогай его же обидятъ». Тоже что̀: печалуйся тѣми кого обидятъ, и ихъ отчинами. Все это, коротко ли долго ли сказанныя, тѣже права и обязанности власти домоіерарха, большака въ семьѣ; самая же немногословная формула этихъ правъ и обязанностей: кръмити. Власть большачества, семьи-кормильства, святой прообразъ Русскаго самодержавія. Царь землѣ, что́ и отецъ семьѣ, *кормилецъ* не о хлѣбѣ единомъ. Но только тѣмъ Русская земля не таже семья, что одному печаловаться ею выше силъ человѣческихъ. Поэтому «съ вами землю Русскую держахъ лѣтъ 29», говоритъ, умирая Дмитрій Донской своимъ боярамъ, «подъ вами городы держахъ и великія власти (волости)». Вотъ гдѣ необходимость боярскаго кормильства. По старой памяти, народъ, великій консерваторъ, все еще зоветъ барина кормильцемъ, какъ посредника кормильства государева [16]).

Но если такъ, если *кормить*—nutrire и *кормить*—gubernare одинъ и тотъ же глаголъ, то споръ о синонимичности кормленья съ питаньемъ или же съ управленьемъ не становится ли празднымъ словопреніемъ? Нѣтъ, ибо если понятія nutrire и gubernare почти еще нераздѣлимы въ образѣ напримѣръ родителей-*кормильцевъ* ребенка въ обоихъ смыслахъ, nutrire и gubernare, или въ образѣ большака-*кормильца*

---

[16]) Рум. Собр. I 27, 160.—Калач. Рус. Пр. II 93.—Даль, подъ слов. *пе́ча*.—Воскр. Лѣт. 1889. П. Г.—Во второй молитвѣ за молебномъ въ день Св. Троицѣ читается: „Окорми животъ мой, словомъ всю тварь неизрѣченною премудрости силою управляяй!" т. е. управь жизнь мою. П. Б.

семьи, тоже не о хлѣбѣ единомъ: за то какъ рѣзко спеціализируются понятія nutrire и gubernare въ другихъ производныхъ того же корня. *Выкормокъ.* Какъ живо и какъ исключительно возбуждается этимъ словомъ понятіе nutrire, и напротивъ, словомъ *кормчій* понятіе gubernare. Къ которой изъ этихъ двухъ категорій словъ, къ словамъ ли отъ nutrire, какъ *выкормокъ*, или же къ словамъ отъ gubernare, какъ *кормчій,* принадлежитъ терминъ *кормленщикъ*, вотъ собственно къ чему сводится поднятый Д. Д. Голохвастовымъ вопросъ о кормленіи. Въ историкахъ нашихъ *кормленщикъ* возбуждаетъ, какъ и *выкормокъ*, живо и исключительно понятіе nutrire; намѣстничь и тіунь *кормъ*, по ихнему, тотъ же конскій *кормъ*, приспособленный къ потребностямъ всеядныхъ; *кормленье* боярское отличается отъ иныхъ *кормленій* обширностью звѣринца и кровавостью корма: звѣрей не кормятъ, какъ можно сытнѣе, преступленіями народонаселенія, съ душегубствомъ въ томъ числѣ. Д. Д. Голохвастовъ, вспомнивъ Кормчую, mea parvitas, подобравъ еще кое-что, дерзнули, онъ высказать, mea tenuitas доказывать, что истинный смыслъ *кормленія*, кораблемъ ли Церкви Христовой, или рыбачьей ладьей, или Русской землей, одинъ и тотъ же, живо и исключительно возбуждающій понятіе gubernare. Но внятно и вѣрно данный Д. Д. Голохвастовымъ камертонъ этого смысла не нашелъ уха въ Русскихъ ученыхъ, уха *слышати.*

Итакъ, хотя *кормить*—nutrire и *кормить*—gubernare двѣ вѣтви одного корня, и живы еще отпрыски дичка, въ которыхъ *кормилецъ*-питатель и *кормилецъ*-властитель почти неразличимы; но за симъ обѣ корневыя вѣтви разрослись такъ далеко врозь, и къ ихъ когда-то двуединому понятію жизнь привила такое явноразличное значеніе, что не только не празднымъ, но прямо неизбѣжнымъ, элементарно-историческимъ является вопросъ: на которой изъ двухъ вѣтвей разцвѣлъ историческій терминъ *кормленіе*, на вѣтви ли забытаго историками, но церковно-запечатлѣннаго глагола *кормильствовати,* или же на вѣтви циническаго *кормиться?*

Да, циническаго въ нынѣшнемъ, научномъ примѣненіи, и подавно бы циническаго въ примѣненіи тогдашнемъ, живомъ и оффиціальномъ. Вѣдь что̀ выходитъ по *системѣ кормленія?* Государь, даровавшій уставную грамоту такому-то намѣстничеству; земщина, принявшая грамоту и сложившая ее на храненіе въ мѣстномъ соборномъ храмѣ, въ ларѣ на полатяхъ (на хорахъ); бояринъ-намѣстникъ, имѣющій при кормленныхъ дѣлахъ про̀тивень (копію) грамоты для неукоснаго руководства ею; всѣ они,—государь, его намѣстникъ и вся земля,—читаютъ въ грамотѣ о правахъ и обязанностяхъ державца *кормленія*, *кормленщика*, и понимаютъ подъ этимъ *кормежку кормящагося* «какъ можно сытнѣе

на счетъ ввѣреннаго ему народонаселенія», а потому и называемаго намѣстникомъ, т. е. государевымъ замѣстителемъ въ кормленіи, не управленіи все-таки, а питаніи. И никому имъ въ голову не приходитъ, что вѣдь этою этимологіей *кормленія* и логикою *намѣстничества* они ео ipso отрицаютъ у себя *правленіе*, какъ фактъ и какъ понятіе, у нихъ не существующіе, имъ чуждые, имъ—т. е. всей Россіи временъ кормленія, съ Рюрика до Михаила Өеодоровича, по г. Чичерину, до Петра по г. Иловайскому. Признавая себя (страну живымъ кормомъ, бояръ потребителями, а государя распорядителемъ кормежки), они отрицаютъ себя какъ государство, признаютъ себя за стадо, которое *жалуетъ* волкамъ пастырь-наемникъ, пастырь волкъ въ овечьей шкурѣ. Если это не волчій цинизмъ, что-жъ это, овечья наивность?

Возражая на «смѣлый выводъ (Д. Д. Голохвастова), что при такомъ значеніи кормленій Московское княжество не доросло бы до размѣровъ Россіи», г. Иловайскій говоритъ: «Московское государство развивалось и крѣпло, имѣя такое широкое и прочное основаніе, какъ могучая Русская народность, сплоченная во едино трудами великихъ князей Московскихъ и глубоко проникшаяся идеей царскаго самодержавія, которое *всѣ сословія*, всѣ народныя силы заставило тянуть общее государево тягло и всѣ ихъ направило на служеніе чисто-русскимъ интересамъ, подчиняя имъ *всѣ другіе интересы*. Московскій царь уже не былъ вождемъ по преимуществу дружиннымъ, какъ древніе князья, а воплотилъ въ себѣ идею, такъ сказать, всенародную: онъ стоялъ выше *всѣхъ сословныхъ отношеній и притязаній*». И онъ же г. Иловайскій утверждаетъ, что и при великихъ князьяхъ Московскихъ и при Московскомъ царѣ, и когда уже Татищевъ родился, «система кормленій была еще *въ ходу*», и тотъ же Московскій царь раздавалъ кормленія такъ, «чтобы всѣ бояре могли *покормиться* или нажить себѣ разное имущество». Если это не каррикатурная иллюстрація къ высокопарнымъ фразамъ о самодержавіи, о его стояніи выше всѣхъ сословныхъ притязаній, о воплощеніи въ себѣ всенародной идеи; если и это не цинизмъ: чтожъ это, тоже наивность?

Со стороны именно г. Иловайскаго, тутъ, относительно самодержавія по крайней мѣрѣ, конечно помысла нѣтъ о цинизмѣ; а просто— повторимъ его же восклицаніе—«тутъ вопіющее недоразумѣніе».

Выдти изъ этого недоразумѣнія два пути: или признать, что отъ предназначенія своего *кормильствовати*, а не *кормиться*, именовался государевъ намѣстникъ кормленщикомъ, и что кормленіе значило и было правленіе, а не кормежъ; или же (такъ какъ и абсурдъ требуетъ

послѣдовательности) присоединиться, не вполовину, а уже вполнѣ, къ воззрѣніямъ автора очень извѣстной книги «Боярская Дума», по *системѣ* котораго: «центръ и провинція въ удѣльномъ княжествѣ, дворецъ князя и уѣздъ намѣстника съ волостелями, это почти тоже чтò въ частной вотчинѣ XV вѣка боярская запашка и земля отдаваемая въ оброчное пользованіе. Чего дворецъ не эксплуатировалъ самъ, предоставлено было мѣстному управленію. Органы этого мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели съ своими тіунами и (даже!) доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина» [17]).

Чтò тутъ говорится о *дворцѣ* или о князѣ-хозяинѣ арендныхъ статей, суда и правленія, тоже должно относиться и къ Московскому царю, такому же хозяину той же эксплуатаціи.

Итакъ: или признать «*историческое* значеніе слова кормленіе», или же циническое, но такъ, чтобы *система* была систѐматична, съ дворцомъ вò главѣ.

Caesar non supra grammaticos; цезарь, но не Русскіе ученые. По грамматикѣ суфиксъ *щикъ* не можетъ имѣть ни страдательнаго, ни возвратно-объектнаго значенія; и никакой системѣ въ угоду не можетъ *выкормщикъ* быть то, чтò есть *выкормокъ*, и чтò могъ бы быть (по формѣ *воскормленикъ*) *кормленикъ:* объектъ кормленія, тотъ кого кормятъ, или кто кормится какъ можно сытнѣе. Какъ выкормщикъ, въ силу суфикса, лицо активное, тотъ кто кормитъ, такъ и безъ префикса *вы*, *кормщикъ*, удлиненно *корм*(лен)*щикъ*—тотъ кто, но не *кòрмитъ* конечно, а *кормúтъ* (не съ хореическимъ, а съ ямбическимъ удареніемъ), или, чтò тоже, кормильствуетъ, кто *держитъ* кормленіе, или *за кѣмъ* область въ кормленіи [18]).

Такъ же и выраженіе *держать* примѣнимо по-русски только къ тому къ чему относятся дѣйственно (активно), властно, державно. Кто хозяйничаетъ, торгуетъ, судитъ, управляетъ, про того говорятъ: онъ

[17]) В. Ключевскій, „Боярская Дума древней Руси“, стр. 119, перв. изд.

[18]) Въ какой близкой грамматической связи *кормчій* съ *кормленщикомъ*, съ *кормильцомъ* „Рус. Правды“ и съ *кормителемъ* сыновъ Ахаавлихъ, явственно и по аналогіи. Словà на *чій* съ равнозначащими суфиксами *икъ*, *ецъ*, *тель*, не рѣдкость, особенно въ старинномъ языкѣ: 1) кормчій, книгчій, правчій (кучеръ); на *икъ*: кормщикъ (по народному) или кормникъ (въ лѣтописи), книжникъ, правщикъ; 2) кормчій, книгчій, пѣвчій; на *ецъ*: кормилецъ, чернокнижецъ, пѣвецъ или пѣснивецъ (въ Библіи); 3) кормчій, правчій, пѣвчій; на *тель*: кормитель, правитель, пѣтель.—*Кормщикъ* удлиняется въ *корм*(лен)*щикъ*, какъ въ „Рус. Правдѣ“ *кормица* (таже форма чтò *пѣвица*) удлиняется въ *корм*(ил)*ица*, или у Миклошича *кръм*(ильн)*ица*, или *пѣвецъ* въ *пѣ*(сни)*вецъ*.

держитъ хозяйство, торговлю, землю, лавку. *Держать* судъ и расправу понынѣ говорится; во время оно говорилось: намѣстникъ *держитъ* кормленіе (управленіе) съ судомъ боярскимъ. Но чье отношеніе къ дѣлу пассивное, другимъ или себѣ объектное, кого напримѣръ питаютъ или кто питается, про того мы, profanum vulgus, не говоримъ: онъ *держитъ* питаніе (кормленіе).

Такая же властность чувствуется намъ и въ выраженіи: «а коли (поколь) та Борисоглѣбская *слобода будетъ за кормленщики* въ кормленіи». Быть *за мужемъ* говорится про подчиненнаго изъ супруговъ, но про властнаго изъ нихъ не говорится: быть за женой. *За женой* было имѣніе—значитъ, опять же, она имъ владѣла.

Безаналогичнаго не бываетъ въ языкѣ (какъ и ни въ чемъ на свѣтѣ) ничего. По аналогіи съ чѣмъ же чувствуютъ и сознаютъ наши ученые возможность пріурочивать *питаніе* къ стариннымъ техническимъ, но вѣдь чисто же Русскимъ выраженіямъ: *держать* кормленіе, *за кѣмъ* кормленіе, и къ формѣ кормлен-*щикъ?* Неужели ученые и не думали объ этомъ, рѣшая?..

«Боюсь», говоритъ г. Ключевскій, «лингвисты, видя, какъ мы съ авторомъ (Д. Д. Голохвастовымъ) трудимся надъ корнесловіемъ (кормленія), сострадательно улыбнутся».

А можетъ быть, вспомнивъ, много ли сами они сдѣлали для этого корнесловія, смиренно вздохнутъ. Я о нихъ лучшаго мнѣнія, чѣмъ г. Ключевскій.

Въ наше время, правда, господа Русскіе ученые (за немногими исключеніями и, nomina sunt odiosa, никого даже не подразумѣвая, ни въ исключительныхъ, ни въ правильныхъ) не умѣютъ быть учеными, не умѣютъ ставить науку выше злобы дня и, главное, выше самихъ себя; не умѣютъ поэтому относиться ни къ ней, ни особенно къ намъ неученымъ спокойно,

Не вѣдая ни *жуткости*, ни гнѣва,

не представляясь Казанской сиротой, обижаемой почтенными гражданами, или не бранясь по предку, весьма не-*лыцарски*. Не умѣютъ они сообщаться наукою съ неучеными, даровать и принимать; спѣсиво отвергая научную правоспособность внѣ синяго вицмундира, не умѣютъ угадывать научность вообще. Не хотятъ они понять, что наука, какъ и искусство, какъ и религія, не есть крѣпостная собственность профес-

соровъ, артистовъ, клира; что безъ участія общаго (идеально - даже всеобщаго) меньшей братіи возможны чиновничество, академизмъ, авгурство, но не жизнь, не міръ церкви, искусства, науки.

Несовратимый идеалистъ,
Впередъ гляжу я безъ боязни;

а покамѣстъ, пусть ихъ сострадательно улыбаются, буду продолжать, т. е. поскорѣе кончать складъ моихъ замѣтокъ изъ книгъ и жизни въ «архивъ». Вѣдь не правда ли, Петръ Ивановичъ, и вы надѣетесь, что изъ «Русскаго Архива» многое, со временемъ, всетаки перейдетъ въ Русскія книги и Русскую жизнь; вѣдь для того и пріютили вы въ вашемъ изданіи коротенькую, но капитальную замѣтку Д. Д. Голохвастова; для того и вызвали о ней (какъ сказано въ вашемъ примѣчаніи къ статьѣ г-на Ключевскаго) этотъ отзывъ знатока? Кромѣ знатока, г. Ключевскаго, отозвался и спеціалистъ г. Иловайскій; но онъ преимущественно на тему: «что̀ сказать о людяхъ, которые хотятъ поучать спеціалистовъ?» Караулъ кричать; злодѣи, перепортятъ послѣднихъ какіе есть; ученаго учить, только портить. Знатокъ же г. Ключевскій, наглумясь надъ предполагаемой «внезапностью», «экстемпоральностью» лингвистическихъ свѣдѣній Д. Д. Голохвастова, рѣшилъ, что толкованіе кормленія не въ кормежномъ смыслѣ можно только выдумать и, съ силою явно-субъективнаго творчества, накидалъ цѣлый этюдъ такого выдумыванія, цѣлую псевдонимную исповѣдь. Вотъ г. Голохвастовъ читаетъ въ первой статьѣ г. Иловайскаго слова лѣтописца о Казанскомъ строеніи и о какомъ-то кормленіи. «Все это еще ничего», говоритъ себѣ будто бы г. Голохвастовъ. Но вотъ онъ, дотолѣ знать не знавшій, вѣдать не вѣдавшій ни о школьномъ кормежномъ, ни о своемъ будущемъ толкованіи кормленія, наткнулся на «неосторожную (?) прибавку», сдѣланную г. Иловайскимъ въ поясненіе словъ лѣтописца по кормежному толкованію. Г. Голохвастовъ «въ смущеніи», «въ безвыходномъ недоумѣніи» отъ ошеломляющей логичности этого толкованія, логичности исторической, грамматической и всяческой. Но хитрый упрямецъ, онъ ищетъ выхода изъ безвыходнаго; во что̀ бы то ни стало, «*ищетъ отрицательнаго* отвѣта на *тревожный* вопросъ»...

Почему же тревожный? Назывались ли бояре кормленщиками отъ прирожденнаго права какъ можно сытнѣе *кормиться народонаселеніемъ*, т. е. буквально *міроѣдствовать*, или же отъ прирожденной обязанности, съ дворцомъ во главѣ, кормильствовать землю: вотъ вѣдь въ чемъ вопросъ. Что́ же въ немъ *тревожнаго?*

Интересный бы отвѣтъ на это пришлось вамъ напечатать, Петръ Ивановичъ, не слабый мой отвѣтъ, и не годъ цѣлый спустя, если бы многолѣтній тяжкій недугъ Д. Д. Голохвастова въ этотъ годъ не сломилъ въ немъ послѣднихъ силъ (кромѣ силы духа, слава Богу!) Но прервемте наше a parte,—читатель ждетъ.

Слова̀ отъ кормить — nutrire понынѣ живутъ и множатся, даже слишкомъ, на чужой счетъ множатся, у историковъ по крайней мѣрѣ; но слова̀ отъ кормить—gubernare?

Въ литературномъ языкѣ осталось, кажется, только *корма* и прилагательныя отъ нея. Кормило и кормчій возможны въ возвышенномъ слогѣ, въ прозѣ они руль и рулевой. Говорится: сядьте къ рулю; но сядьте къ кормилу и правьте ко храминѣ—не говорится.

У народа уцѣлѣли, и то не повсемѣстно: *корма* съ прилагательными, *кормщикъ* и *коромъ* [19]), и крѣпко держится по всей великой Руси чрезвычайно-задушевное слово *кормилецъ*. Вопросъ: отъ кормить nutrire оно, или отъ кормить—gubernare?

Почему говорятъ *царь-дѣвица*, а не царица-дѣвица? Потому что царица значитъ жена царя, царевна дочь царская; а *царь*, супругъ ли онъ, отецъ ли онъ, царственно-властное лицо, что́ и требуется выразить про эту дѣвицу.

Мать ли въ народѣ не *кормилица*, и грудью, и стряпней своей; и народъ знаетъ и любитъ это слово, земля—*кормилица* у него постоянно; *кормилица* ему и корова и лошадь, пожалуй; но мать никогда по народному, по крестьянски, не называется ни *кормилицей*, ни *родительницей*. Сынъ, какъ отцу говоритъ: кормилецъ-батюшка, такъ, въ той же мужской формѣ, и матери: *кормилецъ*-матушка; какъ родитель-батюшка, такъ и *родитель*-матушка. Въ среднихъ сословіяхъ говорятъ *родительница*, понимая и *родителя* уже по литературному—непосредственно отъ глагола *родить*, а не по народному—отъ существитель-

---

[19]) Коромъ, кажется, не только gubernatio, дѣйствіе, но и gubernaculum, орудіе управленія. У Миклошича кръмильникъ, кръмило и кръма одинаково gubernaculum. Кормчій въ Поднѣпровьѣ *стерновой*, явно одного корня съ древненѣмецкимъ Stiurmeister, съ нынѣшнимъ Steuermann, Англ. the steersman, Польск. sternik. У Даля неясно, одно ли и тоже *стырь* и *стерно*. У Миклошича *стрънъ* clavus quo regitur gubernaculum. Случайность ли такое совпаденіе: das Steuerruder кормило (*коромъ?*), die Steuer по́дать (*коромъ?*), der Steuermann *кормщикъ*, der Steuerherr (ко́рмленщикъ?), steuern что́ по Англ. to steer a ship, и steuern платить по́дать.

наго *родъ*. Родъ же значитъ все старѣйшее, восходящее родство [20]). Власть старѣйшинства, домопресвитерства, домокормильства, эта святая власть и выражается въ словахъ *родитель* и *кормилецъ*; и слова эти, какъ выраженія власти присно-мужеской, отеческой, живутъ въ одной мужской формѣ про обоихъ двуединыхъ общниковъ *родительскаго кормильства*.

По логикѣ всѣмъ знакомаго словосочетанія *царь-дѣвица*, явственъ и тутъ логическій выводъ: ежели мать *кормилецъ*, а не *кормилица*, какъ было бы отъ груди и отъ печки, то и отецъ *кормилецъ* не о хлѣбѣ единомъ, и существенно не о хлѣбѣ.

По народному *батюшка* и *матушка* тавтологичны съ очень немногими словами: царь-батюшка и матушка-царица, баринъ-батюшка и матушка-барыня; они же и *кормильцы*. Никогда я не слыхивалъ: батюшка-купецъ; и полагаю, какъ бы жирно ни кормилъ рабочихъ фабрикантъ, никогда не услышитъ онъ отъ нихъ: кормильцы вы наши, что̀ доселѣ постоянно слышитъ старооседлый вотчинникъ, и почему-то всегда во множественномъ числѣ: кормильцы; и не по тавтологіи *кормить-поить;* никогда: кормильцы-поильцы вы наши. Почему это? Потому что вовсе не отъ кормить-поить, а отъ патріархальной власти кормильства вотчиною, кормильства семейнаго съ женой, и родоваго, отъ предковъ, были и останутся народу «кормильцы вы наши» — не скажу кто, только не разночинцы.

Но вѣдь народъ памятливый историкъ; его «вы наши кормильцы» обращается не только къ роду вотчинника, но и къ сословію, ко всей дружинѣ кормщиковъ (удлиненно кормленщиковъ) земли, ко всему роду племени тѣхъ,

Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Не оглохнувъ отъ либеральнаго шума въ головѣ и умѣя слушать народъ, нельзя въ этомъ обслышаться. Да и провѣрка на лицо.

Всего чаще вызывается жизнью то задушевное слово про царя-государя: онъ богоданный въ роды и роды *кормилецъ* всей святой Руси.

---

[20]) Молодшее, нисходящее родство, по народному—*племя*. Когда говорятъ: у него *въ роду* всѣ богатыри, то рѣчь не о немъ, ни о дѣтяхъ его, ни о братьяхъ, а только о восходящемъ родствѣ; все его *племя* богатырское—рѣчь о его сынахъ и внукахъ, только о нисходящемъ родствѣ. Въ былинахъ у богатыря спрашиваютъ *рода-племени*, значитъ кто его родители (родъ) и кто самъ онъ (племя ихъ).

Апогей прототипа, пресвитерство во всеземскомъ братствѣ—власть царская такая же вѣчная и цѣльная, неотмѣнимая и неограничимая, какъ и самый прототипъ ея—пресвитерство въ семьѣ, въ домашней церкви, по Апостолу. Апогей единственной исто-законной земной власти—власть царскаго землекормильства, какъ и власть родительскаго домокормильства, искони своя народу. И разумѣется, именно по ея патріархальности, по ея естественной, присной святости, власть эта, какъ въ прототипѣ такъ и въ апогеѣ, не подлежитъ концу. Но такъ же и потому же не подлежитъ концу и среднiй, между избой и всею землей, необходимый типъ, типъ мѣстнаго, боярскаго кормильства. Словами незабвенными въ исторіи боярства свидѣтельствуетъ о ихъ кормильствѣ Донской, въ малолѣтство, какъ и во все государствованіе котораго (да и только ли въ его государствованіе?) бояре немало сослужили Россіи: съ вами землю Русскую держахъ, говоритъ онъ предъ лицомъ Всевышняго, въ гробъ сходя. Онъ не разъединяетъ ихъ съ собой; какъ же разъединить ихъ съ народомъ? И народъ не разъединяетъ ихъ съ собой, и народъ свидѣтельствуетъ о народности боярскаго кормильства, величая настоящаго барина тѣмъ же словомъ, что̀ и отца роднаго и Царя Православнаго, словомъ алмазно-яснымъ и алмазно-прекраснымъ: *кормилецъ-батюшка* [21]).

Неужели однако ученые не приводятъ больше ничего и, главное, ничего посерьезнѣе въ опроверженіе мысли Д. Д. Голохвастова? Приводятъ, еще два текста, но опять же такіе, что, если бы я не сбирался подарить имъ третій—посерьезнѣе, объ этихъ двухъ и толковать не стоило бы. «Можетъ-быть», говоритъ г. Ключевскій, «рядомъ съ приведенными текстами пригодится и слѣдующее мѣсто *изъ приговора царя съ боярами 1556 года*: по се время бояре и князи и дѣти боярскія сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ *для расправы людямъ* (вотъ стало

---

[21]) К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. права, т. II, изд. 3, стр. 156, опредѣляя Римскій и Германскій типы родительской власти, говоритъ: „Отцовская власть въ Римѣ приближалась характеромъ къ праву собственности. Въ противоположность Римскому, Германское начало родительской власти есть начало нравственное, начало защиты, покровительства и попеченія—*mundium*“. Этимъ словомъ, кажется, ближе всего передается *кормильство* въ его пресвитерскомъ смыслѣ. Средневѣковое Латинское mundium произошло отъ древне-нѣмецкаго Munt.—Benecke (Müller und Zarncke) Mittelhochdeutsches Wörterbuch, *Munt*: das mittellat. *mundium* ist aus diesem Worte gebildet. Отсюда и Vormund, Mündigkeit.—Munt переводятъ, между прочимъ, Vogtschaft (правленье, коромъ); но первоначальное значенье Munt, кажется, тоже что́ Mann и Mahl (Gemahl). Munttot значитъ bürgerlich todt, лишенный чести и правъ свободнаго мужа. Muntherr тоже что́ Brodherr. Mann и Mahl повторяются въ нашемъ древнемъ *манженъ* и *малженъ*.

быть первая, главная цѣль кормленія) и всякаго устроенія землямъ (вторая, общая его цѣль) и себѣ (наконецъ) отъ служебъ *для покоя и прекормленія*».

Начать съ того, что это не *изъ приговора царя съ боярами*, котораго нѣтъ, а изъ позднѣйшаго лѣтописнаго разсказа о приговорѣ, такъ что въ самомъ приговорѣ могло и вовсе не быть разглагольствованія о покоѣ и прекормленіи. Но если бы и вправду изъ самаго приговора, а не изъ Никоновскаго велерѣчиваго лѣтописца выписалъ г. Ключевскій эти слова, что же должны мы заключить изъ нихъ? Что и для нуждавшагося въ покоѣ и прекормленіи стараго или израненнаго служаки, что было ему на роду написано, на честномъ его роду боярскомъ, то до гробовой доски и оставалось на первомъ планѣ: служба, если не въ полѣ ратномъ, не въ посольствѣ дальнемъ, такъ по городамъ или волостямъ «судъ и исправа (*расправа*) *людямъ и всякое землямъ устроенье*». Истинно, ужъ только развѣ «рядомъ съ приведенными (у г. Ключевскаго) текстами, можетъ-быть пригодится и это мѣсто» въ доказательство, что кормленіе, суть коего расправа людямъ и всякое землямъ устроеніе, не значитъ gubernatio.

Другой текстъ (конёкъ систематистовъ кормленія, на которомъ выѣзжалъ и г. Чичеринъ, выѣхалъ конечно и г. Иловайскій, конечно и г. Ключевскій): «здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьичъ», пишетъ Иванъ III-й Костромскому намѣстнику Судимонту, «что вамъ обѣма на Костромѣ *сытымъ быти* не съ чего». По *сытости*, которая тутъ историками молча подчеркивается, чтый да разумѣетъ этимологію *кормленщика*; но и *кормщика*: тоже отъ глагола *кормиться*, ибо и онъ *коромомъ сытъ живетъ*.

А вотъ незамѣченный историками текстъ, единственнный, сколь мнѣ извѣстно, оправдывающій, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, ученую этимологію кормленія. Въ Важской земско-уставной грамотѣ читаемъ: «Важскаго-де имъ *намѣстника* (жалуются Важане) и *пошлинныхъ людей* впредъ *прокормити* не мочно» [22].

Удивительно, коли такихъ текстовъ не найдется и еще. Термины отъ кормить—gubernare въ живомъ языкѣ забыты, административные вовсе, навигаціонные—почти, даже у народа. Но вѣдь термины забываются не сразу; они сперва, болѣе или менѣе неудачно, пересмысливаются; подавно, ежели есть къ тому поводъ, не только въ тавтофоніи, но и, какъ тутъ, въ прямой однокоренности и въ естественной

[22]) Никон. Лѣт. Спб. 1791, VII 259.—Б. Н. Чичеринъ, Обл. учр. 7.—Ак. Ист. I 110.—Ак. Эксп. I 234.

постепенности понятій nutritio, mundium, gubernatio. Въ царскія времена административные термины отъ кормить—gubernare, очевидно, уже исчезали изъ языка. Во всѣхъ уставныхъ сборника г. Загоскина только однажды встрѣчается *кормленщикъ* и *кормленіе*, въ вышеприведенныхъ словахъ грамоты царя Ѳеодора Ивановича Борисоглѣбской слободѣ [23]). Во второмъ Судебникѣ *кормленіе*, кажется, только повторяется въ двухъ-трехъ мѣстахъ, взятыхъ изъ перваго. Долго и крѣпко держится только названіе подати *кормъ*; но привычныя названія пошлинъ и особливо податей, обращаясь почти въ имена собственныя, переживаютъ иногда и самую причину названья; *коро́мъ*, *кормъ* причины своей всетаки не пережилъ, какъ пережила свою *тамга* напримѣръ. Въ уставныхъ грамотахъ, вплоть до послѣдней до насъ дошедшей, начала XVII вѣка, *кормъ* исключительно подать кормильствующимъ, строго отличается отъ *побора* некормильствующимъ и отъ *пошлинъ*, получаемыхъ тѣми и другими; а Важане въ половинѣ XVI вѣка уже говорятъ про всѣхъ *пошлинныхъ людей*, какъ и про *намѣстника*: *прокормити* не мочно. Старинное: мнѣ тобе *кормити*, уже и при отцѣ Грознаго: намъ тобою и твоею отчиною *печаловатися*. *Кормильцевъ* въ «Рус. Правдѣ» и въ эти вѣка переписываютъ, не замѣняя и не поясняя, но вновь уже не пишутъ; слово, стало быть еще понимается читающими, но уже не говорится. Не смѣю утверждать, но кажется такъ: «Книга глаголемая *Кръмчія́*» (т. е. книга называемая Правитель?) въ спискахъ этого времени начинаетъ называться, уже не столь живо и ясно, прилагательнымъ *Кормчая*. Вообще *кормить* уже видимо уединяется въ *nutrire*. И только народное *кормилецъ*, чѣмъ болѣе теряетъ свои житейскія видоизмѣненія,—*кромчі́я*, *кормилица* (ключница), *кормилецъ* (тіунъ, у Миклошича *кормитель*), *кормленщикъ*, и даже *кормчій* (стерновой),—тѣмъ лишь завѣтнѣе обособляется въ величаніе власти первичной и вѣчной, пресвитерской.

И разумѣется такова судьба не одного *кормленія*: забывались или обезсмысливались и многія другія слова. Ученые знаютъ слово *изгой*, но былинное *гой еси*—у нихъ въ грамматикахъ, въ словаряхъ (даже, помнится, въ Академическомъ) *междометіе*. Какъ будто можно сказать: ура *еси*; и будто нѣтъ глагола *гоить*, т. е. только въ другомъ выговорѣ— *живить* (рана *загоилась*—зажила). Старинное: пограбили всю *жизнь* его или весь *животъ*, всѣ *животы*, т. е. *жилье* и *пожитки*, которыхъ хозяинъ *житій*. Онъ же, только въ другомъ произношеніи, *гой*.

---

[23]) Загоскинъ, Уст. Грам. III 13.

Всѣ пишутъ *подноготная* (отъ *нóготъ*). И вотъ какъ объясняютъ это безобразное слово [24]). Какой-то палачъ будто бы съострилъ: не скажешь *подлинную* (*подъ длинными*, подъ кнутьями, съ дыбы), скажешь *подноготную* (съ лютѣйшей пытки, вонзанья спицъ *подъ ногти*). Въ чемъ первая двусмыслица—понятно; но вторая-то въ чемъ же? Въ томъ, что по народному *поднаготная*, чтò *подъ наготой*, чтò въ душѣ человѣка. Гдѣ народъ отчетливо выговариваетъ безакцентные *о* и *а*, тамъ, и безъ обычнаго жеста рукой зá сердце, понятно, чтò значитъ: этой поднаготной подоплёка не учуетъ. Подоплека (под-оплечье), подкладка подъ верхней половиной рубахи, она всего ближе къ голой груди, къ сердцу; но даже и ей не учуять, чтò тамъ подъ наготой, за дышащей грудью, за душой, на сердцѣ. *Поднаготная* это весь задушевный міръ, всѣ сердечныя тайны человѣка. Но литература небрезгливо облюбовала каламбуръ, продуктъ палачьяго юмора, *подноготную*, и не подъячьяго ли юмора каламбуръ: *кормленіе* боярское?

Татищевъ конечно не изобрѣтатель, а только литературный иниціаторъ, и только обезтолковки, а не *системы* кормленія.

Итакъ, съ одной стороны: мои Важане, и господъ ученыхъ челобитчикъ алчущій *покормиться воеводствомъ*; *кормъ доводчиковъ*; Судимонтова сытость, и прочихъ покой и прекормленіе; Казанское строеніе, и монологъ Донскаго о семестральномъ *исправленіи*.

Съ другой: договоръ объ *исправѣ* за отъѣздъ съ кормленія; *кормилецъ* у 40-лѣтняго Ярослава; вира за убійство *кормильцевъ* и *кормиличъ*; слово общаго рода *кромчій*; суфиксъ слова *кормленщикъ*; термины *держать* кормленіе и *за кѣмъ* кормленіе; *кормъ* кормленщика и не кормъ, а поборъ доводчика; народное *корóмъ* и древнее *кръмля* црьковная; Церковь правѣ *кормильствующь*, и народное *кормилецъ*.

Которой же стороны аргументы сильнѣе: *nutritio*, боярское *кормленіе*, или даже не gubernatio, а именно *mundium*?

Ино въ томъ третéй намъ читатель, и на кого помолвитъ третéй, и виноватый предъ правымъ поклонится; а нелюбья не держати.

Павелъ Голохвастовъ.

---

[24]) Г. Максимовъ въ „Новомъ Времени" въ цѣломъ рядѣ статей о малопонятныхъ, или невѣрнопонимаемыхъ словахъ. Моего объясненія *поднаготной* нѣтъ у г. Максимова.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОЕЙ ЖИЗНИ.

Даргинскій походъ.

1845.

6 Мая 1845 года, вечеромъ, главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и войсками, на Кавказѣ находившимися, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ прибылъ со свитою, въ составѣ которой и я находился, въ станицу Червленную. Здѣсь ожидали его для участвованія въ предстоявшемъ походѣ: принцъ Александръ Гессенскій, братъ Цесаревны Маріи Александровны, адъютантъ Наслѣдника Цесаревича князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, флигель-адъютанты: князь Ѳедоръ Ивановичъ Паскевичъ, графъ Александръ Строгановъ и князь Эмилій Витгенштейнъ; при принцѣ Александрѣ Гессенскомъ состоялъ, въ качествѣ ментора, гвардіи капитанъ Самсоновъ. Прибытіе всѣхъ этихъ представителей высшей военной аристократіи объяснялось важностью предполагавшагося похода и серьозностью ожидавшихся военныхъ дѣйствій.

Имѣю основаніе думать, что первое извѣстіе о разрѣшеніи Императоромъ Николаемъ принцу Гессенскому участвовать въ экспедиціи, предметомъ которой было взятіе аула Дарго (мѣстопребываніе Шамиля), не произвело на графа Воронцова пріятнаго впечатлѣнія: предвидя опасности, которымъ могъ подвергаться любимый братъ Цесаревны (тогда пылкій юноша), графъ Воронцовъ весьма естественно оцѣнивалъ отвѣтственность, которую возлагало на него присутствіе принца въ отрядѣ. Но къ чести молодаго принца должно сказать, что онъ своимъ поведеніемъ вполнѣ примирилъ главнокомандующаго со своимъ присутствіемъ; держалъ онъ себя скромно и почтительно къ начальству; лично храбрый, онъ не разъ порывался искать опасности въ передовыхъ рядахъ, но всегда безусловно подчинялся требованію оставаться въ ближайшемъ къ главному начальнику разстояніи. Опасностей онъ не миновалъ, ибо никто изъ участвовавшихъ въ походѣ ихъ не избѣгнулъ; но, оставивъ о себѣ память храбраго юноши, онъ вышелъ невредимъ изъ похода, по справедливости награжден-

ный орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Изъ другихъ столичныхъ гостей князь Барятинскій былъ, при окончательномъ выступленіи въ походъ, назначенъ къ командованію 3-мъ баталіономъ Кабардинскаго полка, а прибывшій ранѣе этого въ распоряженіе главнокомандующаго флигель-адъютантъ, графъ Константинъ Константиновичъ Бенкендорфъ, получилъ подобное назначеніе въ Куринскомъ полку.

Изъ станицы Червленной графъ Воронцовъ выѣхалъ 8-го Мая, съ небольшою свитою, въ Кизляръ, а оттуда въ Темиръ-Ханъ-Шуру, для свиданія съ командовавшимъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, княземъ Васильемъ Осиповичемъ Бебутовымъ; большая же часть штаба, въ томъ числѣ и я, осталась въ Червленной до 14-го Мая. Въ продолженіе этого обязательнаго досуга имѣлъ я случай познакомиться съ Червленскою станичною жизнью. Отличалась она въ то время порядочнымъ разгуломъ. Бахусу и Афродитѣ приносились почти ежедневныя жертвы; жрецами обоихъ божествъ была блестящая военная молодежь, а красивыя казачки охотно платили дань на алтаряхъ богини.

14-го Мая оставшееся въ ст. Червленной общество тронулось, черезъ ст. Щедринскую, къ переправѣ черезъ Терекъ у Амиръ-Аджи-Юрта. Здѣсь угостилъ насъ обѣдомъ командиръ Люблинскаго полка (принадлежавшаго къ составу 5-го корпуса) полковникъ Липскій; совершилъ онъ съ полкомъ своимъ и весь походъ, оставивъ по себѣ память не столько военнаго дѣятеля, сколько гостепріимнаго хлѣбосола. Переправа черезъ Терекъ въ то время совершалась на паромахъ, ибо мостовъ не существовало (крайнее это неудобство было устранено въ слѣдующемъ же году постройкою двухъ мостовъ, одного у станицы Николаевской выше Червленной, другаго тутъ же у Амиръ-Аджи-Юрта). На правомъ берегу Терека былъ расположенъ временно лагерь одной бригады 5-го корпуса, подъ начальствомъ генералъ-маіора Константина Яковлевича Бѣлявскаго; привѣтливо принявъ и угостивъ наше штабное общество, онъ охотно повторялъ сочиненную имъ, на скучной стоянкѣ, поговорку: „Не отрадно быть отряднымъ“. Генералъ Бѣлявскій оказался блистательнымъ авангарднымъ начальникомъ; личная его храбрость увлекала впередъ ввѣренныя ему войска и преодолѣвала всякія препятствія; но не умѣлъ онъ умѣрять свои порывы и, идя все впередъ, легко забывалъ, что за нимъ слѣдуетъ колонна, которая быстро двигаться не можетъ, но связь съ которою сохранять необходимо.

На слѣдующій день прибыли мы къ Кумыкскому аулу Ташъ-Китчу, при которомъ существовало небольшое укрѣпленіе; здѣсь назначено было ожидать прибытія главнокомандующаго, которое состоялось 18 Мая.

Въ Ташъ-Китчу пребываніе наше продлилось до 28 Мая; время это употреблено было военнымъ начальствомъ для окончательныхъ распоряженій къ открытію похода, а многочисленно собравшеюся штабною молодежью для ближайшаго другъ съ другомъ знакомства, на вечеринкахъ, вокругъ дымящейся джонки.

Наконецъ, 28 Мая, мы, подъ прикрытіемъ кавалерійскаго конвоя, отправились къ крѣпости Внезапной, гдѣ былъ собранъ дѣйствующій отрядъ, подъ начальствомъ командира 5-го корпуса, генерала Лидерса; на полпути, у рѣчки Ярыкъ-Су мы застали прибывшую туда бригаду генерала Бѣлявскаго.

31-го Мая утромъ, по отслуженіи молебствія, дѣйствующій отрядъ выступилъ въ походъ. Прошли мы въ этотъ день 18 верстъ до рѣки Сулака, на берегу которой были остатки разореннаго тогда селенія Чиръ-Юртъ. Мѣстность эта въ то время была совершенно пустынная и, за отсутствіемъ моста черезъ быстрый Сулакъ, составлявшій границу между землями, входившими въ составъ Сѣвернаго Дагестана и лѣваго фланга Кавказской линіи, сообщеніе между этими двумя отдѣлами было крайне затруднительно. Неудобство это было устранено въ слѣдующемъ же, если не ошибаюсь, 1846 году устройствомъ постояннаго моста, для защиты котораго, независимо отъ двухъ башенъ на его оконечностяхъ, выстроено на правомъ берегу укрѣпленіе; нѣсколько позже была переведена туда же штабъ-квартира Нижегородскаго драгунскаго полка.

1-го Іюня отрядъ сдѣлалъ весьма незначительный переходъ, вверхъ по Сулаку, по лѣвому его берегу до мѣста, гдѣ были развалины бывшаго Мятлинскаго укрѣпленія и существовавшаго тутъ же довольно большаго аула. О благосостояніи жителей этого бывшаго поселенія можно было судить по остаткамъ обширныхъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ. Около Мятлы существовалъ бродъ черезъ Сулакъ; для защиты этого брода и было воздвигнуто укрѣпленіе, слѣды котораго мы застали.

2-го Іюня отрядъ поднялся на такъ называемыя Хубарскія высоты; проходили мы по роскошнымъ лѣсамъ и пастбищамъ, не встрѣчая ни одной человѣческой души. По мѣрѣ того какъ мы поднимались раскрывались

передъ глазами нашими прекрасные виды, а когда мы дошли до мѣста ночлега, около развалинъ раззореннаго аула Хубары, то взоръ обнималъ всю Кумыкскую плоскость, на оконечности которой виднѣлось Каспійское море.

3-го Іюня, въ 5 верстахъ отъ Хубары, встрѣтили мы отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, князя Бебутова, прибывшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на присоединеніе съ главнымъ отрядомъ и для совокупнаго съ нимъ дѣйствія. Отрядъ этотъ располагался, въ ожиданіи прибытія нашего, лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, въ прошедшемъ 1844 году, стоялъ лагеремъ съ дѣйствовавшимъ отрядомъ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ. Экспедиція 1844 года, какъ извѣстно, не имѣла практическихъ результатовъ; подробности оной и причины ея неуспѣшности извѣстны людямъ военнымъ; о нихъ судить не дѣло гражданскаго походнаго туриста. Съ мѣста расположенія лагеря Дагестанскаго отряда было ясно видно урочище Бортунай, гдѣ въ прошломъ году стоялъ лагеремъ Шамиль, котораго въ этой позиціи, прикрытой глубокимъ Теренгульскимъ оврагомъ, генералъ Нейдгартъ съ фронта атаковать не рѣшился. Теперь на этомъ мѣстѣ никакой непріятельской силы не показывалось, хотя замѣтны были слѣды недавней тутъ стоянки. Теренгульскій оврагъ, глубокій, съ обѣихъ сторонъ заросшій густымъ лѣсомъ, очевидно представлялъ чрезвычайно выгодную для обороны мѣстность, и хотя на противоположномъ его берегу непріятель отсутствовалъ, но нельзя было быть увѣреннымъ, что какая-нибудь партія горцевъ не засѣла въ лѣсномъ оврагѣ, чтобы воспрепятствовать, по возможности, безопасному переходу нашихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ всякая потеря времени представлялась неудобною, а потому, хотя уже была вторая половина дня, рѣшено немедленно приступить къ переходу черезъ Теренгулъ. Въ видѣ передовой цѣпи была направлена Грузинская пѣшая дружина; за нею послѣдовали Апшеронцы, принадлежавшіе къ составу Дагестанскаго отряда. Къ счастью оврагъ оказался незанятымъ, и переходъ могъ совершиться безпрепятственно, насколько это касалось непріятеля; но естественныя трудности, которыя пришлось побороть, вслѣдствіе крайней крутизны спуска, а потомъ подъема, увеличившіяся еще отъ разразившейся въ это время грозы съ проливнымъ дождемъ, были настолько велики, въ особенности при переправкѣ артиллеріи и тяжестей, что только съ величайшимъ трудомъ весь соединенный отрядъ могъ до ночи окончить переходъ черезъ оврагъ и стать лагеремъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ незадолго находился станъ Шамиля.

4-го Іюня данъ былъ войскамъ отдыхъ.

5-го Іюня—день памятный, ибо произошла первая встрѣча съ непріятелемъ. Главнокомандующій съ отрядомъ изъ 5 бат. пѣхоты и 500 чел. Грузинской милиціи, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, предпринялъ рекогносцировку по направленію къ высотамъ Саухъ-Булахъ и къ урочищу Кирки; присоединился и я къ свитѣ. День былъ ясный; шли мы по мѣстности открытой, безлѣсной, пересѣченной небольшими оврагами. Пройдя, быть можетъ, верстъ 7 или 8, мы очутились на краю глубокой впадины, на днѣ которой виднѣлось урочище Кирки; противъ насъ по ту сторону впадины возвышалась крутая гора Анчемиръ; господствовала она надъ довольно узкимъ ущельемъ, по которому проходила дорога изъ Кирки въ Мичикалъ и въ Андію. Была эта именно та дорога, по которой приходилось намъ въ послѣдствіи проходить. По донесеніямъ лазутчиковъ дорога эта къ Мичикалу была укрѣплена завалами, гора же Анчемиръ была занята непріятельскимъ отрядомъ. Осмотрѣвъ мѣстность, главнокомандующій рѣшился немедленно сбить непріятеля съ Анчемирской горы. Исполненіе этой, на видъ весьма нелегкой, задачи было возложено на извѣстнаго своею отвагою и рѣшимостью генерала Пассека; въ его распоряженіе были назначены: батальонъ Куринскаго полка, подъ командою графа Бенкендорфа и часть пѣшей Грузинской милиціи, подъ начальствомъ князя Левана Ивановича Меликова; въ послѣдствіи части эти были подкрѣплены изъ бывшаго съ нами отряда. Быстро спустились Куринцы и милиціонеры къ Кирки, и затѣмъ, недолго отдохнувши, стали смѣло карабкаться на крутую Анчемирскую гору. Сидѣли мы всѣ, кто на травѣ, кто на камняхъ, точно зрители въ амфитеатрѣ, съ сердечнымъ трепетомъ и участіемъ слѣдя за движеніями нашихъ молодцевъ; соперничали Куринцы и Грузины, кто скорѣе достигнетъ вершины горы, а начальники ихъ и офицеры старались держаться во главѣ своихъ частей. Непріятель, очевидно, былъ застигнутъ врасплохъ и не ожидалъ столь внезапнаго нападенія; видно было съ нашего бельведера, какъ онъ на горѣ засуетился, какъ выходили скрытыя вершиною группы, дабы воспротивиться нашимъ войскамъ. Стали они стрѣлять въ поднимавшихся; но, при крутизнѣ горы, выстрѣлы эти были безвредны. Когда же передовые наши люди начали всходить на верхнюю часть горы, то непріятель не выдержалъ натиска и обратился въ бѣгство; гора была занята при крикѣ „ура“, которому вторили мы всѣ изъ нашего обсерваціоннаго пункта *). Не остановился

*) За Анчемирское дѣло графъ Бенкендорфъ и князь Меликовъ были награждены орденами Св. Георгія 4-й степени.

однако храбрый Пассекъ на этомъ простомъ выполненіи возложенной на него задачи: со свойственною ему пылкостью, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля и заставивъ его тутъ же очистить всѣ завалы, устроенные имъ на дорогѣ къ Мичикале, онъ дошелъ до вершины довольно высокой горы, гдѣ и расположился бивуакомъ. Но это увлеченіе не обошлось даромъ; въ послѣдующіе дни на этой горѣ застигла отрядъ такая стужа, что, къ сожалѣнію, не обошлось безъ отмороженныхъ ногъ и рукъ. Поэтому солдаты гору эту прозвали „холодною". Пришлось отряду пять дней простоять на этой возвышенности, безъ палатокъ и съ крайнимъ трудомъ добывая, въ безлѣсной этой мѣстности, скудныя дрова для варки пищи. Пересолилъ тутъ, кажется, храбрый Пассекъ, превысивъ данное ему наставленіе; но отступать не приходилось; выдержали это испытаніе войска съ обычною своею стойкостью, и не пали духомъ и Грузинскіе милиціонеры.

Подкрѣпивъ отрядъ генерала Пассека всѣми свободными наличными силами, главнокомандующій, послѣ окончательнаго занятія горы Анчемиръ, въ сопровожденіи своей свиты, возвратился въ лагерь подъ Бортунаемъ.

6-го Іюня утромъ, весь отрядъ тронулся и, идя по тому же направленію, по которому наканунѣ производилась рекогносцировка, спустился въ котловину, около урочища Кирки; вблизи онаго были остатки укрѣпленія „Удачнаго", выстроеннаго генераломъ Граббе, если не ошибаюсь, въ 1839 году, во время похода на Ахульго. Около Кирки отрядъ простоялъ три дня, отдѣливъ отъ себя войска изъ Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ князя Бебутова, для занятія Мичикале, и для очистки туда пути отъ брошенныхъ непріятелемъ, 5-го Іюня, заваловъ, а также для установленія сношеній съ отрядомъ генерала Пассека. Трехдневная стоянка въ Кирки оправдывалась преимущественно тѣмъ, что тутъ устроивался главный вагенбургъ или опорный пунктъ на коммуникаціонной линіи дѣйствующаго отряда съ Темиръ-Ханъ-Шурою. Хотя календарь указывалъ начало лѣта, мы, въ продолженіи трехъ дней, испытывали всѣ неудобства зимняго похода: шелъ снѣгъ, смѣшанный съ дождемъ; въ палаткахъ, не только солдатскихъ, но и офицерскихъ, было холодно и сыро; приходилось прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ согрѣванія, преимущественно внутреннимъ, для чего штабною молодежью варилась джонка чуть ли не цѣлый день.

10-го Іюня былъ совершенъ 8-верстный переходъ до урочища Мичикале; дорога, по весьма отъ природы живописному ущелью, была до того испорчена какъ бывшими сильными дождями, такъ и непріятельскими при-

готовленіями къ оборонѣ, что часто и одиночному ѣздоку нелегко было бы по ней пробираться. Какъ тутъ удалось провести артиллерію и тяжести, казалось непонятнымъ; что̀ было бы, еслибы эту дорогу пришлось брать съ бою! Достаточно было по ней проѣхать, чтобъ убѣдиться въ пользѣ, которую принесло дѣло 5-го Іюня.—Отъ Мичикале двинулись далѣе соединенные отряды, Дагестанскій и главный. Въ Кирки было оставлено нѣсколько батальоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, для охраненія вагенбурга.

11-го, 12-го и 13-го Іюня продолжалось движеніе впередъ, по направленію къ Анди, черезъ Гумбетъ. Погода стояла перемѣнчивая, часто ненастная; непріятель нигдѣ не показывался, и населенія никакого не встрѣчалось. 13-го Іюня отрядъ стоялъ лагеремъ въ виду высокаго хребта, отдѣляющаго земли Гумбетовскія отъ Андійскихъ; горный кряжъ этотъ перерѣзывался однимъ узкимъ проходомъ, который носилъ названіе „Андійскихъ воротъ". Издали было видно, что онъ былъ укрѣпленъ каменнымъ заваломъ; но никакихъ защитниковъ его замѣчаемо не было. Лазутчики предупреждали, что не только этотъ завалъ былъ оставленъ, но что и все Андійское населеніе выведено Шамилемъ изъ своихъ жилищъ, которыя преданы пламени. Шамиль, по видимому, все отступалъ, оставляя за собою одну пустыню и пожарища.

14-го Іюня утромъ, весь отрядъ двинулся къ Андійскимъ воротамъ; показаніе лазутчиковъ подтвердилось: завалъ, крѣпко устроенный, оказался незанятымъ. Съ этого мѣста открывался обширный видъ на просторную, изрѣзанную второстепенными отрогами, котловину, гдѣ до того, въ нѣсколькихъ аулахъ, спокойно проживало Андійское общество, занимаясь преимущественно овцеводствомъ, пользуясь благосостояніемъ и снабжая Дагестанъ и даже Тифлисскій рынокъ извѣстными Андійскими бурками, которыя донынѣ почитаются лучшими. На сколько достигалъ глазъ, не было видно ни одной человѣческой души; царила мертвая тишина. Спустившись въ котловину, мы дошли до большаго селенія Гогатль; представляло оно груду развалинъ отъ недавно сожженныхъ каменныхъ домовъ; немалое число ихъ были двухъ-этажные; сожжена была и большая мечеть, стѣны которой были украшены довольно изящною рѣзьбою. Все свидѣтельствовало о богатствѣ населенія, здѣсь проживавшаго.

Близъ деревни главная колонна остановилась на привалъ, пока авангардъ, подъ начальствомъ генерала Клуге-фонъ-Клугенау, подвигался впередъ для занятія другой деревни „Анди". Горизонтъ впереди насъ замы-

кался хребтомъ, который запиралъ Андійскую котловину съ противуположной, отъ прихода нашего, стороны; на вершинѣ этого хребта смутно виднѣлась двигавшаяся толпа. Недолго пришлось отдыхать намъ на привалѣ; послышались ружейные выстрѣлы, скоро участившіеся; очевидно было, что завязалось дѣло. Главнокомандующій, не медля, сѣлъ на лошадь и усиленною рысью поѣхалъ по направленію откуда слышались выстрѣлы. Вся свита послѣдовала за нимъ. Обстоятельства скоро разъяснились: оказалось, что въ главѣ авангарда шелъ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, подъ командою князя Барятинскаго, и часть Грузинской милиціи, подъ начальствомъ князя Александра Эристова. Дойдя до ручья, который протекалъ у подошвы выше упомянутаго хребта, и увидѣвъ на вершинѣ онаго непріятельскій отрядъ, при нѣсколькихъ значкахъ, князь Барятинскій, увлекаемый одною юношескою смѣлостью, не ожидая никакихъ приказаній, повелъ часть своего батальона и за ней и Грузинскую милицію на приступъ этого хребта. Предпріятіе это можно было назвать болѣе нежели рискованнымъ, если принять во вниманіе сравнительную малочисленность атаковавшей силы, на первое время никѣмъ не поддержанной (ибо остальная часть авангарда еще не подходила), равнымъ образомъ топографическую трудность мѣстности и совершенную неизвѣстность о числительности атакуемаго непріятеля. Оказалось впослѣдствіи, что тутъ стоялъ самъ Шамиль съ отрядомъ около 6,000 человѣкъ, наблюдая за движеніями нашего главнаго отряда. Но не даромъ говоритъ пословица „смѣлымъ Богъ владѣетъ". Атака, поведенная со смѣлостью, которую теорія военнаго искусства назвала бы опрометчивостью, увѣнчалась полнымъ, неожиданнымъ успѣхомъ; пользуясь крутизною горы и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что на ней жителями были устроены искусственныя террасы, на которыхъ производились посѣвы, храбрые Кабардинцы и Грузины, подъ прикрытіемъ этихъ террасъ, ограждавшихъ ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, карабкались на высоту. Непріятель, не имѣя возможности, по условіямъ мѣстности, съ выгодою пользоваться противъ наступающихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, кидалъ въ нихъ камнями, которые онъ заблаговременно подготовилъ; но, хотя и было нѣсколько ушибленныхъ ими солдатъ и милиціонеровъ, бóльшая часть камней перелетала черезъ головы наступающихъ. Одинъ только разъ мюриды Шамиля попытались, въ рукопашномъ бою, сбросить горсть смѣльчаковъ. Атаковали они, въ шашки, шедшую впереди 7-ю роту; но Кабардинцы не оплошали: они выдержали натискъ и отбросили мюридовъ, которые уже не повторяли атаки. Непріятель очистилъ хребетъ и довольно поспѣшно отступилъ. Трудно предположить, чтобы та-

кой быстрый и рѣшительный успѣхъ былъ бы достигнутъ, еслибы Шамиль зналъ, что имѣетъ дѣло съ горстью людей, которую батальонный командиръ, самопроизвольно и безъ вѣдома даже начальника авангарда, повелъ на приступъ горы, защищенной нѣсколькими тысячами людей. Озадачила его, вѣроятно, смѣлость нападенія и, видя подходившія къ мѣсту боя главныя силы, онъ предположилъ, что веденная атака была только началомъ болѣе важнаго предпріятія. Потеря наша была незначительна, по числительности раненыхъ и убитыхъ; но общее сожалѣніе вызвала смерть храбраго командира 7-й роты Кабардинскаго полка, Маевскаго: онъ палъ во главѣ своей части, во время рукопашнаго боя, который она выдержала. Самъ князь Барятинскій былъ легко раненъ въ ногу. Когда мы подъѣхали къ подошвѣ горы, гдѣ стоялъ генералъ Клугенау съ главною частью авангарда, дѣло было уже окончено; встрѣтилъ онъ главнокомандующаго словами: „побѣдителя не судятъ“. День окончился радостно; главные виновники успѣха, князья Барятинскій и Эристовъ, удостоились за это дѣло награжденія орденами Св. Георгія 4-й степени.

Лагерь главнаго отряда былъ разбитъ между селеніями Гогатль и Анди. При совершенномъ безлѣсьи этого края, приходилось, для варки пищи, выбирать изъ домовъ весь оставшійся въ оныхъ лѣсной матеріалъ; когда таковой истощился въ двухъ названныхъ селеніяхъ, то отправлялись команды для сбора его въ другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ аулахъ, также раззоренныхъ самими жителями.

Пребываніе наше въ Анди продлилось отъ 14-го Іюня до 6-го Іюля. Причиною такой продолжительной стоянки была необходимость прочнаго установленія коммуникаціонной линіи съ главнымъ базисомъ, который былъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и затѣмъ въ Кирки. Изъ этихъ мѣстъ отрядъ снабжался провіантомъ и артиллерійскими снарядами; по этому же пути отправлялись курьеры и содержалось сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Въ виду предстоявшаго движенія впередъ, къ Дарго, признано было нужнымъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ имѣть небольшія полевыя укрѣпленія, какъ опорные пункты для командъ, конвоирующихъ транспорты. Такихъ укрѣпленій было устроено: одно вблизи нашей лагерной стоянки, другое за Андійскими воротами въ Гумбертѣ и, если память мнѣ не измѣняетъ, еще третье въ Мичикале. Необходимость прочнаго охраненія коммуникаціонной линіи наглядно выказалась, когда, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Анди, начальникъ Дагестанскаго отряда, князь Бебутовъ, отправляясь подъ сильнымъ конвоемъ обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру (гдѣ онъ

долженъ былъ руководить распоряженіями по снабженію главнаго отряда всѣмъ необходимымъ) былъ, недалеко отъ Мичикале, атакованъ непріятельскою партіею, которая, пользуясь густымъ туманомъ, такъ неожиданно совершила нападеніе, что князь Бебутовъ подвергнулся личной опасности.

Въ продолженіе трехъ-недѣльнаго пребыванія въ Анди однообразность лагерной жизни была прерываема нѣкоторыми военными прогулками. Такъ 16-го и 30-го Іюня были производимы рекогносцировки по пути къ Дарго; вторая изъ нихъ довела насъ до перевала, отъ котораго начинался спускъ въ Ичкерію. Открывался отъ этого мѣста обширный, великолѣпный видъ: у ногъ нашихъ растилалась вся Ичкерія и Чечня. На первомъ планѣ виднѣлся лѣсъ, за которымъ, на небольшой полянѣ, домá аула Дарго; далѣе Ичкеринскій лѣсъ, печально памятный экспедиціею генерала Граббе, въ 1842 году, и долина Аксая; еще въ большемъ отдаленіи Качкалыковскій хребетъ, за нимъ Кумыкская плоскость, а въ лѣво оттуда взоръ доходилъ до Ханкальскаго ущелья и даже до Терека. Пока, во время двухчасоваго привала, военачальники наши были, по всей вѣроятности, заняты иными думами нежели созерцаніемъ прелестей природы, я, не посвящаемый въ стратегическія и тактическія тайны, имѣлъ полный досугъ налюбоваться столько же величественною, сколько очаровательною картиною. Другаго рода военная прогулка была совершена 20-го и 21-го Іюня съ отрядомъ въ 8 батальоновъ пѣхоты, при кавалеріи и милиціи, по направленію къ сосѣднему съ Анди обществу Чарбили. Прогулка эта имѣла цѣлью ознакомиться съ характеромъ мѣстности, до того неизвѣданной, а также очистить ближайшее наше сосѣдство отъ непріятельскихъ партій, тутъ появлявшихся. Прогулка началась съ небольшаго авангарднаго кавалерійскаго дѣла. Авангардъ, состоявшій преимущественно изъ казаковъ, подъ начальствомъ давно извѣстнаго на Кавказѣ генерала Безобразова, встрѣтилъ, при подъемѣ на гору, небольшую непріятельскую партію, которая, завязавъ довольно безвредную перестрѣлку, очень скоро обратилась въ бѣгство и, слабо преслѣдуемая, исчезла изъ глазъ. Послѣ этого эпизода шествіе наше, по весьма живописной мѣстности, никѣмъ не было тревожимо; къ вечеру 20 числа, мы дошли до небольшаго озера: явленіе рѣдкое въ бѣдномъ озерами Дагестанѣ. Тутъ ночь была проведена на бивуакѣ, а на слѣдующій день отрядъ возвратился въ Анди, по тому спуску, который князь Барятинскій атаковалъ 14-го Іюня; на хребтѣ лежало еще много камней, подготовленныхъ тутъ непріятелемъ, для метанія въ наши войска.

Не смотря на совершенное отсутствіе въ окрестностяхъ расположенія нашего лагеря какого нибудь непріятельскаго отряда, мелкія воровскія шайки не оставляли насъ въ полномъ покоѣ; такъ 23 Іюня передъ разсвѣтомъ 30 лошадей изъ отряднаго табуна были угнаны такою смѣлою шайкою. Но въ ночь съ 5-го на 6-е Іюля было совершено единичное воровство, которое, по дерзости своей, выходило изъ ряда обыкновенныхъ. Какой-то Чеченецъ явился въ нашъ лагерь, выдавая себя за перебѣщика и предлагая свои услуги въ качествѣ лазутчика; онъ такъ ловко и удачно разъигралъ свою роль и такое внушилъ къ себѣ довѣріе, что былъ помѣщенъ при конвоѣ главнокомандующаго. Передъ разсвѣтомъ 6-го Іюля, т. е. дня нашего выступленія въ Дарго, пользуясь тѣмъ, что около коновязи, гдѣ стояли собственныя лошади главнокомандующаго, вся прислуга спала, Чеченецъ отвязалъ заранѣе высмотрѣнную имъ, лучшую лошадь графа Воронцова и на ней успѣшно ускакалъ, конечно для того, чтобы дать знать Шамилю о выступленіи нашемъ; его смѣлости мы безъ сомнѣнія были обязаны тѣмъ, что застали непріятеля въ полной готовности для встрѣчи отряда на пути въ Дарго. Любопытно и то, что лошадь эта, по прозвищу „Мальчикъ", черезъ нѣсколько лѣтъ возвратилась къ первому своему владѣльцу: она была выкуплена у одного изъ наибовъ Шамилевскихъ, который ее пріобрѣлъ отъ ловкаго вора.

Къ 5-му Іюля полевыя укрѣпленія въ Анди и Гумбетѣ были возведены. Въ каждомъ изъ нихъ было, сколько мнѣ помнится, оставлено по одной ротѣ; начальникомъ въ Андійскомъ укрѣпленіи былъ назначенъ храбрый и распорядительный полковникъ Бельгардъ; ему поручено направленіе транспортовъ, которые имѣли прибывать, для снабженія отряда въ Дарго, гдѣ тогда предполагалось пробыть нѣкоторое время.

Судьба однако рѣшила иначе.

6-го Іюля, въ 5 часовъ утра, дѣйствующій отрядъ выступилъ изъ Анди; около 9 часовъ онъ достигъ перевала, до котораго доходила рекогносцировка, произведенная 30-го Іюня. Отсюда начинался спускъ къ Дарго. Въ разстояніи не болѣе, примѣрно, полуверсты, на первомъ уступѣ начинался лѣсъ, окаймлявшій съ обѣихъ сторонъ довольно узкій горный отрогъ; за нимъ, ниже, виднѣлась поляна на берегу рѣки Аксая; далѣе въ аулѣ Дарго горѣли домá. Послѣ небольшаго привала двинулся авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго; состоялъ онъ изъ войскъ 5-го корпуса, имѣя во главѣ батальонъ Литовскаго полка; за авангардомъ слѣдовала главная колонна, подъ командою генерала Клуге-фонъ-

Клугенау; арріергардомъ начальствовалъ испытанный въ Кавказскихъ бояхъ генералъ Лабинцовъ. По бокамъ главной колонны, имѣя назначеніемъ содержать связь между авангардомъ и арріергардомъ, шли цѣпи правая и лѣвая; первую велъ командиръ Кабардинскаго полка, полковникъ Козловскій, вторую командиръ Куринскаго полка, баронъ Меллеръ-Закомельскій. До того молчаливый лѣсъ скоро огласился ружейными выстрѣлами и криками „ура" наступавшаго авангарда. Вскорѣ двинулась и главная колонна, прикрывая артиллерію и обозъ; во главѣ ея слѣдовалъ главнокомандующій во своимъ штабомъ и свитою. Подъѣзжая къ лѣсу, мы уже встрѣтили выходящихъ и выносимыхъ легко и тяжело раненыхъ; въ числѣ первыхъ былъ адъютантъ главнокомандующаго, князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, раненый въ ногу; ѣхалъ онъ верхомъ. Дорога въ лѣсу оказалась крайне узкая, не шире нѣсколькихъ саженей; по обѣ стороны крутые обрывы, заросшіе лѣсомъ. Скоро пришлось убѣдиться, что связь между авангардомъ и цѣпями была прервана и что первый, выбивая непріятеля изъ устроенныхъ поперекъ дороги, одинъ за другимъ, заваловъ, увлекся впередъ, не соразмѣряя своего шага съ движеніемъ колонны. Нагляднымъ тому доказательствомъ послужило то, что, дошедши до узкаго перешейка черезъ перерѣзывавшій дорогу оврагъ, мы нашли, что онъ защищенъ заваломъ, занятымъ непріятелемъ; пропустивъ авангардъ, онъ въ тылу его опять возвратился къ чрезвычайно выгодному для обороны мѣсту. Приходилось вторично вытѣснять его; онъ же, пользуясь густотою лѣса по обѣ стороны дороги, скрывался въ немъ и выпускалъ градъ пуль на подходившихъ; голова колонны должна была остановиться, а напиравшій сзади обозъ мѣшалъ свободному движенію. Простояли мы тутъ добрый часъ, если не болѣе, пока не удалось посланной въ чащу лѣса Грузинской милиціи, подъ начальствомъ князя Ильи Дмитріевича Орбеліани, очистить ее отъ засѣвшаго въ ней непріятеля. Невольная стоянка эта не обошлась даромъ: были тутъ убиты, между прочими, генералъ-маіоръ Фокъ, шуринъ корпуснаго командира Лидерса, и полковникъ Левисонъ; тяжело ранены полковникъ Семеновъ и Мельниковъ. Самъ главнокомандующій, принцъ Гессенскій, начальникъ главнаго штаба и вся ихъ свита, во все время, находились подъ ружейными выстрѣлами.

Припоминаются мнѣ, при этомъ, два частные эпизода. Адъютантъ графа Воронцова, Глѣбовъ, замѣтивъ, что сей послѣдній подвергался опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, производившихся съ правой стороны, сталъ, какъ бы случайно, передъ нимъ такъ, чтобы собою

прикрыть своего начальника. Графъ Михаилъ Семеновичъ, со своей стороны, увидѣвъ такое намѣреніе своего адъютанта, но не желая, повидимому, дать это понять, сказалъ: „Любезный Глѣбовъ, ты мѣшаешь мнѣ смотрѣть". Нѣсколько измѣнивъ свое положеніе, храбрый Глѣбовъ продолжалъ, по возможности, становиться между выстрѣлами и своимъ начальникомъ; къ счастью, оба они остались невредимы. Другой случай былъ лично со мною. Стоялъ я неподалеку за главнокомандующимъ, держа подъ узцы свою лошадь; рядомъ со мною стоялъ Англичанинъ, по имени Джимъ, грумъ (groom) графа Воронцова, держа лошадь своего господина. Пролетали и мимо насъ пули. „Вамъ бы слѣдовало сѣсть", говоритъ мнѣ Англичанинъ: „стоя вы напрасно себя болѣе подвергаете выстрѣламъ".—„А вы зачѣмъ поэтому не садитесь?" отвѣчалъ я. „Обо мнѣ нечего заботиться", возразилъ мнѣ Джимъ. Очень меня тронули эта заботливость и это Британское хладнокровіе. Благодаря Бога, и насъ обоихъ пули миновали.

Когда завалъ былъ расчищенъ, мы двинулись впередъ. На этомъ мѣстѣ непріятель сосредоточилъ главное сопротивленіе, ибо столь упорнаго мы уже не встрѣчали; но движеніе было крайне медленное, и приходилось, въ особенности для провоза орудій и зарядныхъ ящиковъ, перерубать и скидывать въ сторону огромныя деревья, наброшенныя поперекъ дороги, дабы служить завалами. Таковыхъ на пути, не болѣе какъ двухверстномъ, по лѣсу оказалось 23; авангардъ бралъ ихъ натискомъ, но не расчищая, все летѣлъ впередъ. Была-ли это съ его стороны ошибка, или вызванная обстоятельствами необходимость, судить не берусь; во всякомъ случаѣ она послужила въ пользу непріятелю, который успѣлъ прорвать связь между авангардомъ и главною колонною и нанести сей послѣдней чувствительныя потери. Когда, около 7 часовъ вечера, мы, наконецъ, достигли небольшой поляны, гдѣ заканчивался узкій хребетъ, на которомъ мы подвигались, то застали тутъ торжествующаго взятіе приступомъ 23 заваловъ, генерала Бѣлявскаго, который съ авангардомъ уже болѣе трехъ часовъ ожидалъ насъ. Несмотря на позднее время дня, было рѣшено двинуть впередъ авангардъ для занятія аула „Дарго". Вслѣдъ за тѣмъ, въ самые уже сумерки, главнокомандующій, въ сопровожденіи принца Гессенскаго со штабомъ и свитою, отправился по тому же направленію. Спускъ отъ поляны оказался до такой степени крутой, что приходилось идти пѣшкомъ, ведя лошадей подъ уздцы; густота лѣса усиливала темноту наступавшей ночи. У подошвы спуска былъ пригорокъ, отъ котораго второй, менѣе крутой спускъ, велъ въ долину Аксая.

За главнокомандующимъ имѣла слѣдовать часть колонны съ нѣкоторыми орудіями; но, при ночной темнотѣ и крутизнѣ горы, спускъ орудій оказался на столько труднымъ, что пришлось ограничиться двумя горными орудіями, подъ прикрытьемъ одной роты, которую повелъ маіоръ Албрантъ; вся остальная колонна должна была отложить свое движеніе до разсвѣта. Но и въ ожиданіи этого небольшаго прикрытія прошло не мало времени, не менѣе $1^1/_2$ до 2 часовъ. Все это время наша группа, состоявшая изъ какихъ нибудь 200 человѣкъ, по большей части генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, сопровождавшихъ главнокомандующаго, и изъ его конвойной команды, просидѣла на пригоркѣ, отдѣленная отъ авангарда, который безостановочно подвигался къ Дарго, и отъ главныхъ силъ. Слышались, болѣе и болѣе удаляясь, ружейные выстрѣлы, которые батальнымъ огнемъ выпускали батальоны генерала Бѣлявскаго, что́ давало поводъ предполагать, что они встрѣчены непріятелемъ; между тѣмъ, окруженные со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, мы не знали, занятъ-ли онъ и не подвергнемся ли мы внезапному нападенію какой нибудь бродячей непріятельской шайки. Положеніе довольно странное! Посылали адъютантовъ въ колонну для полученія свѣдѣній и передачи приказаній; но имъ приходилось съ трудомъ карабкаться на гору и спускаться въ темнотѣ, а потому на эти сношенія уходило много времени. Наконецъ, когда было доложено, что рота съ двумя орудіями спустилась, мы тронулись и при лунномъ свѣтѣ пошли далѣе къ Дарго. На пути нашемъ, по неширокой полянѣ, окаймленной съ лѣвой стороны крутымъ ущельемъ, на днѣ котораго текла рѣка Аксай, мы не встрѣтили никакого непріятеля; но въ двухъ мѣстахъ, засѣвъ на противуположномъ берегу оврага, непріятельскія партіи угостили насъ ружейными залпами, къ счастью вполнѣ безвредными.

Около 11-ти часовъ вечера мы присоединились къ авангарду, который расположился на бивакѣ по близости селенія Дарго. Порядочно проголодавшись, мы всѣ рады были найти варившійся въ котлѣ надъ разведеннымъ огнемъ супъ, расположились около него и приступили къ удовлетворенію голода; однако не долго оставались въ покоѣ: нѣсколько непріятельскихъ пуль, пущенныхъ по направленію огня, попали въ самый котелъ. Вся остальная ночь была тревожная. Зная, что главный отрядъ остался въ лѣсу и что только немногочисленный авангардъ находится передъ нимъ, непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки на цѣпь, охранявшую бивакъ, но къ счастью всегда былъ успѣшно отбрасываемъ. Генералъ Бѣлявскій всю ночь провелъ на ногахъ. Не думаю,

чтобъ и графъ Воронцовъ много успѣлъ отдохнуть; я же, благодаря моимъ 24 годамъ и отсутствію нравственной отвѣтственности, послѣ дневныхъ тревогъ, заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что только утромъ узналъ о ночныхъ событіяхъ. Съ 4 часовъ утра стали подходить передовыя части главной колонны, а къ 9 часамъ весь отрядъ былъ въ сборѣ въ Дарго. Лагерь былъ разбитъ на небольшой возвышенности вправо отъ аула.

И такъ главная цѣль, указанная столичными кабинетными стратегами повидимому была достигнута: мнимая столица Шамиля была занята. Но послѣ опыта вчерашняго дня невольно у многихъ надвигался вопросъ: „а затѣмъ что̀ будетъ?“ Шамиль не замедлилъ выразить, насколько занятіе его столицы потрясло его духъ: только что лагерь былъ разбитъ, какъ вслѣдъ одно за другимъ непріятельскія ядра стали въ немъ ложиться и заставили измѣнить его расположеніе, т. е. отодвинуть его внѣ выстрѣловъ. Ядра эти были пущены изъ орудій скрытно поставленныхъ на возвышенности, на лѣвомъ берегу Аксая, господствовавшей надъ долиною, въ которой былъ расположенъ Дарго. Признано было необходимымъ, не медля, согнать непріятеля съ этой позиціи, и того же 7-го Іюля была направлена туда колонна изъ семи батальоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ генерала Лабинцова. Колонна переправилась черезъ Аксай, поднялась на гору безъ сопротивленія и не застала на горѣ непріятельскихъ орудій, заблаговременно увезенныхъ; но когда войска наши начали свое обратное движеніе, непріятель ожесточенно сталъ насѣдать и неоднократно вступалъ въ рукопашный бой. Потеря при отступленіи была чувствительная, до 200 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ первыхъ храбрый полковникъ Апшеронскаго полка, Познанскій; вторыхъ, т.-е. тяжело раненныхъ, полковникъ Корниловъ. Не успѣла наша колонна возвратиться въ лагерь, какъ и Шамилевскія орудія заняли свое прежнее мѣсто и возобновили стрѣльбу. Трудно и вѣроятно невозможно было сбить ихъ нашею артилеріею; сдѣланныя попытки не имѣли успѣха, по причинѣ, конечно, слишкомъ невыгоднаго положенія нашихъ орудій. Еслибы присутствіе Шамиля со сборищемъ и даже съ артилеріею на господствующей надъ нашимъ лагеремъ позиціи былъ единственный предметъ, вызывавшій заботливость начальства нашего, то съ нимъ вѣроятно довольно скоро бы примирились; ибо оно, въ сущности, было безвредное; гораздо, безъ сомнѣнія, болѣе озабочивалъ вопросъ о возможности продовольствовать отрядъ, въ случаѣ нѣсколько продолжительнаго пребыванія въ Дарго. Путь, пройденный наканунѣ, былъ единственный, по которому могли подходить тран-

спорты; между тѣмъ онъ представилъ столько трудностей и причинилъ столько потерь, что служить надежною коммуникаціонною линіею онъ очевидно не могъ. Опытъ, вскорѣ по необходимости сдѣланный, слишкомъ наглядно долженъ былъ въ этомъ убѣдить.

8-го и 9-го Іюля были проведены безъ особыхъ приключеній; въ первый изъ этихъ дней отслужена панихида по всѣмъ павшимъ въ дѣлахъ 6-го и 7-го числа воинамъ. Въ оба дня войска занимались изготовленіемъ рогатокъ, предназначавшихся, какъ объясняли, для предполагавшагося къ постройкѣ форта. Нѣсколько сомнѣваюсь въ существованіи дѣйствительнаго намѣренія основать тутъ укрѣпленіе, и полагаю, что работа эта имѣла цѣлью вводить непріятеля въ заблужденіе относительно дальнѣйшихъ нашихъ намѣреній, а быть можетъ и занимать нижнихъ чиновъ ручнымъ трудомъ, отвлекающимъ отъ праздныхъ думъ.

Пока начальство озабочивалось событіями послѣднихъ дней, а солдаты строили рогатки, мы, праздные чины отряда, развлекались осмотромъ достопримѣчательностей завоеванной столицы. Къ сожалѣнію, лучшіе ея памятники, домъ имама, мечеть, арсеналъ и пороховой магазинъ, представляли однѣ погорѣвшія развалины. Сохранилась, печальной памяти для бывшихъ въ плѣну Русскихъ офицеровъ, тюрьма, извѣстная подъ именемъ „Ямы". Была она вполнѣ достойна этого названія, представляя изъ себя темный подвалъ, подъ караульнымъ домомъ, безъ свѣта и какой-либо вентиляціи, сообщавшійся съ наружнымъ міромъ лишь посредствомъ отверстія въ полу караульни, снабженнаго дверью. Въ этомъ душномъ и смрадномъ помѣщеніи запирались на ночь, а иногда и днемъ, наши плѣнные офицеры, переносили всякія страданія и нуждались во всемъ. Наглядное описаніе такихъ печальныхъ дней могъ намъ, тутъ же на мѣстѣ, дать испытавшій лично ихъ тягость, князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани: онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ плѣну у Шамиля, изъ котораго, сколько помнится, спасся удачнымъ бѣгствомъ. Сохранилась еще почти въ цѣлости такъ называвшаяся въ Дарго „Русская Слобода"; въ ней проживало около 200 человѣкъ Русскихъ дезертировъ; они завѣдывали артилеріею, подъ командою какого-то „Никитина", также дезертира, который былъ Шамилевскимъ фельдцейхмейстеромъ. Пользовалась эта команда особеннымъ довѣріемъ Шамиля: онъ могъ разсчитывать на вѣрность людей, которые, покинувъ путь долга, не могли на него возвратиться изъ опасенія понести заслуженное наказаніе; хорошее же съ дезертирами обращеніе поощряло дезертирство. Дома въ Русской слободѣ были выстроены на Русскій образецъ

были при нихъ огороды и фруктовыя деревья, а также мастерскія. Мѣстность, на которой находился аулъ Дарго, была весьма живописная; неширокая равнина между двухъ рядовъ лѣсистыхъ горъ была занята отчасти полями съ кукурузою, отчасти ауломъ съ садами; были кое-гдѣ и цвѣтники.

9-го Іюля шелъ цѣлый день дождь; онъ имѣлъ весьма прискорбныя послѣдствія для двухъ послѣдующихъ дней.

10-го Іюля, въ часъ пополудни, послышался сигнальный пушечный выстрѣлъ, съ перевала, по дорогѣ въ Анди. Это былъ условленный знакъ для извѣщенія, что прибылъ туда транспортъ съ провіантомъ для нашего отряда; нужно было отправить туда колонну для принятія онаго. Опытъ 6-го Іюля указывалъ на необходимость назначить колонну въ сильномъ составѣ; вошла въ оный чуть ли не половина наличнаго отряда. Главное начальство надъ колонною было возложено на генерала Клуге-фонъ-Клугенау, авангардомъ командовалъ генералъ Пассекъ, арьергардомъ генералъ Викторовъ; сей послѣдній, очень почтенная личность, былъ начальникомъ жандармскаго управленія въ Тифлисѣ и участвовалъ въ походѣ изъ одной любви къ искусству. Адъютантъ главнокомандующаго, графъ Галатери, отправлялся курьеромъ къ Государю Императору съ донесеніемъ о занятіи Дарго. По распоряженію генерала Лидерса (который и въ бытность главнокомандующаго при отрядѣ сохранялъ главное надъ нимъ начальствованіе) съ этою колонною, кромѣ всѣхъ наличныхъ вьючныхъ лошадей и катеровъ, долженствовавшихъ поднять провіантъ и снаряды, слѣдовалъ на двухъ катерахъ гробъ покойнаго генерала Фока, для дальнѣйшаго затѣмъ его отправленія въ Россію. Думаю, что графъ Воронцовъ не возразилъ противъ такого распоряженія начальника отряда изъ одного лишь уваженія къ родственному чувству, его вызвавшему; но увѣренъ, что онъ впослѣдствіи очень сожалѣлъ, что не воспротивился отправленію гроба съ покойникомъ: независимо неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое присутствіе гроба могло производить на солдатъ, цѣль генерала Лидерса не была достигнута, и у гроба этого легло еще нѣсколько жертвъ. Гробъ былъ прикрѣпленъ къ двумъ катерамъ, одному спереди, другому сзади; когда въ лѣсу эти два катера были отбиты непріятелемъ, они, упавши, составили искусственный завалъ, у котораго было убито нѣсколько человѣкъ, а тѣло генерала Фока пришлось бросить на поруганіе.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и, должно сознаться, съ трепетнымъ сердцемъ, слѣдили мы за слышавшимися изъ знакомаго лѣса, учащенными выстрѣлами; испытавъ всѣ трудности этой мѣстности, очевидно увеличившіяся

отъ грязной дороги, мы всѣ были не безъ серьёзныхъ опасеній за участь колонны. Опасенія эти, на слѣдующее утро, къ сожалѣнію, оправдались. Явился къ главнокомандующему молодецъ унтеръ-офицеръ Кабардинскаго полка, въ сопровожденіи одного товарища, и принесъ записку отъ генерала Клугенау. Храбрецы эти, вызвались добровольно на такой подвигъ, вооруженные одними штыками, пробрались они ночью черезъ занятый непріятелемъ лѣсъ и, съ Божью помощью, благополучно дошли до лагеря. Очень сожалѣю, что не сохранились у меня имена этихъ молодцовъ; главнокомандующій хотѣлъ унтеръ-офицера тутъ же произвести въ прапорщики, но Кабардинецъ предпочелъ Георгіевскій крестъ. Изъ очень краткой записки генерала Клугенау и изъ разсказа его посланца выяснилось, что колонна съ чрезвычайнымъ трудомъ дошла, къ 10 часамъ вечера, до перевала, выдержавъ въ лѣсу сильный бой, причемъ убитъ генералъ Викторовъ, и пришлось бросить два горныхъ орудія, которыя завязли въ грязи, а лошади были убиты. Въ 12 часовъ дня генералъ Клугенау предполагалъ выступить обратно съ транспортомъ. На обратномъ этомъ пути ожидали его еще бо́льшія трудности; непріятель, для котораго важнѣе было, чтобы колонна не возвратилась въ лагерь, нежели препятствовать ей дойти до перевала, сосредоточилъ всѣ свои усилія, дабы достигнуть этой цѣли. Положеніе же самой колонны было въ этотъ день гораздо труднѣе, нежели наканунѣ: ослабленная въ числительности отъ потерь, понесенныхъ убитыми и ранеными, она, независимо отъ вереницы навьюченныхъ провіантомъ и снарядами лошедей и катеровъ, должна была гнать цѣлое стадо рогатаго скота, предназначенное на мясную порцію для отряда; приходилось такъ растягиваться на узкой размытой дождемъ дорогѣ, что недоставало войскъ для прикрытія обоза на всемъ его протяженіи; присоединились къ этому встрѣчавшіеся на каждомъ шагу возобновленные завалы, изъ-за которыхъ, скрытый лѣсною чащею, непріятель наупоръ могъ выбирать свои жертвы.

11-го Іюля авангардомъ опять командовалъ генералъ Пассекъ. Велъ онъ свои войска съ особенною, едва ли вполнѣ оправдываемою, стремительностью; идя впереди и воодушевляя солдатъ своимъ примѣромъ, онъ, при взятіи одного изъ заваловъ, палъ геройскою смертью. Рядомъ съ нимъ былъ убитъ состоявшій при немъ молодой поручикъ Кирасирскаго полка, Ольшевскій, пресимпатичный юноша, который прибылъ на Кавказъ для участвованія въ Даргинской экспедиціи. За авангардомъ слѣдовала колонна, положеніе которой съ каждымъ шагомъ дѣлалось труднѣе. Непріятель сначала направлялъ свои выстрѣлы преимущественно противъ вьючныхъ ло-

шадей и катеровъ; падали они десятками, а навьюченный на нихъ провіантъ оставался въ грязи; запружала, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогу павшая скотина. Убиты были также артилерійскія лошади отъ двухъ оставшихся горныхъ орудій. При невозможности тащить ихъ на рукахъ приходилось ихъ бросить; но не допустилъ того шедшій въ арьергардѣ Кабардинскій батальонъ, подъ начальствомъ полковника Ранжевскаго: одно изъ этихъ орудій солдаты вынесли на рукахъ, а другое заклепали. Во время этого побоища людей и животныхъ оказалъ особенное отличіе одинъ батальонъ Литовскаго полка, благодаря хладнокровію и мужеству командовавшаго имъ временно, во время экспедиціи, полковника Беклемишева *). Изъ лагеря нашего навстрѣчу возвращавшейся колонны было выслано подкрѣпленіе; одинъ батальонъ Кабардинскаго полка присоединился къ товарищамъ своимъ, бывшимъ въ арьергардѣ и встрѣтилъ ихъ на полянѣ, на которой ночевала 6-го числа главная колонна. Въ то самое время, когда оба батальона соединились, палъ отъ непріятельской пули храбрый полковникъ Ранжевскій и командованіе обоими батальонами перешло къ командиру вновь прибывшаго, маіору Тиммерману. Авангардъ и колонна уже спустились въ долину Аксая и приближались къ лагерю, когда Кабардинцы выдерживали еще послѣдній усиленный натискъ непріятеля, который неоднократно вступалъ въ рукопашный бой; но старыя Кавказскія войска и въ этотъ разъ не помрачили своей славы: они не только успѣшно отражали нападенія непріятельскія, но даже отвоевали у него часть забраннаго имъ рогатаго скота и отбитыхъ вьюковъ; вынесли они не только всѣхъ своихъ раненыхъ, но немалое число такихъ, которыхъ предшествовавшія имъ войска не подобрали. Возвратились они, передъ вечеромъ, въ лагерь, гоня передъ собою отбитый скотъ и съ пѣсенниками во главѣ.

Такъ кончилась эта двухдневная экспедиція, получившая печальнопамятное названіе „Сухарной“.

Нетрудно себѣ представить тяжелое впечатлѣніе, которое производила на всѣхъ въ лагерѣ нашемъ эта первая неудача въ походѣ, до того ознаменованномъ одними успѣхами. Генералъ Клугенау, который, во все время ожесточеннаго боя, выказывалъ обычную свою личную храбрость (хотя, судя по разсказамъ, будто бы не обладалъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которыя одни предотвращаютъ замѣшательство), былъ нравственно потря-

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, состоящій при командующемъ Кавказскимъ военнымъ округомъ, князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ.

сенъ; встрѣчались и личности, которыя не умѣли воздержаться отъ гласнаго выраженія своихъ опасеній за участь цѣлаго отряда.

Но во главѣ войскъ стоялъ человѣкъ испытанный въ бояхъ еще болѣе серьезныхъ, умѣвшій во всѣхъ случаяхъ сохранять невозмутимое наружное спокойствіе, которое, вселяя довѣріе, особенно драгоцѣнно въ трудныя минуты. Спокойствіе это не мѣшало ему оцѣнить всю важность событій двухъ предшествующихъ дней и придти къ заключенію, что, подъ вліяніемъ ихъ, существовавшія до того предположенія болѣе продолжительнаго пребыванія въ Дарго должны кореннымъ образомъ измѣниться. Сухарная экспедиція доказала невозможность правильнаго снабженія отряда необходимыми припасами; повторять неудачный опытъ было немыслимо. Между тѣмъ, наличный запасъ продовольствія могъ, даже при сокращенныхъ дачахъ, хватить не болѣе какъ на нѣсколько дней; артилерійскіе снаряды имѣлись также въ ограниченномъ количествѣ; госпитальныхъ запасовъ, при 800 приблизительно наличныхъ раненыхъ, оставалось уже такъ мало, что на заготовленіе корпіи пришлось употреблять часть палатокъ. Въ виду всего этого неудивительнымъ становится, что 12-го же Іюля было рѣшено уходить изъ Дарго, и уходить не медля, т.-е. на слѣдующій же день. Оставалось опредѣлить, какой для этого избрать путь? Ближайшій и знакомый для выхода изъ лѣсной полосы былъ обратный путь на Анди; но онъ представлялъ двоякое неудобство: онъ прямо давалъ движенію отряда видъ отступленія и, слѣдовательно, открытаго признанія неудачи не только частной, но и общей для всего похода. Кромѣ того, этотъ путь былъ крѣпко занятъ непріятелемъ, который, предполагая, что онъ будетъ избранъ, сосредоточилъ свои усилія, чтобъ увеличить средства сопротивленія на ономъ. Провезти по этой, тяжелыми для солдатъ воспоминаніями столь обильной дорогѣ, кромѣ сравнительно-многочисленной артилеріи и отряднаго обоза, нѣсколько сотъ раненыхъ, было признано неудобнымъ. Другой путь былъ путь, имѣвшій видъ наступательнаго, ведущій на Кумыкскую плоскость или въ Чечню; онъ шелъ на Герзель-аулъ, или Грозную, черезъ Маюртупъ. По собраннымъ отъ лазутчиковъ и отъ бывшихъ при отрядѣ нѣсколькихъ мирныхъ Чеченцевъ свѣдѣніямъ путь на Герзель-аулъ оказывался болѣе удобнымъ; слѣдуя по лѣвому берегу Аксая, разстояніе опредѣлялось приблизительно въ 50 верстъ.

Этотъ путь и былъ избранъ. Но дабы лучше, по возможности, обезпечить слѣдованіе отряда по пути до того неизвѣданному и по мѣстности, безъ сомнѣнія, лѣсистой и пересѣченной, было признано желательнымъ, чтобы другой отрядъ, изъ Герзель-аула, двинулся на встрѣчу на-

шему. Для этого надобно было послать соотвѣтствующія приказанія начальнику лѣваго фланга, генералу Фрейтагу; но выполненіе такого порученія представляло очевидную опасность для посланца, которому приходилось идти на крѣпость Грозную черезъ мѣстности занятыя враждебными населеніями. Нашелся Чеченецъ (имя его, къ сожалѣнію, я запамятовалъ) который взялся доставить записку, для большей осторожности, сколько помнится, писанную на Англійскомъ языкѣ; въ ней предписывалось, немедленно по полученіи, съ сподручными войсками идти въ Герзель-аулъ и оттуда подняться по долинѣ Аксая.—Независимо этого необходимо было увѣдомить полковника Бельгарда въ Анди о выступленіи главнаго отряда, дабы онъ одновременно снялся съ своей позиціи и отступалъ въ Кирки, присоединяя къ себѣ на пути гарнизоны укрѣпленныхъ постовъ, охранявшихъ коммуникаціонную линію. Нашелся и тутъ храбрецъ, который взялся доставить записку. Оба посланца благополучно исполнили свои порученія.

Въ этихъ совѣщаніяхъ и приготовленіяхъ прошелъ день 12 Іюля. Дабы скрыть отъ непріятеля предстоявшее наше движеніе, продолжалось и въ этотъ день изготовленіе рогатокъ, для имѣвшаго, будтобы, строиться укрѣпленія. Наибольшая часть вьючныхъ лошадей и катеровъ была предназначена подъ менѣе тяжело раненыхъ способныхъ ѣхать верхомъ; легко раненые должны были идти пѣшкомъ, а для тяжело раненыхъ изготовлялись носилки. Но, чтобы пріобрѣсти достаточное количество свободныхъ лошадей и катеровъ, необходимо было отказаться отъ перевозки палатокъ, и всѣ онѣ, за исключеніемъ уже обращенныхъ въ корпію, одной солдатской для главнокомандующаго и нѣкотораго числа для наиболѣе тяжело раненыхъ, были сожжены, въ ночь съ 12-го на 13-ое Іюля.

13-го Іюля, въ 6 часовъ утра, отрядъ выступилъ изъ Дарго. Приходилось, прежде всего, перейти довольно глубокій и съ крутыми берегами оврагъ, составлявшій ложе рѣки Аксая, по лѣвому берегу которой долженъ былъ идти нашъ путь; затѣмъ подняться на высоты, на которыя 7 Іюля направлялся генералъ Лабинцовъ. Имѣвшіяся свѣдѣнія, что непріятель ожидалъ насъ на пути въ Анди и на немъ сосредоточилъ всѣ свои силы, вполнѣ подтвердились; переходъ черезъ Аксай и подъемъ на гору совершились безъ затрудненія и почти безъ выстрѣла; равнымъ образомъ былъ затѣмъ перейденъ довольно глубокій оврагъ, встрѣтившійся на дальнѣйшемъ пути.

Когда непріятель замѣтилъ направленіе, которое приняло наше движеніе, онъ сталъ поспѣшно возвращаться на прежнюю свою позицію, которую мы уже оставили за собою, и подвезъ нѣсколько орудій, изъ которыхъ сталъ насъ обстрѣливать, но безвредно. Одинъ только нашъ аррьергардъ, состоявшій, изъ двухъ батальоновъ Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ генерала Лабинцова, вступалъ въ дѣло съ непріятелемъ, блистательно совершая отступленіе какъ бы на учебномъ полѣ, не смотря на упорныя нападенія, которымъ онъ подвергался. На пути нашемъ встрѣчались отдѣльные хутора, которые предавались пламени; дома въ нихъ были большею частью похожи на Русскія избы, вѣроятно выстроенныя нашими дезертирами. Отрядъ ночевалъ близъ аула Цонтери, пройдя примѣрно 8 верстъ.

14-го Іюля былъ тяжелый день. Въ Цонтери расходились двѣ дороги: одна, по долинѣ Аксая, вела въ Герзель-аулъ, другая направлялась на Маюртупъ и Большую Чечню. Непріятель не могъ знать, по которой изъ двухъ дорогъ мы направимся; вѣроятно благодаря этому выступленіе наше, въ 6 часовъ утра, совершилось довольно спокойно. Порядокъ движенія отряда установился слѣдующій: авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бѣлявскаго, состоялъ изъ двухъ батальоновъ, одного Люблинскаго, другаго Апшеронскаго полка; этимъ послѣднимъ, на время экспедиціи, командовалъ полковникъ, графъ Стейнбокъ; но командованіе его въ это самое утро прекратилось, ибо онъ былъ раненъ пулею въ колѣно, на столько тяжело, что пришлось произвести ампутацію. Правая цѣпь была сформирована изъ двухъ батальоновъ Навагинскаго полка, подъ командою полковаго командира, полковника Бибикова; лѣвую цѣпь содержалъ батальонъ Куринскаго полка при полковомъ своемъ командирѣ баронѣ Меллерѣ-Закомельскомъ. Аррьергардъ, какъ выше было указано, составляли два Кабардинскіе батальона; непосредственное начальствованіе надъ ними подъ руководствомъ генерала Лабинцова, принадлежало полковому командиру, полковнику Козловскому. Остальныя войска составляли колонну подъ начальствомъ генерала Клугенау. Отрядный начальникъ, генералъ Лидерсъ, и главнокомандующій съ ихъ штабами и свитою шли во главѣ колонны. Нетрудно себѣ представить, какое протяженіе должна была на узкой арбяной дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ окаймленной лѣсомъ, преимущественно кустарнымъ, занимать колонна, въ составъ которой входили болѣе 800 раненыхъ, частью на носилкахъ, частью верхомъ, или пѣшкомъ, отрядная артилерія съ зарядными ящиками и сохранившійся еще обозъ. Развернуться было невозможно и, растянутая длинною вереницею, колонна не

могла быть достаточно прикрываема имѣвшимися для охраненія ея войсками.

Пройдя нѣсколько верстъ, по мѣстности сравнительно открытой, и не будучи въ это время серьезно тревожимы непріятелемъ, мы дошли до глубокаго оврага, составлявшаго ложе рѣчки, притока Аксая. На противуположномъ берегу возвышалась крутая гора, большею частью покрытая лѣсомъ; на вершинѣ этой горы, отъ лѣса свободной, виднѣлись непріятельскіе завалы. Въ право отъ насъ была другая возвышенность, тоже укрѣпленная завалами; между этими двумя лѣсистыми отрогами была поляна. Прежде нежели перевести колонну на ту сторону оврага, было признано необходимымъ сбить непріятеля съ его заваловъ. Для выполненія этого были направлены: на лѣвые завалы Куринскій батальонъ подъ начальствомъ графа Бенкендорфа, на правый войска правой цѣпи. Но взятіе заваловъ съ фронта оказалось не по силамъ, и пришлось послать войска въ обходъ. Атака Куринскаго батальона производилась какъ разъ напротивъ мѣста, гдѣ мы остановились. Пока наступающіе находились подъ прикрытіемъ лѣса (тутъ строеваго), они поднимались безпрепятственно; но какъ скоро они выходили на оголенную отъ лѣса верхнюю часть горы, на нихъ сыпался изъ завала градъ пуль, и видно было, какъ падали раненые офицеры и солдаты. Нѣсколько разъ храбрые Куринцы, водимые своими офицерами, пытались пройти это открытое мѣсто и броситься на непріятельскій завалъ; но каждый разъ они принуждены были отступать, унося своихъ раненыхъ. Только когда войска подошли въ обходъ завала, онъ былъ оставленъ непріятелемъ. Приблизительно тоже самое повторилось и съ правой нашей стороны. Въ числѣ раненыхъ оказались, между прочими, полковники графъ Бенкендорфъ и Бибиковъ и, командовавшій однимъ изъ наступавшихъ съ правой стороны батальоновъ, храбрый маіоръ Албрандтъ; ему пришлось отрѣзать руку.—По очищеніи заваловъ, отрядъ перешелъ оврагъ и стянулся на полянѣ. Здѣсь, повидимому, начальство нѣкоторое время было въ неувѣренности о дальнѣйшемъ направленіи дороги, по которой приходилось слѣдовать отряду. Поляна, на которой мы находились, была съ трехъ сторонъ окружена высотами покрытыми густымъ лѣсомъ; никакой, сколько нибудь широкой дороги не было видно. Были при отрядѣ вожаки, но на сколько они заслуживали довѣрія, опредѣлить не берусь; мѣстность же, черезъ которую мы проходили, не была извѣдана, ибо сюда отряды наши никогда не проникали. Начальникъ главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Гурко, отправился на осмотръ; возвратившись, онъ подъѣхалъ къ главнокомандующему, и близко

стоявшіе слышали его мало утѣшительный докладъ: „un océan de bois“ *). Наконецъ, неизвѣстно мнѣ по чьему указанію, была избрана узкая дорога, которая вела въ лѣсъ на лѣвую отъ насъ сторону. Направился туда авангардъ, послышались вскорѣ ружейные выстрѣлы; затѣмъ, въ нѣкоторомъ уже отдаленіи, крики „ура“, послѣ которыхъ все стихло. Отправился затѣмъ генералъ Лидерсъ подъ небольшимъ прикрытіемъ пѣхоты, съ намѣреніемъ присоединиться къ авангарду. Оказалось въ послѣдствіи, что онъ въ это время не достигъ его, а былъ задержанъ заваломъ, который непріятель вторично занялъ въ тылу авангарда; пришлось генералу Лидерсу, прикрывшись бугромъ, ожидать въ такомъ положеніи прихода колонны. Сія послѣдняя двинулась, не зная, что́ ее ожидаетъ на пути; ибо посланные съ обѣихъ сторонъ, для установленія сношеній и для развѣданія, адъютанты главнокомандующаго Лонгиновъ, и генерала Лидерса графъ Бальменъ и Башиловъ были убиты на пути. Потянулась колонна по узкой дорогѣ, болѣе походившей на тропу чрезъ чащу лѣса иногда до того густую, что приходилось отодвигать нависшія сучья, и вывела насъ эта тропа на болѣе широкую дорогу, которая вѣнчала хребетъ, гдѣ былъ завалъ атакованный передъ тѣмъ Куринцами. Дорога эта вела на поляну, входъ на которую былъ защищенъ заваломъ, гдѣ еще находился непріятель. Пока вереница раненыхъ и вьюковъ пробиралась черезъ чащу, шайка непріятельская, подъ прикрытіемъ лѣса, успѣла ворваться въ колонну и проникнуть до раненыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были изрублены. Такая же участь могла постигнуть раненаго графа Бенкендорфа, котораго несли на носилкахъ, еслибы сопровождавшій его, прикомандированный къ Куринскому батальону поручикъ, баронъ Шепингъ не защитилъ его, убивъ на мѣстѣ, изъ пистолета, однаго изъ Чеченцевъ напавшихъ на беззащитнаго раненаго. Графъ Бенкендорфъ отдѣлался кинжальными ранами неопасными, а защитникъ его былъ раненъ пулею въ животъ, къ счастью неопасно. Переполохъ, произведенный этимъ нападеніемъ, былъ непродолжительный и нанесенный вредъ незначительный. Ворвавшіеся были частью убиты, частью бѣжали; но въ головѣ колонны, гдѣ были слышны шумъ и крики, причина которыхъ сначала не была извѣстна, впечатлѣніе произведенное на лицъ начальствующихъ, въ томъ числѣ и на главнокомандующаго, выразилось, въ томъ, что всѣ обнажили свои сабли или шашки, ожидая нападенія; на шедшихъ же съ обѣихъ сторонъ солдатъ чѣмъ-то весьма похожимъ на панику; но она, на этотъ

*) Океанъ лѣса.

разъ, принесла пользу. Находясь вблизи графа Воронцова, видѣлъ я пробѣгавшихъ солдатъ, которые кричали „ура", но съ выраженіемъ на лицахъ не соотвѣтствовавшимъ смѣлому возгласу. Засѣвшій еще въ завалѣ при выходѣ на поляну непріятель, услышавъ приближавшіеся крики, но къ счастью не видя довольно безпорядочной бѣготни, вообразилъ себѣ, что на него дѣлается рѣшительный натискъ, очистилъ завалъ и тѣмъ далъ возможность колоннѣ безпрепятственно выйти на поляну и, освободивъ генерала Лидерса изъ временной блокады, возстановить связь съ авангардомъ.

Послѣ короткаго привала, во время котораго весь отрядъ стянулся, мы пошли далѣе по пересѣченной, но отъ лѣса свободной мѣстности и, оставивъ въ сторонѣ аулъ Шуани (до котораго въ 1842 г. доходилъ генералъ Граббе, въ неудачную свою экспедицію), мы, подъ начавшимся дождемъ, переправились черезъ глубокій оврагъ и остановились на ночь близъ аула Гвалдари. Прошли мы въ этотъ день, примѣрно, отъ 8 до 10 верстъ.

15-го Іюля выступленіе не могло совершиться рано по той причинѣ, что, вслѣдствіе проливнаго дождя, который шелъ всю ночь, арьергардъ и часть артилеріи не успѣли съ вечера перейти черезъ глубокій оврагъ, находившійся впередъ нашей стоянки, и пришлось ожидать ихъ прибытія. Тутъ же былъ похороненъ убитый наканунѣ адъютантъ главнокомандующаго, Лонгиновъ. Особенно горестное чувство испытывалъ я, когда предавали враждебной землѣ тѣло добраго товарища дѣтства, любимаго сына родителей.—Въ этотъ день генералъ Лидерсъ, который подвергался хроническому недугу, по временамъ усиливавшемуся, былъ на столько боленъ, что, съ трудомъ сидя на лошади, не могъ исполнять обязанности начальника отряда. По этому поводу графъ Воронцовъ принялъ лично непосредственное начальствованіе. День обошелся мирно. Подвигались медленно, прошли не болѣе 4—5 верстъ по мѣстности пересѣченной, но открытой; встрѣча съ непріятелемъ ограничилась незначительною перестрѣлкою въ цѣпяхъ и въ арьергардѣ. Ночевали на бивуакахъ близъ аула Аллерой.

16-го Іюля былъ опять день трудный. Дорога наша пролегала не въ дальнемъ отъ рѣки Аксая разстояніи, по лѣсу, преимущественно орѣшнику, мѣстами густосплошному, мѣстами перерѣзанному полянами. Пришлось, между прочимъ, проходить подъ невысокимъ лѣсистымъ хребтомъ; вершина его была занята непріятельскимъ заваломъ, изъ котораго про-

ходившія войска обстрѣливались на весьма близкомъ разстояніи; оказалось необходимымъ этотъ завалъ очистить, на что потребовалось немало времени. Куринскій батальонъ, занимавшій лѣвую цѣпь, это исполнилъ. Но и впереди насъ путь оказался, въ нѣкоторыхъ удобныхъ для того мѣстахъ, загражденнымъ завалами, которые авангардъ долженъ былъ брать приступомъ, причемъ прерывалась неоднократно связь между нимъ и колонною, что́ давало поводъ непріятелю иногда прорываться. Обстоятельство это заставило, для огражденія безопасности главнокомандующаго, который ѣхалъ вслѣдъ за авангардомъ, вытребовать изъ арьергарда роту Кабардинцевъ, которая составила личную охрану графа Воронцова и лицъ непосредственно его сопровождавшихъ. Съ правой нашей стороны, въ мѣстахъ, гдѣ густота лѣса тому благопріятствовала, непріятельскія шайки нѣсколько разъ пытались ворваться въ средину колонны; но попытки эти были безуспѣшны и производили только минутный переполохъ. При большой растянутости, объусловленной узкостью дороги, въ лѣсной чащѣ, охраненіе всей линіи было весьма трудно; слышны были, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи, крики Чеченцевъ, свистъ пуль, на который наши солдаты отвѣчали на удачу батальнымъ огнемъ, вѣроятно для противника безвреднымъ, ибо онъ не былъ видѣнъ. При подобныхъ условіяхъ и при необходимости частыхъ остановокъ для очищенія дороги, движеніе отряда, въ этотъ день, было очень медленное. Прошли мы не болѣе какъ отъ 4 до 5 верстъ, и только передъ вечеромъ вышли на довольно обширную поляну при урочищѣ Шаухалъ-Берды.

Здѣсь рѣшено было остановиться въ ожиданіи извѣстій отъ ген. Фрейтага. Шаухалъ-Бердинская поляна опускалась отлого къ рѣкѣ Аксаю; болѣе близкая къ рѣкѣ часть была обнажена отъ лѣса. Тутъ расположились штабъ и часть отряда; болѣе отдаленная, возвышенная часть была осѣнена деревьями. Здѣсь, на сколь возможно удобнѣе, были помѣщены раненые, число которыхъ въ продолженіе послѣднихъ четырехъ дней почти постояннаго боя естественно увеличилось и, сколько помнится, превышало 1200 человѣкъ; вокругъ всего расположенія размѣстились разныя части войскъ. Правый берегъ Аксая, болѣе возвышенный, командовалъ всею мѣстностью, нами занятою.

Устроивъ себѣ, вмѣстѣ съ Щербининымъ, небольщой шалашъ, неподалеку отъ мѣста, гдѣ была разбита единственная у насъ солдатская палатка, въ которой помѣщался главнокомандующій, я, утромъ 17 Іюля, былъ пробужденъ отъ сладкаго сна шумомъ пролетавшаго невдалекѣ и

въ землю ударившагося ядра: оказалось, что Шамиль ночью занялъ возвышенную позицію напротивъ нашего расположенія, на правомъ берегу Аксая и, поставивъ тамъ три орудія, обстрѣливалъ нашъ лагерь. Главною цѣлью своихъ выстрѣловъ горцы избрали палатку главнокомандующаго. Къ счастью, ихъ артилеристы не оказывались искусными въ стрѣльбѣ; ибо, выпустивъ въ продолженіе дня до ста снарядовъ, они причинили потерю убитыми только двухъ рядовыхъ и нѣсколько лошадей. Сдѣланная съ нашей стороны попытка отвѣчать на непріятельскій артилерійскій огонь не имѣла успѣха, въ виду невыгодности мѣста; необходимость же сберегать, для могущихъ еще впереди встрѣтиться нуждъ, уже значительно оскудѣвшій запасъ артилерійскихъ снарядовъ, побудила отказаться отъ попытокъ сбить непріятельскую батарею. Такимъ образомъ, Шамиль сохранилъ за собою монополію пушечнаго огня; онъ, впрочемъ, ею не злоупотребилъ, ибо на второй день нашей стоянки число выстрѣловъ значительно уменьшилось. Къ счастью, та мѣстность, гдѣ были помѣщены раненые, была внѣ выстрѣловъ. Сильно убѣждали окружавшіе графа Воронцова, чтобъ онъ, не подвергая себя напрасной опасности, приказалъ перенести свою палатку въ болѣе спокойную мѣстность; но онъ на это не согласился, дабы этимъ не произвести неблагопріятнаго нравственнаго впечатлѣнія на тѣ части войска, которыя, по необходимости, должны были оставаться подъ непріятельскими выстрѣлами; ограничился онъ тѣмъ, что приказалъ, неподалеку отъ своей палатки, устроить себѣ шалашъ, въ которомъ проводилъ день.

Такъ прошли 17-е и 18-ое Іюля; развлекались мы посѣщеніемъ знакомыхъ раненыхъ и собирались въ наши артели. Къ счастью, въ эти два дня погода была ясная, только нѣсколько жаркая.

Отъ генерала Фрейтага не имѣлось свѣдѣній; неизвѣстно было, дошелъ-ли до него посланецъ, отправленный изъ Дарго. Хотя стоянка наша имѣла преимущественною цѣлью выждать извѣстій, но продлиться долго она не могла уже потому, что провіантъ, который и безъ того раздавался въ сокращенныхъ размѣрахъ, былъ на исходѣ; тоже самое относилось и до снарядовъ. Поэтому было рѣшено, во всякомъ случаѣ, на слѣдующій день двинуться, хотя нужно было предвидѣть, что переходъ черезъ прилегавшій къ нашей стоянкѣ, на пути къ Герзель-аулу, глубокій и широкій лѣсистый оврагъ не обойдется безъ серьезнаго боя и что непріятель сосредоточитъ всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать нашему переходу черезъ оный. Былъ это, какъ оказалось, послѣдній пунктъ

на пути нашемъ, на которомъ всѣ выгоды мѣстности были не въ нашу пользу.

Передъ вечеромъ, 18-го числа, на позиціи, которую занималъ Шамиль, было замѣчено необычное движеніе, ясно указывавшее на какое нибудь особенное событіе; общее вниманіе наше было возбуждено. Не прошло много времени, какъ послышались въ лагерѣ радостные крики: „наши идутъ". Всѣ взоры обратились по направленію къ Герзель-аулу, и вскорѣ освѣщенные вечернимъ солнцемъ заблистали штыки: генералъ Фрейтагъ шелъ съ отрядомъ. Подошедъ къ противуположному берегу оврага, отдѣлявшаго его отъ насъ, онъ поставилъ нѣсколько легкихъ орудій, изъ которыхъ сталъ обстрѣливать позицію Шамиля, и она вскорѣ очистилась.

Излишне было бы распространяться о радостномъ чувствѣ, которое приходъ Чеченскаго отряда произвелъ въ нашемъ лагерѣ; всѣ лица разсвѣтлѣли. Какъ ни заманчива военная слава, какъ ни упоительны геройскіе подвиги, не вѣрю я, чтобы когда-либо, кто либо, будь онъ Баярдъ, предпочиталъ опасность лишиться жизни надеждѣ ее сохранить. А потому естественно, что радость, произведенная приходомъ генерала Фрейтага, была всеобщая, отъ рядоваго до главнокомандующаго. Для сего послѣдняго она имѣла значеніе освобожденія отъ тяжелаго бремени заботы о жизни многихъ, которое онъ, въ продолженіе послѣдней недѣли, несъ съ такою необыкновенною стойкостью и наружнымъ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Бывъ безучастнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго, со времени нашего выступленія изъ Дарго, находясь постоянно вблизи главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, съ увѣренностью смѣю утверждать, что графу Воронцову отрядъ былъ обязанъ тѣмъ, что онъ выдержалъ испытаніе этихъ шести дней похода. Своею личностью, своимъ никогда не покидавшимъ его хладнокровіемъ, своимъ личнымъ примѣромъ и умѣніемъ поддержать духъ солдата, графъ Михаилъ Семеновичъ успѣлъ предотвратить гораздо бóльшія потери, а, быть можетъ, въ нѣкоторыя минуты, и погибель отряда. Достаточно бы было, въ критическіе дни 14 и 16-го Іюля, одного момента паники, иногда такъ внезапно овладѣвающей самыми лучшими войсками, тамъ гдѣ смерть настигаетъ отъ руки невидимаго врага, чтобы мы всѣ оставили свои кости въ Ичкеринскихъ трущобахъ.

19-го Іюля, утромъ, отрядъ нашъ тронулся на соединеніе съ отрядомъ генерала Фрейтага, который ожидалъ насъ на своей позиціи. Пришлось съ боя проходить отдѣлявшій обѣ позиціи глубокій, густымъ мел-

кимъ лѣсомъ наполненный оврагъ; непріятель успѣлъ занять лѣсистый хребетъ съ лѣвой нашей стороны, командовавшій надъ оврагомъ, и оттуда поддерживалъ частый ружейный огонь. Узкая дорога, извивавшаяся въ оврагѣ, производила на каждомъ шагу остановки, во время которыхъ мы подвергались непріятельскимъ выстрѣламъ; однимъ изъ нихъ былъ убитъ на носилкахъ раненый 14-го Іюля полковникъ Бибиковъ. Наконецъ, мы вышли на противуположную сторону оврага, и тутъ встрѣтили насъ храбрые Куринцы, составлявшіе авангардъ Чеченскаго отряда. Были они одѣты въ чистыя бѣлыя рубашки, рѣзко отличавшіяся отъ загрязненной одежды выходившихъ изъ шестидневнаго боя солдатъ главнаго отряда. Главнокомандующій, привѣтствуя первыхъ встрѣтившихся ему Куринцевъ, улыбаясь сказалъ имъ: „Какіе вы, братцы, чистенькіе!“ — „Вы чище насъ, ваше сіятельство“, отвѣчалъ ему Куринскій унтеръ-офицеръ. Помню, съ какою жадностью мы, на привалѣ, насладились огурцами, принесенными изъ Герзель-аула; показались они намъ рѣдкимъ лакомствомъ.

Тутъ мы распростились съ Шамилемъ и съ его горцами. Сознаюсь, что объ этой разлукѣ не сожалѣлъ я и благодарилъ Бога, что вышелъ невредимъ изъ опасностей, которыхъ никто не избѣгалъ; но до сего дня съ удовольствіемъ вспоминаю, что имѣлъ случай быть участникомъ въ этомъ знаменательномъ походѣ.

19-го Іюля мы совершили переходъ небольшой, отъ 7 до 8 верстъ, до урочища Мискитъ, а 20 го Іюля, къ 6 часамъ вечера, соединенные отряды прибыли къ крѣпости Герзель-аулъ, расположенной на лѣвомъ берегу Аксая. Ожидалъ насъ радушный и гостепріимный пріемъ коменданта крѣпости, полковника Ктитарева; заставилъ онъ молодежь скоро позабыть лишенія прошлыхъ дней.

Даргинская экспедиція была окончена. Не отвѣчала она ожиданіямъ столичной кабинетной стратегики. Одна она, предписывая этотъ походъ, могла предположить, чтобъ экспедиція, предпринятая въ Іюнѣ и въ Іюлѣ мѣсяцахъ, въ глубь Ичкеріи, могла имѣть блистательный успѣхъ, способный произвести переворотъ въ военномъ нашемъ положеніи на Кавказѣ, или чтобы разореніе аула Дарго, мнимой столицы Шамиля, могло потрясти его значеніе въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Вступая въ командованіе Кавказскими войсками, графъ Воронцовъ не могъ уклониться отъ выполненія задачи, которая была предначертана ему напередъ, и на которую возлагались

неосуществимыя надежды. Но если, въ общемъ итогѣ, нужно признать Даргинскую экспедицію неудавшеюся и вынужденный „сухарною экспедиціею“ скорый уходъ изъ Дарго потеряннымъ сраженіемъ: то съ другой стороны крайне прискорбно и досадно, въ отзывахъ объ этой экспедиціи, встрѣчать даваемое ей названіе: „*злосчастной*“. Не всякое вынужденное отступленіе заслуживаетъ такое наименованіе; доказалъ это, уже въ древности, Ксенофонтъ.

Бывъ лично свидѣтелемъ тѣхъ трудностей, которыми, въ глухой дотолѣ неизвѣданной мѣстности, сопровождалось шестидневное движеніе отряда, до соединенія съ генераломъ Фрейтагомъ, тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, при которыхъ и спокойствіе духа военачальника, и стойкость солдатъ подвергались тяжелому испытанію, я, хотя и непризванный судья въ дѣлѣ военномъ, остаюсь убѣжденнымъ, что движеніе изъ Дарго въ Герзель-аулъ, при сбереженіи 1200 раненыхъ и неоставленіи въ рукахъ непріятеля ни одного даже малозначущаго трофея—это подвигъ достойный и Бородинскаго ветерана, и славной въ бояхъ Кавказской арміи.

Баронъ Николаи.

Тифлисъ,
Мартъ 1890 г.

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ.

Москва, 9-го Февраля 1829 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я былъ оклеветанъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Съ высоты престола отъ имени Вашего пали на меня укоризны оскорбительныя для моей чести. Я не заслужилъ оныхъ. Мнѣ можно было равнодушно сносить часто неосновательныя обвиненія, устремленныя на меня недоброжелателями, потому что въ ихъ несправедливости видѣлъ я одну слабость предубѣжденія; но язвы нанесенныя чести и сердцу моему Августѣйшимъ именемъ Вашимъ слишкомъ глубоко въ нихъ врѣзались: державная власть выше предубѣжденій и лицепріятій. Нынѣ смѣло взываю къ правосудію и безстрастному могуществу моего Государя. Умоляю его обратить свое Всемилостивѣйшее вниманіе на письмо мое къ Московскому военному генералъ-губернатору князю Голицыну и на записку мою, о себѣ составленную. Сознаюсь въ томъ, въ чемъ могу казаться виновнымъ, но съ всеподданнической покорностью и съ безбоязненною откровенностью смѣло противорѣчу выраженіямъ обо мнѣ употребленнымъ въ отношеніи графа Толстаго и говорю, что честь моя и совѣсть вопіютъ противъ обвиненій меня поразившихъ.

Съ довѣренностію повергая къ стопамъ Вашего Величества жизнь мою и спокойствіе всего моего семейства, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный князь Петръ Вяземскій.

(Сообщено съ подлинника Н. К. Шильдеромъ. Упоминаемая въ письмѣ записка, уже напечатана во второмъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго“ изд. графа С. Д. Шереметева, подъ заглавіемъ „Моя Исповѣдь“). П. Б.

НОВЫЯ ПОКАЗАНІЯ О ВОЦАРЕНІИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Во второй Апрѣльской книжкѣ «Revue des deux mondes» 1890 года помѣщена статья *графа Фицтума*: Catherine II d'après les mémoires inédits (Екатерина II-я по неизданнымъ запискамъ).

Еще Гизо сказалъ, что къ мертвымъ надо относиться съ полной справедливостью (on ne doit aux morts que la stricte vérité); но соблюдать эту справедливость трудно по отношенію къ великимъ историческимъ дѣятелямъ. Они всегда имѣютъ и будутъ имѣть и горячихъ поклонниковъ, и ожесточенныхъ ненавистниковъ: всякому хочется, чтобы великій человѣкъ приходился на его ладъ, и всегда находятся охотники покадить мертвецу, «чтобы другихъ задѣть кадиломъ». Такъ память Екатерины Великой преслѣдовалась и сыномъ, и вторымъ изъ царственныхъ внуковъ ея. Самое имя ея было почти запретнымъ; изъ печатныхъ сборниковъ выдирались неугодныя узаконенія ея. Нѣкоторыя почтенныя лица удивлялись моей дерзости, когда, въ сборникѣ «Осмнадцатый Вѣкъ», я перепечаталъ большой манифестъ о восшествіи ея на престолъ. Покойный графъ С. Г. Строгановъ нерѣдко разсказывалъ, какъ Николай Павловичъ спрашивалъ его въ 1829 году о томъ, что̀ говорятъ въ Москвѣ по поводу Адріанопольскаго мира и на отвѣтъ его, что въ Москвѣ еще живы старики, помнящіе Екатерину и питавшіе надежду на занятіе Царяграда, быстро выпрямился и произнесъ: Je suis heureux que je n'ai de commun avec elle que mon profile (я счастливъ, что у меня общаго съ ней только профиль лица). Поэтому не мудрено, что цѣлое поколѣніе Русскихъ людей почти вовсе не знало про лучшее время новой Русской исторіи и оцѣнивало великую государыню только съ ея слабыхъ сторонъ, почерпая обильныя о томъ свѣдѣнія въ заграничныхъ книгахъ.

Историческія истины выясняются медленно. Лишь съ прошлаго царствованія началось у насъ настоящее знакомство съ этою «избран-

ницей» Русскаго народа, и въ наши дни даже и въ чужихъ краяхъ раздаются сочувственные Екатеринѣ отзывы, къ числу которыхъ принадлежитъ и статья графа Фицтума. Она не показываетъ въ сочинителѣ близкаго знанія Русской исторіи, но важна потому, что въ ней приведены выдержки изъ записокъ какой-то графини, имя которой не названо. Это должна быть графиня Варвара Николаевна Головина, ур. княжна Голицына, племянница стараго холостяка, нѣкогда всевластнаго любимца императрицы Елисаветы Петровны, а при Екатеринѣ оберъ-камергера И. И. Шувалова, жившая у него въ домѣ на Невскомъ. По своему положенію она могла знать многое. Многосторонне образованная и живая, она конечно разузнавала о судьбѣ Петра III-го. Она разсказываетъ, что рѣшено было отправить Петра Өедоровича въ любимую его Голштинію вмѣстѣ съ его Голштинскими солдатами, что для этого переѣзда приготовлялись въ Кронштадтѣ морскія суда, и что въ Ропшѣ онъ долженъ былъ только переночевать наканунѣ своего отъѣзда изъ Россіи. Далѣе приводится разсказъ графа Никиты Ивановича Панина.

«Его свидѣтельство, замѣчаетъ графиня, тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, что, какъ извѣстно, онъ не былъ лично расположенъ къ Императрицѣ. Воспитывая Павла, онъ надѣялся, подъ регентствомъ женщины, держать въ своихъ рукахъ бразды правленія, и обманулся въ своихъ разсчетахъ. Екатерина сразу захватила власть и обнаружила такую силу воли, что положила предѣлъ честолюбивымъ замысламъ Панина. Онъ не прощалъ ей этого во всю свою жизнь [1]). Однажды вечеромъ, окруженный родными и друзьями, разсказывалъ онъ намъ много любопытныхъ случаевъ и незамѣтно коснулся кончины Петра III-го.

«Я былъ у Государыни въ кабинетѣ, когда князь Орловъ пришелъ сказать ей, что все *кончено*. Она стояла посреди комнаты. Слово *кончено* поразило ее. *Онъ уѣхалъ?* быстро спросила она, и когда узнала горестную истину, съ ней сдѣлался обморокъ. Опасались, что она не вынесетъ страшныхъ судорогъ. Очнувшись, она плакала горько. «Я опозорена!» повторяла она. «Потомство никогда не проститъ мнѣ этого невольнаго преступленія" [2]).

---

*) † Мартъ 1783. Графиня Головина род. 1766, ум. 1820.

*) Ma gloire est perdue! Jamais la postérité ne me pardonnera ce crime involontaire.

Разсказу графа Панина вполнѣ соотвѣтствуетъ письмо графа А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о событіи 6 Іюля 1762 года, напечатанное въ XXI-й книгѣ «Архива Князя Воронцова».

Припомнимъ свидѣтельство Фридриха Великаго, который еще больше нежели графъ Панинъ имѣлъ причинъ питать нерасположеніе къ Екатеринѣ, сумѣвшей освободиться отъ его вліянія. Въ разговорѣ съ молодымъ графомъ Сегюромъ, отправлявшимся на посольство въ Петербургъ, онъ утвердительно говоритъ о непричастности Екатерины къ гибели Петра III-го. Это вѣское свидѣтельство находится въ печатныхъ запискахъ графа Сегюра.

Любопытно бы знать, писалъ ли о томъ графъ Сегюръ королю своему; а Людовика XVI-го занимали обстоятельства восшествія Екатерины на престолъ: въ его рукахъ была рукопись Рюльера, на которую онъ написалъ свои замѣчанія («Архивъ Князя Воронцова», кн. XI). П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ.

1.

Старуха Загряжская говорила Великому Князю Михаилу Павловичу: „Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо, какъ угорѣлая и въ попыхахъ; а мнѣ нужно сдѣлать Господу Богу три вопроса: кто были Лжедмитріи, кто Желѣзная Маска, и Шевалье д'Еонъ мужчина или женщина? Говорятъ также, что Людовикъ XVII увезенъ изъ Тампля и остался живъ; мнѣ и объ этомъ надо спросить.

— Такъ вы увѣрены, что будете на небѣ? замѣтилъ Великій Князь.

Старуха обидѣлась и съ рѣзкостью отвѣчала: А вы думаете, я родилась на то, чтобы торчать въ прихожей Чистилища (pour faire l'antichambre au Purgatoire)?

Она еще старой закваски: большая Волтерьянка, хотя и бываетъ въ церкви.

2.

Провела у меня вечеръ старая фрейлина Маріи Ѳеодоровны Кочетова, и мы говорили про старину. Л., вспоминая, какъ хоронили Императрицу Екатерину, сказалъ Кочетовой: „На лицѣ у сына замѣтно было больше гнѣва, нежели печали. Онъ на всѣхъ глядѣлъ свысока. Императрица Марія Ѳеодоровна искренно плакала, и всѣ мы также. Какая это была добрая женщина Екатерина! Вы знаете только про ея умъ, да про ея слабости; а мы знали ея сердце“. Марія Ѳеодоровна отзывалась Кочетовой въ этомъ же родѣ.

3.

Государь сказалъ Пушкину: „Мнѣ бы хотѣлось, чтобы король Нидерландскій отдалъ мнѣ домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ“.—„Въ такомъ случаѣ, подхватилъ Пушкинъ, попрошусь у Вашего Величества туда въ

дворники“. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Я согласенъ, а покамѣстъ назначаю тебя историкомъ Петра Великаго и даю позволеніе работать въ тайныхъ архивахъ“.

4.

Вчера была я въ Смольномъ у старухи Нелидовой. Она умна и весьма разсудительна. Говоря объ императорѣ Павлѣ, она сказала мнѣ, что онъ положительно былъ боленъ, что вспышки гнѣва у него бывали страшныя, но продолжались очень недолго, и что стоило только не смущаться, чтобы онъ успокоился. „Я именно такъ и поступала, не терялась, глядѣла ему прямо въ глаза, и онъ начиналъ извиняться“. У нея есть записочки Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ такомъ родѣ: „Милая Нелидова! Побывайте у меня. Вѣтрено, Государь тревожится, и вы мнѣ нужны“. Это, когда Нелидова жила на покоѣ въ Смольномъ.

5.

Камерфрау Шотландка Марія Кеннеди (я еще застала ее во дворцѣ) сказывала Кочетовой, что ей приходилось въ Михайловскомъ замкѣ запираться по ночамъ съ Императрицей и спать у нея, потому что Павелъ Петровичъ взялъ привычку, когда у него бывала безсонница, будить свою супругу невзначай, отчего у нея дѣлалось біеніе сердца. Она должна была выслушивать, какъ онъ читалъ ей монологи изъ Расина или Волтера. Бѣдная Императрица засыпала, а онъ начиналъ гнѣваться. Наконецъ, Кеннеди рѣшилась не пускать его, и когда онъ стучался въ двери, она ему кричала: „Нельзя, мы спимъ“. Павелъ отвѣчалъ изъ-за дверей: „Такъ вы красавицы въ спящемъ лѣсу“, шелъ дальше, стучался въ двери камерфрау, у которой на рукахъ хранились бриліанты, и кричалъ ей: „Бриліанты украдены!“ или „Во дворцѣ пожаръ!“ Потомъ и эта камерфрау перестала ему отпирать, и онъ сталъ ходить къ часовымъ и разговаривать съ ними. Онъ страшно мучился отъ безсонницы. Императрица иногда нарочно вставала и прохаживалась съ нимъ иной разъ всю ночь, пока онъ начиналъ успокоиваться.

За недѣлю до его кончины, великая княгиня Анна Ѳеодоровна разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ. Павлу очень хотѣлось внука....

БАРОНЪ Х. Х. ФОНЪ-ДЕРЪ ХОВЕНЪ.

Некрологъ.

9 Марта 1890 года скончался въ Курляндіи, въ имѣніи Ордангенъ, генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ баронъ Христофоръ Христофоровичъ фонъ-деръ Ховенъ, родившійся 3-го Мая 1794 года.

Онъ былъ родной внукъ того барона Ховена, который, наскучивъ Польской неурядицей, указалъ своей родинѣ (какъ нѣкогда Богданъ Хмѣльницкій Малороссіи) на Россію, какъ на державу, подъ сѣнью которой благоденствуютъ сосѣднія губерніи Лифляндская и Эстляндская и, стоя во главѣ своей партіи, немало содѣйствовалъ добровольному присоединенію Курляндіи къ Россіи. Происки враговъ, большіе расходы и разные несчастные случаи подорвали его благосостояніе, и его младшій внукъ изъ пансіона пробста Пауфлера принятъ былъ, по прошенію отца своего, въ С.-Петербургскій Первый Кадетскій Корпусъ.

Директоромъ корпуса въ 1809 году былъ Клингеръ, и кадеты по способностямъ и познаніямъ распредѣлялись въ десяти низшихъ, семнадцати высшихъ и восьми старшихъ классахъ. Вслѣдствіе полнаго незнанія Русскаго языка, молодаго Ховена посадили въ 3-й низшій классъ, а по новымъ языкамъ въ 12-й, средній. Черезъ полгода, по экзамену, онъ былъ переведенъ въ семнадцатый средній, а черезъ годъ въ восьмой верхній, въ которомъ пробылъ три года и вышелъ 10-го Февраля 1814 года съ правомъ поступить въ гвардію, но за малымъ ростомъ и по случаю пребыванія Его Величества съ гвардіею за границей назначенъ въ 14-ю конно-артилерійскую батарею, расположенную въ Бессарабской области, гдѣ постоянно, кромѣ строевой службы, былъ занятъ топографическими съемками окрестностей Прута и Дуная.

Въ 1818 году 1-го Мая Христофоръ Христофоровичъ осчастливленъ личнымъ вниманіемъ императора Александра Павловича и переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части.

Въ 1820 году онъ поступилъ въ главную квартиру арміи, имѣя порученіе изъ кантонистовъ сформировать топографовъ и обучать ихъ, а въ 1821 году за отличные успѣхи этого дѣла награжденъ бриліантовымъ

перстнемъ. Въ 1824 г. назначенъ начальникомъ топографическихъ съемокъ Херсонской и Таврической губ. и за прокладку дорогъ по Крымскимъ горамъ всемилостивѣйше переведенъ тѣмъ же чиномъ штабъ-капитана въ гвардейскій генеральный штабъ въ Январѣ 1825 года. Причиною откомандировки было несогласіе въ воззрѣніяхъ большинства офицеровъ штаба, и во главѣ ихъ полковника Пестеля, съ воззрѣніями Ховена, объявившаго себя *„казеннымъ человѣкомъ“*: за полученное имъ воспитаніе онъ считалъ себя вѣчно въ долгу передъ правительствомъ и Государемъ.

Въ 1826 году окончена имъ подробная карта южной Россіи, и въ награду онъ получилъ орденъ Владимира 4-й степени.

Въ 1827 году произведенъ въ капитаны гвардіи генер. штаба, а по случаю предстоявшей войны противъ Турокъ занялся составленіемъ карты Европейской Турціи изъ матеріаловъ, собранныхъ ген.-маіоромъ Бергомъ съ подвѣдомственными ему офицерами генеральнаго штаба. Карта эта служила съ пользою во время Турецкой кампаніи.

Вмѣстѣ съ обязанностью начальника геодезическаго отряда (эскадрона, сформированнаго изъ топографовъ) Ховенъ въ 1828 году исправлялъ должность квартирмейстера въ авангардѣ генерала Ридигера и награжденъ орденомъ св. Анны съ алмазами. Осень и зима этого года прошли для него въ опасной подробной рекогносцировкѣ Балканскихъ горъ, занятыхъ непріятелемъ, за что онъ произведенъ въ полковники генеральнаго штаба. Затѣмъ Ховенъ производилъ секретную рекогносцировку всего пространства между Силистріей и Шумлою и командированъ графомъ Дибичемъ, подъ прикрытіемъ 36-го егерскаго полка и сотни Донскихъ козаковъ, на рекогносцировку Балканскихъ горъ. Онъ указывалъ лично колоннамъ генераловъ Рота и Ридигера самые удобные переходы прямо къ Адріанополю. При этомъ Ховенъ съ десятью резервными, прибывшими, вновь изъ Россіи, батальонами прикрывалъ лѣвый флангъ нашей арміи, послѣ чего послѣдовало заключеніе Адріанопольскаго мира.

Въ 1830 году Ховену поручено занять тоже самое мѣсто уже при главномъ штабѣ дѣйствовавшей въ Польшѣ арміи; но по случаю общаго возстанія Литвы онъ высочайше командированъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Прибалтійскаго края барона фонъ-деръ Палена, гдѣ и дѣйствовалъ самостоятельно противъ Гелгута, перешедшаго Прусскую границу и оставившаго Ховену 10 пушекъ и 10.000 ружій, за что послѣдній получилъ орденъ св. Владимира 3-й степени.

Во время отлучекъ Шуберта, въ 1832 и 1833 годахъ Ховенъ управлялъ Военно-топографическимъ Депо.

Въ 1833 году 17 Іюня Ховенъ назначенъ исправляющимъ должность квартирмейстера отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а по случаю отпуска генерала Вальховскаго исполнялъ должность начальника штаба того кор-

пуса и во время отлучекъ барона Розена управлялъ всею военною частью на Кавказѣ. Онъ собиралъ матеріалы для подробной карты Кавказа, за что получилъ звѣзду св. Станислава, и произведенъ въ генералъ-маіоры 1836 г. Ему удалось спасти отрядъ генерала Фезе въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, гдѣ тотъ былъ окруженъ горцами, и генерала Реута въ Дербентѣ при помощи дружески къ нему расположеннаго хана Аслана Казыкумыкскаго. Ховенъ успѣлъ, добывая свѣдѣнія отъ своихъ многочисленныхъ кунаковъ, составить подробную карту непокоренныхъ частей Кавказа.

Въ 1838 году онъ назначенъ, по просьбѣ князя Горчакова, начальникомъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и, узнавъ настоящую причину волненій и нападенія на Русскія земли Киргизовъ, въ короткое время умиротворилъ ихъ безъ содѣйствія полковъ, которыхъ требовалъ изъ Нижняго Новгорода ген. губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ.

Въ 1841 году, по просьбѣ министра внутреннихъ дѣлъ графа Строганова и государственныхъ имуществъ графа Киселева, безъ своего вѣдома, Ховенъ назначенъ Воронежскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ. Императоръ Николай Павловичъ собственноручно положилъ слѣдующую резолюцію: *„съ сожалѣніемъ соглашаюсь на отвлеченіе столь достойнаго генерала отъ военнаго поприща; но теперь для Воронежской губерніи необходимъ столь энергическій и дѣльный человѣкъ“*.

Узнавъ о страшныхъ злоупотребленіяхъ на торгахъ для доставленія провіанта Кавказской арміи, Христофоръ Христофоровичъ созвалъ мѣстныхъ дворянъ и уговорилъ ихъ поставить провіантъ за половинную цѣну противъ состоявшейся на торгахъ. За таковое нарушеніе закона всѣ пророчили ему гибель, но Императору угодно было отдать подъ судъ чиновниковъ провіантскаго вѣдомства и Казенную Палату и благодарить Ховена арендой за сдѣланное сбереженіе нѣсколькихъ миліоновъ ежегодно.

Въ 1846 году Государь, недовольный безпорядками въ Новгородской губерніи, отрѣшилъ генерала Зурова и назначилъ туда Ховена, сохранивъ ему всѣ прежніе его оклады.

Въ 1848 году, по случаю броженія умовъ въ Польшѣ и безпорядковъ въ Познани, Ховенъ назначенъ Гродненскимъ губернаторомъ, и Государь лично въ своемъ кабинетѣ въ Петербургѣ снабдилъ его наставленіями. Для войскъ, отправлявшихся въ Венгерскій походъ, въ Гродненской губерніи устроены были Ховеномъ госпитали, казармы, манежи и удобныя размѣщенія.

Въ 1856 году баронъ Ховенъ по собственной просьбѣ назначенъ засѣдать въ Сенатѣ въ Москвѣ вслѣдствіе разногласія во взглядахъ его на положеніе Сѣверо-Западнаго края со взглядами генерала Назимова. Онъ былъ съ тѣхъ поръ горячимъ заступникомъ всѣхъ угнетенныхъ, обиженныхъ и униженныхъ.

Въ 1871 году 30 Ноября, по поводу совершеннаго упраздненія въ Москвѣ департаментовъ Правительствующаго Сената, Государь всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ зачислить Ховена въ неприсутствующіе сенаторы съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ (8071 р. 84 к.). Изъ Москвы онъ переселился въ имѣніе внука своего Ордангенъ, Курляндской губ., и до послѣднихъ дней съ живымъ интересомъ слѣдилъ за общественными дѣлами. Горячая любовь къ Царю и Отечеству, непоколебимая увѣренность, что правда должна восторжествовать, и безпредѣльная участливость къ обиженнымъ и униженнымъ отличали барона Ховена во всю его жизнь.

Миръ праху его!

(*Сообщено И. А. Зенѣбушемъ*).

Въ Москвѣ и въ Гроднѣ, въ Крыму и на Кавказѣ, въ Новгородѣ и въ Омскѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи помнятъ честнаго, правдиваго, пылкаго и неуклоннаго въ исполненіи долга барона Х. Х. Ховена. Къ нему можно было примѣнить стихъ Державина, *что горячъ и въ правдѣ чортъ*. Его любили и уважали такіе люди, какъ Ермоловъ, Н. Н. Муравьевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій. Чистокровный Нѣмецъ, баронъ Ховенъ былъ искреннимъ слугою Россіи, и въ этомъ его неотъемлемое право на добрую память въ потомствѣ. Подробная біографія его была бы важною книгою. П. Б.

---

*

☛ Одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Русскаго Архива» будетъ весь занятъ неизданнымъ сочиненіемъ С. Т. Аксакова: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ».

ОПЕЧАТКИ ВЪ «РУССКОМЪ АРХИВѢ» СЕГО ГОДА.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
107	29 сверху	офицеромъ Исаковымъ	офицеромъ Лихачевымъ.
114	35 "	побывавъ	побывалъ
121	18 "	то лице котораго	то лице, которое
128	12 "	Овсянниковъ затѣтилъ	Овсянниковъ замѣтилъ
233	29 "	въ 17-ю	въ 1-ю
247	20 "	8 станковъ	5 станковъ
255	23 "	прочіе ряды войскъ	прочіе роды войскъ
272	30 "	14-ой батареи	4-й батареи
280	6 "	одну подлѣ другой	одну послѣ другой
		*	
473	6 "	но во время	и во время
488	8 снизу	перспревы	переправы
489	18 "	предмѣстное	предмостное

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Съ 1 Сентября 1890 г. будетъ приниматься подписка на журналъ **со 2-го года** его изданія, т.-е. съ 1 Ноября 1890 г. Редакція будетъ выпускать со 2-го года изданія вмѣсто 4 книгъ 5, а именно въ слѣдующіе сроки: 1—5 Ноября, 1—5 Января, 1—5 Мая и 1 Сентября, при чемъ всѣ статьи, печатающіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, будутъ оканчиваться въ Майской книгѣ. Соотвѣтственно этому будетъ уменьшенъ объемъ отдѣльныхъ книжекъ журнала съ 20 до 15 печ. листовъ, т.-е. до того размѣра, который предполагался въ началѣ для каждой изъ четырехъ книгъ.

Въ виду значительнаго увеличенія числа сотрудниковъ и разростанія матеріала, доставляемаго въ редакцію, статьи болѣе 4—6 печатныхъ листовъ не будутъ приниматься редакціей. Труды большаго размѣра могутъ быть разбиваемы на отдѣльныя, совершенно самостоятельныя статьи, помѣщеніе которыхъ возможно и въ болѣе отдаленные другъ отъ друга сроки. Всѣ цѣльныя статьи, предлагаемыя для напечатанія въ журналѣ, должны быть доставляемы редакціи сразу въ законченномъ видѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ 1 Ноября 1890 г. по 1 Января 1892 г. на 6 книгъ—8 съ дост. и перес.

Съ 1 Ноября 1890 г. по 1 Ноября 1891 г. на 5 книгъ—6 р. 50 к. съ дост. и пер. и 6 р. безъ доставки.

Для подписчиковъ, пользующихся льготой (см. на оберткѣ) подписная плата на тѣ же сроки: 1) 6 р., 2) 4 р. 50 к. и 4 р.

Адресъ конторы редакціи: **Новинскій бульваръ, домъ Котлярева.**

Адресъ редактора (для сотрудниковъ) съ 1 Мая по 20 Августа: Харьков. губ., г. **Чугуевъ**, село Кочетокъ.

Издатель А. А. Абрикосовъ. Редакторъ Н. Я. Гротъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Д. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный 90 к.; иногородняго на городской 50 к. (по цѣнамъ Почтамта).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

НАЧАЛО ФИНЛЯНДСКИХЪ ПРИТЯЗАНІЙ.

Царствованіе императора Александра Павловича чрезвычайно богато выдающимися историческими событіями; поэтому неудивительно, что въ ряду войнъ и многочисленныхъ союзовъ того времени почти забывается война 1808—1809 г.г., которая кончилась Фридрихсгамскимъ миромъ и присоединеніемъ къ России великаго княжества Финляндскаго съ Аландскими островами. А между тѣмъ эта война, благодаря своимъ послѣдствіямъ (т. е. установленію нынѣшняго положенія Финляндіи) имѣетъ полное право на наше вниманіе, и особенно въ настоящее время, когда народился такъ называемый «Финляндскій вопросъ». Эта война 1808—1809 г.г., правда, подробно разсматривалась въ спеціально-военныхъ трудахъ генераловъ Сухтелена, Михайловскаго-Данилевскаго, Богдановича и др.; но политическія послѣдствія ея рѣдко бывали предметомъ особыхъ сочиненій. Но за то недавно наша исторіографія обогатилась капитальнымъ трудомъ К. Ф. Ордина «Покореніе Финляндіи», въ которомъ сдѣланъ первый, прекрасно удавшійся опытъ разобраться по документамъ въ запутанномъ вопросѣ нашихъ отношеній къ Финляндіи.

Въ запутываніи этого вопроса одинаково повинны, какъ Русскіе, такъ и Финляндцы. Коротко говоря, дѣло представляется въ такомъ видѣ. Въ первое время послѣ покоренія Финляндіи, мы не безъ нѣкотораго увлеченія отнеслись къ интересамъ новой окраины, дали жителямъ ея немало льготъ и привилегій, тратили деньги на ихъ новыя учрежденія. Но вскорѣ пылъ прошелъ, и его замѣнила наша небрежность: мы бросили начатое дѣло на полъ-пути, оставивъ многое недоговореннымъ, неяснымъ. Прошло еще нѣкоторое время, и мы какъ будто позабыли о покоренной странѣ, предоставивъ ее самой себѣ. Этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше воспользовались для своихъ цѣлей Финляндцы. Благодаря нашимъ увлеченіямъ и небрежности, они расширили свои льготы и преимущества, на нашемъ безучастіи развили свое экономическое благосостояніе, изъ Русскаго добродушія

стали выкраивать себѣ конституціонныя формы правленія и, наконецъ, успѣли создать теорію особаго Финляндскаго «государства», состоящаго будто въ уніи съ Россіей! Путаницѣ, вкравшейся во взгляды на взаимныя отношенія Финляндіи къ Россіи, немало помогъ также и тотъ рядъ отступленій отъ обыкновенныхъ способовъ веденія войны, который впервыя дозволили себѣ Русскіе. Такъ, не вся еще Финляндія была занята нашими войсками, какъ Александръ Павловичъ, манифестомъ 20 Марта 1808 года, объявилъ о присоединеніи новой области къ Русскимъ владѣніямъ. Едва наша армія прошла по Южной Финляндіи, какъ начались переговоры о присягѣ мѣстныхъ жителей на новое вѣрноподданство; дано было обѣщаніе нѣкоторыхъ льготъ и преимуществъ, и была издана прокламація главнокомандующаго Буксгевдена о высылкѣ депутаціи въ Петербургъ. Въ Сѣверной Финляндіи еще гремѣло оружіе, а къ Шведскимъ офицерамъ посылается парламентеръ съ предложеніями, какія умѣстны лишь по заключеніи кампаніи и т. п. Изъ этого именно хаоса Финляндскіе историки и обособители стали главнымъ образомъ черпать матеріалъ для созданія своего ученія о Финляндской «державѣ».

И вотъ теперь очень кстати появился трудъ К. Ф. Ордина, который, съ документами въ рукахъ, разсѣеваетъ увлеченія Финляндцевъ, напоминая имъ, что они вышли далеко за предѣлы предоставленной имъ мѣстной самостоятельности. И какъ ни страннымъ кажется съ перваго взгляда, что для такого малаго вопроса, какимъ являются вопросы о Боргоскомъ сеймѣ и Фридригсгамскомъ трактатѣ, потребовалось обширное изслѣдованіе въ два объемистыхъ тома; но на дѣлѣ вопросы эти успѣли превратиться въ маленькіе Гордіевы узлы, коихъ нельзя распутать, не прослѣдя шагъ за шагомъ этихъ событій, не изучивъ каждаго слова въ трактующихъ о нихъ историческихъ документовъ, какъ это и сдѣлалъ К. Ф. Ординъ. Дѣйствительно, если не вникнуть во всю совокупноссь тѣхъ обстоятельствъ, коими сопровождался сеймъ въ Борго, если не принять во вниманіе всѣхъ его документовъ и общаго всѣмъ имъ смысла, а руководиться частными, а тѣмъ болѣе предвзятыми взглядами, теоріями, желаніями и фантазіями, или выхватывать отдѣльные случаи и выбирать изъ документовъ отдѣльныя слова и строки, какъ это дѣлали Финляндскіе историки, ученые и крючкотворы то можно, по желанію, доказать все, что̀ угодно: давно уже сказано, что исторія — арсеналъ, въ которомъ легко запастись всякаго рода оружіемъ. Историкомъ должна руководить неподкупная совѣсть; онъ обязанъ быть безпристрастнымъ судьею, а не брать на себя должность прокурора-обвинителя или адвоката-защитника; историку всегда надлежитъ «глядѣть прямо въ глаза событіямъ и лицамъ», какъ выразился

князь П. А. Вяземскій. Особенно строгъ по отношенію къ себѣ долженъ быть историкъ, желающій говорить о времени императора Александра Павловича, такъ какъ оно богато всевозможными противорѣчіями, крайностями и насквозь проникнуто двойственностью.

Исторія «Финляндскаго вопроса» чрезвычайно поучительна, такъ какъ она наглядно показываетъ, что можно изъ мелкихъ и послѣдовательныхъ уклоненій отъ исторической истины и путемъ незначительныхъ подтасовокъ создать цѣлое ученіе объ обособленности страны, превратить завоеванную область въ самостоятельное «государство». Дадимъ здѣсь два-три характерныхъ образчика тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ Финляндскіе ученые, чтобы доказать «государственныя» права Великаго Княжества.

Приводимые примѣры заимствуемъ изъ статьи Р. Кастрена «Боргосскій мирный трактатъ», появившейся еще въ 1877 г. въ журналѣ Finsk Tidskrift. Статья эта въ Русской печати до сихъ поръ не появлялась, несмотря на то, что заслуживала вниманія уже только потому, что она по времени была одной изъ первыхъ, въ которой наиболѣе полно излагалось политическое ученіе Финляндскихъ обособителей *). Задача очерка—разъяснить характеръ присоединенія Финляндіи къ Россіи и разсѣять то чувство «удивленія и недовѣрія», съ какимъ обыкновенно выслушиваются объясненія о ея политическомъ строѣ. Тутъ же, во вступительной главѣ, Кастренъ добавляетъ, что вопросъ, который онъ взялся обсуждать, настолько мало извѣстенъ, что не только иностранцы, но даже *сами Финны* и ихъ «старые друзья» Шведы, не говоря уже о «союзныхъ братьяхъ» (съ 1809 г.) Русскихъ, не имѣютъ о немъ надлежащихъ свѣдѣній! Эта оговорка знаменательна. Разъ характеръ присоединенія Финляндіи къ Россіи «совсѣмъ мало знакомъ самимъ Финнамъ», то подобное обстоятельство достаточно изобличаетъ сочинителя въ его затѣѣ-за одно съ другими чиновниками мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій (сенаторами Коскиненъ, Л. Мехелинымъ, Монгомери и др.) создать дотолѣ неизвѣстную теорію Финляндскаго государства. Возможно-ли допустить, чтобы незнаніе исторіи Финляндіи было такъ повсемѣстно, что ни сами Финны, ни Шведы, ни Русскіе ничего не знали о надлежащемъ политическомъ ея положеніи? Конечно нѣтъ. Положеніе Финляндіи, какъ слѣдствіе ея завоеванія Русскими войсками, извѣстно; неизвѣстными остаются только

*) Робертъ Кастренъ былъ молодымъ ученымъ, подававшимъ большія надежды, и Финляндцы съ глубокою скорбью оплакали его преждевременную кончину, послѣдовавшую въ то время, когда онъ только-что сдѣлался главнымъ редакторомъ самой распространенной въ Финляндіи политической газеты „Helsingfors Dagblad".

тѣ «государственныя права» ея, которыя г. Кастренъ берется заявить въ своей статьѣ.

Далѣе Кастренъ въ своемъ очеркѣ сѣтуетъ на то, что въ иностранной литературѣ, гдѣ собраны свѣдѣнія даже о мелкихъ Нѣмецкихъ княжествахъ, Швейцарскихъ кантонахъ и Турецкихъ подвластныхъ земляхъ, нѣтъ ни слова объ основныхъ законахъ Финляндіи. Въ этомъ же родѣ Финляндцамъ приходилось жаловаться вплоть до того радостнаго для нихъ дня, когда «Готскій Альманахъ», наконецъ, повѣдалъ міру о существованіи «Финляндскаго государства», и книга Л. Мехелина «Précis du droit public du grand-duché de Finland» съ «надлежащей» стороны освѣтила передъ Западной Европой политическій строй Финляндіи....

Р. Кастренъ, говоря о зарожденіи Финляндской государственности, придаетъ особое значеніе слѣдующимъ обстоятельствамъ. Во 1-хъ, тому, что Финская армія стояла на высотѣ своихъ побѣдъ въ то время, когда начался рядъ событій, приведшихъ къ сейму въ Борго. Софизмъ, который скрывается за этимъ исходнымъ пунктомъ ученія о Финляндскомъ политическомъ строѣ, надо вѣроятно, понять такъ: въ то время, когда съ Финляндцами вступила въ переговоры Русская власть, они были настолько сильны, что имѣли полную возможность подать свой голосъ, какъ равноправная сторона въ дѣлѣ. Тотъ же смыслъ, надо полагать, скрывается и во второмъ указаніи Кастрена, что противъ предложенія главнокомандующаго, графа Буксгевдена (лѣтомъ 1808 г.) выслать депутатовъ (въ комиссію) въ Петербургъ, подали заявленіе выборные Абоской губерніи. Правда, въ этихъ словахъ Кастрена ясно сквозитъ и другой умыселъ. Вѣдь, выборные эти дѣйствовали не зря: они ссылались на Шведскіе основные законы и говорили, что въ нихъ не указано представительства отъ нѣкоторыхъ сословій (какъ предлагалъ Буксгевденъ), а существуютъ выборные отъ всѣхъ сословій. Кто слѣдилъ за ходомъ развитія Финляндской государственной теоріи, тотъ знаетъ, что мѣстнымъ сепаратистамъ необходимо было перетянуть на Финляндскую почву Шведскіе основные законы о главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, риксдагѣ и пр., безъ каковыхъ законовъ имъ никакъ нельзя было обосновать своего политическаго строя. Финляндцамъ, въ основу ихъ политическихъ правъ, необходимо было положить «Форму правленія 1772 года» и «Актъ соединенія и охраненія 1789 года», т.-е. главные конституціонные законы Шведскаго государства; но объ этомъ они спохватились поздно, забывъ о нихъ, напримѣръ, въ присягѣ на сеймѣ въ Борго. За то, съ шестидесятыхъ годовъ, когда они набрели на указанную мысль, не пропускалось удобнаго случая ввести въ свои новыя законоположенія ссылку на «Форму

правленія» и «Актъ сохраненія». (На это обстоятельство было недавно обращено вниманіе въ №№ 55, 69 «Московскихъ Вѣдомостей» съ разоблаченіемъ цѣлей Финляндцевъ, кроющихся подъ подобными ссылками на старо-Шведскіе законы). Повторяемъ, что указанія Кастрена на заявленія Финляндскихъ выборныхъ 1808 года о томъ, что въ Петербургскую комиссію должны быть посланы представители всѣхъ сословій и подчеркиваніе того обстоятельства, что въ Петербургѣ выборные вторично заявляли, что они незаконно собраны,—есть ничто иное, какъ запоздалая попытка подыскать въ событіяхъ 1808—1809 г.г. годный матеріалъ для возведенія задуманнаго государственнаго зданія.

Еще своеобразнѣе послѣдующія разсужденія Р. Кастрена. Когда Финскіе выборные уже находились въ Петербургѣ, армія Густава IV была окончательно побѣждена. Отсюда, умозаключаетъ Кастренъ, значеніе представителей еще болѣе *возрасло*.

Просимъ вникнуть въ приведенные выводы Кастрена. Сперва онъ находилъ, что во время Финскихъ побѣдъ заявленія депутатовъ въ С.-Петербургѣ *неизбѣжно* должны были имѣть значеніе въ дѣлѣ рѣшенія участи страны; а потомъ, когда Финская армія разбита, значеніе Финскихъ депутатовъ, какъ равноправной и договаривающейся стороны, казалось бы, по логикѣ вещей, должно было уменьшиться, если не совсѣмъ упасть, такъ какъ имъ болѣе нечѣмъ было подкрѣпить свои требованія. Но не такъ разсуждаетъ фанатизированный сепаратистъ, который чувствуетъ, что изъ-подъ его ногъ ускользаетъ почва, а вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе представителей страны необходимо поддержать, какъ основу для дальнѣйшихъ выводовъ по теоріи о Финляндской самостоятельности. И вотъ, вопреки очевидности, наперекоръ здравой мысли, онъ самоувѣренно заявляетъ: «Легко понять (!), что при такихъ обстоятельствахъ (т.-е. когда война была рѣшена въ пользу Русскихъ) у членовъ этой Финской депутаціи само собой (!) должно было укорениться сознаніе, что ихъ слова и постановленія (!) теперь, менѣе чѣмъ когда-либо могли ограничиться однимъ поверхностнымъ и случайнымъ значеніемъ; сила и значеніе ихъ словъ *возрасли*, и они *должны были необходимо получить вѣсъ* (!) *въ рѣшеніи будущей участи* своего отечества».

Въ Петербургѣ выборные хлопотали о созывѣ сейма, дабы тѣмъ была дана возможность всей націи подать свой голосъ въ общемъ дѣлѣ. При этомъ они не забыли упомянуть о томъ порядкѣ, въ какомъ созывались въ Швеціи представители сословій по сеймовымъ постановленіямъ 1617 и 1723 г.г. Сеймъ былъ созванъ. Изъ всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ Кастренъ сдѣлалъ тотъ глубокомысленный выводъ, что эта «замѣчательная» депутація «съ самаго начала поставила себя въ

такое положеніе, что конституціонное Шведское общественное благосостояніе *должно было остаться ненарушимымъ для Финляндіи* и, что̀ еще важнѣе, самъ Александръ I-й призналъ ихъ *требованія* справедливыми». Благоговѣйно помянувъ затѣмъ заслуги великихъ дѣятелей того времени, Спренгпортена, де-Геера, Егергорна, Маннергейма, Виллебрандта, Ребиндера (которымъ Финляндія обязана своимъ политическимъ положеніемъ), Кастренъ продолжаетъ: 1-го Февраля было обнародовано, «соотвѣтственно постановленіямъ страны», что къ 22 Марта уполномоченные сословій должны были собраться на сеймъ въ Борго. Отсюда Кастренъ приходитъ къ тому заключенію, что «исходная точка, которую выставила Финская депутація, *какъ условіе договора между Финскимъ народомъ и Русскимъ государствомъ* (*признаніе государственной автономіи Финляндіи на основаніи прежней Шведской конституціи*) получила подкрѣпленіе».

Какая поразительная смѣлость и логика въ выводахъ! Депутаціи *приказано* было собраться (это она сама сознавала и выразила всѣми буквами въ своемъ ходатайствѣ); депутація эта, какъ милости, *проситъ* созвать сеймъ, дабы голосъ націи могъ быть выслушанъ въ дѣлѣ экономическихъ нуждъ и общаго блага, и вдругъ, когда ея *ходатайство* уважено, она (депутація) выступаетъ договаривающейся стороной; она *настояла* на томъ, что конституціонное Шведское общественное благосостояніе *должно было* остаться ненарушимымъ въ Финляндіи! Разъ Кастренъ вступилъ на скользкій путь хозяйничанья съ историческими событіями, онъ уже не можетъ остановиться и не останавливается. Онъ продолжаетъ: «29-го Марта представители сословій *признали* императора Александра правителемъ и великимъ княземъ Финляндіи; на сеймѣ въ Борго состоялся «государственный *договоръ*» или «соединительный актъ»; дѣла 1808—1809 г.г. рѣшались только «*двумя контрагентами — Финляндіей и Россіей*, а Швеція является лишь третьей властью, почти безъ значенія и голоса (послѣ сейма въ Борго), не имѣвшей возможности въ г. Фридрихсгамѣ измѣнить характеръ ранѣе заключеннаго договора въ Борго». Финляндію Кастренъ почему-то называетъ «младшимъ братомъ Швеціи» (а не рабомъ или пасынкомъ ея) и т. д.

Тутъ что̀ ни строка, то самопроизвольное толкованіе, что́ ни слово. то вымыселъ!

Преслѣдуя предвзятую мысль свою, Кастренъ и другіе приверженцы независимости Великаго Княжества особенно упорно настаиваютъ на томъ, что Боргоскій сеймъ, а не Фридрихсгамскій мирный трактатъ, имѣетъ первенствующее значеніе въ созданіи нынѣшняго положенія Финляндіи.

Такого взгляда на дѣло мы раздѣлить не можемъ, такъ какъ ему противорѣчатъ документы исторіи присоединенія Финляндіи и послѣдніе выводы международнаго права. Вопервыхъ, мы находимъ, что сословія на сеймѣ въ Борго обсуждали лишь тѣ вопросы, которые Императоръ «призналъ за благо предоставить ихъ разсмотрѣнію». При закрытіи сейма 6/18 Іюля, Александръ сказалъ: «Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, я хотѣлъ знать желанія народа на счетъ его истинныхъ интересовъ. Я призывалъ ваше вниманіе на предметы, наиболѣе важные для вашего преуспѣянія. Я приму ихъ (т. е. мнѣнія сословій) въ соображеніе»... и т. д. Изъ этого видно, что сеймъ въ Борго могъ имѣть исключительно *совѣщательный* характеръ, а не рѣшающій голосъ. Открывая, затѣмъ, любой учебникъ международнаго права, находимъ, что «трактаты суть такіе договоры, которые заключаются между правительствами отдѣльныхъ *независимыхъ* государствъ отъ лица цѣлаго народа». Финляндія была провинціей Швеціи. Со Швеціей велась война 1808—1809 г.г., со Швеціей только и могъ быть заключенъ мирный трактатъ, имѣвшій значеніе документа въ международныхъ сношеніяхъ. Нѣтъ смысла заключать договоръ съ несамостоятельной страной, какъ нѣтъ резона входить въ письменныя условія съ несовершеннолѣтними. Кромѣ того, какое значеніе могъ бы имѣть измышленный Финляндскими крючкотворами Боргоскій «актъ соединенія», еслибы война кончилась побѣдою Шведскихъ войскъ? Ясно, что рѣшающее значеніе могли имѣть только условія Фридрихсгамскаго мира; а на Боргоскомъ сеймѣ Императоръ воленъ былъ давать свои милостивыя обѣщанія жителямъ присоединяемой страны. Если, такимъ образомъ, первостепенная важность принадлежитъ трактату 5-го Сентября 1809 г., подтвержденному и ратификованному властію Русскаго императора, то изъ этого документа и надлежитъ черпать свѣдѣнія объ истинномъ политическомъ положеніи Финляндіи. Въ этомъ же документѣ категорически указано, что Финляндія «отнынѣ будетъ состоять въ собственности и *державномъ обладаніи* Россійской Имперіи» (IV ст.). Въ другомъ документѣ, также имѣющемъ международное значеніе, въ манифестѣ 20-го Марта 1808 г., означено: «страну сію, оружіемъ нашимъ покоренную, мы присоединяемъ навсегда къ Россійской Имперіи». Въ собственноручномъ письмѣ императора Александра къ Наполеону говорилось: «я объявилъ Шведскую Финляндію Русской провинціей» и т. д.

Казалось бы, что, послѣ такихъ опредѣленныхъ указаній, мы въ правѣ ожидать, что у Финляндскихъ мечтателей отнята возможность перетолковывать смыслъ историческихъ фактовъ и документовъ. Но гг. обособители видимо рѣшили оружія не класть, хотя бы ихъ единовременно опровергали исторія, практика международнаго права и здра-

вая людская логика. Опираясь на то, что Финляндія имѣетъ свой Сенатъ, внутреннее самоуправленіе, войско, особую монету, таможню и названіе Великаго Княжества, они настаиваютъ на томъ, что ихъ родина самостоятельное «государство». Ихъ не смущаетъ то обстоятельство, что у Финляндіи недостаетъ многихъ существенныхъ особенностей всякаго самостоятельнаго государства. Они глухи, когда имъ указываютъ, что дѣятелями въ области международныхъ общеній признаются только *независимые* народы и *свободныя* государства; что вновь образовавшееся государство должно быть признано таковымъ со стороны другихъ государствъ, какъ въ 1783 г. Версальскимъ трактатомъ была признана независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, или на подобіе того, какъ Голландія дала свое согласіе на самостоятельность Бельгіи въ 1830 г., какъ Вестфальскій конгрессъ въ 1648 г. торжественно провозгласилъ свободу Швейцаріи, а по Лондонской конвенціи 1827 г. признано отдѣленіе Греціи отъ Турціи и т. д. Каждое государство, чтобы дѣйствовать на международномъ поприщѣ, должно обладать извѣстными свойствами; напр., имѣть возможность выражать свою независимость не только во внутреннихъ, но и въ международныхъ сношеніяхъ, и кромѣ того обладать дѣеспособностью и правомъ на уваженіе и честь, правомъ на международныя сообщенія и пр. и пр. Гдѣ всѣ эти признаки Финляндскаго государства? Своего *престола* они не имѣютъ и не создавали, своей *особой* главы государства у нихъ никогда не существовало, внѣшняго представительства и высшаго военнаго управленія они лишены, въ содержаніи императорскаго двора принимаютъ ничтожное участіе (весь liste civil ограничивается 112 т. р.) и т. д. И не смотря на все это, Финляндскій обособитель утверждаетъ, что Великое Княжество состоитъ въ уніи съ Россіей!

Допустимъ на время, что Финляндія государство. Спрашивается, подходитъ ли она подъ одинъ изъ видовъ соединенія двухъ государствъ, выработанныхъ международнымъ опытомъ? Международное право знаетъ два рода соединеній государствъ: личное (или персональное) и реальное соединеніе. Главное условіе персональной уніи—случайное совпаденіе престолонаслѣдія, какое, напримѣръ, было въ Германіи и Испаніи въ 1519 г., Саксоніи и Польшѣ въ 1697 г. и др; а реальная унія имѣетъ ту особенность, что двѣ короны соединены въ одномъ лицѣ въ силу особаго о томъ договора, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ Австріи и Венгріи, согласно Прагматической санкціи 1713 г., въ Швеціи и Норвегіи послѣ 1814 г. При этомъ на избраніе короля обѣ договаривающіяся стороны сохраняютъ одинаковыя права. При личномъ соединеніи государствъ каждое изъ нихъ можетъ имѣть «различное международное представительство, заключать отдѣльно и

самостоятельно трактаты, даже воевать другъ съ другомъ»; соединеніе можетъ прекратиться съ самой династіей. Реальное соединеніе можетъ состояться только между двумя «полноправными, политическими организмами». «Самоуправленіе какой-нибудь провинціи или области отнюдь не устанавливаетъ и не служитъ доказательствомъ реальнаго ея соединенія съ государствомъ, котораго въ дѣйствительности она является органической частью» (см. «Соврем. международное право» Ф. Мартенса, I т.). Выводъ слагается не въ пользу Финляндцевъ. Выходитъ, что Финляндія ни въ личномъ, ни въ реальномъ соединеніи съ Россіей не состоитъ и состоять не можетъ; она просто Русская провинція и потому стоитъ внѣ международнаго права.

Но Финляндцы не унываютъ и то, чего у нихъ недостаетъ для государственной обособленности, они самоувѣренно создаютъ, не будучи никѣмъ образумлены. Немало потрачено ими усилій для того, чтобы обставить научными доводами свою унію съ Россіей. Надъ этимъ вопросомъ потрудился также и Р. Кастренъ. Порывшись въ главныхъ сочиненіяхъ по этому предмету, онъ, между прочимъ, выписалъ изъ книги Maurice Block'a («Dictionnaire général de la politique»), изъ отдѣла, озаглавленнаго «Union personnelle», что личной уніей называютъ комбинацію, посредствомъ которой два различныя государства управляются однимъ и тѣмъ же княземъ, безъ сліянія ихъ границъ, ихъ законовъ или ихъ интересовъ (слѣдуютъ примѣры). Затѣмъ Кастренъ ссылается на бывшаго Московскаго профессора Чичерина, который въ своемъ трудѣ о національномъ представительствѣ, изданномъ въ 1866 г., писалъ: «Реальный союзъ состоитъ въ томъ, что престолы обоихъ государствъ нераздѣльно соединены другъ съ другомъ, причемъ каждое государство сохраняетъ свою политическую самостоятельность, свою форму правленія и свою конституцію».

Здѣсь прежде всего наше вниманіе останавливается на томъ, что Кастренъ, какъ бы про запасъ, выписалъ два опредѣленія: одно касающееся личной уніи, другое реальнаго союза государствъ, тогда какъ эти двѣ формы соединенія государствъ по существу своему совершенно различны (какъ уже нами указано выше). Разсмотрѣнные виды соединенія государствъ, очевидно, не совсѣмъ удовлетворили Кастрена, и онъ не прочь бы объединить ихъ, создавъ желаемую для него особую какую-нибудь связь для государствъ, но безъ точныхъ указаній, при какихъ именно условіяхъ эта новая связь можетъ имѣть мѣсто. И дѣйствительно, если не создать для Финляндіи новаго термина, то она неизбѣжно останется внѣ международнаго права. Кромѣ того, насъ удивляетъ, что въ приведенныхъ ссылкахъ не остановили Кастрена постоянныя и существенныя упоминанія о «государствахъ» и «престо-

лахъ». Что Финляндія государство, это для него несомнѣнно. Въ арсеналѣ исторіи все можно найти, надо только внимательно поискать, и Кастренъ даже удивляется, напримѣръ, автору статьи «Нѣчто о Финляндіи» (въ Собесѣдникѣ» 1877 г.), что онъ задалъ для себя лишній трудъ, отыскивая государственныя права Финляндіи въ древнихъ Финскихъ грамотахъ, тогда какъ документы на эти права лежатъ на самомъ виду: въ X и XVII статьяхъ Фридрихсгамскаго мирнаго трактата Финляндія, молъ, опредѣленно наименована «государствомъ» (!). Точно также незачѣмъ уходить въ глубь исторіи въ поискахъ за Финляндскимъ престоломъ: стоитъ только открыть IV-ю статью нашихъ основныхъ законовъ, и тамъ четко означено, что «съ императорскимъ Русскимъ престоломъ престолы Царства Польскаго и В. К. Финляндскаго соединены нераздѣльно». «Тѣже самыя выраженія вошли въ послѣдніе манифесты при восшествіи на престолъ и коронаціи», добавляетъ Кастренъ; слѣдовательно, сомнѣній по этому вопросу быть не можетъ. Мимоходомъ укажемъ, что и это заявленіе Кастрена не вѣрно. Въ высочайшемъ удостовѣреніи императора Александра II ко всѣмъ жителямъ Финляндіи, 19 Февраля 1855 г., означено: «Объявляемъ чрезъ сіе, что, произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Вел. Кн. Финляндіи, признали мы за благо» и т. д. Такими же словами начинается и удостовѣреніе императора Николая I, данное 12 Декабря 1825 года. Наконецъ, въ высочайшемъ манифестѣ 1 Марта 1881 г. о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора сказано: «Мы вступаемъ на прародительскій престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». О престолѣ Финляндіи нигдѣ ни слова. Изъ послѣдняго же манифеста ясно, что престолъ *одинъ*, а Финляндія и Польша нераздѣльно соединены съ Россійской Имперіей.

Ссылаясь и разглагольствуя, Кастренъ забылъ доказать одно весьма важное обстоятельство: была ли Финляндія самостоятельнымъ государствомъ *до* ея уніи съ Россіей, такъ какъ извѣстно, что въ унію могутъ вступать исключительно полноправныя государства. Сепаратисты упускаютъ изъ виду, что унія, если бы она была мыслима между провинціей и государствомъ, не въ состояніи дать этой провинціи правъ государства. Все показываетъ несостоятельность государственной теоріи съ ея софизмами и подтасовками; она «шита суботнею стёжкою для воскреснаго базара», а потому и цѣна ей соотвѣтственная...

Допустимъ опять, что Кастренъ подкрѣпилъ свои взгляды о «государственномъ» правѣ и «престолѣ» Финляндіи ссылками на документы. Приведенныхъ доказательствъ, очевидно, оказалось мало, когда онъ самъ счелъ необходимымъ дополнить ихъ. Но тутъ онъ изобличаетъ

себя, хватаясь (какъ это бываетъ со всѣми страдающими людьми) за больное мѣсто. Ему понадобилось доказать самое зарожденіе политической самостоятельности Финляндіи, и этой надстройкой онъ неожиданно разрушилъ прежде воздвигнутыя части своего государственнаго зданія. Повѣствованіе Кастрена о началѣ Финляндскаго государства своего рода образцовое, поэтому приводимъ его дословно. «Первый, кто далъ полное разъясненіе событіямъ Финляндіи 1809 года, былъ Израэль Вассеръ (Wasser). На его слова можно положиться, такъ какъ онъ 12 лѣтъ состоялъ профессоромъ при Абосскомъ университетѣ и такимъ образомъ имѣлъ случай болѣе близко изучить и понять значеніе Боргоскаго сейма, чѣмъ многіе изъ его современниковъ въ Финляндіи и Швеціи. Въ одной изъ брошюръ, изданной имъ въ 1838 г., находимъ неоспоримый выводъ. «Прежде, чѣмъ Швеція, черезъ Фридрихсгамскій миръ, отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на Финляндію въ пользу Россіи, она сама освободилась отъ своихъ прежнихъ отношеній и на сеймѣ въ Борго, черезъ свои сословія, заключила «сепаративный миръ» (Separatfred) съ Русскимъ императоромъ. Благодаря этому миру, Финляндія перестала быть не только Шведской провинціей (частью Швеціи), но она перешла въ состояніе особаго государства, которое, имѣя свое представительное государственное учрежденіе, особую форму правленія, свои законы, получила возможность свободно и хорошо направлять свои дѣла на общую свою пользу. Это признаніе Финляндской національной самостоятельности подтверждено со стороны Швеціи Фридрихсгамскимъ мирнымъ договоромъ».

Какъ все просто устроилось, какъ мало потребовалось для того, чтобы заложить прочный фундаментъ государственной самостоятельности! Финляндіи нужно было отдѣлиться отъ Швеціи, а затѣмъ самой же провозгласить себя особымъ государствомъ! Чего же больше? Проф. Вассеръ, 12 лѣтъ думавшій надъ этимъ вопросомъ, заявилъ, что Финляндія могла такъ поступить, и довольно! И это Кастренъ считаетъ неопровержимымъ доводомъ. До и послѣ упрощеннаго возведенія себя Финляндіей въ рангъ государствъ, было нѣсколько иначе: Фридрихъ I, желая принять титулъ короля Пруссіи, и Петръ I, готовясь провозгласить себя императоромъ, и тѣ вели предварительно переговоры съ другими государствами о признаніи ихъ новыхъ титуловъ. Въ наши дни, на все дерзающіе Болгарскіе лже-правители много разъ умоляли Европейскія державы признать ихъ самозванца Фердинанда за законнаго правителя страны; но безжалостная Европа продолжаетъ отказывать имъ, и все-таки они не рѣшаются послѣдовать примѣру Финляндцевъ и Абосскаго профессора Вассера, вѣроятно потому, что не всегда удобно бываетъ обойтись безъ оффиціальныхъ признаній, удостовѣренныхъ заявленіями правительствъ. Гораздо болѣе послѣдовательнымъ являлся соотечественникъ Вассера, профессоръ Колоніусъ: онъ находилъ, что пока миръ Россіи со Швеціей не былъ заключенъ, «отъ

воли подданныхъ не зависѣло отказаться отъ своего долга, если они не желали запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны». Слава профессора Вассера, вѣроятно, не давала спать многимъ Финляндцамъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ удалось впослѣдствіи блеснуть такой же изумительной находчивостью. Такъ, напримѣръ, Кастренъ, Л. Мехелинъ и др. отстаиваютъ выдуманный ими «актъ соединенія», будто бы подписанный на Боргосскомъ сеймѣ; между тѣмъ онъ никогда «не видалъ свѣтлаго Божьяго дня», какъ имѣютъ обыкновеніе выражаться Шведы.

К. Ф. Ординъ въ хронологической послѣдовательности разсмотрѣлъ событія 1808—1809 г.г., преслѣдуя по пятамъ Финляндскихъ писателей въ ихъ стремленіяхъ къ обособленію. Ему удалось раскрыть немалое число ихъ тайныхъ и явныхъ подвоховъ, и въ этомъ отношеніи трудъ его чрезвычайно занимателенъ и поучителенъ. Онъ изобличилъ Финляндцевъ въ томъ, что къ титулу государя они прибавили слово «князь», слово «религія» замѣнили выраженіемъ «религія страны», вмѣсто «подданный» стали писать «житель», взамѣнъ «конституцій» ввели въ употребленіе это же слово въ единственномъ числѣ, придавъ ему западно-Европейское понятіе о государственной формѣ правленія, произвольно сочинили «актъ соединенія», понятіе провинціальнаго земскаго сейма «ландтагъ» расшили до понятія государственнаго сейма «риксдагъ», называя представителей сословій «государственными чинами Финляндіи», выдумали какую-то «династическую» связь Финляндіи съ Россіей, вычеркнули у себя всюду слова «область», «провинція», подставивъ взамѣнъ ихъ «государство», «страна», «край» и т. д.; а благодаря еще нѣкоторымъ измѣненіямъ послѣдняго времени (монета, воинская повинность и пр.), Финляндцы увѣряютъ себя и теперь желаютъ убѣдить Россію и Европу, что Финляндія составляетъ «самостоятельное государство».

Большая заслуга г. Ордина заключается въ томъ, что онъ первый объявилъ рѣшительную войну новоявленнымъ Финляндскимъ политикамъ и разметалъ краеугольные камни воздвигаемаго ими «государственнаго» зданія. За все это ему будутъ искренно признательны всѣ, кому дорого благо Россіи. Въ своихъ трудахъ г. Ординъ раскрылъ многое таившееся подъ спудомъ и обратилъ вниманіе на IV-ю статью нашихъ Основныхъ Законовъ, въ которой упоминается о престолѣ Вел. Кн. Финляндскаго. Его изслѣдованіе показало, что текстъ этой статьи составленъ несоотвѣтственно ея источникамъ, не говоря уже о томъ, что она въ полнѣйшемъ разладѣ съ исторіей.

Его выводы до сихъ поръ Финляндскою печатью не опровергнуты, и въ безсильной злобѣ она принялась за дѣло, болѣе пришедшееся ей по плечу: распространять выдумки о происхожденіи г. Ордина. Мы убѣж-

дены, что положенія его не будутъ поколеблены и той коммиссіей мѣстныхъ ученыхъ, которая, судя по Гельсингфорсскимъ газетамъ, собралась, чтобы общими силами сразить опаснаго врага. Во всякомъ случаѣ Финляндцамъ придется выставитъ на позицію болѣе тяжелую артиллерію, чѣмъ то сдѣлалъ авторъ брошюры (Ирье Коскиненъ?): «Г. Ординъ и его исторія покоренія Финляндіи», выпущенной газетою «Uusi Suometar».

Читая исторію покоренія Финляндіи, невольно поражаешься, какъ небрежно иногда Русскіе люди относились къ своему дѣлу и сколько они выказывали неумѣстной уступчивости и довѣрчивости. Финляндцы дѣлали, напр., свои заявленія на Шведскомъ и Финскомъ языкахъ, которые въ правительственныхъ кругахъ Петербурга вовсе не извѣстны. Русскіе документы первостепенной важности довѣрялось переводить лицамъ (Спренгпортену и Ладо) враждебнаго лагеря, далеко не испытанной благонадежности, а напротивъ, даже сомнительной репутаціи. Въ прокламацію попало обѣщаніе о созывѣ сейма, совершенно неизвѣстное ни главнокомандующему Буксгевдену, ни канцлеру графу Румянцову. Графъ Аракчеевъ, только благодаря просьбѣ Спренгпортена, подписался подъ положеніями, смыслъ и исторія коихъ ему были неизвѣстны. (Орд. II, т. 240). Измѣнникъ и заговорщикъ, баронъ Спренгпортенъ, удостоивается занять при Государѣ положеніе «эксперта» по Финляндскимъ дѣламъ. Благодаря довѣрію къ нему нашихъ правительственныхъ лицъ, этотъ проходимецъ, никогда не покидавшій мысли поживиться Финляндіею въ свою пользу, получилъ широкій просторъ для осуществленія своихъ плановъ и честолюбивыхъ происковъ и проч.

Завоевавъ Финляндію, мы предоставили въ ней господствовать Шведскому языку, на которомъ говорила незначительная (около 15%) часть пришлаго ея населенія. Только въ 1865 г. (указомъ отъ 20-го Февраля) Финскій языкъ сдѣлали равноправнымъ Шведскому въ судахъ, дѣлопроизводствѣ и училищахъ, и то постепенное проведеніе этой реформы было растянуто до 1883 года. По этому поводу г. Гильфердингъ писалъ: «Не такъ дѣйствовали администраторы Шведы, когда Выборгская губернія была отдана имъ въ руки; тутъ они въ одинъ годъ удалили всѣхъ Русскихъ должностныхъ лицъ, которые не могли вести дѣлопроизводство и преподаваніе по-шведски». (II т., 397 стр.) Финскій языкъ получилъ оффиціальное значеніе во всемъ, непосредственно касающемся Финскаго населенія; но вопросъ о томъ, какой языкъ долженъ считаться въ странѣ господствующимъ, не рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ съ достаточной опредѣленностью и по сей день По смыслу Высочайшихъ Инструкцій 1811 и 1826 гг. выходитъ, что законодательные акты въ Финляндіи должны были составляться на «Россійскомъ языкѣ», съ переводомъ ихъ на Шведскій языкъ. Прак-

тика же Финляндская установила, вѣроятно въ силу давности, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, совершенно обратный порядокъ. Оффиціальные акты издаются по-шведски, и только часть ихъ удостаивается перевода на Русскій языкъ. Дѣйствующее въ Финляндіи Шведское Уложеніе 1734 г. было издано на Русскомъ языкѣ въ послѣдній разъ въ 1824 году, и въ настоящее время этотъ переводъ составляетъ въ странѣ библіографическую рѣдкость. Мы полагаемъ, что въ Финляндіи легче достать полный Сводъ Законовъ Великобританіи (извѣстный своей плохой кодификаціей), чѣмъ полный экземпляръ на Русскомъ языкѣ «Сборника постановленій Вел. Кн. Финляндскаго», издающагося періодически на подобіе «Собранія узаконеній и распоряженій правительства» (при нашемъ Сенатѣ). Въ 1812 г. была попытка сдѣлать Русскій языкъ обязательнымъ для поступающихъ на общественную службу; но изъ нея ничего не вышло, такъ какъ вскорѣ это общее правило было загромождено цѣлымъ рядомъ исключеній и, наконецъ, его вовсе стали не признавать.

Говоря объ исторіи установленія господствующаго языка въ Финляндіи, нельзя обойти молчаніемъ 6 § «Положенія о учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи» 1808 г., въ которомъ говорилось: «всѣ дѣла производить на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, доколѣ войдетъ въ употребленіе Россійскій (языкъ)». Надо помнить, что планъ этого «положенія» былъ составленъ Спренгпортеномъ и въ комитетѣ, разсматривавшемъ его, никакимъ измѣненіямъ не подвергся. Смыслъ же приведеннаго § стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми доводами и заявленіями нынѣшнихъ Финляндцевъ о «государственныхъ» правахъ ихъ родины. Еслибы Спренгпортенъ смотрѣлъ на Финляндію, какъ на независимое и самостоятельное государство, то какъ бы онъ могъ допустить въ дѣлахъ края мѣстный языкъ только временно, «доколѣ войдетъ въ употребленіе Россійскій языкъ?» Точно также не пожелали бы этого сдѣлать ни Сперанскій, ни самъ Императоръ. Возможно ли, чтобы устраивалось государство, которое, по мысли его учредителей, должно говорить на иностранномъ, а не на общенародномъ языкѣ? Такихъ несообразностей человѣческая логика не терпитъ, и выводъ изъ этого сотый разъ выходитъ все тотъ же, что о государственной самостоятельности въ 1808 и 1809 г.г. и рѣчи не заводилось, и увлеченія Финляндцевъ зашли дальше мечтаній такого честолюбца, какимъ является обожаемый ими Спренгпортенъ.

«Забвеніе» нерѣдко даже коренныхъ государственныхъ выгодъ Россіи въ царствованіе Александра І-го и въ послѣдующую эпоху происходило отъ нашего чрезмѣрнаго увлеченія «либерализмомъ» и вообще всякими «новшествами» Запада, почему послѣдовавшій от-

сюда вредъ и ненормальный порядокъ въ отправленіи нашихъ политическихъ дѣлъ будетъ еще долго стоять живымъ упрекомъ рабо-лѣпному низкопоклонству всякимъ «послѣднимъ словамъ» нашихъ западныхъ учителей. Мы истощались въ великодушіи и самопожертвованіяхъ въ пользу чужихъ народностей и интересовъ, проливали свою кровь и расточали свои средства за цѣлость Европейскихъ государствъ. И не удивительно! Нашъ дипломатическій корпусъ переполнился иностранцами, не знавшими Русскаго языка; всѣ пеклись объ Европѣ, всѣ были заняты «общимъ» дѣломъ, но не дѣлами «Святой Руси». Мы распинались «за угнетенную законность», защищали «легитимныхъ» и «лояльныхъ», стояли за «благіе принципы» (les bons principes). Мы завели такой порядокъ, что «въ Россіи всего лучше быть не Русскимъ», какъ говорилъ Адамъ Чарторыжскій. У насъ вздыхали «о бѣдной Швеціи и бѣдныхъ Шведахъ», когда узнали о результатахъ Фридрихсгамскаго трактата. И мы ли не ублажали покоренныхъ Финляндцевъ? Наше правительство только и думало о томъ, какъ бы облегчить Финскому народу бремя войны; до окончанія кампаніи мы распускали по домамъ ихъ плѣнныхъ; изъ Русскаго казначейства выдавались весьма значительныя суммы на устройство церемоній Боргосскаго сейма и для того, чтобъ представители его могли завести себѣ гербы, маршальскіе жезлы и т. д., тогда какъ наши доблестныя войска, покорившія страну, на Сѣверѣ Финляндіи не знали, какъ добыть себѣ кусокъ хлѣба! (Орд. II, 126, 127, 306, 309 и др.).

Но «избытокъ благоволенія» въ политикѣ положительно вреденъ. Политика имѣетъ свои заповѣди и аксіомы, коихъ забывать нельзя. Выводы, сдѣланные изъ длиннаго ряда историческихъ уроковъ, показываютъ, что благо государства должно стоять выше всякихъ мѣстныхъ особенностей и что господствующая народность не должна унижаться передъ «чужаками».

Оказывается, что въ теченіи 80 лѣтъ, протекшихъ со дня покоренія Финляндіи, мы наслоили такую массу существенно-вредныхъ для Россіи ошибокъ въ нынѣшнихъ отношеніяхъ къ ней и въ ея политическомъ положеніи, что исправленіе ихъ надо считать настоятельной необходимостью. Корень происшедшихъ ошибокъ, главнымъ образомъ, таится все въ томъ же, что «сознаніе наше перестало быть Русскимъ». Еще въ силу договоровъ 1721 и 1743 гг. мы владѣли частью Финляндіи, которая, по прошествіи полустолѣтія, значительно обрусѣла и была заселена нашими помѣщиками, купцами и крестьянами, и вдругъ указомъ 12 Декабря 1796 г. въ ней возстановляются Шведскіе законы, учрежденія и языкъ, а въ 1812 г. Выборгскую губ. совершенно отрѣзали отъ Русскихъ земель, вслѣдствіе чего Русскій человѣкъ сталъ въ

ней иностранцемъ и лишился возможности пользоваться какими-либо правами. Затѣмъ Финляндцы стали отбывать всеобщую воинскую повинность, и изъ ихъ войскъ составилась сила, которой мы не должны пользоваться внѣ предѣловъ Великаго Княжества. Финляндскій банкъ получилъ право чеканить свою монету, и нашъ рубль потерялъ свое значеніе въ этой окраинѣ; теперь Русская казна ежегодно несетъ убытокъ въ $2\frac{1}{2}$ милл. рублей «за право» держать въ предѣлахъ Финляндіи одну дивизію и оберегать двѣ свои крѣпости.—Финляндію обнесли таможенной линіей, и она ежегодно въ первую статью своего прихода вноситъ 15 милл. марокъ, собранныхъ преимущественно на нашей границѣ.—Финляндія добыта Русской кровью, и Русскій человѣкъ въ ея предѣлахъ безправный гражданинъ!...

Подобные порядки естественно дали поводъ досужимъ мечтателямъ создать теорію Финляндскаго государства.

Финляндцамъ были даны привиллегіи «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія» Императора; а они, расширивъ и войдя во вкусъ ихъ, съ рѣдко встрѣчающимся забвеніемъ исторіи, логики и чувства справедливости, начали теперь утверждать, что всѣ ихъ права получены въ силу договора съ Русскою державною властью!

По истинѣ, покойный М. Н. Катковъ былъ правъ, говоря, что Финляндцамъ протянули палецъ, а они пробуютъ захватить руку и даже обхватить все тѣло. («Моск Вѣд.» 1863 г., № 209).

Мих—ъ.

ДВА ПИСЬМА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА КЪ ГРАФУ БЕНКЕНДОРФУ *).

1.

Odessa, le 24 mai 1833.

Mille grâces, cher ami, pour le petit mot que vous m'avez envoyé par le feldyéguer de Dünabourg. L'arrivée de l'ordre de l'Empereur m'a ôté un grand poids de-dessus les épaules; car j'avais reçu il y a dix jours l'ordre de faire partir encore une brigade, et les préparatifs étant presque complettés d'avance, j'aurais pu la faire mettre à la voile dans 4 ou 5 jours. Cependant les nouvelles que j'avais de Constantinople, sans être entièrement positives, me persuadaient que l'arrivée de nos troupes dans ce moment serait intempestive et embarrasserait beaucoup nos diplomates. D'un autre côté, l'Empereur pouvait avoir des nouvelles secrètes sur les dispositions Egyptiennes, et sa volonté était là. J'ai donc procédé à embarquer, mais tout doucement, gardant les hommes jusqu'à la fin, pour n'avoir pas 5 m. hommes après cela inutilement dans la quarantaine, et j'ai traîné comme cela dans l'espérance de recevoir en attendant ou des nouvelles positives de Constantinople, ou un contre-ordre de Pétersbourg. C'est ce qui est arrivé, et cela me tranquillise, quoique au reste je me garderai en mesure tant que nous ne saurons pas pour sûr que la paix est définitivement signée. Nos dernières nouvelles sont du 13, mais on n'y parle pas des négociations.

---

*) Съ подлинниковъ, сохранившихся въ замкѣ Фаллѣ (подъ Ревелемъ) и любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" внукомъ графа Бенкендорфа, княземъ Петромъ Григорьевичемъ Волконскимъ. Читателей, желающихъ ближе познакомиться съ графомъ Бенкендорфомъ (главнымъ дѣятелемъ въ первую половину Николаевскаго царствованія) отсылаемъ къ XXXV-й книгѣ „Архива Князя Воронцова". П. Б.

Hoffmann m'a dit il y a quelque temps qu'il avait reçu ordre de vous de faire un *слѣдствіе* dans la terre de m-elle Akatzakow, à cause de quelques horreurs commises par son intendant punissant des femmes grosses. Il vous aura écrit que cette affaire avait été suivie dès le commencement; car, ne me fiant jamais aux enquêtes ordinaires quand il s'agit d'oppression et de cruauté, j'y avais envoyé mon aide-de-camp Yagnitsky; l'affaire a été en règle et se trouve à présent au tribunal criminel de Kherson.

Mais je suis bien aise de cette occasion pour vous dire deux mots, cher ami, sur l'état de choses qui permet à chaque instant de pareilles abominations. Tant qu'il sera permis à chaque intendant, comme à chaque maître ou maîtresse, de fouetter des femmes pendant qu'elles travaillent aux champs, sans forme de procès, sans la moindre règle et sans la présence de quelque espèce de police ou de formalité quelconque, qui rendrait la chose plus difficile et en montrerait l'inutilité autant que l'horreur, nous aurons toujours, partout où les paysans travaillent pour le seigneur, des cas comme celui-ci, c. à d. des avortements produits par des coups ou par la crainte des coups.

C'est une abomination qu'un pareil état de choses. C'est indigne de notre siècle et, qui plus est, c'est indigne d'un páys chrétien. Même dans les colonies de l'Amérique et malgré l'opposition et les clabaudages des planteurs, qui ressemblent comme deux gouttes d'eau à un grand nombre de nos *помѣщикъ*, le gouvernement anglais a cependant réussi dans deux choses: 1°, c'est que les commandeurs ou inspecteurs de travaux n'osent plus légalement aller aux champs avec un grand fouet comme autrefois, et 2-°, il est défendu de faire usage du fouet pour les femmes sans un arrêt de quelque magistrat. N'est-ce pas honteux pour nous d'être moins avancés en cela que les colonies à sucre, et que des paysannes russes et polonaises soient soumises à un régime dont on a pu délivrer les Négresses achetées en Afrique pour des cultures de la Jamaïque?

Le régime actuel chez nous abrutit le maître comme le paysan, confond les idées sur ce qui est juste et sur ce qui est

possible et fait qu'à chaque instant, même sur les terres d'une personne bien née et bien pensante, se commettent des choses à faire dresser les cheveux à quiconque a de l'humanité ou du bon sens. Dans ce cas-ci, par exemple, vous avez m-elle Akatzakow, qui est une excellente personne. Elle a donné sa terre à régir à un homme bien recommandé et qui n'a jamais été coupable d'acte de cruauté comparable à ce qui se fait journellement dans quantité de nos terres. La plupart des paysans même ont dit beaucoup de bien de lui. Mais son autorité étant sans limite, par là même les habitudes deviennent mauvaises. Il y a eu des femmes au travail, qui faisaient les paresseuses; il les a menacé du fouet et en a frappé quelques unes parmi elles; il y en avait des grosses, et de la peur ou des coups, une ou deux ont accouché avant terme. Cela se fait à chaque instant, et cela se fera continuellement, et bien pis que cela encore, tant que le gouvernemeut ne prendra pas quelque mesure décisive.

Vous pouvez bien croire que chaque fois que j'apprends de ces aventures, je fais tout ce qui est en mon pouvoir pour arrêter et punir, et je ne m'arrête à aucune des oppositions que je suis sûr de rencontrer en pareil cas. Mais qu'est-ce que c'est que 10 ou 12 au 15 coquins que je fait juger et dont la plupart encore sont acquittés, sur 100 et 200 cas, qui arrivent continuellement dans le pays? D'autant plus que, si même un homme est sévèrement puni pour de pareilles choses, personne ne le sait à 50 werstes de l'endroit: car nos tribunaux ne sont pas publics, et nous n'avons pas le droit même d'imprimer dans la gazette qu'un *помпщикъ* ou un intendant a été puni pour oppression ou cruauté. Il y a une espèce d'assurance générale que le gouvernement ne veut pas se mêler de pareilles choses et que l'autorité sur les paysans et les domestiques doit rester illimitée. De là les tribunaux eux-mêmes, qui envoyent à Sibérie et donnent le knout de bon coeur pour un vol de 120 roubles et envoyent *на поселеніе* pour vagabondage, tâchent de ne pas punir des maîtres et des maîtresses pour des meurtres avérés et répétés et ne veulent pas même garder en prison les prévenus pendant le procès.

Il y a à présent trois personnes en Bessarabie qui ont tué des hommes, des femmes et les enfants à force de coups et de cruautés de tous genres; il y a un homme dans le même cas à Kherson. Croyez-vous que, si je suis seulement 15 jours sans demander où en est l'affaire, je suis sûr d'apprendre que tous ces monstres sont tranquillement dans leurs maisons ou leurs campagnes, rossant et maltraitant leurs gens comme si de rien n'était? En même temps que, si je suis 15 jours sans examiner l'état des arrêtés dans une prison, je suis sûr qu'on y garde enfermés un tas de gens, qui, d'après des accusations contre eux, doivent, suivant les loix, être *на поручительствѣ* pendant l'instruction de leur affaire. Un tel travers dans les esprits ne vient que de l'état de la législation ou plutôt de l'indifférence du gouvernement pour des pareils abus.

Je sais bien que toutes les fois que quelque chose dans ce genre vient à la connaissance de l'Empereur, il a trop bon coeur et trop bonne tête pour ne pas tonner sur les délinquants; mais qu'est-ce que c'est que 4, 5, 6 cas dans l'année qui arrivent à sa connaissance à côté des milliers qui restent inconnus, et surtout encore, comme je l'ai dit plus haut, dans un pays où personne n'apprend, par la publication du crime et de la punition, ce qu'il peut attendre pour lui-même, s'il fait de même? L'Empereur a beaucoup fait pour la Russie, il a beaucoup fait pour l'immortalité; mais il ne pourra pas se présenter sans crainte devant le tribunal de Dieu, s'il laisse un pays de 50 millions d'âmes sans avoir amélioré (autant que la prudence le permet) l'état civil de ces millions, et si on continuera encore, comme on le fait à présent, à vendre publiquement, et quelque fois pour l'intérêt du Trésor, des hommes, des femmes, des enfants, sans terre et comme de vil bétail. Il y a 130 ans et plus que Pierre-le-Grand disait dans ses oukases que c'était une chose abominable et indigne d'un pays chétien. Catherine voulait détruire cet horrible abus, elle en a été empêchée par de vieux bonnets et les vielles femmes de son entourage. Mais nous vivons à présent sous un prince qui réunit connaissance, force et volonté. Il ne se laissera pas arrêter par des ganaches ou des hypocrites, et il saura bien démêler entre les innovations dangereuses et des améliorations nécessaires.

Pardon, cher ami, de cette longue diatribe; mais c'est un sujet sur lequel je ne puis être de sang-froid, quand je le touche. La gloire du nom russe, celle du souverain illustre, que Dieu a placé sur le trône de cet empire, sont intéressées à des changements. Sur ce point ils ne présentent aucun danger, et j'ai une ferme espérance que mes voeux seront réalisés.

J'écrirai vos complimens à ma femme et aux Narichkine, qui sont tous à Bielaya-Tserkow avec les enfants. J'irai dans le courant du mois prochain passer 3 ou 4 jours là, ayant besoin de voir ma belle-mère; mais je dois avant cela aller faire un petit séjour à Kichenew et Izmaïl.

P. S. Je vous réponds aujourd'hui, cher ami, d'office sur ce que vous m'avez ecrit au sujet de ces scélérats de Polonais qui roulent dans leurs têtes un affreux projet. Que Dieu nous préserve du malheur de la réussite! Je vous communique tout ce que j'ai pu faire ici. Je donnerais je ne sais quoi pour tomber sur quelque voie qui puisse nous donner des renseignements; mais, tout en espérant qu'ils ne pourront rien faire, je ne puis penser sans trembler qu'il y a déjà de ces scélérats à Pétersbourg. Dites moi si vous avez espérance d'en reconnaître.

Outre les papiers officiels aux autorités, nous avons concerté avec Lewchine ici une surveillance secrète par trois personnes différentes et agissant sans se connaître. Ils se mêleront, autant que possible, avec les Polonais et les nouveaux arrivés. Je vous en parlerais encore une autre fois.

M. Woronzow.

Переводъ.

Одесса, 24 Мая 1833.

Дорогой другъ! Тысячу разъ благодарю васъ за вѣсточку, которую вы мнѣ прислали съ Динабургскимъ фельдъегеремъ. Прибытіе государева приказа сняло гору съ моихъ плечъ. Десять дней тому назадъ я получилъ приказаніе отправить еще одну бригаду и, такъ какъ всѣ приготовительныя мѣры были почти исполнены впередъ, я могъ бы ее посадить на корабли дня въ 4 или 5; а между тѣмъ извѣстія, которыя я имѣлъ изъ Константинополя, хотя и не вполнѣ достовѣрныя, убѣждали меня, что прибытіе въ

настоящее время нашихъ войскъ было бы неблаговременно и очень затруднило бы нашихъ дипломатовъ; съ другой стороны Государь могъ имѣть негласныя извѣстія о положеніи Египетскихъ дѣлъ, и такова была его воля. Однако я потихоньку началъ снаряжать корабли, сохраняя людей до самаго конца, чтобы не держать безполезно 5 т. человѣкъ въ карантинѣ; тянулъ я дѣло такимъ образомъ, надѣясь тѣмъ временемъ получить или достовѣрныя извѣстія изъ Константинополя или отмѣну приказанія изъ Петербурга. Произошло послѣднее, и это меня успокоиваетъ, хотя въ концѣ концовъ я буду держаться прежняго образа дѣйствія до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ вполнѣ увѣрены, что миръ окончательно подписанъ. [1]) Наши послѣднія вѣсти относятся къ 13-му, но въ нихъ нѣтъ ничего о переговорахъ [2]).

Гофманъ [3]) сказалъ мнѣ недавно, что онъ получилъ отъ васъ приказаніе произвести слѣдствіе въ имѣніи дѣвицы Акатцаковой по поводу ужасныхъ дѣйствій ея управляющаго—наказанія беременныхъ женщинъ. Онъ вамъ напишетъ, что за это дѣло тотчасъ же принялись; я послалъ своего адъютанта Ягницкаго, [4]) такъ какъ, коль скоро дѣло идетъ о притѣсненіяхъ и о звѣрствахъ, я не довѣряю обыкновеннымъ разслѣдованіямъ; дѣло было ведено правильно и въ настоящее время находится въ Херсонской Уголовной Палатѣ.

Я радъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ, дорогой другъ, нѣсколько словъ о томъ положеніи дѣлъ, при которомъ всякую минуту возможны подобные ужасы. До тѣхъ поръ, пока будетъ позволено всякому управляющему, какъ и всякому господину и госпожѣ сѣчь женщинъ во время полевыхъ работъ безъ всякаго слѣдствія, безъ всякой проформы, безъ соблюденія какихъ-нибудь правилъ, безъ присутствія какой-либо полиціи, безъ всякой формальности, которая дѣлала бы исполненіе болѣе труднымъ и показывала бы какъ безполезность поступка, такъ и его ужасъ, до тѣхъ поръ у насъ будутъ всегда, вездѣ, гдѣ крестьяне работаютъ на господина, случаи подобные нашему, т.-е. выкидыши отъ побоевъ и отъ страха побоевъ.

Такое положеніе дѣлъ ужасно; это позоръ нашего вѣка, скажу больше, позоръ для христіанской страны. Даже въ Американскихъ колоніяхъ, вопреки оппозиціи и воплямъ плантаторовъ, которые какъ двѣ капли воды по-

---

[1]) Т.-е. между султаномъ и возмутившимся противъ него Египетскимъ пашею.

[2]) Въ то время, когда писано это письмо, шесть нашихъ полковъ стояло на судахъ у Константинополя, и Н. Н. Муравьевъ ѣздилъ въ Египетъ, грозя нашимъ вмѣшательствомъ. См. „Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году“. Изданіе „Чертковской библіотеки“. М. 1869, стр. 229 и 237.

[3]) Вѣроятно находившійся въ Одессѣ жандармскій генералъ.

[4]) Ягницкій, боевой сподвижникъ князя Воронцова, завѣдывалъ управленіемъ его деревень.

хожи на большинство нашихъ помѣщиковъ, Англійскому правительству тѣмъ не менѣе удалось достигнуть двухъ вещей: 1) прикащики и надсмотрщики надъ работами по закону не имѣютъ права ходить въ поле съ большимъ кнутомъ, какъ это дѣлалось прежде, 2) имъ запрещено бить кнутомъ женщинъ безъ приговора какого-нибудь должностнаго лица. Вѣдь стыдно, что въ этомъ дѣлѣ насъ опередили сахарныя колоніи и что Русскія и Польскія крестьянки подчинены такому порядку, отъ котораго можно было освободить Негритянокъ, купленныхъ въ Африкѣ для воздѣлыванія земли въ Ямайкѣ.

Порядокъ, въ настоящее время у насъ дѣйствующій, дѣлаетъ болѣе грубымъ и господина, и крестьянина, побуждаетъ смѣшивать справедливое съ возможнымъ и производитъ то, что каждую минуту, даже на землѣ у людей благородныхъ и съ хорошимъ образомъ мыслей, совершаются дѣла, отъ которыхъ встаютъ дыбомъ волосы у всякаго нѣсколько человѣколюбиваго и здравомыслящаго человѣка. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ передъ вами дѣвица Акатцакова; она—прекрасная особа, дала управлять своими имѣніемъ человѣку, хорошо ей рекомендованному, который никогда не былъ виновенъ въ жестокостяхъ подобныхъ совершающимся ежедневно во многихъ нашихъ имѣніяхъ. По большей части сами крестьяне говорили объ немъ много хорошаго. Но его власть была безгранична, и вслѣдствіе этого привычки стали дурными. Нѣкоторыя изъ работавшихъ женщинъ лѣнились, онъ пригрозилъ имъ кнутомъ, а иныхъ ударилъ; среди этихъ послѣднихъ были беременныя; отъ страха или отъ побоевъ одна или двѣ выкинули. Это совершается каждую минуту и будетъ совершаться постоянно, и еще много худшее, чѣмъ въ данномъ случаѣ, до тѣхъ поръ пока правительство не приметъ какой-нибудь рѣшительной мѣры.

Вы можете вполнѣ вѣрить, что всякій разъ, какъ я узнаю о подобныхъ происшествіяхъ, я дѣлаю все, что въ моей власти, чтобы начать дѣло и наказать; я не останавливаюсь ни передъ какими сопротивленіями, съ которыми, я хорошо знаю, въ подобныхъ случаяхъ приходится встрѣчаться. Но что значитъ 10 или 12 или 15 негодниковъ, которыхъ я подвергаю суду и большая часть которыхъ еще не расплатилась за 100 и 200 проступковъ, совершаемыхъ ежедневно въ странѣ; тѣмъ болѣе что, если даже кто и строго наказанъ за подобныя дѣла никто про это не знаетъ верстъ за 50, ибо наши суды не гласны и даже напечатать въ газетахъ, что такой-то помѣщикъ или управляющій былъ наказанъ за угнетеніе или звѣрство, мы не имѣемъ права. Существуетъ какая-то всеобщая увѣренность, что правительство не желаетъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла, и что власть надъ крестьянами и слугами должна оставаться неограниченною. Отсюда сами судьи, которые охотно ссылаютъ въ Сибирь и присуждаютъ наказаніе

кнутомъ за кражу 120 р., ссылку на поселеніе за бродяжничество, стараются не наказывать владѣльцевъ и владѣтельницъ за доказанныя и повторенныя убійства и даже не желаютъ держать подсудимыхъ въ тюрьмѣ во время веденія дѣла.

Въ настоящее время у насъ три человѣка въ Бессарабіи, которые побоями и всякаго рода жестокостями довели до смерти мущинъ, женщинъ и дѣтей; тоже совершилъ одинъ человѣкъ въ Херсонѣ. Вѣрите ли, что стоитъ мнѣ дней 15 не справляться о ходѣ такого дѣла, и я навѣрное узнàю, что всѣ эти чудовища пребываютъ спокойно въ своихъ домахъ и помѣстьяхъ, бичуя и свирѣпствуя надъ своими людьми, какъ будто бы ничего не произошло? А въ тоже время не справляйся я въ продолженіи 15 дней о состояніи заключенныхъ въ тюрьмѣ, я увѣренъ, что въ ней будутъ держать множество людей, которые, вслѣдствіе обвиненія по законамъ должны бы быть на поручительствѣ во время разсмотрѣнія дѣла. Такое искаженіе понятій происходитъ всецѣло отъ состоянія законодательства или скорѣе отъ безразличнаго отношенія правительства къ подобнымъ злоупотребленіямъ.

Я хорошо знаю, что всякій разъ, какъ что-либо въ этомъ родѣ дойдетъ до свѣдѣнія Государя, онъ громитъ преступниковъ, такъ какъ у него слишкомъ хорошее сердце и хорошая голова, чтобы поступать иначе. Но что значатъ 4, 5, 6 случаевъ въ годъ, которые доходятъ до его свѣдѣнія, когда тысячи остаются неизвѣстными, и особенно, какъ я сказалъ выше, въ странѣ, гдѣ никто не знаетъ, черезъ обнародованіе отчета о преступленіяхъ и наказаніяхъ, чтò можетъ ожидать его самаго, если онъ совершитъ тоже? Государь много сдѣлалъ для Россіи, много сдѣлалъ для своего безсмертія; но онъ не можетъ безъ страха предстать передъ Божьимъ судомъ, если оставитъ страну въ 50 мил. душъ, не улучшивъ (на сколько позволяетъ благоразуміе) общественнаго положенія этихъ миліоновъ, и если будутъ еще продолжать, какъ дѣлается это теперь, публично продавать, иногда въ интересахъ казны, мущинъ, женщинъ, дѣтей безъ земли и какъ жалкій скотъ. Уже 130 лѣтъ и даже больше тому назадъ Петръ Великій говорилъ въ своихъ указахъ, что это ужасно и недостойно христіанской страны. Екатерина хотѣла уничтожить это страшное злоупотребленіе, но ей помѣшали старые колпаки и старухи ея двора. Но теперь мы живемъ подъ управленіемъ Государя, который соединяетъ въ себѣ знаніе, силу и волю. Онъ не позволитъ глупцамъ и лицемѣрамъ удержать себя и съумѣетъ различить необходимыя улучшенія отъ опасныхъ новшествъ.

Простите, дорогой другъ, за эту долгую діатрибу; но предметъ таковъ, что я, касаясь его, не могу быть хладнокровнымъ *). Слава Русскаго име-

---

*) Конечно графъ Бенкендорфъ показалъ это письмо Государю, который самъ сознавалъ необходимость отмѣны крѣпостнаго права и только Польскимъ мятежемъ отвлеченъ былъ отъ великаго дѣла. —Вспомнимъ, что еще въ царствованіе Александра Павловича князь (тогда графъ) Воронцовъ вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ хлопотали объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи.

ни, слава знаменитаго властителя, котораго Богъ возвелъ на престолъ нашего государства, заинтересованы въ измѣненіяхъ. Въ этомъ отношеніи они не представляютъ никакой опасности; и я твердо увѣренъ, что мои желанія осуществятся.

Я сообщу ваши любезныя пожеланія моей женѣ и Нарышкинымъ, [1]) которыя всѣ съ дѣтьми находятся въ Бѣлой Церкви. Я поѣду туда въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, чтобы провести тамъ дня 3, 4, такъ какъ мнѣ нужно видѣть мою тещу; но прежде я долженъ побывать на короткое время въ Кишеневѣ и Измаилѣ.

P. S. Сегодня, милый мой, я оффиціально отвѣчаю вамъ на то, что̀ вы мнѣ пишете по поводу злодѣйства Поляковъ, которые держатъ въ мысляхъ своихъ ужасное намѣреніе. Да сохранитъ насъ Богъ отъ несчастья, чтобы это намѣреніе удалось. Сообщаю вамъ все, что̀ я могъ сдѣлать здѣсь. Я дамъ, что́ угодно, чтобы напасть на путь, гдѣ мы могли бы были получить кое-какія свѣдѣнія. Вполнѣ надѣясь, что они не будутъ въ состояніи ничего совершить, я не могу помыслить безъ содроганія о томъ, что эти злодѣи уже въ Петербургѣ. Сообщите мнѣ, надѣетесь ли вы ихъ узнать. Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ къ властямъ мы обдумали съ Левшинымъ [2]) учредить тайный надзоръ, состоящій изъ трехъ лицъ, которыя дѣйствуютъ, не зная другъ друга. Они насколько возможно войдутъ въ сношенія съ Поляками и новоприбывшими въ Одессу. Объ этомъ я вамъ еще сообщу въ слѣдующій разъ.

М. Воронцовъ.

2.

Odessa, le 20 août 1837.

Léontiew m'a remis, cher et bon ami, votre lettre. Je savais déjà par notre ami Balabine que vous ne veniez plus ici, et quelque cruelle que soit pour moi la privation de vous voir, et surtout de ne pas vous posséder quelques jours tranquillement dans notre maison d'Odessa, je vous aime trop et je ne suis pas assez égoïste pour ne pas approuver votre résolution, surtout si vous teniez absolument à accompagner l'Empereur dans son voyage au Caucase. Cette idée m'effrayait toujous pour vous, et quoique je ne voulais pas vous contrarier inutilement d'avance, quand nous en parlions, j'étais toujours persuadé en moi-même que ce voyage, suivant la marcheroute arrêtée, était au-dessus de vos forces. Il faut donc prendre son parti et abandonner l'espoir de vous embrasser jusqu'à l'année prochaine.

---

[1]) Левъ Александровичъ (двоюродный братъ Воронцова) и его супруга Ольга Станиславовна (ур. Потоцкая).

[2]) Алексѣемъ Ираклiевичемъ.

Pour en revenir à la marcheroute du Caucase, j'avoue qu'elle me paraît exagérée même pour l'Empereur. On se fait aller trop loin et par conséquent trop vite. De cela vient: 1°, que la fatigue sera trop grande et pourrait avoir de mauvaises suites, ce qui est effroyable à penser; 2°, qu'en allant aussi vite que cela, et beaucoup à cheval, on n'est guères en état de bien voir et bien réfléchir sur le pays qu'on traverse. Selon moi il devrait renoncer à Achaltzik et Érivan. La Mingrélie et l'Imérétie, un apperçu de la frontière turque de ce côté et la Géorgie, voilà ce qui est important de connaître, voilà ce qu'il suffirait de voir, et voilà ce que l'Empereur pourrait voir parfaitement bien et à son aise, en se dirigeant tout droit de Kutaïs à Tiflis. Érivan devient d'autant moins important qu'on veut, dit-on, l'abandonner, comme garnison principale, à cause de son insalubrité. Ma faible voix ne sera pas écoutée; mais je ne laisserai pas que de prêcher cela dans tous les moments opportuns que je trouverai et à l'Empereur lui-même, s'il veut bien me permettre de lui en parler.

Nous avons appris que l'Empereur est arrivé à Woznésensk dans la nuit du 17 au 18, c. a d. 5 jours plus tôt qu'on ne l'attendait. On dit qu'il en repartira pour aller à la rencontre de l'Impératrice. D'autres disent qu'il fera une course à Nicolaew. Pour moi je pars demain, le 21, et je serai à Woznésensk, Dieu aidant, après demain dimanche de bonne heure.

Je serais parti ce soir, si ce n'était que j'attends demain le pyroscaphe de Crimée, qui m'apportera les dernières nouvelles de nos bâtisses et préparatifs en Crimée. J'espère que tout sera prêt pour l'arrivée de nos augustes voyageurs, quoique, lorsque j'y étais, il n'y avait encore ni portes, ni fenêtres, ni escaliers Je montrais cela à Picard, le maître d'hôtel de l'Impératrice, qui venait d'arriver. Il m'a rassuré que cela ne l'inquiétait pas, parce qu'il avait vu exactement la même chose à Odessa. L'année 1828, il précédait aussi l'Impératrice de quelques semaines et quand il est arrivé, notre maison n'avait pas encore l'escalier, mais il fut mis à temps, et l'Impératrice y logea très bien. J'espère bien que ce sera la même chose avec Aloupka. Toujours est-il très-agréable et flatteur pour nous d'avoir déjà la

seconde maison que nous bâtissons et que Leurs Majestés étrennent en y logeant avant nous.

Dites moi, je vous prie, cher ami, si vous avez pu entamer une fois le projet de Brulow et si vous croyez que je pourrai en parler à l'Empereur. Je désirerais excessivement le voir fixé ici. Ce serait d'ailleurs le seul moyen de le conserver pour la Russie; car il ne pourra certainement pas rester longtemps à Pétersbourg, tandis que ce pays-ci lui convient d'autant plus que le voisinage de la Grèce et même de l'Italie, grâce au système actuel des pyroscaphes, le mettra toujours à même de faire de temps en temps des courses dans les contrées classiques des beaux arts.

Tout de suite après le passage de la Famille Impériale je m'occuperai du vase de porphyre, qui doit servir dans votre charmant établissement de représentant de la Crimée.

Переводъ.

Одесса, 20 Августа 1837.

Леонтьевъ передалъ мнѣ, дорогой и милый другъ, ваше письмо. Я уже зналъ отъ нашего друга Балабина [1]) что вы не пріѣдете сюда. Какъ ни было для меня тяжко лишеніе возможности видѣть и особенно, на покоѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, имѣть васъ въ нашемъ Одесскомъ домѣ, я васъ слишкомъ люблю и не настолько эгоистъ, чтобы не одобрить вашего рѣшенія, особенно если вы рѣшительно намѣревались сопровождать Государя во время его поѣздки на Кавказъ; эта мысль всегда устрашала меня за васъ и, хотя я не желалъ безполезно перечить вамъ во время нашихъ разговоровъ по этому поводу, я былъ всегда убѣжденъ, что путешествіе по назначенному маршруту сверхъ вашихъ силъ [2]). И такъ слѣдуетъ покориться своей участи и до слѣдующаго года оставить надежду обнять васъ.

Вернусь къ маршруту по Кавказу. По моему убѣжденію онъ чрезмѣренъ даже для самаго Государя; ему слѣдуетъ ѣхать слишкомъ далеко, слѣдовательно слишкомъ быстро. Отсюда слѣдуетъ: 1-е, что утомленіе будетъ слишкомъ велико и можетъ имѣть вредныя послѣдствія, о чемъ страшно и помыслить; 2-е, совершая поѣздку такъ быстро и часто верхомъ, нѣтъ возможности хорошо увидѣть и поразмыслить о состояніи страны, чрезъ которую проѣзжаешь. По моему мнѣнію Государю слѣдовало бы отказаться отъ посѣщенія Ахалцыха и Эривани. Мингрелія и Имеретія, Турецкая

---

[1]) Петра Ивановича, жандармскаго генерала.

[2]) Графъ Бенкендорфъ передъ тѣмъ былъ тяжко боленъ, и князь Воронцовъ, лѣтомъ того года, навѣстилъ его въ Фаллѣ. Съ Государемъ поѣхалъ графъ А. Ѳ. Орловъ.

граница съ нашей стороны и Грузія: вотъ что́ важно узнать, вотъ что́ достаточно посмотрѣть, и это Государь можетъ сдѣлать вполнѣ хорошо и удобно, подвигаясь по прямому направленію отъ Кутаиса къ Тифлису. Эривань тѣмъ менѣе важна, что тамъ, какъ говорятъ, не хотятъ держать главныхъ силъ изъ за вреднаго климата. Мой слабый голосъ не будетъ услышанъ, но я все буду подавать его всякую минуту, которую найду удобною, и самому Государю, если ему угодно будетъ позволить мнѣ высказаться передъ нимъ.

Мы узнали, что Государь прибылъ въ Вознесенскъ въ ночь съ 17 на 18, т.-е. на 5 дней раньше, чѣмъ его ожидали. Говорятъ, что оттуда онъ отправится на встрѣчу Государынѣ; другіе утверждаютъ, что онъ совершитъ поѣздку въ Николаевъ; а я отправляюсь завтра 21-го и, съ Божьей помощью, буду въ Вознесенскѣ рано утромъ послѣ завтра, въ Воскресенье.

Я уѣхалъ бы и сегодня, если бы не ждалъ на завтра парохода, который привезетъ послѣднія извѣстія о нашихъ постройкахъ и подготовительныхъ работахъ въ Крыму. Надѣюсь, что все будетъ готово къ пріѣзду нашихъ августѣйшихъ путешественниковъ, хотя, когда я былъ тамъ, не было еще ни дверей, ни оконъ, ни лѣстницъ. Я указывалъ на на это Пикару, дворецкому Императрицы, который недавно прибылъ. Онъ меня увѣрилъ, что это его нисколько не безпокоитъ, такъ какъ онъ видѣлъ точь-въ-точь тоже самое въ Одессѣ въ 1828 г. Онъ пріѣхалъ на нѣсколько недѣль раньше Государыни, и въ то время въ нашемъ домѣ не было еще лѣстницы, но ее поставили своевременно, и Государыня помѣщалась тамъ очень хорошо. Надѣюсь, что тоже самое будетъ и съ Алупкой. Для насъ во всякомъ случаѣ крайне лестно и пріятно, что вотъ уже второй домъ, который мы построили, Ихъ Величества обновляютъ, поселяясь въ немъ раньше насъ.

Скажите мнѣ, пожалуйста, дорогой другъ, могли ли вы заняться намѣреніемъ Брюлова и считаете ли вы, что я могу сказать о немъ Государю. Я въ высшей степени желаю, чтобы онъ утвердился здѣсь; это единственный способъ сохранить его для Россіи, такъ какъ конечно онъ не можетъ долго оставаться въ Петербургѣ. Эти страны ему подходятъ, тѣмъ болѣе, что сосѣдство съ Греціей и даже съ Италіей, благодаря теперешней системѣ пароходовъ, постоянно дастъ ему возможность дѣлать время отъ времени поѣздки въ классическія страны художествъ.

Тотчасъ послѣ проѣзда Императорской Фамиліи я займусь порфировой вазой, которая должна служить въ вашемъ прекрасномъ помѣстьи представительницей [3]) Крыма.

---

[1]) Подробности о предполагаемомъ посѣщеніи Алупки Царскою Фамиліею, см. Архивъ Кн. Воронцова XXXVI стр. 489—491.

[2]) Эта ваза украшаетъ одну изъ комнатъ Фалля, въ паркѣ котораго сохранилась чугунная скамейка съ Воронцовскимъ гербомъ и его подписью (Semper immota fipəs).

ПИСЬМО КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО КЪ М. И. ГЛИНКѢ *).

Вотъ тебѣ партитура „Медеи", любезный другъ Михаилъ Ивановичъ; насилу отыскалъ ее: такъ хлопотна моя жизнь, что съ дачнаго переѣзда не успѣлъ еще привести въ порядокъ мою библіотеку. За Испанскую твою штуку спасибо. Какъ ее по имени и по отечеству, не знаю. Чтò мнѣ сказать тебѣ про нее? Прекрасно, какъ все чтó выходитъ изъ подъ твоего лѣниваго пера, ибо ты лѣнишься изъ рукъ вонъ. Право, грѣхъ! Отъ этого у тебя выходятъ прелестные карапузики, головка, туловище—чудо, а ножки приказали кланяться! Въ твоей Испанской *барынѣ* всего 480 тактовъ; мало, весьма мало; но чтó хуже, на нихъ всего 18—20 тактовъ *de peroraison*— всетаки не въ мѣру. Едва слушатели успѣли развѣсить уши и разинуть рты, какъ и *шрамъ*, кончено! Пойми, и что *тебя хотятъ слушать*, хотятъ *долго* слушать, и что публику надобно кормить *жеванымъ*; нежеванаго она не невариваетъ и, бросившись съ жадностію на лакомый кусокъ, жалуется на индижестію. Бога ради будь подолговязѣе. На твою Испанскую барыню смотрю какъ на первую часть *du premier morceau*: жду второй части и если въ тебѣ еспаньолизмъ все гомозится, отъ чего бы не написать *Испанскую симфонію*, гдѣ напр. Iota arranguesa (кажется, такъ она называется?) могла бы занимать мѣсто intermezzo, если уже тебѣ не хочется болѣе развивать ее?

Я бы давно къ тебѣ заѣхалъ, но хлопотъ полонъ ротъ съ огромною лотереею, которую мы затѣяли для Общества посѣщенія бѣдныхъ. Одна повѣрка нумеровъ билетовъ занимаетъ цѣлые дни, а еще бѣда: у жены ревматизмъ въ ногахъ, и она едва можетъ пройти по комнатѣ. Но на дняхъ удосужусь и ужъ какъ хочешь притащу тебя къ себѣ, напр. въ Пятницу. Ась? Твой всею душою князь В. Одоевскій.

21 Октября 1851.

---

*) Это письмо передано было на память М. И. Глинкою П. П. Дубровскому съ слѣдующею надписью: „Доброму и любезному сотоварищу въ жизни въ знакъ пріязни и памяти, Михаилъ Глинка. 29 Октября 1851 года, С.-Петербургъ".

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ П. П. ДУБРОВСКОМУ.

Изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ.

1.

Парижъ, 23 (11) Генваря 1853 года.

Не гнѣвайтесь, любезнѣйшій баринъ Петръ Павловичъ, что до сихъ поръ я не отвѣчалъ на ваше дружеское посланіе. Дѣло извѣстное—зима, хотя и чрезвычайно легкая сравнительно съ нашею, а все таки *зима*, врагъ мой, беретъ свое: я не хвораю, а сижу въ комнатѣ и вполовину не свой.

Что̀ сказать вамъ? Если желаете знать, каково мнѣ здѣсь? Могу отвѣтить: *pas assez jeune pour bien m'amuser, pas assez bête pour trop m'ennuyer.* *) Въ итогѣ живу тихо, уединенно, довольво *сытно* и *тепло* (по возможности), страдаю несравненно менѣе нежели въ Россіи; за то нерѣдко овладѣваетъ мною *носталгія*, напавшая на меня съ самаго выѣзда изъ Варшавы и сопутствовавшая до береговъ Средиземнаго моря и Пиринеевъ, такъ что вмѣсто Севильи я очутился снова здѣсь въ Парижѣ. Не сѣтую: къ своимъ ближе и мѣстечко не совсѣмъ дурное.

Впрочемъ эту носталгію легко объяснить. Бывало, путешествіе облегчало мои страданія и оживляло, освѣжало сердце и воображеніе; теперь же путешествіе (въ особенности въ дилижансахъ и по желѣзнымъ дорогамъ) для меня трудъ, мука и пытка. Шибко, нелѣпо постарѣлъ я, милый баринъ; удовольствія свѣта не по силамъ; къ тому же и какъ-то ничто не утѣшаетъ. Въ дабавокъ потолстѣлъ до безобразія.

Чтобы передать немногимъ искренно меня любящимъ, въ память обо мнѣ, мой портретъ, пока старость еще не исказила вполнѣ моего лица—началъ одинъ изъ моихъ пріятелей на *камнѣ перомъ съ натуры* таковой портретъ и ежели кончитъ столько же успѣшно, сколь успѣшно идетъ дѣло, то это будетъ истинно художественное произведеніе по сходству и исполненію. Литографировать буду здѣсь, и нѣтъ сомнѣнія, что вы останетесь довольны, когда вышлю вамъ экземпляръ.

---

*) Не довольно молодъ, чтобы очень веселиться; не довольно глупъ, чтобы слишкомъ скучать.

Въ свободное время прошу васъ навѣстить розоваго доктора Гейденрейха; найти его не трудно: онъ живетъ въ домѣ Театральной Дирекціи. Потрудитесь ему поклониться отъ меня и спросить: получилъ ли онъ *колибри*, высланныя въ подарокъ отъ меня и отъ Петруши [1]),

Зима все остановила, и Украинскую симфонію, и чтеніе. До Ноября я прочелъ здѣсь всего Гомера, Софокла, Овидія и Аріосто, разумѣется въ переводѣ на Французскій языкъ.

Петруша вамъ кланяется, онъ прилежно усовершенствуется во Французскомъ языкѣ и постоянно учится по Англински.

Навсегда преданный вамъ, милый баринъ, слуга и другъ Михаилъ Глинка.

2.

Парижъ, 18 (6) Декабря 1853 года.

Любезнѣйшій баринъ Петръ Павловичъ!

Вмѣсто веселой, но поэтической Андалузіи я нахожусь въ самомъ отвратительномъ городѣ, въ особенности для художника. Часто вспоминаю о васъ. Да, баринъ, еще разъ правы, очень вы правы. Парижанки хотя безъ души, но милы и привѣтливы (въ родѣ Полекъ), *Парижанинъ же самецъ* есть самое отвратительное *животное* (animal) въ мірѣ. Но оставимъ все это; при свиданіи изустно лучше передамъ мои впечатлѣнія. Скоро надѣюсь вырваться изъ этого проклятаго Вавилона. Весною, т. е. въ началѣ Апрѣля, собираюсь ѣхать и ежели Богъ поможетъ къ 15 Мая надѣюсь быть въ Петербургѣ. Сестра Людмила собирается также въ Питеръ съ тѣмъ, чтобы остаться тамъ на зиму, а можетъ быть, и поселиться тамъ.

Прошу васъ передать поздравленіе и поклонъ отъ меня всей братіи въ особенности Куторгѣ [2]), Гейденрейху и князю Волконскому.

Въ надеждѣ скораго и дружескаго отвѣта, остаюсь отъ души преданный вамъ Михаилъ Глинка.

3

Берлинъ, 25 (13) Апрѣля 1854.

Милый и любезнѣйшій баринъ Петръ Павловичъ!

Вотъ я на обратномъ пути во свояси. Здѣсь въ Берлинѣ потѣшаютъ меня классическою музыкой. Жаль, что погода скверная, и нервы пошаливаютъ.

---

[1]) Донъ Педро, Испанецъ, находившійся при М. И. Глинкѣ.

[2]) Покойному профессору С. С. Куторгѣ.

[3]) Сыну министру двора, князю Григорію Петровичу.

Завтра ѣдемъ далѣе, т. е. въ Бреславль, Ченстоховъ и Варшаву, гдѣ думаемъ отдохнуть и выждать весеннее время. Ежели Богъ сподобитъ, думаемъ быть въ Питерѣ около 7 или 8 по нашему стилю.

Зная вашу готовность обязывать друзей вашихъ, обращаюсь съ нижеслѣдующею просьбою: потрудитесь справиться, можно ли намъ по пріѣздѣ въ Питеръ найти двѣ маленькихъ комнатки съ прислугою въ родѣ той, гдѣ Петруша былъ у васъ. Въ трактирахъ гадко и дорого. Это только до пріѣзда сестры Людмилы, т. е. на 8 или 10 дней. Потрудитесь отвѣчать въ Варшаву *poste restante* и прислать адресы такого рода помѣщеній.

Братіи, какъ то Энгельгарду, Стасову, Сѣрову, Кукольнику, Куторгѣ и прочимъ усерднѣйшій поклонъ.

Пожелавъ вамъ всего лучшаго, въ надеждѣ скораго свиданія, остаюсь преданный другъ и слуга Михаилъ Глинка.

(Сообщено, какъ и письмо князя Одоевскаго, П. П. Дубровскимъ).

БѢЛОРУССКІЯ ПРЕДАНІЯ О 1812-мъ ГОДѢ.

За годъ до нашествія Французовъ, жители Дисенскаго и Дриссенскаго уѣздовъ, при помощи солдатъ, принуждены были рубить лѣсъ и со всѣми сучьями тащить на указанныя мѣста, копать рвы и дѣлать насыпи. Такимъ образомъ на лѣвомъ берегу Западной Двины, между Дриссой и Друей, было возведено сильное укрѣпленіе верстъ на 12 слишкомъ. На Западѣ отъ Дриссенскаго укрѣпленія или батарей находится ровное и большое поле, верстъ на десять, слегка холмистое, съ небольшими овражками, поросшими небольшимъ лѣсомъ и съ рѣчкой Волтой, изъ-за которой долженъ былъ явиться западный врагъ. Поле это живописно по своему мѣстоположенію и богато растительностью. Во времена Полоцкаго княжества оно служило сборнымъ мѣстомъ, на которомъ нѣкогда, въ случаѣ войны, собиралась военная рать. Близъ лежащее надъ Двиной прекрасное мѣстечко Войтово или Левполе, гдѣ жилъ нѣкогда Полоцкій войтъ или повелитель военной рати, теперь опозорено Жидами и почему-то названо Леонполе.

Дриссенскія батареи тянутся съ Востока на Западъ въ видѣ дуги, образуемой Западной Двиной, которая въ полверстѣ, позади укрѣпленія, на склонѣ своихъ береговъ давала безопасный пріютъ и отдыхъ запаснымъ нашимъ войскамъ. Черезъ Двину были натянуты пловучіе мосты, представлявшіе возможность всегда свободнаго отступленія Русскимъ войскамъ. На противуположномъ берегу (на правомъ) Двины господствуютъ горы надъ боевой равниной, укрѣпленіемъ и рѣкой. Въ этихъ горахъ Руссскія войска опять же имѣли укрѣпленія и могли свои ядра посылать врагу, которому приходилось сначала преодолѣть батарейный огонь, потомъ естественное препятствіе—пучину рѣки и, переправившись чрезъ нее, подняться на гору подъ градомъ Русскихъ пуль, и тогда только взглянуть на горизонты Петербурга и Москвы. Дриссенское укрѣпленіе находилось въ узлѣ двухъ неминуемыхъ дорогъ: Петербургской и Московской; оно закрывало одновременно ворота въ Петербургъ и въ Москву. Если бы не услуги Поляковъ, Французы, по своей тогдашней гордости и рѣшительности, принуждены были-

бы силою отворять эти ворота, и весьма возможно было-бы, что Россія и Москва не увидали бы Французовъ въ 1812-мъ году.

Мѣстность эта и все побережье Западной Двины отъ деревни Заборье по деревню Путри или Слободу, гдѣ уже начинаются батареи Дисенскаго уѣзда, чрезвычайно богата самыми фантастическими горами и урѣжистыми ручьями, господствующими надъ правымъ берегомъ Двины, Витебской губерніи. Она (т. е. мѣстность) давно уже изучена и до мельчайшей подробности снята на карты Поляками-помѣщиками и Австрійскими агентами. Крупный чиновникъ въ Русскомъ мундирѣ, но съ Польско-нѣмецкой душой, назадъ тому два года любилъ гулять, въ сопровожденіи мѣстныхъ помѣщиковъ-Поляковъ по этой мѣстности подъ тѣмъ предлогомъ, что его превосходительство хочетъ-де купить маленькое имѣніе Дубинки. Владѣлецъ же большихъ земель, полякъ Л., просѣкъ линію черезъ лѣсъ на четыре версты, отъ Дриссы до застѣнка Липово, т. е. намѣтилъ прямую дорогу, которая должна миновать очень урѣжистый ручей подъ названіемъ Рубежъ и болотистую дорогу на деревню Барсуки и соединиться съ дорогами идущими чрезъ мѣстечко Шарковщина и Перебродье, т. е. съ дорогами, ведущими изъ центровъ Виленской и Ковенской губерній.

Знаютъ ли наши штабъ-офицеры эту мѣстность и Польско-австрійскія затѣи и примѣнитъ ли наше правительство тѣ благоразумныя мѣры, которыя начертилъ и къ дѣлу примѣнилъ Западно-Русскій дѣятель и народный благодѣтель, незабвенный графъ Муравьевъ? На прозорливость и распорядительность мѣстныхъ властей надѣяться нечего; ихъ мудрая бдительность тщательно заключена въ карманахъ пановъ-Поляковъ.

Въ началѣ Іюня 1812 года отступавшія наши войска показались въ Диссенскомъ уѣздѣ. Одни шли отъ Вильны къ Дриссѣ, мимо Свѣнцянъ, чрезъ мѣстечко Погосто и село Черешъ, другія отъ Ковно черезъ Вилькомиръ и Бреславъ (Ковенской губерніи) и Друю (Диссенскаго уѣзда).

Наши войска на всѣхъ своихъ путяхъ не обижали жителей и не трогали ихъ имущества, даже за выпитое ими молоко бросали свои мѣдные гроши. Повсемѣстно наши солдатики добродушно предостерегали жителей о томъ, что позади ихъ идетъ лютый врагъ Французъ, который не щадитъ никого и ничего. Солдатики давали совѣты, какъ прятаться самимъ и прятать свое имущество. «Помните, говорили они, что Французы имѣютъ секретъ, какъ отыскивать спрятанное имущество; поэтому вы должны прятать добро въ землю и зарывать его только по зарямъ, т. е. когда солнце всходитъ и когда заходитъ». И дѣйствительно, говорятъ старики, рѣдкія схованы уцѣлѣли отъ Французовъ: вездѣ они отыскивали, все забирали и съ собой уносили.

Черезъ три дня послѣ отступленія нашего войска показались и Французы. Сначала изрѣдка, потомъ повалили сплошными массами по полямъ и лугамъ, дорогами же везли только пушки да фуры. Отъ нашего войска оставались лишь маленькіе конные отряды, которые подстерегали Французовъ и, обмѣнявшись выстрѣлами, удалялись за своими войсками. Въ Черешьѣ на мызѣ и въ селѣ, гдѣ озера пересѣкаютъ дороги, по разсказамъ стариковъ, засѣлъ большой отрядъ Русскаго войска, пріостановившій Французскіе разъѣзды на цѣлые сутки. Цѣлый день длилась перестрѣлка, и только когда подоспѣла Французская пѣхота съ пушками, нашъ отрядъ, пользуясь ночнымъ сумракомъ, оставилъ свои позиціи и удалился.

Французы достигли уже деревень: Малыя Ильмовики, Дубовыя и Долгинова; на тамошнихъ поляхъ «стѣна стѣной» стояло Французское войско. Разорили мельницу въ деревнѣ Ильмовикахъ и спустили воду. Тутъ Французы остановились и дальше по направленію къ Дриссѣ, находившейся въ семи верстахъ, почему-то не двигались. Французскія массы, которыя плыли изъ Ковна къ Дриссѣ, встрѣтились съ Русскими пулями при деревняхъ Чурылово и Скакуны, расположенныхъ при очень урѣжистой рѣчкѣ Волтѣ, при впаденіи ея въ Двину съ лѣвой стороны, и дальше не пошли. Мѣстечко Войтово или Левполе, по своему положенію, было для Французовъ недоступнымъ или же по крайней мѣрѣ дорого стоющимъ. Тутъ же начинались батареи, скрытыя отъ глазъ Французовъ большимъ казеннымъ тогда сосновымъ боромъ (который теперь истребленъ, благодаря Польско-панской ненасытной прожорливости).

Бой готовился ежеминутно. Мѣстные жители, предостереженные солдатиками, попрятались въ погребахъ, оврагахъ и болотахъ. Всѣ готовились умереть. Тѣже солдатики говорили: «не устоять здѣсь ни одной хороминкѣ и даже лѣсинкѣ, все будетъ сравнено съ землей». Но Французы оказались запертыми въ мѣшкѣ, созданномъ самою природою и немногимъ усиліемъ Русскаго ума.

Прошло около двухъ недѣль Французскаго бездѣйствія. Ни та, ни другая сторона не рѣшалась нападать другъ на друга. Французы, предупрежденные Поляками-католиками, остановились передъ страшнымъ Русскимъ укрѣпленіемъ, зная, что впереди ихъ ждетъ вѣрная имъ могила. Русскіе, въ свою очередь, также не рѣшались нападать на Французовъ, зная, что пришедшимъ гостямъ нельзя миновать этого пути: другаго выхода имъ нѣтъ.

Но Поляки и тутъ нашлись: они посовѣтовали Французамъ сдѣлать просѣки черезъ лѣсъ версты на четыре, отъ деревни Новые

Круки до деревни Переслово, и Французское войско повалило проселочными дорогами и тропинками, по которымъ крестьяне возятъ сѣно, на деревню Юрковщину и застѣнокъ Крумовщину. Перебравшись черезъ этотъ болотистый лѣсъ, Французы направились къ Полоцку черезъ городъ Дисну, оставивъ по лѣвую сторону Дриссенское укрѣпленіе.

Въ Русскомъ станѣ все было готово, всѣ были на своихъ мѣстахъ, ждали наступленія непріятеля и открытія большаго огня.

Вотъ что̀ разсказывалъ солдатъ унтеръ-офицеръ Бѣлоусъ, изъ крестьянъ Левпольской волости, которому судьба позволила возвратиться на родину, дожить до глубокой старости и умереть въ кругу своихъ родныхъ въ 1860-хъ годахъ.

«18 Іюня 1812 года всѣ части нашего войска занимали указанныя мѣста. При войскѣ находился самъ Государь Александръ І-й. Всѣ это знали и видѣли Государя. Квартира его была въ деревнѣ Дворчанахъ, въ одномъ изъ красивыхъ домиковъ крестьянскихъ. Рядомъ съ квартирой Государя находились два большіе магазина со всевозможными военными припасами. Чуть не всѣ крестьянскія гумна и сараи завалены были военнымъ добромъ. Черезъ Двину натянуты были пловучіе мосты, прикрытые нашими войсками съ правой стороны Двины. Замерла вся жизнь батарейная, не было слышно сигнальныхъ трубъ, барабаннаго боя, ни огня, ни дыму: всѣ притаили дыханіе, всѣ готовились встрѣтить врага рѣшительнымъ боемъ. Прошло нѣсколько дней въ полномъ нашемъ бездѣйствіи, какъ стало извѣстно, что Французъ подбросилъ въ батарею письмо: «пусть-тебѣ здѣсь козы скачутъ, да ребятишки играютъ», а самъ направился къ Полоцку. Узнавши эту новость, что Французы миновали наше укрѣпленіе и направились къ Полоцку, наши Русскія войска наскоро поспѣшили оставить батареи и снять мосты, а магазины и всѣ военные запасы, находившіеся въ деревнѣ Дворчанахъ, Государь приказалъ поджечь. Исполнять роковой приказъ Государя пришлось мнѣ, въ числѣ другихъ моихъ товарищей, изъ которыхъ были два моихъ земляка. На меня напалъ ужасъ; сердце мое окаменѣло, когда я зажигалъ хоромы моей родной деревни Дворчанъ, въ которой я родился и выросъ».

Присматриваясь къ слѣдамъ, оставленнымъ Русскимъ войскомъ и Французскимъ полчищемъ и прислушиваясь къ живымъ еще разсказамъ мѣстныхъ жителей, невольно останавливаешься на слѣдующемъ соображеніи. Дѣйствительно ли Русскіе полководцы 1812-го года добросовѣстно исполняли свои обязанности предъ Россіей и тогдашнимъ Русскимъ Государемъ? И не справедливы ли упреки тѣмъ же полководцамъ, исходившіе изъ устъ разумнаго народа, носившаго тогда на-

званіе солдата: «Мы что-жъ? На зимніе квартиры? Не смѣютъ что-ли наши командиры изорвать чужіе мундиры о Русскіе штыки?..» Почему тогдашніе военные инженеры, возводя укрѣпленія по Двинѣ съ Сѣвера, позабыли укрѣпить другую сторону трехъ-угольника съ Востока? Стоило только прослѣдить древнія Полоцкія укрѣпленія. Въ селѣ Черешьѣ, гдѣ озеро пресѣкаетъ путь на Дисну до деревни Силовской, находятся остатки древняго Полоцкаго укрѣпленія, а въ параллель озеру, далѣе на Сѣверъ тянется непроходимый мохъ до деревни Полеки, гдѣ находится также древнее, трехъ-угольной формы укрѣпленіе, подъ названіемъ «Старинное Кладбище», окруженное рѣчкой Волтой и ручьемъ Погары. Укрѣпленіе это пресѣкаетъ путь отъ Друи къ Диснѣ. Позади этихъ укрѣпленій, на Востокъ, тянется тотъ болотистый лѣсъ, чрезъ который Французы по тропинкамъ принуждены были пробираться къ Полоцку. Между деревнями Босиные и Старые Круки тогда дороги не было.

Если бы поставили тогдашніе полководцы хотя легковые отряды по тропинкамъ въ лѣсу, между деревнями Новые Круки и Переслововмъ и тутъ же чрезъ версту на паралели между Тринапольемъ и Юрковщиной и застѣнкомъ Крумовщиной, Французы принуждены были бы считаться большими силами и временемъ. Отряды эти могли имѣть связь съ крѣпостью и представлять ея непрерывную цѣпь. Сама природа благопріятствуетъ намъ и сурово встрѣчаетъ нашихъ западныхъ гостей. Французы принуждены были бы тогда пробиваться черезъ батарейный огонь или возвращаться за сорокъ верстъ назадъ и проходить тотъ же негостепріимный лѣсъ у мѣстечекъ: Шарковщина, Игуменово и Германовцы. Спѣшить же внутрь страны и вести за собой всераззоряющаго врага для полководцевъ чести мало.

Достаточно ли историки изслѣдовали 1812-й годъ и оцѣнили дѣятельность тогдашнихъ полководцевъ, когда рѣшаются говорить о нихъ все хорошее?

Передъ Дриссенскимъ укрѣпленіемъ плывшія массы Французовъ остановились, не посмѣвши приблизиться къ нему на всѣхъ пунктахъ верстъ на пять - на семь. Французы простояли предъ этимъ укрѣпленіемъ около двухъ недѣль въ полнѣйшемъ бездѣйствіи и рѣшились разыскивать себѣ новыя и небывалыя тогда дороги, преодолѣвать лѣса и болотистую почву, занимать себѣ больше ста верстъ кругу, чѣмъ идти черезъ батареи прямыми и грунтовыми дорогами. Если бы тогдашніе Русскіе полководцы были по дальновиднѣе, то вѣдь Французамъ еще предъ Дриссой судьба на двое ворожила.

Чтобы имѣть понятіе о громадности Французскаго войска, шедшаго тогда на Русскую землю, достаточно взглянуть на ту площадь,

которую занимало это полчище во время стоянки предъ Дриссенскими укрѣпленіями. Вотъ эта площадь: вся нынѣшняя Черешская волость, большая часть Левпольской волости, вся Друйская, Мѣрская, Линковская и Погостская волости буквально заняты были Французами. На поляхъ Стараго Погоста есть нѣсколько круженъ, сложенныхъ изъ громадныхъ булыжниковъ, на которыхъ Французы готовили себѣ пищу во время стоянки предъ Дриссенскими укрѣпленіями. Черезъ рѣчку, въ концѣ поля текущую, замѣтно еще нѣсколько переѣздовъ по направленію къ мѣстечку Германовцы, черезъ большой болотистый лѣсъ, верстъ на семь. Крестьяне говорятъ, что въ этой рѣчкѣ, около деревни Мостищи, есть нѣсколько Французскихъ пушекъ, завязшихъ въ бузу (въ грязь).

Французы оставили послѣ себя въ Западномъ краѣ дурную славу, какъ воины и войско, и гораздо худшую, какъ люди. Много сохранилось отъ Французовъ преданій мученичества; но не обошлось и безъ смѣшнаго. Вотъ что разсказываютъ мѣстные жители Черешской волости.

Въ деревнѣ Мальцахъ жилъ тогда католикъ-шляхтичъ, по фамиліи Суровецъ, который убѣждалъ мѣстныхъ жителей не прятаться и не прятать своего имущества, а сидѣть спокойно и ждать Французовъ, какъ родныхъ братьевъ, которые-де благороднѣйшіе и добрѣйшіе люди изъ всѣхъ людей, исповѣдуютъ они, Французы, туже католическую вѣру, которой держится и самъ шляхтичъ Суровецъ, не въ примѣръ прочимъ, остававшійся самъ спокойнымъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ своемъ жилищѣ.

Чуть показались Французы, какъ шляхтичъ Суровецъ съ своей женой, съ сыномъ и невѣсткой вышелъ на улицу, держа въ одной рукѣ Польскій крестъ, а въ другой бутылку водки; а жена съ невѣсткой держали въ рукахъ тарелки съ хлѣбомъ, масломъ и творогомъ. Шляхтичъ Суровецъ привѣтствовалъ Французовъ Польскими словами, наклонивши голову: «Нехбэндзе Езусъ Христусъ похваленый и пшенайсвеншій сукраментъ! Ото наши ойцы, ото наши браце!» И не успѣлъ шляхтичъ докончить своего привѣтствія, какъ Французы одинъ передъ другимъ нагрянули. Одинъ вырвалъ бутылку и чрезъ горлышко началъ лакать, другіе пальцами схватали съ тарелокъ хлѣбъ и масло съ творогомъ; а тѣ Французы, которымъ не досталось привѣтственнаго дара шляхтича, начали толкать его, говоря: «сакарнуда докъ!» Мало этого, схватили невѣстку и бабу, и тутъ же повалили ихъ подъ плотъ.

Бѣдному шляхтичу Суровцу пришлось на опытѣ разубѣждаться въ добротѣ и благородствѣ Французовъ, которыхъ онъ началъ осыпать проклятіями, глядя прямо въ глаза своимъ ойцамъ и братіамъ: «А згинце вы пшепадне вшисцы Французы и съ крулемъ своимъ», и поспѣшилъ спрятаться, оставивъ жену и невѣстку въ рукахъ Французовъ, пока какой-то добрякъ-офицеръ освободилъ ихъ. Одинъ сынъ Суровца скрежеталъ зубами, ругая отца съ матерью за ихъ ложное понятіе и расположеніе къ Французамъ; онъ готовъ былъ одинъ перебить всѣхъ западныхъ франтовъ, пришедшихъ въ башмачкахъ и панчошкахъ. Да и не остался же онъ въ долгу.

Французы простояли на этомъ западномъ пунктѣ около двухъ недѣль. Въ деревнѣ Мальцахъ, въ домѣ Прокопія Шамшура, расположился на квартирѣ какой-то важный Французскій генералъ съ своимъ семействомъ. Молодой шляхтичъ Суровецъ поступилъ къ Французскому генералу въ прислугу и началъ ухаживать за генеральскими лошадьми, въ числѣ которыхъ была одна лошадь того же Суровца, а другая Прокопія Шамшуры.

Бѣлорусскій народъ тогда не имѣлъ столько пановъ, какъ въ послѣднее время, не зналъ ихъ лютости и потому жилъ зажиточно; рѣдкій хозяинъ не держалъ лошадей на стайнѣ. Молодой Суровецъ особенно ухаживалъ за лошадьми, не подавая вида, что между ними есть и его собственная лошадь.

Отецъ пишущаго эти строки, будучи 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ, оставшись въ своемъ домѣ съ 70-тилѣтнимъ старичкомъ, своимъ дѣдушкой Мартыномъ, служилъ также Французскому генералу и нерѣдко жаловался ему мимикой и жестами на Французовъ, заставлявшихъ его съ дѣдушкой носить воду и всякія тяжести, а за безсиліе Французы безжалостно били его и дѣдушку. Сами же Французы исполнять работы и носить тяжести не любили. Въ печахъ готовить пищу они не умѣли. Они разбирали хоромы, жгли костры и нерѣдко поджигали сараи, за что проклиналъ ихъ народъ. Озимые посѣвы, уже выколосившуюся рожь косили и давали лошадямъ.

Употребленія конопляныхъ сѣмянъ Французы почему-то не знали: цѣлыя кадки и желоба, насыпанныя этимъ зерномъ, оставались нетронутыми въ амбарахъ. Они сыпали себѣ въ ротъ эти зерна и находили вкусными; сыпали въ котлы, пробовали варить и вкусу не находили; давали лошадямъ, лошади не ѣдятъ. Допрашивали дѣдушку объ

употребленіи этихъ сѣмянъ, но дѣдушка секрета имъ не открылъ. Старый шляхтичъ Суровецъ давно отказался благодѣтельствовать Французамъ и поспѣшилъ скрыться въ болотѣ. Одна только нашлась въ этой деревнѣ какая-то дура, старая баба, которая насыпала конопель въ ступу и начала толочь ихъ въ муку. Французы, по ея указанію, обступивши ступу, стали пальцами лизать муку изъ ступы и нашли очень вкуснымъ; но сами толочь коноплю не хотѣли, а заставляли бабу это дѣлать. Бабѣ надоѣло толочь коноплю, и она стала стучать толкачомъ по пальцамъ Французамъ. Французы, контуженные толкачомъ, серчали и тѣмъ же платили бабѣ, которая падала подъ ступу замертво, чѣмъ и заканчивалось лакомство Французовъ.

Наступило время выхода Французовъ изъ деревни Мальцевъ. Въ 10 ч. утра, на 12-й день послѣ прибытія ихъ сюда, генералъ верхомъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги, молодаго Суровца, ведшаго пару лошадей, будто бы принадлежавшихъ генералу, въѣхали на очень крутую гору, подъ деревню Ильмовики, и остановились подождать на горѣ, пока въѣдетъ карета съ генеральшей. Лошади, запряженныя въ карету, никакъ не могли подняться на глинистую гору, которая, послѣ прошедшаго дождика, была очень скользка. Генералъ оставилъ Суровца съ лошадьми на горѣ, и самъ поспѣшилъ на выручку жены. Увидѣвъ, что одна изъ лошадей съ норовомъ и фальшивитъ, онъ выстрѣлилъ въ нее и убилъ. Онъ вспрыгнулъ на гору и потребовалъ отъ Суровца подать новую лошадь въ карету, а Суровца и слѣдъ простылъ. Въ четверти версты находится большой лѣсъ, по мѣстамъ котораго расположены непроходимыя болота. Напрасно генералъ пріостановилъ свое движеніе и, вмѣстѣ съ другими Французами, пустился въ погоню и поиски за бѣглецомъ: шляхтичъ Суровецъ, какъ мѣстный житель, зналъ, гдѣ скрыться и скрыть своихъ лошадей.

Французскій генералъ со злобой и стыдомъ возвратился изъ лѣсу, навелъ дуло пистолета въ грудь моему прадѣду и спросилъ: его ли сынъ увелъ генеральскихъ лошадей? Семидесятилѣтній старецъ, скрестивъ руки на груди, отвѣчалъ грозному Французу отрицательно. Тогда Французъ, выстрѣлилъ въ соломенную крышу и зажегъ домъ. Онъ долженъ былъ запрячь въ карету свою военную лошадь, и самъ сѣсть съ женой и отправиться въ путь.

Совсѣмъ иную участь испытывали Французы на обратномъ пути изъ Россіи, откуда шли они мелкими отрядами.

Въ первомъ случаѣ, народъ, завидѣвши Французовъ, разбѣгался и прятался, предоставляя Французамъ грабить и уносить свое имущество, раззорять и жечь стройки (будынки). Во второмъ случаѣ, народъ, завидѣвши Французовъ, толпился, вооружался, нападалъ на нихъ, и цѣлые отряды Французовъ истреблялись. Тамъ же, гдѣ врагъ былъ еще слишкомъ силенъ, гдѣ мѣстное населеніе не могло съ нимъ справиться, посылались впереди Французовъ предостереженія, и народъ съ оружіемъ въ рукахъ, выбравши удобный случай и мѣсто, ждалъ гостей, чтобы достойнымъ образомъ расправиться съ ними, и рѣдко безуспѣшно.

Въ деревнѣ Михасинкахъ крестьяне столкнули пятнадцать человѣкъ Французовъ съ крутаго берега въ рѣку Волту. Въ деревнѣ Воронькахъ расположился было на ночлегъ сильный Французскій отрядъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Объ этомъ дано было знать въ другія деревни. Собрались самые сильные и смѣлые мужики, вооружившись кто чѣмъ попало. Французы для своего ночлега избрали сарай, развели у самыхъ воротъ огонь, составили ружья въ козлы, поставили двухъ часовыхъ, и сами залегли на сѣно спать.

Одинъ изъ крестьянъ взялся было прислуживать Французамъ, приносилъ имъ пищу, воду и высматривалъ положеніе Французскаго отряда. Когда наступила полночь, и Французы захрапѣли, крестьяне бросились въ сарай, расхватали ружья и напали на Французовъ; лишь часовой успѣлъ на повалъ убить одного крестьянина. Враги Россіи были истреблены. Одинъ изъ Французовъ обратилъ на себя вниманіе разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ. Онъ сталъ на колѣни, поднялъ къ верху руки, держа въ нихъ не то пляшечку (бутылочку), не то стеклянную табакерку (надо полагать компасъ), что-то говорилъ и часто произносилъ: Христусъ, Христусъ; въ бутылочкѣ же что-то копошилось живое (надо полагать магнитъ). Нѣкоторые соглашались пощадить его, но родственникъ крестьянина, убитаго часовымъ, однимъ размахомъ покончилъ съ дивнымъ Французомъ. Пляшечку или табакерку съ чѣмъ-то живымъ отнесли въ избу и поставили на столъ тому мужику, который убилъ этого Француза. Нѣкоторые говорили, что это былъ Французскій ксендзъ, а кажется вѣрно, что это былъ одинъ изъ главныхъ Французскихъ офицеровъ. Шляхта утверждаетъ, и вообще всѣ католики говорятъ, что эту пляшечку мужики кидали въ воду, въ огонь и куда ее ни дѣвали, а все она являлась къ тому же мужику и стояла у него на столѣ. И Богъ вѣсть чего эта пляшечка не натворила бы несчастному мужику, если бы, по разсказамъ шляхты, не пріѣхалъ къ нему какой-то Польскій ксендзъ-добрякъ и съ особой святостью, «вель-

кимъ набоженствомъ» взялъ съ собой эту бутылочку или табакерку «съ живымъ паномъ Езусомъ».

Въ рѣдкихъ деревняхъ жители не дѣлали своихъ расправъ надъ Французами. Тотъ только не убивалъ ихъ, кто Бога боялся; а какъ сами Французы въ нашей Русской землѣ Бога не знали, то и не удивительно, что немногіе изъ нихъ на свою родину возвратились. Безоружныхъ Французовъ жители не трогали, но и не сочувствовали имъ. Несчастные Наполеоновы воины возвращались на свою родину въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ: нѣкоторые изъ нихъ навертывали на свои босыя измозоленныя ноги разное лохмотье, другіе нацѣпливали на себя бабьи юбки (сподницы) ихъ же навязывали себѣ на шею и такимъ образомъ, какъ бы въ плащѣ, щеголяли по пути на свою родину.

Не дай Богъ дождаться той минуты, когда обманутся наши западные сосѣди, повѣривъ нашимъ Полякамъ и Жидамъ, и вооруженной силой вторгнутся въ нашъ Бѣлорусскій край, льстя себя надеждою найти въ насъ пріятную и доходную себѣ провинцію и хорошихъ подданныхъ. Горькимъ опытомъ они опять разочаруются въ насъ.

Бѣлоруссъ Максимъ Шамшура.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

II *).

Авторъ книги: „Родъ Шереметевыхъ“, А. П. Барсуковъ, въ своей статьѣ „Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія“, помѣщенной въ приложеніи къ LIV-му тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, обозрѣвая труды сенатора Матвѣя Григорьевича Спиридова по исторіи Русскаго дворянства, упомянулъ только о двухъ изданныхъ имъ сочиненіяхъ: во первыхъ, о „Краткомъ опытѣ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ, извлеченномъ и сочиненномъ изъ степенныхъ, статейныхъ, чиновныхъ и другихъ разныхъ Россійско-историческихъ книгъ, съ показаніемъ родоначальниковъ нѣкоторыхъ, въ родословной, Бархатной называемой книгѣ показанныхъ родовъ“, изд. въ 1804 году, и во вторыхъ, о „Сокращенномъ описаніи службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ, расположенномъ по родамъ ихъ, съ показаніемъ, отъ кого тѣ роды начало свое получили, или откуда какіе родоначальники выѣхали, или которыхъ ни происхожденіе, ни выѣзды издателю неизвѣстны, со вмѣщеніемъ такого же описанія служившихъ въ древности Россіи, также и иностранныхъ въ Россійской службѣ бывшихъ“, изд. въ 1810 г. въ двухъ частяхъ.

Относя „Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ“, напечатанный въ 1804 году, къ первымъ печатнымъ трудамъ сенатора Спиридова, г-нъ Барсуковъ далѣе говоритъ (стр. 27 и 28): „Вотъ все, что̀ намъ извѣстно о печатныхъ трудахъ Спиридова“.

По поводу вышеизложеннаго я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Во первыхъ, я могу засвидѣтельствовать, что „Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ“, напечатанный въ 1804 году, былъ не первымъ печатнымъ трудомъ сенатора М. Г. Спиридова; а во вторыхъ, что этотъ „Краткій опытъ“ и „Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ“, напеч. въ двухъ частяхъ въ 1810 г., были не единственными печатными его трудами.

Сенаторъ Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ, сынъ адмирала и Чесменскаго героя Григорія Андреевича Спиридова, женатый на дочери исторіо-

---

*) См. выше, I, 571.

графа князя Михаила Михайловича Щербатова, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимался собираніемъ матеріаловъ по исторіи Русскаго дворянства, вмѣстѣ съ своимъ тестемъ, княземъ Щербатовымъ, и плодомъ этихъ занятій былъ изданный имъ въ 1793 и 1794 гг. Родословный Россійскій словарь въ двухъ частяхъ.

Сочиненіе это имѣется въ моей библіотекѣ. Вотъ его точное заглавіе:

Родословной
Россійской
Словарь,
содержащій въ себѣ
историческое описаніе родовъ князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, откуда или отъ кого тѣ роды произошли, или выѣхали, или о которыхъ извѣстія нѣтъ; также какіе другіе роды отъ первыхъ произошли, кто гдѣ тѣхъ родовъ служилъ, въ какихъ былъ чинахъ, во что и въ какія должности употребляемъ былъ, и какія услуги отечеству и государямъ приносилъ; со вмѣщеніемъ такого же описанія о служившихъ въ древности Россіи; также и о иностранныхъ въ службѣ Россійской бывшихъ.

Выбранъ, выписанъ и составленъ изъ многихъ лѣтописцевъ, разрядныхъ, степенныхъ, статейныхъ, историческихъ и другихъ на Россійскомъ языкѣ имѣющихся и касающихся до Россійской Исторіи, какъ уже напечатанныхъ, такъ и изъ письменныхъ книгъ.

Изданъ и усерднѣйше приносится
Благородному Россійскому Дворянству
Матвѣемъ Спиридовымъ
Часть I.
Буква А.
Москва.
Въ Университетской типографіи у В. Окорокова.
1793.

Въ слѣдующемъ 1794 году издана имъ подъ тѣмъ же заглавіемъ 2-я часть Родословнаго Россійскаго Словаря на букву Б. Вторая часть напечатана въ Сенатской типографіи у того же В. Окорокова.

„Родословной Россійской Словарь“ Спиридова считается величайшею библіографическою рѣдкостію. Этого словаря нѣтъ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ; его не видалъ даже извѣстный библіографъ Сопиковъ.

Я полагаю, что Сопиковъ не видалъ „Словаря“ лично. Это мнѣніе я основываю на двухъ обстоятельствахъ: на невѣрномъ у него обозначеніи года изданія Словаря (указанъ имъ 1803 г.), и на невѣрномъ указаніи формата (указано въ 4 д. листа, Сопиковъ, № 10,428).

Туже самую ошибку въ указаніи года изданія Словаря и формата повторилъ и митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ свѣтскихъ писателей (т. II, стр. 176), изъ чего также можно заключить, что и митрополитъ Евгеній, отличный знатокъ исторіи Русской литературы, лично также не видалъ Спиридовскаго словаря.

Словарь Спиридова не извѣстенъ и Росписямъ Плавильщикова и Смирдина, а тѣмъ болѣе другимъ. Спиридовскаго Словаря нѣтъ даже и въ такихъ солидныхъ библіотекахъ, описанія которыхъ изданы, какъ напримѣръ П. Г. Демидова, графа Шереметева, Я. Ѳ. Березина-Ширяева и Н. В. Губерти.

Въ первый разъ Словарь Спиридова былъ описанъ А. Д. Чертковымъ, въ его каталогѣ, изд. 1845 г. на стр. 35 подъ № 7; затѣмъ вторично описанъ П. И. Бартеневымъ, во вновь составленномъ имъ каталогѣ Чертковской библіотеки, подъ № 1278 и, наконецъ, описанъ Г. Г. Геннади, въ его „Русскихъ книжныхъ рѣдкостяхъ“, подъ № 112.

Первая часть „Родословнаго Словаря“ находится, кромѣ Чертковской библіотеки, еще въ Румянцовской библіотекѣ; второй же части нѣтъ и въ означенныхъ библіотекахъ.

А. Д. Чертковъ, описывая въ 1845 г. первую часть Словаря, сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: „болѣе этой 1-й части, кажется, не издано“. П. И. Бартеневъ въ каталогѣ Чертковской библіотеки, изданномъ въ 1863 году *), удостовѣряетъ, что „болѣе 1-й части Словаря не издано“. Тоже самое повторилъ и извѣстный библіографъ Г. Г. Геннади.

Такимъ образомъ оказывается, что о второй части „Словаря“ никому не было извѣстно.

Въ виду такой величайшей рѣдкости Словаря Спиридова, и въ особенности второй его части, которую безспорно можно отнести къ уникамъ, я позволяю себѣ здѣсь описать его подробно.

Первая часть Словаря издана на сѣрой, грубой бумагѣ, вторая же часть на болѣе хорошей бумагѣ съ синеватымъ отливомъ; форматъ его 8°. 1-я ч. CXLIV, 376 и XIX нум. стр.; 2-я ч. 628 нум. стр. и 19 таблицъ.

Первая часть Родословнаго Словаря, изданнаго въ 1793 г., начинается предисловіемъ, въ которомъ М. Г. Спиридовъ говоритъ: „Естьли то истинно, что́ утверждаютъ всѣ исторіи писатели, что чтеніе и познаніе оной научаетъ людей ихъ должностямъ, и что примѣры великихъ дѣлъ и ревностнаго усердія и рвенія къ службѣ, пользѣ и славѣ отечества своего, возбуждаютъ духъ стараться онымъ подражать: то коль наипаче должны

---

*) Въ экземплярѣ *печатнаго* каталога Чертковской библіотеки (1863) помѣчено С. А. Соболевскимъ: „Я имѣлъ въ рукахъ вторую“. П. Б.

такіе примѣры поощрять и возбуждать къ подражанію, когда находимъ мы ихъ въ нашихъ праотцахъ и родственникахъ" и, далѣе продолжаетъ: „Не рожденіе наше и не имя, которое носимъ, но послѣдованіе и подражаніе достохвальнымъ дѣламъ предковъ нашихъ славу нашу содѣлываютъ. Кантемиръ сказалъ въ сатирѣ II:

Къ чему пользуетъ зваться царско чадо,
Естьли правомъ грубѣе нежъ пасущій стадо?"

Затѣмъ, указавъ, что между многими народами, населяющими Европу, Россійское дворянство имѣло болѣе давнее свое начало и болѣе услугъ оказало своему отечеству и государямъ, „не щадя ни покоя, ни имѣнія, ни жизни", Спиридовъ для подтвержденія перваго положенія ссылается на то, что всѣ наши княжескіе роды произошли отъ Рюрика. Для доказательства втораго положенія, указываетъ на Куликовское поле, Казань, „на мѣста Московскія, Новгородскія, Троицкія и другія", на Польшу, Литву, на Турокъ, Крымцевъ и другихъ непріятелей „толико разъ какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена Россіею побѣжденныхъ".

Послѣ этого вступленія М. Г. Спиридовъ, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что онъ началъ составлять словарь вмѣстѣ съ своимъ покойнымъ тестемъ княземъ М. М. Щербатовымъ въ 1786 г. и что они продолжали этотъ трудъ до Ноября 1790 г. По кончинѣ же князя М. М. Щербатова, послѣдовавшей въ Декабрѣ 1790 г., онъ уже одинъ продолжалъ выбирать и выписывать изъ разныхъ книгъ для составленія Словаря, и „пройдя всѣ у меня имѣющіяся книги и тѣ, кои могъ доставать у другихъ, касающіяся до Россійской исторіи, привелъ роды всѣ въ азбучный порядокъ и составилъ изъ нихъ сей Словарь, первая часть коего нынѣ издается, а и другія, надѣюсь, вскорѣ и безостановочно одна за другою послѣдуютъ".

Далѣе Спиридовъ въ предисловіи говоритъ, что онъ очень желалъ бы, чтобы его словарь былъ бы полнымъ, чтобы никто изъ дворянъ не былъ бы пропущенъ; но, не имѣя полныхъ и вѣрныхъ родословій, онъ не могъ исполнить сего желанія. Изъ книгъ же, изъ которыхъ онъ дѣлалъ выписки, нельзя было узнать съ точностію порядка родословія каждаго рода, и при томъ многіе въ одномъ родѣ имѣли одни имена, отечества и чины и служили въ одно время и, при этомъ, иногда многіе имѣли двойныя прозванія и назывались то подъ однимъ прозваніемъ, то подъ другимъ. Всѣ эти обстоятельства препятствовали ему составить полный и вѣрный словарь. Хотя Словарь составленъ для Русскихъ родовъ, но тѣмъ не менѣе онъ помѣстилъ въ немъ и иностранцевъ, которые служили въ Россіи. Словарь и описаніе въ немъ родовъ и службъ продолженъ до 1700 г.; списокъ 1703 года помѣщенъ имъ въ Словарѣ „по причинѣ, что въ немъ прежніе чины написаны".

Заканчивая свое предисловіе и переходя къ указаніямъ источниковъ, Спиридовъ обращается къ дворянству съ слѣдующими словами: „Я надѣюсь, что сей трудъ, составленіе, изданіе и приношеніе отъ меня сего

Словаря благосклонно принято будетъ Благороднымъ Россійскимъ Дворянствомъ, что всѣ согласятся о пользѣ онаго, какъ общей, такъ и для каждаго благороднаго человѣка особо изъ него произойти могущей".

Книги, которыя служили матеріаломъ для составленія „Словаря", Спиридовъ раздѣлилъ на печатныя и рукописныя и привелъ ихъ заглавія; тѣ же, надъ которыми „трудился" покойный тесть его, князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, означены имъ буквами К. Щ.

Изъ указаній М. Г. Спиридова видно, что князь М. М. Щербатовъ „трудился" надъ списками дворянъ и дѣтей боярскихъ по десятнямъ: Луковской, Клинской, Костромской, Новгородской, Ростовской, Тульской, Галичской, Пѣшехонской, Козельской и Медынской и надъ списками дворянъ и дѣтей боярскихъ городовъ Бѣлаго, Костромы, Дорогобужа, Торжва, Кашина, Торопца, Галича, Смоленска, Твери, Дмитрова, Ржева - Владимира, Бѣжецкаго-Верха, Углича, Ярославля, Вологды, Пѣшехони, Медыни, Старицы, Зубцова, Клина, Вязьмы и Романова, надъ Ежемѣсячными Сочиненіями 1755—1758, 1760 и 1761 гг., разрядными книгами, списками дворянъ и дѣтей боярскихъ, бывшихъ подъ Смоленскомъ, статейными списками по дѣламъ Польскимъ, подъ №№ 7, 9—18, 20, 21, 24, 26 и 27, по дѣламъ Датскимъ, тетради №№ 1 и 2, связки №№ 1—3, по дѣламъ Англинскимъ, связки №№ 1, 3 и 4, по дѣламъ Цезарскимъ №№ 3, 4, 6, 8, 24 и 25, по дѣламъ Крымскимъ №№ 11—15, по дѣламъ Шведскимъ №№ 2, 3, 5 и 6, по дѣламъ Персидскимъ № 1, по дѣламъ Турецкимъ №№ 2, 3 и 4, по дѣламъ Нагайскимъ № 10; надъ рукописями о пріѣздѣ въ Москву Цареградскаго патріарха, отправленіи въ Персію пословъ, о бытности въ Москвѣ Цезарскаго посланника, о пріѣздѣ въ Россію и отпускѣ Англинскаго посла и надъ перепиской между Абовскимъ намѣстникомъ и Корельскимъ воеводою о плѣнныхъ.

Изъ этого длиннаго списка книгъ и рукописей видно, что князь Щербатовъ принималъ значительное участіе въ подготовительныхъ работахъ для Словаря.

Послѣ указанія книгъ и рукописей, которыя служили матеріаломъ для составленія Словаря, Спиридовъ, въ своемъ предисловіи, помѣстилъ пять статей, подъ слѣдующими заглавіями: I, показаніе времени царствованія Россійскихъ государей, II, о благородствѣ или дворянствѣ, III, о войскѣ, чинахъ и должностяхъ ихъ, IV, о приказахъ, правительствахъ и судебныхъ мѣстахъ и V, о мѣстничествѣ и случаяхъ награжденія и о добродѣтеляхъ предковъ нашихъ отличающихъ.

Особенно подробно составлены имъ III и IV статьи.

Предисловіе со всѣми означенными статьями занимаетъ собою CXLIV страницы. Затѣмъ слѣдуетъ самый Словарь, занимающій собою 224 стр. Онъ начинается съ рода Аббакумовыхъ и оканчивается родомъ Аѳанасьевыхъ. Съ 225 по 376 страницы включительно помѣщено: „показаніе откуда и изъ какой книги выбрано и выписано въ сей Словарь"; потомъ помѣщено „оглавленіе" на I-XII страницахъ и, наконецъ, съ XIII по XIX „погрѣшности".

Вторая часть Словаря, изданная въ 1794 г., начинается съ рода Бабакина и оканчивается родомъ Барыковыхъ. Родословія занимаютъ собою 367 страницъ. Съ 368 по 619 включительно помѣщено „Показаніе откуда и изъ какой книги выбрано и выписано въ сей Словарь“. 620 страница пустая. Съ 621 стр. помѣщено оглавленіе Словаря; на 627 и 628 стр. помѣщены „погрѣшности“ и, наконецъ, приложено 19 поколѣнныхъ таблицъ, три—рода Беклемишева, двѣ Боборыкина и по одной таблицѣ родовъ Барашева, Барбашина, Басманова, Бахтеярова, Беззубцова, Безумова, Березина, Берсенева, Бобрищева, Боброва, Бокѣева, Борисова, Боровскаго и Бороздина.

Въ первой части Словаря помѣщены слѣдующіе дворянскіе роды: Аббакумова, Аблова, Абова, Аболешова, Абрезкова, Абросимова, Акдулова, Авдѣева, Аверкіева, Аверкишева, Авраама, Аврамова, Автамонова, Агаѳонова, Агдавлетева, Агибалова, Аграфенина, Агѣева, Адашева, Ададурова, Адолба, Адріанова, Адуна, Адюна, Азаріи, Азарьева, Айгустова, Айгустова-Смышляева, Айгустова-Чаплинскаго, Аифала, Акасакова, Акатовича, Акимова, Акинфова, Акинфа, Аксакова, Аксенова, Аксентьева, Актева, Акулова, Алабаева, Алабышева, Аладьина, Алалыкина, Алачева, Албекова, Албердова, Албычева, Алдая, Алдана, Алдашева, Александрова, Александра, Александра, Александра Аббакумовича, Александра Борисовича, Александра Ивановича, Александра Константиновича, Александра Сампсоновича, Александра Ѳомича, Алексинскаго, Алексина, Алексича, Алекса, Алексѣева, Алексѣя, Алексѣя, Алексѣя Петровича, Алелкова, Аленина, Аленкина, Алехнова, Алисина, Алисова, Алихина, Алкасова, Алмазова, Алмеянова, Алкередея-Вяпряги, Алферія Ивановича, Алферія Яковлевича, Алферьева, Алфимова, Алнева, Алымова, Алябьева, Амаметова, Амерханова, Аминдона, Аминева, Амирева, Ананіи, Ананія Константиновича, Ананскаго, Ананьина, Анбекова, Анзелова, Андомскаго, Андронова, Андреевскаго, Андреевскаго, Андреева, Андрея, Андрея, Андрея, Андрея, Андрея, Андрея Ивановича, Андрея Климовича, Андрея Константиновича, Андреянова, Андула, Анзбукова, Аникѣева, Анисимова, Аничкова, Анненкова, Анофріева, Антивлада, Антипина, Антипова, Антонова, Антона, Анучина, Анфимова, Анцбунова, Анцыфора, Апраксина, Апрѣлева, Апукина, Апухтина, Апушкина, Арбузова, Аргамакова, Аренова, Арестотелева, Арефьева, Арзаева, Аристарховскаго, Аристова, Аркунова, Арнаутова, Арсенова, Арсеньева, Арсина, Артакова, Артемьева, Артюкова, Архангельскаго, Архарова, Арцыбашева, Аргизинскаго, Асмунда, Асовецкаго, Аскубкара, Астрадомовскаго, Астрадомскаго, Асѣева, Атаркова, Атарскаго, Атемирева, Атунъ-Мурзы, Атяева, Аузинскаго, Афросимова, Афутина, Ахатова, Ахманова, Ахматова, Ахмыля, Ашевнева, Аштикова, Аѳанасея, Аѳанасея и Аѳанасьева.

Во второй части словаря помѣщены слѣдующіе дворянскіе роды: Бабакина, Бабинскаго, Бабина, Бабичева, Бабкина, Баврина, Багримова, Баженова, Баженскаго, Базанина, Базарова, Базина, Базлова, Байбакова, Байгашина, Байгилдѣева, Байгорина, Байзутова, Байдонова, Байкаракова, Бай-

кова, Байкулова, Баймышева, Байримова, Байтеренова, Баклановскаго, Баконта, Бакунина, Бакшеева, Балавинскаго, Балакина, Балакирева, Балакшина, Балка, Бандикова, Банина, Банчикова, Баракова, Баранова, Баранцова, Баранчеева, Барашева, Барбашина, Бардина, Бармина, Барнашева, Барнета, Барсукова, Бартенева, Барчиковскаго, Барыбина, Барышникова, Басенкова, Баскакова, Басманникова, Басманова, Батуева, Батурина, Батышева, Батюшкова, Баушева, Бахметева, Бахтеярева, Бахтеярева, Бахтеяра, Бахтина, Бахтѣева, Бачурина, Башенина, Башинскаго, Башкина, Башковскаго, Бедеркина, Бедрадинскаго, Бедрина, Безверхова, Безднина, Беззубова, Беззубцева, Безобразова, Безсонова, Безумова, Безчастьева, Бейтона, Бекетова, Беклемишева, Бекмана, Бекорукова, Бердекуватова, Берденева, Бердяева, Березина, Березникова, Березунскаго, Берестова, Берещинскаго, Бернова, Берсенева, Бестужева, Бетина, Бетюкова, Бехтеева, Бибикова, Бигилдѣева, Биглова, Билибина, Бирдюцкаго, Бирилева, Биркина, Бирюкова, Битяговскаго, Біева, Благова, Блеклера, Бличевскаго, Близнакова, Близнецова, Блохина, Блудова, Блѣдного, Блюмберка, Блязова, Бобинина, Бобкова, Бобонина, Боборыкина, Бобошина, Бобоѣдова, Бобрикова, Бобрищева, Бобровникова, Бобровскаго, Боброва, Бобынина, Бовыкина, Богатырева, Богданова, Богданова, Богдана Аббакумовича, Богдана Акиніевича, Богдана Осиповича, Бойцова, Бокастого, Бокина, Бока, Бокѣева, Болекрева, Болдова, Болдыжевича, Болдырева, Болзунова, Болкошина, Болкунова, Болобонова, Бологовского, Болотина, Болотникова, Болотова, Болохова, Болсоса, Болтина, Болховского, Болшева, Боранича, Боргсдорфа, Бордакова, Бордовика, Борецкого, Борепа, Борзецова, Борзова, Борина, Бориславича, Борисова, Борисова, Бориса, Бориса, Бориса, Бориса Семеновича, Боркова, Борлова, Бормосова, Борнякова, Боровского, Борова, Бородатого, Бородина, Бороздина, Бороноволокова, Боронова, Бороховича, Борошина, Борцева, Борщова, Бора и Борыкова.

Въ обѣихъ частяхъ упомянуто о 2396 дворянахъ съ показаніемъ ихъ службъ, въ первой части о 951 лицѣ, а объ остальныхъ лицахъ во 2-й части.

Заканчивая свои замѣтки о „Родословномъ Словарѣ“ Спиридова, я позволю себѣ еще сказать нѣсколько словъ о его рѣдкости.

За отсутствіемъ точныхъ указаній о причинахъ этой рѣдкости Словаря, я могу высказать по этому поводу лишь свои предположенія, которыхъ можно только допустить два.

Первое предположеніе—не сгорѣлъ-ли „Словарь“ въ 1812 году, во время Московскаго пожара, истребившаго почти всю Москву, пожара, въ которомъ безвозвратно погибло многое множество книгъ, цѣлыхъ изданій и даже большихъ, прекрасно составленныхъ библіотекъ *).

---

*) Сгорѣли библіотеки графа Д. П. Бутурлина, графа А. К. Разумовскаго, П. Г. Демидова и А. И. Мусина-Пушкина.

Это предположеніе дѣлается въ особенности вѣроятнымъ, потому что мы знаемъ, что домъ сенатора Матвѣя Григорьевича Спиридова дѣйствительно въ 1812 году сгорѣлъ, и сгорѣли вмѣстѣ съ его домомъ и находившіяся въ немъ приготовленныя къ печати шесть частей „Сокращеннаго описанія служебъ дворянъ“. На это обстоятельство есть указанія и у г. Барсукова (28 стр.).

Если сгорѣли рукописи „Сокращеннаго описанія“, то представляется основательнымъ предположить, что вмѣстѣ съ ними сдѣлались жертвою пламени и тѣ двѣ части „Сокращеннаго описанія“, которыя Спиридовъ успѣлъ издать въ 1810 г., почему онѣ также считаются библіографическими рѣдкостями, а равно изданныя имъ двѣ части „Словаря“.

Второе предположеніе—не истребилъ-ли самъ М. Г. Спиридовъ изданный имъ Словарь, прежде еще Московскаго пожара?

Это предположеніе, разрушающее первое, основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Со времени изданія Словаря до 1812 года прошло 17, 18 лѣтъ. Въ такой продолжительный періодъ времени, составляющій болѣе четверти обыкновенной жизни человѣка, Словарь могъ бы распространиться въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, а если распространиться, то, конечно и дойти до насъ: дошло же до насъ изданное имъ же „Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ дворянъ“ сравнительно въ большемъ количествѣ экземпляровъ, не смотря на то, что оно издано позднѣе и слѣдовательно имѣло менѣе времени для своего распространенія, между тѣмъ какъ первая часть Словаря извѣстна только (какъ уже сказано мною прежде) въ трехъ экземплярахъ, а вторая часть въ единственномъ моемъ экземплярѣ.

Такая рѣдкость первой части Словаря и ненаходимость второй его части и приводитъ меня къ означенному выше второму предположенію.

Случаи уничтоженія сочиненій уже напечатанныхъ самими ихъ авторами бывали вездѣ, бывали и у насъ. Вспомнимъ Лажечникова, истребившаго свои „Первые опыты въ прозѣ и стихахъ“, изданные имъ въ 1818 г., и Гоголя, сжегшаго свое первое печатное произведеніе „Ганца Кюхельгартена“, напечатаннаго въ 1829 году.

Одна изъ причинъ къ такому добровольному ауто-да-фе заключается въ недовольствѣ автора своимъ произведеніемъ; а мы уже знаемъ, что М. Г. Спиридовъ не былъ вполнѣ доволенъ своимъ Словаремъ.

Издавая его, онъ заявлялъ: „Весьма бы я желалъ учинить сей Словарь полнѣе и исправнѣе и чтобы никто изъ благородныхъ пропущенъ не былъ и служба каждаго-бы описана была; но, не имѣя у себя полныхъ и вѣрныхъ родословій каждаго рода, не могъ я сего моего желанія исполнить“, и далѣе онъ говоритъ, что, при отсутствіи надлежащихъ матеріаловъ, онъ не имѣлъ возможности различать, „кто изъ нихъ (дворянъ) былъ въ какой службѣ и при какой должности и который именно изъ нихъ въ которое время какую службу или должность исправлялъ, и одинъ или двое подъ

тѣми прозваніями были; а посему можетъ быть въ семъ Словарѣ и вдвойнѣ кто или вмѣсто двухъ одинъ написанъ". Въ списки дворянскихъ родовъ, напечатанныхъ въ Словарѣ и нами вполнѣ съ буквальною точностію вышеприведенныхъ, помѣщены были иногда, какъ мы уже видѣли, одни имена, не только безъ фамилій и прозвищъ, но даже и безъ отечествъ, что̀, конечно, также не могло удовлетворить трудолюбиваго историка дворянскихъ родовъ.

При изданіи второй части Словаря, Спиридовъ еще болѣе имѣлъ возможности убѣдиться, что достигнуть той цѣли, которую онъ при составленіи Словаря имѣлъ—„полноты его и исправности", почти было невозможно при тогдашнемъ состояніи источниковъ и вообще исторіи; да едва ли достало-бы у него средствъ, времени и силы на изданіе такого многотомнаго словаря, какимъ онъ долженъ бы быть, судя по тому, что только двѣ первыя буквы составили два объемистые тома.

Издавъ первые два тома, не разочаровался ли Спиридовъ въ такомъ смѣломъ предпріятіи и, оставивъ свое дальнѣйшее намѣреніе на его изданіе, не сжегъ ли онъ ихъ, какъ произведеніе, которымъ онъ былъ самъ недоволенъ?

Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ еще обстоятельствахъ.

Въ своемъ второмъ печатномъ трудѣ „Краткомъ опытѣ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ", говоря о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ уже говорилъ въ Словарѣ и даже иногда повторяя ихъ почти съ буквальною точностію [1]), онъ тѣмъ не менѣе нигдѣ не упомянулъ, что по нимъ уже высказывалъ тѣ же мнѣнія и иногда почти тѣми же словами въ первомъ своемъ печатномъ трудѣ.

Далѣе, издавая въ 1810 г. „Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ" и касаясь въ немъ опять тѣхъ же предметовъ, о которыхъ излагалъ уже свое мнѣніе въ Словарѣ, онъ и въ семъ послѣднемъ своемъ сочиненіи не только на это не сослался, но даже нигдѣ не обмолвился объ этомъ ни однимъ словомъ.

И, наконецъ, совершенно игнорируя Словарь, онъ свое второе сочиненіе — „Краткій опытъ историческаго извѣстія о дворянствѣ", въ посвященіи его Россійскому дворянству, назвалъ первымъ печатнымъ трудомъ своимъ [2]).

---

[1]) Такъ напримѣръ въ Словарѣ: „Не рожденіе наше и не имя, которое носимъ, но послѣдованіе и подражаніе достохвальнымъ дѣламъ предковъ нашихъ славу нашу содѣлываютъ". Эта же мысль въ Краткомъ опытѣ историч. извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ: „Не рожденіе наше и не имя, которое носимъ, но послѣдованіе и подражаніе достохвальнымъ дѣламъ предковъ нашихъ славу ихъ подкрѣпляютъ, уваженіе намъ пріобрѣтаютъ, хвалу и честь намъ содѣлываютъ".

[2]) Подъ посвященіемъ „Краткаго опыта историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ" помѣщены слѣдующія буквы: Д М С Т П Е Р В. Вѣроятно въ этихъ буквахъ Сопиковъ усмотрѣлъ инициалы Дмитревскаго и поэтому отнесъ Краткій опытъ къ сочи-

Это послѣднее разительное обстоятельство придаетъ нашему второму предположенію еще больше достовѣрности.

Для любопытства читателей упомяну, что обѣ части Спиридовскаго Словаря поступили въ мою библіотеку изъ библіотеки знаменитаго Московскаго собирателя книгъ, Теребенева.

III.

Бывшій профессоръ одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ и историкъ Императрицы Екатерины II-й В. А. Бильбасовъ, въ своей статьѣ, по поводу перепечатанной рѣдкой книги „Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному", помѣщенной въ Русской Старинѣ за 1890 годъ, въ № 3, говоритъ, что „Тайна противо-нелѣпаго общества" вовсе не принадлежитъ перу Екатерины, какъ нѣкоторые предполагаютъ и что неизвѣстно, когда она издана на Русскомъ языкѣ.

Первое свое мнѣніе В. А. Бильбасовъ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) что Смирдинъ, перепечатывая „Тайну", въ третьемъ томѣ „Сочиненій Екатерины II-й, не приводитъ доказательствъ въ пользу авторства Екатерины; 2) что М. Н. Лонгиновъ, удостовѣряя, что „Тайна" написана по поводу высылки изъ Россіи Каліостро, ссылается на Сопикова, Смирдина и Полторацкаго, но ни одинъ изъ нихъ не занимался вопросомъ, дѣйствительно ли она написана Екатериною; 3) что Екатерина въ своемъ письмѣ къ Циммерману, въ которомъ сообщала ему о написанной ею комедіи „Обманщикъ", гдѣ осмѣивается Каліостро, и въ письмѣ къ Гримму, по случаю высылки изъ Петербурга Каліостро, не только не говоритъ о „Тайнѣ", но ни въ этихъ письмахъ, ни въ комедіяхъ Екатерины нѣтъ даже ни единаго намека на нее, и 4) что слогъ „Тайны" не соотвѣтствуетъ слогу Екатерины, ея манерѣ проводить свою мысль въ діалогической формѣ. Со всѣми этими соображеніями почтеннаго ученаго мы не можемъ согласиться и противъ нихъ позволимъ себѣ представить здѣсь слѣдующія возраженія.

Возраженіе противъ перваго соображенія.

Смирдинъ, издавая въ трехъ томахъ сочиненія Императрицы Екатерины II и помѣщая въ одномъ изъ нихъ (т. III) „Тайну противо-нелѣпаго общества", дѣйствительно не приводитъ никакихъ доказательствъ въ под-

неніямъ сего послѣдняго (Сопиковъ № 7832). Наши букинисты, слѣдуя указанію Сопикова, до сихъ поръ въ своихъ антикварныхъ каталогахъ также относятъ „Краткій опытъ" къ сочиненіямъ Дмитревскаго (Мартыновъ № 6879, Готье № 7027); но еще митрополитъ Евгеній „Краткій опытъ" причислилъ къ сочиненіямъ М. Г. Спиридова (Словарь свѣтскихъ писателей, т. II, стр. 176). Впрочемъ это можно было видѣть и изъ предисловія къ „Сокращенному описанію служебъ благородныхъ дворянъ". Первый же объяснилъ означенныя загадочныя буквы сынъ извѣстнаго автора книги „Семейство графовъ Разумовскихъ" Александра Алексѣевича Васильчикова, молодой археологъ Алексѣй Александровичъ Васильчиковъ, приходящійся М. Г. Спиридову правнучатнымъ племянникомъ. Онъ прочелъ въ буквахъ „Д М С Т П Е Р В" слѣдующія слова „Далъ Матвѣй Спиридовъ трудъ первый" (Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія А. Барсукова, стр. 27).

твержденіе того, чтобы „Тайна“ принадлежала перу Екатерины II. Издавая и другія ея сочиненія, онъ также не приводитъ никакихъ доказательствъ къ тому, что они ею написаны, но изъ сего еще нельзя приходить къ тому заключенію, къ которому пришелъ В. А. Бильбасовъ; нельзя же, на самомъ дѣлѣ, сказать, что Смирдинъ не привелъ доказательствъ принадлежности „Тайны“ перу Екатерины, слѣдовательно не она ее написала. Такой выводъ будетъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшенъ. Мы полагаемъ, что въ этихъ доказательствахъ Смирдину и не было никакой надобности, такъ какъ во время изданія сочиненій Императрицы Екатерины (1850 г.) и прежде сего изданія ни у кого не возникало даже сомнѣнія въ томъ, что „Тайна“ принадлежитъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й; обыкновенно же, издатели сочиненій приводятъ доказательства о принадлежности того или другаго сочиненія тому или другому автору только въ спорныхъ случаяхъ.

Возраженіе противъ втораго соображенія.

В. А. Бильбасовъ, удостовѣряя, что Сопиковъ, Смирдинъ и Полторацкій, на которыхъ сослался Лонгиновъ, не занимались вопросомъ: дѣйствительно ли Екатерина II-я написала „Тайну“, въ подтвержденіе этого удостовѣренія не приводитъ никакихъ данныхъ; да ихъ на самомъ дѣлѣ и нѣтъ. Изъ того же обстоятельства, что они не оставили послѣ себя особенныхъ трудовъ, особыхъ изслѣдованій по разрѣшенію занимающаго насъ вопроса, нельзя также придти къ такому заключенію, къ какому г. Бильбасовъ пришелъ.

Мы знаемъ, что Сопиковъ, Анастасевичъ *) и Полторацкій были самыми обстоятельными библіографами, и въ особенности второй изъ нихъ. Составленныя имъ росписи библіотекъ Плавильщикова и Смирдина до сихъ поръ считаются образцовыми, и преимущественно вторая. Указанія въ его каталогахъ чрезвычайно вѣрны и точны. Благодаря основательному знанію исторіи литературы и своимъ связямъ съ современными ему литераторами и учеными, Анастасевичъ имѣлъ полную возможность раскрывать псевдонимы и анонимы. Не позабудемъ при этомъ, что Анастасевичъ дважды относилъ „Тайну“ къ сочиненіямъ Екатерины: въ первый разъ въ росписи Плавильщикова (№ 1544), а во второй разъ въ росписи Смирдина (№ 940). Относя въ обоихъ случаяхъ „Тайну“ къ сочиненіямъ Екатерины, онъ и самъ, конечно, самостоятельно могъ произвести объ этомъ особое библіографическое изслѣдованіе и могъ совершенно спокойно положиться на указаніе благопріятеля своего, извѣстнаго историка, археолога и библіографа, митрополита Евгенія Болховитинова, который объ этомъ сдѣлалъ указаніе еще въ 1806 г. въ „Другѣ Просвѣщенія“ (№ VII, стр. 149). Въ немъ митрополитомъ Евгеніемъ сообщалось слѣдующее: „Екатерина издала безъименно на размножившихся при ней въ Россіи масоновъ, которыхъ она, равно какъ и послѣ появившихся иллюминатовъ, не могла во всю жизнь свою терпѣть, яко обманщиковъ, небольшую книжку, напечатанную въ 1759 го-

*) Вмѣсто Смирдина я говорю объ Анастасевичѣ, такъ какъ сей послѣдній составилъ „Смирдинскій“ каталогъ.

ду [1]) порознь на Французскомъ и Русскомъ языкахъ подъ названіемъ „Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ къ оному“.

Возраженіе противъ третьяго соображенія.

Совершенно вѣрно, что Екатерина въ своихъ письмахъ къ Циммерману и Гримму не упоминаетъ о „Тайнѣ“; но изъ такого умолчанія ея не слишкомъ ли будетъ также поспѣшно придти къ тому заключенію, къ какому пришелъ В. А. Бильбасовъ? Къ такому рѣшительному заключенію, можно было бы придти только въ единственномъ случаѣ, если бы сама Екатерина въ своихъ письмахъ нашла нужнымъ удостовѣрить это обстоятельство, но она сего обстоятельства не удостовѣрила. Намъ могутъ возразить, что въ письмахъ къ Циммерману и Гримму былъ поводъ Екатеринѣ упомянуть „о Тайнѣ“, если она ее написала, такъ какъ она сообщала въ нихъ первому [2]) о сочиненныхъ ею двухъ комедіяхъ („Обманщикѣ“, въ которой представленъ Каліостро, и „Обольщенный“), а второму сообщала о высылкѣ Каліостро изъ Петербурга. Такое возраженіе имѣло бы цѣну только тогда, когда бы „Тайна“ написана была по поводу высылки Каліостро; но это обстоятельство и весьма основательно отвергаетъ самъ В. А. Бильбасовъ. И дѣйствительно „Тайна“ не могла быть написана по означенному случаю, какъ полагалъ объ этомъ ошибочно Лонгиновъ (Новиковъ и Москов. Мартинисты, стр. 134) на томъ простомъ основаніи, что „Тайна“ издана прежде, нежели послѣдовало удаленіе Каліостро изъ Петербурга; публикація объ изданіи „Тайны“ на Французскомъ языкѣ появилась въ С.-Петербург. Вѣдомостяхъ 24 Января 1780 г. (Прибавленіе къ № 7), а высылка Каліостро состоялась въ Апрѣлѣ 1780 г.

Возраженіе противъ четвертаго соображенія.

Всякому извѣстно, что слогъ у каждаго писателя подверженъ измѣненіямъ, что видоизмѣненія обусловливаются разными причинами: временемъ, состояніемъ, въ которомъ находился авторъ, и наконецъ самымъ родомъ произведенія. Если мы будемъ сравнивать „Тайну“, о которой идетъ рѣчь, съ „Обманщикомъ“, на котораго ссылается В. А. Бильбасовъ, то мы не должны упускать изъ вниманія всѣ означенныя условія. Мы должны имѣть въ виду, что „Тайна“ напечатана въ 1780 г., а „Обманщикъ“ въ 1785, что „Обманщикъ“ комедія, а „Тайна“ принадлежитъ къ другому роду произведеній. Но и при всемъ разнообразіи этихъ условій, „Тайну“, и по слогу, другой писатель, не менѣе извѣстный, а именно П. К. Щебальскій, который спеціально разсмотрѣлъ всѣ драматическія и нравоописательныя сочиненія Екатерины II, относитъ къ ея произведеніямъ. Онъ говоритъ: „сличая эту піесу со всѣми прочими піесами Екатерины, даже самыми слабыми, я прихожу къ заключенію, что ее слѣдуетъ почитать именно ея пробой пера“ (Р. Вѣстникъ 1871 г., № 5, стр. 114).

---

[1]) На книжкѣ „Тайна противо-нелѣпаго общества“ обозначенъ 1759 г. Ниже будетъ указано нами, что она издана въ 1780 г. По мнѣнію почтеннаго библіографа Я. Ө. Березина-Ширяева, выставленный на книжкѣ 1759 годъ обозначаетъ время основанія въ Россіи масонскихъ ложъ.

[2]) Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ, съ 1785 по 1792 годъ. Спб. 1803 г., стр. 45 и 68.

Показавъ несостоятельность соображеній, по которымъ В. А. Бильбасовъ относитъ „Тайну“ не къ сочиненіямъ Императрицы Екатерины, теперь перейдемъ къ тѣмъ положительнымъ доказательствамъ, на основаніи которыхъ мы причисляемъ „Тайну“ къ ея произведеніямъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ два драгоцѣнныхъ указанія современниковъ Екатерины II-й.

Первое, Александра Васильевича Храповицкаго. А. В. Храповицкій, бывшій десять лѣтъ статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II-й, въ своихъ памятныхъ запискахъ, которыя онъ велъ съ 1782 г. почти ежедневно и при томъ самымъ тщательнымъ образомъ, записалъ слѣдующее подъ 7 Августа 1793 года: „Читалъ въ Московской почтѣ донесеніе кн. Прозоровскаго касательно окончанія дѣла о книгопродавцахъ, торговавшихъ запрещенными книгами. При вопросѣ „почему запрещена „Киропедія“ нашелъ я случай изъясниться о старомъ масонствѣ, что былъ въ ложѣ у Ал. Ил. Бибикова и что я же перевелъ Société anti-absurde, сочиненія Ея Величества. Кажется, что выслушанъ хорошо, и нѣкоторыми отзывами отдѣленъ отъ нынѣшнихъ Мартинистовъ“ [1]).

Второе, Бёбера. Бёберъ былъ великимъ секретаремъ провинціальной ложи. Въ своихъ запискахъ онъ удостовѣряетъ слѣдующее: „Такъ какъ масонство привлекало къ себѣ очень многихъ изъ самыхъ знатныхъ лицъ, то это возбудило въ Императрицѣ нѣкоторое подозрѣніе, въ особенности потому, что князья Куракинъ и Гагаринъ были извѣстные любимцы Великаго Князя Павла Петровича, и она выразила свою щекотливость по этому предмету сначала сатирическими брошюрками, изъ которыхъ одна называлась „Противо-нелѣпое общество“, и потомъ по поводу одной статьи, напечатанной въ Гамбургской газетѣ, и выразила такъ громко, что тогдашній оберъ-полицiймейстеръ, бывшій членомъ ордена, посовѣтовалъ намъ оставить работы (т.-е. масонскія собранія) и покинуть прекрасно-устроенное помѣщеніе ложи“ [2]).

И такъ изъ подлинныхъ свидѣтельствъ современниковъ ясно и положительно видно, что „Тайна“ написана Императрицею Екатериною II-й; не забудемъ при этомъ, что одинъ изъ нихъ, именно А. В. Храповицкій, переведшій „Тайну“ съ Французскаго на Русскій языкъ, былъ приближеннымъ лицомъ къ Государынѣ. По удостовѣренію его біографа, Бантыша-Каменскаго, онъ каждый день докладывалъ Императрицѣ дѣла и просьбы, писалъ указы, сочинялъ планы, хоры и аріи для ея оперъ и лексиконъ для риѳмъ [3]).

Къ указаніямъ современниковъ Императрицы Екатерины II-й, мы не можемъ не отнести и митрополита Евгенія Болховитинова. Митрополитъ Евгеній, вступившій при ея жизни на литературное поприще въ 1787 г. [4]),

---

[1]) Памятныя записки А. В. Храповицкаго. Изданіе Г. Н. Геннади. М. 1862 г., стр. 292, 293. Дневникъ А. В. Храповицкаго. Изданіе Базунова. Спб. 1874 г., стр. 436 и 437..

[2]) Вѣстникъ Европы 1868 г., № 6, стр. 579, 581, 582.

[3]) Словарь д. л. Русской земли Бантыша-Каменскаго. Спб. 1847 г.3 ч., стр. 503—508.

[4]) Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Сочиненіе Шмурло, Спб. 1888 г., стр. 67. Сличи письма м. Евгенія къ Анастасевичу. Р. Арх. 1889. II. Б.

черезъ десять лѣтъ послѣ ея смерти, когда еще въ памяти были всѣ ея дѣянія, удостовѣрилъ намъ категорически, какъ мы уже видѣли, что „Тайна" написана дѣйствительно ею.

Такія свидѣтельства современниковъ до того убѣдительны, что кромѣ указанныхъ В. А. Бильбасовымъ Сопикова, Смирдина, Полторацкаго и Лонгинова и другіе писатели, какъ-то: Пыпинъ [1]), Пекарскій [2]), Щебальскій [3]) и библіографы: Чертковъ [4]), Березинъ-Ширяевъ [5]), Геннади [6]) и Губерти [7]), не возбуждая никакого сомнѣнія, всегда относили „Тайну" къ сочиненіямъ Императрицы Екатерины II-й.

Второе свое мнѣніе относительно неизвѣстности года изданія „Тайны" на Русскомъ языкѣ В. А. Бильбасовъ основываетъ на томъ соображеніи, что публикація въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1780 годъ въ № 7 о продажѣ Французскаго оригинала „Тайны" не можетъ опредѣлить годъ изданія Русскаго перевода.

Соображеніе это было бы совершенно вѣрно, еслибы мы имѣли только одну означенную публикацію; но мы кромѣ ея имѣемъ еще публикацію въ томъ же 1780 году о продажѣ „Тайны" и на Русскомъ языкѣ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1780 годъ, 13 Мая, въ № 39, была слѣдующая публикація о *новыхъ книгахъ*: „Въ университетской книжной лавкѣ продаются слѣдующія *недавно вышедшія изъ печати книги*: 1) Поваренныя записки, цѣна въ бум. 30 к. 2) О неумѣренности любострастія, о болѣзняхъ, отъ онаго приключающихся и о средствахъ, излѣченію оныхъ способствующихъ, предосторожность молодымъ обоего пола людямъ. Соч. док. Бехерахта, изд. вт., въ бум. переп. 60 к. 3) Эльфида, трагедія Бертуша, пер. съ Нѣм., въ бум. 55 к. 4) *Тайна противо-нелѣпаго (anti-absurde) общества, открытая непричастнымъ оному. Переведена съ Французскаго языка, цѣна въ бумажномъ переплетѣ 55 к.* 5) Сократъ, драма г. Вольтера, безъ переплета 25 и въ бум. пер. 30 к.; и 6) Поучительныя слова, говор. Успенскаго Отроча монастыря архимандритомъ и Тверской семинаріи ректоромъ Илларіономъ. Цѣна въ бум. 30 к., а безъ переплета 25 коп."

Кажется изъ сей публикаціи можно тоже придти безошибочно къ заключенію, что „Тайна" на Русскомъ языкѣ издана въ 1780 году.

Такимъ образомъ на основаніи всего вышеизложеннаго, мы, вопреки мнѣнію почтеннаго историка Императрицы Екатерины II-й, можемъ положительно утверждать, что „Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному", принадлежитъ перу великой нашей Императрицы и что Русскій переводъ „Тайны" изданъ въ 1780 году.

И. Остроглазовъ.

Г. Тула. 2—4 Апрѣля 1890 г.

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1867 года, кн. 12, стр. 6—9 и 1886 года, кн. 6, стр. 582.

[2]) Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи. Спб. 1869 г., стр. 185 и 186.

[3]) Русскій Вѣстникъ 1871 г., кн. 5, стр. 112—115; кн. 6, стр. 549—551.

[4]) Всеобщая Библіотека Россіи или каталогъ книгъ. М. 1838 г., стр. 465, № 68.

[5]) Описаніе Русск. и иностр. книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя историческихъ наукъ, литературы и художествъ NN. Спб. 1873 г., стр. 288—289.

[6]) Русскія книжныя рѣдкости. Спб. 1870 г., стр. 40, № 18.

[7]) Метеріалы для Русской библіографіи, вып. I, 1878 г., стр. 148 и 149, № 94.

ДАВНІЯ ВСТРѢЧИ.

Изъ воспоминаній А. Н. Андреева *).

X. Кронъ-принцъ Рудольфъ и министръ.

Въ 1884 году посланъ я былъ Московскимъ Обществомъ Любителей Птицеводства въ Вѣну делегатомъ на международный Орнитологическій Конгрессъ и состоявшую при немъ Всемірную выставку птицеводства.

Пріѣхавъ въ Вѣну и заявивъ въ комитетъ выставки о своемъ пріѣздѣ, я сталъ получать многочисленные визиты отъ членовъ конгресса, между которыми были и два Русскихъ делегата: академикъ Шренкъ изъ Петербурга и знаменитый орнитологъ докторъ Радде съ Кавказа; былъ еще нѣкто д-ръ Вольдемаръ Криворотовъ изъ Гернальса (по фамиліи Русскій); но я его не видалъ.

Выставка, открывшаяся еще до моего пріѣзда (въ началѣ Апрѣля мѣсяца) помѣщалась въ великолѣпномъ зданіи дома Любителей Садоводства (Garten-Bau-Gesellchafft), въ самомъ центрѣ города (Opern-Ring), на одной изъ лучшихъ улицъ цѣлаго свѣта— Ring-Strasse. Необыкновенно счастливое сочетаніе оранжерей, цвѣтовъ и кустарниковъ съ экзотическими экземплярами пернатыхъ животныхъ и ихъ чучелами, привезенными со всѣхъ концовъ свѣта, и необыкновенно-картинная сгрупировка дѣлали обозрѣніе выставки до того привлекательнымъ и вмѣстѣ поучительнымъ, что невозможно было, живя въ Вѣнѣ, удержаться, чтобы ежедневно хотя на нѣсколько часовъ не заѣхать на выставку.

Засѣданія Орнитологическаго Конгресса происходили въ другомъ зданіи Вѣнскаго Художественнаго Феррейна, находящагося тутъ же на Рингѣ по близости.

Почетнымъ президентомъ и покровителемъ конгресса и выставки былъ кронъ-принцъ (наслѣдникъ престола) эрцгерцогъ *Рудольфъ*, такъ недавно и несчастливо окончившій свою жизнь, а почетнымъ предсѣдателемъ за-

*) См. первыя девять очерковъ въ „Русскомъ Архивѣ" сего года, I, 536.

сѣданій маркизъ и графъ *Де-Бельгардъ*. Секретаремъ конгресса и предсѣдателемъ одной изъ фракцій состоялъ д-ръ Гайекъ; онъ же главный распорядитель и душа всего предпріятія.

7-го Апрѣля н. ст. было торжественное открытіе конгресса подъ предсѣдательствомъ самого наслѣднаго принца, при чемъ и случился тотъ эпизодъ, который собственно я хочу разсказать.

Принцъ пріѣхалъ довольно рано и по мѣрѣ того, какъ собирались всѣ члены, графъ Де-Бельгардъ представлялъ ихъ ему и знакомилъ ихъ съ почетнымъ ихъ предсѣдателемъ.

Кронпринцъ каждаго встрѣчалъ очень любезно, каждому находилъ что нибудь сказать. Когда очередь дошла до меня, и онъ узналъ, что я изъ Москвы, онъ протянулъ мнѣ руку и, чтобы сказать что-нибудь, спросилъ почти скороговоркой: „А далеко отсюда Москва?“ – Очень далеко, отвѣчалъ я ему.—„Очень радъ“, отвѣчалъ онъ (конечно тому, что со мной познакомился, такъ какъ и со всѣми другими), и отошелъ къ слѣдующему гостю. Но это „очень радъ“ могло быть перетолковано иначе и тогда принимало совсѣмъ другой смыслъ.

Позади кронъ-принца шелъ Австрійскій министръ торговли, фамилію котораго я теперь позабылъ. Это былъ совершенно опереточный генералъ въ родѣ Швейцарскаго адмирала изъ „Парижской Жизни“. Высокій, худой, неподвижный, онъ смотрѣлъ черезъ головы всѣхъ, по видимому не обращая ни на кого вниманія. Однако, замѣтивъ какого-то стоявшаго подлѣ меня Нѣмца, тоже члена конгресса, который ему низко кланялся, онъ удостоилъ его вниманіемъ и произнесъ сквозь зубы что-то въ родѣ: „Я васъ, кажется, гдѣ-то видѣлъ?“

— Нѣтъ, я не имѣлъ этой чести, отвѣчалъ ему вкрадчиво Нѣмецъ. Тогда министръ произнесъ уже довольно громко: „Все равно! Все равно!“ и пошелъ далѣе.

Эти „очень радъ“ и „все равно“ развеселили меня на цѣлый день.

Едва только „высокій протекторъ птичьяго міра“ (такъ называлъ принца Рудольфа маркизъ Де-Бельгардъ) произнесъ свою довольно монотонную рѣчь, какъ общество раздѣлилось на двѣ главныя группы, согласно главной цѣли Конгресса: 1) о международномъ покровительствѣ птицамъ и 2) о развитіи вообще птицеводства.

Профессоръ *Альтумъ* изъ Нейштета (въ Пруссіи) въ родѣ увертюры прочелъ громадный рефератъ „о значеніи свободной птицы въ свободѣ природы“; и наше собраніе закончилось приглашеніемъ отъ города Вѣны

на банкетъ, въ громадной залѣ гостиницы Goldener Lamm (въ Леопольдъ-Штрассе), который и собрался на другой день 8 Апрѣля въ 7 ч. вечера.

По окончаніи съѣзда, эрцгерцогъ Рудольфъ давалъ и отъ себя въ королевскомъ дворцѣ прощальный обѣдъ; но я на немъ не присутствовалъ, потому что за нѣсколько дней до того уѣхалъ въ Миланъ, куда меня привлекали дѣла, а главнѣе всего надоѣла Вѣна, въ которой въ этотъ пріѣздъ я прожилъ болѣе двухъ недѣль.

Предъ отъѣздомъ мы сняли у придворнаго фотографа общую группу вмѣстѣ съ кронъ-принцемъ, который просилъ навѣщать его, когда попадемъ въ Вѣну. Но увы, этому не суждено уже было случиться.

XI. Лордъ Брунъ.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Испанію былъ я въ Гренадѣ, этомъ истинно-райскомъ уголкѣ Европы. Въ Альгамбрѣ, на такъ называемомъ „Львиномъ дворѣ" (получившимъ названіе отъ фонтана, чаша котораго покоится на спинахъ восьми колоссальныхъ мраморныхъ львовъ), однажды я присѣлъ отдохнуть на скамейку и увидѣлъ возлѣ себя задумчиво сидѣвшаго господина, который немедленно обратилъ на себя мое вниманіе.

Высокій, со впалой грудью, испитымъ лицомъ, обрамленнымъ желтыми бакенбардами, въ клѣтчатомъ рединготѣ и такихъ же панталонахъ и шапкѣ, онъ казался мнѣ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, вопреки весьма изысканному и изящному его костюму. Въ лицѣ его было столько горя, унынія и грусти, что я не могъ пройти мимо его равнодушно; а когда замѣтилъ, что наемный провожатый мой почтительно поклонился ему, то не могъ удержаться, чтобы не спросить: кто это такой?

— Это лордъ Брунъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Англіи и цѣлой Европы, владѣлецъ знаменитаго Женералифа, нѣкогда загороднаго дворца женъ Гренадскихъ калифовъ: калифы сами жили въ Альгамбрѣ, а туда переѣзжали только на дачу, украсить которую старался на перерывъ каждый ея владѣтель.

И въ самомъ дѣлѣ, тропическая растительность Испаніи нигдѣ не развернулась въ такой красотѣ и могуществѣ, какъ въ этомъ Женералифѣ. Происходитъ это оттого, что, при жгучей температурѣ, нигдѣ, быть можетъ, нѣтъ столько воды, брызжущей повсюду изъ каждаго уголка фонтанами и каскадами, какъ въ этомъ, единственномъ въ своемъ родѣ Эдемѣ, не только для правовѣрныхъ, но и для каждаго смертнаго.

Что же изъ этого, что вода эта проведена болѣе чѣмъ за 60 верстъ изъ отроговъ Сіерры-Морены, что для построенія волшебнаго замка сгонялись тысячи христіанъ и Евреевъ, которые тутъ же и умирали, что Мав-

ританская цивилизація собрала съ цѣлаго свѣта восточный хрусталь, мраморъ и колонны, дабы достойно украсить земной рай или гаремъ величайшаго изъ Арабскихъ калифовъ, и что эти-то всѣ сокровища съ ихъ прелестями и очарованіями принадлежатъ теперь сидѣвшему противъ меня лорду Бруну, который казался меньше всего способенъ не только ими пользоваться, но даже и оцѣнить ихъ?

— Но это не все, отвѣчалъ мнѣ мой путеводитель. У этого лорда Броуна или Бруна есть еще нѣсколько подобныхъ же дворцовъ и замковъ. Есть замокъ въ Шотландіи, вилла въ Италіи на берегу Средиземнаго моря близъ Генуи, замокъ и вилла на Луганскомъ озерѣ, дворецъ въ Бенаресѣ въ Западной Индіи, домъ и вилла въ Ньюіоркѣ и, кажется, еще въ Ріо-Жанейро.

— Что вы это мнѣ все говорите? перебилъ я своего чичироне, какъ бы боясь, чтобы онъ мнѣ не наговорилъ еще чего нибудь столько же неправдоподобнаго? Можетъ ли быть, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ столько дворцовъ и сокровищъ, разбросанныхъ по цѣлому свѣту, которые конечно стоятъ страшныхъ расходовъ и которыми, очень просто, онъ или пользоваться не можетъ или даже врядъ ли когда либо ихъ увидитъ?

— Если бы еще бѣда заключалась только въ этомъ, то еще можно бы было помириться; я же говорю вамъ, что лордъ Броунъ чрезвычайно богатъ. Но онъ Англичанинъ; а у Англичанъ чтó человѣкъ, то типъ, чтó типъ, то какое-нибудь чудачество. Одинъ умираетъ отъ сплина, потому что у него слишкомъ много денегъ; другой строитъ себѣ дворецъ съ колоннами подъ землей, потому что на землѣ слишкомъ много мошенниковъ; третій отправляется путешествовать на своей яхтѣ, пока яхта эта не разлетится, наткнувшись на какой-нибудь рифъ или подводный камень. И мало ли чего они еще дѣлаютъ? Вотъ лордъ Броунъ тоже чудакъ, но чудакъ уже совсѣмъ другаго пошиба. Я сказалъ вамъ, что у него есть семь разбросанныхъ по всему свѣту дворцовъ или замковъ. Въ каждомъ изъ этихъ дворцовъ или замковъ у него постоянно находится полный штатъ домовой и садовой прислуги, снабженной всѣми необходимыми принадлежностями не только для ея собственнаго обихода и жизни, но даже и для внезапнаго пріѣзда хозяина. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ чудачество лорда Броуна. Въ каждомъ изъ этихъ дворцовъ, во всякое время года, въ извѣстный часъ дня, въ великолѣпной столовой комнатѣ, украшенной всевозможной роскошью, накрывается столъ на шесть приборовъ, на который офиціанты во фракахъ три раза въ день подаютъ ежедневно приготовляемый въ 10 ч. утра завтракъ, обѣдъ въ 5 ч. и ужинъ въ 10 ч. вечера. Когда же ни хозяинъ и никто изъ гостей не является въ столовую, то кушанья со стола убираютъ, и тоже самое повторяется завтра, послѣ завтра, недѣли, мѣсяцы, и такъ будетъ до безконечности или до смерти лорда. Когда лордъ Броунъ или пріятели его, кого судьба можетъ забросить

въ такую часть свѣта, гдѣ у него есть замокъ (а замки у него есть вездѣ), конечно снабженные его рекомендаціей, явятся въ извѣстный часъ неожиданно въ столовую комнату, то могутъ прямо садиться завтракать или обѣдать и быть совершенно увѣрены, что утолятъ самый прихотливый вкусъ и излишество.

Погулявъ по Альгамбрѣ и возвращаясь домой, я засталъ того же лорда Броуна и на той же скамейкѣ, сидѣвшаго въ той же меланхолической позѣ. Не безъ уваженія прошелъ я мимо этого чудака, умѣющаго такъ тонко и артистически проживать свои доходы, которымъ, при холостой жизни, а слѣдовательно и бездѣтности, не могъ онъ дать, по моему, болѣе пригоднаго употребленія.

*

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Генуѣ, я увидалъ на дебаркадерѣ желѣзной дороги все того же лорда Бруна. Онъ больше осунулся и былъ окруженъ множествомъ приспѣшниковъ и знакомыхъ. Обратившись къ кому-то съ вопросомъ, я услышалъ, что ему принадлежатъ громадныя земли съ виллами и садами, нынѣ вымершей, но нѣкогда знаменитой фамиліи маркиза Палавичини (по Итальянскому обычному праву, купивъ маркизатъ, Англійскій лордъ съ нимъ вмѣстѣ пріобрѣлъ всѣ права и титулы бывшаго владѣльца).

Въ вагонѣ желѣзной дороги я узналъ, что оригинальное чудачество полупомѣшаннаго Англичанина все еще продолжается и окончится развѣ только съ его смертію.

XII. Трагикъ Росси.

Лѣтъ 12 или 15 тому назадъ, въ первый разъ пріѣхалъ въ Москву (да кажется и въ Россію) знаменитый Итальянскій трагикъ Эрнестъ Росси. Имя его уже гремѣло тогда по цѣлой Европѣ. Это былъ дѣйствительно какой-то титанъ, не игравшій, но воплощавшій въ себѣ всѣ лучшіе типы и Шекспира, и другихъ драматурговъ цѣлаго міра. Теперь для нѣкоторыхъ изъ этихъ типовъ Росси уже нѣсколько потучнѣлъ, обрюзгъ, устарѣлъ; но тогда, въ самомъ разцвѣтѣ великаго своего таланта, онъ производилъ на сценѣ дѣйствительно чудеса. Никто, казалось, не могъ воплощаться и воплотить въ себѣ безсмертнѣе типы Отелло, Лира, Макбета, Юлія Цезаря, Гамлета, Людовика XI и цѣлой плеяды гигантскихъ личностей, которыя были всѣ ему по плечу. Въ безподобной игрѣ его они оживлялись, выростали и одухотворялись силою его творчества, ума и необыкновеннаго генія.

Нечего конечно и говорить, что успѣхъ Росси въ Москвѣ былъ громадный. Поѣхать на его представленіе въ театръ и достать мѣсто было

событіемъ жизни, и вся Москва праздновала праздникъ искусства, истинное торжество творческаго таланта.

Московская Консерваторія Музыкальнаго Общества и только что народившееся тогда Общество Русскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ возъимѣли счастливую мысль отпраздновать пріѣздъ Росси обѣдомъ, который и состоялся въ гостиницѣ Эрмитажъ.

Стоявшіе во главѣ этихъ Обществъ Н. Г. Рубинштейнъ и А. Н. Островскій повѣстили нѣкоторыхъ литераторовъ и артистовъ, и вслѣдствіе этого составилось неожиданно такое блестящее по разнообразнымъ талантамъ собраніе наличныхъ въ Москвѣ знаменитостей, какого пожалуй теперь больше не подберешь.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно и весело; а послѣ обѣда, безъ всякаго принужденія и приглашенія, единственно изъ желанія повеселить гостей, Рубинштейнъ подошелъ къ роялю и сыгралъ не одну, а нѣсколько піесъ, которыя тогда онъ исполнялъ въ совершенствѣ. За Рубинштейномъ спѣла Лавровская, продекламировалъ или сказалъ что-то Островскій, прочитала монологъ изъ Макбета Г. Н. Ѳедотова, И. Ѳ. Горбуновъ проговорилъ нѣсколько своихъ разсказовъ, какой-то докторъ (фамиліи котораго я теперь не припомню) продекламировалъ юмористическіе стихи, и всякій, кто что́ могъ и умѣлъ, съ охотой приносилъ жертву на алтарь священнаго огня, который возжегъ у всѣхъ Росси.

Но вотъ мало по малу все затихаетъ, и вечеру наступаетъ какъ бы конецъ. Тогда поднимается виновникъ этого торжества и растроганнымъ голосомъ благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за величайшую честь, которую они ему сдѣлали, которая не выйдетъ никогда изъ его памяти и изъ сердца, и въ заключеніе проситъ позволенія самому сказать одну сцену, одинъ монологъ, написанный нарочно для него однимъ Итальянскимъ его пріятелемъ и поэтомъ.

Монологъ этотъ имѣетъ названіе „Христофора Колумба" (недавно онъ его повторялъ въ Москвѣ же публично). Вотъ тутъ-то нужно было видѣть и слышать знаменитаго трагика. Сценическому успѣху актера конечно помогаютъ много иллюзія, гримировка, костюмы, отдаленность артиста отъ зрителя, эффектное освѣщеніе и т. д. Но чтобъ въ тѣсной залѣ, имѣя слушателей почти у себя на носу, прочитать или лучше сказать сыграть такъ, какъ это сдѣлалъ въ тотъ вечеръ Росси, было какъ-то невозможно, неправдоподобно, и всѣ самые талантливые его зрители невольно протирали глаза, не вѣря самимъ себѣ, до какой иллюзіи можетъ дойти истинное искусство.

Сюжетъ Христофора Колумба состоитъ въ томъ, что, рѣшившись открывать Америку и руководясь своими вычисленіями, основанными

на противувѣсѣ двухъ материковъ, одного извѣстнаго и открытаго а другаго имъ открываемаго, знаменитый мореплаватель убѣдилъ въ томъ Испанское правительство и экипажъ корабля, на которомъ онъ плылъ. Разсчеты эти оказались ошибочными; прошло уже много времени съ той минуты, когда онъ надѣялся увидѣть берегъ. Матросы начали волноваться, требовать возвращенія; волненіе стало переходить въ угрозы, грубости и кончилось почти открытымъ бунтомъ. Вотъ этотъ-то моментъ жизни Колумба и выбралъ поэтъ темою для своего монолога. Колумбъ изнемогаетъ подъ бременемъ сомнѣній и обстоятельствъ. Вдохновенно онъ еще разъ говоритъ о невозможности впасть въ ошибку, затѣмъ обращается къ Богу, молитъ Его поддержать, научить и спасти его. Немного спустя, онъ впадаетъ въ отчаяніе.... и было нужно видѣть тогда лицо, голосъ и всю фигуру знаменитаго трагика, чтобы понять, какъ одной силой интонаціи голоса можно заставить публику проливать слезы и жить вмѣстѣ съ изображаемымъ лицомъ.

Всѣми присутствующими овладѣлъ какой-то трепетъ ...... и вдругъ Росси вскакиваетъ со стула, преображается,—да другаго слова и нельзя подобрать къ данному случаю. Безъ всякаго грима, даже не поднося рукъ къ лицу, онъ какъ бы перерождается: глаза его пылаютъ огнемъ, онъ дѣлается великимъ, вдохновеннымъ геніемъ, богомъ моря.... Чтó же случилось? Колумбъ увидѣлъ на волнахъ щепку. Щепка, значитъ стволъ дерева; а если дерево, то оно должно было гдѣ нибудь рости,—значитъ берегъ! земля!

Тутъ онъ падаетъ на колѣни и благодаритъ Бога. Во время этой молитвы, матросъ, стоявшій на салингѣ, восклицаетъ тоже „земля!“ и Колумбъ падаетъ въ обморокъ.

XIII. Скульпторъ Рамазановъ.

Рѣдко и даже почти невозможно въ настоящее время встрѣтить такого талантливаго и многосторонне-одареннаго человѣка, какъ былъ покойный Николай Александровичъ Рамазановъ. Скульпторъ, рисовальщикъ, музыкантъ, композиторъ, импровизаторъ, пѣвецъ, актеръ, танцоръ, поэтъ, литераторъ.... словомъ не было почти отрасли искусства, которой бы онъ не былъ замѣчательнымъ представителемъ.

Происходя самъ изъ артистической семьи (мать знаменитая актриса, отецъ весьма извѣстный пѣвецъ, братъ композиторъ и музыкантъ, сестра актриса, тетка знаменитая Вальберхова и т. д.) Николай Александровичъ служилъ въ Москвѣ профессоромъ скульптуры въ Училищѣ Живописи и Ваянія (чтó у Мясницкихъ воротъ). Многосторонняя артистическая способность не мѣшала ему быть преподавателемъ по манерѣ стараго време-

ни, когда ученики были вмѣстѣ съ тѣмъ и друзьями, и домашними людьми своего наставника.

Посвятивъ себя своему профессорству, Рамазановъ не очень много интересовался частными и даже общественными заказами. Тѣмъ не менѣе, по заказу правительства, онъ сдѣлалъ четыре барельефа на памятникъ императора Николая въ Петербургѣ (на Маріинской площади), Св. Георгія и всѣ орнаменты въ Георгіевскую залу большаго Кремлевскаго дворца и, вмѣстѣ съ профессоромъ Логановскимъ, всѣ круглые барельефы на Московскомъ храмѣ Христа Спасителя, большую часть манекеновъ для Дашковской галереи Румянцовскаго Музея и т. д.

Конкурсная его работа на первую золотую медаль въ Академіи Художествъ, за которую онъ и отправленъ былъ въ Италію, была статуя „Мальчикъ, играющій въ свайку", высѣченная въ послѣдствіи изъ мрамора.

Въ Италіи въ то время была обширная колонія Русскихъ художниковъ, проводившая время совершенно по артистически. Рамазановъ скоро сдѣлался душою всего этого общества, руководителемъ и устроителемъ всевозможныхъ пикниковъ, поѣздокъ и маскарадовъ, пока въ одинъ прекрасный день, во время загороднаго кутежа, онъ выкинулъ въ окно остеріи какого-то пристававшаго къ нему аббата, за что́ и высланъ былъ съ жандармомъ въ Россію.

Слава Рамазанова въ Римѣ была такъ велика и память о немъ сохранилась такъ долго, что, пріѣхавъ туда черезъ 12 лѣтъ послѣ его высылки и уже бывши съ нимъ пріятельски друженъ въ Москвѣ, я слышалъ о немъ воспоминанія и разсказы не только отъ его товарищей и художниковъ, какой бы національности они ни принадлежали, но и отъ простолюдиновъ, особенно въ тѣхъ окрестностяхъ Рима, которыя наиболѣе посѣщалъ Рамазановъ.

Да и не могло быть иначе. Рамазановъ не могъ дѣлать ничего въ половину. Всѣ его душевныя движенія были доводимы до высшей напряженности, и какъ въ злобѣ, такъ и въ дружбѣ онъ былъ могучъ и даже неподражаемъ.

Здѣсь хочу я разсказать маленькій эпизодъ, вполнѣ характеризующій пылкую, артистическую натуру Рамазанова и вмѣстѣ съ тѣмъ на сколько дружественны были его отношенія ко мнѣ, которымъ теперь, въ нашъ матеріально-положительный вѣкъ, едва ли найдутся подражатели.

Въ 1857 году я написалъ, а книгопродавецъ Вольфъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Живопись и живописцы всѣхъ временъ и народовъ". Конечно въ книгѣ этой было мало своего сочиненія, а собраны факты и данныя, почерпнутые изъ несомнѣнно-достовѣрныхъ источниковъ. Распростра-

нившись объ иностранныхъ художникахъ и ихъ школахъ, я почелъ необходимымъ написать и о Русской школѣ, впервыя подъ моимъ перомъ получившей, такъ сказать, право гражданства, и въ этой школѣ я помѣстилъ до 200 именъ и краткихъ біографій Русскихъ художниковъ.

Любовь къ искусству, въ особенности къ его литературной и исторической сторонѣ, была тогда еще весьма слаба въ Россіи, или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ читающаго общества.

Не знаю что̀ думалъ издатель; но я по крайней мѣрѣ думалъ, что, бывъ единственнымъ составителемъ моей книги, которую едвали кто замѣтитъ, я буду и единственнымъ ея читателемъ.

Каково же было не одно только мое, но и общее удивленіе, когда, почти вслѣдъ за выходомъ ея, Императорская Академія Художествъ, въ общемъ собраніи своихъ членовъ, единогласно постановила за „любовь и познанія въ искусствѣ“, назначить меня своимъ „Почетнымъ Вольнымъ Общникомъ“. Званіе это причислено по рангу и мундиру къ IV классу Министерства Императорскаго Двора, а по почету, которымъ оно пользуется въ академической іерархіи, стоитъ не ниже академиковъ и профессоровъ.

Первый, кто получилъ извѣстіе въ Москвѣ объ этой неожиданности, былъ Рамазановъ; ему написалъ объ этомъ товарищъ и пріятель его, служившій въ Академіи Художествъ, князь Ухтомскій. Захвативъ съ собою гостившаго у него въ то время академика Вольскаго, Рамазановъ нанимаетъ извощика, чтобы скакать на Арбатъ, гдѣ я въ то время жилъ (въ моемъ маленькомъ домѣ, въ Калошиномъ переулкѣ). Ѣхать надо было Охотнымъ Рядомъ. Въ то время славился и процвѣталъ колоніальный магазинъ Егорова (существующій и донынѣ), хозяинъ котораго былъ, что̀ называется, „другъ артистовъ“. Сколько актеровъ, литераторовъ и художниковъ находили въ особой комнатѣ этого магазина любезный пріемъ, всегда лучшія вина и угощеніе, и за болѣе или менѣе пониженную плату! Рамазановъ не могъ утерпѣть, чтобъ на радостяхъ не заѣхать къ Егорову и не взять дюжины Клико (это Шампанское было въ то время въ модѣ). За Рамазановымъ вошелъ туда конечно и Вольскій. Видя подлѣ себя своего друга и не довольствуясь уже только покупкою вина, Рамазановъ, все изъ за „той же радости“, рѣшился распить тутъ же хоть половину Шампанскаго, чтобъ пріѣхать ко мнѣ вполнѣ настроеннымъ и веселымъ.

Увы! они выпили всю дюжину и, кажется, прихватили еще „Лиссабонскаго“, такъ что когда, наконецъ, къ вечеру Рамазановъ ввалился ко мнѣ, онъ не могъ уже ничего разсказать о цѣли пріѣзда и только кричалъ во все горло: „E viva l'artista“, изъ чего конечно тогда я ничего понять не могъ. Истинную же цѣль радости и пріѣзда Рамазанова я узналъ только на другой день.

XIV. Егоръ Ивановичъ Маковскій.

Кто не знаетъ про талантливое, артистическое семейство Маковскихъ? Имена профессоровъ живописи Константина и Владимира Егоровичей славны не только въ Россіи, но и за границей. Покойный братъ ихъ, Николай Егоровичъ, былъ превосходнымъ пейзажистомъ и архитекторомъ, сестра Александра Егоровна—талантливая художница; мать ихъ Любовь Карнѣевна была въ свое время извѣстная пѣвица. Но по моему мнѣнію всѣхъ замѣчательнѣе въ этомъ художественномъ семействѣ былъ самъ представитель и глава ихъ, незабвенный Егоръ Ивановичъ Маковскій, умѣвшій развить и вдохновить всю семью настолько художественно, что слѣды его, можно сказать, геніальнаго воодушевленія долго еще будутъ жить въ его нисходящемъ потомствѣ.

Скромный, вдумчивый, почти нелюдимъ, незначительный чиновникъ Московской Дворцовой Конторы, въ которой онъ занималъ мѣсто бухгалтера, хотя въ тоже время былъ самъ прекрасный рисовальщикъ (онъ первый въ Москвѣ получилъ серебряную медаль отъ Императорской Академіи Художествъ за рисунокъ съ натуры), Егоръ Ивановичъ весь преданъ былъ дѣлу искусства, которое онъ любилъ до безумія и на скудныя средства свои, отказывая себѣ, а нерѣдко и семейству своему, въ самомъ необходимомъ, собиралъ и покупалъ гравюры, которыя тогда еще можно было находить въ продажѣ. Изъ нихъ онъ составилъ со временемъ великолѣпнѣйшее собраніе, доходившее до нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, въ томъ числѣ иногда самыхъ рѣдкихъ.

Егоръ Ивановичъ, съ которымъ, по любви моей къ искусству, нѣсколько лѣтъ видался я почти ежедневно, дорогъ для Москвы и для Русскаго искусства въ особенности тѣмъ, что вмѣстѣ съ художниками Ястребиловымъ, Добровольскимъ, а впослѣдствіи съ адъютантомъ Московскаго генералъ-губернатора Ѳ. Я. Скарятинымъ онъ основалъ Московское Училище Живописи и Ваянія *), сдѣлавшееся въ настоящее время Московскою Академіей Художествъ и давшее Россіи великое множество талантливыхъ художниковъ по разнымъ отраслямъ искусства.

Основаніе это произошло какъ будто случайно.

Въ 1830 году, страстно любившіе искусство Е. И. Маковскій и Ястребиловъ, видя недостатокъ своего художественнаго образованія, стали мечтать, какъ бы устроить натуральный классъ, чтобъ порисовать съ натуры. Скоро къ нимъ присоединились еще нѣсколько художниковъ и любителей, и вотъ въ квартирѣ Ястребилова (на Ильинкѣ, у церкви Николая), стали мало по малу собираться члены новаго общества, рѣшившіеся на всѣ расходы вносить ежемѣсячную плату по 15 р. асс. Любитель и хоро-

---

*) Учрежденію этого Училища въ теперешнемъ его видѣ много помогли также позднѣе А. С. Хомяковъ и С. П. Шевыревъ. П. Б.

шій уже рисовальщикъ Я. Ѳ. Скарятинъ, вѣроятно обладавшій бо̀льшими средствами, предложилъ съ своей стороны деньги для первоначальнаго обзаведенія общества.

Узнавъ объ этой прекрасной затѣѣ въ Москвѣ, не имѣвшей тогда рѣшительно никакого художественнаго пособія для образованія даже любителей, къ этому кружку стали быстро примыкать всѣ тѣ, которые хотя и стояли достаточно высоко въ искусствѣ, но ждали его усовершенствованія или желали сдѣлать поощреніе начинающему кружку. Таковы были извѣстный скульпторъ *Витали*, работавшій въ то время въ Москвѣ, ученикъ его *Біанки*, *Капель*, прекрасный уже портретистъ и ученикъ Рафаеля Менгса, художникъ *Добровольскій* и т. д.

Натурщика нашли въ баняхъ (Ѳедора), купили большую лампу, столъ, скамейки и принялись рисовать. Хотя полиція и заподозрила въ вечернихъ этихъ собраніяхъ какое-то тайное общество и донесла тогдашнему генералъ-губернатору князю Голицыну; но дѣло обошлось миролюбиво, и небольшой кружокъ къ осени того года могъ устроить уже небольшую выставку, на которой отличались и обратили вниманіе публики: сепіей портретъ *Дурново*, акварель *Добровольскаго* и многія другія талантливыя вещицы.

Начальникъ Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго Училища князь Львовъ, видя такой успѣхъ класса, предложилъ выдавать ему ежегодно по 2000 р. асс. съ тѣмъ, чтобы лучшіе ученики Училища могли посѣщать классъ безпрепятственно и пользоваться совѣтами художниковъ.

Тогда потребовалось уже расширеніе помѣщенія. Классъ переведенъ на Лубянскую площадь въ домъ Шипова, гдѣ онъ и сгорѣлъ.

Какъ фениксъ, возродился онъ изъ пепла, бѣдный средствами, но сильный духомъ, сперва на Большой Дмитровкѣ въ домѣ Павлова, а потомъ на Большой Никитской въ домѣ Махова.

Въ 1842 году, по усиленнымъ хлопотамъ князя Д. В. Голицына и И. Г. Сенявина, наконецъ, утвержденъ былъ уставъ заведенія, которое хотѣли сперва назвать Академіей, но, получивъ изъ Петербурга отвѣтъ, что двухъ Академій Художествъ въ Россіи быть не должно, назвали окончательно „Московское Училище Живописи и Ваянія".

Отецъ и основатель этого общества, Егоръ Ивановичъ Маковскій, имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть свое созданіе довершеннымъ. Мало того, онъ осязательно чувствовалъ, что двое изъ его любимыхъ сыновей въ залахъ этого училища крѣпнутъ, ростутъ, оперяются и вылетаютъ съ гнѣзда уже вполнѣ окрыленными, во всей силѣ таланта.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, не безъ пользы проведшій свой вѣкъ и безъ ропота переносившій невзгоды скромной своей доли!

Живо помню я Егора Ивановича, высокаго, съ рѣдкими остатками волосъ на головѣ и подъ конецъ уже лысаго, глуховатаго, какъ приходилъ онъ ко мнѣ съ убѣдительной просьбой пойти къ нему и пересмотрѣть съ нимъ хоть одну „папочку" (т. е. папку съ гравюрами). Сколько

доброты свѣтилось въ глазахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страха, что вдругъ я откажусь, и онъ сочтетъ этотъ вечеръ потеряннымъ, потому что разсматриваніе гравюръ есть въ своемъ родѣ искусство: тутъ недостаточно имѣть глаза и разсудокъ, какъ при созерцаніи всякаго другаго предмета; тутъ нужно имѣть навыкъ, знаніе, эрудицію, способность усвоивать себѣ впечатлѣнія, а главнѣе всего умѣть вести по поводу каждаго появляющагося на столѣ гравированнаго листа художественную бесѣду, безъ авторитетнаго тона, дополняя и обновляя свои познанія, вкусъ и чувство знаніемъ и опытностію собесѣдника.

Осмотры эти доставляли мнѣ тогда истинное наслажденіе. Сколько новыхъ данныхъ, мыслей и соображеній появлялось нерѣдко по поводу этихъ осмотровъ! Иногда, глядя на гравюру и начавъ объ ней рѣчь, какъ о картинѣ, невольно переносились мы въ область ея сюжета, въ миѳологію, исторію, топографію мѣстностей, даже эстетику, логику и чуть ли не философію.

Нѣтъ уже теперь такихъ теплыхъ, чистыхъ, чуть не святыхъ людей, какимъ былъ покойный Егоръ Ивановичъ Маковскій.

XV. Институтка и маіоръ Стюартъ.

Желанія бываютъ весьма различны. Разсказываютъ, что когда предложили одному Англичанину исполнить задушевное его желаніе, то онъ сказалъ, что желаетъ 1) имѣть всегда столько ростибифу, сколько можно съѣсть, 2) имѣть всегда столько портеру, сколько можетъ выпить и 3)—еще немножко портеру. Но, можетъ быть, этого никогда и не было. А вотъ что̀ было въ дѣйствительности, во время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Институтъ и само вѣдомство путей сообщенія основано при императорѣ Александрѣ I-мъ, для чего выписаны изъ Франціи знаменитые инженеры и въ числѣ ихъ извѣстный тогда гидротехникъ генералъ Бетанкуръ. Преподаваніе въ Институтѣ производилось долгое время на Французскомъ языкѣ; но, поступивъ въ Институтъ, я уже этого не засталъ, хотя весь складъ преподаванія того времени рѣзко отличался отъ остальныхъ высшихъ заведеній и школъ Петербурга, не говоря уже о любимомъ типѣ того времени кадетскихъ и другихъ военно-учебныхъ заведеній.

Форма не только воспитанниковъ Института, но даже и находившихся на службѣ выпущенныхъ офицеровъ была тоже довольно своеобразная: трехугольная шляпа, офицерскіе эполеты и полное отсутствіе бакенбардовъ и усовъ, что̀ объяснялось отчасти традиціями заведенія и установленіемъ формы при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, который самъ не носилъ даже и усовъ. (А въ арміи между тѣмъ въ послѣдствіи вольность эта была допущена, и гвардейскіе офицеры, въ особенности же кавалеристы щеголяли и обольщали дѣвицъ не столько своимъ костюмомъ и шпорами, какъ ухарски закрученными усами, которые конечно шли къ ихъ лицу тѣмъ болѣе,

что это невинное украшеніе всѣмъ штатскимъ, какъ служащимъ, такъ, кажется, и неслужащимъ, было строжайше воспрещено).

Въ одномъ изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга воспитывалась въ серединѣ царствованія императора Николая I-го одна барышня. Императоръ, какъ извѣстно, часто навѣщалъ Институты, въ то время строго закрытые, и любилъ, чтобы къ нему обращались съ разговорами, вопросами и даже просьбами.

Въ одно изъ его посѣщеній Института, о которомъ идетъ рѣчь (Патріотическаго или Смольнаго, не помню) выдвигается изъ рядовъ очень хорошенькая дѣвушка, выдержавшая уже экзаменъ и предназначенная къ выпуску. Быстро она переходитъ всю залу и бросается передъ Императоромъ на колѣни.

„Какая у васъ просьба?" ласково привѣтствовалъ ее Императоръ.

— Разрѣшите офицерамъ Путей Сообщенія носить усы, Ваше Величество.

Дѣло разобрали, и оказалось, что эта дѣвица была невѣстой только что выпущеннаго въ офицеры (впослѣдствіи маіора) Стюарта, моего товарища, очень красиваго молодаго человѣка и которому, по мнѣнію этой барышни для полнаго его совершенства, не доставало только усовъ.

Результатомъ этого наивнаго желанія или просьбы явился приказъ тогдашняго главноуправляющаго Путей Сообщенія графа Клейнмихеля, котораго къ сожалѣнію я не могу привести въ дословной формѣ, но содержаніе котораго было то, что Государь Императоръ, желая осчастливить вѣдомство Путей Сообщенія и показать имъ обращикъ своего къ нему благоволенія, разрѣшаетъ офицерамъ этого вѣдомства носить усы.

Кстати о Бетанкурѣ, о которомъ я упомянулъ выше.

Съ развитіемъ вѣдомства, онъ пересталъ уже быть директоромъ Института и занялъ самъ мѣсто высшаго начальника вѣдомства Путей Сообщенія, т. е. его главноуправляющаго.

Однако, какъ всему бываетъ конецъ, Бетанкуръ по болѣзни вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ южный край лѣчиться, послѣ чего скончался въ Константинополѣ, оставивъ все свое семейство въ Россіи.

Нужно было перевезти его прахъ въ новое его отечество, чего желали родные; да и не было при немъ никого, кто бы могъ озаботиться его похоронами, какъ все-таки человѣка сановнаго и значительнаго.

Это ли, или отсутствіе средствъ сдѣлали то, что, когда нужно было переносить его на корабль для доставленія въ Одессу, трупъ не былъ набальзамированъ и во избѣжаніе порчи дорогой рѣшили его опустить въ бочку со спиртомъ и такимъ образомъ доставить цѣлымъ и невредимымъ.

Однако, когда пріѣхали въ Одесскую гавань и стали его распаковывать, чтобы переложить въ гробъ, оказалось, что онъ совершенно испортился, да не оказалось и спирту, въ который онъ былъ опущенъ.

Въ первое время подумали, что бочка дала течь и спиртъ улетучился самымъ естественнымъ образомъ. Однако по разслѣдованіи оказалось, что

матросы того корабля, на которомъ везли эту бочку, почуявъ ея содержимое, просверлили въ ней дырочку и, вставивъ въ нее соломинку, ежедневно по очереди и по нѣскольку разъ въ день отправлялись незамѣтно въ трюмъ, чтобы пить настойку, которую тогда же, назвали „Бетанкуровкой.

XVI. Нѣмецъ-аптекарь.

Лѣтъ 30 тому назадъ, а можетъ быть нѣсколько и раньше, на Елагиномъ острову въ Петербургѣ былъ большой пожаръ. Сгорѣлъ до основанія флигель дворца, въ которомъ въ это время жилъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Во флигелѣ этомъ помѣщалась аптека и квартиры для нѣкоторыхъ служащихъ. Пожаръ произошелъ ночью и хотя по матеріальнымъ потерямъ не могъ бы считаться громаднымъ, но по послѣдствіямъ своимъ долженъ быть отнесенъ къ событіямъ чрезвычайнымъ.

На пожарѣ этомъ сгорѣло кромѣ всего имущества дворцоваго аптекаря и все семейство его, состоявшее изъ жены и 6 человѣкъ дѣтей. Застигнутые врасплохъ по всей вѣроятности ѣдкимъ дымомъ горѣвшихъ медикаментовъ аптеки, надъ которой и помѣщалась квартира аптекаря, они не могли найти выхода, и когда солнце освѣтило пожарище, подъ грудой пепла нашли только кости сгорѣвшихъ семи человѣкъ.

Событіе это произвело въ Петербургѣ большой говоръ, и всѣ, кому только было свободное время, поспѣшили посѣтить мѣсто пожарища и лично удостовѣриться въ справедливости почти неправдоподобнаго слуха.

Въ числѣ такихъ охотниковъ до сильныхъ ощущеній оказался и я, пріѣхавъ вмѣстѣ съ прочими на другой день послѣ сказаннаго событія.

Я до сихъ поръ не могу забыть то страшное ощущеніе, которое я тогда испыталъ за мое неразумное любопытство.

Я засталъ самого аптекаря, высокаго сѣдаго старика, бродящаго по развалинамъ и съ длинной палкой въ рукѣ. Онъ былъ безъ шапки, и одежда его представляла что-то среднее между типомъ короля Лира и маской Макбетовой вѣдьмы. По всѣмъ признакамъ онъ мнѣ казался помѣшаннымъ, и таково мнѣніе было въ то время всеобщимъ. Да конечно и было отъ чего помѣшаться: въ одну ночь, почти въ одну минуту потерять жену, все семейство и все состояніе.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, услышавъ объ этомъ страшномъ событіи, не рѣшился даже на первыхъ порахъ видѣть несчастнаго, боясь его безпокоить и разсказомъ о происшествіи еще больше подливать яду въ глубоко безъ того растравленную рану страдальца.

Однако, когда первое впечатлѣніе нѣсколько поутихло, Великій Князь, который только по внѣшности былъ нѣсколько строгъ и суровъ, а въ душѣ въ высокой степени добръ и великодушенъ, приказалъ призвать къ себѣ Нѣмца-аптекаря и сострадая его положенію, обратился къ нему съ сочувственными и милостивыми словами:

— Не стану васъ успокоивать или утѣшать; положеніе ваше таково, что оно не поддается никакому утѣшенію или облегченію. Но вотъ что̀ я вамъ скажу. Сейчасъ я ѣду во дворецъ къ Государю, который теперь въ Петербургѣ. Просите, чего хотите, и я надѣюсь на доброту Государя, что онъ сдѣлаетъ для меня и для васъ все, что̀ будетъ возможно въ облегченіе вашего положенія и участи.

Долго стоялъ высокій старикъ передъ Великимъ Княземъ, какъ бы соображая отвѣтъ и боясь упустить случай, быть можетъ единственный въ жизни. Наконецъ, надумавшись, онъ бросается передъ Великимъ Княземъ на колѣна и трогательнымъ, патетическимъ голосомъ произноситъ:

„Святыя Анны третьей степени!“

Не знаю, исполнено ли было это желаніе честолюбиваго Нѣмца.

XVII. Сергѣй Ивановичъ Штуцманъ.

Я зналъ такого чудака, который пролгалъ все свое состояніе. Это былъ извѣстный въ свое время въ Москвѣ довольно богатый помѣщикъ. Онъ былъ любимъ всѣми своими знакомыми, хотя и имѣлъ ужасный порокъ не то лгать, не то хвастать, и все страшно преувеличивать.

Ѣдетъ ли онъ въ каретѣ, встрѣчается съ пріятелемъ, которому стоитъ только похвалить его экипажъ, какъ сейчасъ же скажетъ: А знаешь ли что̀ я заплатилъ?—Рублей 700 или 800“, отвѣчаетъ пріятель.—Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нужно умѣть покупать. Карета эта стоитъ мнѣ всего 200 рублей.—„Ахъ ради Бога, закажи и мнѣ точно такую; я буду тебѣ очень благодаренъ“.—Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ хвастунъ. Покупаетъ новую карету за 850 рублей, отдаетъ ее своему знакомому за 200 р. и получаетъ 650 р. чистаго убытка!

Узнавъ о такихъ его свойствахъ и качествахъ, находилось конечно очень много людей, желавшихъ этимъ воспользоваться, и вотъ черезъ 5—6 лѣтъ такой лживой жизни у достаточнаго нѣкогда человѣка не осталось уже почти никакого состоянія: онъ его все пролгалъ.

Бываютъ еще и такіе лгуны, которые, солгавъ разъ или повторивъ солганное, начинаютъ вѣрить солганному, принимаютъ уже ложь за истину и готовы дать себѣ отрубить голову, лучше чѣмъ отказаться отъ своего убѣжденія.

Но есть еще лгуны, самые безвредные, не залѣзающіе ложью ни въ чужой карманъ, ни въ чужую совѣсть, лгущіе изъ любви къ искусству, по натурѣ, даже передъ самимъ собою, и къ числу такихъ лгуновъ, вѣроятно даже въ превосходной степени, принадлежалъ покойный пріятель мой Сергѣй Ивановичъ Штуцманъ.

Талантливый человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, бывшій капельмейстеръ Московскаго Большаго театра (хотя начавшій свою карьеру простымъ трубачемъ въ какомъ-то военномъ хорѣ), игравшій рѣшительно на всѣхъ инструментахъ, талантливый самъ музыкантъ и композиторъ (музыка на

мои слова „Говорятъ, что я кокетка“ написана Штуцманомъ), Сергѣй Ивановичъ былъ именно такой лгунъ. Онъ серьезно говорилъ нерѣдко такія несуразныя вещи, что если бы я не зналъ его расположенія къ себѣ, то просто можно подумать, что онъ меня дурачитъ.

Такъ, придя изъ своей квартиры (онъ жилъ тогда сзади Большаго театра, въ домѣ Хомякова), онъ сталъ увѣрять меня и даже божиться, что „встрѣтилъ на Тверской бѣжавшаго по тротуару зайца и даже зеленаго“.

Все это было бы очень глупо и даже нелюбопытно, еслибы эти случаи были единичные и даже при абсолютной своей безвредности не имѣли своими послѣдствіями какого-то уже умственнаго психоза, вслѣдствіе котораго Сергѣй Ивановичъ рѣшался по временамъ обманывать даже самаго себя.

Разъ я прихожу къ Штуцману и застаю его въ страшномъ волненіи. Дѣло въ томъ, что подъ конецъ жизни онъ сталъ подверженъ спиртнымъ напиткамъ. Онъ пилъ много, и вино очевидно ему вредило. Лицо его сдѣлалось краснымъ, угреватымъ, жилы напружились, онъ жаловался на біеніе сердца, одышку и т. п.

Вотъ онъ и рѣшился если не совсѣмъ прекратить выпивку, то по крайней мѣрѣ быть много воздержнѣе. Для этого онъ придумалъ слѣдующую комбинацію. Водку свою поставилъ онъ въ жестью окованный погребецъ, какихъ тогда было много въ Россіи (теперь они вывелись). Погребецъ онъ замкнулъ въ три оборота ключемъ, который по обычаю тогдашнихъ слесарей производилъ музыку. Самый погребецъ поставилъ далеко подъ диванъ къ самой стѣнѣ и, приставивъ стулъ къ высокому шкапу, закинулъ ключъ на самую его верхушку.

Казалось бы всѣ предосторожности приняты, соблазнъ выпивки удаленъ, и Сергѣю Ивановичу оставалось только благоразумно вынести свою самимъ себѣ наложенную эпитимію съ стоическою твердостію и терпѣніемъ.

И что же я вижу при входѣ въ его квартиру, дверь которой, при свойственной Штуцману разсѣянности и безпечности, никогда не бывала ни заперта, ни защелкнута, единственная же прислуга его постоянно или спала или была въ кабакѣ? Я часталъ Штуцмана на высокомъ стулѣ съ длинною палкою, съ придѣланнымъ къ ней крючкомъ изъ гвоздя, выуживающаго ключъ со шкапа, куда онъ его забросилъ. Ключъ нуженъ ему былъ, чтобы потомъ лѣзть подъ диванъ, вытащить погребецъ, отомкнуть его, достать водки и выпить.

И въ этомъ поступкѣ повидимому не было ничего особеннаго или предосудительнаго. Но вотъ въ чемъ дѣло. Штуцманъ, желая выпить и все таки удерживая себя и при этомъ обманывая, дѣлалъ подобныя манипуляціи рѣшительно цѣлый день, такъ что подъ вечеръ совершенно выбивался изъ силъ. Онъ этимъ только и занимался, удѣляя время единственно для сна и обѣда. По меньшей мѣрѣ двадцать разъ въ часъ онъ лазилъ на шкапъ доставать ключъ, погребецъ, пилъ свою водку и проч.

Сильное воспаленіе легкихъ, которое и свело его въ могилу, могло только прекратить его добровольное паломничество за ключемъ и само-

обманъ. А все-таки онъ былъ человѣкъ добрый, честный, хорошій товарищъ и собесѣдникъ, и только послѣ смерти его узнали, сколько онъ дѣлалъ добра совершенно тайно, широко, какъ бы считая это своею обязанностію и совершенно не придавая значенія своимъ благотвореніямъ.

XVII. Григорій Исаковичъ Новаковичъ.

Бывшій ученикъ Московскаго Училища Живописи и Ваянія, впослѣдствіи художникъ и академикъ, Григорій Исаковичъ Новаковичъ, родомъ Сербъ, былъ удивительно одаренъ чувствомъ прекраснаго и изящнаго.

Простая и неуклюжая экономка и почти постоянная его натурщица Дуняша подъ кистью его превращалась то въ очаровательную крестьянку, то въ Данаю или Венеру, то въ Мадонну или Вакханку. Особенно хорошо удавалось ему писать обнаженное тѣло. Однажды въ Петербургѣ я засталъ и заставилъ снять ярлыки у тогдашняго поставщика Академіи Художествъ Прево (Невскій, у Полицейскаго моста) съ двухъ Вакханокъ, писанныхъ Новаковичемъ при мнѣ въ Москвѣ съ той же Дуняши: въ магазинѣ Прево подъ ними красовалась подпись яко бы Прудона, а ярлыкъ означалъ цѣну 17,000 рублей.

Новаковичъ былъ до крайности человѣкъ скромный. Бывало, призовешь его къ себѣ, предложишь какое-нибудь угощеніе; онъ отказывается отъ всего, говоря, что онъ сытъ и ѣсть не хочетъ. Но когда послѣ усерднаго внушенія онъ рѣшается приступить къ ѣдѣ, то дѣлаетъ это съ такимъ гомерическимъ апетитомъ, что можно было повѣрить, что онъ не только не ѣлъ нѣсколько дней, но даже держалъ пари съ знаменитымъ постникомъ Таннеромъ и пари проигралъ.

На средства, данныя В. А. Кокоревымъ, Новаковичъ поѣхалъ въ Римъ. Я засталъ Новаковича въ Римѣ въ положеніи крайне безпомощномъ. Какъ и во всѣхъ почти городахъ западной и южной Европы, въ Римѣ существуетъ законъ ввозной въ города пошлины (octroi), въ особенности жизненныхъ продуктовъ, какъ-то мяса, вина, зелени, и т. д. Вотъ почему провизія, ввезенная въ городъ, въ трактирахъ, ресторанахъ и даже частныхъ домахъ, повышается въ цѣнѣ настолько значительно, что за городомъ уже замѣтно значительное удешевленіе. Ограда Рима сохранила еще примитивный свой характеръ, такъ что городъ соединялся съ слободами своими весьма незначительными промежутками, а за городомъ пошлина уже не дѣйствуетъ. Новаковичъ, находя именно въ этомъ разсчетъ, ходилъ обѣдать и ужинать обязательно всякій день за городъ. Не усвоивъ, несмотря на свое слишкомъ двухгодичное пребываніе въ Римѣ, Итальянскаго языка, онъ показывалъ въ разговорахъ только одни кулаки и повидимому достигалъ цѣли. Его понимали, и онъ получалъ слѣдуемое.

Наконецъ срокъ его командировки и отпущенія ему средствъ наступилъ. Онъ возвратился въ Россію частію *на лошадяхъ,* частію на своихъ

на двоихъ. Онъ привезъ съ собою нѣсколько картинъ, большею частію копій предметовъ, поразившихъ его въ иностранныхъ коллекціяхъ.

Кокорева въ это время въ Москвѣ уже не было. За отсутствіемъ мецената, его кліенту оставалось только продать всѣ привезенныя имъ картины и копіи и почить на лаврахъ, если только лаврами можно назвать набитый сѣномъ тюфякъ. Дуняша, пока онъ жилъ за границей, вышла замужъ и уѣхала куда-то въ провинцію.

Обуреваемый негодованіемъ и скорбью, Григорій Исакіевичъ, по возвращеніи своемъ вступившій было въ кругъ своихъ товарищей-художниковъ, вдругъ исчезъ изъ Москвы, и долго не могли найти его, ни узнать гдѣ онъ.

Какой-то случай выяснилъ сущность того, что въ Троицкой Лаврѣ появился послушникъ очень похожій на Новаковича. Дальнѣйшія справки лицъ ему весьма преданныхъ и его любившихъ разъяснили, что Новаковичъ дѣйствительно пришелъ пѣшкомъ въ Сергіевскую Лавру, поступилъ послушникомъ, за свой талантъ былъ переведенъ въ существующую у Троицы Иконописную школу, въ которой пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, потомъ сбѣжалъ и, наконецъ, очутился на связкѣ загнившей соломы въ Москвѣ, въ одномъ изъ подваловъ грязныхъ домовъ Срѣтенской части, гдѣ, потерявъ разсудокъ, никогда и никого болѣе не узнавалъ, и въ этомъ состояніи умеръ. Подобно Гоголю, онъ уничтожилъ передъ смертію всѣ свои этюды, эскизы, рисунки, словомъ все, что могло бы оживить воспоминаніе о художникѣ, подававшемъ нѣкогда такія блестящія надежды. Его похоронили на счетъ бывшихъ его товарищей и почитателей.

Н. И. ПИРОГОВЪ.

Черта изъ его попечительства въ Кіевѣ.

(По запискамъ бывшаго Кіевскаго студента).

Послѣ пирушки, устроенной вслѣдъ за счастливо окончившейся дуэлью своего товарища *), Андрей Дементьевичъ возвратился домой довольно поздно, чуть ли не на разсвѣтѣ, съ отяжелѣвшей головой и настроеніемъ къ мигрени отъ излишка проглоченнаго имъ углерода, послѣ чего сейчасъ бросился въ постель. Но, увы! ему не удалось порядкомъ отдохнуть. Въ 9 час. утра его разбудили: къ нему вошелъ педель и фамильярно кивнулъ головой:—Здравія желаемъ, Андрей Дементьевичъ!

— Здравствуй, братъ! Съ какою новостью изволилъ пожаловать?

— Соблаговолите явиться къ его превосходительству г. попечителю округа сегодня въ 11 час. утра непремѣнно.

— Къ попечителю? Не знаешь зачѣмъ?

— Не могимъ-съ знать. Полагать надо, обнаковенно побесѣдовать, и онъ лукаво улыбнулся.

— Хорошо! Передай кому слѣдуетъ, что я исполню это распоряженіе.

Педель повернулся и ушелъ, Андрей же Дементьевичъ принялся серьезно размышлять.

Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ славный во всемъ ученомъ мірѣ Н. И. Пироговъ.

Многимъ извѣстны тѣ цѣли, какія имъ преслѣдовались въ производимыхъ имъ тогда опытахъ на педагогическомъ поприщѣ. Опыты эти были чисто-диллетантскіе и при томъ разоблачавшіе его высокую самоувѣренность.

Какъ бы то ни было, но, не вдаваясь въ разсмотрѣніе упомянутыхъ опытовъ съ ихъ основаніемъ, характеромъ и послѣдствіями, можно и слѣдуетъ отдать справедливость покойному, что онъ горячо стремился къ поднятію и расширенію умственнаго образованія своихъ согражданъ. Сдѣлавшись начальникомъ округа, Пироговъ немедленно взялся за осуществленіе этой вполнѣ патріотической задачи.

---

*) Въ Кіевскомъ университетѣ существовали служащіе, называвшіеся педелями, которыхъ обязанность заключалась въ наблюденіяхъ за поведеніемъ студентовъ и въ доставленіи имъ различныхъ приказаній и распоряженій университетскаго начальства. Они выбирались изъ отставныхъ солдатъ.

Если его усилія не принесли никакихъ плодовъ, то это доказываетъ лишь, что употребляемыя имъ средства, или даже избранный имъ путь были неправильны, не соотвѣтствовали положенію вещей и обстоятельствамъ.Такъ, напримѣръ, однимъ изъ таковыхъ средствъ, были устроены называемыя «*бесѣды*» съ воспитанниками Кіевскаго университета

Бесѣды происходили у Пирогова на его собственной квартирѣ, по вечерамъ, для чего предварительно составлялись списки студентовъ, не всѣхъ, но отличившихся чѣмъ-нибудь особеннымъ, выдающимся: прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ, или умомъ и ловкостью, или оригинальными выходками, получившими общую извѣстность. По этимъ спискамъ, какъ тогда разсказывали, Пироговъ лично выбиралъ желательныхъ ему гостей и черезъ инспектора приглашалъ къ себѣ. Студенты въ числѣ шести-семи человѣкъ являлись и становились рядомъ у порога въ его кабинетѣ.

Пироговъ принималъ вызванныхъ студентовъ всегда въ длинномъ темно-сѣромъ сюртукѣ, замѣнявшемъ для него халатъ, съ хорошей сигарой во рту, и начиналъ «*бесѣду*». Онъ задавалъ различные вопросы, касавшіеся способовъ преподаванія того и другаго предмета, общихъ правилъ педагогики, потребностей студенческаго общества и т. п. Приглашенные, стоя, отвѣчали кому чтб вздумалось. Пироговъ слушалъ, возражалъ и высказывалъ свои мнѣнія или заключенія. Онъ ходилъ или, вѣрнѣе сказать, бѣгалъ по комнатѣ, садился, опять ходилъ и безпрерывно посасывалъ свою сигáру.

Подавался чай съ такимъ числомъ приборовъ, сколько было приглашенныхъ лицъ, разумѣется, включая въ то и Пирогова; подносъ же прежде всего придвигался лакеемъ къ самому хозяину, а потомъ уже къ гостямъ. Къ чаю подавался ромъ въ небольшомъ графинчикѣ, стоявшемъ на томъ же подносѣ. Несомнѣнно, ромъ былъ отборный и должно быть вкусный, но авторъ его не пробовалъ. Многіе изъ студентовъ-гостей стѣснялись брать графинчикъ въ руки и разбавлять имъ чай въ своемъ стаканѣ; но попадались и такіе, которые не церемонились и наливали себѣ рому столько, что графинчикъ возвращался въ буфетъ совершенно пустой. Пресмѣшная тогда бывала физіономія лакея, поглядывавшаго на безцеремоннаго гостя, на графинчикъ и на Пирогова. Казалось, онъ готовъ былъ плюнуть гостю въ лицо, или же сказать:— Ну, господинъ! да ты распоряжаешься точно у себя дома и забываешь, что другимъ тоже не мѣшаетъ выпить... Когда стаканы были уже у всѣхъ въ рукахъ, Пироговъ предлагалъ присѣсть и самъ садился; но, отпивъ изъ своего стакана, хозяинъ-начальникъ быстро поднимался со своего мѣста, чтò заставляло его гостей-подчиненныхъ тоже волею-неволею вскакивать со своихъ стульевъ и опять вытягиваться.

Всякій легко пойметъ, что «бесѣды», веденныя подобнымъ образомъ, являлись крайне непріятными для приглашенныхъ, вслѣдствіе чего студенты, побывавъ разъ и приглашаемые вторично, подъ разными благовидными предлогами уклонялись отъ новаго посѣщенія.

Съ другой стороны тѣ же бесѣды не доставляли, должно быть, надлежащаго удовольствія и самому Пирогову, такъ какъ онъ нашелъ нужнымъ скоро ихъ прекратить.

Чтó на этихъ бесѣдахъ сказывалось особенно непріятнымъ, такъ это его—сигары. Запахъ отъ нихъ расходился прекрасный, щекотавшій наше въ ту пору молодое, неиспорченное обоняніе; между тѣмъ любезный хозяинъ, помимо своего гостепріимства, никого изъ насъ не потчивалъ ими. Надо полагать—былъ маленько скупъ въ этомъ отношеніи.

Все-таки ему слѣдовало принять во вниманіе, что большинство приглашенныхъ были тоже изъ числа курильщиковъ, а нѣкоторые считались даже записными и страстными, какъ равно, что такого рода гости вынуждены были два-три часа обходиться безъ всякой «затяжки», удовлетворяясь однимъ понюхиваніемъ благовонныхъ газовъ, расходившихся отъ куренія хозяина. Это понюхиваніе, хотя и даровое, положительно доводило нервы записныхъ курильщиковъ до высочайшаго раздраженія.

Однажды, на такой бесѣдѣ, стоявшій рядомъ съ авторомъ товарищъ толкнулъ его локтемъ въ бокъ и прошепталъ, немного заикаясь, чтó у него было природнымъ недостаткомъ: – Вы не-не-зна-ете, гдѣ тутъ яш-чикъ съ си-га-га-рами?

— А что?.. Зачѣмъ это знать вамъ?..

— Взять бы, да зат-тя-нуть-ся. Испыт-ты-ваю непріят-ное аш-чупченіе ат-тмосфе-еры ост-трова Га-га-ванны. И онъ, вытянувъ свой утиный носъ, сталъ ноздрями вдыхать въ себя струйку дыма, тянувшуюся къ намъ по направленію отъ Пирогова.

Педель выразился, что Андрей Дементьевичъ, вѣроятно, былъ приглашенъ къ попечителю округа на «обыкновенную бесѣду». Но тѣ бесѣды происходили по вечерамъ, эта же назначалась въ 11 часовъ утра. Стало быть, подобное приглашеніе предвѣщало какую-то особенную, спеціальную бесѣду, съ содержаніемъ быть можетъ далеко болѣе непріятнымъ для Андрея Дементьевича, нежели постаиваніе да некуреніе въ теченіе нѣкотораго времени.

Поэтому неудивительно, что въ его сердцѣ зародилась нѣкая тревога въ особенности по причинѣ, что въ тотъ моментъ и совѣсть его передъ начальствомъ не вполнѣ была чиста и его собственное настроеніе было не такимъ, чтобы онъ могъ съ кѣмъ бы то ни было свободно и легко вести разговоръ о серьезныхъ предметахъ. Кровь въ его вискахъ постукивала, въ ушахъ раздавался глухой шумъ, а въ томъ

мѣстѣ, гдѣ находились его мозги, казалось, навалена была громадная куча булыжнаго камня. Чтобы очистить голову отъ камня, выгнать шумъ изъ ушей и успокоить расходившуюся кровь, Андрей Дементьевичъ принялся окачивать себя холодной водой.

Пироговъ жилъ въ ту пору въ зданіи Кіевской 2-й гимназіи, находившемся, какъ и теперь, на университетской площади, по другую сторону бульвара.

Войдя въ кабинетъ Пирогова, мой другъ нашелъ попечителя прогуливавшимся отъ угла въ уголъ съ своей неразлучной сигарой.

— Ваша фамилія? спросилъ Пироговъ, уставивъ на него свои глаза, сильно кривившіе.

— Семичъ, отвѣчалъ тотъ громко.

— Да! и Пироговъ немного помолчалъ, все вглядываясь въ лицо Андрея Дементьевича. Вѣроятно, попечитель въ тотъ моментъ старался разрѣшить какой-нибудь антропологическій вопросъ, къ чему поприще для него открывалось: потому что у моего друга находилось много шишекъ наружныхъ, доказывавшихъ присутствіе разныхъ внутреннихъ шишковатыхъ способностей.

— Скажите, пожалуйста, куда это вы вчера вечеромъ съ товарищами ѣздили за городъ, да притомъ всѣ вооруженные?

«Вотъ оно что!» подумалось вопрошаемому, при чемъ онъ замѣтилъ, что и волосы на его головѣ пошевельнулись, какъ будто заданный Пироговымъ вопросъ ихъ тоже сильно заинтересовалъ. «Значитъ, начальству все извѣстно; значитъ, полиція слѣдила за ними».

Какъ теперь быть?.... Что̀ говорить?... Но, передъ нимъ была не полиція, не слѣдователь, а самъ Пироговъ. Стало быть, теперь не дознаніе и не слѣдствіе, не формальности, а лишь одинъ опросъ по существу прямаго и безпосредственнаго начальника.. Тутъ надо быть вполнѣ откровеннымъ, и чѣмъ откровеннѣе пойдетъ объясненіе, тѣмъ лучше будетъ. Вѣдь Пироговъ въ состояніи несравненно скорѣе и правильнѣе другихъ понять и оцѣнить всякаго рода побужденія и дѣйствія молодежи. Всѣ эти мысли молніей проскользнули черезъ голову моего друга, оставляя по себѣ свѣтлый, вполнѣ лучезарный путь.

— Ѣздили совершить дуэль, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ бойко, выправляясь и вытягиваясь вверхъ не менѣе какъ вершка на два.

— И вы сознаетесь?

— Не съ чѣмъ таиться.

— Развѣ вы не знаете нашихъ законовъ и строгой отвѣтственности за устройство дуэлей и участіе въ нихъ?

— Знаю... но.. . но... Ваше превосходительство! Вы были сами студентомъ, да еще Дерптскаго университета, гдѣ дуэли происходятъ ежедневно. Вы знаете съ своей стороны, что университетская молодежь

никакъ не можетъ обходиться безъ самовольной расправы. Это для нея на столько необходимо, на сколько для нѣкоторыхъ полныхъ людей необходимо и полезно кровопусканіе. Примѣръ этотъ Андреемъ Дементьевичемъ былъ подобранъ и заранѣе подготовленъ нарочно изъ вниманія къ бывшей медицинской профессіи Пирогова.

— Кровопусканіе—это старый методъ лѣченія, и я противъ него. Да и ваше сравненіе теперь неумѣстно, потому что понятія о дуэляхъ тоже слишкомъ устарѣли, чтобы онѣ могли быть терпимы въ настоящее время всеобщаго прогресса. На всякаго же рода недоразумѣнія, споры и ссоры, какіе иногда являются между студентами, теперь существуетъ вашъ собственный судъ; есть, наконецъ, государственный судъ. Вы должны были туда направиться.

— Ваше превосходительство! Осмѣливаюсь обратить ваше вниманіе, какъ бывшаго студента, на то, что для всякаго порядочнаго человѣка дорогá честь его. Особенно дорожить ею должны молодые люди, стремящіеся къ высшему образованію. Бываютъ случаи, когда честь эта оскорбляется столь сильно, что для обиженнаго нѣтъ другаго исхода какъ расправа съ обидчикомъ на жизнь или смерть, чего собственно и требуютъ по сію пору взгляды и убѣжденія нашего интеллигентнаго общества. Пока въ этомъ обществѣ удерживаются различнаго рода предразсудки и существуетъ правильное или неправильное понятіе о рыцарской чести, до тѣхъ поръ будетъ въ немъ существовать и понятіе о необходимости дуэлей въ случаяхъ загрязненія чести пятномъ, какое нанесено оскорбленіемъ. Въ происшествіи вызвавшемъ вчерашнюю дуэль было оскорбленіе дѣйствіемъ, или другими словами была пощечина, совершенная умышленно, чтобы вызвать дуэль, отъ которой будто бы уклонялся обиженный. Тутъ необходимо было доказать, что онъ не боится смерти, не трусъ и стало быть не заслуживалъ пощечины.

Пироговъ сталъ ходить по комнатѣ и думать, потомъ опять остановился.

— Разскажите обстоятельно, какъ все происходило: изъ-за чего, между какими лицами, чѣмъ кончилась дуэль... все, все—подробно.

Для сокращенія разсказа Андрей Дементьевичъ началъ съ нападенія Горбуновскаго на квартиру Донъ-Жуана и оскорбленія нанесеннаго первымъ второму въ присутствіи, какъ его, Андрея Дементьевича, такъ и другихъ студентовъ, поводомъ къ чему послужили, по его мнѣнію, самыя пустячныя обстоятельства. Затѣмъ, Андрей Дементьевичъ передалъ все то, чему свидѣтелемъ былъ лично.

Окончивъ разсказъ о порядкѣ и ходѣ самой дуэли, онъ свое объясненіе завершилъ собственнымъ взглядомъ на дуэли, признавая, что они не имѣютъ подъ собою никакой разумной и практической почвы.

Пироговъ слушалъ моего друга, стоя къ нему бокомъ и потомъ, какъ бы въ раздуміи, обращаясь больше къ себѣ нежели къ нему, проговорилъ:—Значитъ, дуэль кончилась ничѣмъ... стрѣляли на вѣтеръ и разъѣхались....

— Да! подхватилъ Андрей Дементьевичъ. Пуля моего кліента, посланная имъ въ Горбуновскаго, полетѣла куда-то въ сторону; изъ двухъ же пуль Горбуновскаго одна задѣла козырекъ фуражки моего кліента, другая пробила сзади пальто его и прошла на полъ-вершка вблизи мускула... и мой другъ запнулся.

Ему хотѣлось хвастнуть нѣкоторымъ знаніемъ анатоміи, которую онъ дѣйствительно изучалъ, но какъ на зло, въ тотъ моментъ, вылетѣло изъ его всегда слабой памяти названіе требуемаго мускула, въ замѣнъ чего пришла въ голову мысль ляпнуть:—Вблизи мускула «*sedalis*», что̀ онъ придумалъ наскоро отъ слова *сидѣть*.

Пироговъ быстро повернулся и взглянулъ на него. Лицо попечителя показывало, что онъ желаетъ разсмѣяться, но старается сдержать себя.

— Musculus sedalis—повторилъ онъ—vel sempiternus?..

— Точно такъ, ваше превосходительство!—vel sempiternus.

— Еслибы по старымъ порядкамъ и обычаямъ всякому охотнику до дуэлей отсчитывалось у насъ по нѣскольку десятковъ пуль не свинцовыхъ, но иного рода, въ этотъ sedalis или sempiternus, тогда не было бы дуэлей вовсе *). Теперь внимательно послушайте! Изъ моихъ распросовъ о вчерашнемъ происшествіи вы видите, что власти были предупреждены о вашей затѣѣ и знаютъ вообще все, что̀ происходитъ между студентами. Ваше и вашихъ товарищей счастье, что дуэль кончилась ничѣмъ, иначе всѣмъ вамъ не избѣжать строгой за это кары. Въ виду же окончанія этого происшествія пустяками и вашего собственнаго убѣжденія, что всякая дуэль есть большая глупость, я берусь это дѣло потушить съ условіемъ, что вы обѣщаетесь, какъ сами лично не дѣлать ничего противузаконнаго, такъ и своихъ товарищей до этого не допускать. Даёте мнѣ требуемое обѣщаніе?

— Охотно даю, ваше превосходительство.

— Теперь ступайте и постарайтесь исполнить данное слово.

Андрей Дементьевичъ низко поклонился и вышелъ обрадованный, что эпизодъ съ дуэлью уладился вполнѣ удовлетворительно.

Г. Д. Стоцкій.

---

*) Небезъинтересно, что Пироговъ былъ за возстановленіе тѣлесныхъ наказаній въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлью онъ даже въ своихъ циркулярахъ, разсылаемыхъ по гимназіямъ округа, устаповлялъ минимальныя и максимальныя порціи розогъ.

Графъ Панинъ.

7-го Октября. Графъ Петръ Ивановичъ, знаменитой вождь и патріотъ Россійской; дѣла его пребудутъ вѣчно громки, ибо они текли изъ источника чистаго и одушевлялись прямой любовію къ родинѣ. Я за счастіе почиталъ удостоенъ быть его благоволенія; я ѣзжалъ къ нему всякой праздникъ по утру, по тогдашнему, на поклонъ. Онъ принималъ меня благосклонно, любилъ говорить и говорилъ красно; бесѣда его была поучительна. Всякой день я отъ него возвращался съ какимъ-нибудь правиломъ, умудряющимъ смыслъ и назидающимъ нравственность. Подобные домá для молодыхъ людей моего времени были гораздо полезнѣе самихъ школъ, гдѣ научишься многому, но рѣдко пріобрѣтешь науку мыслить и чувствовать. Многія изрѣченія Панина памятны мнѣ и донынѣ. Похвала его давала превосходное титло въ обществѣ, котораго я искалъ всего тщательнѣе на свѣтѣ.

Парѳеній.

16-го Ноября. День прискорбной сердцу моему: лишась въ оной милой дочери своей Евгеніи, на 20-мъ году ея жизни, ни о комъ не могу вздумать при гробѣ ея, какъ о семъ добромъ и благочестивомъ служителѣ вѣры.

Архимандритъ Донскаго монастыря, умной и чувствительнѣйшій человѣкъ. Я началъ его знать еще простымъ монахомъ; проповѣди его наполнены душевнаго витійства. По сходству нѣкоторыхъ свойствъ нашего характера, я съ нимъ скоро сдѣлался знакóмъ и пріятелемъ. Онъ отпѣвалъ и предалъ землѣ тѣло меньшой дочери моей, Евгеніи, плакалъ вмѣстѣ со мной, когда мнѣ бывало грустно, и благодушествовалъ, когда Небо посылало мнѣ отраду. Онъ неоднократно служилъ у меня въ домовой церкви и посѣщалъ съ усердіемъ, въ разлукѣ писывалъ непринужденно и во всемъ, чтó до меня касалось, принималъ живое участіе, защищалъ меня противъ клеветы, но никогда не льстилъ въ глаза и обличалъ мои пороки въ дружеской и сокровенной бесѣдѣ. Вотъ почему я люблю Парѳенія и буду помнить объ немъ во всю жизнь мою.

Пегелау.

29-го Октября. Докторъ, у котораго на рукахъ былъ нѣсколько лѣтъ весь нашъ домъ. Онъ болѣе былъ другъ нашъ, нежели наемной врачъ, искусенъ въ своемъ дѣлѣ; онъ много опытовъ знанія своего открылъ въ нашемъ семействѣ и весьма долго поддерживалъ силы какъ родителей моихъ, такъ и недужной первой жены моей. Мы всѣ чистосердечно оплакивали въ немъ нашу потерю, когда онъ умеръ, и никто изъ насъ, конечно, услугъ его не забудетъ. За деньги найдешь всегда врача, но Пегелау былъ къ намъ привязанъ, что́ трудно отыскать въ людяхъ его званія, даже расточа большія суммы. Сей признательной похвалою весь нашъ домъ останется ему обязанъ, при всякомъ воспоминаніи объ немъ; оно еще горестнѣе сегодня, въ день, въ которой скончалась нѣкогда сестра моя родная, графиня Ефимовская, которую, къ несчастію, не онъ уже пользовалъ; ибо его не было на свѣтѣ.

Платонъ.

6-го Августа. Сегодня праздникъ въ Виѳаніи; тамъ гробъ Платона. Перенесемся мысленно туда, и вспомнимъ сего великаго святителя.

Платонъ, митрополитъ Московской, геній Россійскаго духовенства. Церковь долго его не забудетъ, а Россія вѣчно восхвалится его риторскимъ искусствомъ. Я долго имѣлъ несчастіе худо слыть въ его разумѣ; разстояніе между имъ и мной такъ было далеко, что я никогда не смѣлъ съ нимъ знакомиться; бывалъ у него иногда, но рѣдко хорошо принятъ. Онъ уважалъ, однако, моихъ родителей, посѣщалъ ихъ и, въ доказательство его пріязни, мы донынѣ имѣемъ, по милости его, домовую церковь, которую онъ далъ батюшкѣ. Какъ-то, найдя въ сочиненіяхъ моихъ, а именно въ „Посланіи къ Швейцару“, слѣдующій стихъ:

„(Скажи) попамъ, что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю“,

онъ не понялъ порядочно моей идеи, вообразилъ, что я атеистъ и сталъ меня такимъ оглашать въ кругу своихъ пріятелей. Будучи со многими духовными лицами хорошо знако́мъ, я скоро о томъ узналъ и, посредствомъ ихъ, кое-какъ вразумилъ его въ истинномъ смыслѣ моей идеи. Потомъ, будучи губернаторомъ въ Володимерѣ и въ сосѣдствѣ съ его Виѳанской пустыней, въ которой онъ уже склонялся къ закату дней своихъ, я возымѣлъ смѣлость, раза два въ годъ объѣзжая губернію, посѣщать его, и добился, что онъ удостоилъ меня откровенной своей бесѣды. Много я услышалъ изъ устъ его назидательныхъ истинъ, коихъ не забуду. Я ему поднесъ, въ библіотеку его, „Жизнь Фенелона", по-французски; онъ благодарилъ меня самымъ ласковымъ письмомъ, показывалъ мнѣ свои школьныя заведенія и церковныя строенія. Бывая у него въ Виѳаніи, я забывалъ, что я у пастыря и думалъ, что меня принимаетъ философъ. Жизнь его подъ конецъ была самая простая, тихая, натуральная. Дошло́ до него однажды, что я, увидя заготовленной для него гробъ, рядомъ съ старой гробницей, въ которой нѣкогда схороненъ былъ Сергій, сказалъ въ невольномъ восторгѣ: „Придетъ время, что будутъ на семъ мѣстѣ поклоняться Платону"; онъ посмѣялся моему восхищенію, но оно принесло желаемой плодъ, и съ тѣхъ поръ Платонъ уже не глядѣлъ на меня, какъ на ругателя вѣры; а, удостовѣрясь въ моемъ чувствѣ по Христіанству, бесѣдовалъ со мной о разныхъ предметахъ съ свободою непринужденною. Сей великій мужъ скончался въ самую лютую годину нашего времени и мало былъ оплаканъ; ибо слезъ не доставало послѣ разоренія Москвы въ зѣницахъ разсѣянныхъ и уничиженныхъ чадъ ея. Въ это смутное еще время я дерзнулъ написать стихи на смерть его, кои напечатаны были послѣ въ моихъ книгахъ, а тогда особымъ экземпляромъ разосланы во всю Россію при Московскихъ газетахъ. Говоря о семъ іерархѣ, я ничѣмъ лучше кончить не могу моего панегирика, какъ повторить здѣсь паки и паки съ благоговѣніемъ и жалостью печальную мою на гробѣ его сентенцію:

„Соборъ владыкъ великъ; но, ахъ, Платона нѣтъ!"

Плещеевъ.

21-го Іюня. Молодой человѣкъ, по имени Александръ Алексѣевичъ, мужъ графини Чернышовой. Я его видалъ нѣсколько разъ въ Орлѣ, на пути въ Кіевъ, да и только, а больше, ни прежде, ни послѣ, не былъ съ нимъ знакомъ. Но въ семъ богатомъ именами спискѣ могу ли не упомянуть о немъ, помня минуты нашего свиданія? Онѣ были такъ рѣзки, что я никогда ихъ не забуду. Онъ привезъ жену свою лѣчить изъ деревни въ Орелъ, потому что далѣе нельзя было ее передвинуть. Я ѣхалъ черезъ городъ, и захотѣлъ съ нимъ познакомиться. Не успѣлъ провѣдать о жилищѣ его, какъ, идучи мимо, увидѣлъ вдругъ катафалкъ и тѣло жены его, уже выставленное на столѣ: она только что передъ нашимъ пріѣздомъ испустила духъ. Кто чувствовалъ когда-либо печаль, тотъ станетъ ли въ такихъ минутахъ разбирать приличія? Плещеевъ былъ перевезенъ въ другой домъ къ пріятелю. Я тотчасъ бросился его навѣстить и, обозрѣвъ его, такъ живо вспомнилъ себя въ подобномъ положеніи нѣсколько лѣтъ назадъ, что насилу могъ съ чувствами своими сладить. Тоже число оставалось у него на рукахъ сиротъ, какое у меня, такой же почти возрастъ, да и многія отношенія весьма уподобляли его мнѣ въ сію роковую минуту. Я живѣйшее принялъ въ немъ участіе; онъ не былъ къ оному холоденъ, и мы вмѣстѣ сливали горькія наши слезы: я о прошедшемъ, онъ о настоящемъ. Послѣ того я не имѣлъ даже случая встрѣтиться съ нимъ нигдѣ, но свиданіе сіе такъ живо мнѣ представляется, что я рѣшился молвить объ немъ въ этомъ памятникѣ чувствъ моихъ, связей и отношеній.

Побѣдинской.

17-го Октября. Ѳедоръ Яковлевичъ, скончавшійся въ самой несчастной долѣ. Я былъ въ одномъ полку гвардіи съ нимъ. Онъ старшимъ капитаномъ, я прапорщикомъ; слѣдовательно, часто попадалъ подъ его начальство, особенно когда онъ правилъ нѣкогда за маіора всѣмъ полкомъ, а я былъ адъютантомъ; тутъ я совершенно бывалъ ему подчиненъ.

Онъ всегда принималъ меня ласково и обходился безъ грубости. Я этого не забылъ, какъ увидятъ ниже. Перемѣнилось время и настало самое крутое для него. Будучи уже генералъ-маіоромъ, отставленъ онъ при Александрѣ, подпалъ жестокому приговору дворянства Ярославскаго, которому поручено было, по волѣ Государя, судить его при выборахъ за тиранические будто бы поступки съ крѣпостными его поселянами въ той губерніи. Кончился судъ тѣмъ, что Побѣдинской, по именному указу, сосланъ на покаяніе въ Евѳимьевъ монастырь; имѣніе его взято въ опеку, а на содержаніе его велѣно отпускать только по рублю въ сутки или еще, помнится, по полтинѣ. За нимъ было душъ до трехъ сотъ. Я тогда былъ губернаторомъ въ Владимирѣ, и пораженъ какъ громомъ, когда вдругъ онъ представился мнѣ арестантомъ. Тяжко было сердцу моему, чтобъ онъ ни сдѣлалъ, стараго моего начальника запирать въ обитель; но долгъ службы того требовалъ, и я его исполнилъ, соблюдя сколько могъ совѣстное къ нему состраданіе въ моихъ поступкахъ. Хвала Господу Богу! Онъ привелъ меня разными путями облегчить его участь. Не могъ я совершенной доставить ему свободы; по крайней мѣрѣ, настоянія мои помогли мнѣ исходатайствовать ему дозволеніе жить въ губернскомъ городѣ, подъ моимъ присмотромъ, съ тѣмъ же, однако, содержаніемъ, какое ему назначено было въ монастырѣ; по крайней мѣрѣ, онъ могъ жить съ людьми ровными ему и иногда находить отрады въ сообществѣ, ему свойственномъ. Такъ онъ прожилъ во все время моего губернаторства, а послѣ меня скоро сталъ хворать и недавно умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи. Я не знаю, правильно ли его судили; не знаю и того, въ чемъ, но, видѣвъ изъ присланныхъ ко мнѣ бумагъ, что судъ надъ нимъ произведенъ самовластной, безъ сохраненія узаконенныхъ на то формъ (ибо трибуналы, а не толпище дворянъ, уполномочены у насъ опредѣлять наказаніе) заключаю изъ самаго сего отступленія, что Побѣдинскаго хотѣли погубить и лишить имѣнія въ пользу родственниковъ, которыхъ власти покровительствовали, потому что онъ не былъ женатъ. А по сему разумѣнью, я не могу не жалѣть объ немъ, какъ о несчастной жертвѣ жестокаго деспотизма.

Пожарская.

11-го Іюля. День рожденія покойной моей падчерицы. Всѣ воспоминанія мои въ оной обращаются къ лицамъ, съ нею связаннымъ узами родства.

Прасковья Ивановна, племянница родная жены моей по первомъ мужѣ. Я ознакомился съ родителями ея, когда женился на ея теткѣ; отецъ ея, добрый мужикъ и искренно любившій меня, служилъ исправникомъ въ мое время въ Володимерѣ по Шуйской округѣ. Во время путешествія моего въ Петербургъ, на него напали и отрѣшили; но я возстановилъ его во всѣ права, обнаружилъ его невинность и успѣлъ, помощію хорошихъ, кромѣ меня, за него ходатаевъ въ родствѣ Пожарскихъ, доставить ему чинъ коллежскаго ассессора, въ которомъ онъ вышедъ въ отставку, скоро умеръ, и я много о немъ жалѣлъ, какъ о добромъ человѣкѣ. Оставлялъ онъ послѣ себя кучу дѣтей на рукахъ у матери глупой и злонравной, которая не замѣшкалась выйти замужъ за Нѣмца безъ всякихъ достоинствъ, ищущаго только жить на чужой счетъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно: онъ прибралъ все ея имѣніе къ рукамъ, а большая часть онаго принадлежала ей; отецъ оставилъ сиротамъ только 40 душъ собственно своихъ. Какъ скоро онъ умеръ, я былъ опредѣленъ къ имѣнію малолѣтныхъ попечителемъ, а мать опекуншей. Вотчимъ по времени такъ овладѣлъ женой своей, что она безъ воли его не смѣла пикнуть, и дѣти сдѣлались жертвой его капризовъ. Сколько я ни протестовалъ, ни жаловался правительству, вышедши изъ службы, на худые поступки вотчима и на беззаконное управленіе имѣніемъ Пожарскихъ, безъ всякаго моего совѣта и спроса: ни что̀ не дѣйствовало, и онъ въ чужомъ добрѣ сдѣлался господиномъ самовластнымъ. Это разстроило наше знакомство, я пересталъ ѣздить и пускать къ себѣ бывшую невѣстку жены моей и, живучи въ деревнѣ рядомъ съ поля на поле, никогда не видались. Дѣти несчастныя кое-какъ вырвались изъ сей темницы: мальчиковъ записали въ корпусъ, а изъ дѣвочекъ одну выдали замужъ, еще во время вдовства матери, меньшую отдали въ пансіонъ Яро-

славской; одна середняя оставалась при матери и терпѣла всю тягость своего состоянія до нѣкоторыхъ поръ съ крайней скромностію. Вотчиму и она сдѣлалась лишней: ему хотѣлось простора въ домѣ, чтобъ, лучше поработивъ жену, высосать изъ нея все, чтó только онъ могъ пріобрѣсти въ свою пользу. Для того онъ удвоилъ скверные свои поступки противъ Пашеты, подбивалъ мать ея на досаду. Прасковью Ивановну бранили, мучили; наконецъ, потерявъ всѣ мѣры терпѣнья, она потаенно требовала отъ насъ помощи; я рѣшился взять ее въ нашъ домъ. Однажды въ праздничной день пригласили мы ее къ себѣ, мать не смѣла не отпустить. Она къ намъ пріѣхала, а я, какъ попечитель, обнаруживъ въ письмѣ къ предводителю всѣ поступки вотчима, увѣдомилъ мать, что я дочь ея взялъ подъ свое покровительство, и съ тѣхъ поръ она не могла видѣться съ ней. Въ домѣ нашемъ живучи, Пашета занемогла жестокимъ образомъ; сдѣлался съ ней припадокъ съ такими ужасными конвульціями, отъ которыхъ, несмотря на искуснѣйшее врачеваніе, нельзя было ожидать никакого облегченія. Богъ сохранилъ ее чудеснымъ средствомъ. Тогда много толковъ было въ Москвѣ о магнетизмѣ; всякой разсуждалъ по своему. Докторъ нашъ домóвой предложилъ мнѣ сей способъ лѣченья для Пожарской. Я согласился, и цѣлую зиму ежедневно она была магнетизирована при мнѣ и домашнихъ; всѣмъ опытамъ я былъ свидѣтелемъ, они совершенно удались. Пожарская, послѣ годоваго почти лѣченія, наконецъ такъ оправилась въ силахъ и раздобрѣла, что не только припадку, она даже и истерикѣ рѣже подвержена, и нервы ея чрезвычайно укрѣпились. Наши объ ней старанія привязали ее къ намъ, и она составляетъ члена нашего семейства, будучи почти посторонней въ домѣ матери своей, которая ничего ей не даетъ, не пускаетъ къ себѣ на дворъ, отказываетъ даже иногда въ благословеніи и совсѣмъ ее бросила. Посредствомъ сей нечаянной болѣзни Пожарской я имѣлъ случай узнать, чтó такое магнетизмъ и получилъ о немъ ясное понятіе. Я не гляжу на него, какъ на благодать, но какъ на врачебной счастливой способъ помогать страждущему человѣчеству во всякихъ нервическихъ немощахъ, для которыхъ единственно онъ и

цѣлителенъ. Какъ кончится судьба Пожарской со вступленія ея въ нашъ домъ, выгодно, или нѣтъ, этого знать нельзя; но, по крайней мѣрѣ, судя по отношеніямъ между ею и нами, донынѣ существующимъ, уповательно, что она спокойнѣе проживетъ, чѣмъ у вотчима, и не будетъ терпѣть тѣхъ оскорбленій, какія мать ея допускала изъ пристрастія къ мужу недостойному и употребившему во зло не токмо мои, но и покойнаго Пожарскаго благоснисхожденія и милости жены моей, безъ коихъ онъ жить и существовать не могъ бы, будучи у нихъ у всѣхъ, такъ сказать, какъ нищій иностранецъ на хлѣбахъ, изъ одной христіанской жалости, по человѣчеству. Всѣ сіи эпизодическія лица долго будутъ жить въ памяти моей, ибо доставляли мнѣ по временамъ самыя смутныя минуты и побуждали къ поступкамъ непріятнымъ, кои совсѣмъ несвойственны моему характеру. Одну Пашету я всегда вспомню съ удовольствіемъ, потому что она была умна и скромна; я ею былъ очень доволенъ и люблю искренно.

Политковской.

11-го Августа. День, въ которой родилась дочь моя Антонина *), и въ которой тотъ, о комъ говорить намѣренъ, былъ всѣхъ нужнѣе для благополучія сего событія, при столь нездоровой женщинѣ, какова была жена моя.

Ѳедоръ Гарасимовичъ, искусной докторъ, съ которымъ я обучался вмѣстѣ въ университетѣ: мы оба слушали лекціи физическія у Роста и тутъ познакомились. Вышедши изъ университета, мы на долгое время разстались; онъ поѣхалъ въ Парижъ доучиваться тамъ медицинѣ и пріѣхалъ оттуда въ Россію съ большими познаніями. При первомъ нашемъ свиданіи мы встрѣтились, какъ старые пріятели. Это было для меня очень выгодно, потому что батюшка становился уже недуженъ и, лишась доктора Пегелау, совсѣмъ не зналъ, за кого приняться. Я убѣдилъ его ввѣриться Политковскому,

*) Она впослѣдствіи называлась Варварою Ивановной. Ея сыновья: Евгеній Петровичъ, авторъ книги „Гусъ и Лютеръ“ (бывшій посолъ въ Константинополѣ и Вѣнѣ) и нынѣшній попечитель Петербургскаго учебнаго округа Иванъ Петровичъ Новиковы. П. Б.

и онъ много ему помогъ, поддерживалъ его съ большимъ искуствомъ и сохранилъ дни его до опредѣленнаго Провидѣніемъ времени. Чтó же можетъ сдѣлать больше врачъ искуснѣйшій? Натуры законъ извѣстенъ, его никто не избѣжитъ. Политковской, врачуя весь нашъ домъ, сдѣлался нашимъ другомъ и до самой смерти своей посѣщалъ насъ и освобождалъ отъ временныхъ немощей, съ прилежаніемъ и усердіемъ дѣлая свое дѣло. Подъ конецъ жизни своей онъ самъ впалъ въ слабость, столь естественную нашему народу: сталъ пить, и это ускорило его кончину. Онъ имѣлъ обширныя познанія, былъ уменъ отъ природы, характера веселаго, чувствителенъ до слезливости, когда что трогало его душу. Жена моя долго была на рукахъ его, рожала при немъ нѣсколько разъ, и во всѣ ея кровохарканія онъ ей всячески помогалъ; часто, когда дѣло шло худо, онъ плакалъ надъ нею и чрезвычайно былъ къ ней привязанъ. Я никогда не забуду его усердія, доброхотства и услугъ, оказанныхъ нашему дому. Миръ праху его! Ежели онъ и имѣлъ слабости, то, въ замѣну, приносимая имъ польза страждущему человѣчеству заступитъ его у престола Божія, паче многихъ жертвъ и туковъ набожныхъ тунеядцевъ.

Полочанинова.

21-го Августа. Ѳедосья Егоровна. Я говорилъ выше о ея мужѣ, теперь очередь за нею. Соберемся съ духомъ, чтобъ откровенно, не тая ничего, поговорить объ ней. Она была не дура, но вѣтрена, взбалмошна, со всѣми искренна кстати и не кстати, любила щеголять нарядами и ими только могла привлечь на себя вниманіе, впрочемъ ни бесѣды, ни обращенія; собой была нехороша, лицо въ веснушкахъ, красной волосъ, изрядной ростъ и жеманство самое площадное. Вотъ рисунокъ той, которая непонятнымъ образомъ умѣла встревожить физику мою до того, что я едва не попалъ въ тьму кромѣшную. Она слаба была до крайности на счетъ мужчинъ, и кого только поймаетъ несчастная, тотчасъ отдается вся въ неволю хоть на сутки, хоть на недѣлю, ей все равно, лишь бы попасть въ объятія нашего пола. Мужъ, зная ее

очень коротко, бросилъ на произволъ страстей, и изъ великодушія только или самолюбія, почитая въ ней свое имя, жилъ съ ней въ одномъ домѣ и содержалъ ее. Она была всегда у насъ и прислуживала женѣ какъ горничная, а при гостяхъ величалась короткой съ нами пріязнью; но публика давно ее знала и вещи видѣла въ настоящемъ ихъ видѣ. Вольное обращеніе съ благородной дамой, которая наряжается въ цвѣтное платье и выписываетъ моды, скоро мнѣ полюбилось, ибо было оно для меня ново; я съ молоду никогда не водился съ такими ни барынями, ни бабами, и тутъ мы, шутя, порядочно и ко́ротко ознакомились. Она не стыдилась чваниться тѣмъ, что вице-губернаторъ будто въ нее влюбленъ, а я просто безъ любви и пристрастія чмокалъ ее въ уста, когда хотѣлъ. Жена моя, не боясь опаснаго отъ меня пристрастія къ ней, глядѣла на мое вольное обращеніе съ ней, какъ на шалость; но какъ она ѣзжала родить дѣтей своихъ въ Москву, то, при рожденіи нашего сына Александра, была въ отлучкѣ мѣсяца три, и тутъ-то я попался было въ лабиринтъ. Скучно мнѣ было жить одному въ моемъ большомъ каменномъ домѣ. Полочаниновъ пригласилъ меня къ себѣ и отвелъ мнѣ флигель въ саду, въ которомъ я и помѣстился. Будучи увѣренъ въ моей честности, онъ оставилъ меня съ своей женой, а самъ уѣхалъ на нѣкоторое время въ Нижегородскія свои деревни. Оставшись одинъ съ его супругой, я скоро замѣтилъ, что я въ большой опасности потерять и качество добраго мужа, и свойство вѣрнаго друга: я возгнушался этой бездны порока и всячески старался, какъ можно дешевле, отъ оной отдѣлаться. Ѳедосья Егоровна со мной по утру, днемъ и за ужиномъ, зажигала меня какъ сатана; доходило дѣло до того, чтобъ короновать послѣднимъ успѣхомъ всю эту подлую интригу, но я преодолѣлъ себя и рѣшительно ей отказалъ изъ уваженія къ гостепріимству мужа ея, съ которымъ я хорошій пріятель. Нечего было дѣлать: она досадовала, что не можетъ иначе со мной раздѣлаться, какъ нѣкогда Пентефріева жена съ Іосифомъ, и требовала отъ меня ласковостей однихъ, которыя бы сколько нибудь утоляли пламень ея темперамента. Я откупался поцѣлуями и всякими угожденіями, кои, не похищая сердца моего у жены,

оставляли совѣсть мою въ покоѣ. Чего я съ ней не дѣлалъ? Не станемъ даже говорить о срамотахъ всякаго рода; довольно, и въ этомъ я клянусь честью, что я не сдѣлался виной ни ея, ни моихъ преступленій противъ супружескихъ обѣтовъ; впрочемъ, она натѣшилась плодами своего воображенія, разжигаемаго и устами, и руками. Что же вышло изъ этого? Она сама разславила все по городу; всѣ надъ ней смѣялись, и она почитала себя несчастной, что не могла меня рѣшить раздѣлить съ ней послѣднихъ наслажденій физики. По возвращеніи жены моей, это было такъ гласно, что дошло и до нея; сама г-жа Полочанинова во всемъ ей призналась и желала увѣрить даже, что мы живемъ вмѣстѣ; но крикъ всей публики, которая была въ ея довѣренности, успокоилъ Евгенію, и она уличила ее, что вретъ, а симъ прекратилось и знакомство наше съ ней и всѣ городскія насмѣшки. Для соблюденія приличій съ мужемъ ея, мы ее принимали иногда, но уже она потеряла право быть короткой въ нашемъ домѣ. Выѣхавъ изъ Пензы, я съ ней почти нигдѣ уже не видался. Я до сихъ поръ не могу вообразить, какъ вошло въ голову этой бѣдной женщинѣ собственный свой позоръ почитать за какое-то для себя преимущество, потому что она раздѣляла его съ первымъ чиновникомъ города. Что́ тутъ за слава, что́ за честь! Пойми, пожалуй, женщину сладострастную, когда она не имѣетъ другого путеводителя въ поведеніи, какъ собственныя свои страсти, необузданныя никакими правилами! Много я вытерпѣлъ отъ нея дней горькихъ въ моемъ семействѣ. Богу благодареніе, что они не принесли никакихъ ужасныхъ бѣдствій за собою; и донынѣ, когда я вспомню то время, то я виню себя и ужасаюсь ея. Чего не дѣлаетъ бѣсъ, когда разумъ молодъ и своеволенъ! Надѣюсь, что лѣта, морщины и болѣзни исправили ее, и желаю отъ всего сердца, чтобъ она меня забыла такъ, какъ и мнѣ пріятно забывать наши по тогдашнему наслажденія, а по нынѣшнему дурацкія треволненія. Поганъ всякой союзъ, въ которомъ не сердце, а кровь одна участвуетъ!!!

Полочаниновъ.

20-го Августа. Дмитрій Егоровичъ. Уголовной судья Пензенской, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ изряднымъ достаткомъ, хорошо воспитанной и женатой на родственницѣ губернатора, о которой я ниже поговорю особо, потому что обѣ сіи особы весьма важную роль играли въ моей жизни. Дмитрій Егоровичъ, при появленіи нашемъ въ Пензу, тотчасъ влюбился въ жену мою: этого избѣжать, узнавши ее, никто не могъ. Въ самомъ дѣлѣ, она богата была очарованіями и, къ счастью моему, одарена разсудкомъ твердымъ, съ душой непобѣдимой соблазнами. И такъ Полочаниновъ, какъ и многіе другіе, ходилъ къ намъ всякой день обѣдать, ужинать, вздыхать, выкалывать рисунки, и всѣ часы жизни его, кромѣ двухъ-трехъ, коими онъ долженъ былъ жертвовать службѣ, проводилъ въ нашемъ домѣ; разумѣется, что спалъ у себя, съ своей постылой супругой, съ которой онъ не могъ прижить ни одного ребенка. Онъ готовъ былъ доставлять намъ всякія забавы и, отлагая безполезное волокитство его, былъ съ нами искренно друженъ и расположенъ къ участію во всякомъ дѣлѣ, которое по службѣ или огорчало, или утѣшало меня. Во время ссоры моей съ губернаторомъ, когда многіе изъ трусости не смѣли ѣздить ко мнѣ, онъ постоянно былъ мнѣ преданъ и старался удвоить веселости нашего дома. На сей конецъ онъ построилъ у себя особой театръ: на немъ мы цѣлую зиму играли комедіи всякую недѣлю, и намъ и публикѣ было очень весело. Весь Сумарокова театръ явился тогда на сценѣ. Время веселое и незабвенное въ жизни моей Пензенской! Чтобы дать понятіе о томъ, въ какомъ затрудненіи находились тогда благородные подвиги, помѣщу здѣсь случившееся со мной, по отношенію моему къ г-ну Полочанинову, происшествіе. Онъ служилъ совѣтникомъ въ Уголовной Палатѣ; въ оной производилось дѣло надъ крестьянами богатаго помѣщика графа Разумовскаго, кои доносили на управителя его, въ имѣніи живущаго, Гогеля. Дѣло скаредное и рѣшено беззаконно. Полочаниновъ, будучи честенъ и благороденъ, прежде чѣмъ подписать приговоръ,

разсудилъ посовѣтоваться со мной. Я счелъ за грѣхъ не сказать ему правды и расположилъ его подать голосъ, который нѣсколько остановилъ быстрой ходъ столь интереснаго процесса. Казалось бы, что̀ за бѣда? Я былъ очень покоенъ. Но, къ несчастью моему, того управителя Гогеля братъ былъ тогда при Воспитательномъ Домѣ лицо уважительное и значущее; мать моя должна въ Опекунскомъ Совѣтѣ и какъ-то просрочила, зная, что нѣкоторое время дается льготы кредитору. Дошли слухи до Московскаго Гогеля, что я удручалъ брата его моими будто интригами, кои состояли всѣ, какъ выше видно, въ одномъ очень натуральномъ совѣтѣ пріятелю, и я увидѣлъ въ газетахъ, что наше имѣніе за помянутой долгъ матери моей велѣно описать; тучу эту мы отвели, но не меньше она надѣлала матушкѣ много безпокойства. Вотъ какъ плутъ плута далеко въ плёсѣ видитъ, что изъ Пензы въ Москву тотчасъ настроенъ ковъ и брошенъ камень самымъ постороннимъ людямъ въ ноги. Я обязанъ также съ отличной благодарностью отозваться о Полочаниновѣ и за участіе, которое онъ принялъ въ несчастной моей Пензенской исторіи въ пользу мою. Во все время службы моей въ Пензѣ онъ былъ усерднѣйшимъ пріятелемъ нашего дома, и хотя въ большой разсчетъ входили сюда безплодные восторги любви его къ женѣ моей, однакожъ я все не меньше обязанъ за пользу и удовольствіе, которое они мнѣ приносили. Онъ былъ по временамъ то жалокъ, то смѣшонъ, и женѣ моей не стоило ни большаго труда, ни притворства, чтобъ изъ него сдѣлать все, чего хотѣлось. Послѣ моей отставки изъ Пензы, я имѣлъ только два раза случай съ нимъ видѣться въ Володимерѣ: онъ пріѣзжалъ туда одинъ разъ сыграть съ нами комедію въ нашемъ театрѣ; въ другой разъ онъ былъ завлеченъ сенаторомъ Обрѣзковымъ, которой, привыкнувши играть съ нимъ въ карты въ Нижнемъ, привозилъ его за тѣмъ же въ Володимеръ. Больше сихъ двухъ разъ я съ нимъ нигдѣ не видался, и столь продолжительная разлука, перемѣна обстоятельствъ, все такъ насъ охолодило взаимно, что уже мы теперь, я думаю, увидимся безъ всякаго удовольствія, развѣ только по однимъ воспоминаніямъ прошедшаго.

8-го Марта. Осипъ Петровичъ. Не даромъ ведется у насъ старинная пословица: „Не вспоя, не вскормя, ворога не купишь“. Она во всякое время ко многимъ приложена быть можетъ. Такъ точно! Я теперь вспомнилъ ее, говоря о семъ человѣкѣ. Онъ изъ духовнаго званія, обучался въ университетѣ; когда пріѣхалъ въ Пензу новой губернаторъ Гедеоновъ, онъ привезъ его съ собой для письмоводства и, не имѣя возможности дать ему офицерскаго чину по Губернскому Правленію, просилъ меня опредѣлить его въ Казенную Палату. Я охотно на сіе согласился и скоро доставилъ ему чинъ коллежскаго регистратора; потомъ я выѣхалъ изъ Пензы, онъ остался при Гедеоновѣ и, казалось, мы совсѣмъ разстались. Но судьба издалека назначила его быть орудіемъ тяжкихъ для меня непріятностей. При вступленіи моемъ въ званіе Владимирскаго губернатора онъ скоро попалъ на ваканцію совѣтника въ Губернское Правленіе, и снова мы съ нимъ зажили въ Володимерѣ. На первыхъ порахъ онъ очень былъ ко мнѣ усерденъ и, какъ послѣ я догадался изъ опытовъ, старался заправлять мною. Въ этомъ онъ не могъ никогда получить успѣха: я нерѣдко уважалъ его совѣты, но не любилъ, чтобъ меня подчиненные мои, такъ сказать, водили за носъ. Полубенской, будучи крайне самолюбивъ, напыщенъ собою, не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться въ довѣренности моей и, видя, что исключительно одинъ похитить ее всю не можетъ, расположился совсѣмъ другимъ образомъ. Я, идучи стязею благородной и съ чувствомъ откровеннымъ, не примѣчалъ перемѣны его и обходился съ нимъ одинаково. Посчастливилось мнѣ доставить ему императорской подарокъ, состоящій въ табакеркѣ, и потомъ Владимирской крестъ 4-й степени. Все это недостаточно было, чтобъ пріобрѣсть его сердце: оно требовало самовластія, а я допустить до онаго не хотѣлъ ни себя, ни кого-либо иного. Полубенской сталъ уединяться отъ общества, началъ пить и, въ блажныя минуты хмѣльнаго изступленія, прислалъ ко мнѣ однажды просьбу въ отставку, писанную его рукой. Я, не любя его харак-

тера, но умѣя цѣнить его дарованія, не хотѣлъ воспользоваться его горячкой и ту просьбу скромнымъ образомъ, въ вечеру, самъ отвезъ къ нему и возвратилъ. Нѣсколько времени спустя, повторилъ онъ тотъ же поступокъ, и я въ другой разъ имѣлъ снисхожденіе сдѣлать тоже, думая, что когда-нибудь этотъ человѣкъ опомнится и увидитъ неприличность своего поведенія со мною; но чѣмъ я великодушнѣе и мягче обходился съ нимъ, тѣмъ тяжелѣе становилось для него зависѣть отъ меня, и онъ рѣшился сдѣлаться открытымъ моимъ врагомъ, что̀ и ознаменовалъ самымъ подлымъ образомъ, не только наустя и подстрекнувъ вице-губернатора Дюнанта послать на меня доносъ, но самъ сочинивши его. Можетъ ли поступокъ быть чернѣе и злостнѣе этого? Нѣтъ нужды распространять о немъ своего разсужденія. Довольно прочесть написанную страницу, чтобъ возгнушаться человѣкомъ, котораго ослѣпленное самолюбіе можетъ довести до такого раздраженія, что и самая благодарность не сильна удержать стремленія къ злобѣ. Богу отдавая на судъ его со мной поступки, мнѣ остается забыть его и пожелать, чтобъ случая намъ не было нигдѣ встрѣчаться.

Поповъ.

15-го Февраля. Въ этотъ день императору Павлу угодно было меня изъ отставки взять опять въ службу и посадить въ возобновленную имъ старую Камеръ-коллегію. Президентомъ оной наименованъ Василій Степановичъ Поповъ. Итакъ поговоримъ о немъ. Нынѣ уже онъ членъ Государственнаго Совѣта. Какъ я изъ университета выпущенъ въ армейскіе полки въ прапорщики и причисленъ къ штату князя Долгорукаго-Крымскаго, тогда Поповъ былъ маіоромъ и правилъ его канцеляріей. И такъ я находился подъ его начальствомъ; онъ со мной обходился хорошо, однако не спускалъ мнѣ никакихъ шалостей, часто журилъ, но безъ жолчи и досады. Такъ однажды случилось ему, расхохотавшись надо мной самымъ ироническимъ образомъ, наказать меня за дерзкую мою насмѣшку на его счетъ. Говоря объ немъ и при немъ съ однимъ изъ моихъ товарищей и думая, что никто кромѣ

меня по латыни не знаетъ, я отпустилъ: „Ilie stultus est“. Поповъ доказалъ мнѣ, что онъ по латыни лучше меня знаетъ, и вышелъ я болѣе „stultus“, нежели онъ. Въ другой разъ, за большимъ столомъ торжественнымъ у князя, я подсмѣивалъ одного старичка, которой до того потерялъ пристойность, что во весь обѣдъ кричалъ и сердился. Князь это замѣтилъ, узналъ, что я поджигалъ его и велѣлъ было меня арестовать; но Поповъ защитилъ меня своимъ покровительствомъ. Еще разъ довелось мнѣ провиниться самымъ невиннымъ образомъ. Полкъ нашъ выходилъ въ лагерь; офицеры нужны были во множествѣ для парада. Маіоръ нашъ, Марковъ, уговорилъ насъ, человѣкъ трехъ, числившихся при князѣ, явиться въ полкъ и маршировать по Москвѣ во Всесвятской лагерь; намъ показалось это подвигомъ древнихъ Римлянъ. Мы рѣшились и, не спросясь ни у кого, выступили. Князь узналъ меня передъ взводомъ, когда я ему салютовалъ, разгнѣвался и приказалъ отправить всѣхъ насъ въ полкъ и изъ штата своего выключить. Худо было дѣло! Я бросился къ Попову, и онъ его поправилъ, снявъ проступокъ нашъ на себя и донеся князю, будто бы мы съ его дозволенія явились въ лагерь только на сутки, для украшенія церемоніальнаго марша, ибо въ полку офицеровъ было мало. Такимъ образомъ Поповъ пріятными услугами заставилъ меня съ благодарностію помнить о себѣ во всю жизнь мою. По смерти князя служба насъ всѣхъ раскидала въ разныя стороны. Поповъ сдѣлался сильнымъ человѣкомъ при Потемкинѣ, выросъ въ чинахъ и теперь знатной и богатой баринъ; я его посѣщаю, когда бываю въ Петербургѣ, и всегда доволенъ его ласковымъ пріемомъ: онъ очень простъ въ обращеніи и не забываетъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ когда-нибудь въ отношеніи, а потому и я пользуюсь, при всякомъ свиданіи, пріятнымъ съ нимъ знакомствомъ. Судьба не допустила меня въ другой разъ служить съ нимъ вмѣстѣ; ибо я изъ Камеръ-коллегіи, не доѣзжая еще до нея, переведенъ въ другое мѣсто.

Посниковъ.

13-го Октября. Захаръ Николаевичъ, сенаторъ, человѣкъ, съ которымъ, не будучи знакóмъ, я попалъ въ случайное отношеніе по службѣ. Оно мнѣ всегда памятно будетъ, по важности обстоятельства. Судимъ былъ въ Володимерской Уголовной Палатѣ по настоянію моему крестьянинъ графа Шереметева, сильно подозрѣваемый въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій; онъ былъ богатъ, а потому и защищался неотступно. Палата готова была его оправдать, чтó и сдѣлала, воспользовавшись моимъ отпускомъ въ Питеръ, безъ меня. Но я довелъ сіе дѣло до Государя и просилъ о нарядѣ чиновника сторонняго разсмотрѣть дѣло на мѣстѣ. Наряженъ Посниковъ; онъ тогда былъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Московскомъ Сенатѣ. Пріѣхалъ въ Владимиръ, вступилъ въ Уголовную Палату и, по данному ему повелѣнію, произвелъ дѣло въ званіи предсѣдателя палаты; рѣшеніе свое и голоса членовъ отнесъ по порядку ко мнѣ на утвержденіе. Такъ приказано было, и я, видя его согласнымъ съ собою во мнѣніи, далъ дѣлу надлежащій ходъ далѣе. Ни онъ, ни я не успѣли въ нашемъ намѣреніи: виновникъ откупился деньгами, и Сенатъ выпустилъ его на свободу въ вотчину. Вотъ случай, которой положилъ начало моему знакомству съ Посниковымъ. Я его зналъ и прежде, когда онъ правилъ дѣлами канцлера графа Воронцова и при немъ дослужился до чина статскаго совѣтника; потомъ, будучи оберъ-прокуроромъ въ Петербургѣ, онъ жарко вступался за меня, во время производства дѣлъ моихъ, и всегда былъ на моей сторонѣ, за что я сохраню къ нему навсегда должную признательность; ибо онъ не имѣлъ никакихъ причинъ пристрастно расположиться въ мою пользу: связи между нами никакой не было, и ежели онъ хорошо думалъ обо мнѣ, то симъ я обязанъ собственному его убѣжденію, а не постороннимъ проискамъ и ходатайствамъ, и потому я во всякое время съ искреннимъ удовольствіемъ встрѣчаюсь съ нимъ.

Поспѣловъ.

2-го Генваря. Молодой человѣкъ благороднаго происхожденія, поведенія благонравнаго и съ хорошими познаніями. Онъ поступилъ ко мнѣ въ канцелярію изъ студентовъ университета Московскаго, когда я былъ губернаторомъ и женатъ на второй женѣ, и скоро замѣстилъ въ секретарской должности находившагося при мнѣ до него Могилевскаго. Въ этомъ званіи прослужилъ онъ нѣсколько лѣтъ, успѣвалъ и дѣла дѣлать, и въ забавахъ нашихъ принимать участіе, зналъ иностранные языки, игрывалъ комедіи съ дѣтьми моими на домашнемъ моемъ театрѣ. Въ удовольствіе мое онъ перевелъ съ моего Французскаго оригинала „Описаніе Софіевки", которое было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы", и всѣ мои мысли выразилъ очень хорошо. Онъ съ нами путешествовалъ въ Одессу и былъ къ нашему дому искренно привязанъ. Случай необходимой разлучилъ насъ. Онъ, по молодости лѣтъ, искалъ частаго повышенія, чего я доставить ему не могъ; и такъ, перейдя служить въ Петербургъ, произошелъ тамъ скорѣе въ чины, и уже теперь кавалеромъ двухъ знаковъ отличія. Къ отмѣнной чести его сказать долженъ, что онъ и донынѣ, при всякомъ случаѣ, старается оказывать мнѣ почтеніе и благодарность свою за пріятельское мое съ нимъ обращеніе. Въ рукописяхъ моихъ найдутъ многое, переписанное его рукой, что́ мнѣ и доставляетъ случай часто воспоминать о немъ съ особеннымъ удовольствіемъ и признательностю.

Потоцкой.

20-го Декабря. Графъ, тайный совѣтникъ въ Россійской службѣ. Я имѣлъ случай узнать его тогда, какъ онъ ѣздилъ съ графомъ Головкинымъ, сотоварищемъ его въ Китайскомъ посольствѣ. Онъ меня полюбилъ и на обратномъ пути изъ Сибири, будучи свободнѣе во времени, жилъ восемь дней въ Владимирѣ и ежедневно у меня обѣдалъ и ужиналъ. Я тогда былъ вдовъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ пріятнымъ, ума образованнаго и скромнымъ въ обращеніи, въ чемъ я не ошибся. Онъ посѣщалъ меня ежедневно, оставилъ мнѣ на

память нѣсколько ученыхъ своихъ сочиненій. Онъ былъ нѣсколько страненъ, отъ того, думаю, что съ молоду заучился. Онъ взялся перевести одну изъ пѣсенокъ моихъ на Французскій языкъ, написалъ ее своей рукой въ моей книгѣ, которая донынѣ у меня хранится. Иногда, разставшись со мной, писывалъ ко мнѣ. Послѣ сего осмидневнаго сожитія почти вмѣстѣ, я уже нигдѣ съ нимъ не видался, и онъ бѣдственно погибъ на родинѣ, умертвя самъ себя пистолетомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дошло до меня. Минуту только и самую краткую, можно сказать, въ жизни раздѣлилъ я съ нимъ, а помнить объ немъ буду долго; ибо онъ пріязнью своей и радушнымъ со мной обращеніемъ сдѣлалъ на сердце мое и мысль пріятное впечатлѣніе.

Похвиснева.

4-го Октября. Въ сей день умерла дочь ея, а моя сводная сестра Анна Михайловна. Я мысленно переношусь на гробы ихъ и питаю воображеніе свое воспоминаніемъ о сей несчастной женщинѣ и порожденіи ея.

Аксинья Любимовна. Я, можетъ быть, не долженъ бы былъ упоминать въ сей книгѣ объ ней по роду отношенія, которое между нами существовало; но поелику поступки ея со мной были всегда таковы, что я безъ искренней благодарности отозваться о нихъ не могу, то, забывая слабости ея, ни суду, ни размышленію моему не подлежащія, вспомню о ней во всю жизнь мою съ чувствомъ истиннаго къ ней почтенія. Имѣя всю возможность дѣлать мнѣ непріятности и много нанести вреда нашему семейству, она напротивъ искала случая каждому изъ насъ угодить, и въ особенности мнѣ оказывала отличное усердіе. По смерти отца моего, всѣ связи между нами могли рушиться; но къ похвалѣ ея скажу, что они не только сохранились до послѣдняго дня ея, но даже и укрѣпились. Я былъ къ ней сердечно привязанъ; она произвела сіе обращеніемъ своимъ. Я гробъ ея проводилъ съ чувствомъ искренняго сожалѣнія до могилы и буду помнить объ ней, доколѣ самъ жить буду.

Приклонская.

31-го Августа. Анна Дмитріевна. Не стану говорить ни объ умѣ ея (она имѣла его довольно), ни о характерѣ (онъ былъ живъ и веселъ), ни о воображеніи, всегда романическомъ, съ примѣсью меланхоліи. Остановимся на однихъ глазахъ. Боже мой, какія очи! Какой небесный взоръ! Я нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго; я влюблялся въ него всегда, когда онъ съ моимъ сообщался. Впрочемъ, я мало былъ знакомъ съ ней, но видалъ ее часто и всегда искалъ случая быть въ ея обществѣ, для того только, чтобъ смотрѣть ей въ глаза. Она по себѣ была Измайлова и выдана замужъ за пострѣла Приклонскаго, который теперь разжалованъ въ солдаты, а она состарѣлась и съ сиротами своими бѣдствуетъ. Лучше вспомнить, говоря объ ней, отдаленное время. Я часто съѣзжался съ ней на пирушкахъ у Волынскаго, на Трехъ Горахъ; тамъ у него была дача и житье самое привольное. Я писалъ о немъ въ стихахъ подъ названіемъ: „Прогулка на Трехъ Горахъ". Они напечатаны. Приклонская была въ домѣ его дружна и посѣщала ихъ безпрестанно, тогда какъ она, будучи въ раздорѣ съ мужемъ, жила съ нимъ розно, сама по себѣ. Случилось въ одинъ вечеръ, что мужъ ея встрѣтился съ ней въ этомъ домѣ въ числѣ гостей. Хозяйка хотѣла всячески ихъ примирить, но Анна Дмитріевна и слышать о томъ не хотѣла. Хозяева устроили такъ свой заговоръ, что Анна Дмитріевна поставлена была въ необходимость ѣхать съ мужемъ своимъ вмѣстѣ до своей квартиры, дабы его отвезти къ нему, потому что на ту пору будто бы у него не случилось экипажа. Какъ мужу отказать въ правѣ сѣсть съ женой въ одну карету? Но Анна Дмитріевна, желая избѣжать всякой нечаянности, зазвала и меня для компаніи, чтобъ изъ этого сдѣлать ночную прогулку; а ночь лѣтомъ, особливо послѣ вечеровой пирушки, одна минута. Итакъ мы всѣ трое, почти на разсвѣтѣ, поѣхали другъ друга завозить по разнымъ домамъ. Я никогда не забуду этой смѣшной и веселой проказы. Хитрость мужнина не удалась, жена осмѣивала его въ каретѣ поминутно; я наслаждался глядѣніемъ ей въ глаза, и что̀ мигнетъ она, то я

въ восторгѣ, а мужъ въ досадѣ. Забавное соединеніе! Можно ли не вспомнить во всякое время жизни такія сумазбродныя минуты молодости? Какъ ни умничай, человѣкъ созданъ такъ, что онъ безъ обольщенія чувствъ и дурачества никогда вполнѣ счастливъ не будетъ. Сохранимъ высокія качества души для Неба; а въ мірѣ, чтобъ выносить всю тягость жизни старой, хворой, иногда и горестной, надобно вспомнить заблужденія юношества, чтобъ надъ самимъ собой съ удовольствіемъ посмѣяться и отогнать хоть на минуту настоящую скорбь скучной старости. Съ такимъ точно намѣреніемъ я здѣсь теперь болтаю о дачѣ Волынскаго и Трехъ Горахъ, и вообразилъ живо безподобные глаза Анны Дмитріевны Приклонской, которой желаю также какими-нибудь своими воспоминаніями облегчить ужаснѣйшее время настоящей ея жизни.

Приклонской.

7-го Февраля. Дмитрій Ивановичъ. Мальчикъ, которой жилъ у насъ въ домѣ и въ одной комнатѣ со мной. Мы были оба ребята и учились еще грамотѣ: родители его съ моими были въ связи пріязни и отдаленнаго родства. Приклонской шаловливъ былъ; мы съ нимъ въ одно время, одинъ послѣ другаго, вылежали въ горячкѣ, отъ которой чуть-чуть не отправились оба въ Елисейскія поля. Эпоха памятная въ моемъ ребячествѣ. Еще случай не очень благопріятной, по которому я его забыть не могу, тотъ, что онъ изволилъ меня поучить „онанизму“. Я на него насмотрѣлся и самъ перенялъ, но за мной строгъ былъ присмотръ; скоро догадались: его согнали со двора, а меня высѣкли и отучили. Съ того времени я его не видывалъ, и Богъ его знаетъ, куда онъ дѣвался. Совѣтую всякому, кто прочтетъ эту статью, какъ можно осторожнѣе и рѣже сводить юношей одного возраста, особенно тогда, какъ развертывается физической темпераментъ; ибо прежде зрѣлой поры разстроится весь составъ и научится даже тому, чего бы и въ голову не вошло, если бъ не попался примѣръ.

Приклонской.

18-го Октября. Михайлъ Васильевичъ, директоръ Московскаго университета, при которомъ я вступилъ въ оной, по милости его принятъ прямо студентомъ. У него въ комнатѣ и при немъ меня экзаменовали въ Латинскомъ языкѣ гг. профессоры Барсовъ и Чеботаревъ, заставили меня перевести какую-нибудь статью изъ газетъ, съ Русскаго на Латинской языкъ, и послѣ записали на лекціи. Г. Приклонской всегда обходился со мной очень хорошо и отличалъ меня. Двѣ проказы онъ мои замѣтилъ; но, видя, что онѣ происходили отъ ребячества, не поставилъ мнѣ ихъ въ сильное преступленіе и только пожурилъ со всей кротостью пріязни. Былъ у насъ учитель Французскаго языка, г-нъ Пинжетъ, старичокъ, которой по утрамъ зимою, приходя въ классы, всегда отогрѣвался на печкѣ. Однажды я, вообще съ своими товарищами, вздумалъ съ нимъ сыграть шутку. Онъ пришелъ, иззябъ, продрогъ и полѣзъ на печь; лежанка была высока, почти у карниза, мы подставляли ему лѣстницу. Чуть лишь онъ сѣлъ и задремалъ, а мы лѣстницу прибрали. Директоръ хаживалъ по классамъ почти всякое утро, да онъ и жилъ въ домѣ Университета. Услышавъ, что онъ идетъ къ намъ, мы вскочили. Приклонской въ двери. Толпа ребятъ, а учителя нѣтъ! „Гдѣ же вашъ Пинжетъ?“ Мы молчимъ. „Что жъ вы, господа, не скажете?“ Между тѣмъ старикъ отъ стуку проснулся; сойти нельзя, спрыгнуть опасно. Директоръ оглянулся, и Пинжетъ на печи. Онъ его потазалъ за эту оплошность, поглядѣлъ на всю нашу компанію сурово, а мнѣ погрозилъ пальцемъ, и самъ послѣ улыбнулся. Оно и подлинно было смѣшно. Въ другой разъ, по университетскому обычаю, когда не приходилъ какой-либо учитель нижнихъ классовъ, то посылали изъ студентовъ кого-нибудь въ тотъ классъ надзирать надъ школьниками, во время его часовъ, до звонка и роспуска. Французской азбучной учитель не бывалъ: дано знать Барсову. Я у него сидѣлъ на лекціи; онъ меня туда и нарядилъ. Тамъ было ребятъ до 70, малъ мала меньше. Я сдѣлался важной у нихъ особой и, взявши на себя

характеръ педагога, сталъ ихъ испытывать въ азбукѣ и поминутно то того поставлю на колѣни, то другаго въ уголъ, а инымъ и по рукамъ линейкой доставалось, что́ не очень пріятно ощущать, когда она ребромъ хватитъ по косточкамъ. Начался у меня въ классѣ шумъ, вопль и визготня, настала инквизиція во всей формѣ. Опять директоръ шествуетъ по классамъ и прямо къ намъ. Увидя весь классъ въ волненіи и сумятицѣ, спросилъ: „Гдѣ учитель?“ Я, вставши съ креселъ, громогласно воскликнулъ: „Я за него, ваше превосходительство, отряженъ изъ факультета высшихъ наукъ“. Приклонской велѣлъ всѣмъ школьникамъ по своимъ мѣстамъ сѣсть, а меня выгналъ опять въ высшій мой факультетъ, въ которомъ я менѣе имѣлъ случаевъ тогда проказить. Тѣмъ все и кончилось. Съ тѣхъ поръ уже я не былъ никогда удостоенъ чести играть роль педагога и долго досадовалъ, что Приклонской слишкомъ либерально поступилъ съ учениками алфавита Французскаго. Кто не шалилъ, будучи ребенкомъ? Но кому не весело вспомнить проказъ своихъ тогда, какъ уже силъ нѣтъ ихъ дѣлать ни въ какомъ родѣ? Имя старичка Приклонскаго такъ связано съ моими дѣтскими годами, что мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить доброту сердца его и благосклонное ко мнѣ расположеніе.

Князь Прозоровской.

13-го Іюня. Князь Александръ Александровичъ, фельдмаршалъ. Разные случаи встрѣчались мнѣ въ жизни входить въ отношенія съ симъ знатнымъ господиномъ, и потому я обязанъ чаще многихъ другихъ вспомнить о немъ. Вопервыхъ, я обязанъ былъ ему нѣкогда заботливыми трудами и попеченіемъ его о помѣщеніи меня въ гражданскую службу. Вышедши бригадиромъ изъ гвардіи къ штатскимъ дѣламъ, я явился въ Москву, въ которой онъ былъ тогда главнокомандующимъ. Отецъ мой служилъ отъ дворянства. Князь Прозоровской его уважалъ и любилъ; на просьбу его о доставленіи мнѣ мѣста въ Москвѣ, князь представилъ меня въ предсѣдатели въ Верхній Земской Судъ. Сей благосклонной

поступокъ князя приближилъ меня лично къ нему, и я, посѣщая его, удостоился, наконецъ, самъ по себѣ благосклоннаго его вниманія. Онъ съ огорчительной досадой получилъ извѣстіе, что, вмѣсто меня, опредѣленъ другой и представленіе его осталось безъ успѣха, но въ этомъ онъ не былъ виноватъ: сожалѣніе его о неудачѣ служило мнѣ яснымъ доказательствомъ его благорасположенія. Потомъ, когда я былъ уже губернаторомъ въ Володимерѣ, а князь, не имѣя никакого занятія по службѣ, жилъ уединенно то въ Петербургѣ, то въ Володимерскомъ своемъ помѣстьи, въ которомъ онъ курилъ вино и содержалъ откупъ, я имѣлъ пріятную возможность оказать ему значительную услугу и поторопился воспользоваться оной, дабы изъявить ему мою благодарность за прежнія его милости ко мнѣ и показать, что я, будучи разъ кѣмъ-нибудь одолженъ, не способенъ забывать того. У князя отнята была земля, по опредѣленію межеваго правительства, и отдана Короннымъ крестьянамъ. Мѣра ея 200 десятинъ. Князь, служа въ арміи, потерялъ право апеляціи, и возвратить сію потерю было трудно; но по близости его къ вдовствующей Императрицѣ и уважаемъ по чину и заслугамъ своимъ у двора, онъ рѣшился просить Государя объ отдачѣ ему той земли. Государь изволилъ передать это дѣло на мое заключеніе, и польза княжая зависѣла отъ тѣхъ справокъ, какія я представлю по дѣлу. Я всячески старался угодить князю, не лишая, однакожъ, и крестьянъ казенныхъ собственности ихъ и, найдя способъ къ тому довольно удобной, писалъ, не угодно ли будетъ Государю тѣ 200 десятинъ отдать князю, и такой же мѣры и качества землю, состоящую въ оброчныхъ статьяхъ, выключа изъ оклада, отдать казеннымъ крестьянамъ въ ихъ сосѣдствѣ? Мысль моя одобрена была тогдашнимъ министромъ финансовъ, графомъ Васильевымъ, доложено Государю, и Прозоровской удовлетворенъ. Я храню донынѣ нѣсколько писемъ, адресованныхъ тогда ко мнѣ княземъ, изъ коихъ можно видѣть, какъ онъ высоко цѣнилъ сіе пріобрѣтеніе и сколько почиталъ мнѣ себя обязаннымъ за усердное мое о пользѣ его раченіе. По откупу его и заводу я также оказывалъ ему возможныя снисхожденія и во всю жизнь его пользовался особеннымъ благово-

леніемъ. Знакомство мое съ нимъ приводитъ мнѣ на память забавное приключеніе, случившееся со мной въ Москвѣ. Онъ, управляя столицей, живалъ лѣтомъ въ Царицынѣ, за 12 верстъ отъ города, или въ Коломенскомъ, и въ этотъ послѣдній дворецъ однажды попалъ я къ нему на вечеръ, въ такой день, въ которой никого гостей не случилось, кромѣ одной дамы среднихъ уже лѣтъ и мнѣ незнакомой. Довольно было мнѣ скучно, по тогдашнему моему возрасту, убить вечеръ у старика; но пришлось пожертвовать онымъ, и послѣ ужина отправился я въ городъ. У меня была глупая привычка, отъ которой я съ той поры только отсталъ, сидя въ каретѣ ночью, раздѣться совсѣмъ, дабы, пріѣхавши домой, ни мало медля, тотчасъ броситься въ постель, продолжать, не перерывая, начатой въ каретѣ сонъ; со мною, разумѣется, отпускали всю мою ночную гардеробу. И такъ я, поѣхавши отъ Прозоровскаго, раздѣлся, надѣлъ халатъ, туфли, прикорнулъ въ уголъ кареты и началъ дремать, какъ вдругъ меня останавливаетъ слуга той дамы, которая передо мной поѣхала уже изъ Коломенскаго въ городъ, и проситъ, чтобъ я позволилъ ей доѣхать съ собой до заставы: ибо у нея ось сломалась, и карета лежитъ на боку. Чтó мнѣ было дѣлать? Я рѣшился сохранить правила вѣжливости и отказать въ услугѣ, велѣлъ скакать кучеру моему, обогналъ ее на большой дорогѣ, возлѣ поверженной ея колымаги, взывающу ко мнѣ съ воплемъ: „Милостивой государь мой! Позвольте"... А я, закутавшись въ плащъ, чтобъ скрыть мое одѣяніе ночное, притворясь, будто сплю, проскакалъ опрометью въ городъ, оставя ее на произволъ судьбы и подвизающихся вокругъ кареты ея служителей. Анекдота сего я во всю жизнь мою не забуду: онъ довольно оригиналенъ и принадлежитъ точно мнѣ. Обращаясь къ князю Прозоровскому, скажу еще, что я отмѣнно почиталъ его, и мнѣ лестно было пользоваться особенной его благосклонностію, которую я и старался заслужить во всѣхъ встрѣчахъ нашихъ на пути гражданской жизни.

Прокудина.

13-го Сентября. Ѳеоктиста Даниловна, женщина прекраснѣйшая собой, супруга оглашеннаго плута. Я за ней волочился цѣлую недѣлю. Вотъ мое съ ней похожденіе. Назначенъ будучи въ вице-губернаторы въ Пензу, я долженъ былъ, ѣхавши туда, завернуть въ Нижній и явиться къ нашему генералъ-губернатору Ребиндеру, которой правилъ обѣими губерніями. Мнѣ было 27 лѣтъ, отъ роду въ провинціи не живалъ. Ребиндеръ надо мной сжалился и, будучи очень добръ, позволилъ мнѣ въ Нижнемъ прожить недѣлю, дабы въ этомъ веселомъ городѣ сколько-нибудь познакомиться съ губернскимъ родомъ жизни. Подлинно въ Нижнемъ тогда было очень весело: и театръ, и балы, и вечера, и обѣды. Я во всю недѣлю не имѣлъ времени вздохнуть о Московскихъ забавахъ, хотя очень не за долго слезно разставался съ ними. Ѳеоктиста Даниловна обворожала всю тамошнюю публику своими прелестьми, мужъ ея служилъ директоромъ экономіи и держалъ открытой домъ на самой пышной ногѣ богатаго вельможи. У него была домовая церковь пребогатая, эрмитажъ на 12-ти кувертахъ, т.-е. подъемной столъ на машинахъ, зимній садъ въ одной изъ комнатъ пространнаго дома, птичникъ, въ которомъ всегда происходилъ гармонической концертъ разнородныхъ пернатыхъ; словомъ, онъ былъ въ Нижнемъ то, что̀ Шереметевъ въ Москвѣ; а какъ братъ его родной такую же должность отправлялъ въ Пензѣ, какую онъ въ Нижнемъ, то ему и нужно было сойтиться со мной покороче. На сей конецъ онъ мнѣ далъ большой пиръ и кормилъ меня на серебрѣ, потомъ другой на фарфорѣ, а наконецъ прощальной ужинъ на Англійскомъ сервизѣ, апплике. Имѣя позволеніе пробыть тамъ недѣлю, я прожилъ десять дней, и естьли бъ Ребиндеръ не выпроводилъ меня къ должности, можетъ быть, я тутъ остался бы навсегда, точно такъ, какъ нѣкогда въ Твери не могъ разстаться съ Лопухиной (см. лит. Л). Я въ Ѳеоктисту Даниловну влюбился по уши, ежеминутно былъ у нихъ и съ ней и восхищался до крайняго степени ея красотою. Но гдѣ плѣняетъ насъ только

цвѣтъ лица и расположеніе его, тамъ очарованіе непродолжительно. Прокудина, кромѣ красоты, ничѣмъ не отличалась, и такъ едва образъ ея исчезъ въ глазахъ моихъ, какъ и воспоминаніе погасло. Я иногда видалъ ее и послѣ, но урывками, и только затѣмъ, кажется, побывалъ тогда въ Нижнемъ, чтобъ умножить ею алфавитъ моихъ кумировъ.

Протасова.

22-го Февраля. Наталья Ивановна. Короткое знакомство ея съ княжной Волконской было поводомъ и моихъ съ ней отношеній; она была уже въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя дѣвушки рѣдко выходятъ замужъ и, по дружбѣ ея съ княжною, принимала участіе въ нашей связи, которая ей была исповѣдана отъ насъ обоихъ. Въ то время я находилъ отличное удовольствіе въ ея сообществѣ, потому что мы ни о чемъ не говорили, какъ о княжнѣ, и это для меня было единственное счастіе въ жизни. Чего мы не воображаемъ, когда сердца въ огнѣ!

Протасова сохранила ко мнѣ и по разрывѣ моемъ съ княжною чувства самыя благосклонныя и довѣренность свою къ моимъ правиламъ простерла до того, что я нѣсколько лѣтъ уполномоченъ былъ отъ нея актомъ управлять ея имѣніемъ, состоящимъ въ нѣсколькихъ стахъ душахъ, продавать его, даже и закладывать. Будучи губернаторомъ въ Володимерѣ и, не смотря на мои занятія, я не смѣлъ отказать ей въ этой услугѣ, хотя имѣніе было въ другой губерніи и очень удалено отъ меня. Она довольна осталась и по окончаніи моего управленія всѣми моими распоряженіями. Не смотря на столь деликатное порученіе, мы не имѣли причины другъ на друга пожаловаться, ни худо разойтись. Я не могу вспомнить безъ признательности во всякое время столь лестнаго доказательства ея довѣренности ко мнѣ, которую даже почесть можно рѣдкимъ залогомъ пріязни и убѣжденія въ характерѣ человѣка, съ коимъ дѣло имѣешь. Нынѣ она состарилась, и я съ ней нигдѣ уже не вижусь; тѣмъ не меньше эпоха нашихъ отношеній въ памяти моей пребудетъ незабвенна и въ горькіе часы жизни заставитъ иногда пріятно улыбнуться.

Протасова.

2-го Мая. Настасья Яковлевна, старинная знакомка и другъ покойной матери моей. Изъ всѣхъ давнихъ отношенiй нашего дома ни одно такъ постоянно не сохранилось, какъ знакомство мое съ ней. Я ее видѣлъ въ нашемъ домѣ будучи ребенкомъ, будучи взрослымъ человѣкомъ, женатымъ мужемъ, наконецъ самъ приближась къ старости, и всегда съ тою же прiязнью она насъ посѣщаетъ, какъ при родителяхъ моихъ, такъ и послѣ нихъ. Нѣтъ въ домѣ нашемъ никакого событiя, въ которомъ бы она не приняла участiя; нѣтъ званаго пира, на которой бы я ея не пригласилъ къ себѣ; всегда съ ближайшими родственниками она наровнѣ принята въ нашемъ семействѣ, хотя вовсе намъ не своя по родству, и такое обращенiе ея съ нами, вольное, радушное, искреннее, даетъ ей полное право на признательность всего нашего семейства, которую мы до сихъ поръ ей оказываемъ и нарушить во всю жизнь ея не намѣренъ. Признаться должно, что подобныя симпатическiя связи, основанныя на одномъ взаимномъ довѣрiи и чистосердечной прiязни, въ нашемъ вѣкѣ такъ рѣдки, что заслуживаютъ остаться навсегда памятными, какъ чудныя явленiя нравственнаго общежитiя.

Путчи.

17-го Апрѣля. Итальянецъ. Ихъ братью называютъ въ Россiи „pauvre diable.“ Отецъ игралъ буффу на публичномъ Итальянскомъ театрѣ, а сынъ промышлялъ разнымъ штукарствомъ. Занесло его ко мнѣ въ Володимеръ, и онъ выпросилъ позволенiе пустить шаръ на воздухъ. Это еще было ново въ провинцiи. Онъ очень удачно намѣренiе свое исполнилъ, на воксальномъ полѣ, внѣ города; но покойная жена моя не могла, будучи слабаго здоровья, видѣть сiе зрѣлище: оно давалось осенью. Я хотѣлъ ее потѣшить и, обмануть будучи успѣхомъ его за городомъ, рѣшился позволить ему такой же шаръ пустить противъ нашего городскаго дома. Онъ начинилъ его блистательными веществами, для лучшаго

удивленія публики. Праздникъ присроченъ былъ къ 5-му Сентября—торжественнѣйшій день въ Россійскомъ государствѣ. Я созвалъ весь городъ и далъ ему великолѣпной балъ. Народу собралось множество; наступилъ вечеръ, жена сѣла подъ окошко, всѣ хлынули на улицу. Шаръ пущенъ, но неудачно и, лопнувши надъ крышками домовъ, всѣ изъ него начинки полетѣли по улицѣ. Восхищеніе уступило мѣсто страху, не до праздника было и мнѣ: могъ бы сдѣлаться пожаръ, и кто бы угадалъ заранѣе его послѣдствія? Хотя всѣ мѣры приняты были отвратить отъ жителей всякую опасность, но въ первую минуту всѣ перепужались. Поднялся крикъ, шумъ, волненіе; но, слава Богу, проказа моя кончилась безъ ужасовъ: ничего несчастнаго не случилось, и прерванной балъ опять въ покояхъ моихъ возобновился, всѣ отдѣлались однимъ минутнымъ страхомъ. Я никогда не прощу себѣ этой неосторожности и всегда вспомню проклятаго Путчи, которой чуть-чуть не настроилъ мнѣ страшныхъ хлопотъ. Кто любитъ свою жену такъ, какъ я любилъ Евгенію, тотъ, можетъ быть, извинитъ меня; но Правительство могло очень худо поступить со мною, узнавъ о семъ. По счастію, тогда былъ министромъ доброй и благоразумной Кочубей, которой умѣлъ различать неосторожность съ умысломъ и поступокъ съ преступленіемъ; да и шпіоны были еще не въ модѣ, слѣдовательно, всякая щепка не выбрасывалась волной къ корабельному кормилу. А все-таки я и понынѣ вздрогну, какъ вспомню Путчи и шаръ его.

Пушкинъ.

7-го Августа. Графъ Аполлосъ Аполлосовичъ, камергеръ, человѣкъ придворной. Онъ составлялъ члена Павловскаго театральнаго общества, и потому мы съ нимъ были хорошо знакомы, часто разыгрывали вмѣстѣ разныя роли безпрестанно, по нѣскольку недѣль живали въ одномъ мѣстѣ, однимъ и тѣмъ же кумирамъ поклонялись. Все, чтó въ то время было мнѣ знакомо, имѣетъ право на всегдашнее мое воспоминаніе; такъ и этотъ Пушкинъ, котораго давно я пережилъ. Онъ рожденъ былъ для наукъ и, упражняясь въ натураль-

ныхъ изысканіяхъ въ Грузіи и горахъ, ей сопредѣльныхъ, нашелъ конецъ свой тамъ, гдѣ ожидалъ ученой славы. Лучше бы по моему продолжать играть комедіи, и, можетъ быть, онъ еще и теперь наслаждался бы физическими благами; за то онъ не боится уже такъ, какъ я, каменной болѣзни и не преданъ докторами въ аренду лихимъ аптекарямъ. Нѣтъ худа безъ добра. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши.

Пушкинъ.

5-го Октября. Графъ Валентинъ Платоновичъ, фельдмаршалъ, женатой на дочери благодѣтеля моего, князя Василья Михайловича Долгорукаго-Крымскаго. Когда онъ находился при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, я былъ домашнимъ въ его семействѣ. Не проходило дня, чтобъ я или не отобѣдалъ, или вечера не провелъ въ его домѣ, и такъ пригладѣлись къ лицу моему, что меня не почитали за чужаго; по милости его я получилъ право ѣздить на балы Великаго Князя безъ очереди полковой: онъ мнѣ выпросилъ сіе отличіе отъ прочихъ офицеровъ, изъ коихъ обыкновенно наряжали по два съ полку на балы къ Его Высочеству. Сей первый шагъ ознакомилъ меня съ его дворомъ и повелъ далѣе. У графа Пушкина заняты были тѣ 4 тыс., кои Государь пожаловалъ женѣ моей въ приданое. На свадьбѣ моей онъ былъ отцемъ моимъ посаженымъ и привозилъ меня изъ церкви обвѣнчаннаго во дворецъ. Во все время моей Петербургской жизни я пользовался особенной милостью и графа, и графини. Сія послѣдняя удостоивала меня чести быть участникомъ во всѣхъ приватныхъ бесѣдахъ и играхъ ея семейства. Графу однажды вздумалось дать ей спектакль: дѣло это поручено было мнѣ, оно приготовлялось къ имянинамъ графини, 28 Октября. Я сочинилъ оперетку Французскую по числу домашнихъ актеровъ. Никого не было на сценѣ стороннихъ, все были князья Долгорукіе, а изъ женщинъ дочь графини и жившія въ ея домѣ графини Головина и Безобразова. Оперу очень удачно разыграли, она понравилась хозяевамъ и зрителямъ, а вотъ чтó всего страннѣе и всегда

меня удивляетъ, какъ ни вспомню о томъ вечерѣ: я зналъ, что изъ учтивости послѣ оперъ вызовутъ автора, да я же и самъ игралъ и на сей случай приготовился сказать краткое привѣтствіе графинѣ. Дѣйствительно, едва сталъ опускаться завѣсъ, какъ подняли его опять и закричали: автора! Я вышелъ и, подойдя къ зрителямъ, произнесъ довольно твердымъ голосомъ: Madame. Графиня встала, компанія вся также; я такъ оробѣлъ отъ этого общаго движенія человѣкъ ста зрителей, что не могъ ничего выговорить и принужденъ былъ подать письменно привѣтствіе мое графинѣ. Вотъ какая разница между тѣмъ, чтобъ говорить съ театра именно кому-нибудь, или играть на театрѣ для многихъ лицо чужое: тутъ помогаетъ обольщеніе, тамъ оно пропадаетъ, и человѣкъ цѣнится не по роли своей, а по качеству и достоинству собственному. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, и опытъ мой обратился въ пользу моего заключенія. Подобно всѣмъ временнымъ отношеніямъ, основаннымъ по большей части на минутной выгодѣ или удовольствіи, и это скоро исчезло. Выѣздъ мой изъ Петербурга охолодилъ многихъ ко мнѣ, а меня ко многимъ; и я, не будучи ни на что̀ пріятное никому нуженъ, пересталъ ѣздить къ графинѣ, которую однакожъ донынѣ люблю и почитаю, какъ даму, оказавшую мнѣ множество пріятныхъ услугъ, когда я и самъ могъ имѣть счастіе быть полезенъ и забавенъ. Графъ давно уже скончался, но я помню и его ко мнѣ благоволеніе съ чувствомъ искренняго почтенія къ его имени и достоинствамъ.

Рахманова.

13-го Апрѣля. Степанида Петровна или, по моему, Stéphanie. Изъ всей родни, пріобрѣтенной мною по второй женѣ, она мнѣ особенно нравилась и, что̀ называется, пришла по сердцу. Она племянница родная женѣ моей, замужемъ за Рахмановымъ. Прекрасной человѣкъ и онъ, готовой на всѣ услуги: мастеръ сохранять всѣ отношенія родства и пріязни. Я въ домѣ ихъ старался сдѣлаться короткимъ, по одному взаимному сходству главныхъ свойствъ характерныхъ и, кажется, ничто не разорветъ нашего дружества съ семействомъ Сте-

фани. Она много рожала дѣтей; къ несчастію, всѣ почти мерли въ младенчествѣ. Ей разсудилось меня выбрать въ крестные отцы, я у ней крестилъ трехъ сыновей; но изъ нихъ одинъ только остается еще въ живыхъ, и есть надежда, что этотъ достигнетъ совершеннаго возраста. Это связало наши дома еще тѣснѣе. Интересъ денежной всегда бывалъ пробной камень человѣческихъ чувствъ въ пріязни; мнѣ случалось и въ этомъ испытывать ихъ неоднократно. Они, мужъ и жена, всегда готовы были насъ одолжать, и я никогда, ни въ этомъ родѣ услугъ, ни во всякомъ другомъ, не видалъ отъ нихъ отказу; словомъ, я съ удовольствіемъ всегда вижу ихъ и бываю съ ними, и самъ бы не пропустилъ никакого случая имъ оказать мое искреннее расположеніе дѣятельнѣе, нежели одними посѣщеніями.

Ребиндеръ.

26-го Февраля. Иванъ Михайловичъ, генералъ-губернаторъ Нижегородской и Пензенской. Я недолго былъ подъ его начальствомъ, но довольно, чтобъ оцѣнить доброту души его и хорошія качества сердца. Отправляясь къ должности въ Пензу, я явился прямо къ нему въ Нижній, и онъ меня наилучшимъ образомъ принялъ, вошелъ во всю тягость моего положенія; ибо я, не служа нигдѣ еще, долженъ былъ тотчасъ править Казенной Палатой и прямо изъ Петербурга переселиться въ провинцію. Въ двадцать семь лѣтъ подобные труды не въ мѣру возраста. Ребиндеръ всячески старался приготовить меня къ моему назначенію, снабдилъ меня разными полезными наставленіями, позволилъ вести съ собой приватную переписку, и нѣсколько писемъ его, у меня сохранившихся, свидѣтельствуютъ, съ какимъ кроткимъ духомъ онъ обходился со мною, какъ онъ полюбилъ меня и старался вывести изъ всякаго затрудненія. Я никогда не забуду милостей его ко мнѣ. Недолго ими пользовался; ибо пріѣхалъ къ должности въ Декабрѣ, а въ Мартѣ онъ скончался. Потеря его для меня была весьма чувствительна: нѣтъ ничего горестнѣе для человѣка въ службѣ, какъ лишиться хорошаго и кроткаго начальника; ибо онъ становится для подчинен-

ныхъ геній-хранитель, котораго не всякой и не вездѣ можетъ пріобрѣсти; судьба ихъ посылаетъ тамъ, гдѣ совсѣмъ не чаемъ. Такъ и меня привелъ Богъ начать гражданское мое поприще подъ руководствомъ сего почтеннаго старичка, котораго благосклонность ко мнѣ всегда будетъ мнѣ памятна.

Рѣдькина.

26-го Іюня. Дочь предсѣдателя Пензенской Гражданской Палаты, сослуживца моего въ тамошней губерніи, выпущенная изъ Смольнаго монастыря и отданная замужъ за Симбирскаго помѣщика, съ которымъ она и жила въ той сторонѣ. Не знаю, по какимъ судьбамъ Господь занесъ ее въ мое время въ Пензу на зиму. Она пріѣхала къ женѣ моей рекомендоваться и ознакомилась съ нею. Хотя она была недурна, но ничего въ ней особенно привлекательнаго не находя, я обошелся съ ней очень сухо. Случай заставилъ меня испытать Французскую пословицу: „L'occasion fait le larron“. Подлинно, сбылась она со мной. Въ одинъ непутный вечеръ г-жа Рѣдькина, собравшись въ клобъ, заѣхала къ намъ съ визитомъ. Я самъ туда же собирался; жена оставалась дома, и Рѣдькина обѣщалась изъ клоба пріѣхать окончать съ ней вечеръ. И такъ, чѣмъ въ разныхъ каретахъ ѣхать, мы согласились съ ней вмѣстѣ и туда, и назадъ съѣздить въ ея экипажѣ. Чтó могло быть этого простѣе? Сѣли въ карету, поѣхали. Дорога была тряска; очень натурально приказать ѣхать тише; вотъ мы двое въ одной, да еще и двумѣстной, колымагѣ. На дворѣ темно, я молодъ и сладострастенъ, товарищъ мой не застѣнчивъ; мы безъ дальныхъ околичностей начали романъ свой, и чтобъ не терять напрасно времени въ воздыханіяхъ и словесныхъ вычурахъ, мы пустились въ самыя сладкія лобзанія, расцаловались до сыта. Какихъ вожделѣній мы тутъ не испытали! Мы горѣли оба огнемъ геенскимъ, и все возможное въ каретѣ себѣ позволили. Можно вообразить, въ какомъ безпорядкѣ мы оба появились въ залу благороднаго собранія. Немного тамъ повертѣвшись, мы съ крайнимъ нетерпѣніемъ кинулись опять въ карету, и тѣмъ же шагомъ поѣхали ко мнѣ. Тѣ же явленія и ощущенія сто-

кратно повторились. Не представилось послѣ уже намъ случая возобновить подобныя поѣздки; но всегда, когда я съ ней бывалъ вмѣстѣ, старался такъ плотно къ ней присѣсть, чтобъ можно было отчасти репетировать каретную сцену. До сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить этой фарсы. Какъ натура проказлива, когда ни чувство сердечное, ни разсудокъ ею не управляютъ! Мы съ ней увеселялись однимъ животнымъ механизмомъ, не чувствуя никакого инаго другъ къ другу влеченія. Вотъ, напримѣръ, грѣхопаденіе, которое самъ діаволъ насылаетъ: два человѣка, совсѣмъ незнакомые, видятся почти въ первой разъ, ѣдутъ въ одной каретѣ и безъ всякаго стыда кидаются въ объятія взаимно, и раздѣляютъ вмѣстѣ не любовь, не восторгъ, чтó жъ? Одну срамоту! Безсловесныя животныя не иначе сходятся между собой, только не ищутъ для этого каретъ. Я, при всякомъ помышленіи о сихъ минутахъ, не могу себѣ представить, какъ мы рѣшились такъ откровенно, нагло и безъ всякихъ предваряющихъ и обольстительныхъ глаголовъ, обнюхаться и тотчасъ пуститься въ сладострастнѣйшія поползновенія. Одинъ только разъ въ жизни моей встрѣтилось со мной такое приключеніе. Оно очень натурально, согласенъ, но смѣшно, странно, безобразно, и надобно было быть г-жею Рѣдькиной, чтобъ пуститься на подобный позоръ съ мущиной, котораго она въ первый разъ въ жизни увидѣла. По молодости лѣтъ моихъ тогдашнихъ, я очень счастливъ былъ столь легкой побѣдой, и признаюсь, что мнѣ очень было весело обойтиться съ дамой, щеголевато одѣтой и распрысканной духами, также свободно, какъ съ простой деревенской бабой обходится на посидѣлкахъ здоровой дѣтина, заломя шапку. При всей нашей неосторожности, я не понимаю, какими судьбами на насъ не пало никакое подозрѣніе въ публикѣ, и мы только двое знали, чтó можно произвести въ каретѣ притаясь и съ хорошимъ запасомъ огня въ темпераментѣ. Я увѣренъ, что никто не могъ такъ далеко пустить своей догадки, не полагая нашей фарсы въ числѣ возможныхъ заблужденій между людьми свѣтскими, такъ называемыми, порядочными. Чѣмъ чортъ не шутитъ! Съ тѣхъ поръ ужъ я нигдѣ дражайшей моей спутницы не видалъ, а не могу забыть, и конечно, во всю жизнь мою не забуду.

Рейхель.

18-го Іюля. Университетской профессоръ. Онъ преподавалъ историческія лекціи по-латыни. Никто такъ краснорѣчиво не изъяснялъ ея, какъ онъ: пріятно было его слушать; ни одно слово не пропадало, ни одно событіе не терялось; даръ слова принадлежалъ ему въ превосходствѣ. Я понынѣ вспоминаю съ удовольствіемъ тѣ часы, которые просиживалъ въ его классѣ; умѣлъ занять своихъ слушателей, и я, не смотря на юной мой возрастъ, плѣнялся его бесѣдой. Онъ не долго жилъ, и въ немъ университетъ сдѣлалъ такую потерю, какую едва вознаградилъ ли и послѣ. Похороны были блистательны. Всѣ мы провожали гробъ до Лютеранской кирки и отдали безъ принужденія послѣдній долгъ полезнѣйшему изъ наставниковъ нашихъ. Онъ уважаемъ былъ и сотоварищами своими, и во всемъ сословіи ученыхъ послѣ него никто уже не преподавалъ исторіи по-латыни; ибо никто такъ хорошо этого языка не зналъ, какъ онъ, и рѣдкой профессоръ того времени умѣлъ такъ вырабатывать его, какъ Рейхель. Я смѣю сослаться въ этомъ на всѣхъ сверстниковъ моихъ и знатоковъ Латинскаго слога.

Ржевская.

23-го Февраля. Сегодня бывалъ день рожденія Ѳедосьи Степановны Ржевской. Я объ отцѣ ея молвлю ниже, а ей долженъ дать преимущество по причинѣ дня.

Она воспиталась въ Смольномъ монастырѣ и съ меньшой сестрой своей выпущена вмѣстѣ. Для нихъ отецъ открылъ домъ свой и завелъ театръ; а какъ репетиціи участили между нами свиданія и сдѣлали ихъ очень короткими, то, по пламенному моему темпераменту, и я влюбился въ Ѳедосью. Она была тиха, скромна и меланхолическаго свойства. Природа одарила ее разными талантами, изъ коихъ наипаче отличалась она въ искусствѣ Терпсихоры. Будучи еще на воспитаніи въ Смольномъ, она танцовывала балеты при Екатеринѣ, которые такъ ей полюбились, что въ Петергофѣ, въ биліярдной залѣ, наполненной портретами многихъ

дѣвушекъ, кои нравились Екатеринѣ, найдете вы и Ѳедосьи Степановны портретъ въ танцовальномъ ея костюмѣ. Но она была ума не хитраго и съ этой стороны не похожа на отца. Проста въ чувствахъ и помышленіяхъ, она съ невинностью предавалась первымъ впечатлѣніямъ природы; все сіе способствовало моей связи съ ней. Я соблазнялся и соблазнялъ, не видя ничего худаго; но слишкомъ бы, можетъ быть, далеко завело насъ обоихъ сердечное влеченье, естьли бъ нечаянно не нашли у меня въ столикѣ записочки ея, изъ которой не трудно было замѣтить, что мы другъ въ друга влюблялись безъ осторожности; когда мы не были вмѣстѣ, мы сообщались писменно. Часъ отъ часу наши записки становились горячѣе, и скоро приняты были мѣры разорвать союзъ, отъ котораго кромѣ пагубныхъ послѣдствій для обоихъ ожидать было нечего. О, сколько бы произошло ссоръ, шуму и семейнаго нестроенія между столь близкими домами по родству! По счастью, амурства наши не вспыхли и заглушены въ самомъ началѣ скромнымъ образомъ. Такъ проводили мы юношескіе наши годы; случай насъ влюбилъ, случай и разорвалъ союзъ сердецъ легковѣрныхъ. Я занялся службой, Ѳедосья Степановна выдана замужъ за князя Голицына, и мы сколько тѣсно связаны были на театрѣ, столько послѣ далеки стали другъ отъ друга, и я, уже нѣсколько лѣтъ не видавши ея, свѣдалъ, что она умерла, оставя одного сына, которой также, не достигши совершеннолѣтія, скончался. И такъ, все племя сей пріятной женщины въ ней и съ ней погибло. Она имѣла двухъ сестеръ, среднюю, живую, рѣзвую, взбалмошную, всю въ отца, съ которой мы и до сихъ поръ домами дружески знакомы. Она была за двумя мужьями и отъ обоихъ имѣетъ дѣтей; о самой же меньшой ихъ сестрѣ, воспитанной до́ма, я буду говорить особо.

Ржевской.

29-го Августа. День знаменитаго побоища, на которомъ я былъ секундантомъ. Вспомнимъ рыцаря такого незабвеннаго сраженія или единоборства.

Григорій Павловичъ, сынъ брата роднаго моего дяди, Степана Матвѣевича, слѣдовательно мы находились въ са-

момъ ближнемъ сватовствѣ. Мы были сверстники, однихъ почти лѣтъ и очень дружны въ ребячествѣ, какъ обыкновенно это вездѣ бываетъ. Онъ зналъ мои амуры, а я его, и мы другъ другу помогали. Въ домѣ Ржевскаго ежедневно видались. Мы думали, что связи нашей не будетъ конца; но едва разстались, какъ уже и не сходились нигдѣ. Мы служили сперва въ гвардіи въ одномъ полку: онъ былъ сержантъ, а я офицеръ. Во время караула и дежурства, не смотря на пріязнь, я поднималъ носокъ передъ нимъ, и послѣ вмѣстѣ хохотали надъ моимъ донкихотствомъ. Долгое время мы обитали въ одномъ домѣ въ полку, когда я еще былъ холостъ. Живучи въ Питерѣ, мы вмѣстѣ играли комедіи у Бороздиной (см. лит. Б), и тутъ-то, по случаю ссоры между Ржевскимъ и Даниловымъ, нашего же полку унтеръ-офицеромъ, я принужденъ былъ выѣхать секундантомъ съ его стороны (Молчановъ былъ съ другой). Драка продолжалась съ четверть часа, бились рыцари на шпагахъ. Ржевскаго ранили въ руку; но, слава Богу, рана зажила недѣль въ шесть безъ опасныхъ послѣдствій и, къ крайнему счастью нашему, сошла съ рукъ имъ и намъ благополучно. Тогда подобныя проказы наказывались, и довольно строго. Я не могъ отказаться отъ сей услуги Ржевскому, и не смотря на всѣ ея опасности, потому что въ близкомъ былъ съ нимъ свойствѣ, да и жили вмѣстѣ. Послѣ этого поединка и театровъ Бороздиной, гдѣ настоящій былъ волканъ всякихъ происшествій, я разстался съ Ржевскимъ и не имѣлъ уже случая иначе съ нимъ видѣться, какъ нечаянно и по встрѣчѣ. Мы живали въ разныхъ мѣстахъ, видались рѣдко, и такъ теперь охолодѣли взаимно одинъ къ другому, что и признаковъ не осталось старой нашей свычки. Болѣе всего я люблю напоминать теперь нашъ образъ жизни полковой. Оба мы были небогаты и не могли большихъ дѣлать издержекъ; слѣдовательно, хозяйство наше было неблистательно; доводилось иногда пріѣзжать домой ночевать не ужинавши, а ѣсть хотѣлось; дома ничего, да и не на что̀ готовить. Денегъ чистыхъ мало, но кредитъ всегда хорошъ. Мы у Итальянцевъ ходящихъ всегда могли брать въ долгъ прихотныя вещи, какъ-то помаду, духи, шоколадъ, горчицу Французскую: одна она годилась къ столовой при-

правѣ. И такъ, когда бывало пройметъ насъ голодъ, мы велимъ, какъ водится, собрать на столъ, разложить салфетки, подадутъ два прибора и поставятъ намъ банку горчицы, которую мы оба съ хлѣбомъ уберемъ до самаго дна, и на завтра передъ своей братіей безбожно хвастаемъ, что мы ужинали у себя, полѣнясь ѣхать въ гости. Все мило, что́ о молодости ни вспомнишь, даже и до столь глупаго фанфаронства.

Ржевской.

24-го Февраля. Степанъ Матвѣевичъ, дядя мнѣ родной по женѣ, сестрѣ моей матери, человѣкъ прославленный во времени своемъ познаніемъ военнаго искусства; онъ живалъ въ Москвѣ по зимамъ, и очень весело, давалъ пиры и театры. Дочери его, сестры мои, его племянники и я, мы составляли труппу самую согласную и нѣсколько зимъ играли у него комедіи, на которыя съѣзжались всѣ первостатейные обыватели Москвы. Тутъ была первая моя школа театральная. Я съ удовольствіемъ вспоминаю сію первую эпоху моей молодости. Ржевской былъ человѣкъ самаго остраго и пріятнаго ума; я признаюсь, что послѣ него и до сихъ поръ я рѣдко встрѣчалъ людей ему подобныхъ въ хитростяхъ и оборотахъ ума; при томъ былъ характера живаго, быстраго, вспыльчиваго и склоненъ ко всякаго рода забавамъ. Ни съ кѣмъ я такъ не сходствовалъ во вкусѣ къ удовольствіямъ, какъ съ нимъ: въ меня вселился тотъ же демонъ, которой владѣлъ и имъ, но далеко Ржевской превзошелъ меня въ способностяхъ ума и въ способахъ Фортуны. Онъ такое дѣлалъ пріятное мнѣ впечатлѣніе при всякомъ свиданіи, что и нынѣ, много лѣтъ спустя послѣ смерти его, я радуюсь, какъ увижу у дѣтей его портретъ, на него похожій, и мнѣ кажется, будто я слышу его пылкой разговоръ, вижу его быстрыя движенія, игривость ума и веселость духа. Каковъ былъ Ржевской, такихъ людей наше время уже не образуетъ. Онъ дослужился до чина генералъ-порутчика и былъ бы, по талантамъ своимъ, великой полководецъ, естьли бъ смерть не прекратила дни его прежде, нежели, по силамъ его, ожидать было можно.

Ришелье.

10-го Іюля. Начальникъ Одесскаго порта и сопредѣльныхъ губерній. Въ путешествіе мое въ тамошній край, которое описано особо, я имѣлъ случай съ нимъ ознакомиться, и никогда не забуду морской прогулки, которой онъ меня поподчивалъ въ дождливое ненастье, сопровождаемое сильнымъ вѣтромъ. Я въ первой разъ увидѣлъ себя на морѣ въ 12-ти весельной шлюпкѣ, которую колыхало порядочно; хотя берега были близки, но много ли надобно вѣтра, чтобъ опрокинуть лодку, и много ли надобно воды, чтобъ ею захлебнуться? Меня и понынѣ дрожь беретъ, когда я вспомню эту отважную и глупую, смѣю сказать, забаву. Учтивость принудила меня принять предложеніе дюка, а сотоварищество его нимало не успокоило волненія, въ которомъ я находился во все то время. Симъ плаваніемъ г-нъ Ришелье запечатлѣлъ себя въ памяти моей такъ живо, что я никогда объ немъ не забуду.

Рогановской.

14-го Апрѣля. Уѣздной предводитель Владимирской губерніи, съ которымъ довелось мнѣ служить вмѣстѣ и долгое время быть хорошо знакомымъ на то, чтобъ послѣ разсориться совершенно. Онъ былъ женатъ на пригожей барышнѣ Пестровой и давно уже въ разводѣ съ нею, когда я началъ съ нимъ жить въ одномъ городѣ. Я былъ такъ доволенъ службой его и вообще обращеніемъ съ собой, что онъ имѣлъ отличную мою довѣренность и очень коротокъ былъ въ нашемъ домѣ, особливо при второй женѣ моей, въ семействѣ которой онъ воспитанъ вмѣстѣ съ ея братьями. Это утвердило связь мою съ нимъ еще болѣе. Жена его, вѣтреная, но пригожая женщина, обращала на себя мои взоры очень часто, и хотя я никогда за нею не волочился, но многіе меня этимъ клепали, потому что свободно обходился съ ней, а она всякому подозрѣнью на ея счетъ готова была дать поводъ отъ вѣтренности. Я не берусь ее защищать ни противъ мужа, ни многихъ соблазнителей, которые успѣли ихъ поссорить, но могу отвѣчать, что самъ не былъ виною пред-

осудительныхъ ея поступковъ. Рогановской задумалъ разойтиться съ ней по формѣ и сталъ просить о разводѣ. Евпраксія Егоровна, жена его, прибѣгла къ моему покровительству. Я уговаривалъ его, но не могъ убѣдить, и онъ рѣшительно захотѣлъ жену свою предать публичному позору. Дѣло такого рода производить скоро невозможно: нужны доказательства, не всякой можетъ представить самыя истинныя. Соскучилось Рогановскому ждать долго развода, лѣта его уходили; онъ отважился тихонько жениться отъ живой жены на другой и тѣмъ далъ право Евпраксіи уже жаловаться на него гласно. Доведено формально до свѣдѣнія моего о такомъ поступкѣ предводителя: могъ ли я остаться равнодушенъ къ оному? Все, что́ обращалось въ соблазнъ публикѣ и вредъ нравственности, требовало во мнѣ грознаго блюстителя законовъ и порядка. Я, узнавъ о семъ, запретилъ Рогановскому ѣздить къ себѣ въ домъ и, не смотря на то, что, не за долго передъ тѣмъ, исходатайствовалъ ему, за хорошую его службу, орденъ св. Владимира, былъ въ необходимости о семъ происшествіи представить министру. Доложено Государю, и мнѣ велѣно, избравъ на мѣсто его другаго предводителя, предать его суду духовному и гражданскому. Принялась за него Консисторія. Архіерей волочилъ очень долго дѣло, хотѣлъ освободить его отъ наказанія, искалъ средствъ показать рапортъ мой о семъ неосновательнымъ и ложнымъ, словомъ, всячески запутывалъ дѣло, чтобъ выиграть время. Между тѣмъ на меня лились клеветы рѣкой: друзья Рогановскаго утверждали, что онъ не вѣнчанъ и что я на него взвелъ все напрасно. Къ счастію или несчастію его, послѣ отставки моей, собственные его люди убили его до смерти, а Консисторія потомъ произнесла свой приговоръ, по которому открылось, что онъ точно былъ женатъ на двухъ вдругъ; но мертвой уже не подверженъ законамъ человѣческимъ. Дѣло такъ и кончилось. Евпраксія Егоровна взяла часть изъ его имѣнія, а вторая жена изволила выйти замужъ за другаго. Прекрасной урокъ для добродѣтели! Увидѣли тогда, что я не солгалъ, не совралъ и перестали поносить меня; но поелику я уже не принадлежалъ къ Владимирской губерніи, то судъ тамошней публики меня не интересовалъ. По всѣмъ симъ об-

стоятельствамъ Рогановской остался мнѣ памятенъ, а жена его, сверхъ того, и потому, что она была ловка, забавна и что я обязанъ ей многими пріятными минутами въ жизни моей Владимирской.

Ростъ.

3-го Января. Профессоръ физики, которую онъ преподавалъ публично въ Московскомъ университетѣ. Я ходилъ всякую Середу и Субботу на лекціи его, когда былъ студентомъ, и съ любопытствомъ смотрѣлъ его опыты. Ростъ изъяснялъ физику оченъ хорошо. Онъ былъ такъ страненъ и смѣшонъ, что не проходило лекціи безъ какой-нибудь проказливой надъ нимъ насмѣшки. То закроютъ чадно печь, чтобъ принудить его скорѣй распустить школьниковъ, то испортятъ какой-нибудь, заготовленный имъ, препаратъ, чтобъ опытъ не удался: тутъ онъ разсердится, сорветъ съ себя парикъ и бѣжитъ вонъ. Лекціи его и самъ онъ мнѣ памятны останутся навсегда, потому что я имѣлъ, по милости его, самую блистательную минуту во время школьныхъ моихъ трудовъ. Объ ней сказано будетъ подробно въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же кратко упомяну, что онъ обратилъ на меня вниманіе одного высокаго путешественника: благодарность, которой я былъ обязанъ Росту за доставленіе преимущественно мнѣ этой чести, пережила его самого. Онъ уже умеръ давно, а я воспоминаю еще и теперь о немъ съ чувствительной признательностью.

Рубецкая.

7-го Декабря. Софья Николаевна, дочь побочная князя Трубецкаго, милая и несчастная дѣвушка. Я съ нею видѣлся почти всякой день нѣсколько лѣтъ сряду у князя Волконскаго, гдѣ она игрывала съ нами комедіи по-русски и по-французски съ одинаковымъ искусствомъ, и отлично нравилась въ роли „Céliante“. Она была непригожа, но крайне привлекательна, и я ее любилъ безъ всякаго восторга, но всей душею; она имѣла препріятной голосъ и, образовавъ его новѣйшей методой, пѣвала какъ ангелъ, обучалась многому съ успѣхомъ; я ей посвятилъ все собраніе пѣсенъ моихъ, которыя напечатаны

и между коими иныя собственно ей принадлежатъ. Она скончалась въ дѣвушкахъ, безъ судьбы, безъ состоянія, и заслужила, чтобъ всякой, кто ее зналъ, потужилъ объ ней искренно. Трогательной голосъ ея понынѣ отзывается въ ушахъ моихъ, и ни одна пѣвица изъ охотницъ не владѣла такъ моимъ чувствомъ, какъ она. Да! Сонюшка Рубецкая никогда не истребится въ памяти моей, доколѣ я буду помнить, что я былъ молодъ и нѣкогда имѣлъ веселые дни въ жизни, кромѣ того, что она, принадлежа къ сообществу княжны Волконской, имѣла право на мою пріязнь; ибо все, что́ окружало княжну во время очарованія моего, все мнѣ было любезно. Независимо отъ сей волшебной причины, Рубецкая была мнѣ мила сама по себѣ и по пріятнымъ ея дарованіямъ. Не я ли про нея написалъ и подтвердить всегда готовъ:

„На что въ безуміи стараться
Востокъ съ Полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно Сонюшку любить!“

Рукинъ.

15-го Іюня. Несчастной человѣкъ, избранный Богомъ быть орудіемъ тѣхъ жестокихъ оскорбленій, кои нанесены мнѣ въ послѣдніе годы гражданской моей службы. Онъ былъ въ Володимерѣ полицеймейстеромъ и велъ себя нехорошо, какъ и многіе, ему подобные, т.-е., гулялъ, дебоширничалъ, отпустя жену законную, жилъ съ Цыганкой, которая такъ овладѣла имъ, что онъ подвергался публичному охужденію. Я не имѣлъ къ нему, и сіе исповѣдать могу даже при концѣ жизни, ни особенной довѣренности, ни пристрастія; но, во-первыхъ, по уваженію тому, что онъ былъ побочной сынъ родственника моего, князя Долгорукаго и порученъ мнѣ отъ тетки его родной, г-жи Лопухиной (см. лит. Л), для которой я его и опредѣлилъ къ мѣсту; во-вторыхъ, не видя на него ни отъ кого жалобъ формальныхъ, я не могъ, по одной молвѣ, дѣйствовать на судьбу его, и потому терпѣлъ его при себѣ. Исторія попа, будто бы имъ побитаго, и небрежно́е построеніе мундировъ рекрутскихъ, ему порученное отъ меня,

довели его до того, что онъ былъ отрѣшенъ и отданъ подъ судъ, послѣдствія котораго сдѣлались для него пагубны; ибо онъ лишенъ чиновъ, дворянства, и сосланъ въ ссылку, а я за безпорядки, отъ него происшедшіе, отставленъ и лишенъ должности и службы. Здѣсь не мѣсто разсуждать о сихъ происшествіяхъ: объ нихъ я много и пространно писалъ въ другихъ бумагахъ, единственно на сей предметъ собранныхъ. Я, говоря о Рукинѣ, скажу, что онъ потерпѣлъ казнь гораздо выше своихъ проступковъ, кои суть общи всѣмъ его разряда чинамъ въ столицѣ и губерніяхъ, и какъ судьба его имѣла тѣсную связь съ моей, по тѣмъ оскорбленіямъ, кои я претерпѣлъ за него, то имя его незабвенно воспоминаться будетъ въ мысляхъ моихъ, съ новымъ огорченіемъ и досадой на злобу человѣческаго рода.

Рябовъ.

24-го Марта. Первая разлука съ родиной всегда памятна. Я испыталъ ее нѣкогда въ этотъ день, и поговорю о томъ, съ кѣмъ путешествовалъ.

Михайла Прокофьевичъ, офицеръ, принадлежавшій къ штату покойнаго дяди моего, барона Строганова, которой присланъ былъ за мной отъ него въ Москву, чтобъ довезти меня въ Питеръ къ батюшкѣ. Мнѣ было тогда 18 лѣтъ отъ роду; пора была служить и оставить родительскій кровъ, проститься съ Москвой, дражайшей родиной моей. Это происходило въ Великой Постъ, я еще никуда не ѣзжалъ по дорогамъ. Выѣхали мы на Лазареву Субботу въ ночь и прибыли въ Петербургъ къ Великому Четвергу, день, въ которой батюшка причащался. Г-нъ Рябовъ со всею попечительностію довезъ меня до мѣста, лелѣялъ въ дорогѣ, какъ нѣжное дитя, не заставлялъ по-курьерски скакать день и ночь, давалъ время на отдохновеніе и любопытство, и я долженъ съ признательностію вспомнить его вниманіе ко мнѣ и заботливость, съ какою онъ щадилъ волненія юнаго моего сердца, огорченнаго разрывомъ всѣхъ своихъ любезнѣйшихъ свычекъ. Рябовъ сдѣлался во все короткое время сего путешествія мой другъ, дядька, родной, наставникъ и, словомъ,

геній-хранитель. Я ему чрезвычайно обязанъ. Многіе думаютъ, что съ юношей позволяется поступать круто, потому что его печали ребячьи, а человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ уже ихъ не ощущаетъ. Рябовъ нѣжнѣе этого чувствовалъ и поступалъ. Онъ, не читавши Вольтера, умѣлъ, однако, понимать, какъ тотъ прекрасно выразилъ:

„Qui n' a pas l'esprit de son âge,
De son âge a tout le malheur".

Въ самомъ дѣлѣ, и ребенокъ огорчается также живо и несносно, какъ и мужъ совершенной. Станьте въ его мѣрку, вы дадите справедливую оцѣнку его чувствамъ, и не будете почитать ихъ за дурачества, потому что онъ еще не способенъ такъ принимать случаи, находящіе на насъ, какъ вы, имѣя уже здравой разсудокъ. Рябовъ, мой другъ! Я тебя никогда не забуду.

Салтыкова.

22-го Августа. Графиня Дарья Петровна, мать г-жи Мятлевой (см. лит. М.), фельдмаршальша. Я имѣлъ честь быть принятъ въ ихъ домѣ съ самыхъ первыхъ дней появленія моего въ Петербургской свѣтъ. Выдавались такія времена, въ которыя я бывалъ и коротокъ въ ихъ семействѣ по комедіи и для комедіи, когда она тамъ игрывалась. Однажды, во время градоначальства мужа ея въ Москвѣ, вздумалось графинѣ, чтобъ сыграли у нихъ трагедію „Танкреда", въ которой и мнѣ дана была роль Аржира. Зрѣлище это не состоялось, о чемъ я и не очень тужилъ; потому что нѣтъ ничего тошнѣе, какъ тѣшить знатныхъ господъ, которые ни на минуту не совлекаютъ съ себя ни лентъ, ни патентовъ. Кромѣ сего случая я не имѣлъ никакихъ другихъ ни пріобрѣсть, ни искать милостей графини.

Салтыковъ.

17-го Ноября. Александръ Васильевичъ, человѣкъ, оказавшій мнѣ и всему семейству моему много пріятныхъ и уважительныхъ услугъ. Случайно познакомясь съ нимъ въ Пен-

зѣ, гдѣ, будучи вице-губернаторомъ, я дѣлалъ ему, какъ поставщику, разныя вспомоществованія, я сталъ предметомъ искренняго его доброжелательства, когда лично сошелся съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ живалъ, удаленъ отъ своего хозяйства и растроивалъ свое состояніе, по мѣрѣ, какъ его управитель на мѣстѣ, въ Пензѣ, старался, подъ покровительствомъ моимъ, его поддерживать. Въ это время его отлучки мы имѣли съ женой лѣтомъ позволеніе обитать въ его деревнѣ Безсоновкѣ, въ которой наслаждались всѣми благами земли благословенной: тамъ гуляли ежедневно по обширнымъ его садамъ. Я ѣзжалъ въ Казенную Палату всякое утро на его лошадяхъ, въ его кабріолетахъ, послѣ обѣда купался въ прекрасной ваннѣ, роскошно отдѣланной, а по вечерамъ забавлялся его музыкой; ибо онъ все это имѣлъ, а я пользовался, въ оправданіе пословицы г-на Beaumarchais, которой сказалъ: „Posséder est peu de chose, mais c'est jouir qui rend heureux" *). Точно такъ случилось съ нимъ и съ нами въ Безсоновкѣ, которая была отъ города въ 12-ти верстахъ; слѣдовательно, мнѣ можно было ежедневно ѣздить въ свою палату, и служба отъ сей отлучки моей нимало не страдала. По Воскресеньямъ мы слушали у обѣдни хорошихъ его пѣвчихъ, и все, что́ было у него въ домѣ, къ нашимъ посвящалось услугамъ; разумѣется, однакоже, что я покупаемыхъ вещей не бралъ даромъ, дабы не употребить во зло хозяйскаго снисхожденія. Такъ провождали мы нѣсколько лѣтъ въ его помѣстьи самымъ пріятнымъ образомъ. Наконецъ, явился онъ и самъ въ Пензу и водворился въ ней; онъ полюбилъ жену мою съ пристрастіемъ, безпрестанно бывалъ у насъ въ домѣ, вездѣ и всегда искалъ случая чѣмъ-нибудь насъ обязать, давалъ намъ пиры, вечера роскошные, и словомъ, таялъ, какъ Селадонъ, у ногъ Евгеніи, что́ было очень тягостно для нея; ибо всякой повѣритъ, что волокита въ 70 лѣтъ не забавной гость для женщины милой, достойной и благонравной. Но услужливость его требовала и отъ насъ нѣкотораго снисхожденія. Онъ имѣлъ множество книгъ, но, не любя ни наукъ, ни чтенія, а заведя библіотеку изъ чван-

*) Владѣть не важно, пользоваться—вотъ счастье.

ства, подарилъ мнѣ всѣ лучшія книги, кои у него были. По смерти Екатерины переѣхали мы скоро въ Москву, и онъ, будучи слишкомъ 20 лѣтъ бригадиромъ въ отставкѣ, потащился туда же за нами, чтобъ искать счастія у новаго двора. И подлинно, онъ втерся въ удачную минуту въ службу, посаженъ въ Воспитательной Домъ, тамъ получилъ два чина, двѣ ленты и сдѣлался сенаторомъ. Ничто не перемѣняло его расположенія къ намъ: всякой день къ вечеру являлся онъ къ женѣ пить чай и, будучи лакомъ до съѣстнова, всякое утро присылалъ къ намъ какое-нибудь блюдо его домашней стряпни. Лишь только появлялся новой романъ, а жена моя была до нихъ охотница, тотчасъ онъ привозилъ его въ нашу библіотеку, и чѣмъ меньше онъ видѣлъ успѣха въ своихъ услугахъ, тѣмъ болѣе ихъ усиливалъ, желая, по крайней мѣрѣ, быть благодѣтелемъ нашимъ, когда онъ не смѣлъ надѣяться ничего другаго. Пришло время дѣтямъ моимъ меньшимъ прививать оспу: онъ ихъ выпросилъ къ себѣ въ домъ, ходилъ за ними, какъ нянька, и не отпустилъ къ намъ прежде, нежели они совсѣмъ выздоровѣли. Нѣкоторыхъ изъ дѣтей моихъ онъ крестилъ съ матерью моею. Вотъ до чего доходили его старанія, весьма при всемъ томъ безплодныя, уловить склонность Евгеніи, которая его почитала, уважала, какъ отца, но любить никакъ не могла. Наконецъ, вздумалъ онъ составить женѣ моей прочной капиталъ въ недвижимой собственности: за нимъ было слишкомъ тысяча душъ. Онъ женатъ былъ уже въ третій разъ, но жилъ въ разводѣ съ женою, имѣлъ одну дочь, но и ту не взлюбилъ; рѣшился отдать все свое имѣніе женѣ моей и, приготовя черной актъ, привезъ его ей показать. Та столько была великодушна и благородна, что не только отказала ему въ этомъ пріобрѣтеніи, но даже потребовала клятвеннаго обѣщанія отъ него никому, кромѣ дочери, имѣнія своего не отдавать, рѣшительно объявя, что ежели онъ поступитъ иначе, то она его на глаза къ себѣ не пуститъ. Старикъ плѣнился симъ поступкомъ до того, что палъ предъ ней на колѣни, сулилъ все уничтожить, оставить по себѣ дочь свою всему наслѣдницей, и во весь остатокъ жизни его исполненъ былъ боязливаго къ женѣ моей благоговѣнья; а это очень трудно было про-

извести въ сердцѣ, омраченномъ такими низкими страстями, какъ его. Подобныя дѣйствія можетъ показывать свѣту одна чистая добродѣтель, какой отличалась моя Евгенія. При переводѣ нашемъ въ Володимеръ, онъ сопровождалъ туда жену мою, когда она ко мнѣ съ дѣтьми перебиралась, пожилъ тамъ съ нами и, воротясь въ Москву, не могъ перенести скуки и лишенія свиданій съ нашимъ домомъ. Онъ скоро взялъ отставку, поѣхалъ въ свою Безсоновку. Еще разъ мы его видѣли на пути, онъ собирался воротиться къ намъ на зиму, и всякую почту писывалъ оттуда къ женѣ предлинныя письма; но скоро постигъ его ударъ, и онъ умеръ въ той вотчинѣ, въ которой мы и при немъ и безъ него такъ много проводили дней веселыхъ и счастливыхъ. Симъ кончу мое о немъ повѣствованіе и, воздавъ памяти его дань должной благодарности за все, чтó онъ для насъ сдѣлалъ, находя насъ въ недостаткахъ и судьбѣ не самой красной, усердно желаю, чтобъ судъ Божій былъ для него благопріятенъ и отверзъ ему входъ въ небесное царство.

Салтыковы.

25-го Ноября. Князь Николай Ивановичъ и княгиня Наталья Владимировна, урожденная княжна Долгорукая, сестра родная князь Юрія Владимировича. Первостатейные бояра Россійскіе, вельможи Екатеринина двора и высокомочныя особы при императорѣ Александрѣ I-мъ; ибо свѣтлѣйшій князь былъ вицерой всей Россіи, когда Императоръ отлучался года на два отъ отечества, во время Французскихъ походовъ. Сіи двѣ особы были такъ противоположны въ свойствахъ и въ самыхъ отношеніяхъ ко мнѣ, что я объ нихъ говорить стану отдѣльно.

Салтыковъ правилъ Семеновскимъ полкомъ, въ которомъ я былъ года три адъютантомъ, слѣдовательно, ежедневно хаживалъ къ нему и, снискавъ его благоволеніе, пользовался онымъ до послѣднихъ дней его жизни; но сіе благоволеніе было самое пустое и оказывалось токмо въ наружныхъ видахъ. Внутренно Салтыковъ любилъ только себя и неспособенъ былъ благодѣтельствовать, когда требовалась на то нѣ-

которая упругость въ характерѣ, настойчивость въ поступкахъ и твердость въ правилахъ. Онъ былъ тонкой политикъ и настоящій царедворецъ, ласковъ, благопривѣтливъ, но пустъ, когда дѣло доходило до настоящихъ услугъ. Доколѣ я былъ молодъ и бѣгалъ къ нему въ покои во дворцѣ, въ которомъ онъ жилъ по званію наставника Великихъ Князей, онъ оказывалъ мнѣ разныя мелочныя снисхожденія, ничего ему не стоющія, какъ-то: отпускалъ меня въ отпускъ, давалъ мнѣ отсрочки, приглашалъ на свои балы и, по наружности судя, всякой думалъ, что я взысканъ особенною его ко мнѣ милостью. Донынѣ не увѣришь иныхъ, чтобъ онъ не былъ мой благодѣтель; но я никогда не дамъ ему этой чести и, кажется, основательно докажу многими опытами, что онъ не только не сдѣлалъ мнѣ никакого существеннаго добра во всю жизнь свою, но даже и простыми средствами не воспользовался, отъ него единственно зависившими, показать мнѣ истинное въ судьбѣ моей участіе.

Когда ему повелѣно было воспитывать Великихъ Князей и составить для нихъ штатъ, батюшка просилъ его назначить меня въ число кавалеровъ, что́ совершенно зависѣло отъ него; онъ отыгрался самымъ бѣднымъ резономъ, будто бы Государыня не желаетъ имѣть при внукахъ своихъ фамильныхъ людей; а дознано было, что онъ не смѣлъ ни объ одномъ ей доложить, и принялъ тѣхъ, коихъ доставили фавориты и прочіе случайные люди.

Поручилъ онъ мнѣ обучать школьниковъ, для забавы Ихъ Высочествъ, егерскимъ экзерциціямъ. Я ихъ возилъ нѣсколько разъ въ Царское Село, представлялъ Великимъ Князьямъ, ребячился съ ними, и за все это не былъ, даже изъ учтивости, ни разу приглашенъ къ ихъ столу, что́ совершенно зависѣло отъ Салтыкова; но онъ, отъ излишней тонкости придворной, не смѣлъ даже наставить своихъ воспитанниковъ быть со мной учтивыми.

Когда меня Государыня опредѣлила въ вице-губернаторы, публика отдала это на счетъ Салтыкова протекціи. Неправда! Это произвело случайно мое отважное письмо къ Императрицѣ, а ходатайства его ни малѣйшаго не было.

Будучи, наконецъ, губернаторомъ по имѣнью его Владимирскому, я оказывалъ ему всякія услуги, кои доказать могу его письмами, у меня сохранившимися, и онъ ни при какомъ случаѣ не вступался за меня, не замолвилъ слова въ мою пользу, а охотно бралъ на себя успѣхъ стороннихъ обстоятельствъ, приписывая оной своему старанію, когда его совсѣмъ не было. Такъ, напримѣръ, при пожалованіи мнѣ ленты, онъ не прежде заикнулся министру, князю Куракину, о томъ, какъ узнавши, что она мнѣ уже назначена, дабы видъ дать, будто для него мнѣ ее пожаловали. Неправда! Хлопоталъ объ этомъ Лубяновской, докладывалъ по порядку и справедливости министръ; потому что мнѣ сіе отличіе слѣдовало, и князь поспѣлъ только туне принять мою благодарность изъ однаго дворскаго лукавства, чтобъ потѣшить суету тщеславнаго вельможи.

Такимъ-то образомъ поступалъ онъ, когда дѣло шло о доставленіи мнѣ какихъ-либо выгодъ по службѣ; съ другой стороны, когда встрѣчали меня злоключенія, онъ никогда не подалъ мнѣ руки помощи и отыгрывался пустяками. Когда Павелъ, разсердясь, выгналъ меня изъ Пензы безъ причины, Салтыковъ никакого не оказалъ мнѣ участія. Въ исторіи попа не смѣлъ за меня слова молвить, и при послѣднемъ слѣдствіи о мундирахъ, когда меня отставили, онъ коварно при мнѣ плакалъ, а самъ не дѣйствовалъ не только у Государя, но даже, зная, что Балашовъ меня тѣснитъ и имѣетъ вѣсъ у двора, онъ не смѣлъ и ему заикнуться въ мою пользу, будучи съ нимъ за свой.

Таковы были случаи, въ которомъ могъ сей вельможа быть, такъ сказать, моимъ спасителемъ и, расточая мнѣ тьму похвалъ въ приватномъ отношеніи, публично не смѣлъ даже похвалить меня при людяхъ, мнѣ враждующихъ, ежели только они были въ силѣ у двора. Для довершенія сей исповѣди, оставляю послѣдній и самой рѣзкой опытъ его эгоизма.

Въ отсутствіе Государя дошло до Совѣта дѣло о письмѣ моемъ къ Балашову на счетъ Сенатомъ наложенныхъ на меня штрафовъ, и князь Салтыковъ не только не отклонилъ отъ меня публичной выговоръ въ Сенатѣ, но даже, не смотря на то, что изданъ былъ манифестъ, прощающій все, кромѣ

смертоубійства, грабежа и лихоимства, пропустилъ и приказалъ исполнить опредѣленіе Совѣта, по которому присуждено было мнѣ сдѣлать выговоръ за дерзкія выраженія въ означенномъ письмѣ. Симъ кончилъ князь всѣ свои поступки противъ меня, потому что я уже не имѣлъ никакого съ нимъ сношенія, и онъ скоро умеръ.

Сынъ мой старшій, ежедневно бывая у него въ домѣ, читая ему газеты иностранныя, во время его болѣзни, не могъ добиться и того, чтобъ онъ что-нибудь въ пользу его сдѣлалъ, и тотъ ничего въ службѣ по его ходатайству никогда не получилъ.

Пусть судятъ теперь, чѣмъ я этому мнимому протектору обязанъ, и долженъ ли я память его чтить. Охотно всякому и все, по христіанству, прощая, не считаю себя, однако, обязаннымъ праху его ни благодарностью, ни уваженіемъ.

Совсѣмъ другія чувства возбуждаетъ во мнѣ память супруги его. Прямо свѣтлѣйшая дама, не по титлу одному, но по качествамъ души. Сердце человѣка глубоко, проникнуть въ немъ трудно; намъ дано только по наружнымъ чертамъ судить о внутреннемъ характерѣ намъ подобныхъ. Княгиня Наталья Владимировна тверда въ правилахъ, постоянна въ отношеніяхъ и великодушна въ поступкахъ. Оставимъ ей нѣкоторыя женскія странности и причуды, но основныя свойства ея были благородны, чувства возвышенны, характеръ мужественъ; она оказывала мнѣ особенную благосклонность и отличала меня отъ многихъ въ обращеніи. Языкъ мой не произнесетъ на нее хулы во вѣки; нерѣдко я удостоиваемъ былъ самой искренней ея довѣренности на счетъ поведенія мужа ея при дворѣ, котораго трусость и уклончивость она видѣла съ отвращеніемъ. Въ случаяхъ несчастныхъ для меня всегда принимала во мнѣ живѣйшее участіе, побуждала супруга своего дѣйствовать въ мою пользу и съ сокрушеніемъ примѣчала слабость его характера, когда онъ долженъ былъ мужаться и возвышать голосъ. При послѣдней моей отставкѣ она такъ растрогана была моей судьбою, что на простомъ лоскуткѣ бумаги начертила мнѣ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ виденъ весь безпорядокъ чувствительности раздраженной; она именно пишетъ: „Не прощайся со мной; я не

могу тебя видѣть безъ состраданія". Эта коротенькая записка хранится у меня, какъ даръ неоцѣненной, какъ плодъ ея милости и вниманія ко мнѣ, коихъ во вѣки не забуду. Послѣ этого я уже ея и не видалъ; ибо она скоро скончалась отъ безпрестанныхъ волненій сердца, производимыхъ неудачами политическими и въ союзахъ, и въ брани двора нашего съ Наполеономъ. Сколько я мало сохранилъ преданности и почтенія къ имени князя Салтыкова, столько; напротивъ, доколѣ уста мои отверзутся и языкъ возглаголетъ, не престану чтить доблестей супруги его и молить Всещедраго о ниспосланіи ей вѣчнаго блаженства за тѣ благіе дни и отрады, кои я находилъ въ бесѣдѣ, въ наставленіи ея, въ увѣщаніяхъ христіанскихъ, среди самыхъ злѣйшихъ наитій рока на меня.

Самойловъ.

18-го Ноября. Графъ Александръ Николаевичъ, бывшій генералъ-прокуроромъ при Екатеринѣ, родственникъ Потемкина. Вотъ и всѣ его права на отличіе; впрочемъ, природой отличенъ совсѣмъ въ другомъ родѣ: глупъ, спѣсивъ, грубъ, безтолковъ, дуренъ и, по выраженію дяди моего, Ржевскаго, настоящій Магометовъ штандартъ. Довелось мнѣ и у него быть подъ начальствомъ, когда я служилъ въ Пензѣ. Онъ до того наконецъ былъ противъ меня взволнованъ, что запретилъ мнѣ прямо къ себѣ писать. За что же? За то, что, по дурачеству его, вздумалось ему дать Казенной Палатѣ моей такое предложеніе, въ которомъ не было ни логики, ни здраваго смысла, ни свѣдѣнія о томъ дѣлѣ, насчетъ котораго онъ наслалъ бумагу. Другой, можетъ быть, пропустилъ бы ее безъ вниманія, не сказавъ ему ничего и отписавшись съ его секретарями; но я, не любя никакихъ побочныхъ дорогъ, рѣшился ему отвѣчать и указалъ, какъ дважды два четыре, что все его предписаніе—нелѣпица. Самойловъ вспыхнулъ, но, какъ на правду словъ мало, то онъ, пропустя сей случай, придрался къ бездѣлкамъ: сталъ мнѣ дѣлать выговоры, я ихъ отражалъ резонами, и кончилась наша переписка вышеписаннымъ запрещеніемъ. Съ тѣхъ поръ уже я къ нему лично ни о чемъ не относился, а пи-

салъ въ его экспедицію. Онъ былъ главнымъ побудителемъ гнѣва на меня Государыни, когда она изволила мнѣ отказать въ Владимирскомъ крестѣ. Не удовлетворясь симъ, онъ хотѣлъ вовсе меня удалить отъ должности; но сего ему не удалось, и Государыня отказала ему въ представленіи о томъ; словомъ, этотъ титулованной скаредъ и дуракъ старался мнѣ сдѣлать всякое зло на свѣтѣ. Кстати здѣсь обнаружить случай, никому неизвѣстной, но приносящій особенную честь Монархинѣ. Будучи раздраженъ умышленной проволочкой, которую Пензенской губернаторъ допускалъ въ дѣлѣ о личной обидѣ, мнѣ нанесенной Улыбышевымъ, я повторилъ прошеніе мое Государынѣ и, зная, что Самойловъ противъ меня также дѣйствуетъ, откровенно просилъ Екатерину, чтобъ она того письма моего не сдавала генералъ-прокурору, потому что онъ мнѣ злодѣй. Другой владыка, за дерзость такую, Богъ знаетъ чтó со мной бы сотворилъ; но Екатерина письмо прочла, сожгла, никуда оно не сдано, никто его не видалъ, не читалъ; а догадаться можно было, что оно до нея дошло, потому что Самойловъ, тотчасъ послѣ того, по именному указу предписалъ поспѣшить окончаніемъ моего дѣла. Съ такой Царицей, не смотря и не боясь невѣждъ, каковъ былъ Самойловъ, можно было всякому подданному и съ удовольствіемъ трудиться и съ благонадежностію отдыхать. При ней дураки были не страшны, а плуты не опасны.

Самуилъ.

26-го Мая. Митрополитъ Кіевской. Будучи еще Крутицкимъ архіереемъ и живучи въ Москвѣ почти рядомъ съ нашимъ домомъ, онъ часто посѣщалъ насъ, былъ друженъ съ отцомъ моимъ и участіе принималъ въ моихъ наукахъ. Онъ мнѣ подарилъ Лексиконъ Латинской, которой прислалъ при Латинскомъ письмѣ, съ коего хранится у меня и донынѣ копія; а подлинное одинъ изъ товарищей моихъ по школѣ у меня выпросилъ прочесть, и какъ я по ребячеству поздно его хватился, то мнѣ онъ далъ съ него копію, писанную очень сходно съ его почеркомъ, но оригиналъ видно или утратилъ, или хотѣлъ, просто сказать, зажилить, Богъ зна-

етъ, впрочемъ, для чего. Когда батюшка учредилъ въ домѣ своемъ домовую церковь, съ дозволенія Платона, то ее освящалъ Самуилъ, и имя его въ ней поминается донынѣ, по смерти его, въ знакъ нашего къ пастырю сему благоговѣнія и преданности, коихъ онъ и по сердцу, и по уму отъ каждаго былъ достоинъ.

Сафонова.

22-го Декабря. Надежда Николаевна, родственница моя и хорошая знакомая, пріятнаго ума женщина; я за удовольствіе считалъ и бесѣдовать съ ней, и въ разлукѣ иногда дружески переписываться. Замѣчательнѣйшее происшествіе въ отношеніи нашемъ было то, что я, при замужествѣ ея, былъ отцомъ посаженнымъ, и той же чести удостоился у сестры ея родной, потому что я въ ихъ семействѣ былъ искренно любимъ. Отецъ ихъ часто меня ссужалъ небольшими деньгами, когда я въ нихъ нуждался, и это такая большая услуга въ наше время, которой никогда забывать не должно. Сафонову я могу рѣшительно поставить въ спискѣ второклассныхъ женщинъ, близкихъ моему сердцу.

Селецкой † 1831.

20-го Февраля. Василій Лаврентьевичъ, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ, обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, которой дѣлаетъ отличную честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но не имѣя возможности на ней жениться, потому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину, Малороссію, и тамъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать, не давая о себѣ никакой вѣсти. Съ тою же скоропостижностію, съ какой оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ Чернигова къ сестрѣ моей письмо, которымъ, увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея. Сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ, раздулся прежній

огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкой примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ, какъ мать моя скончалась и я обязанъ былъ по выданной сестрѣ рядной выдѣлить ей часть изъ имѣнья, Селецкой отъ лица жены своей поступился оной въ пользу дочерей моихъ и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступитъ столь нѣжно и благодѣтельно? Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его нежели родству; а потому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ, ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: свой своему по неволѣ другъ, а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число родила сестра сына; онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобъ онъ былъ имъ въ радость!

Сенъ-При.

1-го Августа. St-Priest, мужъ богатой княжны Голицыной, Французъ, служащій нынѣ въ Россіи губернаторомъ въ Херсонѣ. Я ознакомился съ нимъ въ Одессѣ, гдѣ онъ былъ президентомъ коммерческаго трибунала, когда я тамъ путешествовалъ. Тамъ я раздѣлилъ съ нимъ нѣсколько дней незабвенныхъ по опасностямъ, которыми тотъ край былъ тогда угрожаемъ. Россія была въ войнѣ съ Франціей и Портой, торговля Одесская имѣла самый жалкій видъ. Ришелье, главный начальникъ порта, отлучился на нѣсколько дней осмотрѣть береговые посты. Сенъ-При принялъ правленіе, и вдругъ получилъ извѣстіе, что Турецкій флотъ въ виду Севастополя: не мудрено было въ Одессѣ ожидать тревоги и бомбардировки. Сенъ-При ночью прислалъ мнѣ о семъ записку, прося безъ чиновъ удалиться вмѣстѣ съ нимъ, въ случаѣ волненія, въ приморскій его хуторъ. Покушеніе Турокъ не состоялось; они возвратились, не достигая Одессы. Страхъ жителей и нашъ миновался, но я не забуду ни того дня, въ которой я

ожидалъ въ Одессѣ суматохи, не зная, чѣмъ она кончится и что̀ съ нами будетъ, ни доброхотной услуги Сенъ-При, который съ такою поспѣшностью увѣдомилъ меня о предстоящей опасности. Записка его о семъ хранится до сихъ поръ въ моемъ „Путешествіи"; мы съ нимъ прожили съ недѣлю, какъ самые искренніе пріятели, нѣсколько времени потомъ и заочно переписывались. Я нѣкоторыя его коммиссіи исправлялъ внутри Россіи, онъ мои въ Одессѣ; но какъ время все изглаживаетъ, то, мало по малу, и знакомство наше кончилось такъ, что мы теперь уже никакого сношенія между собой не имѣемъ. Но долго, долго, не забуду ни Одессы, ни Турецкаго флота, ни пріязни графа Сенъ-При, который на память написалъ мнѣ въ мой альбомъ нѣсколько прекрасныхъ стишковъ своей рукой. Я ихъ часто перечитываю; ибо что̀ можетъ быть пріятнѣе, какъ воспоминаніе тѣхъ краткихъ минутъ жизни, которыя мы проводили нѣкогда съ удовольствіемъ непринужденнымъ? Таковы были всѣ мои свиданія съ этимъ умнымъ и достойнымъ иностранцемъ.

Серапіонъ.

3-го Іюля. Въ сіе число скончалась бабушка моя схимонахиня Нектарія. Переносясь мысленно на гробъ ея, воспоминаю тамошняго іерарха и нынѣшняго митрополита Кіевскаго. Я началъ его знать игуменомъ Богоявленскаго монастыря. Онъ былъ такъ тонокъ и худъ тогда, что мы, ребятами будучи, прозвали его щепочкой; однако щепочка эта сдѣлалась по времени бревномъ въ нашей церкви. Я не имѣлъ никакой иной причины вспомнить о немъ, кромѣ той, самой чувствительной для сердца моего и всегда присущной моему воображенію, что онъ, будучи уже викаріемъ Московскимъ, отпѣвалъ тѣло покойнаго отца моего и оказалъ ему сей послѣдній знакъ усердія, которое онъ сохранилъ къ нему во время его жизни, а симъ онъ купилъ и мою некончаемую благодарность.

Симеонъ.

29-го Іюня. День именинъ сына моего первенца, и въ которой нѣкогда домовая наша церковь, оскверненная Французами, возобновлена полнымъ освященіемъ.

Симеонъ, Черниговской архіепископъ, кроткой и благоразумной пастырь. Я его узналъ въ Троицкой Лаврѣ, въ званіи тамошняго намѣстника при Платонѣ. Съ хорошимъ человѣкомъ во всякомъ состояніи скоро и пріятно ознакомишься: съ перваго нашего свиданія мы сдѣлались пріятелями. Онъ оказалъ мнѣ важную услугу, когда былъ архимандритомъ Иконоспаскаго монастыря, раченіемъ своимъ и неотступнымъ ходатайствомъ у викарія Московскаго, Августина, о дозволеніи мнѣ возобновить домовую нашу церковь, разоренную во время нашествія Французовъ, и когда мнѣ дозволеніе было дано, онъ самъ, по дружбѣ своей, освятилъ оную и неоднократно въ ней литургисалъ. Теперь мы живемъ розно и по обстоятельствамъ такъ далеко другъ отъ друга, что, можетъ быть, во всю жизнь нашу не встрѣтимся; но я увѣренъ, что онъ меня и все семейство мое любитъ, такъ какъ и я не сомнѣваюсь, что онъ увѣренъ въ искреннихъ чувствахъ преданности моей къ нему. Время ближайшихъ нашихъ отношеній было, когда онъ, сперва въ Иконоспаскомъ, а потомъ въ Донскомъ, монастырѣ, служилъ архимандритомъ; тогда мы часто взаимно посѣщались и откровенно о многомъ бесѣдовали. Я былъ у него на пиру, когда онъ посвященъ въ епископы въ Тулу, и не проѣзжалъ онаго города въ путешествіяхъ моихъ, не проживши дня лишняго въ ономъ, единственно для свиданія съ нимъ. Многія наши бесѣды останутся навсегда незабвенны въ памяти моей. При имени его мнѣ приходитъ на мысль одинъ довольно важный случай. Когда приближался непріятель къ Москвѣ, и всякой поспѣшно изъ оной выбирался, мы бывали ежедневно вмѣстѣ и, разговорясь, между прочимъ, о сокровищахъ церковныхъ, я спросилъ: „Увезена ли хартія наслѣдственная, читанная Павломъ при коронаціи его и положенная въ Успенскомъ Соборѣ?“ Съ моихъ словъ Симеонъ хва-

тился ея, какъ членъ Синодальной Конторы, прибралъ, увезъ и сохранилъ. Я отъ него самого имѣю сіе признаніе.

Синявская.

21-го Декабря. Ульяна, одна только актриса, съ которой я былъ во всю жизнь мою знакóмъ. Она принадлежала къ Московскому вольному театру, которой содержалъ Медоксъ. Мнѣ вздумалось перевести Французскую комедію (La soirée à la mode): она играна была на Московскомъ театрѣ, и я хаживалъ на ея репетиціи. Тамъ-то случай свелъ меня съ Ульяной. Она была недурна, играла хорошо, и я, по милости ея, имѣлъ право цѣлую зиму торчать за кулисами, когда хотѣлъ; но сей родъ забавы мнѣ не понравился, я отъ него скоро отсталъ, и одну только Ульяну сохранилъ въ памяти моей. И такъ я могу сказать о себѣ въ молодости моей, съ Волтеромъ вмѣстѣ, испытавъ всякой родъ удовольствія:

„Tous les goûts à la fois sont entrés dans mon âme,
Tout art a mon hommage, et tout plaisir m'enflamme.“

Сипягинъ.

3-го іюня. Николай Васильевичъ, полковникъ, немудреной ни умомъ, ни стáтью, которой безпримѣрнымъ дурачествомъ получилъ право жить вѣчно въ памяти моей. Вотъ какой между нами повстрѣчался забавной случай во время Шведскаго похода. Женѣ моей, Евгеніи, вздумалось побывать у меня въ лагерѣ, въ Финляндіи, и сдѣлать мнѣ сюрпризъ. На сей конецъ она одѣлась и дѣвку свою одѣла, по мужскому, въ унтеръ-офицерскій гвардейской мундиръ, выправила себѣ подорожную подъ именемъ вымышленнымъ и полетѣла въ Финляндію. Не зная ни путей, ни расположенія войскъ, она, вмѣсто нашей крѣпости, Вильманстранда, проскакавши далѣе, попала въ Давыдовскую крѣпость. Тамъ стоялъ Преображенской баталіонъ и командовалъ имъ, съ другими частными отрядами, Сипягинъ. Ему приказано было всѣхъ проѣзжающихъ изъ арміи въ Петербургъ свидѣтель-

ствовать, нѣтъ ли съ ними какихъ потаенныхъ извѣстій о томъ, чтó происходитъ на границѣ: ибо Государынѣ хотѣлось миръ заключить съ Шведами самой, безъ всякаго чужаго посредства, а Игельштромъ, слаживая это дѣло по ея плану, боялся, чтобъ не дошла какая-либо нескромная вѣсть о его сношеніяхъ съ Шведскимъ войскомъ до иностранныхъ дипломатовъ, живущихъ въ резиденціи. Вотъ причина, по которой велѣно было Сипягину всѣхъ свидѣтельствовать. Какъ пріѣхала жена моя, сказавшись у шлагбаума унтеръ-офицеромъ гвардіи, то Сипягинъ велѣлъ ее задержать. Она, увидя свое худое положеніе, принуждена была открыться и просить пропуска ко мнѣ; но Сипягинъ тутъ еще болѣе задумался: обыскать ее, зная, что она дама, постыдился и не хотѣлъ стать посмѣшищемъ народнымъ, что, вмѣсто непріятеля, атаковалъ женщину; а пропустить, не увѣрясь, нѣтъ ли съ ней какихъ бумагъ, также побоялся, и въ такой крайности объявилъ ей арестъ, запретя ее выпускать изъ крѣпости. Она тотчасъ отправила ко мнѣ гонца. Я бросился къ Хрущову. По счастью, онъ имѣлъ право наслать ордеръ Сипягину, тотчасъ отправилъ къ нему повелѣніе выпустить жену мою, которую г-нъ Сипягинъ продержалъ въ полону двое сутки и заставилъ смѣяться надъ собою всѣхъ тѣхъ, кои о семъ приключеніи узнали; а я и нынѣ еще, спустя столько лѣтъ, всегда смѣюсь этому приключенію, какъ ни воображу себѣ Сипягина, гордаго и смѣтливаго нашего рыцаря.

Графъ Скавронской.

4-го Мая. Павелъ Мартыновичъ, сынъ родной сестры матери моей, слѣдовательно братъ мой двоюродной. Я о немъ уже говорилъ подъ статьею жены его, графини Литта (см. лит. Л.). Онъ открылъ мнѣ дорогу вступить въ гвардію и тѣмъ начать съ выгодою службу; я ему и благорасположенію его родственному ко мнѣ обязанъ счастливымъ началомъ судьбы моей. Мать его была штатсъ-дама; замужство ея за графа Скавронскаго доставило ей сіе знаменитое отличіе, изъ уваженія къ родству ея съ императрицей Елисаветой;

она тогда же пожаловала ей свой портретъ. Связи между ею и матерью моей никакой не было, да и не могло быть, потому что графиня всю жизнь свою провела въ чужихъ краяхъ, гдѣ и скончалась; а когда, по случаю женитьбы сына своего, пріѣзжала въ Россію и была нѣсколько времени въ Москвѣ, то обходилась съ нами ласково и дружелюбно. Въ Петербургѣ живучи, я очень часто былъ въ ея домѣ; сынъ женатой жилъ съ нею вмѣстѣ. Я не могу довольно нахвалиться ласковымъ обращеніемъ его со мною. Но судьбы наши такъ были различны, что я не могъ тѣснѣе съ нимъ связать знакомства, потому что онъ скоро попалъ въ министры и въ Неаполѣ умеръ. По переводу моему въ гвардію, о которомъ онъ такъ дѣятельно и усердно старался, я долженъ его считать въ томъ маломъ числѣ людей, которые лично мнѣ оказали существенное благодѣяніе, и всегда съ живѣйшею благодарностью вспомню о немъ, наипаче въ этотъ день; ибо сего числа отданъ былъ въ Семеновской полкъ приказъ о пожалованіи меня въ оной въ прапорщики.

Смирная.

13-го мая. Въ сей и послѣдующій день тѣло жены моей выставлено было и обливаемо слезами всѣхъ Владимирскихъ обывателей, кои любили ее, чтили, уважали. О комъ же приличнѣе вспомнить, какъ не о той, отъ которой сія безподобная женщина жизнь получила?

Авдотья Сергѣевна, мать первой жены моей, женщина, о которой я вспоминаю всегда съ искренней любовью и почтеніемъ. Она была бѣдна, сира, безъ воспитанія, но одарена природнымъ хорошимъ смысломъ и добрыми качествами сердца. Никакое иное отношеніе, какъ одна природа, не обязывала насъ благоговѣть предъ ней; ибо жена моя, будучи взята отъ нея ко Двору лѣтъ четырехъ, совсѣмъ ея не знала и, какъ легко всякой можетъ себѣ представить, получивъ свѣтское воспитаніе, не могла ничего имѣть съ ней сходнаго. Мнѣ пріятно здѣсь показать ту сильную разницу, которая существуетъ между нынѣшними и прежними нравами. Когда я сватался на Смирной, Ихъ Высочества не

хотѣли до тѣхъ поръ дать своего соизволенія на нашъ союзъ, доколѣ я не испросилъ онаго отъ матери невѣсты. Нынѣ, конечно, этого бы не потребовали; ибо кто бѣденъ, тотъ теряетъ уже и самыя права природы. Женившись на Евгеніи, я поѣхалъ съ ней въ Москву показать ее моимъ роднымъ, и поставилъ себѣ въ обязанность показать самъ себя ея матери. Она жила у 17 душъ крестьянъ, въ маленькой своей деревнишкѣ, недалеко отъ почтовой станціи на Петербургскомъ трактѣ, именуемой Мѣдное. Я завернулъ туда къ ней съ женою, свелъ дочь съ матерью и прожилъ тутъ три дни. Старушка заставила насъ помнить себя и почтительно съ ней обращаться не моднымъ какимъ-либо велерѣчіемъ, а хорошими и искренними поступками, которыми совершенно пріобрѣла наше сердце. Доколѣ жить буду, дотолѣ стану помнить Подзолово, убогую ея деревню, маленькой домъ ея, простой родъ жизни и непринужденную къ намъ ласковость. Чего она не дѣлала, чтобъ занять насъ у себя, въ тѣ трое сутки, кои мы у нея прожили? Потомъ она была и у насъ, въ Москвѣ, гдѣ мы ее угостили съ должнымъ къ ней уваженіемъ. Случалось ей бывать у насъ и въ Петербургѣ. Ихъ Высочества ее знали и жаловали раза два, платили за нее небольшіе долги. Она ничѣмъ симъ не возносилась, никогда не требовала лишняго, довольствовалась настоящимъ, и какъ скромно жила, такъ скромно и скончалась въ той же деревнѣ своей. Жена моя и я, мы искренно оплакали ея кончину, и теперь, когда всѣ связи мои разрушены, не токмо съ ней, но и съ той, которая меня присоединила къ ея семейству, я и теперь съ удовольствіемъ воспоминаю старушку и Подзолово ея, въ которомъ неоднократно наслаждался истиннымъ счастіемъ чувствительнаго сердца.

Смирной.

16-го Мая. Въ сей день отпѣтое тѣло жены моей везли въ Москву для погребенія въ Донской.

Владимиръ Савичъ, племянникъ родной жены моей. Онъ при мнѣ почти родился, и наконецъ я видѣлъ его женатымъ. Малой острой, проворной, но по матери нѣсколько трусоватъ,

любилъ меня и готовъ былъ для меня все сдѣлать. Нѣкоторое время я былъ съ нимъ въ разладѣ, потому что онъ противъ воли отца женился и потерялъ прекраснѣйшую дорогу въ службѣ. Будучи адъютантомъ гвардіи и въ милости у Государя, женясь, онъ отставленъ и переименованъ въ коллежскіе секретари, но скоро вынырнулъ, и теперь, пользуясь прекраснымъ мѣстомъ, уже надворный совѣтникъ и кавалеръ. Потерявши молодую свою жену, съ которой прижилъ нѣсколько дѣтей, онъ долго унывалъ, но опять принялся за труды и, снявши послѣ отца своего мой заводъ на аренду, съ пользою для себя курилъ на немъ нѣсколько лѣтъ вино. Въ счастіи и злополучіи онъ всегда былъ со мною одинаковъ. Отецъ, примирясь съ нимъ, возвратилъ ему и мое расположеніе. Я не забуду особенныхъ услугъ, кои онъ мнѣ оказывалъ, какъ я былъ боленъ ногами и недвижимъ въ Нижнемъ: онъ мнѣ отдалъ свой домъ, не покидалъ меня, сзывалъ гостей нарочно для моей забавы, тѣшилъ меня, какъ ребенка, и мы у него тогда прожили мѣсяца три на всемъ его копітѣ. Такой жертвы забыть я не долженъ, тѣмъ болѣе, что онъ, имѣя небольшое состояніе, всякую копейку приносилъ мнѣ въ жертву. Я откровенно долженъ сказать, что изъ всей пріобрѣтенной мною родни по разнымъ случаямъ и связямъ жизни, я рѣдко находилъ такихъ приверженныхъ къ себѣ людей, каковъ былъ Владиміръ, отецъ его и все ихъ собственное семейство, а потому я и мертвыхъ помнить, и живыхъ любить ставлю себѣ въ совѣстную обязанность.

Смирной.

14-го Мая. По завѣщанію жены моей, тѣло ея до трехъ сутокъ стояло въ домѣ, и я продолжать стану бесѣду о ея сродникахъ, самую ближайшую къ настоящимъ моимъ чувствамъ и воспоминаніямъ.

Савва Сергѣевичъ, старшій братъ жены моей. Съ нимъ я много раздѣлилъ въ жизни худаго и добраго, и до самой смерти его ничто не нарушило нашей свычки и пріязни. Мы очень молоды были оба, когда сдѣлались близкими сродственниками. Онъ тогда служилъ виннымъ приставомъ въ Торжкѣ

и женатъ былъ на хитрой и пронырливой женщинѣ изъ рода Леонтьевыхъ, которая не очень пріятна была всему семейству, женщина, однако, съ умомъ и воспитаніемъ, недурна собой и еще молода. Савва былъ человѣкъ самой простой, добрый и откровенной. Мы очень хорошо съ нимъ сошлись съ самаго начала нашего знакомства. Гражданская служба моя доставила мнѣ пріятной случай передвигать его изъ мѣста въ мѣсто, повышать изъ чина въ чинъ. Проѣзжая черезъ Владимиръ въ Пензу, я нашелъ его тутъ расправнымъ судьею; скоро переведенъ онъ оттуда въ Пензенскую губернію, въ городничіе въ Шешкѣевъ, и сталъ жить къ намъ поближе. Это наше знакомство усилило. Изъ городничихъ я вытащилъ его въ ассессоры въ свою палату, гдѣ и дослужился съ нимъ до самой отставки моей. Онъ въ то время жилъ, со всей своей семьей, въ нашемъ домѣ, и мы безпрестанно были вмѣстѣ. Когда я вступилъ въ Главную Соляную Контору, его перевели въ Нижегородскую соляную же контору вторымъ членомъ; вышедши изъ оной въ губернаторы во Владимиръ, я опять вспомнилъ Смирнова и выходилъ ему стряпческое мѣсто въ Нижегородской губерніи. Изъ сей должности онъ опредѣленъ въ прокуроры и, дослужась чина коллежскаго совѣтника и ордена Владимирскаго, умеръ. Онъ мнѣ былъ чрезвычайно преданъ и любилъ меня искренно, жилъ хорошо, любилъ людей и всегда толкался въ народѣ. Будучи уже въ отставкѣ, я пріѣзжалъ въ Нижній взглянуть на свое имѣніе, которымъ онъ управлялъ со всевозможнымъ раченіемъ о выгодахъ нашихъ. Онъ мнѣ далъ прекрасный пиръ, на которомъ мнѣ было очень весело, и тѣмъ болѣе, что я угощался у роднаго, который, безъ всякой примѣси коварства, желалъ мнѣ изъявить всю свою пріязнь и благодарность. Проведя слишкомъ 20 лѣтъ въ тѣсной связи между собою, нельзя, чтобы не было иногда и несогласія въ мысляхъ и раздора въ поступкахъ, но никогда до ссоры не доходило, и мы всегда дружелюбно примирялись. Изъ всѣхъ случаевъ, кои мнѣ приходятъ на мысль касательно его, я часто вспоминаю, какъ забавно онъ получилъ Владимирской крестъ. Онъ пріѣхалъ хлопотать объ немъ въ Питеръ, въ одно время со мной, но мнѣ тогда было

худо: мнѣ готовили отставку, и я уже не могъ быть ему полезенъ. Министръ юстиціи, его начальникъ, былъ мой врагъ, онъ не взлюбилъ по мнѣ и шурина моего, принялъ его сурово и выгналъ почти изъ Питера. Скоро потомъ довелось мнѣ у того же министра быть, и онъ, лукавствуя всячески, заговорилъ мнѣ о шуринѣ моемъ, извиняясь, что ежели онъ худо съ нимъ обошелся, то отъ невѣдѣнія, что онъ мнѣ родня. Я сталъ просить объ немъ, и министръ, усовѣстясь, посулилъ мнѣ представить его къ ордену, спрося напередъ, тотъ ли это Смирной, котораго онъ видалъ у меня, когда мы еще служили въ одномъ полку? Я отгадалъ его ошибку; ибо онъ говорилъ о меньшомъ братѣ его, который служилъ кадетомъ въ Измайловскомъ полку (и подлинно жилъ съ нами); но, видя его расположеніе къ благотворенію, солгалъ, сказавъ: „Тотъ самый!“ Это рѣшило министра въ его пользу, и съ первой же почтой, вслѣдъ, такъ сказать, за нимъ, послалъ къ нему орденъ Святаго Владимира 4-й степени. Шуринъ мой, получа его, не зналъ, чему приписать такое счастіе; ибо онъ уже объ орденѣ и помышлять не смѣлъ, и не долго въ немъ пощеголялъ. Министръ вывелъ его скоро изъ прокуроровъ въ совѣтники въ Уголовную Палату, мѣсто равное по классу, но низкое по уваженію и средствамъ отличиться. Это сильно тронуло Смирнова, который пересталъ о себѣ радѣть, впалъ въ малодушіе и, не долго томясь, скончался. Я объ немъ чистосердечно сожалѣлъ, потому что онъ былъ ко мнѣ привязанъ и для пользы моей готовъ былъ бы принести всякую жертву. Рѣдко сойдешься съ такимъ родственникомъ, хотя у каждаго ихъ много; но доброй родной—такой плодъ въ наши дни, котораго нигдѣ не выроешь.

Совере.

8-го Мая. Кого приличнѣе вспомню, какъ не его въ день моихъ имянинъ?

Monsieur Sauveré, лучшій мой учитель и наставникъ, которому я обязанъ моимъ воспитаніемъ, образованіемъ и познаніями. Онъ былъ Езуитъ Французской породы, но, по изгнаніи этого ордена, служилъ въ Гишпаніи и пользовался

мундиромъ съ позументомъ на камзолѣ, по которому въ тогдашнее время уподоблялся штабъ-офицеру Россійской службы. До него въ нашемъ домѣ было два учителя, но объ нихъ пространно говорить не стоитъ труда. Первой оказался пьяница и прожилъ только недѣлю; его звали La Bourdonné; другой m-r Roullé, прожилъ года два въ самое смутное время, когда батюшка съ матушкой были въ Петербургѣ и возили туда большую сестру, а мы одни меньшія дѣти оставались въ Москвѣ, которая приведена была тогда въ волненіе набѣгами Пугачова. Какъ скоро воротились наши, и столица успокоилась, батюшка, увидѣвъ, что Руле мало приносилъ мнѣ пользы, отпустилъ его, и я попалъ на руки г-ну Совере. Онъ прожилъ въ нашемъ домѣ семь лѣтъ: въ теченіе ихъ подбили его Трубецкіе, онъ отошелъ было къ нимъ, но съ чистымъ раскаяніемъ въ этомъ поступкѣ опять скоро воротился въ нашъ домъ. Кончивъ мое воспитаніе, онъ сѣлъ на корабль и отправился въ свою родину, гдѣ несчастнымъ образомъ погибъ во время революціи. Онъ умѣлъ меня къ себѣ привязать, я любилъ его и боялся; онъ обучалъ меня по-латыни и прекрасно зналъ этотъ древній языкъ. Когда я записанъ былъ въ Университетъ для профессорскихъ лекцій, ему дозволено было быть при слушаніи ихъ со мною: мы вмѣстѣ туда ѣзжали и, воротясь домой, онъ проходилъ опять снова со мной тѣ же лекціи и протолковывалъ мнѣ ихъ. Отецъ бы не могъ тщательнѣе воспитывать сына, какъ Совере обучалъ меня, и я до конца дней моихъ обязанъ помнить объ немъ съ благодарностію. Онъ наконецъ сдѣлался не наемникомъ, а домашнимъ нашимъ человѣкомъ. Съ нимъ уже не было ряды, отецъ мой отлично его естимовалъ, и онъ не имѣлъ ни въ чемъ у насъ отказу. По милости его я выучился по-латыни, что́ доставило мнѣ способъ чрезвычайно хорошо узнать Французской языкъ, и словомъ всѣми познаніями, какія я пріобрѣлъ въ юности моей, обязанъ я единственно г-ну Совере, котораго память осталась для меня навсегда почтенна. Можно смѣло сказать, что подобныхъ иноземцевъ, съ его достоинствомъ и ученіемъ, нескоро нынѣ отыщешь въ Россіи, даже и за самую высокую плату. Совере и теперь воспоминается съ похвалой отъ всѣхъ тѣхъ, кои его знали.

Соковнинъ.

20-го Октября. Сергѣй Петровичъ, родственникъ нашъ по матушкѣ, старикъ почтеннѣйшій по благочестію и благонравію. Мы рѣдко видались, потому что онъ большую часть времени проживалъ пустынникомъ уединеннымъ въ своей деревнѣ. Тамъ онъ любилъ заниматься перомъ, иногда писывалъ и ко мнѣ, доставляя небольшіе отрывки своихъ благочестивыхъ произведеній; ибо онъ особенно любилъ изслѣдовать древности церковныя. Отзывы его обо мнѣ, со всѣми, кто видалъ его, такъ были лестны, любовь его ко мнѣ была такъ искренна, что я, безъ почтенія и взаимной приверженности, не могу о немъ вспомнить. Онъ недавно скончался, и я съ сожалѣніемъ тѣмъ бо́льшимъ свѣдалъ о сей потерѣ, что не за долго предъ тѣмъ онъ побывалъ въ Москвѣ, провелъ въ ней цѣлую зиму, и я, въ частныхъ свиданіяхъ съ нимъ, узналъ всю цѣну сего достойнаго и почтеннѣйшаго мужа.

Сперанской.

10-го Мая. Михайла Михайловичъ, человѣкъ съ превосходными дарованіями, выродокъ, можно сказать, въ своей сферѣ. Хотя отношенія мои съ нимъ были весьма случайныя и непостоянны, но пріятно вспомнить и самыя кратчайшія минуты, въ кои мы сближаемся съ геніемъ. Я осмѣлюсь назвать его такимъ по высокимъ его талантамъ и чрезвычайной судьбѣ его. Онъ родился отъ попа, учился въ Володимирской семинаріи, взятъ въ учители въ академію духовную Петербургскую, вступилъ въ гражданскую службу и, происходя чинами, дошелъ до тайнаго совѣтника, получилъ Александровскій орденъ, былъ довѣреннѣйшимъ секретаремъ Государя и первымъ его любимцемъ, безъ всякой протекціи, собственными своими трудами, которыхъ не могли очернить ни зависть враговъ его, ни сила боярская. Несчастіе постигло его въ годину испытательную для Россіи, когда Наполеонъ шелъ громить ее. Сперанской подозрѣнъ публикой въ измѣнѣ, преданъ въ жертву рока, схваченъ нечаянно въ домѣ своемъ,

увезенъ въ кибиткѣ въ Нижній, потомъ далѣе, въ Пермь. Война кончилась. Сперанской паки въ службу возвращается губернаторомъ въ Пензу, а теперь уже и всей Сибири генералъ-губернаторъ. Вотъ краткая исторія его повышенія. Онъ былъ при первомъ министрѣ, графѣ Кочубеѣ, правителемъ всѣхъ дѣлъ его по внутренней части Имперіи, и тогда-то я имѣлъ случай съ нимъ ознакомиться. Онъ всегда принималъ меня ласково, обращался со мной отмѣнно пріятно, бесѣдовалъ со мной безъ чванства и надменности и съ довольной иногда откровенностью писывалъ ко мнѣ слогомъ благопріятнымъ. Я не могу пожаловаться, чтобъ во все время его вліянія на мою должность я получилъ отъ него именно какую-либо непріятность; я не забуду никогда послѣдней минуты моего съ нимъ свиданія. Это было за день до его ссылки и за два до моей отставки. Онъ не хотѣлъ вѣрить тому, что я безъ суда выгоняюсь изъ службы; я ему показывалъ письмо, которое побуждалъ меня подать Государю Іуда Балашовъ объ отставкѣ, и спрашивалъ его совѣта. Онъ мнѣ откровенно сказалъ, чтобъ я этого не дѣлалъ и не давалъ самъ на себя орудія; я его послушался. Послѣ разговора о стѣсненныхъ моихъ обстоятельствахъ, съ искреннимъ участіемъ прощаясь со мной, онъ меня обнялъ и сказалъ: „Мнѣ все кажется, что я съ вами не прощаюсь". Это были послѣднія слова его разговора со мной глазъ на глазъ, и съ тѣхъ поръ мы уже не видались. Пусть люди судятъ его, какъ хотятъ; я не вхожу въ тѣ вещи, кои отъ меня сокрыты: чего не знаешь, о томъ и разсуждать не можно. Но, по всѣмъ явнымъ поступкамъ Сперанскаго со мною, я всегда буду жалѣть о немъ, какъ о человѣкѣ, которой мнѣ не сдѣлалъ никакого зла и не споспѣшествовалъ никому изъ тѣхъ, кои его составляли. Многіе увѣряли меня, что онъ обижался тайно поступкомъ моимъ съ Владимирскимъ попомъ, котораго я за пьянство посадилъ на съѣзжую, а поелику онъ былъ ему близко свой, то будто бы онъ чужими средствами и силой за него мнѣ мстилъ, стыдясь самъ за попа вступиться и, по его ходатайству, будто я былъ отставленъ. Желаю остаться вѣчно въ моемъ заблужденіи и не вѣрить симъ внушеніямъ; ибо нѣтъ ничего горестнѣе, какъ проник-

нуть такое низкое коварство въ человѣкѣ, котораго почитаешь выше всѣхъ, ему равныхъ, и потому, не имѣя никакихъ причинъ усумниться въ благорасположеніи ко мнѣ Сперанскаго, я лучше хочу удивляться его дарованіямъ, нежели возненавидѣть въ немъ врага, и при томъ столь подло вооружившагося на чиновника, безсильнаго противостоять ему, каковъ былъ я, въ сравненіи званія его съ моимъ, и его силы съ моимъ униженнымъ положеніемъ.

Станиславъ.

14-го Января. День радостной въ лѣтописяхъ моихъ, и какъ виновникъ онаго былъ король Польской, то и привожу его здѣсь на память.

Во время его царствованія и моего еще малолѣтства, я получилъ, будучи не старѣе 11-ти лѣтъ, патентъ, за его подписаніемъ, на Латинскомъ языкѣ, и не меньше, какъ на чинъ полковника, которымъ я пожалованъ въ сіе число. Хартія сія хранится у меня донынѣ, какъ рѣдкость; вмѣстѣ съ тѣмъ присланъ отъ него и на маіорской чинъ патентъ учителю моему Французу, господину Руле, которой воспользовался мундиромъ, а я и того не смѣлъ надѣяться, не имѣя позволенія отъ Двора; просить же его было рано. Надобно объяснить какъ это все случилось. Дядя мой, баронъ Строгоновъ, будучи полковникомъ кирасирскимъ, стоялъ съ полкомъ своимъ нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ, и хорошо обходился съ обывателями, чѣмъ не всѣ наши генералы и начальники войскъ въ Польшѣ отличались. Король особенно жаловалъ его за то и, при выходѣ изъ Польши, пожелалъ возблагодарить; но дядя былъ богатъ, и подарка бы не принялъ, чины Польскіе также ему были не нужны. Онъ разсудилъ выпросить мнѣ, племяннику своему родному, какой-нибудь дипломъ, какъ игрушку. Король пожаловалъ меня въ полковники. Отецъ мой имѣлъ въ планѣ воспитать меня въ чужихъ краяхъ и по окончаніи наукъ желалъ воспользоваться симъ дипломомъ, чтобы ввести меня въ службу въ Польшѣ, для лучшаго переводу послѣ въ отечественную, если я того захочу. По сему

предположенію два раза батюшка утруждалъ Государыню черезъ полномочныхъ особъ у Двора, но въ оба раза Государыня отказала, и я принужденъ былъ лишиться всѣхъ правъ своего патента и вступить въ полевые Россійскіе полки только прапорщикомъ. Скачокъ непріятный! Въ Польшѣ я долго стоялъ въ спискахъ и, будучи уже офицеромъ гвардіи, видѣлъ, въ чиновномъ росписаніи у Польскаго министра при нашемъ дворѣ, господина Деболи, имя свое въ полковничьемъ столбѣ выше всѣхъ по старшинству; потому что уже нѣсколько лѣтъ меня обходили, за неявкой къ полку. Онъ состоялъ въ Литовской гвардіи и пользовался красивымъ одѣяніемъ. Я въ ребячествѣ веселился надеждой увидѣть его на себѣ, но надежда моя, какъ дымъ, исчезла. Самаго Станислава я не знавалъ вовсе, и одинъ только разъ случилось мнѣ встрѣтить его въ каретѣ, въ Москвѣ, когда Павелъ приходилъ короноваться и Станислава, не имѣющаго уже престола, привозилъ въ своей свитѣ. Онъ ѣхалъ въ дворцовомъ экипажѣ съ вершниками. Я принялъ его за государевъ и, оставя свою карету, хотѣлъ выйти для поклона на улицу; но вершники закричали: „Не нашъ!“ и я, оторопѣвши, чтобъ не попасть въ опалу за то, что сверженному королю оказалъ на улицѣ публично ту же честь, которая принадлежала своему Императору, не успѣлъ даже поклониться Станиславу и, вернувшись въ карету, очутился къ нему спиной, когда онъ поровнялся съ нею. Такъ-то, боясь быть слишкомъ вѣжливъ, я принужденнымъ нашелся сдѣлаться дерзновенно неучтивымъ. Сей поступокъ извинить можетъ одна только Русская пословица: „У страха глаза велики“. Станиславъ умеръ въ Россіи и схороненъ въ Петербургѣ, но мнѣ даже не удалось и на гробѣ его быть.

Стахіевъ.

17-го Марта. Алексѣй Стахѣичъ, образецъ противоположныхъ участей. Онъ сегодня бывалъ имянинникомъ: о немъ и память сотворимъ. Братъ его родной, чиновникъ гражданской, генеральскаго чина, былъ посланникомъ въ Царьградѣ и кавалеръ, а этотъ—священникомъ въ Архангельскомъ со-

борѣ въ Москвѣ. Человѣкъ старой, простой, недужной, но прямо благоговѣйной и цѣломудренной служитель дома Господня; онъ былъ духовникомъ всего нашего семейства: у него я исповѣдывался въ первой разъ, вступя въ отроческой возрастъ, и у него же въ послѣдній разъ исповѣдывался за нѣсколько времени до моей женитьбы. И такъ онъ былъ духовной Менторъ мой во всю мою молодость. Обѣ сіи исповѣди мнѣ памятны остались навсегда; первая по моей проказѣ, послѣдняя по чувствительности. Будучи ребенкомъ и войдя къ нему на поговорку съ глазу на глазъ, я испугался его бороды, морщинъ и, сквозь слезъ начавъ виниться въ дѣтскихъ шалостяхъ, бѣжалъ вонъ отъ него съ воплемъ, крича мамѣ своей: „Матушка, меня попъ бить хочетъ!", и это я взялъ съ того, что онъ мнѣ сказалъ: „Ежели будешь лѣниться и упрямиться, то тебя лозой накажутъ". Насилу меня къ нему воротили, и я боялся его, какъ медвѣдя. За то съ какимъ чувствомъ сокрушенія прощался я съ симъ добрымъ старцемъ при послѣдней моей исповѣди! Онъ былъ уже боленъ и приближался къ смерти. Черезъ великую силу исповѣдалъ меня въ своей комнатѣ, у одра своего, и старался умудрить меня на предлежавшій мнѣ путь жизни трогательнѣйшими наставленіями. Я никогда ихъ не забуду; смѣло могу сказать, что тогда, въ эти патетическія между нами минуты, изъ устъ его текла рѣкою благодать. Я принялъ его послѣднее благословеніе съ набожною къ нему покорностію; онъ облобызалъ меня, какъ отецъ сына, и я, не смотря на мои двадцать лѣтъ, былъ крайне растроганъ. Это послѣдняя моя была съ нимъ бесѣда: онъ скоро потомъ скончался, оплаканъ всѣмъ нашимъ семействомъ, котораго онъ былъ другъ, наставникъ и благоразумный вождь. Сей священникъ былъ не хитръ, не книжникъ, не совопросникъ вѣка сего, но качествами сердца и разсудка столь же далеко стоялъ отъ многихъ нынѣшнихъ красноглаголевыхъ пастырей, сколько философъ 19-го столѣтія далеко отстоитъ отъ истиннаго христіанина вѣковъ благочестивыхъ, и память о немъ мысленная сопровождаема будетъ всегда въ устахъ моихъ искреннѣйшею похвалою.

Страховъ.

4-го Апрѣля. Профессоръ Московскаго университета, бывшій нѣкоторое время ректоромъ онаго. Его звали Петръ Ивановичъ. Я его началъ знать еще студентомъ и вмѣстѣ съ нимъ на одной лавкѣ сиживалъ на лекціяхъ. Онъ одаренъ былъ многими способностями, особенно же красотою слова, изъяснялся велерѣчиво, говорилъ громко, сладко и свободно. Никто такъ искусно не преподавалъ физики послѣ Роста, какъ онъ. На лекціи его съѣзжались многія обоего пола особы Московскаго отборнаго общества; наружность имѣлъ сановитую, лицо благородное, органъ плѣнительной, прекрасно успѣвалъ въ театральномъ искуствѣ. Мнѣ удавалось играть въ такихъ собраніяхъ, куда его приглашали на совѣтъ и для изученія своего дѣла. Словомъ, онъ въ свое время былъ извѣстенъ и знаменитъ по всей Москвѣ. Такихъ профессоровъ, каковъ былъ онъ, едва ли нынѣ найдешь во всемъ сословіи мужей ученыхъ. Онъ былъ ученъ безъ педантства и не дичился сообществъ городскихъ, какъ нынѣшніе педагоги, которые, по какому-то несчастному заблужденію, думаютъ, что они потеряютъ честь профессорскаго титла, естьли не станутъ подражать синическимъ философамъ и не будутъ невѣжливы, нечисты, неопрятны. О, сколько различествовалъ съ ними г-нъ Страховъ! Я, во время его ректорства, будучи Владимирскимъ губернаторомъ, получилъ, за подписаніемъ его, листъ изъ Университетскаго Совѣта, въ которомъ угодно было сему храму наукъ изъявить мнѣ свою признательность за пожертвованіе, сдѣланное мной въ пользу Владимирской гимназіи, всѣхъ моихъ сочиненій при мнѣ и по смерти моей. Въ возмездіе за сей знакъ усердія и приверженности моей къ университету, опредѣлено Совѣтомъ онаго, чтобъ въ гимназическомъ Владимирскомъ домѣ поставленъ былъ мой бюстъ, рядомъ съ бюстомъ покойной жены моей, въ той самой комнатѣ, гдѣ она испустила духъ и въ которой поставлена библіотека, собранная на прибытокъ, доставленной гимназіи вторымъ и третьимъ изданіемъ извѣстныхъ книгъ моихъ. Всѣ сіи случаи напоминаютъ мнѣ сугубо Петра Ивановича Страхова,

при которомъ оные послѣдовали, и я, во все время нашего товарищества, потомъ бывъ хорошо съ нимъ знакóмъ, за долгъ почитаю, при всякомъ о немъ воспоминаніи, отдавать полную справедливость генію его, талантамъ и благонравію. Онъ, во время вторженія Наполеона въ Москву, удалился изъ оной въ Нижній и тамъ, отъ малодушія и праздности, впалъ въ слабость, которая истощила его жизненные соки и прекратила дни его, посвященные донынѣ наукамъ, въ дальной сторонѣ отъ родины и въ чужихъ людяхъ. Онъ тамъ и похороненъ на кладбищѣ, на которомъ тщетно бы кто сталъ искать гроба его: онъ ничѣмъ не отличенъ, и это не дѣлаетъ чести тому сословію, которому онъ принесъ въ жертву всю жизнь свою и благопріятствовалъ полезными своими трудами.

Строганова.

4-го Іюня. Баронесса Александра Борисовна, тетка моя родная, жена брата роднаго моей матери, тайнаго совѣтника, барона Григорья Николаевича. Я ее сталъ знать уже вдовою. Она меня очень любила и принимала на самой пріятельской ногѣ; служа въ гвардіи, я у нея бывалъ почти всякой день. Кромѣ обыкновенной ея ласки, я могу замѣтить отличнымъ то, что она была матерью моей посаженой, когда я женился на Смирной, и уже, отказавшись отъ свѣта, склонилась на пріѣздъ къ Двору, дабы мнѣ сдѣлать удовольствіе. У нея въ домѣ случилось два анекдота очень любопытные, которые я здѣсь помѣщу, потому что люблю ихъ вспоминать, когда мнѣ хочется посмѣяться. Во первыхъ, она, будучи набожна на старинный манеръ, любила слушать въ домѣ у себя разныя молитвословія на большіе праздники, слѣдовательно на Свѣтлое Воскресенье всегда отправлялъ у нихъ съ вечера заутреню придворной попъ. Однажды ей вздумалось пригласить меня къ этой службѣ съ тѣмъ, чтобъ я провѣрилъ, такъ ли придворные попы отправляютъ ихъ, какъ должно и какъ важивалось въ нашемъ домѣ. Я пріѣхалъ; толстой іерей началъ заутреню и сталъ пропуски дѣлать. Тетушка обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Пожалуста, скажи, то ли они поютъ и

не пропускаютъ ли чего?“ Совѣстно было солгать. Я сказалъ всю правду. Баронесса остановила попа, стала ему упрекать, и онъ съ сердцемъ отвѣчалъ: „А кто бы вздумалъ меня этому учить?“ Тутъ юношеское мое самолюбіе заиграло: я вышелъ на сцену и доказалъ ему, что онъ сокращаетъ всю службу и поетъ канонъ съ выпусками. Убѣдился онъ, что я хоть мальчикъ и офицеръ гвардіи, но дѣло это знаю также, какъ и онъ, и принужденъ былъ продолжать заутреню порядкомъ установленнымъ, а уже не смѣлъ ничего выпустить, и все изъ подлобья взглядывалъ на меня, тутъ ли я и ворчалъ про себя. Этотъ вечеръ мнѣ понынѣ забавенъ. Другой случай менѣе смѣшонъ, но памятенъ по странности своей. Баронесса имѣла всегда по вечерамъ у себя кругъ отборныхъ вельможъ, какъ-то: Шувалова Ивана Ивановича, князя Михайла Васильевича Долгорукаго и графа Брюса, которой былъ мой начальникъ въ Семеновскомъ полку. Я служилъ адъютантомъ уже, и иногда, пользуясь благоснисхожденіемъ тогдашняго военнаго начальства, осмѣливался въ домахъ, гдѣ бывалъ коротокъ, не смотря на дежурство мое, являться во фракѣ. Что это нехорошо, согласенъ; но тогда было довольно обыкновенно: всякой вѣкъ имѣетъ свои шалости и свои подвиги. Случилось мнѣ какъ-то въ день службы отобѣдать у этой тетушки въ новомъ фракѣ, и одѣяніе мое ей понравилось: все на мнѣ было кстати, сладко, чисто, приборно; словомъ, туалетъ мой кинулся ей въ глаза. На мою бѣду въ тотъ самой день пріѣхалъ къ ней на вечеръ Брюсъ. Впечатлѣнія моей гардеробы еще не стерлись, и тетушка, желая меня рекомендовать графу и выхвалить, разсказала ему съ удовольствіемъ, что я у ней былъ и что она, любя меня, проситъ его быть ко мнѣ милостивымъ. „Comme il était bien mis! Comme il se présente bien dans la société!“ *). Наговоривши нѣсколько подобныхъ обо мнѣ любезностей, она разсказала и весь мой нарядъ прочимъ своимъ собесѣдникамъ. Графъ выслушалъ, нахмурился и завязалъ на платкѣ узелокъ; а на завтра, къ крайнему моему удивленію, отдается въ полкъ приказъ, въ которомъ дѣлается выговоръ

*) Какъ онъ хорошо одѣтъ, какъ онъ хорошо держится въ обществѣ.

дежурнымъ офицерамъ за то, что они не только отваживаются ѣздить по партикулярнымъ домамъ безъ мундира, но еще и непомѣрно щеголяютъ, и, въ доказательство такой прихоти, весь мой нарядъ описанъ въ приказѣ. Хотя я не былъ именованъ въ ономъ, однако могъ отгадать, что на мой счетъ сыграна шутка, и съѣздилъ поблагодарить тетушку. Она выместила графу за меня тѣмъ, что будировала его съ недѣлю, а это на него всегда дѣйствовало, и такъ мы съ нимъ поквитались. Эти два анекдота остались у меня въ памяти, и хотя они неважны, но произошли въ молодости моей; а чтó бываетъ съ нами, когда мы молоды, то не разстается съ воображеніемъ нашимъ до самыхъ скорбныхъ дней старости и престарѣнія. Не такъ ли? Могу спросить смѣло у всякаго, и всякой скажетъ: „Да!“

Строганова.

20-го Января. Графиня Катерина Петровна, супруга того, о комъ говорено выше сего *). Женщина характера высокаго и отмѣнно любезная. Бесѣда ея имѣла что-то особенно заманчивое, одарена многими прелестями природы, умна, мила, пріятна. Она обогатила себя въ продолжительномъ путешествіи съ мужемъ своимъ еще въ чужихъ краяхъ, особенно въ Парижѣ, многими познаніями. Тамъ она безпрестанно была въ сообществѣ Мармонтеля, Вольтера и прочихъ философовъ. По пріѣздѣ въ Россію, несчастная страсть къ фавориту Екатерины, Корсаку, была причиной всѣхъ ея злоключеній: она разошлась съ мужемъ, Екатерина удалила отъ себя своего любимца, и графиня, приживши съ нимъ нѣсколько дѣтей, принуждена была основать свой домъ и жительство въ Москвѣ, внѣ большаго свѣта и въ строгомъ уединеніи домашнемъ. Къ сему наипаче привели ее недуги тѣлесные. Она лишилась употребленія ногъ, не могла нѣсколько лѣтъ ходить и до самой кончины ѣздила по комнатамъ въ коляскѣ. Такой сильной припадокъ болѣзни не отнялъ у нея веселости природной. Она любила театръ, искусства, поэзію,

*) Т. е. ниже. Она была супругою графа А. С. Строганова. П. Б.

художества, съ такимъ же огнемъ въ 70 лѣтъ, какъ и въ молодости. Я съ ней познакомился тогда, какъ ужъ разговоръ пріязни становился ей всего дороже и пользовался въ разныхъ случаяхъ ея довѣренностью. Она говаривала со мной о всѣхъ своихъ слабостяхъ прошедшихъ съ раскаяньемъ и соболѣзнованьемъ сердечнымъ, но такъ была далеко увлечена, что не могла уже никакъ поправить участи своей. Пользуясь хорошимъ достаткомъ, она имѣла пріятную подмосковную для лѣта, а зимой доставляла себѣ въ городѣ всѣ возможныя удовольствія, которыя доставляются деньгами. У нея въ домѣ я по временамъ слыхалъ разныхъ виртуозовъ, отличныхъ театральныхъ пѣвцовъ, и она до крайности любила словесность, наипаче Французскую; ибо привыкла къ тому нарѣчью болѣе, нежели къ своему природному. Я любилъ дѣлить съ ней вечера въ небольшой круговенькѣ, изъ пяти-шести человѣкъ составленной, между коими шелъ всегда разговоръ свободный и острыя шутки безъ яду. Въ Володимерѣ и въ прочихъ моихъ отлучкахъ я получалъ иногда отъ нея дружескія письма. Въ царство Павлово я имѣлъ случай видѣть рѣзкую черту твердаго ея характера. Она собралась ѣхать черезъ Питеръ въ Нарву, къ славному лѣкарю лѣчиться; съ ней ѣхалъ и любовникъ ея, Корсаковъ. Не доѣзжая заставы, велѣно ему отправиться въ Саратовъ и запрещено въѣзжать въ столицу. Она, бросля свое врачеваніе, поѣхала съ нимъ назадъ и, воротясь въ Москву, едва не рѣшилась проводить его даже до Саратова, еслибъ не уговорили ее спасти себя отъ столь явнаго соблазна. Онъ малодушествовалъ и почти плакалъ, а она укрѣпляла его и переносила сіе искушеніе съ стоическою твердостью. Я былъ этому свидѣтель, проживши до самаго отъѣзда Корсакова двое сутки безвыходно у нихъ. Скоро прошла эта туча, и онъ воротился къ графинѣ въ Москву. Въ послѣднее время жизни ея я нигдѣ такъ пріятно не проводилъ вечеровъ своихъ, такъ въ ея сообществѣ. Не смотря на старость и болѣзненное ея состояніе, она такъ была весела, затѣйлива, что не хотѣлось съ ней разстаться. Разговоръ всегда острый, замысловатый, архивъ анекдотовъ любопытныхъ. За недѣлю уже до кончины ея я сидѣлъ у ея постели, и она

бесѣдовала о вѣкѣ Лудовика XIV съ такой свѣжей памятью, какъ будто она была при немъ дѣйствующимъ лицомъ, о тогдашнихъ талантахъ и геніяхъ того времени. Я удивлялся жару и восторгу, съ какимъ слабое сіе тѣло произносило все то, что̀ касалось до чувства сердца и до высокихъ идей ума необыкновеннаго. Конецъ ея былъ самой христіянской. Она прибѣгла ко всѣмъ таинствамъ вѣры, коихъ никогда не чуждалась, и съ такимъ мужественнымъ присутствіемъ духа встрѣтила смерть, какого можно пожелать и при самыхъ строгихъ добродѣтеляхъ. О, я никогда не забуду сей пріятной женщины! Съ смертью ея я потерялъ удовольствіе бесѣды, и никто не можетъ мнѣ замѣнить ея знакомства.

Строганова.

1-го Декабря. Сегодня крещенъ при Дворѣ сынъ мой перворо̀дной и, по отношенію къ сему дѣйствію, выставлено имя матери его крестной.

Баронесса Наталья Михайловна, тетка моя родная, вдова меньшаго брата матери моей, барона Сергѣя Николаевича. Она была воспріемницей сына моего Павла. Его крестили въ маленькой придворной церкви. Надобно было привезти младенца туда кому-нибудь изъ родственниковъ, а не мамѣ одной съ бабушкой. Я просилъ тетушку, и она охотно взяла на себя этотъ трудъ. Кому противно ѣздить въ царской домъ? Павелъ наслѣдникъ, увидя ее въ церкви, пригласилъ быть съ нимъ кумою; и такъ она, вмѣстѣ съ нимъ, прошлась около купели. Недавно скончавшись, она, по завѣщанію своему, изволила пожаловать этому крестнику тысячу рублей, отъ такого большаго состоянія, какое оставила она, умирая бездѣтна; ибо сынъ ея единородной, несчастный человѣкъ, умеръ за нѣсколько времени до нея, лѣтъ сорока, будучи уже давно и слѣпъ, и недвижимъ. Вотъ все, что̀ я могу сказать въ воспоминаніе сей родственницы. Сынъ мой не смѣлъ не принять столь ничтожнаго подарка и унизительной, смѣю сказать, милостины. Вопросъ: еслибы Павелъ мой былъ генералъ-адъютантъ, осмѣлилась ли бы бабушка его и мать крестная, раздавая лѣкарямъ и другимъ, такимъ же родственникамъ, по

50 и по 100 тысячъ изъ одного тщеславія, осмѣлилась ли бы она пожаловать тысячу рублей? Думаю, что нѣтъ. Чтó жъ сказать о семъ, соображая, что племянникъ сей оставался безъ Фортуны и только былъ надворный совѣтникъ безъ протекціи? Чтó сказать? Пожать плечами и молвить стариннымъ Русскимъ языкомъ: „Богъ съ ней!"

Строгановъ.

16-го Марта. День кончины отца моего крестнаго. Онъ заслужилъ мои воспоминанія, и я мысленно къ нему обращаюсь.

Баронъ Александръ Николаевичъ, родной братъ матери моей, отецъ мой крестной и незабвенной благодѣтель. Съ 16-ти лѣтняго возраста моего я сталъ ему извѣстенъ, т. е. съ пріѣзда моего въ Петербургъ. Живучи тамъ, при отцѣ моемъ, я бывалъ у него, когда случалось; а потомъ, будучи одинъ на своей волѣ, я ежедневно посѣщалъ его, и во все время жизни его, которая продолжалась до 1789 года, былъ у него домашнимъ, испытывая неоднократно разныя отъ него одолженія. Чѣмъ меньше я хотѣлъ зависѣть отъ него въ пособіяхъ жизни, дабы одолжену ими быть однимъ своимъ родителямъ, тѣмъ сильнѣе онъ участвовалъ во мнѣ и вырвалъ насильно мою преданность. Исчислимъ тѣ услуги, тѣ опыты пріязни, коихъ я былъ предметомъ, дабы оправдать названіе благодѣтеля, на которое я очень скупъ и которое онъ у меня восхитилъ. Будучи въ Варшавѣ съ полкомъ, онъ вспомнилъ меня и выпросилъ мнѣ у короля чинъ полковника, о чемъ пространнѣе писано въ другомъ мѣстѣ. Для спокойнаго моего пріѣзда въ Петербургъ, прислалъ по меня, по просьбѣ батюшки, лучшаго офицера изъ своего штата. Во время первой моей страсти, отъ которой я впалъ было въ горячку, онъ меня призрѣлъ, навѣщалъ каждой день, привозилъ ко мнѣ лѣкаря, снабжалъ меня нужнымъ и тогда всю мою пріобрѣлъ довѣренность; участвовалъ въ переводѣ моемъ въ гвардію, сблизивши меня съ Скавронскимъ, отъ котораго это зависѣло; великодушно извинилъ меня въ интригѣ Мамонова

съ его дочерью, за что онъ имѣлъ право долго, а можетъ быть и всегда, досадовать на меня, но, вникнувши въ мои юныя побужденія, не лишилъ меня ни ласки своей, ни покровительства. Пожуривши за потаенной поединокъ Ржевскаго, въ которомъ я былъ секундантомъ, скоро примирился со мной и не попустилъ произойти отъ того никакимъ непріятнымъ послѣдствіямъ. Выводилъ меня въ люди, знакомилъ съ лучшими домами и во всемъ, до меня касающемся, интересовался. Узнавъ нечаянно, что Лобановъ сдѣлалъ мнѣ неучтивость на балѣ Великаго Князя, за которую я готовъ былъ съ нимъ драться, онъ предупредилъ исторію и ѣздилъ къ Репнину жаловаться на его племянника, прося его, чтобъ отъ подобныхъ неосторожныхъ поступковъ его воздержалъ. Правда, что онъ очень твердо противился браку моему съ Смирной и наклонялъ отца моего на свою сторону, чѣмъ, по страсти моей и молодости, охолодилъ меня къ себѣ совершенно, и я даже скрывался отъ него въ этомъ намѣреніи, какъ отъ врага, но послѣ, входя въ его причины, я долженъ былъ извинить его сопротивленіе; ибо оно происходило отъ благороднаго источника: онъ зналъ, что я не буду имѣть состоянія, достаточнаго для поддержанія семейства, а Смирная не имѣла вовсе ничего, и потому дядя, ища собственнаго моего благоденствія и зная лучше меня, что бѣдность его доставить не можетъ, всячески старался разорвать мое соединеніе съ этой дѣвушкой. Но когда рокъ мой произнесъ приговоръ нашего супружества, тогда онъ первый, смягчивъ досаду и правильный гнѣвъ свой, осыпалъ меня дарами и благотвореніями, дабы вознаградить то, чего я не могъ пріобрѣсть. Прежде моей свадьбы онъ старался меня два раза сватать на двухъ богатыхъ невѣстахъ; но онѣ мнѣ не нравились, и онъ отнюдь не принуждаль меня деспотически рѣшиться на женитьбу изъ корысти. Я все сіе называю добродѣтелью, потому что не всякой дядя поступилъ бы съ племянникомъ такъ, какъ онъ обходился со мной во всѣхъ означенныхъ случаяхъ. Но онъ искренно любилъ мать мою, а по ней любилъ и меня, какъ сына. Имѣя безумную жену и ведя съ ней жизнь самую плачевную дома, онъ, въ лютѣйшіе ея пароксизмы, раздѣлялъ со мной свои сѣтованія и слезы; я приближался къ

нему тогда всей душою, и онъ платилъ мнѣ за мое усердіе къ нему полной своей довѣренностью, незабвенной мной и донынѣ.

По случаю моей свадьбы у Двора, батюшка просилъ его замѣнить себя, и онъ, какъ отецъ, отправилъ все, чего требовалъ обрядъ и церемоніалъ придворной. Онъ возилъ къ невѣстѣ дары моихъ родителей, благословилъ меня къ вѣнцу, и, не смотря на то, что мой бракъ былъ ему не по мысли, онъ, съ благороднымъ великодушіемъ, вошелъ въ обстоятельство, когда увидѣлъ, что его нельзя перемѣнить, и не показалъ даже вида малѣйшаго неудовольствія. Зная, что у меня нѣтъ ничего для заведенія дома, онъ его совершенно устроилъ, нанялъ мнѣ квартиру, снабдилъ экипажемъ, посудой, словомъ, всѣмъ, чтó только было необходимо, и поставилъ меня въ возможность долго, долго не догадаться, что я имѣю въ чемъ-либо недостатокъ. Послѣ свадьбы, узнавъ короче жену мою и найдя въ ней достоинства, извинявшія ея бѣдность, онъ искренно полюбилъ ее, взялъ въ свое покровительство и, не удовлетворясь безпрестанными подарками, которыхъ стоила ему свадьба, перестроилъ весь мой флигель въ казармахъ, отдѣлалъ для насъ домъ порядочной съ антресолями, въ которой мы могли съ нѣкоторой прихотью переѣхать съ наемной квартиры. Столько услугъ и благодушныхъ поступковъ можно ли не назвать благодѣяніемъ? При рожденіи сына моего онъ не покинулъ насъ, доставлялъ намъ все полезное и по обстоятельству необходимое, а во всякомъ случаѣ ревновалъ быть для меня не дядей только, а настоящимъ отцомъ, вспомоществуя недостаткамъ роднаго своимъ избыточнымъ состояніемъ. Какое множество дней пріятныхъ, веселыхъ и благополучныхъ я привожу себѣ на память, воспоминая время моей свычки съ нимъ! Къ несчастію, онъ скончался безъ меня: я былъ въ Москвѣ. Онъ недолго хворалъ и, не достигши старости, умеръ до пятидесяти лѣтъ еще. Я въ немъ лишился такого родственника, какихъ нынѣ нѣтъ, и выучился болѣе цѣнить его за гробомъ, нежели во время жизни.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ въ „Русскій Архивъ“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

8.

С. Т. АКСАКОВЪ:

„Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

ПОДПИСКА
НА
„ЖИВУЮ СТАРИНУ".

Съ осени (Сентября—Октября) текущаго года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣтомъ Общества, предпринимаетъ изданіе журнала „ЖИВАЯ СТАРИНА", имѣющаго выходить четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлали: I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшие матеріалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутрнннія губерніи Имперіи и за границу 5 р. 50 коп.

Посильно трудясь, совмѣстно съ другими Отдѣленіями Географическаго Общества, надъ изученіемъ нашего отечества, родственныхъ намъ народовъ и пограничныхъ Имперіи странъ азіатскихъ, Этнографическое Отдѣленіе съ самаго основанія Общества, въ теченіи 45 лѣтъ, обнародовало цѣлый рядъ сборниковъ-матеріаловъ, наблюденій, изслѣдованій, немаловажныхъ для народовѣдѣнья Россіи, вызвало и поощрило много цѣнныхъ трудовъ различныхъ мѣстныхъ наблюдателей со всѣхъ частей Имперіи, представителей разныхъ народностей и всѣхъ классовъ общества.

Въ послѣднее время, по причинамъ понятнымъ, значительно возрасло число крестьянъ въ рядахъ членовъ сотрудниковъ Общества. Рядомъ съ этимъ замѣчается и другое отрадное явленіе. Съ возвышеньемъ и распространеньемъ у насъ женскаго образованья, стали все чаще являться русскія образованныя женщины, съ любовью изучающія этнографію. За послѣдніе годы Этнографическое Отдѣленіе пріобрѣло себѣ нѣсколько почтенныхъ членовъ сотрудницъ. У всѣхъ племенъ и народовъ женщина по преимуществу хранительница преданья, обычая, живой старины. Не говоря уже о народностяхъ мусульманскихъ, и простолюдинки христіанки всѣхъ племенъ многаго никогда не повѣдаютъ мущинѣ, особенно иного съ ними круга, изъ того, чтό съ полною откровенностью выскажутъ и выложатъ женщинѣ, совершенно отъ нихъ отличной по состоянью и по образованью. Такое появленье новыхъ наблюдателей—этнографовъ съ одной стороны изъ самаго ядра народнаго, изъ крестьянства, главнаго хранителя и созидателя народнаго быта и обычнаго права, чистаго языка и народной словесности, съ другой изъ безпрерывно ростущаго круга обравованныхъ русскихъ женщинъ, съ интересомъ къ этнографическимъ изученіямъ, наконецъ усиленье въ учащейся особенно въ высшихъ заведеніяхъ молодежи любви къ народу, стремленья къ сближенью съ нимъ и къ живому его изученью сулятъ и несомнѣнно принесутъ въ ближайщемъ будущемъ много добра русской литературѣ по народовѣдѣнью.

Не прерывая изданія Записокъ—большихъ сборниковъ матеріаловъ, наблюденій, болѣе или менѣе обширныхъ изслѣдованій,—теперь печатаются два большіе сборника: Смоленскій члена-сотрудника В. Н. Добровольскаго и Македонскій члена-сотрудника П. Д. Драганова,—Этнографическое отдѣленіе въ предпринимаемомъ имъ періодическомъ изданіи „ЖИВАЯ СТАРИНА" желаетъ помѣщать небольшія статьи и записки, доставляемыя или

ИСТОРІЯ

МОЕГО ЗНАКОМСТВА

с ъ

ГОГОЛЕМЪ

СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ ВСЕЙ ПЕРЕПИСКИ

съ 1832 по 1852 годъ.

Сочиненіе С. Т. Аксакова.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1890.

*

„Есть у меня одно сочиненіе“, говорилъ въ 1857-мъ году Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ пишущему эти строки, „ужъ не знаю, по моей старости и хворости, буду ли и въ силахъ довести его до конца? Впрочемъ, оно во всякомъ случаѣ не для печати. Развѣ-развѣ лѣтъ черезъ тридцать или сорокъ послѣ моей смерти можно будетъ напечатать его. Это—*Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. Тутъ задѣто множество лицъ: всѣ они еще живы, и сейчасъ занимаютъ очень видныя общественныя положенія. Рано, еще слишкомъ рано печатать о Гоголѣ всю правду“.

Много лѣтъ спустя, именно въ 1880-мъ году, Ив. Серг. Аксаковъ помѣстилъ отрывокъ изъ этого сочиненія въ своей газетѣ «Русь»: напечатано лишь начало сочиненія, при томъ и оно не вполнѣ. Въ напечатанномъ отрывкѣ все знакомство съ Гоголемъ ограничивается лишь концемъ тридцатыхъ годовъ; а выходъ въ свѣтъ *Мертвыхъ Душъ*, и всеобщій переполохъ, произведенный ими, и съ того времени зачавшійся переворотъ въ душѣ самого Гоголя, выразившійся къ концу сороковыхъ годовъ *Перепиской съ друзьями* — все это еще было скрыто отъ читателей. Цѣлая половина рукописи, такимъ образомъ, оставалась подспудомъ. А она-то, между тѣмъ, и представляетъ главный интересъ—какъ по отношенію къ Гоголю, такъ и въ отношеніи самого автора. Здѣсь только этотъ замѣчательный литературный трудъ, можно сказать, и достигаетъ своего полнаго напряженія и входитъ въ настоящую силу.— Редактору «Руси», разумѣется, было легче, чѣмъ кому-бы то ни было, позволить себѣ разныя сглаживанія и поправки въ посмертной рукописи своего отца. Для него-же, съ другой стороны, было и затруднительнѣе, чѣмъ всякому другому, печатать все то̀, что въ отношеніяхъ его отца съ Гоголемъ могло болѣе говорить въ пользу перваго, чѣмъ послѣдняго: просто было неловко печатать самыя эти письма Сергѣя Тимоѳеевича и его личныя воспоминанія о себѣ – въ Запискахъ о Гоголѣ. Для нынѣшняго изданія не существуетъ ни той легости, ни этихъ затрудненій. *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ* печатается теперь вполнѣ: вся, какъ есть.

Важная для біографіи Гоголя, она, безспорно, составляетъ еще незамѣнимый матеріалъ для біографіи самого Сергѣя Тимоѳеевича,—но тѣмъ лучше. Этимъ, собственно говоря, она и драгоцѣнна вдвойнѣ.

Кто лично знавалъ автора „Семейной Хроники“, радъ будетъ встрѣтиться съ нимъ, какъ съ живымъ въ этихъ Запискахъ. Весь онъ тутъ безъ утайки: съ одной стороны, даже до мелочныхъ житейскихъ подробностей, которыхъ никогда ни передъ кѣмъ не думалъ и скрывать въ быту своемъ; а съ другой стороны — и со всѣми прекрасными душевными порывами, долженствовавшими оставаться и дѣйствительно остававшимися тайною для всѣхъ, пока онъ былъ живъ. Это въ точномъ смыслѣ слова *посмертныя* Записки.

II

Приводимыя здѣсь письма Гоголя большею частью уже были напечатаны въ изданіи г. Кулиша. Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ предоставилъ ихъ, вскорѣ послѣ смерти Гоголя, въ распоряженіе его біографа; кромѣ того, сообщилъ ему и щедрыя выдержки изъ своихъ собственныхъ воспоминаній о скончавшемся другѣ. Все это однако было вновь провѣрено по подлинникамъ и все, что тогда было напечатано съ пропусками, тутъ возстановлено въ цѣлости. Во всякомъ случаѣ, только теперь, на ряду съ печатаемыми въ первый разъ письмами самого Сергѣя Тимоѳеевича, получаютъ и письма Гоголя наибольшее значеніе и свой полный смыслъ.

Появленіе *Мертвыхъ Душъ* составляетъ нѣкоторымъ образомъ эру въ нашей литературѣ. Высказавъ ими сущую правду о той пресловутой Россіи, которую творцы разныхъ Петріадъ величали Петровіей, Гоголевская эпоха тѣмъ самымъ предвозвѣстила поворотъ къ народности. Но что она намѣтила какъ искомое, того сама по себѣ дать не могла. Въ свою очередь, наплодила и она цѣлыя поколѣнія не совсѣмъ нормальныхъ Русскихъ людей: это были какіе-то *«сами себя ищущіе»*— и только. Гоголь такъ и умеръ, не доискавшись нормальнаго Русскаго человѣка. Замѣчательно, что, бѣгая за нимъ по всему свѣту и повсюду разыскивая то, чего не находилъ въ себѣ, авторъ *Мертвыхъ Душъ* все больше годъ отъ году привязывался къ семьѣ Аксаковыхъ и особенно цѣнилъ свою дружбу со старикомъ Аксаковымъ. Онъ настойчиво просилъ напослѣдокъ, чтобы самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ непремѣнно записалъ на старости лѣтъ все-все, чѣмъ ему смолоду, повидимому такъ привольно, жилось на Руси. Отъ этого ожидалъ Гоголь себѣ и другимъ великой пользы. Въ отвѣтъ на такой призывъ сложились — прежде *Семейная Хроника*, еще при жизни Гоголя; а потомъ и *Дѣтскіе годы Багрова внука*.

Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, когда Русское общественное сознаніе выбьется, съ Божьей помощью, на свою прямую дорогу, и наступитъ наконецъ желанный литературный періодъ на Руси (лучшій противъ такъ называемаго Гоголевскаго, длящагося даже сейчасъ)—оба названныя произведенія, и *Семейная Хроника*, и *Дѣтскія годы Багрова внука*, займутъ подобающее имъ мѣсто на историческомъ рубежѣ этихъ двухъ періодовъ, какъ естественно-образовавшійся переходъ отъ одного къ другому.

Тогда (не сомнѣваемся и въ томъ) сами эти Записки о Гоголѣ займутъ видное мѣсто въ исторіи Русской литературы—живой памятникъ и явное доказательство тому: какими сложными и до невообразимости причудливыми путями пробивало себѣ дорогу Русское народное самосознаніе, какими извилистыми и до нельзя перепутанными линіями доискивалось оно, въ смѣнявшихся поколѣніяхъ, само себя.

1890 г. Москва. *Н. М. Павловъ.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

„Исторія знакомства моего съ Гоголемъ“, еще вполнѣ не оконченная мною, писана была не для печати, или по крайней мѣрѣ для печати по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, когда уже никого изъ выведенныхъ въ ней лицъ давно не будетъ на свѣтѣ, когда цензура сдѣлается свободною или вовсе упразднится, когда Русское общество привыкнетъ къ этой свободѣ и отложитъ ту щекотливость, ту подозрительную раздражительность, которая теперь болѣе всякой цензуры мѣшаетъ говорить откровенно, даже о давнопрошедшемъ. Я печатно предлагалъ всѣмъ друзьямъ и людямъ, коротко знавшимъ Гоголя, написать вполнѣ искренніе разсказы своего знакомства съ нимъ и такимъ образомъ оставить будущимъ біографамъ достовѣрные матеріалы для составленія полной и правдивой біографіи великаго писателя. Это была бы, по моему мнѣнію, истинная услуга исторіи Русской литературы и потомству. Не знаю, принято ли кѣмъ нибудь мое предложеніе, но я почти исполнилъ свое намѣреніе.—Очевидно возникаютъ вопросы: какъ можно печатать сочиненіе, писанное не для печати? Какая причина заставила меня измѣнить цѣли, съ которою писана книга? Первый вопросъ разрѣшается легко: изъ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ исклю-

чено все, чего еще нельзя напечатать въ настоящее время. Причина же, почему я такъ поступилъ, состоитъ въ слѣдующемъ: четыре года прошли какъ мы лишились Гоголя; кромѣ біографіи и напечатанныхъ въ журналахъ многихъ статей, о немъ продолжаютъ писать и печатать; ошибочныя мнѣнія о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ, вкрадываются въ сочиненія всѣхъ пишущихъ о немъ, потому что изъ нихъ—даже самъ біографъ его [1])—лично Гоголя не знали или не находились съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Я думаю, что мой искренній, никакимъ постороннимъ чувствомъ не подкрашенный разсказъ можетъ бросить истинный свѣтъ не на великаго писателя (для котораго, говорятъ, это неважно), а на человѣка. Мнѣ кажется, что дружба моя къ Гоголю и долгъ его памяти требуютъ отъ меня такого поступка. Записки мои потеряютъ не только большую половину своей занимательности, но и большую половину очевидности, т-е. способности изъяснить предметъ, о важности котораго распространяться не нужно [2]).

---

1) Т.-е. П. А. Кулишъ, издавшій 1856 году свои „Записки о жизни Гоголя". *Изд.*

2) Это вступленіе написано было С. Т. Аксаковымъ въ 1856 году для напечатанія его воспоминаній о Гоголѣ въ неполномъ видѣ, какъ тогда предполагалъ авторъ. Теперь, по прошествіи слишкомъ тридцати лѣтъ съ его кончины, воспоминанія печатаются вполнѣ. Начало ихъ помѣщено сыномъ его И. С. Аксаковымъ въ его газетѣ „Русь", но съ нѣкоторыми пропусками. *Изд.*

Въ 1832 году, кажется, весною, когда мы жили въ домѣ Слѣпцова на Сивцевомъ Вражкѣ, Погодинъ привезъ ко мнѣ въ первый разъ и совершенно неожиданно, Николая Васильевича Гоголя. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" были давно уже прочтены, и мы всѣ восхищались ими. Я прочелъ впрочемъ Диканьку нечаянно: я получилъ ее изъ книжной лавки, вмѣстѣ съ другими книгами, для чтенія вслухъ моей женѣ, по случаю ея нездоровья. Можно себѣ представить нашу радость при такомъ сюрпризѣ. Не вдругъ узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, узналъ тамъ, кто такой былъ „Рудый Панько", познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что Диканьку написалъ Гоголь-Яновскій. И такъ это имя было уже намъ извѣстно и драгоцѣнно.

По Субботамъ постоянно обѣдали у насъ и проводили вечеръ короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ кабинетѣ моемъ, находившемся въ мезонинѣ, игралъ я въ карты въ четверной бостонъ, а человѣка три не игравшихъ сидѣли около стола. Въ комнатѣ было жарко, и нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, сидѣли безъ фраковъ. Вдругъ Погодинъ, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату, съ неизвѣстнымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь!" Эфектъ былъ сильный. Я очень сконфузился, бросился надѣвать сюртукъ, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій. Во всякое другое время я не такъ бы встрѣтилъ Гоголя. Всѣ мои гости (тутъ были П. Г. Фроловъ, М. М. Пинскій и П. С. Щепкинъ—прочихъ не помню) тоже какъ-то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодинъ упросили меня продолжать игру, потому что замѣнить меня было некому. Скоро однако прибѣжалъ Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостью. Я очень обрадовался и разсѣянно

продолжалъ игру, прислушиваясь однимъ ухомъ къ словамъ Гоголя; но онъ говорилъ тихо, и я ничего не слыхалъ.

Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ другую физіономію его лицу: намъ показалось, что въ немъ было что-то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство. У меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣтлый жилетъ съ большой цѣпочкой. У насъ остались портреты, изображающіе его въ тогдашнемъ видѣ, подаренные впослѣдствіи Константину самимъ Гоголемъ.

Къ сожалѣнію, я совершенно не помню моихъ разговоровъ съ Гоголемъ въ первое наше свиданіе; но помню, что я часто заговаривалъ съ нимъ. Черезъ часъ онъ ушелъ, сказавъ, что побываетъ у меня на дняхъ, какъ нибудь поранѣе утромъ и попроситъ сводить его къ Загоскину, съ которымъ ему очень хотѣлось познакомиться и который жилъ очень близко отъ меня. Константинъ тоже не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ, кромѣ того, что Гоголь сказалъ про себя, что онъ былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ; но помнитъ, что онъ держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ-то съ высока, чего, разумѣется, не было, но могло такъ показаться. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе. Отдать визитъ Гоголю не было возможности, потому что не знали, гдѣ онъ остановился: Гоголь не хотѣлъ этого сказать.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я уже предупредилъ Загоскина, что Гоголь хочетъ съ нимъ познакомиться и что я приведу его къ нему, явился ко мнѣ довольно рано Николай Васильевичъ. Я обратился къ нему съ искренними похвалами его Диканькѣ; но видно слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго увлеченія и изліянія, къ которымъ я способенъ до излишества. По его просьбѣ мы скоро пошли пѣшкомъ къ Загоскину. Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни (я не зналъ тогда, что онъ говорилъ объ этомъ Константину) и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотря на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: „Да чѣмъ же вы больны?“ Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его находится въ кишкахъ. Дорогой

разговоръ шелъ о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, чтó слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

.... даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его". Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что Русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее. Надобно сказать, что Загоскинъ, также давно прочитавшій Диканьку и хвалившій ее, въ тоже время не оцѣнилъ вполнѣ; а въ описаніяхъ Украинской природы находилъ неестественность, напыщенность, восторженность молодаго писателя; онъ находилъ вездѣ неправильность языка, даже безграмотность. Послѣднее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить въ большой грамотности. Онъ даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнѣнію, нашими похвалами. Но по добродушію своему и по самолюбію человѣческому, ему пріятно было, что превозносимый всѣми Гоголь поспѣшилъ къ нему пріѣхать. Онъ принялъ его съ отверстыми объятіями, съ крикомъ и похвалами; нѣсколько разъ принимался цѣловать Гоголя, потомъ кинулся обнимать меня, билъ кулакомъ въ спину, называлъ хомякомъ, сусликомъ и пр. и пр.; однимъ словомъ, былъ вполнѣ любезенъ по своему. Загоскинъ говорилъ безъ умолку о себѣ: о множествѣ своихъ занятій, о безчисленномъ количествѣ прочитанныхъ имъ книгъ, о своихъ археологическихъ трудахъ, о пребываніи въ чужихъ краяхъ (онъ не былъ далѣе Данцига), о томъ, что онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ всю Русь и пр. и пр. Всѣ знаютъ, что это совершенный вздоръ и что ему искренно вѣрилъ одинъ Загоскинъ. Гоголь понялъ это сразу и говорилъ съ хозяиномъ, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ, совершенно въ пору и въ мѣру. Онъ обратился къ шкафамъ съ книгами... Тутъ началась новая, а для меня уже старая исторія: Загоскинъ началъ показывать и хвастаться книгами, потомъ табакерками и наконецъ шкатулками. Я сидѣлъ молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: онъ вдругъ вынулъ часы и сказалъ, что ему пора идти, обѣщалъ еще забѣжать какъ нибудь и ушелъ.

— „Ну что, спросилъ я Загоскина, какъ понравился тебѣ Гоголь?“—„Ахъ какой милый“, закричалъ Загоскинъ, „милый, скромный, да какой, братецъ, умница!; и пр. и пр.; а Гоголь ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ обиходныхъ, пошлыхъ словъ.

Въ этотъ проѣздъ Гоголя изъ Полтавы въ Петербургъ, наше знакомство не сдѣлалось близкимъ. Не помню черезъ сколько времени, Гоголь опять былъ въ Москвѣ проѣздомъ на самое короткое время; былъ у насъ и опять попросилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Загоскину, на что́ я охотно согласился. Мы были у Загоскина также поутру; онъ попрежнему принялъ Гоголя очень радушно и любезничалъ по своему; а Гоголь держалъ себя также по своему, т. е. говорилъ о совершенныхъ пустякахъ и ни слова о литературѣ, хотя хозяинъ заговаривалъ о ней не одинъ разъ. Замѣчательнаго ничего не происходило, кромѣ того, что Загоскинъ, показывая Гоголю свои раскидныя кресла, такъ прищемилъ мнѣ обѣ руки пружинами, что я закричалъ; а Загоскинъ оторопѣлъ и не вдругъ освободилъ меня изъ моего тяжкаго положенія, въ которомъ я былъ похожъ на растянутаго для пытки человѣка. Отъ этой потѣхи руки у меня долго болѣли. Гоголь даже не улыбнулся, но впослѣдствіи часто вспоминалъ этотъ случай, и не смѣясь самъ, такъ мастерски его разсказывалъ, что заставлялъ всѣхъ хохотать до слезъ. Вообще въ его шуткахъ было очень много оригинальныхъ пріемовъ, выраженій, складу и того особеннаго юмора, который составляетъ исключительную собственность Малороссовъ; передать ихъ невозможно. Въ послѣдствіи, безчисленными опытами убѣдился я, что повтореніе Гоголевыхъ словъ, отъ которыхъ слушатели валялись со смѣху, когда онъ самъ ихъ произносилъ—не производило ни малѣйшаго эфекта, когда говорилъ ихъ я или кто нибудь другой.

И въ этотъ пріѣздъ знакомство наше съ Гоголемъ не подвинулось впередъ; но кажется онъ познакомился съ Ольгой Семеновной и съ Вѣрой *). Въ 1834 году, мы жили на Сѣнномъ рынкѣ, въ домѣ Штюрмера. Гоголь между тѣмъ успѣлъ уже выдать „Миргородъ“ и „Арабески“. Великій талантъ его оказался въ полной силѣ. Свѣжи, прелестны, благоуханны, художественны были разсказы въ Диканькѣ; но въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже являлся великій художникъ съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ, моя семья и всѣ люди, способные чувствовать искусство, были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя. Надобно сказать правду, что кромѣ при-

---

*) Т. е. съ супругою С. Т. Аксакова и старшей ихъ дочерью. *Изд.*

сяжныхъ любителей литературы во всѣхъ слояхъ общества, молодые люди лучше и скорѣе оцѣнили Гоголя. Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе и первые распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ.

Въ одинъ вечеръ сидѣли мы въ ложѣ Большаго театра; вдругъ растворилась дверь, вошелъ Гоголь и съ веселымъ дружескимъ видомъ, какого мы никогда не видѣли, протянулъ мнѣ руку съ словами: „Здравствуйте!“ Нечего говорить, какъ мы были изумлены и обрадованы. Константинъ, едва ли не болѣе всѣхъ понимавшій значеніе Гоголя, забылъ гдѣ онъ и громко закричалъ, что̀ обратило вниманіе сосѣднихъ ложъ. Это было во время антракта. Вслѣдъ за Гоголемъ вошелъ къ намъ въ ложу Александръ Павловичъ Ефремовъ, и Константинъ шепнулъ ему на ухо: „Знаешь ли кто у насъ? Это Гоголь“. Ефремовъ, выпуча глаза также отъ изумленія и радости, побѣжалъ въ кресла и сообщилъ эту новость покойному Станкевичу и еще кому-то изъ нашихъ знакомыхъ. Въ одну минуту нѣсколько трубокъ и биноклей обратились на нашу ложу, и слова „Гоголь, Гоголь“ разнеслись по кресламъ. Не знаю, замѣтилъ ли онъ это движеніе, только, сказавъ нѣсколько словъ, что онъ опять въ Москвѣ на короткое время, Гоголь уѣхалъ.

Не смотря на краткость свиданія, мы всѣ замѣтили, что въ отношеніи къ намъ Гоголь совершенно сдѣлался другимъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ не было никакихъ причинъ, которыя во время его отсутствія могли бы насъ сблизить. Самый приходъ его въ ложу показывалъ уже увѣренность, что мы ему обрадуемся. Мы радовались и удивлялись такой перемѣнѣ. Впослѣдствіи, изъ разговоровъ съ Погодинымъ, я заключилъ (тоже думаю и теперь), что его разсказы объ насъ, о нашемъ высокомъ мнѣніи о талантѣ Гоголя, о нашей горячей любви къ его произведеніямъ произвели это обращеніе. Послѣ такихъ разговоровъ съ Погодинымъ, Гоголь немедленно поѣхалъ къ намъ, не засталъ насъ до̀ма, узналъ, что мы въ театрѣ; и явился въ нашу ложу.

Гоголь везъ съ собою въ Петербургъ комедію, всѣмъ извѣстную теперь подъ именемъ „Женитьба“; тогда называлась она „Женихи“. Онъ самъ вызвался прочесть ее вслухъ въ домѣ у Погодина для всѣхъ знакомыхъ хозяина. Погодинъ воспользовался этимъ позволеніемъ и назвалъ столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита биткомъ. И какая досада, я захворалъ и не могъ слышать этого чуднаго, единственнаго чтенія. Къ тому же это случилось въ Субботу, въ мой день, а мои гости не были приглашены на чтеніе къ Погодину.

Разумѣется, Константинъ мой былъ тамъ. Гоголь до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою піесу, что многіе, понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, особенно господина Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ полна, цѣльна и далеко не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Я совершенно раздѣляю это мнѣніе, потому что впослѣдствіи хорошо узналъ неподражаемое искусство Гоголя въ чтеніи всего комическаго. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно; но увы, комедія не была понята! Большая часть говорили, что піеса неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ.

Гоголь сожалѣлъ, что меня не было у Погодина; назначилъ день, въ который хотѣлъ пріѣхать къ намъ обѣдать и прочесть комедію мнѣ и всему моему семейству. Въ назначенный день я пригласилъ къ себѣ именно тѣхъ гостей, которымъ не удалось слышать комедію Гоголя. Между прочими гостями были Станкевичъ и Бѣлинскій. Гоголь очень опоздалъ къ обѣду, что̀ впослѣдствіи нерѣдко съ нимъ случалось. Мнѣ было досадно, что гости мои такъ долго голодали, и въ 5 часовъ я велѣлъ подавать кушать; но въ самое это время увидѣли мы Гоголя, который шелъ пѣшкомъ черезъ всю Сѣнную площадь къ нашему дому. Но увы, ожиданія наши не сбылись: Гоголь сказалъ, что никакъ не можетъ сегодня прочесть намъ комедію, а потому и не принесъ ея съ собой. Все это мнѣ было непріятно и, вѣроятно, вслѣдствіе того, и въ этотъ пріѣздъ Гоголя въ Москву, не послѣдовало такого сближенія между нами, какого я желалъ, а въ послѣднее время и надѣялся. Я видѣлся съ нимъ еще одинъ разъ поутру у Погодина на самое короткое время и узналъ, что Гоголь на другой день ѣдетъ въ Петербургъ.

Въ 1835 году дошли до насъ слухи изъ Петербурга, что Гоголь написалъ комедію „Ревизоръ", что въ этой піесѣ явился талантъ его, какъ писателя драматическаго, въ новомъ и глубокомъ значеніи. Говорили, что эту піесу никакая бы цензура не пропустила, но что Государь приказалъ ее напечатать и дать на театрѣ. На сценѣ комедія имѣла огромный успѣхъ, но въ тоже время много надѣлала враговъ Гоголю. Самые злонамѣренные толки раздавались въ высшемъ чиновничьемъ кругу и даже въ ушахъ самого Государя. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить нашего нетерпѣнія прочесть „Ревизора", который какъ-то долго не присылался въ Москву. Я прочелъ его въ первый разъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Однажды, поздно заигравшись въ Англійскомъ клубѣ, я выходилъ изъ него вмѣстѣ съ Великопольскимъ. Въ это

время швейцаръ подалъ мнѣ записку изъ дому: меня увѣдомляли, что какой-то проѣзжій полковникъ привезъ Ѳ. Н. Глинкѣ печатный экземпляръ „Ревизора“ и оставилъ у него до 6-ти часовъ утра; что Глинка прислалъ экземпляръ намъ и что всѣ ожидаютъ меня, чтобы слушать „Ревизора“. Съ горяча я сказалъ объ этомъ Великопольскому и не могъ уже отказать ему въ позволеніи услышать „Ревизора“, и мы поскакали домой. Я жилъ тогда въ Старой Басманной, въ домѣ Куракина. Было уже около часу за полночь. Никто не спалъ, всѣ сидѣли въ ожиданіи меня, въ моемъ кабинетѣ, даже m-lle Potôt, жившая у насъ съ матерью. Я не могъ въ первый разъ вѣрно прочесть „Ревизора“; но конечно никто никогда не читалъ его съ такимъ увлеченіемъ, которое раздѣляли и слушатели. „Ревизоръ“ былъ проданъ Петербургской дирекціи самимъ Гоголемъ за 2,500 рубл. ассигн., а потому немедленно начали его ставить и въ Москвѣ. Гоголь былъ хорошо знакомъ съ Мих. Сем. Щепкинымъ и поручилъ ему письменно постановку „Ревизора“, снабдивъ притомъ многими, по большой части очень дѣльными наставленіями. Въ тоже время узнали мы, что самъ Гоголь, сильно огорченный и разстроенный чѣмъ-то въ Петербургѣ, распродалъ съ уступкою всѣ остававшіеся экземпляры „Ревизора“ и другихъ своихъ сочиненій, и сбирается немедленно уѣхать за границу. Это огорчило меня и многихъ его почитателей. Вдругъ приходитъ ко мнѣ Щепкинъ и говоритъ, что ему очень неловко ставить „Ревизора“, что товарищи этимъ какъ-то обижаются, не обращаютъ никакого вниманія на его замѣчанія и что піеса отъ этого будетъ поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, еслибъ піеса ставилась безъ всякаго надзора, такъ, сама по себѣ, по общему произволу актеровъ; что если онъ пожалуется репертуарному члену или директору, то дѣло пойдетъ еще хуже: ибо директоръ и репертуарный членъ ничего не смыслятъ и никогда такими дѣлами не занимаются; а господа артисты, на зло ему, Щепкину, совсѣмъ уронятъ піесу. Щепкинъ плакалъ отъ своего затруднительнаго положенія и отъ мысли, что онъ такъ худо исполнитъ порученіе Гоголя. Онъ прибавилъ, что единственное спасеніе состоитъ въ томъ, чтобъ я взялъ на себя постановку піесы, потому что актеры меня уважаютъ и любятъ и вся дирекція состоитъ изъ моихъ короткихъ пріятелей; что онъ напишетъ объ этомъ Гоголю, который съ радостью передастъ это порученіе мнѣ. Я согласился и туже минуту написалъ самъ въ Петербургъ къ Гоголю горячее письмо, объяснивъ, почему Щепкину неудобно ставить піесу и почему мнѣ это будетъ удобно, прибавя, что въ сущности всѣмъ будетъ распоряжаться Щепкинъ, только черезъ меня. Это было первое мое письмо къ Гоголю и его отвѣтъ былъ первымъ его письмомъ ко мнѣ. Вотъ оно:.

„Я получилъ пріятное для меня письмо ваше. Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что среди многолюдной неблаговолящей толпы скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца ихъ съ тою любовью, какая дышетъ въ письмѣ вашемъ.—Я не знаю какъ благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей піесѣ. Я поручилъ ее уже Щепкину и писалъ объ этомъ письмо къ Загоскину. Если же ему точно нѣтъ возможности ладить самому съ дирекціей и если онъ не отдавалъ еще письма, то извѣстите меня, я въ туже минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину. Самъ я никакимъ образомъ не могу пріѣхать къ вамъ, потому что занятъ приготовленіями къ моему отъѣзду, который будетъ если не 30 Мая, то 6 Іюня непремѣнно. Но по возвращеніи изъ чужихъ краевъ я постоянный житель столицы древней.

Еще разъ принося вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность остаюсь на всегда

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Н. Гоголь".

На конвертѣ:

Его Высокоблагородію *) Милостивому Государю
Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову отъ Н. Гоголя.

„Мая 15
1836".

Какъ это странно, что письмо такое простое, искреннее не понравилось всѣмъ и даже мнѣ.

Отсюда начинается долговременная и тяжелая исторія неполнаго пониманія Гоголя людьми самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями! Безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти. Нельзя предположить, чтобъ всѣ мы были виноваты въ этомъ безъ всякаго основанія: оно заключалось въ наружности обращенія и въ необъяснимыхъ странностяхъ его духа. Это матерія длинная и, чтобы бросить на нее нѣкоторый свѣтъ, заранѣе скажу только, что впослѣдствіи я часто говаривалъ, для успокоенія Шевырева и особенно Погодина: „Господа, ну какъ мы можемъ судить Гоголя по себѣ? Можетъ быть, у него всѣ нервы въ десятеро тоньше нашихъ и устроены какъ нибудь вверхъ ногами!" На что Погодинъ со смѣхомъ отвѣчалъ: „Развѣ что такъ!"

---

*) Я былъ тогда титулярнымъ совѣтникомъ; но Гоголь, по фигурѣ моей, вообразилъ, что я непремѣнно долженъ быть статскимъ совѣтникомъ.

Вслѣдствіе письма Гоголя ко мнѣ Щепкинъ писалъ къ нему, что письмо къ Загоскину отдано давно, о чемъ онъ его увѣдомлялъ; но, кажется, Гоголь не получалъ этого письма, потому что не отвѣчалъ на него и уѣхалъ немедленно за границу.

Итакъ „Ревизоръ“ былъ поставленъ безъ моего участія. Впрочемъ, эта піеса игралась и теперь играется въ Москвѣ довольно хорошо, кромѣ Хлестакова, роль котораго труднѣе всѣхъ. Гоголь всегда мнѣ жаловался, что не находитъ актера для этой роли, что отъ того піеса теряетъ смыслъ и скорѣе должна называться *Городничій*, чѣмъ *Ревизоръ* *).

Въ 1837-мъ году погибъ Пушкинъ. Изъ писемъ самого Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была эта потеря. Гоголь сдѣлался боленъ и духомъ, и тѣломъ. Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно и что смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою, съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ **).

Въ началѣ 1838-го года распространились по Москвѣ слухи, что Гоголь отчаянно боленъ въ Италіи, и даже посаженъ за долги въ тюрьму. Разумѣется, послѣднее было совершенная ложь. Во всей Москвѣ переписывался съ нимъ одинъ Погодинъ; онъ получилъ наконецъ письмо отъ Гоголя, увѣдомлявшее объ его болѣзни и трудныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Это письмо было писано изъ Неаполя отъ 20-го Августа. Между прочимъ Гоголь писалъ въ немъ: „Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу“. Мы рѣшились ему помочь, но подъ большимъ секретомъ: я, Погодинъ, Баратынскій и Н. Ф. Павловъ сложились по 250 р. и 1000 р. предложилъ самъ, по сердцу весьма добрый человѣкъ, И. Е. Великопольскій, которому я только намекнулъ о поло-

---

*) Не за долго до своей смерти, онъ передалъ эту роль г-ну Шумскому и самъ ставилъ піесу. Я тогда уже не ѣздилъ въ театръ, но всѣ зрители восхищались Шумскимъ; самъ Гоголь видѣлъ его изъ нашей ложи, въ продолженіи двухъ дѣйствій, и остался имъ доволенъ.

**) Въ 1839 году Жуковскій пріѣхалъ въ Римъ, гдѣ жилъ Гоголь. Когда они увидѣлись (это было въ первый разъ съ 1836 года), то оба внезапно воскликнули: Пушкинъ! *П. Б.*

женіи Гоголя и о нашемъ намѣреніи. Секретъ былъ вполнѣ сохраненъ. Погодинъ долженъ былъ написать къ Гоголю письмо слѣдующаго содержанія: „Видя, что ты находишься въ нуждѣ, на чужой сторонѣ, я, имѣя свободныя деньги, посылаю тебѣ 2000 р. ассигнаціями. Ты отдашь ихъ мнѣ тогда, когда разбогатѣешь, что́ безъ сомнѣнія будетъ“. Деньги были отосланы немедленно. Съ этими деньгами случилась странная исторія. Я удостовѣренъ, что онѣ были получены Гоголемъ, потому что въ одномъ своемъ письмѣ Погодинъ очень неделикатно напоминаетъ объ нихъ Гоголю, тогда какъ онъ далъ честное слово намъ, что Гоголь никогда не узнаетъ о нашей складчинѣ; но вотъ что́ непостижимо: когда финансовыя дѣла Гоголя поправились, когда онъ напечаталъ свои сочиненія въ 4-хъ томахъ, тогда онъ поручилъ всѣ расплаты Шевыреву и далъ ему собственноручный регистръ, въ которомъ даже всѣ мелкіе долги были записаны съ точностью; объ этихъ же 2000-хъ не упомянуто; этотъ регистръ и теперь находится у Шевырева.

Въ 1838-мъ году, кажется 8-го Іюня, уѣхалъ Константинъ за границу, намѣреваясь долго прожить въ чужихъ краяхъ (онъ не могъ прожить долѣе пяти мѣсяцовъ). Передъ возвращеніемъ своимъ въ Россію, онъ написалъ къ Гоголю въ Римъ самое горячее письмо, убѣждая его воротиться въ Москву (Гоголь жилъ въ Римѣ уже болѣе двухъ лѣтъ) и назначая ему мѣсто съѣзда въ Кельнѣ, гдѣ Константинъ будетъ ждать его, чтобъ ѣхать въ обратный путь вмѣстѣ. Гоголь еще не думалъ возвращаться, да и письмо получилъ двумя мѣсяцами позднѣе, потому что куда-то уѣзжалъ изъ Рима. Письмо это, вѣроятно дышавшее горячей любовью, произвело однако глубокое впечатлѣніе на Гоголя и хотя онъ не отвѣчалъ на него, но по возвращеніи въ Россію, черезъ годъ, говорилъ о немъ съ искреннимъ чувствомъ.

Въ 1839 году, Погодинъ ѣздилъ за границу, имѣя намѣреніе привезти съ собою Гоголя. Онъ ни слова не писалъ намъ о свиданіи съ Гоголемъ, и хотя мы сначала надѣялись, что они воротятся въ Москву вмѣстѣ, но потомъ уже потеряли эту надежду. Мы жили лѣто на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. 29-го Сентября вдругъ получаю я слѣдующую записку отъ Михаила Семеновича Щепкина:

„Почтенѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ, и не одинъ; ожиданія наши исполнились: съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ. Я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ даже до того, что едвали не сухо его встрѣтилъ;

вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у нихъ и, кажется, путнаго слова не сказалъ: такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ. Не утерпѣлъ, чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ: ибо, помнится, мы совсѣмъ уже его не ожидали. Прощайте; сегодня къ несчастію, играю и потому не увижу его.

Вашъ покорнѣйшій слуга Михаилъ Щепкинъ".

Отъ 28-го Сентября
1839 года.

Я помѣщаю эту записку для того, чтобъ показать, что̀ значилъ пріѣздъ Гоголя въ Москву для его почитателей. Мы всѣ обрадовались чрезвычайно. Константинъ, прочитавши записку, прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой крикъ, что всѣхъ перепугалъ, а съ Машенькой *) сдѣлалось даже дурно. Онъ уѣхалъ въ Москву въ тотъ же день, а я съ семействомъ переѣхалъ 1-го Октября. Константинъ уже видѣлся съ Гоголемъ, который остановился у Погодина въ его собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Гоголь встрѣтился съ Константиномъ весело и ласково; говорилъ о письмѣ, которое очевидно было для него пріятно и объяснялъ, почему онъ не могъ пріѣхать въ назначенное Константиномъ мѣсто, т. е. въ Кёльнъ. Причина состояла въ томъ, что онъ уѣзжалъ на то время изъ Рима, а воротясь цѣлый мѣсяцъ не получалъ писемъ изъ Россіи, хотя часто освѣдомлялся на почтѣ; наконецъ, онъ рѣшился пересмотрѣть самъ всѣ лежащія тамъ письма и между ними нашелъ нѣсколько адресованныхъ къ нему; въ томъ числѣ находилось и письмо Константина. Безтолковый почтовой чиновникъ принималъ Гоголя за кого-то другаго и потому не отдавалъ до сихъ поръ ему писемъ.

Разговаривая очень пріятно, Константинъ сдѣлалъ Гоголю вопросъ самый естественный, но конечно слишкомъ часто повторяемый всѣми при встрѣчѣ съ писателемъ: „Что̀ вы намъ привезли, Николай Васильевичъ?" и Гоголь вдругъ очень сухо и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „Ничего". Подобные вопросы были всегда ему очень непріятны; онъ особенно любилъ содержать въ секретѣ то, чѣмъ занимался и терпѣть не могъ, если хотѣли его нарушить.

На другой день моего переѣзда въ Москву, Гоголь пріѣхалъ къ намъ обѣдать вмѣстѣ съ Щепкинымъ, когда мы уже сидѣли за столомъ, совсѣмъ его не ожидая. Съ искренними, радостными восклицаніями встрѣ-

---

*) Младшей дочерью С. Т. Аксакова. *Изд.*

тили его всѣ, и онъ самъ казался воротившимся къ близкимъ и давнишнимъ друзьямъ, а не просто къ знакомымъ, которые видѣлись нѣсколько разъ и то на короткое время. Я былъ восхищенъ до глубины сердца и въ тоже время удивленъ. Казалось, какъ бы могло пятилѣтнее отсутствіе, безъ письменныхъ сношеній, такъ сблизить насъ съ Гоголемъ? По чувствамъ нашимъ мы конечно имѣли полное право на его дружбу и безъ сомнѣнія Погодинъ, знавшій насъ очень коротко, передалъ ему подробно обо всемъ, и Гоголь почувствовалъ, что мы точно его настоящіе друзья.

Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать: слѣдовъ не было прежняго, гладковыбритаго и обстриженнаго (кромѣ хохла) франтика въ модномъ фракѣ! Прекрасные бѣлокурые густые волосы лежали у него почти по плечамъ; красивые усы, эспаньелка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражалась доброта, веселость и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему-то высокому. Сертукъ, въ родѣ пальто, замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ совершенной крайности. Самая фигура Гоголя въ сертукѣ сдѣлалась благообразнѣе. Шутки Гоголя, которыхъ передать нѣтъ никакой возможности, были такъ оригинальны и забавны, что неудержимый смѣхъ одолѣвалъ всѣхъ, кто его слушалъ, самъ же онъ всегда шутилъ не улыбаясь.

Съ этого собственно времени началась наша тѣсная дружба, вдругъ развившаяся между нами. Гоголь бывалъ у насъ почти каждый день и очень часто обѣдалъ. Зная, какъ онъ не любитъ, чтобъ говорили съ нимъ объ его сочиненіяхъ, мы никогда объ нихъ не поминали, хотя слухъ о „Мертвыхъ Душахъ“ обѣжалъ уже всю Россію и возбудилъ общее вниманіе и любопытство. Не помню кто-то писалъ изъ чужихъ краевъ, что, выслушавъ передъ отъѣздомъ изъ Рима первую главу „Мертвыхъ Душъ“, онъ хохоталъ до самаго Парижа. Другіе были не такъ деликатны, какъ мы, и приступали къ Гоголю съ вопросами, но получали самые неудовлетворительные и даже непріятные отвѣты.

Гоголь сказалъ намъ, что ему надобно скоро ѣхать въ Петербургъ, чтобъ взять сестеръ своихъ изъ Патріотическаго Института, гдѣ онѣ воспитывались на казенномъ содержаніи. Мать Гоголя должна была весною пріѣхать за дочерьми въ Москву. Я самъ вмѣстѣ съ Вѣрой сбирался ѣхать въ Петербургъ, чтобъ отвезть моего Мишу въ Пажескій

Корпусъ, гдѣ онъ былъ давно кандидатомъ. Я сейчасъ предложилъ Гоголю ѣхать вмѣстѣ, и онъ очень былъ тому радъ.

Не зная хорошенько времени, когда долженъ былъ послѣдовать выпускъ воспитанницъ изъ Патріотическаго Института, Гоголь сначала торопился отъѣздомъ. Это видно изъ записки Погодина ко мнѣ, въ которой онъ пишетъ, что Гоголь проситъ меня справиться объ этомъ выпускѣ; но торопиться было не къ чему: выпускъ послѣдовалъ въ Декабрѣ. Во всякомъ случаѣ, замедленіе отъѣзда происходило отъ насъ. Я писалъ Гоголю 20-го Октября, что „желая непремѣнно ѣхать вмѣстѣ съ вами, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, можете ли вы отложить свой отъѣздъ до вторника? Если не можете, мы ѣдемъ въ воскресенье поутру“. На той же запискѣ Гоголь отвѣчалъ:

„Коли вамъ это непремѣнно хочется и нужно, и я могу сдѣлать вамъ этимъ удовольствіе, то готовъ отложить отъѣздъ свой до вторника охотно“. Но и во вторникъ отъѣздъ былъ отложенъ, и мы выѣхали въ четвергъ послѣ обѣда 26-го Октября (1839 г.). Я взялъ особый дилижансъ, раздѣленный на два купе: въ заднемъ — я съ Вѣрой. Оба купе сообщались двумя небольшими окнами, въ которыхъ деревянныя рамки можно было поднимать и опускать: съ нашей стороны въ рамкахъ были вставлены два зеркала. Это путешествіе было для меня и для дѣтей моихъ такъ пріятно, такъ весело, что я и теперь вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ. Гоголь былъ такъ любезенъ, такъ постоянно шутливъ, что мы помирали со смѣху. Всѣ эти шутки обыкновенно происходили на станціяхъ или при разговорахъ съ кондукторомъ и ямщиками. Самый обыкновенный вопросъ или какое нибудь требованіе Гоголь умѣлъ такъ сказать забавно, что мы сейчасъ начинали хохотать; иногда даже было намъ совѣстно передъ Гоголемъ, особенно когда мы бывали окружены толпою слушателей. Въ продолженіе дороги, которая тянулась болѣе четырехъ сутокъ, Гоголь говорилъ иногда съ увлеченіемъ о жизни въ Италіи, о живописи (которую очень любилъ и къ которой имѣлъ рѣшительный талантъ), объ искусствѣ вообще, о комедіи въ особенности, о своемъ „Ревизорѣ“, очень сожалѣя о томъ, что главная роль Хлестакова играется дурно въ Петербургѣ и Москвѣ, отъ чего піэса теряла весь смыслъ (хотя въ Москвѣ онъ не видалъ „Ревизора“ на сценѣ). Онъ предлагалъ мнѣ, воротясь изъ Петербурга, разыграть „Ревизора“ на домашнемъ театрѣ; самъ хотѣлъ взять роль Хлестакова, мнѣ предлагалъ Городничаго, Томашевскому (съ которымъ я успѣлъ его познакомить), служившему цензоромъ въ Почтамтѣ, назначалъ роль

почтмейстера, и такъ далѣе. Много высказывалъ Гоголь такихъ ясныхъ и вѣрныхъ взглядовъ на искусство, такихъ тонкихъ пониманій художества, что я былъ очарованъ имъ. Большую же часть во время ѣзды, закутавшись въ шинель, поднявъ ея воротникъ выше головы, онъ читалъ какую-то книгу, которую пряталъ подъ себя или клалъ въ мѣшокъ, который всегда выносилъ съ собою на станціяхъ. Въ этомъ огромномъ мѣшкѣ находились принадлежности туалета: какое-то масло, которымъ онъ мазалъ свои волосы, усы и эспаньолку, нѣсколько головныхъ щетокъ, изъ которыхъ одна былъ очень большая и кривая: ею Гоголь разсчесывалъ свои длинные волосы. Тутъ же были ножницы, щипчики и щеточки для ногтей, наконецъ, нѣсколько книгъ. Сосѣдъ Гоголя, четырнадцатилѣтній нашъ Миша, живой и веселый, всегда показывалъ намъ знаками, чтó дѣлаетъ Гоголь, читаетъ или дремлетъ. Миша подсмотрѣлъ даже, какую книгу онъ читалъ: это былъ Шекспиръ на Французскомъ языкѣ.

Гоголь чувствовалъ всегда, особенно въ сидячемъ положеніи, необыкновенную зябкость; безъ сомнѣнія это было признакомъ болѣзненнаго состоянія нервъ, которые не пришли еще въ свое нормальное положеніе послѣ смерти Пушкина. Гоголь могъ согрѣвать ноги только ходьбою, и для того въ дорогу онъ надѣлъ сверхъ сапоговъ длинные и толстые Русскіе шерстяные чулки и сверхъ всего этого теплые медвѣжьи сапоги. Не смотря на то, онъ на каждой станціи бѣгалъ по комнатамъ и даже улицамъ во все время, пока перекладывали лошадей, или просто ставилъ ноги въ печку. Гоголь былъ тогда еще немножко гастрономъ; онъ взялъ на себя распоряженіе нашимъ кофеемъ, чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ. Ѣхали мы чрезвычайно медленно, потому что лошади, возившія дилижансы, едва таскали ноги, и Гоголь расчиталъ, что на другой день, часовъ въ пять пополудни, мы должны пріѣхать въ Торжокъ, слѣдственно должны тамъ обѣдать и полакомиться знаменитыми котлетами Пожарскаго, и ради таковыхъ причинъ далъ намъ только позавтракать, обѣдать же не далъ. Мы весело повиновались такому распоряженію. Вмѣсто 5-ти часовъ вечера, мы пріѣхали въ Торжокъ въ 3 часа утра. Гоголь шутилъ такъ забавно надъ будущимъ нашимъ утреннимъ обѣдомъ, что мы съ громкимъ смѣхомъ взошли на лѣстницу извѣстной гостинницы, а Гоголь сейчасъ заказалъ намъ дюжину котлетъ, съ тѣмъ, чтобъ другихъ блюдъ не спрашивать. Черезъ полчаса были готовы котлеты, и одна ихъ наружность и запахъ возбудили сильный аппетитъ въ проголодавшихся путешественникахъ. Котлеты были точно необыкновенно вкусны, но вдругъ (кажется, первая Вѣра) мы всѣ перестали жевать, а начали вытаскивать изъ

своихъ ртовъ довольно длинные бѣлокурые волосы. Картина была очень забавная, а шутки Гоголя придали столько комическаго этому приключенію, что нѣсколько минутъ мы только хохотали, какъ безумные. Успокоившись, принялись мы разсматривать свои котлеты, и чтó же оказалось? Въ каждой изъ нихъ мы нашли по нѣскольку десятковъ такихъ же длинныхъ бѣлокурыхъ волосъ! Какъ они туда попали, я и теперь не понимаю. Предположенія Гоголя были одно другого смѣшнѣе. Между прочимъ говорилъ онъ съ своимъ неподражаемымъ Малороссійскимъ юморомъ, что вѣрно поваръ былъ пьянъ и не выспался, что его разбудили и что онъ съ досады рвалъ на себѣ волосы, когда готовилъ котлеты; а можетъ быть онъ и не пьянъ и очень добрый человѣкъ, а былъ боленъ недавно лихорадкой, отъ чего у него лѣзли волосы, которые и падали на кушанье, когда онъ приготовлялъ его, потряхивая своими бѣлокурыми кудрями. Мы послали для объясненія за половымъ, а Гоголь предупредилъ насъ, какой отвѣтъ мы получимъ отъ половаго: „Волосы-съ? Какіе-же тутъ волосы-съ? Откуда придти волосамъ-съ? Это такъ-съ, ничего-съ! Куриныя перушки или пухъ, и проч. и проч.“ Въ самую эту минуту вошелъ половой и на предложенный нами вопросъ отвѣчалъ точно тоже, чтó говорилъ Гоголь, многое даже тѣми же самыми словами. Хохотъ до того овладѣлъ нами, что половой и нашъ человѣкъ посмотрѣли на насъ, выпуча глаза отъ удивленія, и я боялся, чтобы Вѣрѣ не сдѣлалось дурно. Наконецъ, припадокъ смѣха прошелъ. Вѣра попросила себѣ разогрѣть бульону; а мы трое, вытаскавъ предварительно всѣ волосы, принялись мужественно за котлеты.

Такъ же весело продолжалась вся дорога. Не помню гдѣ-то предлагали намъ купить пряниковъ. Гоголь, взявши одинъ изъ нихъ, началъ съ самымъ простодушнымъ видомъ и серьезнымъ голосомъ увѣрять продавца, что это не пряники; что онъ ошибся и захватилъ какъ нибудь куски мыла вмѣсто пряниковъ, что и по бѣлому ихъ цвѣту это видно, да и пахнутъ они мыломъ, что пусть онъ самъ отвѣдаетъ и что мыло стоитъ гораздо дороже чѣмъ пряники. Продавецъ сначала очень серьезно и убѣдительно доказывалъ, что это точно пряники, а не мыло и, наконецъ, разсердился. Въ моемъ разсказѣ ничего нѣтъ смѣшнаго, но, слушая Гоголя, не было возможности не смѣяться.

Помню я также завтракъ на станціи въ Померани, которая издавна славилась своимъ кофеемъ и вафлями и еще болѣе была замѣчательна, тогда уже старымъ, своимъ слугою, 20 лѣтъ ходившимъ повидимому въ одномъ и томъ же фракѣ, въ однихъ и тѣхъ же чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Это былъ лакей высшаго разряда, съ самой пред-

ставительной наружностью и приличными манерами. Его знала вся Россія, ѣздившая въ Петербургъ. Въ какое бы время дня и ночи ни пріѣхали порядочно одѣтые путешественники, особенно дамы, лакей-джентльменъ являлся немедленно въ полномъ своемъ костюмѣ. Меня увѣряли, что онъ всегда спалъ въ немъ, сидя на стулѣ. Съ этимъ-то интереснымъ для Гоголя человѣкомъ умѣлъ онъ разговаривать такъ мастерски, впадая въ его тонъ, что всегда хладнокровно-учтивый старикъ, оставляя вѣчно носимую маску, являлся другимъ лицомъ, такъ сказать, съ внутренними своими чертами. Въ этомъ разговорѣ было что-то умилительно-забавное и для меня даже трогательное.

30-го Октября въ 8 часовъ вечера пріѣхали мы въ Петербургъ. Не доѣзжая до Владимирской, гдѣ былъ домъ Карташевскихъ, Гоголь вышелъ изъ дилижанса, захватилъ свой мѣшокъ и простился съ нами. Онъ не зналъ, гдѣ остановится: у Плетнева или у Жуковскаго. Онъ обѣщалъ немедленно прислать за своими вещами и чемоданомъ и увѣдомить насъ о своей квартирѣ; хотѣлъ также скоро побывать и самъ. Но обѣщанія Гоголя въ этомъ родѣ были весьма невѣрны: въ тотъ же самый вечеръ, но такъ поздно, что всѣ уже легли спать, Гоголь пріѣзжалъ самъ, взялъ свой мѣшокъ и еще кое-что и сказалъ человѣку, что пришлетъ за остальными вещами; но гдѣ живетъ, не сказалъ. На другой день я поѣхалъ его отыскивать, но не успѣлъ отыскать. По множеству моихъ разъѣздовъ, я не успѣлъ побывать у Плетнева, а у Жуковскаго Гоголя не оказалось. Наконецъ, 3-го Ноября, я былъ у Гоголя. Онъ только что переѣхалъ къ Жуковскому и обѣщалъ на другой день, то-есть 4-го, пріѣхать обѣдать къ намъ. Онъ очень мнѣ обрадовался, но казался чѣмъ-то смущеннымъ и уже не походилъ на прежняго, *дорожнаго* Гоголя. Онъ развеселился нѣсколько, говоря, что возметъ своихъ сестеръ и опять вмѣстѣ съ нами поѣдетъ въ Москву; хотѣлъ немедленно, какъ только можно будетъ переѣхать черезъ Неву, повезти насъ въ Патріотическій Институтъ, чтобъ познакомить съ своими сестрами. Онъ не остался у насъ обѣдать, потому что за нимъ прислалъ Жуковскій. Я познакомилъ его съ моими хозяевами. Гоголь всѣмъ не очень понравился, даже Машенькѣ. Вообще должно сказать, что, кромѣ Машеньки, никто не понималъ и не цѣнилъ Гоголя, какъ писателя. Григорій Ивановичъ Карташевскій даже и не читалъ его; но я надѣялся, что онъ можетъ и долженъ вполнѣ оцѣнить Гоголя, потому что въ молодости, когда онъ былъ еще моимъ воспитателемъ, онъ страстно любилъ Донъ-Кихота, обожалъ Шекспира и Гомера и первый развилъ въ моей душѣ любовь къ искусству. Ожиданія мои не справдались, что̀ увидимъ впослѣдствіи.

5-го Ноября я еще не сходилъ сверху, потому что до половины втораго просидѣлъ у меня Кавелинъ, только что успѣли прибѣжать ко мнѣ Вѣра и Машенька, чтобъ послушать „Арабески“ Гоголя, которые я наканунѣ купилъ для Машеньки — какъ вбѣжалъ самъ Гоголь, до того замерзшій, что даже жалко и смѣшно было смотрѣть на него (въ то время стояла въ Петербургѣ страшная стужа, до 23 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ); но потомъ, посогрѣвшись, онъ былъ очень веселъ и забавенъ съ обѣими дѣвицами. Сидѣлъ очень долго и просидѣлъ бы еще дольше, но пришелъ Ив. Ив. Панаевъ: это напомнило Гоголю, что ему пора идти. Несмотря на то, что Гоголь показался всѣмъ очень веселымъ, внутренно онъ былъ чрезвычайно разстроенъ. 5-го же Ноября онъ былъ у меня опять и открылъ мнѣ свое затруднительное положеніе. Онъ былъ обнадеженъ Жуковскимъ, что сестры его получатъ вспоможеніе при выходѣ изъ Института отъ щедротъ Государыни; но теперь никто не берется доложить ей о томъ, ибо по случаю нездоровья она не занимается дѣлами, и безпокоить ее докладами считаютъ неприличнымъ. Гоголь сказалъ, что на счетъ его уже начались сплетни и что онъ горитъ нетерпѣніемъ поскорѣе отсюда уѣхать. Очень просилъ, чтобъ я съ Вѣрой и съ нимъ съѣздилъ къ его сестрамъ и поручилъ мнѣ въ каждомъ письмѣ писать къ моей женѣ и Константину по пяти поклоновъ. Я былъ взволнованъ его положеніемъ и предложилъ ему все что̀ тогда у меня было, разумѣется бездѣлицу; онъ сказалъ что-то весьма растроганнымъ голосомъ и убѣжалъ. Въ тотъ же день я описалъ все подробно Ольгѣ Семеновнѣ, замѣтивъ, что вѣроятно Гоголю надобно много денегъ, что все это, какъ я надѣюсь, поправится, а въ противномъ случаѣ—я поправлю.

Во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей, во всемъ кругѣ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь и кто бы цѣнилъ его вполнѣ. Даже никого, кто бы всего его прочелъ! О, Петербургъ, о, пошло-дѣловой Петербургъ! Вотъ напримѣръ, Владимиръ Ивановичъ Панаевъ, тоже старый мой товарищъ, литераторъ и членъ Россійской Академіи, съ которымъ, разумѣется, я никогда о Гоголѣ не разсуждалъ, вдругъ спрашиваетъ меня при многихъ свидѣтеляхъ: „А что̀ Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?“ Не помню, что̀ я отвѣчалъ ему; но вѣроятно присутствіе другихъ спасло его отъ такого отвѣта, отъ котораго не поздоровилось бы ему.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней Гоголь еще надѣялся на какія-то благопріятныя обстоятельства; мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ,

но на короткое время. Всякій разъ условливались, когда ѣхать къ его сестрамъ, и всякій разъ что-нибудь мѣшало.

Наконецъ 13-го Ноября обѣдалъ у насъ Гоголь. Григорій Ивановичъ, который успѣлъ прочесть кое-что изъ него и всю ночь хохоталъ отъ „Вія", увы, также не могъ вполнѣ понять художественное достоинство Гоголя; онъ почувствовалъ только одинъ комизмъ его. Это не помѣшало ему быть вполнѣ любезнымъ по своему съ своимъ землякомъ. Гоголь за обѣдомъ вдругъ спросилъ меня потихоньку: „Откуда этотъ превосходный портретъ?" и указалъ на портретъ Кириловны, написанный Машенькой Карташевской. Я, разумѣется, сейчасъ объяснилъ дѣло, и Машенька, которой по нездоровью не было за столомъ, также и Вѣры, была сердечно утѣшена отзывомъ Гоголя. Послѣ обѣда онъ смотрѣлъ портретъ Вѣры, начатый Машенькой, и портретъ нашей Марихенъ, сдѣланный Вѣрой, и чрезвычайно хвалилъ, особенно портретъ Марихенъ, и въ заключеніи сказалъ, что имъ нужно коротко познакомиться съ Вандикомъ, чтобъ усовершенствоваться. Оба друга были въ восхищеніи. Я объяснилъ ему, какое прекрасное существо Машенька Карташевская. Послѣ обѣда Гоголь долго говорилъ съ Григоріемъ Ивановичемъ объ искусствѣ вообще: о музыкѣ, живописи, о театрѣ и характерѣ Малороссійской поэзіи; говорилъ удивительно хорошо! Все было такъ ново, свѣжо и истинно! И какой же вышелъ результатъ? Григорій Ивановичъ, этотъ умный, высоконравственный, просвѣщенный и доступный пониманію нѣкоторыхъ сторонъ искусства человѣкъ, сказалъ намъ съ Вѣрой: что Малороссійскій народъ пустой и что Гоголь самъ точно такой же Хохолъ, какихъ онъ представляетъ въ своихъ повѣстяхъ, что ему мало одного, что онъ хочетъ быть и музыкантомъ, и живописцемъ, и началъ бранить его за то, что онъ предался Италіи. Это меня сердечно огорчило, и Вѣра печально сказала мнѣ: „Чтó послѣ этого и говорить, если Григорій Ивановичъ не можетъ понять, какое глубокое и великое значеніе имѣетъ для Гоголя вообще искусство, въ какихъ бы оно формахъ ни проявлялось!"

13-го Ноября этого года осталось для меня незабвеннымъ днемъ на всю мою жизнь. Послѣ обѣда, часовъ въ 7, мы ушли съ Гоголемъ на верхъ, чтобъ поговорить на единѣ. Когда я позвалъ Гоголя, обнялъ его одной рукою и повелъ такимъ образомъ на верхъ, то на лицѣ его изобразилось такое волненіе и смущеніе... Нѣтъ, оба эти слова не выражаютъ того, чтò выражалось на его лицѣ! Я почувствовалъ, что Гоголь, предвидя, о чемъ я буду говорить съ нимъ, терзался внутренно, что ему это было больно, непріятно, унизительно. Мнѣ вдругъ сдѣла-

лось такъ совѣстно, такъ стыдно, что я привожу въ непріятное смущеніе, даже въ какую-то робость этого геніальнаго человѣка,—и я на минуту поколебался: говорить ли мнѣ съ нимъ объ его положеніи? Но, взойдя на верхъ, Гоголь преодолѣлъ себя и началъ говорить самъ.

Его обстоятельства были слѣдующія. Жуковскій увѣрилъ его, черезъ письмо, еще въ Москву, что Императрица пожалуетъ его сестрамъ при выходѣ изъ Института по крайней мѣрѣ по тысячѣ рублей (что́ впрочемъ я уже отчасти зналъ). Съ этой вѣрной надеждой онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; но она не сбылась, по нездоровью Государыни, и неизвѣстно, когда сбудется. Къ довершенію всего Гоголь потерялъ свой бумажникъ съ деньгами, да еще съ записками, для него очень важными. Объ этомъ было публиковано въ Полицейской Газетѣ; но, разумѣется, бумажникъ не нашелся, именно потому, что въ немъ были деньги. Кромѣ того, что ему надобно было одѣть сестеръ и довезти до Москвы, онъ долженъ заплатить за какіе-то уроки... Что̀ дѣлать? Къ кому обратиться? Все кругомъ холодно, какъ ледъ, а денегъ ни гроша! У людей близкихъ, т. е. у Жуковскаго и Плетнева, онъ почему-то денегъ просить не могъ (вѣроятно, онъ имъ былъ долженъ). Просить у другихъ, не имѣя на то никакого права, считалъ онъ унизительнымъ, безчестнымъ и даже безполезнымъ. Хотя я живо помню, но пересказать не умѣю, какъ вскипѣла моя душа. Прерывающимся отъ внутренняго чувства, но въ тоже время твердымъ голосомъ, я сказалъ ему, что я могу безъ малѣйшаго стѣсненія, совершенно свободно, располагать 2000 рублей; что ему будетъ грѣхъ, если онъ, хотя на одну минуту, усумнится; что не онъ будетъ одолженъ мнѣ, а я ему; что помочь ему въ затруднительномъ положеніи я считаю самою счастливою минутою моей жизни; что я имѣю право на это счастье по моей дружбѣ къ нему; имѣю право даже на то, чтобы онъ взялъ эту помощь безъ малѣйшаго смущенія, и не только безъ непріятнаго чувства, но съ удовольствіемъ, которое чувствуетъ человѣкъ, доставляя удовольствіе другому человѣку.—Видно, въ словахъ моихъ и на лицѣ моемъ выражалось столько чувства правды, что лице Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ. Вмѣсто отвѣта, онъ благодарилъ Бога за эту минуту, за встрѣчу на землѣ со мной и моимъ семействомъ, протянулъ мнѣ обѣ свои руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, какими смотрѣлъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абрамцева въ Москву и прощаясь со мной не надолго. (Я вѣрю, что въ немъ это было предчувствіе вѣчной разлуки...) Гоголь не скрылъ отъ меня, что зналъ напередъ, какъ поступлю я: но что въ тоже время зналъ черезъ Погодина и Шевырева о моемъ

нерѣдко затруднительномъ положеніи, зналъ, что я иногда самъ нуждаюсь въ деньгахъ, и что мысль быть причиною какого нибудь лишенія цѣлаго огромнаго семейства его терзала, и потому-то было такъ ему тяжело признаваться мнѣ въ своей бѣдности, въ своей крайности; что, успокоивъ его на мой счетъ, я свалилъ камень его давившій, что ему теперь легко и свободно. Онъ съ любовію и радостью началъ говорить о томъ, что́ у него уже готово въ мысляхъ и что онъ сдѣлаетъ по возвращеніи въ Москву; что кромѣ труда, завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, то есть „Мертвыя Души"— у него составлена въ головѣ трагедія изъ Исторіи Запорожья, въ которой все готово, до послѣдней нитки, даже въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ; что это его давнишнее, любимое дитя, что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу. Онъ говорилъ о моемъ семействѣ, которое вполнѣ понималъ и цѣнилъ; особенно о моемъ Константинѣ, котораго нетерпѣливо желалъ перенести изъ отвлеченнаго міра мысли въ міръ искусства, куда, не смотря на философское направленіе, влекло его призваніе. Сердца наши были переполнены чувствомъ; я видѣлъ, что каждому изъ насъ нужно было остаться на единѣ. Я обнялъ Гоголя, сказалъ ему, что мнѣ необходимо надобно ѣхать и просилъ, чтобы завтра, послѣ обѣда, онъ зашелъ ко мнѣ или назначилъ мнѣ часъ, когда я могу пріѣхать къ нему съ деньгами, которыя спрятаны у моей сестры; что никто, кромѣ Константина и моей жены знать объ этомъ не долженъ. Гоголь, спокойный и веселый, ушелъ отъ меня. Я, конечно, былъ вполнѣ счастливъ; но денегъ у меня не было. Надобно было ихъ достать, что́ не составляло трудности: я сейчасъ написалъ записку и попросилъ на двѣ недѣли 2000 рублей *) къ извѣстному богачу, очень замѣчательному человѣку по своему уму и душевнымъ свойствамъ, разумѣется, весьма одностороннимъ,—откупщику Бенардаки, съ которымъ былъ хорошо знако́мъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что завтра поутру пріѣдетъ самъ для исполненія моего „приказанія". Эта любезность была исполнена въ точности. Въ тотъ же вечеръ, я не вытерпѣлъ и нарушилъ обѣщаніе, добровольно данное Гоголю: я не могъ скрыть моего восторженнаго состоянія отъ Вѣры и друга ея Машеньки Карташевской, которую любилъ какъ дочь (впрочемъ онѣ были единственнымъ исключеніемъ). Обѣ мои дѣвицы пришли въ восхищеніе. 14-го Ноября Гоголь ко мнѣ не приходилъ. 15-го я писалъ къ нему записку и звалъ за *нужнымъ*.

*) Для уплаты этихъ денегъ я написалъ въ Москву къ должнику своему Великопольскому, который сейчасъ выслалъ мнѣ 2700 рублей, то есть весь долгъ.

Гоголь не приходилъ. 16-го я поѣхалъ къ нему самъ, не засталъ его дома. Зная отъ Бенардаки, который 14-го числа самъ привезъ мнѣ поутру 2000 рублей, что именно 16 Гоголь обѣщалъ у него обѣдать, я написалъ записку къ Гоголю и велѣлъ человѣку дожидаться его у Бенардаки; но Гоголь обманулъ и не приходилъ обѣдать. На меня напало безпокойство и сомнѣніе, что Гоголь раздумалъ взять у меня деньги. Замѣчательно, что этотъ Грекъ Бенардаки, очень умный, но безъ образованія, былъ единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, который называлъ Гоголя геніальнымъ писателемъ и знакомство съ нимъ ставилъ себѣ за большую честь.

Въ этотъ же день, 16-го Ноября, обѣдали у Карташевскихъ два тайныхъ совѣтника: весьма извѣстный и любимый прежде литераторъ Хмѣльницкій и другой тоже литераторъ, мало извѣстный, но не безъ дарованія, Марковъ. Нѣсколько разъ разговоръ обращался на Гоголя. Боже мой, что́ они говорили, какъ они понимали его—этому трудно повѣрить! Я тогда же написалъ объ нихъ въ письмѣ къ моей женѣ, что это были Калибаны въ пониманіи искусства, и это совершенная правда. Зная свою горячность, рѣзкость и неумѣренность въ своихъ выраженіяхъ, я молилъ только Бога дать мнѣ терпѣніе и положить храненіе устамъ моимъ. Я ходилъ по залѣ съ Вѣрой и Машенькой, гдѣ однако были слышны всѣ разговоры, и удивлялся вмѣстѣ съ ними крайнему тупоумію и невѣжеству высшей Петербургской публики, какъ служебной, такъ и литературной. Брату Николаю Тимоѳеевичу было даже совѣстно за стариннаго его пріятеля Хмѣльницкаго, а Григорію Ивановичу—за Маркова. Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло; я подошелъ къ нимъ и съ убійственнымъ выраженіемъ сказалъ: „Ваши превосходительства, сядемте-ка лучше въ карты!"

Только что мы кончили игру, въ которую я съ злобнымъ удовольствіемъ обыгралъ всѣхъ трехъ тайныхъ совѣтниковъ, какъ пришелъ ко мнѣ Гоголь. Я выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и увелъ его на верхъ. Слава Богу, все исполнилось по моему желанію! Гоголь взялъ деньги и былъ спокоенъ, даже веселъ. Онъ не приходилъ ко мнѣ, потому что переѣзжалъ отъ Плетнева къ Жуковскому во дворецъ. Впрочемъ, я не вполнѣ повѣрилъ его словамъ, потому что на его переѣздъ достаточно было одного часа, и у меня осталось сомнѣніе, что Гоголь колебался взять у меня деньги и, можетъ быть, даже пробовалъ достать ихъ у кого нибудь другаго. На другой день мы назначили ѣхать съ нимъ въ Патріотическій Институтъ.

Должно упомянуть, что въ это время вышли изъ печати вторыя „Три повѣсти" Н. Ф. Павлова, что, сравнивая ихъ съ прежними, многіе нападали на нихъ, а Гоголь постоянно защищалъ, доказывая, что онѣ имѣютъ свое неотъемлемое достоинство (наблюдательный умъ сочинителя и прекрасный языкъ) и что онѣ нисколько не хуже первыхъ.

Наконецъ, 17-го ѣздили мы съ Вѣрой и съ Гоголемъ къ его сестрамъ. Гоголь былъ нѣжный братъ; онъ боялся, что сестры его произведутъ на насъ невыгодное впечатлѣніе; онъ во всю дорогу приготовлялъ насъ, разсказывая объ ихъ неловкости и застѣнчивости и неумѣніи говорить. Мы нашли ихъ точно такими, какъ ожидали, т. е. совершенными монастырками. Вѣра старалась обласкать ихъ какъ можно больше; онѣ были увѣрены, что въ слѣдующій четвергъ, 23 Ноября, ѣдутъ вмѣстѣ съ нами въ Москву. Гоголь просилъ насъ обмануть ихъ, кажется для того, чтобы заранѣе взять ихъ изъ Института, съ которымъ онѣ не хотѣли разстаться, за долго до отъѣзда. Меньшая Лиза, веселая и живая, была любимицей брата. Можетъ быть, и самъ Гоголь этого не зналъ; но мы замѣтили. Изъ Института мы завезли Гоголя на его квартиру у Жуковскаго, который жилъ во дворцѣ, потому что Гоголь, давши слово обѣдать съ нами у Карташевскихъ, сказалъ намъ, что ему нужно чѣмъ то дома распорядиться. Мы дожидались его съ четверть часа и не вдругъ замѣтили, что онъ бѣгалъ на квартиру для того, чтобъ надѣть фракъ. Гоголь сказалъ намъ, что на другой день онъ перевозитъ сестеръ своихъ къ княгинѣ Репниной (бывшей Балабиной), у которой онѣ останутся до отъѣзда. Гоголю совѣстно было оставлять ихъ тамъ слишкомъ долго, и потому Гоголь просилъ меня ускорить нашъ отъѣздъ изъ Петербурга. Это приводило меня въ большое затрудненіе; потому что судьба моего Миши не была устроена, и отъѣздъ мой могъ быть отложенъ очень на долго. Я не вдругъ даже рѣшился сказать объ этомъ Гоголю, потому что такое извѣстіе было бы для него ударомъ. Ему казалось невозможнымъ ѣхать одному съ сестрами, которыя семь лѣтъ не выѣзжали изъ Института, ничего не знали и всего боялись. Впослѣдствіи мы испытали на дѣлѣ, что опасенія Гоголя были справедливы. Послѣдующіе дни Гоголь не такъ часто видѣлся съ нами, потому что очень занимался своими сестрами: онъ самъ покупалъ все нужное для ихъ костюма, нерѣдко терялъ записки нужныхъ покупокъ, которыя онѣ ему давали, и покупалъ совсѣмъ не то, чтó было нужно; а между тѣмъ у него была маленькая претензія, что онъ во всемъ знаетъ толкъ и умѣетъ купить хорошо и дешево. Когда же Гоголь сидѣлъ у меня, то любимый его разговоръ былъ о томъ, какъ онъ весною увезетъ съ собою Константина въ Италію и какъ благо-

творно подѣйствуетъ на него эта классическая страна искусства. Я предупредилъ его, что мы не можемъ скоро ѣхать и чтобъ онъ насъ не дожидался. Гоголь съ тяжелымъ вздохомъ признался мнѣ, что безъ насъ никакъ не можетъ ѣхать, и потому будетъ ждать нашего отъѣзда, какъ бы онъ поздно ни послѣдовалъ. Очень жаловался на юродство институтскаго воспитанія и говорилъ, что его сестры не умѣютъ даже ходить по-человѣчески. Онъ хотѣлъ на дняхъ привести ихъ къ намъ, чтобъ познакомить съ сестрой Надиной и ея дочерьми. Гоголь опять читалъ повѣсти Н.Ф. Павлова, опять многое хвалилъ и говорилъ, что онъ имѣетъ свое неотъемлемое достоинство.

24 го Ноября Гоголь сидѣлъ у меня цѣлое утро и сказалъ мнѣ между прочимъ, что здѣшнія мерзости не такъ уже его оскорбляютъ, что онъ впадаетъ въ апатію и что ему скоро будетъ все равно, какъ бы о немъ ни думали и какъ бы съ нимъ ни поступали. Совѣстно было мнѣ оставлять его долго въ этомъ положеніи и отнимать у него время, которое можетъ быть было бы творчески плодотворно въ Москвѣ. Къ тому же сестры его грустили по Институту, и дальнѣйшее пребываніе ихъ у княгини Репниной было для него тягостно. Но что́ же было мнѣ дѣлать? Нельзя же было мнѣ пожертвовать для этого существенно-важными обстоятельствами для собственнаго моего семейства!

26-го Ноября давали „Ревизора". У насъ было два бель-этажа; но я никакъ не могъ уговорить Гоголя ѣхать съ нами. Онъ вѣрно разсчиталъ, до чего должно было дойдти его представленіе въ теченіе четырехъ лѣтъ: „Ревизора" нельзя было видѣть безъ отвращенія, всѣ актеры впали въ отвратительную карикатуру. Сосницкій сначала былъ не дуренъ; много было естественности и правды въ его игрѣ; слышно было, что Гоголь самъ два раза читалъ ему „Ревизора", онъ перенялъ коечто и еще не забылъ; но какъ скоро дошло до волненій духа, *до страсти*, говоря по театральному,—Сосницкій сдѣлался невыносимымъ ломакой, балаганнымъ паясомъ.

На другой день по утру я поѣхалъ къ Гоголю. Мнѣ сказали, что его нѣтъ дома, и я зашелъ къ его хозяину, къ Жуковскому. Я не былъ съ нимъ коротко знако́мъ; но по Кавелину и Гоголю онъ хорошо меня зналъ. Я засидѣлся у него часа два. Говорили о Гоголѣ. Я не могу умолчать, не смотря на все мое уваженіе къ знаменитому писателю и еще бо́льшее уваженіе къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, что Жуковскій не вполнѣ цѣнилъ талантъ Гоголя. Я подозрѣваю въ этомъ даже Пушкина, особенно потому, что Пушкинъ погибъ, зная

только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“. Оба они восхищались талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты и придавать имъ такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значеніе, что каждый образъ становился живымъ лицемъ, совершенно понятнымъ и незабвеннымъ для читателя, восхищались его юморомъ, комизмомъ,— и только. Серьезнаго значенія, мнѣ такъ кажется, они не придавали ему. Впрочемъ должно предположить по письмамъ и отзывамъ Жуковскаго, что онъ не понималъ Гоголя вполнѣ. Жуковскій также много говорилъ со мной о Милькѣевѣ, принимая теплое участіе въ его судьбѣ. Онъ читалъ мнѣ многія его письма, которыя несравненно лучше его стиховъ, имѣющихъ также достоинство, хотя одностороннее. Письма Милькѣева очень меня разогрѣли, и я раздѣлялъ надежды Жуковскаго, не оправдавшіяся впослѣдствіи. Наконецъ, я простился съ ласковымъ хозяиномъ и сказалъ, что зайду узнать, не воротился ли Гоголь, котораго мнѣ нужно видѣть.—„Гоголь никуда не уходилъ“, сказалъ Жуковскій: „Онъ дома и пишетъ. Но теперь пора уже ему гулять. Пойдемте“. И онъ провелъ меня черезъ внутреннія комнаты къ кабинету Гоголя, тихо отперъ и отворилъ дверь. Я едва не закричалъ отъ удивленія. Передо мной стоялъ Гоголь въ слѣдующемъ фантастическомъ костюмѣ: вмѣсто сапогъ длинные шерстяные Русскіе чулки, выше колѣнъ; вмѣсто сюртука, сверхъ фланелеваго камзола, бархатный спензеръ; шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, а на головѣ бархатный, малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ Мордовокъ. Гоголь писалъ и былъ углубленъ въ свое дѣло, и мы очевидно ему помѣшали. Онъ долго, *не зря смотрѣлъ* на насъ, по выраженію Жуковскаго, но костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся. Жуковскій сейчасъ ушелъ, и я, скрѣпя сердце, сказалъ Гоголю, что мы поѣдемъ изъ Петербурга послѣ 6-го Декабря. Онъ былъ очень огорченъ, но отвѣчалъ, что дѣлать нечего, и что онъ покоряется своей участи. Я звалъ его гулять, но онъ возразилъ, что еще рано. Я, увидѣвъ, что ему надобно было что-то кончить, сейчасъ съ нимъ простился.

29-го Ноября, передъ обѣдомъ, Гоголь привозилъ къ намъ своихъ сестеръ. Ихъ разласкали до нельзя, даже больная моя сестра встала съ постели, чтобъ принять ихъ; но это были такія дикарки, какихъ и вообразить нельзя. Онѣ стали несравненно хуже чѣмъ были въ Институтѣ: въ новыхъ длинныхъ платьяхъ совершенно не умѣли себя держать, путались въ нихъ, безпрестанно спотыкались и падали, отъ чего приходили въ такую конфузію, что ни на одинъ вопросъ ни слова не отвѣчали. Жалко было смотрѣть на бѣднаго Гоголя.

Мы условились съ нимъ послѣ завтра въ одно время пріѣхать въ Эрмитажъ: мы съ Панаевымъ, который доставилъ намъ вѣчный билетъ для входа, а Гоголь съ сестрами и съ Балабиной. Гоголь предлагалъ Вѣрочкѣ и Машенькѣ осмотрѣть картины Жуковскаго, между которыми были очень замѣчательныя, и также его чудесный альбомъ, стоившій, какъ говорили, тысячъ 40. Разумѣется, это надо было сдѣлать въ отсутствіи хозяина, что̀ мои дѣвицы находили не совсѣмъ удобнымъ. Въ Эрмитажѣ мы были 1-го Декабря съ Панаевымъ до 2-хъ часовъ, а потомъ съ какимъ-то чичероне вплоть до сумерекъ. Уже въ послѣднихъ комнатахъ, передъ самымъ выходомъ, встрѣтили мы сестеръ Гоголя съ старухой Балабиной и ея дочерью; но самъ Гоголь не пріѣзжалъ. Сестры его сказали намъ, что онѣ сейчасъ отъ Жуковскаго; онѣ вѣроятно осматривали картины и знаменитый альбомъ.

2-го Декабря былъ у насъ Гоголь, и мы вновь опечалили его извѣстіемъ, что и послѣ 6-го Декабря отъѣздъ нашъ на нѣсколько дней отлагается. 3-го Декабря я читалъ „Арабески“ Григорію Ивановичу, Машенькѣ и Вѣрочкѣ. Я прочелъ „Жизнь“, „Невскій Проспектъ“, съ нѣкоторыми выпусками, и „Записки Сумашедшаго“. Григорій Ивановичъ очень хвалилъ, а Машенька и Вѣра были въ восхищеніи и тронуты до слезъ. До 6-го Декабря мы видѣлись съ Гоголемъ одинъ разъ на короткое время. 6-го Декабря я ѣздилъ въ Царское Село, и надежда на помѣщеніе Миши въ Лицей разрушилась. Я рѣшился помѣстить его или въ экстерны Пажескаго Корпуса, или въ Юнкерскую Школу. 7-го Декабря я написалъ къ Гоголю обо всемъ случившемся со мной и также о томъ, что теперь я самъ не знаю, когда поѣду, и чтобъ онъ не ждалъ меня. Я получилъ отвѣтъ самый нѣжный и грустный *). Гоголь обвинялъ въ моей неудачѣ свою несчастную судьбу, не хотѣлъ безъ меня ѣхать и жалѣлъ только о томъ, что я огорченъ. Жестокіе морозы повергли его въ уныніе, и въ добавокъ онъ отморозилъ ухо. Онъ хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ на другой день; но я намѣревался предупредить его, потому что онъ очень легко одѣтъ. Гоголь не сталъ дожидаться слѣдующаго дня: онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ тотъ же день послѣ обѣда, сильно разстроенный моею неудачей, и утѣшалъ меня сколько могъ, даже вызвался развѣдать объ учителяхъ Юнкерской Школы. Онъ такъ страдалъ отъ стужи, что у насъ сердце переболѣло глядя на него.

До 11-го Декабря мы не видали Гоголя; морозы сдѣлались сноснѣе, и онъ, узнавъ отъ меня, что я не могу ничего положительнаго сказать

*) Онъ потерянъ; но слова Гоголевой записки сохранились въ письмѣ моемъ къ женѣ, писанномъ въ тотъ же день.

о своемъ отъѣздѣ, рѣшался черезъ недѣлю уѣхать одинъ съ сестрами. 13-го Гоголь былъ у насъ, и такъ какъ мы рѣшились черезъ нѣсколько дней непремѣнно ѣхать, то, разумѣется, условились ѣхать вмѣстѣ. Ѳедоръ Ивановичъ Васьковъ также вызвался ѣхать съ нами. 15-го Гоголь вторично привозилъ своихъ сестеръ; онѣ стали гораздо развязнѣе, много говорили и были очень забавны. Онѣ нетерпѣливо желали уѣхать поскорѣе въ Москву. Много разъ уже назначался день нашего отъѣзда и много разъ отмѣнялся по самымъ неожиданнымъ причинамъ, и Гоголь полагалъ, что именно ему что-то постороннее мѣшаетъ выѣхать изъ Петербурга.

Наконецъ, дня черезъ два (настоящаго числа не знаю), выѣхали мы изъ Петербурга. Я взялъ два особыхъ дилижанса: одинъ четверомѣстный, называющійся фамильнымъ, въ которомъ сѣли Вѣра, двѣ сестры Гоголя и я; другой двумѣстный, въ которомъ сидѣли Гоголь и Ѳедоръ Ивановичъ Васьковъ. Впрочемъ, въ продолженіи дня, Гоголь станціи на двѣ садился къ сестрамъ, а я—на его мѣсто къ Васькову.

Не смотря на то, что Гоголь нетерпѣливо желалъ уѣхать изъ Петербурга, возвратный нашъ путь совсѣмъ не былъ такъ веселъ, какъ путь изъ Москвы въ Петербургъ. Во-первыхъ, потому что Васьковъ, хотя былъ самое милое и доброе существо, былъ мало знакòмъ съ Гоголемъ, и во-вторыхъ, потому что послѣдняго сильно озабочивали и смущали сестры. Уродливость физическаго и нравственнаго институтскаго воспитанія высказывалась тутъ выпукло и ярко. Ничего, конечно, не зная и не понимая, онѣ всего боялись, отò всего кричали и плакали, особенно по ночамъ. Принужденность положенія въ дорогѣ, шубы, платки и теплая обувь наводили на нихъ тоску, такъ что имъ дѣлалось и тошно, и дурно. Къ тому же, какъ совершенныя дѣти, онѣ безпрестанно ссорились между собою. Все это приводило Гоголя въ отчаяніе и за настоящее, и за будущее ихъ положеніе. Надобно сказать правду, что бѣдной Вѣрочкѣ много было хлопотъ и заботъ, и я удивлялся ея терпѣнію. Я не знаю, чтò сталъ бы съ ними дѣлать Гоголь безъ нея. Онѣ бы свели его съ ума. Жалко и смѣшно было смотрѣть на Гоголя; онъ ничего не разумѣлъ въ этомъ дѣлѣ, и всѣ его пріемы и наставленія были не кстати, не у мѣста, не вó-время и совершенно безполезны, и геніальный поэтъ былъ въ этомъ случаѣ нелѣпѣе всякаго пошлаго человѣка. Одинъ Васьковъ смѣшилъ меня всю дорогу своими жалобами. Мы плѣнили его описаніемъ веселаго нашего пушествія съ Гоголемъ въ Петербургъ; онъ ожидалъ того же на возвратномъ пути, но вышло совсѣмъ напротивъ. Когда Гоголь садился вмѣстѣ съ Васьковымъ, то сейчасъ притво-

рялся спящимъ и въ четверо сутокъ не сказалъ ни одного слова; а Васьковъ, любившій спать днемъ, любилъ поговорить вечеромъ и ночью.

Онъ заговаривалъ съ своимъ сосѣдомъ, но мнимоспящій Гоголь не отвѣчалъ ни слова. Всякое утро Васьковъ прекомически благодарилъ меня за пріятнаго сосѣда, котораго онъ до сыта наслушался и нахохотался. На станціяхъ, во время обѣдовъ и завтраковъ, чая и кофе, не слыхали мы ни одной шутки отъ Гоголя. Онъ и Вѣра постоянно были заняты около капризныхъ *патріотокъ*, на которыхъ угодить не было никакой возможности, которымъ все не нравилось, потому что не было похоже на ихъ Институтъ, и которыя буквально почти ничего не ѣли, потому что кушанья были не такъ приготовлены, какъ у нихъ въ Институтѣ. Можно себѣ представить, что точно такая же исторія была въ Петербургѣ у княгини Репниной! Каково было смотрѣть на все это бѣдному Гоголю? Онъ просто былъ мученикъ.

Наконецъ, на пятые сутки притащились мы въ Москву. Натурально. сначала всѣ пріѣхали къ намъ. Гоголь познакомилъ своихъ сестеръ съ моей женой и съ моимъ семействомъ и перевезъ ихъ къ Погодину, у котораго и самъ помѣстился. Они занимали мезонинъ: на одной сторонѣ жилъ Гоголь, а на другой его сестры.

Тутъ начались наши почти ежедневныя свиданія. 2-го Января Ольга Семеновна съ Вѣрой уѣхала въ Курскъ. Третьяго числа, часа за два до обѣда, вдругъ прибѣгаетъ къ намъ Гоголь (меня не было дома), вытаскиваетъ изъ кармановъ макароны, сыръ - пармазанъ и даже сливочное масло, и проситъ, чтобъ призвали повара и растолковали ему какъ сварить макароны. Въ обыкновенное время обѣда Гоголь пріѣхалъ къ намъ съ Щепкинымъ, но меня опять не было дома: я поѣхалъ выручать свою шубу, которою обмѣнился съ кѣмъ-то въ Опекунскомъ Совѣтѣ. По необыкновенному счастію, я нашелъ свою прекрасную шубу, висящую на той же вѣшалкѣ: хозяинъ дрянной шубы, которую я надѣлъ вмѣсто своей, видно еще не кончилъ своихъ дѣлъ и оставался почти уже въ опустѣвшей залѣ Опекунскаго Совѣта. Чрезвычайно обрадованный я возвратился веселъ домой, гдѣ Гоголь и Щепкинъ уже давно меня ожидали. Гоголь встрѣтилъ меня слѣдующими словами: „Вы теперь сироты, и я привезъ макаронъ, сыру и масла, чтобъ васъ утѣшить. Я же слышалъ, что вы такой славный мѣхъ подцѣпили, чтó въ немъ есть не только звѣри, но и птицы и чортъ знаетъ что такое“. Когда подали макароны, которые, по приказанію Гоголя, не были доварены, онъ самъ принялся стряпать. Стоя на

ногахъ передъ миской, онъ засучилъ обшлага и съ торопливостью, и въ тоже время съ аккуратностью, положилъ сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мѣшать макароны, потомъ положилъ соли, потомъ перцу и наконецъ сыръ, и продолжалъ долго мѣшать. Нельзя было безъ смѣха и удивленія смотрѣть на Гоголя; онъ такъ отъ всей души занимался этимъ дѣломъ, какъ будто оно было его любимое ремесло, и я подумалъ, что еслибъ судьба не сдѣлала Гоголя великимъ поэтомъ, то онъ былъ бы непремѣнно артистомъ-поваромъ. Какъ скоро оказался признакъ, что макароны готовы, т. е. когда распустившійся сыръ началъ тянуться нитками, Гоголь съ великою торопливостью заставилъ насъ положить себѣ на тарелки макаронъ и кушать. Макароны точно были очень вкусны, но многимъ показались не доварены и слишкомъ посыпаны перцомъ; но Гоголь находилъ ихъ очень удачными, ѣлъ много и не чувствовалъ потомъ никакой тягости, на которую нѣкоторые потомъ жаловались. Въ этотъ день бѣдный Константинъ долженъ былъ встать изъ-за стола и недообѣдавши уѣхать, потому что онъ далъ слово обѣдать у Горчаковыхъ, да забылъ. Особенно было это ему тяжело, потому что мы не переставали надѣяться, что Гоголь что нибудь намъ прочтетъ; но это случилось еще не скоро. Во все время пребыванія Гоголя въ Москвѣ макароны появлялись у насъ довольно часто. На другой день получилъ я письмо отъ И. И. Панаева, въ которомъ онъ отъ имени Одоевскаго, Плетнева, Врасскаго, Краевскаго и отъ себя умолялъ, чтобъ Гоголь не продавалъ своихъ прежнихъ сочиненій Смирдину за 5 тыс. (и новой комедіи въ томъ числѣ), особенно потому, что *новая комедія* будетъ напечатана въ „Сынѣ Отечества“ или „Библіотекѣ для Чтенія“; а Врасскій предлагаетъ 6 тысячъ съ правомъ напечатать новую комедію въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Я очень хорошо понялъ благородную причину, которая заставила Гоголя торопиться продажею своихъ сочиненій, для чего онъ поручилъ все это дѣло Жуковскому; но о новой комедіи мы не слыхали. Я немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, разумѣется, ни той, ни другой продажи не состоялось. Подъ *новой комедіей* вѣроятно разумѣлись разные отрывки изъ недописанной Гоголемъ комедіи, которую онъ хотѣлъ назвать: „Владиміръ третьей степени“. Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописалъ этой комедіи; можетъ быть, онъ призналъ ее въ полномъ составѣ неудобною въ цензурномъ отношеніи, а можетъ быть былъ недоволенъ ею какъ взыскательный художникъ.

Черезъ нѣсколько дней, а именно въ субботу, обѣдалъ у насъ Гоголь съ другими гостями; въ томъ числѣ были Самаринъ и Григорій Толстой, давнишній мой знакомый и товарищъ по театру, который жилъ

въ Симбирскѣ и пріѣхалъ въ Москву на короткое время и которому очень хотѣлось увидать и познакомиться съ Гоголемъ. Гоголь пріѣхалъ къ обѣду нѣсколькими минутами ранѣе обыкновеннаго и сказалъ, что онъ пригласилъ ко мнѣ обѣдать незнакомаго мнѣ гостя графа Владимира Соллогуба. Еслибъ это сдѣлалъ кто нибудь другой изъ моихъ пріятелей, то я бы былъ этимъ недоволенъ; но все пріятное для Гоголя было и для меня пріятно. Дѣло состояло въ томъ, что Соллогубъ былъ въ Москвѣ проѣздомъ, давно не видался съ Гоголемъ, въ этотъ же вечеръ уѣзжалъ въ Петербургъ и желалъ пробыть съ нимъ нѣсколько времени вмѣстѣ. Гоголь, не понимавшій неприличія этого поступка и не знавшій, можетъ быть, что Соллогубъ, какъ человѣкъ, мнѣ не понравится, пригласилъ его отобѣдать у насъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Толстой и сказалъ, что Соллогубъ стоитъ въ лакейской и что ему совѣстно войдти. Я вышелъ къ нему и принялъ его ласково и нецеремонно. Гоголь опять дѣлалъ макароны и былъ очень веселъ и забавенъ. Соллогубъ держалъ себя очень скромно, ѣлъ за троихъ и не позволялъ себѣ никакихъ выходокъ, которыя могли бы назваться неучтивостью по нашимъ понятіямъ и которыми онъ очень извѣстенъ въ такъ называемомъ большомъ кругу. Съ этого дня Гоголь уже обыкновенно по субботамъ приготовлялъ макароны. Онъ приходилъ къ намъ почти всякій день и обѣдалъ раза три въ недѣлю, но всегда являлся неожиданно. Въ это время мы узнали, что Гоголь очень много работалъ; но самъ онъ ничего о томъ не говорилъ. Онъ приходилъ къ намъ отдыхать отъ своихъ творческихъ трудовъ, поговорить вздоръ, пошутить, поиграть на бильярдѣ, на которомъ, разумѣется, играть совершенно не умѣлъ; но Константину удавалось иногда затягивать его въ серьезные разговоры объ искусствѣ вообще. Я мало помню такихъ разговоровъ, но заключаю о нихъ по письмамъ Константина, которыя онъ писалъ около 20-го Января къ Вѣрѣ въ Курскъ и къ Мишѣ въ Петербургъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ: „Чѣмъ болѣе я смотрю на него, тѣмъ болѣе удивляюсь и чувствую всю важность этого человѣка и всю мелкость людей его не понимающихъ. Что̀ это за художникъ! Какъ полезно съ нимъ проводить время! Какъ уясняетъ онъ взглядъ въ міръ искусства! Недавно я написалъ письмо объ этомъ къ Мишѣ, серьезное и важное, которое вылилось у меня изъ души".

Въ это время пріѣхалъ Пановъ изъ деревни. Онъ вполнѣ понималъ и цѣнилъ Гоголя. Разумѣется, мы сейчасъ ихъ познакомили, и Пановъ привязался всею своею любящею душою къ великому художнику. Онъ скоро доказалъ свою привязанность убѣдительнымъ образомъ.

Такъ шло время до возвращенія Ольги Семеновны съ Вѣрой и съ Соничкой Самборской изъ Обояни. Онѣ воротились, кажется, 2-го или 3-го Февраля, вѣроятно въ субботу, потому что у насъ обѣдалъ Гоголь и много гостей. Достовѣрно, что, во время ихъ отсутствія, продолжавшагося ровно мѣсяцъ, Гоголь намъ ничего не читалъ; но когда началъ онъ читать намъ „Мертвыя Души", т. е. котораго именно числа — письменныхъ доказательствъ нѣтъ. Легко можетъ быть, что онъ читалъ одинъ или два раза по возвращеніи нашемъ изъ Петербурга, отъ 23-го Декабря до 2-го Января: потому что въ письмахъ Вѣры къ Машенькѣ Карташевской есть извѣстіе, отъ 14-го Февраля, что мы слушали уже Итальянскую его повѣсть (Анунціату) и что 6-го Марта Гоголь прочелъ намъ уже 4-ю главу „Мертвыхъ Душъ".

8-го Марта, при многихъ гостяхъ, совершенно неожиданно для насъ, объявилъ Гоголь, что хочетъ читать. Разумѣется, всѣ пришли въ восхищеніе отъ такого извѣстія, и всѣ соединились въ гостиной. Гоголь сѣлъ за боковой круглый столъ, вынулъ какую-то тетрадку, вдругъ икнулъ и, опустивъ бумагу, сказалъ, *какъ онъ объѣлся грибковъ*. Это было начало комической сцены, которую онъ намъ и прочелъ. Онъ началъ чтеніе до такой степени натурально, что ни одинъ изъ присутствующихъ не догадался, что слышитъ сочиненіе. Впрочемъ не только начало, но и вся сцена была точно также читана естественно и превосходно. Послѣ этого, въ одну изъ субботъ, онъ прочелъ 5-ю главу, а 17-го Апрѣля, тоже въ субботу, онъ прочелъ намъ, передъ самой заутреней Свѣтлаго Воскресенья, въ маленькомъ моемъ кабинетѣ, 6-ю главу, въ которой созданіе Плюшкина привело меня и всѣхъ насъ въ великій восторгъ. При этомъ чтеніи былъ Армфельдъ, пріѣхавшій просто поиграть со мной въ пикетъ до заутрени, и Пановъ, который пріѣхалъ въ то время, когда уже Гоголь читалъ, и чтобъ не помѣшать этому чтенію, онъ сидѣлъ у двери другаго моего кабинетца. Пановъ пришелъ въ упоеніе и тутъ же рѣшился пожертвовать всѣми своими разсчетами и ѣхать вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Италію. Я уже говорилъ о томъ, какъ нуженъ былъ товарищъ Гоголю и что онъ напрасно искалъ его. Послѣ чтенія мы всѣ отправились въ Кремль, чтобъ услышать на площади первый ударъ колокола Ивана Великаго. Похристосовавшись послѣ заутрени съ Гоголемъ, Пановъ сказалъ ему, что ѣдетъ съ нимъ въ Италію, чему Гоголь чрезвычайно обрадовался.

Передъ Святой недѣлей пріѣхала мать Гоголя съ его меньшой сестрой. Взглянувъ на Марью Ивановну (такъ зовутъ мать Гоголя) и поговоря съ ней нѣсколько минутъ отъ души, можно было понять, что

у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, нѣжное, любящее существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора. Она была такъ моложава, такъ хороша собой, что ее рѣшительно можно было назвать только старшею сестрою Гоголя. Натурально, Марья Ивановна жила вмѣстѣ съ своими дочерьми также у Погодина.

Въ это пребываніе свое въ Москвѣ Гоголь игралъ иногда въ домино съ Константиномъ и Вѣрой, и она проиграла ему дорожный мѣшокъ (sac de voyage). Гоголь взялъ обѣщаніе съ Вѣры, что̀ она напишетъ ему масляными красками мой портретъ, на что Вѣра согласилась съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ намъ свой, и онъ обѣщалъ.

Я не говорилъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на меня, на все мое семейство, а равно и на весь почти нашъ кругъ знакомыхъ, когда мы услышали первое чтеніе первой главы „Мертвыхъ Душъ". Это былъ восторгъ упоенія, полное счастіе, которому завидовали всѣ, кому не удалось быть у насъ во время чтенія; потому что Гоголь не вдругъ сталъ читать у другихъ своихъ знакомыхъ.

Приблизился день имянинъ Гоголя, 9-е Мая, и онъ захотѣлъ угостить обѣдомъ всѣхъ своихъ пріятелей и знакомыхъ въ саду у Погодина. Можно себѣ представить, какъ было мнѣ досадно, что я не могъ участвовать въ этомъ обѣдѣ: у меня сдѣлался жестокій флюсъ отъ зубной боли, съ сильной опухолью. Не смотря на то, я пріѣхалъ въ каретѣ, закутавъ совершенно свою голову, чтобы обнять и поздравить Гоголя; но обѣдать на открытомъ воздухѣ, въ довольно прохладную погоду, не было никакой возможности. Разумѣется, Константинъ тамъ обѣдалъ и упросилъ имянинника позвать Самарина, съ которымъ Гоголь былъ знако́мъ еще мало. На этомъ обѣдѣ, кромѣ круга близкихъ пріятелей и знакомыхъ, были: И. С. Тургеневъ, князь П. А. Вяземскій, Лермонтовъ, М. Ѳ. Орловъ, М. А. Дмитріевъ, Загоскинъ, профессора Армфельдъ и Рѣдкинъ, и многіе другіе. Обѣдъ былъ веселый и шумный; но Гоголь, хотя былъ также веселъ, но какъ-то озабоченъ, что̀ впрочемъ всегда съ нимъ бывало въ подобныхъ случаяхъ. Послѣ обѣда, всѣ разбрелись по саду, маленькими кружками. Лермонтовъ читалъ наизустъ Гоголю и другимъ, кто тутъ случились, отрывокъ изъ новой своей поэмы „Мцыри" и читалъ, говорятъ, прекрасно. Константинъ не слыхалъ чтенія, потому что въ это время находился въ другомъ концѣ обширнаго сада съ кѣмъ-то изъ своихъ пріятелей. Потомъ всѣ собрались въ бесѣдку, гдѣ Гоголь, собственноручно, съ особеннымъ стараніемъ, при-

готовлялъ жженку. Онъ любилъ брать на себя приготовленіе этого напитка, при чемъ говаривалъ много очень забавныхъ шутокъ. Вечеромъ пріѣхали къ имяниннику пить чай уже въ домѣ нѣсколько дамъ: А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомякова и Черткова. На вечеръ многіе изъ гостей отправились къ Павловымъ, куда Константинъ, будучи за что-то сердитъ на Н. Ф. Павлова, не поѣхалъ.

Послѣднюю недѣлю своего пребыванія въ Москвѣ Гоголь былъ у насъ всякій день и пять разъ обѣдалъ, по большей части съ своей матерью и сестрами. Отъѣздъ Гоголя съ Пановымъ былъ назначенъ на 17-го Мая.

Гоголь съ сестрой своей Лизой былъ съ моими дѣтьми въ театрѣ. Играла m-me Allan, пріѣхавшая изъ Петербурга; послѣ спектакля онъ хотѣлъ ѣхать; но, за большимъ разгономъ, лошадей не достали, и Гоголь съ сестрою ночевали у насъ. На другой день, 18-го Мая, послѣ завтрака, въ 12 часовъ, Гоголь, простившись очень дружески и нѣжно съ нами и съ сестрой, которая очень плакала, сѣлъ съ Пановымъ въ тарантасъ, я съ Константиномъ и Щепкинъ съ сыномъ Дмитріемъ помѣстились въ коляскѣ, а Погодинъ съ зятемъ своимъ Мессингомъ—на дрожкахъ, и выѣхали изъ Москвы. Въ такомъ порядкѣ ѣхали мы съ Поклонной горы по Смоленской дорогѣ, потому что путешественники наши отправлялись черезъ Варшаву. На Поклонной горѣ мы вышли всѣ изъ экипажей, полюбовались на Москву; Гоголь и Пановъ, уѣзжая на чужбину, простились съ ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодинъ и Щепкинъ сѣли въ коляску, а молодежь помѣстилась въ тарантасѣ и на дрожкахъ. Такъ доѣхали мы до Перхушкова, т.-е. до первой станціи. Дорогой былъ Гоголь веселъ и разговорчивъ. Онъ повторилъ свое обѣщаніе, сдѣланное имъ у меня въ домѣ за завтракомъ, и еще наканунѣ за обѣдомъ, что черезъ годъ воротится въ Москву и привезетъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, совершенно готовый для печати. Это обѣщаніе онъ сдержалъ, но тогда мы ему не совсѣмъ вѣрили. Намъ очень не нравился его отъѣздъ въ чужіе края, въ Италію, которую, какъ намъ казалось, онъ любилъ слишкомъ много. Намъ казалось непонятнымъ увѣреніе Гоголя, что ему надобно удалиться въ Римъ, чтобъ писать объ Россіи; намъ казалось, что Гоголь недовольно любитъ Россію, что Итальянское небо, свободная жизнь посреди художниковъ всякаго рода, роскошь климата, поэтическія развалины славнаго прошедшаго, все это вмѣстѣ бросало невыгодную тѣнь на природу нашу и нашу жизнь. Въ Перхушковѣ мы обѣдали, выпили здоровье отъѣзжающихъ; Гоголь сдѣлалъ жженку, не потому чтобъ

мы любили выпить, а такъ, ради воспоминанія подобныхъ оказій. Вскорѣ послѣ обѣда, мы сѣли, по Русскому обычаю, потомъ помолились. Гоголь прощался съ нами нѣжно, особенно со мной и Константиномъ, былъ очень растроганъ, но не хотѣлъ этого показать. Онъ сѣлъ въ тарантасъ съ нашимъ добрымъ Пановымъ, и мы стояли на улицѣ до тѣхъ поръ, пока экипажъ не пропалъ изъ глазъ. Погодинъ былъ искренно разстроенъ, а Щепкинъ заливался слезами. Я, Щепкинъ, Погодинъ и Константинъ сѣли въ коляску, а Митя Щепкинъ и Мессингъ на дрожки. На половинѣ дороги, вдругъ откуда ни взялись, потянулись съ Сѣверовостока черныя, страшныя тучи и очень быстро и густо заволокли половину неба и весь край западнаго горизонта; сдѣлалось очень темно, и какое-то зловѣщее чувство налегло на насъ. Мы грустно разговаривали , примѣняя къ будущей судьбѣ Гоголя мрачныя тучи, потемнившія солнце; но не болѣе какъ черезъ полчаса мы были поражены внезапною перемѣною горизонта: сильный сѣверо-западный вѣтеръ рвалъ на клочки и разгонялъ черныя тучи, въ четверть часа небо совершенно прояснилось, солнце явилось во всемъ блескѣ своихъ лучей и великолѣпно склонялось къ Западу. Радостное чувство наполнило наши сердца. Не трудно было составить благопріятное толкованіе небеснаго знаменья. Какихъ блистательныхъ надеждъ, какихъ великихъ созданій и какого полнаго торжества его славы мы не могли ожидать въ будущемъ! Это явленіе произвело на насъ съ Константиномъ, особенно на меня, такое сильное впечатлѣніе, что я, во всю остальную жизнь Гоголя, никогда не смущался черными тучами, которыя, не только затемняли его путь, но даже грозили пресѣчь его существованіе, не давъ ему кончить великаго труда. До самаго послѣдняго страшнаго извѣстія, я былъ убѣжденъ, что Гоголь не можетъ умереть, не совершивъ дѣла, свыше ему предназначеннаго.

Обращаюсь назадъ. По возвращеніи изъ Петербурга, проживъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ матерью и сестрами въ домѣ Погодина, Гоголь увѣрилъ себя, что его сестры, *патріотки* (какъ ихъ называютъ), которыя по ребячьи были очень несогласны между собой, не могутъ ѣхать вмѣстѣ съ матерью въ деревню, потому что онѣ будутъ постоянно огорчать мать своими ссорами. И такъ онъ рѣшился пристроить какъ нибудь въ Москвѣ меньшую сестру Лизу, которая была умнѣе, живѣе и болѣе расположена къ жизни въ обществѣ. Приведеніе въ исполненіе этой мысли стоило много хлопотъ и огорченій Гоголю. Черткова, съ которой онъ былъ очень друженъ, не взяла его сестры къ себѣ, хотя очень могла это сдѣлать; у другихъ знакомыхъ помѣстить было невозможно. Наконецъ, черезъ Надежду Николаевну Шереметеву,

почтенную и благодѣтельную старушку, которая впослѣдствіи любила Гоголя какъ сына, помѣстилъ онъ сестру свою Лизу къ г-жѣ Раевской, женщинѣ благочестивой, богатой, не имѣвшей своихъ дѣтей, у которой жили и воспитывались какія-то родственницы. Мать Гоголя уѣхала изъ Москвы прежде.

Гоголь читалъ первыя главы „Мертвыхъ Душъ" у Ив. Вас. Кирѣевскаго и еще у кого-то. Всѣ слушатели приходили въ совершенный восторгъ; но были люди, которые возненавидѣли Гоголя съ самаго появленія „Ревизора". „Мертвыя Души" только усилили эту ненависть. Такъ, напримѣръ, я самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Толстой-Американецъ говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ „врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь". Въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстаго.

Во второй половинѣ Іюня, получилъ я первое письмо отъ Гоголя изъ Варшавы. Вотъ оно: *)

„Варшава, 10 Іюня (1840)".

„Здравствуйте, мой добрый и близкій сердцу моему другъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Грѣшно бы было, еслибы я не отозвался къ вамъ съ дороги. Но, что̀ я за вздоръ несу: грѣшно! Я бы не посмотрѣлъ на то, грѣшно или нѣтъ, прилично или неприлично, и вѣрно бы не написалъ вамъ ни слова, особливо теперь, еслибы здѣсь не дѣйствовало побужденіе душевное. Обнимаю васъ и цѣлую нѣсколько разъ. Мнѣ не кажется, что я съ вами разстался. Я васъ вижу возлѣ себя ежеминутно и даже такъ, какъ будто бы вы только что сказали мнѣ нѣсколько словъ и мнѣ слѣдуетъ на нихъ отвѣчать. У меня не существуетъ разлуки, и вотъ почему я легче разстаюсь чѣмъ другой. И никто изъ моихъ друзей по этой же причинѣ не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мною".

„Мы доѣхали до Варшавы благополучно—вотъ покамѣстъ все, что̀ васъ можетъ интересовать. Нигдѣ ни на одной станціи не было никакой задержки; словомъ, лучше доѣхать невозможно. Даже погода была хороша: у мѣста дождь, у мѣста солнце. Здѣсь я нашелъ кое-какихъ знакомыхъ, а черезъ два дни мы выѣзжаемъ въ Краковъ и оттуда, ко-

*) Всѣ письма Гоголя не только списаны съ точностью, но даже *скопированы*.

ли успѣемъ, того же дни въ Вѣну. Обнимаю нѣсколько разъ Константина Сергѣевича и снабжаю слѣдующими довольно скучными порученіями: привезти съ собою кое-какія для меня книжки, а именно миніатюрное изданіе Онѣгина, Горя отъ Ума и басней Дмитріева и если только вышло компактное изданіе Русскихъ пѣсней Сахарова, то привезти и его. Еще: если вы достали и если вамъ случится достать для меня какихъ нибудь докладныхъ записокъ и дѣлъ, то привезти и ихъ также. Михаилъ Семеновичъ, котораго также при сей вѣрной оказіи цѣлую и обнимаю, обѣщался съ своей стороны достать. Хорошо бы присообщить ихъ также. Увѣдомьте меня, когда ѣдете въ деревню. Корь, я полагаю, у васъ уже совершенно окончилась. Перецѣлуйте за меня все милое семейство ваше и Ольгѣ Семеновнѣ вмѣстѣ съ самою искреннѣйшею благодарностью передайте очень пріятное извѣстіе, именно, что запасовъ, данныхъ намъ, стало не только на всю дорогу, но даже и на станціонныхъ смотрителей, и даже въ Варшавѣ мы надѣлили прислуживавшихъ намъ плутовъ остатками пироговъ, балыковъ, лепешекъ и прочаго".

„Прощайте, мой безцѣнный другъ. Обнимаю васъ множество разъ".

Порученія Константину привезть съ собою книги и дѣловыя бумаги показываютъ, что Гоголь вполнѣ былъ увѣренъ въ скоромъ пріѣздѣ Константина въ Италію. У насъ точно было это намѣреніе, хотя не такъ твердое и непреложное, какъ это казалось Гоголю *). Впрочемъ еслибъ оно и было точно таково, то конечно не могло бы исполниться, потому что въ 1840-мъ году, 12 Августа, умеръ мужъ у сестры Надежды Тимоѳеевны, и мы съ Вѣрой прожили четыре мѣсяца въ Петербургѣ, а въ 1841 году, 5 Марта, мы потеряли Мишу. Потому разлучаться было не время. Дѣловыя бумаги и разные акты, которыхъ Гоголь добивался постоянно, вѣроятно были ему нужны для того, чтобъ повѣрить написанныя имъ въ „Мертвыхъ Душахъ" разныя судебныя сдѣлки Чичикова, которыя такъ и остались невѣрными съ дѣйствительностью.

Вскорѣ по полученіи этого перваго письма я уѣхалъ съ Гришей за Волгу въ свои деревни, и объ этомъ-то отъѣздѣ спрашиваетъ меня Гоголь. Вотъ мое письмо къ Гоголю.

„Да, мой милый, мой безцѣнный другъ Николай Васильевичъ! Между друзьями нѣтъ разлуки! Вы такъ прекрасно высказали мнѣ мои соб-

*) Но въ доказательство, что оно было, прилагаю отвѣтъ мой на это первое письмо Гоголя.

ственныя чувства! Письмо ваше изъ Варшавы отъ 10 Іюня нов. ст. обрадовало все наше семейство. Меня не было дома, и не я его получилъ; за то слова *письмо отъ Гоголя* радостно и шумно встрѣтили меня, когда я воротился. Не нужно говорить, какъ драгоцѣнно мнѣ это *душевное побужденіе*, которое заставило васъ написать его.... По непонятной для меня самого какой-то недогадкѣ, я не спросилъ васъ, куда писать къ вамъ? Мнѣ такъ это досадно! Мнѣ такъ хотѣлось писать, такъ было необходимо высказать вамъ, все что̀ тѣснилось въ душѣ.... но отъ глупой мысли, что письмо мое нигдѣ не можетъ васъ поймать и пролежитъ гдѣ-нибудь извѣстное время, воротится опять въ Москву, опускались у меня руки... Теперь, я столько пропустилъ времени, что вѣроятно, это въ самомъ дѣлѣ случится... Но нужды нѣтъ. Если письмо не застанетъ васъ въ Вѣнѣ, то можетъ быть, если вы оставили свой адресъ, настигнетъ васъ на водахъ или гдѣ-нибудь въ Германіи. Я и все семейство мое здоровы. Корь миновалась благополучно. Всѣ обнимаемъ васъ, а Константинъ особенно и такъ крѣпко, что только заочно могутъ быть безвредны такія объятія. Всѣ ваши порученія онъ выполнитъ съ радостію. Онъ все еще готовится писать диссертацію. Лиза ваша здорова, начинаетъ привыкать къ новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. Мы видимся нерѣдко. Она гоститъ у насъ другой день: вчера было воскресеніе, а сегодня Раевской нѣтъ дома. Лиза сама пишетъ. Погодинъ вѣрно написалъ вамъ, что у него родился сынъ въ день рожденія Петра Великаго и названъ Петромъ, и что я крестилъ его съ Лизаветой Григорьевной Чертковой. Это мнѣ было очень пріятно, потому что она ваша добрая пріятельница. Едвали я поѣду въ свои деревни за Волгу. Кажется, мы проведемъ лѣто въ Москвѣ: къ этому есть много побудительныхъ причинъ и не весьма пріятныхъ. Не такой годъ, чтобъ разставаться. Я прочелъ *Лермонтова „Героя нашего времени“* въ связи, и нахожу въ немъ большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтовъ прозаикъ будетъ выше Лермонтова-стихотворца. Письмо мое написано очень безпорядочно... нужды нѣтъ, не хочу пропустить почты. Михаилъ Семеновичъ очень было прихворнулъ, но теперь выѣзжаетъ и поправляется. Пожалѣйте: онъ на строжайшей діэтѣ... Онъ обнимаетъ васъ и обѣщаетъ достать много *записокъ изъ дѣлъ*, къ которымъ я присоединю свои. Все это привезетъ вамъ Константинъ, если не встрѣтится оказіи прежде“.

Изъ этого письма очевидно, что мы дѣйствительно имѣли твердое намѣреніе послать Константина въ Италію къ Гоголю. Оно вѣроятно писано вскорѣ по полученіи письма отъ Гоголя.

Почти черезъ мѣсяцъ получилъ я отъ Гоголя второе письмо, уже изъ Вѣны.

„Іюля 7 (1840) Вѣна“.

„Я получилъ третьяго дня письмо ваше, другъ души моей, Сергѣй Тимоѳеевичъ! Оно ко мнѣ дошло очень исправно и дойдетъ безъ сомнѣнія и другое также исправно, если только вамъ придетъ желаніе написать его; потому что я въ Вѣнѣ еще надѣюсь пробыть мѣсяца полтора, попить воды и отдохнуть. Здѣсь покойнѣе чѣмъ на водахъ, куда съѣзжается слишкомъ скучный для меня свѣтъ. Тутъ все ближе, подъ рукой, и свобода во всемъ. Нужно знать, что послѣдняя давно убѣжала изъ деревень и маленькихъ городовъ Европы, гдѣ существуютъ воды и съѣзды. Парадно — мочи нѣтъ! Къ тому же у меня такая скверная натура, что при взглядѣ на эту толпу, пріѣхавшую со всѣхъ сторонъ лечиться — уже нѣсколько тошнитъ, а на водахъ это не идетъ: нужно напротивъ, чтобы слабило. Какъ вспомню Маріенбадъ и лица, изъ которыхъ каждое насильно и нахально влѣзло въ память, попадаясь разъ по сорока на день, и несносныхъ Русскихъ съ вѣчнымъ и непреложнымъ вопросомъ: „А который стаканъ вы пьете?“ вопросъ, отъ котораго я улепетывалъ по проселочнымъ дорожкамъ. Этотъ вопросъ мнѣ показался на ту пору роднымъ братцомъ другаго извѣстнаго вопроса: „Чѣмъ вы подарите насъ новенькимъ?“ Ибо всякое слово, само по себѣ невинное, но повторенное двадцать разъ, дѣлается пошлѣе добродѣтельнаго Цинскаго *), или романовъ Булгарина, что̀ все одно и тоже... Я замѣчаю, что я кажется не кончилъ періода. Но вонъ его! Былъ ли когда-нибудь какой толкъ въ періодахъ? Я только вижу и слышу толкъ въ чувствахъ и душѣ. И такъ я на водахъ въ Вѣнѣ, гдѣ и дешевлѣ и покойнѣе и веселѣе. Я здѣсь одинъ; меня не смущаетъ никто. На Нѣмцевъ я гляжу какъ на необходимыхъ насѣкомыхъ во всякой Русской избѣ. Они вокругъ меня бѣгаютъ, лазятъ, но мнѣ не мѣшаютъ; а если который изъ нихъ взлѣзетъ мнѣ на носъ, то щолчекъ, и былъ таковъ! Я совершенно покоенъ послѣ вашего письма. Первое и главное: вы здоровы; но мнѣ жаль, если вы проведете лѣто въ Москвѣ. Перемѣна необходимо нужна вамъ, какъ и всякому человѣку, проведшему зиму въ Москвѣ. Мнѣ жаль, если у васъ не будетъ дачи, пруда съ рыбами, лѣса и дорогъ, которыя бы заманили ходить“.

„Ради Бога сдѣлайте такъ, чтобъ ваше лѣто не было похоже на зиму; иначе это значитъ гнѣвить Бога и выпускать на Него эпиграммы. Вѣна приняла меня царскимъ образомъ! Только теперь всего два дня прекратилась опера. Чудная, невиданная. Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль первые пѣвцы Италіи мощно возмущали, двигали и производили

*) Тогдашняго Московскаго оберъ-полицеймейстера. *Изд.*

благодѣтельныя потрясенія въ моихъ чувствахъ. Велики милости Бога! Я оживу еще. Обнимаю отъ души Константина Сергѣевича, хотя безъ сомнѣнія не такъ крѣпко, какъ онъ меня, но это не безъ выгоды: бокамъ нѣсколько легче. И между прочимъ прошу его къ наданнымъ отъ меня комиссіямъ прибавить еще нѣсколько, и именно: спросить у Погодина, не нашелся ли мой Шекспиръ 2-й томъ, который взять ему съ собою и прибавить къ этому оба изданія пѣсней Максимовича, а можетъ быть и третье, коли вышло. А главное, купить или поручить Михаилу Семеновичу купить у лучшаго сапожника Петербургской выдѣланной кожи, самой мягкой для сапогъ, т. е. одни передки. Они такъ уже вырѣзанные находятся; мѣста не занимаютъ и удобны къ взятію. Пары двѣ или три; случилась бѣда: всѣ сапоги, сдѣланные мнѣ *Таке*, оказались короткими. Упрямый Нѣмецъ! Я толковалъ ему, что будутъ коротки—не хотѣлъ, сапожная колодка, согласиться! и широки такъ, что у меня ноги распухли. Хорошо бы было, еслибы мнѣ были доставлены эти кожи, а дѣлаютъ сапоги здѣсь не дурно. Товарищъ мой немного было прихворнулъ, но теперь здоровъ, заглядывается на Вѣну и съ грустью собирается ее оставить послѣ завтра для дальнѣйшаго пути. Онъ теперь сидитъ за письмомъ къ вамъ. Цалую ручки Ольги Семеновны и посылаю мое душевное объятіе всему вашему семейству. Прощайте, мой другъ! Будьте здоровы и берегите свое здоровье!"

Къ этому письму не нужно прибавлять никакихъ объясненій. Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь продолжается въ душѣ Гоголя тоже самое настроеніе, съ какимъ онъ уѣхалъ изъ Москвы. Его же увидимъ мы и въ слѣдующемъ письмѣ въ Москву къ Ольгѣ Семеновнѣ: ибо я извѣстилъ Гоголя, что уѣзжаю съ Константиномъ за Волгу, куда я и уѣхалъ, кажется, 27 Іюня. Изъ этого письма также видно, какое значеніе имѣли для Гоголя всѣ искусства и какъ благодѣтельно было ихъ вліяніе на его душу. О сильномъ стремленіи его къ живописи я уже имѣлъ случай говорить; но здѣсь видно, какъ дѣйствовала на него музыка и какъ дороги были ему родныя Малороссійскія пѣсни. Даже третье изданіе Максимовича, почти однихъ и тѣхъ же пѣсенъ, проситъ онъ Константина привезть ему въ Римъ. И такъ, очень ошибочно это мнѣніе, что будто Гоголь только въ послѣдніе два года своей жизни вновь обратился къ своей прекрасной родинѣ и къ ея прелестнымъ пѣснямъ. Вотъ его письмо къ Ольгѣ Семеновнѣ изъ Венеціи.

„Венеція, Августа 10 (1840)".

„Такъ какъ Сергѣя Тимоѳеевича теперь вѣроятно нѣтъ въ Москвѣ, Константинъ Сергѣевичъ безъ сомнѣнія тоже съ нимъ: то рѣшаюсь, Ольга

Семеновна, осадить васъ моими двумя усерднѣйшими просьбами. Но прежде чѣмъ просьба, позвольте поблагодарить васъ, вы знаете за что́: за все. Позвольте поблагодарить также васъ и все ваше семейство за память обо мнѣ; впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ благодарить мнѣ не зачѣмъ, потому что здѣсь плата тою же монетою съ моей стороны, что вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, — а просьбы мои слѣдующія. Отправьте прилагаемое при семъ письмо къ Лизѣ и вручите Михайлу Семеновичу прилагаемое при семъ дѣйствіе переведенной для него комедіи. Еще одна просьба, о которой напоминать мнѣ немножко безсовѣстно, но нечего дѣлать. Просьба эта относится прямо къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ, а въ чемъ она заключается—это ей извѣстно. Исполненію ея конечно теперь мѣшаетъ отъѣздъ Сергѣя Тимоѳеевича. Но по пріѣздѣ... Вѣра Сергѣевна, простите меня за мой докучливый характеръ. Прощайте. Веселитесь веселѣе сколь можно. Я васъ вижу очень живо, также вижу всѣхъ васъ, все ваше семейство".

„Къ Сергѣю Тимоѳеевичу я буду писать изъ Рима; не знаю, только куда адресовать; впрочемъ отправите вы. Цѣлую ваши ручки".

Первое дѣйствіе комедіи, о которой пишетъ Гоголь, принадлежитъ къ той самой піэсѣ, которую Щепкинъ, подъ названьемъ „Дядька въ хлопотахъ", давалъ себѣ въ бенефисъ въ прошедшую зиму, черезъ годъ послѣ кончины Гоголя. Просьба къ Вѣрочкѣ относится до моего портрета, который она обѣщала написать для Гоголя, исполненію которой безъ сомнѣнія мѣшало мое отсутствіе. Я воротился изъ-за Волги въ исходѣ Августа. Меня ожидало уже печальное извѣстіе, что Григорія Ивановича Карташевскаго нѣтъ на свѣтѣ. Черезъ сутки мы уже уѣхали съ Вѣрой въ Петербургъ. Писемъ отъ Гоголя долго не было. Наконецъ, пришло извѣстіе, что онъ былъ отчаянно боленъ, и вотъ письмо, которое я получилъ отъ него уже въ Январѣ 1841 года.

„Римъ, Декабря 28 (1840)".

„Я много передъ вами виноватъ, другъ души моей Сергѣй Тимоѳеевичъ, что не писалъ къ вамъ тотчасъ послѣ вашего мнѣ такъ всегда пріятнаго письма. Я былъ тогда боленъ. О моей болѣзни мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ, потому что это бы васъ огорчило. Вы же въ это время и безъ того, какъ я узналъ, узнали великую утрату; лгать мнѣ тоже не хотѣлось, и потому я рѣшился обождать. Теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудесной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни. Вы въ вашемъ письмѣ

сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угодно будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть это желаніе, желаніе сердецъ нашихъ, сильное обоюдно, исполнится. По крайней мѣрѣ обстоятельства идутъ какъ будто бы къ тому".

„Я, кажется, не получу мѣста, о которомъ, помните, мы хлопотали и которое могло бы обезпечить мое пребываніе въ Римѣ. Я почти, признаюсь, это предвидѣлъ; потому что К—ва, который надулъ всѣхъ, я разгадалъ почти съ перваго взгляда: это человѣкъ, который слишкомъ любитъ только одного себя и прикинулся любящимъ и то и се потому только, чтобы посредствомъ этого болѣе удовлетворять своей страсти, т.-е. любви къ самому себѣ. Онъ мною дорожитъ столько же какъ тряпкой. Ему нужно имѣть при себѣ непремѣнно какую нибудь Европейскую знаменитость въ художественномъ мірѣ, въ достоинство внутреннее которой онъ хотя, можетъ быть, и самъ не вѣритъ, но вѣритъ въ разнесшуюся знаменитость: ибо ему, что̀ весьма естественно, хочется разыграть со всѣмъ блескомъ ту роль, которую онъ не очень смыслитъ. Но Богъ съ нимъ! Я радъ всему, всему что̀ ни случается со мною въ жизни, и какъ погляжу я только, къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то, что̀ называютъ въ свѣтѣ неудачами, то разстроганная душа моя не находитъ словъ благодарить Невидимую Руку, ведущую меня".

„Другое обстоятельство, которое можетъ дать надежду на возвратъ мой—мои занятія. Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что ихъ печатаніе не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ вѣрно немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть мнѣ очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной водѣ, которую я сталъ пить по совѣту доктора, котораго за это благослови Богъ и который думаетъ, что мнѣ холодное лѣченіе должно помочь. Воздухъ теперь чудный въ Римѣ, свѣжій. Но лѣто, лѣто, это я уже испыталъ, мнѣ непремѣнно нужно провести въ дорогѣ. Я повредилъ себѣ много, что зажился въ душной Вѣнѣ. Но чтоже было дѣлать; признаюсь—у меня не было средствъ тогда пред-

принять путешествіе, у меня слишкомъ было все разсчитано. О еслибъ я имѣлъ возможность всякое лѣто сдѣлать какую нибудь дальную, дальную дорогу; дорога удивительно спасительна для меня... Но обратимся къ началу. Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключается много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое что̀ казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда либо принимать близко къ сердцу. И то что̀ я пріобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву, вы знаете! Что̀ я разумѣю, вамъ за этимъ незачѣмъ далеко ходить, чтобы узнать какое это пріобрѣтеніе. Да, я не знаю, какъ и чѣмъ благодарить мнѣ Бога... Но уже когда я мыслю о васъ и объ этомъ юношѣ такъ полномъ силъ и всякой благодати, который такъ привязался ко мнѣ,—я чувствую въ этомъ что-то такое сладкое... Но довольно. Сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлѣе, когда облекаются въ слова. Я хотѣлъ было обождать этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ перемѣненныя страницы въ „Ревизорѣ“ и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ, и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ что̀ нужно къ спѣху, а все бы хотѣлось заняться тѣмъ что̀ не къ спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. У меня почти дыбомъ волосы, какъ вспомню, въ какіе я вошелъ долги. Я знаю, что вамъ подчасъ и весьма нужны деньги; но я надѣюсь черезъ недѣлю выслать вамъ переправки и приложенія къ „Ревизору“, которыя, можетъ быть, заставятъ лучше покупать его. Хорошо бы, если бы онъ выручилъ прежде должные вамъ, а потомъ тысячу взятую у Панова, которую я пообѣщалъ ему уплатить было въ Февралѣ. Пановъ молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и Италія ему много принесла пользы, какой бы онъ никогда не пріобрѣлъ въ Германіи, въ чемъ онъ совершенно убѣдился; это не мѣшаетъ довести между прочимъ до свѣдѣнія кое-кого. А впрочемъ, если разсудить по правдѣ, то я не знаю, почему вообще молодымъ людямъ не развернуться въ полнотѣ силъ и въ Русской землѣ; но почему можетъ увлечь въ длинныя разсужденія.—Покамѣстъ прощайте“.

Письмо это написано уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже на всегда. Должно повѣрить, что *много чуднаго* совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ; но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. От-

сюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка. Я не спрашивалъ Гоголя въ подробности, что́ съ нимъ случилось: частью изъ деликатности, не желая насиловать его природной скрытности, а частью потому, что боялся дотрогиваться до такихъ предметовъ и явленій, которымъ я не вѣрилъ и теперь не вѣрю, считая ихъ порожденіемъ болѣзненнаго состоянія духа и тѣла. Но я слышалъ, что Гоголь во время болѣзни имѣлъ какія-то видѣнія, о которыхъ онъ тогда же разсказалъ ходившему за нимъ съ братскою нѣжностью и заботою купцу Н. П. Боткину, который случился на то время въ Римѣ. Что́ касается до мѣста, которое мы всѣ желали доставить Гоголю, то оно, кажется, вовсе не состоялось. К—въ былъ назначенъ въ Римѣ въ родѣ какого-то попечителя и офиціальнаго ходатая всѣхъ Русскихъ художниковъ, тамъ живущихъ. Гоголь хотѣлъ быть его помощникомъ, которому предполагали опредѣлить жалованья слишкомъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями; получивъ такое мѣсто, Гоголь былъ бы обезпеченъ въ своемъ существованіи. Что́ же собственно разумѣлъ Гоголь подъ словами: „къ какимъ чуднымъ пользамъ и благу вело меня то что́ называютъ въ свѣтѣ неудачами“, то это обстоятельство осталось для меня неизвѣстнымъ. Слова самого Гоголя утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать „Мертвыя Души“, какъ любопытный и забавный анекдотъ, что только впослѣдствіи онъ узналъ, говоря его словами, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ“, что впослѣдствіи, мало-по-малу, составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни; что впослѣдствіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость—примиренія... Возможно ли было исполненіе такой задачи и могъ ли ее исполнить Гоголь—это вопросъ другой, къ которому я обращусь въ концѣ этихъ записокъ. Въ словахъ Гоголя, что онъ слышитъ въ себѣ *сильно чувство къ Россіи* заключается очевидно указаніе, подтверждаемое послѣдующими словами, что этого чувства у него прежде не было или было слишкомъ мало. Безъ сомнѣнія пребываніе въ Москвѣ, въ ея Русской атмосферѣ, дружба съ нами и особенно вліяніе Константина, который постоянно объяснялъ Гоголю, со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій, все значеніе, весь смыслъ Русскаго народа, были единственныя тому причины. Я самъ замѣчалъ много разъ, какое впечатлѣніе производилъ онъ на Гоголя, хотя послѣдній старательно скрывалъ свое внутреннее движеніе. Единственно въ этомъ письмѣ, въ

первый и послѣдній разъ, высказался откровенно Гоголь. И прежде и послѣ этого письма, онъ по большей части подшучивалъ надъ Русскимъ человѣкомъ. Есть еще доказательства этого Русскаго движенія, образовавшагося въ Москвѣ именно въ 1840 году: въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" многія мѣста въ этомъ духѣ очевидно вставлены и даже не совсѣмъ гармонируютъ съ прежними рѣчами. Подъ словами *„и то что я пріобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву*, Гоголь разумѣетъ дружбу со мной и моимъ семействомъ; а подъ словами *юноша полный всякой благодати*—Константина.

Я не получалъ писемъ отъ Гоголя около двухъ мѣсяцевъ. Прилагаемое письмо отъ 5 Марта 1841 года получено мною уже тогда, когда Богу было угодно поразить насъ ужаснымъ и неожиданнымъ ударомъ: именно 5 Марта потеряли мы сына, полнаго крѣпости тѣлесныхъ силъ и всякихъ блистательныхъ надеждъ; а потому всѣ порученія Гоголя передалъ я къ исполненію Погодину.

„Марта 5 (1841)". Римъ".

„Мнѣ грустно такъ долго не получать отъ васъ вѣсти, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Но, можетъ быть, я самъ виноватъ. Можетъ быть, вы ожидали высылки мною обѣщанныхъ измѣненій и приложеній, слѣдуемыхъ ко 2-му изданію „Ревизора". Но я не могъ найти нигдѣ ихъ. Теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ скучно теперь заниматься тѣмъ, что́ нужно на скорую руку, какъ мнѣ тягостно на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю мою душу. Но вотъ вамъ, наконецъ, эти приложенія. Здѣсь письмо, писанное мною къ Пушкину по его собственному желанію. Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піэса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ. Изъ этого письма я выключилъ то, что́ собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставилъ только то, что̀ можетъ быть интересно для будущей постановки „Ревизора", если она когда-нибудь состоится. Мнѣ кажется, что прилагаемый отрывокъ будетъ нелишнимъ для умнаго актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо подъ такимъ названіемъ, какое на немъ выставлено, нужно отнесть на конецъ піэсы, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ двѣ прилагаемыя выключенныя изъ піэсы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится въ началѣ книги перваго изданія, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возмите приложенное въ его письмѣ измѣненіе четвертаго акта, которое

совершенно необходимо. Хорошо бы издать „Ревизора" въ миніатюрномъ формате; а впрочемъ, какъ найдете лучшимъ. Теперь я долженъ съ вами поговорить о дѣлѣ важномъ, но объ этомъ сообщитъ вамъ Погодинъ. Вы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаете совѣщаніе, какъ устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имѣю право и чувствую это въ душѣ. Да, другъ мой! Я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушенье не приходитъ отъ человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета. О, еслибы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего, больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: они одни, какъ я уже замѣтилъ, возстановляютъ меня. У меня всѣ средства истощились уже нѣсколько мѣсяцевъ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 42 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года, уже достаточно для уплаты. Теперь я вашъ; Москва мнѣ родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей Русской груди. Все было дивно и мудро расположено Высшею Волею. И мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что я буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь; словомъ, ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти совершенно невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что̀. пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ и Константинъ Сергѣевичъ; имъ же нужно: Михаилу Семеновичу для здоровья, Константину Сергѣевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться; а милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу; конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле-держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище, стало быть ее нужно беречь. Жду вашего отвѣта чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Еслибы вы знали, какъ я теперь жажду обнять васъ. До свиданья! Какъ пре-

красно это слово. Перецѣлуйте моимъ поцѣлуемъ всѣхъ вашихъ: Ольгу Семеновну, Вѣру Сергѣевну, Ольгу Сергѣевну, всѣхъ, всѣхъ. Письма мнѣ адресуйте на имя банкира Валентини, это будетъ вѣрнѣе чѣмъ Poste restante. Адресъ его: Piazza Apostoli, Palazzo Valentini".

Это письмо привело въ восхищеніе всѣхъ друзей Гоголя, а также меня и мое семейство, на столько, на сколько наши убитыя горестью сердца могли принять въ этомъ участіе. Письмо это утверждаетъ обращеніе Гоголя къ Россіи: слова „къ Русской груди моей" это доказываютъ. Можно также заключить, что Гоголь переѣзжалъ въ Москву на всегда, съ тѣмъ чтобы уже не ѣздить болѣе въ чужіе края, о чемъ онъ и самъ мнѣ говорилъ сначала по возвращеніи изъ Рима. Какъ слышна искренность убѣжденій Гоголя, въ этомъ письмѣ, въ великость своего труда, какъ въ благую, свыше назначенную цѣль всей своей жизни! Поѣхать къ Гоголю, такъ сказать, навстрѣчу, чтобъ привезть его въ Москву, никто не могъ: Константину невозможно было разлучиться съ нами въ это печальное время; Щепкинъ не имѣлъ никакихъ средствъ ѣхать, да и получить заграничный отпускъ было бы для него очень затруднительно. Что же касается до займа денегъ для Гоголя и вообще до его письма объ этомъ предметѣ, то его не вдругъ показали мнѣ, потому что мнѣ было не до того. Общее это письмо было написано ко мнѣ, къ Погодину и Шевыреву.

Второе и послѣднее письмо ко мнѣ въ этомъ году отъ Гоголя изъ Рима не имѣетъ числа; но по содержанію его можно догадаться, что оно написано довольно скоро послѣ письма отъ 5 Марта, когда Гоголь еще не зналъ о нашемъ несчастіи. Вотъ оно:

„Едва только я успѣлъ отправить письмо мое къ вамъ съ приложеньями къ „Ревизору", какъ получилъ вслѣдъ за тѣмъ ваше. Оно было для меня тѣмъ пріятнѣе, что мнѣ казалось уже, будто я отъ васъ Богъ знаетъ когда не получалъ вѣсти. Цѣлую васъ нѣсколько разъ въ задатокъ поцѣлуевъ личныхъ. „Ревизора" я полагаю не отложить ли до осени? Время близится къ лѣту; въ это время книги сбываются плохо, и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпускомъ повременить до осени. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ благоразуміе и опытность. Вы пишете, чтобы я прислалъ что-нибудь въ журналъ Погодину. Боже! Еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе. Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святаго своего труда для меня уже бѣда. Никогда-бъ не предложилъ мнѣ

въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ чего онъ лишаетъ меня. Еслибы я имѣлъ деньги, клянусь я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бъ у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи. Но такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старой лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже! можетъ быть двѣ-три недѣли. Ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванья, какъ великая, и можетъ быть еще бо̀льшаго и тягостно-томительнѣйшаго труда; ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь! грѣхъ, сильный грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня. Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ; я умеръ теперь для всего мелочнаго. И для презрѣннаго журнальнаго ли, пошлаго, занятаго ежедневнымъ дрязгомъ, я долженъ совершать непрощаемыя преступленія? И что̀ поможетъ журналу моя статья? Но статья будетъ готова и недѣли черезъ три выслана. Жаль только, если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю, нѣтъ. Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу. Она же такъ теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна. Я увижу моихъ друзей, моихъ родныхъ друзей. Не говорите о моемъ пріѣздѣ никому и Погодину скажите, чтобъ онъ также не говорилъ; если же прежде объ этомъ проговорились, то теперь говорите, что это невѣрно еще; ничего тоже не сказывайте о моемъ трудѣ. Обнимите Погодина и скажите ему, что я пла̀чу, что не могу быть полезнымъ ему со стороны журнала; но что онъ, если у него бьется Русское чувство любви къ отечеству, онъ долженъ требовать, чтобъ я не давалъ ему ничего. Вы, можетъ быть, дивитесь, что я вызываю Константина Сергѣевича и Михаила Семеновича; но я дѣлалъ это въ томъ предположеніи, что Кон — у Сер — у нужно было и безъ того ѣхать, а Мих. Сем. тоже хотѣлъ ѣхать къ водамъ, что̀ ему принесло бы значительную пользу. Я бы ихъ ожидалъ хоть въ самомъ первомъ за нашею границею Нѣмецкомъ городкѣ. Вы знаете этому причины изъ письма моего, которое вы уже получили. На счетъ денегъ нужно будетъ распорядиться скорѣе. Въ Маѣ мѣсяцѣ я полагаю выѣхать изъ Рима, мѣсяцы жаркіе провести гдѣ нибудь въ холодныхъ углахъ Европы, можетъ быть, въ Швейцаріи, и къ началу Сентября въ Москву, обнять и прижать васъ сильно. Прощайте, жду съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ.

Обнимаю крѣпко все ваше семейство.“

Желаніе Гоголя не исполнилось: „Ревизоръ“ былъ напечатанъ Погодинымъ со всѣми приложеніями, которыя предварительно были помѣ-

щены въ „Москвитянинѣ“, что̀, разумѣется, было Гоголю непріятно. Хотя я былъ тогда въ такомъ положеніи, что не могу обвинять строго себя; но я долженъ признаться, что финансовые разсчеты журналиста не казались мнѣ тогда такъ противными, какъ теперь, и что вообще я не умѣлъ понимать во всей полнотѣ страдальческаго положенія Гоголя. Очевиднымъ доказательствомъ тому служитъ мое письмо къ Гоголю, въ которомъ я просилъ, чтобъ онъ прислалъ что-нибудь въ журналъ Погодину.

Теперь для меня это очень прискорбно, но прошедшаго не воротишь. Я особенно долженъ обвинять себя потому, что только моя просьба (какъ мнѣ кажется) могла заставить Гоголя оторваться отъ своего святаго труда, пожертвовать своею чудною Итальянскою повѣстью „Анунціата“, которой начало онъ намъ читалъ, и сдѣлать изъ нея отдѣльную статью подъ названіемъ „Римъ“, которая впослѣдствіи была напечатана въ „Москвитянинѣ“. Впрочемъ у Гоголя не достало силъ исполнить свое обѣщаніе такъ скоро; онъ точно оставилъ было „Мертвыя Души“ и принялся за передѣлку „Анунціаты“. Но онъ былъ такъ занятъ, такъ погруженъ въ міръ своей поэмы, что работа не спорилась и сдѣлалась для него невыносимою. Онъ бросилъ ее и докончилъ уже въ Москвѣ.

Между тѣмъ Гоголь получилъ извѣстіе о нашемъ несчастіи. Не помню, писалъ-ли я самъ къ нему объ этомъ; но знаю, что онъ написалъ ко мнѣ утѣшительное письмо, которое до меня не дошло и осталось для меня неизвѣстнымъ. Письмо было послано черезъ Погодина; вѣроятно оно заключало въ себѣ такого рода утѣшенія, до которыхъ я былъ большой неохотникъ, и могъ скорѣе разсердиться за нихъ, чѣмъ утѣшиться ими. Погодинъ зналъ это очень хорошо и не отдалъ письма, а впослѣдствіи или затерялъ или обманулъ меня, сказавъ, что письма не нашелъ.

Гоголя мы уже давно ждали, но наконецъ и ждать перестали; а потому внезапное появленіе его у насъ въ домѣ 18 Октября произвело такой же радостный шумъ, какъ въ 39-мъ году письмо Щепкина, извѣщавшее о пріѣздѣ Гоголя въ Москву: крикъ Константина точно также всѣхъ напугалъ.

Въ этотъ годъ послѣдовала сильная перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ: гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно безъ намѣренія, слышался юморъ и при-

родный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде не противный ему или не замѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Проявленіе послѣдней его проказливости случилось во время переѣзда Гоголя изъ Петербурга въ Москву. Онъ пріѣхалъ въ одной почтовой каретѣ съ Петр. Ив. Пейкеромъ и сидѣлъ съ нимъ въ одномъ купе. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству знаменитаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не *Гоголь*, а *Гогель*, прикинулся смиреннымъ простячкомъ, круглымъ сиротой и разсказалъ о себѣ преплачевную исторію. Притомъ, на всѣ вопросы, отвѣчалъ: „нѣтъ, не знаю". Пейкеръ оставилъ въ покоѣ своего неразговорчиваго сосѣда. Пріѣхавъ въ Москву, Пейкеръ немедленно посѣтилъ насъ. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и Петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его видѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у меня почти всякой день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живою и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что-же? Онъ узнаётъ въ Гоголѣ несноснаго своего сосѣда Гогеля. Мы не могли удержаться отъ смѣха, но Пейкеръ осердился. Онъ былъ правъ; за что̀ Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это единственно для того, чтобъ избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обыкновенно писателю: „Что̀ вы теперь пишете? Когда подарите насъ новымъ произведеніемъ? Для чего вы не напишете того-то?" и пр. и пр. Можно ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу, и онъ, поднявъ воротникъ шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ. Между тѣмъ многіе его за это обвиняли. Мы успокоили Пейкера, объяснивъ ему, что подобныя мистификаціи Гоголь дѣлалъ со всѣми. Впослѣдствіи они обѣдали у насъ вмѣстѣ, и Гоголь былъ любезенъ съ своимъ прежнимъ дорожнымъ сосѣдомъ.

Гоголь точно привезъ съ собой первый томъ „Мертвыхъ Душъ", совершенно конченный и отчасти отдѣланный. Онъ требовалъ отъ насъ, чтобъ мы никому объ этомъ не говорили, а всѣмъ бы отвѣчали, что ничего готоваго нѣтъ. Начались хлопоты съ перепискою набѣло „Мертвыхъ Душъ". Я доставилъ было Гоголю отличнаго переписчика, бывшаго при мнѣ воспитанникомъ въ Межевомъ Институтѣ, Крузе; но не знаю или, лучше сказать, не помню почему, Гоголь взялъ другаго перёписчика. Прилагаемая записка служитъ тому доказательствомъ.

„Я къ вамъ приходилъ между прочимъ съ просьбою, которую со-

„вершенно позабылъ. А именно, нельзя ли послать къ Крузе взять у „него десть или двѣ чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а „будетъ нужна моему переписчику. Изъ-за нея остановилось дѣло."

„Гоголь".

Покуда переписывались первыя шесть главъ, Гоголь прочелъ мнѣ, Константину и Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, т. е. въ домѣ Погодина, и ни за что̀ не соглашался, чтобъ кто нибудь слышалъ ихъ кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній, не столько на частности, какъ на общій составъ и ходъ происшествія въ цѣломъ томѣ. Я рѣшительно не былъ тогда способенъ къ такого роду замѣчаніямъ; частности, мелочи бросались мнѣ въ глаза во время чтенія, но и объ нихъ я забывалъ послѣ. И такъ я молчалъ, но Погодинъ заговорилъ. Что̀ онъ говорилъ, я хорошенько не помню; помню только, что онъ между прочимъ утверждалъ, что въ первомъ томѣ содержаніе поэмы не двигается впередъ; что Гоголь выстроилъ длинный корридоръ, по которому ведетъ своего читателя вмѣстѣ съ Чичиковымъ и, отворяя двери направо и налѣво, показываетъ сидящаго въ каждой комнатѣ урода. Я принялся спорить съ Погодинымъ, доказывая, что тутъ никакого корридора и никакихъ уродовъ нѣтъ что содержаніе поэмы идетъ впередъ, потому что Чичиковъ ѣздитъ по добрымъ людямъ и скупаетъ мертвыя души..... Но Гоголь былъ не доволенъ моимъ заступленіемъ и, сказавъ мнѣ: „сами вы ничего замѣтить не хотите или не замѣчаете, а другому замѣчать мѣшаете...." просилъ Погодина продолжать и очень внимательно его слушалъ, не возражая ни однимъ словомъ.

Я говорилъ Гоголю послѣ, что, слушая „Мерт. Д." въ первый разъ, да хоть бы и не въ первый, и увлекаясь красотами его художественнаго созданія, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать какіе нибудь недостатки; что если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто-переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ ее и, можетъ быть, не одинъ разъ; тогда дѣло другое. Но Гоголь не хотѣлъ и не могъ этого сдѣлать: рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру въ Петербургъ. Тутъ случилось что-то такое, чего я и теперь объяснить не умѣю. Гоголь хотѣлъ послать первый томъ „Мерт. Д." въ Петербургъ къ Жуковскому или къ графу Вьельгорскому для того, чтобъ найти возможность представить ее прямо къ Государю: ибо всѣ мы думали, что обыкновенная цензура его не пропуститъ. Вдругъ Гоголь перемѣнилъ свое намѣреніе и послалъ ру-

копись въ Петербургъ прямо къ цензору Никитенко, и кажется, послалъ съ Бѣлинскимъ, по крайней мѣрѣ не сказалъ намъ, съ кѣмъ. У насъ возникло подозрѣніе, что Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ, который пріѣзжалъ на короткое время въ Москву, секретно отъ насъ; потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи „Отеч. Записокъ" и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ Русскому человѣку и ко всему нашему Русскому направленію.

Въ это время, т. е. въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 года, начали возникать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ. Гоголь молчалъ, но казался разстроеннымъ; а Погодинъ началъ сильно жаловаться на Гоголя: на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невниманіе къ хозяевамъ, т. е. къ нему, къ его женѣ, къ матери и къ тещѣ, которыя будто бы ничѣмъ не могли ему угодить. Я долженъ признаться, къ сожалѣнію, что жалобы и обвиненія Погодина казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева. Я однако, объясняя себѣ поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми съиздѣтства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людямъ, но и выдумывать всякій вздоръ для скрытія истины, я старался успокоить другихъ моими объясненіями. Я приписывалъ скрытность и даже какую нибудь пустую ложь, которую употреблялъ иногда Гоголь, когда его уличали въ неискренности, единственно странности его характера и его разсѣянности. Будучи погруженъ въ совсѣмъ другія мысли, разбуженный какъ будто отъ сна, онъ иногда самъ не зналъ что̀ отвѣчаетъ и что̀ говоритъ, лишь бы только отдѣлаться отъ докучнаго вопроса; данный такимъ образомъ отвѣтъ не впопадъ надобно было впослѣдствіи поддержать или оправдать, изъ чего иногда выходило цѣлое сплетеніе разныхъ мелкихъ неправдъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками. Мнѣ нерѣдко приходилось объяснять самому себѣ поступки Гоголя точно такъ, какъ я объяснялъ ихъ другимъ, т. е., что мы не можемъ судить Гоголя по себѣ, даже не можемъ понимать его впечатлѣній, потому что вѣроятно весь организмъ его устроенъ какъ нибудь иначе, чѣмъ у насъ; что нервы его, можетъ быть, во сто разъ тоньше нашихъ: слышатъ то́, чего мы не слышимъ, и содрогаются отъ причинъ, для насъ неизвѣстныхъ. На такое объясненіе Погодинъ съ злобнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: „развѣ что такъ". Я тогда еще не вполнѣ понималъ Погодина и потому не догадывался, что главнѣйшею причиною его неудовольствія было то, что Гоголь ничего не давалъ

ему въ журналъ, чего онъ постоянно и грубо требовалъ, несмотря на всѣ, уже приведенныя мною, письма Гоголя. Послѣ объяснилось, что Погодинъ пилилъ, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности, которыя посылалъ ежедневно къ нему снизу наверхъ. Такая жизнь сдѣлалась мученьемъ для Гоголя и была единственною причиною скораго его отъѣзда за границу. Теперь для меня ясно, что грубая, черствая, топорная натура Погодина, лишенная отъ природы или отъ воспитанія всѣхъ нервъ, передающихъ чувства деликатности, разборчивости, нѣжности, не могла иначе поступать съ натурою Гоголя, самою поэтическою, воспріимчивою и попреимуществу нѣжною. Погодинъ сдѣлалъ много добра Гоголю, хлопоталъ за него горячо всегда и вездѣ, передавалъ ему много денегъ (не имѣя почти никакого состоянія и имѣя на рукахъ большое семейство), содержалъ его съ сестрами и съ матерью у себя въ домѣ и по всему этому считалъ, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться въ свою пользу талантомъ Гоголя и заставлять его писать въ издаваемый имъ журналъ. Погодинъ всегда имѣлъ добрые порывы и былъ способенъ сдѣлать добро даже и такому человѣку, который не могъ заплатить ему тѣмъ же; но какъ скоро ему казалось, что одолженный имъ человѣкъ можетъ его отблагодарить, то онъ уже приступалъ къ нему безъ всякихъ церемоній, бралъ его за воротъ и говорилъ: „я тебѣ помогъ въ нуждѣ, а теперь ты на меня работай“.

Я сказалъ, что были случаи, въ которыхъ я никакъ не умѣлъ объяснить себѣ поступковъ Гоголя; именно, въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1842 года было два такихъ случая. Пріѣхалъ въ Москву старый мой, еще по гимназіи, товарищъ и другъ, Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ; онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, умный, образованный, живой, добрый, любящій и одаренный сильнымъ эстетическимъ чувствомъ. Кромѣ того, что онъ, по крайней мѣрѣ до изданія „Мертв. Д.“ понималъ и цѣнилъ Гоголя, онъ былъ съ нимъ очень дружески знакомъ въ Римѣ и какъ гостепріимный Славянинъ, не одинъ разъ угощалъ у себя Гоголя. Княжевичъ очень обрадовался, узнавъ, что мы съ Гоголемъ друзья и что онъ бываетъ у насъ всякій день. Я думалъ, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? Въ первый разъ, когда Княжевичъ пріѣхалъ къ намъ при Гоголѣ и сталъ здороваться съ кѣмъ-то за дверьми маленькой гостиной, въ которой мы всѣ сидѣли, Гоголь непримѣтно юркнулъ въ мой кабинетъ, и когда мы хватились его, то узнали, что онъ поспѣшно убѣжалъ изъ дому. Такой поступокъ поразилъ всѣхъ насъ, особенно удивилъ Княжевича. На другой день продолжалась такая же исторія, только съ тою разницею, что Гоголь не убѣжалъ изъ дому, когда пріѣхалъ Княже-

вичъ, а спрятался въ дальній кабинетецъ, схватилъ книгу, усѣлся въ большія кресла и притворился спящимъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи болѣе двухъ часовъ и также потихоньку уѣхалъ. На вопросы, что̀ съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ самыми дѣтскими отговорками: въ первый пріѣздъ Княжевича онъ будто вспомнилъ какое-то необходимое дѣло, по которому надобно было ему сейчасъ уѣхать, а въ другой разъ—будто ему такъ захотѣлось спать, что онъ не могъ тому противиться, а проснувшись, почувствовалъ головную боль и необходимость поскорѣе освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Мы всѣ были не только поражены изумленіемъ, но даже оскорблены. Я хотѣлъ даже заставить Гоголя объясниться съ Княжевичемъ; но послѣдній упросилъ меня этого не дѣлать и даже взялъ съ меня честное слово, что я и наединѣ не стану говорить объ этомъ съ Гоголемъ. Онъ думалъ, что вѣроятно Гоголю что нибудь насказали и что онъ имѣетъ на него неудовольствіе. Княжевичъ такъ любилъ горячо и меня и Гоголя, что буквально счелъ бы за несчастіе быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращеніе съ Гоголемъ измѣнилось и стало холоднѣе. Гоголь притворился, что не примѣчаетъ того. На третій день опять пріѣхалъ Княжевичъ съ дочерью, тогда какъ мы съ Гоголемъ сидѣли всѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы всѣ сейчасъ встали, пошли навстрѣчу своему гостю и, затворивъ Гоголя въ кабинетѣ, расположились въ гостиной. Черезъ полчаса вдругъ двери отворились, вбѣжалъ Гоголь и съ словами: „Ахъ, здравствуйте, Дмитрій Максимовичъ!“... протянулъ ему обѣ руки, кажется даже обнялъ его, и началась самая дружеская бесѣда пріятелей, не видавшихся давно другъ съ другомъ... Точно онъ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ послѣ разлуки, и точно прошедшихъ двухъ дней не бывало. Покорно прошу объяснить такую странность! Всякое объясненіе казалось мнѣ такъ невыгоднымъ для Гоголя, что я уже никогда не говорилъ съ нимъ объ этомъ, въ чемъ раскаеваюсь теперь.

Такихъ недоразумѣній, оставшихся безъ объясненій, было много и, вѣроятно, они были причиной тому, что Гоголь никогда не бывалъ со мною вполнѣ откровененъ. Другое происшествіе состояло въ слѣдующемъ (домашніе мои утверждаютъ, что оно случилось въ 1840-мъ г., но это всё равно). Гоголь еще не видалъ на Московской сценѣ „Ревизора“; актеры даже обижались этимъ, и мы уговорили Гоголя посмотрѣть свою комедію. Гоголь выбралъ день, и „Ревизора“ назначили. Слухъ объ этомъ распространился по Москвѣ, и лучшая публика заняла бель-этажъ и первые ряды креселъ. Гоголь пріѣхалъ въ бенуаръ къ Чертковой, первый съ лѣвой стороны, и сѣлъ или почти легъ, такъ чтобъ въ креслахъ было не видно. Черезъ два бенуара сидѣлъ я съ семействомъ; піэса шла отлично хорошо; публика принимала её (можетъ быть, въ сотый разъ)

съ восхищеніемъ. По окончаніи 3-го акта, вдругъ всѣ встали, обратились къ бенуару Чертковой и начали вызывать автора. Вѣроятно кому нибудь пришла мысль, что Гоголь можетъ уѣхать, не дослушавъ піэсы. Нѣсколько времени онъ выдерживалъ вызовы и громъ рукоплесканій; потомъ выбѣжалъ изъ бенуара. Я бросился за нимъ, чтобъ провести его въ ложу директора, предполагая, что онъ хочетъ показаться публикѣ; но вдругъ вижу, что онъ спѣшитъ вонъ изъ театра. Я догналъ его у наружныхъ дверей и упрашивалъ войдти въ директорскую ложу. Гоголь не согласился, сказалъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать и убѣжалъ. Публика была очень недовольна, сочла такой поступокъ оскорбительнымъ и приписала его безмѣрному самолюбію и гордости автора. На другой день Гоголь одумался, написалъ извинительное письмо къ Загоскину (директору театра), прося его сдѣлать письмо извѣстнымъ въ публикѣ, благодарилъ, извинялся и наклепалъ на себя небывалыя обстоятельства. Погодинъ прислалъ это письмо на другой день мнѣ, спрашивая, что̀ дѣлать? Я отсовѣтывалъ посылать, съ чѣмъ и Погодинъ былъ согласенъ. Гоголь не послалъ письма и на мои вопросы отвѣчалъ мнѣ точно тоже, на что̀ намекалъ только въ письмѣ, т. е. что онъ передъ самымъ спектаклемъ получилъ огорчительное письмо отъ матери, которое его такъ разстроило, что принимать въ эту минуту изъявленіе восторга зрителей было для него не только совѣстно, но даже невозможно. Намъ казалось тогда, и теперь еще почти всѣмъ кажется, такое объясненіе неискреннимъ и несправедливымъ. Мать Гоголя вскорѣ пріѣхала въ Москву, и мы узнали, что ничего особенно-огорчительнаго съ нею въ это время не случилось. Отговорка Гоголя признана была нами за чистую выдумку; но теперь я отступаюсь отъ этой мысли, признаю вполнѣ возможнымъ, что обыкновенное письмо о затрудненіи въ уплатѣ процентовъ по имѣнію, заложенному въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, могло такъ разстроить Гоголя, что всякое торжество, пріятное самолюбію человѣческому, могло показаться ему грѣшнымъ и противнымъ. Объясненіе же съ публикой о такихъ щекотливыхъ, семейныхъ обстоятельствахъ, которое мы сейчасъ готовы назвать трусостью и подлостью, или, изъ милости, крайнимъ неприличіемъ — обличаютъ только чистую, прямую, простую душу Гоголя, полную любви къ людямъ и увѣренную въ ихъ сочувствіи.

Гоголь продолжалъ бывать у насъ очень часто, почти всякій день, и охотно слушалъ разсказы Константина о томъ, какъ онъ держалъ себя и дѣйствовалъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, который онъ началъ посѣщать тогда и въ которомъ искали его знакомства. Константинъ увлекался мыслью, что истины, которыя онъ пропове-

дывалъ тамъ, согласно съ своимъ задушевнымъ и глубокимъ убѣжденіемъ, произведутъ благотворное дѣйствіе. Онъ ошибался. Свѣтъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ слушалъ его, какъ диковинное явленіе, и только. Это сдѣлалось модою. Правда, нѣкоторые полюбили его за теплоту убѣжденій, но самыя убѣжденія считали прекрасными мечтами. Гоголь хорошо понималъ настоящее значеніе этого явленія и очень имъ забавлялся.

Докуки Погодина увѣнчались однако успѣхомъ. Гоголь далъ ему въ журналъ большую статью подъ названіемъ „Римъ", которая была напечатана въ 3 № Москвитянина. Онъ прочелъ ее въ началѣ Февраля предварительно у насъ, а потомъ на литературномъ вечерѣ у князя Дм. Вл. Голицына (у Гоголя не было фрака, и онъ надѣлъ фракъ Константина). Не смотря на высокое достоинство этой піэсы, слишкомъ длинной для чтенія на раутѣ у какого бы то ни было генерала-губернатора, чтеніе почти усыпило половину зрителей; но когда къ концу піэсы дѣло дошло до комическихъ разговоровъ Итальянскихъ женщинъ между собою и съ своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло въ неописанный восторгъ, который и остался надолго въ благодарной памяти слушателей.

Многія дамы, незнакомыя лично съ Гоголемъ, но знакомыя съ нами, желали его видѣть; но Гоголя трудно было уговорить придти въ гостиную, когда тамъ сидѣла незнакомая ему дама. Одна изъ нихъ *** желала особенно познакомиться съ Гоголемъ; а потому Вѣра и Константинъ такъ пристали съ просьбами къ Гоголю, что какимъ-то чудомъ уговорили его войти въ гостиную. Это точно стоило большихъ трудовъ Константину и Вѣрѣ. Они приставали къ нему всячески, убѣждали его; онъ отдѣлывался разными уловками: то заговаривалъ о другомъ, то начиналъ имъ читать вслухъ что нибудь изъ Москов. Вѣдомостей и т. д. Наконецъ, видя, что онъ уступаетъ, Константинъ громко возвѣстилъ его въ гостиной, такъ что ему ужъ нельзя было не войдти, и онъ вошелъ; но дама *** не съумѣла сказать ему ни слова, и онъ, оставшись нѣсколько минутъ, ушелъ. Константинъ проводилъ его и благодарилъ, но онъ былъ не совсѣмъ доволенъ, и на вопросъ Константина, какъ онъ нашелъ ***, онъ сказалъ, что не можетъ судить о ней, потому что не слыхалъ отъ нея ни слова, „а вы мнѣ сказали, что она желаетъ со мною познакомиться".

Еще въ Генварѣ 1842-го г. дошли до насъ слухи, что первый томъ „Мертв. Душ." въ рукописи ходитъ по рукамъ въ Петербургѣ. Гоголь

не зналъ, что́ и дѣлать. Онъ писалъ туда къ своимъ пріятелямъ, даже хотѣлъ самъ ѣхать на выручку его; но, наконецъ, нетерпѣливо ожидаемая рукопись, вся безъ исключенія пропущенная цензоромъ, была получена. Я не могу утвердительно сказать, дознались ли мы тогда настоящимъ образомъ, гдѣ и по чьей милости прогуливался цѣлый мѣсяцъ первый томъ „Мертв. Д.". У насъ оставалось подозрѣніе, что тотъ господинъ, которому поручено было его отправить на почту, или почтамтскій чиновникъ, принявшій посылку, вздумали напередъ прочесть любопытную новость и дать почитать своимъ пріятелямъ; дѣло только въ томъ, что рукопись ѣхала изъ Петербурга до Москвы цѣлый мѣсяцъ. Я увѣренъ, что Никитенко не смѣлъ пропустить ее самъ, и что она была показана какому нибудь высшему цензору, если не Государю. Мы не вѣрили глазамъ своимъ, не видя ни одного замараннаго слова; но Гоголь не видѣлъ въ этомъ ничего необыкновеннаго и считалъ, что такъ тому и слѣдовало быть. Въ началѣ напечатаны 2,500 экземпляровъ. Обертка была нарисована самимъ Гоголемъ. Денегъ у Гоголя не было, потому „Мертв. Д." печатались въ типографіи въ долгъ, а бумагу взялъ на себя въ кредитъ Погодинъ. Печатаніе продолжалось два мѣсяца. Не смотря на то, что Гоголь былъ сильно занятъ этимъ дѣломъ, очевидно было, что онъ часъ отъ часу болѣе разстраивался духомъ и даже тѣломъ: онъ чувствовалъ головокруженіе и одинъ разъ имѣлъ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ чувствъ и безъ всякой помощи, потому что случилось это на верху, въ мезонинѣ, гдѣ у него никогда никого не было. Вдругъ дошли до Константина слухи стороной, что Гоголь сбирается уѣхать за границу и очень скоро. Онъ не повѣрилъ и спросилъ самъ Гоголя, который сначала отвѣчалъ неопредѣленно: „можетъ быть"; но потомъ сказалъ рѣшительно, что онъ ѣдетъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться, потому что не можетъ писать, и потому что такое положеніе разрушаетъ его здоровье. Константинъ былъ очень огорченъ и съ горячностію убѣждалъ Гоголя не ѣздить, а испытать всѣ средства, чтобъ пріучить себя писать въ Москвѣ. Гоголь отвѣчалъ ему, что онъ именно то и дѣлаетъ, и проживетъ въ Москвѣ до нельзя. Вѣра, при которой происходилъ этотъ разговоръ, сказала Гоголю, что никакъ не должно доводить до нельзя, а лучше уѣхать немедленно. Я съ огорченіемъ и не удовольствіемъ узналъ объ этомъ. Все дѣлалось какъ-то неясно, неоткровенно, непонятно для меня, и моя дружба къ Гоголю тѣмъ оскорблялась. Теперь я вижу, что въ этомъ виноватъ былъ я болѣе всѣхъ, что я невнимательно смотрѣлъ на положеніе Гоголя, легкомысленно осуждалъ его, недостаточно показывалъ къ нему участія, а потому и не пользовался его полной откровенностью. У меня всегда было правило— не навязываться съ своимъ участіемъ, не домогаться ничьей откровен-

ности. Гакое правило рѣшительно иногда бываетъ ложно, а съ Гоголемъ болѣе ложно, чѣмъ съ кѣмъ нибудь. Будучи самъ плохимъ христіаниномъ, я съ неудовольствіемъ и недовѣрчивостью смотрѣлъ на религіозное направленіе Гоголя. Вѣроятно это было главною причиною, почему онъ не открывался мнѣ въ своихъ намѣреніяхъ. Еслибъ я съ любовію и горячностью приставалъ къ Гоголю съ распросами, еслибъ я заставлялъ его быть съ собою откровеннымъ съ самаго пріѣзда въ Москву, то вѣроятно я могъ бы не допустить до огромнаго размѣра его неудовольствій съ Погодинымъ, и тогда, можетъ быть, Гоголь не уѣхалъ бы изъ Россіи, по крайней мѣрѣ такъ скоро. Черезъ нѣсколько дней, передъ вечеромъ, уѣзжалъ я въ клубъ, и всѣ меня провожали до передней. Вдругъ входитъ Гоголь съ образомъ Спасителя въ рукахъ и сіяющимъ, просвѣтленнымъ лицомъ. Такого выраженія въ глазахъ у него я никогда ни видывалъ. Гоголь сказалъ: „Я все ждалъ, что кто нибудь благословитъ меня образомъ, и никто не сдѣлалъ этого; наконецъ, Инокентій благословилъ меня. Теперь я могу объявить, куда я ѣду: ко Гробу Господню“.Онъ провожалъ Инокентія, и тотъ, прощаясь съ нимъ, благословилъ его образомъ. Инокентію, какъ архіерею, весьма естественно было благословить Гоголя образомъ; но Гоголь давно желалъ, чтобъ его благословила Ольга Семеновна, а прямо сказать не хотѣлъ. Онъ все ожидалъ, что она почувствуетъ къ этому влеченіе и даже самъ подговаривался; но Ольга Семеновна не догадывалась, да и какъ было догадаться? Признаюсь я не былъ доволенъ ни просвѣтленнымъ лицомъ Гоголя, ни намѣреніемъ его ѣхать ко Святымъ Мѣстамъ. Все это казалось мнѣ напряженнымъ, нервнымъ состояніемъ и особенно страшнымъ въ Гоголѣ, какъ въ художникѣ,—и я уѣхалъ въ клубъ. Безъ меня было много разговоровъ объ этомъ предметѣ, и особенно Вѣра приставала къ Гоголю со многими вопросами, которые, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ были ему пріятны. Напримѣръ, на вопросъ: „съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію; съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда или съ тѣмъ, чтобъ такъ скоро уѣхать?“ Гоголь отвѣчалъ: „съ тѣмъ, чтобъ проститься“. Всѣмъ извѣстно, что и письменно, и словесно Гоголь высказывалъ совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ, на долго ли ѣдетъ онъ? Гоголь отвѣчалъ различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ, что на десять и наконецъ, что онъ ѣдетъ на пять лѣтъ. Ольга Семеновна сказала ему, что теперь она ожидаетъ отъ него описанія Палестины, на что̀ Гоголь отвѣчалъ: „Да, я опишу вамъ ее; но для того мнѣ надобно очиститься и быть достойну“. Черезъ нѣсколько времени онъ ушелъ *), оставя образъ у насъ, и взялъ его уже на другой день.

*) Въ этотъ день вечеромъ онъ хотѣлъ было идти къ Дмитріеву, у котораго очень давно не бывалъ по Пятницамъ; но онъ былъ такъ разстроенъ, или, лучше сказать, такъ про-

Въ первыхъ числахъ Мая пріѣхала мать Гоголя съ его сестрой Анютой, чтобъ взять съ собой Лизу, которая цѣлый годъ жила у Раевской, и чтобъ проститься съ сыномъ, который вѣроятно увѣдомилъ её, что уѣзжаетъ надолго. Она остановилась также у Погодина. 1-го Мая вотъ что̀ случилось. Гоголь у насъ обѣдалъ, послѣ обѣда часа два сидѣлъ у меня въ кабинетѣ и занимался поправкою корректуръ, въ которыхъ онъ не столько исправлялъ типографическія ошибки, сколько занимался перемѣною словъ, а иногда и цѣлыхъ фразъ. Корректуръ былъ огромный свертокъ. Гоголь не успѣлъ ихъ кончить, потому что условился ѣхать вмѣстѣ съ Шевыревымъ на гулянье; а Константинъ уѣхалъ ранѣе съ Боборыкинымъ. Въ 6 часовъ мы дали Гоголю лошадь, и онъ отправился къ Шевыреву, поручивъ мнѣ спрятать и запереть корректуры, такъ чтобъ ихъ никто не видалъ. Зная, что Гоголь долженъ воротиться очень поздно и что въ этотъ вечеръ никто намъ не помѣшаетъ, мы расположились въ моемъ кабинетѣ, и я началъ читать вслухъ именно тѣ главы „Мерт. Д.", которыхъ мое семейство еще не знало. Только что мы разчитались, какъ вдругъ Гоголь въѣхалъ на дворъ..... Сдѣлалась страшная суматоха, и мы едва успѣли скрыть наше преступленіе. Мы переконфузились не на шутку, потому что очень боялись разсердить или, лучше сказать, огорчить Гоголя; по счастью, онъ ничего не замѣтилъ. Онъ пріѣхалъ въ большой досадѣ на Шевырева, который не подождалъ его пяти минутъ и уѣхалъ одинъ, ровно въ 6 часовъ. Поболтавъ кой о чемъ съ нами и продолжая жаловаться на Нѣмецкую аккуратность Шевырева, Гоголь хотѣлъ было уже опять засѣсть за свои корректуры, какъ вдругъ пріѣхала карета четверкой въ рядъ, которую изъ Сокольниковъ прислала Екат. Алекс. Свербеева и приказала убѣдительно просить Гоголя къ нимъ въ палатку. Она узнала отъ Шевырева, что онъ не подождалъ Гоголя и что Гоголь у насъ. Гоголю не очень хотѣлось ѣхать, ему казалось уже поздно; но мы его уговорили, и онъ уѣхалъ.

Передъ своими имянинами, по случаю прекрасной погоды, еще до пріѣзда матери, Гоголь пригласилъ къ себѣ въ садъ нѣкоторыхъ дамъ и особенно просилъ, чтобъ пріѣхала Ольга Семеновна съ Вѣрой. Въ 6 часовъ вечера Ольга Сем—а съ Вѣрой и Лизой отправились къ Гоголю. Онъ встрѣтилъ ихъ на террасѣ и изъявилъ сожалѣніе, „что онѣ не пріѣхали раньше, что такъ было хорошо, а теперь уже солнце садится". Онѣ сошли въ садъ и гуляли вмѣстѣ. Вскорѣ пріѣхали Екатер. Алекс. Свербеева и Авд.

никвутъ высокимъ настроеніемъ, что не имѣлъ силы идти на скучный вечеръ, гдѣ собирались нестерпимо-скучные люди. Дмитріевъ, не смотря на свой замѣчательный умъ, никогда вполнѣ не понималъ Гоголя.

Петр. Елагина. Гоголь былъ очень смѣшонъ въ роли хозяина, и даже жалко было на него смотрѣть, какъ онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ занимать пріѣхавшихъ дамъ. Ольга Семеновна, Авдотья Петровна и жена Погодина сѣли въ саду у чайнаго стола; а Гоголь съ Екат. Алекс. и за ними Лиза съ Вѣрой пошли гулять. Гоголь употреблялъ всѣ усилія, чтобъ занимать свою спутницу, которую можно было занимать только свѣтской болтовней, какъ онъ думалъ. Двѣ дѣвушки шли за ними и посмѣивались. Истощивъ, наконецъ, какъ видно, весь свой запасъ, Гоголь прибѣгалъ, напримѣръ, къ слѣдующимъ разговорамъ: „Хорошо, еслибъ вдругъ изъ этого дерева выскочилъ хоръ пѣсельниковъ и вдругъ бы запѣлъ". и тому подобнымъ въ этомъ родѣ. Всё было вяло, принужденно и не кстати; но спутница его считала долгомъ находить всё очень любезнымъ и забавнымъ, и очень привлекательно улыбалась. Я слышалъ потомъ, какъ дамы говорили, что Гоголь былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ. Наконецъ пошли пить чай; сдѣлалось холоднѣе. Гоголь подавалъ всѣмъ дамамъ салопы и услуживалъ, какъ умѣлъ. Послѣ чаю воротились въ комнату; тутъ Гоголь, для той же цѣли, принялся разсказывать всякій вздоръ и пустяки объ водяномъ леченіи Присница, чему дамы очень смѣялись, хотя, правду сказать, тутъ ничего не было смѣшнаго, потому что слышалось тяжелое принужденіе, которое дѣлалъ себѣ Гоголь. Ол. Сем. и Вѣра не могли не замѣтить, что онъ былъ очень доволенъ, когда уѣхали прочія дамы. Проводя ихъ, онъ сѣлъ въ уголъ дивана, какъ человѣкъ исполнившій свой долгъ и довольный, что можетъ отдохнуть. Тутъ онъ былъ совершенно свободенъ, разспрашивалъ ихъ про недавно бывшій вечеръ у Хомякова, именно о томъ, что́ тамъ дѣлалось послѣ его ухода, про Одоевскаго, про Боборыкина, которые всегда его забавляли. Наконецъ, когда сдѣлалось уже совершенно темно, Ольга Семеновна и Вѣра уѣхали.

9-го Мая сдѣлалъ Гоголь такой же обѣдъ для своихъ друзей въ саду у Погодина, какъ и въ 1840-мъ году. Погода стояла прекрасная; я былъ здоровъ, а потому присутствовалъ вмѣстѣ со всѣми на этомъ обѣдѣ. На немъ были профессора: Григорьевъ (проѣздомъ случившійся въ Москвѣ), Армфельдъ, Рѣдкинъ и Грановскій. Былъ Ст. Вас. Перфильевъ (особенный почитатель Гоголя), Свербеевъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Елагины, Нащокинъ (извѣстный другъ Пушкина, любившій въ немъ не поэта, а человѣка, чѣмъ очень дорожилъ Пушкинъ), Загоскинъ, Н. Ф. Павловъ, Ю. Самаринъ, Константинъ, Гриша и многіе другіе изъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Обѣдъ былъ шумный и веселый, хотя Погодинъ съ Гоголемъ были въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ и даже не говорили, чего впрочемъ нельзя было замѣтить въ такой толпѣ. Гоголь шутилъ и смѣ-

шилъ своихъ сосѣдей. Послѣ обѣда Гоголь въ бесѣдкѣ самъ приготовлялъ жженку, и когда голубоватое пламя горящаго рома и шампанскаго обхватило и растопляло куски сахара, лежавшаго на рѣшеткѣ, Гоголь говорилъ, что „это Бенкендорфъ, который долженъ привесть въ порядокъ сытые желудки". Разумѣется, голубое пламя и голубой жандармскій мундиръ своей аналогіей подали поводъ къ такой шуткѣ, которая *послѣ обѣда* показалась всѣмъ очень забавною и возбудила общій громкій смѣхъ. Не помню, тутъ ли былъ Перфильевъ.

Печатанье „М. Д." приходило къ концу, и къ отъѣзду Гоголя успѣли переплесть десятка два экземпляровъ, которые ему нужно было раздарить и взять съ собой. Первые совсѣмъ готовые экземпляры были получены 21-го Мая, въ день имянинъ Константина, прямо къ намъ въ домъ, и тутъ же Гоголь подарилъ и подписалъ одинъ экземпляръ имяниннику, а другой намъ съ надписью: „друзьямъ моимъ, цѣлой семьѣ Аксаковыхъ". У насъ было довольно гостей, и всѣ обѣдали въ саду. Были Погодинъ и Шевыревъ. Это былъ въ тоже время прощальный обѣдъ съ Гоголемъ. Здѣсь онъ въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ „М. Д.", но пріѣхать для его напечатанья уже не обѣщалъ.

Семейство Гоголя бывало у насъ очень часто, почти всякій день. Мать его также собиралась ѣхать и брала съ собой вторую свою дочь Лизу, которая во время пребыванія своего у Раевской много перемѣнилась къ лучшему, чѣмъ Гоголь былъ очень доволенъ. Во время еще пребыванія своей сестры у Раевской, мѣсяца за два до отъѣзда, у нея въ домѣ Гоголь познакомился короче съ одной почтенной старушкой Над. Ник. Шереметевой, которая за годъ передъ симъ, еще не зная Гоголя лично, упросила Раевскую взять его сестру. Шереметева была глуха и потому, видѣвъ Гоголя нѣсколько разъ прежде, не говорила съ нимъ и почти совсѣмъ его не знала. Но по случаю болѣзни Раевской, просидѣвъ съ Гоголемъ наединѣ часа два, она была поражена изумленіемъ, найдя въ немъ горячо вѣрующаго и набожнаго человѣка. Она, уже давно преданная исключительно молитвѣ и добру, чрезвычайно его полюбила, нѣсколько разъ сама пріѣзжала къ нему, чтобъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ и, наконецъ, непремѣнно захотѣла его проводить. Гоголь, взявши мѣсто въ дилижансѣ на 23 Мая, сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ нашего дома и пригласилъ ее безъ всякихъ церемоній прямо пріѣхать къ намъ. Шереметева, побывавъ поутру у Гоголя, подаривъ ему шнурокъ своей работы и отдавъ прощальное письмо, пріѣхала къ намъ 23-го Мая въ субботу, чтобъ еще проститься съ Гоголемъ. Черезъ четверть часа, нельзя было узнать, что мы не были цѣлый вѣкъ дружески

знакомы съ этой почтенной и достойной женщиной. Когда началось прощанье, она простилась съ Гоголемъ прежде всѣхъ и уѣхала, чтобъ не мѣшать Гоголю проститься съ матерью и сестрами. Простившись со всѣми, Гоголь, выходя изъ залы, обернулся и перекрестилъ всѣхъ насъ. Я, Гоголь, Константинъ и Гриша сѣли въ четвероместную коляску и поѣхали до первой станціи, до Химокъ, куда еще прежде поѣхалъ Щепкинъ съ сыномъ, и гдѣ мы расположились отобѣдать и дождаться дилижанса, въ которомъ Гоголь отправлялся въ Петербургъ. Подъѣхавъ къ Тверской заставѣ, я какъ то выглянулъ изъ коляски и увидѣлъ, что Над. Ник. Шереметева ѣдетъ за нами въ своихъ дрожкахъ. Мы остановились, Гоголь вышелъ и простился съ ней очень нѣжно; а она благословила и перекрестила его какъ сына. У самаго шлагбаума подбѣжалъ къ намъ солдатъ и спросилъ: кто мы и куда ѣдемъ? Константинъ, неспособный ни къ какому роду лжи, началъ было разсказывать: что мы такіе-то и ѣдемъ провожать Гоголя, отправляющагося за границу; но Гоголь поспѣшно вскочилъ и сказалъ, что мы ѣдемъ на дачу и сегодня же воротимся въ Москву. Я засмѣялся, Константинъ нѣсколько сконфузился; а Гоголь пустился объяснять, что въ жизни необходима *змѣиная мудрость*, т. е., что не надобно сказывать иногда никому ненужную правду и приводить тѣмъ людей въ хлопоты и затрудненія; что еслибъ онъ успѣлъ объявить о путешественникѣ, отъѣзжающемъ въ чужіе края, то у него потребовали бы паспорта, который находился въ то время у кондуктора, въ конторѣ дилижансовъ, и путешественника бы не пропустили. Потомъ Гоголь обратился ко мнѣ съ просьбами старательно вслушиваться во всѣ сужденія и отзывы о „Мертвыхъ Душахъ“, предпочтительно дурные, записывать ихъ изъ слова въ слово и всѣ безъ исключенія сообщать ему въ Италію. Онъ увѣрялъ меня, что это для него необходимо; просилъ, чтобъ я не пренебрегалъ мнѣніями и замѣчаніями людей самыхъ глупыхъ и ничтожныхъ, особенно людей, расположенныхъ къ нему враждебно. Онъ думалъ, что злость, напрягая и изощряя умъ самаго пошлаго человѣка, можетъ открыть въ сочиненіи такіе недостатки, которые ускользали не только отъ пристрастныхъ друзей, но и отъ людей равнодушныхъ къ личности автора, хотя бы они были очень умны и образованы. Въ такого рода разговорахъ, но безъ всякихъ искренныхъ, дружескихъ изліяній, которымъ, казалось бы, невозможно было не быть при разставаньи на долгое время, между друзьями, изъ которыхъ одинъ отправлялся съ намѣреніемъ предпринять трудное и опасное путешествіе ко Святымъ Мѣстамъ—доѣхали мы до первой станціи (Химки, въ 13 верстахъ отъ Москвы). Мих. Сем. Щепкинъ, пріѣхавши туда прежде насъ съ сыномъ, пошелъ къ намъ на встрѣчу и точно встрѣтилъ насъ версты за двѣ до Химокъ. Прі-

ѣхавши на станцію, мы заказали себѣ обѣдъ и пошли всѣ шестеро гулять. Мы ходили вверхъ по маленькой рѣчкѣ, бродили по березовой рощѣ, сидѣли и лежали подъ тѣнью деревъ; говорили какъ-то мало, не живо, не связно и вообще находились въ какомъ-то принужденномъ состояніи. Гоголь внутренно былъ чрезвычайно радъ, что уѣзжаетъ изъ Москвы; но глубоко скрывалъ свою радость. Онъ чувствовалъ въ тоже время, что обманулъ наши ожиданія и уѣзжаетъ слишкомъ рано и поспѣшно, тогда какъ обѣщалъ навсегда оставаться въ Москвѣ. Онъ чувствовалъ, что мы, для которыхъ было закрыто внутреннее состояніе его души, его мучительное положеніе въ домѣ Погодина, котораго оставить онъ не могъ безъ огласки—имѣли полное право обвинять его въ причудливости, непостоянствѣ, капризности, пристрастіи къ Италіи и въ холодности къ Москвѣ и Россіи. Онъ читалъ въ моей душѣ, а также и въ душѣ Константина, что, послѣ тѣхъ писемъ, какія онъ писалъ ко мнѣ, его настоящій поступокъ, дѣлаемый безъ искреннихъ объясненій, могъ показаться мнѣ весьма двусмысленнымъ, а самъ Гоголь человѣкомъ фальшивымъ. Послѣдняго мы не думали, но конечно съ непріятнымъ изумленіемъ и нѣкоторою холодностью, въ сравненіи съ прежнимъ, смотрѣли на отъѣзжающаго Гоголя. Мы воротились съ прогулки довольно скучной, сѣли обѣдать, выпили здоровье Гоголя привезеннымъ съ собой шампанскимъ и, сидя за столомъ, продолжали разговаривать о разныхъ пустякахъ до пріѣзда дилижанса, который явился очень скоро. Увидавъ дилижансъ, Гоголь торопливо всталъ, началъ собираться и простился съ нами, равно какъ и мы съ нимъ, не съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какого можно было ожидать. Товарищемъ Гоголя въ купе опять случился военный, съ иностранной фамиліей, кажется Нѣмецкой, но человѣкъ необыкновенной толщины. Гоголь и тутъ, для предупрежденія разныхъ объясненій и любопытства, назвалъ себя *Гоноленъ* и даже записался такъ, предполагая, что не будутъ справляться съ его паспортомъ. Хотя я давно начиналъ быть иногда не доволенъ поступками Гоголя; но въ эту минуту я все забылъ и чувствовалъ только горесть, что великій художникъ покидаетъ отечество и насъ. Горькое чувство овладѣло мною, когда захлопнулись дверцы дилижанса; образъ Гоголя исчезъ въ немъ, и дилижансъ покатился по Петербургскому шоссе. Въ тоже время, какъ мы отправились провожать Гоголя, его мать съ дочерьми и Ольга Семеновна, также съ дочерьми, отправились въ двухъ экипажахъ къ Троицѣ, помолиться Богу. Марья Ивановна была очень огорчена: сердце матери предчувствовало долгую разлуку.

Изъ всего разсказаннаго мною очевидно, что въ этотъ пріѣздъ Гоголя, я не былъ доволенъ имъ такъ, какъ въ первый пріѣздъ, хотя по его

письмамъ должно было ожидать, что взаимная дружба наша сдѣлается гораздо сильнѣе. Повторяю, что, не смотря на нѣкоторые необъяснимые поступки Гоголя, я обвиняю въ этомъ себя. Мнѣ должно было вмѣшаться въ его неудовольствія съ Погодинымъ, стать между ними посредникомъ и судьей. Не надобно было смотрѣть на то, что Гоголь скрывалъ ихъ; по разсказамъ Погодина я долженъ былъ понять, какъ страдалъ Гоголь. Еслибъ нельзя было уладить ихъ непріятности, то надобно было такъ устроить, чтобъ Гоголь не жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Здѣсь кстати сказать, что, возвращаясь въ Россію, если не на всегда, то надолго, Гоголь не имѣлъ намѣренія жить у Погодина: онъ хотѣлъ жить вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ, который по болѣзни не могъ тогда еще воротиться въ Россію. Впрочемъ и то надо сказать, что впослѣдствіи Гоголь жилъ вмѣстѣ съ Языковымъ въ чужихъ краяхъ, но не ужился, и конечно въ этомъ должно обвинять не Языкова, у котораго былъ характеръ очень уживчивый. Причиною неудовольствія былъ крѣпостной лакей Николая Михайловича, который ходилъ за нимъ во все время болѣзни усердно, пользовался полной довѣренностью своего господина и, по его болѣзни, полновластно распоряжался домашнимъ хозяйствомъ; Гоголь же захотѣлъ самъ распоряжаться и вздумалъ нарушать разныя привычки и образъ жизни больнаго. Такъ покрайней мѣрѣ говорили братья Языкова, къ которымъ будто онъ писалъ самъ, а также и его довѣренный лакей. Когда пріѣхалъ Языковъ на житье въ Москву, я спрашивалъ его объ этомъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ рѣшительно, что это совершенный вздоръ и что никакихъ неудовольствій между нимъ и Гоголемъ не бывало. Нельзя предположить, чтобы братья Языкова выдумали эту исторію; но вѣроятно преувеличили, основываясь не на письмахъ брата, а на письмахъ его камердинера. Ник. Мих. Языковъ до кончины своей показывалъ искреннюю и горячую привязанность къ Гоголю. Какъ бы то ни было, успѣлъ ли бы я или нѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ—вина состоитъ въ томъ, что я ихъ не начиналъ и что все это пришло мнѣ въ голову гораздо позже.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гоголя, „Мертвыя Души“ быстро разлетѣлись по Москвѣ и потомъ по всей Россіи. Книга была раскуплена нарасхватъ. Впечатлѣнія были различны, но равносильны. Публику можно было раздѣлить на три части. Первая, въ которой заключалась вся образованная молодежь и всѣ люди, способные понять высокое достоинство Гоголя, приняла его съ восторгомъ. Вторая часть состояла, такъ сказать, изъ людей озадаченныхъ, которые, привыкнувъ тѣшиться сочиненіями Гоголя, не могли вдругъ понять глубокаго и серьезнаго значенія его поэмы; они находили въ ней много кари-

катуры и, основываясь на мелочныхъ промахахъ, считали многое невѣрнымъ и неправдоподобнымъ. Должно сказать, что нѣкоторые изъ этихъ людей, прочитавъ „Мертвыя Души" во второй и даже въ третій разъ, совершенно отказались отъ перваго своего непріятнаго впечатлѣнія и вполнѣ почувствовали правду и художественную красоту творенія. Третья часть читателей обозлилась на Гоголя: она узнала себя въ разныхъ лицахъ поэмы и съ остервененіемъ вступилась за оскорбленіе цѣлой Россіи. Къ сожалѣнію должно сказать, что нѣкоторые добрые и хорошіе люди принадлежали къ этой категоріи и остались въ ней навсегда.

Распродажей „Мертвыхъ Душъ" завѣдывалъ Шевыревъ и по мѣрѣ выручки денегъ расплачивался съ долгами.

Мы довольно скоро переѣхали на дачу. Тамъ перечелъ я „Мертвыя Души" вслухъ своему семейству, прочитывалъ каждый день по одной главѣ, и тутъ только я понялъ всю великость этого творенія. Я открылъ въ немъ много красотъ, которыя ускользнули отъ меня во время чтенія Гоголя и даже моего собственнаго, всегда отрывочнаго и не вполнѣ внимательнаго въ суетѣ городской жизни. Мать Гоголя съ дочерьми уѣхала въ свою Васильевку или Яновщину, уже послѣ нашего переѣзда на дачу. Марья Ивановна съ дочерьми провожала насъ, когда мы уѣзжали изъ Москвы, и простилась съ нами очень грустно; особенно плакала Лиза, которую сестра Анюта напугала разсказами о жизни въ глуши Малороссіи. Марья Ивановна женщина необыкновенная. Она такъ моложава и хороша собой, что дочери кажутся при ней дурными. Она вся исполнена самоотверженія и тихой любви къ своимъ дѣтямъ; она отдала имъ свое сердце и сама не только не имѣетъ воли, но даже своихъ желаній; по крайней мѣрѣ не показываетъ ихъ. Сына любитъ она болѣе всего на свѣтѣ и между тѣмъ должна отъ него почти отказаться, видѣть изрѣдка, и то на короткое время. Лицо ея постоянно грустно, особенно послѣ отъѣзда Николая Васильича; она плачетъ мало, но видно, какъ глубоко огорчена, и между тѣмъ говоритъ, что не надобно грустить: ибо у нихъ есть повѣрье, что тотъ человѣкъ, о которомъ грустятъ, будетъ отъ того грустить больше. Вѣра очень справедливо пишетъ въ письмѣ къ М. Карташевской, что какъ-то странно видѣть мать Гоголя и слышать, какъ она говоритъ о немъ. Напримѣръ: *„когда Николинька писалъ „Мертвыя Души", онъ желалъ только добра людямъ"* и т. п. выраженія въ этомъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, соединеніе подчеркнутыхъ мною словъ очень странно отзывается въ ушахъ и въ умѣ слушателя. Она конечно не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ на

сына, и во всѣхъ словахъ о немъ слышится материнское чувство, даже тогда, когда она говоритъ о немъ, какъ о великомъ писателѣ. Какъ она боится того впечатлѣнія, которое произведетъ на цѣлую Россію его новая книга! Она боится непріязненнаго впечатлѣнія только потому, что это можетъ его разстроить и повредить его здоровью. Какъ интересны всѣ тѣ мелочныя подробности, которыя она разсказываетъ про дѣтство своего Николиньки. Напримѣръ, какъ онъ написалъ одинъ разъ какое-то сочиненіе и поднесъ ей, а потомъ самъ же тихонько утащилъ его и вѣроятно истребилъ, какъ она подозрѣваетъ, и пр. и пр. Какъ она смотритъ на портретъ сына, который онъ оставилъ ей и который въ самомъ дѣлѣ похожъ чрезвычайно! Какъ она объясняетъ то, что̀ выражается на лицѣ его. „Онъ улыбается, говоритъ она, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ грустное; какъ будто хочетъ сказать людямъ: вы ошибаетесь во мнѣ, моя душа чиста и ясна, и много любви въ ней“.— Вѣра прибавляетъ, что я совѣтовалъ Марьѣ Ивановнѣ записывать всѣ воспоминанія о дѣтствѣ сына (кажется, всего было бы благонадежнѣе записывать ихъ самимъ намъ) и продолжаетъ такъ: какъ любитъ Марья Ивановна всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ участіе въ ея сынѣ! Она все старается увѣрить себя, что онъ воротится скоро, хотя онъ самъ сказалъ ей, что это можетъ быть не прежде пяти лѣтъ (чего онъ мнѣ собственно никогда не говорилъ). Она увидала одинъ разъ только что вышедшій томъ „Мертвыхъ Душъ“, лежавшій на столѣ у насъ въ гостинной; она развернула и прочла: „О моя юность, о моя свѣжесть“... и залилась слезами. Поразительно было видѣть, какъ по наружности молодая, прекрасная и свѣжая женщина оплакивала увядшую юность и свѣжесть своего сына.

10 Іюня, живя на дачѣ въ деревнѣ Гаврилковѣ, я только что кончилъ вслухъ чтеніе „Мертвыхъ Душъ“. какъ получилъ первое письмо отъ Гоголя изъ Петербурга.

«С.-п.-б. Іюня 4».

„Я получилъ ваше письмо еще въ началѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, милый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Теперь пишу къ вамъ нѣсколько строкъ передъ выѣздомъ. Хлопотъ было у меня довольно. Никакъ нельзя было на здѣшнемъ безтолковьѣ сдѣлать всего вдругъ. Кое-что я оканчивать оставилъ Прокоповичу. Онъ уже занялся печатаньемъ. Дѣло, кажется, пойдетъ живо. Типографіи здѣшнія набираютъ въ день до шести листовъ; всѣ четыре тома къ Октябрю выдутъ непременно. Экземпляръ „Мертвыхъ Душъ“ еще не поднесенъ Царю. Все это уже будетъ сдѣлано по моемъ отъѣздѣ. Обнимаю васъ нѣсколько разъ. Крѣпки и сильны будьте душой; ибо крѣпость и сила почіютъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и

сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу. Вѣрующіе въ свѣтлое увидятъ свѣтлое, темное существуетъ только для невѣрующихъ.—Прощайте. Обнимаю Константина Сергѣевича, и передайте мое сердечное рукопожатье Ольгѣ Семеновнѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и всему вашему семейству. Обнимите также всѣхъ моихъ знакомыхъ, всѣхъ кого я видалъ и съ кѣмъ былъ въ Москвѣ. Прощайте. Пишите въ Гастейнъ".

Первое мое письмо въ Петербургъ, о которомъ говоритъ Гоголь, не нашлось въ его бумагахъ. Печатанье всѣхъ его сочиненій въ четырехъ частяхъ, въ числѣ 5000 тысячъ экземпляровъ, было поручено школьному товарищу и другу Гоголя, г-ну Прокоповичу. Я его совсѣмъ не знаю и никогда не видывалъ; но дѣло это онъ исполнилъ не совсѣмъ хорошо. Во-первыхъ, изданіе стоило неимовѣрно дорого; а во-вторыхъ, типографія сдѣлала значительную контрфакцію. Когда Шевыревъ впослѣдствіи, съ разрѣшенія Гоголя, вытребовалъ всѣ остальные экземпляры къ себѣ въ Москву, оказалось, что у книгопродавцевъ въ Петербургѣ и частью въ Москвѣ находился большой запасъ „*Мертвыхъ Душъ*", не соотвѣтствующій числу распроданныхъ экземпляровъ, такъ что въ теченіи полутора года ни одинъ книгопродавецъ не взялъ у Шевырева ни одного экземпляра, а всѣ получали ихъ изъ Петербурга съ выгодною уступкою. По прошествіи же полутора года, экземпляры начали быстро расходиться и пересылаться въ Петербургъ.

Теперь слѣдуетъ мое письмо съ дачи.

«1842. Іюля 3-го Гаврилково».

„Вотъ уже другой мѣсяцъ живемъ мы въ прелестной деревушкѣ, милый другъ Николай Васильевичъ. Другой мѣсяцъ или читаемъ васъ или говоримъ о васъ. Никому не повѣрю, чтобъ нашелся человѣкъ, который могъ бы съ перваго раза вполнѣ понять ваши безсмертныя „Мертвыя Души"! Я восхищался ими вмѣстѣ съ другими, а можетъ быть и больше другихъ, или по крайней мѣрѣ многихъ; но восхищеніе мое было одностороннее. Нѣкоторыя, болѣе выдающіяся (по натурѣ своей) части, закрывали отъ меня остальное. Это міръ Божій... Можно ли однимъ взглядомъ его разсмотрѣть? Какое надобно вниманіе и разумѣніе, чтобъ открыть въ немъ совершенство творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ, повидимому и не стоющихъ большого вниманія? Признаю торжественно превосходство эстетическаго чувства въ моемъ Константинѣ: онъ понялъ васъ болѣе меня и болѣе всѣхъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ прежнихъ вашихъ твореній. Чтò казалось восторженностью доходившею до смѣшнаго излишества то теперь стало истиною, поня-

тою еще немногими, но тѣмъ не менѣе непреложной истиной! Конечно, молодое поколѣніе образованныхъ юношей, все безъ исключенія почти, кромѣ несчастныхъ, лишенныхъ всякаго чувства изящнаго, болѣе и полнѣе васъ пойметъ, чѣмъ сорокалѣтніе и пятидесятилѣтніе люди. Всѣ мы съ нѣкоторыми измѣненіями успѣли засорить свой умъ, притупить чувство и не можемъ вдругъ стряхнуть съ себя сего ложнаго воззрѣнія и направленія. Константинъ написалъ статью, которая печатается въ „Москвитянинѣ"; въ ней вѣрно и ясно указаны причины, отчего порядочные люди, понимавшіе и чувствовавшіе другихъ поэтовъ, не могутъ вдругъ и вполнѣ понять и почувствовать „Мертвыя Души". Я прочелъ ихъ два раза про себя и третій разъ вслухъ для всего моего семейства; надобно нѣкоторымъ образомъ остыть, чтобъ не пропустить красотъ творенія, естественно ускользающихъ отъ пылающей головы и сильно бьющагося сердца. Теперь мы съ жадностью бросились перечитывать все, написанное вами прежде, по порядку, какъ оно выходило. Растояніе велико; но элементы уже тѣ. Главное: свѣжесть, ароматность, такъ сказать, жизни, непостижимыя!... Прочту ли я остальныя части „Чичикова"? Доживу ли я до этого счастія? Кромѣ моего семейства, у меня нѣтъ другаго, столь высокаго интереса, въ остальномъ теченіи моей жизни, какъ желанье и надежда прочесть два тома „Мертвыхъ Душъ". А трагедія? Помните ли, что̀ вы говорили мнѣ о ней въ Петербургѣ?... Вы сами тогда считали ее совершеннѣйшимъ своимъ произведеніемъ, хотя она не была написана. Неужели толпа новыхъ лицъ, живущая въ похожденіяхъ Чичикова, вѣроятно послѣ вами созданная, сгладитъ образы и характеры лицъ драмы, которые тогда (какъ вы сами выразились) предстояли предъ вами живые и одѣтые въ полные костюмы *до послѣдней нитки?* Но да будетъ, что̀ угодно Богу. Да сохранитъ Онъ только васъ здрава и невредима".

„Я получилъ ваше письмецо изъ Петербурга отъ 4-го Іюня. Вы намѣревались выѣхать изъ него ранѣе, чѣмъ предполагали; по крайней мѣрѣ я помню, что поднесеніе экземпляровъ назначаемо было при васъ. Мы еще не имѣемъ никакого извѣстія, когда именно выѣхали вы изъ этого сѣвернаго Вавилона. Сердечно васъ благодарю, милый другъ, за то, что вы побывали у Карташевскихъ; особенно благодаритъ васъ Вѣра: вы доставили ей истинное удовольствіе, давши взглянуть на себя ея другу, Машенькѣ Карташевской. Эта необыкновенная дѣвушка превзошла всѣ мои ожиданія. Какъ ни высоко я цѣнилъ ея эстетическое чувство, но не могъ предполагать, чтобъ она могла такъ понять и почувствовать „Мертвыя Души". Она удивила и восхитила меня своимъ письмомъ. Немного такихъ прекрасныхъ существъ можно встрѣ-

тить, не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, и въ цѣлой православной Руси.—Я обѣщалъ вамъ записывать разные толки о Чичиковѣ; я сдѣлалъ это, сколько могъ успѣть; ибо черезъ недѣлю мы уѣхали изъ Москвы. Вотъ они; выписываю ихъ съ дипломатическою точностью. С. В. Перфильевъ сказалъ мнѣ: „Не смѣю говорить утвердительно, но признаюсь: „*Мертвыя Души*" мнѣ не такъ нравятся, какъ я ожидалъ. Даже какъ-то скучно читать; все одно и тоже, натянуто; видно желаніе перейти въ Русскіе писатели; употребленіе руссицизмовъ вставочное не выливается изъ характера лица, которое ихъ говоритъ". Онъ прочелъ залпомъ въ одинъ день. Я просилъ его черезъ нѣсколько времени прочесть въ другой разъ и не искать анекдота. Онъ хотѣлъ прочесть три раза. Уходя, онъ прибавилъ, что сальности въ прежнихъ сочиненіяхъ, даже въ „Ревизорѣ", его не оскорбляли; но что здѣсь онѣ оскорбительны, потому что какъ будто нарочно вставляются авторомъ. Н. И. Васьковъ говорилъ, „что составъ губернскаго общества не вѣренъ (какъ и въ „Ревизорѣ", гдѣ пропущены: стряпчій, казначей и исправникъ); что предсѣдателей двое, что полицеймейстеръ лицо ничтожное въ губернскомъ городѣ; что, представивъ сначала все въ дрянномъ и смѣшномъ видѣ, странно сдѣлать такое горячее обращеніе къ Россіи; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны и что порядочной женщинѣ нельзя читать всю книгу". Наконецъ нашелся одинъ, который обидѣлся слѣдующими словами: „*посмотримъ, что́ дѣлаетъ нашъ пріятель*"? И кто же этотъ пріятель?... Селифанъ или половой!.. Что же они мнѣ за пріятели?.. Не сочтите за выдумку послѣдняго выраженія: все правда до послѣдней буквы. Есть впрочемъ обвиненія и справедливыя. Я очень браню себя, что одно просмотрѣлъ, а на другое мало настаивалъ: крестьяне на выводъ продаются съ семействами, а Чичиковъ отказался отъ женскаго пола; безъ довѣренности, выданной въ присутственномъ мѣстѣ, нельзя продать чужихъ крестьянъ, да и предсѣдатель не можетъ быть въ одно и тоже время и довѣреннымъ лицомъ, и присутствующимъ по этому дѣлу.—Не смотря на лѣто, „Мертвыя Души" расходятся очень живо и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Погодину отдано уже 4500 р.; въ непродолжительномъ времени и другіе получатъ свои деньги (забавно, что никто не хочетъ получить первый, а всякій желаетъ быть послѣднимъ)".

«5-го Іюля».

„Вчера получилъ Константинъ письмо отъ Погодина, который отказывается напечатать его статью о „Мертвыхъ Душахъ", хотя она уже была набрана; будучи самъ слѣпъ, боится, что осмѣютъ человѣка зрячаго... Охъ, уже эти мнѣ друзья, которые, не понимая хорошенько,

вступаютъ не въ свое дѣло и присвоиваютъ себѣ не принадлежащія имъ права. Константинъ напечатаетъ свою статью особой брошюркой. Вы знаете, милый другъ, что я не допустилъ бы Константина печатать восторженный вздоръ; напротивъ, эта статья указываетъ истинную точку, съ которой надобно смотрѣть на ваше твореніе и открываетъ причины, почему красоты его не вдругъ могутъ быть доступны испорченному эстетическому чувству большей части людей.—Погодинъ, наконецъ, третьяго дни получилъ отпускъ и скоро уѣзжаетъ.—Банкиръ вашъ, Валентини, умеръ, и такъ пришлите мнѣ немедленно вашъ адресъ въ Римѣ. Жена моя не дождалась моего письма и писала къ вамъ на прошедшей недѣлѣ".

„Я теперь совершенно предался наслажденіямъ деревенской жизни. Мѣстоположеніе у насъ чудесное; дожди и грозы всякій день, но мимолетные, послѣ которыхъ еще свѣжѣе зелень, еще чище воздухъ, еще ароматнѣе цвѣты и травы. Всякій день встаю въ 4 часа утра и спѣшу удить: и рѣка, и пруды у самаго дома. Пекусь на солнцѣ часу до 11-го и бросаюсь въ рѣку, чтобъ прохладиться и освѣжиться. До обѣда немного вздремну, до вечера сижу и гуляю съ своими, а вечеромъ опять удить. Я точно уѣхалъ за тысячу верстъ: ни съ кѣмъ не вижусь, ни во что не вхожу и ни съ кѣмъ не переписываюсь... Письмо къ вамъ, милый другъ, исключеніе: съ вами я не разстаюсь ни на одинъ часъ, также и все мое семейство. Желаніе поговорить съ вами не оставляло меня ни на минуту; но я слишкомъ полонъ былъ сильныхъ чувствъ, и потому нарочно мѣшкалъ нѣсколько времени. Грустно мнѣ, когда вздумаю, что время вашего возвращенія такъ далеко... Когда мы васъ дождемся?.. Много воды утечетъ въ продолженіи почти трехъ лѣтъ!.. А кто знаетъ, великъ ли запасъ ея! Притомъ какое длинное, трудное, со многими опасностями сопряженное путешествіе! Часто я думаю, думаю и никакъ не могу объяснить себѣ причины этого послѣдняго вашего путешествія. Не правда ли, милый другъ, у васъ не было и помышленія о немъ, когда вы воротились въ Москву? Оно родилось мгновенно. По крайней мѣрѣ я не подозрѣвалъ его. По моему свойству и правиламъ, я никогда не навязываюсь на довѣренность друзей своихъ; потому не спрашивалъ и васъ о причинахъ такой быстрой перемѣны, хотя былъ пораженъ ею... Теперь же меня это безпокоитъ. Можетъ быть, вы желали мнѣ сказать о нихъ и ожидали только моего вопроса; можетъ быть мое молчаніе вы растолковали въ другую сторону и—жестоко ошиблись!... Какъ бы я желалъ, чтобъ срокъ вашего отсутствія сократился и чтобъ мы увидѣли васъ скорѣе, опять посреди нашего семейства, которое все безъ исключенія

привязано къ вамъ, какъ къ ближайшему родному.—Сейчасъ получили письмо отъ Лизы. Маменька ваша и сестрицы доѣхали, хотя не скоро, съ хлопотами и убытками, но благополучно; онѣ вѣрно къ вамъ пишутъ. Всѣмъ намъ очень жаль Лизу: она будетъ скучать, и ей не сладиться съ тамошней, деревенской жизнью.—Константинъ будетъ къ вамъ писать особо и скоро; но я не сталъ его дожидаться, потому что крѣпко захотѣлось перемолвить съ вами словечко. Къ намъ пріѣхалъ третій и послѣдній нашъ сынъ; часто бываетъ горько на душѣ, что уже не дождемся возвращенія четвертаго... Прощайте, милый, сердечный другъ нашъ! Поминайте насъ такъ же часто, какъ мы васъ: чаще этого нельзя. Я предлагалъ Погодину, сейчасъ послѣ вашего отъѣзда, заплатить весь вашъ долгъ, но онъ отказался. Если вамъ понадобятся деньги, то, чуръ, ни къ кому, кромѣ меня, не писать. Обнимаю васъ крѣпко и долго. Да сохранитъ васъ милосердый Богъ для всѣхъ вообще и для насъ особенно! Всѣ васъ обнимаютъ. Я былъ два раза у Шереметевой; она васъ помнитъ и любитъ сильно. Вашъ душою С. Аксаковъ. Погодинъ ѣдетъ завтра».

Статья Константина, о которой говорится въ этомъ письмѣ, была принята Погодинымъ въ журналъ безъ всякаго сопротивленія; но его сбилъ Шевыревъ. Погодинъ очень боялся, что мы съ Константиномъ осердимся за его отказъ напечатать статью и написалъ объ этомъ большое письмо ко мнѣ; но оно затеряно. Я отвѣчалъ очень ласково, что можетъ быть онъ, какъ журналистъ, обязанный заботиться о выгодахъ журнала, поступаетъ очень благоразумно, не помѣщая статьи, которая, разумѣется, озлобитъ всѣхъ недоброжелателей Гоголя. Я умолчалъ о томъ, что мы намѣрены напечатать статью особой брошюркой и увѣрялъ его, что Константинъ не питаетъ никакого неудовольствія, что̀ и было совершенно справедливо. Погодинъ очень обрадовался и написалъ къ намъ пренѣжную записку, въ которой расхвалилъ Константина за его скромность и кротость. Погодинъ немедленно уѣхалъ за границу и, уже будучи въ Парижѣ, получилъ извѣстіе, что статья Константина напечатана. Ниже я приложу выписки изъ письма Погодина. С. В. Перфильевъ исполнилъ свое обѣщаніе, прочелъ „Мертвыя Души“ три раза и оцѣнилъ ихъ по достоинству. Въ словахъ моихъ, что отсутствіе Гоголя можетъ продолжиться *почти три года*, заключается ясное доказательство, что онъ никогда не говорилъ мнѣ о своемъ отъѣздѣ на пять лѣтъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о брошюрѣ Константина. Погодинъ не ошибся въ томъ, что она будетъ принята всѣми враждебно. Статья называлась: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чи-

чикова или Мертвыя Души". Какъ только она вышла изъ печати, всѣ журналисты, всѣ непріятели и даже почти всѣ пріятели Гоголя, говоря буквально, взбѣсились. Градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій посыпался печатно и письменно на Константина. Раздраженіе было такъ велико, что сначала не было возможности ни съ кѣмъ спорить. Я ожидалъ возстанія, но не всеобщаго и не въ такой степени неистоваго. Я былъ такъ удивленъ имъ, что даже на нѣкоторое время усумнился въ справедливости моего собственнаго взгляда и суда. Двѣнадцать уже лѣтъ прошло этому событію; не одинъ разъ перечиталъ я эту брошюру съ искреннимъ желаніемъ найти въ ней справедливыя причины общаго раздраженія. Собираясь писать эти строки, я еще разъ прочелъ ее и не нахожу ничего, что̀ могло бы оправдать волненіе, ею произведенное. Раздавался общій крикъ, что Константинъ назвалъ Гоголя Гомеромъ, что̀ совершенная неправда. Константинъ сказалъ только, что *у Гоголя есть эпическое созерцаніе, древнее, истинное, какое было и у Гомера.* Я спрашиваю по совѣсти каждаго: значитъ ли это, что Гоголь равенъ Гомеру, что онъ Гомеръ? Бѣсновавшійся тогда Шевыревъ самъ черезъ нѣсколько лѣтъ переврал въ одной изъ своихъ статей именно эту самую мысль Константина, а потомъ и еще кто-то въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ повторилъ эту же мысль—и никто не обратилъ даже вниманія на нихъ. Этотъ общій неистовый гнѣвъ есть психологическое явленіе, остающееся неразгаданнымъ: оно, безъ сомнѣнія, явилось законно, и было бы любопытно объяснить его законность. Гоголь также остался недоволенъ появленіемъ брошюры Константина, осуждая не столько ея смыслъ, какъ то, что она появилась не во̀ время, въ минуту общаго недоумѣнья, пораженія, такъ сказать, произведеннаго „Мертвыми Душами", когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонниковъ Гоголя, не знало, что̀ дѣлать: хвалить или бранить? Перваго не хотѣлось дѣлать, на второе не смѣли вдругъ рѣшиться. Брошюра Константина, какъ будто, развязала имъ языкъ, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потомъ и на творца поэмы. Въ этомъ отношеніи Гоголь былъ совершенно правъ. Брошюра надѣлала ему много зла. Нашелся однако одинъ добросовѣстный человѣкъ, П. А. Плетневъ, который, въ издаваемомъ имъ журналѣ „Современникъ", отозвался съ большою похвалою и уваженіемъ о статьѣ Константина.

Къ письму моему къ Гоголю, приведенному выше отъ 3-го и 5-го Іюля, были приложены выписки изъ писемъ Машеньки Карташевской о „Мертвыхъ Душахъ", которыя я считаю за нужное приложить здѣсь, какъ фактъ, вполнѣ выражающій то впечатлѣніе, какое произвела по-

эма Гоголя на человѣческую душу, одаренную поэтическимъ чувствомъ. Выписка изъ писемъ К—ой: „Сегодня мы дочитали „М. Д." Боже мой, что̀ это за совершенство! Я не могу передать тебѣ, какъ много я была поражена чтеніемъ этой поэмы! Какъ можно было создать съ такимъ совершенствомъ всѣ характеры этого романа и среди этой пошлой, безцвѣтной ничтожности, отдѣлить всякаго такими рѣзкими, отличительными чертами. Что это за разговоры, и что за восхитительныя мѣста вездѣ, гдѣ авторъ говоритъ самъ отъ себя!... Я перечитывала ихъ по нѣскольку разъ и даже не могла удержаться, чтобъ иныхъ мѣстъ не прочесть Ваничкѣ; я просила его передать тебѣ, въ какомъ я полномъ восхищеніи. Я даже просила его позволенія означить карандашемъ тѣ мѣста, которыя особенно превосходны. Дѣлая это, я воображала, что передамъ тебѣ хотя отчасти свои впечатлѣнія и что, когда ты взглянешь на эти отмѣченные листочки и перечтешь ихъ, мы какъ будто перечтемъ ихъ вмѣстѣ. Воображаю, въ какомъ вы были восхищеніи! Мнѣ кажется, что только послѣ этого сочиненія вполнѣ начинаю я понимать, что̀ такое Гоголь и что̀ это за талантъ. *Изъ конца того же письма* .Вотъ и здѣсь (въ деревнѣ) скоро и жадно прочиталась поэма Гоголя. Это было чтеніе всеобщеѐ. Любопытно слушала его и Надя. Я какъ-то предчувствовала, что Гоголь не просто ѣдетъ за границу въ Италію, что не эта страна отнимаетъ его у насъ; но я не знала ничего, потому что ты не писала мнѣ, что онъ ѣдетъ въ Палестину. Можно вообразить, какъ онъ опишетъ эту страну! Еще скажи мнѣ, написаны ли уже другія двѣ части „М. Д." и скоро-ли мы можемъ надѣяться прочитать ихъ? Что̀ будетъ въ нихъ! Какъ выше всякаго выраженія будетъ то удовольствіе, которое обѣщаетъ онъ намъ! Какъ велики должны быть наши надежды, когда онъ самъ объявляетъ, что *„явятся чудные образы, и все повергнется въ прахъ"*. 16-го Іюня: Какъ вѣрно угадала я, еще изъ предыдущаго твоего письма, что ты, не сознавая, можетъ быть, сама, боишься, что я не почувствую всего удивительнаго совершенства „М. Д.". Ты думала, что онѣ ускользнутъ отъ моего вниманія и между тѣмъ стараешься сама найдти мнѣ оправданіе, говоря, что все достоинство этого сочиненія не можетъ быть постигнуто сразу. Вотъ что̀ говорятъ твои строки и чего можетъ быть ты не знаешь сама... И мысль, что „М. Д." не произведутъ во мнѣ должнаго удивленія, должна была тебѣ придти, потому что совсѣмъ не такъ слушала я *Ревизора* и не таково было впечатлѣніе на меня этой піесы, и ты это знала! Этому причиною были совсѣмъ другія обстоятельства. Не знаю, передало-ли мое предыдующее письмо то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на меня это сочиненіе; я чувствую, что полный отчетъ отдать въ немъ было бы трудно. Только повѣрь

мнѣ, что я цѣню его такъ высоко какъ должно, и что ни одна мелочная подробность изъ разговоровъ всѣхъ этихъ ничтожныхъ людей, а еще менѣе, ни одно изъ тѣхъ восторженныхъ, какъ ты говоришь, мѣстъ, гдѣ говоритъ Гоголь самъ отъ себя, не прошло не замѣченнымъ, не почувствованнымъ мною. Ахъ, какъ пріятно и въ разлукѣ знать, что чувства наши были одинаковы, и проч. „Вотъ вамъ, Николай Васильевичъ, точныя выписки: выкинуты только нѣжныя названія. Хотѣлъ было выбрать изъ другихъ писемъ, но усталъ писать. Обнимаю васъ, милый другъ, крѣпко и горячо. Я лучше себя чувствую и привыкаю понемногу. С. А.".

Погодинъ писалъ ко мнѣ изъ Парижа отъ 1-го Октября (1842):

„Какъ горько было мнѣ услышать, что Константинъ напечаталъ свою статью о Гоголѣ! Какъ досадно мнѣ было на вашу слабость! Неужели и въ васъ недостало столько литературной довѣренности ко мнѣ, чтобъ согласиться со мною, что статья не годится для печати въ первомъ видѣ? Неужели я не напечаталъ ея безъ основанія? Неужели легко мнѣ было прислать ее назадъ? Неужели не радъ бы я былъ всякому успѣху Константина"? и проч. и проч.

Теперь слѣдуетъ письмо Гоголя, полученное мною 11-го Августа.

«Гастейнъ, Іюля $^{27}/_{15}$ (1842)».

„Здоровы ли вы, Сергѣй Тимоѳеевичъ, и что̀ дѣлается со всѣми вашими? Напишите мнѣ объ этомъ двѣ-три строчки; это мнѣ нужно. Вы вѣрно знаете и чувствуете, что я объ васъ думаю часто. Изъ Москвы никто не догадался написать въ Гастейнъ, и я слышу чрезъ то какую-то пустоту, которая мнѣ нѣсколько мѣшаетъ вдыхать въ себя полную жизнь. — Я пробуду въ Гастейнѣ вмѣстѣ съ Языковымъ еще недѣли три, и въ концѣ Августа хотимъ ѣхать въ Венецію, гдѣ пробудемъ недѣли двѣ, если не больше; и потому вы адресуйте, если почувствуете благодатное желаніе писать, прямо въ Венецію poste restante. Напишите мнѣ все: какъ вы проводите время, хороша ли дача, хороша ли рыбная ловля, веселы ли какъ слѣдуетъ ваши дѣти? Ольгѣ Семеновнѣ скажу, что буду писать къ ней, что предметъ письма очень свѣтелъ, и потому прошу ее быть какъ можно свѣтлѣе до самаго полученія письма. Да кстати о письмахъ. Пошлите кого-нибудь на квартиру Нащокина (у Стараго Пимена, въ домѣ Ивановой) узнать, получено ли имъ письмо мое? Письмо это очень нужно и касается прямо его дѣла, а потому мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно было получено во всей исправности.—А моему милому Константину Сергѣевичу напишу тоже письмо, нѣсколько нужное для насъ обоихъ. — Сдѣлайте ми-

лость обнимите всѣхъ, кого увидите изъ моихъ знакомыхъ. Если Никол. Филип. и Карол. Карл. Павловы точно ѣдутъ, то вы мнѣ сдѣлаете большую услугу присланьемъ чрезъ нихъ нѣкоторыхъ книгъ, а именно: „Памятникъ вѣры", такой совершенно какъ у Ольги Семеновны, и „Статистику Россіи" Андросова, и еще если есть какое нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ, то хорошо бы очень присовокупить его къ нимъ. Кажется, вышелъ какой-то толстый томъ отъ Мин. Внут. Дѣлъ. — А Григорія Сергѣевича попрошу присылать мнѣ реестръ всѣхъ Сенатскихъ дѣлъ за прошлый годъ съ одной простой отмѣткой: между какими лицами завязалось дѣло и о чемъ дѣло. Этотъ реестръ можно присылать частями при письмахъ вашихъ. Это мнѣ очень нужно. Да чуть было не позабылъ еще попросить о книгѣ Кошихина, при ц. Ал. Михайловичѣ. Я прошу васъ записать цѣну ихъ, чтобы я зналъ, сколько вамъ долженъ. Я увѣренъ, что Павловы не откажутся привезть мнѣ ихъ. Обнимите ихъ отъ меня обоихъ. Они вѣрно не сомнѣваются въ томъ, что я очень хотѣлъ бы ихъ увидѣть. Около Октября 1-го я надѣсь быть въ Римѣ".

Прощайте. Не забывайте меня и пишите. Посылаю вамъ мой душевный поцѣлуй. Вашъ Гоголь. Изъ Петербурга я писалъ письма— къ вамъ, Ел. В. Погодиной и къ Над. Н. Шереметьевой. Если вамъ случится увидѣть послѣднюю, скажите, что я буду къ ней еще писать скоро и дайте ей мой адресъ".

Надобно признаться, что почти всѣ порученія Гоголя на счетъ присылки статистическихъ и другихъ книгъ, а также выписокъ изъ дѣлъ и дѣловыхъ регистровъ, исполнялись очень плохо; а между тѣмъ очевидно, что все это было ему очень нужно для втораго тома „Мертвыхъ Душъ". Павловы не поѣхали за границу, да и не думали ѣхать; а Гоголь счелъ ихъ пустыя слова за настоящее намѣреніе. Конечно, отъѣзжающихъ за границу и кромѣ ихъ было довольно; но мы плохо вѣрили ихъ аккуратности. Не помню съ кѣмъ-то были посланы одинъ разъ бумаги и книги, но онѣ совсѣмъ не дошли до Гоголя и пропали. Не смотря на такія уважительныя причины, должно сознаться, что всѣ мы безъ исключенія были не довольно внимательны къ просьбамъ Гоголя. Я долженъ къ этому присовокупить, что нѣкоторыя свѣдѣнія, какихъ требовалъ Гоголь, мнѣ казались все равно недостаточными для узнанія настоящаго дѣла, и даже вредными, потому что сообщали невѣрныя понятія.

Теперь слѣдуетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и самое огромное письмо Гоголя.

Надобно разсказать, какъ я получилъ его. Это случилось въ началѣ Сентября, именно 2-го. Въ этотъ день, поутру, прочелъ я вслухъ передѣланную и дополненную повѣсть Гоголя „Портретъ", напечатанную въ 3 № „Современника". Не защищаю ея фантастическаго содержанія; но всѣ дополненія, относящіяся къ погибающему дарованію художника, привели меня въ такой восторгъ, что слезы нѣсколько разъ прерывали мое чтеніе; тѣмъ не менѣе оно было такъ выразительно, что всѣ слушавшіе меня вполнѣ раздѣляли мое восхищеніе. Цѣлый день мы всѣ были полны того благодатнаго чувства, которое оставляетъ по себѣ художественное созданіе. Вечеромъ поѣхалъ я въ Англійскій клубъ и сѣлъ, по обыкновенію, играть въ карты. Вдругъ приходитъ Томашевскій и подаетъ мнѣ очень толстое письмо отъ Гоголя. Продолжая играть, я распечаталъ его, чтобъ пробѣжать нѣкоторыя строки; но я попалъ на такія слова, которыя сдѣлали для меня продолженіе игры невозможнымъ. Я нашелъ на свое мѣсто другаго игрока и на извощикѣ прискакалъ домой; дòма не только удивились, но даже встревожились моимъ необыкновенно скорымъ возвращеніемъ; но я развернулъ письмо и прочелъ моей семьѣ слѣдующее:

«Гастейнъ 18 (6) Августа (1842)».

«Я получилъ ваше милое письмо и уже нѣсколько разъ перечиталъ его. Вы уже знаете, что я уже было соскучился, не имѣя отъ васъ никакой вѣсти, и написалъ вамъ формальный запросъ. Но теперь, слава Богу, письмо ваше въ моихъ рукахъ. Что же сдѣлалось съ тѣмъ, чтò писала, какъ видно изъ словъ вашихъ, Ольга Семеновна—я никакъ не могу понять: оно не дошло ко мнѣ. Всѣ ваши извѣстія, все, чтò ни заключалось въ письмѣ вашемъ, все до послѣдняго слова и строчки было для меня любопытно и равно пріятно, начиная съ вашего препровожденія времени, уженья въ прудахъ и рѣкахъ, и до извѣстій вашихъ о „Мертвыхъ Душахъ". Первое впечатлѣніе ихъ на публику совершенно то, какое подозрѣвалъ я заранѣ. Неопредѣленные толки, поспѣшность быстрая прочесть и не насыщенная пустота послѣ прочтенья, досада на видимую безпрерывную мелочь событій жизни, которая становится невольно насмѣшкой и упрекомъ—все это я зналъ заранѣ. Бѣдный читатель съ жадностью схватилъ въ руки книгу, чтобы прочесть ее какъ занимательный, увлекательный романъ и, утомленный, опустилъ руки и голову, встрѣтивши никакъ не предвидѣнную скуку. Все это я зналъ. Но при всемъ этомъ подробныя извѣстія обо всемъ этомъ мнѣ всегда слишкомъ интересно слышать. Многія замѣчанія, вами приведенныя, были сдѣланы не безъ основанія тѣми, которые ихъ сдѣлали. Продолжайте сообщать и впредь какъ бы они

ни казались ничтожны. Мнѣ все это очень нужно. Само по себѣ разумѣется, что пріятнѣе всего было мнѣ читать отчетъ вашихъ собственныхъ впечатлѣній, хотя они были мнѣ отчасти извѣстны. Богъ одарилъ меня проницательностью, и я прочелъ въ лицѣ вашемъ во время чтенія все, что̀ мнѣ было нужно. Я не разсердился на васъ за неоткровенность. Я зналъ, что у всякаго человѣка есть внутренняя нѣжная застѣнчивость, воспрещающая ему сдѣлать замѣчанія на счетъ того, что̀ по мнѣнію его касается слишкомъ тонкихъ чувствительныхъ струнъ, прикосновеніе къ которымъ, какъ бы то ни было, но все же сколько нибудь раздражаетъ самое простительное самолюбіе. Самая искренняя дружба не можетъ совершенно изгладить этой застѣнчивости. Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно, пока узнаютъ, что мнѣ можно все говорить и болѣе всего то, что̀ болѣе всего трогаетъ чувствительныя струны. Также какъ я знаю и то, что придетъ наконецъ такое время, когда всѣ почуютъ, что нужно мнѣ сказать и то, что̀ (заключается) въ собственныхъ душахъ, не скрывая ни одного изъ движеній, хотя эти движенія не ко мнѣ относятся. Но отнесемъ будущее къ будущему и будемъ говорить о настоящемъ. Вы говорите, что молодое поколѣніе лучше и скорѣе пойметъ. Но горе, еслибы не было стариковъ. У молодаго слишкомъ много любви къ тому, что̀ восхитило его; а гдѣ жаркая и сильная любовь, тамъ уже невольное пристрастіе. Старикъ прежде глядитъ очами разсудка чѣмъ чувства, и чѣмъ меньше подзигнуто его чувство, тѣмъ яснѣй его разсудокъ и можетъ сказать всегда частную, повидимому, маловажную и простую, но тѣмъ не менѣе истинную правду. Если бы сочиненье мое произвело равный успѣхъ и эфектъ на всѣхъ—въ этомъ была бы бѣда. Толковъ бы не было: всякій, увлеченный важнѣйшимъ и главнымъ, считалъ бы неприличнымъ говорить о мелочахъ, считалъ бы мелочами замѣчанія о незначительныхъ уклоненіяхъ, о всѣхъ проступкахъ, повидимому ничтожныхъ. Но теперь, когда еще не раскусили въ чемъ дѣло, когда не узнали важнаго и главнѣйшаго, когда сочиненіе не получило опредѣленнаго недвижнаго опредѣленія—теперь нужно ловить толки и замѣчанія: послѣ ихъ не будетъ. Я знаю, что самые близкіе люди, которые болѣе другихъ чувствуютъ мои сочиненія, я зналъ, что и они всѣ почти ощутятъ разныя впечатлѣнія. Вотъ почему прежде всего я положилъ прочесть вамъ, Погодину и Константину, какъ тремъ различнымъ характерамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія. То, что̀ я увидѣлъ въ замѣчаніи ихъ, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеніи недоумѣнья, не нарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мнѣ несравненно бо̀льшую пользу, если бы застѣнчивость не помѣшала каждому разска

зать вполнѣ характеръ своего впечатлѣнія. Человѣкъ, который отвѣчаетъ на вопросъ ограждающими словами: не смѣю сказать утвердительно, не могу судить по первому впечатлѣнію, дѣлаетъ хорошо; такъ предписываетъ правдивая скромность. Но человѣкъ, который высказываетъ въ первую минуту свое первое впечатлѣніе, не опасаясь ни компрометировать себя, ни оскорбить нѣжной разборчивости и чувствительныхъ струнъ друга, тотъ человѣкъ великодушенъ. Такой подвигъ есть верхъ довѣрія къ тому, которому онъ ввѣряетъ свои сужденія и которому вмѣстѣ съ тѣмъ ввѣряетъ, такъ сказать, самого себя. Иными людьми овладѣваетъ просто боязнь показаться глупѣе; но мы позабыли, что человѣкъ уже такъ созданъ, чтобы требовать вѣчной помощи другихъ. У всякаго есть что-то, чего нѣтъ у другаго; у всякаго чувствительнѣе не та нерва, чѣмъ у другаго, и только дружный размѣнъ и взаимная помощь могутъ дать возможность всѣмъ увидѣть съ равной ясностью и со всѣхъ сторонъ предметъ".

„Я былъ увѣренъ, что Конст. Сер. глубже и прежде пойметъ и увѣренъ, что критика его точно опредѣлитъ значеніе поэмы. Но, съ другой стороны, чувствую заочно, что Погодинъ былъ отчасти правъ, не помѣстивъ ея, не смотря на несправедливость этого дѣла. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человѣкъ можетъ встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ старыхъ. Уже вопросъ, почему многіе не могутъ понять „Мертвыхъ Душъ", съ перваго раза оскорбитъ многихъ. Мой совѣтъ напечатать ее зимою, послѣ двухъ или трехъ другихъ критикъ. Не дурно также разсмотрѣть, не слышится ли явно: *я первый понялъ*. Этого слова не любятъ, и вообще лучше, чтобы не слышалось большаго преимущества на сторонѣ прежде понявшихъ. Люди не понимаютъ, что въ этомъ нѣтъ никакого грѣха, что это можетъ случиться съ самымъ глубоко образованнымъ человѣкомъ, какъ случается всякому, въ минуты хлопотъ и мыслей о другомъ, прослушать замѣчательное слово. Лучше всего, еслибы Кон. Сер. прислалъ эту критику мнѣ въ Римъ, переписавши ее на тоненькой бумажкѣ для удобнаго вложенія въ письмѣ. Я слишкомъ любопытенъ читать ее.—Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго раза „Мертвыя Души", совершенно справедливо и должно распространиться на всѣхъ; потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ. Не пугайтесь даже вашего перваго впечатлѣнія, что восторженность во многихъ мѣстахъ казалась вамъ доходившею до смѣшнаго излишества. Это правда; потому что полное значеніе лирическихъ намековъ можетъ изъясниться только тогда, когда выйдетъ послѣдняя часть.—Вѣрѣ Сергѣевнѣ скажите, что я былъ тоже доволенъ, увидѣвши въ Петербургѣ ея друга К. и не

жалѣю даже о кратковременности нашего свиданія. Есть души, что̀ самоцвѣтные камни; они не покрыты корой и, кажется, какъ будто и родились уже готовыми и обдѣланными. Ихъ видитъ издали зоркій глазъ ювелира, только замѣчаетъ ихъ мѣсто, сказавши: слава Богу! и спѣшитъ къ тѣмъ, гдѣ нужно много работы, чтобы отколоть грубую кору и сколько нибудь огранить, дабы видѣлъ всякій, что это была не простая земля, но дорогой камень, закрытый вѣковыми накопленьями всего. Слова и мнѣнія ея вы также выпишите и пришлите мнѣ, хотя, натурально, нужно, чтобы она никакъ не знала этого. Все то, что̀ идетъ прямо отъ души и сердца, мнѣ также нужно знать, какъ и все то, что̀ идетъ отъ разсудка».

«Васъ устрашаетъ мое длинное и трудное путешествіе; вы говорите, что не можете понять ему причины; вы говорите, что нѣсколько разъ хотѣли спросить меня и все останавливались, не рѣшаясь навязываться самому на довѣренность. Зачѣмъ же вы не спросили; никогда душевная жажда вопросить не должна оставаться въ груди; никогда сердечный вопросъ не можетъ быть докученъ или не у мѣста. Самое бо̀льшее было бы то, что̀ я отвѣтилъ бы вамъ на это молчаніемъ; но если молчаніе это свѣтло и выражаетъ спокойствіе душевное, то стало быть оно уже отвѣтъ, и ничѣмъ другимъ не могъ выразиться этотъ отвѣтъ. А вопросъ вашъ все-таки былъ бы мнѣ пріятенъ, потому что онъ вопросъ друга. И что̀ бы могъ я вамъ отвѣчать? Развѣ произнесъ бы слова только: Такъ должно быть! — Разсмотрите меня и мою жизнь среди васъ. Что̀ вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею. Развѣ нашли вы во мнѣ слѣпую вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи или на правдѣ они основаны, или увлеченіе новизною, соблазнительной для многихъ современностью и модою? Развѣ вы замѣтили во мнѣ юношескую незрѣлость или живость въ мысляхъ? Развѣ открыли во мнѣ что нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ рождающееся увлеченіе чѣмъ нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстраго и торопящагося, который при томъ хоть сколько нибудь умудренъ и опытомъ, и жизнью, и познаніемъ людей и свыше; если въ душѣ такого человѣка родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествіе: то вѣрно она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва; вѣрно уже слишкомъ благодѣтельна она; вѣрно далеко оглянута она; вѣрно и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли. Но еслибъ даже и не могло заключаться въ

ней никакой обширной цѣли, никакого подвига во имя любви къ братьямъ, никакого дѣла во имя Христа: то развѣ вся жизнь моя не стòитъ благодарности? Развѣ небесныя минуты тѣхъ радостей, которыя я слышу, не вызываютъ благодарности? Развѣ прекрасная жизнь тѣхъ прекрасныхъ душъ, съ которыми встрѣтилась душа моя, не вызываетъ благодарности? Развѣ любовь, обнявшая мою душу и возрастающая въ ней болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, не стòитъ благодарности? Развѣ въ сихъ небесныхъ торжественныхъ минутахъ не присутствуетъ Христосъ? Развѣ въ семъ высокомъ союзѣ душъ не присутствуетъ Христосъ? Развѣ эта любовь не есть уже самъ Христосъ? Развѣ все, что отрывается отъ земли и земнаго, не есть уже Христосъ? Развѣ въ любви, сколько нибудь отдѣлившейся отъ чувственной любви, уже не слышится мелькнувшій край божественной одежды Христа? И сіе высокое стремленіе, которымъ стремятся прекрасныя души одна къ другой, влюбленныя въ одни свои божественныя качества, а не земныя, не есть ли уже стремленіе ко Христу? „Гдѣ васъ двое, тамъ есть церковь Моя.“ Или никто не слышитъ сихъ Божественныхъ словъ? Только любовь, рожденная землей и привязанная къ землѣ, только чувственная любовь, привязанная къ образамъ человѣка, къ лицу, къ видимому, къ стоящему передъ нами человѣку, та любовь только не зритъ Христа. Зато она временна, подвержена страшнымъ несчастьямъ и утратамъ. И да молится вѣчно человѣкъ, чтобы спасли его небесныя силы отъ сей ложной, превратной любви! Но любовь душъ—это вѣчная любовь. Тутъ нѣтъ утраты, нѣтъ разлуки, нѣтъ несчастій, нѣтъ смерти. Прекрасный образъ, встрѣченный на землѣ, тутъ утверждается вѣчно; все, что на землѣ умираетъ, то живетъ здѣсь вѣчно, то воскрешается ею, сей любовью въ ней же, въ любви,—и она безконечна какъ безконечно небесное блаженство.

Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слово любви сей человѣкамъ, откуда истекла она на міръ. Мы движемся благодарностью къ поэту, подарившему намъ наслажденія души своими произведеніями; мы спѣшимъ принесть ему дань уваженія; спѣшимъ посѣтить его могилу, и никто не удивляется такому поступку, чувствуя, что стòитъ уваженія и самый великій прахъ его. Сынъ спѣшитъ на могилу отца, и никто не спрашиваетъ его о причинѣ, чувствуя, что дарованіе жизни и воспитаніе стòятъ благодарности. Одному только Тому, Кто рай блаженства низвелъ на землю, Кто виной всѣхъ высокихъ движеній, Тому только считается какъ-то страннымъ поклониться въ самомъ мѣстѣ Его зем-

наго странствія. По крайней мѣрѣ если кто изъ среды насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ-то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза; мѣряемъ его съ ногъ до головы, какъ будто бы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь, вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи. Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей и жизни, однимъ словомъ, всему тому, что̀ составляетъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло. Человѣку, не носящему ни клобука, ни митры, смѣшившему и смѣшащему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставлять неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку, не правда ли, странно предпринять такое путешествіе? Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей? Развѣ вамъ не странно было встрѣтить въ сочиненіи, подобномъ „Мертвымъ Душамъ", лирическую восторженность? Не смѣшною ли она вамъ показалась въ началѣ, и потомъ не примирились ли вы съ нею, хотя не вполнѣ еще узнали значеніе? Такъ, можетъ быть, вы примиритесь потомъ и съ симъ лирическимъ движеніемъ самого автора. И какъ мы можемъ сказать, чтобы то, которое кажется намъ минутнымъ вдохновеніемъ, нежданно налетѣвшимъ съ небесъ откровеніемъ, чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже въ самую природу нашу и не зрѣло бы въ насъ невидимо для другихъ? Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ въ сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между симъ отдаленнымъ путешествіемъ? И почему знать, что нѣтъ глубокой и чудной связи между всѣмъ этимъ и всей моей жизнью, и будущимъ, которое незримо грядетъ къ намъ и котораго никто не слышитъ. Благоговѣніе же къ Промыслу! Это говоритъ вамъ вся глубина души моей. Помните, что въ то время, когда мельче всего становится міръ, когда пустѣе жизнь, въ эгоизмъ и холодъ облекается все, и никто не вѣритъ чудесамъ,—въ то время именно можетъ совершиться чудо чудеснѣе всѣхъ чудесъ... подобно какъ буря самая сильная настаетъ только тогда, когда тише обыкновеннаго станетъ морская поверхность. Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленія нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души. И такъ свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли и свѣтлѣй всего да будетъ неотразимая вѣра ваша въ Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничѣмъ, что̀ безумно называетъ человѣкъ несчастіемъ. Вотъ, что̀ вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей. Прощайте, это письмо пусть будетъ и для Ольги Семе-

ловны вмѣстѣ. Но не показывайте его другимъ. Лирическія движенія души нашей!... неразумно ихъ сообщать кому бы то ни было. Одна только всемогущая любовь питаетъ къ нимъ тихую вѣру и умѣетъ беречь, какъ святыню, въ глубинѣ души душевное слово любящаго человѣка. Впрочемъ помните, что путешествіе мое еще далеко. Раньше окончанія моего труда оно не можетъ быть предпринято ни въ какомъ случаѣ, и душа моя для него не въ силахъ быть готова. А до того времени нѣтъ никакой причины думать, чтобы (мы) не увидѣлись опять, если только это будетъ нужно. — Пишите мнѣ все, что̀ ни дѣлается съ вами и что̀ ни дѣлается вокругъ васъ; все, что̀ ни касается жизни, уже жизнь моя. Толковъ объ Мертвыхъ Душахъ, я думаю, до зимы вы не услышите. Но если на случай кто нибудь будетъ вамъ писать о нихъ, вы выпишите эти строки въ письмѣ ко мнѣ. Прощайте. Цѣлую васъ всей силою душевнаго лобзанія; распространите его на всѣхъ близкихъ вашему сердцу. Деньги мнѣ не нужны раньше Октября. Адресуйте на имя банкира Duc de Torlonia для передачи Гоголю. Шевыреву я написалъ порядокъ, какъ уплачивать по случаю возникшаго несогласія на счетъ первенства. Нужно, чтобы эти деньги были уплачены какъ можно скорѣе. Они должны были быть отданы въ первые два мѣсяца".

Къ этому письму почти не нужно никакихъ объясненій, кромѣ того, что въ немъ Гоголь между прочимъ отвѣчаетъ на мое письмо, которое, какъ и многія другія, пропало. Хотя я не помню содержанія этого письма, но рѣшительно протестую противъ того, будто лирическія мѣста „М. Д." показались мнѣ смѣшными. Я никогда такъ не думалъ, а потому и не могъ написать. Я подозрѣваю, не принялъ ли Гоголь мнѣній другихъ, сообщенныхъ мною въ письмѣ, за мои собственныя, единственно потому, что я вообще назвалъ ихъ сдѣланными *не безъ основанія.* Одно только лирическое мѣсто (стран. 58) показалось мнѣ, да и теперь кажется, неумѣстнымъ, сказаннымъ рановременно. Можно ли говорить о томъ, что̀ человѣкъ еще намѣренъ произвесть. Развѣ будущее намъ извѣстно? Къ несчастію, смерть Гоголя и сожженіе „М. Д." служатъ ужаснымъ доказательствомъ справедливости моего замѣчанія. Должно также сказать, что это чудное письмо произвело тогда на насъ необыкновенно-сильное впечатлѣніе, вѣроятно подготовленное утреннимъ чтеніемъ передѣланной или почти вновь написанной Гоголемъ повѣсти „Портретъ". Я самъ, не совсѣмъ довольный религіознымъ направленіемъ Гоголя, которое мнѣ казалось мистическимъ, былъ не то, чтобы убѣжденъ, но разстроганъ, умиленъ, очарованъ этимъ письмомъ. Надобно признаться, что не совсѣмъ строго было выполено желаніе Гоголя, требовавшаго, чтобы мы только двое съ Ольгою Семеновной прочли это письмо. Можно ли было не показать его Константину и стар-

шимъ дочерямъ? Гоголь узналъ объ этомъ и былъ очень недоволенъ. Подъ большимъ секретомъ было оно прочтено нѣкоторымъ нашимъ друзьямъ. Въ 1847 году, когда вышла извѣстная книга: „Избранныя мѣста изъ Переписки съ Друзьями", сильно меня взволновавшая, я имѣлъ непростительную слабость и глупость, въ пылу спорнаго разговора, въ доказательство постояннаго направленія Гоголя, показать это письмо Николаю Филиповичу Павлову... Мнѣ и теперь совѣстно, что я это сдѣлалъ. Я былъ за это жестоко наказанъ: Николай Филиповичъ выпросилъ у меня это письмо на нѣсколько часовъ, чтобы прочесть одному больному человѣку, почтенному и достойному, любившему Гоголя, но сомнѣвавшемуся въ искренности его религіозныхъ убѣжденій. Онъ увѣрилъ меня, что прочтеніе этого письма будетъ душевнымъ и цѣлебнымъ наслажденіемъ для больнаго, что это будетъ истиннымъ добрымъ дѣломъ. Николай Филиповичъ не возвратилъ мнѣ этого письма до сихъ поръ: сначала говорилъ, что забываетъ привезть; потомъ, что куда-то далеко его запряталъ и наконецъ сказалъ, что онъ мнѣ возвратилъ его, увѣряя меня, что я забылъ объ этомъ. Я сердился и огорчался постоянно такимъ поступкомъ и былъ убѣжденъ, что онъ потерялъ письмо; но съ годъ тому назадъ, я узналъ положительно, что это письмо было найдено въ его бумагахъ, когда ихъ разбирали полицмейстеръ Бакунинъ и жандармскій капитанъ Воейковъ. Теперь я вижу въ этомъ письмѣ лирическій порывъ, дифирамбъ, чѣмъ назвалъ самъ Гоголь свое путешествіе ко святымъ мѣстамъ.

На это письмо Константинъ писалъ къ Гоголю слѣдующее:

„Наконецъ пишу къ вамъ, дорогой Николай Васильевичъ. . . . . до сихъ поръ не могъ собраться. Мы получили ваше послѣднее большое письмо изъ Гастейна. Мнѣ нечего сказать вамъ, какъ только, что ни одно слово письма вашего не пропало для меня даромъ: всѣ они отозвались глубоко и остались во мнѣ съ своею благодатною силою.— Богъ знаетъ, когда мы васъ увидимъ; но оставайтесь далеко, живите гдѣ хотите, идите, куда васъ влечетъ: Богъ благословитъ всякій путь вашъ и ваше дальнее путешествіе. Если же только можете, не уклоняясь отъ желаннаго пути, то пріѣзжайте къ намъ въ Москву, которую, вѣрно, вы постоянно видите и чувствуете, гдѣ бы вы ни были: она живое сердце нашей великой Россіи; на ней лежитъ судьба ея, изъ нея все великое благо.—Какъ будемъ мы рады, мы собственно, когда васъ опять увидимъ! Вы уѣхали, дорогой Николай Васильевичъ, и оставили намъ книгу, которая произвела необыкновенный шумъ. Давно не бывало у насъ такого движенія, какое теперь по случаю Мерт. Душъ.

Ни одинъ, рѣшительно, человѣкъ не остался равнодушенъ; книга всѣхъ тронула, всѣхъ подняла, и всякій говоритъ свое мнѣніе. Хвала и брань раздаются со всѣхъ сторонъ, и того и другаго много; но за то полное отсутствіе равнодушія. Отвсюду слышны мнѣнія: ихъ говоритъ всякій; всякій открылъ свое сужденіе и потому,—при этомъ всеобщемъ объявленіи своихъ мыслей, взглядовъ на вещи, при этомъ всеобщемъ признаніи, вынужденномъ книгою,—произошла такая разность мнѣній, такія поразительныя несходства, что едва вѣришь ушамъ своимъ. Безъ этой книги и предполагать нельзя бы было такого различія мнѣній, которое вышло теперь на свѣтъ. Одни говорятъ, что только тутъ видятъ они Гоголя, который до сихъ поръ далеко не такъ поражалъ ихъ; что только тутъ почувствовали они его колоссальность; другіе провозгласили было въ самомъ началѣ, что эта книга — паденіе Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщимъ шумомъ, поднявшимся надъ ихъ главами; они ограничиваются тѣмъ теперь, что указываютъ на прежнія ваши сочиненія, на Малороссію. Для иныхъ здѣсь колоссально предстаетъ Россія, сквозящая сквозь первую часть и выступившая на концѣ книги; слезы навертываются у нихъ на глазахъ при чтеніи послѣднихъ строкъ. Другіе съ горестью читаютъ, говорятъ, что надо терзаться и плакать. *Посмотрите*, говорилъ мнѣ одинъ, *какая тяжелая, страшная насмѣшка въ окончаніи этой книги*. Какая? спросилъ я выпучивъ глаза. — *Въ словахъ, которыми оканчивается книга*.—Какъ въ этихъ словахъ? — *Да, развѣ вы не замѣтили! Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь отвѣта*. И это говорятъ серьезно, съ искреннею, глубокою грустью. Мнѣ удалось однако поколебать это печальное мнѣніе. — Одни говорятъ, что *М. Д.* поэма, что они понимаютъ смыслъ этого названія; другіе видятъ въ этомъ насмѣшку совершенно въ духѣ Гоголя: *на-те вотъ, грызитесь за это слово*. Многіе помѣщики не на шутку выходятъ изъ себя и считаютъ васъ своимъ смертельнымъ, личнымъ врагомъ. Само собою разумѣется, что ко всему этому присоединяются нападенія на васъ, на неприличіе: съ другой стороны дается этимъ нападеніямъ живой отпоръ. — Я говорю вамъ, дорогой Николай Васильевичъ, пока вообще; но потомъ постараюсь написать мнѣнія въ отдѣльности; нѣкоторыя выражены печатно. Журналы не могутъ перестать говорить о „Мерт. Душахъ“; не показывается номера, въ которомъ бы не было объ нихъ толковъ. Шевыревъ написалъ двѣ, пишетъ еще третью статью. Отечественныя Записки, безпрестанно говоря и браня всѣ мнѣнія о „Мерт. Душахъ“, обѣщаются написать большую статью. Словомъ сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди — всѣ говорятъ, что давно не бывало такого страшнаго шума въ лите-

ратурномъ мірѣ, одни браня, другіе хваля. Изъ послѣднихъ, одни со слезами на глазахъ отъ того живаго свѣта Русской жизни, проникающаго наружу теплымъ лучемъ, передъ которымъ падаетъ всякое сомнѣніе, и растетъ надежда, вмѣстѣ съ силами и бодростью духа.—Другіе—со слезами на глазахъ отъ совершеннаго отчаянія; они говорятъ, что тотъ не Русскій, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояніе; говорятъ: *Гоголь не любитъ Россіи; посмотрите, какъ хороша Малороссія и какова Россія;* прибавляютъ: *замѣтьте, что самая природа Россіи не пощажена и погода даже все мокрая и грязная.*

Но мнѣ хочется также сказать вамъ собственно про себя, дорогой. Николай Васильевичъ. Когда я слышалъ „М. Д.", еще никакого впечатлѣнія цѣлаго не было возбуждено во мнѣ. Я прочелъ ихъ; я чувствовалъ, что прекрасно; видѣлъ красоту созданія, жизнь всякой отдѣльной черты; но чтò такое самое созданіе, какой общій смыслъ его, въ которомъ соединяются въ одно цѣлое всѣ эти чудныя, живыя черты,—этого я не могъ себѣ постигнуть. Мысль была въ недоумѣніи. Но потомъ открылась для меня внутренняя гармонія всего созданія: стали (слагаться) въ одно цѣлое всѣ малѣйшія черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внѣшней анекдотической завязкѣ (отсутствіе которой смущаетъ съ перваго разу), но на внутреннемъ единствѣ жизни, и тогда могъ я наслаждаться самимъ созданіемъ, цѣлымъ его образомъ, который, кажется, сталъ доступенъ мнѣ. Очень понятно, что тогда весь былъ я наполненъ моимъ чувствомъ наслажденія, впечатлѣніемъ „Мертвыхъ Душъ". Мнѣ кажется, главная трудность лежитъ въ настоящемъ уразумѣніи слова: *Поэма*; такъ по крайней мѣрѣ, какъ я его понимаю. Когда сталъ я говорить о „М. Д.", то нашелъ согласнымъ съ собой Хомякова и Самарина. *Это древній эпосъ съ его великимъ созерцаніемъ*; *разумѣется современный и свободный, въ наше время — но это онъ*".

„Я сказалъ Хомякову, что хотѣлъ бы написать о М. Д.; онъ совѣтовалъ мнѣ тоже, и я написалъ статью: *Нѣсколько Словъ* для Москвитянина. Туда не была она принята; тогда я напечаталъ ее брошюркой, которую не пустилъ въ продажу, раздавъ только знакомымъ. Не смотря на то, она сдѣлалась извѣстна многимъ; брошюрка была написана скоро, можетъ быть не ясно, и на нее многіе, почти всѣ напали, искажая сказанныя въ ней мысли. Многаго не досказалъ я еще тамъ собственно о М. Д., чтò думаю и чтò случалось говорить мнѣ здѣсь. Бѣлинскій умышленно или неумышленно изуродовалъ слова мои, напечаталъ на меня ругательную рецензію, на которую надо было мнѣ отвѣчать для того, чтобы уничтожить ложь на меня взводимую. Нѣтъ, Николай Васильевичъ, у меня не было чувства: *я первый понялъ*, и ка-

жется не видать его въ статьѣ моей. Посылаю вамъ и брошюрку, и мое возраженіе. Далеко и то и другое не даетъ еще чувствовать, что̀ такое Мертвыя Души.... Прочтите и скажите мнѣ, что̀ вы думаете. Въ этихъ статейкахъ сказано мое глубокое убѣжденіе... Прощайте, дорогой мой Николай Васильевичъ, отъ всего сердца обнимаю васъ Бѣлинскій въ восторгѣ отъ М. Д.; но, кажется, онъ ихъ далеко не понимаетъ".

Въ 1842 году писемъ Гоголя болѣе не нашлось; но видно изъ письма Вѣры къ Машенькѣ, что было письмо въ Декабрѣ. Вотъ письмо безъ числа, но вѣроятно писанное въ Генварѣ:

„Благодарю васъ, добрый другъ мой Ольга Семеновна, за прекрасное письмо ваше. Въ немъ слышны всѣ движенія души вашей. Всегда въ минуты вашихъ душевныхъ движеній пишите ко мнѣ. Все, что̀ изольется изъ души вашей, останется святыней и тайной въ душѣ моей. Слышите ли, что въ послѣднихъ словахъ заключается упрекъ вамъ. Да я люблю дѣлать упреки тѣмъ, которыхъ люблю. Я просилъ васъ, чтобы вы только вдвоемъ прочитали письмо мое, а письмо это читала вся ваша семья, и кромѣ того вы даже дали списать съ него для себя копію. Я знаю, вы любите отвѣчать обыкновенно, что въ семьѣ вашей нѣтъ тайны, и отчасти думаете, что такой просьбой моей водитъ отчасти маленькій капризъ. Но Богъ вѣсть, можетъ быть иногда не вовсе ничтожная причина двигаетъ капризомъ. Но дѣло уже сдѣлано. Исполните же по крайнѣй мѣрѣ теперь мою просьбу. Просьба отсутствующаго должна быть священна. Позабудьте вовсе письмо мое оное! Не читайте его, спрячьте на цѣлые четыре года. Никто изъ васъ пусть не говоритъ и не упоминаетъ о немъ во все это время. Я такъ хочу, и больше ничего. Еще просьба: не хвалите меня передъ другими, по крайнѣй мѣрѣ, менѣе сколько можно. Изъ письма вашего со страхомъ я увидѣлъ, что вы меня считаете чѣмъ-то въ родѣ святости и совершенства. Ради Бога не думайте такъ: это грѣхъ. Въ моей душѣ есть точно стремленіе къ этому; но вы слышите ли, какое страшное пространство между этимъ стремленіемъ и достиженіемъ? Вотъ все, что̀ вы можете говорить другимъ: у него добрая душа и есть истинное желаніе быть лучше, чѣмъ онъ есть. Эти слова вы можете только сказать обо мнѣ. И если услышите нападенія на меня, никакъ не отвергайте ихъ. Нападенія не могутъ быть безъ причины. Лучше прилежно выслушайте ихъ и передайте потомъ мнѣ. Прощайте! Въ минуты сильныхъ вашихъ движеній душевныхъ всегда пишите ко мнѣ. Если у васъ родятся ка-

кіе-нибудь упреки, мнѣ смѣло ихъ говорите. Упрековъ любящаго человѣка всегда жаждало, какъ святыни, мое сердце".

Письмо это должно принадлежать къ 1842 году и вѣроятно было приложено въ письмѣ ко мнѣ, которое пропало. Оно, очевидно, есть отвѣтъ на письмо Ольги Семеновны, которое было писано къ Гоголю передъ отъѣздомъ на богомолье въ Воронежъ, что̀ происходило въ Октябрѣ.

Теперь по хронологическому порядку слѣдуетъ мое письмо къ Гоголю отъ 6-го Февраля 1843, которое прилагается здѣсь въ оригиналѣ:

„У, какой хаосъ въ головѣ! Какъ давно не писалъ къ вамъ, милый другъ Николай Васильевичъ, и очень много накопилось всякой всячины, о которой надобно бы написать къ вамъ и подробно, и порядочно.... Право, не знаю съ чего начать? Прежде всего надобно сказать вамъ причину немного-долгаго моего молчанія; а потомъ, по возможности, разсказать исторически всѣ происшествія (очень жалѣю, что не велъ записки въ родѣ журнала; но обстоятельства были такъ важны, и мы принимали ихъ такъ близко къ сердцу, что до благополучнаго ихъ окончанія я не въ состояніи былъ ничего писать). Я и всѣ мои здоровы; но не писалъ къ вамъ во первыхъ потому, что сначала мы были встревожены слухами, будто Государь былъ недоволенъ „*Мертвыми Душами*" и запретилъ второе ихъ изданіе; будто также недоволенъ былъ „*Женитьбой*", и что 4-й томъ вашихъ сочиненій задержанъ, перемаранъ и вновь долженъ быть напечатанъ (все это, какъ оказалось послѣ, или совершенная неправда, или было да не такъ). *Во вторыхъ*, не писалъ я къ вамъ потому, что въ бенефисъ Щепкина ставились на здѣшнемъ театрѣ „*Женитьба*" и „*Игроки*"; разумѣется, я не пропускалъ репетицій и сколько могъ хлопоталъ, чтобы пьесы были поняты и сколько нибудь сносно сыграны. Вчера сошелъ бенефисъ Щепкина, и сегодня принимаюсь я писать къ вамъ; но вѣроятно ранѣе Понедѣльника это письмо не отправится въ Римъ. Еще къ 1-му Ноября ожидали мы вашихъ сочиненій; даже книгопродавцы Московскіе, не получа еще ихъ, объявили въ газетахъ, что такого-то числа поступятъ въ продажу сочиненія Гоголя. Я непремѣнно хотѣлъ дождаться ихъ появленія, чтобъ написать о всемъ и о моихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ и о томъ, что̀ произведутъ они на всю массу читающей Московской публики. Но сочиненія ваши запоздали своимъ выходомъ сами по себѣ, и потомъ дѣйствительно 4-й томъ былъ задержанъ (такъ что у насъ были получены два первыхъ задолго до полученія 4-го; почему не было получено третьяго, не знаю). Впрочемъ эти задержки произошли въ слѣдствіе особенныхъ

обстоятельствъ. Два цензора были посажены подъ арестъ за пропускъ какой-то статьи; это заставило ихъ сдѣлаться еще осторожнѣе и остановить выпускъ нѣкоторыхъ, уже отпечатанныхъ книгъ, въ томъ числѣ и 4-й томъ вашихъ сочиненій. Наконецъ, все было получено безъ всякихъ исключеній.... Всѣ (я разумѣю людей, способныхъ понимать и чувствовать) были въ восхищеніи, что истина восторжествовала. Всѣ приписываютъ это самому Государю (я тоже думаю), и всѣ восхищаются его высокимъ правительственнымъ разумомъ. Вообще, появленіе на сценѣ и въ печати вашихъ твореній будетъ памятникомъ его царствованія; мы благословляемъ его отъ души! — Піесы, ценсурованныя для представленія на театрѣ, „Женитьба“ и „Игроки“, были получены гораздо прежде вашихъ сочиненій; я имѣлъ случай читать нѣсколько разъ въ обществѣ мущинъ и дамъ послѣднюю и производилъ восторгъ и шумъ необыкновенный, какого не произвела она даже на сценѣ. На это есть множество причинъ: 1) на Большомъ театрѣ, гдѣ обыкновенно даются бенефисы, многаго нельзя было разслушать; и такъ публика только вслушивалась въ піесы. 2) главныя лица: Подколесинъ и Утѣшительный дурно были исполнены Щепкинымъ.... Остальныхъ, мелочныхъ причинъ не нужно исчислять. Но когда подняли занавѣсь, продолжительный громъ рукоплесканій привѣтствовалъ появленіе на сценѣ новаго вашего сочиненія. Я не понимаю, милый другъ, вашего назначенія ролей. Еслибъ *Кочкарева* игралъ Щепкинъ, а *Подколесина* Живокини, піеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкинъ не можетъ играть вялаго и нерѣшительнаго творенія; а Живокини, играя живой характеръ, не можетъ удерживаться отъ привычныхъ своихъ фарсовъ и движеній, которыя безпрестанно выводятъ его изъ характера играемаго имъ лица. Впрочемъ, надо было отдать ему справедливость: онъ работалъ изъ всѣхъ силъ, съ любовью истиннаго артиста, и во многихъ мѣстахъ былъ прекрасенъ. Они желаютъ перемѣниться ролями. Позволите ли вы? Въ продолженіи великаго поста они переучатъ роли, если вы напишете ко мнѣ, что согласны на то. Верстовскій (который васъ обнимаетъ; недавно я прочелъ ему „*Разъѣздъ*“, и онъ былъ въ упоеніи) и другіе говорятъ, что въ Петербургѣ Мартыновъ въ роли *Подколесина* безподобенъ; но всѣ прочія лица несравненно ниже Московскихъ. Послѣ завтра бенефисъ долженъ повториться на Большомъ театрѣ, а потомъ піесы ваши навсегда сойдутъ на Малый театръ. Актеры и любители театра нетерпѣливо этого ожидаютъ: тамъ пьесы получатъ настоящую цѣну и оцѣнку“.

„Самъ вижу, какъ безпорядочно мое письмо; но полученіе вашихъ сочиненій, постановка пьесъ и все вообще, такъ высоко настроили мои нервы, что они дрожатъ, и предметы путаются и пляшутъ въ головѣ

моей. Лучше начать отчетъ о спектаклѣ. *Женитьба* была разъиграна лучше *Игроковъ*. Въ первой женихи, особенно Садовскій (*Анучинъ* или *Ходилкинъ*, какъ перекрестилъ его г. цензоръ *Гедеоновъ*, который по глупости своей много кое-чего повымаралъ въ обоихъ піесахъ о купцахъ, дворянахъ и гусарахъ; слово „*гусаръ*“ замѣнилъ „*молодцемъ*“, вмѣсто *Чеботаревъ* поставилъ *Чемодановъ* и пр.) были недурны. Женщины, кромѣ Агаѳьи Тихоновны (Орлова, которая мѣстами была хороша) сваха *Кавалерова* (*) и купчиха *Сабурова* 1-я, вообще были хороши. Щепкинъ, ничуть меня не удовлетворяя въ строгомъ смыслѣ, особенно былъ дуренъ въ сценѣ съ невѣстой одинъ на одинъ. Его робость безпрестанно напоминала Городничаго, и всего хуже въ послѣдней сценѣ. Переходы отъ восторга, что онъ женится, вспыхнувшаго на минуту, появленіе сомнѣнія и потомъ непреодолимаго страха отъ женитьбы даже въ то еще время, когда слова повидимому выражаютъ радость — все это совершенно пропало и было выражено пошлыми театральными пріемами.... Публика грозно молчала всю сцену, и я едва не свалился со стула. Мнѣ тяжело смотрѣть на Щепкина.... Онъ такъ мнѣ жалокъ: онъ переслуживаетъ свою прежнюю славу.—Хомяковъ, который былъ подлѣ насъ въ ложѣ, весьма справедливо замѣтилъ, что тѣже самые актеры, появившіеся въ средней піесѣ (какой-то водевиль) между двумя вашими, показались не людьми, а картонными фигурами, куклами выпускными.—Оставляю писать до завтра: ибо очень усталъ“.

„7-го Февраля“.

„Послѣ спектакля я отправился въ Дворянскій Клубъ, гдѣ я обыкновенно играю въ карты и гдѣ есть огромная комната Кругелей, Швохневыхъ и другихъ. Они всѣ дожидались нетерпѣливо *Игроковъ* и часто меня спрашивали: чтò это за піеса? Тамъ всѣ безъ исключенія говорили слѣдующее. „*Женитьба* не тó, что мы ожидали; гораздо ниже Ревизора; даже скучно, да и ненатурально; а *Игроки* хороша, только это старинный анекдотъ; да и всѣ разсказы Игроковъ извѣстныя происшествія“. Одинъ сказалъ, что нынче ужъ такихъ штукъ не употребляютъ, и никто не занимается изученіемъ рисунка обратной стороны. Нашлись такіе, которые были въ театрѣ, но уѣхали поранѣе, и я нашелъ ихъ уже за картами, увѣряющими, что они не могли попасть въ театръ, но что послѣ непремѣнно посмотрятъ обѣ піесы.—Странное дѣло: Женитьбу слушали съ бóльшимъ участіемъ; удерживаемый смѣхъ, одобрительный гулъ, какъ въ ульѣ пчелъ, ходилъ по театру; а теперь эту піесу почти всѣ осуждаютъ. Игроковъ слушали гораздо холоднѣе, а піесу

*) Сваха лучше всѣхъ.

всѣ почти хвалятъ; все это я говорю о публикѣ рядовой. Вчера былъ у меня П. *), который, не смотря на больные глаза пріѣзжалъ въ театръ, который былъ пораженъ *Игроками* и, сидя подлѣ меня, говорилъ, что это—трагедія и ужасно бранилъ игру Ленскаго (занимавшаго роль *Ихарева*. Я хотѣлъ дать ее Мочалову, но онъ пьетъ на пропалую; да и Щепкинъ, по какимъ-то соображеніямъ или отношеніямъ, не хотѣлъ этого); но вчера, то есть на другой день представленія, изволилъ говорить совсѣмъ другое, что *Женитьба* шалость большаго таланта, а *Игроковъ* не слѣдовало писать, играть и еще менѣе печатать; что тутъ нѣтъ игроковъ, а просто воры, или дѣйствіе слишкомъ одностороннее и пр., то есть говорилъ совершенный вздоръ. Когда же я ему напомнилъ вчерашнее его мнѣніе, то онъ сказалъ, что былъ *ошеломленъ* вчера и сегодня поутру все хорошенько обдумалъ... то есть признался откровенно во всемъ. (Хомяковъ говоритъ, что это торжество воли!..)"

„8-го Февраля. Понедѣльникъ".

„Загоскинъ въ театрѣ не былъ, но неистовствуетъ противъ *Женитьбы*, и особенно взбѣсился за эпиграфъ къ „Ревизору". Съ пѣной у рта кричитъ: „*да гдѣ же у меня рожа крива?*" Это не выдумка. Верстовскій просилъ меня написать къ вамъ, что онъ берется поставить „*Разъѣздъ*", а то дирекція возметъ его по разàмъ. Исполняю его желаніе, хотя знаю напередъ вашъ отвѣтъ. Обращаюсь къ изданію вашихъ сочиненій. Вообще оно произвело выгодное для васъ впечатлѣніе на цѣлую Москву, ибо главное ожесточеніе противъ васъ произвели „Мертвыя Души". „*Шинель*" и „*Разъѣздъ*" всѣмъ безъ исключенія нравятся; полнѣйшее развитіе *Тараса Бульбы* также. Судя по нетерпѣнію, съ которымъ ихъ ожидали, и по словамъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, которые были осаждаемы спрашивающими, должно предполагать, что изданіе будетъ имѣть сильный расходъ.—Что касается до меня и до всѣхъ моихъ, то трудно сказать что нибудь новое о нашихъ чувствахъ: мы наслаждаемся *сполна*. Конечно, новыя ваши творенія, напримѣръ *Шинель* и особенно *Разъѣздъ*, сначала такъ насъ поразили, что мы невольно восклицали: „*это выше всего*"; но впослѣдствіи, повторивъ въ несчетный разъ старое, увидѣли, что и тамъ таже вѣчная жизнь, тѣже живые образы. Но я, лично я, остаюсь однако при мнѣніи, что *Разъѣздъ*, по обширному своему объему, по сжатости и множеству глубокихъ мыслей, по разумности цѣли піесы, *по языку*, по благородству и высокости цѣли, по важности своего дѣйствія на общество — точно выше другихъ піесъ. Не говорю о другихъ красотахъ его, которыя онъ раздѣляетъ

*) Такъ въ подлинникѣ: лишь одна начальная буква. *Изд.*

со всѣми вашими сочиненіями такого рода или содержанія. — Мы слышали, что куда-то присланъ экземпляръ вашихъ сочиненій для насъ. Благодаримъ васъ. Дай Богъ, чтобъ наступило скорѣе время или, лучше сказать, чтобъ оно пришло благополучно, когда вы, сидя посреди всѣхъ нашихъ, напишете на первомъ листочкѣ: „*милымъ друзьямъ*“ и пр.— Хотя я очень знаю, что дѣйствія ваши, относительно появленія вашихъ созданій, заранѣе обдуманы; что поэтъ лучше насъ, рядовыхъ людей, прозрѣваетъ въ будущее: но (слѣдую, впрочемъ, болѣе убѣжденіямъ другихъ, любящихъ также васъ людей) теперь много обстоятельствъ требуютъ, чтобъ вы, если это возможно, ускорили выходъ втораго тома „*Мертвыхъ Душъ*“. Подумайте объ этомъ, милый другъ, хорошенько.... много людей, истинно васъ любящихъ, просили меня написать вамъ этотъ совѣтъ. Впрочемъ, вѣдь мы не знаемъ, такое ли содержаніе втораго тома, чтобъ зажать ротъ врагамъ вашимъ? Можетъ быть полная казнь ихъ заключается въ третьемъ томѣ»....

„Вы такъ давно не писали къ намъ, что это наводитъ на меня сомнѣніе; я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина и что чувство досады мѣшаетъ вамъ писать. Вы дожидаетесь, можетъ быть, пока она пройдетъ совершенно. Если такъ, то пожалуйста пишите, не дожидаясь полнаго исчезновенія непріятнаго чувства. Я самъ знаю, что это ошибка и не маловажная: съ его стороны написать, а съ моей—позволить печатать. Но что же дѣлать? Намъ казалось, что смѣлое указаніе истиннаго взгляда можетъ навести многихъ на настоящую точку зрѣнія, и если это такъ, то чего смотрѣть на толпу, которая зареветъ, не понимая цѣли! Впрочемъ это не извиняетъ меня: я, сѣдой дуракъ, долженъ былъ понять, что этотъ ревъ будетъ непріятенъ вамъ. Есть люди, которые говорятъ, что онъ вамъ даже повредилъ; но я рѣшительно не соглашаюсь съ ними: вамъ вредить ничто не можетъ. Одно могло бы быть вредно, и то какъ отсрочка—полное равнодушіе, невниманіе; но дѣло ужъ давно не такъ идетъ».

«Теперь о насъ самихъ. Мы здоровы по возможности. Я сижу на діетѣ; только не умѣю ладить съ временемъ и часто ложусь спать слишкомъ поздно. Жена и все мое семейство васъ обнимаютъ. Намѣреніе мое уѣхать въ Оренбургскую губернію сильно поколебалось, и мы ищемъ купить деревню около Москвы, но до сихъ поръ не находимъ. Я хочу только пріятнаго мѣстоположенія и устроеннаго дома. Мысль, что вы, милый другъ, со временемъ переселясь на житье въ Москву, будете иногда гостить у насъ—много украшаетъ въ глазахъ нашихъ наше будущее уединеніе. Прощайте. Обнимаю васъ крѣпко, да сохранитъ васъ Богъ. До гроба другъ вашъ С. Аксаковъ“.

Письмо Гоголя, отвѣтъ на мое, было слѣдующее:

„Римъ, Марта 18-го“ (1843).

„Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой, и отдохнулъ душою; потому что, признаюсь, мнѣ было слишкомъ тягостно такое долгое молчанiе со всѣхъ сторонъ. Благодарю васъ за ваши извѣстія, мнѣ они всѣ интересны. Успѣхъ на театрѣ и въ чтенiи пiэсъ совершенно таковъ, какъ я думалъ. Толки о „Женитьбѣ“ и „Игрокахъ“ совершенно вѣрны, и публика показала здѣсь чутье. Относительно перемѣны ролей, актеры и дирекція имѣютъ полное право, и удивляюсь, зачѣмъ они не сдѣлали этого сами. Кто же, кромѣ самого актера, можетъ знать свои силы и средства? Верстовскаго поблагодарите отъ души за его участіе и расположенiе; а „Разъѣзда“ натурально не слѣдуетъ давать: и неприлично, и для сцены вовсе неудобно. У Щепкина спросите, получилъ ли онъ два письма мои, писанныя одно за другимъ; также какъ, получили ли вы сами мое письмо, въ которомъ я просилъ васъ о постановкѣ „Ревизора“, дѣло, которымъ пожалуйста позаймитесь. Тамъ же я просилъ дать какой нибудь отрывокъ Живокини, по усмотрѣнiю Мих. Сем. за его усердные труды. Константину Сергѣевичу скажите, что я не думалъ сердиться на него за брошюрку; напротивъ, въ основанiи своемъ она замѣчательная вещь. Но разница страшная между дiалектикою и письменнымъ созданiемъ, и горе тому, кто объявляетъ какую нибудь замѣчательную мысль, если эта мысль еще ребенокъ, не вызрѣла и не получила образа, виднаго всѣмъ, гдѣ бы всякое слово можно почти щупать пальцемъ; и вообще чѣмъ глубже мысль, тѣмъ она можетъ быть дѣйственнѣе самой мелкой мысли“.

„Относительно втораго тома „Мертв. Душъ“ я уже далъ отвѣтъ Шевыреву, который вамъ его перескажетъ. Что̀ же до того, что бранятъ меня, то слава Богу: гораздо лучше, чѣмъ бы хвалили. Браня, всетаки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тѣхъ, которые восхищаются, невольно поселяется пристрастіе и невольно заслоняетъ недостатки. И вы также не должны меня хвалить неумѣренно никому и ни передъ кѣмъ. Повѣрьте, что̀ хвалится горячо, не равнодушно, то уже неумѣренно. Меньше всего я бы желалъ, чтобы вы измѣнили къ кому нибудь ваши отношенiя по поводу толковъ обо мнѣ. Я совершенно долженъ быть въ сторонѣ. Напротивъ, полюбите отъ души всѣхъ несогласныхъ съ вами во мнѣнiяхъ; увидите: вы будете вездѣ въ выигрышѣ. Если только человѣкъ имѣетъ одну хорошую сторону, то уже онъ сто̀итъ того, чтобы не расходиться съ нимъ. А тѣ, съ которыми вы въ сношенiяхъ, всѣ бо-

лѣе или менѣе имѣютъ многія хорошія стороны. Я бы попросилъ васъ передать мой искренній поклонъ Загоскину и П. *), но чувствую, что они не повѣрятъ, подумаютъ, что я поднялся на штуки или, пожалуй, примутъ за насмѣшку въ родѣ *кривой рожи*, и потому пусть этотъ поклонъ останется между нами".

„Но поговоримъ теперь о самомъ важномъ дѣлѣ. Положеніе мое требуетъ сильнаго вашего участія и содѣйствія. Я думаю, вы уже знаете изъ письма моего къ Шевыреву, въ чемъ дѣло. Вы должны принесть для меня жертву, соединившись втроемъ вмѣстѣ: вы, Шевыревъ и Погодинъ, взять на себя дѣла мои на три года. Отъ этого все мое зависитъ, даже самая жизнь. Тысячи важныхъ, слишкомъ важныхъ для меня причинъ и самая важнѣйшая, что я не въ силахъ думать теперь о моихъ житейскихъ дѣлахъ. Но обо всемъ этомъ, я думаю, вы узнали уже отъ Шевырева. Со вторымъ изданіемъ распорядитесь, какъ найдете лучше; но такъ устройте, чтобы я могъ получать по шести тысячъ въ годъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, раздѣливъ это на два или на три срока и чтобъ эти сроки были слишкомъ точны: отъ этого много зависитъ. Впрочемъ распоряженіе относительно этого предоставьте Шевыреву. Онъ точнѣе насъ всѣхъ. Слова эти слишкомъ важны, и во имя Бога я молю васъ не пренебречь ими. Сроки должны быть слишкомъ аккуратны. Что теперь я полгода живу въ Римѣ безъ денегъ, не получая ни откуда, это конечно ничего. Случился Языковъ, и я могъ у него занять. Но въ другой разъ это можетъ случиться не въ Римѣ; мнѣ предстоятъ глухія уединенія, дальнія отлученія. Не теряйте этого изъ виду; если не достанетъ и не случится къ сроку денегъ, соберите ихъ хотя въ видѣ милостыни. Я нищій и не стыжусь своего званія".

„А васъ вмѣстѣ съ Погодинымъ я попрошу войти въ положеніе моей маменьки, тѣмъ болѣе, что вы уже знакомы съ нею и нѣсколько знаете ея обстоятельства. Я получилъ отъ нея письмо, сильно меня разстроившее. Она проситъ меня прямо помочь ей, въ то время помочь, когда я вотъ уже полгода сижу въ Римѣ безъ денегъ, занимая и перебиваясь кое-какъ. Просьба о помощи меня поразила. Маменька всегда была деликатна въ этомъ отношеніи: она знала, что мнѣ не нужно напоминать объ этомъ, что я могу чувствовать самъ ея положеніе. Она знала это уже потому, что я отказался отъ своей части имѣнія и отдалъ ей сто душъ крестьянъ съ землями, тогда какъ самъ не былъ

---

*) Такъ въ подлинникѣ: лишь одна начальная буква. *Изд.*

даже на полгода обезпеченъ. (Послѣдняго обстоятельства натурально она не знала, иначе бы отказалась и отъ имѣнія, и отъ всякой со стороны моей помощи, и потому я долженъ былъ почти всегда увѣрять ее, что я не нуждаюсь и что состояніе мое обезпечено). Но и въ сей мысли она была однакожъ очень деликатна и не просила меня о помощи. Теперь это все произошло вслѣдствіе невиннаго обстоятельства. Ольга Семеновна, по добротѣ души своей, желая вѣроятно обрадовать маменьку, написала, что „Мертвыя Души" расходятся чрезвычайно, деньги плывутъ, и предложила ей даже взять деньги, лежащія у Шевырева, которыя вѣроятно слѣдовали одному изъ ссудившихъ меня на самое короткое время. Маменька подумала, что я богачъ и могу безъ всякаго отягощенія себѣ сдѣлать ей помощь. Я никогда не вводилъ маменьку ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ нею никогда о подобныхъ дѣлахъ; ибо зналъ, что она способна обо мнѣ задумать слишкомъ много. Дѣтей своихъ она любитъ до ослѣпленія, и вообще границъ у ней нѣтъ. Вотъ почему я старался, чтобы къ ней никогда не доходили такія критики, гдѣ меня черезчуръ хвалятъ. И, признаюсь, для меня даже противно видѣть, когда мать хвастается своимъ сыномъ: это все равно какъ-бы хвастаться собою и своими добродѣтелями. Маменька должна меня знать просто, какъ добраго сына, а судить о талантахъ моихъ не принадлежитъ ей. Письмо маменьки и просьба повергли меня въ такое странное состояніе, что вотъ уже скоро третій мѣсяцъ, какъ я всякій день принимаюсь за перо писать ей и всякій разъ не имѣю силъ, бросаю перо и разстроиваюсь во всемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе затруднительно: чтобы объяснить все дѣло, нужно сказать правду и сдѣлать ей яснымъ мое положеніе, а въ объясненіи моего положенія будетъ уже заключаться ей упрекъ и безпокойство о моей участи; между тѣмъ письмо мое должно быть утѣшительно и заключать даже въ себѣ умную инструкцію впредъ. Но для того чтобы разумно поступить въ этомъ, для другого можетъ бы незатруднительномъ дѣлѣ, мнѣ нужно взглянуть какъ на совершенно постороннее для меня дѣло, взглянуть такъ, какъ я гляжу на характеръ и положеніе лица, которое принимаюсь внесть въ мое твореніе: тогда только предметъ можетъ предо мною стать всѣми своими сторонами, и слово мое можетъ быть проникнуто свѣтомъ разума; а безъ этого слово мое будетъ глупѣе слова всякаго обыкновеннѣйшаго человѣка. Вотъ какъ еще мнѣ трудно отрѣшиться отъ многихъ, многихъ страстныхъ отношеній, чтобъ стать на ту высоту безстрастія, безъ котораго все, что̀ ни производится мною, есть пошло, презрѣнно и несетъ мнѣ упреки даже отъ тѣхъ, которые, думая доставить мнѣ добро, заставили произвесть его. И такъ войдите вмѣстѣ съ Погодинымъ въ положеніе этого дѣла, объясните его ма-

менькѣ, какъ признаете лучше. Во всякомъ случаѣ, какъ вы ни поступите, вы поступите въ двадцать разъ умнѣе меня. Дайте ей знать, что деньги вовсе не плывутъ ко мнѣ рѣками и что расходъ книги вовсе не таковъ, чтобы сдѣлать меня богачемъ. Если окажутся въ остаткѣ деньги, то пошлите; но не упускайте также изъ виду того, что маменька, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, довольно плохая хозяйка и что подобныя обстоятельства могутъ случаться всякій годъ, и потому умный совѣтъ съ вашей стороны, какъ людей все-таки больше понимающихъ хозяйственную часть, можетъ быть ей полезнѣе самихъ денегъ. Я не знаю, могутъ ли принести мои сочиненія, давно напечатанныя въ четырехъ томахъ, какой-нибудь значительный доходъ. Одно напечатаніе ихъ (листовъ, какъ я вижу по газетамъ, оказалось болѣе, чѣмъ предполагалось) должно достигнуть до 17-ти т. Притомъ, какъ бы то ни было книга въ 25 рублей не такъ легко расходится какъ въ десять, особенно если она даже не новость вполнѣ. Я думаю, что въ первый годъ она развѣ только окупитъ изданіе, а потомъ пойдетъ тише. Первыя деньги послѣ окупленія изданія я назначилъ на уплату долговъ моихъ Петербургскихъ, которые хоть и не такъ велики, какъ Московскіе, но все же требуютъ давно уплаты. Я знаю, что нѣкоторымъ, даже близкимъ душѣ моей и обстоятельствамъ, казалось странно, отъ чего у меня завелось такъ много долговъ, и они всегда пропускали изъ виду слѣдующее невинное обстоятельство: шесть лѣтъ я живу, и большею частью за границей, не получая ни откуда жалованья и никакихъ совершенно доходовъ. (Шесть лѣтъ я не издавалъ ничего). Года эти были года странствія, года путешествія. Откуда же и какими средствами я могъ производить все это? Если положить по пяти тысячъ въ годъ, такъ вотъ уже до тридцати тысячъ въ шесть лѣтъ. Одинъ разъ только я получилъ вспомоществованіе, которое было отъ Государя и дало мнѣ возможность прожить годъ. Кромѣ того я въ это время долженъ былъ взять моихъ сестеръ изъ Института, одѣть ихъ съ ногъ до головы и всякой доставить безбѣдный запасъ, хотя по крайней мѣрѣ на два года. Два раза я долженъ былъ въ это время помочь маменькѣ, не говоря уже о томъ, что долженъ былъ дать ей средства два раза пріѣхать въ Москву и обратно; долженъ же я былъ все это произвести какими нибудь деньгами и средствами. И такъ немудрено, что у меня набрались такіе долги. А вы знаете сами, я вовсе не такой человѣкъ, чтобы издерживать деньги на пустяки. И желанья мои довольно ограничены, и при мнѣ нѣтъ даже такихъ вещей, которыя бы показались другому совершенно необходимы. Но довольно объ этомъ. Не забудьте моей глубокой, сильной просьбы, которую я съ мольбой изъ нѣдръ души моей вамъ тремъ повѣряю: возьмите на три года попеченье о

дѣлахъ моихъ. Соединитесь ради меня тѣснѣй и больше и сильнѣй другъ съ другомъ и подвигнитесь ко мнѣ святой христіанской любовью, которая не требуетъ никакихъ вознагражденій. Всякаго изъ васъ Богъ наградилъ особой стороной ума. Соединивъ ихъ вмѣстѣ, вы можете поступить мудро, какъ никто. Клянусь, благодѣяніе ваше слишкомъ будетъ глубоко и прекрасно. Прощайте. Больше я ничего вамъ не могу теперь писать, да и безъ того письмо длинно. Напишите мнѣ вашъ адресъ и ради Бога не забывайте меня письмами. Онѣ очень мнѣ важны, какъ вы не можете даже себѣ представить, хотя бы даже были писаны не въ минуту расположенія и заключались въ двухъ строкахъ, не больше. Не забывайте же меня".

„Вашъ Н. Гоголь".

„Посылаю душевный поклонъ всему дому вашему. А Ольгѣ Семеновнѣ грѣхъ, что она совершенно позабыла меня и не прибавила отъ себя ни строчки ко мнѣ; Конст. Серг—чу тоже грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что ко мнѣ можно писать не дожидаясь никакого расположенія или удобнаго времени, а въ суматохѣ, между картами, передъ чаемъ, на запачканномъ лоскуточкѣ, въ трехъ строчкахъ, съ ошибками и со всѣмъ, что Богъ послалъ на ту минуту".

„Если кто нибудь поѣдетъ за Языковымъ изъ Москвы, не забудьте прислать мнѣ книгъ, если вышло что нибудь относительно статистики Россіи. Извѣстный *Памятникъ Вѣры*, который обѣщала Ольга Семеновна, и молитвенникъ самый пространный, гдѣ бы находились почти всѣ молитвы, писанныя Отцами церкви, пустынниками и мучениками".

„О моихъ сочиненіяхъ я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Прокоповичъ до сихъ поръ не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо. Къ Плетневу я уже писалъ два письма, и ни на одно изъ нихъ нѣтъ отвѣта".

„Вотъ вамъ мой маршрутъ: до перваго Мая въ Римъ, потомъ въ Гастейнъ, въ Тироль до 1-го Іюня. Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ адресуйте въ *Дюссельдорфъ* на имя *Жуковскаго*, вездѣ poste restante".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, Шевыревъ привезъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ Гоголя, которое, хотя писано къ Шевыреву, но равно относится, какъ къ нему, такъ ко мнѣ и Погодину. Я считаю, что имѣю полное право помѣстить его въ моей книгѣ. Вотъ оно:

„Наконецъ, послѣ долгихъ молчаній со всѣхъ сторонъ, я получилъ письмо отъ тебя, безцѣнный другъ мой! Поблагодаривши тебя за него

отъ всей души, я принимаюсь отвѣчать на всѣ его пункты. 1) Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дѣлъ моихъ и между прочимъ не сказалъ: какъ и въ чемъ плохо и относительно какихъ именно дѣлъ? Что я плохо распорядился, это для меня не новость: я не долженъ и не могу заниматься моими житейскими дѣлами вслѣдствіе многихъ глубокихъ, душевныхъ и сердечныхъ причинъ; но объ нихъ послѣ. Но тебѣ ни въ какомъ случаѣ не должно со мною церемониться; ты долженъ говорить все напрямикъ, не опасаясь никакими образами задѣть какихъ бы то ни было струнъ самолюбія ли авторскаго, или просто человѣческаго, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительною и щекотливою стороною. Все будетъ принято благодарно и съ любовью. Это я тебѣ говорю разъ на всегда и прошу ради дружбы нашей не заставить меня повторить этого въ другой разъ. Сколько я могу догадываться, вѣроятно *плохое распоряженіе* относится къ изданію моихъ мелкихъ сочиненій и вѣроятно Прокоповичъ сдѣлалъ по неопытности какую нибудь глупость. Впрочемъ, вотъ причины, почему я печатаніе ихъ предпринялъ въ Петербургѣ и распорядился не такъ, какъ бы слѣдовало относительно разныхъ выгодъ житейскихъ. Изданіе всѣхъ сочиненій моихъ непремѣнно нужно было произвести не откладывая, не затягивая этого дѣла, къ новому году или сейчасъ послѣ новаго года. Взглянувши на все и сообразя все, ты самъ, можетъ быть, проникнешь въ необходимость этого. Признаюсь, я помышлялъ было обратиться къ тебѣ, не смотря на то, что совѣсть кричала противъ этого; но когда я увидѣлъ, что и Погодинъ ѣдетъ за границу и что „Москвитянинъ" взваленъ на тебя, у меня не достало духу. Я думалъ обратиться къ Сергѣю Тимофеевичу, но Сер. Тим. сказалъ, что онъ будетъ лѣтомъ въ деревнѣ; впрочемъ молодые люди (К. С. и братья) могутъ, оставаясь въ городѣ, завѣдывать печатаньемъ,—я уже думалъ поручить дѣло въ Москвѣ; но меня вдругъ смутила мысль, что дѣло пойдетъ на страшную проволочку. Не говоря о медленности Московскихъ типографій, меня сильно остановило цензурное дѣло. Изъ всѣхъ цензоровъ одинъ только Никитенко былъ подвигнутъ ко мнѣ участіемъ искреннимъ; но безпрестанная пересылка мелкихъ піэсъ изъ Москвы въ Петербургъ (онѣ же поступали къ цензору не въ одно время), письменныя объясненія и недоразумѣнія, все это мнѣ предвѣщало такую возню, что у меня просто не подымались руки и, какъ я вспомню, чего мнѣ стоило вытребовать и получить изъ Петербурга рукопись Мертвыхъ Душъ, послѣ того какъ она уже цѣлый мѣсяцъ была пропущена комитетомъ!... И притомъ Никитенко, при всемъ доброжелательствѣ, малороссіянинъ и лѣнивъ; его нужно было подталкивать безпрестанно личными посѣщеніями. Все это заставило меня печатанье производить въ Петербургѣ. Прокоповичу я поручилъ, потому что знаю

его совершенно съ дѣтства какъ лучшаго школьнаго товарища: это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ честный и благородный и дѣятельный, когда того потребуютъ. Плетнева я просилъ напутствовать его во всякихъ затрудненіяхъ. У Прокоповича было все лѣто совершенно свободно, и онъ могъ неутомимо и безостановочно заняться печатаньемъ. Этой работой я имѣлъ отчасти намѣреніе возбудить его къ дѣятельности, усыпленнаго нѣсколько его черствой и непитательной работой".

„Доходовъ отъ этого изданія я не могъ ожидать. Хотя, конечно, нѣсколько неизвѣстныхъ піэсъ (которыхъ я имѣлъ благоразуміе не печатать въ журналахъ) могли придать нѣкоторый интересъ книгѣ, но все же она не новость. Она изъ 4-хъ томовъ, стало быть высокой цѣны никакъ нельзя было назначить: большаго куша вынуть изъ кармана при теперешнемъ безденежьи не такъ легко, какъ вынуть пять или десять рублей. И притомъ я не имѣю духа и безсовѣстности возвысить цѣну, зная, что мои покупатели большею частію люди бѣдные, а не богатые, и что иной можетъ быть платитъ чуть не послѣднюю копейку. Тутъ это мерзкое сребролюбіе подлѣе и гаже, чѣмъ въ какомъ либо другомъ случаѣ. Итакъ, не смотря на то, что напечатанье стало свыше 16 тысячъ и что въ книгѣ 128 листовъ, я велѣлъ ее продавать никакъ не дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдутъ конечно шибче и окупятъ, можетъ быть, изданіе; потомъ медленнѣе. Половину экземпляровъ или треть я хотѣлъ было назначить къ отправкѣ въ Москву къ тебѣ; не знаю, удобно ли тебѣ и какъ это сдѣлать—объ этомъ меня увѣдоми. И такъ вотъ тебѣ всѣ причины того распоряженія, которое сдѣлалъ я относительно этого дѣла. Конечно, можно было распорядиться и умнѣе; но у меня не было силъ на то. Не было силъ потому, что я не могу и не долженъ заниматься многимъ, что относится къ житейскому. Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Весьма можетъ быть, что Прокоповичъ, какъ еще неопытный, многое сдѣлалъ не такъ какъ слѣдуетъ, и потому ты, пожалуйста, извѣсти меня обо всемъ. Я натурально не скажу Прокоповичу, что слышалъ отъ тебя; а издалека дамъ ему знать быть осмотрительнѣе и благоразумнѣе. Но довольно объ этомъ!"

„Поговоримъ о второмъ пунктѣ твоего письма. Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ", но что оно должно выйдти необходимо вмѣстѣ со 2-мъ томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать. Еще разъ я долженъ повторить, что сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу. И если надъ первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ, чего на-

турально никто не замѣтилъ, одинъ ты замѣтилъ долговременную и тщательную обработку многихъ частей.... Итакъ если надъ первой частью просидѣлъ я столько времени (не думай, чтобъ я былъ когда либо преданъ праздному бездѣйствію въ продолженіи этого времени: я работалъ головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не дѣлаю и живу только для удовольствія своего).... Итакъ, если надъ первой частью просидѣлъ я такъ долго, разсуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй! Это правда, что я могу теперь работать увѣреннѣй, тверже, осмотрительнѣй, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему и которыхъ тоже никто не замѣтилъ. Напримѣръ, никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ піэсъ, тогда какъ я производилъ ихъ основываясь на разумѣньи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнуть производить плотное созданье.... твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершенное въ высокой трезвости духа. Послѣ сихъ и другихъ подвиговъ, предпринятыхъ въ глубинѣ души, я, разумѣется, могу теперь двигать работу далеко успѣшнѣе и быстрѣе чѣмъ прежде; но нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ чрезъ то необходимо шире и пространнѣе, что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что вѣрно бы не вошло прежде. Итакъ если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ неостанавливаемую работу, то два года, — это самый короткій срокъ. Но я не смѣю объ этомъ и думать, зная мою не обезпеченную нынѣшнюю жизнь и многія житейскія дѣла, которыя иногда въ силѣ будутъ разстроить меня, хотя употребляю всѣ силы держать себя отъ нихъ подалѣ и меньше, сколько можно, объ нихъ думать и заботиться. Понужденіе къ скорѣйшему появленію втораго тома, можетъ быть, ты сдѣлалъ вслѣдствіе когда-то помѣщеннаго въ „Москвитянинѣ“ объявленія, и потому вотъ тебѣ настоящая истина: никогда и никому я не говорилъ, сколько и что̀ именно у меня готово, и когда, къ величайшему изумленію моему, напечатано было въ „Москвитянинѣ“ извѣщеніе, что два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выдетъ въ продолженіи года, тогда не была даже кончена первая часть. Вотъ какъ трудно созидаются тѣ вещи, которыя на видъ инымъ кажутся вовсе не трудны. Если ты подъ словомъ *необходимость* появленія втораго тома разумѣешь необходимость истребить непріятное впечатлѣніе, ропотъ и негодованіе противъ меня, то вѣрь мнѣ: мнѣ бы слишкомъ хотѣлось самому, чтобы меня поняли въ настоящемъ значеніи, а не въ превратномъ. Но нельзя упреждать время; нужно, чтобы все излилось прежде само собою, и ненависть противъ меня слишкомъ тяжелая для того, кто бы хотѣлъ заплатить за нее, можетъ быть, всею силою люб-

ви, ненависть противъ меня должна существовать и быть въ продолженіи нѣкотораго времени, можетъ быть даже долгаго. И хотя я чувствую, что появленіе втораго тома было бы свѣтло и слишкомъ выгодно для меня; но въ тоже время, проникнувши глубже въ ходъ всего текущаго передъ глазами, вижу, что все, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человѣку умнѣй того, что совершается свыше и чего иногда въ слѣпотѣ своей мы не можемъ видѣть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Вѣрь мнѣ, что я не такъ безпеченъ и неразуменъ въ моихъ главныхъ дѣлахъ, какъ неразуменъ и безпеченъ въ житейскихъ. Иногда силой внутренняго глаза и уха я вижу и слышу время и мѣсто, когда должна выйти въ свѣтъ моя книга; иногда, по тѣмъ же самымъ причинамъ почему бываетъ ясно мнѣ движенье души человѣка, становится мнѣ ясно и движенье массы. Развѣ ты не видишь, что еще до сихъ поръ всѣ принимаютъ мою книгу за сатиру и личность, тогда какъ въ ней и тѣни сатиры и личности нѣтъ; это можно замѣтить вполнѣ только послѣ нѣсколькихъ чтеній, а книгу мою большею частью прочли по одному разу всѣ тѣ, которые возстаютъ противъ меня. Еще смотри, какъ гордо и съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ всѣ на героевъ моихъ. Книга писана долго; нужно, чтобы дали трудъ всмотрѣться въ нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнѣніе. Противъ перваго впечатлѣнія я не могу дѣйствовать. Противъ перваго впечатлѣнія должна дѣйствовать критика и только тогда, когда, съ помощью ея, впечатлѣнія получатъ образъ, выйдутъ сколько нибудь изъ перваго хаоса и станутъ опредѣлительны и ясны, тогда только я могу дѣйствовать противъ нихъ. Вѣрь, что я употребляю всѣ силы производить успѣшно свою работу, что внѣ ея я не живу, и что давно умеръ для другихъ наслажденій. Но, вслѣдствіе устройства головы моей, я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать, вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдамъ безразсуднаго, необдуманнаго творенья. Не осуждай меня! Есть вещи, которыя нельзя изъяснить; есть голосъ, повелѣвающій намъ, предъ которымъ ничтоженъ нашъ жалкій разсудокъ; есть много того, что можетъ только почувствоваться глубиною души, въ минуты слезъ и молитвъ, а не въ минуты житейскихъ расчетовъ. Но довольно".

„Теперь я приступаю къ тому, о чемъ давно хотѣлъ поговорить и для чего какъ-то не имѣлъ достаточныхъ силъ. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вмѣстѣ: ты, Погодинъ и Сергѣй Тимоѳеевичъ. Съ вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мнѣ тѣ вы-

сокіе знаки святой дружбы, которые основаны не на земныхъ отношеніяхъ и узахъ и отъ которыхъ не разъ струились слезы въ глубинѣ души моей Отъ васъ я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принесть для меня. Возьмите отъ меня на три, или на четыре даже, года всѣ житейскія дѣла мои. Тысячи есть причинъ, внутреннихъ, глубокихъ причинъ, почему я не могу, и не долженъ, и не властенъ думать о нихъ. Не въ силахъ я изъяснить вамъ ихъ; они всѣ находятся въ такихъ соприкосновеніяхъ со внутренней моей жизнью, что я не въ силахъ стать въ холодное и вполнѣ спокойное состояніе души моей, дабы изъяснить все сколько нибудь понятнымъ языкомъ. Ничего не могу я вамъ сказать, какъ только то, что это слишкомъ, слишкомъ важное дѣло. Вѣрьте словамъ моимъ, и больше ничего. Если человѣкъ въ полномъ разумѣ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, а не въ порѣ опрометчивой юности, человѣкъ,— сколько нибудь чуждый неумѣренности и излишества, омрачающихъ очи,—говоритъ, не будучи въ силахъ объяснить безсильнымъ словомъ, говоритъ только изъ глубины растроганной глубоко души: вѣрьте мнѣ, тогда нужно повѣрить словамъ такого человѣка. Не стану вамъ говорить, что благодарность моя будетъ за это вамъ безконечна, какъ безконечна къ намъ любовь Христа Спасителя нашего. Прежде всего, я долженъ быть обезпеченъ на три года. Распорядитесь, какъ найдете лучше, со вторымъ изданіемъ и съ другими, если послѣдуютъ; но распорядитесь такъ, чтобъ я получалъ по шести тысячъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, всякій годъ. Это самая строгая смѣта. Я бы могъ издерживать и меньше, еслибъ оставался на мѣстѣ. Но путешествія и перемѣны мѣстъ мнѣ также необходимы, какъ насущный хлѣбъ. Голова моя такъ странно устроена, что иногда мнѣ вдругъ нужно пронестись нѣсколько сотъ верстъ и пролетѣть разстояніе для того, чтобъ смѣнить одно впечатлѣніе другимъ, уяснить духовный взоръ и быть въ силахъ обхватить и обратить въ одно тò, что мнѣ нужно. Я ужъ не говорю, что изъ каждаго угла Европы взоръ мой видитъ новыя стороны Россіи, и что въ полный обхватъ ее обнять я могу, можетъ быть, тогда, когда огляну всю Европу. Поѣздка въ Англію будетъ слишкомъ необходима мнѣ, хотя внутренно я не лежу къ тому, и хотя не знаю еще, будутъ ли на то какія средства. Изданіе и пересылку денегъ ты, какъ человѣкъ точный болѣе другихъ, долженъ принять на себя. Высылку денегъ раздѣлить на два срока: 1-й къ 1-му Октября и другой къ 1-му Апрѣля въ мѣста, куда я напишу, по три тысячи; если же почему либо неудобно, то на три срока, по двѣ тысячи. Но ради Бога, чтобы сроки были аккуратны: въ чужой землѣ иногда слишкомъ приходится трудно. Теперь, напримѣръ, я пріѣхалъ въ Римъ въ увѣренности, что уже найду здѣсь деньги, назначенныя мною къ 1 Октября,

и вмѣсто того вотъ уже шестой мѣсяцъ я живу безъ копѣйки, не получая ни откуда. Въ первый мѣсяцъ мы даже побѣдствовали вмѣстѣ съ Языковымъ. Но, слава Богу, ему прислали сверхъ ожиданья больше, и я могъ у него занять двѣ тысячи слишкомъ. Теперь мнѣ слѣдуетъ ему уже и заплатить. Ни откуда не шлютъ мнѣ; изъ Петербурга я не получилъ ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые я получалъ прежде, когда былъ тамъ Жуковскій. Вотъ уже четвертый мѣсяцъ, какъ я не получаю даже ни письма, ни извѣстія, и не знаю, что̀ дѣлается съ печатаньемъ. Подобныя обстоятельства бываютъ иногда для меня роковыми: не житейскимъ бѣдствіемъ и не нищетой стѣсненной нужды, но состояніемъ душевнымъ. Это бываетъ роковымъ, когда случается въ то время, когда мнѣ нужно вдругъ сняться и сдвинуться съ мѣста: когда я услышалъ къ тому душевную потребность, состояніе мое бываетъ тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болѣзнью. Два раза уже въ моей жизни мнѣ приходилось слишкомъ трудно... Не знаю, дадите ли вы вѣру словамъ моимъ; но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрезъ то времени, за которое я не знаю, чего бы ни заплатилъ; я также расчетливъ на него, какъ расчетливъ на ту копѣйку, которую прошу себѣ (у меня уже давно все мое состояніе—самый крохотный чемоданъ и четыре пары бѣлья). И такъ, обдумайте и посудите объ этомъ. Если не станетъ для этого денегъ за выручку моихъ сочиненій, придумайте другія средства. Разсудите сами: я думаю, я уже сдѣлалъ настолько, чтобы дали мнѣ возможность окончить трудъ мой, не заставляя меня бѣгать по сторонамъ, подыматься на аферы, чтобы такимъ образомъ приводить себя въ возможность заниматься дѣломъ тогда, какъ мнѣ всякая минута дорога, и тогда, какъ я вижу надобность, необходимость скорѣйшаго окончанія труда моего. Еслижъ средствъ не отыщется другихъ, тогда прямо просите для меня; въ какомъ бы ни было видѣ были мнѣ даны деньги, я ихъ благодарно приму и, можетъ быть, всякая копѣйка, брошенная мнѣ, помолится о спасеніи души тѣхъ, которые бросили мнѣ эту копѣйку. Но если эта копѣйка будетъ брошена вслѣдствіе отказа въ чемъ либо нужномъ себѣ, тогда не берите этой копѣйки: я не долженъ никому сто́ить лишенія и теперь еще не имѣю права. Относительно другой части дѣлъ моихъ, насчетъ матери моей и сестеръ, я буду писать къ Сергѣю Тимоѳеевичу и Погодину и изложу имъ, какимъ образомъ поступить на случай, если потребуется надобность помочь. Я сдѣлалъ все, что̀ могъ, отдалъ имъ свою половину имѣнья, сто душъ, и отдалъ будучи самъ нищимъ и не получая достаточнаго для своего собственнаго пропитанья. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишествъ, а занимая и

надѣлавъ долговъ, которые долженъ уплачивать. Погодинъ меня часто упрекалъ, что я сдѣлалъ мало для семьи и матери; но откуда же и чѣмъ я могъ сдѣлать больше? Мнѣ не указалъ никто на это средствъ. Я даже полагаю, что въ дѣлахъ моей матери гораздо важнѣе и полезнѣе будетъ умный совѣтъ, чѣмъ другая помощь. Имѣніе хорошо: двѣсти душъ; но конечно маменька, не будучи хозяйкой, не въ силахъ хорошо управиться; но въ помощахъ такого рода должно прибѣгать къ радикальнымъ средствамъ, и объ этомъ я буду писать къ Сергѣю Тимоѳеевичу и Погодину, надѣясь на прекрасныя души ихъ и на нѣжное участіе ихъ. И дай Богъ, чтобъ я въ силахъ былъ написать только; но мнѣ кажется, что они лучше могутъ почувствовать мое положеніе, если только вникнутъ глубоко въ мое положеніе. Боже, какъ часто не достаетъ ни словъ, ни выраженій мнѣ тогда, какъ таится въ душѣ много того, что бъ хотѣла выразить и сказать моя душа, и какъ ужасно тяжело бываетъ мнѣ написать письмо, и есть милліонъ причинъ, почему я не могу войти въ дѣла житейскія и относящіяся ко мнѣ. Еще разъ я долженъ сказать это: отнимите отъ меня на три, на четыре года все это“.

„Если Погодинъ и Сергѣй Тимоѳеевичъ найдутъ необходимость точно помочь иногда денежнымъ образомъ моей матери, тогда разумѣется взять изъ моихъ денегъ вырученныхъ за продажу, если только онѣ окажутся; но нужно помнить тоже слишкомъ хорошо мое положеніе, взвѣсить то и другое, какъ повелитъ благоразуміе. Они на своей землѣ, въ своемъ имѣніи и, слава Богу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть безъ куска хлѣба.... Я въ чужой землѣ и прошу только насущнаго пропитанія, чтобъ не умереть мнѣ въ продолженіе какихъ нибудь трехъ, четырехъ лѣтъ. Но да внушитъ вамъ Богъ и вразумитъ васъ. Вы всячески сдѣлаете умнѣе и лучше меня. Напиши мнѣ, могу ли я надѣяться получить въ самомъ короткомъ времени, то-есть, накопилось ли въ кассѣ для меня денегъ? Мнѣ нужны по крайней мѣрѣ 3500, а двѣ тысячи слишкомъ я долженъ отдать Языкову, да тысячу слишкомъ мнѣ нужно впередъ для прожитья и поднятья изъ Рима“.

„Что касается до моего пріѣзда въ Москву, то ты видишь, что мнѣ для этого необходимости не настоитъ и, взглянувши глубокимъ окомъ на все, ты увидишь даже, что я не долженъ этого дѣлать прежде окончанія труда моего. Это можетъ быть даже слишкомъ тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что̀ окружаетъ меня здѣсь, и глаза мои всего чаще смотрятъ только въ Россію, и нѣтъ мѣры любви моей къ ней, какъ нѣтъ мѣры любви моей къ вамъ, которой я не въ силахъ и не могу разсказать. Прощайте,

пишите мнѣ, хоть по одной строчкѣ, хоть по самой незначительной строчкѣ. Письма ваши очень важны для меня, и они будутъ послѣ еще важнѣе и значительнѣе, когда я останусь одинъ и потребую пустыней и удаленій отъ всего для глубокаго воспитанія душевнаго, воспитанія, которое совершается внутри меня святой чудесной волею Небеснаго Отца нашего. Прощай, я буду къ тебѣ писать, можетъ быть, скоро, вслѣдствіе другой уже моей потребности душевной. Цѣлую и обнимаю много разъ. На это письмо дай немедленный отвѣтъ, чтобы я зналъ, что ты получилъ его. И если набрались деньги, то высылай ихъ немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Valentini, потому что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ мы думаемъ подняться изъ Рима."

Прочитавъ теперь внимательно, конечно не въ первый разъ, эти оба замѣчательныя, задушевныя письма, я долженъ признаться, что тогда они не были поняты и почувствованы нами, какъ того заслуживаютъ. Я принялъ ихъ къ сердцу болѣе моихъ товарищей. Погодинъ мутилъ насъ обоихъ своимъ ропотомъ, осужденіемъ и негодованіемъ. Онъ былъ ужасно раздраженъ противъ Гоголя. (Впослѣдствіи докажетъ это его письмо къ нему и отвѣтъ Гоголя). Шевыревъ, хотя соглашался со многими обвиненіями Погодина, но, по искренней и полной преданности своей къ Гоголю, отъ всего сердца былъ готовъ исполнять его желанія. Дѣло въ самомъ дѣлѣ было затруднительно: всѣ трое мы были люди весьма небогатые и своихъ денегъ давать не могли. Сумма, вырученная за продажу перваго изданія „Мертвыхъ Душъ", должна была уйдти на заплату долговъ Гоголя въ Петербургѣ. Выручка денегъ за полное собраніе сочиненій Гоголя, печатаемыхъ въ Петербургѣ Прокоповичемъ (за что̀ мы всѣ на Гоголя сердились), казалась весьма отдаленною и даже сомнительною: ибо надобно было предварительно выплатить типографскіе расходы, простиравшіеся до 17,000 и болѣе рубл. ассигн. Цѣна непомѣрная, не смотря на то, что печаталось около 5,000 экземпляровъ. Мы расчитывали, что въ Москвѣ понадобилось бы на все изданіе не болѣе 11,000.

Если мои записки войдутъ когда нибудь, какъ матеріалъ, въ полную біографію Гоголя, то конечно читатели будутъ изумлены, что приведенныя мною сейчасъ два письма, написанныя словами, вырванными изъ глубины души, написанныя Гоголемъ къ лучшимъ друзьямъ его, цѣнившимъ такъ высоко его талантъ — были приняты ими съ ропотомъ и осужденіемъ, тогда какъ мы должны были за счастіе считать, что судьба избрала насъ къ завидной участи: успокоить духъ великаго писателя, нашего друга, помочь ему кончить

свое высокое творенiе, въ несомнѣнное, первоклассное достоинство котораго и пользу общественную мы вѣровали благоговѣйно. Я самъ теперь удивляюсь этому. Все, что̀ можно сказать въ объясненiе такой странности, заключается въ одномъ словѣ: не было полной довѣренности къ Гоголю. Скрытность его характера, неожиданный отъѣздъ изъ Москвы, безъ предварительнаго совѣта съ нами, печатанье своихъ сочиненiй въ Петербургѣ, порученiе такого важнаго дѣла человѣку совершенно неопытному, тогда какъ Шевыревъ соединялъ въ себѣ всѣ условiя, нужныя для издателя, не говоря уже о горячей и преданной дружбѣ; наконецъ, свиданiе Гоголя въ Петербургѣ съ людьми намъ противными, о которыхъ онъ думалъ одинаково съ нами (какъ то съ Бѣлинскимъ, Полевымъ и Краевскимъ), все это вмѣстѣ поселило нѣкоторое недовѣрiе даже въ Шевыревѣ и во мнѣ; Погодинъ же видѣлъ во всемъ этомъ только доказательство своему убѣжденiю, что Гоголь человѣкъ не искреннiй, что ему вѣрить нельзя. Мы съ Шевыревымъ не принимали такого убѣжденiя, особенно я. Я объяснялъ поступки Гоголя странностью, капризностью его художнической натуры; а чего не могъ объяснить, о томъ старался забыть, не толкуя въ дурную сторону.

Первымъ моимъ дѣломъ было послать деньги Гоголю; на ту пору у меня случились наличныя деньги, и я могъ отдѣлить изъ нихъ 1500 р. Такую же сумму думалъ я занять у Д...—ва. Я отправился къ нему немедленно, разсказалъ все дѣло и — получилъ отказъ. Благосостоянiе его и значительный капиталъ, лежавшiй въ ломбардѣ, были мнѣ хорошо извѣстны. Я сдѣлалъ ему горькiй упрекъ; но онъ, не обижаясь имъ, твердилъ одно: „Я принялъ за правило не давать денегъ въ займы, а дарить такiя суммы я не могу“. Я отвѣчалъ ему довольно жестко и хотѣлъ уйдти; но жена его прислала просить меня, чтобъ я къ ней зашелъ. Я исполнилъ ея желанiе, и хотя не былъ съ ней очень близокъ, но въ досадѣ на ея супруга я разсказалъ ей, для чего я просилъ у него въ займы денегъ и по какой причинѣ получилъ отказъ. Она вспыхнула отъ негодованiя и вся покраснѣла. Она быстро встала съ своего дивана, на которомъ полулежала въ грацiозной позѣ, и, сказавъ: „я вамъ даю охотно эти деньги“, вышла въ другую комнату и черезъ минуту принесла мнѣ 1500 рублей. Я признаюсь въ моей винѣ: не ожидалъ отъ нея такого поступка; поблагодарилъ ее съ волненiемъ и горячностью. Между тѣмъ явился мужъ, и я безпощадно подразнилъ и пристыдилъ его поступкомъ жены. Онъ былъ очень смѣшонъ: пыхтѣлъ, отдувался и могъ только сказать: „Это ея деньги, она можетъ ими распологать, но другихъ отъ меня не получитъ“. Очень довольный, что скоро нашелъ деньги, я сейчасъ отправилъ ихъ въ Римъ черезъ Шевырева и напи-

салъ письмо къ Гоголю. Черезъ полгода онъ хотѣлъ выслать остальныя три тысячи рублей. Не знаю хорошенько, были ли эти деньги высланы къ Гоголю, ибо денежныя его обстоятельства вскорѣ перемѣнились, во-первыхъ, потому, что вслѣдствіе представленія графа Уварова, Государь приказалъ производить Гоголю по три тысячи рублей въ продолженіи трехъ лѣтъ и, во-вторыхъ, потому, что продажа полныхъ сочиненій Гоголя, не смотря на чрезвычайные расходы и контрфакцію, доставила значительную сумму денегъ: ихъ доставало и на добавокъ къ содержанію Гоголя, и на уплату его долговъ, и даже на добрыя, тайныя дѣла (*). Впрочемъ, я хорошо не знаю денежныхъ дѣлъ Гоголя: всѣмъ этимъ завѣдывалъ съ неусыпнымъ стараніемъ Шевыревъ.

Слѣдующее письмо Гоголя къ Ольгѣ Семеновнѣ вѣроятно писано въ Апрѣлѣ 1843 года, потому что писано въ отвѣтъ на поздравленіе Гоголя со днемъ его рожденія, 19 Марта.

„Благодарю васъ, Ольга Семеновна, за поздравленіе со днемъ рожденія моего. Посылаю вамъ душевный поклонъ мой. Вы говорите, что для васъ необходимо письмо мое, которое бы въ минуту грусти и тревожнаго состоянія души вознесло духъ вашъ превыше всего окружающаго. Но какое письмо въ силахъ это сдѣлать? Глядите просто на міръ: онъ весь полонъ Божіихъ благодатей, въ каждомъ событіи сокрыты для насъ благодати; неистощимыми благодатями кипятъ всѣ несчастія намъ ниспосылаемыя: и день, и часъ, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями безконечной любви. Чегожъ вамъ болѣе для возвышенія духа? Будьте просто свѣтлы душой, не мудрствуя. И если это вамъ покажется трудно и невозможно подчасъ — все равно старайтесь только стремиться къ свѣтлости душевной, и она придетъ къ вамъ. Стремясь къ свѣтлости, вы стремитесь къ Богу; а Богъ помогаетъ къ Себѣ стремиться. Старайтесь просто безъ всякаго напряженія душевнаго быть свѣтлой, какъ свѣтло дитя въ день Свѣтлаго Воскресенія, и вы много, много выиграете и незамѣтно вознесетесь выше всего окружающаго. Если же вы все также убѣждены въ той мысли, что вамъ нужно письмо мое, то напишите Лизѣ, чтобъ она прислала вамъ копію съ того длиннаго письма, которое я посылаю къ нимъ въ одно время съ вашимъ“.

„Ей нечего секретничать съ вами, и она должна прислать добросовѣстную копію, не выпуская ни одного слова. Хотя въ письмѣ этомъ

(*) Вслѣдъ за моими деньгами Гоголь получилъ тысячу рублей серебромъ отъ Прокоповича въ счетъ будущихъ доходовъ за продажу сочиненій.

заключаются обстоятельства, собственно къ нимъ относящіяся; но я молился въ то время, когда писалъ его и просилъ Бога, чтобы для всякаго, кому бы ни случилось читать его, было оно благодѣтельно; а потому, можетъ быть, вы отыщете въ немъ что нибудь собственно для себя. Вы пишете, что не смущаютъ васъ никакіе толки и рѣчи обо мнѣ и что вы вѣрите душѣ моей. Конечно послѣднее благоразумно. Благоразумнѣе вѣрить тому, чтò происходитъ отъ души, чѣмъ тому, чтò происходитъ нивѣсть изъ какого угла и баламутицы. Вѣря въ душу человѣка, вы вѣрите въ главное; а вѣря въ пустяки, вы всетаки вѣрите въ пустяки и никогда не узнаете человѣка. Прощайте! Помните все это и будьте свѣтлы душой. Душевно обнимаю васъ и все ваше семейство. Передайте два, при семъ слѣдующія, письма по принадлежности".

При хладнокровномъ взглядѣ на письма Гоголя, можно теперь видѣть, что большое письмо его о путешествіи въ Іерусалимъ, а равно вышеприведенное письмецо къ Ольгѣ Семеновнѣ, содержатъ въ себѣ сѣмена и даже всходы того направленія, которое въ послѣдствіи выросло до неправильныхъ и огромныхъ размѣровъ. Письмо къ сестрѣ, о которомъ упоминаетъ Гоголь, осталось намъ неизвѣстнымъ. Но письма къ другой сестрѣ его Аннѣ Васильевнѣ, написанныя безъ сомнѣнія въ томъ же духѣ, находятся теперь у Кулиша, и мы ихъ читали.

Вотъ письмецо безъ числа, но помѣченное, что получено мною отъ Гоголя 22-го Апрѣля 1843-го года.

„Я получилъ письмо отъ маменьки. Дѣла ея устроились; на этотъ годъ по крайней мѣрѣ она обезпечена. Въ письмѣ (которое вы безъ сомнѣнія уже получили отъ меня чрезъ Хомякова) я забылъ спросить васъ, получили ли вы письмо, въ которомъ я просилъ васъ о постановкѣ Ревизора. Въ немъ было вложено письмецо къ Ольгѣ Семеновнѣ и Конст. Сергѣевичу; получили ли они эти письма и отъ чего никто изъ нихъ не отвѣчалъ ниже двумя строчками? Что касается до Щепкина, то его просто слѣдуетъ выбранить. Я писалъ два письма къ нему. Я не сержусь на него, если уже у него такой обычай, чтобы не отвѣчать на письма; но онъ долженъ покрайней мѣрѣ сказать вамъ, чтобы вы увѣдомили меня, что письма точно получены, чтобы я не думалъ покрайней мѣрѣ, что пропадаютъ они. Подумайте сами, чего не могло придти въ мою голову, когда во время самое трудное для меня и такое время, когда ожидалъ болѣе всего писемъ отовсюду, рѣшительно отовсюду, и въ это время всѣ будто сговорились и бросили меня на три мѣсяца самаго тягостнаго состоянія. Не забывайте меня, безцѣнный другъ. Вы

уже знаете изъ письма, которое получили отъ Хомякова, какъ нужно писать ко мнѣ. Да хранитъ васъ Богъ всѣхъ въ ненарушимой святости души и здоровьи. Адресуйте въ Гастейнъ (въ Тиролѣ), poste restante“.

Я не помню, чтобъ когда нибудь получилъ письмо отъ Гоголя черезъ Хомякова, и вообще я удивляюсь и не знаю, какая могла быть причина, что мы такъ долго не писали къ Гоголю? Надобно предположить, что письма какъ нибудь задерживались на почтѣ или вовсе не доходили.

Слѣдующее небольшое письмецо Гоголя я рѣшительно не знаю, къ какому времени отнести.

„Мая 5.“

„На выѣздѣ изъ Рима пишу къ вамъ нѣсколько словъ, почтеннѣйшій другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Ѣду я для того, чтобы ѣхать. Ѣзда, какъ вы знаете, мое всегдашнее средство; а потому и теперь, какъ я ни хилъ и болѣзненъ, но надѣюсь на дорогу и на Бога, и прошу у Него быть въ дорогѣ, какъ дома, то-есть, какъ у него Самого въ покойныя минуты души, дабы быть въ силахъ и возможности чтобы что-нибудь произвесть. О томъ прошу молиться васъ и прошу васъ также попросить обо мнѣ всѣхъ, которые обо мнѣ молились прежде, потому что ихъ молитвами я былъ доселѣ чудно сохраняемъ и среди тяжкихъ и болѣзненныхъ состояній зрѣлъ и укрѣплялся душой“.

„Напишите домой къ маменькѣ моей запросъ, получила ли она два моихъ письма, писанныя послѣ того, которое было приложено при вашемъ. Послѣднее отъ 1-го Мая здѣшняго стиля, весьма нужное; объ этомъ пусть немедленно васъ увѣдомитъ она или сестра, а вы сообщите мнѣ. Обнимаю васъ всѣхъ“. „Вашъ Г.“

Это сомнительное письмецо написано такъ сбивчиво и такимъ дурнымъ почеркомъ, что должно предполагать, что Гоголь былъ боленъ или сильно разстроенъ нервами. Вѣроятно его надо отнести къ другому періоду.

Вотъ, наконецъ, письмо съ увѣдомленіемъ о полученіи денегъ, писанное, безъ сомнѣнія, въ Маѣ мѣсяцѣ 1843-го года.

„Ваше письмо и деньги, безцѣнный другъ мой, я получилъ исправно и скоро, и медлилъ отвѣтомъ, выжидая писемъ отъ Шевырева и Погодина. Наконецъ, спустя двѣ недѣли послѣ вашего письма получилъ я письмо отъ Шевырева отъ имени васъ всѣхъ. Въ немъ видна прекрасная душа писавшаго, хотя заключается впрочемъ и журьба и что-

то въ родѣ не совсѣмъ отчетливаго нагоняя, который, можетъ быть, и справедливъ со стороны вашей или, лучше, со стороны Погодина, отъ котораго я думаю проистекъ онъ; но все же таки слѣдуетъ подумать и то: однакожъ мнѣ неизвѣстна еще (та или другая) его сторона, и странно бы мнѣ по моей натурѣ судить о натурѣ другаго, когда эта натура такъ не сходна съ моею. Но оставимъ все это. Смерть не люблю изъясненій. Все это неразумная трата словъ, и больше ничего. Лице я гласное, стало быть и все, что бы я ни дѣлалъ, будетъ гласно всѣмъ; дурное, если есть у меня, то ужъ его никакъ не спрячешь. Шила въ мѣшкѣ не утаишь; оно гдѣ нибудь да выткнется непремѣнно. Оправдываться значитъ не довѣрять времени, которое уяснитъ все. Вслѣдъ за вашими деньгами я получилъ еще отъ Прокоповича 1000, стало быть за первый годъ мнѣ слѣдуетъ получить одну тысячу. Обо всемъ этомъ я увѣдомилъ уже Шевырева. Прокоповичу я написалъ выслать немедленно тысячу экземпляровъ и въ продажѣ находящихся у него давать отчетъ въ Москву всякій разъ за два мѣсяца до срочной высылки мнѣ денегъ, дабы видѣть по накопившейся суммѣ, откуда произвести мнѣ высылку: изъ Петербурга или изъ Москвы? Прокоповичъ находится вмѣстѣ съ экземплярами въ полномъ распоряженіи вашемъ, такъ что еслибы потребовались и всѣ экземпляры выслать, то онъ ихъ вышлетъ; но въ этомъ я не вижу надобности: послѣ вновь ихъ нужно присылать въ Петербургъ для тамошнихъ книгопродавцевъ. Къ тому же экземпляры безопасны, если они только всѣ находятся въ рукахъ Прокоповича, а не типографіи, о продѣлкахъ которой я узналъ только теперь изъ письма Прокоповича. Онъ скрывалъ отъ меня, не желая меня ничѣмъ возмутить и думая расплатиться банковыми билетами покойнаго своего брата, выдачею которыхъ водили его нѣсколько мѣсяцевъ въ присутственныхъ мѣстахъ; но довольно толковать. Дѣла мои, какъ видите, всѣ теперь въ вашихъ рукахъ. Обратимся собственно къ намъ самимъ. Я заѣхалъ на нѣсколько дней въ Гастейнъ, отдохнуть отъ дороги, и отправлюсь въ Дюссельдорфъ, гдѣ проведу часть зимы, а остальную въ Голландіи, и потому письма адресуйте всѣ въ Дюссельдорфъ. Хорошо бы было, если бы вы прислали что нибудь изъ тѣхъ книгъ, которыхъ я просилъ. Изъ Москвы вѣроятно отправляются немало этотъ годъ за границу; а такъ какъ всякій положилъ себѣ за правило побывать на Рейнѣ, то ему немного труда будетъ стоить завезти посылку въ Дюссельдорфъ и отдать ее Жуковскому. На Константина Сергѣевича я рѣшительно теперь сердитъ. Онъ мнѣ не пишетъ ни строчки, но вотъ лучше къ нему самому записка. А васъ обнимаю всею душою вмѣстѣ съ милымъ семействомъ вашимъ и жду отъ васъ лѣтнихъ извѣстій о покупкѣ дачи и о прочемъ“.

Записка Константину Сергѣевичу. „Чтожъ вы, Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ ни слова? Я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи теперь обо всѣхъ дѣлахъ, которыя дѣлаются на свѣтѣ. Не знаю что дѣлаетъ Москва, ни о чемъ говоритъ она, ни что думаетъ, ни о чемъ споритъ словомъ не знаю вовсе о чемъ идетъ теперь дѣло. Если вы нѣсколько, смутились письмомъ моимъ, которое когда-то было писано вамъ, то это письмо писано не въ строку текущихъ дѣлъ; это письмо писано такъ, мимо; на него отвѣтъ вы мнѣ дадите года черезъ четыре. А извѣстія текущія должны идти своимъ чередомъ; а потому вы увѣдомите меня обо всемъ, что дѣлали и что слышали съ самаго того дни, какъ перестали ко мнѣ писать. И что Николай Филиповичъ, и что Каролина Карловна [1]), и что Ховрина и что Самаринъ и какіе эфекты производите вы въ чтеніяхъ, и что говорятъ вообще о чтеніяхъ Мих. Семеновича [2]). Все это, вы знаете, мнѣ интересно. Простите, что я васъ не благодарилъ до сихъ поръ за присылку вашихъ статей о „Мертвыхъ Душахъ.“ И та и другая имѣютъ свои достоинства. Писанная, какъ мнѣ кажется, должна принадлежать Самарину; но въ печатной, не погнѣвайтесь, видно много непростительной юности, и писанная кажется передъ нею написанною старикомъ, хотя въ ней и нѣтъ тѣхъ двухъ-трехъ истинно поэтическихъ мыслей, какъ въ вашей“.

„Прощайте. Обнимаю васъ.“

Въ припискѣ къ Константину, вѣроятно Гоголь говоритъ о прежнемъ своемъ письмѣ. Впрочемъ, можетъ быть, было и другое, какъ нибудь затерянное, содержаніе котораго я забылъ. Вмѣстѣ съ печатной брошюркой Константина была послана рукописная статья Ю. Самарина, вполнѣ заслуживающая отзывъ Гоголя.

Вотъ отвѣтъ Гоголя на письмо Ольги Семеновны отъ 22 Апрѣля.

„20 Іюня, Дюссельдорфъ“ (1843).

„Я получилъ отъ васъ, Ольга Семеновна, письмо, присланное мнѣ изъ Рима (отъ 22-го Апрѣля стараго стиля), на которое нахожу приличнымъ сей же часъ отвѣчать. Вы неправы въ томъ, что упрекаете себя за то, что предложили маменькѣ взять деньги, вырученныя за продажу „Мертвыхъ Душъ“ и разрушили, какъ вы говорите, деликатныя семейственныя отношенія. Во-первыхъ, вы не могли знать этихъ отношеній; во-вторыхъ, въ самомъ поступкѣ вашемъ ничего нѣтъ неблагоразумнаго и никакого худаго намѣренія. А все то, въ чемъ нѣтъ дурнаго намѣренія

---

[1]) Павловы.

[2]) Щепкинъ и, кажется, Садовской давали публичныя чтенія сочиненій Гоголя. Разумѣется, успѣхъ былъ; но не такой, какого можно было ожидать.

и что вмѣстѣ съ тѣмъ не противно здравому разсудку, данному намъ Богомъ, не есть уже грѣхъ. Если же оно предпринято еще къ тому съ добрымъ намѣреніемъ и желаніемъ истиннаго добра, то уже оно никогда не можетъ послужить худому. Богъ направитъ его всегда къ хорошему, хотя вовсе другимъ путемъ, чѣмъ мы думаемъ. Въ-третьихъ: въ отношеніи меня вамъ вовсе не слѣдуетъ руководствоваться ни въ какомъ случаѣ осторожностью оскорбить какія либо тонкія отношенія. Со мной нужно все спроста; и къ тому же, всѣ случаи въ жизни обращаются мнѣ въ пользу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было доселѣ, и такъ, я вѣрю, будетъ впередъ. Письмо ваше заставило маменьку написать ко мнѣ два такія письма, которыя заставили меня строго подумать о другой важнѣйшей помощи, которой онѣ всѣ въ правѣ ожидать отъ меня, и я написалъ, наконецъ, то письмо, которое бы мнѣ давно слѣдовало написать, но которое бы я не съумѣлъ никогда написать, не получивши прежде этихъ двухъ писемъ.... Правда, обдумыванье его у меня отняло много времени и я ничѣмъ не въ силахъ былъ заняться до тѣхъ поръ, пока не написалъ его; но я исполнилъ свой долгъ и покоенъ въ душѣ. И теперь васъ благодарю за то, за что вы себя упрекаете. А лучше всѣ поблагодаримъ Бога за все, что ни посылается намъ. Ибо все, что ни посылается намъ, посылается на вразумленіе и уясненіе очей нашихъ. Прощайте!"

Письмо это объясняется само собою; но сначала Гоголь самъ былъ недоволенъ, и потому Ольга Семеновна писала къ нему письмо, въ которомъ обвиняла себя за то, что вмѣшалась не въ свое дѣло. Что же касается до письма, писаннаго Гоголемъ къ матери или вообще къ своему семейству, то я его не знаю. Безъ сомнѣнія, оно было нравственно-поучительнаго содержанія. Очевидно, что мысль наставлять, поучать другихъ уже существовала въ головѣ Гоголя.

Далѣе онъ писалъ ко мнѣ изъ Бадена, отъ 24 Іюля 1843 года.

„Благодарю васъ за книги, которыя получилъ отъ князя Мещерскаго въ исправности. Вообще всѣ посылки доходятъ до меня исправно: Русскіе встрѣчаются между собой поминутно и имѣютъ всегда возможности препроводить и передать туда, гдѣ я. Мнѣ жаль, что вы не дали знать Шевыреву: онъ бы тоже прислалъ мнѣ свою рѣчь объ воспитаніи и взглядъ на Русскую словесность за прошлый годъ. Можетъ быть даже накопились и кое-какія критики и разборы моихъ сочиненій. Всего этого мнѣ бы очень хотѣлось. Какая, между прочимъ, я скотина: я написалъ къ вамъ, не размысливши объ одномъ пунктѣ письма, писаннаго Шевыревымъ отъ васъ всѣхъ. Еще недавно я прочелъ его вновь. Письмо это такъ прекрасно и такой исполнено дружбы, что я удивлялся не одинъ разъ, какъ гадокъ человѣкъ: ему достаточно увидѣть одно пят-

нышко, все прочее ему ни почемъ. Мнѣ просто показалось, будто до сихъ поръ еще не вѣрятъ душевному моему слову. Я вспомнилъ одно обстоятельство Погодина относительно меня, которое просто произошло отъ простоты его, а не отъ чего другого, и въ это время скользнула мнѣ въ письмѣ одна фраза, показавшаяся намекомъ на тоже. Но въ сторону объ этомъ. Оно послужитъ пусть урокомъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ предаваться первому впечатлѣнію, особенно если оно сколько нибудь не спокойно и если примѣшалась какая нибудь оскорбленная мелкая страстишка. Слухи, которые дошли до васъ о „Мертвыхъ Душъ“ все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ, и вѣрно нѣтъ такого человѣка, который бы сказалъ, что я читалъ что-либо вамъ неизвѣстное. Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, если бы что-нибудь было готово. Но увы, ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову. Дѣла, о которыхъ я писалъ вамъ и которыя просилъ васъ взять на себя, слишкомъ у меня отняли времени; ибо я все-таки не могъ вполнѣ отвязаться и долженъ былъ многое обработать оставшееся на мнѣ, отъ котораго иначе я не могъ никакъ избавиться. Вы уже сами могли чувствовать по той просьбѣ, по отчаянному выраженію той просьбы, какою было наполнено письмо мое къ вамъ, какъ много значило для меня въ тѣ минуты попеченіе о многомъ житейскомъ. Но такъ было вѣрно нужно, чтобъ время было употреблено на другое. Можетъ быть и болѣзненное мое расположеніе во всю зиму и мерзѣйшее время, которое стояло въ Римѣ во все время моего пребыванія тамъ, нарочно отдалили отъ меня трудъ для того, чтобъ я взглянулъ на дѣло свое съ дальшего разстоянія и почти чужими глазами. Но прощайте. Будьте здоровы. Пишите попрежнему въ Дюссельдорфъ poste restante. Я только на одну недѣлю въ Баденѣ. Жуковскій тоже не въ Дюссельдорфѣ, а въ Емсѣ на водахъ. Увѣдомьте, купили ли дачу? Мнѣ кажется, что вамъ поѣздка въ Оренбургскую губернію пригодилась бы лучше всего. Вашъ Гоголь“.

Какъ много говоритъ это письмо въ пользу Гоголя! Изъ предыдущаго письма ко мнѣ точно можно было замѣтить, что Гоголь былъ не совсѣмъ доволенъ письмомъ Шевырева, писавшаго отъ себя и отъ Погодина вмѣстѣ. Но онъ выразился такъ скромно, такъ кротко, какъ нельзя болѣе; и совсѣмъ тѣмъ онъ раскаялся и въ этихъ немногихъ словахъ, и въ чувствѣ негодованія противъ Погодина. Вѣроятно въ письмѣ къ Шевыреву Гоголь обвинялъ себя еще болѣе и выражалъ еще нѣжнѣе чувство своей благодарной дружбы.—Рѣшительно не знаю, какія житейскія дѣла могли отнимать у Гоголя время и могли мѣшать ему

писать *)? Мнѣ кажется эта помѣха была въ его воображеніи. Я думаю, что Гоголю начинало мѣшать его религіозное направленіе. Впрочемъ это слово не выражаетъ дѣло; это собственно не религіозное, а нравственно наставительное, такъ сказать, направленіе. Гоголь, погруженный безпрестанно въ нравственныя размышленія, начиналъ думать, что онъ можетъ и долженъ поучать другихъ и что поученія его будутъ полезнѣе его юмористическихъ сочиненій. Во всѣхъ его письмахъ тогдашняго времени, къ кому бы онѣ ни были писаны, уже начиналъ звучать этотъ противный мнѣ тонъ наставника. Въ это время сошелся онъ съ гр. А. П. Толстымъ, и я считаю это знакомство рѣшительно гибельнымъ для Гоголя. Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами, большею частью высшаго круга. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты, или поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю и назову только Віельгорскую, Сологубъ и Смирнову. Первыхъ двухъ конечно не должно смѣшивать съ послѣдней; но высокость нравственнаго ихъ достоинства можетъ быть была для Гоголя еще вреднѣе: ибо онъ долженъ былъ скорѣе имъ повѣрить, чѣмъ другимъ. Я не знаю, какъ сильна была его привязанность къ Сологубъ и Віельгорской; но Смирнову онъ любилъ съ увлеченіемъ, можетъ быть потому, что видѣлъ въ ней кающуюся Магдалину и считалъ себя спасителемъ ея души. По моему же простому человѣческому смыслу, Гоголь, не смотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашескій образъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящій умъ которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему одинъ разъ: „Послушайте, вы влюблены въ меня.....“ Гоголь осердился, убѣжалъ и три дня не ходилъ къ ней. Все это надѣлала продолжительная заграничная жизнь внѣ отечества, внѣ круга пріятелей и литераторовъ, людей свободнаго образа мыслей, чуждыхъ ханжества, богомольства и всякихъ мистическихъ суевѣрій. Впрочемъ я считаю, что ему также была очень вредна дружба съ Жуковскимъ, котораго безъ сомнѣнія погубила таже заграничная жизнь. Такъ по крайней мѣрѣ я думаю.

Вотъ еще коротенькое письмецо Гоголя:

«1843. Дюсельдорфъ. 30 Августа».

„Письмо ваше, и вмѣстѣ съ нимъ другія пріобщенныя къ нему, я получилъ. Книги получены также въ исправности, какъ черезъ князя Ме-

---

*) Книжными дѣлами завѣдывали Прокоповичъ и Шевыревъ; въ деньгахъ онъ былъ обезпеченъ, изъ дома его ничто не безпокоило.

щерскаго, такъ и черезъ Васнецова. Перешлите мнѣ, если найдете оказію Москвитянинъ за этотъ годъ: тамъ есть статьи меня интересующія очень. О благодарности за всѣ ваши ласки нечего и заикаться. Константина Сергѣевича благодарю также за письмо, хотя не мѣшало бы ему быть и подлиннѣе. Если увидите Шевырева, то напомните ему о присылкѣ мнѣ остальной тысячи за прошлый годъ. Да если можно вмѣстѣ съ тѣмъ и впередъ, что есть; ибо 1-го Октября, какъ вы знаете, срокъ и время высылки *). Душевно скорбѣлъ я о недугахъ Ольги Сергѣевны и мысленно помолился о ниспосланіи ей облегченія».

Прощайте, душевно васъ обнимаю всѣхъ. Адресъ по прежнему въ Дюссельдорфъ. Вашъ Гоголь».

Болѣе писемъ Гоголя къ намъ въ этомъ году не нашлось. Въ это время Погодинъ, бывшій жестоко раздраженъ противъ Гоголя и не писавшій къ нему ни строчки, вдругъ прислалъ мнѣ для пересылки маленькое письмецо, которое я вмѣстѣ съ своимъ и отослалъ къ Гоголю. Я считаю себя въ правѣ помѣстить его въ моихъ запискахъ, потому что оно было возвращено мнѣ Гоголемъ вмѣстѣ съ его отвѣтомъ Погодину.

«Москва 1843 г. Сент. 12».

„Наконецъ, нашелъ я въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобою, написать къ тебѣ письмо. Раны сердца моего зажили, или по крайней мѣрѣ затянулись.... Ну что каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда? Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ опять Марьенбадскую воду, а теперь на простой. Но зима была тяжелая: часто показывалась кровь изъ горла, и голова безпрестанно тяжела".

«Не случилось ли чего особеннаго въ душѣ у тебя около $^{3}/_{15}$ Сентября? Ты знаешь, что я немножко по Глинкиной части и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3 числа, я какъ будто примирился съ тобою; а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ треволненія! Когда ты затворилъ дверь, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ; все, что узнавалъ я послѣ— прибавило мнѣ еще больше муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ и высокихъ минутъ своихъ, отвратительнымъ существомъ"....

„Посѣтивъ мать твою въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала

*) Въ этомъ мѣстѣ диктованной рукописи собственноручная приписка Сергѣя Тимоѳеевича: „сказать тамъ, гдѣ говорится о деньгахъ, что Гоголь требовалъ ихъ и на слѣдующій годъ". *Изд.*

слишкомъ глубоко. Наконецъ я сталъ позабывать тебя, успокоивался.... и теперь все, какъ рукой снято. Ну слава Богу! Я готовъ опять и ругать и любить тебя".

„Твой Погодинъ".

На этомъ обрывается рукопись *Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ.* Но всѣ бумаги Сергѣя Тимоѳеевича, собранныя имъ для этого труда, сохранены въ цѣлости. Сюда относятся: 1) подлинныя письма его къ Гоголю и Гоголя къ нему по самый 1852 годъ; 2) выписки изъ дневника старшей дочери автора, Вѣры Сергѣевны, и выдержки изъ ея переписки съ М. Г. Карташевской; частью это уже было внесено авторомъ въ первоначальный разсказъ, а частью подготовлено для дальнѣйшаго; 3) выписки изъ постороннихъ писемъ, относящіеся до Гоголя и очевидно-же подготовленныя для внесенія въ текстъ *Исторіи моего знакомства*; 4) замѣтки и черновые наброски, частью продиктованные и лишь переправленные, а частью писанные отъ начала до конца собственноручно Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ—очевидно назначавшіеся сюда-же; 5) переписка Сергѣя Тимоѳеевича и родственниковъ по поводу кончины Гоголя, и печатныя некрологическія статьи. Наконецъ 6), наброски изъ задуманнаго сочиненія (изъ *Исторіи моего знакомства*), предварительно сдѣланные самимъ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ для г. Кулиша, когда онъ приступалъ еще въ 50-хъ годахъ къ «Опыту біографіи Гоголя». Эти напечатанные г. Кулишемъ отрывки, не представляющіе важности, по скольку относятся къ промежутку времени до 1843 года (такъ какъ это самое время въ полной и цѣльной картинѣ изображено авторомъ въ сохранившейся посмертной рукописи), весьма важны относительно остальныхъ годовъ до самой кончины Гоголя.—Пользуясь исчисленнымъ матерьяломъ, издатель въ томъ и полагалъ свою главную задачу, чтобы, ничего не добавляя отъ себя, вести дальнѣйшій разсказъ собственными словами Сергѣя Тимоѳеевича или, по крайней мѣрѣ, подлиннымъ текстомъ подготовленнаго имъ самимъ матерьяла. Печатаемъ, необходимыя для связности рѣчи, краткія добавленія, особымъ разгонистымъ шрифтомъ; а остальный текстъ тѣмъ-же самымъ, какъ и первую половину *Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ. изд.*

Въ доказательство раздраженія между Гоголемъ и Погодинымъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ прибавилъ:

Прилагаю письмо Погодина *ко мнѣ*, изъ котораго видно, что я противился помѣщенію въ „Москвитянинѣ" добавочныхъ сценъ къ „Ревизору". Это письмо вполнѣ объясняетъ образъ дѣйствій Погодина съ Гоголемъ:

„Вы не совѣтуете! Т. е. Гоголь разсердится!! Да помилуйте, Сергѣй Тимоѳеичъ, что̀ я въ самомъ дѣлѣ за козелъ искупленія? Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай, бѣгай и дѣлай, и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя. Да еслибъ я изрѣзалъ въ куски „Ревизора" и разсовалъ его по угламъ своего журнала, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня; тѣмъ болѣе, что „Ревизоръ" есть уже произведеніе акредитованное, а не новое, которому ни вредить, ни помогать нельзя. А я, наоборотъ, думаю сдѣлать подспорье своему же (т. е. „Ревизора") изданію: вотъ-де какія большія исправленія

и вставки. Впрочемъ, повторяю, я думаю такъ. Сыщите средство лучше. Я оставлю свое, вамъ прекословить не буду и буду содѣйствовать. Дѣло въ томъ, что надо посылать ему деньги.—Если средства вы не находите, то согласитесь на мое; но прямо, ясно, или скажите мнѣ, что находите въ немъ несогласнаго съ пользою автора? Я готовъ оставить его; но тогда вопросъ: что̀ же намъ дѣлать? Посылать деньги? Откуда? Печатать? На какія деньги? И дожидаться годъ, а онъ безъ гроша. Теперь я расчитываю войдти въ сдѣлку черезъ мѣсяцъ, какъ хозяинъ, съ книгопродавцами, или и прежде, и выручить деньги, слѣдовательно могу перехватить на мѣсяцъ. Напечатать я готовъ пожалуй для него и продавать отъ него; но въ такомъ случаѣ посылать теперь нечего, а ему нужно.— Избѣгая всего этого, я предлагаю самое вѣрное средство и жду вашего разрѣшенія".

Это письмо требуетъ объясненія. Дѣло состояло въ томъ, что Гоголь прислалъ „Ревизора" для напечатанья вторымъ изданіемъ, или для продажи его книгопродавцу. Мнѣ тогда было не до того, и я передалъ все Погодину. Онъ рѣшился самъ купить второе изданіе за 1,500 р. ассигн. и увѣдомилъ объ этомъ Гоголя; но особыя, добавочныя сцены „Ревизора" вздумалъ напечатать особо въ своемъ журналѣ. Я узналъ объ его намѣреніи и писалъ, что не совѣтую этого дѣлать. Прилагаемое письмо Погодина—отвѣтъ на мою записку. Я согласился на предложеніе Погодина, потому что, точно, денегъ-негдѣ было взять для печатанія, и что выручка отъ распродажи должна была затянуться. Тогда-то и послали мы (о чемъ уже было сказано) 6,000 рубл. на первый годъ, какъ просилъ Гоголь. Слова же Погодина, что *еслибъ онъ изрѣзалъ въ куски „Ревизора" и разсовалъ его по угламъ своего журнала, то Гоголь не имѣлъ бы права сердиться*, ясно показываютъ натуру Погодина, который, ссудивъ деньгами Гоголя, считалъ себя въ правѣ поступать съ его великимъ твореніемъ по собственному произволу.

Гоголь, возвративъ Сергѣю Тимоѳеевичу письмо Погодина, приложилъ и отъ себя слѣдующій отвѣтъ послѣднему:

„Между нами произошло непостижимое событіе: туже тяжесть, какую ты чувствовалъ отъ моего присутствія, я чувствовалъ отъ твоего. Какъ изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія, вырвался я изъ домика на Дѣвичьемъ Полѣ. Ты былъ мнѣ страшенъ. Мнѣ казалось, что въ тебя поселился духъ тьмы, отрицанія, смущенія, сомнѣнія, боязни. Самый видъ твой, озабоченный и мрачный, наводилъ уныніе на мою душу; я избѣгалъ по цѣлымъ недѣлямъ встрѣчи съ тобой. Когда я видѣлъ какъ съ помощію какой-то непостижимой силы закрутился между нами вдругъ какой-то посторонній вихрь, въ какомъ грубомъ буквальномъ смыслѣ принимался всякій мой поступокъ, какое топорное значеніе давалось

всякому моему слову—почти ужасъ овладѣвалъ моею душою. Я увѣренъ, что я тебѣ казался тоже одержимымъ нечистою силою: ибо то̀, что ты приписывалъ мнѣ въ уединенныя минуты размышленій (чего можетъ быть не сказывалъ никому), то̀ можно приписать только одному подлѣйшему лицемѣру, если не самому дьяволу. Надобно тебѣ сказать, что все это слышала душа моя. Нѣсколько разъ хотѣлъ я говорить съ тобой, чувствуя, что все дѣло можно объяснить такими простыми словами, что будетъ понятно ребенку. Но едва я начиналъ говорить, какъ эти объясненія вдругъ удерживались цѣлою кучею приходившихъ другихъ объясненій, объясненій душевныхъ; но и имъ мѣшало излиться находившее вдругъ негодованіе при одной мысли, противъ какихъ подлыхъ подозрѣній я долженъ оправдываться и предъ кѣмъ я долженъ оправдываться? Предъ тѣмъ человѣкомъ, который долженъ былъ повѣрить одному моему слову. Но и негодованіе смѣнялось въ туже минуту презрѣньемъ къ твоему характеру, который называлъ я внутренно бабьимъ, куринымъ и, сказавши нѣсколько безсвязныхъ словъ, которыя ты всѣ относилъ къ моей необыкновенной гордости—я бѣжалъ отъ тебя. А убѣжавши, утѣшалъ себя злобнымъ выраженіемъ: Пусть его путается! Душевному слову не повѣрилъ, пусть же повѣряетъ умомъ своимъ! Все это быстро смѣнялось одно за другимъ въ душѣ моей, и когда я подходилъ къ дверямъ своей комнаты, все это исчезало, и на мѣсто него оставался одинъ вопросъ: что это такое, что значитъ все это? Наконецъ, мало по малу я начиналъ прозрѣвать въ этомъ событіи справедливое себѣ наказаніе. Надобно сказать тебѣ, что, воспитываясь внутренно въ душѣ моей, я уже начиналъ пріобрѣтать о себѣ гордыя мысли. Мнѣ уже казалось, что я ничѣмъ не могу быть разсерженъ и выведенъ изъ себя. Я старался мысленно сжиться со всѣми возможными оскорбленіями, несчастіями, старался ихъ всѣхъ такъ сказать перечувствовать на своемъ тѣлѣ и уже чувствовалъ, что душа моя пріобрѣтаетъ крѣпость, что я могу снести то̀, чего не снесетъ иной человѣкъ. Словомъ, я ужъ чуть не почиталъ себя преуспѣвшимъ въ мудрости человѣкомъ. И вдругъ событіе это дало почувствовать мнѣ, что я еще ребенокъ и стою до сихъ поръ на низшихъ ступеняхъ пути своего. Противу дальнѣйшихъ случаевъ я приготовилъ въ душѣ отпоръ, а противъ близкихъ не приготовилъ. Всѣ несчастія я бы, можетъ быть, перенесъ, а не перенесъ *сомнѣнія обо мнѣ одного изъ близкихъ*. И въ душѣ моей проснулись тѣ враги, которыхъ я давно считалъ отступившими отъ меня. Мерзкій, подлый и гадкій гнѣвъ, котораго ничего нѣтъ подлѣе, который подлъ даже и тогда, когда вспыхнетъ отъ справедливыхъ причинъ! А у меня онъ былъ и несправедливъ: я разсердился на то, что ты схватилъ сгоряча топоромъ тамъ, гдѣ слѣдовало употребить инструменты помельче. Наконецъ, я сердился на себя

и за то, что не въ силахъ былъ перенести этого хладнокровно. Все это, натурально, я долженъ былъ таить въ душѣ, и могу сказать только то̀, что отъ меня никто не узналъ о томъ, что между нами происходили какія нибудь неудовольствія. Но когда вырвался я отъ тебя, у меня была одна и таже мысль: написать тебѣ подробно всю мою исповѣдь. Но тутъ увидѣлъ, что наши жизни такъ разны, такъ много слѣдовало выводить тебѣ объясненій для того, чтобъ познакомить тебя и ввести въ этотъ міръ. Всякое слово требовало объясненій на цѣлыхъ страницахъ, чтобъ не быть приняту въ другомъ смыслѣ.... Почти отчаяніе овладѣвало мною; я видѣлъ, что и конца не будетъ моей исповѣди, а между тѣмъ оставить ее я не могъ, потому что мысль о ней мѣшала всякому занятію.... Наконецъ, я попробовалъ написать тебѣ маленькое письмо, въ которомъ просилъ просто прощенія за всѣ оскорбленія, которыя я нанесъ тебѣ, складывая все на мой неровный характеръ, припомня, что ты иногда многое, чего не могъ понять во мнѣ, объяснялъ имъ. На это письмецо не было отвѣта,—и подѣломъ. Оно не было удовлетворительно. Если бы оно было удовлетворительно, то, по отправленіи его, въ душѣ моей настало бы спокойствіе; но мысль объ этомъ мучила меня еще цѣлый годъ. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ переѣздовъ изъ земли въ другую, я сталъ покойнѣе и почувствовалъ, что могу объяснить хладнокровно все дѣло на нѣсколькихъ страницахъ. Но получа твое нынѣшнее письмо, я отложилъ и эту мысль. Изъясненіе будетъ уже походить на оправданіе, а оправданіе есть уже что-то подлое. Оправдывая себя, уже обвиняешь другаго. Теперь же ты, какъ видно изъ письма твоего, хладнокровенъ и готовъ простить все. И такъ разбери самъ все это дѣло. Не безпокойся: раны твои не оживутъ при этой работѣ, если ты точно рѣшился простить. Тутъ-то и нужно представить живѣй всѣ нанесенныя намъ оскорбленія; а безъ того прощеніе ничего не значитъ, оно будетъ просто одно слабосильное забвеніе. Чтобы сдѣлать это благороднѣе, начни обвиненіемъ самого себя, хотя бы ты и былъ правъ. Я тебѣ помогу и скажу двѣ твои первоначальныя вины, отъ которыхъ произошли всѣ тѣ поступки, на которые ты глядѣлъ, какъ на самобытныя начала и выводилъ изъ нихъ отдѣльныя исторіи, тогда какъ они всѣ были звена одной и той же цѣпи. Вотъ эти вины: 1-я, Ты сказалъ *вѣрю*—и усумнился на другой же день, 2-я: Ты далъ клятву ничего не просить отъ меня и не требовать, но клятвы не сдержалъ: не только попросилъ и потребовалъ, но даже отрекся и отъ того, что давалъ мнѣ клятву. Отсюда произошло почти все. Но не пугайся: я больше твоего виноватъ, и ты увидишь, что я себя не пощажу, если начну обвинять. Но если ты начнешь обвиненіемъ себя, а не меня, тогда ты увидишь и свои и мои проступки. Припомни все. Я знаю, ты

способенъ забывать; но, къ счастью, я памятливъ и увѣренъ сильно въ томъ, что и добро и зло слѣдуетъ помнить вѣчно. Добро нужно помнить для того, что уже и одно воспоминаніе о немъ дѣлаетъ насъ лучшими. Зло нужно помнить для того, что съ самаго того дня, какъ оно намъ причинено, на насъ наложенъ неотразимый долгъ заплатить за него добромъ. Большихъ моихъ проступковъ ты не позабудешь; но всѣ малыя мои мерзости и оскорбленія, которыя я нанесъ тебѣ, совѣтую записать, чтобы я не напалъ на тебя врасплохъ и чтобъ тебѣ не отречься отъ многихъ твоихъ же словъ. Я вновь тебѣ повторяю, что помню все, даже уголъ и мѣсто комнаты, гдѣ было произнесено какое слово твое или мое. Когда я въ силахъ буду глядѣть на тебя, какъ на совершенно посторонняго, чужаго человѣка, у котораго не было со мной никакихъ связей и сношеній, и когда такимъ же самимъ образомъ взгляну и на себя, какъ на совершенно чужаго мнѣ человѣка, тогда я дамъ тебѣ на все изъясненіе. А между тѣмъ позволяю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Ты никогда не всматриваешься во внутренній смыслъ и значеніе происходящихъ событій. Всѣ событія, особеннно неожиданныя и чрезвычайныя, суть Божьи слова къ намъ. Ихъ нужно вопрошать до тѣхъ поръ, пока не допросишься: что̀ они значатъ, чего ими требуется отъ насъ? Безъ этого никогда не сдѣлаемся мы лучшими и совершеннѣе. Самое это затмѣніе, которое произошло между нами, такъ странно, что его нужно помнить во всю жизнь нашу. Я уже извлекъ изъ него много для себя, совѣтую и тебѣ сдѣлать тоже. Я знаю, что у тебя, за тысячью разныхъ хлопотъ и заботъ, дергающихъ тебя со всѣхъ сторонъ, нѣтъ времени переворачивать на всѣ стороны всякое событіе и оглядывать его со всѣхъ угловъ. Но нужно это дѣлать непремѣнно, хотя въ тѣ немногія минуты, когда душа слышитъ досугъ и способна хотя нѣсколько часовъ прожить жизнью, углубленною въ себя. Иначе умъ нашъ невольно привыкаетъ къ односторонности, схватываетъ только то, что̀ поворотилось къ нему, и потому безпрестанно ошибается. Не дурно также, хотя по поводу этого событія, руководствоваться какими нибудь данными положеніями относительно познанія людей.—Для этого есть, по моему мнѣнію, два способа. Тѣ, которые не получили отъ природы внутренняго чутья слышать людей, должны руководствоваться собственнымъ разумомъ, который данъ намъ именно на то, чтобы отличать добро отъ зла. Разумъ велитъ намъ судить о человѣкѣ прежде по его главнымъ качествамъ, а не по частнымъ: начинать съ головы, а не съ ногъ. Прежде слѣдуетъ взять все лучшее въ человѣкѣ, потомъ сообразить съ тѣмъ все замѣченное нами въ немъ дурное и сдѣлать такую посылку: возможны ли, при такихъ-то хорошихъ качествахъ, такія-то и такія мерзости? Которыя возможны, тѣ допустить; которыя же сколько-

нибудь противорѣчатъ возможности и спутываютъ насъ, тѣ нужно гнать. какъ вносящія одно смущеніе въ душу,—а смущеніе извѣстно откуда исходитъ къ намъ: оно исходитъ къ намъ прямо снизу. Отъ Бога свѣтъ, а не смущеніе. Да притомъ можно иногда и тò себѣ сказать: точно ли я увидѣлъ такъ, какъ слѣдуетъ, вещь? Зачѣмъ такая гордая увѣренность въ непреложности и безошибочности взгляда? Все же я человѣкъ, а не Богъ. Выгода этого способа та, что будешь, по крайней мѣрѣ, покойнѣе, если даже и не узнаешь совершенно человѣка, а сдѣлавшись покойнѣе, уже проложишь шагъ къ совершенному его узнанію. Если же къ неспокойству нашему да подоспѣетъ на помощь гнѣвъ, тогда и всякіе зрящіе глаза ослѣпнутъ. — Есть другой способъ узнавать людей, гораздо дѣйствительнѣйшій перваго; но для тебя, по множеству твоихъ заботъ и безпрестанному разсѣянію твоихъ мыслей, среди тысячи предметовъ, невозможный. Нужно прожить долгою, погруженною глубоко въ себя жизнію. Тамъ обрѣтешь всему разрѣшеніе. Свѣта никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свѣтъ нужно всмотрѣться только въ началѣ, чтобы пріобрѣсти заглавіе той матеріи, которую слѣдуетъ узнавать внутри души своей. Это подтвердятъ тебѣ многіе святые молчальники, которые говорятъ согласно, что, поживши такою жизнью, читаешь на лицѣ всякаго человѣка сокровенныя его мысли, хотя бы онъ и скрывалъ ихъ всячески. Нѣсколько я испыталъ даже это на себѣ, хотя жизнь мою можно назвать развѣ каррикатурой на такую жизнь. Но, вкусивши одну крупицу такой жизни, я уже вижу яснѣй; и глазъ и умъ мой прояснился болѣе (доказательствомъ тому то, что вижу въ себѣ болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, мои недостатки и нахожу ихъ скорѣе, чѣмъ прежде), и нѣсколько разъ мнѣ случалось читать на твоемъ лицѣ то, чтò ты обо мнѣ думалъ. Еще есть одинъ способъ, которымъ я руководствуюсь, еслибы оба предыдущіе не все объяснили мнѣ. Если человѣкъ, хотя бы онъ былъ послѣдній разбойникъ, но если этотъ человѣкъ, не плакавшій ни предъ кѣмъ, никому не показавшій никогда слезъ своихъ, заплакалъ предо мною и во имя этихъ душевныхъ слезъ потребовалъ вѣры къ себѣ,—тогда все кончено: я ни глазамъ своимъ, ни уму своему, ни чувствамъ своимъ не повѣрю; а повѣрю всѣмъ словамъ его, произнесеннымъ во имя этихъ слезъ! Но почему я такъ поступлю, этого я не обязанъ говорить, да и никого не склоняю слѣдовать этому примѣру, зная, что трудно отличить душевныя слезы отъ иныхъ слезъ. Но оставимъ всѣ способы. А пока, если ты захочешь получше повѣрить и себя и меня, я тебѣ совѣтую сдѣлать вотъ чтò. У тебя будетъ одно такое время, въ которое ты будешь имѣть возможность прожить созерцательною и погруженною въ самого себя жизнью, именно во время говѣнія. Продли это время, если можно, подолѣе обыкновеннаго, и займись въ это время

чтеніемъ обѣихъ тѣхъ книгъ, которыя относятся къ душѣ нашей и обнаруживаютъ ея глубокія тайны. Къ счастію человѣчества такія книги существуютъ, и было много передовыхъ людей, проживших такою жизнью, которая донынѣ еще загадка. Книги эти настроютъ тебя къ углубленію въ себя, да и что̀ говорить объ этомъ! Въ такое время самъ Богъ помогаетъ человѣку много и просвѣщаетъ его мысленные взоры.— Скажу еще о послѣднихъ словахъ твоего письма. Ты говоришь, что готовъ *снова ругать и любить меня.* За первое благодарю тебя душевно, потому что въ этомъ теперь болѣе, нежели когда либо, слышу надобность; а на второе скажу вотъ что̀: любить мы должны всегда. И чѣмъ болѣе въ человѣкѣ дурныхъ сторонъ и всякихъ мерзостей, тѣмъ, можетъ быть, еще болѣе мы должны любить. Потому что, если среди множества дурныхъ его качествъ, находится хотя одно хорошее, тогда за это одно хорошее качество можно ухватиться, какъ за доску и спасти всего человѣка отъ потопленія. Но это можно сдѣлать только одною любовью, любовью очищенною отъ всего пристрастнаго: ибо если подлое чувство гнѣва хотя на время взнесется надъ этою любовью, то такая любовь уже безсильна и ничего не сдѣлаетъ. Итакъ не будемъ ничего обѣщать другъ другу, а постараемся безмолвно исполнить все, что̀ слѣдуетъ намъ исполнить относительно другъ друга, руководствуясь одною любовью по Богѣ, принимая ее, какъ наложенный на насъ законъ. Отвѣта и наградъ будемъ ожидать отъ Бога, а не отъ себя, такъ что, еслибы кто-нибудь изъ насъ былъ неблагодаренъ, мы не должны даже и замѣчать этого. Богъ не бываетъ неблагодаренъ! На такихъ положеніяхъ заключенная любовь или дружба неизмѣнна, вѣчна и не подвержена колебаніямъ. А если мы заключимъ нашу дружбу вслѣдствіе какихъ либо побужденій нашихъ собственныхъ, хотя бы очень чистыхъ, да вздумаемъ начертывать другъ для друга законъ ея дѣйствій относительно насъ, или же требовать какого либо возмездія за нашу дружбу—то узы такія будутъ гнилыя нитки: чортъ завтра же посмѣется надъ такою дружбою и напуститъ такого туману въ глаза, что не только другаго, но даже и самого себя не разберешь.... Все это разсуди и взвѣсь хорошенько. Письмо мое писано въ минуту непричастную волненію; стало быть и прочесть ты его долженъ въ минуту разсудительную и покойную. Въ чемъ я ошибаюсь, то укажи. Затѣмъ обнимаю тебя душевно. Твой Гоголь".

С. Т. Аксаковъ этого письма не отдалъ Погодину, о чемъ и слѣдуетъ отрывокъ его письма къ Гоголю:

«1843 г. $\frac{\text{Ноябрь.}}{\text{Декабрь.}}$»

„Я получилъ письмецо ваше, милый другъ Николай Васильевичъ, изъ Дюссельдорфа отъ 2 Ноября съ приложеніемъ письма Погодину

По порученію вашему, мы съ Шевыревымъ прочли его одинъ разъ вмѣстѣ, да предварительно каждый изъ насъ прочелъ его по нѣскольку разъ. На общемъ совѣтѣ мы положили: „не отдавать письма Погодину до полученія отъ васъ отвѣта“. Причины тому слѣдующія: 1) Погодинъ нездоровъ и особенно разстроенъ о чемъ-то духовно. 2) Намъ кажется, что это письмо не успокоитъ его, а раздражитъ, слѣдственно не достигнетъ цѣли, которую вы безъ сомнѣнія имѣете: внесть тишину и спокойствіе въ его душу. 3) Письмо ваше, какъ намъ кажется, слишкомъ жестоко его поразитъ въ настоящее больное мѣсто; а сами вы обвиняете себя въ общихъ выраженіяхъ, идущихъ къ каждому человѣку: такія обвиненія нисколько не облегчаютъ вины Погодина ни въ его собственныхъ глазахъ, ни въ нашихъ. Это тяжело. Разумѣется, послѣ письма Погодина вы имѣете полное право отвѣчать ему такимъ же письмомъ; но здѣсь дѣло идетъ не о томъ, кто правъ. Вотъ наше мнѣніе; мы рѣшились откровенно высказать его вамъ. Вѣроятно Шевыревъ напишетъ большое письмо и полнѣе изложитъ вамъ все, что̀ мы съ нимъ говорили. Я хотѣлъ сдѣлать тоже; но вѣроятно не сдѣлаю, потому что весьма разстроенъ: больной нашъ сильно насъ безпокоитъ. Вы отгадали и должны были отгадать мои отношенія съ Погодинымъ. По моей, еще не остывшей горячности и живости, я много разъ на него сердился. Къ несчастію, будучи слабымъ христіаниномъ, я не могъ путемъ кротости и смиренія и любви немедленно обезоруживать свой гнѣвъ, который вы справедливо браните; но время, разсудокъ и доброе сердце успокоивали меня и заставляли одуматься. Извѣстная истина, всегда мною исповѣдуемая, что „надобно понимать человѣка каковъ онъ есть и не требовать отъ натуры его (разумѣется, если въ ней много добраго), чего въ ней нѣтъ“, вступала въ свои права и усмиряла волненіе души моей; но скажу по совѣсти: между нами не можетъ быть истинной дружбы. Можно найдти причину его дѣйствій, извинить, оправдать ихъ; можно уважать, даже любить этого человѣка; но дружба требуетъ непремѣнно одинаковости вѣрованій въ нѣкоторые предметы, одинаковости мнѣній о человѣческомъ достоинствѣ. Не желая ничего скрыть въ глубинѣ сердца, я скажу вамъ, что не признаю истинной дружбы и между вами. Этимъ объясняется все. Нѣтъ и не можетъ быть между вами полной вѣры, безъ которой нѣтъ истинной дружбы. Притомъ-же у васъ есть въ характерѣ— не то что неискренность, не то что неоткровенность (все это неточныя выраженія), а какое-то недоговариваніе такихъ вещей, которыя необходимо должны быть извѣстны друзьямъ и о которыхъ они нерѣдко узнаютъ стороною. Это ваша особенность, но ею оскорбляются, и сомнѣніе сейчасъ возникаетъ!... Скажите, ради Бога, можетъ ли вполнѣ понять васъ человѣкъ, который, по собственнымъ словамъ вашимъ, „живетъ съ

вами въ разныхъ мiрахъ?“ Этою послѣднею мыслью я всегда объяснялъ Погодину то, чего онъ безпрестанно въ васъ не понималъ; наконецъ, онъ пересталъ и говорить со мною. Вѣроятно и я не понимаю васъ вполнѣ; но я, по крайней мѣрѣ, понимаю, что нельзя высокую, творческую натуру художника мѣрить аршиномъ нашихъ полицейскихъ общественныхъ уставовъ, житейскихъ разсчетовъ и мелочныхъ требованiй самолюбiя. Мы оба съ Погодинымъ недурные люди: но я считаю то̀ святотатствомъ, что̀ Погодинъ считаетъ дѣломъ не только дозволеннымъ, но даже должнымъ. Онъ всегда готовъ на доброе дѣло»..... На этомъ оканчивается сохранившiйся отрывокъ этого письма.

1844 года, въ Февралѣ полученъ на это отвѣтъ Гоголя:

«Ницца $\frac{\text{Февраль 10.}}{\text{Январь 30.}}$

„Я очень поздно отвѣчаю на письмо ваше, милый другъ мой. Причиной этого было отчасти физическое болѣзненное расположенiе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положенiи, съ которымъ я боролся безпрестанно, желая побѣдить его, и которое отнимало у меня даже охоту и силу писать письма. Меня успокоивала съ этой стороны увѣренность, что друзья мои, т. е. тѣ, которые вѣрятъ душѣ моей, не припишутъ моего молчанiя забвенiю о нихъ. Ваше милое письмо читалъ я нѣсколько разъ: оно мнѣ было также прiятно, какъ прiятны всѣ ваши письма. Все, что̀ ни разсудили вы на счетъ письма моего къ Погодину, я нахожу совершенно благоразумнымъ и справедливымъ, также какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ къ оному относящемуся. Одно мнѣ только было грустно читать: это то, что ваше собственное душевное расположенiе неспокойно и тревожно. Я придумывалъ всѣ средства, какiя могли только внушить мнѣ небольшое познанiе и нѣкоторые внутреннiе, душевные опыты..... И, благословясь, рѣшился послать вамъ одно средство противъ душевныхъ тревогъ, которое мнѣ помогаетъ сильно. Шевыревъ вручитъ вамъ его въ видѣ подарка на новый годъ; хотя онъ уже давно наступилъ. но я желалъ бы, чтобы для всѣхъ друзей моихъ наступилъ, новый душевный годъ, прекраснѣйшiй и лучшiй всѣхъ прежнихъ годовъ, и чтобы это обстоятельство способствовало именно къ тому. Прощайте, безцѣнный другъ мой. Обнимаю васъ и все ваше милое семейство. Всегда вашъ Гоголь».

«Письмо адресуйте во Франкфуртъ на имя Жуковскаго. Изъ Ниццы я выѣзжаю черезъ недѣлю отъ сего числа“.

Сергѣя Тимоѳеевича это письмо ввело въ странное заблужденiе: выраженiя относительно *средства отъ душевныхъ тревогъ, посылаемаго въ видѣ подарка*, навели на мысль, что

посылается *второй томъ Мертвыхъ Душъ*. Впослѣдствіи онъ на собственноручной копіи съ этого письма надписалъ: „Конечно мнѣ теперь самому смѣшно: какъ я могъ убѣдить себя, что дѣло идетъ о Мертвыхъ Душахъ! Но мое ослѣпленіе раздѣляли всѣ наши".

Заблужденіе разсѣялъ С. П. Шевыревъ. Гоголь ему писалъ тогда же:

«Мнѣ кажется, судя по письмамъ, какъ твоимъ, такъ и прочимъ, что вы всѣ, то есть, и ты, и Погодинъ, и Аксаковъ, терпите часто душевныя безпокойства и тревоги. Онѣ могутъ быть отъ разныхъ причинъ, но могутъ быть приведены всѣ къ одному знаменателю. Я посылаю вамъ одно средство, уже мною испытанное, которое, вѣрно, вамъ поможетъ уходить чаще въ себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ противиться всѣмъ душевнымъ безпокойствамъ. При письмѣ этомъ я прилагаю письмо ко всѣмъ вамъ. Ты прочитай его теперь же (прежде одинъ) и купи немедленно во Французской лавкѣ четыре миніатюрные экземплярика «Подражанія Христу», для тебя, Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова. Ни книжекъ не отдавай безъ письма, ни письма безъ книжекъ; ибо въ письмѣ заключается рецептъ употребленія самого средства, и притомъ мнѣ хочется, чтобъ это было какъ-бы въ видѣ подарка вамъ на новый годъ, исшедшаго изъ собственныхъ рукъ моихъ. Прислать вамъ сюда книги нѣтъ средствъ. Въ концѣ письма ты увидишь лаконическія надписочки, которыя разрѣжь ножницами и наклей на всякомъ экземплярикѣ. Подарокъ этотъ сопровожденъ сильнымъ душевнымъ желаньемъ оказать вамъ братскую помощь, и потому Богъ, вѣрно, направитъ его вамъ въ пользу".

Шевыревъ передалъ Сергѣю Тимоѳеевичу и письмо Гоголя:

«Генварь. 1844. Ницца».

„Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, друзья мои, и отъ всего сердца желаю вамъ спокойствія душевнаго, то есть лучшаго, чего мы должны желать другъ другу. Мнѣ чувствуется, что вы часто бываете не спокойны духомъ. Есть какая-то повсюдная нервически-душевная тьма: она долженствуетъ быть потомъ еще сильнѣе. Въ такихъ случаяхъ нужна братская взаимная помощь. Я посылаю вамъ совѣтъ: не пренебрегите имъ. Онъ исшелъ прямо изъ душевнаго опыта, испытанъ и сопровожденъ сильнымъ къ вамъ участіемъ. Отдайте одинъ часъ вашего дня на заботу о себѣ; проживите этотъ часъ внутреннею, сосредоточенною жизнію. На такое состояніе можетъ навести васъ душевная книга. Я посылаю вамъ «Подражаніе Христу», не потому, чтобъ не было ничего выше и лучше ея, но потому что на то употребленіе, на которое я вамъ назначу ее, не знаю другой книги, которая была бы лучше ея. Читайте всякій день по одной главѣ, не больше. Если даже глава велика—раздѣлите ее на двое. По прочтеніи предайтесь размышленію о прочитанномъ. Переворотите на всѣ стороны прочитанное съ тѣмъ, чтобы наконецъ добраться и увидѣть, какъ именно оно можетъ быть примѣнено къ вамъ, именно въ томъ кругу, среди котораго вы обращаетесь, въ

тѣхъ именно обстоятельствахъ, среди которыхъ вы находитесь. Отдалите отъ себя мысль, что многое тутъ находящееся относится къ монашеской или иной жизни. Если вамъ такъ покажется, то значитъ, вы еще далеки отъ настоящаго смысла и видите только буквы. Старайтесь проникнуть, какъ можетъ все это быть примѣнено именно къ жизни среди свѣтскаго шума и всѣхъ тревогъ. Изберите для этого душевнаго занятія часъ свободный и неутружденный, который бы служилъ началомъ вашего дня. Всего лучше немедленно послѣ чаю или кофію, чтобы и самый апетитъ не отвлекалъ васъ. Не перемѣняйте и не отдавайте этого часа ни на что другое. Если даже вы и не увидите скоро отъ этого пользы, если чрезъ это остальная часть дня вашего и не сдѣлается покойнѣе и лучше, не останавливайтесь и идите. Всего можно добиться и достигнуть, если мы неотлучно и съ возрастающей силою будемъ посылать изъ груди нашей постоянное къ тому стремленіе. Богъ вамъ въ помощь. Прощайте. Вашъ Гоголь".

Сергѣй Тимоѳеевичъ почти два мѣсяца не отвѣчалъ Гоголю и писалъ о томъ сыну (Ивану Сергѣевичу): „На сихъ дняхъ получено еще письмо отъ Гоголя къ намъ троимъ: къ Шевыреву, Погодину и мнѣ. Вѣрочка списываетъ его для тебя. Я видѣлся еще съ Языковымъ и получилъ отъ него два письма Гоголя къ нему, которыя глубоко проникли въ мою душу. Я совершенно растерялся; рѣшительно не знаю, что̀ писать къ нему?.... Письма, прежде написанныя, я не имѣю духа послать къ нему». (Письмо въ Астрахань отъ 31 Марта 1844 года).

Наконецъ, послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Сергѣя Тимоѳеевича:

«1844. Апрѣля 17. Москва».

„Другой мѣсяцъ или почти два, какъ я нахожусь въ безпрестанномъ волненіи; всякій день сбирался писать къ вамъ, милый другъ Николай Васильевичъ; нѣсколько разъ начиналъ и не могъ кончить.... въ такомъ безпрестанномъ противорѣчіи находился и теперь нахожусь я самъ съ собою. Говорятъ, что въ каждомъ человѣкѣ находится два человѣка; не знаю, правда ли это, но во мнѣ — рѣшительно два; одинъ изъ нихъ сидитъ на другомъ верхомъ, совсѣмъ задавилъ его, но тотъ еще не умеръ».

«Письмо ваше отъ 10-го Февраля (30-го Января стараго стиля) изъ Ниццы ввело меня въ странное заблужденіе, изъ котораго выдти было мнѣ не только досадно, но и прискорбно. Представьте себѣ, что нѣкоторыя выраженія въ вашемъ письмѣ относительно *„средства отъ душевныхъ тревогъ, посылаемаго въ видѣ подарка"*... и пр. навели глупую мою голову на мысль, что вы посылаете намъ *второй томъ „Мертвыхъ Душъ"*, обѣщанный черезъ два года».

Все то, что̀ въ письмѣ вашемъ, при чтеніи его теперь, разрушаетъ очарованіе, истолковано мною было тогда въ пользу моего страстнаго

желанія. Ошибку мою раздѣляли со мной и мои домашніе. На другой день скачу къ Шевыреву и не застаю его; наконецъ въ другой разъ нахожу его дома.... Съ первыхъ словъ разбилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ мой кумиръ. Я былъ огорченъ до глубины души, даже разсерженъ. Я думалъ помолиться, наслаждаясь созданіемъ искусства и вдругъ...... Другъ мой, ни на одну минуту я не усумнился въ искренности вашего убѣжденія и желанія добра друзьямъ своимъ; но, признаюсь, недоволенъ я этимъ убѣжденіемъ, особенно формами, въ которомъ оно проявляется. Я даже боюсь его. Мнѣ 53 года. Я тогда читалъ Ѳому Кемпійскаго, когда вы еще не родились. Я хорошо понимаю, что это не мѣшаетъ вамъ видѣть то, чего я не видѣлъ; но я тогда также былъ молодымъ человѣкомъ, съ живымъ чувствомъ, съ свѣжею, ясно понимающею головою и сильнымъ стремленіемъ въ міръ духовный. Я много перемыслилъ, перечувствовалъ, принималъ, отвергалъ, сомнѣвался и, по прошествіи немалаго времени, переболѣвъ душею и духомъ, наконецъ далъ себѣ отвѣты на многіе вопросы; отвѣты, можетъ быть не полные, неудовлетворительные, но такіе, по крайней мѣрѣ, которые возстановили тишину и спокойствіе въ возмущенной душѣ моей и я—сдалъ это дѣло въ архивъ. Я не порицаю никакихъ, ничьихъ убѣжденій, лишь были бы они искренни; но уже конечно ничьихъ и не приму... И вдругъ вы меня сажаете, какъ мальчика, за чтеніе Ѳомы Кемпійскаго, нисколько не знавъ моихъ убѣжденій, да какъ еще? въ узаконенное время, послѣ кофею, и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на уроки. . . . И смѣшно, и досадно. . . . И въ прежнихъ вашихъ письмахъ нѣкоторыя слова наводили на меня сомнѣнія. Я боюсь, какъ огня, мистицизма; а мнѣ кажется онъ какъ-то проглядываетъ у васъ... Терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожаго на вѣру въ талисманы. . . . Вы ходите по лезвію ножа! Дрожу, чтобъ не пострадалъ художникъ!. . . . Чтобы творческая сила чувства не охладѣла отъ умственнаго напряженія отшельника.—Это вполнѣ искреннія слова сидящаго верхомъ человѣка. Таковъ я всегда; но вотъ вамъ я, какимъ бываю уже рѣдко. Въ одну изъ такихъ минутъ я записалъ для васъ свои собственныя мысли и чувства".

„Вижу, какъ жалки и ничтожны всѣ мои выраженія, не имѣющія даже достоинства искренности. Нѣтъ, я не рожденъ ни слѣпымъ, ни глухимъ. Я лгу, говоря, что не понимаю высокой стороны такого направленія. Я понималъ его всегда, особенно въ молодости; но оно только скользило по моей душѣ. Лѣнь, слабость воли, легкомысліе, живость и непостоянство характера, разнообразныя страстишки заставляли меня зажмуривать глаза и бѣжать прочь отъ ослѣпительнаго блеска, всегда лежащаго въ глубинѣ духа мыслящаго человѣка. Вы соединяете это стремленіе съ теплою вѣрою; но и другимъ путемъ можно стремиться

къ той же цѣли. Разумѣется, такъ гораздо легче: *„Не вѣрю тому, чего не знаю, и не размышляю о томъ, чего не понимаю"*. Это даже и хорошо, если искренно. Но у меня это была ложь. Я надувалъ самъ себя, чтобъ жить, спустя рукава. Я добровольно кидался въ толпу непризванныхъ, я наклепывалъ на себя ихъ пошлость и такимъ образомъ отдѣлывался отъ трудныхъ подвиговъ разумной жизни. Я уже думалъ прожить такъ цѣлый вѣкъ; но нашелся человѣкъ, близкій моему сердцу самъ по себѣ и драгоцѣнный мнѣ, какъ великій художникъ. Онъ сталъ передо мною, лицемъ къ лицу, поднялъ со дна души заброшенныя мысли и говоритъ: *„Пойдемъ вмѣстѣ! Я вотъ что̀ дѣлаю съ собой. Помоги мнѣ, а я потомъ помогу тебѣ"*. Хотѣлъ было поступить по-русски: *„знать не знаю и вѣдать не вѣдаю"*... Но стало стыдно; не долго звенятъ во мнѣ слишкомъ долго небранныя струны. Я радъ тому: ихъ сотрясеніе болѣзненно. Около нихъ нѣтъ простора. Онѣ заплыли всякой дрянью, которая вошла въ составъ моего организма.... Мнѣ больно когда ее трогаютъ".

„Вотъ вамъ, милый другъ, истинное состояніе моей души. О томъ уже поздно. Оставимъ это дѣло навсегда. Прилагаю вамъ два письма. Одно изъ нихъ огорчитъ васъ сильно, но съ горячею вѣрою близко утѣшеніе. Наша больная все въ томъ же страдательномъ положеніи. Обнимаю васъ очень крѣпко. Мы сошлись съ Языковымъ. Всѣ мои васъ обнимаютъ. Вашъ другъ С. Аксаковъ".

На это горячее письмо, вылившееся изъ глубины души, Гоголь далъ слѣдующій отвѣтъ Сергѣю Тимоѳеевичу:

„Франкфуртъ. 16 Мая 1844 г."

«Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцѣловалъ, а потомъ засмѣялся. Въ письмѣ вашемъ слышно, что вы боитесь, чтобъ я не сѣлъ на васъ верхомъ и упираетесь, какъ Ѳедоръ Никол. Глинка, когда къ нему подходятъ, чтобы обнять его. Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную. Вы сдѣлали много такого добра и такихъ услугъ (что̀ и мнѣ отчасти извѣстно), которыя сто̀ятъ многихъ копѣекъ, разбросанныхъ нищимъ, и будутъ оцѣнены справедливо; ваша жизнь ни въ чемъ не противуположна христіанской. Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать—въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, что̀

ни исходитъ отъ васъ. Итакъ, глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ, если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе вамъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хоть бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что онѣ у насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ. Безъ нихъ не было бы у васъ и этого прекраснаго смиренія, которое составляетъ первую красоту души“.

„Итакъ, ваше волненіе есть просто дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ – точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ и раскричится. Стòитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ-то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что̀. Пословицъ не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: *Хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти*. Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя-ли какъ-нибудь привести въ уныніе; шепчетъ: „Смотри, какъ у тебя много мерзости, – пробуждайся!“ когда не зачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а просто не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе—это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся словомъ, не вѣрующій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало просто, не глядя на него, выполнить буквально предписаніе, руководствуясь только тѣмъ, что дареному коню въ зубы не глядятъ. Вы бы, можетъ быть, нашли тамъ только подтвержденіе тому, чему вы вѣруете и что̀ въ васъ есть, и тогда установилось бы все яснѣе и утвердительнѣе на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгій порядокъ въ самую душу“.

„О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнія произошли отъ того, что я слишкомъ рано вздумалъ было говорить о томъ, что̀ слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами, въ чемъ сильно раскаяваюсь даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое, и

если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ", шелъ далѣе своею дорогою; и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собою. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго, мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути, и стало быть, чрезъ то сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многія вещи и называю ихъ прямо по имени, то-есть, чорта называю прямо чертомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ, а знаю, что онъ ходитъ во фракѣ изъ гнилья и что на его гордость стоитъ наплевать, вотъ и все".

„Спросите у Языкова, послалъ ли онъ книги мнѣ и съ кѣмъ именно? Я еще не получилъ; а между тѣмъ, онъ мнѣ обѣщалъ слѣдующія: 1) Добротолюбіе, 2) Лѣтописи, 3) Иннокентія и 4) Сочиненія Св. Отцевъ. Теперь, безъ сомнѣнія, удобно послать, потому что изъ Москвы весной подымется много за границу. Да попрошу васъ, если нельзя прислать „Москвитянина", всего за прошлый 1843, то хотя критики Шевырева; а Михаилу Семеновичу скажите, что онъ *надуватель,* а дѣткамъ его скажите, что *яблоко отъ яблони недалеко падаетъ*. Онъ самъ вызвался доставить мнѣ критики Сенковскаго и невинныя замѣчанія, напечатанныя въ «Сынѣ Отечества». Времени было довольно, а случая и оказіи для пересылки не нужно; потому что, писавши на тонкой бумагѣ, можно было легко послать во всякое время, раздѣливъ на два или на три письма, какъ я сдѣлалъ съ моими статьями, гораздо побольшими, которыя ему же пригодились въ бенефисъ. Онъ меня привелъ въ непріятное и затруднительное положеніе: писать къ Сенковскому и просить его о присылкѣ статей; потому что во многихъ вещахъ на близкихъ людей никакъ нельзя полагаться и лучше писать къ первому незнакомому лицу. Незнакомому человѣку бываетъ иногда совѣстно показать себя въ первый разъ ненадежнымъ человѣкомъ, а пріятелямъ никогда не бываетъ совѣстно пустить дѣло въ затяжку".

„Прилагаемое письмо прошу васъ доставить Над. Ник. (Шереметьевой), Въ немъ содержится объясненіе на счетъ одного слуха, распущеннаго обо мнѣ въ Москвѣ".

„Объясненія объ этомъ предметѣ я-бъ не сдѣлалъ никому, потому что лѣнивъ на подобныя вещи; но такъ какъ она прямо и безхитростно сдѣлала мнѣ запросъ, то мнѣ показалось совѣстно не дать ей отвѣта. А съ вами о семъ тратить словъ не слѣдуетъ. Вы *человѣкъ—не баба. Человѣкъ—не баба* вѣритъ болѣе самому *человѣку*, чѣмъ *слуху о человѣкѣ;* а *человѣкъ—баба* вѣритъ болѣе слуху о человѣкѣ, чѣмъ самому человѣку. Впрочемъ вы не загордитесь тѣмъ, что вы *человѣкъ—не баба.* Тутъ вашей заслуги никакой нѣтъ, нижè пріобрѣтенія: такъ Богъ ве-

лѣлъ, чтобы вы были *человѣкъ—не баба*. Не унижайте также *человѣка-бабу*, потому что *человѣкъ-баба* можетъ быть кромѣ этого свойства даже совершеннѣйшимъ человѣкомъ и имѣть много такихъ свойствъ, которыхъ не удастся пріобрѣсти *человѣку—не бабѣ*. Другъ нашъ, Погодинъ, есть *человѣкъ-баба;* не потому, чтобы онъ велъ не такую жизнь, какъ слѣдуетъ, или не имѣлъ твердости или характера, но потому, что иногда вдругъ понесетъ отъ него бабьей юбкой. Это можно даже довесть до свѣдѣнія его, потому что между нами должно быть отнынѣ все просто и откровенно. Михаилъ Семеновичъ, напримѣръ: онъ не *баба*, но онъ оказался человѣкъ гнильце по поводу упомянутаго ниже дѣла. Константинъ Сергѣевичъ, напримѣръ..., но объ этихъ господахъ не слѣдуетъ говорить: они совершенно въ *руцѣ будущаго*. Въ Русской природѣ то, по крайней мѣрѣ, хорошо, что если Нѣмецъ, напримѣръ, *человѣкъ-баба*, то онъ останется *человѣкъ-баба* навѣки вѣковъ. Но Русскій человѣкъ можетъ иногда вдругъ превратиться въ *человѣка—не бабу*. Выходитъ онъ изъ бабства тогда, когда торжественно, въ виду всѣхъ, скажетъ, что онъ ничего больше, какъ *баба*, и симъ только поступаетъ въ рыцарство, скидаетъ съ себя при всѣхъ бабью юбку и одѣвается въ панталоны... Вашъ Гоголь. Обнимаю отъ всей души весь вашъ домъ".

Въ Октябрѣ того же года Гоголь спрашивалъ Н. М. Языкова въ письмѣ къ нему изъ Франкфурта: „Спроси Аксаковыхъ, зачѣмъ ни одинъ изъ нихъ ни пишетъ ко мнѣ?" а къ самому Сергѣю Тимоѳеевичу писалъ:

„12 Ноября (1844)".

„Письмо за вами, безцѣнный другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Вы не дали мнѣ отвѣта на то, которое я писалъ къ вамъ назадъ тому четыре мѣсяца, гдѣ посылалъ весьма справедливый выговоръ Щепкину за то, что онъ надулъ меня, то есть, вызвался самъ впередъ и отважно вмѣстѣ съ сыновьями доставить мнѣ просимыя мною критики, и потомъ вмѣстѣ съ ними попятился на попятный дворъ. Я даже не знаю, какъ писать къ вамъ, и дожидался отъ васъ адреса, и до сихъ поръ не знаю, гдѣ вы живете и куда слѣдуетъ адресовать вамъ? Итакъ, увѣдомьте меня, какъ о вашемъ здоровьи, такъ и о здоровьи Ольги Семеновны, Константина Сергѣевича и всего вашего милаго семейства. И почему именно послѣдовало такое долгое забвеніе? Я, видите, терпѣливъ и долго иногда не спрашиваю, почему иные совсѣмъ не пишутъ и не шлютъ даже поклона. Потомъ увѣдомьте, какъ вы провели все время лѣта и каково состояніе вашей больной. И словомъ, увѣдомьте обо всемъ. А пока, васъ обнимаю отъ всей души и жду вашего отвѣта... Вашъ Гоголь".

Ранѣе полученія этого письма, а вѣроятно по запросу Языкова отъ имени Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ ему:

„Ноября 16-го 1844 года".

„Очень, очень давно не писалъ я вамъ, любезный другъ Николай Васильевичъ... Да еслибъ я десять лѣтъ не писалъ къ вамъ, то все никто бы не заподозрилъ меня въ забвеніи васъ. На бумагѣ не то, чтò на словахъ: многаго не скажешь, да и сказать нельзя. Давно поизносились фразы, за недостаткомъ истины въ смыслѣ: «страждущее сердце облегчитъ свою горесть, переливая ее въ сердце друга». Во первыхъ: всѣ горести, чтò переливать тò хуже: только что мутить начинавшій отстаиваться зловредный напитокъ. Во вторыхъ: чтò за облегченіе возмущать спокойствіе друга, разумѣется, отсутствующаго? Конечно, когда друзья живутъ вмѣстѣ, и одинъ видитъ и знаетъ, что другой страдаетъ, тогда изліяніе—необходимость".

„Даже не помню, когда я писалъ.... Знаю только, что не отвѣчалъ на письмо ваше, которымъ не совсѣмъ былъ доволенъ: это былъ вашъ отвѣтъ на мое горячее письмо, вылившееся изъ глубины души. Вы, конечно, не подумаете, что ваше письмо было причиной моего долговременнаго молчанія. Совсѣмъ нѣтъ. Конечно я не отвѣчалъ на него немедленно по неудобству переписки такого рода; но въ послѣдствіи это не помѣшало бы мнѣ писать. Ничего не можетъ быть суетливѣе, скучнѣе и огорчительнѣе того образа жизни, который велъ я съ 9-го Мая по 6-е Октября. Больная моя жила въ Петровскомъ паркѣ, а остальное семейство въ подмосковной; мы съ Ольгой Семеновной скакали то туда, то сюда, ничуть не обрѣтая спокойствія; въ разлукѣ съ больной—всего менѣе. Наконецъ, 5-го Октября переѣхали въ Москву (въ Газетный переулокъ, въ домъ княгини Шаховской). Болѣзнь часто мѣняла свою физіономію, а потому часто смѣнялись страхъ и надежда. Даже и теперь не знаю чтò сказать вамъ. Если взглянуть на все простыми глазами, то дѣло находится въ отчаянномъ положеніи: больная уже два мѣсяца не встаетъ съ постели, худоба неимовѣрная, и ноги въ сильной болѣзненной опухоли. Но доктора называютъ эту опухоль критическою и видятъ много добрыхъ признаковъ. Конечно, эта опухоль не прежняя, водянистая опухоль; больная получила апетитъ, и пищевареніе хорошо; очевидно, что натура силится открыть давно закрытые пути; борьба несомнѣнна, но выдержитъ ли изнуренный, ослабленный организмъ эту борьбу? Вотъ важный вопросъ.... Мой разсудокъ не допускаетъ меня предаваться надеждамъ"....

„Я думаю, вы уже знаете о несчастіи бѣднаго Погодина.... Словъ недостаетъ, чтобъ выразить мое сожалѣніе о немъ, и нѣтъ ихъ, чтобъ

сказать ему что нибудь утѣшительное; но онъ, по счастію, истинный христіанинъ и покуда переноситъ великодушно тяжкое испытаніе. Жена вчера была у него, а я уже нѣсколько дней не видалъ его; два раза не засталъ дома".

„Въ продолженіи нашего взаимнаго молчанія я кое-что слышалъ по временамъ объ васъ: то отъ Языкова, то отъ Шереметевой, то отъ Шевырева; но все грѣшно вамъ, что вы ко мнѣ не писали. Никакія обстоятельства не лишаютъ меня потребности знать объ васъ. Итакъ напишите мнѣ все: что̀ ваше здоровье, что̀ вашъ трудъ? Мы остальные всѣ здоровы. Костя переписываетъ набѣло свою диссертацію; Иванъ возвращается съ ревизіи изъ Астрахани, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ неожиданнымъ, изумительнымъ даже для меня, достоинствомъ мужа, а не юноши; Гриша служитъ товарищемъ предсѣдателя Гражданской Палаты во Владимирѣ, и хотя не изумляетъ меня, но утѣшаетъ болѣе Ивана... Вотъ вамъ все въ краткихъ словахъ, милый другъ мой... Кругомъ меня валятся, какъ снопы, мои сверстники, товарищи, пріятели: (вы знаете о Княжевичѣ). Не хотѣлось бы мнѣ свалиться, не обнявши крѣпко васъ. Дѣлаю это заочно. Прощайте, мой другъ. Вашъ С. Аксаковъ. Всѣ мои васъ обнимаютъ".

Прежде чѣмъ получить отвѣтъ на свое письмо, Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ отъ Гоголя порученіе вмѣстѣ съ Шевыревымъ на счетъ благотворенія бѣднымъ студентамъ. Гоголь писалъ Шевыреву отъ 14 Декабря 1844 года:

«Дѣло это должно остаться только между тобою и Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ, и я требую въ этомъ клятвеннаго и честнаго слова отъ васъ обоихъ. Никогда получившій деньги не долженъ узнать отъ кого онъ ихъ получилъ ни при жизни моей, ни по смерти моей. Это должно остаться тайной навсегда. Ты можешь сказать имъ, что деньги отъ одного богатаго человѣка, или правительственнаго сановника, который хочетъ остаться въ неизвѣстности. Никто изъ васъ никому даже въ своемъ домѣ, какъ бы онъ близокъ къ нему ни былъ, не долженъ этого открывать никогда и ни въ какомъ случаѣ. На всѣ разспросы другихъ давайте одинъ отвѣтъ, что деньги идутъ мнѣ, и я получаю ихъ въ исправности. Я также не долженъ знать, кому, какъ и когда идутъ эти деньги. Отчетъ въ нихъ и отвѣтъ принадлежитъ Богу, и потому смотрѣть на это дѣло какъ на святое, и употребить съ своей стороны всѣ силы къ тому, чтобы всякая копѣйка обратилась во благо. Настоящія благодѣянія будутъ принадлежать вамъ, болѣе всего тебѣ, потому что все здѣсь зависитъ отъ умныхъ распоряженій. Пословица говоритъ: *не штука дѣло, штука разумъ*".

«Это вы прочитайте вмѣстѣ съ Аксаковымъ и никакихъ противъ этого возраженій или представленій! Желаніе мое непреложно. Только такимъ образомъ, а не другимъ должно быть рѣшено это дѣло. Какъ бы ни показалось вамъ многое здѣсь страннымъ, вы должны помнить только, что *воля друга должна быть священна;* и на это мое требованіе, которое съ тѣмъ вмѣстѣ есть и моленіе, и желаніе, вы должны отвѣтить только однимъ словомъ, *да*».

Около того времени пришелъ и отвѣтъ Гоголя Сергѣю Тимоѳеевичу на его Ноябрьское письмо, слѣдующій:

«Франкфуртъ. Декабря 21 (1844)».

«Наконецъ, я получилъ отъ васъ письмо, добрый другъ мой. Между многими причинами вашего молчанія, съ которыми почти со всѣми я согласенъ (зная самъ, какъ трудно вдругъ заговорить, когда не знаешь даже, съ котораго конца прежде начать), одна мнѣ показалась такою, которую я бы никакъ не допустилъ въ дѣло и никакъ бы не уважилъ, именно—что состояніе грустное души уже потому не должно быть передаваемо, что можетъ возмутить спокойствіе отсутствующаго друга. Но для чего же тогда и другъ? Онъ именно и дается намъ для трудныхъ минутъ, а въ минуты веселыя и всякій человѣкъ можетъ быть для насъ хорошъ. Богъ вѣсть, можетъ быть, именно въ такія минуты я бы и пригодился. Что я написалъ глуповатое письмо, это ничего не значитъ: письмо было писано въ сырую погоду, когда я и самъ былъ въ состояніи полухандры, въ сѣромъ расположеніи духа, что̀, какъ извѣстно, еще глупѣе чернаго, и когда мнѣ показалось, что и вы тоже находитесь въ состояніи полухандры. Желая ободрить и васъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ и себя, я попалъ въ фальшивую ноту, взялъ невѣрно и замѣтилъ это уже по отправленіи письма. Впрочемъ, вы не смущайтесь: еслибъ даже и 10 получили глуповатыхъ писемъ (на такія письма человѣкъ, какъ извѣстно, всегда гораздъ), иногда между ними попадется и умное. Да и глупыя письма, даромъ, что они глупы, а ихъ иногда бываетъ полезно прочесть и другой и третій разъ, чтобы видѣть, какимъ образомъ человѣкъ, хотѣвши сдѣлать умную вещь, сдѣлалъ глупость. А потому о вашихъ грустныхъ минутахъ вы прежде всего мнѣ говорите, ставьте ихъ всегда впередъ всякихъ другихъ новостей и помните только, что никакъ нельзя сказать впередъ, чтобы такой-то человѣкъ не могъ сказать утѣшительнаго слова, хотя бы онъ былъ и вовсе не умный. Много уже значитъ хотѣть сказать утѣшительное слово, и если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а помогаетъ уже Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное».

«Вы меня извѣстили вдругъ о разныхъ утратахъ. Прежде утраты меня поражали больше; теперь, слава Богу, меньше. Во-первыхъ, потому что я вижу со дня на день яснѣе, что смерть не можетъ отъ насъ оторвать человѣка, котораго мы любили; а во-вторыхъ, потому что некогда и грустить: жизнь такъ коротка, работы вокругъ такъ много, что дай Богъ поскорѣй запастись сколько-нибудь тѣмъ въ этой жизни, безъ чего нельзя явиться въ будущую. А потому поблагодаримъ покойниковъ за жизнь и за добрый примѣръ, намъ данный, помолимся о нихъ и скажемъ Богу за все спасибо, а сами за дѣло. Извѣстіемъ о смерти Е. В. Погодиной я опечалился только въ началѣ, но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ что Погодинъ перенесъ великодушно и твердо, какъ христіанинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградилъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку».

«Обратимся же отъ Погодина, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ. Вы меня очень порадовали благопріятными извѣстіями о вашихъ сыновьяхъ. Они всѣ люди, созданные на дѣло, и принесутъ очень много добра, если при умѣ и при всѣхъ данныхъ имъ большихъ способностяхъ будутъ *смѣтливы*, то-есть, если заблаговременно и пораньше будутъ умѣть смекнуть то, что̀ слѣдуетъ смекнуть; если Константинъ Сергѣевичъ смекнетъ, что диссертацію, вмѣсто того, чтобы переписывать на-бѣло, слѣдуетъ просто положить подъ спудъ на нѣсколько лѣтъ, а вмѣсто ея заняться другимъ; если онъ смекнетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что тотъ совѣтъ, въ которомъ сходятся люди даже различныхъ свойствъ и мнѣній, есть уже совѣтъ Божій, а не людской и, стало быть, его нужно послушаться. Ему всѣ до единаго, начиная отъ Погодина до меня, говорили, чтобы занялся дѣломъ филологическимъ, для котораго Богъ его наградилъ великими и очевидными для всѣхъ способностями. Онъ одинъ можетъ совершить у насъ словарь Русскаго языка такой, какого не совершитъ ни одна академія со всѣми своими членами; но этого онъ пока не смекаетъ. Еще также не смекаетъ онъ до сихъ поръ, что у него слишкомъ велика замашка и слишкомъ горячій пріемъ къ дѣлу. Черезъ это дѣло у него само собой выходитъ не въ *ясномъ*, а въ *пристрастномъ* видѣ, хотя онъ хотѣлъ быть яснымъ, а не пристрастнымъ. Черезъ это у него одежда, въ которую онъ одѣваетъ мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней. Это ощутительнѣй оказывается у него въ письмѣ и на бумагѣ; тутъ иногда мысли тѣ же, что̀ короткія ноги въ большихъ сапогахъ, такъ что формы самой ноги-то не видишь, а становится только смѣшно, что на ней большой сапогъ».

„Еще Константинъ Сергѣевичъ не смекаетъ, что въ эту пору лѣтъ,

въ какой онъ (теперь), не слѣдуетъ вовсе заботиться о логической послѣдовательности всякаго рода развитій. Для этого нужно быть или вовсе старику, или вовсе Нѣмцу, у котораго бы въ жилахъ текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, какая у Русскаго человѣка".

„— Поэтому-то у него оказывается въ статьяхъ одна претензія на логическую послѣдовательность, а самой ея нѣтъ. Живая душа, Русское сердце и нерасчетливая молодость пробиваются на всякомъ шагу, и черезъ это еще сильнѣй становится противуположность двухъ несоединенныхъ вещей. Черезъ это самый тонъ слога невѣренъ, фальшивъ, не имѣетъ никакой собственной личности и не служитъ орудіемъ въ выраженіи того, что̀ хотѣлъ писатель имъ выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будутъ въ немъ попадаться безпрестанно однѣ подлѣ другихъ и будутъ служить вѣчнымъ предметомъ насмѣшекъ журналистовъ, насмѣшекъ глупыхъ, но въ основаніи справедливыхъ".

„Если Константинъ Сергѣевичъ сколько нибудь вѣритъ тому, что я могу иногда слышать природу человѣка и знаю сколько нибудь законъ состояній, переходовъ, перемѣнъ и движеній въ душѣ человѣческой, какъ наблюдавшій пристально даже за своей собственной душою, что̀ вообще рѣдко дѣлается другими, то да послѣдуетъ онъ хотя разъ моему совѣту и именно слѣдующему: не думать два-три года о полнотѣ, цѣлости и постепенномъ логическомъ развитии идей въ статьяхъ своихъ большихъ, какія случится писать ему. Повѣрьте, это не дается въ такіе годы и въ такой порѣ душевнаго состоянія. У него отразится повсюду только одно неясное стремленіе къ нимъ, а ихъ самихъ не будетъ".

«Живой примѣръ ему я. Я старѣе годами, умѣю болѣе себя обуздывать, а при всемъ—сколько я натворилъ глупостей въ моихъ сочиненіяхъ, именно стремясь къ той полнотѣ, которой во мнѣ самомъ еще не было, хотя мнѣ и казалось, что я очень уже созрѣлъ; и надъ многими мѣстами въ моихъ сочиненіяхъ, которыя даже были похвалены одними, другіе очень справедливо посмѣялись. Тамъ есть очень много того, что̀ похоже на короткую ногу въ большомъ сапогѣ; а всего смѣшнѣе въ нихъ претензія на то, чего въ нихъ, покамѣстъ, нѣтъ».

„Итакъ да прислушается Константинъ Сергѣевичъ къ моему совѣту. Это не совѣтъ, а скорѣе братское увѣщаніе человѣка, уже искусившагося и который хотѣлъ бы сколько-нибудь помочь своею собственною бѣдою, обративъ ее не въ бѣду, а въ пользу другому. Теперь «Москвитянинъ», какъ я слышалъ, перешелъ къ Ив. Вас. Кирѣевскому. Вѣроятно, это возбудитъ во многихъ рвеніе къ трудамъ. Константинъ Сергѣевичъ можетъ множество приготовить прекрасныхъ филологическихъ статей. Онѣ будутъ интересны для всѣхъ. Это я могу сказать впередъ, потому что я самъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, когда онъ изъяснялъ мнѣ произ-

водство многихъ словъ. Но нужно, чтобы онѣ писаны были слишкомъ просто и въ такомъ же порядкѣ, какъ у него выходили изустно въ разговорѣ, безъ всякой мысли о томъ, чтобы дать имъ цѣлость и полноту. То и другое выльется само собою гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ тогда, если бы онъ о нихъ думалъ. Онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы статья была какъ можно короче. Русскій умъ не любитъ, когда ему изъясняютъ что-нибудь слишкомъ долго. Статья его чѣмъ короче и сжатѣй, тѣмъ будетъ занимательнѣй. Не брать въ началѣ большихъ филологическихъ вопросовъ, то-есть, такихъ въ которыхъ было бы развѣтвленіе на многіе другіе, но раздробить ихъ на отдѣльные вопросы, которые-бы имѣли въ себѣ нераздѣляемую цѣлость, и заняться каждымъ отдѣльно, взявъ его въ предметъ статьи; словомъ, какъ дѣлалъ Пушкинъ, который, нарѣзавши изъ бумаги ярлыковъ, писалъ на каждомъ по заглавію, о чемъ когда-либо потомъ ему хотѣлось припомнить. На одномъ писалъ: Русская язба, на другомъ: Державинъ, на третьемъ—имя тоже какого-нибудь замѣчательнаго предмета, и такъ далѣе. Всѣ эти ярлыки накладывалъ онъ цѣлою кучею въ вазу, которая стояла на его рабочемъ столѣ, и потомъ, когда случалось ему свободное время, онъ вынималъ на удачу первый билетъ; при имени, на немъ написанномъ, онъ вспоминалъ вдругъ все, что̀ у него соединялось въ памяти съ этимъ именемъ, и записывалъ о немъ тутъ же, на томъ же билетѣ, все, что̀ зналъ. Изъ этого составились тѣ статьи, которыя напечатались потомъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій и которыя такъ интересны именно тѣмъ, что всякая мысль его тамъ осталась живьемъ, какъ вышла изъ головы. Изъ этихъ записокъ многія, еще интереснѣйшія, не напечатаны, потому что относились къ современнымъ лицамъ. Такимъ образомъ и Константинъ Сергѣевичъ да напишетъ себѣ на бумажкѣ всякое Русское замѣчательное слово и потомъ тутъ же кратко и ясно его производство, и отдастъ ее Ив. Вас. Кирѣевскому. Журналистъ будетъ доволенъ, публика возбудится любопытствомъ къ предмету, для нея новому и незнакомому; а Константинъ Сергѣевичъ покажетъ, наконецъ себя и скажетъ мнѣ за это спасибо; ибо, какъ ни посмотрю, приходилось мнѣ, а не кому-либо другому, натолкнуть его на дѣло“.

„Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись“, говорится; а такъ какъ онъ опозорился въ глазахъ свѣта на мнѣ (написавши статью о „Мертвыхъ Душахъ“), то мною-же долженъ быть подтолкнутъ на прославленіе въ глазахъ того же свѣта».

«Но вотъ бѣда: у Константина Сергѣевича нѣтъ вовсе слога. Все, о чемъ ни выражается онъ ясно на словахъ, выходитъ у него темно, когда они пишутся на бумагѣ. Если бы онъ былъ въ силахъ схватить тотъ складъ рѣчи, который выражается у него въ разговорѣ,

онъ былъ бы живъ и силенъ въ письмѣ, стало быть имѣлъ бы непремѣнно читателей и почитателей. Но это ему менѣе возможно, чѣмъ кому-либо другому. Искусство слѣдить за собой, ловить и поймать самому себя рѣдко кому удается. А слогъ все-таки ему нужно пріобрѣсть; ему нужно непремѣнно спуститься, хотя двумя ступенями, ниже съ той педантской книжности, которая у насъ образовалась и безпрестанно мѣшается съ живыми и не педантскими словами. Есть одинъ только для него способъ, и если Константинъ Сергѣевичъ точно такъ уменъ, какъ я думаю, то онъ его не броситъ. Что̀ бы онъ ни написалъ, ему слѣдуетъ передъ тѣмъ, какъ онъ принимается за перо, вообразить живо личность тѣхъ, кому и для кого онъ пишетъ. Онъ пишетъ къ публикѣ, личность публики себѣ трудно представить. Пусть же онъ на мѣсто публики посадитъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, живо представитъ себѣ его умъ, способности, степень понятливости и развитія и говоритъ, соображаясь со всѣмъ этимъ и снисходя къ нему,—слово его будетъ непремѣнно яснѣе. Чѣмъ онъ возьметъ менѣе понятливаго человѣка, чѣмъ этотъ человѣкъ будетъ менѣе свѣдущъ, тѣмъ онъ болѣе выиграетъ. Лучше всего, если онъ посадитъ вмѣсто публики маленькую свою сестрицу и станетъ ей разсказывать (это особенно будетъ полезно въ филологическихъ статьяхъ и производствахъ словъ, которыя требуютъ необыкновенной ясности слога), и если онъ съумѣетъ такъ разсказать или написать, что, во время чтенія, маленькой его сестрицѣ не будетъ скучно и все понятно, тогда смѣло можно печатать статью; она понравится всѣмъ: старикамъ, гегелистамъ, щелкоперамъ, дамамъ, профессорамъ, учителямъ, и всякій подумаетъ, что писано для него. Притомъ, зная, что пишетъ маленькой сестрицѣ, Константинъ Сергѣевичъ никакъ не зарапортуется, и если бы случилось ему написать производство словъ: мужъ и жена (что̀ онъ производитъ очень умно, я бы прямо списалъ съ его словъ), онъ бы удержался въ однѣхъ филологическихъ границахъ, тогда какъ, если бы сѣла на мѣсто маленькой сестрицы, хоть положимъ, Ховрина или кто другой, брошенъ былъ бы вдругъ религіозный взглядъ на бракъ и на высшее значеніе его,—дѣло конечно тоже въ своемъ родѣ умное, но годное для другой статьи. Словомъ, этотъ способъ Константину Сергѣевичу самый дѣйствительный, какъ бы онъ ни показался ему съ виду ничтожнымъ и незначущимъ. Я бранилъ себя за свою недогадливость и глупость, что не хватился за него пораньше; я бы гораздо больше сказалъ дѣла и даже больше бы написалъ. Этотъ пустякъ слишкомъ важная вещь: только отъ нея пріобрѣтается слогъ и получается физіономія слога. Это уже давно было сказано на свѣтѣ, что слогъ у писателя образуется тогда, когда онъ знаетъ хорошо того, кому пишетъ. Но если Констан-

тинъ Сергѣевичъ будетъ сметливъ, то принесетъ много добра, въ чемъ помоги ему Богъ.—Прочіе ваши сыновья, если будутъ сметливы, то принесутъ тоже много добра. Жаль, что вы мнѣ не описали, какимъ образомъ подвизался на ревизіи Иванъ Сергѣевичъ, хотя я увѣренъ, что весьма умно и внутренно обрадовался вашему прибавленію: „съ достоинствомъ мужа". Но всетаки скажите и Ивану Сергѣевичу, что если онъ будетъ сметливъ и поступитъ такимъ образомъ (на какое бы ни послали слѣдствіе), что всѣ до единаго — и невинные и даже виноватые, и честные, и взяточники—будутъ имъ довольны, то этотъ подвигъ еще будетъ выше того, если бы только одни оправданные были довольны. Въ теперешнее время нужно слишкомъ много разбирать и разсматривать взяточниковъ: иногда они бываютъ не совсѣмъ дурные люди, даже такіе, которыхъ можетъ подвигнуть доброе увѣщаніе, особенно, если сколько-нибудь его узнаемъ во всѣхъ его обстоятельствахъ, какъ семейныхъ, такъ и всякихъ другихъ; если къ тому, въ прибавленіе, узнаемъ природу человѣка вообще и потомъ въ особенности природу Русскаго человѣка и если вслѣдствіе всего этого узнаемъ, какъ его попрекнуть, пожурить или даже ругнуть такимъ образомъ, что онъ еще самъ скажетъ спасибо, и онъ сдѣлаетъ много добра. Если Иванъ Сергѣевичъ смекнетъ (а можетъ быть, отчасти уже и смекнулъ), что дѣйствовать *умирительно* еще дѣйствительнѣе, чѣмъ *распекательно*, и что внушить отвагу на добрыя дѣла впредъ еще лучше, чѣмъ картинное дѣло свое собственное, и что заставить человѣка даже плутоватаго сдѣлать доброе дѣло...,—словомъ, если онъ все это смекнетъ, то *надѣлаетъ много добра*. Если узнаетъ не только самую Палату, но и весь Владиміръ *), и не только весь Владиміръ, но даже источники всѣхъ рѣкъ, текущихъ со всѣхъ сторонъ губерніи въ Палату; если не пропуститъ никого изъ умныхъ и старыхъ чиновниковъ и разспроситъ ихъ обо всемъ и будетъ умѣть разспросить ихъ обо всемъ, да не пренебрегаетъ тоже и глупыхъ чиновниковъ, узнаетъ и объ нихъ, что̀ слѣдуетъ, даже и купцовъ и мѣща̀нъ; узнаетъ такимъ образомъ и то, кто кого водитъ за носъ, или имѣетъ, или можетъ имѣть вліяніе,—то онъ надѣлаетъ много добра не только во Владимірѣ, но даже и потомъ, гдѣ ему ни случится, на какомъ мѣстѣ ему ни случится быть. Да, и Ивану Сергѣевичу тоже не мѣшаетъ вамъ съ своей стороны обратить вниманіе на эти самые пункты».

«За симъ да будетъ это письмо вамъ поздравленіемъ на новый годъ, который стоитъ уже передъ нами,—вамъ, вмѣстѣ съ любезною вашею супругой, въ сопровожденіи желанія искренняго имѣть полное утѣшеніе отъ вашихъ дѣтокъ, а сыновьямъ вашимъ (ибо женскій полъ не наше дѣло)

*) Гоголь позабылъ, что во Владимірѣ служилъ тогда не Иванъ, а Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ. *Изд.*

тоже поздравленье, съ желаньемъ искреннимъ доставить вамъ это полное утѣшеніе; ибо письмо собственно для нихъ было писано. А всѣмъ вмѣстѣ желаю искренно приносить на всякомъ мѣстѣ бытія пользу, побольше узнавать, распрашивать и входить всѣмъ въ положеніе всякаго страждущаго и помогать ему утѣшительнымъ словомъ и совѣтомъ (деньги же есть мертвая помощь, и помочь ими еще немного значитъ: онѣ почти всегда играютъ туже роль, что жидкость, ліемая въ бездонную бочку)».

„Затѣмъ скажу аминь и попрошу васъ узнать: во-первыхъ, отъ Кирѣевскаго Ив. Вас., получилъ онъ отъ Жуковскаго стихотворную повѣсть, которую тотъ послалъ два дня тому назадъ, на имя Булгакова, вмѣстѣ съ большимъ письмомъ Авдотьѣ Петровнѣ объ Одиссеѣ? Во вторыхъ, получилъ-ли Шевыревъ мое письмо отъ 14 Декабря, въ которомъ, между прочимъ, небольшое улучшеніе относительно дѣлъ по книгѣ и ея продажѣ, о чемъ онъ долженъ вамъ сообщить? Въ третьихъ, получилъ-ли письмо Языковъ, въ отвѣтъ на присланную мнѣ отъ кн. Вяземскаго книжечку его стихотвореній? Въ четвертыхъ, получилъ ли Погодинъ письмо, отправленное въ одно время съ вашимъ, хотя и написанное прежде (вамъ слѣдуетъ съ нимъ видѣться почаще; вы можете быть ему полезны во многомъ вашею бесѣдою)? Въ пятыхъ, что̀ дѣлаетъ мною постыднѣйшимъ образомъ обруганный и неисправнѣйшій изъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ смертныхъ, Михаилъ Семеновичъ, которыхъ всѣхъ, при этой вѣрной оказіи, поздравьте отъ всей моей души съ новымъ годомъ. Напишите мнѣ все о Погодинѣ: какъ идетъ теперь его жизнь, каково его состояніе души и вообще каковы его перемѣны во всемъ? Вашъ Гоголь“.

Этимъ заканчивается 1844-й годъ. Въ выпискѣ изъ письма Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской за это время сказано: „Не такъ давно получено отъ Гоголя большое письмо, состоящее большею частью изъ совѣтовъ братьямъ, чѣмъ имъ и какъ заниматься. Многое очень справедливо“. — Первые мѣсяцы слѣдующаго 1845-го года не было переписки: Сергѣй Тимоѳеевичъ заболѣлъ. Вотъ его письмо къ Гоголю уже отъ 10-го Марта 1845-го года:

„Давно я не писалъ къ вамъ, милый мой другъ Николай Васильевичъ, и самъ давно не получалъ отъ васъ писемъ. Въ продолженіи этого времени „*много утекло воды*“, какъ говоритъ Русская пословица. Кажется, я и прежде писалъ къ вамъ, что начинаю худо видѣть лѣвымъ глазомъ; это худо все идетъ хуже. Одинъ глазъ — такъ и быть! Я дожилъ бы вѣкъ съ правымъ глазомъ, но вотъ бѣда: въ немъ уже начи-

наются тѣ же явленія, какія предшествовали помраченію лѣваго!... Дѣлать нечего, обратился я къ г.г. докторамъ и — тутъ увидѣлъ все ихъ невѣжество, по крайней мѣрѣ, здѣсь теперь, по части глазныхъ болѣзней.... Назадъ тому двѣ недѣли, многіе говорили не то что теперь; Альфонскій находитъ, что катарактъ начался на обоихъ глазахъ. Ради Бога проситъ не лѣчиться и не мучить себя по пустому, ибо ничто не можетъ остановить хода болѣзни".

„Броссе ничего не находитъ покуда; а Иноземцевъ грозитъ такой слѣпотой, которая хуже темной воды, и пр. и пр.; но всѣ согласны (кромѣ Альфонскаго), что нужно кровопусканіе, піявки, мушки, фонтанели, слабительныя, діэта... Всю эту мерзость я уже испытываю на себѣ другой мѣсяцъ..... Не видя пользы, я рѣшился отдохнуть, и теперь пятый день лѣчусь—гомеопатіей у Хомякова... Разумѣется я не вѣрилъ ей, но первые пріемы сначала оказали сильное дѣйствіе на припадокъ мой, происходящій отъ неправильнаго кровообращенія. Какъ знать, чудесъ на свѣтѣ много. Можетъ быть и глазамъ моимъ будетъ лучше!... Какъ истинному другу, долженъ я вамъ признаться, что я нехорошо встрѣчаю мою страшную бѣду. Если нѣтъ христіанскаго смиренія и покорности волѣ Божіей, то есть человѣческое достоинство, твердость, спокойствіе духа—я не могу ими похвалиться. Покуда я—гнѣвъ, ропотъ и волненье".

„Вѣроятно вы, милый другъ, не станете болѣе получать отъ меня собственноручныхъ писемъ. Я инымъ уже не пишу ихъ. Пусть эти строки напоминаютъ вамъ послѣднія усилія моего зрѣнія. Обнимаю васъ крѣпко. Вашъ С. Аксаковъ».

Не получивъ еще скорбной вѣсти о потери зрѣнія Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, Гоголь спрашивалъ у Языкова въ письмѣ отъ 5 Апрѣля 1845 нов. ст.:

„Узнай также отъ Константина Сергѣевича, получилъ-ли Сергѣй Тимоѳеевичъ отъ меня письмо съ нѣкоторымъ поученьемъ сыновьямъ его, въ числѣ которыхъ и ему, то есть Константину Сергѣевичу, — и что онъ думаетъ о семъ"? Вообще черезъ Н. М. Языкова Гоголь въ это время часто справлялся о С. Т-чѣ; нѣкоторыя записки ему прилагалъ прямо въ своихъ письмахъ къ Языкову, почему и адресъ на нихъ не имѣетъ почтовыхъ знаковъ, а значится просто: С. Т. Аксакову. Такова именно слѣдующая записка, въ отвѣтъ на извѣщеніе о потерѣ зрѣнія:

„Франкфуртъ, 2 Мая" (1845 г.)

«И вы больны, и я боленъ. Покоримся же Тому, Кто лучше знаетъ, что̀ намъ нужно и что̀ для насъ лучше, и помолимся Ему о томъ, чтобы помогъ намъ умѣть Ему покориться. Вспомнимъ только одно то, что въ Его власти *все* и *все* Ему *возможно*. Возможно все отнять у насъ, что̀ считаемъ мы лучшимъ, и въ награду за то дать лучшее намъ всего того, чѣмъ мы дотолѣ владѣли. Отнимая мудрость *земную*, даетъ Онъ мудрость *небесную*; отнимая зрѣніе *чувственное*, даетъ зрѣніе *духовное*, съ которымъ видишь тѣ вещи, передъ которыми пыль всѣ вещи земныя; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, даетъ намъ жизнь *вѣчную*, которая передъ временной тоже, что̀ *все* передъ *ничто*. Вотъ что мы должны ежеминутно говорить другъ другу. Мы еще доселѣ не привыкнувшіе къ вѣчному закону дѣйствій, который совершается для всѣхъ непреложно въ мірѣ и желающіе для себя непрерывныхъ исключеній, мы, малодушные, способны позабывать на всякомъ шагу то, что̀ должны вѣчно помнить, наконецъ мы, не имѣющіе даже благородства духа ввѣриться Тому, Кто сто̀итъ того, чтобы на Него положиться. Простому человѣку мы даже ввѣряемся, который даже намъ не показалъ и знаковъ достаточныхъ для довѣрія, а Тому, Кто окружилъ насъ вѣчными свидѣтельствами любви Своей, Тому только не вѣримъ, взвѣшивая подозрительно всякое Его слово. Вотъ что̀ мы должны говорить ежеминутно другъ другу, о чемъ я вамъ теперь напоминаю и о чемъ вы мнѣ напоминайте.... Затѣмъ обнимаю васъ отъ всей души и прошу васъ вмѣсто меня обнять ваше семейство; напишите мнѣ, куда ѣдете или остаетесь въ Москвѣ. И что̀ дѣлаютъ ваши дѣти; если можно—порознь о каждомъ; если вамъ писать трудно, прошу Ольгу Семеновну. Прощайте. Богъ да хранитъ васъ. Вашъ Г".

Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ письмомъ, писаннымъ собственноручно, но почеркъ уже не прежній:

«Москва, Мая 24» (1845 г.)

«Я получилъ послѣднее письмецо ваше черезъ Языкова, милый другъ Николай Васильевичъ. Всѣ ваши слова справедливы, но.... надобно имѣть сердце, исполненное теплой вѣры и преданности волѣ Божіей безусловно, чтобъ находить отраду, напримѣръ, въ самой мысли: что̀ значитъ потеря зрѣнія тѣлеснаго, когда человѣку откроется зрѣніе духовное! Я не спорю, что это истина и что въ ней можно найдти отраду; но когда? Тогда, безъ сомнѣнія, когда человѣкъ внѣшній, тѣлесный преобразится въ человѣка внутренняго, духовнаго. Я еще далекъ отъ этого преображенія, да и не знаю буду ли когда-нибудь его достоинъ, и потому откровенно скажу вамъ, что мнѣ даже досадно

было читать ваше письмо.. Я хотѣлъ отъ васъ живаго участія, боялся даже, что слишкомъ васъ огорчилъ,... Я человѣкъ и потому хотѣлъ человѣческаго огорченія, ропота.... Я слѣпну, рвусь отъ тоски и гнѣва, прихожу въ отчаяніе иногда, и вы думали меня утѣшить, сказавъ, что слѣпота ничего не значитъ?"...

„Мы всѣ еще живемъ въ Москвѣ и даже не знаемъ, когда и куда уѣдемъ. Переѣздъ въ деревню, куда намѣревались перенесть нашу больную на рукахъ въ портшезѣ, кажется мнѣ самому несбыточнымъ. Въ тоже время родилось у насъ убѣжденіе (происшедшее отъ словъ одной ясновидящей, даже двухъ), что гомеопатія можетъ помочь нашей больной и что надобно ее испытать. Для этого нужно жить въ Москвѣ или на дачѣ, въ самомъ близкомъ отъ Москвы разстояніи. Дачь теперь уже нѣтъ свободныхъ, да и средствъ нѣтъ это исполнить; не говорю уже о томъ, что я не могу безъ горести подумать о раздѣленіи семейства, подобно прошлогоднему. Оставаться же на нѣкоторое время въ Москвѣ на теперешней квартирѣ невозможно по многимъ причинамъ: здѣсь лѣтомъ слишкомъ шумно и душно".

„Кирѣевскій отказался отъ „Москвитянина," такъ же по многимъ уважительнымъ причинамъ. Вопервыхъ, Кирѣевскій не созданъ отъ Бога, чтобъ быть издателемъ журнала. Это такой чудакъ въ дѣйствительной жизни, что, при всемъ своемъ умѣ, хуже всякаго дурака. Во вторыхъ, никакой порядочный человѣкъ не можетъ имѣть денежныхъ сношеній съ Погодинымъ. Въ третьихъ, отъ нелѣпаго образа занятій Кирѣевскій сдѣлался боленъ. Довольно этихъ трехъ причинъ. До сихъ поръ идутъ толки о выборѣ новаго редактора, но все это вздоръ. Дѣло кончится тѣмъ, что Погодинъ опять примется за изданіе журнала и начнетъ сколачивать его топоромъ, кое-какъ, или прекратитъ на 6-й книжкѣ. Какое торжество для всѣхъ враговъ нашихъ! Не останется уже мѣста, гдѣ бы могъ раздаться человѣческій голосъ. Это нанесетъ ударъ возникающему чувству національности. Но теперь наступаетъ лѣто, всѣ наши краснобаи разъѣдутся по деревнямъ, и здѣсь хоть трава не рости!

Ваше нездоровье, и душевное и тѣлесное, насъ сердечно огорчаетъ. Не знаю гдѣ найдетъ васъ это письмо, посылаемое съ однимъ изъ товарищей моего сына, Погуляевымъ. Мой Иванъ посылаетъ вамъ двѣ свои стихотворныя піесы. Напишите о нихъ правду. Не бойтесь оскорбить самолюбіе молодаго человѣка. Обнимаю васъ крѣпко. Семейство мое дѣлаетъ тоже. Разумѣется 9-го Мая мы выпили за ваше здоровье. Адресъ мой на имя Томашевскаго, въ почтамтѣ. Весь вашъ С. Аксаковъ."

Около этого времени извѣстная А. О. Смирнова (рожд. Россети), бывъ другомъ Гоголя, хотѣла познакомиться съ его Московскими друзьями. Гоголь писалъ

ей изъ Гомбурга отъ 5 Іюня: „Вы спрашиваете, какъ познакомиться съ старикомъ Аксаковымъ? Пріѣхавши въ Москву, пошлите прямо за нимъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ. Скажите, что это мое желаніе. Отыщите также старушку Шереметеву; скажите также, что я велѣлъ вамъ съ нею познакомиться. Навѣстите тоже Языкова. Онъ безъ ногъ, а потому къ вамъ не въ состояніи пріѣхать. Прочихъ всѣхъ можете увидѣть у Хомякова, который дастъ для всѣхъ вечеръ и на немъ покажетъ вамъ всѣхъ".—Тогда же Гоголь писалъ и Языкову: „Въ Москвѣ будетъ, вѣроятно, на дняхъ Александра Осиповна Смирнова. Ты долженъ съ ней познакомиться непремѣнно. Это же посовѣтуй Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову и даже Надеждѣ Николаевнѣ Шереметевой. Это перлъ всѣхъ Русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ-ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее". Въ томъ же письмѣ (Гомбургъ, отъ 5-го Іюня) Гоголь проситъ Языкова: „Аксакову и Шевыреву скажи, что напрасно они собираются писать отвѣтъ на письмо, на которое просилось одного только дружескаго *да*. Съ тѣхъ поръ прошло уже полгода, и молчанье принято, какъ слѣдуетъ, за совершенное согласіе; напоминаніе же о чемъ нибудь забытомъ будетъ мнѣ непріятно".

Вѣроятно черезъ Языкова, то есть, вложивъ въ его письмо свое, Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ Гоголю:

„Москва, Іюня 11" (1845 г.)

„Завтра, если Богъ допуститъ, мы съ Ольгой Семеновной и нашей несчастной страдалицей Оленькой отправимся въ деревню. Доктора возлагаютъ большую надежду на воздухъ и движеніе; но больная такъ слаба, такъ разстроена нервами, что я не смѣю вѣрить въ возможность переѣзда. Изъ Москвы по камнямъ перенесемъ ее на рукахъ, а за заставой положимъ въ карету.... Мрачно и страшно наше будущее; особенно потому, что не за себя одного боишься, а за многихъ"....

„Несмотря на то, что собственное горе, и еще болѣе, безпрестанное опасеніе за каждую минуту будущаго, ожесточаетъ сердце вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ или, лучше сказать, лишаетъ способности принимать живое и глубокое участіе въ положеніи друга и брата,—послѣднее письмо ваше къ Языкову, милый другъ Николай Васильевичъ, сильно меня поразило... Дай Богъ, чтобъ оно было написано въ припадкѣ мрачной ипохондріи! Что̀ можемъ мы дѣлать? Только молиться Богу, кто сколько можетъ и умѣетъ, о вашемъ выздоровленіи.... Меня сильно тревожитъ мое послѣднее къ вамъ письмо. Постоянно находясь въ огорчительномъ и раздражительномъ состояніи, я, вѣроятно, написалъ къ

вамъ что нибудь рѣзкое и, можетъ быть, огорчительное для васъ.... Я знаю, что вы меня туже минуту простили; но мнѣ очень прискорбно, если я и на минуту огорчилъ васъ. Въ нашемъ душевномъ союзѣ, съ первой минуты столь чистомъ и прекрасномъ, не долженствовало быть ни одной темной минуты".

„Уже давно сильно занимаетъ меня Смирнова. Все, что̀ свѣтъ говоритъ о ней съ злобнымъ наслажденіемъ, мнѣ хорошо извѣстно. Живя давно на свѣтѣ, я мало вѣрю его слѣпымъ приговорамъ. Ваши слова возбудили во мнѣ живѣйшее участіе. Я дорого бы далъ, чтобъ узнать лично эту женщину. Къ сожалѣнію, она въ Москву, какъ говорятъ, не будетъ, ибо наняла дачу подъ Петербургомъ; я пріѣхалъ бы изъ деревни, чтобъ съ ней познакомиться. Прощайте, милый другъ! Напишите мнѣ нѣсколько словъ черезъ Языкова. Обнимаю васъ крѣпко и надѣюсь на милость Божію. Всѣ мы васъ обнимаемъ. Вашъ С. Аксаковъ."

Гоголь не отвѣчалъ по болѣзни. Въ письмѣ его къ Языкову (отъ 25 Іюля) упоминается: „Поблагодари Аксаковыхъ. Отвѣчать же теперь совершенно не въ силахъ, а буду, какъ только сколько нибудь приду въ состояніе". Объ этомъ времени сохранилась выписка изъ письма Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской: „Получено письмо... по поводу Гоголя, который теперь въ такой хандрѣ и такъ боленъ, что не знаютъ что́ съ нимъ дѣлать. Онъ въ перепискѣ съ Смирновой и пишетъ къ ней о своемъ положеніи; и здѣсь также получены отъ него письма такого же содержанія". Наконецъ, въ письмѣ къ Языкову-же, былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Гоголя:

„Благодарю васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, за ваши два письма. Они мнѣ были очень пріятны. Здоровье мое, кажется, какъ будто лучше отъ купанья въ холодной водѣ, но не могу и не смѣю еще предаться вполнѣ надеждѣ. Пишите въ Римъ, куда я отправляюсь. Отъ Языкова узнайте подробнѣе. Не имѣю ни минуты свободной. Обнимаю васъ всей душою, а съ вами вмѣстѣ и все ваше милое семейство. Весь вашъ Гоголь".

Эти строки всѣхъ обрадовали. Ольга Семеновна сама отвѣчала Гоголю; сдѣлалъ приписку и Сергѣй Тимоѳеевичъ. Вотъ это письмо:

„1845 г. Октября 9-го".

„Слава Богу! Мы получили извѣстіе отъ васъ, что вамъ хотя немного лучше, что вы ѣдете въ Римъ, а въ Римѣ вы всегда бывали здоровѣе и бодрѣе, нежели въ этой Германіи. Когда вы были въ Карлсбадѣ, я надѣялась, что вы рѣшитесь проѣхать въ Россію, что мы увидимъ

васъ.... уже тяжело становится не видать васъ 4-й годъ. Да внушитъ вамъ Господь мысль возвратиться скорѣе на родину, въ Россію, гдѣ много людей, которые любятъ васъ всею душею горячо, такъ, какъ вы никого не найдете въ Европѣ, чтобъ васъ такъ любили; вы это знаете сами. Мы переѣхали жить въ деревню, въ 14-ти верстахъ отъ Троицы—мѣсто святое, и Филаретъ устроилъ скитъ, куда не пускаютъ женщинъ; кто расположенъ молиться въ уединеніи, тотъ вполнѣ можетъ. Оленька наша менѣе теперь страдаетъ; но совершеннаго выздоровленія она, кажется, не можетъ получить; лѣкарства всѣ оставлены; одно чудесное и видимое милосердіе Божіе ее спасаетъ. Константинъ съ нами ожидаетъ, когда прочтутъ его диссертацію профессора. Гриша во Владимирѣ. Иванъ переѣхалъ въ Калугу, гдѣ нетерпѣливо ожидаетъ пріѣзда Александры Осиповны. Вотъ вамъ коротенькій отчетъ о семьѣ нашей, милый другъ Николай Васильевичъ. Ольга Аксакова."

PS. „Здравствуйте, милый другъ Николай Васильевичъ! Я получилъ вашу записочку черезъ Языкова, прочелъ также ваше письмецо къ нему и знаю, что вы писали къ Александрѣ Осиповнѣ, съ которой я, къ душевному моему удовольствію, познакомился заочно и даже переписываюсь. Мой Ваня служитъ въ Калугѣ и живетъ въ совершенномъ пустынномъ сиротствѣ. Александра Осиповна заранѣе предлагаетъ ему свой домъ, какъ родной, какъ *его собственный* (такъ она выражается). Я увижу эту необыкновенную женщину въ проѣздъ ея черезъ Москву и нетерпѣливо ожидаю этого свиданія. Мнѣ очень хочется сохранить ея образъ въ моей памяти въ числѣ немногихъ утѣшительныхъ воспоминаній, и я не хочу пропустить этого случая: ибо слѣпота моя приближается. Молю Бога, да подкрѣпитъ Онъ ваше здоровье. Въ глубинѣ души моей живетъ отрадное убѣжденіе въ полномъ вашемъ возстановленіи. Еще дѣло не сдѣлано, не кончено, и дѣлатель не долженъ погибнуть... Долгое и трудное поприще васъ ожидаетъ!.... Константинъ мой меня сокрушаетъ: онъ бездѣйствуетъ въ лютой хандрѣ (это между нами). Обнимаю васъ крѣпко и горячо: сердце мое еще молодо! Вашъ другъ Сергѣй Аксаковъ."

Отвѣтное письмо Гоголя еще болѣе обрадовало всѣхъ его выздоровленіемъ. Онъ писалъ:

„Римъ. Октября 29-го (1845).

„Увѣдомляю васъ, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ Римѣ. Переѣздъ и дорога значительно помогли; мнѣ лучше. Климатъ Римскій подѣйствуетъ, если угодно Богу, также благосклонно, какъ и прежде, а потому вы обо мнѣ не смущайтесь и молитесь. Увѣдомьте объ этомъ также и маменьку мою. Я, хотя и написалъ письмо сей же часъ по пріѣздѣ въ Римъ къ ней первой, но вообще за письма мои къ

ней я сильно безпокоюсь. Двухъ или трехъ писемъ моихъ *сряду* она не получила. Два изъ этихъ писемъ были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почтѣ, пожалуй, еще можетъ одно письмо; но *сряду* писанное одно за другимъ—это странно. У маменьки есть неблагопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее. Подозрѣвать кого-бы то ни-было грѣшно, но все не худо бы объ этомъ развѣдать какимъ нибудь образомъ, дабы узнать, какъ руководствоваться впередъ. Послѣднія письма я даже не смѣлъ адресовать прямо на имя маменьки, но адресовалъ на имя одной ея знакомой С. В. К**. Письмо однакоже изъ Рима было послано на ея собственное имя. Оно отдано мною здѣсь на почту 25 Октября здѣшняго штиля. Объ этомъ прошу васъ, другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ, увѣдомить маменьку немедленно или поручить кому нибудь изъ вашихъ, кто съ ней въ перепискѣ".

„О себѣ, относительно здоровья, скажу вамъ, что холодное лѣченіе мнѣ помогло и заставило меня, наконецъ, увѣриться лучше всѣхъ докторовъ въ томъ, что главное дѣло въ моей болѣзни были нервы, которые, будучи приведены въ совершенное разстройство, обманули самихъ докторовъ и привели было меня въ самое опасное положеніе, заставившее не въ шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Богъ спасъ. Послѣ Грейфенберга, я съѣздилъ въ Берлинъ нарочно съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Шёнлейномъ, съ которымъ прежде не удалось посовѣтоваться и который особенно талантливъ въ опредѣленіи болѣзни. Шёнлейнъ утвердилъ меня еще болѣе въ семъ мнѣніи, но дивился докторамъ, пославшимъ меня въ Карлсбадъ и Гастейнъ. По его мнѣнію, сильнѣй всего у меня поражены были нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ nervoso fasciculoso, одобрилъ поѣздку въ Римъ, предписалъ вытираніе мокрой простыней всего тѣла по утрамъ, всякій вечеръ пилюли, двѣ какія-то гомеопатическія капли поутру, а съ началомъ лѣта и даже весною—ѣхать непремѣнно на море, преимущественно сѣверное, и пробыть тамъ, купаясь и двигаясь на морскомъ воздухѣ, сколько возможно болѣе времени, ни въ какомъ случаѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ, обнимая какъ васъ, такъ и ваше милое семейство, остаюсь вашъ Гоголь. Адресуйте письма такъ: Via dee la Croce № 81, 3 piano".

По усилившейся болѣзни глазъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ уже не могъ писать, а продиктовалъ отвѣтъ Гоголю; длинное письмо лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ писано имъ собственноручно. Вотъ оно:

„1845 г. 22 Ноября. Радонежскъ".

„Какъ вы обрадовали меня, милый другъ Николай Васильевичъ, письмецомъ своимъ изъ Рима отъ 29 Октября (вѣроятно новаго стиля)!

Хотя я питалъ въ душѣ моей теплую вѣру и надежду, что милосердный Богъ подкрѣпитъ ваши силы и проявитъ на васъ вновь Свою великую милость: ибо еще не свершенъ вашъ подвигъ, не окончено дѣло; хотя я ободрялъ этими словами и свою семью, горевавшую о вашемъ болѣзненномъ состоянiи, и даже написалъ ихъ въ письмѣ къ Александрѣ Осиповнѣ, которая, въ тревогѣ о вашемъ тяжеломъ положенiи, вошла со мною въ переписку: но не безъ страха и внутренняго волненiя! Будемъ молиться Богу, чтобъ Онъ вполнѣ возстановилъ ваши тѣлесныя и душевныя силы. Мы уже знали черезъ Надежду Николаевну, что ваша маменька получила отъ васъ письмо черезъ постороннiя руки, изъ котораго узнала, что прежнiя ваши письма пропали. Сообразивъ прежнiя обстоятельства, кажется, что пропажа ихъ исходитъ изъ того же источника, изъ котораго выходили разныя вѣсти о васъ, много причинившiя вашей маменькѣ горя. По моему, это гнуснѣйшее злодѣйство; я глубоко возмущенъ имъ и, признаюсь, желаю, чтобъ эти добрые люди получили достойную награду. Третьяго дня моя Вѣра писала къ вашей сестрицѣ обо всемъ томъ, о чемъ вы желали извѣстить ихъ".

„Мы живемъ въ деревнѣ тихо, мирно и уединенно; даже не предвидимъ, чтобы могла зайти къ намъ скука. Болѣзненное состоянiе нашей Оленьки продолжается, иногда нѣсколько легче, иногда тяжелѣе; не смѣемъ надѣяться исцѣленiя, но и за настоящее ея положенiе благодаримъ Бога. Я ничего не вижу лѣвымъ своимъ глазомъ, да и правымъ вижу нехорошо; но счелъ бы за великое благополучiе, если-бы могъ сохранить этотъ остатокъ зрѣнiя во всю остальную мою жизнь. По первому зимнему пути, уступая желанiю моего семейства, хочу съѣздить въ Петербургъ для свиданiя съ глазнымъ докторомъ Кабатомъ, хотя крѣпко не хочется ѣхать. Ольга Семеновна моя часто прихварываетъ: теперь и у ней болитъ глазъ; прочiе всѣ здоровы. Константинъ живетъ еще съ нами; на дняхъ будетъ возвращена изъ факультета его диссертацiя, которую профессора читали 8 мѣсяцевъ. На слѣдующей недѣлѣ онъ переѣдетъ жить въ Москву, чтобы печатать и потомъ защищать на диспутѣ свой пятилѣтнiй трудъ; если онъ не будетъ совершенно искаженъ цензурой факультета и попечителя, то Москва услышитъ на диспутѣ много новаго и . . мы испытаемъ много волненiя и заочнаго безпокойства: ибо не поѣдемъ въ Москву на это время.— Съ однимъ изъ товарищей моихъ меньшихъ сыновей, Погуляевымъ, мы послали вамъ двѣ стихотворныя пiесы («Чиновникъ» и «Зимняя Дорога») моего Ивана, свертокъ оставленъ у Жуковскаго; когда ваше здоровье возстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мнѣ голую правду".

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ началась у меня переписка съ Александрой Осиповной. Разумѣется, предметомъ содержанiя нашихъ

писемъ были вы; съ первой строки она умѣла возстановить между собой и мной искреннюю короткость. Въ началѣ Ноября, она пріѣхала въ Москву, проѣзжая въ Калугу; меня извѣстили, и я ѣздилъ туда для свиданія съ ней; мы провели цѣлый вечеръ въ самыхъ дружескихъ и откровенныхъ разговорахъ большею частью о васъ. Она намѣревалась ѣхать къ Троицѣ и хотѣла непремѣнно заѣхать къ намъ, въ деревню; но совершенное бездорожіе помѣшало ей исполнить свое намѣреніе. Я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она пишетъ, что непремѣнно будетъ у насъ зимой или весной; я нетерпѣливо хочу увидѣться съ ней въ другой разъ: одного свиданія слишкомъ недостаточно. Первое мое впечатлѣніе не во всемъ согласно съ тѣми понятіями, которыя я составилъ себѣ объ этой необыкновенной женщинѣ: многія черты не похожи на тѣ, которыя я придалъ заочно ея образу. Все это мнѣ надобно согласить. Она захотѣла видѣть Константина, и онъ былъ у ней въ Русскомъ платьѣ и бородѣ (на дняхъ одно скидается, а другая сбривается); она съ перваго слова напала и на платье, и на образъ его мыслей. Константинъ твердо стоялъ и за то, и за другое. По пріѣздѣ въ Калугу, она также просто и коротко обошлась съ моимъ Иваномъ (нападая на его мысли, общія съ братомъ), который, будучи также неуступчивъ, сильно ей противорѣчилъ. Одно можно положительно замѣтить, что человѣческія убѣжденія, хотя бы совершенно ложныя, но тѣмъ не менѣе задушевныя и серьезныя, никогда не уступаютъ самому шутливому нападенію, а даже оскорбляются имъ. Она такъ умна, что безъ сомнѣнія не думала перевоспитать этихъ молодыхъ людей, въ первые полчаса перваго своего въ жизни съ ними свиданія. Я увѣренъ, что она въ иное время бываетъ иною и что даже не безъ намѣренія показалась тою, которою является по необходимости въ этомъ душегубномъ омутѣ, называемомъ высшимъ кругомъ. Тихое прикосновеніе стали, даже и къ острому кремню, не извлекаетъ искръ; а ничтожныя нападенія и пустая свѣтская рѣчь, тамъ гдѣ ея не ожидали, извлекла нѣсколько огненныхъ искръ, ярко освѣтившихъ всю внутреннюю сторону моихъ юношей... Не могу долго писать: все зарябитъ въ послѣднемъ глазу моемъ; а диктовать не умѣю. Я очень давно не видалъ ни Погодина ни Шевырева, даже съ Языковымъ не видался въ послѣдній пріѣздъ въ Москву и потому ничего не могу вамъ сообщить о нихъ; знаю только, что нѣтъ въ Москвѣ, между всѣми нашими съ вами общими знакомыми, и двухъ человѣкъ согласныхъ между собою; а потому никакое литературное дѣло не можетъ имѣть успѣха. Погодинъ печатаетъ чертъ знаетъ чтò въ «Москвитянинѣ»... ну, да лучше не говорить о немъ. Лучше разскажу вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Отъ утренняго чая до завтрака и потомъ до поздняго обѣда всѣ мы заняты своими

дѣлами: играютъ, рисуютъ, читаютъ; Константинъ что нибудь пишетъ, а я диктую. Я затѣялъ написать книжку объ уженьѣ не только въ техническомъ отношеніи, но въ отношеніи къ природѣ вообще; страстный рыбакъ у меня также страстно любитъ и красоты природы; однимъ словомъ, я полюбилъ свою работу и надѣюсь, что эта книжка не только будетъ пріятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлѣніямъ ранняго утра, поздняго вечера, роскошнаго полдня и пр. Тутъ займетъ свою часть чудесная природа Оренбургскаго края, какою я зазналъ ее назадъ тому 45 лѣтъ. Это занятіе оживило и освѣжило меня. Послѣ обѣда мы уже не расходимся по своимъ угламъ вмѣстѣ; весь вечеръ продолжается уже общее чтеніе. Каждый вечеръ мы читаемъ что нибудь ваше по порядку выхода. Вчера кончили все; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станемъ опять читать. Собирайте, укрѣпляйте ваши силы; да подѣйствуетъ на васъ благодатно и плодотворно воздухъ вѣчнаго Рима. Пишите къ намъ, когда вамъ захочется: мы будемъ дѣлать тоже. Крѣпко обнимаю васъ. Вашъ на всю жизнь С. Аксаковъ. Оставилъ было мѣстечко, чтобъ жена приписала къ вамъ, милый другъ; но глазъ у нея такъ разболѣлся, что она писать не можетъ. Прощайте; усердно молимъ Бога, чтобъ Онъ возстановилъ совершенно ваше здоровье. Еще разъ васъ обнимаю. Всѣ мои васъ обнимаютъ и вамъ кланяются."

Въ поясненіе строкъ «пропажа писемъ происходитъ изъ того же источника, изъ котораго выходили разныя вѣсти о васъ, много причинившія вашей маменькѣ горя» и словъ самого Гоголя «у маменьки есть неблагопріятели, которые уже не разъ ее смущали какими нибудь глупыми слухами обо мнѣ, зная, что этимъ болѣе всего можно огорчить ее»,—нельзя не привести слѣдующаго мѣста изъ письма Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской. «Малороссы вообще, особенно въ Миргородѣ, терпѣть не могутъ Гоголя за то, что онъ ихъ вывелъ въ смѣшномъ видѣ, и говорятъ, что «Мертвыя Души» написаны на нихъ-же; всегда выдумываютъ на него всевозможныя сказки, такъ что бѣдную мать часто мучатъ. Она сама намъ разсказывала. Вообрази, что одинъ разъ одинъ изъ нихъ имѣлъ прежде дѣло съ отцемъ Гоголя и потомъ мстилъ матери, и какъ онъ мстилъ! Она какъ-то долго не получала писемъ отъ сына изъ чужихъ краевъ. Этотъ господинъ написалъ ей, что сынъ ея сошелъ съ ума, или что-то такое. Хорошо, что она прочла это письмо послѣ того, какъ получила письмо отъ сына».

Пропажа писемъ къ матери не переставала безпокоить Гоголя, что̀ видно еще и изъ слѣдующаго письма его къ Сергѣю Тимоѳеевичу, отъ 25 Ноября 1845 года:

„Письмо Шевырева меня огорчило. Онъ заговорилъ вновь о томъ, о чемъ я просилъ, какъ о дѣлѣ конченномъ, никогда не говорить мнѣ. Вы меня все таки больше знаете; вы утвердили обо мнѣ свое мнѣніе не изъ дѣлъ моихъ и поступковъ, а благородно вѣрили мнѣ въ душѣ своей, почувствовавши той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а дѣйствовать иначе; словомъ—вы меня все-таки больше знаете, а потому объясните Шевыреву, что все то, что̀ я уже положилъ и опредѣлилъ въ душѣ своей и произношу твердо, то уже не перемѣняется мною. Это не упрямство, но то рѣшеніе, которое дѣлается у меня вслѣдствіе многихъ обдумыванiй. Если жъ онъ найдетъ исполненіе моей просьбы несообразнымъ съ своимъ правиломъ, то пусть передастъ все въ однѣ ваши руки; а васъ прошу тогда выполнить, какъ святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительностью: Богъ вамъ поможетъ. Помните только то, что деньги не для бѣдныхъ студентовъ, но для бѣдныхъ слишкомъ хорошо учащихся студентовъ, для талантовъ. Имя дающаго должно быть навсегда скрыто, потому что у талантовъ чувствительнѣе и нѣжнѣе природа, чѣмъ у другихъ людей. Многое можетъ оскорбить „ихъ", хотя и некажущееся другимъ оскорбительнымъ. Когда же дающій скрылъ свое имя—даръ его примется твердо и смѣло, благословится въ глубинѣ благодарной души его неизвѣстное имя: ибо тотъ, кто скрылъ свое имя, вѣрно не попрекнетъ никогда своимъ благодѣяніемъ и не напомнитъ о немъ. Не заботьтесь о томъ, что книга идетъ тупо, не хлопочите о ея распространеніи и берегите только экземпляры. Она пойдетъ потомъ вдругъ. Деньги тоже пока ненужны: таланты рѣдки, и не скоро одинъ послѣ другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копѣйка не издерживалась на что-нибудь другое, а собиралась-бы и хранилась бы какъ святая. Обѣтъ этотъ данъ Богу. Объясните также Шевыреву, сколько я вамъ остался долженъ. Не бойтесь: я вамъ не заплачу этихъ денегъ, потому что я взялъ у васъ такимъ образомъ, какъ бы взялъ изъ моего собственнаго кармана. Но Шевыреву нужно объявить: онъ кажется подозрѣваетъ, что я вамъ долженъ гораздо больше.—Хотѣлъ было попенять на васъ за то, что пишете весьма мало о Константинѣ Сергѣевичѣ, но вижу въ тоже время, что это болѣе слѣдуетъ сдѣлать ему, нежели вамъ; до меня доходятъ только временами *слухи,* которые, какъ извѣстно, даже и тогда бываютъ нелѣпы, когда бываютъ основательны. Передайте ему это маленькое письмецо и пришлите мнѣ что-нибудь Ивана Сергѣевича. Мнѣ хвалили очень его „Зимнюю Дорогу". Пришлите ее и все то, что̀ ни было имъ написано въ послѣднее время. Прилагаю вновь письмо къ маменькѣ и вновь прошу васъ переслать къ ней. Я все-еще боюсь пропажи писемъ. Здоровье мое хотя и

стало лучше, но все-еще какъ-то не хочетъ совершенно установиться. Чувствую слабость и, что̀ всего непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ: долженъ ежеминутно бѣгать, согрѣваться. Едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣгать, согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день, такъ что не имѣется времени даже написать письма̀, не только чего другого. Но о недугахъ не сто̀итъ, да и грѣхъ говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни молились обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду. Затѣмъ прощайте, обнимаю васъ. Адресъ мой: Via dee la Croce. № 81, 3 piano".

Наступившій 1846-й годъ не оправдалъ надеждъ на выздоровленіе Гоголя. За этотъ годъ сохранились только два его письма къ Сергѣю Тимоѳеевичу.

„Римъ. 23 Марта 1846".

„Письмо ваше отъ 23 Января я получилъ. Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ много таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ:

„Среди удобныхъ и лѣнивыхъ,
Упорно медленныхъ работъ"...

„Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ. Прежнихъ стиховъ, вами посланныхъ къ Жуковскому, я не получалъ. Жуковскій не упоминаетъ даже ни слова въ письмахъ своихъ, была ли какая-нибудь къ нему посылка на мое имя. Я послалъ, однакожъ, къ нему запросъ, на который доселѣ еще нѣтъ отвѣта. Благодарю также Ольгу Семеновну за сообщеніе прекрасной проповѣди Филарета, которую я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ.— На счетъ недуговъ нашихъ скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжко переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впередъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь; никогда такъ болѣзненно не было еще мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: Да будетъ и да совершится Его святая воля надъ нами!"

„Покамѣстъ прощайте до слѣдующаго письма. Зябкость и усталость мѣшаютъ мнѣ продолжать, хотя и желалъ бы вамъ писать болѣе. Доселѣ изо всѣхъ средствъ, болѣе мнѣ помогавшихъ, была ѣзда и дорожная

тряска; а потому весь этотъ годъ обрекаю себя на скитаніе, считая это необходимымъ и, видно, законнымъ опредѣленіемъ свыше. Лѣтомъ полагаю объѣздить мѣста, въ которыхъ не былъ въ Европѣ сѣверной, на осень въ южную, на зиму въ Палестину, а весной, если будетъ на то воля Божія, въ Москву; а потому слѣдующія письма адрессуйте къ Жуковскому. А всѣхъ вообще просите молиться обо мнѣ, да путешествіе мое будетъ мнѣ во спасеніе душевное и тѣлесное и да успѣю, хотя во время его, хотя въ дорогѣ, совершить тотъ трудъ, который лежитъ на душѣ. Пусть Ольга Семеновна объ этомъ помолится и всѣ тѣ, которые любятъ молиться и находятъ усладу въ молитвахъ... Прощайте, другъ мой. Обнимаю всѣхъ васъ. Н. Гоголь".

Другое письмо Гоголя свидѣтельствуетъ о долгомъ молчаніи Сергѣя Тимоѳеевича и относится уже къ поздней осени (въ Неаполь, куда онъ проситъ адресовать отвѣтъ, онъ попалъ только около 19 Ноября 1846 г.).

„Что вы, добрый мой, замолчали, и никто изъ васъ не напишетъ о себѣ ни словечка? Я, однакожъ, знаю почти все, что съ вами ни дѣлается: чего не дослышалъ слухомъ, то дослышала душа. Принимайте покорно все, что ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, что намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро. Не вслѣдствіе какой-либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ; и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы я, чтобы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвалъ умъ помочь. Ради самого Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ!... Адресуйте мнѣ въ Неаполь. Раньше Генваря послѣднихъ чиселъ я не думаю подняться. Вашъ Г."

Сергѣй Тимоѳеевичъ захворалъ этотъ годъ мучительнымъ недугомъ; не это, впрочемъ, было причиною продолжительнаго молчанія его. Вотъ выписки за это время изъ писемъ Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской." *Отъ 7 Апрѣля*: Недавно пересылала намъ А. О. Смирнова письмо отъ Гоголя; онъ пишетъ, что проведетъ все лѣто въ дорогѣ, путешествіе ему необходимо: что поѣдетъ въ Турцію, въ Іерусалимъ; что онъ теперь, не смотря на свои физическія страданія, испытываетъ чудныя минуты; что самыя страданія необходимы для его труда; по всему видно, что трудъ его почти оконченъ; онъ проситъ всѣхъ молиться за него. *Отъ 29 Іюня*: Въ 88-мъ нумерѣ Московской Газеты напечатана статья Гоголя по случаю перевода Жуковскимъ Одиссеи. Можетъ быть, Гоголь и ошибается на счетъ достоинства перевода, и даже на счетъ того впеча-

тлѣнія, которое произведетъ Одиссея, но статья не менѣе замѣчательна. *Отъ 26 Сентября*: Я тебѣ еще не писала, что на дняхъ должно выдти новое сочиненіе Гоголя, содержаніе котораго неизвѣстно. Оно печатается подъ величайшимъ секретомъ въ Петербургѣ по его порученію; ждемъ нетерпѣливо. Что̀ оно можетъ заключать? У насъ прошли слухи, что будто это отрывки изъ его переписки съ друзьями, что будто онъ сжегъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ и такъ далѣе; слухи, по которымъ должно заключить, что онъ не совсѣмъ въ здравомъ умѣ, покрайней мѣрѣ, принялъ слишкомъ одностороннее направленіе. *Отъ 3 Декабря*: Гоголь или боленъ, или потерялъ здравый разсудокъ, живя такъ долго одинъ въ земляхъ чужихъ. Можетъ быть, даже и вліяніе, ему самому незамѣтное, католицизма!. Все это даетъ странный характеръ его религіозному направленію, которое овладѣло имъ до такой степени, что художникъ исчезаетъ. Не смотря на наши собственныя невеселыя обстоятельства, это насъ сильно огорчаетъ. Отецъ такъ волновался и огорчался, что мы не допускали даже разговоровъ о Гоголѣ. Не смотря на всѣ наши убѣжденія, отецъ, хотя не вдругъ, продиктовалъ письмо къ Гоголю, вполнѣ откровенное. Гоголь прислалъ къ 4 и 5-му изданію „Ревизора“ *Предувѣдомленіе*, которое состоитъ въ слѣдующемъ. Гоголь назначаетъ деньги, вырученныя за „Ревизора“, въ пользу бѣдныхъ, особенно мелкихъ чиновниковъ. Онъ проситъ всѣхъ читателей разузнавать о бѣдныхъ и сообщать объ нихъ свѣдѣнія лицамъ, избраннымъ имъ на это дѣло, и сообщать не только письменно, но и лично. Лица же эти обязаны разузнавать о причинахъ бѣдности и давать наставленія, и даже прибѣгать къ помощи священниковъ. Лица же эти почти всѣ наши знакомыя: именно Елагина, Свербеева и—я! Нѣсколько и мужчинъ. Въ своемъ предисловіи къ книгѣ, которая должна выдти въ Петербургѣ, онъ объясняетъ, что у него не остается манускриптовъ, что онъ сжегъ всѣ свои бумаги и т. д. *Отъ 27 Декабря*: Объ Гоголѣ слухи все не лучше. Говорятъ, онъ еще хочетъ издать книгу о Русскомъ духовенствѣ, не знаю, правда ли? Отецъ писалъ письмо къ Плетневу съ тѣмъ, чтобъ остановить печатаніе всѣхъ этихъ странностей, но Плетневъ не согласенъ: намъ порукой Жуковскій, который одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя. Отецъ письма своего къ Гоголю никому почти не показывалъ, для того, чтобы Гоголь не обидѣлся. Что-то онъ будетъ отвѣчать! Мы мало имѣемъ надежды на успѣхъ, то есть, чтобъ онъ взглянулъ здравыми глазами на всѣ свои дѣйствія. Говорятъ даже, будто онъ цѣлые дни проводитъ съ монахами.“

Къ этимъ строкамъ можно прибавить еще выписки изъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича къ Ивану Сергѣевичу въ Калугу. *Отъ 26 Августа. 1847 г.*: Мы получили вѣрное и сек-

ретное извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ печатается цѣлая книга, присланная отъ Гоголя: *Отрывки изъ писемъ или переписка съ друзьями*, названія хорошенько не помню... Между прочимъ Гоголь признаетъ совершенную ничтожность всего имъ написаннаго и говоритъ, что изорвалъ продолженіе „*Мертвыхъ Душъ*"; объявляетъ, что ѣдетъ въ Іерусалимъ и дѣлаетъ какое-то завѣщаніе Россіи. Увы, исполняется мое давнишнее опасеніе: религіозная восторженность убила великаго художника и даже сдѣлала его сумасшедшимъ. Это истинное несчастіе, истинное горе. *Отъ послѣднихъ чиселъ Ноября*: Я написалъ и послалъ сильный протестъ къ Плетневу, чтобы не выпускалъ въ свѣтъ новой книги Гоголя, которая состоитъ изъ отрывковъ писемъ его къ друзьямъ и въ которой точно есть завѣщаніе къ цѣлой Россіи, гдѣ Гоголь проситъ, чтобъ она не ставила надъ нимъ никакого памятника и увѣдомляетъ, что онъ сжегъ всѣ свои бумаги. Я требую также, чтобы не печатать *Предувѣдомленія* къ пятому изданію „Ревизора": ибо все это съ начала до конца чушь, дичь и нелѣпость, и если будетъ обнародовано, сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи. Тоже самое объявилъ я Шевыреву. Не обязывая ихъ къ полному согласію со мною, я убѣждаю ихъ написать Гоголю съ совершенной откровенностью, что̀ они думаютъ. Самъ я началъ диктовать большое письмо къ Гоголю, гдѣ я высказываю ему безпощадную правду. Очень жаль, что диктовка этого письма, сильно меня волнуя, увеличиваетъ мои страданія, что̀ и заставляетъ диктовать понемногу: оно потеряетъ свою цѣльность и энергію. Если Гоголь не послушаетъ насъ, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву отказаться отъ исполненія его порученія. Пусть онъ находитъ себѣ другихъ палачей. *Отъ 3 Декабря*: Я увѣдомилъ тебя, что писалъ Плетневу; вчера получилъ отъ него неудовлетворительный отвѣтъ. Письмо къ Гоголю лежало тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ; наконецъ, въ нѣсколько пріемовъ я написалъ его. Я довольно пострадалъ за то, но согласился бы вытерпѣть вдесятеро болѣе мученія, только бы оно было полезно, въ чемъ я сомнѣваюсь. Болѣзнь укоренилась, и лѣкарство будетъ не дѣйствительно или даже вредно; нужды нѣтъ, я исполнилъ свой долгъ, какъ другъ, какъ Русскій и какъ человѣкъ."

Объ этомъ самомъ времени и по этому поводу есть еще особый разсказъ Сергѣя Тимоѳеевича, составляющій выдержку изъ его воспоминаній, отданныхъ имъ въ распоряженіе г. Кулиша. (См. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II. стр. 95. изд. 1856-го г.). Вотъ онъ:

„Въ концѣ 1846 года, во время жестокой моей болѣзни, дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается „Переписка съ Друзьями": мнѣ даже сообщили по нѣскольку строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я

пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени. На это письмо я получилъ отъ Гоголя отвѣтъ уже въ 1847-мъ году. Изъ этого отвѣта видно, что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ „Ревизора съ Развязкой". На нихъ я нападалъ всего болѣе, но объ этомъ говорить еще рано. Между тѣмъ мнѣ прочли коекакъ два раза его книгу (я былъ еще боленъ и ужасно страдалъ). Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовалъ къ Гоголю другое небольшое, но жестокое письмо. Въ это время Д. Н. Свербеевъ, въ письмѣ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень справедливыхъ замѣчаній. Я послалъ и его письмо вмѣстѣ съ своимъ къ Гоголю".

После всего вышеизложеннаго остается привести самыя письма къ Гоголю. Вотъ первое, продиктованное Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ:

„9 Декабря 1846 г".

„Давно, очень давно надобно было писать къ вамъ. Давно душа моя рвалась излиться въ вашу душу; но съ Февраля прошедшаго года я жестоко страдаю и только лѣтомъ имѣю отдыхъ, какъ будто для того, чтобъ собраться съ силами; съ 1-го же Октября по настоящее число Декабря я страдаю постоянно. Но главное препятствіе состояло не въ этомъ: при всякомъ ослабленіи болѣзни, я думаю и думалъ объ васъ, и часто говорю мысленно съ вами; и такъ стоило только эти мысли положить на бумагу, и это-то меня до сихъ поръ останавливало. Я хочу говорить съ вами такъ глубоко-откровенно, что только мой голосъ или моя рука имѣетъ право произнести или написать такія рѣчи; а я съ трудомъ могу подписать мое имя! Необходимость заставила меня употребить Константина, такого человѣка, который любитъ васъ и преданъ вамъ безпредѣльно. Кажется, вы не должны оскорбиться этимъ".

„Уже давно начало не нравиться мнѣ ваше религіозное направленіе. Не потому, что я, будучи плохимъ христіаниномъ, плохо понималъ его и оттого боялся; но потому, что проявленіе христіанскаго смиренія казалось мнѣ проявленіемъ духовной гордости вашей. Многія мѣста въ вашихъ письмахъ ко мнѣ меня смущали; но они были окружены такимъ блескомъ поэзіи, такою искренностью чувства, что я не смѣлъ предаться, не смѣлъ повѣрить моему внутреннему голосу, ихъ охуждавшему, и старался перетолковать свое непріятное впечатлѣніе въ благопріятную для васъ сторону. Я бывалъ даже увлеченъ, ослѣпленъ вами и помню, что одинъ разъ написалъ къ вамъ горячее письмо, истинно скорбя о томъ, что я самъ, какъ христіанинъ, неизмѣримо далекъ отъ того, чѣмъ бы я могъ быть".

„Между тѣмъ ваше новое направленіе развивалось и росло. Опасенія мои возобновились съ бо́льшей силой: каждое ваше письмо подтверждало ихъ. Вмѣсто прежнихъ, дружескихъ, теплыхъ изліяній, начали появляться наставленія проповѣдника, таинственныя, иногда пророческія, всегда холодныя и, что́ всего хуже, полныя гордыни въ рубищѣ смиренія. Я могъ бы доказать слова мои многими выписками изъ вашихъ писемъ, но считаю это излишнимъ и слишкомъ тягостнымъ для себя трудомъ. Вскорѣ прислали вы намъ при самомъ загадочномъ письмѣ душеспасительное житіе Ѳомы Кемпійскаго съ подробнымъ рецептомъ: какъ, когда и по скольку употреблять его, обѣщая намъ несомнѣнный переворотъ въ духовной жизни нашей... Опасенія мои превратились въ страхъ, и я написалъ вамъ довольно рѣзкое и откровенное письмо. Въ это время меня начинала постигать ужасная бѣда: я терялъ безвозвратно зрѣніе въ одномъ глазу и начиналъ чувствовать ослабленіе его въ другомъ. Отчаяніе овладѣвало мною. Я излилъ скорбь мою въ вашу душу и получилъ въ отвѣтъ нѣсколько сухихъ и холодныхъ строкъ, способныхъ не умилить, не усладить страждущее сердце друга, а возмутить его. Послѣ того вы были долго больны сами, и вскорѣ послѣ вашего медленнаго выздоровленія начались мои мучительныя страданія, и теперь продолжающіяся. Немного было предметовъ, возбуждавшихъ мое душевное участіе; но вы были изъ первыхъ. Тѣлесное здоровье ваше, какъ видно, поправилось и дѣятельность возобновилась; но какая дѣятельность? Каждое ваше дѣйствіе было для меня новымъ ударомъ и одинъ другого сильнѣйшимъ. Статья ваша, напечатанная въ Моск. Вѣд. о переводѣ Одиссеи, заключая въ себѣ много прекраснаго, въ тоже время показывала вашъ непростительно-ошибочный взглядъ на то дѣйствіе, какое вы ему предсказываете съ самоувѣренностью, догматически. Похвалы ваши переводу превзошли не только мѣру, но и самую возможность достоинства такого труда. Одни видѣли въ этомъ поэтическое увлеченіе, другіе—пристрастіе дружбы; но я зналъ васъ хорошо: ясность и глубина взгляда и вѣрность суда, даже въ предметахъ, мало вамъ извѣстныхъ, были отличительными вашими качествами, и я, посреди похвалъ и восклицаній вашихъ друзей и почитателей, горестно молчалъ и тоскуя думалъ о будущемъ. Предисловіе ваше ко 2-му изданію „Мертвыхъ Душъ“ поразило меня глубже, и когда Шевыревъ читалъ мнѣ его, то мои стенанія отъ физическихъ мученій замѣнились стенаніями душевными, и я тогда же предлагалъ не печатать вашего объясненія съ читателями. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ заключеніе, которое выведетъ изъ него здравый толкъ простаго Русскаго человѣка: *„Кой чортъ, скажетъ онъ, сочинитель самъ признается, что плохо знаетъ Русь и для того, чтобы избѣжать промаховъ во 2-мъ*

томъ своего сочиненія, почти пять лѣтъ живетъ за границей, да видно и еще хочетъ тамъ оставаться, потому что проситъ насъ замѣчать его промахи, описывать нравы наши, обычаи и вообще весь Русскій бытъ, и все это пересылать къ нему черезъ Петерб. и Московскихъ корреспондентовъ! Онъ видно хочетъ, живя на чужбинѣ и съ каждымъ днемъ забывая то, что зналъ о святой Руси, чужими руками жаръ загребать." Нужно ли говорить, что̀ скажутъ тѣ люди, которые понимаютъ, какъ ложна мысль, будто изъ мертвыхъ описаній житейскихъ фактовъ и анекдотовъ можетъ постигаться жизнь и духъ обширнѣйшей, разнообразнѣйшей страны и великаго народа, въ ней живущаго. Вслѣдъ за этимъ разнеслись темные слухи, что въ Петербургѣ печатается цѣлая книга вашихъ сочиненій, въ которой помѣщена ваша переписка съ друзьями, состоящая изъ проповѣдей и пророчествъ, ваше признанье, что все написанное вами до сихъ поръ ничтожно и недостойно вниманія, ваше извѣщеніе, что вы сожгли продолженіе „Мертвыхъ Душъ", и что вы отправляетесь въ Іерусалимъ и, наконецъ, ваше завѣщаніе, чтобъ не ставили никакого памятника на вашей могилѣ. Не зная до какой степени справедливы эти слухи, тѣмъ не менѣе, уже не я одинъ, но многіе изъ тѣхъ, для коихъ драгоцѣнны вы и вашъ великій талантъ, пришли въ неописанный ужасъ. Враги ваши торжествовали, и уже Брамбеусъ торжественно и печатно объявилъ, что новый Гомеръ впалъ въ мистицизмъ. Вскорѣ получили мы доказательства, послѣ которыхъ, по моему мнѣнію, должно было всему повѣрить: мы получили для напечатанія *Предувѣдомленіе* къ 4-му изданію „Ревизора" въ пользу бѣдныхъ и новую развязку. Другъ мой, гдѣ же то христіанское смиреніе, которое велитъ дѣлать добро такъ, чтобъ шуйца не вѣдала, что̀ творитъ десница? Вы всенародно, въ услышаніе всей Россіи, устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поименно членовъ онаго и съ подробностью предписываете имъ образъ ихъ дѣйствій, невозможный въ исполненіи, несообразный ни съ чѣмъ до послѣдней крайности. Какъ вы могли подумать, что лица, назначаемыя вами, особенно женщины, могли быть такъ неразборчивы, такъ нескромны, что согласились бы принять публичныя обязанности благотворенія, вами на нихъ возлагаемыя?.... Разумѣется, никто не согласится, и ваше Предувѣдомленіе уничтожается само собою. Но гдѣ же вашъ прежній, ясный и здравый взглядъ на публичность, гласность въ дѣлѣ благотворенія? Давно ли вы сами поручали такія дѣла Шевыреву и мнѣ подъ условіемъ глубокой тайны? Этой тайны не знаютъ даже наши семейства. Наконецъ, обращаюсь къ послѣднему вашему дѣйствію—къ новой развязкѣ „Ревизора". Не говорю о томъ, что тутъ нѣтъ никакой развязки, да и нѣтъ въ ней никакой надобности; но подумали-ли вы о томъ, какимъ образомъ Щепкинъ, давая себѣ

въ бенефисъ „Ревизора“, увѣнчаетъ самъ себя какимъ-то вѣнцемъ, поднесеннымъ ему актерами? Вы позабыли всякую человѣческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, какъ приняла бы все это Русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не Французы, которые готовы безсмысленно восторгаться отъ всякой эффектной церемоніи. Но мало этого. Скажите мнѣ, ради Бога, положа руку на сердце: неужели ваши объясненія „Ревизора“ искренни? Неужели вы, испугавшись нелѣпыхъ толкованій невѣждъ и дураковъ, сами святотатственно посягаете на искаженіе своихъ живыхъ творческихъ созданій, называя ихъ аллегорическими лицами? Неужели вы не видите, что аллегорія внутренняго города не льнетъ къ нимъ, какъ горохъ къ стѣнѣ; что названіе Хлестакова свѣтскою совѣстью не имѣетъ смысла, ибо принятіе Хлестакова за ревизора есть случайность? Вы нѣкогда обвиняли меня въ неполной искренности, вы требовали безпощадной правды—вотъ она. Если выраженія мои рѣзки, то вы, зная меня, не должны ими оскорбиться; но берегитесь подумать, что это вспышка моей горячей страстной, какъ вы называете, натуры—вы жестоко ошибетесь. Пятый годъ душа моя наполняется этими чувствами и убѣжденіями, и, наконецъ, переполнилась мѣра. Посердитесь на меня, лишите меня вашей дружбы, но внемлите правдѣ, высказанной мною.“

Отвѣтъ Гоголя на это былъ полученъ уже въ 1847-мъ году. Онъ писалъ:

„Неаполь. 1847, Январь 20 новаго стиля.“

„Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что̀ нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться; но такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то̀ я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ—вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ (сдѣланныхъ, какъ вами, такъ и другими) было то, что я, понадѣявшись на свои силы, и на (будто бы) совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что̀ слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблa-

горазумныя подталкиванья со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанія нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Россіи (съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если бы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ), нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно-существенныхъ отношеніяхъ; а еще болѣе будетъ нужно для меня самого. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ тоже время *васъ*, то есть, *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что̀ такое въ настоящую минуту я самъ и что̀ такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ, покуда, не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего; я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе, тѣмъ въ бо̀льшихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ. Одинъ только секретъ и былъ, о которомъ я просилъ васъ никогда даже и мнѣ не напоминать и о которомъ вы неблагоразумно упомянули въ вашемъ письмѣ. Сами сказали, что о немъ и семейство ваше не знаетъ и дали написать эти слова не вашей рукѣ. Это нехорошо. Если вы почувствовали надобность упомянуть объ этомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать сравненіе съ распоряженіемъ по части продажи „Ревизора“ (котораго изданіе и представленіе мною отложено), то лучше было обойтись просто, безъ этого сравненія, — тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ невѣрно и не въ попадъ. Есть дѣла, которыя дѣйствительно нужно производить открыто, въ виду всѣхъ, которыя суть, просто, нашъ непремѣнный долгъ, а не подвигъ благотворенія. Если почти всѣ наши писатели издавали книги для бѣдныхъ, если даже Булгаринъ, Гречъ и многіе другіе, укоряемые въ корыстолюбіи, производили въ пользу бѣдныхъ пожертвованья, публичныя чтенія и тому подобныя,—почему же я не могу также? И что же я за исключеніе? И отчего копейка отъ другого есть долгъ, а отъ меня подвигъ благотворенія? Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ

вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано».

«Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что́ ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня... Обнимаю васъ! Передайте поклонъ всѣмъ вашимъ. Васъ очень любящій Г.".

Еще не получивъ этого отвѣта отъ Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ уже получилъ книгу „Переписка съ друзьями" и разразился негодованіемъ. Вотъ два письма, диктованныя имъ, почти одно за другимъ: одно въ Калугу, къ Ивану Сергѣевичу, который, было, сочувствовалъ „Перепискѣ"; другое — къ самому Гоголю.

«14 Января 1847 г.».

Сейчасъ получилъ письмо твое, милый другъ Иванъ, отъ 11 Янв. Не будучи въ состояніи заниматься теперь никакимъ другимъ дѣломъ, кромѣ разговора съ тобою, я принимаюсь диктовать письмо, хотя оно пойдетъ еще послѣ завтра. Письмо твое не изумило, не поразило меня, а просто уничтожило на нѣкоторое время. Я также прочелъ всю книгу Гоголя. Если-бы я не имѣлъ утѣшенія думать, что онъ на нѣкоторыхъ предметахъ помѣшался, то жесткимъ бы словомъ я назвалъ его. Я вижу въ Гоголѣ добычу сатанинской гордости, а не христіанское смиреніе. Я никогда не прощу ему выходокъ на Погодина: въ нихъ дышетъ дьявольская злоба, а онъ изволитъ утопать въ сладости любви христіанской. Меня оскорбило письмо его къ Веневитинову, которое и написать совѣстно, не только напечатать, которое нашпиговано *ангельскими устами* и *небеснымъ голосомъ*, гдѣ опредѣляется чисто-католическое воззрѣніе на красоту женщины и употребленіе оной, и между прочимъ говорится о *рукоплесканіяхъ на небесахъ*. Я не могъ читать безъ отвращенія печатное завѣщаніе человѣка живаго и здороваго, въ каждомъ словѣ котораго дышетъ неимовѣрная гордость и опять таки злоба на Погодина, гдѣ эстампъ Преображенія Господня такъ и ложится рядомъ съ его портретомъ. Боже мой, какое впечатлѣніе произведетъ это завѣщаніе на его бѣдную мать! Я не могъ безъ горькаго смѣха слушать его наставленіе помѣщикамъ, какъ надобно имъ пахать, жать и косить впереди своихъ крестьянъ; какъ заставлять ихъ прикладываться къ нѣкоторымъ словамъ Священнаго Писанія, *тыкая* въ нихъ пальцемъ, какъ чинить судъ и расправу и какъ увѣрить умный Русскій народъ, что помѣщикъ для того только справляетъ барщину, чтобъ они въ потѣ лица снѣдали хлѣбъ свой; какъ раскладывать свой годовой доходъ, котораго никогда при началѣ года въ рукахъ не бываетъ, на семь кучь и если въ кучѣ, назначенной для благотворенія, недостаетъ денегъ, то дать людямъ умирать возлѣ себя, а изъ другой кучи не брать! Я не могъ безъ жалости слышать этотъ языкъ пошлый, сухой, вялый и безжизненный, которымъ ты упиваешься, и только статья о Русской литературѣ и литераторахъ и письмо объ Ива-

новѣ напомнили мнѣ прежняго Гоголя. Неужели не поразило тебя выраженіе: *прекрасный небесный Отецъ нашъ* и рядомъ *прекрасный другъ мой* (говоря о Жуковскомъ)? Я теперь уже готовъ услышать отъ тебя, что статья, которой не называю, непосредственно вытекаетъ изъ духа христіанскаго. Этотъ духъ по крайней мѣрѣ не глупъ. Я прочелъ книгу и отдалъ читать другимъ; пишу теперь на память, которая у меня плоха. Я увѣренъ, что найду въ ней десятки подобныхъ доказательствъ. Я не буду знать, что̀ мнѣ возразить тому человѣку, который скажетъ: это хохлацкая штука; широко замахнулся, не совладѣлъ съ громадностью художественнаго исполненія втораго тома, да и прикинулся проповѣдникомъ христіанства.

Мы всѣ сбираемся писать къ Гоголю, болѣе или менѣе въ одинаковомъ смыслѣ. Разумѣется, все, что̀ я написалъ тебѣ, я не только никому не скажу, но и не позволю сказать при мнѣ, кромѣ истинныхъ друзей Гоголя.

16 Янв. Обстоятельства перемѣняются. Мы не можемъ молчать о Гоголѣ, мы должны публично порицать его. Шевыревъ даже хочетъ напечатать безпощадный разборъ его книги. Дѣло въ томъ, что хвалители и ругатели Гоголя перемѣнились мѣстами: всѣ мистики, всѣ ханжи, всѣ припримиряющіеся съ подлою жизнію своею возгласами о христіанскомъ смиреніи, весь скотный дворъ Глинки, а особенно женская свита К. В. Новосильцовой утопаютъ въ слезахъ и восхищеніи. Я думалъ, что вся Россія дастъ ему публичную оплеуху, и потому не для чего намъ присоединять рукъ своихъ къ этой пощечинѣ; но теперь вижу, что хвалителей будетъ очень много, и Гоголь можетъ утвердиться въ своемъ сумашествіи. Книга его можетъ быть вредна многимъ. Вчера былъ у меня Погодинъ. Онъ признается, что въ первыя минуты былъ оскорбленъ до глубины души (Шевыревъ сказывалъ, что онъ горько плакалъ), но скоро успокоился и теперь искренно смѣется. Онъ хочетъ написать къ Гоголю: *„Другъ мой, Іисусъ Христосъ учитъ насъ подставлять правую ланиту, получивъ пощечину въ лѣвую; но гдѣ же учитъ Онъ давать публичныя оплеухи?“* Вся его книга проникнута лестью и страшной гордостью подъ личиной смиренія. Онъ льститъ женщинѣ, ея красотѣ, ея прелестямъ; онъ льститъ Жуковскому, онъ льститъ власти. Онъ не устыдился напечатать, что нигдѣ нельзя говорить такъ свободно правду, какъ у насъ. Можетъ ли быть безумнѣе гордость, какъ требованіе, чтобъ, по смерти его, его завѣщаніе было немедленно напечатано во всѣхъ журналахъ, газетахъ и вѣдомостяхъ, дабы никто не могъ отговориться невѣдѣніемъ онаго? Чтобъ не ставили ему памятника, а чтобъ каждый вмѣсто того сдѣлался *лучшимъ?* Чтобъ всѣ исправлялись *о имени его?*... Все это надобно повершить фактомъ, который равносиленъ *41-му числу Мартобря* (въ Запискахъ Сумасшедшаго)... Сейчасъ получили письмо твое отъ 14 Января и вмѣстѣ съ нимъ письмо отъ матери Гоголя, которая еще не получила его книги, но получила его завѣщаніе.... Добрый и нѣжный сынъ! Книги Гоголя въ продажѣ нѣтъ: ибо всего было прислано 35 экзем., а 1200 выслано изъ Петербурга въ прошедшій Понедѣльникъ; и такъ, ты не скоро еще ее получишь. Я увѣренъ, что мысли твои о книгѣ Гоголя должны измѣниться. Ты обольстилъ самъ себя предположеніемъ чистаго христіанскаго направленія въ Гоголѣ. Что̀ Александра Осиповна? Если ты захочешь, то можешь показать ей или прочесть въ моемъ письмѣ все, касающееся до книги Гоголя. Я даже желалъ бы сообщить ей письмо мое

къ нему, читанное тобою. Неужели необыкновенный умъ этой женщины не пойметъ меня? Цѣлую, обнимаю и благословляю тебя. Отецъ и другъ С. Аксаковъ."

Письмо Сергѣя Тимоѳеевича о „Перепискѣ съ Друзьями" къ самому Гоголю помѣчено 27 Генваря 1847 г.

„Другъ мой! Если вы желали произвести шумъ, желали, чтобъ высказались и хвалители, и порицатели ваши, которые теперь, отчасти, перемѣнились мѣстами, то вы вполнѣ достигли своей цѣли. Если это была съ вашей стороны шутка, то успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: все одурачено! Противники и защитники представляютъ безконечно-разнообразный рядъ комическихъ явленій... Но увы! нельзя мнѣ обмануть себя: вы искренно подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ обращикъ содержится въ вашей книгѣ.... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка".

«Еслибъ эту книгу написалъ обыкновенный писатель—Богъ бы съ нимъ! Но книга написана вами; въ ней блещетъ мѣстами прежній, могучій талантъ вашъ, и потому книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій. Издали предчувствовалъ я эту бѣду, долго горевалъ и думалъ встрѣтить грозу спокойно; но когда разразился ударъ, то разлетѣлось мое разумное спокойствіе. О, недобрый былъ тотъ день и часъ, когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель Русскихъ умовъ и дарованій? Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство—измѣна ему".

«Я не хотѣлъ писать къ вамъ до полученіи отвѣта на письмо мое отъ 9 Декабря, но сердце не вытерпѣло. Вѣроятно вы получите много писемъ. Вы просили печатно всѣхъ сказать свое мнѣніе откровенно, и многіе это сдѣлаютъ. Прилагаю письмо Д. Н. Свербеева, которое онъ пишетъ почему-то ко мнѣ, а не прямо къ вамъ. Прощайте. Обнимаю васъ и молю Бога, чтобъ Онъ укрѣпилъ ваше здоровье и успокоилъ вашъ духъ. Я не страдаю отъ своей болѣзни и понемногу оправляюсь. Другъ вашъ С. Аксаковъ».

«P. S. Я не хотѣлъ и не хочу касаться до частностей вашей книги, но не могу умолчать о томъ, что̀ меня всего болѣе оскорбляетъ и раз-

дражаетъ: я говорю о вашихъ злобныхъ выходкахъ противъ Погодина. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, что вы, даже въ завѣщаніи (я вѣрю вамъ, что вы писали точно завѣщаніе, а не сочиненіе, хотя этому повѣрить довольно трудно), разставаясь съ міромъ и со всѣми его презрѣнными страстями, позорите, безчестите человѣка, котораго называли другомъ и который точно былъ вамъ другъ, но *по своему*. Погодинъ сначала былъ глубоко оскорбленъ, мнѣ сказывали даже, что онъ плакалъ; но скоро успокоился. Онъ хотѣлъ написать къ вамъ слѣдующее: „Другъ мой! Іисусъ Христосъ учитъ насъ, получивъ оплеуху въ одну ланиту, подставлять со смиреніемъ другую; но гдѣ же Онъ учитъ давать оплеухи?" Желалъ бы я знать, какъ бы вы умудрились отвѣчать эму. Мой адресъ: Въ Леонтіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Рюмина".

Уже только пославъ это „небольшое, но жестокое письмо", Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ вышенапечатанный отвѣтъ Гоголя отъ 20 Генваря новаго стиля 1847-го г. изъ Неаполя. Какъ былъ принятъ этотъ отвѣтъ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, видно изъ его письма въ Калугу къ сыну Ивану Сергѣевичу, *отъ 17 Февраля 1847-го года;* кромѣ того, объ этомъ сохранилась и выписка изъ переписки Вѣры Сергѣевны съ М. Г. Карташевской, *отъ 21-го Февраля 1847 г.* Вотъ она: «До выхода „Переписки съ Друзьями", отецъ никому не показывалъ письма своего къ Гоголю; но послѣ книги, видя, что для Гоголя не существуетъ болѣе никакихъ частныхъ дружескихъ отношеній, показалъ свое письмо и потомъ отвѣтъ Гоголя. Не осталось человѣка, который бы болѣе или менѣе не былъ оскорбленъ имъ, и приговоръ былъ общій, что письмо хуже книги. Еще не получая отвѣта отъ Гоголя, отецъ не выдержалъ и написалъ ему нѣсколько строкъ уже по прочтеніи его книги. Отецъ даже жалѣлъ, что послалъ его; но теперь доволенъ, потому что, по полученіи потомъ отвѣта на первое письмо, не былъ бы въ состояніи написать ему о впечатлѣніи, произведенномъ его книгою. Отецъ спокойно и кротко принялъ его отвѣтъ, но писать къ нему съ тою душевною горячей откровенностью, послѣ такого отвѣта, не въ состояніи».

Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ не переставалъ оспаривать нѣкотораго сочувствія своего сына, Ивана Сергѣевича, къ „Перепискѣ съ Друзьями. Вотъ выдержи изъ нѣсколькихъ писемъ С—я Т—ча по этому поводу. *Отъ 23-го Генваря 1847 г.* „О книгѣ Гоголя надо говорить много и долго; я читаю ее во второй разъ и очень медленно. Благодаря Бога, я уже совершенно убѣжденъ въ полной искренности сочинителя, и его духовное состояніе объясняется для меня: онъ находится въ состояніи перехода, всегда исполненнаго излишествъ, заблужденій, ослѣпленій. Мнѣ блещетъ

лучъ надежды, что Гоголь выйдетъ побѣдоносно изъ этого положенія; но книга его чрезвычайно вредна: въ ней все ложно, слѣдственно и впечатлѣнія будучи ложны... Самымъ близкимъ и живымъ доказательствомъ тому служишь ты самъ. Говоря о примиреніи искусства съ религіей, онъ всѣми словами и дѣйствіями своими доказываетъ, что художникъ погибъ въ немъ; дай Богъ, чтобы это было только на время... Вчера вечеромъ мнѣ перечли письмо *о значеніи женщины въ свѣтѣ*. Большую статью надо написать на это письмо. Боже мой! До какой степени оно противно духу христіанскому; это письмо не только католическое, но языческое; нигдѣ такъ ярко не изобличается ложность направленія Гоголя. *Отъ 30 Генваря*: „Прочитавъ въ другой разъ статью *о лиризмѣ нашихъ поэтовъ*, я впалъ въ такое ожесточеніе, что, отправляя къ Гоголю письмо Д. Н. Свербеева, вмѣсто нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ хотѣлъ сказать, что не буду писать къ нему письма объ его книгѣ до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта на мое письмо отъ 9-го Декабря,—написалъ цѣлое письмо горячее и рѣзкое, о чемъ очень жалѣю. Вчера прочли мы, едва ли не въ третій разъ, письмо объ Ивановѣ, которое понравилось мнѣ гораздо менѣе прежняго. Они оба погибаютъ отъ лукаваго мудрствованія, вѣрить же надобно въ простотѣ сердца. Это ужасная ошибка и даже дерзость, по моему, мѣшать имя Бога во всѣ наши дѣла. Разумѣется, всякій талантъ отъ Бога; но мысль, что прежде надо сдѣлаться святымъ, чтобъ изобразить святое—нелѣпость. Изъ этого выйдетъ, что Ивановъ не кончитъ картины „Богоявленія Господня“ и Гоголь—„Мертвыхъ Душъ“. Кто можетъ осмѣлиться сказать себѣ: я теперь готовъ, я добродѣтеленъ, я святъ? Много, много надобно говорить объ этомъ. Я хочу переплесть книгу Гоголя съ бѣлыми листами, вновь перечитать ее и записать всѣ мои замѣчанія; эту книгу я отошлю ему, разумѣется, съ оказіей. Я сдѣлаю все, что̀ можетъ сдѣлать другъ для друга, братъ для брата и человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ—теряющій великаго поэта. До тѣхъ поръ я не успокоюсь совершенно. Какъ мнѣ больно слышать твои слова: *Все это можетъ быть полезно людямъ... Просвѣтленный художникъ уразумѣетъ всю жизнь*. Какая мечта! Мы сходимся въ одномъ съ Алекс. Осип. Смирновой, что Гоголь не въ состояніи кончить „Мертвыя Души“. — *Отъ 6-го и 8-го Февраля 1847 года*: „Гоголь не перестаетъ занимать меня съ утра до вечера... Книгу Гоголя мы прочли окончательно, иныя статьи даже по три раза; беру назадъ прежнія мои похвалы нѣкоторымъ письмамъ или, правильнѣе сказать, нѣкоторымъ мѣстамъ: нѣтъ ни одного здороваго слова, вездѣ болѣзнь или въ развитіи или въ зернѣ“.— *Отъ 17-го Февраля*: „Желалъ бы, чтобъ ты показалъ или прочиталъ Александрѣ Осиповнѣ все что̀ я писалъ о Гоголѣ. Я желалъ бы, чтобъ все, мною написанное и сказанное о немъ, было также напечатано. Ибо теперь, послѣ его отвѣта на мое письмо, я уже не могу ни говорить, ни писать о немъ. Ты не знаешь этого письма. Я перенесъ его спокойно, равнодушно; но самые кроткіе люди, которые его прочли, пришли въ бѣшенство».

Иное, можно сказать, успокоительное дѣйствіе произвело на Сергѣя Тимоѳеевича второе письмо Гоголя, служившее отвѣтомъ на то, при которомъ было послано къ нему письмо Д. Н. Свербеева. Гоголь писалъ:

«1847 г. 6 Марта. Неаполь».

«Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, но чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго Д. Н. Свербеева и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаньями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился къ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жестокость, которая была бы неприлична въ объясненіяхъ съ человѣкомъ, не очень коротко знакомымъ. Но этимъ самымъ письмомъ *къ вамъ* онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной откровенностью мнѣ самому все то, что̀ высказалъ вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмецо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишній разъ построже взглянуть на самого себя. Мы уже такъ странно устроены, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловитъ всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ* и *совершенномъ* самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькій упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже положились на вашъ умъ и непогрѣшительность его выводовъ? Дѣлать *замѣчанія*—это другое дѣло; это имѣетъ право дѣлать всякій умный человѣкъ и даже, просто, всякій человѣкъ; но выводить изъ своихъ замѣчаній *заключеніе* обо всемъ человѣкѣ—это есть уже нѣкотораго рода *самоувѣренность*. Это значитъ признать свой умъ вознесшимся на ту высоту, съ которой онъ можетъ обозрѣвать *со всѣхъ сторонъ* предметъ. Ну, что̀ если я вамъ разскажу слѣд. повѣсть?»

«Поваръ вызвался угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался, ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что̀ слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ обѣщано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: „Подавай обѣдъ!“ Поваръ говоритъ: это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды; для этого нужно поднимать такую возню на кухнѣ, о какой вы и подумать не можете“. Ему въ отвѣтъ: „Врешь, братъ!“ Поваръ видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился, наконецъ, привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить ко-

стрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кострюль и, наконецъ, такихъ орудій, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для пріуготовленія обѣда, что у нихъ закружилась голова».

«Ну, что, если въ этой повѣсти есть маленькая частица правды? Другъ мой, вы видите, что дѣло покуда еще темно. Хорошо дѣлаетъ тотъ, кто снабжаетъ меня своими замѣчаніями, все доводитъ до ушей моихъ, упрекаетъ и склоняетъ другихъ упрекать, но самъ въ тоже время не смущается обо мнѣ, а вмѣсто того тихо молится въ душѣ своей, да спасетъ меня Богъ отъ всѣхъ обольщеній и самоослѣпленій, погубляющихъ душу человѣка. Это лучше всего, что̀ онъ можетъ для меня сдѣлать, и вѣрно, Богъ, за такія чистыя и жаркія молитвы, которыя суть лучшее благодѣяніе, какое можетъ сдѣлать на землѣ братъ брату, спасетъ мою душу даже и тогда, еслибъ невозвратно одолѣли ее всякія обольщенія. Но, покуда, прощайте. Передавайте мнѣ всѣ толки и сужденія, какія откуда ни услышите—и свои, и чужіе, первыя, вторыя, третьи и четвертыя впечатлѣнія. Душевный поклонъ доброй Ольгѣ Семеновнѣ и всѣмъ вашимъ. Весь вашъ Гоголь. Насчетъ Погодина есть тоже недоразумѣніе. Но вѣроятно онъ уже съ вами объ этомъ объяснился, потому что я ему писалъ подробно третьяго дня, то-есть 4 Марта. Къ Шевыреву было также послано письмо отъ 4 Марта“.

По поводу этого письма сохранилась слѣдующая. выписка изъ переписки Вѣры Сергѣевны съ М. Г. Карташевской, *отъ 2-го Апрѣля.* „Недавно получено письмо отъ Гоголя къ отцу, вовсе не похожее на предыдущее. Гоголь опомнился и самъ видитъ свои ошибки и признаетъ ихъ. Это письмо было для насъ истинно-радостной неожиданностью. Мы уже отчаялись достигнуть до него какими бы то ни было словами и совѣтами, думали, что онъ оградилъ себя недосягаемой гордостью... Въ одно время и даже послѣ онъ написалъ нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, и всѣ они полны искренняго, простаго признанія своихъ заблужденій.... Видно, что ему горько, глубоко-больно слышать такіе упреки и чувствовать, что не правъ, что самъ обольстилъ себя... Онъ также почувствовалъ, какъ оскорбилъ Погодина и писалъ къ нему самое нѣжное письмо. Къ Смирновой онъ пишетъ, что непремѣнно напечатаетъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ»; онъ только умоляетъ всѣхъ писать къ нему всѣ мнѣнія, и свои, и чужія, о немъ и его книгѣ; говоритъ, что это ему необходимо нужно.“

О томъ же пишетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу *отъ 26-го Марта.* „Не знаю, писалъ-ли я тебѣ о самой радостной новости, о письмахъ Гоголя? Вотъ

уже теперь четыре письма, написанныя имъ съ 4-го Марта: два къ Шевыреву, а одно ко мнѣ и одно къ Погодину,—и всѣ эти письма писаны уже другимъ человѣкомъ! Уже нѣтъ ни высокомѣрнаго спокойствія, ни лицемѣрнаго смиренія; но положеніе его ужасно. Кицятокъ послѣдняго моего письма и ледяной холодъ письма Свербеева, обрушившіеся на него въ одно и тоже время, образумили и оскорбили его душу. Онъ благодаритъ меня и въ тоже время негодуетъ. Письмо его начинается такъ: „Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки! Хотя мнѣ и чихнулось отъ вашего письма, но чихнулось во здравіе!" За то вся его нѣжность обратилась на Щепкина и Погодина; къ послѣднему онъ пишетъ даже страстное письмо, что̀ показываетъ еще продолжающееся болѣзненное состояніе духа. Пусть онъ никогда ко мнѣ не обратится, для меня это все равно. Для спасенія Гоголя я готовъ сдѣлаться и презрѣннымъ орудіемъ казни, и отвратительнѣйшимъ палачемъ."

Вмѣсто обычной оживленной переписки между Гоголемъ и Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, въ самомъ дѣлѣ, установилось теперь долгое молчаніе. Первый его нарушилъ самъ Гоголь. Онъ писалъ:

«Франкфуртъ. Іюня 10, 1847 г.»

„Погодинъ мнѣ сдѣлалъ запросъ: отчего я такъ долго не писалъ къ вамъ и не сердитъ ли я на васъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ? Я къ вамъ не писалъ, потому что, во первыхъ, вы сами не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое, а во-вторыхъ, потому, что вы, какъ я слышалъ, на меня за него разсердились. Ради самого Христа, войдите въ мое положеніе, почувствуйте трудность его и скажите мнѣ сами: какъ мнѣ быть, какъ, о чемъ и что̀ я могу теперь писать? Если бъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее—у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности; но если знаешь, что передъ тобою стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у наиискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово; не только у меня, человѣка, какъ вы знаете, скрытнаго, котораго и скрытность произошла отъ неумѣнья объясниться. Ради самого Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадающей душѣ,—изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе; потому что душа моя уныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины—этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито, и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами; но храни Богъ всякаго отъ этой страш-

ной битвы съ друзьями! Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ. Другъ мой, я изнемогъ,—вотъ все, что̀ могу вамъ сказать теперь. Что̀ же касается до неизмѣнности моихъ сердечныхъ отношеній, то скажу вамъ, что любовь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, теперь доступнѣе душѣ. Если я люблю и хочу любить даже тѣхъ, которые меня не любятъ, то какъ я могу не любить тѣхъ, которые меня любятъ? Но я прошу васъ теперь не о любви. Не имѣйте ко мнѣ любви, но имѣйте хотя каплю милосердія, потому что положеніе мое, повторяю вамъ вновь, тяжело. Если бы вы вошли въ него хорошенько, вы бы увидѣли, что мнѣ труднѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, которыхъ я оскорбилъ. Другъ мой, я говорю вамъ правду. Обнимаю васъ отъ всей души, весь вашъ Г. Передайте поклонъ мой добрѣйшей Ольгѣ Семеновнѣ, а за нею Константину Сергѣевичу и всѣмъ вашимъ».

«Не знаю самъ, хорошо ли дѣлаю, что пишу. Можетъ быть, и это письмо приведетъ васъ въ неудовольствіе. Я теперь раскаиваюсь, что завелъ переписку съ Погодинымъ. Хотя я только и думалъ, принимаясь за перо, какъ бы не оскорбить его, но однакоже замѣчаю, что письма мои не приносятъ ему никакого успокоенія. При тѣхъ же понятіяхъ, какія у него обо мнѣ, нынѣ всякое слово съ моей стороны обо мнѣ самомъ можетъ только его еще больше спутать. Другъ мой, тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній! Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера во всѣхъ отношеніяхъ и отъ всего удалиться.“

Сергѣй Тимоѳеевичъ далъ немедленный отвѣтъ:

«1847, Іюля 26, Подмосковная Радонежье (Абрамцево)».

„Я получилъ письмо ваше, милый другъ Николай Васильевичъ, изъ Франкфурта отъ 10-го Іюня. Оно меня очень огорчило, и я глубоко упрекаю себя, что такъ давно не писалъ къ вамъ. Не знаю почему Погодинъ сдѣлалъ вамъ допросъ: отчего вы такъ давно не пишете ко мнѣ и не сердитесь ли на меня? Я ничего подобнаго ему не говорилъ. Я даже не ожидалъ отъ васъ письма, потому что самъ не отвѣчалъ вамъ на два. Прежде всего спѣшу увѣрить васъ, что я никогда на васъ не сердился (принимая это слово въ настоящемъ его значеніи) и что я никогда не переставалъ вѣрить искренности вашей. Грѣхъ тому опрометчивому человѣку, который внушилъ вамъ такія мысли. Я подозрѣваю, что это сдѣлала Смирнова: она случайно услыхала нѣсколько строкъ изъ письма моего къ сыну объ васъ, не поняла ихъ и не могла понять хорошо, потому что они получали полный смыслъ въ связи съ другими, а въ отрывкѣ имѣли даже превратный смыслъ. Смирнова сдѣлала горячую схватку съ моимъ сыномъ, наговорила ему, мнѣ и всему моему семейству много грубостей, сама получила ихъ столько же, и грозилась открыть вамъ глаза. Я вижу, она это исполнила; но безразсудная жен-

щина, въ которой многія достоинства я цѣню высоко и которую, именно за эту вспышку, я полюбилъ больше, вмѣсто открытія глазъ вашихъ нѣсколько отуманила ихъ, разумѣется, на время. Она не подозрѣвала, что, прежде всего, я съ полною, жестокою искренностью излилъ въ письмахъ къ вамъ самимъ всю горечь огорченной дружбы къ человѣку и оскорбленнаго чувства уваженія къ великому таланту. Она не различила во мнѣ любящей души отъ озлобленія и гнѣва. По моему убѣжденію вы, книгой своей, нанесли себѣ жестокое пораженіе, и я кинулся на васъ самихъ, какъ кинулся бы на всякаго другаго, нанесшаго вамъ такой ударъ, безъ пощады осыпая васъ горькими упреками. Вы такъ мнѣ дòроги, что всякій дѣйствительный вредъ, всякое пораженіе вашей славы, какъ писателя и человѣка,—мнѣ тяжкое оскорбленіе! Но оставимъ это: если вы сами не объяснили себѣ моихъ чувствъ и поступковъ и поняли ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то мое объясненіе не поможетъ. Я готовъ даже признать, что выраженіе не соотвѣтствовало чувству. Вы, мой другъ, имѣете право спросить: отчего я такъ давно не писалъ къ вамъ? Мое послѣднее письмо требовало продолженія, ваше – отвѣта. Я очень это чувствовалъ. Много разъ принимался писать, писалъ и жегъ написанное, ибо былъ имъ недоволенъ... Трудно сказать, что̀ мѣшало мнѣ писать; но что-то мѣшало. Попытаюсь однако объяснить себѣ и вамъ эту странную помѣху. Для этого необходимо поднять дѣло, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, съ начала. Первое, большое письмо мое (кажется отъ 12 Января) было написано и послано къ вамъ до выхода вашей книги. Второе, небольшое письмо, съ приложеніемъ письма Свербеева, написано по прочтеніи книги, но *до полученія* вашего отвѣта на мое большое письмо. Отвѣтъ вашъ былъ ужасенъ... Вы не признали, не оцѣнили, не почувствовали истинной дружбы человѣка, писавшаго это письмо, и Боже мой! въ какомъ положеніи я писалъ его! Я даже не желаю, чтобъ вы вполнѣ поняли мое тогдашнее положеніе. Вашъ отвѣтъ дышалъ холодомъ, высотою величія, на которомъ вы тогда думали стоять въ непроницаемомъ вооруженіи вашего новаго мнимаго призванія. Еслибъ я получилъ это письмо до отправленія моего втораго, то не послалъ бы его—въ этомъ я долженъ признаться; я счелъ бы невозможностью достигнуть до вашего ума и сердца. Но милосердный Богъ устроилъ иначе... Отвѣтъ вашъ на мое второе письмо, начинающійся замѣчательными словами, что вамъ *чихнулось во здравіе*, обрадовалъ меня чрезвычайно, письмо же ваше къ кн. Львову обрадовало еще болѣе. Хотя въ обоихъ этихъ письмахъ есть выраженія и мысли, которыя были мнѣ не по сердцу, которыя показывали, что вы еще не совсѣмъ здоровы; но вдругъ выздоровѣть совершенно нельзя. Для этого нужно время. Я видѣлъ, что вы очнулись, что часть пелены спала съ глазъ вашихъ.

Этого для меня было довольно. Я былъ (и теперь остаюсь) убѣжденъ, что вы сами докончите дѣло. Вотъ тутъ-то я и не зналъ, что́ и какъ писать вамъ: продолжать въ прежнемъ тонѣ было уже неумѣстно, не нужно и для самого меня невозможно. Высказать свою радость я не смѣлъ: я боялся помѣшать процессу вашего возстановленія. Теперь вижу, что я сдѣлалъ большую глупость. Вы имѣли причину растолковать мое молчаніе въ другую сторону, и эта мысль васъ огорчала. Повѣрьте, другъ мой, что я не только хорошо понимаю трудность настоящаго вашего положенія, но я хорошо его предвидѣлъ! Оттого-то ваша книга свела было съ ума меня самого, оттого-то скорбь моя была такъ мучительна. Но Богъ милостивъ. Онъ подкрѣпитъ ваши разстроенныя душевныя и тѣлесныя силы, а время залѣчитъ раны вашего сердца. Вы исполните свой обѣтъ, помолитесь у гроба Господня, талантъ вашъ явится съ новымъ блескомъ, и всѣ забудутъ вашу несчастную книгу. Конечно, вамъ нельзя было воротиться въ Россію скоро, но будущей весной пріѣзжайте *непремѣнно къ намъ*. Полное выздоровленіе вы получите только на родной почвѣ, подышавъ роднымъ воздухомъ своей земли. Если вамъ почему нибудь будетъ тяжело жить въ Москвѣ постоянно, то у меня есть премилый уголокъ въ 50-ти верстахъ отъ Москвы, въ которомъ я надѣюсь жить даже по зимамъ (кромѣ нынѣшняго года; ибо я тогда только повѣрю своему выздоровленію, когда проведу благополучно осень и зиму). Домъ у насъ большой и хорошо расположенный. Вы будете имѣть спокойное и удобное помѣщеніе; при насъ или безъ насъ—это все равно. Не нужно говорить, рады ли будутъ вамъ ваши искренніе друзья. Къ тому же вамъ необходимо поѣздить по Россіи. Надобно заглянуть въ глубь ея, въ степную и приволжскую сторону. Константинъ можетъ быть вашимъ товарищемъ, если вы захотите. Я самъ имѣю намѣреніе, если Богъ подкрѣпитъ мое здоровье, уѣхать на цѣлый годъ въ Оренбургскую губернію; это еще впереди. Теперь же надобно только успокоиться, забыть, сколько возможно, обо всемъ случившемся съ вами и укрѣпить свое здоровье. Истребите всякую мысль, что моя дружба къ вамъ измѣнилась: это нелѣпость и оскорбленіе для меня. Хотѣлось мнѣ написать все письмо своей рукой, но глазъ утруждается. Мы теперь всѣ живемъ въ нашей Подмосковной, кромѣ больной нашей Олиньки, которая живетъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, который тамъ служитъ въ Сенатѣ оберъ-секретаремъ. Не знаю, дошла ли до васъ диссертація Константина? 7-го Марта былъ его диспутъ; не смотря на многія гоненія, все кончилось благополучно. Прощайте, милый другъ; не могу больше писать. Обнимаю васъ крѣпко. Вы можете адресовать одно письмо *въ Сергіевской посадъ, Московской*

губерніи, на мое имя; но всего вѣрнѣе черезъ Шевырева. Все мое семейство васъ обнимаетъ. Душою вашъ С. А».

Гоголь отвѣчалъ на это слѣдующимъ письмомъ.

«Остенде. Августа 28 (1847)».

«Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея, тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что̀ было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ. Въ противность составившейся въ Москвѣ обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, т. е., люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ, какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько-нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ-нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя, въ великодушныхъ мечтахъ своихъ, и любезный сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди; и чѣмъ кто больше получилъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не поймется».

«Не сердитесь на Смирнову, не называйте ее безразсудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковскаго, которые любили ее именно за здравый разсудокъ и за добрую душу. Она меня знала еще прежде, чѣмъ вы меня знали, — знала какъ человѣка, а не какъ писателя, видѣла меня въ тѣ душевныя состоянія мои, въ которыхъ вы меня не видѣли. Съ ней мы были издавна какъ братъ и сестра, и безъ нея Богъ вѣсть, былъ ли бы я въ силахъ перенести многое трудное въ моей жизни; а потому и немудрено, что, не смотря на пристрастіе ея ко мнѣ, многое въ моей книгѣ она почувствовала полнѣе и не перетолковала въ такую превратную сторону, какъ перетолковали вы».

«Да, книга моя нанесла мнѣ пораженіе; но на это была воля Божія. Да будетъ же благословенно имя Того, Кто поразилъ меня! Безъ этого пораженія я бы не очнулся и не увидалъ бы такъ ясно, чего мнѣ не достаетъ. Я получилъ много писемъ очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ. Не смотря на все различіе взгля-

довъ, въ каждомъ изъ нихъ, такъ же какъ и въ вашемъ, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполнѣ вѣрнаго заключенія о всей книги вообще никто не могъ, и не мудрено. Осудить меня за нее справедливо можетъ одинъ Тотъ, Кто вѣдаетъ помышленія и мысли наши въ ихъ полнотѣ. Изъ насъ же, грѣшныхъ людей, можетъ справедливѣе другихъ произнесть ей окончательный судъ только тотъ, кто имѣетъ полный умъ, способный обнимать всѣ стороны дѣла и не влюбился еще самъ ни въ какую свою собственную мысль; потому что, какъ бы то ни было, не смотря на все ребячество и незрѣлость этой книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ у тѣхъ, которые дѣлаютъ на нее замѣчанія и критики, не смотря на то, что въ авторѣ ея и нѣтъ тѣхъ знаній, какія могутъ быть по частямъ у всякаго критика».

„Къ чему вы также повторяете нелѣпости, которыя вывели изъ моей книги недальнозоркіе, что я отказываюсь въ ней отъ званія писателя, перемѣняю призваніе свое, направленіе, и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ, не мелкимъ и пустымъ, но почувствовавшимъ святость своего званія, какъ и всѣхъ другихъ званій, которыя всѣ должны быть святы. Выразилось все это заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть. А дьяволъ, который надмеваетъ всякаго изъ насъ самоувѣренностью, раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста. Невоздержаніе заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами" и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился развить, или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ. Опрометчивая, а по вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ; но благодарю Бога за этотъ позоръ, благодарю за то, что попустилъ Онъ явиться ей въ свѣтъ. Не увидѣлъ бы я безъ нея ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни многаго того, чего не хочетъ видѣть въ себѣ человѣкъ; не изъяснилось бы безъ нея много того, что̀ мнѣ необходимо нужно знать для моихъ „Мертвыхъ Душъ", и не узналъ бы я ни въ какомъ состояніи находится наше общество, ни какіе о̀бразы, характеры, лица ему нужны, и что̀ именно слѣдуетъ поэту-художнику избрать нынѣ въ предметъ творенія своего».

«Другъ мой! Не будьте и вы также самоувѣренны въ непреложности своихъ заключеній. Повторяю вамъ вновь: по частямъ разбирая мою книгу, вы можете быть правы; но произнести такъ рѣшительно окон-

чательный судъ моей книгѣ, какъ вы произносите, это гордость въ умѣ своемъ. Мнѣ показалось даже, какъ-бы въ устахъ вашихъ раздались не ваши, а какія-то юношескія рѣчи, какъ-бы въ этомъ мѣстѣ вашего письма сказалъ, нѣсколько понадѣясь на себя, Конст. Сергѣевичъ, а не вы. Въ нихъ отзывается такой смыслъ: „твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебѣ". Другъ мой, теперъ такое время, что врядъ-ли у кого изъ насъ здрава, какъ слѣдуетъ, голова. Глядѣть на меня, какъ на блуднаго сына, и ожидать моего возвращенія на путь истинный можетъ только тотъ, кто самъ стоитъ уже на этомъ истинномъ пути. А это одинъ только Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ на какомъ именно мѣстѣ стоитъ. Лучше всѣмъ намъ имѣть больше смиренія и меньше увѣренности въ непреложной истинѣ и вѣрности своего взгляда. Что̀ касается до меня, я буду отъ всѣхъ моихъ силъ, сколько ихъ есть во мнѣ, молиться Богу на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя зрѣли Его въ образѣ Христа, чтобы простилъ мнѣ за все, на что подтолкнула меня моя самоувѣренность, гордость и самоослѣпленіе».

«За ваше гостепріимно-дружеское приглашеніе остановиться у васъ во время пріѣзда моего въ Москву благодарю отъ души, но не воспользуюсь имъ только потому, что въ разсужденіи помѣщенія своего гляжу, просто, на матеріальныя удобства. Во всякомъ случаѣ, у кого бы то ни остановился, вы этого никакъ не считайте знàкомъ какого-нибудь предпочтенія, или чего другого, тому подобнаго. Притомъ, если Богъ благословитъ возвратъ мой въ Россію, я въ Москвѣ не думаю пробыть долго. Мнѣ хочется заглянуть въ губерніи: есть много вещей, которыя для меня совершенная покуда загадка, и никто не можетъ мнѣ дать такихъ свѣдѣній, какъ бы я желалъ. Я вижу только то, что и всѣ другіе такъ же, какъ и я, не знаютъ Россіи».

«Что́ касается до зимняго моего пребыванія, то я еще не увѣренъ, останусь ли на зиму въ Россіи. Послѣ моей послѣдней тяжкой болѣзни, во мнѣ осталась такая зябкость, что даже Римъ сталъ для меня холоденъ, и я долженъ былъ переѣхать въ Неаполь. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, мнѣ была очень тяжела и оставила грустное воспоминаніе. Натура моя сдѣлалась нѣсколько похожею на стариковскую, требующую Юга: крови мало, и та движется медленно; а нервы въ тоже время такъ чувствительны, что малѣйшая сѣверная мгла дѣйствуетъ сильно; отъ морознаго же дня у меня захватываетъ духъ въ груди. Вы говорите, что воздухъ родины подѣйствуетъ благотворно на мое здоровье, и сами надѣетесь тоже себѣ возобновленія силъ. Другъ мой, не позабудемъ того, что вы находитесь уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда не возможенъ совершенный возвратъ прежняго здоровья; а я, будучи

слабымъ и болѣзненнымъ отъ дня рожденія моего и перешедши за лучшую половину жизни моей, не могу тоже быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Будемъ лучше просить Бога о томъ, чтобы остальные дни наши помогъ намъ провести въ полномъ мирѣ съ совѣстью нашей, гдѣ бы ни случилось намъ провести ихъ, и чтобы хоть чѣмъ-нибудь далъ намъ возможность загладить часть прежняго, искупя хоть чѣмъ-нибудь безполезность и праздность нашей жизни».

«Мнѣ кажется, что если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминанія прежней жизни вашей и встрѣчи со всѣми людьми, съ которыми случилось вамъ встрѣтиться, съ вѣрными описаніями характеровъ ихъ, вы бы усладили много этимъ послѣдніе дни ваши, а между тѣмъ доставили бы дѣтямъ своимъ много полезныхъ въ жизни уроковъ, а всѣмъ соотечественникамъ лучшее познаніе Русскаго человѣка. Это не бездѣлица и не маловажный подвигъ въ нынѣшнее время, когда такъ нужно намъ узнать истинныя начала нашей природы, которыя, покуда, мы разсматриваемъ только въ мужикѣ, да и то плохо. Но прощайте. Богъ да хранитъ васъ! Благодарю Ольгу Семеновну: мнѣ кажется, что она обо мнѣ молится. Это лучшая услуга, какую только на землѣ мы можемъ оказать своему брату... Вашъ Н. Г.“

Письмо это было вложено Гоголемъ въ другое, адресованное Шевыреву, который вскорѣ и сообщилъ Гоголю, что его письмомъ Сергѣй Тимоѳеевичъ остался недоволенъ. По этому поводу Гоголь писалъ С. П. Шевыреву, отъ 9-го Декабря 1847 года:

„Весьма жалѣю, если моимъ письмомъ огорчилъ моего добраго Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Но что̀ дѣлать? Ты видишь, что я именно уже какъ бы рожденъ на то, чтобъ огорчать тѣхъ, которые меня наибольше любятъ. Уговоръ вѣдь у насъ былъ — писать все, что̀ ни есть на душѣ. Я писалъ, что̀ въ ней было. Въ письмахъ Сергѣя Тимоѳеевича было тоже не мало того, отъ котораго бы другой огорчился. Но зачѣмъ же одинъ я только не въ правѣ огорчаться ничѣмъ, а прочіе въ правѣ огорчаться? Слово *размолвка* напрасно ты употребилъ. Храни Богъ отъ размолвки даже съ людьми менѣе близкими, чѣмъ Аксаковъ! Что я меньше любилъ Аксаковыхъ, чѣмъ они меня, это совершенная правда; и зачѣмъ мнѣ это скрывать? Но дѣло въ томъ, что я теперь больше люблю все то, что̀ достойно любви, чѣмъ когда либо прежде; стало быть неминуемо должно быть, что и любовь моя къ друзьямъ моимъ стала большею, чѣмъ когда либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергѣю Тимоѳеевичу, если только онъ дѣйствительно на меня въ неудовольствіи“.

Кромѣ того, въ томъ же году Гоголь писалъ къ самому Сергѣю Тимоѳеевичу:

«1847, Декабря 12».

„Шевыревъ мнѣ пишетъ, что въ моемъ письмѣ къ вамъ было что-то для васъ огорчительное, такъ что онъ даже не хотѣлъ его вамъ по-

казывать, опасаясь имъ разстроить васъ. Правда ли это, любезный другъ мой? Вѣдь мы обѣщали писать другъ другу всѣ чувства и ощущенія, какъ они есть, не скрывая ничего, хоть бы въ нихъ было и непріятное для насъ. Если въ письмѣ моемъ нашлось кое-что занозистое и колкое, то это ничуть не дурно: это новыя горючія вещества, подкладываемыя въ костеръ дружбы, который безъ того пламенѣлъ бы лѣниво и вяло, что̀ всегда почти бываетъ, если друзья живутъ вдали другъ отъ друга. Разсудите сами, что̀ за соусъ, если не поддадутъ къ нему лучку, уксусу и даже самого перцу? Выйдетъ прѣсное молоко. Въ письмѣ моемъ къ вамъ я сказалъ сущую правду: я васъ любилъ, точно, гораздо меньше, чѣмъ вы меня любили. Я былъ въ состояніи всегда (сколько мнѣ кажется) любить всѣхъ вообще, потому что я не былъ способенъ ни къ кому питать ненависти; но любить кого-либо особенно, предпочтительно, я могъ только изъ интереса. Если кто-нибудь доставилъ мнѣ существенную пользу, и чрезъ него обогатилась моя голова, если онъ подтолкнулъ меня на новыя наблюденія или надъ нимъ самимъ, надъ его собственной душой, или надъ другими людьми, словомъ—если чрезъ него какъ-нибудь раздвинулись мои познанія, я уже того человѣка люблю, хоть будь онъ и меньше достоинъ любви, чѣмъ другой, хоть онъ и меньше меня любитъ. Что жъ дѣлать? Вы видите, какое твореніе человѣкъ: у него прежде всего свой собственный интересъ. Почему знать? Можетъ быть, я и васъ полюбилъ бы несравненно больше, если бы вы сдѣлали что-нибудь собственно для головы моей, положимъ хоть бы написаніемъ записокъ жизни вашей, которыя бы мнѣ напоминали, какихъ людей слѣдуетъ не пропустить въ моемъ твореніи и какимъ чертамъ Русскаго характера не дать умереть въ народной памяти. Но вы въ этомъ родѣ ничего не сдѣлали для меня. Что жъ дѣлать, если я не полюбилъ васъ такъ, какъ слѣдовало бы полюбить васъ? Кто же изъ насъ властенъ надъ собою? Кто умѣетъ принудить себя къ чему бы то ни было? Мнѣ кажется, что я теперь все-таки люблю васъ больше, нежели прежде; но это потому только, что любовь моя ко всѣмъ вообще увеличилась: она должна была увеличиться, потому что это любовь во Христѣ. Такъ я увѣренъ; а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и это ложь, и я ничуть не умѣю любить лучше, чѣмъ прежде. Поэты лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мысли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ человѣческой, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что̀ могутъ только нѣсколько оцѣнить и съ нѣкоторой живостью выставить на глаза другимъ, и величаются чужимъ, какъ своимъ собственнымъ добромъ. Напишите мнѣ что-нибудь. Письмо ваше еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Пожалуйста не глядите на то, если

какая колкость слетитъ съ пера. Что̀ толку въ прѣсномъ молокѣ?... Вашъ Гоголь“.

Это письмо также было вложено въ письмо къ Шевыреву, которому Гоголь и прибавилъ отъ себя: „При семъ слѣдуетъ также письмецо къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову. Хотя я увѣренъ, что неудовольствіе его прошло; но тѣмъ не менѣе пусть онъ изъ этихъ строкъ увидитъ, что совсѣмъ не нужно давать серьезнаго, строгаго толкованія многимъ нашимъ словамъ, которыя вырываются весьма часто безъ расчета и намѣренія“.

Тѣмъ не менѣе, отвѣтныхъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича не нашлось за это время. Уже въ слѣдующемъ 1848 году, 25 Генваря (вѣроятно новаго стиля) Гоголь вновь проситъ Шевырева напомнить о себѣ Аксаковымъ. „Проси всѣхъ и особенно добраго Сергѣя Тимоѳеевича, совокупно съ Константиномъ Сергѣевичемъ и всѣмъ семействомъ, писать ко мнѣ въ Константинополь“.

Весною 1848 года Гоголь возвратился въ Россію черезъ Одессу. Сергѣй Тимоѳеевичъ радостно привѣтствовалъ его возвращеніе. Вотъ его письмо къ Гоголю отъ 21-го Мая 1848 года.

„Здравствуйте, здравствуйте на Святой Руси, мой любезный другъ Николай Васильевичъ! Давно должны были написаться эти строки, но.... всѣ человѣческія предположенія прахъ и суета! Не написалъ 4-го Мая, отложилъ до 7-го, а 6-го я захворалъ.... Теперь оправляюсь понемногу. Но должно все разсказать подробно и по порядку, а для этого нужна чужая рука. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ Апрѣля пріѣхалъ ко мнѣ рано поутру Щепкинъ и сказалъ, что вы въ Одессѣ. Я такъ обрадовался, что туже минуту хотѣлъ писать къ вамъ, хотя рѣшился было бросить письменные разговоры и ожидать личнаго свиданія; но я уже былъ готовъ къ отъѣзду въ деревню (куда давно манила меня ранняя весна) и остался только до 2-го Мая, потому что 1-го былъ день рожденія Хомякова. 2-го я переѣхалъ въ деревню съ Константиномъ и Любенькой, остальная семья должна была переѣхать черезъ недѣлю. Хотѣлъ было писать 4-го или 5-го Мая, но отложилъ до 9-го, чтобъ тутъ же и поздравить васъ со днемъ ангела; но 6-го Мая сдѣлалась такая жаркая, лѣтняя погода, что я забылъ числа и подумалъ, что это Іюнь или Іюль, одѣлся полегче, посидѣлъ съ удочкой на пруду подольше и тотъ же вечеръ получилъ воспаленіе въ правой сторонѣ груди и нижней части печени. Болѣзнь, какъ водится, сопровождалась сильной лихорадкой и кровохарканіемъ. Можете себѣ представить положеніе бѣдныхъ моихъ дѣтей! На Константина до сихъ поръ еще страшно

смотрѣть. По счастію, у Троицы (въ 12 верстахъ отъ моей деревни) есть очень порядочный лекарь, котораго мы выписали и который мнѣ очень скоро помогъ. Нельзя было скрыть моей болѣзни отъ остальной моей семьи, и потому всѣ, перепуганные, прискакали ко мнѣ*). Какъ нарочно, на другой день ихъ пріѣзда, 12 Мая, получилъ рецедивъ воспаленія въ одной печени, но со всѣми прежними явленіями. Тотъ же лекарь помогъ мнѣ опять, и черезъ нѣсколько дней усадили меня въ карету и благополучно перевезли въ Москву, гдѣ я поправлялся очень быстро до вчерашняго дня; со вчерашняго же утра я постоянно чувствую шумъ въ головѣ и какую-то нервическую слабость, которая мѣшаетъ мнѣ даже диктовать письмо. Но все это, я надѣюсь, скоро пройдетъ, и съ наступленіемъ настоящей лѣтней погоды мы переѣдемъ уже всѣ въ нашу прекрасную деревеньку. Имянинникъ мой съ матерью у обѣдни. Успѣютъ-ли они сегодня написать къ вамъ, не знаю; но самъ уже откладывать не хочу. На дняхъ вы получите драму Константина. Прочтите ее на досугѣ, сбросивъ съ себя всѣ чужія понятія, усвоенныя всѣми нами съ младенчества. Вдумайтесь глубоко въ старую Русскую жизнь и произнесите судъ нелицепріятный. Погодинъ облаялъ ее, какъ взбѣсившаяся собака. Давно затаенная злоба на Константина (въ которой онъ и самъ много виноватъ), наконецъ, выбилась ключемъ бѣшеной слюны и помрачила даже его разсудокъ... Прощайте, другъ мой. Обнимаю васъ крѣпко. Будьте здоровы, освѣжитесь и укрѣпитесь роднымъ воздухомъ и пріѣзжайте къ намъ. Пишите въ Сергіевскій посадъ, Московской губерніи. Вашъ душою С. Аксаковъ".

Гоголь прислалъ на это слѣдующій отвѣтъ:

„Іюня 8. Васильевка".

„Какъ вы меня обрадовали вашими строчками, добрый другъ мой! Но меня печалитъ, что вы такъ часто хвораете. Ради Бога, берегите себя. Не позабывайте ни на часъ, что ваша натура, нервически - пылкая, склонна болѣе другихъ къ простудамъ. Теперь вечера очень опасны, именно оттого, что дни невыносимо жарки и въ воздухѣ засуха. Имѣйте всегда кого-нибудь при себѣ съ плащомъ, который бы могъ набросить его на васъ въ туже миниту, какъ только станетъ холодѣть... Теперь тысячами вокругъ болѣютъ и мрутъ. Въ Полтавской губерніи свирѣпствуетъ холера почти повсемѣстно, и въ самой Полтавѣ. Богъ да хранитъ васъ!"

„Драмы Константина Сергѣевича я еще не имѣю; сегодня однако пришло объявленіе о посылкѣ. Вѣроятно, это она. Я ее прочту съ лю-

*) Они привезли мнѣ ваше милое письмецо, которое мнѣ было цѣлебно.

бопытствомъ уже потому, что въ ней долженъ заключаться вопросъ, рѣшеніемъ котораго я серьезно теперь занятъ не менѣе самого Константина Сергѣевича... Поблагодарите Ольгу Семеновну и милыхъ дочерей вашихъ за то, что онѣ не позабывали матушки и сестеръ".

Сергѣй Тимоѳеевичъ получилъ это письмо уже въ своей подмосковной, въ Абрамцевѣ, откуда и отвѣчалъ Гоголю 1848 года 21 Іюня:

«Я получилъ письмо ваше, милый другъ Николай Васильевичъ, отъ 8 Іюня и очень ему обрадовался. Благодарю васъ за добрые совѣты: они совершенны справедливы, и я, волею-неволею, слѣдую имъ постоянно. Вы знаете сколько за мной блюстителей. Боюсь только, чтобъ сохраненіе меня отъ простуды не было доведено до излишества. Съ 8-го Іюня мы живемъ въ нашей прелестной деревенькѣ, и я вполнѣ наслаждался бы природою, еслибъ мы не были встревожены нездоровьемъ Вѣры: у нея сильное раздраженіе желудка и всей нервной системы. Когда мы уѣзжали изъ Москвы, тамъ была сильная холера; но теперь, благодаря Бога, стала гораздо потише. У Троицы и кругомъ около насъ также есть эта болѣзнь, но въ слабомъ видѣ и, кажется, исчезаетъ".

„Вы не можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ стану ждать я каждую почту вашего письма *по прочтеніи драмы*. Еслибъ я не былъ отцемъ сочинителя, то непремѣнно напечаталъ бы объ ней критическую статью. Эту статью вмѣщу я въ письмо къ вамъ и непремѣнно пришлю ее. Завтра же начну писать, и каковъ бы ни былъ вашъ судъ, не перемѣню въ ней ни одного слова. Два года тому назадъ провелъ я зиму въ деревнѣ и между прочимъ написалъ книжку подъ названіемъ: „Записки объ уженьи", которую къ вамъ и посылаю. Она не велика, вы прочтете ее на досугѣ. Я писалъ ее съ большимъ наслажденіемъ. Воспоминаніе прошедшаго освѣжало и оживляло меня. Если Богъ исполнитъ мое желаніе, и я проведу эту зиму въ деревнѣ, то начну писать другую книжку „объ охотѣ съ ружьемъ": съ двѣнадцатилѣтняго возраста до тридцатилѣтняго я былъ преданъ этой охотѣ страстно, безумно. Я уже написалъ „Прилетъ птицы весною" и думаю, что даже неохотникъ можетъ прочесть съ удовольствіемъ этотъ отрывокъ. *Семейная Хроника* пишется какъ-то вяло. Кажется, надобно перемѣнить планъ: сократить подробности и не соблюдать строгой послѣдовательности. Вотъ какъ много наболталъ я вамъ о себѣ. Прощайте! Да сохранитъ васъ Богъ здрава и невредима. Обнимаю васъ. Мое почтеніе вашей доброй матушкѣ и сестрицамъ. Душою вашъ С. Аксаковъ. Всѣ мои васъ обнимаютъ. Костя вамъ кое-что посылаетъ„.

Гоголь отвѣчалъ на это изъ Васильевки отъ 12-го Іюля 1848 года:

«И за письмо, и за книги благодарю васъ, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Какъ ни слабъ я послѣ недуга, отъ котораго еще не оправился какъ слѣдуетъ, но не могу отказать себѣ написать къ вамъ нѣсколько строчекъ. Какое убійственно-нездоровое время и какой удушливо-томительный воздухъ! Только три или четыре дня по пріѣздѣ моемъ на родину я чувствовалъ себя хорошо; потомъ безпрерывныя разстройства въ желудкѣ, въ нервахъ и въ головѣ отъ этой адской духоты, томительнѣй которой нѣтъ подъ тропиками. Все переболѣло и болѣетъ вокругъ насъ. Холера... не даетъ перевести духъ. Тоска, еще болѣе оттого, что никакое умственное занятіе не идетъ въ голову: даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ. А потому не ждите отъ меня никакихъ отчетовъ относительно впечатлѣній, произведенныхъ присланными книгами. Я послѣ напишу Константину Сергѣевичу мое мнѣніе о его драмѣ. Статья его о современномъ спорѣ мнѣ понравилась, можетъ быть оттого, что во время чтенія голова моя была свѣжа, и вниманія достало на небольшую статью. Вашъ разборъ драмы я бы желалъ нетерпѣливо прочесть, хотя по кусочкамъ. Мнѣ кажется, вы сдѣлаете очень нелишнее дѣло, если займетесь (имъ); тѣмъ болѣе, что самый предметъ, о которомъ пойдетъ рѣчь, такъ важенъ для всѣхъ насъ, что и сама драма, и самъ сочинитель могутъ остаться почти въ сторонѣ“.

„Въ драмѣ постигнуто высшее свойство нашего народа. Вотъ ея главное достоинство! Недостатокъ—что, кромѣ этого высшаго свойства, народъ не слышенъ своими другими сторонами, не имѣетъ грѣшнаго тѣла нашего, безтѣлесенъ. Зачѣмъ Константинъ Сергѣевичъ выбралъ форму драмы? Зачѣмъ не написалъ прямо исторію того времени? Странное дѣло: когда разворачиваю исторію нашу, мнѣ въ ней видится такая живая драма на каждой страницѣ, такъ просторно открывается весь кругозоръ тогдашнихъ дѣйствій, и видятся всѣ люди, и на первомъ, и на второмъ планѣ, и дѣйствующіе и молчащіе. Когда же я читаю извлеченную изъ нея нашу такъ называемую историческую драму, кругозоръ передо мною тѣсенъ: я вижу только тѣ лица, которыя выбралъ сочинитель для доказанія своей любимой мысли; полнота жизни отъ меня уходитъ; запаха свѣжести, первой весенней свѣжести, я не слышу; намѣсто дѣйствія я слышу словопренія, и мнѣ кажется все блѣдно. Не распространяю этихъ словъ на драму Константина Сергѣевича. Въ ней вялости нѣтъ, языкъ свѣжъ, рѣчь жива. Но зачѣмъ, не бывши драматургомъ, писать драму? Какъ будто свойства драматурга можно пріобрѣсть? Какъ будто для этого достаточно живо чувствовать, глубоко цѣнить, высоко судить и мыслить? Для этого нужно осязательное, пластическое творчество, и ничто другое. Его ни-

чѣмъ нельзя замѣнить. Безъ него исторія всегда останется выше всякаго извлеченнаго изъ нея сочиненія. Можетъ быть, все это, что̀ я вамъ теперь говорю, есть плодъ нынѣшняго мутнаго состоянія моей головы, неспособной разсуждать отчетливо и ясно; можетъ быть, въ другой разъ, когда прочту внимательно это сочиненіе и притомъ въ минуту свѣтлую, я выражусь иначе и лучше; но мнѣ кажется, я и тогда не соглашусь съ Константиномъ Сергѣевичемъ, будто драма есть художественное пониманіе исторіи въ извѣстную эпоху. Скорѣе развѣ можно сказать: художественное воспроизведеніе ея. Пониманія одного мало для драмы. Но обо всемъ этомъ потолкуемъ послѣ. Сочиненіе это, во всякомъ случаѣ, *немаловажно* и всегда останется замѣчательно тою высокою задачей, которую оно задало намъ и надъ которымъ сто̀итъ всякому истинно-Русскому поразмыслить и поразсудить серьезно".

„Не знаю, когда съ вами увижусь. Хотѣлъ было ѣхать теперь, не смотря на болѣзненную слабость; но узналъ, что дилижансы изъ Харькова въ Москву уничтожились. Заводить свой экипажъ нѣтъ средствъ, и скука. Попутчика покуда не отыскивается..... Напишите мнѣ слова два о Михаилѣ Семеновичѣ, не будетъ ли онъ въ Харьковѣ? Онъ, кажется, имѣетъ обыкновеніе заглядывать туда въ Августѣ около ярмарки; какъ бы мнѣ было пріятно прокатиться съ нимъ! Вашъ Н. Гоголь. Всѣмъ вашимъ дружескій поклонъ".

Константинъ Сергѣевичъ еще ранѣе, при первомъ извѣстіи о возвращеніи Гоголя въ Россію и въ ожиданіи свиданія съ нимъ, писалъ ему въ Васильевку письмо о «Перепискѣ съ Друзьями». «Полная откровенность необходима... Я долженъ сказать вамъ все, что̀ у меня на душѣ. Во всемъ, что̀ вы писали въ письмахъ, и въ книгѣ вашей особенно, вижу я прежде всего одинъ главный недостатокъ: это *ложь*. Ложь не въ смыслѣ *обмана* и не въ смыслѣ *ошибки*; нѣтъ, а въ смыслѣ неискренности прежде всего. Это внутренняя неправда человѣка съ самимъ собою. Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего болѣе въ одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга". Письмо это уже было напечатано въ Русскомъ Архивѣ (см. въ статьѣ „Гоголь и Славянофилы" 1890, I, стр. 139). Здѣсь у мѣста привести лишь отвѣтъ Гоголя:

„Іюня 3 (1848). Васильевка".

«Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны и сказали въ вашемъ письмѣ все, что̀ было на душѣ, то и я долженъ сказать о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Вопервыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, на мѣсто извѣстій о себѣ, распространились о моей книгѣ, о

которой я уже не полагалъ услышать что либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились, и она предана забвенію. Я, однакоже, прочелъ со вниманіемъ три большія ваши страницы. Многое въ нихъ дало мнѣ знать, что вы съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, слѣдили (историческимъ и философическимъ путемъ) существо природы Русскаго человѣка и, вѣроятно, сдѣлали немало значительныхъ выводовъ. Тѣмъ съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ жажду прочесть вашу драму, которой покуда въ рукахъ не имѣю. Вотъ еще вамъ одна мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я прочелъ слова письма вашего: „Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она—ложь". Вотъ что̀ я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который увѣренъ, что онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо (кромѣ говорящаго развѣ святымъ духомъ) отличать, что̀ ложь и что̀ истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца, какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который и самъ есть ложь, по слову апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденьяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ нынѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда? Тогда какъ, идя по той же дорогѣ изслѣдованій, вы можете найти новыя стороны, дотолѣ вами незамѣченныя, вслѣдствіе чего и самый взглядъ уже не будетъ совершенно тотъ и, что̀ казалось прежде *цѣлымъ*, окажется только частью цѣлаго. Нѣтъ, Константинъ Сергѣевичъ, есть духъ обольщенія, духъ-искуситель, который не дремлетъ и который такъ же хлопочетъ и около васъ, какъ около меня, и, увы! чаще всего бываетъ онъ возлѣ насъ въ то время, когда думаемъ, что онъ далеко, что мы освободились отъ него и отъ лжи, и что самая истина говоритъ нашими устами. Вотъ какія мысли пришли мнѣ въ то время, когда я читалъ приговоръ вашъ книгѣ, на которую до сихъ поръ еще не имѣлъ духа взглянуть! Скажу вамъ также, что мнѣ становится теперь страшно всякій разъ, когда слышу человѣка, возвѣщающаго слишкомъ утвердительно свой выводъ, какъ непреложную, непогрѣшительную истину. Мнѣ кажется, лучше говорить съ меньшей утвердительностью, но приводить больше *доказательствъ*".

„Драму вашу я прочту со вниманьемъ и даю вамъ слово не скрыть своего мнѣнія. Она тѣмъ болѣе для меня интересна, что, вѣроятно, въ ней я отыщу яснѣйшее изложеніе всего того, о чемъ вы говорите въ письмѣ вашемъ нѣсколько неопредѣленно и неясно. Покуда не сердитесь на критики въ журналахъ и не называйте ихъ также слѣдствіями вражды, зависти и тому подобнаго. Во всякой изъ нихъ можетъ быть та частица правды, которая только сначала колетъ въ глаза; но если прочтешь нѣсколько разъ, она будетъ цѣлительна и полезна. Искренно уважающій вашъ другъ и любящій васъ Н. Гоголь".

Проведя лѣто въ Малороссіи, Гоголь осенью 1848 года пріѣхалъ въ Москву. Въ письмахъ Вѣры Сергѣевны къ М. Г. Карташевской такъ упоминается о свиданіи съ нимъ:

„*14 Іюня.* Не помню, писала ли я тебѣ, что Гоголь уже въ Малороссіи и въ Августѣ собирается въ Москву. Константинъ писалъ ему откровенное письмо; какъ-то онъ его приметъ? *30 Сентября.* Гоголь теперь въ Петербургѣ. Онъ былъ въ Москвѣ, мы его видѣли; онъ мало наружно перемѣнился, но кажется какъ будто не тотъ Гоголь. Константинъ въ минуту свиданья забылъ все и задушилъ было его обнимая. *13 Октября.* Ты меня спрашиваешь о Гоголѣ; Иванъ (братъ) можетъ передать подробно наше свиданіе. Примиреніе произошло еще на письмахъ. Всѣ ему обрадовались, и отношенія остались по прежнему дружескія; но только все казалось, это не тотъ Гоголь. *29 Ноября.* Гоголь у насъ по прежнему бываетъ также часто; онъ веселѣе и разговорчивѣе, нежели былъ прежде; говоритъ откровенно и о своей книгѣ; и вообще сталъ проще, какъ всѣ находятъ. Онъ твердо намѣренъ продолжать „Мертвыя Души" *22 Декабря.* Сегодня обѣдаютъ у насъ Гоголь и другіе".

Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ (Зап. о жизни Н. В. Гоголя, II т., стр. 222) разсказываетъ объ этомъ свиданіи и о зимѣ 1848/9 года такъ:

„Когда Гоголь пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву (въ Сентябрѣ 1848 года), я былъ въ деревнѣ и только въ Октябрѣ переселился въ городъ. Въ тотъ же вечеръ пришелъ къ намъ Гоголь, и мы увидѣлись съ нимъ послѣ шестилѣтней разлуки. Въ непродолжительномъ времени возстановились между нами прежнія, какъ бы прерванныя, нарушенныя продолжительною разлукою отношенія; но объ его книгѣ и второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» не было и помину. Гоголь въ эту зиму прочелъ намъ всю «Одиссею», переведенную Жуковскимъ. Онъ слишкомъ восхищался этимъ

переводомъ. Я и сынъ мой Константинъ были не совсѣмъ согласны съ нимъ. Разумѣется, это было ему непріятно; но онъ не показывалъ никакого неудовольствія. Одинъ разъ, когда мы высказали ему немалое число самыхъ неопровержимыхъ замѣчаній на переводъ «Одиссеи», Гоголь сказалъ: „Напишите все это и пошлите Жуковскому; онъ будетъ вамъ очень благодаренъ".

„Часто также читалъ вслухъ Гоголь Русскія пѣсни, собранныя г-мъ Терещенко, и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсень. Гоголь всегда любилъ читать; но должно сказать, что онъ читалъ съ неподражаемымъ совершенствомъ только все комическое въ прозѣ, или пожалуй чувствительное, но одѣтое формою юмора; все же чисто-патетическое, какъ говорится, и лирическое Гоголь читалъ нараспѣвъ. Онъ хотѣлъ, чтобы ни одинъ звукъ стиха не терялъ своей музыкальности и, привыкнувъ къ его чтенію, можно было чувствовать силу и гармонію стиха. Изъ писемъ его къ друзьямъ видно, что онъ работалъ въ это время неуспѣшно и жаловался на свое нравственное состояніе. Я же думалъ, напротивъ, что трудъ его подвигается впередъ хорошо, потому что самъ онъ былъ довольно веселъ и читалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Я въ этомъ, какъ вижу теперь, ошибался; но вотъ что̀ вѣрно: я никогда не видалъ Гоголя такимъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, т. е. въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1848-го и въ Январѣ и Февралѣ 1849 года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога. Надобно замѣтить, что зима была необыкновенно жестокая и постоянная, что Гоголь прежде никогда не могъ выносить сильнаго холода и что теперь онъ одѣвался очень легко. Но недолго предавался я радостнымъ надеждамъ на совершенное возстановленіе его здоровья. Съ появленіемъ первыхъ оттепелей, Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра очевидно стала имъ овладѣвать. Однако, 19-го Марта, въ день его рожденья, который онъ всегда проводилъ у насъ, я получилъ отъ него слѣдующую довольно веселую записку:

„Любезный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, имѣютъ сегодня подвернуться вамъ къ обѣду два пріятеля: Петръ Мих. Языковъ и я, оба грѣховодники и скоромники. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ по той причинѣ, чтобы вы могли приказать прибавить кусокъ бычачины на одно лишнее рыло".

„Имянины свои, 9-го Мая, Гоголь праздновалъ, по прежнему, въ саду у М. П. Погодина, и 7-го Мая я получилъ отъ него слѣдующую записку. (Было одно обстоятельство, не касавшееся Гоголя, но которое не позволило ему сдѣлать намъ прямаго приглашенія).

„Мнѣ хотѣлось бы, держась старины, послѣ завтра отобѣдать въ кругу короткихъ пріятелей въ Погодинскомъ саду. Звать на имянины самому неловко. Не можете ли вы дать знать, или сами, или чрезъ Константина Сергѣевича, Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно съ Мельгуновымъ? Придумайте, какъ это сдѣлать ловче и дайте мнѣ потомъ отвѣтъ, если можно заблаговременно“.

Лѣтомъ 1849-го года Гоголь посѣтилъ и Абрамцево. Сергѣй Тимоѳеевичъ (см. тамъ же, стр. 228) такъ разсказываетъ объ этомъ:

„Гоголь много гулялъ у насъ по рощамъ и забавлялся тѣмъ, что, находя грибы, собиралъ ихъ и подкладывалъ мнѣ на дорожку, по которой я долженъ былъ возвращаться домой. Я почти видѣлъ, какъ онъ это дѣлалъ. По вечерамъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ переводы древнихъ Мерзлякова, изъ которыхъ особенно ему нравились гимны Гомера. Такъ шли вечера до 18-го числа. 18-го вечеромъ Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ:

— Да не прочесть ли намъ главу „Мертвыхъ Душъ?“

Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“. Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобъ принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки; но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

—«Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ втораго“.

„И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь“.

„Не могу выразить, что̀ сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Туже минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ,—и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ, въ свою комнату, потому что уже прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ“.

„Тутъ только мы догадались, что Гоголь съ перваго дня имѣлъ намѣреніе прочесть намъ первую главу изъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, которая одна, по его словамъ, была отдѣлана, и ждалъ отъ насъ только какого нибудь вызывающаго слова. Тутъ только припомнили мы, что Гоголь много разъ опускалъ руку въ карманъ, какъ бы хотѣлъ что-то вытащить, но вынималъ пустую руку“.

„На другой день Гоголь требовалъ отъ меня замѣчаній на прочитанную главу; но намъ помѣшали говорить о „Мертвыхъ Душахъ". Онъ уѣхалъ въ Москву, и я написалъ къ нему письмо, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на особенныя, по моему мнѣнію, красоты".

Вотъ это письмо отъ 27-го Августа 1849 года:

«Я чувствую душевную потребность сказать вамъ нѣсколько словъ, милый другъ Николай Васильевичъ. Я долженъ передъ вами покаяться. Послѣ всего случившагося въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, я, Ѳома невѣрный, какъ вы сами меня назвали, потерялъ было вѣру въ дальнѣйшее существованіе вашего творческаго таланта. Мнѣ показалось несовмѣстнымъ ваше духовное направленіе съ искусствомъ. Я ошибся. Слава Богу! Благодарю васъ, что вы наконецъ рѣшились разсѣять мое заблужденіе. Вы знали его; но не знали, какъ тяжело было мнѣ смотрѣть на васъ, на мнимаго страдальца, утратившаго плодотворную силу своего творчества, но не потерявшаго стремленія, необходимости творить. Много вытерпѣлъ я сердечной скорби отъ моей грубой ошибки. Но теперь все забыто! Слава Богу, я чувствую только одну радость. Талантъ вашъ не только живъ, но онъ созрѣлъ. Онъ сталъ выше и глубже, что̀ я и сказалъ вамъ сейчасъ послѣ чтенія».

„Можетъ быть, вы хотѣли бы слышать отъ меня критическую оцѣнку, но я не могу этого сдѣлать. Я слушалъ съ такимъ волненіемъ, а сначала и съ предубѣжденіемъ, что подробности впечатлѣній скоро поглотились однимъ чувствомъ наслажденія. При томъ же я ничего не могу судить вѣрно о подробностяхъ, *слушая въ первый разъ*: мнѣ надобно прочесть своимъ глазомъ. Но вотъ что у меня осталось въ памяти. 1) Мнѣ показалось, что сначала какъ-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мнѣ показался нѣсколько длиннымъ и натянутымъ разсказъ объ Александрѣ Петровичѣ. 3) Встрѣча въ деревнѣ крестьянами молодаго барина какъ будто жидка и одностороння. Но я не ручаюсь за вѣрность моихъ замѣчаній. Если вы захотите ихъ имѣть, то дайте мнѣ тетрадь въ руки. — Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье и благословитъ окончательные труды ваши: ибо я считаю, что *Мертвыя Души* написаны и что теперь остается послѣдняя отдѣлка. Я прошу у Бога милости дожить до ихъ появленія, при настоящемъ моемъ умѣ и чувствахъ; я хочу вполнѣ насладиться не только возстановленіемъ вашей славы, но и полнымъ торжествомъ вашимъ на всемъ пространствѣ Руси.... Какъ утѣшили вы меня, Константина и все наше семейство! Какъ долго мы были полны только однимъ чувствомъ, о которое притуплялось даже горе.... Прочь всѣ теоріи и умствованія: да будетъ благословенно искусство на землѣ! Крѣпко васъ обнимаю. Душой вашъ С.

Аксаковъ. Иванъ вамъ кланяется. Онъ спрашиваетъ, читали ли вы стихотворенія Григорія Богослова? Если нѣтъ, то прочтите. Въ Рыбинскѣ играли „Ревизора"; въ половинѣ пьесы, актеры, видя, что зрители больше ихъ похожи на дѣйствующія лица, помирали всѣ со смѣху".

„Получивъ мое письмо, Гоголь былъ такъ доволенъ, что захотѣлъ видѣть меня немедленно. Онъ нанялъ карету, лошадей и въ тотъ же день прикатилъ къ намъ въ Абрамцево. Онъ пріѣхалъ необыкновенно веселъ или, лучше сказать, свѣтелъ, и сейчасъ сказалъ:

— Вы замѣтили мнѣ именно то, что̀ я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что тоже замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ.

„Гоголь прожилъ у насъ цѣлую недѣлю; до обѣда раза два выходилъ гулять, а остальное время работалъ; послѣ же обѣда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть слѣдующія главы; но онъ убѣдительно просилъ, чтобъ я погодилъ. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ уже нѣсколько главъ А. О. Смирновой и С. П. Шевыреву, что самъ увидѣлъ, какъ много надо передѣлать и что прочтетъ мнѣ ихъ непремѣнно, когда онѣ будутъ готовы".

„6-го Сентября Гоголь уѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Ольгою Семеновной. Прощаясь, онъ повторилъ ей обѣщаніе прочесть намъ слѣдующія главы „Мертвыхъ Душъ" и велѣлъ непремѣнно сказать это мнѣ".

«Въ Генварѣ 1850 года Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу „Мертвыхъ Душъ". Мы были поражены удивленіемъ: глава показалась намъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:

— Вотъ что значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ одно слово убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено—и все выходитъ другое. Тогда надо напечатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы».

„Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями".

«Января 19-го Гоголь прочелъ намъ вторую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ», которая была довольно отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ; а до отъѣзда своего въ Малороссію онъ прочелъ третью и четвертую главы».

Отъѣздъ Гоголя изъ Москвы въ Малороссію, вдвоемъ съ М. А. Максимовичемъ, на долгихъ, совершился раннимъ лѣтомъ 1850 года изъ дома Аксаковыхъ (именно 13 Мая). Гоголь прислалъ Сергѣю Тимоѳеевичу записку по этому случаю:

„Мы съ Максимовичемъ заѣдемъ къ вамъ по дорогѣ, то-есть передъ самымъ отъѣздомъ, часу во второмъ; стало быть во время вашего завтрака, чтобы и самимъ у васъ чего нибудь перехватить: одного блюда, не больше, или котлетъ, или, пожалуй, варениковъ, и запить бульонцемъ".

По этому случаю была и другая записочка Гоголя къ Константину Сергѣевичу:

„Оказывается, что вамъ очень недурно съѣздить въ Кіевъ, Константинъ Сергѣевичъ, во первыхъ, чтобъ не обидѣть первопрестольной столицы, а вовторыхъ, чтобъ, задавши работу ногамъ, освѣжить голову, совершая путь по поламъ съ подсѣдомъ на телѣгу и съ напускомъ пѣхондачка, совокупно съ нами оттопавши дорогу до Глухова, откуда Кіевъ уже подъ носомъ. И потомъ по благоусмотрѣнію устроить возвратъ *)".

Въ добавленіе къ свидѣтельству Сергѣя Тимоѳеевича о хорошемъ состояніи здоровья Гоголя въ зиму $184^8/_9$ года должно сказать, что самъ Гоголь пугался „суровостей зимы" и въ Февралѣ 1850 г. болѣлъ серьезно. Въ концѣ этого мѣсяца, по его словамъ въ письмѣ къ А. С. Данилевскому (IV т. „Соч. и письма Гоголя, стр. 500), онъ еще не оправился отъ болѣзни и находился въ „состояніи хандры и нѣкотораго унынія отъ всего что̀ дѣлается на свѣтѣ".

По всей вѣроятности, къ этому времени относится слѣдующая записка Сергѣя Тимоѳеевича:

„Зачѣмъ же вы хвораете, другъ мой? Я третій день опять боленъ и началъ лѣчиться земляничнымъ корнемъ. Константинъ уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы побывать у васъ. Крѣпко васъ обнимаю. Вашъ другъ С. Аксаковъ. 11 Февраля".

На это отвѣтная записка Гоголя, помѣченная карандашемъ *1850 г. Февраль:* „Чувствую лучше. Простуда и жаръ въ головѣ уменьшается. Оверъ одобрилъ все сдѣланное моимъ док-

---

*) Г. Кулишъ, разсказывая объ этомъ путешествіи *на долгихъ* со словъ Максимовича, въ Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя, 2-й т. стр. 231, обозначаетъ днемъ выѣзда 13 Іюня; между тѣмъ онъ-же, въ изданіи „Сочиненія и письма Гоголя", обѣ приводимыя здѣсь записочки Гоголя относитъ къ Маю мѣсяцу и первую изъ нихъ именно къ 13-му Мая. Такъ какъ эти записки писаны на лоскуткахъ и были присланы не по почтѣ и безъ конвертовъ, то на нихъ не обозначено ни числа, ни года. Уцѣлѣвшіе подлинники помѣчены только карандашемъ: *1850 года, Май.* Къ тому-же сдѣлана и ошибка въ запискѣ къ Константину Сергѣевичу, а именно напечатано: „Совокупно съ ними оттопавши дорогу до Глухова"; въ подлинникѣ весьма четко: *съ нами*,—намекъ на то, что именно собственное путешествіе Гоголя съ Максимовичемъ *на долгихъ* дало поводъ и Константину Сергѣевичу мечтать о путешествіи пѣшкомъ изъ Москвы въ Кіевъ. Далѣе приводится нами и еще одно несомнѣнное доказательство, что выѣздъ изъ Москвы былъ 13 Мая. *Изд.*

торомъ. Надѣюсь, если не сегодня, то завтра выдти на воздухъ. Радъ, что вы также чувствуете лучше. За все слава Богу. Весь вашъ Н. Г." Въ письмѣ къ Плетневу (тамъ же, VI т., стр. 516) Гоголь пишетъ: „Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, далась мнѣ знать сильно. Думалъ было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на Югѣ на долго, но не тутъ-то было. Зима третьяго года кое-какъ перекочкалась, но прошлая едва-едва вынеслась". Онъ съ тѣмъ и уѣхалъ на лѣто въ Малороссію, чтобы оттуда на зиму вовсе перебраться на Югъ „отъ суровости зимы".

По отъѣздѣ Гоголя въ Малороссію, Сергѣй Тимоѳеевичъ долго не имѣлъ отъ него извѣстій; письмо отъ Гоголя пришло уже въ позднюю осень, изъ Одессы:

„7 Ноября. Одесса".

«Увѣдомляю васъ, безцѣнный другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ Одессѣ и, можетъ быть, останусь здѣсь всю зиму, хоть, признаюсь, здѣшняя зима мало чѣмъ лучше Московской. Но нечего дѣлать, съ паспортомъ я опоздалъ; а отсюда подыматься на Сѣверъ тоже поздно. Видѣлъ я Казначеева, который мнѣ показался весьма добрымъ человѣкомъ, и часто видаюсь со Стурдзой, съ кн. Репниными, Титовыми и со многими старыми товарищами по школѣ; но чувствую, что васъ не достаетъ. Пожалуйста, увѣдомьте меня о себѣ, о всѣхъ вашихъ и о всемъ, что̀ до васъ относится; о семъ прошу и Константина Сергѣевича. Продолжаете ли записки? Смотрите, чтобъ намъ, какъ увидимся, было не стыдно другъ передъ другомъ, и было-бы что прочесть. Константину и Ивану Сергѣевичамъ также. Пишите: въ Одессу, въ домѣ генералъ-маіора Троцинскаго. Душевный поклонъ Ольгѣ Семеновнѣ, Вѣрѣ Сергѣевнѣ и всему дому. Весь вашъ Н. Г."

Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчалъ Гоголю:

„Москва. Декабря 3-го 1850 года".

„Наконецъ я получилъ прямую вѣсточку отъ васъ, милый другъ Николай Васильевичъ! Итакъ вы въ Одессѣ, и ваше намѣреніе провесть зиму подъ теплымъ небомъ Бейрута не состоялось. Я долженъ признаться вамъ, что обрадовался этому извѣстію Одесса близехонько, благодаря легкости и удобству сообщеній. Мнѣ страшно было думать, что вы опять заѣдете такъ далеко, и я не вѣрилъ и не вѣрю въ мысль, чтобъ это чужое тепло было полезно вашему здоровью; а вѣдь о немъ-то и рѣчь идетъ. Повѣрьте, что я не увлекаюсь эгоизмомъ и не подкупленъ возможностью скораго свиданія съ вами: возможностью сѣсть, да и пріѣхать въ Москву. Будьте здоровы, доканчивайте успѣшно свой великій трудъ и не ѣздите въ Москву хоть цѣлый годъ".

„Я одинъ разъ только имѣлъ извѣстіе, что вы живете въ Васильевкѣ,

что вы здоровы и сбираетесь въ Одессу, чтобъ оттуда ѣхать дальше. О Максимовичѣ до сихъ поръ ничего не знаемъ.—Теперь слѣдуетъ разсказать вамъ по порядку все, что случилось съ нами въ продолженіи 6 мѣсячной разлуки. 4-го Іюня я переѣхалъ въ свою подмосковную *), гдѣ и прожилъ до 21-го Ноября. До наступленія зимы, которая явилась у насъ почти мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго, я неутомимо удилъ и ходилъ за грибами и былъ довольно здоровъ; послѣдній же мѣсяцъ писалъ ежедневно свои охотничьи записки и кончилъ отдѣленіе степной или полевой дичи, начатое въ Москвѣ; написалъ даже кое-что въ техническое отдѣленіе моихъ записокъ. По совѣсти долженъ сказать, что я доволенъ только нѣкоторыми мѣстами. Я переѣхалъ въ Москву съ гораздо большей неохотою, чѣмъ когда нибудь. Послѣ завтра двѣ недѣли, какъ я переѣхалъ и до сихъ поръ еще не началъ примиряться со своимъ положеніемъ. Не могу возбудить въ себѣ никакого интереса къ окружающимъ меня предметамъ. Все мнѣ чуждо и скучно. Писать ничего не могу. Событіе, которое въ другое время не только бы занимало, но и волновало меня, т. е. постановка на сцену драмы Константина, я точно вижу какъ во снѣ. Кромѣ личнаго участія въ сочинителѣ, тутъ рѣшаются два важные вопроса: можно ли перенесть съ успѣхомъ на сцену, въ ея настоящемъ значеніи, драматизмъ исторической старой Русской жизни хотя въ одномъ моментѣ, или простота ея такъ велика, что для сцены не годится? Второй вопросъ еще важнѣе: сохранилось ли настолько въ низшихъ слояхъ общества (а не народа) и развилось ли въ насъ Русскаго чувства, чтобъ мы способны были почувствовать эту жизнь? Эту піэсу выпросилъ себѣ въ бенефисъ одинъ плохой актеръ Леонидовъ, и Константинъ далъ мимоходомъ согласіе, предполагая, что это дѣло, по многимъ причинамъ, не состоится; а между тѣмъ оно состоялось, и 13 Декабря драма идетъ. Я предполагалъ, что всѣ актеры, особенно по нерасположенію къ бенефиціанту, будутъ весьма недовольны постановкой этой піесы. Можетъ быть, оно сначала такъ и было; но когда Константинъ, при первой считкѣ, прочелъ ее съ совершенною простотою и горячимъ одушевленіемъ, всѣ были увлечены и многіе растроганы до слезъ. Лучшіе актеры захотѣли играть по нѣскольку лицъ въ народѣ, и со вчерашняго дня начались уже репетиціи, которыя будутъ продолжаться даже по ночамъ, послѣ спектаклей, за недостаткомъ времени и свободной сцены. Признаюсь, этого я никакъ не ожидалъ и начинаю думать, что многія мѣста произведутъ сильное дѣйствіе. Святость содержанія драмы и простота, никому не замѣтная,

[1]) Вотъ подтвержденіе, что отъѣздъ Гоголя изъ Москвы 1850 года совершился „изъ дома Аксаковыхъ 13 Мая“, а не Іюня; ибо съ 4 Іюня Сергѣй Тимоѳеевичъ уже былъ въ Абрамцевѣ. *Изд.*

въ совершеніи великихъ дѣлъ, понята толпой актеровъ, вполнѣ оторванныхъ отъ народа, недостаточно образованныхъ, чтобъ понять его, и забитыхъ представленіемъ лицъ почти всегда совершенно имъ чуждыхъ!... Согласитесь, что этого никакъ нельзя было ожидать. Хочу сдѣлать глупость: ѣхать на первое представленіе въ литерную ложу, гдѣ бы я могъ спрятаться отъ блеска лампъ и отъ зрителей, ибо я никого не хочу соблазнять своимъ нарядомъ *). Непремѣнно напишу подробно обо всемъ вамъ".

„Константинъ, Вѣра и Надя съѣздили въ Кіевъ и остались очень довольны своимъ путешествіемъ: чудное мѣстоположеніе Кіева въ соединеніи съ его историческимъ и религіознымъ значеніемъ произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ. Малороссія поэтически подѣйствовала на моихъ дочерей и смягчила даже непреклоннаго Константина. Впрочемъ главная цѣль поѣздки недостигнута: здоровье Вѣры находится въ прежнемъ положеніи, какъ и главной больной, Олиньки; всѣ же остальные—слава Богу. Гриша мой служитъ покуда въ Петербургѣ, а Иванъ продолжаетъ неутомимо подвизаться въ Ярославской губерніи. Много новаго, любопытнаго и важнаго открылъ онъ своимъ слѣдствіемъ; отъ него же узнàетъ правительство и всѣ тѣ, кому знать надлежитъ".

«Вотъ вамъ, милый другъ, рапортъ обо всѣхъ насъ. Старуха моя, съ прежнимъ самозабвеніемъ, хлопочетъ обо всемъ, и покуда Богъ хранитъ ея здоровье. Хомякова еще нѣтъ; я крѣпко звалъ его къ 13-му Декабрю, но онъ ничего не отвѣчаетъ. Кошелевъ, Томашевскій и братъ кланяются вамъ. Жена и вся моя семья васъ обнимаютъ. Въ Москвѣ обдали меня потокомъ такихъ гадкихъ вѣстей, что затыкаю уши. Старинный другъ мой и вашъ хорошій знакомый, Кавелинъ кончилъ жизнь. Казначеевъ-добрѣйшій человѣкъ и самый старшій изъ моихъ друзей: мы дружны съ нимъ 42 года. Я напишу къ нему. Крѣпко васъ обнимаю и молю у Бога силъ и здоровья вамъ. Вашъ С. Аксаковъ».

Въ отвѣтъ на это Гоголь писалъ:

„Одесса. Декабря 23 (1850). Очень обрадовали меня вашимъ письмецомъ, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ. Слава Богу, вы здравствуете, хоть и не такъ, можетъ быть, какъ хотѣлось бы; но ... за все слава Богу! Если будемъ довольствоваться малымъ, дастся и больше. Меня также Богъ милуетъ и хранитъ: зима здѣшняя благопріятна мнѣ. Занятія мои потихоньку идутъ. Весной хочется быть въ Москвѣ, повидаться съ вами и съ Москвой. Очень радъ, что драма Константина Сергѣевича попала на сцену. Весьма меня обяжете, если увѣдомите,

*) С. Т. Аксаковъ ходилъ въ Русскомъ платьѣ. *Изд.*

какъ она шла, какъ вообще впечатлѣніе и что̀ говорятъ о ней порознь? Затѣмъ обнимаю васъ отъ всей души и поздравляю совокупно, со всѣмъ милымъ вашимъ семействомъ, всѣхъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ онъ каждому изъ васъ принесъ въ душу много радостей такихъ, за которыя безпрерывно хочется благодарить Бога. Вашъ весь Н. Гоголь".

Одновременно съ тѣмъ и самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ Гоголю:

«Москва, 25 Декабря (1850 г.) Понедѣльникъ. Поздравляю васъ, милый другъ Николай Васильевичъ, съ великимъ праздникомъ. Давно бы слѣдовало мнѣ написать вамъ о представленіи драмы Константина, которое было 14 Декабря; но въ продолженіи этихъ десяти дней много было у меня смущеній разныхъ и нездоровья .. До сихъ поръ Москва полна разговоровъ, брани и клеветъ на автора. Я былъ самъ въ театрѣ, который биткомъ набился народомъ... Мнимая Русская аристократія и высшее дворянство, не знаю почему, изволили обидѣться .. Я имѣлъ счастіе услышать, что про моего Константина говорили тѣже рѣчи, какія я слыхалъ про васъ послѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», то-есть: „въ кандалы бы автора, да въ Сибирь!" Вы знаете драму. Она никогда не назначалась для театра и написана безъ всякаго сценическаго искусства; но строгая истинность историческихъ событій и горячее чувство автора очень слышны на сценѣ, и многія мѣста производятъ сильное впечатлѣніе. Для меня по крайней мѣрѣ вопросъ Русской драмы рѣшенъ: она можетъ и должна быть, но непремѣнно древняя, ибо въ настоящее время Русской жизнью живетъ одинъ крестьянинъ. Крѣпко васъ обнимаю. Все голова болитъ. Всѣ вамъ кланяются. Вашъ другъ С. Аксаковъ".

Январь, Февраль и Мартъ наступившаго 1851-го года Гоголь провелъ въ Одессѣ. Но слѣдующее письмо Сергѣя Тимоѳеевича уже не застало Гоголя въ Одессѣ.

„19 Марта 1851 г. Москва".

„Здравствуйте, милый другъ Николай Васильевичъ, въ новый вашъ годъ! Крѣпко васъ обнимаю и поздравляю. Нѣсколько любящихъ васъ пріятелей заранѣе согласились было сегодня обѣдать у насъ; но, какъ нарочно, что-то угораздило Погодина съ Шевыревымъ устроить сегодня обѣдъ Іордану. Не только всѣ наши гости обѣдаютъ тамъ, но и Константина утащили. Надѣюсь однако, что Бодянскій отобѣдаетъ и придетъ къ намъ. Хотя вареников ѣсть не будетъ, но послушаемъ: „Ой, на дворѣ мятелица".

«Давненько не писалъ я къ вамъ.... А отъ васъ ужъ и не помню когда получилъ грамотку. Хоть ваше молчанье я считаю добрымъ знакомъ, но это черезъ-чуръ. Въ послѣднее время я крѣпко разстроился было своими нервами, которыя расплясались у меня, какъ у истерической женщины; теперь понемногу поправляюсь. Причину такой передряги перескажу вамъ лично. Странное дѣло: эта нервическая хворь не только не мѣшала, но даже помогала мнѣ работать надъ моими записками, которыя кончены, и это меня даже огорчаетъ. Конечно, возни за ними осталось еще довольно, но она не можетъ такъ сильно меня занимать; а безъ занятія нашему брату плохо. Мнѣ кто-то сказывалъ, что вы, до пріѣзда въ Москву, поѣдете на южный берегъ Крыма. Если это правда, то я боюсь, что это письмо не застанетъ васъ въ Одессѣ и что вы не скоро къ намъ пріѣдете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ: хочу слушать и читать. Прощайте, другъ мой! Обнимите за меня Казначеева и скажите ему, что его грамотка шла ко мнѣ два мѣсяца. Прощайте! Всею душою вашъ С. Аксаковъ“.

Гоголь отвѣчалъ на это уже изъ своей Васильевки: „Мая 14 (1851) д. Васильевка. Милое ваше письмо, добрый другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, получилъ уже здѣсь въ Малороссіи и благодарю васъ за поздравленіе съ днемъ рожденія моего, и васъ, и Ольгу Семеновну, и Константина Сергѣевича, и всю семью. На дняхъ выѣзжаю въ Москву. Вѣроятно, вы уже будете въ вашей подмосковной, но постараюсь заглянуть къ вамъ и туда. О Максимовичѣ не имѣю никакихъ вѣстей; слышалъ только, что былъ онъ боленъ и ничего больше. Весна здѣсь такъ благопріятна, какъ давно не была. Обнимаю васъ, до свиданья. Вашъ Н. Гоголь“.

Вскорѣ Гоголь, и въ самомъ дѣлѣ, прибылъ въ Москву, откуда проѣхалъ въ Абрамцево. Сергѣй Тимоѳеевичъ, въ той же запискѣ, составленной для г. Кулиша, пишетъ объ этомъ времени (Записки о жизни Н. В. Гоголя, II т., стр. 254):

„Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ Іюнѣ, въ половинѣ Сентября, когда онъ сбирался на свадьбу сестры своей въ Васильевку (откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу) и, наконецъ, въ третій разъ 30-го Сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ, что въ Оптиной пустыни почувствовалъ себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться. Очень было замѣтно, что его постоянно смущала

мысль о томъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть. Перваго Октября, въ день рожденія своей матери, Гоголь ѣздилъ къ обѣднѣ въ Сергіевскую Лавру и, на возвратномъ пути, заѣзжалъ въ Хотьковъ монастырь. За обѣдомъ Гоголь поразвеселился, а вечеромъ былъ очень веселъ. Пѣлись Малороссійскія пѣсни, и Гоголь самъ пѣлъ очень забавно. Это было его послѣднее посѣщеніе Абрамцева и послѣднее свиданіе со мною. 3-го Октября онъ уѣхалъ въ Москву".

Здѣсь у мѣста напомнить объ этомъ послѣднемъ прощаніи Гоголя слова самого Сергѣя Тимоѳеевича, уже приведенныя въ началѣ, когда авторъ разсказывалъ о „незабвенномъ на всю жизнь днѣ 13 Ноября 1839-го года", а именно: „Лице Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ. Вмѣсто отвѣта онъ благодарилъ Бога за эту минуту, за встрѣчу на землѣ со мной и моимъ семействомъ, протянулъ мнѣ обѣ руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, *какими смотрѣлъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абрамцева въ Москву и прощаясь со мной не надолго. Я вѣрю, что въ немъ это было предчувствіе вѣчной разлуки*".

Спустя 3 мѣсяца и 17 дней послѣдовала кончина Гоголя. За этотъ промежутокъ времени сохранилась одна только записка Сергѣя Тимоѳеевича къ Гоголю, отъ 9-го Генваря 1852-го года, изъ Абрамцева:

„Здравствуйте, милый другъ Николай Васильевичъ! Какъ поживаете? Я кое-какъ перебиваюсь. Посылаю съ Иваномъ половину моихъ записокъ, чтобъ процензуровать и печатать; остальную половину пришлю черезъ недѣлю. Поздравляю васъ съ прошедшими праздниками и наступившимъ новымъ годомъ. 1852-й годъ долженъ быть ознаменованъ появленіемъ II-го тома „Мертвыхъ Душъ". Каково ваше здоровье и какъ идетъ дѣло? По слухамъ, кажется, не дурно. Я не надѣюсь скоро васъ обнять. Не могу и подумать о зимней дорогѣ и возкѣ; да и жить мнѣ въ нашей квартирѣ неудобно. Я уже далъ довѣренность Ивану по всѣмъ моимъ дѣламъ. Крѣпко васъ обнимаю. Молю Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ ваши силы. Душою вашъ С. Аксаковъ. 9-го Января. Всѣ мои васъ обнимаютъ и поздравляютъ".

Объ этихъ послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Гоголя самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ (въ тѣхъ-же Запискахъ, ч. II стр. 255) воспоминаетъ такъ:

„Въ продолженіи Октября и Ноября Гоголь вѣроятно чувствовалъ себя лучше и могъ успѣшно работать, чтò доказывается нѣсколькими

его записками. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, онъ писалъ: „Слава Богу за все. Дѣло кое-какъ идетъ. Можетъ быть, оно и лучше, если мы прочитаемъ другъ другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то безпорядка, какъ всегда бываетъ осенью, когда человѣкъ возится и выбираетъ мѣсто, какъ усѣсться, а еще не усѣлся“. Слѣдующія слова изъ другой записки показываютъ, что Гоголь былъ доволенъ своею работой: „Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, я какъ нибудь управлюсь“. Потомъ дошли до меня слухи, что Гоголь опять разстроился. Я писалъ къ нему и спрашивалъ, какъ подвигается его трудъ, и получилъ отъ него слѣдующую печальную, послѣднюю записку, писанную или въ исходѣ Декабря 1851 го года, или въ началѣ Января 1852-го года: „Очень благодарю за ваши строчки. Дѣло мое идетъ крайне тупо. Время такъ быстро летитъ, что ничего почти не успѣваешь. Вся надежда моя на Бога, Который одинъ можетъ ускорить мое медленно-движущееся вдохновеніе. Вашъ весь Н. Г. Обнимаю вмѣстѣ съ вами весь домъ вашъ“.

Это послѣднія собственноручныя строки Гоголя изъ его переписки съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ.

О послѣднихъ дняхъ Гоголя, изъ матеріяловъ, собранныхъ для „Исторіи моего знакомства“, нельзя не привести выписки изъ письма, жившей въ Москвѣ, Вѣры Сергѣевны къ матери Гоголя, а также нѣсколько строкъ изъ письма ея же въ Абрамцево къ отцу.

„Сегодня Оверъ удивилъ насъ своими разсужденіями о Гоголѣ. Какъ могъ онъ такъ истинно понять его и то̀, какъ должны были-бы поступать съ нимъ друзья! Даже слишкомъ было больно слышать, что теперь... нельзя исправить. Но видно такъ Богу угодно, таковы судьбы Божіи и для Россіи. Но грустно, грустно.. И никого близкихъ изъ нашихъ не было около него“.

Слѣдуетъ отрывокъ изъ письма къ матери Гоголя:

„Я вамъ обѣщала, добрая Марья Ивановна, описаніе нашихъ послѣднихъ свиданій съ Николаемъ Васильевичемъ. Хотя въ нихъ особеннаго ничего не было, но я знаю, что вамъ все дорого. Мы жили эту зиму въ деревнѣ по обстоятельствамъ денежнымъ; больной сестрѣ былъ нанятъ маленькій домикъ, и кто нибудь изъ братьевъ и изъ сестеръ постоянно съ ней жилъ. Николай Васильевичъ очень уговаривалъ нанять большой домъ и переѣхать всѣмъ, увѣряя, что жить на два дома не будетъ выгодно . . . Послѣ половины Января (1852 г.) я съ сестрою Надей поѣхала въ Москву. Какъ пріѣхали, дали знать Николаю Ва-

сильевичу. Онъ навѣстилъ насъ, и мы нашли его довольно бодрымъ; но въ это время занемогла жена Хомякова, сестра Языкова, съ которымъ Николай Васильевичъ былъ такъ друженъ. Всѣхъ очень встревожила и огорчила болѣзнь такой молодой женщины. Николай Васильевичъ навѣщалъ насъ черезъ день; хотя на короткое время, но приходилъ непремѣнно узнать, что́ у насъ дѣлается, какія вѣсти изъ деревни?.. Вы, можетъ быть, слышали, что у насъ какъ-то пѣвались Малороссійскія пѣсни, и Николай Васильевичъ самъ ихъ напѣвалъ для того, чтобы класть на ноты. Желая ему сдѣлать пріятное, сестра предложила ему заняться опять пѣснями. Хомяковой сдѣлалось получше, и мы назначили день, чтобы собраться; но больной сдѣлалось опять хуже и, наканунѣ назначеннаго дня, она скончалась 35-ти лѣтъ, оставя 7 маленькихъ дѣтей и мужа, любившаго ее всею душой. Эта кончина поразила и огорчила всѣхъ, но Николая Васильевича она особенно разстроила. Онъ былъ на первой панихидѣ и насилу могъ остаться до конца. На другой день онъ былъ у насъ и говорилъ, что его это очень разстроило. „Вотъ какъ!“.. сказалъ онъ, грустно здороваясь съ нами; говорилъ, что боялся въ тотъ день посылать узнавать о ея здоровьѣ и только ждалъ извѣщенія отъ Хомяковыхъ, которое и не замедлило придти. Спросилъ, гдѣ ее положатъ? Мы сказали: въ Даниловомъ монастырѣ возлѣ Языкова Николая Михайловича. Онъ покачалъ головой, сказалъ что-то объ Языковѣ и задумался такъ, что намъ страшно стало: онъ, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и оставался въ томъ-же положеніи такъ долго, что мы нарочно заговорили о другомъ, чтобъ прервать его мысли. На другой день, во Вторникъ, мы не видали Николая Васильевича; въ этотъ день похороны. На нихъ онъ не былъ. На третій день въ Середу пришелъ онъ; мы его спросили, отъ чего онъ не былъ? Онъ сказалъ, что слишкомъ былъ разстроенъ, не могъ. Разговоръ, разумѣется, все былъ о томъ-же. Онъ сказалъ: „Я отслужилъ самъ одинъ панихиду по Екатеринѣ Михайловнѣ и помянулъ вмѣстѣ всѣхъ близкихъ прежде отшедшихъ; и она, какъ будто въ благодарность, привела ихъ всѣхъ такъ живо передъ меня. Мнѣ стало легче. Но страшна минута смерти“. Почему-же страшна? сказалъ кто-то изъ насъ. Только бы быть увѣрену въ милости Божіей къ страждущему человѣку, и тогда отрадно думать (о смерти). «Ну, объ этомъ надобно спросить тѣхъ, кто перешелъ черезъ эту минуту“, сказалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ (послѣ того, какъ отслужилъ панихиду) онъ сдѣлался спокоенъ, какъ-то свѣтелъ духомъ, почти веселъ; по крайней мѣрѣ, такимъ мы его видѣли во всѣ послѣдніе раза.—Черезъ день опять онъ пришелъ и именно утромъ. Братья наши разъѣхались: одинъ въ Курскъ, другой въ деревню; къ намъ принесли корректуру Николаю Васильевичу. Я послала

ему съ запиской. Онъ приходитъ и говоритъ, что получилъ записку, но корректуры не получалъ; сказалъ, что только-что отъ обѣдни. Это была Пятница передъ Масляной; въ Суботу приходилось Срѣтеніе, и потому поминальную суботнюю службу служили въ Пятницу. Видно было, что онъ находился подъ впечатлѣніемъ этой службы; мысли его были всѣ обращены къ тому міру. Онъ былъ свѣтелъ, даже веселъ, говорилъ много и все объ одномъ и томъ же. Онъ говорилъ, что надобно посовѣтовать Хомякову читать самому Псалтирь по своей женѣ, что это для него и для нея будетъ утѣшеніе, и что тогда только имѣетъ смыслъ чтеніе Псалтири по умершимъ, когда читаютъ близкіе; говорилъ о впечатлѣніи смерти на людей, о томъ, возможно-ли человѣка воспитать такъ съ малыхъ лѣтъ, чтобъ онъ понималъ значеніе жизни и смерти, чтобы смерть не поражала какъ будто нечаянность. Говорилъ объ одной знакомой старушкѣ, которая по своему дурному нраву возбудила противъ себя негодованіе всѣхъ. Онъ говорилъ о томъ какъ гнѣвъ опасенъ: раздражаетъ другихъ; хвалилъ очень своего приходскаго священника *) и всю службу въ его приходѣ. День былъ прекрасный, ясный; мы спросили его, работалъ-ли онъ сегодня? Нѣтъ еще, сказалъ онъ улыбаясь, вышелъ съ утра изъ дома. Надобно вамъ теперь позаняться (сказали мы). Надобно (отвѣчалъ онъ), но не знаю, какъ пойдетъ.—Въ Воскресенье онъ опять пришелъ послѣ обѣдни пѣшкомъ изъ своего прихода, нѣсколько усталый; опять хвалилъ очень своего приходскаго священника и все служеніе; видно, что онъ былъ полонъ службой, говорилъ опять о Псалтири. Сказалъ также: „Всякій разъ какъ иду къ вамъ, прохожу мимо Хомякова дома и всякій разъ, и днемъ, и вечеромъ, вижу въ окнѣ свѣчу, теплящуюся въ комнатѣ Екатерины Михайловны (тамъ читаютъ Псалтирь). Говорилъ также и о другомъ, о печатаніи, хотѣлъ придти къ намъ держать корректуру, чтобы научить насъ. Мы сказали, что на другой день ждали брата изъ деревни. На другой день, это было въ Понедѣльникъ на Масляной, послѣ обѣда мы сидѣли и разговаривали съ пріѣзжими изъ деревни; слышимъ, что кто-то взошелъ; оглядываемся: Николай Васильевичъ! Мы очень удивились и обрадовались ему. Онъ спросилъ, пріѣхалъ-ли братъ и гдѣ онъ? Узнавши, что у Хомякова, сказалъ, что пойдетъ туда. Въ немъ было видно нѣсколько утомленіе; сказалъ, что скоро уйдетъ, что долженъ лечь ранѣе, потому что чувствовалъ какой-то холодъ ночью, который его впрочемъ не безпокоилъ. Мы сказали: это нервный!—Да, нервный, сказалъ онъ совершенно спокойно.

*) Алексѣя Ивановича Соколова, въ то время служившаго въ церкви Симеона Столпника на Поварской, нынѣ протопресвитера въ храмѣ Христа Спасителя. Гоголь скончался въ домѣ графини А. Е. Толстой (нынѣ принадлежащемъ Н. А. Шереметевой), на лѣвой сторонѣ Никитскаго бульвара (отъ Арбатскихъ воротъ). *Изд.*

Видно, что онъ самъ не придавалъ тому значенія; сказалъ, что пойдетъ сейчасъ. Мы простились по обыкновенію, и онъ ушелъ. Это было въ послѣдній разъ. Къ Хомякову онъ не заходилъ. Въ Середу его навѣстили; онъ сказалъ, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. Видя, что онъ не идетъ къ намъ нѣсколько дней, я написала записочку, чтобъ узнать о его здоровьи: велѣли сказать, что не въ состояніи отвѣчать. На другой день посылали узнать; сказали, что ему лучше". (Въ сохранившемся отрывкѣ не достаетъ конца).

Когда пришло въ Абрамцево неожиданное извѣстіе о кончинѣ Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ самъ хворалъ. Чувства свои по поводу этой глубоко-знаменательной кончины онъ передалъ въ дружескомъ письмѣ къ сыновьямъ своимъ. Письмо это отъ начала до конца писано имъ собственноручно и имъ же помѣчено: *однимъ сыновьямъ*. Вотъ оно:

„Однимъ сыновьямъ. 1852 г. 23 Февраля".

«Ровно двое сутокъ, какъ Гоголя нѣтъ на свѣтѣ. Гоголь умеръ... Странныя слова, совсѣмъ не производящія обыкновеннаго впечатлѣнія! Если вчера была во мнѣ нѣкоторая борьба моего чувства съ общею потерею, то сегодня первое совершенно исчезло, такъ что я не могу отыскать его... и я совершенно подавленъ общею бѣдою. Я не знаю, любилъ-ли кто нибудь Гоголя исключительно какъ человѣка. Я думаю, нѣтъ; да это и невозможно. У Гоголя было два состоянія: творчество и отдохновеніе. Первое давно уже, вѣроятно вскорѣ послѣ выхода «Мертвыхъ Душъ», перешло въ мученичество, можетъ быть, сначала благотворное, но потомъ перешедшее въ безполезную пытку. Какъ можно было полюбить человѣка, тѣло и духъ котораго отдыхаютъ послѣ пытки? Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нѣтъ никакого дѣла; конечно бывали исключительныя мгновенія, но весьма рѣдкія и весьма для немногихъ. Я думаю, женщины любили его больше и особенно тѣ, въ которыхъ наименѣе было художественнаго чувства, какъ напримѣръ Смирнова. Вотъ до какой степени Гоголь для меня не человѣкъ, что я, который въ молодости ужасно боялся мертвецовъ и который не видывалъ ихъ до смерти (собственныхъ) дѣтей, я, постоянно боявшійся до сихъ поръ нѣсколько ночей послѣ смерти каждаго знакомаго человѣка, не могъ произвести въ себѣ этого чувства во всю послѣднюю ночь! Нѣсколько разъ просыпался, думалъ о Гоголѣ, воображалъ его трупъ, лежащій въ гробѣ со всѣмъ страшнымъ для меня, окруженіемъ,— и, не чувствуя никакого страха, вскорѣ засыпалъ".

„Я признаю Гоголя святымъ, не опредѣляя значенія этого слова.

Это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени, и въ тоже время мученикъ христіанства. Я это предчувствовалъ и еще въ 1844-мъ году, когда онъ прислалъ намъ подарки, написавъ прежде такое письмо, что я ждалъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» [1]), я писалъ къ обоимъ этимъ Петровичамъ о своемъ отчаяніи. Долго хохотали надо мною эти умные..., прочитавъ въ моемъ письмѣ, что или художникъ погибъ и выдетъ святой отшельникъ, или Гоголь умретъ въ сумасшедшемъ домѣ. Слава Богу, не сбылось послѣднее; но за то онъ ничего не произвелъ новаго и умеръ. Правда, я предавался надеждѣ, услышавъ первыя главы «Мертвыхъ Душъ» II-го тома, но съ какимъ-то страхомъ и даже подшпоривая себя. Притомъ, вѣдь это было написано *прежде* и только воспроизведено или, можетъ быть, только повторено даже въ слабѣйшемъ видѣ. Нельзя исповѣдывать двѣ религіи безнаказанно. Тщетна мысль совмѣстить и примирить ихъ. Христіанство сейчасъ задастъ такую задачу художеству, которую оно выполнить не можетъ, и сосудъ лопнетъ. Жалѣю, что я не въ Москвѣ. Меня не разстроили бы всѣ эти церемоніи. Напротивъ, мнѣ было бы весело увидѣть всѣ улицы около церкви, покрытыя толпами людей. Но едва-ли это будетъ? [2])... Десять лѣтъ молчанія, шесть лѣтъ пропаданія изъ Россіи, слухи объ отчаянной болѣзни и даже смерти, наконецъ похороны самого себя въ извѣстной книгѣ ослабили общее участіе. Бѣдный, бѣдный страдалецъ Гоголь! Боюсь, что чувство жалости сильно мною овладѣетъ; а притомъ это еще вопросъ: какъ-то мы будемъ жить при мысли, что нѣтъ Гоголя. Прощайте, друзья мои. Крѣпко обнимаю и благословляю васъ. Отецъ и другъ С. Аксаковъ".

Въ тоже время Сергѣй Тимоѳеевичъ продиктовалъ некрологическую замѣтку по поводу кончины Гоголя, куда вошли нѣкоторыя выраженія изъ приведеннаго письма. Онъ подписалъ ее своими начальными буквами и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ эта его статья:

Письмо къ друзьямъ Гоголя.

«Гоголя нѣтъ на свѣтѣ, Гоголь умеръ... Странныя слова, не производящія обыкновеннаго впечатлѣнія. Умереть Гоголю вдругъ нельзя: тѣло его предано землѣ, но духъ вошелъ въ нашу жизнь, особенно въ жизнь молодаго поколѣнія. Много, очень много надобно времени, чтобъ память о Гоголѣ потеряла свѣжесть; забыть, кажется мнѣ, онъ никогда

---

[1]) Подарокъ С. Т. Аксакову, Степану Петровичу Шевыреву и Михаилу Петровичу Погодину книжки „Подражаніе Христу" Ѳомы Кемпійскаго (см. выше). *Изд.*

[2]) Было. *Изд.*

не будетъ. Но Гоголь сжегъ «Мертвыя Души»... вотъ страшныя слова. Безотрадная грусть обнимаетъ сердце при мысли, что Гоголь не досказалъ своего слова, что погибъ плодъ десятилѣтнихъ вдохновенныхъ трудовъ, что навсегда исчезли созданные имъ образы, выступавшіе во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», первыя главы котораго онъ читалъ многимъ. Я самъ слышалъ четыре, а С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали семь главъ. И Улинька, и Тентетниковъ съ ихъ взаимною любовью, и генералъ Бетрищевъ, и Констанжогло, и братья Платоновы, и многіе другіе—всѣ погибли, и навсегда! Это ужасно, это невыносимо горько. Но теперь еще не время распространяться объ этомъ. Я обращаюсь къ статьямъ Гоголя, получившимъ теперь настоящій смыслъ, къ его *Предисловію* и *Завѣщанію*, напечатаннымъ въ книгѣ: „*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Если бъ Гоголь былъ живъ, я никогда бы не сталъ перечитывать этой книги, въ свое время не одинъ разъ прочитанной мною; но теперь слѣдовало это сдѣлать, и я прочелъ ее вновь. Поразили меня эти двѣ статьи. Больно и тяжело вспомнить неумѣренность порицаній, возбужденныхъ ими во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онѣ рано были напечатаны. Вѣроятно такое же дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые также, какъ и я, были недовольны этою книгою и особенно печатнымъ завѣщаніемъ живаго человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе. Гоголя, какъ человѣка, знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что̀ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что̀ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что̀ самъ говоритъ; однимъ словомъ, Гоголя не могли знать хорошо и потому могли усомниться въ задушевности, въ правдѣ многихъ словъ его последней книги. Но теперь, когда онъ смертью запечатлѣлъ искренность своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, кажется, наступило время дать полную вѣру его христіанской любви къ людямъ. Рѣчь идетъ не о томъ, ошибочны были или нѣтъ нѣкоторыя мысли и воззрѣнія Гоголя, рѣчь идетъ о правдѣ его смиренія, чистотѣ намѣреній, сердечности чувствованій и стремленія къ добру".

„Я убѣдительно прошу всѣхъ друзей и почитателей Гоголя обратить особенное вниманіе на слѣдующія его слова: «Завѣщаю по смерти

моей не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листахъ и журналахъ; все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что̀ нужно осудить, нежели того, что̀ заслуживаетъ хвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы. Передо мной никто не виноватъ; неблагороденъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною кого-либо въ какомъ бы то ни было отношеніи». Неужели теперь мы не повѣримъ въ искренность каждой буквы этихъ словъ? Чѣмъ можемъ мы достойнѣе почтить память усопшаго нашего друга, какъ не самымъ точнымъ исполненіемъ завѣщаннаго имъ желанія? Я знаю, нельзя ожидать общаго почтительнаго молчанія, хотя на короткое время. Вѣроятно, много будутъ писать и уже пишутъ теперь о Гоголѣ. Вѣроятно нѣкоторые, глубоко, болѣзненно огорченные смертію любимаго и чтимаго художника, станутъ такъ горячо хвалить его, что оскорбятъ самолюбіе многихъ; оскорбленные станутъ возражать съ большею неумѣренностью; охотно присоединится къ нимъ онѣмѣвшее предъ таинствомъ смерти, старинное недоброжелательство, и закипятъ надъ свѣжею могилой Гоголя новыя вражды, тогда какъ сердце его билось однимъ желаніемъ, чтобъ люди жили въ мирѣ и любви. Не будетъ ли это истиннымъ оскорбленіемъ памяти Гоголя, который никогда ни къ кому не питалъ неприязни, даже скоропреходящаго гнѣва? Эту истину могутъ засвидѣтельствовать не только всѣ друзья, но даже сколько-нибудь знакомые съ нимъ люди. Не заводить новыя ссоры слѣдуетъ надъ прахомъ Гоголя, а прекратить прежнія, страстями возбужденныя, несогласія, и въ этомъ искать утѣшенія въ нашемъ общемъ великомъ горѣ.

С. А.

Деревня.
1852 года, 6-го Марта".

Годъ спустя, Сергѣй Тимоѳеевичъ еще помянулъ своего безсмертнаго друга некрологическою замѣткой въ тѣхъ же Московскихъ Вѣдомостяхъ. Приводимъ и эту статью.

Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя.

„Вотъ и годъ прошелъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ Гоголя! 21-го Февраля 1853 года, въ память дня его кончины, много пролито теплыхъ слезъ и отслужено панихидъ. Гоголь былъ не только великій художникъ, но и вполнѣ вѣрующій христіанинъ. Гоголя нѣтъ на свѣтѣ—мы привыкли къ этимъ словамъ и къ горестному ихъ смыслу. Изумленіе прошло; но не прошла и никогда не пройдетъ скорбь, что уже нѣтъ между нами великаго писателя, отъ котораго мы еще такъ много ожидали въ буду-

щемъ. Въ продолженіе года, безпрестанно гдѣ нибудь писали о Гоголѣ. Писано было не по многу, но съ живымъ участіемъ; печатали иногда то, чего не слѣдовало, что̀ рано было печатать; но немало высказалось прекрасныхъ мыслей, вѣрныхъ взглядовъ и твердыхъ убѣжденій. Конечно никто не прочелъ безъ сочувствія и благодарности благородной статьи одного изъ жителей Курской губерніи, въ защиту Гоголя [1]). Печатанныя извѣстія и достовѣрные слухи пробѣжали по всей Россіи о тѣхъ немногихъ нравственныхъ сокровищахъ, которыя остались въ утѣшеніе намъ послѣ смерти Гоголя. Въ почтительномъ ожиданіи остаются всѣ, жаждущіе этой умственной пищи, извѣстной еще немногимъ. Между тѣмъ прежнія печатныя сочиненія Гоголя давно разошлись, и уцѣлѣвшіе экземпляры покупаются, какъ я слышалъ, за страшно дорогую цѣну. Ожиданіе всѣхъ обращено на его семейство, или на тѣхъ, кому поручены литературныя дѣла покойнаго. Въ сочиненіяхъ Гоголя чувствуется потребность, необходимость: иначе не стали бы платить 50 и 75 рублей серебромъ за тѣ четыре книжки, за которыя недавно платили и вѣроятно скоро будутъ платить по прежнему 25 рублей ассигнаціями.

Естественно было желаніе публики узнать біографію Гоголя, и также естественно было желаніе людей пишущихъ сообщить хотя нѣкоторыя біографическія извѣстія о немъ. Жаль, что, увлекаясь добрымъ чувствомъ, нарушая должное уваженіе къ предмету, столь важному и многозначительному, печатали иногда извѣстія ранновременныя (и потому лишенныя всякаго значенія), перемѣшанныя съ извѣстіями о модныхъ платьяхъ и катаньяхъ [2]). Неумѣстны также и неинтересны для публики странные споры о днѣ и годѣ рожденія Гоголя, когда такъ не трудно и положительно можно узнать эти числа отъ его матери. Еще менѣе интересны улики въ ошибкахъ, когда самъ исправляющій ихъ впадаетъ въ другія ошибки [3]): все это разрѣшить и поправить было легко непечатнымъ образомъ. Не заслуживаетъ вниманія недавно раздавшееся шипѣніе, вѣроятно, давно сдерживаемой непріязни или зависти, скрытое подъ формою повѣсти. Презрительнымъ равнодушіемъ наградитъ публика такія безсильныя и жалкія попытки. Но были статьи замѣчательныя по изложенію и содержанію. Первое почетное мѣсто между ними принадлежитъ статьѣ, напечатанной въ Апрѣльской книжкѣ „Отеч. Зап". прошедшаго года: „Нѣсколько словъ для біографіи Н. В. Гоголя". Она написана съ участіемъ, увлекательно, тепло и въ тоже время съ соблюденіемъ разумной мѣры теплоты; она

---

1) Москов. Вѣд. 1852 года.

2) „Москов. Вѣд." 1852 года.

3) „Отеч. Зап." № 2-й 1853 года.

составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для будущей пространной, полной біографіи Гоголя. Но ея время не близко. Біографія всякаго извѣстнаго и почему нибудь замѣчательнаго человѣка представляетъ много затрудненій; не только нельзя ее скоро напечатать по свѣжести отношеній покойнаго къ живымъ людямъ, но даже нельзя безпристрастно написать: ясности взгляда будетъ мѣшать близость предмета; надобно отойти отъ него, и чѣмъ предметъ выше, тѣмъ отойти надобно дальше. Я разумѣю біографію внутренней жизни, искреннюю и полную. Прекрасная статья, о которой я сейчасъ говорилъ, могла быть написана вполнѣ удовлетворительно, потому что время, ею изображенное, время дѣтства Гоголя, уже далеко, и потому что дѣтскій и юношескій возрасты не представляютъ препятствій и трудностей къ ихъ описанію, непремѣнно сопровождающихъ изображеніе жизни человѣка въ лѣтахъ зрѣлаго мужества. Біографія же Гоголя заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ борьбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, и какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло впрочемъ понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и повѣрить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣешь, хотя безпрестанно говоришь о немъ.

Для бо̀льшаго уясненія предмета, я позволяю себѣ повторить нѣкогда сказанное мною: Гоголя, какъ человѣка, знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроеніи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что̀ онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило отъ того, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него, мало думалъ о томъ, что̀ говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что̀ самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разные люди, знавшіе Гоголя въ разныя эпохи его жизни, могли сообщить о немъ другъ другу разныя извѣстія. Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ. Но Гоголь

шелъ постоянно впередъ; его христіанство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя—яснѣе, и судъ надъ самимъ собою—суровѣе. И такъ въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и тоже время, особенно до послѣдняго своего отъѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди, или по крайней мѣрѣ, которыя могли они понять. Такъ напримѣръ, съ однимъ пріятелемъ, и на словахъ, и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякій хохоталъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать вслухъ Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова (его переводы древнихъ); съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ, съ иными упорно молчалъ, и даже дремалъ, или притворялся спящимъ. Кто не слыхалъ самыхъ противуположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе - молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ; третьи — занятымъ исключительно духовными предметами. . . . Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели конечно знали его хорошо; но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и опредѣленіе Гоголя.

Итакъ, остается желать, чтобъ люди, бывшіе въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, записали для памяти исторію своего съ нимъ знакомства и включили въ свое простое описаніе всю свою съ нимъ переписку. Тогда эти письма, будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, освѣтили бы многія, до сихъ поръ неясныя для иныхъ стороны жизни Гоголя. Такіе-то, по истинѣ драгоцѣнные матеріалы въ соединеніи съ печатными сочиненіями Гоголя, съ тѣми, которыя будутъ напечатаны, и съ его письмами, дали бы возможность біографу достойнымъ образомъ исполнить свое важное и трудное дѣло. Гоголь велъ обширную переписку. Приблизительно можно сказать, судя по числу его писемъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, что число всѣхъ писемъ можетъ простираться до нѣсколькихъ сотенъ. Какое богатство! Гоголь выражается совершенно въ своихъ письмахъ; въ этомъ отношеніи они гораздо важнѣе его печатныхъ сочиненій. Какое наслажденіе для мыслящихъ читателей прослѣдить, разсмотрѣть въ подробности духовную жизнь великаго писателя и высоконравственнаго человѣка! Сколько борьбы въ примиреніи художника съ христіаниномъ, сколько подвиговъ послушанія и сколько ошибокъ, увлеченій зыбкаго человѣческаго ума, никогда однако же не помрачавшихъ чистоты душевной, открыла бы такая біографія! Сколько умилительнаго и поучи-

тельнаго нашли бы въ ней даже такіе читатели, которые чужды литературнаго направленія! Да исполнится когда нибудь это желаніе, безъ сомнѣнія, раздѣляемое многими, и да будетъ оправданъ и оцѣненъ Гоголь по достоинству, какъ художникъ и какъ человѣкъ.

«С. А—въ».

«1853 года, Марта 1-го дня. Деревня» *).

Усердно занявшись тѣмъ, о чемъ просилъ всѣхъ друзей Гоголя, Сергѣй Тимоѳеевичъ и былъ въ правѣ сказать о себѣ слова, приведенныя во *Вступленіи*:

„Я печатно предлагалъ всѣмъ друзьямъ и людямъ, коротко знавшимъ Гоголя, написать вполнѣ искренніе разсказы своего знакомства съ нимъ и такимъ образомъ оставить будущимъ біографамъ достовѣрные матеріалы для составленія полной и правдивой біографіи великаго писателя. Это была-бы, по моему мнѣнію, искренняя услуга исторіи Русской литературы и потомству. Не знаю, принято ли кѣмъ нибудь мое предложеніе, но *я почти исполнилъ свое намѣреніе*".

КОНЕЦЪ.

*) Моск. Вѣдом. 1853, № 35.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1890 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

Въ приложеніи:

давно уже доставленныя въ Гографическое Общество, а также извлеченія изъ хранящихся въ ученомъ его архивѣ матеріаловъ.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ" будетъ сверхъ того стараться объ устроеньи новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателямя во всѣхъ краяхъ Россіи, поддерживать и развивать общеніе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и пріобрѣтать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюденій и о вопросахъ ожидающихъ разрѣшенья, о выработкѣ наилучшихъ пріемовъ въ дѣлѣ записыванья и изученія особенностей языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, памятникокъ народной словесности, повѣрій, преданій, примѣтъ народнаго быта съ его обычнымъ правомъ, экономическимъ ростомъ или упадкомъ, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ со внѣшнею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ къ изящному, съ народными воззрѣньями религіозными, нравственными, общественными, государственными и международными. При этомъ „ЖИВАЯ СТАРИНА" будетъ удѣлять мѣсто и вниманье не только всѣмъ разновидностямъ Русскаго народа и цѣлаго Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ „ЖИВАЯ СТАРИНА" будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической гоографіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной съ ней Азіи. Въ Отдѣлѣ Критики и Библіографіи будутъ ведены особыми спеціалистами обзоры и указатели отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ Русскихъ и Славянскихъ, такъ и иностранныхъ, велико-британскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ Отдѣлѣ Вопросы и Отвѣты редакція дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ коимъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Редакторомъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ" будетъ всегда, независимо отъ перемѣны лицъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ В. И. Ламанскій. Сверхъ Помощника Предсѣдательствующаго проф. Н. И. Веселовскаго и Секретаря Отдѣленія Ѳ. М. Истомина, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. И. П. Минаевъ, прив.-доц. С. Ѳ. Ольденбургъ и А. Н. Пыпинъ. Въ числѣ сотрудниковъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ" можемъ назвать: Н. И. Андерсона, Ѳ. Д. Батюшкова, проф. В. В. Богишича, И. М. Болдакова, Ѳ. Ѳ. Брауна, проф. А. С. Будиловича, Н. В. Волкова, проф В. П. Васильева, А. К. Васильева, проф. С. М. Георгіевскаго, проф. К. Я. Грота, проф. М. С. Дринова, проф. И. Н. Жданова, проф. К. Г. Залемана, проф. В. А. Жуковскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. И. Кудряшева, Д. Н. Кудрявскаго, прив.-доц. О. Е. Лемма, прив.-доц. Н. Я. Марра, проф. Э. Ю. Петри. проф. А. М. Позднѣва. И. Н. Половинкина, проф. А. И. Пономарева проф. А. И. Соболевскаго, проф. В. Д. Смирнова, проф. И. Н. Смирнова, В. В. Стасова, прив.-доц. П. А. Сырку, проф. Ѳ. И. Успенскаго, проф. Д. А. Хвольсона и мн. др.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться до 1-го Сентября къ редактору (Владимиру Ивановичу Ламанскому) въ Новгородской губ., гор. Боровичи, а съ 1 Сентября въ С.-Петербургъ (въ Императорское Русское Географическое Общество).

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. **В. Ламанскій.**

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1891 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ Петербургѣ, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ дня.

Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по Четвергамъ отъ 9 до 12 ч. утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ П. Бартеневъ.